

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 022 397 020

MS
P Slav 460.5 ($\frac{1894}{10-12}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

4
2
x
1

Годъ III-й.

№ 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

О К Т Я Б Р Ъ

1894 г.

Handwritten notes and stamps, including '1894' and '№ 10'.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

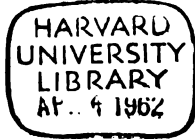
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

1748
2617

0
PSlav 460.5 ($\frac{1894}{10-12}$)

✓

6272

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го сентября 1894 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. СТЕПАНЪ ЕЖИКЪ. (Разсказъ). (Окончаніе). Ивановича.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ОРМУЗДЪ И АРИМАНЪ. М. А. Бенетовой.	20
3. НАЧАЛО И РАЗВИТІЕ РУССКОЙ КРИТИКИ. В. Г. Бѣлинскій. (Окончаніе). А. Скабичевскаго.	21
4. РОДИНА. Романъ Тернефельда. Переводъ съ финскаго проф. П. О. Моро- зова. (Продолженіе).	46
5. ВЪ СТРАНѢ ГЛИНЫ И ПЕСКУ. (Путевые очерки). (Окончаніе). Проф. А. Никольскаго.	66
6. ВОСПОМИНАНІЯ О ВОИНѢ. Разсказъ баронессы Сутнеръ. Пер. М. Д—вой.	94
7. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНЪ ТАРСКАГО ОКРУГА, ТОВАЛЬСКОЙ ГУБ. (Окончаніе). С. Кривенно.	101
~~8. БЕЗЪ НАЗВАНІЯ. Романъ. (Окончаніе) Д. Машина-Сибиряка. . . . .~~	~~115~~
9. I. ИДЕАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.—II. НОВЫЯ ЛИЦА, СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ. Эд- монда де-Амичиса. Пер. М. Ватсонъ.	136
10. НАБАНУНЪ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРОПОВѢДИ. Историческій этюдъ. Г. Ломшеля.	168
11. КУНО ФИШЕРЪ. АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ. Переводъ съ нѣмецкаго.	178
12. НАУЧНАЯ И ПРОФЕССОРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И. П. БОРОДИНА. (Во дню двадцатипятилѣтняго юбилея). Н. К.	183
13. НОВЫЯ КНИГИ: Вернеръ фонъ-Сименсъ. Мои воспоминанія, перев. съ нѣмецкаго.—Ч. В. Бойсъ. Мыльные пузыри. Четыре лекціи о волосности. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Б. П. Вейнберга.—Арабелла Беклей. Бесѣды съ дѣтьми о природѣ. Переводъ съ англійскаго Д. А. Корооческаго.—В. П. Вахтеровъ. 1) Всеобщее начальное обученіе. 2) Книжные склады въ провинціи	190
14. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	201
15. СМѢСЬ. Изъ русской жизни: Вопросы русской общественной жизни.— Американскіе приемы у русскихъ помѣщиковъ.—Сарапульское Общество трезвости.—Безпорядки въ Святыхъ Горахъ.—Переселенческіе поселки на Амурѣ.—Интеллигентные офени. Изъ иностранной жизни: Сове- ременныя женщины-писательницы въ Англіи.—Англійскій журналистъ—о женскомъ образованіи.—Международный конгрессъ мира.—Пріютъ для сиротъ во Франціи.—Германскія народныя школы.—Университет- ское движеніе въ Швеціи.—Народныя бібліотеки въ Берлинѣ.—Австра- лія и Америка.—Оригинальная газета.—Корейская война	206
16. ИЗЪ МІРА НАУКЪ. Возрожденіе памяти.—Исчезающіе виды живот- ныхъ.—Германъ фонъ-Гельмгольцъ	239
17. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) РОМАНЪ М-РА ГИЛЬФИЛЯ. Повѣсть Джоржъ Эллиотъ. Переводъ съ англійскаго. С. Майновой	17
2) НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ. Съ нѣмецкаго по Бошелю, Ней- майру и друг. подъ редакц. В. Агафонова.	293
18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

СТЕПАНЪ ЕЖИКЪ.

РАЗСКАЗЪ*).

Онъ попробовалъ пустить въ ходъ другое средство.

Каждый день онъ сталъ говорить при сынѣ, что Ежикъ дурной человекъ: это — лукавый тихоня, который поддѣляется къ мальчику изъ-за выгоды. Онъ и не думаетъ его любить, да и не можетъ, потому что онъ хамъ, а хамы любви не понимаютъ. Это грубое рабочее животное, плуть и больше ничего.

Но такія слова производили на Володю совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого желалъ отецъ. Мальчикъ вѣрилъ своему сердцу, а не этимъ разговорамъ. Сердце же говорило ему, что Ежикъ его любитъ, и это было такъ сладко для мальчика, который до тѣхъ поръ не находилъ отвѣта на голосъ своего сердца, жаждавшаго ласки.

Ему было только неприятно, что его милаго Степана бранятъ, и совершенно несправедливо. Боясь отца, онъ только враждебно, изподлобья взглядывалъ на отца и молчалъ, но разъ онъ не выдержалъ, позабылъ объ осторожности и сказалъ:

— Нѣтъ, папа, Степанъ очень хорошій.

Поручикъ побагровѣлъ. Захлебываясь отъ гнѣва, онъ закричалъ:

— Ахъ ты, дерзкій щенокъ!.. Какъ ты смѣешь возражать отцу?.. Я тебя выпорю, негодный мальчишка.

— Это еще что такое?—вступилась жена,—что онъ сдѣлалъ дурного? И я скажу, что Степанъ хорошій: ни копѣйки нивогда не украдетъ и не лѣнтый.

Володя, поблѣднѣвшій отъ угрозы розгами, съ безмолвной благодарностью прижался къ матери.

---

*) См. «Миръ Божій», № 9, сентябрь.

«Миръ вождій», № 10, октябрь.

— Я вижу, что всё противъ меня!.. Вы меня умирить хотите... — произнесъ поручикъ глухимъ голосомъ и, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ столкновений съ женой, ушелъ въ свою комнату.

Но онъ продолжалъ злиться и думать о томъ же. Однако, ничего, кромѣ розогъ, онъ не могъ придумать для искорененія въ сынѣ преступной любви къ деньщику и возбужденія законной любви къ отцу.

— Это мой священный долгъ... Мало ли что жена... Она не понимаетъ... Я—отецъ, я долженъ!.. Завтра же...

Но онъ отлично зналъ, что жена не позволитъ ему высѣчь Володю и остановился въ недоумѣніи.

Вдругъ на его лицѣ появилась улыбка радости. У хищнаго звѣря, увидѣвшаго возможность схватить давно не дававшуюся добычу, бываетъ въ глазахъ такая же радость.

Ему показалось съ поразительной ясностью, что розги сослужать ему двойную службу. Они выразятъ отцовскую любовь и, въ то же время, заставятъ мальчика почувствовать, что Ежикъ его не любитъ. Вѣдь, онъ самъ высѣчетъ своего любимца.

Поручикъ не замѣчалъ противорѣчія въ этихъ мысляхъ; онъ былъ только радъ, что нашелъ, наконецъ, вѣрное средство разбить любовь мальчика къ Степану. И эта злая мысль, родившаяся въ темной области его духовнаго міра, такъ возбуждала поручика, что онъ, потирая себѣ руки, быстро прошелся по комнатѣ, какъ человѣкъ, нашедшій разрѣшеніе давно мучившей его загадки.

Онъ рѣшилъ ждать случая, когда мальчикъ въ чемъ-нибудь провинится, и тогда онъ его высѣчетъ, и, разумѣется, въ отсутствіе жены, такъ какъ при ней это невозможно.

ХІІІ.

Однажды вечеромъ, когда поручица ушла въ магазинъ „выбрать себѣ на платье“, а мужъ ея только что всталъ послѣ тяжелаго послѣобѣденнаго сна, въ столовой раздался шумъ чего-то тяжелаго, упавшаго на полъ, звонъ разбившагося стекла и дѣтскій плачь. Поручикъ вышелъ въ столовую узнать, въ чемъ дѣло. На полу валялись осколки разбитыхъ чашекъ и стакановъ. А посреди комнаты стоялъ Володя и плакалъ: онъ хотѣлъ достать съ верхней полки шкапа какую-то вещь, всталъ на стулъ, но поскользнулся и поле-

тѣлъ на полъ, увлекая за собой задѣтые рукою чашки и стаканы. Онъ плакалъ отъ боли и отъ страха.

— А... ты опять!..—раздался голосъ отца,—я тебѣ покажу, что значить посуду бить.

Онъ пошелъ въ кухню и, не найдя тамъ Ежика, вышелъ на крыльцо и крикнулъ:

— Степанъ!

Ежикъ былъ въ огородѣ; сидя на корточкахъ возлѣ гряды, онъ выдергивалъ сорную траву и любовался сильнымъ ростомъ огуречныхъ плетей; онъ ожидалъ Володю, который побѣжалъ за ножницами, чтобы срѣзывать траву. Услышавъ голосъ поручика, Ежикъ побѣжалъ въ комнату. Онъ увидѣлъ Володю, стоявшаго въ углу; по лицу его бѣжали слезы. Отецъ его съ гнѣвнымъ лицомъ ходилъ изъ угла въ уголъ. Ежикъ бросился къ своему любимцу.

— Что съ вами? Не ушиблись ли вы?

Мальчикъ всхлипывалъ, не говоря ни слова.

— Эй, ты... Я, кажется, тебя позвалъ...—произнесъ поручикъ.

— Что прикажете, ваше благородіе? — сказалъ Ежикъ, вытянувшись во фронтъ.

— Розогъ... Выпори этого негодяя!

Мальчикъ затрясся всѣмъ тѣломъ и зарыдалъ. Ежикъ не трогался съ мѣста. На лицѣ его явилась твердая рѣшимость защитить своего любимца во что бы то ни стало.

— Ну, чего же ты, какъ пень, стоишь?.. Розогъ!..

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе.

Поручикъ остановился и въ изумленіи вытаращилъ глаза: онъ не вѣрилъ тому, что слышалъ, такая случайность совершенно не входила въ его планъ. Ему показалось, что передъ нимъ не смиренный безгласный Ежикъ, а какой-то другой... И голосъ не его, и глядитъ иначе.

— Вотъ что-о!—протянулъ онъ съ какимъ-то шипѣніемъ, и разразился ругательствами.—Я тебѣ приказываю!—закричалъ онъ, топнувъ ногой.—Будешь ты слушаться, или нѣтъ?!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе.

— Если ты... сію минуту... да я запорю тебя самого.

— Какъ вамъ угодно, а за барчука постою: Какъ можно, чтобы сѣчь!.. ребенковъ ушибся, пожалѣть надо...

— Мерзавецъ!.. Да ты очумѣлъ, что ли?.. Съ вѣмъ ты говоришь? Съ начальникомъ или нѣтъ?.. Дисциплину забыть!..

Я тебя подь судь!.. въ каторгу уйдешь... Чтобы духа твоего не было здѣсь... Въ карцеръ сію минуту!..

Ежикъ взглянулъ на Володю, не спускавшаго съ него глазъ, повернулся и пошелъ въ двери.

— Степанъ, милый!—закричалъ мальчикъ, и бросился къ нему.

Отецъ схватилъ его за руку и грубо отдернулъ.

— Стой въ углу!

Онъ пошелъ въ свою комнату, взбѣшенный неожиданной неудачей: онъ самъ доставилъ мальчику случай убѣдиться, какъ любить его Ежикъ, но онъ, все-таки, достигъ цѣли—ненавистнаго Ежика не будетъ въ его квартирѣ, что бы ни говорила жена: онъ нарушилъ дисциплину, не исполнилъ приказанія начальника и долженъ быть наказанъ.

Поручикъ сталъ писать рапортъ о томъ, что „сего числа“ деньщикъ Степанъ Ежикъ оказалъ ему неслыханное неуваженіе, отказался исполнить его приказаніе и осмѣлился сказать дерзости, а потому, для поддержанія дисциплины, онъ просилъ предать его суду. Ежикъ представлялся ему неслыханно дерзкимъ, какимъ-то злодѣемъ, осмѣлившимся идти противъ отцовскихъ правъ. Онъ торопился сдѣлать злое дѣло, ему и мысли не приходило о томъ, что онъ ложъ пишетъ, говоря о дерзостяхъ. Слова „пожалѣть надо, а не сѣчь“ казались ему неслыханной дерзостью. Онъ самъ пошелъ въ адъютанту съ своимъ рапортомъ и встрѣтилъ его на улицѣ съ портфелемъ подь мышкой.

— Къ полковнику?

— Да... съ докладомъ.

— Такъ вотъ, возьмите и это... Просто, чортъ знаетъ, что дѣлается.

Адъютантъ пробѣжалъ рапортъ.

— Это Ежикъ вамъ нагрубилъ? Вотъ никакъ не сказалъ бы, что онъ на это способенъ.

— Такая скотина, что не дай Богъ.

Адъютантъ вложилъ рапортъ въ портфель, а поручикъ пошелъ домой. Онъ чувствовалъ удовлетвореніе: онъ отместилъ человѣку, который, по его мнѣнію, отнял у него любовь сына. Онъ считалъ это своимъ правомъ и, въ то же время, онъ исполнилъ долгъ—дисциплина выше всего, и негодяй, нарушающій ее, долженъ быть строго наказанъ.

XIV.

Поручица вернулась черезъ полчаса послѣ того, какъ мужъ подалъ рапортъ, и, входя на крыльцо, крикнула:

— Степанъ!

Обыкновенно послѣ этого окрика изъ кухни, со двора, или изъ огорода раздавался откликъ „иду“, а затѣмъ и самъ Ежievъ являлся съ вопросомъ:

— Что прикажете, барыня?

На этотъ разъ отвѣта не было. Поручица еще нѣсколько разъ позвала Степана, и подумала: „Что это значить? Куда онъ запропастился?“

Она вошла въ огородъ. У гряды лежала мотыга и желѣзная лопата. Это тоже ее удивило. Ежievъ, окончивъ работу, никогда не оставлялъ вещей, онъ берегъ хозяйское добро. Вдругъ изъ-за куста черной смородины, разросшейся у забора, раздался дѣтскій плачь.

— Да, вѣдь, это Володя!

Дѣйствительно, перепуганный мальчикъ спрятался подъ кустомъ и плакалъ.

— Володя, что случилось? Гдѣ Степанъ?

— Нѣтъ его! Мама, мама, онъ меня не захотѣлъ сѣчь... Папа его прогналъ за это!

— Ахъ, Боже мой! Завтра стирка!

Гнѣвная она пошла въ комнату мужа.

— Ты съ ума, что ли, сошелъ?—начала она,—сію минуту, чтобы Степанъ былъ здѣсь!

— Не будетъ...—глухо отвѣтилъ поручикъ.

— Это еще что такое? Да ты дѣйствительно съ ума спятилъ!

Для поручицы было новостью, что мужъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на ея требованіе, и ей казалось, что это невозможно безъ поврежденія его умственныхъ способностей. И самъ поручикъ, повидимому, сознавалъ, что онъ сдѣлалъ важное нарушеніе супружеской дисциплины; онъ избѣгалъ взглядовъ жены, отошелъ отъ нея подальше, но, все-таки, повторилъ:

— Это невозможно... Я его не могу вернуть.

— Какъ это не можешь?

— Ты этого не понимаешь... Дисциплина прежде всего... Онъ не исполнилъ моего приказанія.

— Скажите пожалуйста, дисциплина... Самъ нагнулъ—

и дисциплина. Знать я ничего не хочу! Слышишь, я тебѣ ясно говорю, что Степанъ нуженъ мнѣ сію минуту.

— Нельзя. Я ужъ рапортъ подалъ, чтобы его подь судъ.

— Бѣги сію минуту и возьми свой дурацкій рапортъ.

— Да ужъ адъютантъ, вѣроятно, доложилъ рапортъ полковнику.

— Я тебѣ говорю, бѣги сію минуту.

Поручикъ, побуждаемый ея гнѣвнымъ крикомъ, схватилъ свою фуражку и пошелъ къ адъютанту. На улицѣ страхъ передъ женой уступилъ мѣсто ненависти къ Ежику.

— Какъ!.. Чтобы онъ опять былъ въ моей квартирѣ. Онъ меня оскорбилъ, отнял сына. Нѣтъ, этого не будетъ!

Онъ рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не брать назадъ рапорта.

— Но что я скажу женѣ?

Съ борьбой страха передъ женой и ненависти къ Степану пришелъ онъ къ адъютанту. Рапортъ былъ уже доложенъ командиру полка и на немъ уже была резолюція произвести дознаніе. Поручикъ былъ очень доволенъ этимъ. Попросивъ адъютанта сейчасъ же прислать какого-нибудь новаго денщика, онъ пошелъ домой.

— Я хотѣлъ угодить тебѣ, — сказалъ онъ женѣ, — но уже поздно.

— Ничего знать не хочу! — закричала поручица.

— Но пойми же ты, что полковникъ резолюцію положилъ.

— Иди къ полковнику и возьми рапортъ.

— Какъ же это! Онъ скажетъ, что я дурака разыгралъ.

— Онъ и безъ того знаетъ, что ты — дуракъ.

Поручикъ не возразилъ на это и только тихо проговорилъ:

— Къ полковнику я не пойду.

Онъ боялся полковника не меньше жены, и при встрѣчѣ съ нимъ чувствовалъ иногда невольную дрожь.

— Ну, такъ я сама пойду къ полковнику!

Она схватила шляпку, надѣла ее, стала глядѣться въ зеркало, но вдругъ отказалась отъ своего намѣренія. Она сообразила, что полковнику надо рассказать, въ чемъ дѣло. Всѣ знаютъ, что мужъ говоритъ ей „душа моя“, а она ему „мой другъ“, и вдругъ она жалуется на мужа, она должна рассказать, какъ онъ жестокъ, хотѣлъ высѣчь ребенка за то, что онъ разбилъ 2 чашки и стаканъ. Это, вѣдь, скандалъ! Маіорша будетъ злословить на весь городъ. Нѣтъ, это невозможно.

Она сняла шляпку и долго изливала на мужа свою злобу за то, что онъ лишилъ ее такого слуги, какъ Степанъ.

— Гдѣ ты найдешь такого? Пришлютъ изъ роты какого-нибудь остолопа, вродѣ Григорія, что былъ передъ Степаномъ. Вотъ твоя любовь къ женѣ! Да, я дура была, что за тебя вышла. Для тебя жена ничего не значить. Это тебѣ не пройдетъ даромъ.

— Ну, полно, душа моя, ну, прости меня,—заговорилъ поручикъ, ужаснувшись ея угрозъ.

— Душа моя!—передразнила его.—Какая я тебѣ душа? Съ душой такъ не поступаютъ. Мученица я!

Она сѣла на диванъ и начала истерически всхлипывать.

— Ты уморишь меня... ты—звѣрь... извергъ.

Дальнѣйшему развитію этой семейной сцены помѣшало топанье ногъ за дверью.

Поручица перестала всхлипывать, а мужъ отворилъ дверь и крикнулъ:

— Кто тутъ?

— Я, ваше благородіе,—гаркнулъ высочій, широколицый солдатъ,—фельдфебель прислалъ къ вашей милости.

— А, Леночка, вотъ тебѣ и деньщикъ. Эй, ты, войди сюда!

Солдатъ шагнулъ въ комнату, остановился какъ вкопанный и выпучилъ глаза.

— Какъ зовутъ?

— Митрофанъ Гончаръ, ваше благородіе!

— А знаешь, что такое дисциплина?

— Знаю, ваше благородіе, — слѣпо повиноваться начальнику.

— Смотри!... Помни это.

— Радъ стараться, ваше благородіе!—крикнулъ Гончаръ, какъ будто онъ былъ не въ комнатѣ, а на учебномъ плацу.

— Иди, поставь самоваръ,—приказала поручица.

Мужъ ея ушелъ къ себѣ, довольный тѣмъ, что приходъ новаго деньщика сократилъ заслуженную головомошку.

— Жена погнѣвается еще... я ей не буду перечить, и все уладится,—подумалъ онъ.

XV.

На другой день поручица все утро была не въ духѣ. Новый деньщикъ не умѣлъ даже поставить самовара. Онъ брался за все съ охотой и старался угодить, но схватывалъ

вещи такъ крѣпко, что имъ грозила опасность разрушенія. Онъ вытиралъ миску съ такимъ усердіемъ, что раздавилъ ее. Поручица приказала ему выполоть гряду съ морковью, но когда пришла посмотреть, какъ идетъ работа, то на половинѣ гряды не было не только сорной травы, но и моркови.

— Чисто, ваше благородіе, — сказалъ Гончаръ, глуповато улыбаясь.

— Вонъ изъ огорода!.. Дуравъ! — закричала поручица.

Гончаръ повиновался, недоумѣвая, почему его бранятъ, когда онъ рассчитывалъ на похвалу.

Когда поручикъ пришелъ со службы, жена обрушилась на него потокомъ укоровъ и брани.

Все сводилось къ тому, что онъ ея совсѣмъ не любитъ, если рѣшился отнять такого слугу, какъ Ежикъ; съ нимъ она была покойна, жила, какъ барыня, ей нужно было только приказать, а теперь она должна быть вухаркой, прачкой, горничной. Это какой-то медвѣдь, который все перебьетъ, переломаетъ.

— Можно будетъ другого взять, — замѣтилъ мужъ.

— Такого, какъ Степанъ, не найдешь... Ты доказалъ мнѣ, что меня не любишь! И я тебѣ этого не прощу!

Въ злобномъ настроеніи другъ противъ друга супруги сѣли обѣдать.

— А гдѣ же Володя?

— Не могу знать, ваше благородіе! — гаркнулъ Гончаръ, стоявшій у двери.

— Иди, покричи на дворѣ. Вѣрно, онъ въ огородѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Гончаръ вернулся и доложилъ:

— Ихъ нѣтъ въ огородѣ, ваше благородіе.

— Вотъ что значитъ твое звѣрство! — воскликнула мать, — онъ убѣжалъ отъ тебя. Иди, разыщи его, гдѣ хочешь! И не ворочайся одинъ. Я тебя въ дверь не пущу!

— Это все твое воспитаніе, — возразилъ мужъ, — ты выпустила ребенка. Какая же ты послѣ этого мать?.. Нѣтъ, теперь я самъ возьмусь за его воспитаніе.

Онъ всталъ изъ-за стола и велѣлъ Гончару идти вмѣстѣ съ нимъ.

Онъ подумалъ, что Володя убѣжалъ искать Степана, и поэтому отправился въ казармы. По разспросамъ оказалось, что никакого мальчика тамъ не видали.

Но поручикъ не ошибся въ своемъ предположеніи.

Мальчикъ затосковалъ о своемъ другѣ и побѣждалъ его

отыскивать, ему такъ хотѣлось увидать его, прижаться къ нему, услышать ласковый голосъ. Но онъ почему-то рѣшилъ, что Ежикъ долженъ быть въ острогѣ, и пошелъ къ полю. Онъ зналъ, гдѣ острогъ, потому что не разъ проходилъ мимо него съ Ежиномъ, когда они отправлялись на прогулку.

Дойдя до острога, мальчикъ не зналъ, что ему дѣлать.

Подойти къ офицеру, который прохаживался по плац-формѣ, онъ не рѣшилъ, — у него былъ сердитый видъ, какъ у отца. И Володя прошелъ мимо осторожныхъ воротъ, гдѣ была будка и ходилъ часовой, и повернулъ вдоль другой стѣны, не имѣвшей воротъ. За ней въ окнахъ съ рѣшетками были видны арестанты съ блѣдными, желтоватыми лицами.

— Степанъ!.. Степанъ! — закричалъ Володя и жадно прислушивался, не откликнется ли милый голосъ.

Ни въ одномъ окнѣ не показалось лица Степана. Мальчикъ покричалъ еще нѣсколько разъ и заплакалъ.

Онъ не зналъ, куда ему идти. Вернуться домой онъ боялся. Отецъ разсердится и высѣчетъ. И онъ тихонько побрелъ въ лѣсокъ, начинавшійся недалеко отъ острога. Но когда онъ вошелъ въ него, и кругомъ зашумѣли шершавые листья орѣшника, и затрепетала осина, ему стало страшно. Съ Степаномъ онъ не боялся даже и большого лѣса, что зарѣкой, а теперь его пугалъ шепотъ деревьевъ. Ему казалось, что сейчасъ изъ-за кустовъ выйдетъ разбойникъ въ красной рубашкѣ съ ножомъ въ рукахъ, или змѣя подниметъ голову изъ травы и ужалитъ его. И Володя не пошелъ въ лѣсъ, а сѣлъ на его опушкѣ.

Между тѣмъ поручикъ и Гончаръ напали на слѣдъ маленькаго бѣглеца. Торговка калачница видѣла, что онъ шелъ по Осторожной улицѣ. Караульный офицеръ сказалъ, что мальчикъ только что прошелъ мимо острога и повернулъ въ поле.

И вдругъ Володя увидѣлъ отца.

Онъ вскочилъ и бросился въ страшный для него лѣсъ. Онъ уже не боялся змѣи и разбойниковъ, не обращалъ вниманія на угрожающій шепотъ осины и орѣшника. Онъ пробирался между кустами; вѣтки зацѣплялись за его платье, царапали по лицу; перепуганный мальчикъ не замѣчалъ этого; онъ думалъ только о томъ, какъ бы уйти подальше, въ такую глушь, гдѣ его никто не найдетъ. Но отецъ замѣтилъ его въ ту минуту, когда онъ вскочилъ, чтобы бѣжать.

И вотъ Володя услышалъ за собой трескъ ломаемыхъ бу-

стовъ и чьи-то тяжелые шаги; кто-то пробирается прямо въ нему. Мальчикъ забился подъ кустъ и оцѣпенѣлъ отъ страха. Вдругъ кто-то крѣпко схватилъ его за руку, такъ что ему больно стало, и среди шепота деревьевъ раздался страшный голосъ:

— Такъ вотъ ты гдѣ, негодяй!.. Бѣгать!.. Я тебѣ покажу!.. Эй, ты, наломай розогъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

Чьи-то грубые руки схватили мальчика. Онъ отчаянно закричалъ и метался, какъ пойманный звѣрекъ.

— Я тебѣ покажу, какъ бѣгать отъ родителей!

Вдругъ мальчикъ затихъ, только все тѣло его конвульсивно вздрагивало.

— Довольно,—сказалъ поручикъ, испугавшись.

Черезъ нѣсколько минутъ Володя очнулся.

— Веди его,—приказалъ поручикъ Гончару,—да смотри, не выпускай.

Но мальчикъ не сопротивлялся, когда Гончаръ взялъ его за руку; онъ какъ-то притихъ, даже не плакалъ, точно послѣ случившагося ему стало все равно, что съ нимъ ни сдѣлаютъ.

Къ вечеру у него сдѣлался сильный жаръ. Мальчикъ метался въ постели и бредилъ: онъ звалъ Степана на помощь.

Мать пригласила полкового доктора.

Онъ осмотрѣлъ его и покачалъ головой.

— Что съ нимъ такое, докторъ?—спросила мать.

— Нервное потрясеніе отъ розогъ.

— Какъ, отъ розогъ?!

— Да, онъ высѣченъ, и очень сильно.

Поручикъ не сказалъ объ этомъ женѣ, когда привелъ Володю.

— Ты его высѣкъ?—накинулась она на мужа послѣ ухода доктора.

— Разумѣется. Это было необходимо.

— Извергъ!.. Убійца!.. Онъ умретъ!..

— Не безпокойся, не умретъ... Я ему добро сдѣлалъ...

Онъ этого во всю жизнь не забудетъ.

Поручикъ не ошибся. Володя черезъ нѣсколько дней оправился; но въ его чувствѣ къ отцу произошла рѣзкая перемѣна: прежде онъ боялся и не любилъ отца, а теперь въ дѣтскомъ сердцѣ была уже ненависть. Володя рѣшительно отказался здороваться съ отцомъ и цѣловать его руку.

Поручикъ пригрозилъ розгами, но мать заступилась:

— Если ты хоть разъ это сдѣлаешь, я уйду отъ тебя, — сказала она.

Это спасло мальчика отъ эзекуцій.

XVI.

Когда Ежикъ пришелъ въ карцеръ, и дверь за нимъ хлопнулась, его охватило полное отчаяніе. Онъ всёмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что жизнь его кончилась, хотя сердце тревожно билось, и мучительныя мысли угнетали его мозгъ.

Контрастъ только что закончившагося прошлаго и будущаго былъ слишкомъ рѣзокъ. Это будущее представлялось Ежику столь мрачнымъ, что онъ не видѣлъ въ немъ даже и такихъ скудныхъ лучей свѣта, какіе проникали въ карцеръ сквозъ дверныя щелочки. Прошедшее живыми картинами выступало предъ Ежигомъ, когда онъ думалъ о будущемъ, и отъ этого послѣднее дѣлалось еще чернѣе и грознѣе, какъ туча, когда противъ нея еще сіяетъ солнышко.

Онъ видѣлъ кухню, въ которой еще сегодня хозяйничалъ, и уютный уголъ за печкой, гдѣ стояла его кровать. Ему казалось, что онъ еще слышитъ скрипъ двери, послѣ котораго въ кухню дѣлалось какъ будто свѣтлѣе отъ бѣлокурой головки мальчика съ ясными, улыбающимися глазками. Онъ приходилъ повертѣться около Ежика, спросить, что будетъ за обѣдомъ, поговорить насчетъ прогулки послѣ обѣда.

Вспомнилось Ежику, какъ иногда Володя стремительно подбѣгалъ къ нему съ сжатымъ кулачкомъ и говорилъ:

— А я тебѣ что-то принесъ... И ты не угадаешь. Открой ротъ и зажмурь глаза.

И Ежикъ повиновался, улыбаясь отъ счастья, а Володя, звонко смѣясь, клалъ ему въ ротъ конфетку.

Бумажку отъ нея съ картиночкой Ежикъ пряталъ, какъ драгоценность, въ свой сундукъ, стоявшій подъ кроватью. Лежало тамъ и красное яичко, которымъ Володя похристовался съ нимъ въ Свѣтлый праздникъ.

И все это счастье пропало безвозвратно. Люди заглянуть въ его сундукъ съ дорогами для его сердца вещами и будутъ смѣяться.

Глубокимъ стономъ вырывались его мысли.

Потомъ представлялся Ежику огорокъ, въ которомъ онъ работалъ до той минуты, когда пришла бѣда. Сильно цвѣли бобы и горохъ; красныя маки повачивались отъ вѣтерка; арбузы

и дыни пустили длинныя плети. Пропалывая гряду, Ежикъ думаль, что для Володи много будетъ бобовъ и сахарнаго гороха. Въ ближней церкви начали звонить въ вечернѣ въ будничнй колоколь. Ежикъ съ удовольствіемъ прислушивался къ каждому удару, — они напоминали ему Кузнечиху, гдѣ въ церкви такой же маленькій колоколь, и сторожъ звонилъ такими же рѣдкими ударами.

И вдругъ сердитый крикъ:

— Степанъ!

Ежикъ побѣжалъ на этотъ зовъ, не чуя бѣды. Онъ думаль, что сдѣлаеть, что баринъ прикажетъ, и опять въ огордъ, и Володя будетъ возлѣ него...

Вспомнилось Ежику лицо мальчика, когда онъ стоялъ, прижавшись въ уголь, и плакалъ, и потомъ его крикъ: „Степанъ, милый!..“

— Господи, неужели я нивогда его не увижу?

И Ежикъ самъ себѣ отвѣтилъ;

— Нивогда. Развѣ его пустать ко мнѣ?.. Онъ прибѣжалъ бы меня провѣдать, да не позволять ему.

Ежику стало такъ горько отъ этой мысли, что глаза его наполнились слезами.

Потомъ онъ думаль, что ему будетъ за то, что не исполнилъ приязанія начальника. Въ той тѣмѣ, въ которой являлось для него будущее, ему представилась Сибирь съ снѣжными сугробами, вандалы... подземная работа въ рудникахъ.

„А можетъ быть и разстрѣляютъ для примѣра, — подумаль онъ, — что же... все равно помирать“.

Ему и мысли не приходило о томъ, что дѣло его вовсе не такъ страшно: судъ можетъ и оправдать, когда узнаеть, почему онъ не исполнилъ приязанія поручика, а если и обвинить, то не очень строго.

Отчаяніе охватывало сердце Ежика.

Стукнула отворившаяся заслонка двернаго окошечка, и въ немъ появилось лицо фельдфебеля Сидорова.

— Ты тутъ, Ежикъ?

— Такъ точно, Макаръ Савельичъ.

— Что ты это натворилъ, ежова голова?

Ежикъ молчалъ.

— Отъ фронта отбился. Мѣсто, вакого ты хотѣлъ, я тебѣ предоставилъ... А ты поручику грубіянить вздумаль.

— Не грубіянилъ я, Макаръ Савельичъ.

— Какъ же такъ?.. Онъ рапортъ на тебя подалъ.

— Приказалъ онъ мнѣ, Макаръ Савельичъ, чтобы я, значить, его сына высѣлъ.

— Ну?

— А я сказалъ: никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе.

— Ну, вотъ видишь... ослушался начальника.

— Макаръ Савельичъ, да я за этого мальчишка помереть готовъ... Какъ же я могу его высѣчь.

— Мало ли что... Коли начальникъ привазываетъ, все долженъ исполнять.

— А вы бы высѣли, коли бы онъ вамъ все равно, какъ сынъ родной?

— Загубилъ ты себя, Ежикъ,—сказалъ фельдфебель вмѣсто отвѣта.—Ну, прощай.

— Прощайте, Макаръ Савельичъ.

Окошечко захлопнулось, и Ежикъ остался въ темнотѣ съ прежнею тоской и гнетущими мрачными думами.

XVII.

Дѣло Ежика пошло обычнымъ порядкомъ. По рапорту поручика Трегубова, не слѣша, производилось разслѣдованіе.

Поступокъ Ежика оказывался вовсе не того характера, какой былъ сообщенъ ему въ рапортѣ. Вмѣсто „дерзкаго солдата, отказавшагося исполнить приказаніе начальника и нанесшаго ему оскорбленіе“, являлся добрый, сердечный человекъ, который не могъ высѣчь своего любимца по приказанію жестокаго отца; вмѣсто дерзостей, которыми онъ, будто бы, оскорбилъ офицера, оказывалось только: „никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе“.

Добрый фельдфебель, какъ только узналъ, что дѣло Ежика идетъ хорошо, зашелъ къ нему сообщить эту новость.

— Слушай ты, ежова голова,—сказалъ онъ,—ничего тебѣ такого не будетъ... самое большое въ разрядъ штрафованныхъ попадешь, а можетъ, и совсѣмъ не накажутъ... сидѣнье въ карцерѣ въ зачетъ возьмутъ.

Ежикъ безучастно посмотрѣлъ на Сидорова, какъ будто дѣло не его касалось.

„Хоть и оправдаютъ,—подумалъ онъ,—все равно, не жить мнѣ съ Володи... опять въ роту“.

Но онъ не высказалъ своихъ мыслей.

— Ты что же такой?.. Я тебѣ радость сказалъ, а ты точно мокрая курица.

— Неможется мнѣ, Макаръ Савельичъ. Кашель по ночамъ такой, что просто страсть. Помирать, видно, надо.

— Вотъ еще выдумаль... Зачѣмъ помирать...

Но, всмотрѣвшись въ Ежику пристальнѣе, Сидоровъ и самъ подумаль, что у него какая-нибудь болѣзнь. Лицо очень ужъ похудѣло, и глаза глубоко ввалились и въ нихъ какой-то блескъ, точно у лихорадочнаго.

— Пусяки,—сказаль онъ,—пройдетъ.

А на другой день Сидоровъ доложилъ баталіонному доктору.

— Съ Ежикумъ что-то неладно, ваше благородіе.

Докторъ зашелъ въ карцеръ. Въ немъ было темно, и онъ велѣлъ Ежику выйти въ корридоръ для осмотра.

При яркомъ свѣтѣ солнца, глядѣвшаго въ окно, исхудавшій Ежику, съ лихорадочными, тоскливыми глазами, возбуждалъ невольное состраданіе.

Сидоровъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Ты боленъ?—спросиль докторъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, кашель только привязался,—кротко отвѣтилъ Ежику.

Докторъ приложился ухомъ къ его груди и услышалъ зловѣщіе хрипы и шумы.

— Перевести сейчасъ же въ лазаретъ,—приказаль онъ сопровождавшему его фельдшеру.

Ежику былъ этимъ доволенъ. Онъ надѣялся отдохнуть въ лазаретѣ; но онъ и не подозрѣваль, что ему грозитъ опасность не отъ суда.

Нервное потрясеніе, тоска и содержаніе въ карцерѣ страшно подѣйствовали на его организмъ, изнуренный непрерывною работой у поручицы. Еще съ весны онъ сталъ покашливать. Послѣ катастрофы болѣзнь накинута на него, какъ звѣрь на добычу, застигнутую врасплохъ, и, когда докторъ выслушалъ его грудь, половина легкихъ была уже поражена.

Перемѣщеніе въ лазаретъ доставило Ежику удовольствіе отдыха. Онъ могъ теперь лежать не на голомъ полу, а раздѣвшись, на тюфякѣ, который хотя и былъ довольно жестокъ, но послѣ голаго пола казался Ежику очень удобнымъ.

Прямо предъ его кроватью было большое окно. Онъ могъ видѣть въ него, какъ заходитъ солнышко, какъ плывутъ облака. Ласточки съ веселыми криками пролетали иногда возлѣ самаго окна, а на подоконникѣ каждое утро гудѣли голуби.

Ежикъ глядѣлъ на небо, на облака, и ему представлялась то деревня и ея, теперь уже золотистая, поля, то огородъ.

— Все ужъ тамъ теперь поспѣло,—думалъ онъ.

И хотѣлось ему узнать, доволенъ ли Володя турецкими бобами, крупные ли они вышли, и хороши ли подсолнечники, и кабая дыня выросла изъ тѣхъ сѣмянъ, что ему далъ садовникъ.

Часто онъ думалъ о томъ, помнить ли о немъ Володя, и несбыточною мечтой мелькала мысль о томъ, какъ бы его увидѣть.

Отъ одной этой мысли сердце его точно срывалось съ мѣста и долго не могло возвратиться къ обычному темпу.

— Невозможно это,—думалъ Ежикъ и грустно вздыхалъ.

А между тѣмъ желаніе этой невозможности росло съ каждымъ днемъ и заполонило всѣ мысли Ежика.

Онъ мечталъ, что его скоро выпишутъ изъ больницы, отсудятъ, высидитъ онъ, что слѣдуетъ, въ карцерѣ, а можетъ только розгами накажутъ и выпустятъ же когда-нибудь. Онъ сейчасъ же пойдетъ тогда на ту улицу и, можетъ быть, хоть издали увидитъ Володю. Потомъ его планы становились смѣлѣе. Онъ рѣшилъ, что выберетъ время, когда поручикъ на службѣ бываетъ, и пойдетъ прямо къ барынѣ.

— Она не прогонитъ,—думалъ онъ, и я его увижу; и въ огородъ схожу, и кухню свою посмотрю...

Но мечта уносила еще дальше.

— А можетъ быть, — думалъ онъ, — барыня захочетъ опять взять меня въ деньщики,—умолилъ бы я ее,—а коли она захочетъ, то и баринъ согласится. Господи, кабая бы тогда радость была!..

Въ такихъ мечтаніяхъ проходилъ день за днемъ, унося силы Ежика.

Онъ лежалъ безропотно, не сознавая грозящей ему опасности.

Докторъ останавливался у его постели во время визитаци и спрашивалъ:

— Ну, какъ?

— Слава Богу, ваше благородіе, — отвѣчалъ Ежикъ, — вотъ только ночью трудно было.

А по ночамъ его мучила бессонница и изнурительная лихорадка. Жаръ иногда усиливался до такой степени, что большой начиналъ бредить.

Ему казалось, что онъ по прежнему въ деньщикахъ...

Онъ вмѣстѣ съ Володей пускають змѣя, но змѣй почему-то не гудить, и Ежиѣвъ никакъ не можетъ заставить его гудѣть. Потомъ они гдѣ-то гуляли, и кругомъ цвѣли бобы, какъ въ тотъ вечеръ, когда кончилось его счастье.

А иногда ему чудилась война. Онъ видѣлъ Сидорова и Куцаго... они кололи турокъ штыками... и глаза у нихъ страшные, налитые кровью... А онъ стоитъ у вѣста и не хочетъ убивать людей... но страшный турокъ лѣзетъ на него съ ружьемъ, и Ежиѣвъ чувствуетъ, какъ штыкъ вонзился въ его грудь.

Онъ кричалъ и будилъ больныхъ.

Къ утру, когда лихорадка ослабѣвала, Ежиѣвъ засыпалъ ненадолго, а проснувшись, думалъ все о томъ же, какъ бы увидѣть Володю.

Его томила неизвѣстность, долго ли ему лежать въ лазаретѣ.

— Ваше благородіе, скоро ли на выписку? — спросилъ онъ доктора.

Докторъ грустно усмѣхнулся и сказалъ:

— Поправиться надо... некуда торопиться.

Этотъ отвѣтъ встревожилъ Ежика.

— Господи! да неужели еще цѣлый мѣсяцъ лежать? — подумалъ онъ: — неужели я такъ сильно боленъ?.. А что, если я не поправлюсь, и умереть придется, не повидавшись.

Онъ точно оцѣпенѣлъ отъ этой мысли и съ отчаяніемъ глядѣлъ на ярко синее небо въ лазаретномъ окнѣ. Но съ этого неба въ окно весело взглянуло солнышко, и заставило исчезнуть призракъ смерти.

Ежиѣвъ вздохнулъ и подумалъ:

— Богъ милостивъ, поправлюсь.

Но съ этого дня желаніе увидѣть Володю сдѣлалось мучительно жгучимъ... Онъ то мечталъ, что выздоровѣетъ, то впадалъ въ отчаяніе.

Лежа въ тяжелой полудремотѣ, подъ вліяніемъ лекарства съ морфіемъ, Ежиѣвъ иногда неподвижно глядѣлъ на дверь. Ему казалось, что вотъ она сію минуту отворится, заскрипитъ, какъ та дверь въ кухнѣ, и вбѣжитъ Володя и скажетъ: „Степанъ, я тебя провѣдать пришелъ“.

И когда дверь отворялась, и въ нее входилъ фельдшеръ съ пузырьками и баночками или лазаретный служитель, Ежиѣвъ вздыхалъ и закрывалъ глаза.

Однажды во время такой полудремоты онъ случайно узналъ страшную новость.

Лазаретный служитель и фельдшеръ заговорили о немъ и, думая, что онъ спитъ, не стѣснялись.

И услышалъ Ежикъ, что онъ „скоро помретъ“.

Онъ сначала удивился, не хотѣлъ вѣрить этому, потомъ вдругъ охватила его неописанная тоска и тревога.

— Какъ же это?! Неужели не увижу его?.. — шепталъ онъ дрожавшими губами.— Нѣтъ!.. Это невозможно!..

И у него явился планъ убѣжать изъ лазарета. Онъ обдумалъ всѣ подробности, и только тогда вспомнилъ:

— А хватить ли у меня силъ?

Онъ попробовалъ встать съ постели, но ему удалось только приподняться и сѣсть... Въ изнеможеніи, съ полными слезъ глазами, онъ упалъ на подушку.

Но черезъ нѣсколько минутъ у него уже былъ другой планъ.

Съ ранняго утра Ежикъ не спускалъ глазъ съ двери и нѣсколько разъ спрашивалъ лазаретнаго служителя: „скоро ли докторъ“?

— Докторъ свое время знаетъ,—говорилъ служитель,— придетъ это время, придетъ и докторъ.

Но это „свое время“ приближалось такъ медленно, что Ежикъ приходилъ въ отчаяніе.

Но вотъ, наконецъ, докторъ остановился у его постели.

— Ваше благородіе, сдѣлайте Божескую милость,—сказалъ Ежикъ, собравъ всѣ свои силы.

— Ну, что? Говори,—ласково отвѣтилъ докторъ.

— Видно, мнѣ... ваше благородіе... помереть надо... Хочу просить... повидать его надо...

— Кого повидать?

— Этого самаго... мальчика... Володю... Кабы ваше благородіе... сказали ему: „Ежикъ, молъ, помираетъ“... можетъ, онъ и придетъ...

Онъ волновался, говоря это;—въ глазахъ его показались слезы.

Докторъ понялъ его: онъ зналъ всю исторію съ Ежикомъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ —я приведу его, а ты успокойся.

— Попросите, ваше благородіе, барыню... чтобы пустила... Истосковался я объ немъ...

— Я тебѣ даю слово, что приведу его,—повторилъ докторъ.

Безграничная благодарность засвѣтилась въ потухавшихъ глазахъ Ежика.

Прямо изъ лазарета докторъ пошелъ къ Трегубовымъ. Онъ зналъ, что откладывать нельзя: по его мнѣнію, не сегодня, — завтра Ежикъ долженъ умереть.

XVIII.

Лежить Ежикъ на постели послѣ приступа лихорадки и дремлетъ.

И кажется ему, что онъ въ своей кухнѣ рубить мясо для котлетъ, а самъ поглядываетъ на дверь, не идетъ ли дорогой для него мальчикъ. Будутъ пироги съ яблоками, и Ежикъ отложилъ для него хорошенькое, румяное, яблочко.

Вдругъ какой-то стукъ. Ежикъ вздрогнулъ, открылъ глаза и не могъ сразу разобрать, сонъ ли все, или онъ проснулся. Страшная слабость, какую онъ чувствовалъ, вдругъ смѣнилась возбужденіемъ, будто волна жизни ворвалась въ его организмъ.

Онъ увидѣлъ у отворенной двери Володю и доктора. Онъ вспомнилъ обѣщаніе доктора и сознавалъ, что это не сонъ.

Мальчикъ испуганно озирается по кроватямъ, гдѣ изъ-подъ сѣрыхъ одѣялъ выглядывали истомленные, желтыя, лица.

Докторъ подвелъ его къ постели Ежика.

Володя встрѣтилъ его взглядъ и заплакалъ.

— Степанъ!... Дорогой мой!... — закричалъ онъ, заливаясь слезами.

А Ежикъ такъ заволновался отъ радости, что ничего не могъ сказать. Онъ весь сосредоточился въ созерцаніи мальчика. Улыбка счастья освѣщала его лицо съ обострившимся носомъ послѣдними лучами уходящей жизни.

— Пришелъ... не забылъ... — произнесъ онъ наконецъ.

Это былъ не то шепотъ, не то хрипота.

Володя глядѣлъ на него и плакалъ; порывами жалости и любви трепетало дѣтское сердце.

— Я тебя люблю... — говорилъ онъ, всхлипывая, — мнѣ скучно безъ тебя... У насъ теперь недобрый деньчикъ... Ты знаешь ли... вѣдь я тогда убѣждалъ... искать тебя... къ острогу ходилъ, думалъ, что ты тамъ...

Ежикъ лежалъ въ какомъ-то забытьѣ. Онъ слышалъ слова Володи, и ему казалось, что онъ тонетъ, и что тонуть такъ пріятно... въ глазахъ туманъ голубой, и слышится тихая пѣ-

сня, которой онъ разобрать не можетъ... Сознаніе оставляло его, потомъ вдругъ вспыхивало, какъ огонекъ надъ догорѣвшимъ костромъ, нашедшій еще не вполнѣ обугленную вѣточку.

— А бобы?.. Хороши ли?...—спросилъ онъ.

— Большуціе... Я тебѣ покажу завтра... я къ тебѣ каждый день буду ходить...

Ежикъ улыбнулся... Слово у него не было, чтобы выразить то счастье, какое давали ему слова Володи. Онъ молчалъ, то закрывая, то открывая глаза, и прислушивался къ милому голосу.

— Ну, Володя, пора домой,—тихо сказалъ докторъ.

Ежикъ зашевелился, будто хотѣлъ удержать мальчижа и прошепталъ:

— Володя... поцѣлуй меня... на прощанье...

Мальчикъ припалъ къ нему и, роняя слезы, цѣловалъ его щеки и губы.

Въ сладкой истомѣ Ежикъ закрылъ глаза.

— Я завтра приду къ тебѣ...—слышалось ему.

Потомъ стукнула дверь. Ежикъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

Володи и доктора уже не было въ комнатѣ.

— Завтра придетъ,—подумалъ Ежикъ,—любить онъ меня... Докторъ добрый... не обманулъ... завтра поблагодарить надо...

Но онъ уже не могъ этого сдѣлать.

Ежикъ заснулъ,—и уже не просыпался.

Ивановичъ.

ОРМУЗДЪ И АРИМАНЪ.

(Мицкевича).

Съ польскаго — изъ Зенда-Весты.

По самой срединѣ бездонной пучины,
Откуда исходитъ зловѣщая тьма,
Сидѣлъ Ариманъ, притаясь, какъ убійца,
Свирѣпый, какъ левъ, ядовитый, какъ змѣй.
Однажды съ натугой онъ двинулся съ мѣста
И, страшною тьмоюдохнувши кругомъ,
Поползъ въ темнотѣ, какъ паукъ, пробираясь,
Туда, гдѣ сіяетъ божественный свѣтъ.
И вотъ, на границѣ межъ свѣтомъ и тьмою,
Онъ всталъ, озираясь, и поднялъ глаза. —
И вдругъ, въ срединѣ небеснаго свода,
Въ источникѣ свѣтломъ самой чистоты,
Увидѣлъ Ормузда, что въ мірѣ сіяетъ,
Какъ солнце межъ звѣздъ, какъ отецъ межъ сыновъ.
Тогда, созерцая предвѣчное солнце,
О вѣчномъ блаженствѣ подумалъ злой духъ,
Великой той мысли громадная сила
Такъ тяжко на темя его налегла,
Что вдругъ ослабѣлъ онъ и внизъ поватился,
И вновь утвердился на вѣки вѣковъ
По самой срединѣ бездонной пучины,
Откуда исходитъ зловѣщая тьма.

Перев. М. А. Бекетовой.

НАЧАЛО И РАЗВИТІЕ РУССКОЙ КРИТИКИ.

Виссаріонъ Григорьевичъ Вѣлинскій.

(Окончаніе)*).

VI.

Съ прекращеніемъ «Телескопа» и отъѣздомъ Станкевича за границу начинается новый періодъ въ жизни Вѣлинскаго, самый печальный и мрачный во всѣхъ отношеніяхъ, и въ матеріальномъ, и въ умственномъ, что отразилось весьма неблагоприятно и на литературной дѣятельности Вѣлинскаго въ этотъ періодъ.

Закрытіе «Телескопа» оставило Вѣлинскаго въ концѣ 1836 г. буквально безъ всякихъ средствъ къ жизни—когда у него на рукахъ были еще братъ и племянникъ. Иной трудъ, кромѣ литературнаго, былъ для него почти невыполнимъ. Въ серединѣ 1837 года онъ издалъ грамматику русскаго языка, но грамматика эта, по своему слишкомъ ужъ философскому изложенію, оказалась неудобною для преподаванія, и потому не продавалась. Въ то же время съ нимъ случилась болѣзнь, очень его испугавшая и заставившая его съ іюня до сентября 1837 года прожить на Кавказѣ, на водахъ въ Пятигорскѣ. Въ этомъ безвыходномъ положеніи Вѣлинскій могъ существовать только помощью друзей: П. Боткина, К. Аксакова, Ефремова, что заставляло его съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе запутываться въ долгахъ. Но, какъ и прежде, въ первые годы по выходѣ изъ университета, такъ и теперь, онъ мало заботился о своемъ матеріальномъ положеніи,—теперь, пожалуй, и меньше, чѣмъ прежде, такъ какъ онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе погружался въ сферы отвлеченнаго мышленія. Этому крайнему отрѣшенію отъ дѣйствительности, отъ реальной жизни со всѣми ея нуждами и тревогами, Вѣлинскій наиболѣе былъ обязанъ своему знакомству съ семействомъ Бакуниныхъ, и въ особенности одному изъ членовъ семьи, М. Бакунину.

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

Семейство Бакуниныхъ было однимъ изъ рѣдкихъ въ то время помѣщичьихъ семействъ, по своей образованности стоящихъ впереди вѣка, и въ которыхъ умственные интересы преобладали надъ всѣми прочими. Вотъ какъ изображаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ это семейство Лажечниковъ.

«Въ одномъ изъ уѣздовъ Тверской губерніи есть уголокъ (Пушкинскіе нѣкоторое время жилъ близъ этихъ мѣстъ, у помѣщика Вульфа), на которомъ природа сосредоточила всю заботливую любовь свою, украсивъ его всѣми лучшими дарами своими, какіе могла только собрать въ странѣ семимѣсячныхъ снѣговъ. Кажется, на этой живописной мѣстности рѣка течетъ игривѣе, цвѣты и деревья растутъ роскошнѣе, и болѣе тепла, чѣмъ въ другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Да и семейство, жившее въ этомъ уголкѣ, какъ-то особенно награждено душевными дарами. Зато, какъ было тепло въ немъ сердцу, какъ умъ и талантъ въ немъ разыгрывались, какъ было въ немъ привольно всему доброму и благородному! Художникъ, музыкантъ, писатель, учитель, студентъ, или просто добрый и честный человѣкъ, были въ немъ обласканы равно, не смотря на состояніе и рожденіе. Казалось мнѣ, бѣдности и отдавали въ немъ первое мѣсто. Посѣтителю его, всегда многочисленнымъ, считали себя въ немъ не гостями, а принадлежащими семейству. Душою дома былъ глава его, патриархъ округа. Какъ хорошъ былъ этотъ величавый, слишкомъ семидесятилѣтній, старикъ, съ непокидающею его улыбкой, съ бѣлыми, падающими на плечи, волосами, съ голубыми глазами, ничего не видящими, какъ у Гомера, но съ душою, глубоко зрящею, среди молодыхъ людей, въ кругу которыхъ онъ особенно любилъ находиться и которыхъ не тревожилъ своимъ присутствіемъ. Ни одна свободная рѣчь не останавливалась отъ его прихода. Въ немъ забывали лѣта, свыкнувшись только съ его добротой и умомъ... Онъ любилъ все прекрасное, природу, особенно цвѣты, литературу, музыку, и лепетъ младенца въ колыбели, и пожатіе нѣжной руки женщины, и краснорѣчивую тишину могилы. Что любилъ онъ, то любила его жена, умная и пріятная женщина, любили дѣти, сыновья и дочери. Никогда семейство не жило гармоничнѣе. Откуда, съ какихъ концовъ Россіи, ни стекались къ нему посѣтителю! Сюда, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, Боткинымъ и многими другими даровитыми молодыми людьми (имена ихъ смѣшались въ моей памяти), не могъ не попасть и Бѣлинскій...»

Бѣлинскій провель въ 1836 году нѣсколько мѣсяцевъ, лѣтомъ и осенью, въ деревнѣ Бакуниныхъ, и друзья его, особенно Станкевичъ, возлагали большія надежды на смягченіе и уравниваніе духа неистоваго Виссаріона подъ вліяніемъ этого семейства. «Бѣлинскій отдыхаетъ у Бакуниныхъ,—писалъ Станкевичъ одному своему другу въ концѣ сентября 1836 г.,—я увѣренъ, что эта поѣздка будетъ имѣть на него благотворное вліяніе. Полный благородныхъ чувствъ, съ здравымъ, свободнымъ умомъ, добросовѣстный, онъ нуждается въ одномъ только: на опытѣ, не

по однимъ понятіямъ, увидѣть *жизнь* въ ея благороднѣйшемъ смыслѣ; узнать нравственное счастье, возможность гармоніи, которая для него казалась недоступною до сихъ поръ, но которой онъ теперь вѣритъ. Какъ смягчаетъ душу эта чистая сфера кроткой, христіанской, семейной жизни!.. Семейство Бакуниныхъ—идеаль семейства. Можешь себѣ представить, какъ она должна дѣйствовать на душу, которая не чужда искры Божіей! Намъ надобно ѣздить туда исправляться...»

Болѣе всего въ этомъ семействѣ сошелся Бѣлинскій съ старшимъ сыномъ Бакуниныхъ, Михаиломъ. М. Бакунинъ былъ отставной артиллерійскій офицеръ съ большими діалектическими способностями, съ упорнымъ, настойчивымъ, даромъ мышленія. Онъ познакомился съ Станкевичемъ въ 1835 году. Последний сразу оцѣнилъ его врожденный даръ къ философскимъ занятіямъ, усадилъ его за нѣмецкихъ философовъ—Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, и черезъ годъ или два, во времени отъѣзда Станкевича за границу, Бакунинъ занялъ первое мѣсто въ кружкѣ и, за отсутствіемъ Станкевича, сдѣлался руководителемъ Бѣлинскаго по философіи.

И вотъ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, Бакунина, съ другой—В. Боткина, яраго поклонника чистаго искусства, члены кружка мало-помалу увлеклись философіею и искусствомъ до крайней исключительности. Все остальное въ мірѣ и въ жизни перестало для нихъ существовать. Въ философіи и въ искусствѣ они начали искать разрѣшенія не только великихъ тайнъ бытія, но и такихъ житейскихъ мелочей, которыя очень легко разрѣшаются простымъ здравымъ смысломъ. Съ утра до вечера и ночи напролетъ они только и дѣлали, что толковали о феноменологіи и логикѣ Гегеля. Нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетикѣ, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной истинѣ, о ея *по себѣ бытіи*». Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до патентъ, до выпаденія листовъ въ нѣсколько дней.

Надо прибавить ко всему этому, что всѣ эти пренія происходили на самомъ тарбарскомъ языкѣ. Друзья не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще, для большей легкости, оставляя всѣ латинскія слова, давая имъ русскія окончанія и семь падежей.

Но молодые философы испортили себѣ не одинъ языкъ, но и пониманіе: отношеніе къ жизни, дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное. Это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которыми такъ гениально смѣялся Гёте въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все непосредственное, всякое пустое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой

крови, блѣдной алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попался солдатъ подъ-хмелькомъ или баба, вступающая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, относилась къ своему порядку, къ «гемюту» или къ «трагическому въ сердцѣ». То же въ искусствѣ. Знаніе Гёте, особенно второй части «Фауста» (оттого ли, что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея) было столь же обязательно, какъ имѣть платье. Философія музыки была на первомъ планѣ. Разумѣется, о Россіини и не говорили; къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ и бѣднымъ, зато производили философскія слѣдствія надъ каждымъ аккордомъ Бетховена и очень уважали Шуберта, не столько за его превосходныя кантаты, сколько за то, что онъ бралъ философскія темы для нихъ: «Всемогущество Божіе», «Атласъ». Друзья наши заразили своими философствованіями и всѣхъ дамъ въ бакунинской усадьбѣ. По словамъ Лажечникова, слово «абсолютъ» слышалось даже изъ женскихъ устъ».

До какого полного отрицанія самой дѣйствительности дошли члены кружка, и въ какой религіозный культъ возвели они свои философскія занятія, объ этомъ мы можемъ судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ письма Бѣлинскаго одному пріятелю, писаннаго изъ Пятигорска 7 августа 1837 года.

«Утони, исчезни въ наукѣ и искусствѣ, возлюби науку и искусство, возлюби ихъ, какъ цѣль и потребность твоей жизни, а не какъ средство къ образованію и успѣхамъ въ свѣтѣ—и ты будешь блаженъ, а кто достигъ блаженства, тотъ носитъ въ себѣ Бога... Богъ есть истина,—слѣдовательно, кто сдѣлался сосудомъ истины, тотъ есть и сосудъ Божій; кто *знаетъ*, тотъ уже и *любитъ*; потому что, не любя, невозможно познавать, а познавая, невозможно не любить; Богъ есть вмѣстѣ и истина, и любовь, и разумъ, и чувство, такъ какъ солнце есть вмѣстѣ и свѣтъ, и теплота...

«Виѣ мысли—все призракъ, мечта; одна мысль существенна и реальна. Что такое ты самъ? Мысль, одѣтая тѣломъ; тѣло твое сгниетъ, но твое *я*, останется; слѣдовательно, тѣло твое есть призракъ, мечта но *я* твое существенно и вѣчно. Философія—вотъ что должно быть предметомъ твоей дѣятельности. Философія есть наука идеи чистой, отрѣшенной; исторія и естествознаніе суть науки идеи въ явленіи. Теперь спрашиваю тебя: что важнѣе—идея или явленіе, душа или тѣло? Идея ли есть результатъ явленія или явленіе есть результатъ идеи? Безъ сомнѣнія, явленіе есть результатъ идеи. Если такъ, то можешь ли ты понять результатъ, не зная его причины? Можетъ ли для тебя

быть понятна исторія человѣчества, если ты не знаешь, что такое человѣкъ, что такое человѣчество? Вотъ почему философія есть начало и источникъ всякаго знанія, вотъ почему безъ философіи всякая наука мертва, непонятна и нелѣпа... Только въ философіи ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей; только она дастъ миръ и гармонию душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастьемъ, какого толпа и не подозреваетъ, и какой внѣшняя жизнь не можетъ ни дать тебѣ, ни отнять у тебя. Ты будешь не въ мірѣ, но весь міръ будетъ въ тебѣ. Въ самомъ себѣ, въ сокровенномъ святилищѣ своего духа найдешь ты высшее счастье, и тогда твоя маленькая комнатка, твой убогій и тѣсный кабинетъ будетъ истиннымъ храмомъ счастья. Ты будешь свободенъ, потому что не будешь ничего просить у міра, и міръ оставитъ тебя въ покоѣ, видя, что ты ничего у него не просишь».

Такъ какъ огромное большинство общества не обнаруживало склонности къ исключительному погруженію въ философскія глубины до пренебреженія всего прочаго, то друзья наши отвѣчали на такое легкомысліе всѣхъ смертныхъ глубокимъ презрѣніемъ къ нимъ. Походить на нихъ было позорно. Заслужить въ «обществѣ» титулъ «солиднаго», «почтеннаго человѣка», по мнѣнію кружка, и особенно Бѣлинскаго, значило совѣмъ уронить себя. Термины «добрый малый», «bon vivant», «bon camarade», считались настоящими бранными словами, синонимомъ безнадежной и жалкой пустоты и ничтожества. «Я на этотъ счетъ очень чувствителенъ,—говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ одному пріятелю въ 1837 году,—для меня дышать однимъ воздухомъ съ пошлякомъ и бездушникомъ—все равно, что лежать съ связанными руками и ногами».

УІІ.

Изъ этого полнаго отрицанія дѣйствительности, признанія призрачными всѣхъ частныхъ явленій жизни и всего видимаго міра друзья наши кинулись въ противоположную крайность: именно, апофеозъ *дѣйствительности*, признаніе, что все дѣйствительное со всѣми своими недостатками, несовершенствами и гнусностями—разумно.

«Новый міръ намъ открылся,—пишетъ Бѣлинскій къ Станкевичу въ сентябрѣ 1839 г.—сила есть право и право есть сила:—нѣтъ, не могу описать тебѣ, съ какимъ чувствомъ услышалъ эти слова—это было освобожденіе. Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей; я понялъ, что нѣтъ дикой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайности—и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ. Слово «дѣйствительность» сдѣлалось для меня равносильно слову «Богъ»... «Дѣйствительность!» твержу я, вставая и ложась

спать, днем и ночью,—дѣйствительность окружаетъ меня, я чувствую ее вездѣ и во всемъ, даже въ себѣ, въ той *новой* пережвѣ, которая становится замѣтнѣе со дня на день. Давно ли я спорилъ... что не хочу и не обязанъ терять времени и принуждать себя съ людьми чуждаго мнѣ міра? И что же? Я теперь каждый день сталкиваюсь съ людьми практическими, и мнѣ уже не душно въ ихъ кругу, они уже интересны для меня объективно, и я не въ тягость имъ...»

Это примиреніе съ дѣйствительностью приписывали прежде философіи Гегеля, которую увлеклись члены кружка послѣ Шеллинга и Фихте. Но это не совсѣмъ вѣрно. Философія Гегеля, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что все существующее она признаетъ развитіемъ абсолютной идеи или духа, причѣмъ полагаетъ три неизбѣжные фазиса этого развитія. Въ первомъ фазисѣ абсолютная идея пребываетъ сама въ себѣ, находясь въ безсознательномъ состояніи непосредственнаго бытія. Чтобы дойти до самосознанія, идея распадается на таящіяся въ ней противорѣчія и такой моментъ разложенія идеи представляетъ второй періодъ ея развитія. Далѣе же затѣмъ слѣдуетъ третій періодъ, когда противорѣчія воссоединяются, согласуются, и идея является въ новомъ блескѣ, сознанныя разумомъ въ единствѣ своего многообразія. Первый періодъ Гегель называлъ *тезомъ*, второй *антитезомъ*, третій *синтезомъ*. Сообразно гегелевской философской системѣ, внѣшній, матеріальный міръ частныхъ и случайныхъ явленій никакъ не можетъ быть признанъ разумнымъ, такъ какъ онъ представляетъ собою второй періодъ развитія идеи, антитезъ, распадѣніе абсолютной идеи на свои противорѣчія ради самосознанія. Объяснимъ, это слѣдующимъ простымъ примѣромъ: абсолютная идея, отождествляемая философіею Гегеля съ божествомъ, представляется исполненною безпредѣльнаго добра. Но для того, чтобы это добро, благо самоопредѣлилось, необходимо, чтобы явился антитезъ добра; и такой антитезъ представляется въ жизни въ видѣ зла. Мы можемъ утверждать, что зло въ жизни неизбѣжно, необходимо, какъ антитезъ, самоопредѣленіе добра; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно было дѣйствительно, а тѣмъ болѣе разумно, такъ какъ зло существуетъ не само по себѣ, а лишь какъ антитезъ добра, принадлежитъ къ призрачнымъ явленіямъ матеріальнаго міра. Когда же явится синтезъ, то въ немъ не окажется уже зла, а лишь самоопредѣлившее добро, которое одно только и можетъ быть дѣйствительнымъ и разумнымъ.

Друзья же наши поняли знаменитый афоризмъ Гегеля, что *дѣйствительно—то разумно и что разумно—то дѣйствительно*, въ томъ фаталистическомъ смыслѣ, что все, что ни дѣлается на свѣтѣ, какъ бы оно ни казалось дурнымъ и возмутительнымъ по своему безобразію, ведетъ ко благу, все это разумно, потому что представляется ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ разумной идеи. Изъ этого положенія они вывели

то прямое заключеніе, что человекъ, одаренный разумомъ, развитымъ высшимъ философскимъ мышленіемъ, не имѣетъ ни малѣйшаго права ни возмущаться тѣмъ, что онъ видитъ вокругъ себя дурного, ни тѣмъ болѣе стремиться измѣнить это дурное къ лучшему. Какъ истинный философъ, онъ долженъ смотрѣть на все окружающее съ высоты птичьяго полета съ невозмутимымъ спокойствіемъ и не изъявляя при этомъ ни злобы, ни гнѣва, ни мести, стремиться лишь постигнуть совершающееся въ его философской разумности. Такое олимпійски-спокойное и безстрастное созерцаніе міра на философскомъ языкѣ называлось *объективнымъ* отношеніемъ къ жизни въ противоположность съ отношеніемъ *субъективнымъ*, въ которомъ человекъ въноситъ въ свои сужденія о явленіяхъ жизни личныя чувства и интересы.

Сообразно такому ученію, члены кружка измѣнили радикально свои прежніе взгляды и на искусство: они изгнали изъ него всю область субъективной, личной поэзіи, и стали требовать, чтобы искусство, въ свою очередь, относилось къ жизни съ полною объективностью.

Такое примирительное отношеніе къ живой дѣйствительности,—прямое слѣдствіе замкнутой жизни въ тѣсномъ кружкѣ, при полномъ отсутствіи такихъ захватывающихъ интересовъ общественной жизни, которые заставляли бы сильно биться молодыя сердца, — печально отразилось на всей литературной дѣятельности Бѣлинскаго въ мрачный періодъ его жизни въ концѣ 30-хъ годовъ. Надо замѣтить при этомъ, что друзья наши снова приобрѣли въ свое распоряженіе журналъ. Въ это время выходило въ Москвѣ ежемѣсячное изданіе «Московскій Наблюдатель», издателемъ котораго былъ Степановъ, а редакторами Андросовъ и Шевыревъ. Въ 1838 году Шевыревъ оставилъ журналъ, а на мѣсто его редакцію принялъ въ полное свое распоряженіе Бѣлинскій со своими друзьями. Вотъ въ этомъ-то самомъ «Московскомъ Наблюдателѣ» и разразился Бѣлинскій рядомъ статей, отъ которыхъ впоследствии отворачивался, стыдился ихъ и обижаясь, когда кто-либо напоминалъ ему о нихъ.

Подъ вліяніемъ схоластическихъ доктринъ, къ которымъ пришли друзья, Бѣлинскій радикально измѣнилъ свои эстетическіе взгляды. Прежде, выходя изъ теоріи произвольности творчества, онъ относился сочувственно къ каждому лирическому стихотворенію, проникнутому естественнымъ и произвольнымъ чувствомъ. Теперь же, на основаніи идеала объективно-спокойнаго созерцанія жизни, истинно художественнымъ произведеніемъ онъ сталъ считать только такое, въ которомъ, при полной объективности, онъ видѣлъ такое тѣсное, безразличное соединеніе идеи съ формою, чтобы идея совершенно поглощалась формою. Всякое же преобладаніе идеи или чувства надъ формою, по его мнѣнію, выдѣляло произведеніе изъ предѣловъ истинно художественнаго творчества.

Отправляясь отъ такой узкой доктрины, Бѣлинскій началъ отрицать

все, что не подходило къ ней, съ слѣпотою, поразительной для человѣка съ такимъ тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, какимъ онъ былъ одаренъ. Такъ, мало того, что Гёте за его олимпійскую безстрастность онъ поставилъ выше Шиллера, но онъ началъ совершенно отрицать Шиллера. «Шиллеръ,—говоритъ онъ,—въ которомъ философскій элементъ безпрестанно боролся съ художественнымъ элементомъ и часто побѣждалъ его, Шиллеръ, едва ли не въ большей части своихъ произведеній, принадлежитъ къ числу этихъ полупоэтовъ (недоносковъ, витающихъ между художественностью и краснорѣчіемъ). Гёте и нашъ Пушкинъ — вотъ чисто поэтическія натуры: «одному довольно сорваннаго цвѣтка, а другому завялаго цвѣтка, нечаянно найденнаго имъ въ книгѣ, чтобы ринуть душу читателя въ міръ безкопечнаго». Сравнивая при этомъ произведеніе Шиллера «Идеалы» съ «Нереидой» Пушкина, Бѣлинскій ставитъ послѣднее на неизмѣримую высоту выше «Идеаловъ», именно, на томъ основаніи, что первое выражаетъ ясную и опредѣленную идею, которую вы можете формулировать, тогда какъ въ «Нереидѣ» Пушкина есть идея, но она такъ конкретно слита съ формой, что вамъ, чтобы выговорить ее, надо оторвать ее отъ формы, а форма такъ прекрасна, что у васъ не поднимается рука на такую операцію». Изъ этого Бѣлинскій дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «спросите всѣхъ, что лучше — «Идеалы» или «Нереида» — большинство станетъ за «Идеалы», но чьи глаза одарены ясновидѣніемъ вѣчной красоты, тѣ даже не станутъ и сравнивать этихъ двухъ произведеній»... Прежде Бѣлинскій нападалъ на Пушкина по слѣдамъ Полевого за то, что тотъ отрѣшился отъ литературныхъ круговъ въ сферы большого свѣта, и предрекалъ, что это должно гибельно отозваться на его талантѣ. Теперь же, напротивъ того, онъ смѣялся надъ мнѣніемъ, что среда можетъ испортить поэта, считая такое мнѣніе дѣтскимъ прекраснодуміемъ. Теперь для него не было среды, не было жизни съ различными ея вліяніями, хорошими и дурными, а существовала только отвлеченная сфера творчества, чуждая всякихъ отношеній къ жизни, существовала сама для себя, завися отъ одного возвышенія поэта надъ всѣмъ міромъ и безстрастнаго созерцанія людской жизни, кишащей гдѣ-то тамъ внизу... Извѣстныя произведенія Пушкина «Подите прочь! какое дѣло...» и «Пока не требуетъ поэта», сдѣлались любимыми произведеніями для Бѣлинскаго, котораго онъ теперь то и дѣло приводилъ въ своихъ статьяхъ ради нагляднаго представленія своихъ идеаловъ поэта и творчества.

Къ числу явленій творчества, которыя Бѣлинскій отрицалъ вслѣдствіе ихъ субъективности, относились и всѣ сатирическія произведенія. Бѣлинскій признавалъ, что поэтъ имѣетъ право воспроизводить въ своихъ произведеніяхъ сферу пошлости, отрицательный міръ призраковъ и случайностей, но и въ такомъ случаѣ онъ требовалъ, чтобы поэтъ относился къ своимъ образамъ совершенно объективно, чтобы «поэ-

тическимъ ясновидѣніемъ своимъ онъ провидѣлъ ихъ идею и, проведя ихъ черезъ свою творческую фантазію, просвѣтлялъ эту идею ихъ естественную грубость и грязность». Идеаломъ такого объективнаго изображенія отрицательныхъ явленій жизни Бѣлинскій считалъ Гоголя. Такъ, въ своей статьѣ «Горе отъ ума» онъ представилъ параллельный разборъ «Ревизора» Гоголя и «Горе отъ ума» Грибоѣдова. «Ревизоръ» представляется, въ разборѣ Бѣлинскаго, идеаломъ художественной комедіи по своей объективности, развитію дѣйствія, выдержанности характеровъ. Между тѣмъ «Горе отъ ума» Бѣлинскій совершенно исключаетъ изъ области художественныхъ произведеній на томъ основаніи, что въ комедіи этой почти нѣтъ никакого дѣйствія; характеры, вмѣсто того, чтобы выражаться въ поступкахъ, сами себя обличаютъ въ сатирическихъ монологахъ; субъективный, сатирический элементъ преобладаетъ въ комедіи надо всѣмъ, и въ каждомъ стихѣ вы чувствуете присутствіе самого Грибоѣдова.

Уже въ первый періодъ своей дѣятельности Бѣлинскій, равно и всѣ его друзья, воспитанные по нѣмецкой метафизикѣ, отрицательно относились къ французамъ, за ихъ скептицизмъ, материализмъ, безвѣріе и пр., но съ точки зрѣнія философіи Шеллинга, полагая, что каждая народность что-нибудь собою представляетъ, Бѣлинскій готовъ былъ признать долю пользы и за нелюбимыми французами, какъ законодателями моды, правилъ обхожденія, вѣжливости и хорошаго тона. Теперь же Бѣлинскій началъ смотрѣть на весь французскій народъ, какъ на скопище развратныхъ изверговъ, не имѣющихъ ничего святого, и каждый разъ, когда рѣчь заходила о французахъ, раздражался ожесточенною бранью. «У французовъ,—говорилъ онъ,—во всемъ желчный, слѣпой разсудокъ, который хорошъ на своемъ мѣстѣ, т.-е., когда дѣло идетъ объ уразумѣніи обыкновенныхъ житейскихъ вещей, но который становится буйствомъ передъ Господомъ, когда заходитъ въ высшія сферы знанія. Народъ безъ религіозныхъ убѣжденій, безъ вѣры въ таинство жизни—все святое оскверняется отъ его прикосновенія, жизнь мретъ отъ его взгляда. Такъ оскверняется для вкуса прекрасный плодъ, по которому проползла гадина»...

VIII.

Подобное крайнее направленіе не замедлило отразиться и на характерѣ «Наблюдателя», который друзья наши взяли въ свои руки. Онъ сталъ наполняться исключительно почти произведеніями нѣмецкихъ поэтовъ, причемъ Гёте и Гофманъ стояли на первомъ планѣ. Ни одной книжки не обходилось безъ какихъ-либо философскихъ и эстетическихъ разсужденій. Такимъ образомъ журналъ имѣлъ вовсе не такой энциклопедическій характеръ, какой мы привыкли себѣ представлять съ именемъ этого рода изданій у насъ, въ Россіи. Это былъ журналъ спеціальнѣйшій, фи-

лософо-критическій исключительно. Рядомъ съ критическими статьями, построенными на основаніи философіи Гегеля, тамъ встрѣчались статьи, посвященныя изложенію гегелевской философіи, наконецъ, выдержки изъ самого Гегеля. Таковы были, напримѣръ, «Гимназическія рѣчи Гегеля», «О философской критикѣ художественнаго произведенія» Ретшера. Читатели журнала, повидимому, не совсѣмъ были довольны крайнею сухостью многихъ статей журнала, въ особенности статей Ретшера. По крайней мѣрѣ, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство самого Бѣлинскаго: «Многіе читатели жаловались,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей,—на помѣщеніе нами статьи Ретшера: «О философской критикѣ художественнаго произведенія», находя ее темною, недоступною для пониманія». И при этомъ Бѣлинскій обращается къ публикѣ съ наставительнымъ тономъ: «прежде всего мы скажемъ, что не всѣ статьи помѣщаются въ журналахъ только для удовольствія читателей; необходимы иногда и статьи ученаго содержанія, а такія статьи требуютъ труда и размышленія».

Но, какъ ни низко стояло наше общество въ своемъ развитіи, оно все-таки имѣло настолько живое чутъе, что отвернулось отъ проповѣдниковъ высокоумнаго равнодушія къ общественнымъ нуждамъ и бѣдствіямъ ради отвлеченнаго угабленія въ высшія философскія сферы, и «Московский Наблюдатель» подъ новой редакціей пошелъ еще хуже, чѣмъ прежде; подписчиковъ сдѣлалось еще менѣе, а въ 1839 году, едва дойдя до пятой книжки, онъ долженъ былъ прекратить свое существованіе.

Печально отразилось на Бѣлинскомъ все это увлеченіе. Матеріальное положеніе его, по прекращеніи «Московского Наблюдателя», сдѣлалось снова отчаянно. «При такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ,—говоритъ И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ—Бѣлинскій задолжалъ въ лавочку. Въ долгъ ему не хотѣли ничего отпустить. Обѣдъ его, при которомъ я не разъ присутствовалъ, былъ и безъ того неприхотливъ: онъ состоялъ изъ дурно-свареннаго супа, который Бѣлинскій густо посыпалъ перцемъ, и куска говядины изъ этого супа...»

Нравственное же состояніе Бѣлинскаго было еще хуже. Въмѣсто ожидаемаго примиренія, онъ обрелъ окончательный разладъ и съ самимъ собою, и съ окружающимъ его міромъ. Последнее время пребыванія въ Москвѣ онъ постоянно былъ въ раздраженномъ и взволнованномъ состояніи духа.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ однажды Панаеву:—мнѣ, во что бы ни стало, надобно вонъ изъ Москвы... Мнѣ эта жизнь надоѣла, и Москва опротивѣла мнѣ...

Въ то же время со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ возраженія и порицанія высказываемымъ имъ въ своихъ статьяхъ взглядамъ. Дѣло дошло въпослѣдствіи даже до личнаго оскорбленія, до того, что когда Бѣлинскому былъ представленъ какой-то артиллерійскій офицеръ, послѣдній не захотѣлъ подать Бѣлинскому своей руки.

Спасительнымъ выходомъ изъ этого отчаяннаго положенія послужило для Бѣлинскаго приглашеніе А. А. Браевскаго принять участіе въ качествѣ критика въ его петербургскіяхъ изданіяхъ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Инвалиду». Приглашеніе послѣдовало 20 іюня 1839 г., 5-го же іюня Бѣлинскій послалъ редактору «Отечественныхъ Записокъ» письмо съ изъявленіемъ готовности принять на себя завѣдываніе критическимъ отдѣломъ журнала, и, будучи еще въ Москвѣ, началъ уже посылать свои статьи въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ». Въ октябрѣ же 1839 г. онъ оставилъ Москву.

Въ Петербургъ пріѣхалъ Бѣлинскій все тѣмъ же фанатикомъ философскаго примиренія съ дѣйствительностью, проповѣдникомъ чистаго искусства и французо-ненавистникомъ и впродолженіи цѣлаго года все еще продолжалъ носиться съ идеями московскаго кружка. Такъ, первымъ дѣломъ онъ напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» двѣ статьи, написанныя имъ еще въ Москвѣ,—по поводу «Бородинской годовщины» Ө. Глинки и «Менцель, критикъ Гёте»,—статьи, возбудившія наибольшее негодованіе во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ, и которыхъ вполнѣдствіи Бѣлинскій наиболѣе стыдился. Вотъ что рассказываетъ И. Панаевъ о томъ, какъ относился Бѣлинскій въ это время къ своимъ убѣжденіямъ и возраженіямъ противъ нихъ:

«Черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія изъ Москвы, Бѣлинскій принесъ мнѣ прочесть свою рецензію на книгу Ө. Глинки «Бородинская годовщина», которую онъ отослалъ для напечатанія въ «Отечественныя Записки».

«—Послушайте-ка,—сказалъ онъ мнѣ:—кажется, мнѣ еще до сихъ поръ не удавалось ничего написать такъ горячо и такъ рѣшительно высказать наши убѣжденія. Я читалъ эту статейку Мишелю (Бакунину), и онъ пришелъ отъ нея въ восторгъ,—ну, а мнѣніе его чего-нибудь да стоить! Да, что много говорить, я самъ чувствую, что статейка *вытанцовалась*...

«И Бѣлинскій началъ мнѣ читать ее съ такимъ волненіемъ и жаромъ, съ какимъ онъ никогда ничего не читалъ ни прежде, ни послѣ.

«Лихорадочное увлеченіе, съ которымъ читалъ Бѣлинскій, азыкъ этой статьи, исполненной страшной торжественности и напряженнаго паэоса, произвелъ во мнѣ нервное раздраженіе. Бѣлинскій самъ былъ явно раздраженъ нервически...

«—Удивительно! превосходно!—повторялъ я во время чтенія и по окончаніи чтенія:—но я вамъ замѣчу одно...

«—Я знаю, знаю, что—не договаривайте,—перебилъ меня съ жаромъ Бѣлинскій:—меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями... Пусть ихъ! Я не боюсь открыто и прямо высказывать мои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни думали...

«Онъ началъ ходить по комнатѣ въ волненіи.

«— Да! это мои убѣжденія!—продолжалъ онъ, разгораясь болѣе и болѣе.—Я не стыжусь, а горжусь ими... И что мнѣ дорожить мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ... Они не заподозрятъ меня въ лести и подлости. Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... они знаютъ это... Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ, Панаевъ,—вы вѣдь еще меня мало знаете...

«Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли.

«— Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ! Мнѣ легче умереть съ голода—я и безъ того рискую эдакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ съ горькой ироніей), чѣмъ топтать свое человѣческое достоинство, унижить себя передъ кѣмъ бы то ни было, или продать себя...

«Разговоръ этотъ со всѣми подробностями живо врѣзался въ мою память. Бѣлинскій какъ будто теперь передъ мною...

«Онъ бросился на стулъ, захлывшись... и, отдохнувъ немного, продолжалъ съ ожесточеніемъ:

«— Эта статья рѣзка, я знаю, но у меня въ головѣ рядъ статей, еще болѣе рѣзкихъ... Ужъ какъ же я отхлещу этого негодяя Менцеля, который беретса судить объ искусствѣ, ничего не смысля въ немъ...»

Но Петербургъ со своимъ шумомъ и гамомъ жизни чисто реальной, преисполненной насущныхъ интересовъ, не замедлилъ дать сильный толчокъ всѣмъ заоблачнымъ фантазіямъ молодого мыслителя и совершенно поколебать ихъ. Не малое вліяніе оказали, при этомъ удаленіе изъ замкнутого кружка, встрѣча съ массою людей, думавшихъ совсѣмъ иначе, перемѣна занятій... Не даромъ впоследствии въ своей статьѣ «Москва и Петербургъ» Бѣлинскій говорилъ, между прочимъ:

«Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство; сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности, и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святого, человѣческаго... Что мечты! Самыя обольстительныя изъ нихъ не стоятъ въ глазахъ дѣльнаго (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины, потому что счастье глупца есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго человѣка есть истина, и притомъ, плодотворная въ будущемъ...»

Но было бы ошибочно думать, чтобы московскія увлеченія Бѣлинскаго спали съ него дѣйствительно съ легкостью и быстротою осеннихъ листьевъ. Напротивъ того, годы тянулось переходное состояніе въ умственномъ мірѣ Бѣлинскаго, причемъ онъ переживалъ тотъ же періодъ сомнѣній, рефлексій и болѣзненно-мучительнаго раздвоенія, каковой переживали и всѣ его со-

временники. Вотъ что свидѣтельствуеть объ этомъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ:

«Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ (1843 г.) его снова начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія, или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философическіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п. Не будучи знакомъ ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ (онъ даже по французски читалъ съ большимъ трудомъ) и не находя въ русскихъ книгахъ ничего, что бы могло удовлетворить его пытливость, Бѣлинскій поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ разговорамъ съ друзьями, къ продолжительнымъ толкамъ, сужденіямъ и разспросамъ; и онъ отдался имъ со всѣмъ лихорадочнымъ жаромъ своей, жаждавшей правды, души... И такъ, когда я познакомился съ Бѣлинскимъ, его мучили сомнѣнія. Эту фразу я часто слышалъ и самъ употреблялъ не однажды; но въ дѣйствительности и вполнѣ она примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнія его именно мучили, лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его, онъ не позволялъ себѣ забытья и не зналъ усталости; онъ денно и ночью бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала, но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла и мужа, и меня, хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко. «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, — сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекамъ, — а вы хотите ѣсть».

IX.

Это переходное состояніе отражается и въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго эпохи сотрудничества его въ «Отечеств. Запискахъ». Перебирая статьи его этой эпохи, вы видите, какъ постепенно Бѣлинскій, отрѣшаясь отъ идеализма, все болѣе и болѣе становится на реальную почву и изъ поклонника чистаго искусства превращается въ проповѣдника искусства для жизни.

Такъ, въ 1840 году была напечатана имъ извѣстная уже намъ критическая статья, посвященная разбору «Горя отъ ума» Грибоѣдова рядомъ

сь «Ревизоромъ» Гоголя. Въ статьѣ этой, какъ мы видѣли, преобладаютъ еще идеи московскаго періода: комедія Гоголя превозносится за объективность, а «Горе отъ ума» выключается изъ ряда художественныхъ произведеній за преобладаніе въ ней сатиры.

Но и въ этой статьѣ вы видите уже кое-какія вѣянія новаго духа. Бѣлинскій не считаетъ уже все дѣйствительное разумнымъ и не проповѣдуетъ примиреніе съ мрачными сторонами жизни въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Напротивъ того, дѣйствительнымъ онъ признаетъ только разумное въ жизни, все же остальное относить къ категоріи призрачнаго. «Дѣйствительность,—говоритъ онъ,—есть во всемъ, въ чемъ только есть движеніе, жизнь, любовь; все мертвое, холодное, неразумное, эгоистическое—есть «призрачность». Сообразно этимъ двумъ категоріямъ, онъ дѣлитъ и поэзію на положительную поэзію разумной дѣйствительности и отрицательную—неразумной призрачности.

Но особенно замѣчательна эта статья тѣмъ, что въ ней Бѣлинскій впервые рѣшился признать романтизмъ явленіемъ вполне отжившимъ и не имѣющимъ никакого значенія въ современной жизни. По его мнѣнію, согласно съ философіею Гегеля, древній классицизмъ и средневѣковый романтизмъ суть двѣ противоположности, тезъ и антитезъ. Въ классицизмѣ Бѣлинскій видитъ преобладаніе формы надъ идеей, чувственной красоты надъ духомъ; въ романтизмѣ—наоборотъ: преобладаніе духа надъ формой. Современное искусство, по мнѣнію Бѣлинскаго, должно примирить эти крайности и быть ихъ синтезомъ.

«Наше новѣйшее искусство,—говоритъ онъ,—начатое Шекспиромъ и Сервантесомъ, не есть ни классическое, потому что мы «не греки и не римляне», и не романтическое, потому что мы не рыцари и не трубадуры среднихъ вѣковъ! Какъ же его назвать? Новѣйшимъ. Въ чемъ его характеръ? Въ примиреніи классическаго и романтическаго, въ тождествѣ, а слѣдовательно, и въ различіи отъ того и другого, какъ двухъ крайностей. Происходя исторически, непосредственно отъ второго, изслѣдовавъ всю глубину и обширность его безконечнаго содержанія и обогатя его дальнѣйшимъ развитіемъ христіанской жизни и пріобрѣтеніемъ новаго знанія, оно примирило богатство своего романтическаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы».

Правда, это было лишь повтореніемъ мыслей, высказанныхъ уже 1830 году въ диссертациі Надеждина. Но десять лѣтъ тому назадъ мысли эти были еще преждевременны. Къ тому же, Надеждинъ не могъ имѣть такого вліянія на общество, какъ Бѣлинскій, по своей уклончивости, непрямотѣ, вліянію передъ классицизмомъ. Наконецъ, нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что написанная на латинскомъ языкѣ диссертациія Надеждина была доступна лишь немногимъ. Статья же Бѣлинскаго произвела громовое впечатлѣніе выстрѣла, возвѣстившаго конецъ романтизма

и наступленіе эпохи 40-хъ годовъ. Послѣ статьи Бѣлинскаго крики противъ романтизма начинаютъ раздаваться въ литературѣ чаще, рѣшительнѣе, громче, и въ концѣ 40-хъ годовъ романтизмъ сдѣлался браннымъ прозвищемъ для всего отсталого и отжившаго.

Но не въ одномъ только отвѣченно-философскомъ синтезѣ классицизма и романтизма полагалъ Бѣлинскій сущность современной поэзіи. Главнымъ нервомъ не только поэзіи, но и всей жизни своего вѣка онъ сталъ теперь считать стремленіе къ дѣйствительности. Въ той же статьѣ о «Горѣ отъ ума» вы читаете слѣдующія многозначительныя строки:

«Мечтательность въ XIX вѣкѣ такъ же слишкомъ пошла и приторна, какъ и сентиментальность. Дѣйствительность—вотъ пароль и лозунгъ нашего вѣка, дѣйствительность во всемъ, и въ вѣрованіяхъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. Могучій, мужественный вѣкъ, онъ не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывающагося, но любитъ одно мощное, крѣпкое, существенное... Мечтательность была вышешою дѣйствительностью только въ періодѣ юношества человѣческаго рода; типы и формы поэзіи улѣтучиваются въ оміамъ молитвы, во вздохъ блаженствующей любви или тоскующей разлуки. Поэзія же мужественнаго возраста человѣчества, наша новѣйшая поэзія осваиваетъ изящную форму, просвѣтляетъ эфиромъ мысли, и на яву дѣйствительности, а не во снѣ мечтаній открываетъ таинственные врата священнаго храма духа. Короче, какъ романтическая поэзія была поэзіей мечты и безотчетнымъ порывомъ въ область идеаловъ, такъ новѣйшая поэзія есть поэзія дѣйствительности, поэзія жизни...»

Въ томъ же году, въ статьѣ по поводу сочиненій Марлинскаго, Бѣлинскій еще болѣе развилъ эту идею поэзіи дѣйствительности, жизни. «Истинно-художественное произведеніе,—говоритъ онъ,—всегда поражаетъ читателя своей истиной, естественностью, вѣрностью дѣйствительности до того, что, читая его, вы бессознательно, но глубоко убѣждены, что все рассказываемое или представляемое въ немъ, происходило именно такъ, и совершиться иначе не могло. Когда вы его кончите, изображенныя въ немъ лица стоятъ передъ вами, какъ живыя, во весь ростъ, со всѣми своими малѣйшими особенностями—съ лицомъ, съ голосомъ, съ поступью, со своимъ образомъ мышленія; они навсегда и неизгладимо запечатлѣваются въ вашей памяти, такъ что вы никогда уже не забудете ихъ. Цѣлое пьесы обхватываетъ все существо ваше, проникаетъ его насквозь, а частности ея памяты и живы для васъ только по отношенію къ цѣлому. И чѣмъ больше читаете вы такое художественное созданіе, тѣмъ глубже, ближе и неразрывнѣе совершается въ васъ внутреннее и задушевное усвоеніе и сдруженіе съ нимъ. Простота есть необходимое условіе художественнаго произведенія, по своей сущности отрицающее всякое внѣшнее украшеніе, всякую изысканность. Простота есть красота истины, а художественныя

*

произведенія славны ею, тогда какъ мнимо-художественныя часто гибнуть отъ нея, и потому по необходимости прибѣгаютъ къ изысканности, запутанности и необыкновенности... Въ искусствѣ все невѣрное дѣйствительности есть ложь, и обличаетъ не талантъ, а бездарность. Искусство есть выраженіе истины, и только одна дѣйствительность есть высочайшая истина, а все внѣ ея, т. е. всякая выдуманная какимъ-нибудь «сочинителемъ» дѣйствительность, есть ложь и клевета на истину».

Впродолженіе 1841 и 1842 годовъ успѣлъ Бѣлинскій отрѣшиться мало-по-малу и отъ своего французства и началъ ставить французскую литературу на одномъ ряду съ нѣмецкою, какъ ея антитеза, имѣющій свое значеніе.

«Для нѣмца,—говоритъ онъ,—наука и искусство—сами себѣ цѣль и высшая жизнь, абсолютное бытіе; для француза, наука и искусство—средства для общественнаго развитія, для отрѣшенія личности человѣческой отъ тяготящихъ и унижающихъ ее оковъ преданія, моментальнаго опредѣленія и временныхъ (а не вѣчныхъ) общественныхъ отношеній. Вотъ причина, почему литература французская имѣетъ такое огромное вліяніе на всѣ образованные народы; вотъ почему ея летучія произведенія пользуются такою всеобщностью, такою извѣстностью; вотъ почему они такъ и недолговѣчны, такъ эфемерны...»

Въ Англии видитъ Бѣлинскій примиреніе этихъ двухъ крайностей. Въ то же время въ рецензіи на романъ Жоржъ-Зандъ «Бернаръ-Мопра», онъ впервые является поклонникомъ этой писательницы, которая въ послѣдующій періодъ его жизни сдѣлалась для него столь же любимымъ поэтомъ, каковы были Гете и Гофманъ въ лѣта его юности.

«Это не де-Бальзакъ,—воскликаетъ въ восторгѣ Бѣлинскій,—съ своими герцогами, герцогинями, графами, графинями и маркизами, которые столько же похожи на истинныхъ, сколько самъ де-Бальзакъ похожъ на великаго писателя, или гениальнаго человѣка. У Жоржъ-Зандъ нѣтъ ни любви, ни ненависти къ привилегированнымъ сословіямъ, нѣтъ ни благоговѣнія, ни презрѣнія къ низшимъ слоямъ общества; для нея не существуютъ ни аристократы, ни плебеи; для нея существуетъ только человѣкъ, и она находитъ человѣка во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, любитъ его, сострадаетъ ему, гордится имъ и плачетъ о немъ. Но женщина и ея отношенія къ обществу, столь мало оправдываемыя разумомъ, столь много основывающіяся на преданіи, предразсудкахъ, эгоизмѣ мужчинъ—эта женщина наиболее вдохновляетъ поэтическую фантазію Жоржъ-Зандъ и возвышаетъ до павоса благородную энергію ея негодованія къ легитимированной насиліемъ невѣжества лжи, ея живую симпатію къ угнетенной предразсудками истинѣ. Жоржъ-Зандъ есть адвокатъ женщины, какъ Шиллеръ былъ адвокатъ человѣчества. Мудрено ли послѣ этого, что г-жа Дюдеванъ ославлена слѣпою чернью, дикою, невѣжественною

толпой, какъ писательница безнравственная! Кто открываетъ людямъ новыя истины, тому люди не дадутъ спокойно кончить вѣка; зато, когда сведутъ въ раннюю могилу, то непременно воздвигнутъ великолѣпный памятникъ, и какъ на святотатца будутъ смотрѣть на того, кто бы дерзнулъ сказать хоть одно слово противъ предмета ихъ прежней остревѣлой ненависти... Вѣдь и Шиллеръ при жизни своей слылъ писателемъ безнравственнымъ и развратнымъ...»

Какая рѣзкая разница и въ идеалѣ, и въ симпатіяхъ, и въ тонѣ между Бѣлинскимъ 1839 года и 1841! Тотъ ли это Бѣлинскій, который смотрѣлъ на произведенія Шиллера, какъ на уродливыя убудки, смѣсь краснорѣчія и поэзіи, въ женскомъ вопросѣ видѣлъ однѣ бредни сенъ-симонистовъ, а Жюль-Зандъ самъ считалъ, подобно невѣжественной толпѣ, писательницею безнравственною?

Послѣ этого Бѣлинскій неоднократно возвращался къ женскому вопросу, и каждый разъ рѣчи его въ защиту угнетенной женщины были прешолены искренней, задушевной теплоты и глубокаго сознанія неуровняльности положенія женщины въ обществѣ.

X.

Въ 1843 году Бѣлинскій окончательно разстается съ послѣдними слѣдами московскихъ увлеченій. Годъ этотъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнъ въ ходѣ развитія нашей мысли. Онъ можетъ считаться рубежомъ въ переходномъ процессѣ этого развитія: до него мы видимъ еще преобладаніе метафизики и мистичизма; послѣ него мысль начинаетъ съ большею и большею силою и смѣлостью стремиться на почву реализма. До него передовые люди находились подъ сильнымъ вліяніемъ германской философіи; послѣ него начинаетъ преобладать вліяніе общественнаго движенія, господствовавшаго въ то время во Франціи.

Къ этому времени въ литературѣ нашей совсѣмъ уже исчезаетъ прежняя борьба классиковъ съ романтиками. Возникаютъ двѣ новыя литературныя партіи, которыя борются между собою уже не за ту или другую эстетическую теорію или школу поэзіи, а за направленіе русской образованности, за судьбы нашего отечества во всемъ содержаніи его жизни. Таковы славянофилы и западники. Славянофилы сосредоточились въ Москвѣ вокругъ журнала Погодина «Москвитянинъ» и имѣли во главѣ Хомякова, бр. Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ. Западники утвердились въ Петербургѣ, сгруппировались въ «Отечественныхъ Запискахъ» вокругъ Бѣлинскаго. Прежній московскій кружокъ совсѣмъ къ этому времени распался. Станкевичъ умеръ. К. Аксаковъ примкнулъ къ славянофиламъ; кто занялся службою или разными практическими дѣлами, кто уѣхалъ за границу навсегда.

Во главѣ же новаго западнческаго кружка, рядомъ съ Бѣлинскимъ, стояли теперь Герценъ, писавшій подъ псевдонимомъ Искандеръ, оказавшій сильное вліаніе на Бѣлинскаго въ его переходѣ отъ московскихъ увлеченій къ новому реальному строю мыслей, Б. Боткинъ, Грановскій, только что занявшій кафедру исторіи въ Московскомъ университетѣ и какъ разъ въ 1843 году читавшій въ Москвѣ публичныя лекціи, надѣлавшія много шума и произведшія большое впечатлѣніе на московскую публику. Позже къ тому же западнческому кружку примкнули Тургеневъ, Некрасовъ, Панаевъ, Григоровичъ, Гончаровъ, Кавелинъ, Вл. Милютинъ и пр. Все это были дѣятели, обладавшіе блестящими талантами, впослѣдствіи получившіе общее наименованіе «людей сороковыхъ годовъ». Можно положительно сказать, что въ продолженіе всѣхъ 40-хъ годовъ каждая вновь появляющаяся на литературномъ поприщѣ сила обязательно примыкала къ кружку Бѣлинскаго.

Понятно становится послѣ этого, что, начиная съ 1841 г., мнѣнія «Отечественныхъ Записокъ» съ каждымъ годомъ дѣлались все болѣе и болѣе господствующими въ литературѣ того времени. Эстетическія понятія, историческая оцѣнка литературы, отзывы о современныхъ писателяхъ стали повторяться и другими, и, наконецъ, пріобрѣтаютъ рѣшительное преобладаніе. Пржеіне враги (Гречъ, Булгаринъ, Сенковскій, Полевой), вліанія которыхъ опасался Бѣлинскій такъ еще недавно, пали сами собою, не столько отъ полемики, веденной противъ нихъ, сколько отъ самаго достоинства взглядовъ Бѣлинскаго и того высокаго уровня, на который онъ поставилъ критику, и при которомъ само собой обнаруживалось ничтожество этихъ враговъ. Теперь вся сила полемическаго жара Бѣлинскаго устремилась противъ партіи славянофиловъ, которые едва только основали свой новый журналъ «Москвитянинъ» (въ 1842 г.), какъ тотчасъ же начали свои нападки на направленіе «Отечественныхъ Записокъ», причеімъ за первымъ озлобленнымъ нападеніемъ послѣдовали другія, отчасти косвенныя, отчасти прямо мѣтившія на Бѣлинскаго, какъ, напр., стихотвореніе «Безыменному критику», знаменитое въ свое время стихами:

Нѣтъ! твой подвигъ не похваленъ!
Онъ Россіи не врывѣтъ!
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ...

Бѣлинскій—всегда находившій жизнь и наслажденіе въ полемикѣ (исключая, конечно, втораго метафизическаго періода своей дѣятельности)—не оставался въ долгу. Онъ нѣсколько разъ обращался къ «Москвитянину» въ статьяхъ или специальныхъ замѣткахъ; друзья его, напр., Герценъ, съ своей стороны приняли участіе въ полемикѣ.

Не ограничиваясь полемическими статьями, специально посвященными борьбѣ съ славянофилами, Бѣлинскій ни въ одной своей статьѣ, о чемъ бы

онъ ни трактовалъ, не опускалъ случая осыпая своихъ враговъ злыми и ожесточенными сарказмами, видя въ нихъ мистиковъ и романтиковъ, которые, увлеченные патриотическимъ пристрастіемъ ко всему русскому, отрицали все хорошее на Западѣ и преклонялись передъ всѣмъ русскимъ, не разбирая, хорошо оно или дурно, возводили все русское, народное въ идеалъ, доходя до слѣпного обожанія устарѣлыхъ обычаевъ, нравовъ, костюмовъ и пр. Онъ нападалъ на нихъ за отрицаніе петровской реформы, за порицаніе натуральной школы и вообще всякаго произведенія и искусства, въ которомъ имъ не нравилось критическое отношеніе къ русской жизни.

Оставаясь по прежнему гегелианцемъ, Бѣлинскій началъ употреблять гегелевскую діалектику уже не въ видѣ одного усматриванія въ жизни различныхъ противорѣчій и искусственнаго сведенія ихъ въ примиряющіе синтезы, а съ цѣлью проповѣди вѣчнаго прогресса. «Ничто, — говоритъ онъ въ обзорѣни литературы за 1842 г., — не является вдругъ, ничто не является готовымъ; но все имѣющее идеи своимъ исходнымъ пунктомъ, развивается по моментамъ, движется діалектически, изъ низшей ступени перехода на высшую. Этотъ непреложный законъ мы видимъ и въ природѣ, и въ человѣкѣ, и въ человѣчествѣ. Природа явилась не вдругъ, готовая, но имѣла свои дни, или свои моменты творенія. Царство ископаемое предшествовало въ ней царству прозябаемому, прозябаемое — животному. Каждая былинка проходитъ черезъ нѣсколько фазисовъ развитія, и стебель, листъ, цвѣтъ, зерно, суть не что иное, какъ непреложные послѣдовательные моменты въ жизни растенія. Человѣкъ проходитъ черезъ физическіе моменты младенчества, отрочества, юношества, возмужалости и старости, которымъ соотвѣтствуютъ нравственные моменты, выражающіеся въ глубинѣ, объемѣ и характерѣ его сознанія. Тотъ же законъ существуетъ и для обществъ, и для человѣчества...»

Этотъ законъ прогресса примѣняетъ Бѣлинскій и къ искусству. Если развивается все сущее, то и искусство, въ свою очередь, подлежитъ развитію. «Въ эпоху младенчества и юношества народовъ, — говоритъ Бѣлинскій, — искусство всегда болѣе или менѣе — выраженіе религіозныхъ идей, а въ эпоху возмужалости — философскихъ понятій». Кромѣ того, Бѣлинскій признаетъ вліяніе на развитіе и характеръ искусства природы, мѣстности, страны, климата, наконецъ, политическихъ обстоятельствъ. Всѣ эти соображенія приводятъ Бѣлинскаго къ слѣдующему выводу:

«Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится «птичьимъ пѣніемъ», создастъ себѣ свой міръ, не имѣющій ничего общаго съ историческою и философскою дѣйствительностью современности, если она вообразитъ, что земля не достойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія не должны смущать ея таинственныхъ сновидѣній и поэтическихъ созерцаній! Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была

она, не войдутъ въ жизнь, не возбуждаютъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ... Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Что вошло, глубоко запало въ душу, то само собой проявится во вѣ».

Сообразно съ этими новыми воззрѣніями Бѣлинскаго на искусство, измѣнилась и оцѣнка его поэтическихъ произведеній. Онъ сталъ смотрѣть на нихъ не съ одной лишь эстетической точки зрѣнія, началъ искать въ нихъ не одного соответствія идеѣ и формѣ, а обращать вниманіе и на то, насколько произведеніе выражаетъ духъ современности и удовлетворяетъ интересамъ общества. Такъ, напримѣръ, 'взглядъ его на Пушкина совершенно измѣнился сравнительно съ тѣмъ, какой онъ высказывалъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Въ рядѣ статей, посвященныхъ разбору стихотвореній Пушкина, онъ ставитъ на видъ историческое значеніе Пушкина, какъ поэта, отдаетъ ему въ этомъ отношеніи полную справедливость, но въ то же время смотритъ, какъ на большой недостатокъ Пушкина, на его стремленіе къ чистому искусству и отрѣшеніе отъ современности, и вслѣдствіе этого отрицаетъ значеніе Пушкина для 40-хъ годовъ.

«Какъ бы то ни было,—говоритъ Бѣлинскій,—по своему воззрѣнію, Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возникаетъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные болѣзненные вопросы настоящаго... Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе, равно какъ и недостатокъ современнаго европейскаго образованія, тѣмъ не менѣе, были причиной постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили первыя его произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя въ художественномъ отношеніи, піесы; но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И тѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созданій. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина): съ другой стороны,

она вправѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина)»...

По поводу новыхъ взглядовъ Бѣлинскаго на искусство Тургеневъ рассказываетъ слѣдующій анекдотъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ: «Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на—отсутствующаго, разумеется—Пушкина, за его два стиха въ «Поэтъ и Чернь».

Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь!

«— И, конечно,—твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ:— конечно, дороже. Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю—и прежде чѣмъ любоваться красотой истукана,—будь онъ распрощидасовъ Аполлонъ,—мое право, моя обязанность наорить своихъ—и себя, на зло всякимъ негодующимъ баричамъ и впрещелѣтамъ».

На основаніи этихъ новыхъ своихъ взглядовъ на искусство Бѣлинскій продолженіемъ всѣхъ послѣднихъ пяти лѣтъ своей жизни былъ горячимъ и рьянымъ защитникомъ только-что возникшей въ то время реальной беллетристики, или, какъ тогда называли, *натуральной школы*. Вѣдя свое начало отъ Гоголя, эта школа далеко опередила своего основателя. Она заимствовала отъ него одну внѣшнюю форму. Между тѣмъ, духъ, господствовавшій въ ней, идеѣ, лежащія въ ея произведеніяхъ, не имѣли ничего общаго съ мистическими тенденціями Гоголя. По своему внутреннему содержанію, натуральная школа была отголоскомъ того общественнаго движенія, которое въ то время господствовало во Франціи. Защита раба отъ произвола господина, женщины отъ семейнаго рабства, осмѣяніе апатіи и рутины, грубаго невѣжества, отсутствія честности, гуманности и гражданскаго чувства—вотъ мотивы натуральной школы.

Вслѣдствіе этого, натуральная школа по самому существу была тенденціозна. Писатели, принадлежавшіе къ ней, изображали жизнь съ цѣлью ея анализа, выраженія своихъ общественныхъ симпатій и антипатій. Въ концѣ сороковыхъ годовъ школа эта окончательно утвердилась въ нашей литературѣ. Въ это время въ ней подвизались уже Искандеръ, Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Достоевскій, Некрасовъ, И. Панаевъ и пр.

Бѣлинскій глубоко понималъ значеніе и сущность этой новой школы. Съ энтузіазмомъ встрѣчалъ онъ каждый начинающій талантъ, идущій по этому направленію, и не упускалъ случая распространиться по поводу значенія въ его время натуральной школы, и значенія не одного только художественнаго, но преимущественно общественнаго, гражданскаго.

X.

Быль ли хоть сколько-нибудь обеспеченъ въ матеріальномъ отноше-
ніи этотъ человѣкъ, стоявшій теперь во главѣ русской литературы? Увы!
онъ по прежнему путался въ долгахъ и едва-едва сводилъ концы съ кон-
цами. Къ тому же, онъ былъ теперь уже не одинокимъ бобылемъ, а семья-
ниномъ: въ 1843 году, въ бытность въ Москвѣ, онъ сблизился съ одною
институтскою классною дамою, на которой и женился въ ноябрѣ того же
года. Онъ имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей: сына, умершаго младенцемъ, и дочь,
остававшуюся въ живыхъ и послѣ смерти отца. Журнальная работа въ «Оте-
чественныхъ Запискахъ» очень скудно оплачиваемая, въ то же время исто-
щала и умственные, и физическія силы Бѣлинскій. Скверно было то,
что, завѣдуя критическимъ отдѣломъ, онъ не могъ ограничиваться одними
большими критическими статьями, а долженъ былъ ежемѣсячно писать массу
мелкихъ рецензій о каждой вновь выходящей дребедени въ родѣ ораку-
ловъ, сонниковъ, поваренныхъ книжекъ и т. п.

«Журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненныя силы,
какъ вампиръ кровь,—пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей въ началѣ
1846 года.—Обыкновенно, я недѣли двѣ въ мѣсяцъ работаю съ страш-
нымъ лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и
отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмелья
послѣ двухнедѣльной оргіи, праздношатаюсь и считаю за трудъ прочесть
даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно за-
валенная грязью и соромъ російской словесности. Здоровье видимо раз-
рушается»...

И дѣйствительно, здоровье съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе измѣ-
няло Бѣлинскому. Осенью 1845 года онъ выдержалъ сильную болѣзнь,
которая грозила опасностью самой жизни. Все это заставило его въ на-
чалѣ 1846 года оставить «Отечественныя Записки», попытаться встать
на ноги и самостоятельно устроить такъ свои дѣла, чтобы работать сво-
бодно, когда есть охота, а не по принужденію. Съ этою цѣлью Бѣлин-
скій задумалъ издать большихъ размѣровъ альманахъ подъ заглавіемъ
«Левіафанъ». Подобные альманахи были тогда въ ходу. Передъ тѣмъ въ
такомъ же родѣ былъ задуманъ и изданъ, въ началѣ 1846 года, Некра-
совымъ «Петербургскій Сборникъ», въ которомъ участвовалъ и Бѣлинскій
со своею статьею «Мысли и замѣтки о русской литературѣ». Въ Москвѣ
въ 1846 и слѣдующемъ году явились два «Московскіе Сборника». Друзья
Бѣлинскаго не замедлили со всѣхъ сторонъ снабдить его и серьезными
статьями, и беллетристикою для его сборника. Все это были труды перво-
степеннаго достоинства и предлагались издателю безвозмездно.

Но изданіе альманаха не состоялось. Крайнее разстройство здоровья
принудило Бѣлинскаго ѣхать весною 1846 года въ Крымъ съ М. С. Щеп-
кинымъ, причемъ поѣздка эта только и могла состояться при помощи

друзей, которые собрали для этой цѣли въ складчину 500 рублей. Это была уже прямая помощь. Бѣлинскій не усумнился принять ее, зная привязанность къ нему друзей. Это окончательно обезпечивало его поѣздку.

Между тѣмъ въ отсутствіе Бѣлинскаго состоялось пріобрѣтеніе въ аренду Некрасовымъ и Панаевымъ пушкинскаго «Современника», издававшегося послѣ его смерти Плетневымъ. Вернувшись изъ поѣздки, Бѣлинскій былъ очень обрадованъ неожиданнымъ для него извѣстіемъ о предстоящемъ возникновеніи «Современника».

«Всѣ эти приготовленія, — рассказываетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — толки о новомъ изданіи, мысль, что онъ, освободясь отъ непріятной ему зависимости, будетъ теперь свободно дѣйствовать съ людьми, въ которыхъ онъ питалъ полную симпатію, которые глубоко уважали и любили его; наконецъ, довольно забавная полемика, возникшая тогда между нами и «Отечественными Записками» — все это поддерживало его нервы, оживляло и занимало его. Бѣлинскій принялся съ жаромъ за статью о русской литературѣ для «Современника» и отдалъ въ распоряженіе журнала весь тотъ богатый матеріалъ, который онъ собралъ для предполагавшагося «альманаха».

Но не долго продолжался этотъ подъемъ духа Бѣлинскаго. Здоровье его, не смотря на путешествіе въ Крымъ, ни мало не поправилось. Докторъ его уже въ началѣ 1847 года говорилъ, что ему необходимо отправиться на воды въ Силезію; но средствъ для этого не было. Новый журналъ только-что вставалъ еще на ноги и не могъ еще вполне обезпечить Бѣлинскаго. А чтобы существовать, ему приходилось забирать въ редакціи впередъ. «Нынешній годъ, — пишетъ онъ Боткину 22-го апрѣля 1847 г., — въ денежномъ отношеніи для меня ужасенъ, хуже прошлаго: я забралъ *остъ* деньги по 1 января 1848 г., безъ меня жена, а потомъ я по пріѣздѣ осенью, будемъ забирать сумму 1848 года. У меня на лекарство выхолить рублей 30 и 40 серебромъ въ мѣсяцъ, если не больше, да рублей 50 серебромъ стоитъ докторъ. Домъ мой — лазаретъ»...

Къ тому же жестоко поразила Бѣлинскаго смерть младенца сына. «Это меня уходило страшно, — пишетъ онъ Тургеневу 12 апрѣля, — я не живу, а умираю медленною смертью»...

И опять-таки друзья Бѣлинскаго не оставили его безъ своей поддержки и снова собрали сумму, необходимую ему на поѣздку за границу. Хотя и глубоко тронутый, но все-таки, скрѣпя сердце, принялъ Бѣлинскій эту помощь. «Скажу тебѣ откровенно, — пишетъ онъ Боткину, — эта жизнь на подаваніяхъ становится мнѣ невыносимою»..

Мая 5-го Бѣлинскій началъ свое заграничное путешествіе, отѣхавъ на пароходѣ, въ Штетинъ, а въ ноябрѣ того же года вернулся домой. Въ это время онъ побывалъ и въ Берлинѣ, и въ Дрезденѣ, и въ Швейцаріи, и въ Зальцбруннѣ, и въ Парижѣ. Очень усердно лечился онъ все это время, и въ первое время по возвращеніи изъ заграничья дѣйствительно казался

бодрѣе и свѣжѣе и возбуждалъ-было въ друзьяхъ надежду, что здоровье его поправится. Онъ поселился на новой квартирѣ, на Лиговѣ, въ домѣ Галченкова, недалеко отъ нынѣшней станціи московской желѣзной дороги.

«Квартира эта, — говоритъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — довольно просторная и удобная, на обширномъ дворѣ этого дома, во второмъ этажѣ деревяннаго флигеля, передъ которымъ расло нѣсколько деревьевъ, производила какое-то грустное впечатлѣніе. Деревья у самыхъ оконъ придавали мрачность комнатамъ, заслоняя свѣтъ».

«Наступила глухая осень, съ безразсвѣтными петербургскими днями, съ мокрымъ снѣгомъ, съ сыростью, проникающею до костей. Выбѣствъ съ этимъ у Бѣлинскаго возобновилось снова удущье, еще въ болѣе сильной степени сравнительно съ прежнимъ. Кашель начиналъ опять страшно мучить его днемъ и ночью, отчего кровь безпрестанно прилиwała у него въ головѣ. По вечерамъ чаще и чаще обнаруживалось лихорадочное состояніе, жаръ... Силы его гаснули замѣтно съ каждымъ днемъ».

Онъ, однако, все еще работалъ. Для первой книжки «Современника» приготовилъ онъ статью «Взглядъ на русскую литературу 1847 года» и нѣсколько библиографическихъ статей. Во второй книгѣ помѣщено только нѣсколько короткихъ рецензій. Для третьей книгѣ онъ далъ вторую статью о литературѣ 1847 г., гдѣ, между прочимъ, остановился на новыхъ повѣствователяхъ, которые были въ то же время его любимцами, Искандеръ, Гончаровъ, Тургеневъ, Далъ, Григоровичъ, Дружининъ. Въ четвертой книгѣ помѣстилъ онъ двѣ небольшія рецензіи. Этимъ и кончилась его литературная дѣятельность.

«Зима 1847—1848 г. тянулась для Бѣлинскаго мучительно, — рассказываетъ Панаевъ, часто его видѣвшій. — Съ физическими силами падали и силы его духа. Онъ выходилъ изъ дому рѣдко. Дома, когда у него собирались пріатели, онъ мало одушевлялся и часто повторялъ, что ему уже не долго остается жить. Говорятъ, что больные чахоткой обыкновенно не сознаютъ опасности своего положенія. У Бѣлинскаго не было этой иллюзіи; онъ не рассчитывалъ на жизнь и не утѣшалъ себя никакими надеждами...

«Болѣзненные страданія развились страшно въ послѣднее время отъ петербургскаго климата, отъ разныхъ огорченій, непріятностей и отъ тяжелыхъ и смутныхъ предчувствій чего-то недобраго. Стали носиться какіе-то неблагопріятные для него слухи, все какъ-то душнѣе и мрачнѣе становилось кругомъ его; статьи его разсматривались все строже и строже. Онъ получилъ два весьма непріятныя письма, написанныя, впрочемъ, съ большою деликатностью, отъ одного изъ своихъ прежнихъ наставниковъ, бывшаго учителя пензенской гимназіи, Попова, котораго онъ очень любилъ и уважалъ. Ему надобно было, по поводу ихъ, вѣхать объясняться, но онъ уже въ это время не выходилъ изъ дому...

«Нѣкоторые господа, мнѣніемъ которыхъ Бѣлинскій дорожилъ нѣкогда, начинали поговаривать, что онъ исписался, что онъ повторяетъ зады, что

его статьи длинны, вялы и скучны... Это доходило и до него, и глубоко огорчало его...»

«Къ весѣ болѣзнь начала дѣйствовать быстро и разрушительно. Щеки его провалились, глаза потухли, изрѣдка только горя лихорадочнымъ огнемъ, грудь впала, онъ еле передвигалъ ноги и начиналъ дышать страшно. Даже присутствіе друзей уже было ему въ тягость.

«Я разъ зашелъ къ нему утромъ (въ маѣ) — рассказываетъ далѣ Панаевъ, — на дворъ подъ деревья вынесли диванъ — и Бѣлинскаго вывели подышать чистымъ воздухомъ. Я засталъ его уже на дворѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, опустъ голову и тяжело дыша. Увидѣвъ меня, онъ грустно покачалъ головою и протянулъ мнѣ руку. Черезъ минуту онъ приподнялъ голову, взглянулъ на меня и сказалъ:

«— Плохо мнѣ, плохо, Панаевъ!

«Я началъ было нѣсколько словъ въ утѣшеніе, но онъ перебилъ меня.

«— Полноте говорить вздоръ.

«И снова молча и тяжело дыша опустилъ голову. Я не могу высказать, какъ мнѣ было тяжело въ эту минуту... Я начиналъ заговаривать съ нимъ о разныхъ вещахъ, но все какъ-то неловко, да и Бѣлинскаго кажется, уже ничего не интересовало... «Все кончено!» думалъ я. Бѣлинскій умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ этого...»

Присутствовавшіе при его смерти рассказывали, что Бѣлинскій, за нѣсколько минутъ до кончины, лежавшій уже въ постели безъ сознанія, вдругъ быстро поднялся, съ сверкавшими глазами, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, проговорилъ невнятными, прерывающимися словами, но съ энергіей, какія-то слова, обращенныя къ русскому народу, говорившія о любви къ нему... Его поддержали, уложили въ постель, и черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ. Это было 26 мая, 1848 года, въ 6-мъ часу утра.

Немногіе петербургскіе друзья проводили тѣло его до Волкова кладбища, и могила его, украшенная впоследствии мраморнымъ памятникомъ, была первою на Волковомъ кладбищѣ литературною могилою, вокругъ которой стали съ тѣхъ поръ хоронить лучшихъ русскихъ литераторовъ, вслѣдствіе чего и мостки, ведущіе къ могилѣ Бѣлинскаго, получили названіе *литераторскихъ*.

Семейство Бѣлинскаго осталось, конечно, безъ всякихъ средствъ. Похоронили Бѣлинскаго на деньги, собранныя близкими друзьями. Участвовавшіе въ складчинѣ, согласились вносить и впредь ежегодно извѣстную сумму, пока не будетъ обезпечено семейство покойнаго... Вдова Бѣлинскаго переѣхала на житье въ Москву и, нѣсколько времени спустя, получила въ томъ институтѣ, гдѣ была прежде классной дамой, мѣсто кастелянши... Когда, двѣнадцать лѣтъ спустя, основанъ былъ литературный фондъ, однимъ изъ первыхъ его дѣлъ было назначеніе пенсіи семейству Бѣлинскаго, и это была самая значительная пенсія, какія фондъ назначалъ.

А. Снабичевскій.

РОДИНА

Романъ Гернефельда.

Переводъ съ финскаго проф. П. О. Морозова.

(Продолженіе *).

Наступала осень. Однажды, въ холодный вечеръ, Хейкки поднялся на Сосновую гору и замѣтилъ, что открывающійся съ нея видъ успѣлъ уже совершенно измѣниться. Листья на деревьяхъ уже пожелтѣли; облака безформенными хлопьями бѣжали по небу; по озеру ходили мелкія сѣрыя волны; безпокойныя стада утокъ, то опускаясь въ кусты, то поднимаясь высоко надъ берегомъ, улетали вдаль. А тамъ, на дальнемъ югѣ, еще ярко свѣтило солнце, воздухъ казался болѣе теплымъ, и рѣки весело стремились туда, отражая блестящія солнечныя лучи. Рѣки уходятъ въ синѣющую даль, — и на ихъ быстромъ пути земля становится все богаче и привѣтливѣе, люди живѣе и подвижнѣе, и, наконецъ, на морскомъ побережьѣ появляются города съ высокими церквами и красивыми домами...

Облако прошло передъ солнцемъ. Ближайшія окрестности потемнѣли, зато ярче заблестѣли на горизонтѣ далекія рѣки съ тысячами мелкихъ волнъ, перегоняющихъ одна другую... И всѣ эти волны спѣшатъ, всѣ онѣ весело, радостно бѣгутъ туда, — на югъ!

Вѣтеръ прошумѣлъ въ верхушкѣ сосны, потомъ всеолыхнулъ дальнюю березу, потомъ — еще дальше — повачнулъ другое дерево. И онъ тоже мчится на югъ!

Птичка присѣла на вѣтку, оглянулась, чирянула и, словно чего-то испугавшись, быстро полетѣла — на югъ!

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

Всѣ туда и все туда,—на дальній югъ!

А здѣсь, на Сосновой горѣ, гдѣ, понутивъ голову, сидѣлъ Хейкки, осталось только грустное, безжизненное одиночество...

Недаромъ Фанни пожалѣла о немъ: „вокругъ васъ нѣтъ ни одной живой души, которая могла бы васъ понять“,—сказала она.

А потомъ вдругъ она узнала, что Лиза — будущая хозяйка хутора, будущая жена Хейкки... Онъ не могъ безъ красна стыда въ лицѣ вспомнить объ этомъ случаѣ. Фанни воображала, что онъ рѣшилъ навсегда остаться въ деревнѣ ради великой патріотической идеи, что онъ пожертвовалъ собой ради „народа“,—и вдругъ оказывается, что онъ просто-на-просто хочетъ жениться и сдѣлаться самымъ зауряднымъ хуторяниномъ!

Фанни имѣла право его презирать.

Однако, она простила съ нимъ дружески, словно между ними все-таки осталась какая-то неразрывная связь. Въ ея послѣднемъ рукопожатіи, въ ея послѣднемъ взглядѣ чувствовались слова: „Уѣзжай, уѣзжай отсюда, Хейкки! Бойся того будущаго, съ которымъ ты хочешь навѣки связать себя! Посмотри, куда мы ѣдемъ, — посмотри, какъ мы весело стремимся къ нашему неизвѣстному, но все-таки привлекательному, будущему! Ты молодъ, тебѣ слѣдуетъ любить то, что мы любимъ. Ты не можешь любить такой будущности, въ которой каждый шагъ опредѣленъ заранее, весь путь намѣченъ во всѣхъ подробностяхъ. Мы живемъ только одинъ разъ; отчего же не воспользоваться всѣми сторонами жизни? зачѣмъ разбивать на мелкіе куски ея цѣльную, заманчиво-прекрасную картину, зачѣмъ сглаживать ея оригинальныя черты въ однообразный рядъ ежедневныхъ мелочей?“

Бруно и Артуръ въ своемъ спорѣ не вполне ясно высказали свою мысль; теперь Хейкки представлялъ ее себѣ совершенно отчетливо. Они должны были бы связать: „мелкія“ души — тѣ, которыя, будучи предоставлены самимъ себѣ, погружаются въ свою мелочность;—тѣ, которыя могутъ быть чѣмъ-нибудь только тогда, когда постоянно видятъ передъ собою и вокругъ себя людей съ высшими стремленіями.

Могъ ли Хейкки всецѣло и навсегда отказаться отъ высшихъ духовныхъ стремленій?

— Мелкія души узнаются по тому, чѣмъ онѣ удовлетворяются,—сказалъ Артуръ.

Что за дѣло было Хейкки до того, что его полюбили

здѣсь эти простые деревенскіе люди? Развѣ онъ не жаждалъ всегда большаго? развѣ его умственный горизонтъ не былъ гораздо шире ближайшаго окружающаго?

И Хейкки, въ ужасу своему, замѣтилъ, что онъ теперь ни о чемъ не думаетъ, кромѣ того, какъ бы выбраться изъ дому. Вопросъ о необходимости уѣхать представился ему уже рѣшеннымъ. Только бы найти удобный предлогъ,—онъ не поколебался бы ни минуты; если бы не было необходимости сказать отцу: я уѣзжаю,—онъ уѣхалъ бы сейчасъ же. Но такъ уѣхать было невозможно; надо было, во что бы то ни стало, найти средство...

* * *

Пока осеннее небо было еще ясно, Хейкки часто ходилъ гулять на Сосновую гору. Его глаза точно подернулись какакимъ-то траурнымъ флеромъ: все, что онъ видѣлъ здѣсь, у себя дома, представлялось ему далекимъ и потемнѣвшимъ. Домашніе замѣчали въ немъ эту перемену и вопросительно поглядывали другъ на друга и на него, но ничего не говорили.

Однажды онъ сидѣлъ на своей любимой скамьѣ, и вдругъ увидалъ, что къ нему подходитъ Лиза. Увидалъ—и смутился отъ неожиданности. Лиза зашла сюда случайно, во время прогулки, и тоже не ожидала этой встрѣчи. Она покраснѣла и потупилась, перебирая руками свой передникъ. Они такъ рѣдко разговаривали между собою, что и теперь не знали, что бы такое сказать.

Хейкки ужасно захотѣлось упасть передъ нею на колѣни, спрятать свою голову у нея на груди и признаться во всемъ своемъ ничтожествѣ,—совсѣмъ такъ, какъ онъ хотѣлъ сдѣлать это прежде: сказать прямо, что въ немъ нѣтъ ничего великаго, ничего, что стоило бы вниманія и уваженія, что онъ, напротивъ, самый ничтожный изъ всѣхъ ничтожныхъ. Онъ глубоко чувствовалъ рѣшительную неизбежность такого признанія, — чувствовалъ теперь яснѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Онъ всячески старался приблизиться къ Лизѣ, старался прогнать отъ себя мысль о томъ, что она необразованная дѣвушка, а онъ—образованный человѣкъ, но все еще не могъ вполне овладѣть собою. Теперь же онъ сознавалъ, что онъ долженъ сдѣлать это признаніе,—что онъ словно обязанъ просить прощенія за какую-то вину. Это сознаніе съ особенной силой пробудилось въ немъ при неожиданной встрѣчѣ съ Лизой.

— Ты, Хейкки, опять что-то заскучалъ, — сказала, наконецъ, дѣвушка.

— Да, Лиза, — мнѣ очень тяжело, мнѣ приходится выдерживать сильную душевную борьбу...

Хейкки почувствовалъ, что именно теперь настала рѣшительная минута и все зависитъ отъ того, что имъ будетъ сказано. Онъ до послѣдней минуты колебался, но теперь уже не было времени на размышленіе. Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ началъ говорить, но съ первымъ же словомъ убѣдился, что его душевная борьба кончена.

Это первое слово ему было очень тяжело сказать.

— Лиза, я... я ужасно страдаю!..

Дальше было уже легче: чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ свободнѣе лилась его рѣчь.

— Я вижу, я убѣдился, что я не созданъ для жизни здѣсь, въ деревнѣ. Здѣсь я никогда ничего не достигну. Всѣ тѣ возвышенныя стремленія, съ какими я сюда явился, совсѣмъ заглохли. Я не могу жить среди этой захолустной тишины, вдали отъ общественнаго движенія; мнѣ необходимо дышать воздухомъ большого общества. Я и самъ сначала думалъ, что здѣсь мнѣ можно будетъ осуществить по крайней мѣрѣ хоть часть тѣхъ плановъ, о которыхъ я мечталъ; но теперь вижу, что это невозможно. Здѣсь у меня нѣтъ никакого вліянія, никакой энергіи, никакихъ духовныхъ стремленій; здѣсь для меня все мертво. Я не могу успокоиться, не могу помириться съ этою замкнутою жизнью, въ которой я не вижу никакихъ высшихъ духовныхъ цѣлей. Здѣсь, въ деревнѣ, невозможно никакое движеніе впередъ; мало-по-малу я останусь далеко назадъ и сдѣлаюсь бесполезнымъ существомъ, никому и ни на что не нужнымъ...

Во время этой рѣчи онъ впервые вспомнилъ данную имъ когда-то вѣтву въ вѣчной вѣрности своей идеѣ, — и это воспоминаніе теперь неожиданно придало ему такую самоувѣренность, что онъ былъ вполне и горячо убѣжденъ въ непреложной истинности всего, сказаннаго имъ Лизѣ. Теперь онъ могъ въ самомъ дѣлѣ говорить долго и убѣдительно. Но Лиза слушала его такъ серьезно, что ему стало какъ-то неловко продолжать въ томъ же духѣ. Вѣдь она знала, что у него были возвышенныя идеи, и что онъ стремился къ чему-то такому, чего домашніе не могли понять. Объ этомъ и раньше былъ у нихъ разговоръ. Но Лиза до сихъ поръ думала, что всѣ эти стремленія могутъ осуществиться здѣсь, дома; она

мечтала о томъ времени, когда Хейкки поднимется на вершину своей славы, и люди будутъ приходить въ Нагорное, чтобы подивиться на молодого хозяина и поучиться у него уму-разуму. А теперь Хейкки говоритъ, что ему необходимо уѣхать въ какой-то другой міръ, далеко отъ родного дома... И зачѣмъ только она пришла сюда, на Сосновую гору, къ этой уединенной скамейкѣ? Вѣдь она знала, что встрѣтитъ его здѣсь...

Она опустила голову на грудь и не рѣшалась взглянуть на него.

— Такъ вотъ, Лиза,—сказалъ Хейкки, — я хотѣлъ бы тебя кое о чемъ попросить. Ты знаешь, что отецъ будетъ противъ моего отъѣзда... Конечно, я думалъ самъ переговорить съ нимъ,—но это мнѣ ужасно тяжело! Не согласишься ли ты подготовить его къ этому разговору?

Лиза не нашла, что отвѣтить.

— Ты, вѣдь, поняла меня, не правда ли?—продолжалъ Хейкки.—Я вовсе не думаю покинуть васъ навсегда; напротивъ, я думаю сюда вернуться впоследствии. Теперь же меня призываютъ болѣе высокія жизненные задачи. Мнѣ необходимо уѣхать,—это мой долгъ! Скажи, Лиза, ты поговоришь съ отцомъ?

— Да, поговорю,—тихо сказала Лиза.

Домой они вернулись вмѣстѣ. Дорогой Хейкки старался быть веселѣе и все убѣждалъ Лизу въ своей правотѣ. Такимъ образомъ, первый шагъ, который онъ считалъ невозможнымъ и на который у него никогда не хватило бы силы, если бы не эта дѣвушка, былъ теперь сдѣланъ. Весь вопросъ заключался въ томъ, удастся ли продолжать такъ же, какъ было начато. У него сильно билось сердце при мысли о возможности уѣхать въ Гельсингфорсъ... Хейкки чувствовалъ, что онъ опять можетъ освободиться отъ этой мелочной, будничной жизни, отъ этихъ скучныхъ обязанностей, къ которымъ онъ напрасно старался привыкнуть въ деревнѣ. Конечно, именно такое сѣренькое существованіе имѣлъ въ виду Снельманъ, говоря, что бываютъ люди, которые довольствуются вопросомъ объ удобреніи полей и ради него готовы забывать о высокіхъ идеяхъ. Вотъ и Хейкки былъ именно такой „мелкой душой“. Но теперь онъ покажетъ, что онъ еще въ состояніи освободиться отъ этой мелочности, что у него еще, слава Богу, не совсѣмъ потухли высокія чувства!..

Подойдя къ двору, Хейкки вдругъ замѣтилъ, что въ одномъ мѣстѣ плетень едва держится.

— Погляди-ка, это надо поправить!—сейчас же сказалъ онъ и съ особеннымъ стараніемъ сталъ укрѣплять плечень. Но Лиза, не останавливаясь, пошла впередъ. Хейкки съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Да что же такое случилось? Неужели она плачетъ? Не можетъ быть!.. Зачѣмъ же она такъ низко опустила голову?..

Хейкки словно упалъ съ высоты. Въ его сердцѣ дрогнуло какое-то смутное сознаніе, что, можетъ быть, лучше было бы все это бросить и зажить по прежнему,—и кровь бросилась ему въ лицо. Нѣтъ, теперь ужъ поздно: все прежнее однимъ ударомъ было разбито въ дребезги...

Скорѣе, чѣмъ можно было этого ожидать, Хейкки встрѣтилъ серьезный, пристальный взглядъ отца. Старикъ сначала ничего не сказалъ, но Хейкки понялъ его мысли и не нашелъ въ себѣ силы взглянуть ему въ глаза.

— Я хочу о твоёмъ дѣлѣ поговорить съ пасторомъ,—сказалъ, наконецъ, старикъ.—Если ты желаешь сдѣлаться ученымъ, такъ я хотѣлъ бы, чтобы ты былъ пасторомъ.

Онъ сказалъ это такъ убѣжденно и строго, что Хейкки сразу почувствовалъ невозможность что-либо возразить; напротивъ, ему стало ясно, что отецъ сказалъ нѣчто такое, о чемъ онъ думалъ нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, рѣшился привести въ исполненіе. Для Хейкки эти слова звучали неотмѣнимымъ приказомъ и приговоромъ.

Оставшись наединѣ съ самимъ собою, онъ удивлялся этому сильному впечатлѣнію. Онъ принялъ отцовское рѣшеніе совсѣмъ какъ ребенокъ, судьбою котораго распоряжаются старшіе, не спрашивая его мнѣнія; онъ упрекалъ себя за это ребяческое малодушіе, и видѣлъ въ немъ главную причину своей неспособности къ какому-нибудь важному, самостоятельному, дѣлу. Хорошъ былъ бы Снельманъ, если бы во всѣхъ своихъ поступкахъ справлялся съ тѣмъ, что будетъ угодно отцу или приходскому пастору!

Впрочемъ, Хейкки, въ сущности, не придавалъ словамъ отца рѣшительнаго значенія. Пасторомъ онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ:—это просто невозможно; это противорѣчить всѣмъ его наклонностямъ!

Но, когда отецъ въ самомъ дѣлѣ отправился къ пастору, Хейкки, все-таки, сильно встревожился. А что, если старикъ дѣйствительно потребуетъ, чтобы онъ готовился къ духовному званію? Его воля всегда была такъ непреклонна; его поведение — особенно въ послѣднее время — было такъ сухо, а

*

лицо такъ строго... Можетъ быть, въ эту минуту онъ съ пасторомъ уже безповоротно рѣшаютъ всю его будущность!..

* * *

Не только старикъ Нагорный, но и все населеніе хутора какъ-то сразу притихло и стало серьезнѣе. Всѣ знали намѣренія стараго хозяина, такъ какъ онъ уже сказалъ крестьянамъ, что Хейкки опять поѣдетъ учиться.

Старый Ману тотчасъ же одобрилъ это. „Да, да,—говорилъ онъ, вздыхая, — Богъ дастъ, придетъ время, этотъ самый Хейкки будетъ говорить проповѣди въ нашей церкви, а я стану слушать его своими старыми ушами!“

Этого именно и желалъ отецъ. Если изъ Хейкки не вышло пахаря, и если онъ хочетъ продолжать начатое ученье,—что же, пусть продолжаетъ, пусть идетъ впередъ по этой дорогѣ. Есть и другія средства привязать его къ родному углу,—если и не такъ крѣпко, какъ привязало бы хозяйство, то все-таки настолько, что онъ будетъ полезенъ своимъ землякамъ. Пасторъ, безъ сомнѣнія, поможетъ ему въ этомъ. Онъ возьметъ Хейкки себѣ въ помощники, а потомъ Хейкки можетъ остаться здѣсь и викаріемъ, лишь бы было на то его желаніе.

Этотую новою мыслью старикъ былъ почти доволенъ; онъ былъ увѣренъ, что пасторъ совершенно одобритъ ее: вѣдь самъ же онъ настоялъ на томъ, чтобы Хейкки отдали въ гимназію; самъ онъ такъ привязанъ къ своему приходу, и, конечно, пойметъ желаніе старика-отца удержать своего единственнаго наслѣдника въ родномъ углу, и съ своей стороны сдѣлаетъ для него все, что можно.

И Нагорный весело поѣхалъ въ старый домъ пастора.

Когда онъ подѣхалъ къ дому, пасторъ работалъ у себя въ саду. На немъ была круглая черная шапочка, изъ подъ которой падали на плечи длинные и мягкіе сѣдые волосы. Онъ былъ усердно занятъ выкапываніемъ отцвѣтшихъ розовыхъ кустовъ, чтобы сохранить ихъ на зиму, и, какъ кротъ, рылся въ своихъ грядкахъ, всецѣло поглощенный этимъ дѣломъ.

Замѣтивъ Нагорнаго, старикъ весело посмотрѣлъ на него, поднявъ свои густыя, сѣдыя брови.

— Ба, да никакъ это Нагорный? Онъ и есть! Ну, здравствуй, старый пріятель,—добро пожаловать! Навѣрное, у тебя есть дѣло, хе-хе-хе! Вѣдь безъ этого ты такъ и не собрался бы навѣстить стараго пастора, я знаю, знаю тебя! Ну, иди же, иди въ домъ! А я тутъ все возился съ цвѣтами, вотъ, даже спина заболѣла... Да, да!.. Ну, такъ иди же, иди!

Онъ привелъ Нагорнаго въ домъ, усадилъ на диванъ и сталъ набивать трубку.

Сердечный приемъ пастора очень обрадовалъ Нагорнаго и разогналъ всё его тревоги. Вѣдь вотъ, — подумалъ онъ, — этотъ старикъ могъ же на вѣки вѣчные душевно привязаться къ своему приходу; отчего же и Хейкки не можетъ сдѣлаться такимъ же другомъ своихъ прихожанъ?

— Ну, вотъ, Хейкки опять хочетъ ѣхать въ Гельсингфорсъ, — сказалъ Нагорный послѣ двухъ-трехъ незначительныхъ фразъ.

— Въ Гельсингфорсъ? — спросилъ пасторъ. — Ну, да, такъ; это можно было угадать. Ну, а ты, пріятель, что ты на это ему связалъ?

— Я не хочу держать его здѣсь насильно; я хотѣлъ бы, чтобы онъ готовился въ пасторы.

— Гм, въ пасторы... А развѣ твой сынъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ быть пасторомъ?

Пасторъ уже забылъ, что онъ самъ когда-то говорилъ то же самое. Нагорный не понялъ его вопроса. Тогда пасторъ постарался объяснить ему свою мысль.

— Видишь ли, другъ мой, для того, чтобы въ наше время сдѣлаться пасторомъ, нужно особенное призваніе, сильное внутреннее желаніе, которое только и можетъ дать энергію для исполненія трудной обязанности духовнаго пастыря. Я ничего не говорю о твоёмъ сынѣ. Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ способенъ на это, — можетъ быть; но я хочу только спросить, самъ ли онъ по своей волѣ выбираетъ эту дорогу?

— Да почему же ему и не выбрать ее? — сказалъ Нагорный. Онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, что такое говорилъ пасторъ о „призваніи“ и о „желаніи“: кто же могъ бы не желать себѣ такого мѣста, на которомъ можно спокойно прожить весь вѣкъ, — и кто не чувствуетъ къ нему призванія? А если бы Хейкки этого не чувствовалъ, такъ онъ постарался бы какъ-нибудь избавиться отъ исполненія отцовской воли; но вѣдь онъ не возражалъ ни слова!

Пасторъ и Нагорный, очевидно, говорили на разныхъ языкахъ; но для пастора стало ясно, что желанія сына и отца не сходятся между собою.

— И я думалъ, — не безъ робости прибавилъ Нагорный, — что мой Хейкки, сдѣлавшись пасторомъ, могъ бы остаться здѣсь вашимъ помощникомъ...

Прежде чѣмъ пасторъ успѣлъ отвѣтить, въ комнату вошла его жена. Она плохо говорила по фински, но старалась выразиться какъ можно понятнѣе. Увидя Нагорнаго, она ласково протянула ему руку.

— Ну, Нагорный, — сказала она, — скоро мы должны связать все прощай: пасторъ теперь находилъ другой мѣсто, далеко отсюда; весной должны ѣхать прочь.

Нагорный съ удивленіемъ посмотрѣлъ на пастора. Тотъ, какъ будто, сначала немного смѣшался, но потомъ сталъ торопливо объяснять, въ чемъ дѣло.

— Да, да, вотъ видишь ли, Нагорный, — мнѣ никогда и въ голову не приходило перебираться на другое мѣсто; но я не могу: я не одинъ, я — человѣкъ семейный, у меня много дѣтей; на новомъ мѣстѣ у меня будетъ доходу почти на тысячу марокъ въ годъ больше. Ты, конечно, понимаешь, что я долженъ тоже заботиться и о своей семьѣ, и что я не могу думать только о прихожанахъ. Жена и дѣти — прежде всего! Но, разумѣется, я и въ радости, и въ горѣ всегда буду вспоминать здѣшній приходъ, который былъ для меня роднымъ, и всѣхъ васъ, моихъ милыхъ прихожанъ, и тебя, Нагорный!

Слеза блеснула на глазахъ у стараго пастора.

Нагорный поспѣшно поднялся съ мѣста, распрощался и уѣхалъ.

* * *

На обратномъ пути онъ нагналъ пѣшехода. Это былъ поселенецъ, крѣпко державшійся старыхъ обычаевъ и когда-то бывший въ большой дружбѣ съ Нагорнымъ; но въ послѣднее время они какъ-то разошлись.

— Садись, Густавъ, подвезу, — намъ по дорогѣ, — сухо сказалъ Нагорный.

Густавъ сѣлъ къ нему въ повозку. Долго они перекидывались другъ съ другомъ незначительными фразами, но потомъ вдругъ разговоръ перешелъ на то дѣло, изъ-за котораго они когда-то почти поссорились. Густавъ слышалъ, что Хейкки собирается уѣзжать.

— Что же, сынку твоему здѣсь не нравится? Ну, да вѣдь онъ — студентъ, ученый господинъ!..

— Да, да, сказалъ Нагорный и закашлялся.

Густавъ пристально и ласковѣе прежняго посмотрѣлъ на него.

— У меня сынокъ тоже ужъ большой, — сказалъ онъ. — Такой же, какъ и я, мужикъ: я его держалъ далеко отъ школы,

да и не жалѣю объ этомъ, потому что теперь онъ отлично продолжаетъ дѣло, начатое мною. А ты, вотъ, не послушался меня, старика, да и выпустилъ сыночка!..

— Да, вѣдь ты знаешь, что меня уговорилъ пасторъ, — сказалъ Нагорный. — Я и теперь отъ него ѣду.

— Что же онъ теперь говорить?

— Говорить, что онъ самъ собирается отсюда уѣхать.

— Вотъ какъ! Нашъ пасторъ уѣзжаетъ!.. — Густавъ долго молчалъ и, наконецъ, сказалъ:

— Вотъ, теперь ты видишь. Ты всю жизнь гонялся за земными благами, за хлѣбными магазинами да за такими пасторами. Только тотъ истинный пастыръ духовный, который никогда не броситъ своего стада; только то истинное благо, котораго ни тля не точитъ, ни ржавчина не поѣдаетъ. Фарисеи наговорили тебѣ красныхъ словъ, а ты имъ и повѣрилъ. Всѣ эти новыя рѣчи о „родинѣ“ и о „народѣ“ — одно пустословіе! Ученіе познается по плодамъ его: ушелъ отъ насъ и школьный нашъ учитель, уходитъ теперь и нашъ пасторъ, да и коренные здѣшніе жители, какъ только научатся чему-нибудь, тоже разбѣгаются, кто куда, искать себѣ новаго счастья на чужой сторонѣ... Онъ опять помолчалъ, а потомъ спросилъ:

— Что же, ты, значить, одинъ останешься, съ своей воспитанницей Лизой?

А на прощанье прибавилъ:

— Мой сынъ Иванъ — хорошій работникъ, и парень неглупый и смиренный. Старые пріатели крѣпко пожали другъ другу руки.

* * *

Настала осень, вѣтреная и дождливая. Въ нѣсколько дней буря сорвала съ деревьевъ почти всѣ пожелтѣвшіе листья. Вѣтеръ уныло завывалъ въ трубахъ и злобно встряхивалъ обнаженные верхушки деревьевъ. Сѣрое небо тяжело нависло надъ землей, и грязная дорога тоскливо уходила вдаль...

Старикъ Нагорный долго говорилъ съ сыномъ и, наконецъ, сказалъ ему: „ты — совершеннолѣтній; дѣлай, что хочешь!“

Объясненій отца по хозяйственнымъ дѣламъ Хейкки не сталъ даже и слушать. Онъ былъ такъ доволенъ этимъ признаніемъ своей свободы и правоспособности, что пропустилъ мимо ушей все, что говорилъ отецъ о правѣ наслѣдства, о выкупѣ обязательствъ и т. д., и когда отецъ замолчалъ, онъ

съ благодарностью схватилъ его руку. Но старикъ строго посмотрѣлъ на него и не сказалъ ни слова.

Наконецъ, Хейкки уѣхалъ. День отъѣзда выдался ясный и тихій.—словно отдыхъ послѣ осеннихъ бурь. Въ домѣ все притихло. Лиза по прежнему смотрѣла за работницами, возившимися около скота, по прежнему бѣгала она черезъ дворъ, по прежнему овцы блеяли ей вслѣдъ, высовываясь изъ-за плетня, и по прежнему сіяло вечернее солнце, накладывая золотистыя полосы на поросшія травю дворъ, на широкую скамью и большую темно-красную дверь сарая, которая никогда не затворялась.

Эта дверь лѣтомъ всегда стояла настезь, и днемъ, и ночью. Широкая скамейка около нея была любимымъ мѣстомъ отдыха крестьянъ. Здѣсь же, около этой двери, Хейкки и Лиза когда-то, въ дѣтствѣ, играли и рѣзвились. Дверь никогда не затворялась.

Но въ этотъ вечеръ Лиза, покончивъ вечернія работы и проходя мимо нея, остановилась и вздумала попробовать, затворится ли она.

Это было не легко: дверь не сразу вышла изъ своего привычнаго положенія, но, наконецъ, подалась съ какимъ-то грустнымъ визгомъ и тяжело ударилась въ притолоку...

Изъ сарая послышались громкія рыданія... Потомъ все смолкло.

V.

Прощаясь съ Лизой, Хейкки почувствовалъ, что слезы подступаютъ у него къ горлу. Зачѣмъ всѣ домашніе такъ торжественно провожали его? Вѣдь онъ много разъ старался говорить о своемъ отъѣздѣ весело и небрежно, старался обратить все въ шутку; но отецъ и Лиза стояли передъ нимъ въ мрачномъ молчаніи, какъ будто бы дѣло шло о вѣчной разлукѣ. Они совсѣмъ не обращали вниманія на увѣренія Хейкки, что онъ вовсе не намѣренъ уѣзжать отъ нихъ навсегда.

Когда наступило время отъѣзда, у Хейкки болѣзненно сжалось сердце; особенно ему было жаль Лизы, которая неловко и неумѣло старалась скрывать свое горе и дѣлала надъ собою всѣ усилія, чтобъ не разрыдаться. Хейкки еще никогда не видалъ ея такою. Уѣзжая теперь изъ дому на чужую сторону, онъ впервые взглянулъ на себя, какъ на

человѣка посторонняго, и ему вдругъ ясно представилась его тѣсная связь съ этимъ домомъ; онъ понялъ, почему всѣ домашніе такъ сильно желали, чтобы онъ остался съ ними; понялъ, какое вліяніе онъ имѣлъ на всѣхъ этихъ людей, насколько ему удалось просвѣтить ихъ и пробудить въ нихъ высшія духовныя стремленія, безъ всякихъ особенныхъ усилій, а только тѣмъ, что онъ жилъ въ ихъ средѣ и держалъ себя съ ними, какъ равный съ равными. Онъ понялъ также, что будь онъ на мѣстѣ отца, онъ строго-на-строго запретилъ бы сыну даже и думать объ отъѣздѣ и сказалъ бы ему: „Ты нашъ, ты выросъ въ этомъ домѣ, на этомъ дворѣ, ты не смѣешь уѣзжать; если ты уѣдешь, ты будешь несчастенъ; тайное проклятіе всюду будетъ преслѣдовать тебя!“

Но всѣ эти мысли представлялись Хейкки умѣстными только здѣсь, въ этомъ захолустномъ углу. Остальной міръ не знаетъ Подгорнаго хутора; ему нѣтъ дѣла до здѣшнихъ мелочныхъ интересовъ. Большому кораблю—большое и плаваніе.

Отчего же никто изъ нихъ не хочетъ вѣрить, что Хейкки еще вернется домой? Какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ онъ, самъ того не сознавая, уѣзжаетъ навсегда. Что, если бы онъ теперь повернулъ лошадь назадъ и вернулся бы на отцовскій дворъ? Конечно, всѣ бы ему обрадовались, и отецъ, и Лиза,—Лиза навѣрно расплакалась бы отъ радости,—да и самъ онъ долго былъ бы въ самомъ веселомъ расположеніи духа, и все „ходилъ бы здороваться“ со всѣми мѣстами, съ каждой березкой, съ каждой канавкой.

Около перелѣса Хейкки остановилъ лошадь. Провожавшій его мальчикъ вопросительно взглянулъ на него.

Хейкки провелъ рукою по лбу и по глазамъ, словно отгоняя надобдливую мысль, отдалъ мальчику „возжи и велѣлъ ѣхать впередъ.

Проѣзжая мимо Подгорнаго, онъ увидѣлъ хозяина на дворѣ; тотъ издали узналъ Хейкки, снялъ шапку и, улыбаясь, замахалъ ею въ знакъ прощанія. Хейкки орончательно рѣшилъ, что теперь о возвращеніи не можетъ быть и рѣчи.

Когда ему пришлось перемѣнить свою лошадь на почтовую, и когда своя лошадь повернула по знакомой дорогѣ домой, и мальчикъ въ послѣдній разъ обернулся назадъ, Хейкки такъ горько почувствовалъ свое одиночество, что чуть не разрыдался, какъ ребенокъ.

Однако, что за странное чувство? всего только года два тому назадъ онъ ѣхалъ по этой же самой дорогѣ, и въ то

время ни мѣстность, ни люди вовсе не казались ему до таковой степени чужими, какъ теперь. Неужели же онъ за эти два года настолько отвыкъ отъ людей и отъ всего, что было за оградой его дома? Куда же дѣвалась его прежняя смѣлость и самоувѣренность, съ какою онъ шелъ на встрѣчу кому угодно?

На станціи желѣзной дороги, куда онъ, наконецъ, пріѣхалъ, онъ почувствовалъ себя точно оскорбленнымъ: всѣ проходили мимо него, не здороваясь и не обращая на него никакого вниманія, какъ будто въ немъ не было ничего замѣчательнаго. Это холодная невнимательность чужихъ людей заставила Хейкки снова глубоко почувствовать свое ничтожество. Ему показалось почти смѣшнымъ, что и онъ тоже заботился о какихъ-то тамъ своихъ дѣлахъ, и задавалъ себѣ вопросы, правильно или неправильно онъ поступилъ въ томъ или другомъ дѣлѣ. Много ли значилъ весь его трудъ и всѣ его заботы, и кто могъ бы замѣтить ихъ среди общаго движенія?

Притомъ, здѣсь, въ виду этой желѣзной дороги, таинственно убѣгающей въ невѣдомую даль, всѣ его мысли какъ-то смѣшались. То, что дома казалось вполнѣ рѣшеннымъ, здѣсь снова становилось вопросомъ; то, что дома считалось важнымъ, требовало большихъ заботъ и стоило большого труда, теперь утрачивало свое значеніе, какъ растеніе, вырванное изъ почвы, на которой оно росло. Мирная, домашняя тишина смѣнялась беспокойнымъ шумомъ чужбины.

Здѣсь, на станціи, некогда было раздумывать о своихъ сердечныхъ дѣлахъ, некогда было ставить и рѣшать вопросы, — нужно было торопиться такъ же, какъ и всѣ. Хейкки чувствовалъ только, что какое-то начатое дѣло приходится бросать на полъ-пути и приниматься за новое, совсѣмъ неизвѣстное. Имъ овладѣло отчаянное сознаніе своей беспомощности. О, если бы онъ могъ теперь быть гдѣ-нибудь въ уединеніи, далеко отъ этихъ чужихъ, непривѣтливыхъ людей, гдѣ-нибудь у себя на горѣ, на скамейкѣ, куда вѣтеръ, перебирая его волосы, доносилъ бы звонки стада...

Но поѣздъ, замедля свой ходъ, уже надвигался на станцію. Раздался звонокъ; пассажиры, толкая другъ друга, бросились въ вагоны, и поѣздъ, остановившійся только на минуту, снова тронулся въ путь. Для Хейкки было все окончательно рѣшено, вернуться назадъ теперь было уже невозможно, и онъ старался только, ни о чемъ не думая, отдаваться на волю судьбы.

* * *

Въ поѣздѣ было много студентовъ, возвращавшихся въ Гельсингфорсъ. Учебный годъ уже начался. Между ними было много знакомыхъ Хейкки, хотя близкихъ товарищей не было. Всѣ они, въ глазахъ Хейкки, страшно перемѣнились. Ему казалось, что только онъ одинъ измѣнилъ высокимъ идеямъ юности, идеямъ Снельмана, и погрузился въ пошлую, ежедневную, жизнь; онъ совсѣмъ не ожидалъ такихъ рѣчей, какія теперь ему пришлось услышать. Студенты еще могли разговаривать о Снельманѣ съ большимъ жаромъ; но они вели этотъ разговоръ не по собственному почину, а только потому, что его завелъ Хейкки. Сами же они охотнѣе говорили о той борьбѣ, въ которой имъ удалось взять верхъ надъ своими противниками. Идеи Снельмана уже перестали имѣть для нихъ безусловно руководящее значеніе; о многихъ вещахъ они говорили такъ, какъ будто Снельмана никогда и не бывало,—говорили совсѣмъ въ другомъ тонѣ, несравненно легкомысленнѣе, чѣмъ прежде. А когда Хейкки напоминалъ имъ о Снельманѣ, имъ становилось какъ-то неловко. Многіе изъ нихъ усердно потягивали пуншъ и, придя въ веселое настроеніе, рассказывали забавные анекдоты и шутили другъ надъ другомъ, словомъ, пьянствовали безъ всякой „идеи“, чего въ прежнее время не бывало...

* * *

Хейкки очень хотѣлось встрѣтить кого-нибудь изъ близкихъ товарищей. Наконецъ, на одной станціи въ поѣздѣ вошелъ Эмиль. Онъ ѣхалъ на одну изъ ближайшихъ станцій. Онъ разцѣловалъ Хейкки и засыпалъ вопросами, на которые тотъ не успѣвалъ отвѣчать. О себѣ онъ сообщилъ, что онъ уже успѣлъ жениться на маленькой толстухѣ, такой же веселой, какъ и онъ самъ; что у него, или, лучше сказать, у нихъ, есть въ Гельсингфорсѣ маленькое коммерческое занятіе. Доходовъ оно даетъ мало, такъ что едва можно прокормиться, но зато радостей и веселья—черезъ край, и хватить на всѣхъ. Онъ говорилъ все это громко, со смѣхомъ, постоянно перескакивая съ одного предмета на другой, ни на чемъ особенно не останавливаясь и словно придумывая, что бы такое еще сказать.

Вдругъ онъ остановился среди разговора и пристально поглядѣлъ прямо въ глаза Хейкки: „Послушай, голубчикъ, да съ тобой творится что-то неладное!“

Хейкки не чувствовалъ желанія излить передъ нимъ свою душу. Хотя Эмиль перемѣнилъ выраженіе своего лица,

серьезно нахмурилъ брови и принялъ озабоченный видъ, но все-таки въ его голосѣ и во всей фигурѣ было видно полное безучастіе къ чужому горю, какъ будто бы онъ прежде, чѣмъ помогать другому, желалъ подробно разузнать о его страданіяхъ.

Эмиль былъ одинъ изъ тѣхъ студентовъ, которые на снелъмановскомъ праздникѣ сидѣли въ углу и посмѣивались надъ восторгомъ толпы. Съ тѣхъ поръ у Хейкки оставалось въ немъ все еще неприязненное чувство.

Хейкки нарочно завелъ рѣчь о тѣхъ временахъ, чтобы посмотреть, каковы теперь убѣжденія Эмиля; но едва только онъ назвалъ имя Снелъмана, какъ Эмиль тотчасъ же вскричалъ:

— Ахъ, ты еще до сихъ поръ этимъ живешь?

У Хейкки сильно забилось сердце, но онъ нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ.

— Ученіе Снелъмана произвело на меня такое глубокое впечатлѣніе, — сказалъ онъ наконецъ, — что я всю жизнь буду жить имъ; онъ все еще остается моимъ идеаломъ; до сихъ поръ онъ — величайшій изъ нашихъ соотечественниковъ; среди финновъ все еще нѣтъ ни одного, кто былъ бы достоинъ развязать ремень у ноги его!

— Гм, — сказалъ Эмиль, — и я тоже удивляюсь энергіи Снелъмана, и не отрицаю, что онъ имѣлъ широкое вліяніе. Но самого Снелъмана я считаю не больше, какъ обыкновеннымъ честнымъ работникомъ, на ряду со всѣми нами.

Такимъ образомъ Эмиль не только не перемѣнилъ своихъ убѣжденій, но еще болѣе въ нихъ утвердился.

— Ты хочешь сказать, — шутливо замѣтилъ Хейкки, — что передъ Господомъ Богомъ мы всѣ равны?

— Конечно такъ, — сказалъ Эмиль; — но я прибавлю, что намъ слѣдовало бы считать другъ друга равными не только передъ Господомъ Богомъ, но и передъ самими собою.

Эти слова чуть не взбѣсили Хейкки. Откуда Эмиль могъ взять эту мысль? Вѣдь самъ Хейкки пришелъ почти въ такому же заключенію послѣ долгихъ и мучительныхъ тревогъ и сомнѣній!

— Но нельзя же отрицать разницы между людьми по ихъ умственному развитію, по способностямъ, по внутренней силѣ? — снова иронически спросилъ Хейкки.

— А я отрицаю, — горячо отвѣтилъ Эмиль. — Способности могутъ быть различны; но это различіе не раздѣляетъ насъ; насъ раздѣляетъ внѣшнее, чужое мнѣніе. Люди привѣтствуютъ

золотопромышленника, потому что золото блеститъ, и забываютъ о черномъ рудокопѣ. Я не могу считать себя и большую часть моихъ земляковъ за какое-то малоспособное стадо, надъ которымъ будутъ возвышаться немногія, болѣе способныя, личности. Я долженъ считать всѣхъ людей одинаково способными служить обществу.

— Но вѣдь не рѣшишься же ты поставить Снелъмана, великаго финскаго героя, на одну доску съ какимъ-нибудь газетнымъ писакой?

— Ты забываешь,—сказалъ Эмиль,—что если Снелъманъ поднялъ Финляндію, то и его Финляндія подняла. Насъ обманываетъ то, что результаты труда часто бываютъ весьма различны. Но вѣдь результаты часто не зависятъ отъ работника. Мы превозносимъ людей до небесъ, какъ будто бы безъ нихъ общество ничего не достигнетъ; а между тѣмъ, ихъ личный трудъ нисколько не больше, чѣмъ трудъ любого, обыкновеннаго, честнаго рабочаго.

Хейкки не успѣлъ еще ничего возразить, какъ Эмиль уже переѣмнилъ тему разговора и сталъ рассказывать о новомъ изобрѣтеніи—телефонѣ, который уже заводится въ Гельсингфорсѣ. Онъ съ восторгомъ распространялся о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя оказываетъ телефонъ человѣчеству, и говорилъ, не переставая, до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не остановился у станціи, гдѣ ему нужно было выходить. Онъ ни слова не спросилъ у Хейкки объ его житьѣ въ деревнѣ и теперешнемъ путешествіи.

На станціи его встрѣтила жена. Онъ чувствовалъ себя вполне довольнымъ и счастливымъ и, повидимому, вовсе не боялся прозаической стороны брака. Его жизненная теорія была очень проста: будьте всѣ веселы и довольны, какъ я, дѣлайте всѣ свое маленькое дѣло,—и будетъ намъ всѣмъ хорошо, безъ всякой декламации. Безъ сомнѣнія, Эмиль былъ „мелкая душа“.

„Мелкія души познаются потому, чѣмъ онѣ довольствуются“.

Онъ не можетъ понять, что есть люди, которые не довольствуются мелкою, черною работою и личною любовью, а жаждутъ великаго дѣла и великой любви всего народа, всего человѣчества. Къ числу именно такихъ людей принадлежитъ Снелъманъ, котораго Эмиль никогда не могъ оцѣнить. Хейкки все больше и больше хотѣлось встрѣтить кого-нибудь изъ „настоящихъ“ дѣятелей, которые въ его время стояли во главѣ студенчества. И вотъ, какъ нарочно, на одной изъ боль-

шихъ станцій онъ совершенно неожиданно встрѣтилъ Анти. Онъ, очевидно, ѣхалъ также въ Гельсингфорсъ съ сѣвера.

Анти стоялъ у буфета, торопливо и жадно закусывая и поминутно поправляя очки, не хотѣвшіе держаться у него на носу. На немъ была широкополая шляпа итальянскаго разбойника, которая очень шла къ его плотной фигурѣ. Хейкки подождать, пока онъ кончитъ закусывать, и подошелъ къ нему.

— Ба, кого я вижу! да это Хейкки! — вскричалъ онъ, прожевывая послѣдній кусокъ и бросая на столъ деньги и салфетку.

Хейкки нетерпѣливо ожидалъ, когда Анти начнетъ спрашивать его объ его деревенской жизни и теперешней поѣздкѣ. У него уже заранѣе былъ приготовленъ отвѣтъ: онъ хотѣлъ сказать, что вовсе не думаетъ навсегда оставлять деревню, а хочетъ только еще немного поучиться.

Но Анти ни о чемъ подобномъ не сталъ его спрашивать, какъ будто обо всемъ позабылъ. Напротивъ, онъ заговорилъ съ Хейкки такимъ тономъ, словно тотъ былъ обязанъ ѣхать въ Гельсингфорсъ.

Они ходили взадъ и впередъ по платформѣ, а затѣмъ перешли въ буфетъ и спросили себѣ пуншу. Въ этой тѣсной, дымной комнатѣ, среди чужихъ, равнодушныхъ людей, Хейкки снова почувствовалъ приливъ тоски по оставленному дому. Ему стало не по себѣ. Анти шутилъ и смѣялся, дѣлая разныя замѣчанія о проходившей мимо публикѣ, какъ будто бы они разстались только вчера, и ничего особеннаго не случилось. Наконецъ, когда они сѣли уже въ вагонъ, и поѣздъ тронулся, Хейкки не выдержалъ.

— Да, Анти, — сказалъ онъ: — вотъ, теперь я здѣсь, и опять хочу привыкнуть къ здѣшнему обществу; но не забывай, что я прожилъ въ деревнѣ полтора года, — понимаешь, полтора года въ полномъ одиночествѣ!

Анти взглянулъ на него, какъ будто что-то припоминая.

— Ахъ, да, и въ самомъ дѣлѣ, ты вѣдь былъ у себя дома; ну, что же, это хорошо; зато теперь съ свѣжими силами примешься за дѣло.

— Конечно, за дѣло, — за великое, единственное, дѣло!

Хейкки чувствовалъ свое возвращеніе въ новый міръ.

Анти былъ, конечно, такой же, какъ и прежде, хотя и казался немного поопустившимся. Онъ сдѣлался замѣчательно неразговорчивъ и разсѣянъ и, повидимому, вовсе не хотѣлъ заводить рѣчь о „великихъ вопросахъ“.

— Да, да, милныя тетушки, — сказалъ онъ, наконецъ, словно проснувшись. — Знаешь ли, Хейкки, что здѣсь такое? — Онъ указалъ на свой большой чемоданъ. — Четыре бутылки пунша, братецъ, для освѣженія мозговъ, въ свободное отъ работы время! Тетушки собственноручно завернули ихъ въ газеты и уложили между книгами. Четыре бутылки! а кромѣ того, разный провіантъ; такъ вотъ и ухитрись не выпить.

Онъ принялся развязывать ремни чемодана.

— Эта, братъ, штука въ путешествіи дорогого стоитъ, — сказалъ онъ, доставая одну бутылку.

Осторожно снявши съ горлышка металлическую капсюлю, онъ отдалъ ее Хейкки: „Держи ставанъ“, а самъ принялся откупоривать бутылку. Они стали поочередно пить изъ этого импровизированнаго стакана и весело болтали другъ съ другомъ, припоминая прошлое. Хейкки высказалъ, что у него было на душѣ; товарищъ внимательно выслушалъ его и вполнѣ одобрилъ его планы. Хейкки рассказалъ также о своей встрѣчѣ съ Эмилемъ и объ его теоріяхъ. Анти усмѣхнулся.

— А вотъ, пріѣдешь въ Гельсингфорсъ, такъ тамъ увидишь много такихъ Эмилей, — сказалъ онъ. — Последнее время они у насъ какъ грибы растутъ. Да, надо сказать правду, многіе изъ лучшихъ нашихъ людей успѣли замѣтно перемѣниться. Какъ-то опустились и обезсилѣли.

Анти назвалъ нѣсколько именъ.

— Но вѣдь это очень печально, — сказалъ Хейкки. — Какую же цѣну послѣ этого можно придавать всѣмъ ихъ словамъ, всѣмъ торжественнымъ обѣщаніямъ и вѣятвамъ?

— Вотъ еще! — сказалъ Анти, пожимая плечами; — это значить только то, что не всѣ могутъ быть Снельманами. Такъ все идетъ на свѣтъ. Всегда есть много людей, которымъ нравится говорить красивыя, восторженные рѣчи, а затѣмъ первый же вѣтеръ унесетъ слова, и все забудется.

Это объясненіе непріятно поразило Хейкки, но онъ радовался, что самъ остался неизмѣннымъ, такимъ же, какъ прежде, и внимательно прислушивался къ словамъ товарища, который, все больше и больше разгораясь, снова становился прежнимъ ораторомъ.

— Нельзя сердиться на то, — говорилъ Анти, — что не всѣ идеи сразу становятся достояніемъ массы. Прогрессъ вездѣ и всегда заключается въ томъ, что массу ведутъ впередъ немногія выдающіяся личности, такъ-называемые народные герои. Въ своемъ развитіи масса стоитъ всегда ниже меньшинства.

Все, о чемъ мы мечтали во времена нашей восторженной юности, что намъ казалось возможнымъ осуществить завтра или послѣ завтра,—все это, конечно, дѣло далекаго будущаго. Это дѣло не для насъ, а для тѣхъ, которые пойдутъ слѣдомъ за нами и которымъ сначала нужно еще открыть глаза, чтобы они научились видѣть. Снелманъ имѣлъ вліяніе на насъ; но это еще вовсе не значить, что онъ имѣлъ такое же вліяніе и на другихъ. Придетъ время, когда его вліяніе распространится на весь народъ, и весь народъ будетъ участникомъ цивилизаціи; но это задача будущаго, и для того, чтобы ее осуществить, понадобится еще не одинъ Снелманъ.

Анти говорилъ восторженно, едва успѣвая переводить духъ. О, какъ онъ былъ правъ! Что пользы было бы изъ того, если бы Хейкки остался въ деревнѣ просвѣщать своихъ мужиковъ и ближайшихъ сосѣдей? А что же вся остальная Финляндія? и какъ могъ онъ, Хейкки, проспать такую великую идею?

Въ этихъ разговорахъ время прошло незамѣтно. Поѣздъ приближался къ Гельсингфорсу. Между прочимъ, Анти сообщилъ товарищу, что онъ женихъ. Имя невѣсты было незнакомо Хейкки; при упоминаніи о ней все лицо Анти просіяло довольной улыбкой. Они выпили за здоровье дѣвушки, и Хейкки искренно пожелалъ товарищу счастья.

— Такъ вотъ оно что, Анти женится!.. но вѣдь все, что дѣлаетъ этотъ идеальный человѣкъ,—все безусловно прекрасно...

Хейкки и самъ не могъ себѣ отдать яснаго отчета, почему онъ такъ обрадовался этому извѣстію. Оно подѣйствовало на него какъ-то особенно утѣшительно и пробудило такія мысли, въ которыхъ онъ едва ли рѣшился бы самъ себѣ признаться.

Раздался продолжительный свистовъ, поѣздъ пошелъ тише, и, наконецъ, остановился.

* * *

Хейкки вышелъ на платформу уже совсѣмъ новымъ человекомъ. Разгорѣвшійся отъ выпитаго пунша, бодрый и веселый, онъ встрѣтилъ Олли, пріѣхавшаго за нимъ на вокзалъ.

Анти простился съ нимъ и пошелъ къ себѣ.

Олли тоже былъ въ веселомъ расположеніи духа, хототалъ во все горло и бѣшено обнялъ Хейкки, не обращая вниманія на толпу пассажировъ.

На вокзалѣ оказалось много другихъ знакомыхъ Хейкки. Начались привѣтствія, разспросы, поцѣлуи, рукопожатія...

Все прежнее нелюбимство Хейкки исчезло; привольно и привѣтливо повѣяло на него воздухомъ большого города съ его вѣчно суетливымъ движеніемъ и неяснымъ гуломъ голосовъ. Имъ овладѣло какое-то особенное чувство, когда онъ пробирался впередъ свозъ густую толпу, въ пріятномъ свѣтѣ лампъ и фонарей. Ему было пріятно даже слышать, какъ звенѣли шпоры генерала, шедшаго впереди него, — пріятно было видѣть лоснящіеся цилиндры на головахъ почтенныхъ господъ съ серьезными лицами, наконецъ, пріятно было полюбоваться на красивыхъ и изящныхъ дамъ въ модныхъ костюмахъ. Товарищи не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія: они уже ко всему присмотрѣлись. Но на Хейкки вся эта толпа, и въ особенности женщины, произвела сильное впечатлѣніе. Онъ разсѣянно отвѣчалъ на разспросы своихъ товарищей, то и дѣло оглядываясь вокругъ.

— О чемъ ты думаешь, Хейкки? — сказалъ кто-то. — На тѣхъ барышень заглядѣлся, что ли?

Всѣ обернулись въ сторону двухъ уходившихъ барышень, которыя, звонко постукивая каблучками по каменному полу вокзала, скоро пропали изъ виду въ его широкихъ дверяхъ.

— Да, ты долго пробылъ въ деревнѣ?

Всѣ громко захохотали. Хейкки страшно сконфузился и покраснѣлъ. Онъ сразу потерялъ все свое равновѣсіе и бодрость. Покраснѣть передъ товарищемъ! Какой позоръ!..

Теперь это снова былъ прежній застѣнчивый и ничтожный въ собственныхъ глазахъ Хейкки. Его мучилъ вопросъ: зачѣмъ собственно онъ пріѣхалъ сюда, въ Гельсингфорсъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ СТРАНѢ ГЛИНЫ И ПЕСКУ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ).

(Окончаніе *).

II.

Н а А м у - Д а р ь ъ .

Съ большимъ трудомъ, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, удалось нанять каюкъ, и то только до Нукуса. 2-го іюля, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, которые уже давно ждали случая ѣхать въ Нукусъ, и двухъ гребцовъ хивинцевъ я, наконецъ, тронулся въ дальнѣйшій путь.

Аму... впрочемъ, прежде всего надо сказать, что такое хивинскій каюкъ. Это—огромное корыто, выдолбленное изъ тополеваго бревна съ такими же досками, набитыми по бортамъ. Хотя при этой неуклюжей лодкѣ полагаются весла, но, какъ плавники рыбъ, они служатъ только для того, чтобы направлять движеніе. Каюкъ несетя исключительно силой теченія, а вверхъ его тянутъ бичевой. Аму—великолѣпный гигантскій потокъ, прорѣзывающій съ сѣверо-востока на юго-западъ Туранскую низменность. Ни Волга, ни Днѣпръ и никакія другія російскія рѣки не могутъ дать представленія о томъ, что такое Аму. Уже близъ Петро-Александровскаго рѣка такъ широка, что противоположный берегъ виднѣется неясно, какъ въ туманѣ; а если смотрѣть наискось, поверхность воды сливается съ горизонтомъ. И вотъ, такая-то масса воды несетя въ Аральское море съ головокружительной быстротой. Мѣстами зубчатая волна вѣчно бороздитъ поверхность Аму; это—не тѣ волны, которыя разводять вѣтеръ; это—сама рѣка несетя и скачетъ по каменистому дну, повторяя всѣ его неровности. Кое-гдѣ вода бурлитъ и кипитъ, какъ въ котлѣ. Мѣстами, втягивая плывущіе предметы, крутятся суводи, замѣтныя издали по своей глад-

---

*) См. «Міръ Вожій», № 9, сентябрь.

кой блестящей поверхности. Неудивительно, что русло, пробитое Аму-Дарьей среди низменной пустыни, не всегда может сдержатъ этотъ могучій потокъ. Безъ всякой видимой причины то тамъ, то здѣсь Аму начинаетъ вдругъ подмывать берегъ, обыкновенно, правый. Глыба за глыбой съ грохотомъ, напоминающимъ пупечный выстрѣлъ, валится въ воду, и все, что есть на берегу, летитъ туда же. Водоподъемныя машины, кишлаки съ башнями, сады—ничто не въ силахъ удержать яростныя волны. До какой степени быстро пробиваетъ Аму себѣ новое русло, можно было видѣть близъ Петро-Александровска. Нѣсколько ниже укрѣпленія изъ рѣки былъ проведенъ арыкъ, черезъ который сначала прыгали сартовскіе мальчишки. Аму почему-то полюбился этотъ арыкъ, она направила туда свои воды, быстро раздвинула его берега, и не прошло лѣта, какъ онъ превратился въ огромный протокъ около версты въ ширину. Сады виѣстѣ съ кишлаками и пашнями, разбитыя вдоль этой бывшей канавки,—все было подхвачено бѣшеною рѣкой и исчезло безъ всякаго слѣда.

Какъ быстро мчалось теченіе нашъ каюкъ, можно судить по тому, что, отваливъ отъ укрѣпленія въ 2 часа дня, на другой день поздно вечеромъ мы были уже въ Нукусѣ, то-есть, проплыли болѣе 200 верстъ, при этомъ ночевали на берегу, а днемъ нѣсколько разъ останавливались въ аулахъ, чтобы купить баранины. Отъ Петро-Александровска Аму протекаетъ по большей части среди пустыни. Съ каюка мы видѣли песчаные бурханы, которые такъ надобно въ Кизычъ-Кумахъ. Мѣстами холмы прерывались ровными пространствами, поросшими кустами тамариска, дикаго барбариса, колючки; то, вѣроятно,—были такыры. Только кое-гдѣ по берегу узкой каемкой зеленѣетъ тальникъ, или джида,—мѣстное дерево, плоды котораго такъ похожи на крошечныя финики. Сады и пашни попадались намъ рѣдко. Очевидно, въ настоящее время хивинскій оазисъ не есть сплошная полоса обработанной земли; это скорѣе цѣпь небольшихъ, вытянутыхъ по обѣимъ берегамъ рѣки, оазисовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга широкими промежутками пустыни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пустынность береговъ Аму не есть слѣдствіе невозможности оросить ихъ и превратить въ рядъ садовъ и пашень. Туземцы, хотя и превосходные гидротехники, но они стараются воздѣлывать землю тамъ, гдѣ изъ Аму можно вывести воду безъ особыхъ хлопотъ обыкновеннымъ арыкомъ. Они неохотно поселяются въ тѣхъ мѣстахъ берега, гдѣ для орошенія необходимы водоподъемныя машины. Какъ ни просты эти сооруженія, все же они требуютъ особыхъ расходовъ. По простотѣ эти машины, дѣйствительно, замѣчательны. Представьте себѣ пароходное колесо, установленное у

*

берега такъ, чтобы оно могло вертѣться силой теченія. Къ окружности колеса придѣланы ведра, черпающія воду и выливающія ее въ жолобъ. Если прибавить къ этому, что колесо можно по желанію остановить простымъ бревномъ, то описаніе машины можно считать оконченнымъ. Такимъ образомъ при помощи этихъ сооруженій вода сама себя черпаетъ и сама себя поднимаетъ кверху, что возможно, конечно, только при той силѣ теченія, при той стремительности, съ какой Аму торопится добраться до Аральскаго моря. Несмотря на то, что здѣсь природой даны человѣку всѣ средства, чтобы побѣдить пустыню и превратить ее въ культурныя земли, мы видимъ, что побѣда, по большей части, остается на сторонѣ пустыни. Малочисленность населенія составляетъ, конечно, главную причину этого явленія; къ тому же еще не такъ давно, до занятія края русскими войсками, земледѣлецъ не былъ гарантированъ здѣсь отъ того, что въ одинъ прекрасный день налетитъ на него шайка бродячихъ туркменъ, отрубитъ ему голову, или уведетъ въ плѣнъ. Въ настоящее время съ появленіемъ русскихъ, когда разбои, какъ профессія, прекратились, хивинскій оазисъ можетъ ожидать болѣе счастливаго будущаго. Кстати, нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Хивы къ Россіи. Хива de jure до извѣстной степени самостоятельное ханство, но de facto это не болѣе, какъ русская губернія, губернаторъ которой обладаетъ особыми полномочіями хана, то-есть, онъ можетъ рубить своимъ подданнымъ головы, сколько ему угодно, брать съ жителей подати, пока у нихъ есть что отдавать. Ханство имѣетъ свою монету и свое, съ позволенія сказать, войско и т.-д., но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ распоряженія хана, хотя бы косвенно, могутъ коснуться русскихъ подданныхъ, онъ поступаетъ такъ, какъ ему «рекомендуетъ» наша администрація, въ лицѣ начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла. Для Россіи очень удобенъ такой порядокъ вещей и, наоборотъ, было бы невыгоднымъ присоединять Хивинское ханство къ своимъ владѣніямъ. Наши азіатскія окраины требуютъ большихъ расходовъ на содержаніе въ нихъ войска, администраціи и т.-д., но въ большинствѣ случаевъ онѣ не вознаграждаютъ этихъ затратъ доходами; другими словами, окраины даютъ намъ пока только убытки. То же самое было бы, если бы Хива превратилась въ хивинскій округъ или уѣздъ. Между тѣмъ, въ настоящее время когда она существуетъ на правахъ самостоятельнаго ханства и управляется сама по себѣ, она не стоитъ намъ ни гроша, а изъ повиновенія Россіи выйти не можетъ, если бы даже ей и взбрела въ голову эта нелѣпая мысль. Какъ хивинцы управляются—это ихъ дѣло. Россіи пока некогда вникаться съ ними. Довольно съ нихъ и того, что она избавила ихъ отъ систематическихъ разбоевъ киргизъ и туркменъ.

Нукусъ—это маленькая крѣпостца, которая была бы игрушкой гдѣ-нибудь на западныхъ границахъ нашего государства, но здѣсь она держитъ въ страхѣ все Хивинское ханство. Впрочемъ, въ настоящее время она постепенно утрачиваетъ свое значеніе, по мѣрѣ того, какъ хивинцы привыкаютъ къ мысли о необходимости и выгодѣ жить подъ крыломъ Россіи. Кромѣ небольшого гарнизона, въ Нукусѣ живетъ начальникъ Чимбайскаго уѣзда, къ которому относятся русскія земли внизъ по Аму до самаго моря.

Изъ Нукуса мнѣ надо было плыть дальше въ устье рѣки, въ протокъ Кукъ. Если трудно было нанять каюкъ въ Петро-Александровскѣ, то еще труднѣе найти средства спуститься изъ Нукуса внизъ. Если бы не уральскій казакъ, живущій здѣсь въ качествѣ поселенца, мнѣ долго пришлось бы ждать случая. Казакъ этотъ провѣдалъ, что изъ хивинскаго городка Ходжейли отправляется внизъ по Аму каюкъ съ товаромъ, владѣлецъ котораго намѣренъ торговать въ аулахъ, лежащихъ въ устьѣ рѣки, и между прочимъ посѣтить притокъ Кукъ.

Наскоро собравшись, въ сопровожденіи Кожевникова—такъ звали казака—я направился въ Ходжейли. До перевоза насъ довели на казенной телѣгѣ. Телѣга вернулась назадъ, а мы остались на берегу рѣки драть горло, вызывая съ той стороны лодку. Сначала завопилъ Кожевниковъ и докричался до хрипоты, затѣмъ къ нему присоединился и я, и тоже охрипъ; на той сторонѣ не обнаруживалось никакихъ признаковъ движенія. Наконецъ, я началъ стрѣлять и по одному разу, и дуплетомъ, перепалилъ при этомъ столько пороху, сколько было довольно для доброй охоты по бекасамъ; два съ лишнимъ часа изошрялись мы въ различныхъ попыткахъ обратить на себя вниманіе перевозчика и все-таки не добились толку. Насъ перевезъ казакъ, случайно проходившій мимо. Пока мы возились съ переправой, наступила ночь, и мы должны были заночевать на берегу. Когда мы уже улеглись спать явился и перевозчикъ, отлучавшійся куда-то по своимъ домашнимъ дѣламъ. Утромъ, къ счастью, довольно скоро, но такъ же случайно, намъ удалось нанять арбу, и мы потряслись на ней въ городокъ Ходжейли; до него отъ перевоза считаютъ не болѣе шести верстъ. Каюкъ, на которомъ я предполагалъ плыть, еще не былъ готовъ: хозяинъ грузилъ въ него товаръ, собираясь выѣхать только на слѣдующій день. Кожевниковъ вернулся въ Нукусъ, а я остановился у ходжейлинскаго жителя, армянина. Наконецъ, Чулакъ—такъ звали моего будущаго спутника—нагрузилъ каюкъ хлопкомъ еще въ коробочкахъ, деревянными сундуками, халатами, разной посудой, чаемъ, всякой мелочью, и мы поплыли внизъ по Аму. Та-

кимъ образомъ я очутился въ сообществѣ 7 человѣкъ туземцевъ, одного сарта хозяина и 6 каракалпакъ, рабочихъ; изъ нихъ ни одинъ не зналъ ни слова по русски. Къ счастью, съ грѣхомъ по поламъ я умѣлъ объясняться на киргизскомъ нарѣчьи, по крайней мѣрѣ зналъ съ полсотни самыхъ необходимыхъ словъ, и этого было достаточно, чтобы у насъ завязалась довольно оживленная бесѣда. Я вспомнилъ Дарью Сидоровну. Воображаю, какъ разсердилась бы она, если бы видѣла меня съ этими «собаками»—такъ называла она всѣхъ азіатовъ.

Такъ какъ на суднѣ, гдѣ я былъ пассажиромъ, не полагалось ни буфета, ни прислуги, то о своемъ продовольствіи я долженъ былъ заботиться самъ. По пути Чулакъ приставалъ къ каждому аулу и открывалъ свою лавочку. Если это случалось, не скажу, во время обѣда или завтрака, а просто когда хотѣлось ѣсть, хотя бы и утромъ, я принимался дѣйствовать. Пока Чулакъ съ азіатскимъ краснорѣчіемъ распинался за свой товаръ предъ покупателями каракалпаками, я подзывалъ каракалпаченка и объяснялъ ему, что мнѣ нужна курица. Бѣгомъ отправлялся онъ въ юрту, и вскорѣ вмѣстѣ съ нимъ съ курицей въ рукахъ являлась, обыкновенно, очень старая, каракалпачка. Въ здѣшнихъ аулахъ никогда не спрашивали съ меня болѣе 5 копѣекъ за курицу. Уплативъ, что слѣдуетъ, я бралъ ее и немедленно прекращалъ ея птичье существованіе, а затѣмъ, продѣлавъ все, что въ этихъ случаяхъ полагается, начиналъ варить супъ. Вмѣстѣ съ этимъ я ставилъ на костеръ и чайникъ для чаю. Пока я занимался этимъ полезнымъ дѣломъ, являлась цѣлая орда каракалпакскихъ дамъ, по большей части старухъ, и дѣтей. Въ рукахъ они держали по курицѣ, а нѣкоторыя и сразу двухъ, зажавъ ихъ подъ мышками. Все это предназначалось мнѣ въ продажу, но такъ какъ мнѣ и одной было много, то отъ остальныхъ приходилось отказываться. Тогда каракалпачки начинали предлагать пару за 5 коп. Чтобы не обидѣть старухъ, я давалъ имъ по горсти сухарей, а ребятамъ по куску сахару, и они съ довольнымъ видомъ уносили своихъ куръ.

Ночевали мы точно также близъ ауловъ. Едва только начинало смеркаться, появлялись всесвѣтныя кровопійцы—комары. Мои спутники забивались въ наскоро разбитую палатку, а я ставилъ на какуюсь свой пологъ, который приобрѣлъ въ Казалинскѣ, зная по опыту, что значить ночевать на комарахъ. Хорошо лежать въ пологѣ, когда за его стѣнками раздается голодный вой этихъ возмутительныхъ насѣкомыхъ. Мириады ихъ густымъ роемъ облѣпляютъ снаружи кисею полога; чуя кровь, они снуютъ вверхъ и внизъ, отыскивая, вѣтъ ли гдѣ дырочки. Вы лежите и слышите

яростный гулъ, по временамъ его покрываетъ высокій пискъ отдѣльнаго комаришки, который вертится около вашего уха по ту сторону тонкой стѣнки. Вы лежите и, глядя на мерцающія сквозь кисею звѣзды, думаете: «Ничего, пишите себѣ, а я буду спать». И я дѣйствительно спалъ, спалъ такъ, что комары въ концѣ концовъ, вѣроятно, объявляли меня мертвымъ и отправлялись искать живого человѣка. Утромъ я просыпался, когда каюкъ уже плылъ по серединѣ рѣки. Ниже Нукуса Аму разсыпается на нѣсколько рукавовъ, впадающихъ самостоятельно въ море. Мы шли сначала протокомъ Куны-Дарьей, затѣмъ Ишаномъ, и наконецъ, повернули въ Кукъ. Въ дельтѣ природа береговъ носить иной характеръ, нежели выше Нукуса. Здѣсь уже не видно пустыни. Зеленымъ бордюромъ окаймляютъ протоки *туан*, или прибрежные лѣса джиды и тальника. Кое-гдѣ они прерываются темной зеленью камышей и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ гуще и выше эти камыши и тѣмъ шире захватываютъ они берегъ; мѣстами они превращаются въ огромныя заросли. Особенно удобно любоваться этой чащей съ песчаныхъ холмиковъ, которые тамъ и сямъ въ видѣ островковъ торчатъ среди сплошной зелени листьевъ. Цѣлое море темнозеленыхъ верхушекъ камыша до самаго горизонта разстилается предъ вашими глазами. Какъ въ открытомъ морѣ, глазъ не встрѣчаетъ никакихъ неровностей; кое-гдѣ только желтѣютъ гребни этихъ одинокихъ холмовъ или возвышается отдѣльное деревцо джиды. Словно море, камышъ шумитъ и волнуется. Вы видите, какъ зеленая волна, взрытая подлѣ васъ порывомъ вѣтра, быстро несется впередъ; вотъ она открыла верхушку скрывавшагося въ камышѣ дерева, перескочила черезъ него, промчалась еще немного дальше и исчезла въ массѣ листьевъ. Аму-дарьинскіе камыши—настоящіе джунгли здѣшнихъ мѣстъ. Въ нихъ съ успѣхомъ можетъ укрыться верблюдъ и даже всадникъ, сидящій на его горбѣ,—такъ высоки эти заросли. Только кабанамъ и тиграмъ доступна непролазная чаща гибкихъ, упругихъ, какъ сталь, стеблей, увѣнчанныхъ метелкой крупныхъ темныхъ листьевъ. Кабаны чувствуютъ себя здѣсь, какъ рыба въ водѣ. Въ низовьяхъ Аму ихъ такъ много, что казаки зимой бьютъ ихъ пѣлыми возами. Настоящій хозяинъ здѣшнихъ джунглей, однако, не кабанъ, а тигръ. Миѣ не случилось ни видѣть этого звѣря, ни слышать его рѣва, я видѣлъ только его слѣды, овальные ямки, оттиснутыя на пескѣ подушками его лапъ. Какъ царь звѣрей, тигръ, показывается только за дѣломъ, а дѣла у него много и въ камышѣ. Въ противоположность своему африканскому собрату льву, онъ рѣдко выдаетъ свое присутствіе рѣвомъ. Только въ ту пору, когда кошки задаютъ свои концерты, въ непролазной

чащѣ, какъ разсказывали казаки, иногда раздается глухое урчаніе: это тигровая серенада. Нерѣдко, по словамъ мѣстныхъ жителей, въ камышѣ можно слышать пронзительный визгъ кабана: это тигръ хозяйничаетъ въ своемъ царствѣ. Въ Кунградѣ я видѣлъ одного казака, года два тому назадъ на охотѣ имѣвшаго столкновение съ царственнымъ звѣремъ. Столкновение кончилось тѣмъ, что тигръ ушелъ невредимымъ, а казакъ на память объ этой встрѣчѣ до сихъ поръ носитъ на своемъ лицѣ глубокіе слѣды его когтей.

Сколько фазановъ въ здѣшнихъ камышахъ и тугаяхъ! Рано утромъ, едва только взойдетъ солнце, тамъ и здѣсь по берегамъ рѣки раздается отрывистый крикъ пѣтуха, похожій на сокращенное кукурику. Вотъ бы куда нашихъ воскресныхъ охотниковъ въ ихъ модныхъ пиджачкахъ съ иголки, съ ихъ дорогими двустволками! Воображаю, сколько благородной крови перепортитъ себѣ такой немродъ въ своемъ охотничьемъ рвеніи. Послѣ тщетной попытки продраться сквозь чащу камыша, или колючаго кустарника, изодравъ свой пиджачекъ, испарапавъ до крови руки, онъ проклянетъ всѣхъ фазановъ на свѣтѣ и броситъ охоту, не убивъ ни одной птицы. Здѣсь надо умѣть ходить, умѣть пользоваться кабаньими тропами и знать ихъ, здѣсь нужна также сила и привычка ориентироваться въ чащѣ.

12-го іюля, послѣ многочисленныхъ остановокъ съ торговыми цѣбями, Чулакъ, наконецъ, доставилъ меня на Кукскіе рыбные промысла. На Кукѣ нѣтъ постояннаго населенія. Лѣтомъ, во время лова красной рыбы (шипа), сюда съѣзжаются каракалпаки, узбеки, киргизы, русскіе, даже армяне и евреи. Всѣ эти рыболовы поселяются въ юртахъ, или въ вѣскоро сколоченныхъ домикахъ, и живутъ здѣсь, пока не окончится промысловый сезонъ; часто рыболовы-каракалпаки устраиваютъ изъ вязанокъ камыша особые плавающие шалаши; одинъ изъ такихъ шалашей представленъ на прилагаемомъ рисункѣ.

На Кукѣ ужъ ждали меня. Мнѣ была поставлена каракалпакская юрта, въ нее внесли кое-какую мебель и вообще замѣтно было желаніе доставить мнѣ нѣкоторый комфортъ. Все это очень удивляло Чулака, и на его толстомъ лицѣ, съ заплывшими глазками, ясно можно было прочесть: «вотъ тебѣ на!.. а я думалъ это казакъ, а это, видно, тюря»—такъ называютъ туземцы чиновниковъ.

Отсюда мнѣ надо было ѣхать въ хивинскій городъ Кунградъ, до котораго отъ кукскихъ промысловъ считаютъ около 40 верстъ. Одинъ изъ временныхъ жителей Кука снабдилъ меня лошадыю и телѣжкой, а въ качествѣ кучера и проводника послалъ своего

14-ти-лѣтняго сына Васяньку. Васянька, хотя былъ и бойкій мальчишка, но дорогу зналъ плохо. На первыхъ же пяти верстахъ онъ

Шлауціе рыбацьі шалаши на оз. Сары-Кулѣ.

сбился съ пути, и чтобы поправить ошибку, поѣхалъ пашней съ неснятымъ еще кунжутомъ. Прибѣжалъ владѣлецъ пашни и задалъ моему кучеру здоровый нагоняй, но этотъ урокъ нисколько не прибавилъ у Васяньки опытности. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, онъ опять сбился съ дороги, и такъ продолжалось до поздняго вечера, когда вдали показались высокіе минареты Кунграда. Но тутъ-то, въ концѣ пути, злой рокъ и приготовилъ для насъ самую главную ловушку. Это былъ широкій и глубокій арыкъ, чрезъ который намъ надо было переправиться. Васянька съ храбростью, свойственной его возрасту, вѣхалъ въ эту канаву, но на серединѣ ея лошадь увязла въ вязкомъ дѣ и, не смотря на всевозможныя поощренія, ни за что не хотѣла выбраться оттуда. Она металась изъ стороны въ сторону, билась, попыталась, было лягнуть, но изъ этого ничего не вышло; наконецъ, она легла на бокъ. Васянькѣ пришлось лѣзть въ воду, чтобы распречь лошадь, а телѣжка, сколько мы ни старались вытащить ее, такъ и осталась завязшей передними колесами въ грязи. Тѣмъ временемъ стемнѣло, появились тучи комаровъ и начали заниматься своимъ дѣломъ. Кое-какъ прила-

дили мы пологъ, прикрѣпивъ одну сторону къ заднимъ колесамъ, оставшимся на сухомъ мѣстѣ, а другую къ жиденькому кустику. Затѣмъ, напившись вмѣсто чаю воды съ клюквеннымъ экстрактомъ, мы завалились спать. Но злой рокъ, вѣроятно, разсудилъ, что не стоило ему и хлопотать для того только, чтобы мы выспались, и сталъ дѣйствовать снова. Началось съ того, что лошадь, привязанная къ тѣмъ же заднимъ колесамъ, стала метаться; очевидно, комары слишкомъ старательно занимались своимъ дѣломъ. Пологъ дрожалъ, наконецъ, оторвался отъ кустика и накрылъ насъ съ Васянькой. Пришлось выгнать и поправлять бѣду. Ну, думаемъ себѣ, теперь крѣпко, не упадетъ. Только это мы подумали и успокоились—было, какъ лошадь сообразила, что сколько ни мечишь и ни мотай головой, отъ комаровъ не избавишься. Давай-ка, я поваляюсь—рѣшила она—и дѣйствительно начала валяться. Должно быть этотъ способъ оказался много болѣе цѣлесообразнымъ, потому что съ тѣхъ поръ она уже не переставала валяться почти до бѣлой зари. Сквозь прозрачную стѣнку полога я видѣлъ, какъ нашъ добрый конь, лежа бокъ-о-бокъ со мной, вскидывалъ ноги кверху и поворачивался на спину. Такъ какъ, кромѣ двухъ колесъ телѣжки, вблизи не было никакого предмета, къ которому можно было бы надежно привязать его, то мнѣ оставалось только заниматься разсужденіемъ о томъ, перекинется ли онъ на мою сторону, или постѣснится присутствія полога. Такого рода соображенія, конечно, не могли оказать на меня снотворнаго дѣйствія; къ тому же, вся исторія происходила на сыпучемъ пескѣ; лошадь подняла страшную пыль; сквозь рѣдкую кисею пыль проникла и въ пологъ, набилась намъ въ глаза, носъ и ротъ; Васянька началъ чихать, я сталъ кашлять, а лошадь продолжала валяться. Такъ дѣло тянулось до глубокой ночи, когда комары, испугавшись наступившей прохлады, улетѣли по своимъ домамъ. Навалявшійся вдосталь конь всталъ, и мы подъ слоемъ песку начали было дремать. Но, видно, не суждено было намъ спать въ эту ночь. Скоро мы вскочили и слышимъ лошадь неистово бѣется, а гдѣ-то близко около насъ, можетъ быть шагахъ во ста, раздается адскій концертъ. Га...га...га...и...и...и... га...га... доносилось до насъ. Звуки переливались, то замирали, то снова раздавались съ удвоенной силой, словно толпа трусливыхъ дикарей пыталась напугать насъ крикомъ, по временамъ прислушивалась, каковъ эффектъ, и снова принималась кричать. Это были шакалы, судя по вою, огромной стаей собравшіеся близъ нашего полога. Не могу рѣшить, чего хотѣли отъ насъ эти трусливые обжоры; если ихъ послалъ злой рокъ, чтобы не дать намъ спать, то онъ достигъ своей цѣли. Долго услаждали они нашъ слухъ своимъ

пѣніемъ, наконецъ, это намъ надоѣло, я выстрѣлилъ изъ револьвера, и пѣвцы мгновенно замолкли. Воображаю, какъ они удирали! Тѣмъ временемъ стало свѣтать. Какъ только окончательно разсвѣло и на пашняхъ появились люди, Васянька сбѣгалъ туда и привелъ каракалпака, съ помощью котораго мы вытащили телѣжку изъ арыка.

Кунградъ—типичный среднеазиатскій городъ. Настоящихъ домовъ въ европейскомъ смыслѣ слова въ немъ нѣтъ. Въмѣсто нихъ, низенькія глиняныя мазанки съ плоскими крышами, съ навѣсами, обращенными на улицу, и съ дверью, продѣланной подъ навѣсомъ. Наружныя стѣны совершенно безъ оконъ, да и на дворъ, какъ говорятъ, выходятъ не окна, а просто четырехугольныя дыры, въ холодную погоду прикрываемыя доской или тряпкой. Улицы кривыя и узкія, такъ что въ случаѣ, если встрѣтятся двѣ арбы, одну необходимо остановить и на рукахъ оттащить къ самой стѣнѣ, иначе онѣ не разѣдуться. Мѣстами съ одной стороны улицы на другую поверхъ крышъ положены жерди, а на нихъ набросаны вѣтви, камышъ и всякій мусоръ. Всюду грязь и вонь... Вотъ какова фізіономія Кунграда. Совершенно тотъ же, обликъ имѣютъ и всѣ другіе хивинскіе города, не исключая, какъ говорятъ, и столицы ханства. Какъ всѣ азіаты, кунградскіе жители ведутъ уличную жизнь, въ особенности большое оживленіе царитъ на базарѣ. Здѣсь по обѣ стороны довольно длинной крытой улицы тянется сплошной рядъ лавокъ. Вотъ мясная лавка съ бараньими тушами, съ лошадиными окоороками, висящими подъ навѣсомъ, и съ тучами мухъ, носящихся надъ мясомъ. Рядомъ, среди обрѣзковъ кожи, хивинецъ точаетъ азиатскія калоши; напротивъ, черезъ улицу лежатъ груды арбузовъ, дынь, луку и другой зелени; тутъ еж, въ одномъ домѣ примостился мастеръ, деревяннымъ штампомъ набивающій аляповатыя узоры на бумажной ткани. Немного дальше вы встрѣтите заводъ кунжутнаго масла, такую же мазанку, какъ и всѣ; сквозь растворенныя двери ея виденъ верблюдъ, вращающій пестъ въ большой деревянной ступѣ. Рядомъ продаютъ кирпичный чай, чуреки *), рисъ, какіе-то сухіе корешки и травы, развѣшанные гирляндами, какія-то сладобья въ видѣ порошковъ; тамъ опять арбузы или ресторанаъ съ дымящимися котлами и съ запахомъ горѣлаго сала. Картину дополняетъ пестрая толпа суетящихся около лавокъ людей. Тутъ и хивинцы въ полосатыхъ халатахъ, и каракалпаки; вонъ чернѣетъ огромная яйцевидная папаха туркмена, а вотъ и киргизы съ красными платками на бритыхъ головахъ; въ толпу замѣшался

*) Прѣсныя лепешки.

одинъ казакъ изъ сотни, стоящей въ Кунградѣ... Все это спорить, прицѣнивается, кричить; гдѣ-то скрипитъ верблюдъ, пищитъ козлевокъ, и надъ всѣмъ этимъ содомомъ доминируютъ оглушительный звонъ котельщиковъ, нещадно бьющихъ молотомъ по мѣдной посудѣ. Въ Кунградѣ меня пріютилъ агентъ російскаго общества транспортированія кладей. Какъ специалистъ по части путей сообщенія въ здѣшней мѣстности, онъ помогъ мнѣ снарядиться въ дальнѣйшую дорогу.

III.

Въ странѣ глины.

Наставало время подумать о возвращеніи домой въ Петербургъ. Спрашивается, какъ надо ѣхать, чтобы по пути завернуть въ Астрахань? По картѣ этотъ вопросъ рѣшается очень просто. Отъ Кунграда перевалить черезъ степь, раздѣляющую Араль отъ Каспія, на Каспійскомъ морѣ сѣсть на судно и прямо въ Астрахань. Первоначально именно этимъ путемъ я и предполагалъ вернуться домой. Мнѣ достоверно было извѣстно, что отъ Кунграда до залива Ямань-Айракты, на Каспійскомъ морѣ, прекрасно можно было бы пройти на верблюдахъ. Этой дорогой, только въ обратномъ направленіи, генералъ Черняевъ проѣхалъ даже въ коляскѣ, конечно, съ запасомъ фуража для лошадей; куда же направляли въ то время партіи новобранцевъ, идущихъ въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Правда, мнѣ было извѣстно и то, что на пустынномъ заливѣ Ямань-Айракты я рисковалъ засѣсть на неопредѣленно долгое время, такъ какъ ни пароходы и никакія торговныя суда туда не заходятъ, но я имѣлъ маленькую надежду на гурьевскихъ и астраханскихъ ловцовъ, промысляющихъ тамъ рыбой; они могли бы доставить меня въ Гурьевъ, или прямо въ Астрахань. Отчего бы не попытаться счастья? а въ случаѣ, если бы ихъ тамъ не оказалось, я могъ бы заставить своего возчика везти меня дальше до форта Александровскаго на Мангышлакѣ, откуда уже ходятъ пассажирскіе пароходы. Все бы, повидимому, хорошо, да на бѣду въ то время, такъ-называемый, черняевскій путь отъ Кунграда на Ямань-Айракты былъ уже заброшенъ, и въ Кунградѣ не нашлось ни одного возчика, который зналъ бы эту дорогу и взялся бы везти по ней. Мой хозяинъ созвалъ всѣхъ извѣстныхъ ему караванбашей—такъ называются лица, занимающіяся поставкой верблюдовъ и проводниковъ—но ни одинъ изъ нихъ не нашелъ возчика, желающаго везти на Каспійское море. Зато ничего не было легче нанять верблюдовъ на путь отъ Кунграда прямо на сѣверъ мимо Араль-

скаго моря чрезъ верховья р. Эмбы по направленію къ Оренбургу. На верблюдахъ здѣсь приходится идти верстѣ 700 до Темирскаго укрѣпленія, иначе называемаго Каракамышъ; отсюда до Оренбурга можно ѣхать уже на почтовыхъ. Правда, сравнительно съ черныяевскимъ путемъ по этой дорогѣ на Астрахань надо сдѣлать безъ малаго двѣ тысячи верстѣ лишнихъ, но все же это было лучше, нежели возвращаться назадъ въ Петро-Александровскъ, а оттуда въ Казалинскъ; во-первыхъ, верстѣ на 800 ближе, а во-вторыхъ, какой интересъ тащиться знакомыми мѣстами, да еще по кизылъ-кумской песочницѣ?

И такъ, стало быть, чрезъ Темирское укрѣпленіе на Оренбургъ! Я и подробнѣе отмѣтилъ бы предстоящій мнѣ маршрутъ названіями промежуточныхъ пунктовъ, да никакихъ другихъ пунктовъ по дорогѣ не существуетъ. На подробныхъ картахъ, впрочемъ, вся степь на сѣверъ отъ Арала испещрена тюркскими названіями, но это или колодцы, по большей части изсякшіе, или просто мѣста, такъ - называемыя урочища, т.-е. участки степи, въ предѣлахъ которыхъ кочуютъ опредѣленные киргизскіе роды. На старыхъ картахъ изображены здѣсь даже озера, но отъ нихъ не осталось и лужъ: все высохло, и только послѣ таянія снѣговъ на мѣсяцъ, или на два, на ихъ мѣстѣ скопляется немного вешней воды. Даже Эмба въ своихъ верховьяхъ изсякаетъ въ концѣ лѣта. Къ этому надо прибавить, что и отъ Эмбенскаго укрѣпленія не осталось и слѣда: оно давнымъ-давно упразднено.

И такъ мнѣ предстояло то же удовольствіе путешествія по пустынѣ, какое привелось испытать въ Кизылъ-Кумахъ, съ тою только разницею, что этотъ разъ не могло быть и рѣчи о телѣгѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога имѣетъ видъ вычухныхъ тропинокъ съ крутымъ подъемомъ и спускомъ. Нечего было думать и о верховыхъ лошадяхъ, потому что на пути нѣтъ для нихъ подножнаго корма. Только одни верблюды, оправдывая свою славу «кораблей пустыни», могутъ довольствоваться той чахлой полынью, какая растетъ на протяженіи 10 — 15 дней караванной дороги. Если Кизылъ-Кумы почти безлюдны въ лѣтнее время, то степь между Араломъ и верховьями Эмбы въ ту же пору абсолютно пуста: кромѣ изрѣдка проходящихъ каравановъ, здѣсь, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстѣ, не попадаетъ ни единой живой души. Въ концѣ лѣта, когда высыхаютъ хаки или степныя лужи, путешественникъ трое сутокъ не встрѣчаетъ ни капли воды. Словомъ, географъ, описывая эту мѣстность, съ полнымъ правомъ можетъ сказать, что тамъ ничего нѣтъ, и этого будетъ достаточно, чтобы дать довольно полное представленіе о ней. Нѣтъ ни людей, ни жи-

вотныхъ, ни травы, ни воды и, если хотите, нѣтъ даже настоящей земли: одна твердь поднебесная, да голая, растрескавшаяся на солнцѣ глина. И вотъ этимъ-то живописнымъ пейзажемъ, съ высоты верблужьяго горба, мнѣ предстояло любоваться не менѣе двухъ недѣль въ сообществѣ одного проводника киргиза. Жутко!— скажете вы. Великолѣпно! — подумалъ я, слѣзая съ верблюда въ Темирскомъ укрѣпленіи. Однако, не станемъ забѣгать впередъ.

Благодаря участію моей любезной хозяйки, снаряженіе по части заготовки провизіи скоро было окончено. Основной продовольственный фондъ и этотъ разъ должны были составлять сухари, чай и сахаръ, но такъ какъ я не собирался спастись и такъ какъ сухари едва ли лучше акриды, а сахаръ, пожалуй, даже и поуже меда, хотя бы и дикаго, то, очевидно, надо было позаботиться о чемъ-нибудь болѣе существенномъ. Вотъ тутъ-то меня выручила моя хозяйка.

Она приготовила мнѣ тоже нѣчто въ родѣ пеммикана, даже двухъ сортовъ, но только не по киргизскому способу (сохрани Богъ!), а по своему собственному. Одинъ сортъ готовится такъ: куски сырого мяса безъ жира опускаютъ на нѣсколько секундъ въ крѣпкій кипящій рассоль, затѣмъ сушатъ ихъ въ духовой печкѣ. Другой сортъ представляетъ мясной фаршъ, слегка поджаренный, а потомъ высушенный въ печкѣ. И то и другое мясо оказалось превосходнымъ, въ теченіе дороги оно нисколько не измѣнило своихъ свойствъ и на вкусъ мало чѣмъ отличалось отъ сѣзжаго мяса. Хивинскіе купцы, отправляющіеся въ Оренбургъ, берутъ съ собой въ особыхъ клѣткахъ живыхъ куръ, но это мнѣ показалось слишкомъ большой роскошью для путешествія въ пустынь. Деревянную флягу для воды я оставилъ въ Петро-Александровскѣ, такъ какъ по этой части уже тамъ имѣлъ въ виду слѣдующую комбинацію: у меня была большая полутораведерная банка со спиртомъ, задѣланная въ толстый деревянный ящикъ. Это-та самая банка, куда по договору съ Дарьей Сидоровной я обязанъ былъ сажать ящерицъ, змѣй и другихъ «гносовъ» немедленно по изловленіи; тамъ же лежали у меня и аму-дарьинскія рыбы. Зоологическія пикули я запалялъ въ особую жестянку, а банку, въ виду ея несомнѣнныхъ достоинствъ, а въ особенности въ виду ея стеклянной притертой пробки, я прозвелъ въ званіе сосуда для воды. Лично для меня со всѣмъ багажемъ достаточно было одного верблюда, другой нуженъ былъ для проводника съ его пожитками, а третьяго я взялъ про запасъ, на случай, если одному изъ первыхъ вздумалось, вмѣсто того, чтобы довезти насъ, покончить свое существованіе въ дорогѣ.

Чтобы не сидѣть верхомъ, я приобрѣлъ для себя особую корзинку съ навѣсомъ, сдѣланную изъ досчечекъ и ивовыхъ прутьевъ. Въ ней можно свободно сидѣть, протянувъ ноги впередъ, а если согнуться въ три погибели, то можно и лежать. Такая корзинка, напоминающая по формѣ кузовъ крытыхъ дѣтскихъ колясокъ, подвѣшивается сбоку верблюда, а съ другой стороны горба она уравнивается кладью. Необходимо, чтобы по обѣ стороны верблюда грузъ имѣлъ хотя бы, приблизительно, одинаковый вѣсъ, иначе одна сторона станетъ перетягивать, и на ходу весь вьюкъ можетъ свалиться. Весь мой багажъ вмѣстѣ съ банкой для воды, за исключеніемъ только ружья и кое-какой мелочи, былъ связанъ въ одинъ тюкъ, который своей 4-хъ-пудовой тяжестью почти какъ разъ соответствовалъ вѣсу корзинки вмѣстѣ со мной, ружьемъ и этой самой мелочью.

Снарядившись, такимъ образомъ, 12-го іюля мы, наконецъ, выступили въ походъ вмѣстѣ съ проводникомъ киргизомъ, молодымъ парнемъ, по имени Ахметъ. Проходя по базару, я захватилъ съ собою десятокъ дынь, для которыхъ здѣсь же купилъ большой очень толстый шерстяной мѣшокъ мѣстной работы. Правда, дыни отъ тряски испортились уже на второмъ переходѣ, но мѣшокъ сослужилъ мнѣ впоследствии тройную службу. Хозяинъ проводилъ насъ до окраины города, откуда, связавъ верблюдовъ одного за другимъ, мы поехали съ Ахметкой вдвоемъ.

Если кого укачиваетъ въ морѣ, то же самое съ нимъ будетъ и на верблюдѣ, въ особенности если онъ ѣдетъ въ корзинкѣ; другими словами, путешественникъ, подверженный морской болѣзни, будетъ испытывать всѣ ея послѣдствія среди пустыни, гдѣ на сотни верстъ нѣтъ ни капли воды. На меня почти не дѣйствуетъ качка въ морѣ, но здѣсь первое время начинало мутить, и даже довольно ощутительно. Сначала разбирало также большое сомнѣніе на счетъ устойчивости вьюка моего верблюда. А что, какъ вся эта исторія вмѣстѣ съ корзинкой полетитъ на землю!—думалось мнѣ. Хорошо еще, если багажъ перетянетъ, а что, если съ высоты горба 4-хъ-пудовый тюкъ, да еще какъ разъ острыми, окованными жегѣзомъ, ребрами ящика обрушится на меня, будетъ исторія!—думаю себѣ. Однако, скоро всѣ эти страхи миновали, да и всякая муть прошла, такъ что уже на третьемъ переходѣ я чувствовалъ себя, какъ будто родился киргизомъ. Медленно и методически, съ правильностью метронома, шагали верблюды, и съ тою же правильностью качалась моя люлька. Впереди ѣхалъ Ахметка, за нимъ шелъ мой верблюдъ, а сзади всѣхъ плелся запасный, и всѣ мы были связаны другъ съ другомъ. Въ своей корзинкѣ я

изображалъ собою не больше, какъ кладь, которую Ахметка взялся доставить въ Каракамышъ. Я могъ только выражать свои желанія, и это было единственное мое отличіе отъ неодушевленнаго предмета. Самостоятельно я не могъ ни остановить своего верблюда, такъ какъ онъ былъ привязанъ къ переднему, ни тѣмъ болѣе слѣзть съ него, такъ какъ для этого его надо было остановить и положить. Сквозь овальное отверстіе навѣса я вижу кусочекъ степи, переднюю ногу верблюда, его шею и отъ времени до времени вижу, какъ изъ за кузова корзинки выставляется мозолистая лапа задней. Сквозь дырочки, которыя я продѣлалъ по бокамъ крышки, слѣва мнѣ представляется видъ на степь, а справа столь же живописный видъ на верблюжьи горбы, одѣтые грязной кошмой. Сначала меня сильно доводило запасный верблюдъ. Это было тощее животное, съ кожей, покрытой какими-то болѣзненными чесоточными наростами. Всю дорогу онъ думалъ только о томъ, какъ бы почесаться, а такъ какъ въ степи, кромѣ другихъ нашихъ верблюдовъ, ничего подходящаго для этой цѣли не было, то при малѣйшей остановкѣ, или даже на ходу, онъ цоровилъ подобраться къ моей корзинкѣ и всякій разъ начиналъ тереть объ ея край свою корявую спину. Корзинка трещала и, что хуже всего, подъ напоромъ горба поднималась вверхъ, а вьюкъ опускался внизъ; однимъ словомъ, грозилъ сальто-мортале, котораго я такъ боялся сначала. Шомполомъ отъ ружья я прогонялъ несносную животину, но какъ ни въ чемъ не бывало, верблюдъ переходилъ на другую сторону и начиналъ чесаться о вьюкъ. Еще того хуже! Тогда я опускался внизъ, а тюкъ собирался обрушиться на меня своей 4-хъ-пудовой тяжестью. Пришлось перевести этого любителя почесаться въ середину, а меня въ хвостъ каравана, но на остановкахъ продолжалась та же исторія, и вообще этотъ возмутительный верблюдъ причинилъ намъ много хлопотъ, а пользы отъ него не было ни на грошъ, такъ какъ всю дорогу онъ только и дѣлалъ, что чесался.

Первый день мы шли по дну высохшаго Айбугирскаго залива. Еще на не очень старыхъ картахъ онъ изображенъ настоящимъ заливомъ, вдающимся вглубь степи отъ южнаго конца Аральскаго моря въ видѣ запятой верстъ 120 въ длину. Теперь онъ высохъ совсѣмъ, такъ что тамъ, гдѣ еще недавно жили морскія ракушки и плавали рыбы, теперь растутъ колючка и бѣгають фазаны. Вообще, какъ извѣстно, Аральское море сохнетъ, что называется, не по днямъ, а по часамъ. Если бы не Аму и Сыртъ-Дарья, по его дну давно бы ходили верблюды.

Въ концѣ 2-го дня пути по крутой узкой тропинкѣ мы подня-

лись на ровное, какъ полъ, плато Усть-Уртъ, отдѣляющее Аралъ отъ Каспія, откуда передъ нами открылся видъ на море. Ну, ужъ и видъ! ну, ужъ и море! Это та же пустыня, какъ степи вокругъ его, только пустыня водная. Когда мы взошли на Усть-Уртъ, было тихо. Какъ зеленое стекло блестѣла гладкая поверхность Арала. На морѣ ни паруса, ни чайки и никакой другой птицы. Всюду пусто, мертво и тихо. Такая же мертвая однообразная пустыня подходитъ къ берегамъ Арала. На сколько хватаетъ глазъ, вдоль берега тянется крутой обрывъ Усть-Урта, сѣрый, мрачный и мертвый. Нигдѣ ни кустика, ни зеленой травы, ни ручья; не слышно ни щебетанія птицъ, не стрекочуть кузнечики. Словомъ, какъ на морѣ, такъ и на берегу, нѣтъ ничего. Тамъ одна вода, а здѣсь голая глина. Со времени сотворенія міра, суда Аральской военной флотилии, вѣроятно, были первыми судами, которыя стали бороздить поверхность открытаго моря, а команда ихъ была первыми людьми, которыхъ видѣли антилопы и лисы, живущіе на необитаемомъ островѣ «Николаѣ». Какъ этотъ островъ, такъ и нѣкоторые другіе были открыты и названы нашими моряками, поэтому на картѣ Арала среди тюркскихъ именъ, въ родѣ Барса-Кельмезъ, Кугъ-Аралъ и другихъ встрѣчаются и русскія: островъ Лазарева, заливъ Чернышева и проч. Съ тѣхъ поръ, какъ флотилію упразднили, а пароходы и баржи ея вытащили на берегъ въ Казалинскѣ, море снова опустѣло.

Въ 1876 г. фирма бр. Ванюшиныхъ съ цѣлью рыболовства снарядила-было на Аралѣ два морскихъ судна, но дѣло скоро лопнуло, и суда были разобраны на дрова.

Немного позже пытался плавать по морю казалинскій мѣщанинъ Кривохижинъ, но его затѣя кончилась настоящей робинзонадой, только съ трагическимъ финаломъ. Эта исторія стоитъ того, чтобы ее рассказать.

Кривохижинъ построилъ морское судно по типу каспійскихъ *кусовыхъ*, съ тѣмъ, чтобы доставлять пшеницу и другія произведенія Хивинскаго оазиса съ низовьевъ Аму въ Казалинскъ. Въ одинъ несчастный день съ командой въ 5 человекъ онъ отправился въ Кунградъ за хлѣбомъ. Тотъ годъ оказался въ Хивѣ неурожайнымъ, пшеница была дорога, и Кривохижинъ, чтобы не возвращаться безъ всякаго товара, пошелъ на необитаемый островъ «Николай» за саксауломъ, который продается въ Казалинскѣ на дрова по 10 коп. за пудъ. Въ небольшой бухточкѣ острова кусовая сѣла на мель и притомъ такъ крѣпко, что всѣ усилія стащить ее оказались напрасными. На душегубкѣ, состоявшей при суднѣ въ качествѣ подчалка, всѣ участники плаванія перебрались

на берегъ, перевезли все, что было нужно и можно, построили шалашъ и стали жить. Вскорѣ вышла вся провизія. По русской безопасности Кривохижинъ не захватилъ съ собой ни ружья, ни удочекъ и никакихъ другихъ орудій, которыми можно было бы промыслить пищу, поэтому нашимъ робинзонамъ оставалось только поглядывать на антилопъ, изъ любопытства близко подходившихъ къ ихъ лагерю, и на рыбъ, плескавшихся около берега. Такъ какъ поверхность острова представляетъ клочокъ той же пустыни, какая на необозримое протяженіе тянется по берегамъ моря, то не могло быть и рѣчи о примѣненіи изобрѣтательности по образцу Робинзона. Глина, песокъ и саксаулъ мало могли принести пользы въ данномъ случаѣ, хорошо еще что на «Николаѣ» нашлась прѣсная вода: могло ея и не быть. Къ счастью, въ командѣ Кривохижина было двое киргизъ; они-то и выручили экспедицію. Хорошо зная пустыню и ея растительность, они вспомнили объ одномъ степномъ растеніи чочимудукъ *), у котораго на корняхъ находится по одному клубню, вполне съѣдобному и напоминающему по вкусу картофель. Этими-то клубнями и стали питаться Кривохижинъ и его рабочіе, когда былъ съѣденъ послѣдній сухарь. Такое существованіе, конечно, не могло долго продолжаться; приходилось искать радикальное средство спасенія, потому что не было ни малѣйшей тѣни надежды на помощь со стороны. Флотилію въ то время уже упразднили, и на Аралѣ, кромѣ той самой кусовой, которая сослужила такую скверную службу, не было ни одного судна. Поэтому Кривохижинъ рѣшился на отчаянную попытку: онъ задумалъ плыть къ берегу моря ни больше, ни меньше, какъ на своей душегубкѣ. Лодченку покрыли сверху брезентомъ и, приколовивъ края его къ бортамъ, устроили нѣчто въ родѣ палубы. На носу противъ скамейки для гребца и на кормѣ въ брезентѣ прорѣзали по отверстію такой ширины, чтобы туда могъ прогнѣзть человѣкъ. Затѣмъ, когда въ душегубку былъ положенъ запасъ чочимудука, боченокъ воды и компасъ, стали усаживаться люди. Двое киргизъ залѣзли подъ брезентъ, русскій рабочій сѣлъ въ весла, а Кривохижинъ на руль, причеиъ тотъ и другой привязали веревкой къ поясу края отверстія въ брезентѣ. Въ такомъ видѣ мореплаватели тронулись въ опасный путь, придерживаясь курса на востокъ. Остальные двое рабочихъ, оба русскіе, не рискнули присоединиться къ своимъ товарищамъ и рѣшили остаться на островѣ. Впрочемъ, все равно кому-нибудь надо было обречь себя на это, такъ какъ въ лодкѣ было слишкомъ тѣсно. Семь дней носились пловцы по морю.

---

*) *Megacarpaea laciniata*.

Уже въ началѣ пути задуть сильный вѣтеръ, волны перекатывались поверхъ лодки и, если бы не импровизированная палуба, первый такой валъ залилъ бы маленькую душегубку; руль все-таки былъ смытъ. Въ довершеніе несчастія не хватило чочимулдука, онъ былъ съѣденъ до послѣдняго клубня, выпита и вся вода. Какъ разъ въ то время, когда смерть отъ жажды была уже не за горами, выпалъ легкій дождь, и путешественники принялись сосать намокшее платье и брезентъ. Наконецъ, на седьмыя сутки они пристали къ берегу гдѣ-то между Аму и Сыръ-Дарьей, но спасеніе было еще далеко. Пройдя широкую полосу густыхъ камышей, они вышли въ песчаную пустыню Кизылъ-Кумы. Долго тащились они по сыпучему песку, Кривохижинъ первый выбился изъ силъ; изнуренный голодомъ и жаждой, онъ упалъ. Остальные пошли дальше и вскорѣ замѣтили вдали голову барана, торчавшую изъ за верхушки холма. Тамъ оказалась одинокая семья киргизъ, пріютившаяся у колодца. Наскоро утоливъ голодъ и жажду, рабочіе Кривохижина захватили верблюда, и отправились отыскивать своего хозяина. Къ ихъ радости онъ былъ еще живъ. Ему дали немного воды, молока, затѣмъ доставили въ киргизскую юрту, гдѣ онъ скоро поправился. Отсюда при содѣйствіи киргизъ, или, вѣрнѣе, ихъ верблюдовъ, уже не трудно было добраться до Казаинска. Чудомъ избавившійся отъ смерти Кривохижинъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ употребить всѣ усилія, чтобы спасти двухъ своихъ рабочихъ, остававшихся на островѣ.

Немедленно по прибытіи въ Казаинскъ, онъ телеграфировалъ въ Петербургъ обществу спасенія на водахъ; но что могло сдѣлать общество въ этомъ случаѣ? Оно, конечно, отвѣтило, что совершенно безсильно помочь горю. Кривохижинъ, однако, не потерялся. Такъ поспѣшно, какъ только было возможно, онъ сталъ строить новую кусовую. Въ концѣ осени онъ окончилъ постройку, забралъ въ избытокъ провизіи и съ большой командой поплылъ на выручку. Еще когда судно шло Сыръ-Дарьей, по рѣкѣ плавали льдины. Кое-какъ все-таки Кривохижинъ выбрался въ открытое море, но скоро кусовую затерло льдомъ уже недалеко отъ «Николая», именно у острова Барса-Кельмесъ, гдѣ и пришлось зазимовать. Ранней весной, какъ только позволили льды, мореплаватели пошли дальше и на другой день бросили якорь у острова «Николая», но уже было поздно. Здѣсь на берегу бухты они увидѣли такую картину: все такъ же накренившись на бокъ стояла на мели кусовая, на землѣ, близъ моря лежалъ высохшій трупъ одного изъ несчастныхъ; недалеко отъ него на небольшомъ возвышеніи стоялъ саксауловый крестъ; подъ нимъ, очевидно, былъ похороненъ второй рабочій.

*

Около трупа лежала палка, на которой зарубками отмѣчались прожитые дни. Шестъ мѣсяцевъ насчиталъ Кривохижинъ на этой палкѣ; послѣдняя зарубка была сдѣлана за 40 дней до прибытія запоздаващаго спасенія. Кривохижинъ похоронилъ несчастнаго подлѣ его товарища, затѣмъ снялъ съ мели кусовую и съ двумя судами вернулся въ Казалинскъ. Съ тѣхъ поръ у него пропала всякая охота плавать по Аралу.

Въ устьѣ Сыръ-Дарьи я видѣлъ его злосчастную кусовую: она уже была вытащена на берегъ. Ея ободравшій видъ, уныло отвисшія ваны производятъ удручающее впечатлѣніе. Впрочемъ, такому впечатлѣнію, вѣроятно, больше всего способствуетъ сознание, что это та самая кусовая, которая предала довѣрившихся ей людей.

Такова эта печальная исторія. Трагическій исходъ ея, конечно, не больше, какъ несчастная случайность, которая, надо думать, не остановитъ другихъ предпринимателей. Съ увеличеніемъ русскаго населенія въ Туркестанѣ и Закаспійской области Аральское море еще можетъ ждать болѣе свѣтлой будущности. Не смотря на свой пустынный видъ, оно очень богато рыбой. Правда, изъ осетровыхъ здѣсь водится только одинъ шипъ, нѣчто среднее между осетромъ и стерлядью, но частичковая рыба живетъ въ Аралѣ, какъ въ садкѣ. Сазанъ, усачъ, лещъ, судакъ, шемая и другія наши обыкновенныя породы водятся здѣсь въ несметномъ числѣ. Въ настоящее время промыселъ сосредоточивается въ устьяхъ Аму и Сыръ-Дарьи, откуда рыба вывозится, главнымъ образомъ, въ Оренбургъ. При первобытныхъ путяхъ сообщенія, на верблюдахъ доставка ея обходится слишкомъ дорого; поэтому, расходы на такой путь могутъ окупать только наиболѣе цѣнные продукты, именно, шипъ, его икра, клей и вязига, а также шемая. Всѣ остальные рыбы ловятся почти исключительно для мѣстнаго потребленія въ количествѣ очень незначительномъ. Можно ожидать, что въ недалекомъ будущемъ это нетронутое рыбное богатство найдетъ прекрасный сбытъ среди увеличивающагося съ каждымъ годомъ населенія южнаго Туркестана и Закаспійской области. Пароходное сообщеніе по Аму и Сыръ-Дарьѣ съ торговыми цѣлями, составляющее только вопросъ времени, обезпечитъ такое направленіе продуктовъ рыболовства. Берегомъ Арала мы шли не болѣе часу. Забравъ воды изъ колодца въ уступѣ обрыва Усть-Урта, мы направились въглубь степи. Потянулись дни за днями однообразной дороги; завтра какъ сегодня, послѣ-завтра, какъ завтра, все та же ровная, какъ полъ, глинистая степь, широкая, какъ море, и, какъ ладонь, голая. Ни малѣйшій бугорокъ, ни одинъ кустикъ не разнообразятъ этого унылаго пейзажа. Степь впереди, степь сзади

и, куда не взглянете, до самаго горизонта все степь и степь, покрытая синимъ куполомъ безоблачнаго неба. Изрѣдка изъ-подъ ногъ верблюда выпорхнеть грязно-желтый, какъ глина, крошечный жаворонокъ, Богъ знаетъ, зачѣмъ поселившійся здѣсь. Одинъ разъ вдали, какъ тѣни промелькнули три антилопы и какъ бы растаявъ, скоро исчезли, въ пустынѣ. Гдѣ-то по серединѣ дороги мы встрѣтили стаю грифовъ, сидящихъ около растерзаннаго трупавшаго верблюда. Вотъ и всѣ животныя обитатели этой страны глины, которыхъ мы видѣли въ теченіе девяти дней пути. Здѣсь только становится понятнымъ, что значить «корабли пустыни». Дѣйствительно, надо только удивляться, какъ могутъ верблюды, при всей ихъ неприхотливости, поддерживать свое существованіе въ здѣшной степи. Правда, присмотрѣвшись къ ея поверхности, не трудно убѣдиться, что она не такъ ужъ гола, какъ кажется съ перваго взгляда—на ней все—таки есть растительность, но зато, какова же эта и растительность! Кое гдѣ торчатъ былинки выжженной солнцемъ полыни, высотой около трехъ вершковъ, а во всякомъ случаѣ не болѣе четверти аршина. Онѣ такого же грязнаго цвѣта, какъ и сама глина, поэтому онѣ и не замѣтны при поверхностномъ взглядѣ. Къ тому же, нельзя сказать, чтобы былинки эти слишкомъ жались другъ къ другу; мѣстами одна отъ другой растетъ не ближе, какъ на аршинъ, а въ промежуткахъ чистѣйшая глина. Вотъ этимъ-то призракомъ травы и питается верблюдъ. Сколько надо ему отдѣльныхъ травинокъ, сколько щипковъ онъ долженъ сдѣлать, полагая на каждую по щипку, и сколько верстъ ему нужно обойти по степи, чтобы набить свой трехъ-этажный желудокъ! Между тѣмъ и на этомъ подобіи корма, безъ воды въ теченіе 4, даже 6 сутокъ, верблюдъ идетъ, да еще какъ идетъ! Мы выступали, обыкновенно, вскорѣ послѣ полуночи. Ужъ разсвѣтатъ станетъ, я уже выплюсь въ своей корзинкѣ, а верблюды идутъ, я опять засну и снова проснусь, уже солнце начинаетъ печь, а верблюды все идутъ. Незадолго до полудня мы останавливались часа на два варить, а затѣмъ снова шли до самаго вечера. 14 часовъ въ сутки изо дня въ день двѣ недѣли шагали наши верблюды, да и на остановкахъ, хотя и безъ вьюка, они все-таки бродили по степи, отыскивая эти призраки пищи. Едва ли они отдыхали болѣе двухъ-трехъ часовъ въ сутки. Такъ работали наши «корабли пустыни». Что же дѣлали мы сами? А вотъ что.

Ахметка, въ качествѣ специалиста по пустыннымъ дѣламъ, былъ въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ движенія. Онъ назначалъ мѣсто остановокъ, время выступленія и проч., такъ какъ онъ одинъ зналъ положеніе колодець, зналъ дорогу, или, вѣрнѣе, чуть-

емъ угадывалъ, куда надо идти: мѣстами не было никакого подобія тропинки. Чѣмъ руководствовался въ этихъ случаяхъ Ахметка, Богъ его знаетъ. Ночью, должно быть, звѣздами, или вѣтромъ, съ вечера до утра дуящимъ здѣсь въ одномъ направленіи, а днемъ, вѣроятно, солнце показывало ему дорогу, а можетъ быть, жаворонки, или полынь, или вонъ тотъ уголокъ отставшей отъ земли глиняной плитки, какъ знать?

Киргизы, какъ истыя дѣти пустыни, знаютъ ее, какъ собственную нагайку. Тамъ, гдѣ для посторонняго природа пустыни молчитъ, киргизъ ясно слышитъ ея голосъ. Могъ ли я послѣ этого вмѣшиваться въ распредѣленіи времени въ дорогѣ? Положимъ, я хочу ѣхать, а Ахметка заявляетъ, что въ этомъ мѣстѣ надо идти только въ то время, когда солнце будетъ на три нагайки отъ земли, или когда *Джитты-карабчи* *) (Большая Медвѣдица) своимъ хвостомъ подойдутъ къ землѣ на высоту трехъ верблюдовъ. На вопросъ—почему? онъ можетъ отвѣтить, что въ такомъ только случаѣ на ночевку придемъ какъ разъ къ колодцу, или на остановкѣ кормъ будетъ лучше. Глядишь, такъ оно и выходитъ! Словомъ, Ахметкѣ и книга въ руки.

Обыкновенно еще за долго до разсвѣта, иногда ровно въ полночь онъ подходилъ къ моей корзинкѣ и со словами «тамыръ **), айда!», дергалъ меня за ногу. Это означало, что «тамыръ» долженъ былъ вставать и идти выючить верблюдовъ. «Тамыръ» вдвоемъ съ Ахметкой поднималъ на горбъ сидящаго верблюда 4-пудовый тюкъ, затѣмъ подставляя подъ него свою спину, а Ахметка переходилъ на другую сторону верблюда связывать съ выюкомъ корзинку. Покряхтѣвъ столько, сколько этого надо было для связыванія, «тамыръ» получалъ, наконецъ, отпущеніе грѣховъ, затѣмъ залѣзалъ въ свое висячее логово, Ахметка на свое; верблюды, колыхнувшись три раза, вставали и караванъ выступалъ въ путь... Скрючившись въ три погибели, укачиваемый въ своей люлкѣ, я, обыкновенно, засыпалъ. Сквозь сонъ я думалъ объ Ахметкѣ, каково-то ему бѣдному сидѣть верхомъ на горбѣ, когда такъ хочется спать? Однако, проснувшись какъ-то на разсвѣтѣ, я совершенно успокоился на этотъ счетъ, увидѣвъ, что и Ахметка не даетъ маху. Со свѣсившимися внизъ головой, руками и ногами, какъ огромный паукъ, обнявъ ими кошемную площадку на горбахъ, лежа спиной кверху, онъ спалъ, и спалъ такъ крѣпко, что

*) Джитты-карабчи въ переводѣ значитъ семь воровъ. Эти семь воровъ, по представленію киргизъ, бѣгаютъ вокругъ желѣзнаго кола (Темиръ-кызы) или полярной звѣзды.

**) Слово тамыръ значитъ нѣчто въ родѣ парень, или господинъ.

не слыжалъ, какъ запасный верблюдъ рысдой поравнялся съ нимъ и, сгорая желаніемъ почесаться, пнулъ бокомъ его сидѣнье. Тогда и я свернулся зигзагомъ и тоже заснулъ, только одни верблюды продолжали бодрствовать и шли себѣ, да шли, по пробитой тропинкѣ.

Во время остановокъ приходилъ мой чередъ обнаруживать свои таланты. Изъ всѣхъ нашихъ общихъ дѣлъ единственное, не выходящее изъ предѣловъ моей компетенціи занятіе, было кулинарное дѣло, но зато во всемъ его объемѣ, начиная съ добыванія топлива. Пока Ахметка возился съ верблюдами, удовлетворяя ихъ справедливыя требованія, я забиралъ шерстяной мѣшокъ, взятый первоначально для дынь, и отправлялся собирать верблюжій кизекъ. Дѣло это было простое, въ особенности, если мы стояли у колодца, гдѣ каждый караванъ оставляетъ по себѣ слѣды. Гораздо труднѣе набрать здѣсь сухихъ полынныхъ былиннокъ для растопки, а еще труднѣе разжечь кизекъ. Такъ какъ погоды были по большей части тихія, то для того чтобы развести костеръ, въ него приходилось дуть, и я дулъ, дулъ до тѣхъ поръ, пока глаза не начинали обнаруживать несомнѣннаго желанія выскочить на лобъ. Тогда приходилъ Ахметка и тоже дулъ и до тѣхъ же самыхъ поръ. При такомъ усердіи кизекъ, конечно, разгорался, и я начиналъ варить нѣчто въ родѣ каши изъ риса и сухого мясного фарша. Когда это блюдо моего собственнаго изобрѣтенія бывало готово, мы постилали вмѣсто ковра все тотъ же шерстяной мѣшокъ и начинали ѣсть; ѣли мы съ одинаковой готовностью уничтожить свою порцію до тла. Затѣмъ принимались за чай. Вотъ по этому пункту наши взгляды съ Ахметкой расходились. Я, какъ это и слѣдуетъ, относился къ чаю, какъ къ напитку, поэтому пилъ его съ клюквеннымъ экстрактомъ; выходило освѣжительно, да и соленый вкусъ колодезной воды скрадывался. Ахметка же видѣлъ въ чаѣ нѣчто въ родѣ похлебки, поэтому норовилъ, чѣмъ только возможно, сдабривать его. Для этой цѣли онъ везъ съ собой небольшой кожаный турсучекъ съ жидкимъ бараньимъ саломъ. Въ чай же онъ клалъ сухари, и если была подъ руками соль, то и соль. Получалась настоящая похлебка, но я думаю, что она была не лучше спартанской. Признаться, было довольно - таки тошно смотрѣть, какъ Ахметка, причмокивая, пилъ это пойло, поэтому мнѣ очень хотѣлось научить своего полудикаго спутника пить чай, какъ чай, и я предложилъ вмѣсто сала прибавлять клюквеннаго экстракта. Сначала Ахметка подозрительно относился къ этой красной тягучей жидкости, но когда я объяснилъ, что это, дескать, «бульдрюгунъ» (ягода), онъ рѣшился сдѣлать опытъ.

«Якши?» (хорошо?)—спрашиваю я.—«Якши»,—отвѣчаетъ Ахметка и вслѣдъ за этимъ въ тотъ же чай наливаетъ съ полстакана сала.

«Якши?» любопытствую я опять.—«Чокъ якши» (очень хорошо), говоритъ Ахметка, прибавляя туда же сахару.

Должно быть, это было дѣйствительно «чокъ якши», потому что съ тѣхъ поръ мой ученикъ неизмѣнно придерживался этого новаго способа приготовленія чая и скоро перевелъ весь экстрактъ.

Можетъ быть, кого интересуетъ нашъ туалетъ въ дорогѣ, такъ сообщить объ этомъ тѣмъ легче, что у Ахметки не полагалось его совсѣмъ, да и я очень успѣшно приблизился къ такому киргизскому идеалу. Только у колодцевъ, стало быть, дня черезъ два-три, я мылъ руки, и это было всё, чѣмъ отличался я въ отношеніи туалета отъ своего спутника. Въ промежуткахъ между колодцами такую роскошь нельзя позволить изъ экономіи въ водѣ, а беречь воду намъ приходилось въ особенности, потому что ахметкинъ турсукъ еще въ началѣ пути прорвался. Хотя дыру завязали веревкой, но онъ снова прорвался въ другомъ мѣстѣ, и мы остались при одной моей банкѣ. Лично я былъ даже доволенъ этимъ приключеніемъ съ турсукомъ, потому что, судите сами, какая вода должна быть, если она пробудетъ дня два-три на солнцѣ въ мѣшкѣ, сдѣланномъ изъ цѣльной бараньей шкуры. Не было бы большой бѣды, если бы вода только нагрѣвалась, но она приобрѣтала запахъ сырой подгнившей кожи; мелкіе хлопья кожи плавали въ ней въ такомъ изобиліи, что она теряла всякіе признаки прозрачности. Если къ этому прибавить, что она сама по себѣ имѣла солоноватый вкусъ, то будетъ достаточно, чтобы составить представление о томъ поилѣ, которое находилось въ ахметкиномъ турсукѣ. Никакіе экстракты въ мірѣ не въ состояніи были бы сдѣлать такую воду годной для питья. Впрочемъ, Ахметка пилъ и говорилъ: «якши». На Усть-Уртѣ въ теченіе 9 дней пути только одинъ разъ мы встрѣтили «хакъ». Это была лужа съ площадью не больше обѣденнаго стола, и съ глубиной въ 1½ вершка, такъ что воду приходилось чрезвычайно осторожно снимать сверху, какъ сливки, при помощи блюдечка; безъ такой предосторожности со дна поднималась глинистая муть. Хотя поверхность лужи отливала зеленцой плесени, но, къ моему удивленію, вода сравнительно съ колодезной оказалась превосходной; во всякомъ случаѣ, она имѣла совершенно прѣсный вкусъ, а легкому букету плесени можно было и не придавать особаго значенія.

И такъ, стало быть, насъ нельзя было упрекнуть въ томъ, что мы чересчуръ занимались своей виѣшностью. Это еще видѣе бу-

детъ, если прибавить, что, согласно примѣру Ахметки, я спалъ не раздѣваясь, и всѣ 14 дней до самаго Каракамыша ни разу не умывалъ лица. Словомъ, мы жили совершенно по киргизски. Какъ можно спускаться до степени номада, хотя бы и въ пустынѣ!— можетъ замѣтить по этому поводу досужій моралистъ. Не лучше ли было бы—прибавить онъ—своими европейскими привычками, по крайней мѣрѣ хоть чистоплотностью, подавать примѣръ киргизу? Виданое ли дѣло, не умываться въ теченіе двухъ недѣль! Все это, можетъ быть, и такъ, но только посмотрѣлъ бы я на этого моралиста въ то время, когда, проживъ среди гѣта нѣсколько дней подъ открытымъ небомъ въ степи, онъ вздумалъ бы умытъ свою выхоленную фізіономію. Воображаю, какой подниметъ онъ крикъ на всю пустыню, когда лицо его начнетъ горѣть, какъ въ огнѣ, а кожа станетъ лупиться, какъ у ящерицы. А это всегда бываетъ, если въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились мы съ Ахметкой, обращать вниманіе на чистоту своей фізіономіи, да еще прибѣгать къ помощи мыла. Вотъ зубами мы могли бы щегольнуть съ успѣхомъ, что всего удивительнѣе, такъ это то, что въ степи и у меня они приобрѣли извѣстную киргизскую особенность, именно, сдѣлались бѣлы, какъ слоновая кость, хотя я не чистилъ ихъ ни разу. Между тѣмъ въ Петербургѣ, не смотря на ежедневную чистку, у меня были... ну, самые обыкновенные зубы, не бѣлѣе тѣхъ, какіе только могутъ быть у столичнаго жителя. Не знаю, извѣстно ли дантистамъ это чудотворное вліяніе степной жизни на зубы, а если извѣстно, то какъ они объясняютъ его?

Такъ протекала наша кочевая жизнь. Какъ уже сказано было, часовъ 14 въ сутки мы шли. Собственно шли-то верблюды, а мы, сидя на нихъ, глазѣли по сторонамъ, подмѣчая каждую былинку полыни, если она повыше другихъ вершка на два, или просто на просто спали. Впрочемъ, надо правду сказать, что спалъ больше я; Ахметкѣ же, хотя онъ и выросъ на верблюжьихъ горбахъ, все таки не слишкомъ удобно было лежать со свѣсившейся внизъ головой, поэтому на мѣстахъ ночевки при первой возможности онъ постилалъ на землю свой халатъ тамъ, гдѣ стоялъ передъ этимъ, ложился и мгновенно засыпалъ, а я отправлялся бродить по степи. Удивительныя ночи бываютъ въ здѣшной пустынѣ! Звѣздныя, теплыя и тихія, тихія! Какъ теперь, помню одну такую ночь, когда меня особенно поразила тишина. Можно описать какой угодно шумъ, крикъ, звонъ, но какъ описать тишину, въ особенности ту абсолютную тишину, какая бываетъ здѣсь ночью. Ни малѣйшаго звука!— вотъ и все. Въ другихъ мѣстахъ, какъ бы тихо ни было, всегда можно открыть хоть какой-нибудь звукъ. Если тихо въ комнатѣ,

вы все-таки слышите или гулъ доносящійся съ улицы, или чирканье сверчка за печкой; если этого нѣтъ, такъ тараканъ шуршитъ по обоямъ, или, наконецъ, гудитъ горячая лампа, или щелкаетъ пламя свѣчки. Ночная тишина лѣса, сада, пашины никогда не бываетъ полной; непремѣнно дрогнетъ листь, или крикнетъ сонная птица, прожужжитъ летящій жукъ, пискнетъ комаръ, а не то, такъ раздастся одинъ изъ тѣхъ неясныхъ, таинственныхъ ночныхъ звуковъ, происхожденіе которыхъ извѣстно одному Богу. Словомъ, вездѣ и всегда слышно хоть что-нибудь, а здѣсь ничего, такъ-таки ровно ни малѣйшаго звука. Да и откуда взяться ему въ тихую ночь среди спящей пустыни, когда воздухъ совершенно неподвиженъ! Тихо такъ, что, когда я зажегъ спичку и поднялъ ее надъ головой, пламя стояло безъ движенія, какъ въ комнатѣ. Это не та минутная удушливая тишина, какая бываетъ у насъ передъ грозой. Здѣсь дышится легко, воздухъ чистъ и спокоенъ. Вы чувствуете, что такъ будетъ всю ночь, такъ можетъ быть и завтра ночью, и послѣ завтра, и цѣлыя недѣли, пока не разыграются стихіи, а стихіи играютъ здѣсь больше зимой. Я бродилъ по степи и, глядя на серпъ молодой луны, думалъ, что должно быть только тамъ, на лунѣ, гдѣ нѣтъ ни атмосферы, ни жизни, бываетъ такъ же тихо, какъ здѣсь ночью. Я бродилъ и прислушивался, не зашуршитъ ли гдѣ, бѣгая по глинямъ, хотя бы фаланга, но и ея не было.

Вонъ бѣлѣетъ крышка моей корзинки, а рядомъ, навѣрно, спитъ Ахметка, но и тотъ не храпитъ, и даже не сопить, иначе было бы слышно за нѣсколько верстъ. Нагнувшись, я вижу на небѣ черный силуэтъ нашего верблюда, беззвучно, какъ привидѣніе, шагающаго по степи; а вонъ, опустивъ голову внизъ, стоитъ и другой. Чтобы нарушить мертвую тишину ночи, я крикнулъ, но и самъ испугался собственной дерзости. Звукъ замеръ мгновенно безъ малѣйшаго эхо. Ахметка отозвался на крикъ... и опять стало тихо! Я еще ничего не сказалъ о нашихъ встрѣчахъ съ людьми во время дороги. Ихъ было немного. Гдѣ-то на серединѣ пути мы повстрѣчали длинный караванъ, направлявшійся въ Хиву изъ Оренбурга съ грузомъ чугунныхъ котловъ, тагановъ и какихъ-то ящичковъ. Караванъ сопровождали четверо киргизъ, загорѣлыхъ, какъ мы съ Ахметкой, оборванныхъ, какъ вищѣ на картинкахъ, и, какъ шакалы, голодныхъ: послѣднее было видно по ихъ лицамъ. Каждый по очереди, по мѣрѣ того, какъ равнялся съ нами, неизмѣнно задавалъ вопросъ: «шундъ су баръ-ма?» (есть ли тамъ вода). Они спрашивали о хакѣ, который мы прошли наканунѣ и не нашли въ немъ ни капли воды. Такъ какъ приблизилось время

дневной остановки, я предложилъ киргизамъ сдѣлать привалъ, съ цѣлью напоить ихъ чаемъ. Они выпили два чайника, съѣли изрядное количество сухарей и, какъ потомъ оказалось, когда уже ихъ и слѣдъ простылъ, ухитрились прорѣзать мѣшокъ и утащить у насъ все сушеное мясо кусками. Мы остались при одномъ фаршѣ, который, къ счастью, лежалъ отдѣльно.

Другой разъ уже въ концѣ дороги утромъ, когда Ахметка, обнявъ верблюжьи горбы, по обыкновенію спалъ на ходу, спалъ и я въ своей люлькѣ, насъ разбудилъ окрикъ нѣсколькихъ голо-совъ. Проснувшись, мы увидѣли вокругъ себя цѣлую орду киргизъ на верблюдахъ. Тутъ были и старики, и молодые, и нѣсколько женщинъ. Мужчины обступили Ахметку и принялись допрашивать его, какъ и что. Судя по тому, что при этомъ они ежеминутно заглядывали въ мою корзинку, допросъ касался меня. Какъ всѣ азіатскіе кочевые народы, киргизы любопытны, какъ бабы, и въ десять разъ больше ихъ любятъ посплетничать. Сплетни составляютъ у нихъ привилегію мужчинъ и часто единственное ихъ занятіе. Киргизъ не задумается осѣдлатъ лошадь и скакать версты 30—40 къ пріятелю, единственно затѣмъ, чтобы сообщить ему, что у какого-нибудь другого пріятеля околѣлъ верблюдъ, или лошадь принесла жеребенка. Всякая изъ ряда выходящая новость, напримѣръ, появленіе въ степи русскаго чивовника, или случая крупной баранты *), разносится по степи съ быстротой телеграфа. Ахметка съ важнымъ видомъ вполголоса отвѣчалъ на вопросы своихъ соплеменниковъ. Должно быть, онъ врагъ преисправно, если судить по тому, что киргизы въ отвѣтъ на его слова съ прищелкиваніемъ качали головами, ахали и все съ большимъ любопытствомъ заглядывали въ мою корзинку. Одного изъ нихъ, видимо, не удовлетворяли свѣдѣнія, полученные отъ Ахметки, и онъ рѣшилъ обратиться прямо ко мнѣ.

«Ахчâ баръ?» (деньги есть) спросилъ онъ, подогнавъ своего верблюда къ моей корзиночкѣ. Такое начало знакомства, повидимому, не предвѣщало ничего добраго. Можно было бы подумать, что эта орда дикихъ кочевниковъ, пользуясь безлюдіемъ пустыни, собирается, ни больше, ни меньше, какъ ограбить меня. На самомъ же дѣлѣ, задавая свой вопросъ, киргизъ не имѣлъ никакихъ злонамѣренныхъ цѣлей: его просто разбирало самое невинное любопытство на счетъ моихъ денегъ; а сколько, дескать, можетъ ихъ быть у него. Впрочемъ, все это я сообразилъ уже впоследствии, а сначала и мнѣ показалась подозрительной такая любозна-

---

*) Угонъ скота.

тельность, и сгоряча я рѣшился дать ей отпоръ. «Баръ» (есть)—отвѣчалъ я—«копъ ахчѣ» (много денегъ). Затѣмъ, когда всѣ киргизы, обратившись въ мою сторону, наострили уши, я спросилъ: «ахчѣ кирѣкъ ма?» (не надо ли денегъ).—«Кирѣкъ» (надо), отозвался кто-то.—«На!» сказалъ я и показалъ при этомъ сложенную изъ пальцевъ фигуру, какую обыкновенно показываютъ въ подобныхъ случаяхъ. Вся орда покатила со смѣху, смѣялись и дамы, и даже мальчишка, сидѣвшій на верблюдѣ среди домашняго скарба, оскалилъ свои бѣлые зубы.

Пока шли эти разговоры, нашъ запасный верблюдъ сообразилъ, что не слѣдуетъ упускать такого прекраснаго случая почесаться, и потому, подойдя втихомолку къ своему новому знакомому, на которомъ сидѣли двѣ киргизки, началъ терѣть свою корявую спину объ ихъ кошечное сидѣнье. Сидѣнье сползло на бокъ, бабы начали падать и, цѣпляясь за кошму, завизжали на всю степь, а мужчины принялись хохотать. Когда, наконецъ, Ахметка отвелъ неспособную животину въ сторону, чтобы чѣмъ-нибудь вознаградить перепуганныхъ дамъ, я подарилъ имъ двѣ перламутровыя пуговицы отъ блузы и столько же пустыхъ револьверныхъ патроновъ, и мы разстались друзьями. Навѣрно все это киргизки подвѣсятъ себѣ на кончикъ косы.

Почти восемь сутокъ отъ самаго Аральскаго моря шли мы ровной, какъ полъ, глинистой степью. Казалось бы, что, пройдя такую обширную равнину, путешественникъ долженъ будетъ подниматься въ гору, между тѣмъ на девятый день мы подошли къ крутому спуску: то былъ сѣверный край плато Усть-Урта, по которому мы шли до сихъ поръ. Впереди, какъ въ туманѣ, видѣлись неясныя очертанія Мугоджарскихъ горъ, а внизу разстиралась другая степь, но уже много болѣе оживленная. Здѣсь и полынь была гуще, мѣстами попадалась даже зеленая трава и низкій кустарникъ. Степныя пиголицы, стаи черныхъ жаворонковъ, мелкіе сокола—все это свидѣтельствовало, что здѣсь кончается среднеазиатская пустыня и начинается черноземная степь предгорій Урала. По мѣрѣ нашего движенія къ сѣверу, ночи становились замѣтно свѣжѣе, въ особенности мнѣ холодно было на ходу въ корзинокѣ. Вотъ тутъ-то мой шерстяной мѣшокъ сослужилъ мнѣ третью и послѣднюю службу. По ночамъ я залѣзалъ въ него, а края подвязывалъ къ тѣлу подъ мышками. Выходило совершенно по эскимосски, но только въ хивинскомъ мѣшкѣ. Не помню, въ какой по счету день перешли мы Эмбу. Во всякомъ случаѣ, это было совершенно незамѣтное событіе: верблюды просто перешагнули черезъ нее, не замочивъ лапъ. Наконецъ, на 14-й день среди ровной степи показались крыши

Темирскаго укрѣпленія. «Начальникъ кибитъ» — проговорилъ Ахметка, указывая нагайкой по направленію самой высокой красной крыши; такъ величалъ онъ двухъ-этажный домъ уѣзднаго начальника. Впрочемъ, киргизы и любой дворецъ назовутъ кибиткой, развѣ только прибавятъ «улькунъ» (большая). Въ Каракамыпѣ я распрощался со своимъ спутникомъ, подарилъ ему корзинку и всю лишнюю мелочь, но мѣшокъ, мой великолѣпный мѣшокъ, взялъ себѣ на память, хотя Ахметка и поглядывалъ на него очень красно-рѣчиво. Отсюда уже на почтовыхъ чрезъ Илецкую Соляную Защиту я доѣхалъ до Оренбурга.

Проф. А. М. Никольскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЙНѢ.

Рассказъ баронессы Сутнеръ *).

Послѣ длинныхъ и оживленныхъ споровъ, въ гостиной наступило молчаніе. Затѣмъ одинъ изъ нашихъ гостей поднялся, какъ бы подавая примѣръ другимъ.

Г-нъ X. сталъ тоже прощаться, но мы съ мужемъ задержали его.

Когда всѣ разошлись, я сказала г. X.:

— Расскажите же намъ ваши воспоминанія, — вы обѣщали.

— Пожалуй, — сказалъ онъ. — Въ первый разъ въ жизни буду рассказывать объ этомъ — вы можете воспользоваться при случаѣ.

— Можно будетъ назвать васъ?

— Это доставитъ мнѣ столько неприятностей, что, надѣюсь, вы сами не захотите.

— Если такъ, то будьте увѣрены, — я не назову васъ. Рассказывайте.

Онъ молча откинулся въ кресло, закрылъ глаза и вздрогнулъ, какъ бы отъ холода, затѣмъ выпрямился и началъ:

„Это было послѣ битвы подъ Орлеаномъ... Дрались нѣсколько часовъ, чтобы узнать, наконецъ, чья возьметъ. Насъ отрядили аванпостомъ въ небольшой деревнѣ, названіе которой не скажу, — за Орлеаномъ.

Мы отправились туда верхами, измученные, мокрые — дождь лилъ въ продолженіи 48 часовъ — и голодные. Если эти три ощущенія совпадаютъ и повторяются недѣлями и мѣсяцами, то, повѣрьте, они могутъ охладить самый пылкій воен-

---

*) Баронесса Сутнеръ, главная представительница австрійской лиги друзей мира, занимаетъ выдающееся мѣсто среди самыхъ извѣстныхъ современныхъ нѣмецкихъ романистовъ. Ея романъ «Waffen nieder» (Долой оружіе!) переведенъ на всѣ европейскіе языки.

ный энтузіазмъ; мысль: „Зачѣмъ? Зачѣмъ же?“ неотвязно будетъ преслѣдовать васъ.

Мы должны были подвигаться впередъ съ большою осторожностью, такъ какъ во всей странѣ чувствовалось враждебное настроеніе. Мы знали, что регулярная армія отступила, но нужно было остерегаться отрядовъ вольныхъ стрѣлковъ. Ахъ, проклятые убійцы! На нихъ сосредоточивалась вся наша ярость и все негодованіе, которое внушаетъ сама по себѣ идея убійства, — негодованіе, котораго почему-то не чувствуешь противъ регулярныхъ полковъ.

Въ эту минуту воспоминаніе о франкскихъ отрядахъ, сформированныхъ нашими отцами въ 1812 и 1813 г., при отступленіи французовъ изъ Россіи, исчезло изъ нашей памяти.

Оглядываясь во всѣ стороны, ѣдемъ рысью. Нѣсколько разъ изъ-за кустовъ раздавались ружейные выстрѣлы, и пули достигали нашей шеренги, но мы не могли видѣть противника. Двое или трое изъ насъ были убиты и остались на дорогѣ—это не считается.

Наконецъ, къ вечеру, мы достигаемъ цѣли. Еще поворотъ дороги—и передъ нами раскинулась деревня, окутанная сумерками.

Я и теперъ вижу ее: въ срединѣ зеленой равнины вижу дома, окруженные фруктовыми садами, небольшую церковь съ круглою колокольней. Колоколь звонилъ къ вечернѣ. Многіе изъ нашихъ солдатъ перекрестились. Сколько изъ нихъ вспомнило о своей родной деревнѣ!..

Нашъ авангардъ съ барабаннымъ боемъ проѣхалъ по улицамъ, вызывая мэра и священника. Когда мы вступили, эти два представителя деревни стояли уже на большой площади, передъ церковью.

Мы приступили къ обычнымъ вопросамъ:

Ушелъ ли непріятель изъ деревни?

Какіе изъ отрядовъ прошли?

По какому направленію отправились они?

Затѣмъ вопросъ совѣсти: выставила ли деревня вольныхъ стрѣлковъ, существуетъ ли еще таковой отрядъ?

Наконецъ—торжественное объявленіе смертной казни за укрывательство.

Все сдѣлано. Часовые разставлены за деревней; солдаты, измученные до смерти, размѣщены по квартирамъ. Двое изъ моихъ товарищей и я помѣстились въ домѣ священника. Спустя часъ, мы вчетверомъ, такъ какъ и священникъ присоединился къ намъ, сидѣли вокругъ стола за виномъ и сигарами.

Мы отдали должную честь обѣду; блюда унесли; мы еурили и болтали.

Нашъ старикъ-хозяинъ—ему было слишкомъ 70 лѣтъ—такъ мирно и дружелюбно бесѣдоваль съ нами, что слово „враги“ какъ будто и не существовало. Въ юности своей онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Гейдельбергѣ и теперь разспрашиваль, что представляетъ этотъ городъ въ настоящее время.

Я могъ поразсказать о Гейдельбергѣ, такъ какъ жилъ тамъ. Когда я называль случайно улицу, извѣстную пивную, цѣль обычныхъ прогулокъ, все, что помнилъ еще старикъ, его глаза оживлялись.

А глаза у него были голубые, ясные, волосы серебристые, тонъ, какимъ онъ говорилъ „дитя мое“, „дорогое дитя“, вмѣсто обычнаго мосье, задушевный и дѣтски-наивный—какъ далеки отъ него были злоба и вражда!

Цѣлую жизнь съ смиреніемъ и покорностью совершаль онъ свои священническія обязанности. Въ насъ онъ видѣль лишь бравыхъ солдатъ, которые тоже исполняли долгъ: все это было очень просто.

Онъ разсказываль намъ о своихъ небольшихъ горестяхъ, радостяхъ, слабостяхъ: о своемъ гербаріи, о коллекціи минераловъ, объ ученикахъ, въ которыхъ онъ видѣль свою семью, о своихъ любимыхъ книгахъ, въ которыхъ онъ имѣль обыкновеніе искать всегда утѣшенія и развлечения; у него были латинскіе и греческіе классики, были Корнель, Расинъ, подражаніе Иисусу Христу. Святая душа, довольная малымъ!

Онъ согрѣль мое сердце, и я отъ души полюбилъ этого старика.

Даже то, что онъ принадлежалъ къ враждебной націи, дѣлало его еще болѣе дорогимъ въ моихъ глазахъ—такъ пріятно было освободиться, наконецъ, отъ обязанности ненавидѣть человѣка потому лишь, что онъ былъ другой національности. То же чувство и онъ раздѣляль—это было очевидно. Дружелюбными взглядами, дружескимъ отгѣнгомъ голоса мы понимали то, что не произносили вслухъ: французъ или нѣтъ, ты достойный уваженія старикъ; пруссаки или нѣтъ, вы славные ребята!

Когда долго томятся жаждой—пріятенъ глотокъ воды; послѣ утомленія—радуются отдыху; также послѣ продолжительныхъ сраженій и припадковъ бѣшенства простая учтивость и привѣтливость кажутся чѣмъ-то особеннымъ.

Не смотря на усталось, мы просидѣли долго вмѣстѣ. Только въ 11 часовъ мы распрощались: повойной ночи, дѣти! повойной ночи, батюшка, спасибо, батюшка!

Старикъ проводилъ насъ въ нашу комнату, свой рабочій кабинетъ: тамъ, въ шкафахъ, помѣщалась небольшая библіотека и его любимыя коллекціи; диванъ, обитый кожей и замѣняющій кровать, нѣсколько кресель, большой письменный столъ, на которомъ стояли портретъ старика и распятіе; въ амбразурѣ окна большая вѣтвѣ.

— Это мой отецъ, — пояснилъ священникъ, освѣщая портретъ свѣчкой. — Онъ также служилъ въ арміи, при Наполеонѣ. Тогда положеніе дѣлъ было иное: мы были побѣдителями въ непріятельской странѣ. Все мѣняется. Все зависитъ отъ воли Божіей, — прибавилъ онъ. — А вотъ мои желтыя дѣтки! — Онъ указалъ, улыбаясь, на вѣтку. — Моя утѣха! Каждое утро прилетаютъ онѣ завтракать въ столу и влѣютъ съ моихъ губъ крошки хлѣба. Вы увидите завтра. Но сегодня спокойной ночи, вы вѣдь утомлены, страшно утомлены. Вѣдныя дѣти!

Онъ пожалъ намъ руки, сперва моимъ товарищамъ, потомъ мнѣ, а я — я не могъ устоять — въ тому же не было ничего унижительнаго — старикъ 70 лѣтъ, я совѣмъ еще молодой человѣкъ... словомъ, я наклонился къ его руцѣ, желая ее поцѣловать.

Онъ высвободилъ ее, и положилъ ее на мою голову, повторяя: „повойной ночи, мое дитя“.

Разсказчикъ рѣзкимъ движеніемъ откинулъ волосы.

„Ахъ, это благословеніе! Оно долго жгло мою голову“.

Послѣ короткаго молчанія, онъ опять продолжалъ:

„Мы легли спать... Лейтенантъ Ф. на диванѣ, я на креслѣ, которое, при помощи двухъ сдвинутыхъ стульевъ, было обращено въ кровать. Нашъ третій товарищъ, лейтенантъ де-Р., былъ дежурнымъ; запасшись нѣсколькими любимыми сигарами и бутылкою бордо, онъ отправился въ верхнюю комнату дома, откуда видна была деревня и наши часовые, которыхъ ночью онъ долженъ былъ повѣрить.“

Въ снѣгахъ водворили нашихъ вѣстовыхъ и сторожевой постъ. Я проспалъ нѣсколько часовъ, какъ вдругъ меня разбудилъ выстрѣлъ. Сначала я подумалъ, что мнѣ приснилось. За послѣдніе дни я слышалъ ихъ такъ часто, что они мнѣ стали чудиться при каждомъ шумѣ. Но тотчасъ же раздался второй выстрѣлъ, потомъ третій — товарищъ окликнулъ меня. Мы, полусонные, поспѣшно одѣвались.

Стрѣльба, между тѣмъ, все продолжалась, въ окно видно было красное зарево пожара.

Въ 10 минутъ—была половина второго—мы всё собрались на дворъ. На деревнѣ стрѣляли въ нашихъ людей, и два дома, откуда стрѣляли, горѣли.

Пятерыхъ солдатъ и лейтенанта Р. не хватало.

Мы рѣшили, что лейтенантъ дѣлалъ смотръ караульнымъ. Я вздумалъ войти въ его комнату, чтобы взглянуть на деревню изъ его оконъ. На лѣстницѣ я споткнулся о какое-то тѣло. Послышался жалобный стоиъ. Я чиренулъ спичку. Это былъ вѣстовой лейтенанта. Онъ плавалъ въ крови, оглушенный ударомъ топора по головѣ и съ сабельной раной въ груди.

Въ комнатѣ мы нашли лейтенанта Р. мертвымъ—ротъ былъ заткнутъ его же собственнымъ платкомъ, голова израна ударами сабли.

Четверо нашихъ солдатъ были убиты въ деревнѣ.

Въ 5 часовъ утра допросъ былъ оконченъ.

Присутствовали священникъ, мэръ и нѣсколько другихъ жителей.

Дѣло было такъ:

Племянникъ священника, лѣсничій, съ нѣсколькими другими молодыми людьми, отправились съ шайкой вольныхъ стрѣлковъ по окрестностямъ.

Вернувшись ночью, они напали на нашихъ солдатъ.

Но вотъ самое ужасное:

Подошелъ пастухъ и заявилъ, что вечеромъ онъ видѣлъ священника, отворавшаго ворота своему племяннику.

Меня охватилъ ужасъ, какъ будто обвиненіе было направлено на меня самого.

— Вѣрно ли это, мосе кюре, правда ли это?—вскричалъ я.

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на меня своими прекрасными голубыми глазами.

— Да,—отвѣтилъ онъ печально.— Но для того лишь, чтобы укрыть въ хлѣбѣ бѣднягу, сына моей сестры. Я ничего не зналъ о его замыслахъ, повѣрьте мнѣ—клянусь.

Я повѣрилъ ему, но развѣ это могло помочь?

Что послѣдуетъ за этимъ признаніемъ—я зналъ напередъ.

О случившемся было доложено командиру.

Въ 9 часовъ я получилъ приказъ: „деревню въ наказаніе сжечь; священника, виновнаго въ укрывательствѣ, повѣсить на порогъ собственного дома“.

Снова нервная дрожь охватила рассказчика, когда онъ произнесъ слово „повѣсить“.

„Повѣсить? повѣсить? Старога священника? Неужели это исполнили?“ Удрученнымъ голосомъ спросила я.

— Я немедленно послалъ къ командиру просить о смягченіи приговора—о помилованіи.

Вскорѣ получился отвѣтъ: помилованія не будетъ.

Увѣряю васъ, мое отчаяніе, мое отвращеніе ко всему на свѣтѣ были такъ велики, что я думалъ пустить себѣ пулю въ лобъ, чтобы только не исполнить приговора. Мысль о родныхъ меня остановила. А послѣ!.. Ахъ, какія ужасныя воспоминанія,—вскричалъ вдругъ молодой человѣкъ. А послѣ что было... Къ счастью, много мелочей уже исчезли изъ моей памяти, но зато многое запечатлѣлось съ ясностью и отчетливостью фотографическаго снимка.

Война, обязанности, высшая цѣль... Такими избитыми мыслями стараются затупевать для себя и для другихъ весь ужасъ войны, а о подробностяхъ войны молчатъ, забываютъ самое отвратительное, самое ужасное.

Разлагающіяся тѣла покрываютъ землю, отвратительные факты—молчаніемъ... Позвольте окончить здѣсь мой рассказъ“.

— Нѣтъ, я хочу знать конецъ. Исполнили приговоръ?

— Конечно, исполнили. На войнѣ нельзя имѣть нѣжное сердце. Я самъ отдалъ приказаніе. Я прочелъ смертный приговоръ старику, не сказавъ, какого рода будетъ смерть.

— Я ждалъ ея,—сказалъ онъ спокойно и вротко. — Я готовъ.

Но когда я отдавалъ приказаніе поджигать деревню, онъ закричалъ. Сжечь, сжечь все, что онъ любилъ на этомъ свѣтѣ. Уничтожить весь приходъ, школу, больницу, гдѣ лежало нѣсколько больныхъ, его церковь, его бѣдныя коллекціи; можетъ быть, вспомнилъ онъ также и о своихъ дорогихъ любимцахъ въ клѣткѣ. Я не знаю, о чемъ думалъ онъ, но его раздирающій крикъ былъ ужасенъ.

Самое ужасное то, что было дальше.

Какъ сейчасъ вижу, какъ старикъ упалъ на колѣни при словѣ „веревка“, вижу его съ протянутыми руками, умоляющаго, чтобы его разстрѣляли. Не вѣшайте только! Ради Бога, пулю, пулю! Но онъ не долженъ былъ умереть смертью честныхъ людей. Я теперь еще вижу, какъ, по моему приказанію, навинули ему веревку на шею, какъ потащили къ дверямъ, какъ... нѣтъ,—въ ту минуту я отвернулся.

Потомъ я увидѣлъ его висѣвшимъ: — его черную рясу, длинную и узкую, какъ привидѣніе, его наклоненную бѣлую голову.

Я вижу всю деревню, объятую пламенемъ, вижу, какъ при стонахъ жителей, при страшномъ мычаніи, несшемся изъ хлѣвовъ, наши солдаты убивали всѣхъ, кто пытался тушить огонь или противиться поджогу.

Я вижу насъ, покидающихъ деревню, наканунѣ еще табуку цвѣтущую — позади море огня, а завтра груда обломковъ и пеплу.

А надъ всѣмъ этимъ добрые голубые глаза старика, его взглядъ, молящій, пораженный ужасомъ.

О, эти глаза, эти глаза... забыть ихъ трудно!

Все другое, что мерещится, еще можно забыть, но забудешь ли предсмертный взглядъ человѣческаго существа, убитого тобою!

Пер. М. Д—вой.

Очеркъ жизни крестьянъ Тарскаго округа, Тобольской губ.

(Окончаніе *).

Запаски крестьянскія въ Тарскомъ округѣ не велики, но это зависитъ не столько отъ качествъ земли, сколько отъ ограниченнаго сбыта хлѣба. Увеличивается, благодаря какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ, сбытъ и поднимается цѣна на хлѣбъ, увеличиваются и запаски, а потомъ, съ уменьшеніемъ сбыта и пониженіемъ цѣны, опять сокращаются. Растительность въ Тарскомъ округѣ довольно богата и разнообразна, богаче Вятской, Олонецкой и другихъ сѣверовосточныхъ губерній, и условія хозяйственныя, вообще, довольно сносны, сносны, разумѣется, опять только относительно, съ точки зрѣнія сѣверной полосы. Съ перваго взгляда они могутъ показаться хуже, чѣмъ въ дѣйствительности: земля, не смотря на лѣтніе жары, доходящіе до 40° R, никогда очень глубоко не оттаиваетъ, на полторааршинной глубинѣ всегда можно встрѣтить мерзлый слой и ледъ, но это, оказывается, нисколько не мѣшаетъ вырѣванію пшеницы и вообще удовлетворительной растительности и урожайности. Земля качества неодинаковаго: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, около гѣса, земли пахутся иногда лѣтъ по 15, а по берегу Иртыша и еще больше (съ отдыхомъ, конечно), зато въ другихъ мѣстахъ, дубровныхъ, дѣлается иногда только два посѣва, и затѣмъ земля оставляется лѣтъ на 20. Въ отношеніи плодородія, Тарскій округъ не уступитъ Ишимскому, Ялutorовскому и даже, пожалуй, Курганскому, не говоря уже объ округахъ сѣверныхъ, какъ Березовскій и Сургутскій. Курганскій округъ отличается лучшими климатическими условіями и растительностью: тамъ встрѣчается вишня въ дикомъ состояніи, и были примѣры, что поле, засѣянное гречихой, по снятіи хлѣба, только перепахивалось, и падалица всходила впродолженіи 15—20 лѣтъ. Въ этомъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

отношеніи довольно любопытенъ и Тарскій округъ: не смотря на мерзлый слой внизу, въ огородахъ сами обсъваются и восходятъ весною лукъ, салатъ, редиска и другіе овощи, сохраняются даже не вынутые корни, напр., картофель, морковь, петрушка. Объясняется это тѣмъ, что зима обыкновенно наступаетъ сразу и сразу выпадаетъ на талую землю снѣгъ. Зимой, даже около Рождества, вы часто можете услышать, что нельзя вывезти изъ лѣса собранныхъ орѣховъ или наготовленныхъ дровъ и досокъ, потому что болота, рѣчки и овраги подъ снѣгомъ не замерзли. Арбузы и дыни на открытомъ воздухѣ не вызрѣваютъ, но огурцы, цвѣтная и брюссельская капуста, кабачки, помидоры и большая часть другихъ, менѣе прихотливыхъ, огородныхъ растений растутъ отлично. Вызрѣваетъ и табакъ. Ссылные поляки дѣлали въ Тарѣ опытъ посѣва даже турецкаго табака, и опытъ удавался, хотя и не каждый годъ. Самый опасный врагъ посѣвовъ, это—случающіеся иногда лѣтомъ внезапные заморозки, *иней*, какъ говорятъ сибиряки. Бываютъ они не каждый годъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бываютъ чаще, въ другихъ рѣже. То же случается и въ Курганкомъ округѣ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ даже случай, что лѣтомъ, въ іюнь, замерзла женщина въ лѣсу.

Пахата въ Тарскомъ округѣ, вслѣдствіе того, что земля не глубоко оттаиваетъ, употребляется мелкая. Многіе новоселы, привыкшіе во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ къ глубокой пахотѣ, не разъ платились за это неурожаемъ, пока не убѣждались, что мелкая пахата тутъ лучше. Хлѣба въ Тарскомъ округѣ могло бы производиться гораздо больше, если бы былъ лучший и болѣе вѣрный сбытъ; но тарскій товарный рынокъ, какъ и большинство глухихъ, отдаленныхъ рынковъ, отличается тою особенностью, что всѣ привозные товары на немъ очень дороги, а всѣ мѣстные продукты крестьянскаго хозяйства и производства крайне дешевы. Дальность разстояній и отсутствіе желѣзныхъ дорогъ ставятъ крестьянина въ полную зависимость отъ мѣстнаго потребленія и скупщиковъ. Дальше мѣстнаго рынка и ближайшихъ сосѣднихъ онъ выбраться не можетъ. Весь хлѣбъ округа, главнымъ образомъ, тяготеетъ къ г. Тарѣ и находящемуся въ немъ винокуренному заводу; но очевидно, что одинъ винокуренный заводъ и городъ съ 8 тыс. жителей не въ состояніи потребить производства болѣе чѣмъ стотысячнаго земледѣльческаго населенія. Сосѣдніе же рынки—ближайшіе уѣзды Томской губ., Омскъ и Семипалатинская область, Тюкалинскій и другіе округа Тобольской губ.—предъявляютъ спросъ довольно ограниченный и далеко непостоянный,—только въ неурожайные годы. Поэтому цѣны на хлѣбъ и прочіе деревенскіе

продукты падаютъ иногда баснословно низко: пшеница спускается до 40 коп. за пудъ, рожь до 25 и 16 коп., овесъ до 10 и 7 коп., сѣно до 30 к. за возъ, рыба до 60—40 коп. за пудъ, говядина и баранина до 1 р. и даже до 80 к. за пудъ и т. д. Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, сѣять хлѣбъ, тратить на него столько труда и времени, когда за цѣлыхъ 100 пуд. овса, напр., выручаешь только какихъ-нибудь 7 руб. За такимъ пониженіемъ цѣнъ слѣдуетъ обыкновенно сокращеніе посѣва, и хлѣбъ нѣсколько поднимается въ цѣнѣ. Поднимается онъ также и во время неурожая въ сосѣднихъ округахъ и областяхъ. Мы не говоримъ о такихъ исключительныхъ годахъ, какъ 1891 и 1892, когда хлѣбъ очень поднимался, а говоримъ о неурожаяхъ мѣстныхъ. Въ 1888 году, напр., была засуха въ Семипалатинской области, и хлѣбъ шелъ въ Омскъ (преимущественно овесъ). Тогда цѣны сильно оживились: овесъ дошелъ до 30 коп. и даже выше за пудъ, ржаная мука до 70 к. и пшеничная до 90 к. за пудъ. Въ такіе годы на тарскомъ рынкѣ появляется даже привозный хлѣбъ (изъ сосѣднихъ мѣстъ, напр., мука изъ Каинскаго округа Томской губ.). Само собою разумѣется, что такое положеніе вещей продолжается не долго: слѣдующій же урожай въ мѣстахъ прошлагодняго неурожая сокращаетъ спросъ, а увеличенная запашка увеличиваетъ предложеніе, и цѣны опять падаютъ. Подобныя толчки не могутъ не отзываться вредно на сельскомъ хозяйствѣ: они дѣлаютъ его непостояннымъ, неустойчивымъ и подверженнымъ случайностямъ.

Смотря на дешевизну крестьянскихъ товаровъ, можно, пожалуй, подумать, что у крестьянина всего достаточно для собственнаго потребленія, и хлѣба, и мяса, и рыбы. Такъ нѣкоторые и думаютъ, но, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности этого нѣтъ: большинство крестьянъ ѣстъ мясо только по праздникамъ, а нѣкоторые только нѣсколько разъ въ году; хлѣбъ тоже преимущественно ржаной, а не пшеничный; наконецъ, какъ образчикъ недостаточности, можно до сихъ поръ еще встрѣтить по деревнямъ, рядомъ съ керосиновой лампочкою, и самодѣльную салъную свѣчу и даже лучину. Крестьянину нужны деньги, какъ для уплаты податей, такъ и на другія нужды, и онъ все продаетъ: везетъ на базаръ гусей и отдаетъ и по 40—35 коп. за пару, куръ по 15—20 коп. за пару; если у него случается дичь, то онъ ее предпочитаетъ отвезти въ городъ и получить за пару куропатокъ 6—10 коп., за пару тетеревовъ 20 коп., за пару рябчиковъ 15—10 и даже 7 коп. Семь копеекъ все-таки деньги, которыхъ у него нѣтъ и которыя достать трудно. Главное, на что нужны деньги, это, конечно, уплата податей и повинностей. Онъ знаетъ, что за неплатежъ сажаютъ въ кутузку,

продаютъ имущество, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже сѣкутъ и пугаютъ командой, какъ это было, напр., въ Минусинскомъ округѣ. Положимъ, что въ Тарскомъ округѣ дѣло до этого еще не дошло, но кутузка и тамъ безъизвѣстна. Нужно также и лекарства купить, и священнику заплатить за требы, да и безъ нѣкоторыхъ привозныхъ товаровъ тоже не обойдешься. Сибирякъ, напр., пьетъ чай и привыкъ къ нему. Чай грѣетъ его зимой и очень часто замѣняетъ ему обѣдъ. Хоть пьетъ онъ самый дешевый чай (кирпичный), но все-таки за него надо заплатить. Затѣмъ, онъ покупаетъ ситецъ, сапожный товаръ, упряжь, косы, серпы, гвозди и т. д. На всемъ этомъ, наоборотъ, приходится очень много переплачивать. Торговцы держатъ на привозные товары произвольно высокія цѣны, но этого мало: получивъ извѣстіе или прочитавъ въ газетахъ слухъ, что предполагается повысить пошину на какой-нибудь товаръ, они сейчасъ же спѣшатъ наложить на него нѣкоторый %: сахаръ вдругъ поднимается на 1 р. и болѣе въ пудѣ, керосинъ, вмѣсто 4 коп., начинаетъ продаваться по 8 за фунтъ, и т. п. Пусть повышение пошинъ или акциза еще не состоялось, и даже совсѣмъ не состоится, они все-таки собираютъ свою жатву. Мѣстныхъ производствъ мало, да и тѣ, какія есть, подлежатъ той же системѣ: крупныя производители, могущіе вывозить свои произведенія на болѣе выгодныя рынки, въ большинствѣ случаевъ (какъ напр., винокуренные заводчики) являются монополистами и что хотятъ, то и берутъ съ населенія. Многими привозными товарами, безъ которыхъ можно обойтись, сибиряки—крестьяне и мѣщане—и не пользуются; такъ напр., чай они обыкновенно пьютъ безъ сахара. Большинство если и имѣетъ сахаръ, то только для гостей и для приличія.

Случайности и неустойчивость земледѣлія крестьянина стремятся уравновѣсить скотоводствомъ, разведеніемъ преимущественно лошадей и рогатаго скота. Нѣкоторые крестьяне держатъ по многу лошадей и коровъ, не для удобренія, такъ какъ земля не удобряется, а для дохода: коровъ для масла и лошадей для работы и продажи. Но крестьянское масло, какъ и другія произведенія, отличается дешевизной: 6—7 р. пудъ. Масло скупается и отправляется въ Ирбитъ и Нижній и даже прямо въ Москву и Петербургъ. Нѣкоторые торговцы составили на этомъ крупныя состоянія, но крестьянину отъ этого пользы мало. Лошади также обыкновенно дешевы: средняя рабочая и ѣзжаная лошадь стоятъ рублей 10—12, даже 8 и дешевле. Въ 20—25 р. лошадь уже очень хорошая. Ясное дѣло, что вырастить лошадь до 3—4 лѣтъ, прокормить ее три зимы и потомъ продать за такую цѣну не осо-

бенно выгодно. Средняя корова также стоитъ 10—15 руб. Кроме того, лошади и особенно часто коровы подвергаются падежамъ отъ сибирской язвы.

Кромѣ земледѣія и скотоводства, другихъ подспорныхъ занятій и источниковъ для заработка мало. Наиболѣе выгоднымъ и доступнымъ для населенія источникомъ является сборъ кедровыхъ орѣховъ, но урожай орѣховъ бываетъ не каждый годъ, а черезъ три года, и цѣны тогда на орѣхи падаютъ до 1 р. 20 к., до 1 р. и даже до 80 коп. за пудъ. Затѣмъ, нѣкоторые крестьяне занимаются смолокурениемъ, драньемъ лыкъ, разработкою лѣса на доски и рубкою и доставкой въ городъ дровъ; но для всего этого теперь приходится брать билеты у лѣсничихъ и платить установленный лѣсной сборъ, хотя бы разработка производилась въ своемъ лѣсу. Съ одной стороны, при этомъ имѣется въ виду охраненіе крестьянскихъ лѣсовъ отъ истребленія, тѣмъ болѣе, что часть этихъ лѣсовъ (свыше предположенной нормы надѣла) должна подлежать отрѣзкѣ въ казну, а на другую часть, по всей вѣроятности, будутъ составляться еще владѣнные записи, какъ это дѣлалось въ другихъ губерніяхъ, такъ что лѣсное вѣдомство, съ этой точки зрѣнія, можетъ считать ихъ еще не окончательно отведенными крестьянамъ, хотя это и довольно странно, разъ волостныя земли, а слѣдовательно и лѣса, отрѣзались отъ казенныхъ дачъ и находятся въ крестьянскомъ владѣніи. Лѣсное вѣдомство, по послѣднимъ узаконеніямъ, имѣетъ, впрочемъ, право и безъ этого заботиться объ охраненіи крестьянскихъ и частновладѣльческихъ лѣсовъ. Поэтому крестьянамъ своими лѣсами предоставляется пользоваться только для собственныхъ нуждъ, а для выработки лѣсныхъ матеріаловъ для продажи желаютъ ихъ направить въ казенныя дачи, причемъ имѣется въ виду увеличеніе доходности казенныхъ лѣсовъ, которая во многихъ случаяхъ была настолько мала, что не окупала расходовъ на охраненіе и администрацію. Крестьянинъ либо не дѣлаетъ различія между своимъ лѣсомъ и казеннымъ и смотритъ на нихъ одинаково, какъ на божье достояніе, либо, разъ это различіе дѣлается, склоненъ и безъ того щадить свой лѣсъ больше казеннаго. Свой лѣсъ онъ охраняетъ и бережетъ; есть даже примѣры разведенія небольшихъ рощицъ въ поляхъ (такъ-называемые *садки* въ Ишимскомъ округѣ), и всегда предпочитаетъ отправляться для лѣсной разработки въ казенныя дачи. Такъ какъ Тарскій округъ лѣсной, то лѣсные матеріалы тамъ очень дешевы. Объ этомъ можно судить по тому, что сажень сосновыхъ дровъ стоитъ въ Тарѣ 1 р. 20 к. и даже 1 р., сажень березовыхъ 1 р. 25 к. — 1 р. 40 к., девятиаршинныя сосновыя,

еловыя и кедровыя дюймовыя доски 8—12 к. штука, мочало, идущее на рогожи, 2 р. съ сотни деревъ, т.-е. по двѣ копейки съ ободраннаго дерева, и т. п. Словомъ, если взять во вниманіе эти цѣны и уплаченный лѣсной сборъ, то будетъ ясно видно, что за трудъ останется очень немного.

Изъ промысловъ можно указать еще на рыболовство въ Иртышѣ, но рыболовство это производится, главнымъ образомъ, не крестьянами, а частными предпринимателями, которые только снимаютъ у крестьянъ за небольшую плату *нески*, т.-е. мѣста лова. Ловится рыба артелями *), но и артели состояются преимущественно не изъ мѣстныхъ крестьянъ, а изъ мѣщанъ, городской голыдьбы и ссыльныхъ. Крестьяне тоже ловятъ рыбу, но больше отдѣльно и въ то время, когда нѣтъ полевыхъ работъ. Звѣроловныхъ артелей нѣтъ и вообще звѣроловство не развито, хотя нѣкоторые и занимаются имъ, какъ дома въ одиночку, такъ и отправляясь по два, по три человѣка, каждый на свой счетъ, въ урманъ. Изъ кустарныхъ промысловъ можно указать на рогожный, бочарный, колесный, гончарный, веревочный и пимовальный; но всѣ эти промыслы не имѣютъ большого развитія, имѣютъ въ виду только самыхъ ближайшихъ потребителей, занимаютъ ограниченное число рукъ и сосредоточены, за исключеніемъ колеснаго, главнымъ образомъ въ городѣ. Что касается стороннихъ заработковъ, то ни частныхъ большихъ хозяйствъ, ни пріисковъ, ни горныхъ заводовъ въ округѣ нѣтъ. Крупная заводская промышленность также мало развита: можно встрѣтить стеклянный заводъ, мыловаренный, винокуренный и нѣсколько небольшихъ кожевенныхъ. Всѣ они занимаютъ очень мало рукъ. Больше другихъ даетъ заработка винокуренный заводъ, но не круглый годъ, а только въ періодъ винокурения. Чтобы судить о размѣрѣ заработной платы, достаточно привести, что въ самую горячую рабочую пору, во время покоса и уборки хлѣба, подневная плата не поднимается

---

*) Артели эти, какъ и большинство сѣверныхъ промысловыхъ артел образуются на началахъ покруга. Во главѣ стоитъ предприниматель, который самъ или черезъ будущаго артельного старосту (уставка) набираетъ артельщиковъ, выдавая имъ, въ счетъ предстоящаго удова, задатки. Стоимость невода, двухъ лодокъ и прочихъ принадлежностей составляетъ рублей 150. Артельщиковъ обыкновенно 7 человѣкъ, въ томъ числѣ уставщикъ, на обязанности котораго лежатъ починка невода, продажа рыбы, учетъ артельщиковъ, покупка имъ провизіи, и т. д. Паевъ 14. Дѣлятся они такъ: половина принадлежитъ хозяину (предпринимателю), половина артели. Изъ этого числа 1 пай даетъ уставщику хозяинъ и 1 артель, такъ что у него образуются два пая, у хозяина остается 6 паявъ и у артельщиковъ по одному.

выше 30—35 коп. на хозяйскихъ харчахъ, а зимою падаетъ до 15 и даже 10 коп. въ день. Годового работника можно имѣть за 30—40 р. въ годъ, а помѣсячно, обыкновенно, платится 3—4 р. въ мѣсяцъ; работницы получаютъ 1—2 р. въ мѣсяцъ. Въ зимнее время за заработкомъ крестьяне тяготеютъ, главнымъ образомъ, къ городу, но находятъ работу лишь весьма немногіе. Особенной напряженности нужда въ деньгахъ достигаетъ ко времени платежа податей и повинностей. Тутъ крестьянинъ часто бьется изъ-за денегъ положительно, какъ рыба объ ледъ и продаетъ за безцѣнокъ не только наличный хлѣбъ и скоть, но и будущій свой трудъ: сѣно, которое еще не скошено, и дрова, которые еще не вырублены въ лѣсу. Въ извѣстные періоды самое обыкновенное явленіе въ Тарѣ, что крестьяне по 2, по 3 человека ходятъ изъ двора во дворъ и просятъ впередъ денегъ подъ сѣно и подъ дрова. Нѣкоторые запасаются для этого даже свидѣтельствами отъ волостныхъ правленій, удостоверяющими, что они заслуживаютъ довѣрія и могутъ исполнить принимаемое на себя обязательство. Но, независимо отъ этихъ свидѣтельствъ, на совершаемыя сдѣлки заключаются все-таки особыя условія. Беря деньги просто въ заемъ, крестьянинъ охотно платитъ 5 и даже 10% въ мѣсяцъ, потому что при продажѣ будущаго труда можно еще больше потерять, но дѣло въ томъ, что денегъ займа негдѣ достать: ни ссудосберегательныхъ товариществъ, ни сельскихъ банковъ въ Тарскомъ округѣ нѣтъ. Остаются одни только ростовщики, которые даютъ крестьянамъ деньги очень неохотно и всегда требуютъ въ залогъ какой-нибудь негромоздкой, цѣнной движимости. Отхожіе промыслы для заработковъ въ другіе города и въ Восточную Сибирь на пріиски до сихъ поръ были не особенно значительны; но за послѣдніе годы стали увеличиваться и, вѣроятно, будутъ возрастать.

Особенная нужда въ деньгахъ, какъ мы сказали, испытывается во время сбора податей и повинностей. Платежи крестьянъ въ Сибири очень велики: не смотря на отсутствіе выкупныхъ платежей, они не рѣдко достигаютъ такой цифры, что даже не вѣрится. Мы помнимъ, какъ были удивлены, прочитавъ въ одной изъ сибирскихъ газетъ расчетъ, что въ Ачинскомъ округѣ приходится всѣхъ платежей на работника (бойца), безъ различія, бѣдный онъ или богатый, 46 р. 40 к.; но, познакомившись ближе съ положеніемъ и жизнью сибирскихъ крестьянъ, мы увидѣли, что подобные платежи возможны и встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Въ Тарскомъ округѣ, положимъ, они не достигаютъ въ среднемъ такой цифры, но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ приближаются къ ней,

а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже превышаютъ ее. Достаточно посмотреть на одно обиліе платежныхъ рубрикъ, на одинъ перечень многочисленныхъ и разнообразныхъ платежныхъ статей, чтобы понять, что крестьянинъ платитъ не мало. Платежи распадаются прежде всего на три разряда: 1) на окладные сборы, 2) общія волостныя повинности, обязательныя и необязательныя, и 3) частныя мірскія повинности, также обязательныя и необязательныя. Окладные сборы состоятъ: изъ подушной подати вмѣстѣ со сборомъ въ хозяйственный капиталъ, оброчной подати, губернскихъ повинностей, частныхъ волостныхъ повинностей и сбора въ межевой капиталъ. Обязательныя волостныя повинности взыскиваются: на содержаніе волостного старшины, волостного писаря, волостного правленія, квартиры земскаго застѣдателя, земско-обывательской гоньбы, дорогъ и мостовъ, лежащихъ на волости, на содержаніе земской квартиры, если она содержится отдѣльно, на содержаніе сторожей, разсылныхъ и караульныхъ при правленіи, на содержаніе сотскихъ земскому застѣдателю, на содержаніе хлѣбозапасныхъ магазиновъ, на расходы по принятію мѣръ противъ пожаровъ, на содержаніе полѣсовщиковъ, дорожныхъ старостъ, фельдшера, акушерки, ветеринарнаго фельдшера, стражниковъ и арестантскихъ камеръ и на расходы по оспопрививанію. А необязательныя волостныя повинности состоятъ изъ сборовъ: на содержаніе сельской гоньбы, сельскихъ дорогъ и мостовъ, сельскихъ десятскихъ, разсылныхъ, сотскихъ, нарядчиковъ, караульныхъ и церковныхъ сторожей. Въ мірскихъ обязательныхъ повинностяхъ находимъ сборы: на отопленіе церквей, на содержаніе церковной гоньбы, церковнаго старосты и попечителя, сторожей при сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ и содержаніе пикетовъ, на издержки на похороны найденныхъ мертвыхъ тѣлъ, на содержаніе ледниковъ, на призрѣніе (на основаніи 6 п. 179 ст.) круглыхъ сиротъ и т. д., на издержки на удаляемыхъ по общественнымъ приговорамъ, на содержаніе карауловъ при околицахъ, ночныхъ междворныхъ карауловъ, пожарныхъ старостъ, квартиры для церковнаго причта, просвирни, на наемъ ярмарочнаго караула, на расходы по леченію больныхъ членовъ общества въ больницахъ, на содержаніе сельскаго старосты и квартиры для пріѣзжающихъ чиновниковъ. А необязательныя мірскія повинности состоятъ изъ сборовъ: на содержаніе сельскаго писаря, на поправку церквей и постройку новыхъ, на наемъ пастуховъ, содержаніе часовень, сельскаго правленія, училищъ, если они есть, и учителей, если общество платитъ добавочное жалованье, кромѣ казеннаго.

Конечно, не всѣ эти сборы производятся въ дѣйствительности,

потому что нѣкоторые расходы отсутствуют, но если представить себѣ, что только по нѣскольку копеекъ взыскивается на каждую расходную статью, то и тогда получится значительная цифра. Что касается раскладки платежей, то здѣсь не трудно убѣдиться въ отсутствіи правильныхъ нормъ обложенія. Въ одномъ случаѣ принимаются за основаніе ревизскія души, въ другомъ число работниковъ, въ третьемъ количество обрабатываемой земли. Земля, впрочемъ, меньше всего служитъ основой обложенія, хотя и встрѣчаются случаи, что люди, захватившіе земли больше другихъ, облагаются за это лишними платежами. Въ дѣленіи плательщиковъ по возрастамъ: на дѣльныхъ работниковъ (съ 17 до 55 лѣтъ) и стариковъ и малолѣтнихъ, можно усматривать признаки трудовой, тягольной системы, но система эта вовсе не является руководящею и безпрестанно нарушается. Возьмемъ первую попавшуюся волость и первые попавшіеся примѣры: въ дер. Мысовой, Бергаманской волости, семья Егора Кошневца, имѣющая 6 взрослыхъ работниковъ (и 8 ревизск. душъ), захлаивающая 20 дес. и имѣющая 20 лошадей, 10 коровъ и 40 мелк. скота, платитъ 5 р. 48¹/₂ к. податей и 5 р. 20 к. мірскихъ сборовъ; а семья Козьмы Кошневца, имѣющая 1 взрослого работника (и 7 ревизск. душъ), 10 дес. посѣва, 10 лошадей, 1 корову и 15 гол. мелкаго скота,— 33 р. 27¹/₂ к. податей и 5 р. 20 к. мірскихъ сборовъ. Разница между этими двумя семьями въ пользу очевидной неравномѣрности обложенія только въ одномъ: въ первой семьѣ 8 душъ стариковъ и малолѣтнихъ, а въ послѣдней ни одной. Конечно, это основательная причина, но въ другихъ случаяхъ она далеко не выступаетъ съ такимъ рѣшающимъ значеніемъ. Въ дер. Термоклинской, той же волости, семья Гавр. Копярова, имѣющая 1 взрослого работника (и 4 рев. души), 4 дес. пашни, 4 лошадей, 4 коровъ и 8 гол. мелкаго скота, не смотря на 4 души стариковъ и малолѣтнихъ, платитъ 26 руб. 98 коп. однѣхъ податей безъ мірскихъ сборовъ. Отъ мірскихъ сборовъ она освобождена, но и это не всегда бываетъ. Напр., въ дер. Чиняниной, той же волости, семья Егора Яковлева, имѣющая 1 взрослого работника, 5 рев. душъ и 4 души стариковъ и малолѣтнихъ, платитъ 26 р. 22¹/₂ к. податей и 10 р. 62 к. мірскихъ сборовъ. Запашки у нея нѣтъ, а скота 1 корова и 1 лошадь. Семья Осипа Есаулова, состоящая также изъ 1 только взрослого работника, 4 рев. душъ и 9 душъ стариковъ и малолѣтнихъ, платитъ также 26 р. 22¹/₂ коп. податей и 15 р. 93 к. мірскихъ сборовъ. Пашни у этой семьи также нѣтъ, а изъ скота имѣется только 7 лошадей, коровъ же и мелкаго скота нѣтъ. Очевидно, эти крестьяне чѣмъ-нибудь существуютъ, помимо земледѣ-

лія и скотоводства, но чѣмъ и что именно облагается—остається неизвѣстнымъ. Мірскіе сборы всегда указываютъ на состоятельность облагаемыхъ и на несоотвѣтствіе съ нею податной разверстки. Крестьяне, обыкновенно, стремятся мірскими сборами уравновѣшивать несправедливость податного обложенія и стараются приводить платежи въ соотвѣтствіе съ платежными силами и средствами плательщиковъ. Если казенныхъ и обязательныхъ волостныхъ повинностей приходится слишкомъ много на домохозяина, то уменьшается мірской сборъ, или даже домохозяинъ совсѣмъ отъ него освобождается, если же платежи малы, то увеличивается мірской сборъ. Не только несомнѣнно стремленіе привести платежи въ соотвѣтствіе съ состоятельностью домохозяевъ, но можно даже замѣтить опредѣленную тенденцію сдѣлать ихъ до нѣкоторой степени подходящими и даже прогрессивными, такъ что на домохозяевъ богатыхъ накладывается и больше тяготы, а на бѣдныхъ меньше. Мѣриломъ состоятельности при этомъ иногда является скотъ, иногда число работниковъ и размѣръ запашки, иногда совершенно неуловимые для сторонняго человѣка признаки. Иной разъ вы останавливаетесь въ недоумѣніи, почему на крестьянинѣ, имѣющемъ меньше скота, меньше работниковъ и меньше посѣва, лежитъ вдругъ несообразно большой мірской платежъ. Оказывается, что это торговецъ или человѣкъ, пришедшій съ пріисковъ, долго не участвовавшій въ мірскихъ повинностяхъ и общественной службѣ и имѣющій деньги. Конечно, при этомъ возможны ошибки и злоупотребленія, но пока не выработано правильныхъ и точныхъ нормъ обложенія, до тѣхъ поръ нельзя порицать подобнаго стремленія ни въ его источникѣ, ни въ нѣкоторыхъ крайностяхъ. Мірскіе платежи достигаютъ иногда очень значительныхъ размѣровъ, такъ, напр., въ той же Бергаманской волости мы видимъ, что крестьянинъ деревни Гуровой Ив. Вастьяновъ платитъ 10 р. 49 к. податей и 70 р. мірскихъ сборовъ, а хозяйственное его положеніе такое: 1 взрослый работникъ, 2 рев. души, 1 малолѣтній, 2 лошади и 5 гол. мелкаго скота, коровъ нѣтъ и посѣва нѣтъ. Въ с. Муромцевѣ Иванъ Лисинъ, при 1 взр. раб., 2 рев. душ. и 1 мал., не имѣя запашки, рогатаго и мелкаго скота и имѣя только 5 лошадей, платитъ также 10 р. 49 к. податей и 105 р. 31 к. мірскихъ сборовъ. Въ дер. Самохваловой Василий Ѳоминъ имѣетъ 2 рев. души, 1 взросл. раб., 2 стар. и мал., 8 дес. пашни, 5 лошадей, 1 корову и 10 гол. мелк. скота, и платитъ 10 р. 49 к. податей и 80 р. мірскихъ сборовъ. и т. п. Небезынтересно дѣленіе домохозяевъ по платежамъ: на *большія души*, *малыя души* (или *среднія*) и *самыя малыя души*. Большія души облагаются податями,

мірскимъ сборомъ и расположкою за мертвыхъ и убылыхъ, малыя—лишь податями и мірскимъ сборомъ и самыя малыя только одѣми податями.

Несмотря на все это, сибирская раскладка, все-таки далека отъ совершенства. Отсутствіе правильныхъ нормъ обложенія сказывается весьма часто. Чинovníки по крестьянскимъ дѣламъ постоянно получаютъ жалобы на неправильное обложеніе, жалуются и богатые, и бѣдные, и поселенцы, и отставные нижніе чины, и даже постороннія лица. Жажда обложенія у сибиряковъ такъ велика, что нерѣдко они облагаютъ повинностями даже постороннихъ лицъ, живущихъ въ деревнѣ. Поселенцы, не смотря на всю свою бѣдность, тоже привлекаются иногда къ повинностямъ, хотя это дѣлается не во всѣхъ обществахъ. Относительно же податей положеніе поселенцевъ такое: во-1-хъ, три года они никакихъ казенныхъ платежей не несутъ, во-2-хъ, въ теченіе 7 лѣтъ платятъ только половинный окладъ—2 р. 50 к. въ годъ, и въ-3-хъ, въ круговой порукѣ не участвуютъ. На нихъ посылаются особые окладные листы и недоимки ихъ слагаются съ обществъ, а если поселенецъ больше двухъ лѣтъ провелъ въ безвѣстной отлучкѣ, его и совѣмъ исключаютъ изъ деревенскихъ списковъ *). Съ поселенцами у старожиловъ, навѣрное, было бы гораздо больше столкновеній, если бы они обзаводились хозяйствами и жили на мѣстахъ приписки, но большинство ихъ, не имѣя средствъ устроиться, расходится въ разныя стороны, а меньшинство кое-какъ перебивается или переходитъ въ положеніе батраковъ. Сибирякъ, обыкновенно, говоритъ поселенцу: «иди—бери землю, сколько хочешь», зная отлично, что, за рѣдкими исключеніями, онъ изъ занятой старожилами земли и вершка не возьметъ, а скочуетъ куда-нибудь или къ нему же поступить въ работники, сплошь и рядомъ за одно только прокормленіе.

Намъ хочется сказать еще нѣсколько словъ о положеніи народныхъ школъ и народнаго образованія, такъ какъ это положеніе такое, какимъ оно не должно быть. Разсматривая различныя статьи необязательныхъ мірскихъ расходовъ, вы прежде всего поражаетесь ничтожностью цифръ въ рубрикѣ народнаго образованія: это сплошь и рядомъ не десятки рублей и даже не рубли, а копейки, По Сѣдельниковскому обществу, напр., въ 1884 году значилось на

*) Заговоривъ о разныхъ платежахъ, нельзя умолчать, что подушная подать до сихъ поръ еще не отиѣнена окончательно въ Сибири, не смотря на то, что установленные взами́нъ ея налоги были введены тамъ одновременно съ Европейской Россіей. Только въ 1890 году отиѣну ея предположено было производить равными частями въ теченіе 10 лѣтъ.

содержаніе училища 7 р. 97¹/₂ к., а въ 1885 году только 70 к.; въ Рагузинскомъ (той же Сѣдельниковской волости) въ 1884 г.— 6 р. 96 к. и въ 1885—53 к., въ Михайловскомъ, за то же время, 5 р. ¹/₄ к. и 37 к. и т. п. Хотя это и объясняется тѣмъ, что народныя школы въ Тобольской губ. содержатся не непосредственно крестьянами, а казною (изъ сборовъ съ нихъ же), такъ что крестьянскія общества отпускаютъ, собственно говоря, только то, чего не достаетъ по ассигновкѣ, или если пожелаютъ дать добавочное жалованье учителю; но, тѣмъ не менѣе, состояніе народныхъ училищъ въ Тарскомъ округѣ въ высшей степени печально: прежде всего ихъ мало, такъ что въ волости съ нѣсколькими тысячами душъ встрѣчается иногда только одно училище, иногда два, рѣже—три; помѣщенія нерѣдко наемныя и неудовлетворительныя; преподаваніе идетъ плохо, потому что учителями являются не столько люди съ специально учительскою подготовкою, сколько просто дочери священниковъ, дьячковъ и грамотные мѣщане. Кончаетъ курсъ въ школахъ самый ничтожный процентъ, а иногда оканчивающихъ и совсѣмъ не бываетъ; напр., въ Евгачинскомъ училищѣ, Логиновской волости, за цѣлый десятокъ лѣтъ (съ 1874 по 1884 г.), при составѣ до 20—25 учениковъ, никогда не кончало болѣе 2 учениковъ въ годъ, а за время 1874—1879 г. окончившимъ значился только 1; въ Екатерининскомъ училищѣ въ 1884 г. изъ 14 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ также окончилъ только 1 мальчикъ; въ Логино-Хорошковскомъ въ 1887 г. также окончили только 1 мальчикъ и 1 дѣвочка и т. д. Число учениковъ въ школахъ постоянно колеблется и не только не возрастаетъ правильно, какъ это обыкновенно бываетъ въ другихъ мѣстахъ, а сплошь и рядомъ убываетъ: то дойдетъ до 30, то вдругъ спустится до 5, какъ это было въ послѣдней школѣ въ 1888 году, когда въ ней числилось 2 мальчика и 3 дѣвочки. Есть школы въ Тарскомъ округѣ, въ которыхъ по нѣскольку лѣтъ не бываетъ экзаменовъ, и обуславливается это не какими-нибудь правилами, а простою случайностью или усмотрѣніемъ мѣстнаго учебнаго начальства. Зато разныхъ прикосновенныхъ къ учебному дѣлу лицъ и инстанцій тамъ такъ много, что объ этомъ также стоитъ сказать нѣсколько словъ. Вся наличная сибирская администрація имѣетъ то или иное касательство къ школамъ, всѣ призваны о нихъ заботиться и содѣйствовать имъ, и никакого положительнаго результата, кромѣ путаницы изъ этого не выходитъ. Находясь въ вѣдѣніи администраціи, училища въ то же время состоятъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ духовенства, что такъ усердно рекомендовалось, какъ общая мѣра, въ теченіи нѣсколькихъ послѣд-

нихъ лѣтъ противниками земскихъ школъ. Ближайшимъ образомъ получило слѣдующее: когда крестьяне находились въ вѣдѣніи палатъ государственныхъ имуществъ, то и школы также были въ томъ же вѣдомствѣ; съ упраздненіемъ палатъ и устройствомъ центрального управленія государственными имуществами для всей Западной Сибири въ Омскѣ, нѣкоторыя функціи и отрасли вѣдѣнія палатъ государственныхъ имуществъ перешли къ казеннымъ палатамъ. Перешли въ томъ числѣ и школы, такъ что казеннымъ палатамъ стало принадлежать даже право назначенія и увольненія учителей. Но ближайшій надзоръ за училищами и учебною частью, за учительскимъ персоналомъ и представленіе учителей къ увольненію, перемѣщенію и т. д., принадлежатъ штатному смотрителю тарскаго уѣзднаго училища, который въ данномъ случаѣ является въ роли инспектора народныхъ училищъ. Со введеніемъ присутствій и чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, на послѣднихъ также возложена была забота о благоустройствѣ школъ; а въ 1889 году первая роль въ этомъ отношеніи была предоставлена исправникамъ. Такимъ образомъ, номинально школы находятся въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ, фактически—въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ и подъ наблюденіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а непосредственно въ рукахъ полиціи, т.-е. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Таковую удивительную комбинацію различныхъ вѣдомствъ, конечно, не часто встрѣтишь, не говоря уже о внутреннихъ губерніяхъ, но даже въ Сибири.

Ближайшимъ образомъ распоряжаются школами исправникъ и смотритель уѣзднаго училища, но такъ какъ у того и у другого есть свое дѣло, свои прямыя служебныя обязанности, то школы отходятъ на второй планъ. Они заглядываютъ въ школы только при случаѣ, проѣздомъ, или «по мѣрѣ возможности» и главную заботу о нихъ полагаютъ въ томъ, чтобы все было тихо и чисто, какъ говорится, «въ порядкѣ», т.-е. чтобы не было никакихъ неприятныхъ исторій и было какъ можно меньше «отписки». Чѣмъ меньше дѣла, тѣмъ все это достигается, конечно, лучше. Смотритель слѣдитъ поэтому, главнымъ образомъ, за благонадежностью, знакомствами и поведеніемъ учителей и учительницъ, за учебниками, которые употребляются въ школахъ, и за книгами, которыя даются дѣтямъ для чтенія. Цензура въ послѣднемъ случаѣ самая строгая. Мы знаемъ случаи, когда отбирались у учениковъ изданія, разрѣшенныя предварительною цензурою и не изъятые изъ библиотекъ. Сибирскіе смотрители, вообще, проявляютъ слишкомъ много усердія. Если это люди, не имѣющіе образовательнаго ценза

(не только высшихъ учебныхъ заведеній, но и гимназическаго), какъ это нерѣдко бываетъ, то имъ приходится выслуживаться и цѣпляться за каждый удобный и неудобный поводъ, чтобы показать свою бдительность и заботливость. То и другое, разумѣется, можно было бы показать на дѣлѣ, т.-е. хорошимъ состояніемъ школы, но такъ какъ это труднѣе, то и предпочитаютъ пути болѣе легкіе. А Сибирь очень нуждается въ школахъ. Число грамотныхъ въ томъ же Тарскомъ округѣ настолько незначительно, что большая часть писарскихъ должностей (въ волостяхъ и селахъ) занимается, обыкновенно, уголовными ссыльными, городскими мѣщанами и вообще людьми совсѣмъ посторонними и не всегда доброкачественными. Люди, преданные дѣлу народнаго образованія, могли бы встрѣтить тамъ богатую и благодарную почву для дѣятельности.

С. Кривенко.

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

Романъ *).

(Окончаніе).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

VI.

Въ Москвѣ все было по старому: тотъ же Сивцевъ Вражекъ, тотъ же окоёмовскій домикъ, та же Марѳа Семеновна съ ея дворянскимъ музеемъ. Приѣздъ Окоёмова съ женой сразу оживилъ это старинное дворянское гнѣздо, и Марѳа Семеновна примирилась съ Настасьей Яковлевной, благодаря дѣтямъ. Особенно старушка полюбила старшую дѣвочку. Повторилась исторія съ княжной, ревновавшей Васю къ матери. Теперь бабушка захватила себѣ дѣвочку, которую устроила въ своей комнатѣ. Дѣвочка уже говорила и понимала, такъ что Марѳа Семеновна потихоньку посвящала ее въ свои дворянскія преданія.

— Это дѣдушка съ туркой воевалъ... — объясняла старушка, показывая на старинный громадный палашъ.

— А, вѣдь, турекъ было больно, когда дѣдушка его воевалъ? — наивно спрашивала дѣвочка.

— Турка невѣрный...

Дѣвочка плохо понимала эти объясненія и пока вѣрила бабушкѣ на слово. Какой такой „невѣрный турка“? Почему дѣдушка долженъ былъ его воевать? Вообще, много было для нея непонятнаго, какъ и бабушка не понимала жизни въ Красномъ Кусту.

---

*) См. «Миръ Божій», № 9.

— У насъ тамъ было хорошо...—разсказывала дѣвочка, припоминая далекій пріискъ.—Дядя Сережа смѣшно кричалъ поросенкомъ: сдѣлаеть вотъ такъ губы и завизжитъ. Онъ смѣшной...

— У васъ тамъ всѣ были смѣшные,—ядовито замѣчала бабушка, ревнуя внучку къ ея прошлымъ привязанностямъ.—Вотъ ты какъ смѣшно говоришь, точно мужичка... „Говорю“, „пошла“.

— А ты, бабушка, тоже смѣшно говоришь: „писокъ“, „помахивають“, „хачу“...

— Въ Москвѣ всѣ такъ говорятъ, глупенькая... Лучше московскаго говора нѣтъ.

Старушку огорчало больше всего то, что дѣвочка не получила рѣшительно никакого воспитанія. Доходило до смѣшного—она не могла даже понять такой простой вещи, что баринъ и мужикъ совершенно два различныхъ существа. „Какой баринъ?“—съ удивленіемъ спрашивала дѣвочка.—„Почему баринъ? И мужикъ тоже баринъ?“ Марѳа Семеновна объясняла по своему, какая разница между бариномъ и мужикомъ, но дѣло подвигалось туго впередъ. Дѣвочка отрицательно качала головкой и говорила: „У насъ въ Сибири нѣтъ бариновъ, бабушка“... Слѣдующимъ поводомъ къ огорченію служили костюмы. Да, раскольница не умѣла одѣвать дѣтей, и Марѳа Семеновна жестоко раскритиковала всѣ дѣтскіе костюмчики, особенно костюмы дѣвочки. Она рѣдко выѣзжала изъ дому, но на этотъ разъ самолично отправилась на Кузнецкій мостъ и вернулась съ цѣлымъ дѣтскимъ приданымъ. Маленькая сибирячка была переодѣта на англійскій манеръ и сначала очень конфузилась слишкомъ коротенькихъ юбочекъ и голыхъ колѣночекъ.

— Ты—барышня, а не мужичка,—объясняла Марѳа Семеновна.

Этотъ маленькій маскарадъ сначала забавлялъ Окоемова, а потомъ привелъ къ серьезному столкновенію.

— Мама, вы дѣлаете изъ моей дочери какую-то французскую куклу,—замѣтилъ онъ не безъ раздраженія.—Кому это нужно?

— Ну, ужъ это не твое дѣло, батюшка,—горячо вступилась Марѳа Семеновна.—Вы тамъ сами живите, какъ знаете,

а дѣвочку я вамъ не дамъ губить... да. Вотъ умру, тогда ужъ мудрите надъ ней. Моя внучка дворянка... А вы хотите изъ нея сдѣлать кухоннаго мужика. Я не позволю... Понимаешь: не поз-во-лю!.. Вотъ и весь разговоръ...

— Мама, ты забываешь, что у твоей внучки есть мать?

— Я забываю? Если бы я могла забыть... Ну, да что говорить объ этомъ. Вонъ Сережа-то, не бойсь, не ошибся: на княжнѣ женился... да.

— Что же, я радъ за него. Онъ хорошій человѣкъ... А потомъ, мама, если бы всѣ захотѣли жениться на княжнахъ, то не хватило бы и невѣстъ.

Раскольничье происхожденіе невѣстки часто беспокоило Марю Семеновну, какъ она ни старалась переломить свое предубѣжденіе. Часто, по вечерамъ, вглядываясь въ дѣтское личико внучки, старушка вся вздрагивала: ей казалось, что въ этомъ личикѣ ничего не останется окоёмовскаго, а вырастетъ маленькая раскольница. Было и обидно, и больно за собственное чувство... Впрочемъ, эти сомнѣнія приходили все рѣже, покрываясь специально бабушкиной любовью. Моя внучка, родная, милая—и все тутъ... Ниѣому не отдамъ. Да.

Прямыхъ столкновеній у Настасьи Яковлевны съ свекровью не было, хотя она и старалась держаться въ сторонѣ. Все зависѣло отъ времени, и нужно было ждать. Бывшая лабораторія превратилась въ дѣтскую, и Настасья Яковлевна проводила большую часть дня въ этой комнатѣ съ маленькимъ Васей. Но эта изолированность не спасала ее отъ встрѣчъ съ Мареой Семеновной за обѣдами и чаями. Происходила маленькая пытка двухъ женщинъ, мучившихся каждая по своему. Нерѣдко случалось такъ, что Мареа Семеновна не выдерживала характера и ввертывала что-нибудь про „чорную кость“ вообще и про раскольниковъ въ частности. Разъ Окоёмовъ не выдержалъ и замѣтилъ матери:

— Если ты хочешь знать, мама, такъ у насъ единственно вровая аристократія русскаго происхожденія—раскольники... Князья Хованскіе, Мышецкіе, Пронскіе—были раскольники. Древніе боярскіе роды, какъ Морозовы—тоже. Настоящая русская аристократія сложилась изъ нѣмецкихъ выходцевъ и прижившихся татарскихъ мурзъ.

— А, по твоему, Окоёмовы откуда взялись?

— И Окоемовы не чистой русской крови... Нашъ родъ тоже идетъ отъ какихъ-то татарскихъ наѣздниковъ. Честь не особенно большая... За расколомъ трехсотлѣтняя давность, а это чего-нибудь стоитъ.

— Послушай, Вася, мама можетъ подумать, что я тебя обращаю въ расколъ,—замѣтила Настасья Яковлевна. — Я этого не желаю...

Марья Семеновна поднялась, гордо смѣрила невѣстку съ ногъ до головы и только улыбнулась. Она, эта раскольничья начетчица, можетъ обратить ея Васю въ расколъ?.. Нѣтъ, это уже слишкомъ! Окоемовы всегда останутся Окоемовыми.

Окоемовъ вернулся въ Москву въ хорошемъ настроеніи, — дорога на него всегда дѣйствовала ободряющимъ образомъ. Но это бодрое настроеніе продолжалось очень недолго. Не прошло недѣли, какъ появились признаки угрожающаго характера. Сердце работало тревожно и тяжело съ глухими переборами и остановками. Все это бывало и раньше, но сейчасъ выражалось рельефнѣе и настойчивѣе, какъ проявляютъ себя только неизлѣчимыя хроническія болѣзни. А главное, нехорошо было на душѣ. Каждое утро Окоемовъ просыпался съ такой тяжестью на душѣ. Не хотѣлось ни о чемъ думать, раздражали всякіе пустяки, а тамъ, гдѣ-то въ неизвѣстной глубинѣ, разрасталась больная тяжесть. По обыкновенію всѣхъ больныхъ, Окоемовъ старательно скрывалъ свое душевное состояніе и былъ недоволенъ, когда его кто-нибудь спрашивалъ о здоровьи.

— О, я себя прекрасно чувствую,—отвѣчалъ онъ одинаково всѣмъ.

— А отъ чего у тебя такое лицо?—спрашивала Настасья Яковлевна.

— Какое лицо? Самое обыкновенное...

Когда ему дѣлалось особенно дурно, онъ уходилъ изъ дому,—не доставало воздуха въ комнатахъ, а на улицѣ дѣлалось легче. Любимымъ мѣстомъ для прогулокъ былъ Пречистенскій бульваръ, особенно утромъ, когда онъ оставался пустымъ. Теперь составляло большой трудъ дойти до бульвара. Окоемову приходилось часто останавливаться, чтобы перевести духъ. Онъ иногда чувствовалъ на себѣ сочувствующіе взгляды встрѣчавшихся пѣшеходовъ,—должно быть, хорошо, если чу-

жіе люди начинаютъ жалѣть. Къ себѣ и къ своему положенію Окоемовъ относился почти индифферентно. Да, боленъ, серьезно боленъ,—что же изъ этого? Мало ли больныхъ людей на свѣтѣ. Поболѣютъ, а потомъ и помрутъ. Все въ порядкѣ вещей. Мысль о смерти больше не пугала его. Что же, умирать, такъ умирать. Всѣ боятся смерти по малодушію, а въ сущности это все равно, т.-е. умереть десятью годами раньше или позже. Окоемовъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ на садовой скамейкѣ и передумывалъ по десяти разъ одно и то же. Его удивляло и раздражало, что другіе куда-то торопятся, чего-то домогаются и на что-то надѣются. Его раздражалъ трескъ экипажей, дѣловая суета, выраженіе озабоченныхъ лицъ. Къ чему все это?..

Разъ, когда Окоемовъ сидѣлъ на своей скамейкѣ, его обликнулъ знакомый голосъ. Онъ поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ Маркъ Евсеичъ Барышниковъ.

— Вотъ неожиданная встрѣча, Василій Тимофеичъ,— суетливо повторялъ Барышниковъ, испытующе глядя на Окоемова.—Иду, смотрю на васъ, и глазамъ не вѣрю...

— Что же тутъ особеннаго? Я нисколько не удивляюсь, что встрѣтилъ васъ...

— Оно, конечно, такъ-съ... Гора съ горой не сходится. Да-съ... А я къ тому, что, вѣдь, мы не чужіе, Василій Тимофеичъ. Ежели вы не желаете знать родственниковъ, такъ Настя могла бы провѣдать...

— Это ея дѣло. Она, кажется, собиралась къ вамъ...

Барышниковъ присѣлъ на скамью рядомъ и суетливо полѣзъ въ боковой карманъ, откуда и вытащилъ туго набитый бумажникъ. Порывшись въ бумагахъ, онъ досталъ тщательно сложенный номеръ газеты и подаль его Окоемову.

— Вотъ-съ, прочтите, Василій Тимофеичъ... Мы хоть и учены на мѣдныя деньги, а газеты почитываемъ.

Газета была старая и заношенная. Очевидно, Барышниковъ носилъ ее въ бумажникѣ не одинъ мѣсяцъ. Окоемовъ развернулъ ее и отыскалъ отмѣченное краснымъ карандашомъ мѣсто,—это была корреспонденція съ Урала, въ которой говорилось о „консервированной компаніи“. У Окоемова запрыгали строчки предъ глазами отъ охватившаго его волненія. Корреспондентъ вышучивалъ ихъ сторублевою компанію, и особенно его, какъ основателя, причемъ дѣлались совѣмъ

непрозрачные намеки на его эксплуататорскіе наклонности и капиталистическій характеръ всего дѣла. Барышниковъ слѣдилъ за выраженіемъ лица Окоемова и улыбался. Да-съ, Василій Тимофеичъ, получите вполнѣ... Не одинъ вы на свѣтѣ умный человѣкъ, найдутся и другіе громотѣи. Вотъ какъ даже ловко отхватили васъ...

— Вы мнѣ подарите этотъ номеръ,—проговорилъ Окоемовъ спокойно.

— Съ большимъ удовольствіемъ...

— Кстати, я даже знаю, кто ее и писалъ: нашъ общій другъ Илья Ѳедорычъ Углыхъ. Можетъ быть, даже и вы руку приложили?

— Гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить, Василій Тимофеичъ. А только написано, дѣйствительно, хлестко... Что подѣлаете: гласность нынче распространилась.

— Что же, я ничего не имѣю противъ... Я газетъ мало читаю и очень вамъ благодаренъ за вниманіе.

— Такъ-съ, случайно на глаза попалась газетина... Удивляюсь я, какъ это начальство пропускаетъ тому подобныя статьи.

— Отчего же ихъ не пропускать? Дѣло открытое, и бояться нечего... Если хотите, я даже радъ, что дѣла нашей компаніи переданы на судъ публики, хотя и не могу согласиться съ корреспондентомъ во всемъ. Во всякомъ случаѣ, я радъ...

Барышниковъ былъ недоволенъ получившимся эффектомъ. Онъ ожидалъ встрѣтить другое.

— Свои здѣшнія дѣла вы совсѣмъ забросили, Василій Тимофеичъ,—заговорилъ онъ, переводя разговоръ.—Совершенно напрасно-съ...

— Я не совсѣмъ здоровъ, Маркъ Евсеичъ... Нужно лѣчиться. Будетъ, поработалъ въ свою долю...

— Оно конечно, а все-таки жаль-съ... Большія дѣла изволили дѣлать-съ.

— Ну, это не совсѣмъ вѣрно. Большое-то дѣло осталось тамъ, на Уралѣ...

— Оно конечно... А промежду прочимъ, до свиданія, Василій Тимофеичъ. Тороплюсь...

— Завертывайте какъ-нибудь къ намъ. Настасья Яковлевна будетъ рада...

— Подумываль, Василій Тимофенчъ, да все какъ-то смѣлости не хватаетъ. Неученые мы люди, по образованному-то ступить не умѣемъ...

— Перестаньте, пожалуйста... Заходите просто. Вы знаете, что я тоже простой человекъ...

Милый родственникъ удалился, а Окоемовъ улыбался, провожая его глазами.

VII.

Когда Окоемовъ вернулся домой, Настасья Яковлевна сразу замѣтила, что что-то случилось. У него было такое странное лицо.

— Вася, ты здоровъ?

— Какъ всегда...

Потомъ онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и позвалъ жену.

— Вотъ что, Настенька...—началь онъ, съ трудомъ выговаривая слова.—Сейчасъ я встрѣтилъ Марка Евсеича... да. Отчего ты не хочешь съѣздить къ роднымъ? Это неудобно... Выходить такъ, точно я этого не хочу.

— Я все собираюсь, но какъ-то некогда,—смутилась Настасья Яковлевна.

— А я знаю, что тебѣ очень хочется видѣть своихъ, и ты только стѣсняешься. Да, стѣсняешься, что они захотятъ отплатить визитъ и приѣдутъ сюда посмотрѣть, какъ ты живешь. Вѣдь это же ихъ родственное право..

— А мама?

— Что же дѣлать, ей придется себя преодолѣть, т.-е. свою дворянскую гордость, даже не гордость, а чванство. И въ вашемъ кругу, Настенька, есть тоже свое чванство... Во всякомъ случаѣ, ты мнѣ сдѣлаешь большое удовольствіе, если восстановишь добрыя отношенія съ родственниками. Старые счеты можно и позабыть... Я самъ потомъ съѣзжу къ нимъ.

— Дядя ничего особеннаго не говорилъ тебѣ?—спросила Настасья Яковлевна, смутно догадываясь, что мужъ чего-то не договариваетъ.

— Нѣтъ, ничего... Впрочемъ, виноватъ: онъ преподнесъ мнѣ небольшой подарокъ отъ чистаго сердца.

Окоемовъ досталъ изъ кармана померъ газеты и передалъ его женѣ.

— Вотъ тутъ цѣлая корреспонденція о насъ...

Пока жена читала, Окоемовъ наблюдалъ выраженіе ея лица. Какое это было чистое, хорошее женское лицо. Корреспонденція, конечно, не могла ей понравиться, но она выдержала характеръ и не выдала неприятнаго чувства ни однимъ движеніемъ.

— Меня всегда удивляетъ одно, Вася,—замѣтила она, подавая газету обратно: — именно, что заставляетъ людей говорить и дѣлать несправедливое... Вѣдь тотъ, кто писалъ эту корреспонденцію, зналъ, что пишетъ неправду, и что дѣлаетъ это только для того, чтобы устроить тебѣ неприятность.

— Садись сюда, на диванъ... Поговоримъ серьезно. Первое впечатлѣніе у меня было такое же, а потомъ я раздумался и пришелъ къ заключенію, что авторъ корреспонденціи былъ по своему правъ, правъ безсознательно. И написано совсѣмъ не глупо. Исходныя точки двѣ: моя личность, какъ предполагаемый эксплуататоръ, и потомъ кажущаяся мелочность самого дѣла. По первому пункту я раздѣляю общую судьбу всѣхъ инициаторовъ—это вполне понятно. Дѣло настолько установилось, что я могу даже оставить его на время. Второй пунктъ гораздо сложнѣе... Психологически вѣрно одно, именно, что люди, которые неспособны сдѣлать ничего, всегда задаются громадными задачами и относятся презрительно къ тѣмъ маленькимъ дѣламъ, изъ какихъ складывается жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, что такое сдѣлала наша компанія особенное? По этой логикѣ нереализовавшихъ себя великихъ людей ровно ничего... Даже смѣшно: какіе-то дурачкіе консервы, какое-то хозяйство—просто, не стоило огородъ городить. Гораздо проще и вѣрнѣе: взять да разомъ и осчастливить все человѣчество... Вотъ это задача, а остальное пустяки. Такъ какъ осчастливить разомъ всѣхъ довольно трудно, то великіе люди остаются не у дѣлъ и критикуютъ маленькія дѣла другихъ. Эта черта особенно вѣллась въ нашъ русскій характеръ,—она наше несчастье...

Онъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— Да, я видѣлъ, какъ дѣлаютъ настоящія большія дѣла, и убѣдился только въ одномъ, что они подготовляются долго мелкой и кропотливой работой, которая никого не дѣлаетъ героями. Въ свое время будутъ и герои, а пока нужно

дѣлать свое маленькое дѣло. Я самъ былъ ненужнымъ русскимъ человѣкомъ и прошелъ тяжелую школу. Скольео разъ я былъ на краю гибели—кажется, ничего не оставалось, кромѣ самоубійства, что и дѣлаютъ ежегодно сотни ненужныхъ русскихъ людей. Счастливый случай въ минуту отчаянія толкнулъ меня въ Америку, и я увидѣлъ совсѣмъ другой міръ. Простой примѣръ: тамъ невозможна такая корреспонденція, потому что тамъ уважаютъ чужой трудъ и чужія убѣжденія. Да, маленькое дѣло, съ маленькими задачами, но изъ него выростетъ громадное—я въ этомъ глубоко убѣжденъ. Интеллигентный пролетаріатъ у насъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ дѣло сводится на простое неумѣнье добыть себѣ честный кусокъ хлѣба. Кажется, ясно, и, кажется, убѣдительно... Авторъ корреспонденціи ставитъ мнѣ въ упрекъ капиталистическій характеръ нашей компаніи; забывая объ одномъ, что интеллигентные бродяги не имѣютъ земельного надѣла, и что общинный мужицкій строй создавался вѣками. Я убѣжденъ, что интеллигентныя компаніи моего типа пойдутъ рука объ руку вотъ съ этимъ общиннымъ хозяйствомъ, пополняя его и давая просторъ личной инициативѣ. Одно другому ни въ какомъ случаѣ не должно и не можетъ мѣшать... Потому внутренній строй будущихъ интеллигентныхъ компаній всецѣло зависитъ отъ практики, и первый опытъ не можетъ ставить какую-нибудь одну схему. Какъ мнѣ думается, у насъ въ Россіи каждая область выработаетъ свой особый типъ: на сѣверѣ будетъ преобладать артельное начало, на югѣ—индивидуализмъ. Отчего не сложится компаніи на опредѣленный срокъ, для выполнения какого-нибудь одного дѣла? Да, да, это будетъ...

Оксеевъ долго говорилъ на эту тему, волнуясь все больше. Настасья Яковлевна давно знала все, что онъ говорилъ, и тоже была убѣждена въ справедливости этихъ словъ и молча волновалась только за настроеніе мужа. Обыкновенно блѣдное лицо покрылось красными пятнами, глаза лихорадочно горѣли, дыханіе было порывистое—однимъ словомъ, ему слѣдовало успокоиться.

— Вася, ты напрасно такъ волнуешься,—замѣтила она наконецъ, обнимая его.—Нѣтъ такого хорошаго дѣла, ко-

торое не вызывало бы осужденія вкривь и вкось. Ты себѣ только напрасно нервы разстраиваешь.

— Ахъ, какая ты... Ну, что я знаю, какъ и всякій человѣкъ, взятый отдѣльно? Важно дѣло, важно общее, а не частности... Сегодня я живъ, завтра меня не будетъ, а дѣло останется. Еще одно маленькое замѣчаніе, и я успокоюсь: всякая положительная дѣятельность очень трудна и въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ крикливыхъ, импонирующихъ формъ. Въ тысячу разъ легче находить чужіе недостатки и вообще отрицательныя формы, какъ и самому проявлять ихъ. Вотъ въ этомъ вся наша бѣда... Только богатые люди знаютъ, какимъ упорнымъ трудомъ создаются тысячи, а люди бѣдные все приписываютъ одному счастью и считаютъ себя всю жизнь обиженными, что это дивное счастье обошло почему-то вотъ именно ихъ, бѣдныхъ людей.

При всемъ желаніи Окоемовъ не могъ успокоиться. Онъ еще за вечернимъ чаемъ предчувствовалъ бессонную ночь. О, это была не первая такая ночь... Онъ спалъ у себя въ кабинетѣ, на старинномъ дѣдовскомъ диванѣ, и нието не подозрѣвалъ, какъ онъ иногда мучился въ своемъ одиночествѣ. Эти большія ночи безконечны, а тревожить другихъ Окоемовъ не желалъ. Такъ было и теперь. Онъ отказался отъ ужина — Марѳа Семеновна ужинала, какъ это велось въ старинныхъ барскихъ домахъ, и ушелъ спать раньше обыкновеннаго. Ему даже показалось, что голова какъ будто свѣжѣе, и сердце бьется спойнѣе. До двѣнадцати часовъ онъ успѣлъ написать нѣсколько дѣловыхъ писемъ и съ книгой въ рукахъ улегся спать на свой диванъ, — онъ всегда читалъ передъ сномъ. Потомъ онъ погасилъ свѣчу, укутался въ одѣяло и закрылъ глаза. Кажется, что онъ спалъ. Во всякомъ случаѣ, прошло очень немного времени, какъ онъ открылъ глаза, чувствуя какую-то странную дрожь. Ему вдругъ сдѣлалось страшно, страшно безъ всякой причины... Онъ зажегъ свѣчу и быстро одѣлся. Сердце такъ и замерло, точно самыя стѣны готовы были рухнуть. Окоемовъ понималъ, что этотъ страхъ только результатъ нервнаго состоянія, и пройдетъ, но умъ говорилъ одно, а сердце говорило другое. Въ комнатѣ было тихо, и эта тишина теперь давила. Хоть бы одинъ звукъ...

— Неужели я умираю? — мелькнуло въ головѣ Окоемова,

и онъ чувствовалъ, какъ у него стучать зубы.—Неужели все кончено... все, все?..

Онъ съ щемлящей тоской осматрѣлъ свою комнату: вотъ шкафъ съ любимыми книгами, вотъ письменный столъ... И все это уже больше никому не нужно, и самъ онъ является въ своей комнатѣ какой-то тѣнью.

Ему вдругъ захотѣлось куда-нибудь убѣжать, скрыться, туда, гдѣ есть живые люди, живой шумъ и говоръ. Да, уйти, уйти скорѣе, сейчасъ... Онъ чувствовалъ, какъ его ноги подкашиваются отъ страха, когда онъ около стѣнки выходилъ изъ кабинета, какъ лунатикъ. Въ гостиной было темно, и онъ остановился. Надо идти направо, гдѣ дверь въ переднюю... Скорѣе, скорѣе. Онъ опомнился только тогда, когда въ передней появился свѣтъ, и его окликнулъ знакомый голосъ:

— Вася, ты куда?..

Это была Настасья Яковлевна, какимъ-то чутьемъ угадавшая, что дѣлается что-то неладное.

— Я... я... мнѣ страшно...—шепталъ Овоемовъ, прислоняясь къ стѣнѣ.—Ахъ, какъ страшно, Настенька...

Она сняла съ него шубу, взяла шапку и молча увела въ кабинетъ. Онъ повиновался, какъ ребенокъ, и только крѣпко сжималъ ея руку. На лбу у него выступилъ холодный потъ.

— Я сейчасъ приготовлю на спиртовѣ горячаго чаю,—говорила Настасья Яковлевна, щупая холодный лобъ мужа.

— Ради Бога, не уходи... страшно одному...

Онъ крѣпко ухватилъ ее за руку и притянулъ къ себѣ.

— Настенька, родная, я сейчасъ умираю!.. Какъ это страшно!..

— Это просто твои нервы расходились... Давеча взволновался съ этой дурацкой корреспонденціей. Я ужъ предчувствовалъ, что случится что-нибудь.

— Нѣтъ, не то... Я, дѣйствительно, умираю, Настенька. Это была первая повѣстка... такъ, вдругъ... Кругомъ темно, мертвая тишина и я чувствовалъ, какъ жизнь уходила изъ меня.

На нее смотрѣли такіе испуганные глаза, полные нѣмого отчаянія. Потомъ онъ провелъ рукой по своему лицу, какъ человѣкъ, который не можетъ проснуться, и заговорилъ:

— Я тебѣ не кажусь сумасшедшимъ? Вѣдь это тоже смерть...

— Перестань, пожалуйста... Хочешь еще воды?

— Нѣтъ... Знаешь, ложась спать, я думалъ о томъ, что дѣлается тамъ, на Уралѣ. Отчего такъ давно нѣтъ писемъ отъ Сereжи? И княжна тоже молчить... И мнѣ вдругъ представилось, что я ошибался... Да, что изъ нашей компаніи ничего не выйдетъ въ настоящемъ ея видѣ, что нужно еще много-много работать, а я уже обезсилѣлъ. Жалкій, ничтожный человѣкъ... Сегодня онъ полонъ смѣлыхъ замысловъ, полонъ сознанія своихъ силъ и съ дерзостью смотритъ впередъ, а завтра... Посмотри на меня: развѣ это я, Окоемовъ? И я, который долженъ былъ такъ зоботиться о своемъ здоровьи, меньше всего думалъ именно объ этомъ... Какъ останутся дѣти сироты... Боже, дай мнѣ силы, чтобы поднять ихъ на ноги, сдѣлать изъ нихъ сильныхъ, честныхъ людей.

— Ты только разстраиваешь себя, Вася, — заговорила Настасья Яковлевна спокойнымъ голосомъ. — Къ смерти нужно быть всегда готовымъ... И страшно умирать только тому, у кого нечистая совѣсть. Вѣдь рано или поздно всѣ мы умремъ — чего же бояться? Именно о смерти и не слѣдуетъ думать, потому что это малодушіе... Ты видалъ, какъ сповоино умираетъ простой народъ.

— Да, да, правда...

— Вотъ я выросла въ той средѣ, гдѣ не бояться смерти... Милый, нужно быть мужественнымъ.

Окоемовъ съ удивленіемъ слушалъ эти простые слова, и ужасная тяжесть спадала у него съ души. Да, онъ выродившійся представитель стараго дворянскаго рода, а съ нимъ говорила женщина простого и великаго въ своей простотѣ народа. Какъ она была хороша сейчасъ именно этой строгой простотой, какъ хороши всѣ русскія женщины, въ которыхъ и покой, и любовь, и вѣра, и великая твердость характера. Именно такой была Настасья Яковлевна, и Окоемовъ почувствовалъ, что ему легко именно потому, что она сидитъ рядомъ съ нимъ. Ему сдѣлалось даже совѣстно за собственное малодушіе...

— Настенька, я больше не буду, — какъ-то по дѣтски оправдывался онъ, чувствуя себя виноватымъ. — Да, не буду... Ты должна меня презирать...

Вмѣсто отвѣта, она крѣпко его обняла и поцѣловала.

Нѣжности были не въ ея характерѣ, и въ этомъ движеніи было все. О, она одна знала, какъ онъ серьезно боленъ, и впередъ приготовлялась къ роковой мысли, что любимаго человѣка не станетъ—не станетъ для другихъ, а онъ всегда будетъ жить въ ея сердцѣ.

VIII.

Окоемовъ, дѣйствительно, успокоился, хотя и чувствовалъ все увеличивавшуюся съ каждымъ днемъ слабость. Онъ покорился своей участи... Тѣ немногіе часы, когда онъ могъ работать, были посвящены приведенію своихъ дѣлъ въ порядокъ,—это было все, что оставалось для него въ будущемъ. Всѣ деньги почти цѣликомъ находились въ разныхъ предпріятіяхъ, а налицо оставался довольно небольшой капиталъ, которымъ, все-таки, можно было обезпечить семью скромнымъ образомъ. Ни для себя, ни для дѣтей Окоемовъ и не желалъ роскоши или показного богатства. Все-таки, бѣдность всегда остается лучшимъ учителемъ...

Такъ время подвигалось къ Рождеству. Въ сильные холода онъ не выходилъ уже изъ дому, и всѣ сношенія съ вѣшнимъ міромъ ограничивались визитомъ молодого доктора, которому Окоемовъ сказалъ:

— Я понимаю свое безнадежное положеніе, но вы все-таки навѣщайте меня—это успокоиваетъ маму...

Докторъ былъ такой милый человѣкъ, вѣровавшій въ свою науку съ трогательной довѣрчивостью. Окоемовъ любилъ слушать его торопливыя, горячія рѣчи, когда дѣло заходило о какомъ-нибудь интересномъ случаѣ медицинской практики.

— Мнѣ остается только извиниться передъ вашей медициной,—шутилъ Окоемовъ,—я даже для нея сейчасъ не представляю никакого интереса... Самый обыкновенный случай, когда сердце подаетъ въ отставку.

Москва уже была засыпана снѣгомъ. Стояли морозы. Слышно было, какъ на улицѣ визжали полозья и хрустѣлъ снѣгъ подъ ногами пѣшеходовъ. Короткіе дни смѣнялись такими длинными вечерами. Въ окоемовскомъ домѣ вся семья по вечерамъ собиралась въ гостиной. Марѳа Семеновна сидѣла съ какимъ-то безконечнымъ вязаньемъ, Настасья Яковлевна занималась съ маленькимъ Васей, а Окоемовъ обычно

венно лежалъ на диванѣ, прикрывшись пледомъ. Было и тепло, и уютно, и хорошо, какъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ всѣ собираются по вечерамъ вмѣстѣ. Разъ, незадолго до Рождества, именно въ такой вечеръ, раздался неожиданный звонокъ.

— Это, вѣроятно, докторъ... — спокойно замѣтила Настасья Яковлевна, тревожно взглянувъ на мужа.

Въ передней послышался осторожный мужской голосъ, а затѣмъ въ гостиную вошелъ Сережа. Это было такъ неожиданно, что никто ничего не могъ сказать, и не смутилась только одна Настасья Яковлевна—она вызвала Сережу съ Урала телеграммой. Сережа молча разцѣловался со всѣми и сдѣлалъ видъ, что больной не произвелъ на него никакого впечатлѣнія.

— Какъ это ты, Сереженька, все вдругъ дѣлаешь, — журила обрадованная Марѳа Семеновна. — Точно съ печи упадешь...

— Да ужъ такъ вышло, бабушка... Я теперь человѣкъ семейный, а жена и потащила въ Москву.

— Гдѣ же она, княжна?

— А осталась у себя въ номерѣ... Съ дороги чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровой, и потомъ... гм... вообще.

Появленіе Сережи сразу оживило Овоемова. Да и Сережа привезъ такія радостныя вѣсти. Въ Красномъ Кусту все шло отлично и въ Салгѣ тоже. По примѣру ихъ маленькой колоніи образовалась въ сосѣдней Тобольской губерніи другая, потомъ говорили о третьей въ Уфимской губерніи—однимъ словомъ, дѣло понемногу развивалось. Серсжа рассказывалъ свои новости такимъ тономъ, точно все это были вещи самыя обыкновенныя.

— И ты не съѣздишь туда?—удивлялся Овоемовъ.

— Мнѣ-то было некогда, а Крестниковъ ѣздишь... Въ тобольской колоніи разница съ нашей въ томъ, что тамъ нѣтъ наемныхъ рабочихъ, а всѣ члены работаютъ сами. Нѣтъ членовъ пайщиковъ. Компанія арендовала землю у татаръ и работаетъ.

— Что же, отлично, — радовался Овоемовъ. — Такъ и должно быть...

— Потомъ я слышалъ, что такія же колоніи устраиваются въ Самарской губерніи и на Кавказѣ. Прислали къ

намъ за годовымъ отчетомъ... Кстати, я написалъ коротенькую исторію нашей компаніи и думаю ее здѣсь, въ Москвѣ, напечатать. Кто поинтересуется, можетъ получить печатный оттискъ... Вообще, у насъ миръ и покой, а въ Салгѣ и со-всѣмъ хорошо. Кстати, жена захватила съ собой Таню. Нужно дѣвочку учить, и она думаетъ устроить дѣвочку гдѣ-нибудь въ Москвѣ. Самъ Потемкинъ въ прежнемъ положеніи и вре-менемъ дичить...

Марѳа Семеновна слушала рассказы Сережи, смотрѣла на него и только качала головой. Вѣдь вотъ совсѣмъ другой человѣкъ сдѣлался, а какое чудо-то было... Не даромъ старыя люди сказали: женится—перемѣнится.

Таня была привезена въ Москву по желанію Настасьи Яковлевны, которая рѣшила, что все равно, воспитывать двоихъ дѣтей или троихъ. Сказалась раскольничья черта: по раскольничьимъ домамъ всегда воспитываются сироты. Да и Таня такая была умненькая. Еще въ Красномъ Кусту Настасья Яковлевна привязалась въ ней и выучила ее бойко читать по славянски. Таня будетъ хорошей подругой старшей дѣвочки.

— Ты это что, Сереженька, глазами-то шмыгаешь?—спрашивала Марѳа Семеновна.—Не успѣлъ пріѣхать и торопиться...

— Да я ничего, бабушка...

— Не отпирайся: по глазамъ вижу. Не бойсь, о женѣ соскучился?

— Нѣтъ, я ничего, а такъ... Осталась она одна и ждетъ меня. Просила поскорѣе возвращаться.

— Ничего, не помретъ...

Сережа - мужъ былъ дѣйствительно какъ - то угловато милъ. Его не стали задерживать. Въ передней Настасья Яковлевна взглядомъ спросила его, какъ онъ нашелъ больного, и Сережа только покачалъ головой.

— Я ко всему приготовилась...—шепнула Настасья Яковлевна, глотая слезы, — она такъ привыкла скрывать свое горе, а тутъ не выдержала. — До весны, можетъ быть, дотянетъ...

— Богъ милостивъ, Настасья Яковлевна... Можетъ быть, докторъ ошибается.

— Присылайте завтра княжну. Мы всѣ объ ней со-
скупчились... Я понимаю, почему она сегодня не пріѣхала
съ вами.

Сереза только молча поцѣловаль у нея руку.

Пріѣзду гостей Окоемовъ ужасно былъ радъ, особенно
когда на другой день пріѣхала княжна съ Таней. Онъ давно
не чувствовалъ себя такъ хорошо. И княжна была такая
милая, — замужество ее помолодило, какъ всѣхъ счастливыхъ
женщинъ. Даже въ движеніяхъ появилась какая-то особен-
ная мягкость. Всего смѣшнѣе было то, что княжна нахо-
дила своего здоровяка мужа больнымъ и даже хотѣла везти
къ какому-то знакомому доктору, чтобы посоветоваться.
Окоемовъ хохоталь надъ ней до слезъ, такъ что княжна
даже обидѣлась.

— Вы уже считаете меня совсѣмъ глупой, Василій Ти-
мофеичъ... — роптала она, не имѣя силъ удержать счастливую
улыбку. — Сергѣй Ипполитычъ, дѣйствительно, боленъ...

— Милая княжна, вы свонфузите только вашего доктора,
когда приведете къ нему такого здоровяка.

— Нѣтъ, я уже замѣтила, что онъ нездоровъ, особенно,
если ляжетъ спать не во время или не дѣлаетъ моціона...
Этимъ уже шутить нельзя.

— Ты его запугаешь, мать, въ конецъ... — замѣтила Марья
Семеновна съ авторитетомъ опытной женщины. — А оно, по-
жалуй, и лучше, когда построже.

У княжны были свои рассказы про колонію. Сереза
передаваль только внѣшнія дѣла, а княжна привезла цѣлый
ворохъ новостей изъ міра внутреннихъ отношеній. Ея планы
относительно женитьбы Потемкина рушились окончательно —
онъ былъ сильно ненадеженъ, а вотъ фельдшеръ Потаповъ,
пожалуй, женится на хохлушкѣ, если та пойдетъ. У нихъ
разыгрывается сейчасъ свой маленькій романъ, и къ веснѣ,
дасть Богъ, все кончится къ общему благополучію.

Здоровые люди увлекались своими здоровыми дѣлами и
на время забывали о больномъ. Окоемовъ слушалъ ихъ и
чувствовалъ себя гостемъ, который вотъ-вотъ уйдетъ. Обид-
ное и тяжелое чувство, но онъ былъ даже радъ, что хотъ
на короткое время не стѣсняетъ другихъ своимъ присут-
ствіемъ. Вотъ и теперь, говорятъ о людяхъ, которые гото-

вятся жить, думаютъ о будущемъ и счастливы уже этой возможностью. Вообще, большіе хитрили съ нимъ, отчасти обманывали себя, и вполнѣ искренней была только одна маленькая Таня. Дѣвочка долго и внимательно смотрѣла на больного, а потомъ откровенно спросила:

— Дядя Вася, а ты скоро умрешь?

Вопросъ былъ сдѣланъ открыто, при всѣхъ, и всѣ ужасно смутились. Не смутился одинъ Окоёмовъ. Онъ подозвалъ дѣвочку къ себѣ, обнялъ и проговорилъ отчетливо и спокойно:

— Нѣтъ, милочка, я совсѣмъ не умру... Я буду всегда съ вами. Возьми книгу—развѣ человекъ, который написалъ ее, умеръ? Онъ говоритъ съ тобой, онъ заставляетъ тебя плакать и смѣяться—значитъ, онъ живъ... Я очень много работалъ и очень много любилъ, и тоже не умру. Любовь не умираетъ... Будетъ только перемѣна именъ: вмѣсто Василія Тимофеича Окоёмова, будетъ работать и любить Василій Васильичъ Окоёмовъ. Онъ сейчасъ еще малъ и ничего не понимаетъ, а вырастетъ большой—и все пойметъ.

Маленькая Таня сдѣлалась какъ-то особенно близкой Окоёмову, и онъ съ удовольствіемъ проводилъ съ ней цѣлые часы въ откровенныхъ дѣтскихъ разговорахъ. У нихъ теперь было много общаго, а главное—полная искренность. Окоёмовъ внутренно подсчитывалъ себя и находилъ, что много совершенно лишней тяжести носилъ на себѣ, отъ которой такъ хорошо освободиться.

Разъ княжна засидѣлась въ кабинетѣ у Окоёмова,—ей тяжело было его оставить, хотя назначенный мужу часъ возвращенія и былъ просроченъ. По выраженію глазъ больного она чувствовала, что онъ желаетъ, чтобы она оставалась съ нимъ.

— Княжна, мнѣ хочется поговорить съ вами...—началъ онъ, съ трудомъ перемѣняя положеніе на подушкахъ.—Дѣло въ томъ, что я давно собираюсь поговорить съ женой откровенно, и никакъ не могу. Она слишкомъ близка мнѣ... Будетъ больно и ей, и мнѣ. Да... А мнѣ нужно сказать много, очень много.

Онъ съ трудомъ перевелъ духъ и посмотрѣлъ на княжну такими любящими глазами. Она умѣла слушать.

— Да, очень много, княжна... Зачѣмъ всѣ вы думаете о моей смерти? Я не умру, я буду жить съ вами въ тѣхъ стремленіяхъ и цѣляхъ, которыя соединяютъ людей въ одно цѣлое. Вотъ вы готовитесь быть матерью, а вашъ сынъ или дочь уже будутъ составлять частицу всѣхъ насъ, потому что прилѣпятся къ нашему общему дѣлу. Слушая дѣтскую болтовню Тани, я часто думаю о томъ, какъ она будетъ большой дѣвушкой, потомъ замужней женщиной, матерью и пойдетъ по нашей дорогѣ... Вотъ въ чемъ жизнь и смыслъ жизни, и вотъ почему отдѣльный человѣкъ не умираетъ, если онъ одушевленъ общей идеей и служитъ общей цѣли. Да и что значить каждый человѣкъ въ отдѣльности? Сегодня онъ есть, а завтра его не стало... Раньше я тосковалъ, что не увижу своихъ дѣтей большими и не буду имѣть возможности передать имъ то лучшее, для чего самъ жилъ. Да, обидно и грустно... Но сейчасъ думаю: передастъ имъ мать, передадите вы, передастъ маленькая Таня. Видите, я спокоенъ... Скажите и это моимъ дѣтямъ, когда они будутъ большими людьми.

Княжна не удержалась и расплакалась. Окоемовъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ лобъ.

— Милая вы, милая русская женщина... О, какъ я васъ всѣхъ люблю, и какое свѣтлое будущее вамъ предстоитъ... Не плачьте. Для слезъ будетъ свое время...

— Я уже не буду...—по дѣтски всхлипывала княжна, напрасно стараясь улыбнуться сквозь слезы.—Я уже такъ васъ люблю...

— Если любите, то не плачьте... И когда меня не будетъ, тоже не плачьте, а вспоминайте съ веселымъ лицомъ. Да...

Потомъ Окоемовъ закрылъ глаза и проговорилъ:

— А теперь я усталъ, милая княжна...

Княжна убѣжала въ дѣтскую и долго рыдала, уткнувшись головой въ подушки.

— За что, за что?—шептала она.—Вѣдь уже другіе живутъ... пьяницы, негодяи, несправедливые люди... зачѣмъ?

IX.

Свѣтлое настроеніе не оставляло Окомова. Посѣщавшій его докторъ могъ только удивляться. Такъ прошелъ декабрь и январь. У родныхъ и знакомыхъ явилась даже слабая надежда, что больной проживетъ зиму, а потомъ его можно будетъ увести куда-нибудь на благословенный югъ. Чего не бываетъ на свѣтѣ... Даже Настасья Яковлевна начинала вѣрить возможности выздоровленія, какъ и другіе, страстно желавшіе выздоровленія Окомова.

Сережа съ женой оставались въ Москвѣ, не рѣшались ѣхать на Уралъ. Имъ было больно оставить Окомова въ его настоящемъ положеніи. Сережа часто оставался ночевать въ окомовскомъ домѣ и возился съ больнымъ, какъ сидѣлка. Сколько въ немъ было терпѣнія и какой-то женской ласковости. Одно его присутствіе дѣйствовало на больного успокоительно, — вѣдь Сережа былъ такой здоровякъ и точно приносилъ вмѣстѣ съ собой струю здоровья. Потомъ въ немъ не было этой женской нервности, которая волновала Окомова. Старые друзья говорили больше о серьезныхъ дѣлахъ, и Окомовъ высказывалъ свои послѣдніе планы.

— Какой онъ хорошій... — думалъ больной каждый разъ, когда Сережа уходилъ отъ него.

Когда Окомову дѣлалось тяжело, онъ обыкновенно посылалъ за Таней и просилъ дѣвочку почитать библію. Ему нравилось, какъ дѣтскій голосъ, чистый, какъ серебро, отчетливо и ясно читалъ великія слова, нравилось наблюдать серьезное выраженіе этого чистаго дѣтскаго личика, — величайшая книга переливала свою святую любовь, святія страданія и святія надежды въ эту маленькую дѣтскую головку и наполняло невинное дѣтское сердце святыми предчувствіями. Окомовъ чувствовалъ, какъ онъ самъ дѣлается тоже маленькимъ, и его больное сердце крѣпнетъ и наполняется „мірови миромъ“. Да, нужно сдѣлаться ребенкомъ, чтобы подняться до высоты этой книги книгъ... И онъ шелъ по свѣтлой дорогѣ въ невѣдомую даль, оставляя земныя заботы, желанія и надежды.

— Таня, ты понимаешь, что читаешь? — спросилъ разъ Окомовъ, любуясь своей маленькой чтицей.

— Все понимаю, дядя Вася...

По цѣлымъ часамъ Окоемовъ лежалъ съ закрытыми глазами, и всѣ ходили на цыпочкахъ, думая, что онъ спитъ.

Но онъ не спалъ, — вѣрнѣе сказать, не могъ даже сказать, спитъ онъ, или нѣтъ. Это были грѣзы на яву... И въ этихъ грѣзахъ онъ никогда не былъ больнымъ, а, напротивъ, такимъ цвѣтущимъ, молодымъ, сильнымъ. Онъ еще разъ путешествовалъ, только теперь путешествовалъ по своей родинѣ. Вѣдь онъ чувствовалъ холодъ сѣверной зимы, изнывалъ въ песчаныхъ пустыняхъ средней Азии, карабкался на кручи Кавказа, плылъ по великой русской рѣкѣ Волгѣ, и опять работалъ, счастливый, сильный, любящій. Главное, любящій... Пробуждаясь отъ своего забытья, онъ долго не могъ очнуться и перейти къ грустному настоящему. Ему казалось даже страннымъ, что онъ боленъ, что съ трудомъ едва можетъ перейти съ дивана на кресло, и что ему даже тяжело думать о чемъ-нибудь, а тѣмъ больше рассказать кому-нибудь свои грѣзы. Невидимая рука точно отдѣляла его отъ міра живыхъ людей, и онъ смотрѣлъ на себя, какъ на чужого. да и пора отдохнуть... Покой—все. Только утихла бы ноющая, глухая боль въ сердцѣ, и можно было бы дышать свободно. Довольно мукъ, довольно...

Мартовское утро. Въ комнату заглядываютъ съ какой-то дѣтской радостью лучи ласковаго весенняго солнышка. Съ крышъ каплетъ вода, образуя ледяные бордюры изъ сталактитовъ. Въ воздухѣ несется желаніе жить... И въ окоёмовскій домъ заглянулъ такой весенній лучъ. Наканунѣ Окоемовъ почувствовалъ облегченіе и сообщилъ это женѣ. Никто не смѣлъ даже радоваться, хотя всѣ страстно мучались желаніемъ вѣрить.

— Мнѣ лучше... да... лучше... — повторялъ Окоемовъ, глядя на жену округлившимися отъ болѣзни глазами.

— Только, пожалуйста, не волнуйся... — уговаривала она. — Если бы ты теперь выспался хорошенько.

— О, я буду скоро здоровъ... Мы опять поѣдемъ туда, на милый сѣверъ... Сколько времени потеряно съ этой глупой болѣзнью.

— Да, да... Ѣдемъ, только поправляйся.

Всѣ боялись вѣрить, и вѣрили. Это была первая ночь, что всѣ заснули спокойно. Марѳа Семеновна, не допускавшая мысли, что ея Вася можетъ умереть, за послѣднее время замѣтно пріободрилась и даже заплакала отъ радости, что ея Васѣ наконецъ лучше.

Но Окоемовъ не заснулъ. Ему мѣшало какое-то странное головокруженіе и шумъ въ ушахъ. Онъ терпѣливо дождался утра, когда всѣ проснулись, и попросилъ сейчасъ же послать за Таней.

— Я соскучился... — серьезно объяснилъ онъ.

Настасья Яковлевна удивилась его спокойствію и послала за дѣвочкой. Таня сейчасъ же пріѣхала. Окоемовъ попросилъ посадить себя на диванъ въ подушкахъ, усадилъ дѣвочку рядомъ и попросилъ ее читать.

— А что мы сегодня будемъ читать? — спросила дѣвочка.

— Разверни книгу и читай, что раскроется.

Таня развернула библію на той страницѣ, гдѣ рассказывалась исторія Самсона. Дѣтскій голосъ зазвенѣлъ... Окоемовъ слушалъ, закрывъ глаза.

— ...и пришелъ Самсонъ въ станъ филистимскій...

— Таня, дай мнѣ свою руку...

Дѣвочка сама взяла исхудавшую руку Окоемова и продолжала читать исторію Самсона. Когда она кончила, Окоемовъ былъ уже мертвъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

К О Н Е Ц Ъ .

I. Идеальный учитель. — II. Новые лица, старые друзья.

Эдмонда де-Амичиса *).

Сельская управа (муниципалитетъ) мѣстечка Боссолано отвела вновь прибывшему учителю Ратти комнату въ томъ домѣ на площади, гдѣ жилъ уже учитель Делли съ семьей и органистъ, дававшій уроки музыки въ школь. Чувство изумленія охватило Ратти, когда онъ впервые увидѣлъ Делли, явившагося, въ день его прїѣзда, сдѣлать ему визитъ. Ему показалось, что онъ видитъ на яву тотъ, образъ, который часто вставалъ въ его воображеніи, когда, бывало, въ учительской семинаріи, профессоръ Мегара разсуждалъ о томъ, какъ при тѣхъ или иныхъ данныхъ долженъ былъ бы поступить образцовый педагогъ, и повторялъ излюбленный свой вопросъ: „Что сдѣлалъ бы въ такомъ случаѣ *нашъ учитель?*“ Этотъ его идеальный учитель удивительно походилъ на Делли, являвшаго собою одну изъ тѣхъ фигуръ, которыя кажутся воплощеніемъ своей профессіи. Человѣкъ лѣтъ сорока, сухощавый, съ строгимъ и спокойнымъ лицомъ, съ гладко расчесанными бакенбардами, по одеждѣ—не то мелкій чиновникъ, не то унтеръ-офицеръ въ отставкѣ, изумительно чистоплотный, онъ отличался во всякомъ своемъ движеніи живостью, соединенной со сдержанностью, напоминая этимъ военнаго инструктора, обучающаго рекрутъ. Ратти задалъ ему нѣсколько вопросовъ относительно школьнаго начальства, но Делли отвѣчалъ неопредѣленно, точно этотъ предметъ разговора очень мало его интересуеетъ. Зато онъ цѣлыхъ десять минутъ не умолкая говорилъ о новой школьной постройкѣ, возводив-

*) «Идеальный учитель» и «Новые лица, старые друзья»—двѣ главы известнаго романа де Амичиса «Romanzo d'un Maestro» въ которомъ авторъ описываетъ борьбу, всѣ лишенія и затрудненія, осаждающія сельскаго учителя, этого пионера цивилизаціи на его тернистомъ пути народнаго развитія. Дѣйствіе происходитъ въ Альпійскихъ селахъ, окружающихъ Туринъ.

шейся при въѣздѣ въ село, разбиралъ все касавшіяся подробности: планъ, доброкачественность строевого матеріала, уступку въ цѣнѣ, сдѣланную подрядчиномъ и доказывавшую его честность, словомъ, обсуждалъ все, будто рѣчь шла о его собственномъ домѣ. Затѣмъ, взглянувъ на часы, онъ лаконически простился и ушелъ солдатской походкой, оставивъ въ молодомъ учителѣ впечатлѣніе симпатіи, смѣшанной съ любопытствомъ, и нѣчто похожее на предчувствіе, что подъ этой жесткой оболочкой скрывается далеко не дюжинная личность, передъ которой ему когда-нибудь непременно придется превлониться.

Все кругомъ него единогласно говорили такъ много хорошаго о Делли, что Ратти, наконецъ, рѣшилъ во что бы то ни стало, хотя бы насильно, добиться болѣе тѣснаго знакомства съ нимъ, но Делли устранился отъ этого, повидимому, не столько изъ гордости, сколько изъ любви къ уединенію. Ратти еще болѣе утвердился въ своемъ рѣшеніи, слушая похвалы, которыя расточались учителю органистомъ, такъ какъ если уже органистъ хвалилъ кого-нибудь, то предметъ его похвалъ, во всякомъ случаѣ, не могъ походить на остальныхъ обывателей села. „Делли у насъ единственный истинный *galant'uomo*“, говорилъ органистъ. Одинъ лишь упрекъ дѣлалъ онъ ему—что онъ не увлекался, или, точнѣе, не интересовался излюбленной мечтой органиста относительно предстоявшаго „обновленія міра“. Чортъ возьми; кто больше народныхъ учителей долженъ былъ бы желать такого порядка вещей, при которомъ они бы все выиграли, такъ какъ несомнѣнно, что въ новомъ обществѣ первыя мѣста заняли бы тѣ, которые воспитываютъ умъ народа, т.-е. школьные учителя, и тѣ, которые воспитываютъ его сердце, т.-е. учителя музыки. „Никогда не перестанутъ учиться, какъ азбуку, такъ и музыку“,—говорилъ органистъ.

И такъ, Ратти все чаще и чаще началъ посѣщать Делли подъ предлогомъ узнать его мнѣніе по разнымъ школьнымъ вопросамъ. Это былъ единственный способъ провести нѣкоторое время въ его обществѣ; иначе, онъ послѣ первыхъ же словъ обыкновенно обрывалъ разговоръ. Ратти не нашелъ въ немъ выдающихся знаній, но зато нашелъ опредѣленные, точные взгляды, являющіеся, какъ ему казалось, итогами личныхъ его наблюдений, а не чтенія. Такъ, напр., Ратти былъ пораженъ слѣдующимъ его выводомъ. Убѣдившись, послѣ многолѣтняго опыта, что почти въ каждый классъ ежегодно поступаетъ отъ пяти до шести дурныхъ, испорченныхъ учениковъ,

которые почти всѣ грѣшатъ одними и тѣми же недостатками, и, если можно такъ выразиться, развращены одной и той же порчей—онъ теперь научился узнавать ихъ по внѣшности и по самымъ незначительнымъ, почти невольнымъ съ ихъ стороны, проявленіямъ ихъ характера въ первые же дни пребывания въ школѣ. И вотъ, онъ поставилъ себѣ за правило, тотчасъ же идти имъ на встрѣчу, не дожидаясь перваго ихъ проступка. Опытъ показалъ ему, что, увидѣвъ себя такимъ образомъ разгаданными и какъ бы обезоруженными еще до стычки, эти дѣти проникались такимъ уваженіемъ и такимъ страхомъ передъ ясновидѣніемъ учителя и его рѣшительностью, что даже самые отчаянные изъ нихъ нѣкоторое время вели себя смирно. Относительно классной дисциплины Делли раздѣлялъ взгляды школьнаго окружнаго инспектора въ Гораско: провинившихся онъ наказывалъ тотчасъ же, никого объ этомъ не предупреждая. Делли хотѣлъ, чтобы ученики его прониклись полнѣйшей увѣренностью въ томъ, что нѣкоторые проступки немедленно, неотвратимо, безъ малѣйшей возможности пощады, влекутъ за собой извѣстныя наказанія, подобно тому, какъ, напр., ударъ головой о стѣну влечетъ за собой ощущеніе боли. Что же касается того чувства, съ которымъ онъ, какъ человѣкъ добрый и отецъ семейства, долженъ былъ бороться, проявляя такую строгость, то, какъ онъ говорилъ, ему удавалось скрывать его, не дѣлая усилія надъ собой: онъ выказывалъ любовь всему классу вообще, но никому изъ учениковъ въ отдѣльности. По его мнѣнію, учитель долженъ быть чуждъ увлеченія, страсти, ему должно быть присуще нѣчто спокойное, невозмутимое, безличное, что давало бы понятія ученикамъ, какое различіе между школой и семьей, и между учителемъ и отцомъ; въ школѣ дѣти становятся уже гражданами и начинаютъ исполнять долгъ свой по отношенію къ государству, и поэтому тутъ они не имѣютъ уже права ждаты ни снисхожденія, ни ласки. По мнѣнію Делли, желаніе сдѣлать изъ школы вторую семью ошибочно, такъ какъ школа могла бы быть только недисциплинированной семьей, потому что учитель лишенъ средствъ, которыми владѣютъ родители для того, чтобы сдерживать злоупотребленія фамиллярностью. И потому у себя въ классѣ онъ требовалъ прежде всего полнѣйшей тишины, чтобы никогда не быть вынужденнымъ возвышать голоса—первое, самое обычное и величайшее проявленіе слабости со стороны учителей. Такимъ образомъ, его ученики, даже наименѣе послушные,

мало-по-малу привыкали входить въ классъ и выходить изъ него, какъ въ церковь, на цыпочкахъ. И такъ какъ отгнѣнокъ въ голосѣ регулировалъ у него порицаніе или похвалу, то ему достаточно было для этого слова, взгляда, движенія головы. Онъ держался того же метода и въ наставленіяхъ, излагая преподаваемыя имъ правила и обязанности тѣмъ проще и короче, чѣмъ онѣ сами по себѣ были выше и значительнѣе, не объясняя причину причинъ, какъ это, по словамъ его, дѣлается теперь, когда съ малыми ребятами обсуждаются чуть ли не самыя священные принципы. Юнымъ дѣтскимъ умамъ Делли старался внушить, что онъ убѣжденъ въ томъ, что дѣлаетъ такъ же твердо, какъ въ свѣтѣ солнечнаго дня, и что доискиваться причины нѣкоторыхъ нравственныхъ истинъ—святотатство. Сначала подобное веденіе школьнаго обученія представлялось Ратти черезчуръ холоднымъ и одностороннимъ, пристрастнымъ изъ черствости и сухости сердца. Поэтому онъ ставилъ выше Делли свою учительницу, учительницу Галли, на которую, какъ ему казалось, этотъ послѣдній очень походилъ другими сторонами характера. Но онъ перемѣнилъ мнѣніе, когда присмотрѣлся ближе къ ученикамъ своего товарища, замѣнивъ его какъ-то два раза въ его классѣ, и когда глубже проникъ въ его душу.

Это былъ странный человекъ, въ которомъ, каждый разъ, что онъ съ нимъ говорилъ, Ратти открывалъ новое, непредвидѣнное имъ качество. Делли читалъ мало, но непремѣнно выносилъ что-нибудь изъ самаго незначительнаго чтенія. Несмотря на разныя недочеты въ образованіи, въ сужденіяхъ его часто сказывалось столько глубокаго пониманія, что молодой учитель невольно задумывался, и въ выводахъ его, въ видѣ практическаго правила, находилъ точно сконцентрированными и слитыми воедино многія разрозненныя наблюденія, сдѣланныя имъ самимъ въ періодъ его девятилѣтняго школьнаго преподаванія, но которыя, однако, ему самому никогда не удалось согласить между собой и привести къ одному общему знаменателю. И, что было еще удивительнѣе—казалось, что всѣ способности Делли сосредоточены на одной цѣли—на преподаваніи. Каждая его мысль облекалась именно въ ту форму, которая могла быть воспринята дѣтскимъ умомъ. Каждое добытое имъ свѣдѣніе, разсужденіе, слышанное мимоходомъ, событіе, вычитанное изъ газетъ, какое-нибудь случайно подмѣченное явленіе природы—все это мгновенно схватывалось его умомъ, перерабо-

тывалось имъ и превращалось въ матеріаль для уроковъ. Глядя на него и слушая его, Ратти спрашивалъ себя—не рождаются ли въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые люди учителями, какъ, говорятъ, рождаются поэтами?

Делли былъ олицетвореніемъ учителя не только по своей внѣшности, но и по всѣмъ своимъ жестамъ и движеніямъ, по тому, какъ онъ бралъ въ руки книгу, складывалъ листъ бумаги, обмакивалъ перо въ чернила—все это, даже и внѣ школы, онъ дѣлалъ такъ образцово, будто имѣлъ намѣреніе обучить тому же другихъ. Познакомившись съ нимъ ближе, Ратти убѣдился, что его изумительное рвеніе не проистекаетъ (какъ у нѣкоторыхъ другихъ народныхъ учителей) изъ того высокаго понятія, которое они имѣли о своемъ значеніи апостоловъ цивилизаціи и обновителей человѣчества. Такихъ громкихъ словъ Делли никогда не произносилъ, и, казалось, даже и въ мысляхъ не переступалъ никогда узкаго круга, предназначаемаго ему взятыми на себя обязанностями и школьными программами. Двигало имъ ничто иное, какъ только страсть исполненія долга, желаніе увидѣть немедленные и скромные плоды своихъ трудовъ, живая любовь ко всѣмъ подробностямъ своей профессіи, къ трудовому дню, чистой совѣсти, къ порядку въ жизни и кругомъ себя, и нравственное удовлетвореніе въ томъ, что всѣ способности его примѣняются съ успѣхомъ въ дѣлѣ, въ которому влекутъ его природныя стремленія; въ работѣ среди того маленькаго интеллектуальнаго мірка, за предѣлы котораго даже въ юношескіе годы онъ, быть можетъ, ни разу не порывался, и гдѣ онъ чувствовалъ себя ежедневно ближе къ совершенству, и болѣе довольнымъ собой и другими.

Онъ никогда не касался въ своемъ разговорѣ даже общихъ интересовъ своего сословія, напр., скудности содержанія. Впрочемъ, судя по его спартанской бережливости и скромнымъ потребностямъ его семьи, становилось понятнымъ, что ему-то всегда хватало его скромнаго жалованья. Еще молодымъ человѣкомъ, онъ, повидимому, сумѣлъ даже отложить кой-какія крохи; страдая незначительнымъ заболеваніемъ (послѣдствіе сильнаго ушиба въ дѣтствѣ), онъ на собственные средства поѣхалъ въ Туринъ въ заведеніе для занимающихся доктора Шервена, и вылечился тамъ отъ своего недостатка. И позже, когда онъ однажды неожиданно получилъ пособіе, онъ купилъ на эти деньги стереоскопъ, который берегъ для употребленія въ школѣ. Въ на-

стоящее время онъ изъ остатковъ своего скуднаго жалованья и грошей, получаемыхъ за вечерніе классы и отъ дѣждотныхъ частныхъ уроковъ, находилъ еще возможность содержать на полномъ пансіонѣ у одной старой синьоры въ Туринѣ своего 17-лѣтняго сына, слушавшаго курсъ въ технологическомъ институтѣ. Этотъ юноша уже нѣсколько разъ озабочивалъ его своимъ, нѣсколько легкомысленнымъ, характеромъ. Дома у него былъ еще сынъ 8-ми лѣтъ, ученикъ его школы, и десятилѣтняя дочь, посѣщавшая школу для дѣвочекъ синьоры Мартиа. Оба они отличались такой же необыкновенной аккуратностью, были такіе же серьезные и сдержанные, какъ и отецъ ихъ, и по тому, какъ они держались въ его присутствіи, казались скорѣе его учениками, чѣмъ дѣтьми. Съ такимъ же уваженіемъ относилась къ нему и его жена, немногимъ моложе его, дочь секретаря сельской управы. Лицо ея носило выраженіе постоянной, нѣжной озабоченности, которая присуща матерямъ семействъ, заваленныхъ работой и тревогами и стремящихся всей душой не потерять даромъ ни одной минуты времени и не издержать ни одной лишней копейки. Въ маленькой квартирѣ изъ трехъ комнатъ и кухни, занимаемой семьей Делли надъ квартирой Ратти, никогда не раздавалось ни неожиданнаго шума, ни возгласовъ. Только въ извѣстное, определенное, время слышались тамъ звуки шаговъ и отодвигаемыхъ стульевъ, что указывало на точный порядокъ домашней жизни, въ которой время распредѣлялось такъ же правильно, какъ и въ классѣ. Ежедневно, при первомъ звонкѣ въ школъ, учитель и дѣти его уже сходили съ лѣстницы, и въ квартирѣ раздавались только бодрые шаги матери, которая по временамъ что-нибудь напѣвала.

Мало-по-малу Ратти сошелся ближе съ Делли и его семьей, особенно во время болѣзни своего коллеги, когда, по его желанію, онъ заходилъ къ нему ежедневно, чтобы сообщать свѣдѣнія о его ученикахъ. Первый разъ, когда Ратти перешелъ порогъ квартиры семьи Делли, онъ изумился чистотѣ, которую тамъ увидѣлъ, и болѣе всего спальни и мужа, и жены, гдѣ, не смотря на то, что мѣста было очень не много, учитель устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ кабинетива съ маленькимъ столикомъ и книжными полками, на которыхъ, въ большомъ порядкѣ, были расположены тетради и диктовки учениковъ, разные учебные протоколы и сборники пе-

дагогических журналовъ. Даже всѣ стѣны крохотной столовой были покрыты школьными предметами—старыми географическими картами, таблицами мнемонической системы, похвальными листами и т. д. Здѣсь висѣлъ также календарь текущаго года, и, между прочимъ, красовались въ рамкахъ рисункъ строящейся новой школы и портретъ Винченсіо Троя. Делли занимался даже въ постели, больной. Дѣти его входили къ нему въ комнату на цыпочкахъ, какъ въ классѣ, и, окончивъ уроки, помогали матери въ хозяйствѣ. Она же поспѣвала всюду, изображая собой одновременно сидѣлку, кухарку, горничную, прачку и репетитора. Выраженіе горя, которое Ратти прочелъ на лицахъ матери и двухъ дѣтей въ первые дни болѣзни Делли, пока еще не выяснилось, насколько опасно состояніе этого человѣка, трудъ котораго поддерживалъ существованіе семьи, и здоровье котораго было опорой для всѣхъ, произвело на него тяжелое впечатлѣніе. И, когда докторъ объявилъ, что нѣтъ опасности, и позже, когда Ратти увидѣлъ Делли снова на ногахъ, онъ почувствовалъ, что и съ его души скатилось тяжелое бремя.

Та небольшая услуга, которую молодому учителю удалось оказать своему коллегѣ, участіе, выказанное имъ его семьѣ въ дни его болѣзни, его наружность и милое обращеніе, привлекли къ нему живѣйшую симпатію матери и ея дѣтей, и заставили ихъ въ эти нѣсколько дней полюбить его, какъ стараго друга, которому можно все довѣрить. Одинъ только Делли, искренно поблагодаривъ его, не перемѣнилъ съ нимъ обращенія: какъ и раньше, онъ былъ съ нимъ вѣжливъ, безъ дружескихъ изліяній, и продолжалъ разговаривать лишь о школьныхъ вопросахъ, и то только тогда, когда эти вопросы ему предлагались.

Не успѣлъ отецъ подняться съ постели, какъ у маленькаго его сына обнаружилась скарлатина, и болѣзнь внезапно приняла тяжелый оборотъ. Ратти снова представился случай удивляться этой семьѣ, гдѣ всѣ были всегда готовы твердо выносить опасность и горе, безъ тщетныхъ жалобъ и другихъ признаковъ слабости. Въ такихъ случаяхъ, всѣ они удваивали свою заботливость и энергію, всѣ, какъ колеса машины, дѣйствовали дружно и согласно, и въ этомъ небогатомъ домѣ всегда оказывались на лицо сотни бездѣлицъ, необходимыхъ въ болѣзни, которыя такъ часто отсутствуютъ даже въ барскихъ хоромахъ, гдѣ деньги текутъ въ изобиліи, но не хватаетъ предусмотрительности. Делли продолжалъ занимать-

ся въ школъ во время болѣзни сына. По вечерамъ — такъ какъ больной ребенокъ желалъ видѣть его подлѣ себя — онъ, сидя у его постели, поправлялъ карандашомъ тетради учениковъ. Какое трогательное зрѣлище представлялъ бѣдный малютка, который, даже въ пылу томившей его лихорадки, казался особенно счастливъ этими необычными проявленіями нѣжности со стороны своего, обыкновенно, столь сдержаннаго отца! Съ какою заботливостью спрашивалъ онъ его, какой урокъ заданъ сегодня ученикамъ, что онъ намѣренъ объяснять имъ завтра, не случилось ли чего новаго въ классѣ? Отецъ дѣлалъ ему знакъ рукой, чтобы онъ пересталъ говорить, и онъ повиновался немедленно, какъ въ школъ. Въ одинъ день лихорадка мальчика дошла до высшей точки, всѣ были объаты страхомъ, никто не ложился спать. Делли проработалъ до разсвѣта въ столовой, ежеминутно вставая, чтобы идти къ звавшему его больному. Но кризисъ прошелъ благополучно. И тутъ Делли не выразилъ своей радости словами — только лицо его, на которомъ уже нѣсколько дней какъ будто лежала густая тѣнь, немного просвѣтлѣло. Но Ратти понималъ, что, какъ онъ, такъ и жена его имѣли, повидимому, кромѣ болѣзни ребенка, еще другое затаенное горе, иначе, какъ ему казалось, по крайней мѣрѣ, мать выказала бы большую радость по случаю выздоровленія ребенка. Онъ часто устремлялъ на нее свой взглядъ, и она это замѣтила. Какъ-то разъ утромъ она, наконецъ, открыла ему свою душу. Послѣднія извѣстія, полученныя о Норбертѣ — старшемъ сынѣ, учившемся въ технологическомъ институтѣ — были нехороши. Онъ послѣднее время занимался плохо, и отмѣтки его становились все хуже и хуже. Письма его сдѣлались короткими, сбивчивыми, неискренними, точно написанными по обязанности, безъ истиннаго чувства. Мать не могла понять, въ чемъ дѣло. Норбертъ былъ живой мальчикъ, правда, немного падкій на развлеченія и, пожалуй, даже легкомысленный. Но онъ никогда не сдѣлалъ ни одного дурного поступка, онъ всегда учился хорошо и, повидимому, понималъ обязанности, налагаемыя на него жертвами, которыя отецъ приносилъ для него. Сохрани Богъ, если этотъ юноша, на котораго отецъ возлагалъ столько надеждъ, свернулъ съ хорошаго пути! Делли самъ училъ и воспитывалъ его, въ теченіе цѣлыхъ годовъ посвящалъ ему все время, остававшееся у него свободнымъ послѣ занятій въ школъ, доходя до того, что собственноручно писалъ для него сочиненія по разнымъ предметамъ, изготовлялъ тетради

съ разными таблицами и извлеченіями, чтобы облегчить ему ученіе. И помимо всего этого, какой примѣръ подавалъ онъ ему самъ! Ужъ если юноша, воспитанный такимъ отцомъ, не окажется хорошимъ, то можно было бы отчаяваться въ дѣлѣ воспитанія вообще. Боже великій, сегодня уже цѣлыхъ десять дней, какъ онъ не отвѣчаетъ ни слова на письмо отца, требовавшее немедленнаго отвѣта! Ратти старался успокоить сеньору Делли обычными въ такихъ случаяхъ доводами, но она оставалась при своемъ. „Что дѣлать,—повторяла она,—у меня дурное предчувствіе“.

Два дня спустя послѣ этого разговора, въ четвергъ утромъ, маленькая дочь Делли прибѣжала съ испуганнымъ лицомъ къ Ратти, прося его немедленно подняться наверхъ къ матери. Въ одинъ мигъ очутился онъ въ квартирѣ учителя и засталъ сеньору Делли въ столовой, сидящую у стола съ письмомъ въ рукахъ и горько плачущую. Делли не было дома, мальчикъ еще лежалъ въ постели, дочь немедленно удалилась по знаку матери; сеньора Делли поспѣшно закрыла за нею дверь и обернулась къ молодому учителю съ такими горькими рыданіями, что, казалось, у нея разорвется грудь. Ратти не успѣлъ выговорить вопроса, какъ она уже сунула ему въ руки письмо, говоря: „Вы для насъ точно родной, я довѣряю вамъ, прочтите, посоветуйте мнѣ, я схожу съ ума!“— Письмо было заказное, адресовано на имя сеньоры Делли и написано ея знакомой, нѣмой Бейссонъ, квартирной хозяйкой Норберта. Послѣ длиннаго предисловія, полнаго сожалѣнія и утѣшенія, въ письмѣ этомъ излагалось, какъ у Бейссонъ *не оказалось* 250 лиръ, какъ она только два дня передъ тѣмъ замѣтила это, какъ, нѣсколько часовъ спустя, она открыла, что деньги,—само собой съ намѣреніемъ вернуть ихъ,—были истрачены Норбертомъ, попавшимъ незадолго передъ тѣмъ въ общество дурныхъ товарищей, — какъ самъ Норбертъ, съ искренностью, дѣлавшей ему честь, сознался ей въ своей *неосторожности* и выказалъ глубокое раскаяніе и сожалѣніе. Собственно говоря, она предпочла бы скрыть случившееся и отъ родителей, также какъ скрыла отъ всѣхъ остальныхъ, въ чемъ клялась честнѣйшимъ своимъ словомъ,—но такъ какъ взятая сумма издержана, а деньги ей необходимы, то она поставлена въ тяжелую необходимость просить о возвратѣ ихъ, увѣренная, что просьба ея будетъ, по возможности, исполнена. Кончая письмо, сеньора Бейссонъ говорила, что осто-

рожность побудила ее написать матери, въ случаѣ, еслибъ послѣдняя сочла нужнымъ скрыть случившееся отъ отца, но что, во всякомъ случаѣ, она просила бы ихъ обоихъ не принимать всего этого слишкомъ къ сердцу, — рѣчь идетъ вѣдь только о юношескомъ легкомысліи, не имѣющемъ важнаго значенія и которое притомъ останется между ними и никому не будетъ извѣстно. Прочитавъ письмо, Ратти содрогнулся взѣмъ сердцемъ при мысли о Делли, и его явное смущеніе только еще усилило отчаяніе матери. „Прочли? — крикнула она, выхвативъ письмо у него изъ рукъ. — Господи, Господи! И такой-то ужасъ долженъ былъ случиться съ нами! Возможно ли это, подумайте только! Мой Норбертъ, мой сынъ! Если мой мужъ узнаетъ это! Что дѣлать! Какое счастье, что его не было дома, когда пришло письмо! Говорите же, совѣтуйте, что мнѣ дѣлать, сеньоръ Ратти! Я теряю голову! Мнѣ все еще не вѣрится, что это можетъ быть правдой! Гдѣ мнѣ достать 250 лиръ! Для насъ это полное разореніе! А деньги нужны немедленно! Мы обезчещены... О Боже! Боже милостивый, сжапись надъ нами!..

— Прежде всего необходимо, чтобы вашъ мужъ ничего не узналъ, — рѣшительно произнесъ Ратти. — Спрячьте письмо. Постарайтесь успокоиться. Деньги я достану. Все будетъ поправлено. Но самое важное, чтобы сеньоръ Делли ничего не узналъ.

— Вы нашъ спаситель, — рыдала сеньора Делли. — Что же мнѣ дѣлать, скажите?

— Когда вернется вашъ мужъ?

— Не знаю, — отвѣтила она грустно. — Онъ не сказалъ мнѣ, куда ушелъ, онъ можетъ быть дома съ минуты на минуту.

Она бросилась къ окну посмотреть, не идетъ ли онъ, но, сдѣлавъ два, три шага, ноги ея точно приросли къ землѣ, потому что она услышала, что ключъ повернулся въ двери. Делли вошелъ, поздоровался съ Ратти, отдалъ шляпу женѣ, и направился въ комнату къ сыну. Остальные двое послѣдовали за нимъ, обмѣнявшись взглядомъ. Но Ратти вздрогнулъ, увидѣвъ, на сколько измѣнилось лицо бѣдной матери. Делли подошелъ къ постели больного и положилъ руку на голову сына, который ему улыбнулся, потомъ онъ посмотрѣлъ на жену.

— Ты плакала? — сказалъ онъ. — Что съ тобой?

Жена указала дрожащей рукой на сына и отвѣтила:

— Причина ясна. Я все боюсь ухудшенія.
 — Это не то,—сказалъ мужъ.
 — Такъ что же еще?—отвѣтила она.
 — Почему, — спросилъ мужъ, — ты не говоришь мнѣ правды?—И взглядъ его, устремленный на нее, былъ такъ глубокъ и пронизателенъ, что она потеряла голову и быстро проговорила:—Вотъ въ чемъ дѣло, Норбертъ проигрался въ карты...

Делли съ минуту помолчалъ и взглянулъ на молодого учителя, который съ тревогой думалъ о томъ, какъ бы, по крайней мѣрѣ, отвратить полное признаніе. Потомъ Делли спокойно спросилъ жену:

— Кто написалъ тебѣ объ этомъ?
 — Сеньора Бейссонъ,—отвѣтила жена.
 — Зачѣмъ ты скрываешь отъ меня письмо?

Бѣдная мать, державшая письмо, скомканное въ рулѣ, еле произнесла:

— Чтобы не огорчить тебя. Я уже отослала отвѣтъ. Я не хотѣла ничего говорить тебѣ. Какая была бы въ томъ польза? Всего было четыре строки. Я сожгла письмо... увѣрю тебя.

— Дай мнѣ письмо;—произнесъ мужъ, протягивая руку. Жена колебалась одно мгновеніе, и затѣмъ прошептала голосомъ умирающей:

— Онъ сдѣлалъ нѣчто худшее.

Послѣдовала минута ужаснаго молчанія.

Затѣмъ въ комнатѣ прозвучалъ такой голосъ, котораго она никогда въ жизни не слышала, и который пронзилъ ей сердце смертельнымъ холодомъ:

— Онъ увралъ?

Мать разрыдалась, закрывъ лицо руками. Ратти винулся къ своему коллегѣ, и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не увралъ... это легкомысліе, не мучь себя.

Но письмо было уже въ дрожащихъ рукахъ учителя, который читалъ его съ выраженіемъ глубокаго вниманія, постепенно мѣняясь въ лицѣ, какъ человѣкъ, который, не будучи въ состояніи ни вкрянуть, ни двинуться съ мѣста, видѣлъ бы, что сынъ его приложилъ револьверъ къ виску и медленно надавливаетъ курокъ... Когда Делли кончилъ письмо, онъ поднялъ глаза на жену, а она бросилась ему на шею и горько заплакала у него на груди.

Мужъ нѣжно высвободился изъ ея объятій и стоялъ задумавшись. Выраженіе безконечнаго утомленія разлилось по его лицу, какъ будто онъ въ эти нѣсколько минутъ состарился на двадцать лѣтъ. Вдругъ онъ выговорилъ:

— Сейчасъ ѣду въ Туринъ.

Жена спросила его робкимъ голосомъ, не смѣя взглянуть на него:

— А деньги?

Делли не отвѣтилъ. Ратти поспѣшилъ сказать:

— Это мое дѣло.

— Не надо, — твердо произнесъ учитель. — Скоро я попрошу тебя о другомъ. Благодарю, Ратти. — И, приложивъ палецъ къ губамъ, показалъ ему знакомъ, чтобы онъ никому не проговаривался.

Но Ратти бросился изъ комнаты, рѣшивъ во что бы то ни стало достать деньги. Лично у него было всего сто франковъ, отложенные для путешествія въ Туринъ. У него мелькнула мысль обратиться къ учителю геометріи и попросить 150 франковъ, какъ бы для себя лично. Но онъ не успѣлъ еще спуститься съ первой ступени лѣстницы, какъ уже придумалъ другую комбинацію и постучался въ дверь органиста.

Дверь отворилъ самъ хозяинъ, бритое лицо котораго носило, противъ обыкновенія, серьезное выраженіе. Онъ сказалъ вполголоса:

— Войди, Норбертъ здѣсь.

Молодой учитель подумалъ, что ослышался, до такой степени это извѣстіе показалось ему неожиданнымъ.

— Онъ здѣсь, — повторилъ органистъ шепотомъ, вводя Ратти въ свой кабинетъ и указывая на смежную комнату. — Мнѣ все извѣстно, — онъ во всемъ признался мнѣ. Пѣшкомъ пришелъ онъ сюда изъ Турина, имѣя въ виду предупредить письмо г-жи Бейссонъ и броситься въ ноги отцу. Но почти у дверей его квартиры, его охватилъ такой ужасъ, что онъ бросился сюда ко мнѣ, умоляя меня скрыть его. Я пожалѣлъ и принялъ его — хотя потомъ былъ готовъ выгнать, но, понимаешь... долгъ гостепріимства священень.

Ратти сообщилъ, что отцу все извѣстно.

Органистъ такъ и думалъ, услыхавъ наверху плачь сеньоры Делли. Эти слова онъ проговорилъ, стоя прямо передъ роялемъ, почесывая себѣ голову и устремивъ взглядъ въ потолокъ, потомъ добавилъ:

— И нужно же было такой вещи случиться съ такимъ человѣкомъ, какъ Делли. Гдѣ же послѣ того справедливость на землѣ? — Подумайте, можетъ ли общество, устроенное такимъ образомъ, долго еще просуществовать? — И органистъ сталъ объяснять причину „неосторожности“ Норберта. Тутъ замѣшана не какая-либо женщина, а женщины вообще. Юноша, полный жизни и силъ, прожившій до 17 лѣтъ такъ, какъ слѣдуетъ жить, набросился на запретный плодъ, какъ проголодавшійся дикарь и потерялъ голову... Но такъ какъ развлечения обходятся дорого, а у него ничего не было... Э, да какой же онъ негодяй! — воскликнулъ органистъ, потрясая въ воздухъ кулаками. — Съ такимъ отцомъ какъ у него, развѣ можно играть такія шутки? — нѣтъ... Общественная ливадація... все это прекрасно... Но, чертъ возьми, нужно же прежде всего понимать другъ друга!

Ратти перебилъ его, сказавъ, что пришелъ къ нему съ просьбой.

— Вотъ деньги, — отвѣтилъ органистъ, не оборачиваясь и вытаскивая ихъ изъ кармана.

Ратти поцѣловалъ его въ щеку.

Органистъ вытеръ щеку рукой и сказалъ:

— Не за что. Для меня дать деньги Делли все равно, что дать ихъ въ государственный банкъ. — И онъ показалъ знакомъ, чтобы Ратти уносилъ ихъ скорѣй.

Молодой учитель поднялся бѣгомъ по лѣстницѣ, вошелъ, едва переводя духъ, въ квартиру Делли, и засталъ мужа и жену въ первой комнатѣ. Тутъ, задыхаясь отъ волненія, онъ положилъ, не говоря ни слова, деньги на столъ.

Делли не взялъ ихъ.

— Благодарю, Ратти, — сказалъ онъ спокойно, — я никогда этого не забуду тебѣ. Но мнѣ не нужно. — И онъ указалъ ему на небольшой свертокъ перевязанныхъ красной тесьмой бумажекъ — плодъ сколькихъ лишений, какого труда и утомленія, про это онъ одинъ зналъ. — Попрошу тебя лучше, — добавилъ онъ, — сходи къ старшинѣ и объяви ему о моемъ отъѣздѣ, сказавъ, что я вернусь завтра.

Ратти тотчасъ же вышелъ, рѣшивъ, однако, покончить всю исторію, устроивъ свиданіе сына съ отцомъ и уговоривъ его уѣхать вмѣстѣ съ Норбертомъ въ Туринъ. Войдя къ органисту, онъ вернулъ ему деньги и сообщилъ о своемъ планѣ.

Органистъ направился въ сосѣдную комнату и вышелъ отсюда съ симпатичнымъ на видъ юношей, очень похожимъ на мать, съ блѣднымъ и разстроеннымъ лицомъ и заплаканными глазами. Минуту спустя послышались шаги Делли, сходявшаго съ лѣстницы.

— Крѣпись, — шепнулъ органистъ юношѣ, толкая его къ дверямъ, — и пусть меня повѣстятъ, если я другой разъ вмѣшаюсь въ такую исторію.

Всѣ втроемъ вышли: Делли стоялъ нѣсколькими ступенями выше, на площадкѣ лѣстницы, съ саквожемъ въ рукѣ: сынъ бросился къ нему, упалъ, какъ подкошенный, ему въ ноги, и обхватилъ ихъ, тяжело дыша, не говоря ни слова. Отецъ поблѣднѣлъ и сдѣлалъ инстинктивный жестъ, отстраняя его отъ себя, но затѣмъ взглянулъ на него съ выраженіемъ безконечной грусти и сказалъ:

— Пойди, къ своей матери.

Норбертъ кинулся къ ней и вскорѣ на лѣстницѣ послышался пронзительный крикъ — это былъ крикъ жалости и прощенья. Нѣсколько мгновений спустя Норбертъ сошелъ съ лѣстницы и исчезъ слѣдомъ за отцомъ.

Вечеромъ на другой день Делли вернулся изъ Турина. Ратти пришелъ его провѣдать, но онъ не проронилъ ни слова ни о сынѣ, ни о своемъ путешествіи. Мать съ своей стороны даже не упоминала ни о чемъ, разговоръ шелъ совсѣмъ о другомъ, и видъ учителя и его жены былъ, хотя и печальный, но твердый, какъ будто ничего не случилось.

Въ слѣдующіе дни и вообще никогда болѣе Делли не говорилъ ни слова о случившемся и ни разу не вспоминалъ о сынѣ; онъ сталъ еще молчаливѣе, лицо его приняло еще болѣе отпечатокъ рѣшительности, и казалось, онъ еще болѣе прежняго, всецѣло, сосредоточился на школѣ. Чтобы поправить свои дѣла, онъ долженъ былъ браться за всякій представлявшійся ему заработокъ: давать уроки крестьянамъ, жившимъ за версту отъ села, служащимъ, желавшимъ открыть лавочку, и учить полу-кретина, сына мясника, котораго Ратти отказался принять въ свой классъ. И съ этихъ поръ Делли не имѣлъ и четверти часа отдыха во весь день; онъ отказался даже отъ ежедневной прогулки къ мѣсту новой школьной постройки и на ходу, идя по улицѣ, исправлялъ карандашомъ письменныя работы своихъ учениковъ. Одновременно съ этимъ, онъ удвоилъ также за-

ботливость въ подготовкѣ къ своимъ урокамъ въ школѣ, и въ выборѣ темъ; онъ, по обыкновенію, ежедневно тщательно записывалъ каждую свою или чужую мысль, слышанную или прочитанную имъ, которая могла бы пригодиться ему въ преподаваніи. Жена Делли задумывалась надъ этой усиленной его дѣятельностью, почти совсѣмъ отнимавшей его теперь отъ семьи и въ огорченіи обратилась однажды къ Ратти:

— Ахъ,—сказала она,—онъ уже теперь не тотъ, не тотъ.

Ратти старался утѣшить ее, говоря, что это, напротивъ, хорошій знакъ, и то, что онъ такъ весь сосредоточился на школѣ и на работѣ, только доказываетъ, что онъ начинаетъ забывать о случившемся. Но она отвѣтила, качая головой:

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не забылъ.

Однако, съ виду можно было бы это подумать. Въ краткихъ разговорахъ своихъ съ Ратти, Делли разсуждалъ о школьныхъ вопросахъ съ такою ясностью и шириной мысли, съ такимъ богатствомъ новыхъ выводовъ и взглядовъ, что молодой учитель былъ просто пораженъ проявленіемъ этихъ, дотогѣ еще невѣдомыхъ ему, способностей своего коллеги. Иногда Делли пускался, чего раньше не дѣлалъ, въ удивительныя сравненія ума и характера нѣкоторыхъ учениковъ, которыхъ онъ видѣлъ послѣ долгихъ промежутковъ времени; онъ объяснялъ, какъ ему удалось отгадать и дать толчокъ нѣкоторымъ запоздалымъ или скрытымъ ихъ способностямъ, какъ онъ исправлялъ нѣкоторые нравственные недостатки, какъ пробуждалъ дремавшую силу воли—все это благодаря выработаннымъ имъ приемамъ, благодаря продолжительнымъ и терпѣливымъ усиліямъ, искуснымъ, тонкимъ, долго обдуманымъ способамъ, которые онъ и излагалъ Ратти и которые вызывали у молодого учителя возгласы удивленія и восторга. Послѣ того Делли снова замыкался въ себѣ и не разговаривалъ уже цѣлыми днями. Ратти восхищался имъ и былъ ему глубоко благодаренъ за то, что въ его глазахъ Делли облагораживалъ ихъ профессію, онъ считалъ его славою своего сословія, тѣмъ учителемъ, къ которому онъ всегда могъ обратиться мысленно, котораго онъ всегда въ сердцѣ своемъ могъ противопоставить пренебрежительному отзыву столькихъ людей о всѣхъ 50.000 его коллегахъ. Вспоминая о Делли, онъ былъ вправѣ сказать этимъ лицамъ, презрительно относящимся къ народнымъ учителямъ:

— Среди насъ есть люди, передъ которыми вамъ бы слѣдовало преклониться.

И тѣмъ болѣе достойнымъ удивленія казался ему Делли, когда онъ думалъ, что положеніе его никогда не улучшится, что многіе школьные инспектора не отличать его отъ тысячи другихъ учителей, что онъ, какъ рабочій въ рудникахъ, умирать въ неизвѣстности, не приобрѣтя за 40 лѣтъ святого труда даже столько, сколько приобрѣтаетъ теноръ въ одну недѣлю!..

II. Новыя лица и старые друзья.

Удачно сдавъ конкурсный экзаменъ на городского учителя въ Туринѣ, Ратти отправился на побывку въ свой родной городъ ***, гдѣ его друзья—семья Голи—приняли его съ распростертыми объятіями. Отъ души радовались они счастливому исходу его экзаменовъ, которыми заканчивался самый тяжелый и безпокойный періодъ подготовки къ избранному имъ поприщу народнаго учителя. И самому ему казалось, что, послѣ долгаго десятилѣтняго скитанія, онъ, наконецъ, добрался до гавани, хотя и потерпѣлъ тутъ и тамъ крушенія, растерялъ на пути не мало иллюзій и чувствовалъ то желаніе спокойствія, которое есть уже первый признакъ исчезающей юности. Но онъ былъ доволенъ тѣмъ, что много пережилъ, снова всталъ на трудовой путь и въ прошлыхъ испытаніяхъ почерпнулъ свѣжія силы для ожидавшихъ его, новыхъ, неудачъ. Одно только сомнѣніе безпокоило его—вдругъ городская управа Турина, по недостатку вакансій, не дастъ ему шеюлы въ текущемъ году? Но однажды утромъ ему прислали бумагу о назначеніи его въ Лученто — одно изъ предмѣстій Турина, — съ жалованьемъ въ тысячу лиръ (франковъ)—самое большое вознагражденіе, когда-либо полученное имъ въ жизни. Послѣ этого ему ничего болѣе не оставалось желать — онъ былъ вполне доволенъ. Но его карьера сельскаго народнаго учителя завершилась необычайнымъ для его родного города событіемъ — педагогическимъ съѣздомъ, созданнымъ сюда главнымъ туринскимъ инспекторомъ по учебнымъ дѣламъ, — съѣздомъ, на который съѣхались учителя со всего Пьемонта, привлеченные отчасти и 25 - ю франками, которые выдавались каждому явившемуся. Съѣздъ долженъ былъ продолжаться семь дней. Городская управа отвела для засѣданій съѣзда зданіе старой церкви и приготовила для желающихъ въ большомъ количествѣ и помѣщенія. Ожидаемый съѣздъ представлялся Ратти чѣмъ-то въ родѣ

торжественнаго и оригинальнаго педагогическаго празднества, на которомъ онъ навѣрное свидѣтся съ нѣкоторыми своими бывшими коллегами—сельскими учителями. И эта мысль его радовала...

На съѣздъ записалось около тысячи человекъ, которые и стали съѣзжаться въ назначенному дню; каждый поѣздъ привозилъ болѣе 50 человекъ, а въ послѣдній вечеръ изъ одного только Турина пріѣхало болѣе 200 учителей. Такъ какъ, едва сойдя съ поѣзда, вновь прибывшіе отправились бродить по городу, то казалось, будто городское населеніе удвоилось въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Никогда еще здѣсь не видѣли такой многолюдной, разнообразной и странной на видъ толпы. На ряду съ учителями франтами попадались учителя одѣтые небрежно и на деревенскій ладъ, съ черными галстуками изъ грубой шерстяной матеріи и широкими воротничками изъ какого-то твердаго и дешеваго полотна. Рядомъ съ учительской аристократіей первыхъ женскихъ учебныхъ заведеній Турина попадались неуевлюжія, одѣтыя въ тиеовыя платья, сельскія учительницы, которымъ, для полноты картины, недоставало только корзины съ провизіей на рукѣ. Среди этой разношерстной толпы видѣлись священники всѣхъ возрастовъ, въ подрясникахъ всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная отъ блестяще-чернаго и до ярво-зеленаго; нѣкоторые изъ нихъ были въ сафьянныхъ штиблетахъ, съ надушенными, бѣлыми батистовыми платочками; другіе — въ рваныхъ, порыжѣвшихъ сапогахъ, и съ громадными синими носовыми платками. Даже въ средѣ городскихъ учительницъ можно было видѣть большое разнообразіе: тутъ были барышни съ перчатками до локтей, но въ платьяхъ по 10 к. аршинъ; встрѣчались и учительницы въ дѣйствительно роскошныхъ нарядахъ, на которые пошло трехмѣсячное ихъ жалованье; мелькали фигуры, напоминающія автрисъ, портнихъ, пансіонерокъ, работницъ, эмансипированныхъ барынь и старыхъ методистокъ. И среди мужчинъ можно было отмѣтить не менѣе разнообразную градацію типовъ, начиная съ учителя профессора, украшеннаго орденами, автора премированныхъ и пользовавшихся извѣстностью книгъ, и кончая типомъ старой водовозной влячи, — учителей, не берущихъ уже почти 20 лѣтъ въ рукъ книги, храпящихъ въ шволѣ за уроками, и разыгрывающихъ изъ себя Марата въ пивной. Казалось, весь городъ превратился въ обширную учительскую семинарію въ часы рекреаціоннаго отдыха. Всѣ улицы были

запружены толпой. Учителя и учительницы изъ одного города или уѣзда собирались группами по 8—12 человекъ, или же соединялись большими ватагами, заполнявшими собою всю улицу. И коренные городскіе жители тоже высыпали на улицу изъ любопытства, забавляясь пестрой толпой наѣхавшихъ къ нимъ гостей, и присматриваясь къ этимъ представителямъ литературы и педагогич., къ молодымъ людямъ, полнымъ жизни и надеждъ, и къ измученнымъ нуждою старымъ учителямъ.

Однимъ изъ первыхъ среди любопытныхъ очутился на улицахъ Ратти, нетерпѣливо желавшій встрѣтить друзей. И вотъ онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ донъ-Лерсе изъ Гараско, который стоялъ одинъ, съ пробивавшейся у висковъ сѣдиной и нѣсколько сгорбленный, но съ прежнимъ величественнымъ и торжественнымъ видомъ возвышеннаго мыслителя. Ратти невольно разсмѣялся, вспомнивъ, какъ онъ раньше благоговѣлъ передъ нимъ, особенно когда тотъ искалъ единенія, чтобы—какъ предполагалъ Ратти—работать надъ своимъ большимъ сочиненіемъ: „Школа и религія“, о которомъ онъ такъ часто упоминалъ, а въ сущности же для того, чтобы тайкомъ наслаждаться романами Габоріо. Ратти только что хотѣлъ спросить его, на какомъ томѣ... Габоріо онъ остановился, но донъ-Лерсе подошелъ къ нему съ такимъ величественнымъ видомъ добродѣтельнаго служителя церкви, лишь на мгновеніе отвлеченнаго отъ своихъ возвышенныхъ мыслей, что вопросъ такъ и замеръ на устахъ у Ратти. Послѣ двухъ, трехъ словъ пріивѣтствія молодой учитель распростился съ донъ-Лерсе, чтобы разыскать другихъ знакомыхъ. Однако, увеличившіяся сумерки лишили его этой возможности. Въ темнотѣ онъ могъ различить лишь фигуры нѣсколькихъ учителей и учительницъ, которые, повидимому, ожидали, когда пробьетъ часъ, назначенный для ночлега въ приготовленныхъ имъ городской управой даровыхъ помѣщеніяхъ. Они стояли, прислонившись къ колоннамъ портиковъ и угловъ улицъ, бѣдно одѣтые, съ удивленными или утомленными лицами, и казалось, пристыженные тѣмъ, что ихъ собралось такъ много, и смущенные тѣмъ, что они очутились внѣ своихъ жилищъ, словно эмигранты, столпившіеся въ гавани. И Ратти почему-то тоже стало стыдно за нихъ, но онъ старался убѣдить себя въ неосновательности такого чувства. Развѣ адвокаты, доктора, и вообще представители какой угодно профессіи,—говорилъ онъ себѣ,—не представили бы собою такого же

пестраго, разношерстнаго общества, если бы собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, начиная отъ свѣтилъ своего сословія и кончая послѣдними тупицами и шарлатанами? Тутъ тотчасъ же обнаружилось бы неравенство, установленное самой природой. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ минутныхъ, неприятныхъ, мыслей, онъ мало-по-малу сталъ ощущать приливъ того радостнаго и гордаго чувства, которое овладѣваетъ людьми одной и той же профессіи, когда ихъ соберется очень много; подобно тому, какъ солдаты съ радостной гордостью осматриваютъ свою армію, выстроившуюся во фронтъ въ обширной долинѣ.

На другой день, рано утромъ, Ратти, переходя площадь, уже покрытую учителями, учительницами и торговцами, пріѣхавшими въ городъ на базаръ, бывавшій здѣсь разъ въ недѣлю, въ проходѣ между двумя лавочками торговцевъ полотномъ, встрѣтился лицомъ къ лицу съ Фаустиной Галли.

Послѣ первыхъ возгласовъ изумленія, они, повидимому, оба почувствовали, что дружеское пожатіе руки, которымъ они обмѣнялись, не вполне выражаетъ то удовольствіе, которое имъ доставила неожиданная ихъ встрѣча.

— Я васъ искалъ, — сказалъ учитель измѣнившимся голосомъ, — адвокатъ Самисъ передавалъ мнѣ, что вы въ Туринѣ.

Фаустина сообщила ему, что вотъ уже годъ, какъ она тамъ, такъ какъ не была въ состояніи оставаться дольше въ селѣ, гдѣ умеръ ея отецъ. Она явилась на конкурсный экзаменъ въ Туринъ съ очень маленькой надеждой на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, вышло удачно, быть можетъ, потому, что была задана понравившаяся ей тема: „Поэзія дѣтства“. Ее назначили учительницей въ одномъ изъ предмѣстій Турина. Такимъ образомъ она пользуется двойной выгодой: будучи городской учительницей, она въ то же время живетъ какъ въ деревнѣ. Воспитанницы ея тоже по большей части дочери крестьянъ! Комнату ей дали въ зданіи самой школы. Начальство досталось ей хорошее. Она вполне довольна.

Юноша не отрывалъ отъ нея глазъ: въ лицѣ ея онъ подмѣтилъ нѣчто, указывавшее на пережитыя ею тяжелые три года — легкой, едва уловимый слѣдъ увяданія и утомленія, который, однако, при ея здоровомъ и богатомъ организмѣ могъ еще быть уничтоженъ любовью и спокойствіемъ. Въ прекрасныхъ, каштановыхъ, волосахъ ея не было ни одной сѣдой нити, и ротикъ ея былъ все тотъ же: нѣжный, добрый, маленькій и свѣжій. Ратти смотрѣлъ на нее, и сердце его на-

полнилось сладостнымъ ощущеніемъ. Посмотрѣвъ на ея фигуру, онъ замѣтилъ, что платью ея сзади на спинѣ морщится—обычный недостатокъ всѣхъ ея платьевъ, которыя она сама себѣ и кроила, и шила—и эти морщинки на платьѣ окончательно его растрогали.

— Я никогда не забывалъ васъ,—сказалъ онъ неожиданно,—и всегда желалъ вамъ счастья.

Она сдѣлала граціозное движеніе головой, будто желая отвѣтить: „Я въ этомъ сомнѣваюсь“ и затѣмъ спросила его, гдѣ онъ учительствуетъ? Узнавъ, что въ Туринѣ, она видимо старалась—но ей это не удалось—скрыть, какъ она этимъ пріятно удивлена.

— Когда же вы держали экзаменъ?—спросила она.

Ратти передалъ ей въ краткихъ словахъ о своей жизни швольнаго сельскаго учителя въ Боссолано и Камина, и о томъ, какъ онъ, наконецъ, рѣшилъ явиться на конкурсъ, но онъ рассказывалъ все это почти машинально. Пока онъ говорилъ, въ мысляхъ его воскресала маленькая, угловая терраса, онъ слышалъ святые слова ея о дѣтяхъ и дѣтскомъ возрастѣ, сказанныя въ первые дни ихъ знакомства; онъ вспоминалъ героическое мужество, съ которымъ она выносила горе и лишенія. Онъ вспомнилъ тотъ день, когда видѣлъ ее въ послѣдній разъ; она стояла на маленькой террасѣ, мучимая мыслью о близкой смерти отца, но твердая и почти гордая въ своемъ несчастіи; она была настолько погружена въ размышленія, что у него не хватило духа поклониться ей. И онъ прервалъ свой рассказъ, чтобы повторить ей растроганнымъ голосомъ: „Я всегда желалъ вамъ счастья“.

— Что жъ тутъ такого особеннаго,—отвѣтила она, улыбаясь,—и я желала вамъ того же—вѣдь мы съ вами были всегда добрыми друзьями. И она принялась рассказывать, какъ ее сильно мучило, когда онъ свернулъ на дурную дорогу, какъ она была счастлива, когда онъ сталъ снова прежнимъ, и съ какою грустью, возвращаясь съ кладбища, гдѣ похоронила отца, она смотрѣла на опустѣвшія окна комнаты, занимаемой раньше молодымъ учителемъ. Но Ратти почти не слушалъ ея. Онъ снова думалъ о томъ, что, кромѣ его матери, она по истинѣ самое благородное и доброе созданіе, когда-либо встрѣченное имъ въ жизни. Онъ думалъ о томъ непередаваемомъ выраженіи, которое обыкновенно сіяло на ея лицѣ, когда онъ ей говорилъ о любви,

выраженіе, позволявшее ему угадывать тѣ сокровища нѣжности, которыя таились въ ея душѣ. Онъ думалъ о томъ, какой сильной и вѣрной подругой для мужчины была бы эта дѣвушка, въ которой онъ никогда не подмѣтилъ ни одной мелочности или вульгарности, которая казалась созданной для того, чтобы одновременно любить и бороться, страдать и надѣлать счастьемъ другихъ: такъ она мила, разсудительна, безстрашна и скромна! И снова повторилъ онъ ей еще съ большимъ волненіемъ:

— Я всегда желалъ вамъ счастья.

Она взглянула на него, и въ глазахъ ея мелькнуло выраженіе нѣжности, но она не произнесла ни слова. Окнувъ вокругъ себя глазами, она посмотрѣла на часы и нѣжнымъ, неувѣреннымъ голосомъ, не соответствовавшимъ смыслу ея словъ, горопливо произнесла:

— Мнѣ сейчасъ нужно уйти—я обѣщала быть у двухъ подругъ по дѣлу. Увижу ли я васъ на засѣданіяхъ съѣзда? Во всякомъ случаѣ мы будемъ иногда встрѣчаться въ Туринѣ!—И она спросила его, когда онъ думаетъ ѣхать туда.

Такъ какъ сентябрь былъ уже на исходѣ, то учитель рѣшилъ ѣхать въ послѣдній вечеръ засѣданій, чтобы быть на мѣстѣ за нѣсколько дней до открытія школы. Навѣрное и она уѣдетъ въ этотъ же вечеръ.

— Не удастся ли намъ сдѣлать это путешествіе вмѣстѣ?—спросилъ Ратти.

— Мы его сдѣлаемъ всѣ вмѣстѣ,—отвѣтила она, улыбаясь.—Послѣдній поѣздъ увезетъ чуть ли не полгорода. Розыскать другъ друга въ такой толпѣ будетъ почти невозможнымъ. Потомъ она добавила, снова ставъ серьезной:

— Я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ въ Туринѣ.

Такое же выраженіе лица и такой голосъ были у нея, когда она столько разъ отказывала ему, когда онъ ей дѣлалъ предложеніе въ Алтаранѣ. Холодъ охватилъ душу молодого человѣка. И, протянувъ ей руку, онъ съ досадою въ душѣ, проговорилъ:

— До свиданія!

Но, пройдя шаговъ пять, онъ вдругъ обернулся и увидѣлъ, что и она обернулась; онъ поймалъ на лету такой ясный, свѣтлый и нѣжный взглядъ, что сердце его снова радостно забилось. Это былъ взглядъ, открывавшій душу и говорившій истину! И онъ пошелъ дальше, весь пронизанный этимъ взглядомъ.

Полчаса спустя онъ присутствовалъ на первомъ засѣданіи съѣзда, а затѣмъ и на всѣхъ остальныхъ, съ большимъ любопытствомъ, какъ на театральномъ представленіи, присматриваясь и прислушиваясь ко всему происходившему. Предсѣдательствовалъ профессоръ Мегари, постарѣвшій видъ котораго сначала опечалилъ его и испортилъ ему удовольствіе свиданія съ нимъ. Онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ другими профессорами за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ. Вся церковь была переполнена народомъ, и въ перерывахъ между чтеніемъ и рѣчами, въ ней раздавался отрывистый говоръ, точно шумъ бурнаго потока.

Здѣсь, въ стѣнахъ зданія, еще болѣе чѣмъ на открытомъ воздухѣ, поражало разнообразіе учительской фаланги, такъ какъ тутъ можно было охватить однимъ взглядомъ цѣлыя сотни плащъ съ цвѣтами и перьями, головныхъ платковъ сельскихъ учительницъ, тонзuru священниковъ, сѣдые взъерошенныя прически разныхъ стариковъ-оригиналовъ, и блестящія, хорошо расчесанныя, шевелюры молодыхъ учителей. Живыя пренія не прерывались, споры становились часто бурными. Многіе явились съ предложеніями нововведеній, о которыхъ мечтали цѣлыми годами и за которые стояли со страстью мономановъ; другіе намѣтили себѣ торжественныя рѣчи, которыми хотѣли охватить чуть ли не половину всего человѣческаго знанія; третьи имѣли въ виду указать на разные несправедливыя поступки и потребовать удовлетворенія за понесенный отъ нихъ вредъ, и всѣ они, когда имъ, наконецъ, удавалось заручиться словомъ, приходили въ величайшее раздраженіе отъ всякаго перерыва или возраженія. Къ тому же, соперничество нѣкоторыхъ авторовъ педагогическихъ сочиненій—и вражда, порожденная журнальной полемикой, такъ и прорывалась при малѣйшемъ противорѣчій. Ораторы не говорили въ сущности ничего новаго, а съ незначительными варіаціями повторяли то, что десятки лѣтъ было уже извѣстно каждому образованному учителю. Но въ числѣ этихъ ораторовъ все же нашлось пять или шесть, ясно излагавшихъ свои мысли и обладавшихъ даромъ краснорѣчія, которые и увлекали аудиторію и оживляли пренія. Одинъ изъ нихъ, рѣзкій, задорный, метавшій грома, казался, воплощалъ въ себѣ недовольство всего своего сословія; другой три четверти рѣчи употребилъ на выясненіе изложенныхъ имъ взглядовъ,—хотя эти взгляды сразу были всѣми поняты,—и говорилъ съ необычайнымъ смиреніемъ въ оборотахъ

и голосъ, точно аудиторія его была полна представителями королевскаго дома; третьимъ ораторомъ была стройная барышня, съ тонкимъ голосомъ и лихо развѣвающимся бѣлымъ перомъ на шляпѣ, смѣлая, неутомимая, воинственная. Пренія разнообразились, кромѣ того, всевозможными комическими эпизодами. Въ первомъ же засѣданіи сельская учительница, въ преклонномъ возрастѣ, прочла сонетъ своего сочиненія (смысль котораго такъ и остался для всѣхъ тайной), написанный ею по образцу сонетовъ въ честь святыхъ, изображенія которыхъ крестьяне обыкновенно прибаваютъ къ дверямъ своихъ хлѣбовъ. Другая, тоже сельская учительница, просила слова для разъясненія одного педагогическаго вопроса, но сразу уснастила рѣчь свою такими грубыми грамматическими ошибками, что аудиторія стала ее молить Христомъ Богомъ умолкнуть, что она и сдѣлала. Наконецъ, какой-то толстякъ, сельскій священникъ, начавъ свою рѣчь соответствующимъ случаю и мѣсту языкомъ, но мало-по-малу, самъ того не замѣчая, увлекся церковнымъ краснорѣчіемъ и перешелъ къ настоящей проповѣди на распѣвъ, со всей мимикой, присущей католическимъ церковнымъ ораторамъ, съ призывомъ, мольбой, проклятіями, чѣмъ и вызвалъ громкій, долго не умолкавшій, шумъ. Ратти впервые присутствовалъ на подобнаго рода сѣздахъ, и его столько же занимало отношеніе аудиторіи къ рѣчамъ, сколько и самая рѣчи. Городская часть присутствующаго общества волновалась: тутъ были и легко воспламеняемыя учительницы, апплодировавшія всѣмъ молодымъ учителямъ, сверкая при этомъ въ воздухѣ бѣлыми, обнаженными, руками, были и другія, которыхъ затронутые вопросы касались ближе, и которыя встрѣчали нѣкоторыя сужденія своихъ противниковъ съ жестами яростнаго отрицанія, причемъ перья на ихъ шляпахъ дрожали и колыхались; или же онѣ выслушивали не нравившіяся имъ рѣчи съ несходящей съ лица сатирической улыбкой. Многія вносили поспѣшно замѣтки въ записныя книжечки, не отрывая отъ нихъ глазъ. Но большая часть сельскаго учительства свучала, потому что ровно ничего не понимала изъ того, что говорилось кругомъ. Нѣкоторыя учительницы вязали чулки. Одна сказала Ратти, сидѣвшему подлѣ нея: „Ничего не разберу; они говорятъ слишкомъ быстрымъ итальянскимъ языкомъ“. Почти всѣ сельскіе учителя были, однако, поражены развитіемъ и краснорѣчіемъ городскихъ своихъ коллегъ, говорившихъ точъ-въ-точъ какъ адвокаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасались дерзости молодыхъ учителей, осмѣ-

ливавшихся—да еще какимъ тономъ!—дѣлать замѣчанія и противорѣчить самому правительственному комиссару! Имъ казалось, что на глазахъ у нихъ разыгрывается полнѣйшая школьная революція, и что скоро настанетъ свѣтопреставленіе. Между этими лицами, которыя составляли плебсъ учительскаго сословія, и тѣми, которые первенствовали въ немъ, дышала и двигалась цѣлая масса учителей и учительницъ средняго уровня, переполненныхъ выше головы предложеніями, идеями, тщеславіемъ и недовольствомъ, но которые не дерзали говорить: они шепотомъ изливались сосѣдямъ, порицая всѣхъ ораторовъ, и при выходѣ изъ залы засѣданій, взбѣшенные тѣмъ, что не имѣли мужества попросить себѣ слова, останавливали пріятелей, и въ теченіи цѣлыхъ полчасавъ метали передъ ними громъ и молнію. Выходъ изъ засѣданія былъ всегда шумный; передъ церковью и на прилегающихъ къ ней улицахъ составлялись группы, продолжающія пренія. Въ этомъ смятеніи, утромъ на второй день съѣзда, Ратти увидѣлъ учительницу Галли, которая, улыбаясь, поклонилась ему и исчезла въ толпѣ, прежде чѣмъ онъ могъ протолкаться къ ней, а на другой день онъ наткнулся на учителя Кальви, облеченнаго въ старое, смятое пальто, съ большимъ сверткомъ бумагъ подъ мышкой и съ недовольной фізіономіей. Юноша поклонился ему, но тотъ едва удостоилъ его отвѣтнаго кивка, и, качая головой, проговорилъ съ горькой усмѣшкой: „Ни у кого изъ нихъ нѣтъ идей! У нихъ нѣтъ идей!“ и ушелъ, согбенный подъ бременемъ своихъ идей!

Къ половинѣ недѣли въ учительской толпѣ образовалась уже цѣлая сѣть отношеній и дружбъ, какъ будто среди постоянныхъ жителей извѣстной мѣстности. На наиболѣе блестящихъ ораторовъ указывали уже пальцами на улицахъ, и появленіе ихъ сопровождалось шепотомъ любопытства. Знали наперечетъ и всѣхъ учителей, отличавшихся умомъ и приобрѣтшихъ себѣ нѣкоторую извѣстность въ педагогической печати, какъ доблестные бойцы за „школьное дѣло“; знали всѣхъ учительницъ, говорившихъ рѣчи, и учительницъ-писательницъ изъ Турина. Нѣкоторыхъ сельскихъ учителей и учительницъ, получившихъ извѣстность, благодаря страннымъ приключеніямъ и внезапнымъ преслѣдованіямъ, всѣ разыскивали и спрашивали. Трое или четверо престарѣлыхъ учителей, славившіеся своею 50-ти-лѣтней школьной службой, которыхъ приводили въ примѣръ другимъ учителямъ въ рѣчахъ по случаю школьныхъ торжествъ, были постоянно обкру-

жены и пользовались почетомъ. На ряду съ только-что ува-
занными привлекали на себя общественное вниманіе также
шесть или семь красавицъ среди учительницъ, разгуливаю-
щихъ по городу чуть ли не съ утра и до вечера. Многія
лица получили уже клички, которыя повторялись всѣми; такъ,
напримѣръ, одну сорокалѣтнюю учительницу, одѣвавшуюся
очень театрално, съ какими-то золотыми галунами на груди,
прозвали „королевой Савской“, одного оратора съ медовою
рѣчью „Арвадскимъ пастушкомъ“, другого „Наполеономъ Ве-
ликимъ“, третьяго, часто ссылавшагося на народныя китай-
скія школы, „Конфуціемъ“. Весь этотъ пріѣзжій учительскій
люди перетасовался, кружки перваго дня болѣею частью раз-
бились и устроились новыя, сообразно съ возрастомъ, сим-
патіями и характерами: группы стариковъ и старухъ, 20-ти-
лѣтнихъ учительницъ и учителей, у которыхъ сердце и умъ
вѣчно пламенѣли, кружки нескончаемыхъ спорщиковъ, весе-
лыя общества отправлявшихся для завтраковъ и ужиновъ на
загородныя гулянья и возвращавшихся оттуда поздно вечеромъ
съ пѣснями и цвѣтами въ петлицахъ. И каждый сообразовалъ
свой образъ жизни съ условіями собственнаго кармана. Мно-
гіе сельскіе преподаватели, вмѣсто обѣда, довольствовались
кускомъ хлѣба съ фруктами и пользовались ночлегомъ и по-
стелями въ школахъ и иныхъ мѣстахъ, отданныхъ въ ихъ
распоряженіе городской управой, для того, чтобы изъ ас-
сигнованныхъ имъ 25 франковъ, 10 или 12 привезти домой.
Городскіе учителя, наоборотъ, то и дѣло появлялись въ ко-
фейняхъ и ресторанахъ, гдѣ съ утра до ночи стоялъ веселый
гамъ. И Ратти просиживалъ здѣсь вечера, желая поближе
приглядѣться къ будущимъ своимъ коллегамъ—городскимъ
учителямъ. Ему не удавалось, однако, уловить нить рѣчи въ
этомъ бурномъ потокѣ голосовъ, гдѣ тысячи разъ слышались
одни и тѣ же слова: „къ порядку“, „прошу слова“, „про-
тестъ“, „программы“, „проектъ“, „вздоръ“, „глупость“. Го-
воря по правдѣ, ему было бы пріятно, еслибъ нѣкоторые его
коллеги не говорили такъ громко съ цѣлью подчеркнуть пре-
красное свое произношеніе и красивыя фразы. Иныя шутки,
которыя ему пришлось здѣсь слышать, казались ему плоскими,
достойными гимназистовъ младшихъ классовъ, а никакъ не на-
ставниковъ юношества. Его оскорбляли презрительные взгляды,
которыя нѣкоторые элегантно-одѣтыя учительницы бросали
на своихъ дурно, на деревенскій ладъ, одѣтыхъ товароковъ.
Послѣднія сами ступшеывались передъ ними, уступали имъ

мѣсто, съ удивленіемъ прислушивались къ ихъ разговору, очевидно гордясь и вмѣстѣ съ тѣмъ смущаясь тѣмъ, что онѣ— коллегіи этихъ изящно-одѣтыхъ и образованныхъ барышень. Но тутъ онѣ вспомнилъ, какой дорогой цѣной досталось этимъ бѣднымъ дѣвушкамъ ихъ положеніе городскихъ учительницъ въ Туринѣ, которымъ онѣ теперь такъ важничали. Боже ты мой! Черезъ какія тяжкія испытанія пришлось имъ пройти! Три года курсовъ въ учительской семинаріи, два года, между 18-ю и 20-ю годами, обязательной даровой службы—занятій въ школахъ для практики и обученія, вслѣдъ затѣмъ конкурсный экзаменъ на должность кандидатки, замѣняющей учительницу, три года службы въ видѣ запасной учительницы, съ жалованьемъ въ 650 франковъ, и послѣ этихъ трехъ служебныхъ лѣтъ еще конкурсный экзаменъ на дѣйствительную учительницу. А затѣмъ еще 14 лѣтъ службы, чтобы, наконецъ, сдѣлаться *несмѣняемой* учительницей. Въ концѣ-концовъ, послѣ 30-ти-лѣтней службы, полная пенсія или, иными словами, обезпеченіе, дающее возможность, впроголодь кое-какъ дотянуть послѣдніе года своей жизни и это послѣ такого длиннаго ряда испытаній, трудовъ, гоненій и несправедливостей, ежеминутной опасности лишиться мѣста изъ-за вздора, изъ-за пустяка! Подумаешь обо всемъ этомъ, какъ было не простить имъ всего?

На этомъ большомъ съѣздѣ учителей вниманіе Ратти и многихъ другихъ привлекли на себя также и нѣкоторые оригиналы, которые въ эти нѣсколько дней приобрѣли своего рода извѣстность, распространившуюся потомъ по всему Пюмонту. Въ числѣ ихъ была сельская учительница, лѣтъ подъ 35-ть, съ почти бѣлыми волосами, какъ у альбиноски, съ сверкающими глазами маньячки, одѣвающаяся небрежно: она оказалась чудомъ литературной плодовитости. Это свое качество она проявила за обѣдомъ, въ первый же день, прочитавъ безконечное стихотвореніе. Писать—все равно, какъ и о чемъ—было для нея таковой же потребностью, какъ и дышать. Она писала, безъ перерыва, цѣлыхъ 15 лѣтъ и привезла съ собой чемоданъ значительныхъ размѣровъ, наполненный рукописями, а четыре такихъ же чемодана остались у нея дома. Все, что она видѣла, думала, слышала, читала, мечтала—она тотчасъ же излагала въ прозѣ или въ стихахъ. Написанная ею біографія одной подруги учительницы заключала въ себѣ 3.000 бѣлыхъ стиховъ. Въ четыре дня она накатала отчетъ о происходившихъ преніяхъ въ 200 страницъ, и импровизировала опи-

санія го. одскихъ окрестностей, изъ которыхъ могъ бы составиться цѣлый томъ. Съ двадцатилѣтняго возраста, она изъ шести ночей непремѣнно три проводила за писаніемъ и губила свое здоровье. Но чѣмъ болѣе она чахла, тѣмъ прилежнѣе писала, и всякій разъ, когда ей представлялся случай, читала свои произведенія, читала ихъ цѣлыми часами, безъ перерыва и передышки, до тѣхъ поръ, пока ея пріятели не начинали молить о пощадѣ, или засыпали, или спасались бѣгствомъ, или падали въ обморокъ. Но смѣшныя стороны этой ея мономаніи уничтожались тѣмъ, что всѣмъ было извѣстно, что у себя, въ селѣ, она ревностно и превосходно исполняетъ свои обязанности школьной учительницы, зарабатывая, помимо того, еще кое-какіе гроши писаніемъ забавныхъ небольшихъ рѣчей, стихотвореній и застольныхъ привѣтствій, и этими чудесами труда, учитывая себѣ каждый грошъ въ ѣдѣ, содержитъ и воспитываетъ трехъ сестеръ. Другимъ оригиналомъ былъ сельскій учитель, прозванный Цезаре Канту*), такъ какъ онъ сильно напоминалъ лицомъ этого писателя. Главнымъ, вѣрнѣе—единственнымъ, качествомъ его, его утѣшеніемъ, славой его жизни — было его необычайно-сильное зрѣніе, и онъ пріѣхалъ на съѣздъ, чтобы похвастать имъ. Всюду дѣлалъ онъ эксперименты этой силы своего зрѣнія: на улицахъ онъ на большихъ разстояніяхъ читалъ вывѣски магазиновъ, въ кофейняхъ, отступя на десять шаговъ, читалъ газеты, за обѣдомъ заставлялъ своихъ товарищей вытаскивать изъ кармановъ визитныя карточки и письма, которыя читалъ съ другого конца стола однимъ глазомъ, съ полузакрытыми глазами, тряся головой, всматриваясь въ листокъ искоса—словомъ, всѣми возможными способами. Онъ пользовался малѣйшимъ поводомъ, чтобы заводить рѣчь о зрѣніи, и начать ораторствовать. Разумѣется, онъ приписывалъ даже въ педагогій первенствующее значеніе зрѣнію, и настолько, что спеціально и чуть ли не исключительно воспитывалъ въ своихъ ученикахъ именно зрѣніе. Его вѣроисповѣданіе было: „Все въ мірѣ—зрѣніе“, и онъ поддерживалъ этотъ свой тезисъ великимъ множествомъ заранѣе подготовленныхъ доказательствъ, напр.: „Что была бы астрономія безъ силы зрѣнія? А палеографія? **). А часовое мастерство? Миниатюра? Всѣ точныя искусства? Что такое солдаты безъ хорошихъ глазъ? И что

*) Извѣстный итальянскій писатель и историкъ, съ сильнымъ оттѣнкомъ католицизма.

**.) Знаніе древнихъ письменъ.

бы изображалъ собой, лишенный пронизательнаго зрѣнія, полицейскій агентъ, судья, дипломатъ, которымъ всѣмъ необходимо читать на лицахъ малѣйшія движенія, чтобы разгадать скрытыя мысли и чувства?“ По его мнѣнію, наука воспитывать зрѣніе находилась еще въ зачаточномъ состояніи, въ этомъ отношеніи предстояло еще все создать, и онъ говорилъ о специальныхъ съ этою цѣлью школахъ и институтахъ, которые слѣдовало бы открыть, о цѣлыхъ библіотекахъ руководствъ и трактатовъ, которые нужно было бы написать. Наконецъ, самымъ забавнымъ изъ всѣхъ оригиналовъ былъ маленький законоучитель съ кривыми ногами и перекосеннымъ лицомъ, съ сѣдыми и щетинистыми волосами, казавшимися иглами, настоящій живчикъ по характеру и чело-вѣкъ остраго ума, авторъ почти всѣхъ юмористическихъ прозвищъ, бывшихъ въ ходу на сѣздѣ. Вѣчно слегка подвыпившій и подпрыгивающій, точно Фигаро, онъ какъ нельзя болѣе удачно подражалъ всякимъ голосамъ, жестамъ, походкамъ, и распѣвалъ французскія шансонетки, которымъ научился въ бытность свою ребенкомъ въ Савойѣ. Одинъ взглядъ на него вызывалъ у всѣхъ хохоть, онъ былъ вѣчно окруженъ; черезъ четыре дня онъ перезнакомился съ половиною своихъ коллегъ, и раскланивался со всѣми, дѣлая жестъ фехтовальнаго мастера, направляющаго ударъ шпагою въ грудь. Втираясь въ толпу учительницъ, онъ, при проходѣ самыхъ красивыхъ и граціозныхъ, сыпалъ шуточными восхваленіями, сверкая глазами, какъ старый служака: „Что за дивныя созданія, какая красота, что за прелесть-молодежь!“ Куря папирсы, онъ посылалъ воздушные поцалуи отличившимся ораторамъ, рассказывалъ шепотомъ въ углахъ анекдоты, отъ которыхъ можно было лопнуть со смѣха, и только когда молодые учителя заходили слишкомъ далеко въ своихъ шуткахъ, онъ становился на минуту серьезнымъ и повторялъ два или три раза: „*Est modus in rebus, est modus in rebus*“, а потомъ принимался за старое еще хуже прежняго . . .

Но все, что Ратти видѣлъ и слышалъ, производило на него гораздо меньшее впечатлѣніе теперь, чѣмъ если бы это случилось во всякое другое время, такъ какъ всѣ эти впечатлѣнія подавлялись воспоминаніемъ его встрѣчи съ Фаустиной Галли,—встрѣчей, къ которой онъ то и дѣло возвращался мысленно. По причинѣ все увеличивающагося смятенія и толкотни, такъ какъ ежедневно продолжалъ прибывать новый учительскій

*

персональ, а также и немного по личной ея винѣ, Ратти не удалось болѣе говорить съ нею. Два раза видѣлъ онъ ее потомъ на засѣданіяхъ, но она сидѣла очень далеко отъ него и очень внимательно прислушивалась къ рѣчамъ ораторовъ, съ прелестнымъ выраженіемъ маленькаго ротика, который, когда она слушала, оставался крошечку открытымъ, точно розовый бутонъ, нѣсколько раздвинутый пальчикомъ ребенка. Ратти встрѣтилъ ее еще въ галлерейхъ, въ обществѣ другихъ, незнакомыхъ ему, учительницъ, а разъ засталъ ее одну; но она тотчасъ же скрылась, сказавъ, что ее ждутъ по дѣлу. Ясно, что она нарочно избѣгала его. Но улыбка, сопровождавшая ея поклоны, была все та же улыбка, которую онъ подмѣтилъ на ея лицѣ, когда неожиданно обернулся на площади: новая улыбка, выражавшая нѣчто большее, чѣмъ дружбу, почти ласку, разцвѣтъ всѣхъ общихъ воспоминаній, а также неопредѣленное обѣщаніе и мысль о будущемъ, — тайну, которую, казалось, она выдавала противъ воли. И теперь, думая о ней, Ратти представлялъ ее себѣ не иначе, какъ съ этой улыбкой. Хотя тутъ, на глазахъ у него, было не мало дѣвушекъ и моложе, и красивѣе ея, на лицахъ которыхъ тоже проглядывала и доброта, и чистая, дѣятельная жизнь и любовь къ дѣтямъ, — но все же Фаустина казалась ему и моложе, и лучше всѣхъ. Навѣрное, никакая другая дѣвушка не выстрадала столько, сколько она, никто не обладалъ ея энергіей, никто не умѣлъ такъ горячо любить дѣтей и не дѣлалъ такъ много чести своей профессіи, какъ она. Ратти влекло теперь въ Туринъ, главнымъ образомъ, изъ-за нея. Воображеніе его рисовало ему тысячу разъ одну и ту же картину: маленькую квартирку въ четвертомъ этажѣ, хотя бы въ одной изъ тѣхъ узкихъ улицъ стараго городского квартала, гдѣ онъ чувствовалъ, что задыхается, когда только что вернулся изъ деревни. И въ этой квартиркѣ — маленькой столъ, на которомъ съ одной стороны нагромождены тетради дѣвочекъ, на другой — мальчиковъ, и за которыми они бы вмѣстѣ ѣли честнымъ трудомъ заработанный хлѣбъ свой, и окно, къ которому бы они усаживались другъ подлѣ друга въ весенніе вечера, совершивъ свой дневной трудъ, и гдѣ, слушая ея рассказы объ ея отцѣ и объ ея ученицахъ, онъ могъ бы часами слѣдить за безконечно-милымъ, дѣтскимъ и энергичнымъ движеніемъ ея маленькаго ротика, изъ котораго льются разумныя и благородныя слова.

Какъ-то разъ, однако, онъ былъ рѣзко оторванъ отъ этихъ

мыслей. Случилось это въ послѣднее засѣданіе, когда профессоръ Мегари произнесъ прощальную рѣчь. Послѣднія слова этой рѣчи, сказанныя имъ съ пламенной силой и убѣжденнымъ, громкимъ голосомъ, — прозвучали въ глубокой тишинѣ биткомъ набитой церкви, точно вдохновенное напутствіе священнослужителя: „Пусть молодые возвращаются домой поощренные примѣромъ столькихъ стариковъ, которые, послѣ полувѣкового труда, все еще держатъ высоко, съ юношеской силой, дорогое намъ шеольное знамя, а также и старики вернутся къ себѣ, ободренные зрѣлищемъ столькихъ молодыхъ силъ, готовящихся, съ новымъ мужествомъ и новымъ знаніемъ, послѣдовать примѣру своихъ предшественниковъ. Вернитесь къ вашей дѣятельности, молодые учителя — вамъ отечество ввѣрило святую обязанность учить и воспитывать дѣтей — самую дорогую свою надежду. Вернитесь всѣ къ высокому вашему занятію — ежедневно сѣять въ своей родинѣ великодушныя чувства и плодотворныя мысли. Вамъ предстоитъ не только долгъ искоренять невѣжество и суевѣрія, но также утѣшать бѣдняковъ. Вы должны вносить лучъ веселья въ жизнь дѣтей, не знающихъ ласкъ, поддерживать въ народѣ надежду на лучшую будущность. Вамъ предстоитъ черезъ дѣтей вносить слово мира въ семьи, гдѣ царствуетъ разладъ, пробуждать чувство любви въ родителяхъ, въ которыхъ это чувство замерло, напоминать объ отечествѣ беззаботнымъ его сынамъ или же его врагамъ. Вернитесь домой съ мужественной рѣшимостью въ душѣ всегда отстаивать достоинство вашихъ занятій, твердо переносить неблагодарность, бороться противъ вражды и незаслуженныхъ преслѣдованій, черпая силу въ мысли, что самое большое счастье, дарованное человѣку, то, которое доставляетъ сознаніе добра, сдѣланнаго безъ ожиданія награды и отплаты за него, и что никто не можетъ сдѣлать больше добра, чѣмъ вы. Каждый часъ вашего безвѣстнаго, земного труда — благодѣяніе для человѣчества; самый бѣдный, самый неразвитый, самый малый среди васъ, самый послѣдній солдатъ того великаго войска, которое, не допуская перемирія, борется противъ наивреднѣйшаго врага, и въ самыхъ плодотворныхъ битвахъ выигрываетъ безкровныя сраженія — имѣетъ право на благодарность родины и благословеніе всего свѣта. Прощайте, мужественныя дѣвушки, почтенные старцы, юные воины, отважный и милый авангардъ грядущихъ вѣковъ! Всѣ за работу, и да будетъ съ вами счастье и радость, какъ всегда, будетъ съ вами душа моя!“

При послѣднихъ словахъ профессора, дружный возгласъ вырвался изъ груди всѣхъ, и можно было сказать, что въ эту минуту всѣ городскіе и сельскіе учителя, старые и молодые, довольные и недовольные, слились въ одну душу. Этотъ дружный возгласъ повторился еще разъ ночью, на вокзалѣ, когда профессоръ Мегари садился на поѣздъ съ сотнями учителей, ѣдущихъ въ Туринъ. И молодой Ратти присутствовалъ, растроганный, при этихъ проводахъ, высунувъ голову изъ окна переполненнаго путешественниками вагона, въ то время, какъ у сосѣдняго съ нимъ окна мелькало личико Фаустины Галли, уѣзжавшей съ тѣмъ же поѣздомъ. Послѣднія слова профессора все еще раздавались въ ушахъ Ратти. Да, и онъ солдатъ великаго войска и можетъ гордиться тѣмъ, что принадлежитъ къ нему! Это войско имѣетъ, правда, свои недостатки, но это недостатки, присущіе всему отечеству; оно дурно вооружено и дурно продовольствуется, но это сочтется ему скорѣе во славу, чѣмъ въ осужденіе; въ рядахъ его попадаютъ солдаты трусливые и неспособные, какъ во всѣхъ войскахъ, но, великій Боже! въ немъ отыщется также и легіонъ героинь и героевъ, передъ которыми самымъ благороднымъ людямъ не грѣхъ преклониться! Онъ самъ видѣлъ такихъ героевъ, и кто знаетъ, сколько ихъ въ настоящую минуту здѣсь, вокругъ него. Да, Мегари правъ: никто въ мірѣ не можетъ сдѣлать больше добра, чѣмъ они, и нѣтъ большаго счастья, какъ дѣлать добро! Онъ припоминалъ самыя счастливыя минуты своей жизни, и это были тѣ, въ которыя онъ сознавалъ эту истину. Прѣжняя пламенная любовь его къ дѣтямъ снова горячѣе волной хлынула ему въ сердце въ то время, когда онъ устремилъ глаза на лицо молчавшаго друга, учительницы Галли, которая столько разъ, въ такихъ прекрасныхъ и восторженныхъ словахъ высказывала ему эту любовь и вливала ее ему въ душу. Оба чувства — любовь къ ученикамъ и къ Фаустиной, — сливались теперь въ немъ въ одинъ чистый и свѣтлый потокъ возвышающихъ его образовъ и мыслей. Онъ думалъ о томъ, какъ онъ видѣлъ Фаустину опирающуюся на балюстраду террасы, со взглядомъ, устремленнымъ вдаль, будто передъ нею носилось видѣніе тысячи дѣвочекъ, ея ученицъ грядущихъ годовъ, которымъ она съ этихъ поръ рѣшила посвятить всю свою жизнь...

И онъ тоже видѣлъ своихъ учениковъ, и учениковъ своихъ товарищей, педагоговъ, бывшихъ на съѣздѣ, и уче-

никовъ всѣхъ преподавателей Италіи—безчисленную толпу, покрывавшую обширнѣйшую долину, движущуюся вездѣ, куда только могъ проникнуть глазъ, и оглашающую воздухъ шумомъ безпредѣльнаго океана; миллионы маленькихъ ручекъ протягивались къ нимъ, просящіе свѣта, покровительства, дружбы и ласки. И онъ общалъ имъ все, и изъ глубины души давалъ имъ клятву, ощущая въ это мгновеніе исполинскую отеческую любовь, охватывающую собой все дѣтское поколѣніе его родины. И Фаустина, должно быть, думала о томъ же. Они по временамъ взглядывали другъ на друга, и, казалось, обмѣнивались такимъ образомъ двойнымъ токомъ волновавшихъ ихъ мыслей и чувствъ. Когда поѣздъ прибылъ въ Туринъ, въ глазахъ ихъ сверкала слеза, души были переполнены и искали друга друга. Сотни учителей и учительницъ вышли изъ вагоновъ, огласивъ воздухъ въ послѣдній разъ долгимъ „evviva“, и они остались на минуту одни. Въ тотъ же моментъ оба оглянулись кругомъ, глубоко вздохнули и обмѣнялись горячимъ поцѣлуемъ. Послѣ того, они тоже выпрыгнули изъ вагона, чтобы увидѣть еще разъ убіленную сѣдинами голову профессора Мегари, который, стоя на платформѣ вагона, обращалъ къ волнующейся толпѣ послѣднее привѣтствіе съ энергичнымъ жестомъ полководца, ободряющаго отправляющееся въ сраженіе войско.

Пер. М. Ватсонъ.

НАКАНУНЪ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Г. Ломмеля.

Приблизительно 1900 лѣтъ тому назадъ большая часть свѣта, извѣстнаго въ тѣ времена, находилась подъ господствомъ Италіи. Римъ, столица міра, сіялъ во всемъ блескѣ и великолѣпіи. Италія, Греція, лучшая часть Галліи, Пиринейскій полуостровъ, извѣстныя древнимъ земли Азіи и Африки, огромное наслѣдіе македонскаго завоевателя, Александра—все это было побѣждено. Могущественные Цари шли въ золотыхъ цѣпяхъ въ подземныя темницы или владели безславное существованіе, въ качествѣ подручниковъ и данниковъ. Богѣ благородные и опасные враги, вольные города Коринѣи и Карфагенъ, были сокрушены и стерты съ лица земли; остатокъ ихъ населенія бродилъ безъ пристанища или обрабатывалъ землю въ качествѣ римскихъ рабовъ. Сокровища покоренныхъ странъ, ихъ памятники и трофеи пошли на украшеніе Рима. И среди этого грабежа выдѣлялась, точно разбойничій притонъ, Капитолійская скала, а на ней, въ лицѣ консула, царилъ духъ Квирина; на ней точно красовался Геркулесъ, укротитель львовъ: въ груди его бушуетъ буря страстей, но онъ съ кажущимся спокойствіемъ оперся на огромную палицу, размышляя: «кого еще?» На такую высоту вывели Римъ, нѣкогда пастушескую и разбойничью деревушку, настойчивая и неизмѣнная политика и проникнутыя ею стремленія гражданъ.

Такая безграничная власть неизбѣжно должна была родить столь же безграничное своеволие. Покоренныя царства, превращенныя въ провинціи, давали властвующимъ римскимъ гражданамъ средства для удовлетворенія самыхъ широкихъ требованій. Но въ сокровищахъ и богатствахъ Азіи скрывались ядовитыя змѣи: страсти и пороки. За безграничнымъ грабежомъ слѣдовала самая бессмысленная расточительность. Золота, какъ можно больше золота—

такова была цѣль всѣхъ стремленій, и для достиженія ея люди не останавливались ни передъ какими преступленіями. Каждый дальнѣйшій шагъ къ всемірному господству служилъ новой могилой добродѣтели, расширялъ бездну, отдѣлявшую богатыхъ отъ бѣдныхъ. А на обоихъ краяхъ этой бездны все болѣе и болѣе исчезали прежнія разграниченія. Плебей (землевладѣлец не благороднаго происхожденія, торговецъ и ремесленникъ), если у него были деньги, принадлежалъ къ господствующей, привилегированной кастѣ, а членъ старой аристократической фамиліи, лишь только онъ впадалъ въ бѣдность, становился безпомощнымъ, опускался до самыхъ низшихъ слоевъ пролетаріата. Этимъ именемъ называли сперва неимущихъ гражданъ, затѣмъ подданныхъ не пользовавшихся правами гражданства, и, наконецъ, рабовъ, вербовавшихся изъ побѣжденныхъ враждебныхъ армій и покоренныхъ народовъ. Эта бездна между богатыми и бѣдными раздѣляла населеніе уже не на господъ и рабовъ, а—на людей и скотовъ.

Съ такой противоестественностью, понятно, не всѣ безпрекословно мирились. Являлись отдѣльныя личности, которыя пытались спасти народныя массы отъ гибели. Корень зла, какъ мы уже замѣтили, лежалъ въ чрезмѣрной обширности владѣній. Кто хотѣлъ помочь народу, тотъ долженъ былъ найти средства для уравниенія имуществъ. Первые соціальныя реформаторы Рима предлагали очень умѣренныя и осторожныя реформы. По ихъ предложеніямъ, римскій гражданинъ не могъ владѣть болѣе чѣмъ 500 моргеновъ государственной земли: все, что приходилось сверхъ этого количества, нужно было раздѣлить между неимущими. Потомъ предложено было оставить отцамъ семействъ еще 250 морг. на каждого ребенка, а также дать прежнимъ владѣльцамъ соотвѣтствующее вознагражденіе за постройки. Лишь только появилось это новшество, богачи, ведшіе раньше постоянныя и часто кровавыя распри другъ съ другомъ, сразу объединились. Защитниковъ народа, которые самп же отдавали на общую пользу собственныя большія состоянія, обзывали: «глупцами, обманщиками и преступниками». «Преступность» ихъ старались доказать судомъ—и защитники народа пали жертвой узаконеннаго разбоя. А на могилахъ этихъ людей—упомянемъ здѣсь лишь благородныхъ братьевъ Гракховъ—по мѣрѣ увеличенія гнета, поднимались обобравныя массы. Сперва подвигались тѣ, которые терпѣли самое жестокое обращеніе, рабы: они предпочли вступить въ борьбу съ своими свирѣпыми господами, чѣмъ бороться съ дикими звѣрями, или убивать другъ друга для потѣхи зрителей. Затѣмъ, возстали итальянскія народности, такъ-называемые союзники, которые, какъ неимѣвшіе граждан-

скихъ правъ, были предоставлены полному произволу римскаго сената. Наконецъ, поднялись и обнищавшіе римскіе граждане. Но такъ какъ всѣ эти возсташія были разрозненны, а богачи «по случайной случайности» располагали огромными денежными средствами и замѣчательными полководцами, то всемірный городъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ, и болѣе полумилліона людей сложили свои головы въ его стѣнахъ и передъ нимъ. Чаша страданій должна была здѣсь не переполниться, а опрокинуться, но для этого потрясеніе было еще недостаточно сильнымъ. Сперва аристократія должна была выродиться въ деспотію, грубое многобожіе—въ гнусное обожествленіе людей; отвратительная безнравственность богатыхъ и подлая трусость бѣдныхъ должны были предварительно создать тотъ вѣкъ, о которомъ современные писатели со слезами рассказываютъ, что въ немъ отъ добрыхъ людей можно было ждать лишь несчастій, а пользы—только отъ дурныхъ.

Въ тѣ времена религіозная, политическая и социальная жизнь еще представляла собою одно цѣлое; поэтому и между друзьями народа не было соответствующихъ подраздѣленій. Кто былъ хорошимъ патриотомъ, тотъ, по большей части, былъ также и просвѣщеннымъ, разумнымъ вѣрующимъ, или моралистомъ и защитникомъ бѣдныхъ. Если бы даже тогда и появилось такое раздѣленіе, то незначительное количество людей этого рода и одинаковость ихъ положенія скоро сплотили бы ихъ. Поэтому, въ царствованіе Юлія Цезаря и Октавіана Августа, мы видимъ этихъ людей, такъ сказать, въ братскомъ единеніи, въ ученыхъ школахъ и союзахъ, въ особенности же въ союзѣ *стои*, который прежде всегда служилъ убѣжищемъ гонимыхъ. Тутъ были элевзинцы *)—члены тайнаго общества, которое, отрицая существованіе Бога отдѣльное отъ міра, учило, что Богъ есть оживляющій духъ, существующій только въ одухотворенномъ мірѣ; къ этому же союзу издавна принадлежали мудрѣйшіе изъ эллиновъ; затѣмъ, слѣдовали республиканцы, потомки тѣхъ людей, которые подъ предводительствомъ Брута и Кассія, безуспѣшно боролись за идеалы стараго Рима,—внуки ихъ все еще жили мечтами о республикѣ Курія и Цинцината; наконецъ, были и такіе, которые не шли въ своихъ желаніяхъ дальше Гракховъ и видѣли спасеніе въ расширеніи *lex aggratia* (земельный законъ), этой первой системы раздѣла имуществъ. Какъ всегда бываетъ въ эпохи сильныхъ общественныхъ бѣдствій, социальный вопросъ отгѣснялъ остальные на задній планъ.

Понятно, что самыя отдаленныя отъ столицы цезарей про-

*) Общество основано въ греческомъ городѣ Элевзисѣ.

винци были вмѣстѣ съ тѣмъ и самыи благопріятными для антимонархическихъ стремленій. Въ далекой Азіи, въ захоластьи Сиріи, лежала Палестина. Въ нее не только ссылали лицъ, заподозрѣнныхъ въ враждебности къ государственной власти, но и многіе изъ тѣхъ, которые желали спастись отъ подозрѣнія и его тяжелыхъ послѣдствій, сами отправлялись въ палестинскіе гарнизоны— въ добровольное изгнаніе. Тамъ можно было безъ помѣхъ философствовать, спорить, а иногда и распространять свои взгляды. Даже проконсулъ Понтій Пилать причислялся при императорахъ къ неблагонадежнымъ: дѣдъ его сражался при Филиппи подъ предводительствомъ Брута и Кассія, а самъ онъ участвовалъ въ войнѣ Антонія съ тогдашнимъ императоромъ Августомъ. Помилованный императоромъ и получивъ такое назначеніе, о которомъ трудно было сказать, считать ли его наградой или наказаніемъ, онъ продолжалъ въ своемъ отдаленіи служить, если не старому дѣлу, то, по мѣрѣ возможности, хотъ старымъ друзьямъ. Жена его, Порція, имѣвшая на него большое вліяніе, происходила изъ стараго и строго республиканскаго дома Катонувъ. Правда, въ Іудеѣ, гдѣ секта фарисеевъ строго охраняла національное и враждебное римлянамъ іудейство, а также и въ Самаріи, въ которой царская семья Ирода вмѣстѣ съ саддукеями были равностными прислужниками цезаря, — всетаки надо было вести себя тихо и осторожно. Зато совершенно свободно жилось въ третьей провинціи, въ горной странѣ Галилеѣ: здѣсь господствовала секта ессеевъ; горы, жившіе въ бѣдности на лонѣ природы, относились къ римлянамъ довѣрчиво и предупредительно, — въ особенности же къ свободолюбивымъ. Дружественность этихъ отношеній еще больше увеличилась, когда римскіе солдаты увидѣли, что отъ Іудеи ихъ отдѣляетъ бездонная пропасть, а съ Самаріей, гдѣ они еще недавно цѣлыми рѣками крови потушили народное возстаніе, примириться имъ не такъ — то легко. Понятно, въ мирной Галилеѣ, какъ это неизбежно бываетъ въ завоеванныхъ странахъ, имѣли мѣсто любовныя влеченія и сожительство или смѣшанные браки римлянъ съ галилеянками.

Теперь мы остановимся на іудействѣ... Евреи того времени не были уже израильтянами временъ Саула, Давида и Соломона, даже имя израильтянъ они утратили и назывались «іудеями». Часто повторявшіяся порабощенія иноплеменными завоевателями, двойное насильственное переселеніе въ чужія земли, затѣмъ, по возвращеніи на родину, угнетеніе своими собственными тиранами и, наконецъ, насильственное превращеніе страны въ римскую провинцію — все это такъ принизило вѣкогда гордую національность израиль-

скаго народа, что значительная часть его уже не надѣялась на улучшение своего положенія собственными силами и возложила свои упованія лишь на возможность чуда: люди ждали какого-то фантастическаго мстителя и спасителя, могущественнаго царя—мессію. Потеря послѣднихъ остатковъ политической самостоятельности и желѣзное римское иго сосредоточили всю энергію этого жизненнаго народа въ области религіи, изъ которой возникло его прежнее полудуховное государство, его вѣнчанная теократія. Въ этой области еврей-монотеисты, имѣя дѣло съ народами политеистическими, считали себя единственнымъ народомъ, знающимъ истину и избраннымъ Богомъ. И римляне, которые, какъ просвѣщенные деспоты, терпѣли всякое вѣроисповѣданіе, пока народъ имъ повиновался, т.-е. пока онъ платилъ налоги и исполнялъ воинскую повинность, — до поры до времени еще не трогали этой вѣры. Но это принесло іудеямъ больше вреда, чѣмъ пользы. Предоставленные самимъ себѣ, они вели ожесточенные споры другъ съ другомъ и изъ прежнихъ религіозныхъ мнѣній и системъ выработали настоящія вѣроисповѣдныя секты и партіи. Всѣ они принимали законъ Моисея, но различались другъ отъ друга въ толкованіи и объясненіи его. Ветхій Заветъ постигла такая же судьба, какъ впоследствии Новый; всѣ считали его непогрѣшимымъ Священнымъ Писаніемъ, книгой книгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ многія мѣста въ немъ, какъ въ иныхъ книгахъ, стали толковать на различные, иногда совершенно противоположныя, лады; эти толкованія ничего не давали уму и сердцу мыслящаго человѣка, а лишь доставляли выгоду отдѣльнымъ лицамъ, заинтересованнымъ именно въ такомъ, а не иномъ толкованіи. Во главѣ различныхъ партій стояли ученые, «книжники», священники. Каждый раввинъ, понятно, утверждалъ, что толкованіе его партіи и есть именно единоспасающее, а убѣжденія раввиновъ зависѣли отъ доходовъ. Высшій религіозный постъ, дававшій большіе доходы, санъ первосвященника, сталъ продажнымъ; твердыня религіи, храмъ Соломоновъ, превратился въ простой торговый домъ. Іерусалимъ, іудейская столица, имѣлъ 200.000 жителей, а по преступленіямъ и порокамъ онъ соперничалъ съ милліоннымъ населеніемъ Рима.

Самой многочисленной и сильной изъ іудейскихъ сектъ были фарисеи. Слово «фарисей» буквально значитъ «отдѣленный», но высокоумѣнная партія впоследствии стала толковать его въ смыслѣ избранный. Фарисеи прежде всего утверждали, что устныя сказанія предковъ имѣютъ такое же значеніе, какъ и писанный законъ Моисеевъ. Они утверждали относительно этихъ устныхъ преданій, что Богъ далъ ихъ Моисею впоследствии, послѣ писан-

наго закона, и что правильно понимать писаніе можно только при помощи преданій. Наконецъ, они учили, что предопредѣленіе Божье не противорѣчитъ свободѣ воли человѣка, что вѣра важнѣе для спасенія, чѣмъ добрыя дѣла, и средствами покаянія признавали постъ, милостыню и молитву. Они вѣрили въ будущую жизнь, въ воскресеніе тѣла, въ загробныя награды и наказанія, т. е. въ существованіе рая и ада. Вѣшность, пустыя, мелочныя церемоніи значили для нихъ все, сущность же, добродѣтель, нравственная дѣятельность—ничего или почти ничего. Подъ маской благочестія они скрывали всѣ пороки людей этого сорта; подъ вѣшнымъ видомъ смиренія царила классовая гордость, жестокія бичеванія прикрывали самыя изысканныя пороки. Любимое занятіе фарисеевъ—приобрѣтеніе прозелитовъ—часто приводило ихъ въ собранія; при этомъ они являлись не иначе, какъ чисто и тщательно одѣтыми, въ платьѣ, окаймленномъ библейскими изрѣченіями: проходя по улицѣ, они часто останавливались и тихо или вслухъ молились, то опуская глаза въ землю, то поднимая ихъ къ небу, раздавали бѣднымъ мелкія монеты—за это имъ самимъ доставались крупныя. Словомъ, они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы обратить на себя вниманіе и извлечь изъ этого выгоду. Въ такой систематической поговѣ за преклоненіемъ черни по приѣмамъ, употреблявшимся для этой цѣли, различали три сорта фарисеевъ. Однихъ называли «наталкивающимися»: они ходили по улицамъ, опустивъ голову и закрывъ глаза, чтобы не видѣть женщинъ, и поэтому часто наталкивались на стѣны; затѣмъ, были такъ-называемые фарисеи—«ступочники»: чтобы не смотрѣть на женщинъ и не развлекаться въ своихъ благочестивыхъ размышленіяхъ, они носили особыя шляпы, на подобіе опрокинутыхъ ступокъ, съ широкими, опускавшимися внизъ, полями, такъ что они могли видѣть лишь клочокъ земли подъ ногами; третьихъ называли «безногими»: они ходили въ широкихъ одеждахъ, опускавшихъ до самой земли, такъ что казалось, будто они движутся безъ ногъ. Всѣхъ этихъ людей Христосъ, не дѣлая никакихъ различій, называлъ «гробами повапленными».

Полную противоположность этимъ іезуитамъ іудейства представляли жизнерадостные *саддукеи*. Название это они получили отъ имени ученаго Саддока, ученика мудраго предсѣдателя санхедрина (синедріонъ) Антигова Сохея, который, приблизительно за 260 лѣтъ до христіанской эры, проповѣдывалъ, что «люди должны служить Богу не рабски, не изъ страха наказанія или расчетовъ на награду, а единственно изъ безкорыстной любви къ нему». Это разумное и высоко-нравственное ученіе Саддокъ дополнилъ слѣдую-

щими положеніями: «Всѣ законы и сказанія, которыхъ гѣтъ въ текстѣ книгъ Моисея, нужно отвергнуть, какъ человѣческія измышленія. Нѣтъ ни безтѣлесныхъ ангеловъ или духовъ, ни особой жизни, отличной отъ земного существованія; душа человѣческая не переживаетъ тѣла, а вмѣстѣ съ нимъ распадается на міровые атомы и подвергается дальнѣйшимъ превращеніямъ. Нѣтъ воскресенія мертвыхъ, нѣтъ награды и наказанія за гробомъ. Человѣкъ не обреченъ на неизбѣжную судьбу, а его положеніе въ значительной степени зависитъ отъ него же самого».

Это саддукейское ученіе нисколько не подрывало нравственности его послѣдователей, а ихъ участіе во всѣхъ радостяхъ жизни не ослабляло въ нихъ чувства долга и высшихъ духовныхъ стремленій. Во всякомъ случаѣ, саддукейство, возникшее за сто лѣтъ до появленія фарисеевъ, и, слѣдовательно, бывшее не реакціей противъ регресса, а самостоятельнымъ актомъ духовной дѣятельности, служить свѣтлой точкой на темномъ фонѣ того времени.

Бездна, отдѣлявшая фарисеевъ отъ саддукеевъ въ умствennomъ и нравственномъ отношеніи, была слишкомъ велика, для того, чтобы, при разнообразіи человѣческой природы, не явилось посредствующихъ партій. Такъ возникла секта караимовъ, названіе которыхъ означаетъ людей текста, буквы. Караимъ до-христіанскаго времени хотѣлъ безусловно держаться текста писаннаго закона, одинаково избѣгая и свободной критики его, и суевѣрныхъ извращеній. Но при такомъ стремленіи караимовъ постигла участь всѣхъ людей золотой середины, которые, тщательно стараясь не уклониться ни направо, ни налево, мало-по-малу совершенно незамѣтно сами выдѣляются изъ себя два направленія, одно изъ которыхъ стоитъ ближе къ правой, а другое—къ лѣвой сторонѣ. Такъ случилось и здѣсь, когда, приблизительно, за тридцать лѣтъ до-христіанской эры, кареець, вѣрившій въ преданія, Гилиль былъ предсѣдателемъ, а свободомыслящій кареець, Шамай—вице-предсѣдателемъ синедріона. Начались споры, за которыми послѣдовали кровавыя битвы, и секта золотой середины распалась: одни изъ ея сторонниковъ переходили къ фарисеямъ, другіе къ саддукеямъ. Но изъ этихъ главныхъ партій побѣда склонялась на сторону первой. Оглупѣвшій и обѣднѣвшій народъ слѣпо отдался тѣмъ, которые захватили въ свои руки власть, богатство, высшія мѣста въ государственной и религіозной жизни и давали ему хлѣбъ и зрѣлища—«*panem et circenses*»: этотъ принципъ управленія іерусалимскіе господа переняли у римскихъ. Истинные друзья народа, которые равнодушно относились къ вѣрованіямъ другихъ людей, и поэтому никому не навязывали своихъ взглядовъ, скоро

увидѣли, что ихъ число все болѣе и болѣе уменьшается; часть ихъ удалилась отъ общественной дѣятельности, другая—увлеклась римской жизнью; иродіанская аристократія лавировала, т. е. прислуживалась, смотря по обстоятельствамъ, то императорской власти въ Римѣ, то фарисеямъ въ Палестинѣ. Нѣкоторые корни въ народѣ имѣли саддукеи еще въ Самаріи,—странѣ, въ которой языческое раньше населеніе лишь недавно приняло законъ Моисеевъ и потому не во всей его полнотѣ.

Какъ ни сильно увлеклось большинство тогдашнихъ іудеевъ религіозной односторонностью, все-таки въ немъ не вполнѣ исчезли и политическія стремленія. Вопросъ: быть ли іудеями, или стать римлянами? стоялъ на очереди, и долженъ былъ вызвать сперва различныя мнѣнія, а затѣмъ—партіи. Но и этотъ вопросъ получаетъ религіозную подкладку. Болѣе національные фарисеи ратовали за іудейство и именно за то, которое сами же они избрѣли; за романизацію стояли саддукеи, имѣвшіе болѣе космополитическіе взгляды. Такъ возникли партіи «гаулонитовъ» и «иродіанъ». Основателемъ первой изъ нихъ былъ Иуда Ѳевда, происходившій изъ Гаулѳна въ верхней Галилеѣ. Приблизительно, въ первые годы христіанскаго лѣтосчисленія, Ѳевда проповѣдывалъ, что іудеи—народъ, избранный Богомъ, а потому должны повиноваться одному лишь Богу и не признавать надъ собой никакой человѣческой власти. Вмѣсто того, чтобы платить подати, лучше взяться за оружіе и прибѣгнуть къ послѣднему средству. Иродіане же,—партія, получившая названіе отъ имени Ирода Великаго, который добровольно уступилъ свою область римлянамъ,—утверждали, что спасеніе народа іудейскаго — лишь въ снисходительности непобѣдимаго Рима и, чтобы угодить ему, не нужно останавливаться даже передъ усвоеніемъ языческихъ обычаевъ. Эти политическія распри, понятно, еще болѣе усилили смуту въ Палестинѣ, но они, несомнѣнно, способствовали тому, что появилась третья и главная партія, соединившая религію и политику; партія эта привяла болѣе социальный характеръ и оказала большое вліяніе на современное положеніе дѣлъ.

Въ противовѣсъ лицемѣрному фарисейству Іудеи и, хотя послѣдовательной, но непопулярной философіи саддукеевъ въ Самаріи,—въ третьей провинціи—Галилеѣ, возникла секта *есеевъ*. Ее основали пастухи, рыбаки и ремесленники, люди трудовые и бѣдные. Римскіе республиканцы стоической школы, загнанные подозрительностью новой императорской власти въ отдаленныя страны Азіи, присоединились къ ессеямъ; греческіе философы, которые, какъ странники, скитались тогда по всему свѣту, дали этой сектѣ

основные принципы, обряды и форму посвященія. Питая отвращеніе къ тогдашней политикѣ, которая падала все ниже и ниже, и принимая участіе въ общественной жизни лишь настолько, насколько это было безусловно необходимо, ессеи жили лишь для своей общины и для своихъ принциповъ. Принципами этими были: справедливость, умѣренность, воздержаніе, скромность, любовь къ ближнимъ, а вслѣдствіе этого отрицаніе войны и общность имущества. Законъ Моисеевъ ессеи понимали аллегорически и отрицали буквальное толкованіе его. Строго соблюдали они лишь нравственныя предписанія, изъ церемоній же признавали лишь одну: погруженіе въ воду, бывшее въ тѣ времена общераспространеннымъ на Востокѣ символомъ очищенія. Чуждаясь правильнаго богослуженія, они молились только подъ открытымъ небомъ и лишь разъ въ годъ посѣщали храмъ іерусалимскій. Они избѣгали клятвъ и клялись только соблюдать свое ученіе и сохранять его въ тайнѣ. Ессеи раздѣлялись на осѣдлыхъ и странствующихъ. Первые доставляли своимъ трудомъ средства общинѣ, вторые же, отдавъ свое имущество роднымъ и товарищамъ, жили на счетъ общества. Странствующій ессей то уединялся и предавался созерцанію природы, то ходилъ по странѣ, какъ врачеватель души и тѣла, лѣчилъ больныхъ и проповѣдывалъ свое ученіе, останавливаясь по временамъ у осѣдлыхъ членовъ секты, для которыхъ онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ. Положеніе его, естественно, влекло за собой безбрачіе, которое, впрочемъ, и такъ поощрялось ученіемъ ессеевъ. Осѣдлые ессеи часто принимали чужихъ дѣтей и воспитывали ихъ какъ своихъ: они полагали, что одно изъ главныхъ требованій ихъ ученія, любовь къ ближнему, лучше всего выполняется вниманіемъ къ беззащитнымъ дѣтямъ. Въ такую форму исторически отлилась секта ессеевъ за нѣсколько десятилѣтій до начала христіанскаго лѣтосчисленія...

Намъ остается еще упомянуть объ эллинизмѣ того времени. Греки девятнадцать вѣковъ тому назадъ не имѣли общаго отечества. Множество мелкихъ монархій и республикъ раздробили древнюю Грецію. Сѣверъ и югъ, дорическій и іоническій элементъ, боролись другъ съ другомъ и дѣлали невозможнымъ политическое объединеніе. При такомъ отсутствіи практической общественной дѣятельности лучшія силы народа набросились на теоріи. Греки стали привилегированной націей ученыхъ. Вся область философіи—а съ нею и религіи—стала, такъ сказать, ихъ удѣломъ. Ни одна новая идея, ни одна новая система не могла проложить себѣ дорогу и получить широкое распространеніе безъ одобренія грековъ. Они повсюду играли роль посредниковъ въ умственной жизни. По-

этому не могло обойтись безъ нихъ и въ іудейской землѣ, во всѣхъ важнѣйшихъ іудейскихъ движеніяхъ. Греческіе философы по профессіи большею частью странствовали по всему извѣстному тогда свѣту. Греки были совѣтниками, друзьями и слугами государей, государственныхъ дѣятелей и богачей. А такъ какъ почти каждый тогда философствовалъ или, по крайности, считалъ себя философомъ, то греческая философія со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами—въ видѣ высокой мудрости или въ видѣ жалкой софистики—проникла во всѣ сферы тогдашней жизни. Сверхъ того, между греками и іудеями существовали тѣсныя связи еще со временъ македонскаго завоевателя и его преемниковъ. Было уже много тысячъ «эллинизированныхъ» іудеевъ, которые жили въ греческихъ городахъ, женились на гречанкахъ и говорили по гречески. Такіе іудеи даже свое священное писаніе читали тогда въ греческомъ переводѣ, сдѣланномъ «семидесятью толковниками» по повелѣнію египетскаго царя, Птолемея Филадельфа...

Куно Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. Переводъ съ нѣмецкаго С. Н. Грумъ-Гржимайло, подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Первая половина. Москва 1894.

Книга Куно Фишера состоитъ изъ двухъ частей. Первая занята „жизнью и характеромъ Шопенгауэра“, вторая — „изложеніемъ и критикой его ученія“. Въ русскомъ переводѣ вышла пока только первая половина книги, представляющая собою — какова бы ни была вторая часть — блестящій образчикъ біографическаго мастерства.

Задача біографа всегда сложна и трудна, если разумѣть подъ ней не голый перечень фактовъ, а характеристику, объединяющую факты и располагающую ихъ не только въ хронологической перспективѣ. Къ сожалѣнію, нѣтъ людей яркаго и вмѣстѣ съ тѣмъ ровнаго, не мерцающаго въ теченіи всей жизни и на всѣхъ ея путяхъ свѣта, и къ счастью, крайне рѣдки люди столь же исключительной тьмы. Біографъ долженъ разобратся въ этой пестрой картинѣ свѣта и тѣни, добра и зла, ошибокъ и подвиговъ, торжества и паденія. И это тѣмъ труднѣе, что біографіи удостоиваются лишь люди по крайней мѣрѣ выше средняго роста; оставившіе своею дѣятельностью извѣстный слѣдъ въ исторіи. Противорѣчія же между личными свойствами и характеромъ общественной дѣятельности — научной, литературной, политической, административной — слишкомъ часто бросаются въ глаза. Но это противорѣчія кажущіяся, и задача біографа состоитъ въ ихъ устраненіи, то-есть, объясненіи. Біографъ долженъ найти въ жизни даннаго лица и въ его дѣятельности такую центральную точку, утвердившись на которой, можно привести въ связь всѣ лучи свѣта и всѣ полосы тѣни. Только найдя эту точку, біографъ можетъ сказать, что его задача рѣшена, а до тѣхъ поръ она лишь поставлена, да собраны матеріалы для ея рѣшенія. Труд-

ность увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что біографу приходится управлять своими симпатіями и антипатіями, какъ къ данной личности, такъ и къ характеру и направленію ея общественной дѣятельности. Трудность эта не устраняется холоднымъ, такъ называемымъ объективнымъ изученіемъ и сопоставленіемъ фактовъ съ устраненіемъ собственныхъ понятій о добрѣ и злѣ. Напротивъ, нуженъ, при извѣстной уровновѣшенности ума, горячій интересъ къ добру и злу, горячая вѣра, позволяющая безъ страха признать пятна на своемъ солнцѣ, потому что все-таки оно остается солнцемъ, и жемчужину въ кучѣ грязи, потому что грязь отъ этого не становится чище.

Всѣ эти трудности преодолѣны въ работѣ Куно Фишера, а онѣ особенно велики по отношенію къ Шопенгауэру. За исключеніемъ продолжительныхъ укаловъ осворбленнаго самолюбія, да и то умѣряемыхъ непоколебимою вѣрою въ себя и въ свое конечное торжество, жизнь этого человѣка была, какъ на заказъ, счастливой. Онъ, можно сказать, не зналъ болѣзней, печалей и воздыханій, а къ чужимъ печалямъ и воздыханіямъ относился съ крайнимъ равнодушіемъ. И въ то же время это былъ мрачный пессимистъ, скорбѣвшій о погруженномъ въ безысходное страданіе мірѣ. Проповѣдникъ аскетизма, онъ никогда въ жизненныхъ благахъ себѣ не отказывалъ. Паря въ небесахъ отвлеченной мысли, въ жизни онъ былъ брюзга, мелочникъ и трусъ. Презирая людей и щеголяя этимъ презрѣніемъ, онъ до смѣшного добивался славы, то-есть, признанія со стороны этихъ презираемыхъ людей, и до смѣшного радовался, когда эта слава, наконецъ, пришла. Чѣмъ объяснить эти противорѣчія въ человѣкѣ безспорно великаго ума, какъ бы мы ни относились къ его философіи?

„Его интеллектуальная природа, — говоритъ Куно Фишеръ, — была снабжена и вооружена всею тяжестью сильной и пылкой воли; ему было предназначено сдѣлаться геніальнымъ художникомъ, не такимъ, который въ образахъ и краскахъ воспроизводитъ явленія, но такимъ, который въ понятіяхъ запечатлѣваетъ суть и свойства вещей, — художникомъ, которому матеріаломъ служатъ познанія и идеи, добываемыя на пути научно-философскаго образованія“ (стр. 18). И далѣе: „Согласіе между философіей Шопенгауэра и его жизнью дѣлается намъ ясно, лишь только мы начнемъ раз-

*

сматривать его, какъ *художника*“ (стр. 143). Любопытна, между прочимъ, слѣдующая черта: „Онъ обладалъ въ высочайшей степени силою потрясать самого себя и сдѣлался бы великимъ актеромъ, если бы не рѣшилъ выбрать поприще философіи. Онъ былъ, какъ сообщаютъ, отличнымъ рассказчикомъ и могъ, если предметъ охватывалъ его, проливать слезы. И какъ философъ (прибавляетъ Куно Фишеръ), онъ былъ великимъ артистомъ, имѣвшимъ въ своей власти способность производить впечатлѣніе, и какъ трагикъ, и какъ комикъ“ (стр. 144).

Мы не будемъ слѣдить за развитіемъ мысли Куно Фишера, предоставляя читателю самому въ подробности ознакомиться съ прекрасно написанною и въдобавокъ прекрасно переведенною книгой. Мы сдѣлаемъ только еще одну характерную выписку.

Пессимизмъ Шопенгауэра „былъ серьезнымъ трагическимъ міросозерцаніемъ, но онъ былъ *созерцаніемъ*, представленіемъ, картиной. Трагедія бѣдствія міра игралась въ театрѣ, онъ сидѣлъ въ зрительной залѣ въ очень удобномъ креслѣ, со своимъ биноклемъ, овазывавшимъ ему услуги микроскопа; многіе изъ зрителей забывали бѣдствія міра около буфета, никто изъ нихъ не слѣдилъ за трагедіей съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, съ такой глубокой серьезностью, съ такимъ пронизывающимъ взоромъ; затѣмъ, глубоко потрясенный и въ душѣ довольный, шелъ онъ домой и описывалъ то, что видѣлъ“ (стр. 131).

Какъ видитъ читатель, это не оправданіе низменныхъ сторонъ натуры Шопенгауэра, а установленіе связи между ними и философіей франкфуртскаго мыслителя, которая, и утративъ свое руководящее значеніе, всегда останется замѣчательнымъ *художественнымъ* произведеніемъ въ смыслѣ Куно Фишера.

Характеристика Шопенгауэра, сдѣланная Куно Фишеромъ, очень напоминаетъ характеристику Іоанна Грознаго, сдѣланную когда-то Хомяковымъ и Константиномъ Аксаковымъ. Въ особенности послѣдній развилъ то общее положеніе, что „одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ и суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей для души человѣка“. Опасность заклю-

чается въ томъ, что „человѣкъ довольствуется здѣсь благоуханіемъ добра, а добро само по себѣ—вещь для него слишкомъ грубая, тяжелая и черствая“. Дѣло такимъ образомъ не въ самой художественности, которая можетъ сочетаться и часто дѣйствительно сочетается съ высокими нравственными качествами, а въ несчастной комбинаціи крупной художественной силы съ низменнымъ нравственнымъ характеромъ. Біографія Шопенгауэра въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна. И при чтеніи ея невольно приходитъ въ голову: хорошо, что это былъ только мыслитель, а не практическій дѣятель, имѣющій возможность на дѣлѣ осуществлять созданія своей художественной фантазіи, лишенной нравственной подкладки.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что бабка Шопенгауэра была душевно больная, старшій братъ отца его былъ слабоуменъ отъ рожденія, второй дядя впалъ въ слабоуміе вслѣдствіе распутной жизни, отецъ кончилъ тоже душевнымъ разстройствомъ и, повидимому, самоубійствомъ. Куно Фишеръ упоминаетъ объ этихъ фактахъ, но дѣлаетъ изъ нихъ лишь нѣсколько очень общихъ и, такъ сказать, робкихъ выводовъ по отношенію къ самому Шопенгауэру.

Многіе изъ поступковъ Шопенгауэра носятъ на себѣ явственную печать душевнаго нездоровья. Въ главѣ „Отцовское наслѣдіе“ Куно Фишеръ отмѣчаетъ, какъ результатъ психопатической наслѣдственности, необыкновенную трусость Шопенгауэра, за которую Ломброзо называетъ его прямо липеманьякомъ. Онъ одно время спалъ съ оружіемъ въ рукахъ, опасаясь какихъ-то нападеній, боялся, что его кто-то хочетъ отравить нюхательнымъ табакомъ, всегда возилъ съ собой собственный стаканъ, чтобы не пить изъ чужихъ, боялся бриться у парикмахеровъ и т. п. Его художественная фантазія въ такихъ случаяхъ не только дѣлала изъ мухи слона, но и прямо изъ ничего создавала ужасы и опасности. И естественно, что настроеніе это выразилось въ созданіи мрачной, пессимистической философіи. Подъ вонецъ жизни, когда Шопенгауэра осѣнила наконецъ жадно искомая слава, онъ вообразилъ себя основателемъ новой религіи и съ истинно комическою серьезностью говорилъ о своемъ культѣ, о своихъ апостолахъ и проч. Здѣсь опять-таки для Шопенгауэра дѣло

было, говоря словами Авсакова, не въ добрѣ, а въ благоуханіи добра, въ художественномъ образѣ учителя, словамъ котораго съ священнымъ трепетомъ и благоговѣніемъ внимають тысячи, быть можетъ, милліоны людей. И такую исключительную власть имѣлъ надъ нимъ этотъ художественный образъ, и именно только какъ художественный образъ, что онъ и не думалъ привести въ связь свою жизнь съ своимъ ученіемъ и, при всемъ своемъ умѣ, не замѣчалъ комизма своего положенія. Нѣтъ надобности видѣть въ личности Шопенгауэра одну изъ иллюстрацій къ темѣ: „геніальность и помѣшательство“ для того, чтобы признать болѣзненное происхожденіе приведенныхъ чертъ. Но такъ мало симпатична вся фигура франкфуртскаго философа и такъ непомѣрно велико его самомнѣніе, что сожалѣнія не испытываешь при чтеніи его біографіи и кончаешь ее съ чувствомъ удовлетворенія: всегда мучительная загадка сочетанія крупной творческой, созидающей силы съ отрицательными нравственными чертами—понята.

Научная и профессорская дѣятельность И. П. Вородина.

(Ко дню двадцатипятилѣтняго юбилея).

23-го сентября 1894 года исполнилось 25 лѣтъ научной и профессорской дѣятельности нашего извѣстнаго талантливаго профессора ботаники Ивана Парфеньевича Вородина. И. П. кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Онъ слушалъ лекціи въ университетѣ въ то самое время, когда увлеченіе физиологіей растений достигло своего апогея. Новыя мысли, новыя ученія о жизни раздавались тогда съ кафедръ многихъ университетовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. «Основа жизни организмовъ, растительныхъ и животныхъ, есть клѣтка», — учили тогда профессора, «и именно, содержимое этой клѣтки, протоплазма». Въ ней, въ этой протоплазмѣ, представляющей для неспециалистовъ не что иное, какъ комочки слизи, ученые надѣялись въ то время открыть тайну жизни, тайну ея происхожденія, законы ея проявленія. «Жизнь есть, — говорили тогда, — особое проявленіе физическихъ и химическихъ законовъ въ протоплазмѣ, въ клѣткѣ». Такъ какъ растительная клѣтка представляетъ, по своей организаціи, наиболѣе удобный объектъ для изученія проявленія жизни, то понятно, что въ то время особенно интересовала и привлекала къ себѣ эта растительная клѣтка, въ которой, думали, заключалась, правда, еще неразгаданная, но вся тайна жизни. А человекъ таковъ всегда былъ, есть и будетъ, что все таинственное, неразгаданное особенно волнуетъ его, привлекаетъ его пытливымъ умъ и заставляетъ такъ или иначе, но разгадать эту тайну. И вотъ въ то время особенно привлекала студентовъ физиологія растений и животныхъ. Съ усердіемъ посѣщались лекціи и лабораторіи профессоровъ-физиологовъ, всѣ натуралисты хотѣли быть физиологами. Систематика, съ ея классификаціей, съ ея счетомъ тычинокъ и плодниковъ, съ ея латинскими названіями и терминами, считалась тогда наукой сухой, сухой,

не дававшей простора мысли. Въ Петербургскомъ университетѣ въ то время читалъ лекціи фізіологіи растений профессоръ, а нынѣ академикъ, А. С. Фаминцынъ, и его-то духовными сынами должны по справедливости считаться И. П. Бородинъ, А. Θ. Баталинъ *), К. А. Тимирязевъ **), С. М. Розановъ ***) и многіе другіе. Всѣ они жадно слушали лекціи А. С. Фаминцына и усердно работали въ его лабораторіи. Но строгій умъ А. С. Фаминцына значительно сдерживалъ пытливые умы молодыхъ начинающихъ ученыхъ въ ихъ стремленіяхъ разгадать тайну жизни, и учитель направлялъ часто учениковъ своихъ на задачи менѣе крупныя, но требующія усидчивости, терпѣнія; однимъ словомъ, А. С. стремился выработать въ ученикахъ своихъ строгихъ ученыхъ, умѣющихъ *работать*, а не витать лишь въ облакахъ мысли.

Съ такими-то идеями и такой строгой научной подготовкой началъ свою научную дѣятельность И. П. Бородинъ. И растительная клѣтка, въ которую влюбился онъ еще въ молодыхъ годахъ, до сихъ поръ остается вѣрной подругой его жизни. Цѣлый рядъ ученыхъ работъ, по достоинству оцѣненныхъ специалистами русскими и иностранными, совершенъ былъ И. П. именно въ этомъ направленіи, — онъ работалъ надъ выясненіемъ тайны жизни клѣтки, а слѣдовательно, и всего живого. Много работъ посвящено было имъ дыханію растений, т.-е. такому жизненному процессу, который, повидимому, легче всего поддается, такъ сказать, фізическому и химическому анализу. Хлорофиллъ — то зеленое вещество, которое свойственно большинству растений, и которое составляетъ основу процесса питанія зеленыхъ растений, конечно, тоже привлекъ вниманіе И. П. и имъ произведено вѣсколько специальныхъ работъ надъ хлорофилломъ. Въ основныхъ чертахъ процессъ питанія растений былъ въ то время уже вполне выясненъ; давно было извѣстно, что растения принимаютъ пищу свою корнями изъ земли и зелеными листьями изъ атмосферы; что этотъ сырой матеріалъ внутри растенія, именно, въ зеленыхъ частяхъ его, подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта обращается въ сложныя органическія вещества, идущія далѣе на построеніе органовъ растений, на сооруженіе растительнаго здавія. Но какъ совершаются послѣдніе процессы, какія происходятъ превращенія при переходѣ воды и углекислоты воздуха въ сложнѣйшія органическія веще-

*) Нынѣ директоръ Ботаническаго Сада въ Петербургѣ.

***) Профессоръ фізіологіи растений въ Московскомъ университетѣ.

***) Бывшій главный ботаникъ Ботаническаго Сада въ Петербургѣ, давно уже скончавшійся.

ства, какъ эти вещества передвигаются изъ листьевъ, гдѣ они образуются, въ нарастающія части растений и т. д. — всѣ эти весьма трудные вопросы проявленія жизни въ растенияхъ, вопросы, требующіе приложенія химіи къ ботаникѣ, требующіе умѣнья заглянуть, такъ сказать, въ самое нутро растенія — всѣ эти вопросы въ то время, когда И. П. Бородинъ начиналъ свою научную дѣятельность, были самыми современными и надъ ними работало не мало ученыхъ, особенно иностранныхъ. Понятно, что и И. П. принялъ участіе въ этомъ общемъ движеніи. Аспрагинъ, лейцинъ, гесперидинъ, дульцитъ—всѣ эти названія, страшныя для неспеціалистовъ, но глубоко интересныя по своему значенію въ питаніи растеній, часто встрѣчаются въ работахъ И. П. и были тщательно имъ изучены *).

До сихъ поръ мы познакомились съ И. П., какъ съ ученымъ, работающимъ надъ такими общими и интересными вопросами, какъ дыханіе и питаніе растеній. Работая надъ послѣднимъ вопросомъ, И. П. остановился, между прочимъ, надъ изученіемъ различныхъ кристалловъ, которые встрѣчаются въ тканяхъ растеній, они надолго привлекли вниманіе И. П. Кристаллы эти не имѣютъ выдающагося значенія въ вопросахъ о жизни растеній и представляють какъ бы отбросы растительныхъ клѣтокъ. Вотъ почему большинствомъ фізіологовъ и анатомовъ они и оставались безъ вниманія. Но талантливый умъ И. П. съумѣлъ и въ кристаллахъ найти интересное и подойти къ нимъ съ такой стороны, что и они заговорили. И. П., дѣлая сообщенія въ ученыхъ обществахъ, на съѣздахъ и конгрессахъ о кристаллахъ, отложенныхъ въ тканяхъ растеній, увлекалъ за собой аудиторію, и бездушные, на первый взглядъ не имѣющіе значенія, кристаллы рассказывали слушателямъ цѣ-

---

*) Считаемо необходимымъ привести здѣсь списокъ главнѣйшихъ работъ проф. Бородина: «О дыханіи въ чистомъ кислородѣ», «О распаденіи и образованіи бѣлковыхъ веществъ въ растеніяхъ», «О явленіяхъ растительной жизни, представляющихъ періодичность при постоянныхъ внѣшнихъ условіяхъ», «О кристаллахъ хлорофилла», «Сферокристаллы Srasralum и микрхимическое открытіе лейцина», «О кристаллахъ нѣкоторыхъ пигментовъ», сопровождающихъ хлорофилъ», «О распаденіи гесперидина въ растительномъ царствѣ», «Объ условіяхъ накопленія лейцина въ растеніяхъ», «О распредѣленіи кристалловъ въ листьяхъ бобовыхъ и розоцвѣтныхъ», «О желтыхъ пигментахъ растеній», «О распространеніи дульцита въ растеніяхъ», «О кристаллическихъ отложеніяхъ въ листьяхъ Anonaceae и Violariaceae». Кроме того проф. Бородинъ является авторомъ прекраснѣйшихъ руководствъ: «Краткій курсъ ботаники» (вышелъ уже 3 изданіями) и «Курсъ анатоміи растеній» (для высшихъ учебныхъ заведеній). Fed.

лыя интересныя и поучительныя исторіи сродства однихъ растительныхъ формъ съ другими.

Тутъ, рука объ руку съ этими кристаллами, И. П. Бородинъ изъ области растительной фізіологіи и неразрывно связанной съ ней анатоміи перешагнулъ въ область систематики. И его талантливыя рѣчи воскрешали въ слушателяхъ интересъ не только къ интереснымъ кристалламъ, но и къ забытой, заброшенной систематикѣ ..

Работа всякаго истиннаго ученаго заключается не только въ самостоятельныхъ работахъ, но и въ томъ, чтобы неуставно слѣдить за ходомъ науки. Въ настоящее время, при томъ неизмѣрномъ объемѣ, до котораго доросла наука вообще, да въ частности и каждая отдѣльная отрасль науки, слѣдить за успѣхами и ходомъ науки является весьма затруднительнымъ. Ежедневно печатается столько специальныхъ изслѣдованій и трудовъ, что слѣдить за всѣми ними является весьма и весьма большимъ дѣломъ. Нынѣшнюю научную работу на земномъ шарѣ можно сравнить съ огромнымъ строящимся зданіемъ. Зданіе это сразу строится со всѣхъ сторонъ. Масса прилежныхъ работниковъ тащатъ для постройки кирпичи, песокъ, глину; но архитекторы, отвлекаемые наблюденіями за всѣми этими отдѣльными работами, не успѣваютъ слѣдить за общимъ ходомъ работы и не могутъ даже издали взглянуть на весь ансамбль зданія—такъ оно велико! Большинство современныхъ ученыхъ отдають свое время и силы какой-нибудь отдѣльной узкой специальности; они всю жизнь работаютъ надъ какимъ-нибудь однимъ вопросомъ, они дѣлаются мастерами въ этихъ отдѣльныхъ вопросахъ, но никогда не суждено имъ увидѣть издали всего зданія, надъ постройкой одного какого-нибудь угла котораго они съ такимъ усердіемъ трудятся.

Не таковъ И. П. Бородинъ. Мы видѣли его вступающимъ на научное поприще съ жаждою познать тайну жизни; мы видѣли, что, слѣдуя символу вѣры того времени, И. П. остановился на клеточкѣ и заключенной въ ней протоплазмѣ, какъ на объектахъ, которые должны наивѣрнѣйшимъ образомъ раскрыть эту тайну. Мы видѣли, какъ онъ самъ собираетъ камешки для общаго зданія науки и какъ, работая надъ дыханіемъ и питаніемъ растеній, надъ хлорофилломъ и аспарагиномъ, надъ кристаллами шавелеваго кальция и проч., подходилъ къ волновавшему его вопросу. Но еще болѣе удѣлялъ и удѣляетъ вниманія и времени И. П. изученію того, что дѣлають соратники его по наукѣ. И надо сознаться, что почти никто такъ всесторонне не слѣдитъ за развитіемъ ботанической науки вообще и въ особенности за развитіемъ ученія о клеткѣ и

протоплазмѣ, какъ И. П. Не разъ дѣлился онъ своими знаніями въ этомъ отношеніи съ товарищами по наукѣ. И такъ какъ И. П.

И. П. Бородинъ.

обладаетъ замѣчательнымъ даромъ изложенія, и въ его устахъ самый сухой, самый безжизненный предметъ или вопросъ облекается въ плоть и кровь и одушевляется мыслью, то понятно, съ какимъ вниманіемъ и интересомъ слѣдятъ ученые за его рѣчами въ общихъ собраніяхъ Общества естествоиспытателей, когда онъ собирается говорить о клѣткѣ или протоплазмѣ: въ этихъ рѣчахъ, ассимилировавъ весь сырой научный матеріалъ даннаго времени, но И. П. вливаетъ въ этотъ матеріалъ мысль, душу и создаетъ живую, стройную картину.

Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи недавняя рѣчь его, произнесенная въ декабрѣ 1893 года, на торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей по слу-

чаю 25-лѣтняго его юбилея *). Она является признаніемъ того, что одними физическими и химическими законами объяснить жизненныя проявленія клѣтки ея протоплазмы нельзя. «Не въ физическихъ и химическихъ свойствахъ протоплазмы кроется тайна жизни,—исповѣдуетъ теперь И. П.,—а въ присутствіи въ организмахъ особой жизненной силы». Эта рѣчь являлась реакціей противъ увлеченія матеріализмомъ; она потрясла паудиторію, такъ какъ вылилась изъ устъ человѣка, который неустанно четверть вѣка работалъ надъ вопросомъ о тайнѣ жизни, заключенной въ протоплазмѣ, который слѣдилъ и знаетъ литературу, какъ рѣдко кто; потому-то она была съ одинаковымъ уваженіемъ прослушана и учеными, оставшимися вѣрными знамени 60-хъ годовъ и принципамъ материалистическаго ученія, и учеными, которые въ душѣ, можетъ быть, тоже давно готовы считаться съ жизненной силой, но не рѣшились сдѣлать этого такъ открыто и публично.

Такова ученая дѣятельность И. П. Но не менѣе замѣчательна и профессорская его дѣятельность. Сейчасъ по окончаніи университета И. П. занялъ кафедру ботаники въ Лѣсномъ институтѣ и какъ профессоръ стяжалъ себѣ заслуженную славу. Чудный лекторъ, онъ привлекаетъ въ свою аудиторію массу слушателей. Практическія занятія поставлены имъ въ институтѣ на широкую ногу. Ботаническій кабинетъ и гербарій Лѣснаго института—это дѣло рукъ И. П., достойнымъ помощникомъ котораго въ этомъ важномъ дѣлѣ долгое время былъ Н. А. Монтеверде, нынѣ главный ботаникъ въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду въ Петербургѣ; Н. А. Монтеверде является однимъ изъ многихъ учениковъ И. П. и послѣдователемъ его въ работахъ по изученію кристалловъ и хлорофилла.

И. П. не принадлежитъ къ типу узкихъ специалистовъ и замкнутыхъ въ себя ученыхъ. Это ученый съ широкимъ полетомъ мысли, это профессоръ съ разносторонними взглядами и задачами, наконецъ, И. П.—общественный дѣятель.

Какъ популяризаторъ науки И. П. уже давно стяжалъ себѣ извѣстность. Въ началѣ еще своей ученой дѣятельности онъ устраивалъ каждую весну въ Лѣсномъ Институтѣ публичныя экскурсіи по ботаникѣ, которыя привлекали массу публики. На его публичныхъ лекціяхъ аудиторія всегда переполнена, и если у него есть даръ самыя сухія вещи сдѣлать интересными, то неменьшій даръ самого непосвященнаго слушателя заинтересовать самыми специаль-

*) Рѣчь эта напечатана, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, въ 5-мъ номерѣ «Міра Божьяго» за этотъ годъ. Ред.

ными вопросами. Популярныя лекціи его «Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ», къ сожалѣнію изданныя фирмой Вольфа крайне небрежно и скупо, читаются съ огромнымъ интересомъ какъ челоѣкомъ, совсѣмъ съ ботаникой незнакомымъ, такъ и специалистомъ-ботаникомъ. Эту книгу можно по справедливости назвать «ботаническимъ романомъ *)».

Иванъ Парфеньевичъ читалъ лекціи на Фребелевскихъ женскихъ курсахъ, на Высшихъ женскихъ курсахъ, одинъ годъ въ университетѣ, а нынѣ онъ состоитъ профессоромъ въ Лѣсномъ институтѣ и Военно-Медицинской академіи. Къ характеристикѣ его, какъ челоѣка, надо прибавить, что при всѣхъ своихъ громадныхъ заслугахъ, какъ ученаго, профессора и популяризатора, И. П. отличается замѣчательной скромностью. Онъ никогда не работалъ для научныхъ степеней и чиновъ, и степень *доктора* ботаники получилъ *honoris causa*. Кромѣ того, онъ состоитъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ.

Н. К.

---

*) «Процессъ оплодотворенія» перерабатывается въ настоящее время проф. Бородинымъ для нашего журнала и будетъ печататься въ «Мирѣ Вожемъ» въ 1895 году, въ видѣ приложенія. Ред.

НОВЫЯ КНИГИ.

Вернеръ фонъ-Сименсъ. Мои воспоминанія, перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей *М. Б. Панне* (съ 3 портретами).

Автобіографій, въ которыхъ авторы смогли бы представить себя такими, какіе они были въ жизни—со всѣми своими слабостями и пороками, доблестью и добродѣтелями, нѣтъ.

Сократовское «познай самого себя» еще до сихъ поръ остается одной изъ самыхъ труднѣйшихъ задачъ, которыя когда-либо ставили себѣ человѣческой умъ и совѣсть; и задача эта съ вѣками становится все сложнѣе и сложнѣе..

Если познать самого себя трудно, то изобразить, конечно, еще труднѣе: мало рассказать, что я сдѣлалъ, какъ мыслилъ, къ чему стремился, нужно все это поставить въ причинную взаимную связь, которая именно вслѣдствіе близости къ автору всѣхъ этихъ явленій и ускользаетъ отъ него; а съ другой стороны, какъ вынести на улицу все то, что таится въ тайникахъ души, все то, что лежитъ въ области полусознаннаго, безсознательнаго, что только проскальзываетъ въ жизни, какъ быстрая тѣнь. Разъ писатель касается въ своей автобіографіи этихъ тонкихъ вопросовъ, онъ незамѣтно начинаетъ творить... и вмѣсто біографіи получается романъ...

Ясно, что автобіографіи не могутъ дать полной и правильной характеристики, на нихъ нужно смотрѣть только, какъ на документы, только нѣсколько уясняющіе «дѣло»—къ нимъ должны быть приложены всѣ методы исторической критики.

Съ такой точки зрѣнія гораздо большую цѣну имѣютъ автобіографіи, въ которыхъ авторы не вдаются въ глубины самоанализа, а попросту рассказываютъ о событіяхъ своей жизни, о томъ, что видѣли и что сдѣлали,—но, съ другой стороны, такія автобіографіи указываютъ, конечно, на то, что авторы ихъ и не интересовались этими тонкостями своей духовной жизни, что это были люди дѣйствія, люди факта. Такова автобіографія и Вернера Сименса.

Это какъ бы послужной списокъ или академическій *curriculum vitae*, только написанный не канцелярскимъ, а хорошимъ литературнымъ языкомъ. Вернеръ Сименсъ знаменитый электротехникъ, конечно, не служилъ въ какой-нибудь канцелярѣи, — онъ провелъ свою жизнь сначала на военной службѣ Гогенцолернамъ, затѣмъ въ вихрѣ техническихъ и научныхъ занятій, сегодня въ Берлинѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ, завтра на Кавказѣ, въ Египтѣ, въ Индійскомъ океанѣ; но автобіографія его, не смотря на весь интересъ ея, не сближаетъ васъ съ авторомъ, души его вы не видите, какъ онъ любилъ, ненавидѣлъ, надъ чѣмъ, кромѣ своихъ аппаратовъ, задумывался—не знаете.

И поневолѣ вы начинаете сомнѣваться, да полно, была ли душа у этого человѣка, могъ ли онъ любить, ненавидѣть, волноваться. Можетъ быть, все это и было, но автобіографія молчитъ,—а говорить она вотъ о чемъ. Вернеръ Сименсъ человѣкъ долга, расчета, желѣзной воли и необыкновеннаго упорства. Все это онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца, все это, вѣроятно, накапливалось многими поколѣніями въ теченіи столѣтій въ семьѣ Сименсовъ, пока не достигло своего апогея въ «фирмѣ Сименсъ и Гальске». Такіе люди создаютъ необыкновенно долговѣчныя фамиліи, не даромъ авторъ гордится своимъ родословнымъ деревомъ. У такихъ людей консерватизмъ (не политическій только) въ крови. Вернеръ фонъ-Сименсъ — прекрасный семьянинъ. Когда умираютъ отецъ и мать Вернера, смерти которыхъ въ автобіографіи отведено всего нѣсколько строкъ, онъ считаетъ своимъ долгомъ, «какъ старшій въ семьѣ», поставить всѣхъ братьевъ на ноги и съ обычнымъ упорствомъ достигаетъ этого, но зато отиѣчаетъ свою добродѣтель въ «послужномъ спискѣ». Женится Сименсъ на дѣвушкѣ, которую намѣтилъ себѣ уже 8 лѣтъ, только когда «позволяютъ личныя средства»; эти «личныя средства» выражались уже въ собственной фабрикѣ и домѣ «съ хорошенькими квартирами», вѣроятно, къ сему присоединялся и «порядочный» капиталъ. Тринадцати годамъ совмѣстной жизни и смерти любимой жены Сименсъ посвящаетъ 7¹/₂ строчекъ.

Черезъ 4 года онъ снова женился. Что за женщины были жены Сименса, какое вліяніе оказали онѣ на его жизнь—неизвѣстно, а въ то же время онъ считаетъ нужнымъ приводить свои обѣденныя остроты, по поводу женитьбы на швабкѣ. Но, конечно, онъ былъ хорошій семьянинъ.

Политическія убѣжденія Вернеръ тоже получилъ по наслѣдству. «Нынѣшнее положеніе вещей въ Германіи,—говорилъ отецъ, совѣтуя ему поступить въ прусскую военную службу,—долго про-

должаться не можетъ. Придетъ время, когда все перемѣнится. Единственно прочнымъ можно считать въ Германіи лишь государство Фридриха-Великаго и прусскую армію, а въ такія времена всегда лучше быть молотомъ, чѣмъ наковальней».

Сынъ послѣдовалъ совѣту предусмотрительнаго отца и всегда предпочиталъ быть молотомъ. «Моя прирожденная любовь,—пишетъ авторъ (стр.246).—къ нѣмецкой родинѣ всегда принадлежала прежде всего Пруссіи, ей и ея пяти королямъ, подѣ владычествомъ которыхъ я прожилъ, я былъ всегда вѣрно преданъ и признателенъ. Не только знанія и духовное развитіе, вынесенныя мною изъ прусской школы, доставили мнѣ мои успѣхи въ жизни, но этому также много содѣйствовало видное положеніе прусскаго офицера вообще».

Знаменитый электротехникъ гордится своимъ поручичьимъ мундиромъ прусскаго офицера, пожалуй, не меньше, чѣмъ своими изобрѣтеніями и своей фирмой, а о военной службѣ вспоминаетъ съ такимъ восторгомъ, что даже «грубость экзерцирмейстеровъ, которую и ему пришлось испытать, какъ бы освѣжала и ободряла, особенно если къ ней примѣшивался своеобразный юморъ, которымъ обыкновенно проникнуты самыя образцовыя солдатскія грубости» (17); производство въ бомбардиры «возвысило его въ собственныхъ глазахъ». Военныя дуэли Сименсъ не только оправдываетъ, но говоритъ даже, что «онѣ оказывали благотворное вліяніе на развитіе среди молодежи болѣе пристойной манеры въ обращеніи и разговорѣ». Хороша, вѣроятно, была «пристойность» прусской военной молодежи, если они требовали такихъ радикальныхъ средствъ. Интересно также, для характеристики политическихъ убѣжденій Вернера Сименса, его отношеніе къ 1848 году. «Пустыя разсужденія на политическія и національныя темы... оказывали еще тогда значительное вліяніе на массу, а способствовала этому «прекрасная лѣтняя погода», «единственнымъ же стѣсненіемъ, которое было понятно массѣ берлинскаго населенія, изъ-за котораго она на самомъ дѣлѣ боролась», было, по мнѣнію автора, «запрещеніе курить на улицахъ и въ Тиргартенѣ» (46 стр.). Нѣсколько странное сужденіе для выдающагося депутата «Нѣмецкой прогрессивной партіи».

Но если Сименсъ доволенъ военной службой, доволенъ Гогенцолернами, доволенъ своими техническими и научными открытіями, доволенъ вообще собою, то все же довольнѣе всего онъ своей фирмой «Сименсъ и Гальске», о ней онъ говоритъ съ нѣжностью, съ восторгомъ, ее рекламируетъ чуть не на каждомъ шагѣ—такія «техническія фирмы, призваны (?), по мнѣнію автора, чтобы въ ожесточенномъ состязаніи цивилизованнаго міра, всѣми усиліями

удержать за своей родиной, первенствующее значеніе или, по крайней мѣрѣ, занять для нея приличное, по ея природѣ и положенію, мѣсто» (стр. 245).

Великія идеи нашего времени только скользнули по поверхности односторонняго ума Сименса, для него онѣ только пустыя слова,— только одну общую идею воспринялъ онѣ и въ ней одной нашегъ обоснованіе дѣлу своей жизни—это національность.

Сименсъ—Бисмаркъ техники, такимъ людямъ Германія много обязана своимъ объединеніемъ и своимъ могуществомъ. Не расплачивается ли она за это слишкомъ дорогой цѣной? Вѣдь въ основѣ такого объединенія въ основѣ и даже любви къ Гогенцолернамъ лежить характерное «лучше бить молотомъ, чѣмъ наковальней».

Конечно, это нравственность не высокаго качества, и мы думаемъ, что г. Паппе—переводчикъ «Воспоминаній», слишкомъ мало знаетъ нашу молодежь, если надѣется, что «стремленія» ея будутъ «вырабатываться» на идеалахъ «великаго нѣмецкаго изслѣдователя». У Вернера Сименса можно поучиться кое-чему другому—энергіи, трудолюбію и любви къ знанію. Въ устройствѣ всей своей жизни, въ первыхъ техническихъ опытахъ, въ сценахъ при прокладкѣ кабеля въ Средиземномъ морѣ, при защитѣ Килиа отъ датчанъ и мн. др. проявляется такая энергія, которую не въ силахъ сломить никакія неудачи; не мало помогаютъ ей самообладаніе и практичность, частенко не совсѣмъ-то симпатичная. Эта практичность ярко сказалась, напр., въ сношеніяхъ Сименса съ русскимъ правительствомъ. Онѣ въ первый разъ пріѣзжаетъ въ Россію, для переговоровъ о постройкѣ телеграфной линіи въ 1852 году; сначала безъ знакомыхъ, безъ знанія языка, онѣ все же сумѣлъ «пріобрѣсти въ Министерствѣ Путей Сообщенія много важныхъ знакомствъ и связей». Положимъ, по сознанію самого автора, въ Петербургѣ «среди лицъ высшей администраціи преобладали тогда нѣмцы изъ остзейскихъ провинцій», но все же удивительно, какъ быстро понялъ онѣ всѣ запутанныя отношенія между этими лицами, понялъ, что нужно императору Николаю, что графу Клейнмихелю, что Дуббельту, понялъ и то, какое обращеніе должно имѣть съ каждымъ изъ нихъ, и не только понялъ, но даже «проникся». Россіи посвящена, по крайней мѣрѣ четверть воспоминаній, оно и понятно, такъ какъ фирма «Сименсъ и Гальске» работала тамъ при проведеніи телеграфныхъ линій между Петербургомъ, Кроншадтомъ, Варшавой и Севастополемъ, вѣроятно, не менѣе $\frac{1}{4}$ своихъ доходовъ... Читатель найдетъ много интересныхъ подробностей, касающихся Россіи, но эти подробности носятъ анекдотическій характеръ, жизни Россіи Сименсъ, конечно, не зналъ

и слова г. Паппе «знаменитый авторъ, повидимому, любилъ и цѣнилъ нашу страну и людей» — просто красивая фраза... Самыя интересныя страницы о Россіи — это описаніе поѣздокъ Сименсовъ на Кавказъ, гдѣ у ихъ фирмы имѣются богатые мѣдные рудники и заводы (въ Кежбегѣ, близъ Елизаветполя).

Какъ бы ни были несимпатичны многія нравственныя черты Вернера Сименса, но все же это настолько сильная и типичная для Германіи времяя Бисмарка фигура и въ то же время настолько крупный ученый, что автобіографію его прочесть всякому интересно, тѣмъ болѣе, что и написана она живо, порой даже увлекательно, если не считать къ сожалѣнію, многихъ страницъ, которыя посвящены подробному описанію его техническихъ и научныхъ открытій, страницъ, интересныхъ только специалистамъ и зачастую ужъ слишкомъ проникнутыхъ желаніемъ выставить свое значеніе въ развитіи науки и техники.

Ч. В. Бойсъ. Мыльные пузыри. Четыре лекціи о волосности, прочитанныя предъ молодой аудиторіей. Переводъ съ французскаго перевода подъ редакціей *В. П. Вейнберга*. С.-Петербургъ. Изд. А. Ф. Пантелѣева. 134 стр. Ц. 60 коп.

Книжечка г. Бойса не носитъ того характера, который мы привыкли соединять съ словомъ «лекціи»: въ ней почти нѣтъ ни теоретическихъ разсужденій, нѣтъ формулировки законовъ, обобщеній, а просто рядъ систематическихъ опытовъ, касающихся явленій капиллярности, и хотя французскій переводчикъ «счелъ необходимымъ смягчить во многихъ мѣстахъ чрезчуръ сухую дидактическую форму изложенія», но все же и онъ не превратилъ описаніе опытовъ въ «лекціи о волосности». Авторъ, повидимому, и самъ сознаетъ это, такъ какъ въ предисловіи особенно настаиваетъ на томъ, чтобы читатели продѣлали описанные имъ опыты; «они увидятъ, — говоритъ онъ, — что во многихъ случаяхъ для этого не требуется ничего, кромѣ стеклянной или каучуковой трубки или другихъ предметовъ, которые такъ же легко достать. Я думаю, что ихъ первоначальныя затрудненія будутъ совершенно вознаграждены дальнѣйшимъ легкимъ успѣхомъ; если, вмѣсто того, чтобы отчаяваться при первыхъ неудачахъ, они постараются повторить опытъ при помощи лучшихъ изъ находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ, то самыя трудныя опыты станутъ для нихъ самыми интересными».

Дѣйствительно, опыты г. Бойса отличаются замѣчательною просто-

той, несмотря на свою поразительную эффективность, эффективность, которая дает ему полное право сказать, что «неосторожный человек, показавший их в несколько сот лет тому назад, подвергся бы самой сильной опасности быть сожженным живым» (стр. 51). Эта простота, систематичность и, наконец, новизна большинства опытов, заставляет нас горячо рекомендовать книгу г. Бойса тем из наших читателей, которые занимаются, или хотят заняться, явлениями капиллярности, но мы должны предупредить, что хотя эти лекции читаны перед «молодой аудиторией», но все же требуют хорошего предварительного знакомства с физикой.

Заголовок книжки «Мыльные пузыри» не охватывает всего ее содержания, так как в 1-й и 3-й лекции мыльные пузыри не фигурируют. Первая лекция в ряду опытов демонстрирует присутствие так-называемого поверхностного натяжения жидкостей, и различную величину этого натяжения у различных жидкостей; в конце французским переводчиком приложена интересная глава о том, как рационально пользуются поверхностным натяжением водныя насекомыя, напр. личинки комаровъ. Вторая лекция вся целиком посвящена уже «жидким перепонкамъ». Здесь в опытах первую роль играет мыльный пузырь; при его помощи выясняется относительно громадная упругость поверхностей таких перепонок, зависимость давления на заключенный в мыльном пузыре газъ отъ величины пузыря и пр.; мыльным же пузыремъ авторъ пользуется для того, чтобы доказать магнитность кислорода. Третья лекция трактуетъ о «жидкой струе»; здесь особенно поразительны опыты, демонстрирующие влияние электричества (напр., простой сургучной палочки, потертой сукномъ), а также и звука (дрожащаго камертона) на *определенное изменение* этой живой струи; четвертая лекция касается явлений проницаемости и соприкосновения мыльных пузырей, а также и влияния на них электричества.

Цѣнность книжки г. Бойса увеличивается еще темъ, что къ ней приложены обстоятельные практическіе совѣты, которые, по нашему мнѣнію, вполне оправдуютъ надежды автора и «избавятъ отъ неудачныхъ попытокъ тѣхъ, кто пожелалъ бы продѣлать описанные въ этомъ сочиненіи опыты, и побудятъ нѣкоторыхъ читателей попробовать это» (стр. 86).

Арабелла Беклей. Бесѣды съ дѣтьми о природѣ. Переводъ съ 25-го англійскаго изданія. Д. А. Коропчевскаго. Спб. Изд. М. М. Ледерле и К°. 1894 г. 370 стр. съ 3-мя табл. и 60 рисунками въ текстѣ. Цѣна 80 коп.

Какъ видно изъ предисловія автора, эта книга составила изъ 10 лекцій, прочитанныхъ г-жей Беклей передъ дѣтской аудиторіей. По словамъ переводчика—Д. А. Коропчевскаго, «авторъ имѣетъ въ виду дѣтей, которыя начали уже посѣщать школу или уже знакомы съ элементарными понятіями ариметики и географіи. Но это—дѣти того возраста, которыя еще хорошо помнятъ сказки, слышанныя или читанныя въ раннемъ дѣтствѣ. Авторъ связываетъ самый доступный для нихъ сказочный взглядъ на міръ со своимъ изложеніемъ первыхъ началъ естествознанія и даже называетъ свою книгу «Волшебная Страна».

Мы вполне согласны съ авторомъ, что при обученіи дѣтей необходимо дѣйствовать на ихъ воображеніе, но, по нашему мнѣнію, изъ этого не слѣдуетъ, что воображеніе должно возбуждаться вѣчно одиными и тѣми же картинами и качественно оставаться на одной и той же ступени; развѣ одинаково работаетъ воображеніе взрослого человѣка, читающаго какое-нибудь беллетристическое произведеніе и слушающаго лекцію объ эфирѣ?! Конечно, нѣтъ. Ребенокъ также могъ съ одинаковымъ интересомъ слушать сказки своей няни и лекціи г-жи Беклей, но воображеніе его работало въ этихъ двухъ случаяхъ далеко неодинаково.

«Скажите мнѣ,—спрашиваетъ авторъ своихъ маленькихъ слушателей,—за что вы любите волшебныя царства сказокъ? Въ чемъ для васъ ихъ очарованіе? Въ томъ, вѣроятно, что все случается тамъ такъ внезапно, такъ таинственно, и помимо всякаго участія человѣка?» (стр. 14). Дѣйствительно, въ сказкѣ привлекательна *таинственность, внезапность, безпричинность*, но въ естествознаніи какъ разъ наоборотъ: оно ищетъ все объяснить, во всемъ найти взаимную связь и послѣдовательность и привлекательно только постольку, поскольку достигаетъ этого. Понятно, что автору и не приходится, къ счастью, проводить далеко своей аналогіи между сказкой и естествознаніемъ, онъ довольствуется только внѣшней, словесной аналогіей, напр., говорить, что въ «облакахъ живетъ невидимый волшебникъ, котораго мы зовемъ «силой кристаллизаціи» и что есть другой «невидимый волшебникъ—«жизнь», о которой самые мудрые люди знаютъ весьма немного» и третій—«сила химическаго сродства» и т. д... Врядъ ли такія сравненія можно назвать связью «сказочнаго міра съ естествознаніемъ»!

Но не смотря на это, разбираемая книга является цѣннымъ

вкладомъ въ дѣтскую научную литературу. Языкъ автора простой и образный, изложеніе увлекательное,—это знатокъ своего дѣла, знатокъ увлекающійся и способный увлечь маленькія дѣтскія головки. Читая эту книгу, видишь только ея достоинства и забываешь недостатки.

1-жа Беклей начинаетъ свои лекціи (если не считать первой, которая посвящена неудачной, по нашему мнѣнію, аналогіи сказочнаго міра и природы) съ солнца, причемъ, при объясненіи дѣйствія солнечныхъ лучей не боится развить передъ своими читателями цѣлую теорію свѣтового эира и вообще въ основу явленій физическихъ и химическихъ положить волнообразное движеніе. Свѣтовые, тепловыя и химическія волны живутъ въ изложеніи автора, но предметъ настолько труденъ и настолько абстрактенъ, что очень многое не будетъ отъ этого яснѣе юному читателю; особенно это касается цвѣтовыхъ волнъ,—врядъ ли, напр., ребенокъ пойметъ слѣдующее мѣсто: «Красныя, оранжевыя, желтыя, голубыя и фіолетовыя волны полезны для листа, и *поэтому* (?) онъ не выпускаетъ ихъ. Но онъ не можетъ поглотить зеленыхъ волнъ и отбрасываетъ ихъ; онѣ идутъ въ нашъ глазъ и позволяютъ намъ видѣть зеленый цвѣтъ. Когда вы листъ называете зеленымъ, это значитъ (?), что листъ не нуждается въ зеленыхъ волнахъ солнечнаго луча и отсылаетъ ихъ къ вамъ» (стр. 74), или, напр., слѣдующее: «Тепловыя волны, скопившіяся въ почвѣ, опять поднимаются въ воздухъ и здѣсь жадно поглощаются парами, а другія медленно уносятся еще выше» (стр. 135).

Нельзя метафорой замѣнить содержаніе, и, по нашему мнѣнію, напрасно авторъ отвелъ столько мѣста и силъ волнообразному движенію.

Отъ солнца г-жа Беклей переходитъ къ земной атмосферѣ, знакомитъ читателя съ химическимъ составомъ ея, съ воздушнымъ давленіемъ и объясняетъ появленіе различныхъ вѣтровъ; слѣдующая бесѣда посвящена «путешествію капли воды», въ ней прекрасно и картинно объяснены—испареніе воды, образованіе дождя, свѣга, града, рѣкъ, ледниковъ; затѣмъ идетъ увлекательная глава о геологической дѣятельности воды и льда, а за ней—далеко не такая цѣльная, и для ребенка довольно трудная, бесѣда, которая озаглавлена: «Какъ говорить природа и какъ мы ее слышимъ», большая часть ея отведена описанію нашего слуховаго аппарата. Послѣднія четыре бесѣды *) авторъ посвящаетъ жизни растеній и животныхъ.

*) Бесѣда 7-я)—Жизнь первоцвѣта, 8-я)—Исторія кусочка каменнаго угля, 9-я)—Пчелиный улей и 10-я)—Пчелы и цвѣты.

Это самыя увлекательныя главы книги, что и понятно, такъ какъ характерныя черты г-жи Беклей—образность и одухотвореніе природы—здѣсь, дѣйствительно, на мѣстѣ...

Издана книга прекрасно; нѣсколько портятъ общее впечатлѣніе нѣкоторыя неясно исполненные рисунки, кромѣ того, при новыхъ изданіяхъ слѣдовало бы прибавить къ книгѣ оглавленіе. Оставивъ на этихъ мелочахъ, такъ какъ книга предназначена для дѣтей и, вѣроятно, въ силу ея несомнѣнныхъ достоинствъ, будетъ имѣть широкое распространеніе и у насъ.

В. П. Вахтеровъ. 1) Всеобщее начальное обученіе (рефератъ, читанный въ Московскомъ комитетѣ грамотности). 2) Книжные склады въ провинціи. Москва. 1894 г.

Авторъ—видный дѣятель по народному образованію—въ своемъ рефератѣ проводитъ мысль, что всеобщее начальное обученіе не только необходимо, но и вполне осуществимо въ Россіи. Г. Вахтеровъ даетъ весьма интересныя историческія справки о положеніи этого вопроса въ различные періоды русской жизни. Еще Петръ Великій мечталъ достигнуть всеобщей грамотности, его указы 1715 и 1719 годовъ обязывали людей всѣхъ званій, кромѣ дворянъ, посѣщать такъ-называемыя «цифирныя школы», дворяне должны были посѣщать другія учебныя заведенія. «Но это распоряженіе,—говоритъ авторъ,—не привилось къ жизни по двумъ причинамъ: во-первыхъ, оно не соотвѣтствовало взглядамъ населенія на обученіе; во-вторыхъ, количество открытыхъ цифирныхъ школъ далеко не соотвѣтствовало ни пространству, ни числу жителей».

Не мудрено, конечно, что правительство уступило, и дѣтямъ «посадскихъ людей» была предоставлена свобода учиться или не учиться, чѣмъ они и воспользовались вполне: «въ 1744 году во всѣхъ цифирныхъ школахъ не осталось ни одного ученика изъ дѣтей посадскихъ».

Реформа 19 февраля 1861 года снова выдвигаетъ вопросъ о всеобщемъ обученіи. Къ 1864 г. въ Россіи числилось 30.000 начальныхъ училищъ и «большая часть этихъ училищъ, по словамъ автора, была вызвана къ жизни освободительнымъ движеніемъ 1861 года». Но появился законъ 14 іюня 1864 г., который отринувъ всякую, какъ личную, такъ и общинную обязательность обученія, — и различныя вѣдомства, содержавшія прежде свои школы, стали закрывать ихъ, такъ что къ 1872 году школъ осталось въ Россіи всего 17.064, не смотря на все увеличивающійся притокъ учащихся и на энергичную дѣятельность земства, откры-

вавшаго все новыя и новыя школы. Затѣмъ идетъ постепенное увеличеніе числа школъ: въ 1874 г. ихъ 19.174, въ 1880 г.—20.483 и въ 1885 г.—27.989. Въ 1876 и 1884 гг. снова возбуждается вопросъ о всеобщемъ обученіи, но также безплодно, такъ какъ вычисленія показали правительству, что для проведенія этой мѣры необходимы сотни милліоновъ; послѣдній такой расчетъ сдѣланъ г. Страннолюбскимъ, который вычислилъ, что для Россіи нужно 250 тысячъ школъ и 125 милліоновъ рублей ежегоднаго расхода. Г. Вахтеровъ утверждаетъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ вычисленій лежитъ громадная основная ошибка: они принимаютъ срокъ обученія въ низшихъ школахъ въ 7 лѣтъ, между тѣмъ, какъ нужно брать три года. Самъ авторъ дѣлаетъ свой расчетъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: законъ объ обязательности обученія мальчиковъ не встрѣтитъ въ настоящее время никакого противодѣйствія, относительно же всеобщаго обученія дѣвочекъ можно ручаться за это только въ городскомъ населеніи, въ селахъ же до сихъ поръ дѣвочекъ учится въ $3\frac{1}{2}$ раза меньше, чѣмъ мальчиковъ,—поэтому, г. Вахтеровъ говоритъ только объ обязательномъ повсемѣстномъ обученіи въ Европейской Россіи *всѣхъ мальчиковъ* школьнаго возраста, живущихъ и въ городахъ, и въ уѣздахъ, и всѣхъ дѣвочекъ, живущихъ *въ городахъ*, дѣвочки же сельскихъ жителей приняты въ расчетъ только тѣ, которыя *добровольно* поступаютъ въ школу. На основаніи различныхъ данныхъ авторъ выводитъ, что для обученія всѣхъ ихъ нужно устроить 25 тысячъ новыхъ школъ въ селахъ и 6 тысячъ въ городахъ и затратить на это 11 милліоновъ; эта сумма составляетъ менѣе 1% нашихъ расходовъ—государственныхъ, земскихъ, городскихъ и мірскихъ. Городскія школы г. Вахтеровъ считаетъ справедливымъ отнести на обязанность городовъ, такъ какъ они тратятъ теперь на школы всего 7,7% своего бюджета, тогда какъ земство—16,6%. 8.400.000 рублей, нужны для новыхъ *сельскихъ* школъ, могли бы быть получены при новомъ расходѣ: 1) земскихъ суммъ менѣе 5 коп. на 1 жителя 34 земскихъ губерній, 2) мірскихъ—менѣе 3 коп. на 1 десятину мірской земли и 3) казны—менѣе $1\frac{1}{3}$ на 1 человѣка въ годъ.

Если тотъ же расчетъ примѣнить къ Сибири и къ нашимъ среднеазиатскимъ владѣніямъ, то къ существующимъ тамъ $2\frac{1}{2}$ тысячамъ школъ нужно прибавить еще $4\frac{1}{2}$ тысячи новыхъ.

Мы не станемъ вдаваться въ разборъ вычисленій г. Вахтерова—пусть его расчетъ слишкомъ оптимистическій, пусть расходы будутъ вдвое, втрое больше, Россія все же должна ихъ сдѣлать—этого требуетъ не только справедливость, не только національная честь

въ вышемъ смыслѣ этого слова *), къ этому побуждаетъ насъ именно то, что на первый взглядъ препятствуетъ введенію всеобщаго обученія,—наша бѣдность, экономическая необезпеченность нашего крестьянства: чтобы бороться съ неурожаями и съ кулаками, чтобы удобрять поля, вводить интензивную культуру, упорядочить переселенія—нужны школы, школы и школы, конечно, не однѣ только школы, но прежде всего школы.

Но грамотности одной мало и «характеристической чертой въ народно-просвѣтительной дѣятельности настоящаго времени,—говорить г. Вахтеровъ во второй своей брошюрѣ**),—служать заботы о распространеніи хорошихъ книгъ въ народѣ». Авторъ останавливается на дѣятельности книжныхъ складовъ въ провинціи и свѣдѣнія, приводимыя имъ, поразительны для нашей, въ общемъ вялой, общественной инициативы. Тверской и харьковскій склады, начавъ торговлю съ небольшихъ суммъ, отпускаютъ теперь книгъ каждый на 20.000 руб., а нижегородскій складъ уже приступилъ къ организаціи филиальныхъ отдѣленій своего склада при сельскихъ училищахъ губерніи и въ 1889 г. такихъ отдѣленій было 53, въ 1890 г.—72, въ 1891 г.—84 и въ 1894 г.—201!

Все это говорить не только о быстромъ усиленіи въ народѣ потребности чтенія, но также и о ростѣ нашей общественной работы, если, къ сожалѣнію, не въ глубь, то, по крайней мѣрѣ, въ ширь.

---

*) По даннымъ, приводимымъ г. Вахтеровымъ, въ Японіи болѣе 7% учащихся, въ Россіи 2,39%.

**) «Книжные склады въ провинціи».

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Географія, путешествія, геологія, медицина.

«*Nouvelle Géographie moderne des cinq parties du monde*» par C. de Varny. Paris. Librairie illustrée. (Новая современная географія пяти частей свѣта). Трудъ Варинья предназначается не для специалистовъ и не можетъ служить для обученія или для справокъ какому-нибудь путешественнику или изслѣдователю. Главный интересъ книги сосредоточивается на общихъ выводахъ и заключеніяхъ этнографическаго и историческаго характера. Авторъ не пускается въ описаніе подробностей, а взирая на нихъ съ нѣкоторой высоты, стремится схватить общій характеръ явленій, представляющихся его взорамъ. Люди его интересуютъ гораздо болѣе, нежели земля на которой они живутъ. Книга его изобилуетъ разсказами и анекдотами, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для болѣе рельефнаго изображенія нравовъ и обычаевъ различныхъ странъ. Изданіе очень роскошно и состоитъ изъ пяти томовъ, снабженныхъ прекрасными иллюстраціями и картами. Азія посвящена весь первый томъ; эта страна свѣта привлекаетъ особенное вниманіе автора. «На рубежѣ двадцатаго вѣка, — говоритъ Варинья, — Азія представляетъ для насъ прошлое нашей цивилизаціи, воплощающейся въ современной Европѣ, а Америка — ея будущее. Ось міра перемѣщается; невѣдомая сила, непреодолимое теченіе увлекаютъ ее къ западу. Вышедшая изъ плоскогорій центральной Азіи цивилизація, въ своемъ послѣдовательномъ движеніи, постепенно передвигалась къ западу». Въ четвертомъ томѣ, посвященномъ Америкѣ, авторъ крупными штрихами обрисовываетъ развитіе молодыхъ цивилизацій и ихъ значеніе для Стараго Свѣта. Вообще книга Варинья столько

же заслуживаетъ названія всеобщей исторіи, сколько и всеобщей географіи.

(Revue Scientifique).

«*Les Sociétés africaines, leur origine, leur évolution, leur avenir*, par A. de Prévitte (Firmin - Didot) (Африканскія общества). Авторъ предлагаетъ въ своей книгѣ родъ социальнаго изслѣдованія африканскаго континента. Онъ раздѣляетъ Африку на четыре пояса по условіямъ почвы и климата, изучаетъ различныя общества, населяющія Африку, по роду ихъ труда и занятій. Въ книгѣ собраны всѣ новѣйшія данныя, касающіяся африканскаго континента, что дѣлаетъ ее не только занимательной, но и поучительной. Авторъ глубоко вѣритъ въ социальное возрожденіе черной расы и этою вѣрой проникнута вся его книга.

(Revue des Revues).

«*Other Lands and the people who live there*». By Minna C. De la Peante (Другія страны и люди, проживающіе въ нихъ). Иллюстрированный томъ, содержащій краткіе, интересно написанные очерки жизни и обычаевъ и нецивилизованныхъ и полудицилизованныхъ странъ вмѣстѣ съ описаніемъ дѣятельности миссіонеровъ въ нихъ.

(Bookseller).

«*Among the Moors*». Sketches of oriental life. By G. Montbard (Low Marston and C.) (Среди мавровъ). Авторъ причисляетъ мавровъ къ восточнымъ народамъ: хотя они живутъ на западѣ, но вся жизнь ихъ носитъ рѣзко выраженный восточный характеръ. О маврахъ авторъ отзывается не очень сочувственно; онъ находитъ, что современные обитатели Марокко представляютъ смѣсь всѣхъ дурныхъ качествъ, присущихъ арабамъ, берберамъ и евреямъ, населяющимъ

Африку. Пребываніе среди мавровъ дало возможность автору изучить ихъ жизнь и страну и изобразить ее въ живописныхъ очеркахъ, къ которымъ приложены хорошенькія иллюстраціи, сдѣланныя самимъ авторомъ съ натуры.

(Bookseller).

G. M. Theal «*South Africa*» (*Story of the nations*) (Южная Африка). Последній номеръ серіи, выходящей подъ общимъ названіемъ «*Story of the nations*» (Исторія націй) заключаетъ въ себѣ исторію колонизаціи южной Африки и описаніе различныхъ народностей, населяющихъ ее. Разсказъ о жизни колонистовъ южной Африки, объ ихъ борьбѣ съ враждебными племенами и съ силами природы, написанъ очень живо и потому, безъ сомнѣнія, прочтется съ такимъ же интересомъ, какъ и предъидущіе.

(Athenaeum).

«*Climbing and exploration in the Karakoram-Himalayas*». By William Martin Conway. With 300 illustrations and a map. London. 1894. (Восхожденіе на Гималайскія горы и ихъ изслѣдованіе). Никакіе, даже самые опытные альпійскіе туристы не могутъ составить себѣ и приблизительнаго понятія о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаютъ путника въ Гималаяхъ. Авторъ подробно описываетъ экспедицію, въ которой онъ участвовалъ, рисуетъ намъ грандіозный гималайскій пейзажъ яркими красками. Онъ описываетъ также малоизвѣстныхъ жителей сѣвернаго и восточнаго Камшира, Ладака и его столицу Ле. Иллюстраціи, приложенныя къ книгѣ, исполнены прекрасно.

(Manchester Guardian).

«*Polar Gleams*» «*an account of a Voyage on the Yacht Blencathra*». By Helen Peel. With a preface by the Marquess of Dufferin, and contributions by Capt. J. Wiggins and F. G. Jackson (Arnord) (Полярные лучи). Смѣлая молодая путешественница, вмѣстѣ со своими спутниками, проникла гораздо дальше, чѣмъ многіе арктическіе изслѣдователи, и доказала на практикѣ возможность для судовъ, даже не приспособленныхъ спеціально для полярнаго плаванія, пройти морскимъ путемъ въ Сибирь. Миссъ Пилль описываетъ свое путешествіе очень увлекательно и живо. Къ описанію приложены фотографическіе снимки. Кроме того, спутники миссъ Пилль, капитанъ Виггинсъ и Джэксонъ, съ своей стороны, прилагаютъ къ книгѣ два очерка; въ одномъ—капитанъ Виггинсъ описываетъ свою побѣдку на Енисею, въ другомъ—Джэксонъ излагаетъ свой

планъ новой полярной экспедиціи, въ которую онъ и отправился въ настоящее время.

(Athenaeum).

«*A Journey through Yemen and some Generae Botmarks upon that Country*». By Watter Harris. (Beackwood and Sons) (Путешествіе по Йемуу и нѣсколько общихъ замѣчаній объ этой странѣ). Подъ видомъ «общихъ замѣчаній» авторъ даетъ весьма полный историческій, географическій и политическій обзоръ этой части Аравіи. Собственно описанія Аравіи занимаютъ лишь вторую часть книги. Начинаются они дѣйствительно превосходнымъ описаніемъ Адена и побѣдки изъ Адена въ Санна, оттуда въ Годайда. Тамъ и сямъ авторъ включаетъ какой-нибудь романическій эпизодъ, конечно, еще болѣе усиливающей интересъ разсказа. Вообще, описаніе этого путешествія принадлежитъ къ числу такихъ, которыя читаются легко и съ интересомъ, что не мѣшаетъ, конечно, научному значенію книги, въ которой сообщается много любопытныхъ свѣдѣній объ этой все-таки еще малоизвѣстной странѣ.

(The Athenaeum).

«*Outlines of Field Geology*». By Archibald Geikie F. B. S. (Macmillan and Co.) (Очерки полевоы геологіи). Этотъ маленькій томикъ является уже четвертымъ изданіемъ и это служитъ наилучшимъ доказательствомъ его успѣха. Книжка служитъ дѣйствительно прекраснымъ введеніемъ къ изученію геологіи и главное ея достоинство заключается въ томъ, что въ ней читатель осваивается вполне съ различными геологическими методами и приходитъ къ убѣжденію, что настоящимъ образомъ изучить геологію можно только въ полѣ. Для практическаго изученія геологіи книга можетъ служить хорошимъ руководствомъ. Къ ней приложены иллюстраціи.

(University Extension Journal).

«*The story of our Planet*» par M. T. G. Bonney. Un volume gr. in 8° de 292 pages avec nombreuses figures; Cassell et Cie. Londres (Исторія нашей планеты). Цѣль автора, извѣстнаго популяризатора естественныхъ наукъ и выдающагося геолога, представить читателю геологическую исторію земли, исторію образованія нашей планеты. Авторъ очень кратко касается теоретической или гипотетической исторіи земли; онъ оставляетъ въ сторонѣ всякія красивыя теоріи и касается лишь точныхъ научныхъ фактовъ, такихъ, которые доступны нашимъ методамъ изслѣдованія. Книга раздѣляется на пять частей: въ первой авторъ изучаетъ

воду, землю и воздух вообще; во второй — дѣйствіе воды и воздуха, какъ агентовъ, измѣняющихъ поверхность земли; въ третьей — онъ касается внутреннихъ измѣненій, движеній земной коры. Четвертая глава посвящена геологической исторіи земли; пятая же касается общихъ вопросовъ, возраста земли, постоянства распредѣленія на земной поверхности водъ и материка, измѣненій климата и происхожденія жизни.

(Revue Scientifique).

«Les Medecins grecs à Rome» par Maurice Albert. Paris, Hachette, 1894 (Греческіе врачи въ Римѣ). Въ VI вѣкѣ, когда римляне впервые начали испытывать на себѣ влияние греческой цивилизаціи, въ Римѣ появились наконецъ врачи-греки, единственные, занимавшіеся медициной во всей Италіи въ эту эпоху. Римляне, относившіеся съ презрѣніемъ ко всякой наукѣ, кромѣ прикладной, вынуждены были перенести высокоцѣнныя греческія врачьи, которыхъ они не могли изгнать изъ Италіи такъ же просто, какъ изгнали философовъ. На сторонѣ врачей было много знатныхъ римлянъ, которые видѣли въ нихъ своихъ благодѣтелей. Такимъ образомъ, меди-

цина оставалась въ рукахъ грековъ и они ее настолько монополизировали, что римляне, желавшіе заняться этою выгодною профессіей, должны были выдавать себя за грековъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, они не внушали довѣрія своимъ клиентамъ и не имѣли никакого успѣха. Располагая очень богатымъ историческимъ матеріаломъ въ этой области, Морисъ Альберъ очень искусно начертилъ портреты врачей описываемой имъ эпохи. Это все живые образы, въ которыхъ мы узнаемъ качества и недостатки, присутіе и современныя врачамъ. Мы видимъ, что и въ тѣ времена, также какъ и теперь, рядомъ съ дѣйствительно учеными и честными врачами существовали шарлатаны, спекулирующіе довѣрчивостью своихъ клиентовъ; также какъ и теперь существовало дѣленіе на специальности и даже были женщины врачи, имѣвшія большой успѣхъ. Очень интересно и живо составлены описанія разныхъ курортовъ той эпохи и жизни въ нихъ. Вообще книга Мориса Альбера заключаетъ въ себѣ очень много любопытныхъ данныхъ и представляетъ интересную главу изъ исторіи медицины.

(Revue Scientifique).

Политическая экономія, социологія, исторія, біографія.

«Political Economy of Natural Law» by Henry Wood (Zee and Shepard, Boston) «Политическая экономія согласно естественному закону». Эта книга, хотя и представляетъ совершенно новый трудъ, тѣмъ не менѣе служитъ какъ бы продолженіемъ другого труда автора «Natural Law in the Business World» — маленькой книжки, опубликованной имъ въ 1887 году. Авторъ не дѣлаетъ попытки примирить народъ съ существующимъ положеніемъ вещей, но старается отыскать способы улучшить это положеніе въ извѣстномъ направленіи и установить такіе принципы политической экономіи, которые вполне отвѣчали бы естественнымъ законамъ и практическимъ цѣлямъ. Книга весьма поучительна и увлекательно написана. Авторъ горячо возстаетъ противъ распространеннаго мнѣнія, что интересы труда находятся въ естественномъ antagonismѣ съ прочими социальными элементами.

(Popular Science Monthly).

«An introduction to the study of political economy». By Luigi Cotta, Pro-

fessor in the Boyas University of Turin Revised by the author, and translated from the Italian by Louis Dyer, M. A. Battiol College. (Введеніе къ изученію политической экономіи). Около одиннадцати лѣтъ тому назадъ профессоръ Косса издалъ маленькую очень полезную книжку «Guide to political economy» (политико-экономическій путеводитель), въ которой заключался превосходный обзоръ главныхъ произведеній экономической литературы различныхъ странъ. Эта книжка положена въ основу новаго труда автора, представляющаго весьма полезный и цѣнный «compendium» всѣхъ важнѣйшихъ произведеній экономической литературы Европы и Америки. Точка зрѣнія каждаго изъ авторовъ этихъ произведеній устанавливается самымъ точнымъ и понятнымъ образомъ и взгляды его подвергаются весьма добросовѣстной критикѣ. Въ ясномъ и сжатомъ изложеніи профессоръ Косса дѣлаетъ обзоръ различныхъ экономическихъ школъ, проводитъ между ними сравненія, чуждыя всякаго пристрастія и даетъ превосходное и вѣрное изобра-

женіе прогрессивнаго развитія экономической доктрины. Книгу профессора Косса можно считать единственной въ своемъ родѣ, такъ какъ она можетъ служить какъ историческимъ, такъ и практическимъ руководствомъ при изученіи политической экономіи. Теоретическая часть книги занимаетъ около ста страницъ. Въ этой части изслѣдуются взаимныя отношенія политической экономіи къ политикѣ, юриспруденціи, этикѣ и статистикѣ. Послѣднія же тридцать пять страницъ книги посвящаются социальстскимъ писателямъ и ихъ ученію. Книгу профессора Косса можно горячо рекомендовать всѣмъ приступающимъ къ изученію экономической науки.

(The university Extension Journal).

«*The sife and duties of the citizen a handbook for Teachers. By J. Edward Parrott.* (Жизнь и обязанности гражданина). Маленькая полезная книжка, трактующая о воспитаніи въ жизни и обязанностяхъ гражданина. Авторъ стремится представить въ своей книгѣ такую схему воспитанія, которая вполне отвѣчала бы требованіямъ гражданской жизни. Кромѣ введенія, главъ о патриотизмѣ и «Націи какъ государства», въ книгѣ находятся главы, посвященныя представительному правительству, мѣстному управленію, округамъ и общинамъ, различнымъ комиссіямъ и т. д. Очень обстоятельно обсуждаются взаимныя отношенія короны и парламента и разбирается дѣятельность парламентовъ. Затѣмъ, отдѣльная глава посвящена обязанностямъ гражданъ въ отношеніи мѣстнаго и центрального правительства. Авторъ старается прикѣрами доказать, какъ вредно отзывается на гражданской жизни безпечное или безчестное отношеніе гражданъ къ своимъ обязанностямъ даже въ пустякахъ.

«*Governments and Politicians, ancient and modern.* By Charles Marcotte, Chicago (Правительства и политическіе дѣятели, древніе и современные). Нѣсколько пессимистическій взглядъ автора на американскую правительственную систему и его склонность взваливать на эту систему отвѣтственность за всѣ злоупотребленія въ странѣ и существованіе въ ней «профессиональныхъ и недобросовѣстныхъ политическихъ дѣтелей» не лишаютъ все-таки его книгу довольно крупныхъ достоинствъ. Авторъ дѣлаетъ обзоръ древнихъ и новыхъ политическихъ системъ и собралъ въ своей книгѣ много матеріала по исторіи демократіи, древнихъ и новыхъ респуб-

ликъ, римской имперіи, великой американской республики, и т. д.

«*D'Arbois de Jubainville, H. «Les premiers habitants de l'Europe» d'après les écrivains de l'antiquité et les travaux des linguistes. Paris, Thorin et fils.* (Первые обитатели Европы). Знаменитый французскій ученый обработалъ второе изданіе своей книги о народахъ древней Европы въ двухтомный трудъ, представляющій для историковъ и лингвистовъ огромный интересъ. Первое изданіе, появившееся въ 1839 году, посвящено пещернымъ жителямъ, во второмъ же авторъ говоритъ о народахъ, разселившихся въ Европѣ. Авторъ высказываетъ много новыхъ взглядовъ, которые еще требуютъ подтвержденія, но, во всякомъ случаѣ, трудъ его представляетъ въ высшей степени тщательное и многостороннее изслѣдованіе о происхожденіи современныхъ европейскихъ народностей.

(Litterarisches Centralblatt).

«*Town Life in the fifteenth Century.* By Mrs J. R. Green, 2 vols. (Macmillan et Co) (Городская жизнь въ XV столѣтіи). Госпожа Гринъ, исполняя обѣщаніе, данное ею умирающему мужу, привела въ порядокъ его послѣднія историческія изслѣдованія, дополнила ихъ и издала въ двухъ томахъ, представляющихъ цѣнный вкладъ въ историческую литературу Англии. Средневѣковая жизнь англійскихъ городовъ, отношенія городского населенія къ сельскому, возникновеніе общинъ, борьба горожанъ за свои права и свободу представлены въ изложеніи госпожи Гринъ очень живо; научный же интересъ книги сосредоточенъ на историческихъ работахъ ея мужа, положенныхъ ею въ основу своего разсказа.

(Athaeneum).

«*Famous Adventures and Prison Escapes of the civil War.* Edited by G. W. Cable and others (Fisher Unwin). (Знаменитыя приключенія и побѣги изъ тюремъ во время гражданской войны). Въ книгѣ заключается рядъ разсказовъ изъ эпохи гражданской американской войны. Авторъ каждаго изъ разсказовъ описываетъ свои собственные приключенія во время войны или же описываетъ какой-нибудь случай, очевидно котораго онъ былъ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ читаются съ захватывающимъ интересомъ. Въ общемъ эти разсказы даютъ очень ясное понятіе о жизни штатовъ въ ту эпоху и о томъ настроеніи, которое господствовало въ американскомъ обществѣ. Самые интересныя изъ этихъ разска-

зовъ: дневникъ женщины союза южныхъ штатовъ во время войны и похищеніе локомотива въ Георгіи. Въ послѣднемъ описывается необыкновенно смѣлое предпріятіе горсти федералистовъ. Вообще по своему содержанію и увлекательности описаній книга эта можетъ быть причислена къ разряду тѣхъ, которые читаются съ одинаковымъ интересомъ какъ взрослыми, такъ и юношами.

(Manchester Guardian).

«*Bestie delinquenti. Carot d'Addosio. Con prefazione di Ruggero Bonghi.*» (Преступныя животныя). Къ числу достопримѣчательнѣйшихъ явленій среднѣвѣковой жизни принадлежатъ безспорно судебные процессы, въ которыхъ подсудимыми являлись животныя, обвинявшіяся въ какомъ-нибудь преступленіи. Авторъ собралъ богатый матеріалъ по этому вопросу, причемъ онъ сообщаетъ не только факты, но и старается найти объясненіе этому странному явленію.

(Litterarisches Centralblatt).

«*Essays in Historical Chemistry.*» By T. E. Thorpe (Macmillan and Co.). (Очерки по исторіи химіи). Въ тринадцати главахъ книги разсказана жизнь и дѣятельность нѣкоторыхъ величайшихъ химиковъ, но лишь съ начала основанія лондонскаго королевскаго химическаго общества до новѣйшаго времени; поэтому-то въ этихъ очеркахъ не встрѣчается такихъ именъ, какъ Берцеліусъ, Либихъ, Дэви и др. Авторъ не имѣетъ претензіи дать полную исторію химіи, а только желаетъ познакомить читателей съ нѣкоторыми главами этой исторіи въ біографическихъ очеркахъ. Для изучающихъ химію очерки эти представляютъ конечно особенный интересъ, но и для обыкновеннаго читателя они не лишены значенія, ибо написаны живо и увлекательно и даютъ ясное понятіе о характерѣ дѣятельности нѣкоторыхъ знаменитыхъ химиковъ, какъ, напримеръ, Пристлея, открывшаго кислородъ, Кэвендиша и др.

(Athaeneum).

«*The Autobiography of Benjamin Franklin*» (Blackie and sons) (Автобіографія Бенъямина Франклина). Прекрасная мысль издать автобіографію Бенъямина Франклина заслуживаетъ полнаго одобренія. Книга эта вошла въ составъ изданія «School and Home Library» (школьной и домашней бібліотеки).

(Daily News).

«*English Social Reformers.*» By H. de B. Gibbins. (Methuen and Co.—University extension series). (Англійскіе социальныя реформаторы). Книга представляетъ рядъ краткихъ біографій людей, которые своимъ ученіемъ и своею дѣятельностью вліяли на социальныя реформы въ Англіи. Въ числѣ этихъ людей помѣщены, между прочимъ, Рескинъ и Карлейль. Біографическіе очерки написаны живо и книга, вообще, была бы очень поучительна, если бы временами, когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь капиталистѣ или же несовсѣмъ симпатичномъ для автора общественномъ дѣятелѣ, тонъ книги не становился бы нѣсколько рѣзкимъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться съ авторомъ, что спасенія мы должны искать только въ целесообразныхъ социальныхъ реформахъ.

(University Extension Journal).

«*The story of Garfield.*» By W. G. Butherford (Исторія жизни Гарфильда). Біографія Гарфильда, бывшаго президента Соединенныхъ Штатовъ, составляетъ одну изъ лучшихъ книгъ для юношества и потому нельзя не порадоваться, что она вошла въ серію «Splendid Lives» (знаменитыхъ жизнеописаній), такъ какъ, безъ сомнѣнія, полезно знакомить молодежь съ жизнью такихъ людей, какъ покойный президентъ Гарфильдъ.

(Bookseller).

«*Our blue Jackets.*» By Saphira G. Wintz (Наша моряки). Новое изданіе, въ которомъ съ большими подробностями описывается филантропическая дѣятельность миссъ Вестонъ среди матросовъ военнаго и коммерческаго флота.

(Bookseller).

С М Ъ С Ь.

Изъ русской жизни.

Вопросы русской общественной жизни. Министерство Земледѣлія выдвинуло въ настоящее время вопросъ о поднятіи сельскаго хозяйства въ Россіи. Излишне, конечно, говорить о томъ, какое огромное значеніе имѣеть этотъ вопросъ въ нашей странѣ, гдѣ подавляющее большинство населенія живетъ исключительно сельскимъ хозяйствомъ, и, какъ извѣстно, извлекаетъ изъ этого хозяйства самые скудные доходы. Одну изъ главныхъ причинъ крестьянской бѣдности министерство справедливо усматриваетъ въ сельскохозяйственной отсталости крестьянъ. «Крестьянское хозяйство въ Россіи,—говорится въ официальныхъ документахъ хозяйственнаго департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ (преобразованнаго нынѣ въ Министерство Земледѣлія),—ведется въ тѣхъ формахъ, какія приняты имъ еще много вѣковъ тому назадъ. Крестьянскій дворъ владѣетъ все тѣмъ же хозяйственнымъ инвентаремъ, обходится тѣми же мѣстными сѣмянками, примѣняетъ тѣ же приемы хозяйственной культуры, какихъ держались десятки предшествовавшихъ поколѣній... Въ результатѣ, получаемые въ хозяйствѣ продукты земледѣлія постепенно ухудшаются, вырождаются и не могутъ выдерживать соперничества на рынкѣ съ произведеніями хозяйствъ, ведущихся на болѣе совершенныхъ началахъ».

Задавшись цѣлью приучить крестьянъ къ новымъ, усовершенствованнымъ приемамъ обработки земли, Министерство Земледѣлія обратилось за помощью къ земствамъ, въ вѣдѣніи которыхъ находится попеченіе о мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ нуждахъ. Оно выработало цѣлый рядъ мѣропріятій, которыя могли бы способствовать подъему сельскаго хозяйства, и разослало циркуляры во всѣ земства, предлагая имъ высказаться по поводу этихъ мѣропріятій. Въ настоящее время предложенія министерства обсуждаются по разнымъ уѣздамъ и губерніямъ особыми сельскохозяйственными съѣздами, созываемыми земствами специально съ этой цѣлью. Мѣры, проектированныя министерствомъ, въ общихъ чертахъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Въ устройствѣ опытныхъ полей, на которыхъ производились бы опыты съ посѣвами новыхъ растений, и доказательныхъ участковъ. Цѣль устройства послѣднихъ заключается въ томъ, чтобы «доказать земледѣльцу *наглядно и безошибочно* пользу улучшенной обработки, удобрения и посѣва улучшенными сѣмянками и убѣдить его въ неправомерности собственной культуры. На такихъ поляхъ и участкахъ допускаются только испытанныя орудія обработки, сѣмена и способы удобрения, дабы успѣхъ ихъ не подлежалъ уже сомнѣнію. Устраняются эти поля и участки преимущественно среди надѣльныхъ и крестьянъ

скихъ участковъ». Кромѣ опытныхъ и доказательныхъ полей предполагается еще устраивать образцовыя фермы, которыя служили бы рассадникомъ усовершенствованныхъ приѣмовъ по другимъ отраслямъ хозяйства.

2) Въ устройствѣ складовъ сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій.

3) Въ работахъ по лѣсоразведенію, садоводству, укрѣпленію сыпучихъ песковъ, и пр.

4) Въ заботѣ объ улучшеніи породъ мѣстнаго скота.

5) Въ устройствѣ земскихъ сельскохозяйственныхъ выставокъ, конкурсовъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій.

Всѣ эти мѣропріятія уже примѣнялись къ дѣлу различными земствами и Министерство Земледѣлія, признавая! благой починъ и высокія заслуги земства въ этомъ отношеніи, предлагаетъ теперь представителямъ мѣстнаго самоуправления всесторонне обсудить эти вопросы и въ свою очередь общается имъ всевозможную поддержку. Уже самый фактъ обращенія къ земству со стороны учрежденія, облеченнаго такою сильною властью, какъ Министерство Земледѣлія, представляетъ собою въ высшей степени отрадное явленіе, и нѣтъ сомнѣнія, что его дѣятельность приведетъ къ самымъ благимъ результатамъ. Но въ то же время необходимо, чтобы наряду съ сельскохозяйственными улучшениями были бы проведены и нѣкоторыя реформы экономическаго характера.

Крестьянинъ, владѣющій ничтожнымъ надѣломъ и часто не обладающій даже самымъ необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ, въ видѣ рабочаго скота, не можетъ извлечь особенной пользы изъ опытныхъ полей, складовъ земледѣльческихъ орудій, усовершенствованныхъ породъ скота, и прочихъ нововведеній. А извѣстно, какъ велико у насъ число малоземельныхъ и безлошадныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, и какъ быстро это число увеличивается съ каждымъ годомъ. Вотъ что сообщается, напримѣръ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о Полтавской губ. (Свѣдѣнія эти извлечены газетою изъ книги г. Велецкаго «Двадцать пять лѣтъ дѣятельности земства въ Полтавской губ. съ 1866 г. по 1892 годъ». Изданіе Полтавскаго сельскохозяйственнаго Общества): «Собственно Полтавская губернія, которой касается очередь, занимается по малоземелью сельскаго населенія, одно изъ первыхъ мѣстъ даже въ ряду сосѣднихъ съ нею черноземныхъ губерній, гдѣ крестьяне получили вообще малые надѣлы. Чтобы составить понятіе объ истинномъ положеніи полтавскихъ крестьянъ, занимающихся почти исключительно земледѣліемъ, достаточно взглянуть на слѣдующія цифры. Въ среднемъ выводѣ по губерніи на душу мужского пола приходится 2,09 дес. земли. Болѣе 21% общаго количества ея занято усадьбами, лугами, лѣсами и пр. Количество же пахотной земли, доставляющей продовольственные средства населенію, опредѣляется всего въ 1,65 дес. на душу мужского пола. При среднемъ за послѣднее десятилѣтіе урожаѣ всѣхъ вообще хлѣбовъ отъ 5,1 до 4,1 четверти съ десятины, за исключеніемъ сѣмянъ, такой участокъ земли даетъ 3 до 2 четвертей хлѣба на душу обоюго пола, т. е. «количество, едва ли достаточное только лишь для собственнаго продовольствія населенія, между тѣмъ какъ изъ того же самаго источника большинство населенія должно покрывать и лежащіе на немъ платежи и удовлетворять всѣ прочія потребности жизни». Вдобавокъ, здѣсь сборъ хлѣбовъ выведенъ для средняго душевнаго участка. Въ дѣйствительности существуютъ значительныя уклоненія отъ средней цифры, такъ какъ поземельная собственность распределена между крестьянами Полтавской губ. весьма неравномѣрно. По вычисленіямъ г. Велецкаго, изъ общаго числа кре-

стѣянскихъ хозяйствъ губерніи болѣе двухъ третей (68,2%) «являются настолько малоземельными, что собираемаго ими съ своихъ земельныхъ участковъ урожая недостаточно даже для собственнаго продовольствія, и только остальные 31,8% хозяйствъ могутъ, при благоприятныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, имѣть его въ незначительномъ избыткѣ».

«Русскія Вѣдомости» справедливо замѣчаютъ по этому поводу: «То, что говорится въ изданіи сельскохозяйственнаго Общества о нуждахъ сельскаго населенія Полтавской губерніи, приложимо и къ другимъ мѣстностямъ. Тѣ же мысли и тѣ же указанія можно найти въ обширной литературѣ вопроса, можно подтвердить ссылками на многія изслѣдованія, но въ данномъ случаѣ, свидѣтельство идетъ отъ сельскохозяйственнаго Общества, которое не можетъ быть заподозрѣно въ несочувствіи дѣлу агрономическихъ улучшеній. Тѣмъ не менѣе, въ его изданіи вполне опредѣленно проведенъ и подкрѣпленъ всѣми доказательствами тотъ взглядъ, что «нужда въ землѣ, безъ сомнѣнія, составляетъ и до настоящаго времени самую выдающуюся потребность крестьянъ».

Американскіе приемы у русскихъ помѣщиковъ. Однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ для помѣщиковъ является вопросъ о томъ, гдѣ бы подешевле достать рабочихъ на уборку посѣвовъ. Въ погонѣ за рабочими нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ съ чисто американской предпримчивостью. «Русскія Вѣдомости» собрали изъ провинціальныхъ газетъ нѣсколько фактовъ, служащихъ прекрасной иллюстраціей этого. Такъ «по словамъ кievской газеты «Жизнь и Искусство», владѣльцы сахарныхъ плантацій въ Липовецкомъ уѣздѣ привлекаютъ рабочихъ особой преміей, которой грошъ цѣна и которая не могла бы, конечно, привлечь рабочихъ, если бы не была облечена въ заманчивую форму лотереи. Вотъ какъ названная газета описываетъ выдачу этой оригинальной преміи. «На лоскуткѣ бумаги писалось названіе вещи, предназначенной къ выигрышу: шпилька, иголка, нитки, платочекъ, папиросы, люлька (трубка для куренія), пара блестящихъ пуговицъ, пряжа, лента, кнютыкъ, бубликъ, рюмка водки и другая мелочь. вмѣстѣ съ этими бумажками, свернутыми въ трубочку, опускалось въ шапку (замѣнявшую въ данномъ случаѣ лотерейный ящикъ съ колесомъ) множество пустыхъ билетиковъ. Самъ плантаторъ гордо подносилъ шапку съ билетиками стоявшимъ въ рядъ рабочимъ, которые по очереди вынимали изъ шапки «свое счастье», и это счастье, при крикахъ «ура» и звукахъ музыки, наврывающей «vivat», торжественно, съ комплиментами, подносилось счастливицу».

Въ другихъ мѣстахъ пускаются въ ходъ болѣе простые средства: «Нѣкоторые изъ крупныхъ посѣвщиковъ Николаевскаго и Новоузенскаго уѣздовъ, — пишутъ мѣстный корреспондентъ «Самарской Газеты», — чтобы заманить къ себѣ возможно больше жнецовъ, заранѣе рассылаютъ своихъ агентовъ по разнымъ губерніямъ, жители которыхъ ежегодно ходятъ на заработки въ наши мѣста, распускать слухи о баснословныхъ урожаяхъ и о дорогихъ цѣнахъ на рабочія руки. Народъ вѣрить этимъ слухамъ и, разумѣется, валомъ валить въ извѣстные пункты. А хозяева-спекуляторы только этого и желаютъ: отъ большого скопленія рабочихъ предложеніе значительно превышаетъ спросъ и цѣна на работу падаетъ очень низко». Чтобы еще болѣе укрѣпить легковѣрныхъ рабочихъ во мнѣніи о баснословныхъ размѣрахъ урожая и настоятельной нуждѣ въ рабочихъ рукахъ, посѣвщики въ нынѣшнемъ году не ограничились распусканіемъ слуховъ, а «послали своихъ агентовъ въ Пензенскую и др. губерніи за тѣмъ, чтобы нанять нѣсколько человѣкъ жнецовъ по 20 р. за деся-

тину и на все время живтва». Понятно, что небывало высокая плата въ 20 р. должна привлечь множество рабочихъ, съ которыми на мѣстѣ уже можно будетъ поторговаться, и, конечно, дать гораздо меньше. Рассчетъ тутъ очень простой и вѣрный: потратившись на дорогу и упустивъ удобное время, когда можно было бы отправиться въ другія мѣста, рабочій поневолѣ согласится на низкую плату, хотя сначала, конечно, будетъ протестовать, ругаться, а иной разъ даже вступить въ драку съ наемщикомъ и съ болѣе податливымъ товарищемъ по несчастью. Драки и побовща, вызванныя исключительно неблаговидными маневрами наемщиковъ, составляютъ въ этихъ мѣстахъ обычное явленіе. Такое побовще, имѣвшее мѣсто во время нынѣшней наемки на полевая работы, описываетъ, между прочимъ, «Оренбургскій Край». Наемщики, пользуясь большимъ наплывомъ рабочихъ, стали предлагать весьма низкую цѣну и такъ твердо стояли на ней, что нѣкоторые рабочіе, особенно обѣднѣвшіе и почти совершенно нищѣ-татары, стали сдаваться. Тогда вступались другіе рабочіе, и началась драка, окончившаяся, конечно, вмѣшательствомъ властей».

Сарапульское Общество трезвости. Въ г. Сарапулѣ, Вятской губ., возникло недавно Общества трезвости, которое, по словамъ корреспондента «Волжскаго Вѣстника», отличается нѣкоторыми оригинальными чертами отъ другихъ учрежденій подобнаго рода. «Не смотря на то,—пишетъ корреспондентъ,—что членами Общества состоятъ, главнымъ образомъ, мѣстные ремесленники, организація этого Общества почти не оставляетъ желать лучшаго. Вмѣсто обычнаго при учрежденіи такихъ Обществъ «зарока не пить», сарапульское Общество взглянуло на дѣло нѣсколько шире, задавшись, главнымъ образомъ, дѣлью дать своимъ членамъ разумное развлеченіе, какъ самое вѣрное средство, отвлекающее отъ пьянства и посѣщенія трактирныхъ заведеній». Съ этою дѣлью Общество обзавелось «приличнымъ помѣщеніемъ», гдѣ время отъ времени устраиваются семейные вечера, концерты, спектакли, танцы, а члены Общества могутъ бесплатно читать газеты и получаютъ чай по дешевой цѣнѣ. «Въ настоящее время въ помѣщеніи этого Общества устроена небольшая, но приличная сцена съ нѣсколькими перемѣнами декорацій, потому организуется постоянная читальня, далѣе имѣются свои хоръ и оркестръ, и затѣмъ, вѣроятно появятся библиотека и сберегательная касса. Нужно лично побывать въ этомъ «трезвенномъ клубѣ», чтобы оцѣнить все его благотѣльное значеніе для рабочаго населенія города, давно нуждавшагося именно въ такомъ прекрасномъ учрежденіи, гдѣ дается здоровая пища уму и сердцу». Общество насчитываетъ уже около 400 членовъ, «и есть надежда, что къ концу года число ихъ удвоится».

Безпорядки въ Святыхъ Горахъ. Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» напечатаны слѣдующія интересныя подробности о безпорядкахъ, происходившихъ на ярмаркѣ въ Святыхъ Горахъ. «14-го и 15-го августа ежегодно въ Святыхъ Горахъ (Изюмскаго у.) происходитъ довольно значительная ярмарка. Въ нынѣшнемъ году стеченіе народа было особенно велико. Ярмарка эта помѣщается на огромной площади въ 50 десятинъ, входящей въ составъ громаднаго имѣнія, принадлежащаго графу Рибопьеру, и за мѣста на ней съ торгующихъ взимается въ пользу владѣльца особый сборъ. Вниманіе этого послѣдняго администрація имѣнія поручила служащимъ въ экономіи, въ должностяхъ объѣздчиковъ и полѣсовщиковъ, восьми осетинамъ.

Исторія появленія ихъ въ экономіи графа Рибопьера, по словамъ администраціи имѣнія, такова: въ огромномъ лѣсномъ участкѣ имѣнія графа ежегодно производилась вырубка лѣса, которая должна была давать владѣльцу значительные доходы: между тѣмъ, вслѣдствіе систематической кражи лѣса окрестнымъ населеніемъ, таковыхъ доходовъ не поступало. Полѣсовщики, взятые изъ среды мѣстныхъ крестьянъ, оказывались плохими оберегателями хозяйскаго добра. Вслѣдствіе этого администрація навела полѣсовщиковъ изъ великорусскихъ губерній; послѣдніе, правда, не давали потачки ворами, но сами организовали весьма правильную продажу лѣса въ свою пользу. Въ виду этого администрація имѣнія пригласила въ качествѣ полѣсовщиковъ восемь осетинъ. Они оказались, по отзывамъ администраціи имѣнія, дѣйствительно честными и добросовѣстными оберегателями ввѣреннаго ихъ охранѣ имущества. Допускали ли осетины при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей какія-либо самоуправства, играла ли здѣсь роль ихъ иневѣрность или нерусское происхожденіе (это должно выяснять слѣдствіе, и мы никакихъ предположеній или догадокъ не рѣшаемся здѣсь дѣлать), но фактъ тотъ, что окрестное населеніе было настроено къ осетинамъ враждебно, и нельзя не пожалѣть о распоряженіи администраціи, ввѣрившей вниманіе непопулярнаго (и прогрессивно-возраставшаго) ярмарочнаго налога осетинамъ, отношеніе населенія къ которымъ было, какъ сказано, весьма недружелюбно.

Утромъ 14-го числа одинъ изъ осетинъ, подоида къ крестьянину, выѣхавшему на ярмарку, сталъ требовать отъ него ярмарочный сборъ; крестьянинъ сталъ что-то возражать, завязался споръ, перешедшій въ ссору, закончившюся тѣмъ, что осетинъ сильно ударилъ крестьянина нагайкой. Послѣдній съ крикомъ и жалобами обратился къ народу, находившемуся на ярмаркѣ, который и сталъ наступать на осетина. Тотъ предложилъ толпѣ, а также крестьянину, съ которымъ у него завязался споръ, идти за нимъ въ контору, гдѣ могли бы ихъ разсудить. Крестьяне согласились и направились къ конторѣ. На пути толпѣ встрѣтился какой-то, по отзывамъ крестьянъ, цыганъ (а, можетъ быть, просто смуглый брюнетъ, похожій на цыгана); спросивши кого-то изъ толпы, куда они идутъ, онъ затѣмъ вскрикнулъ: «что вамъ за охота съ нимъ толковать, бейте его!» Эти слова послужили сигналомъ: народъ бросился на осетина и сталъ его колотить. На крики осетина прибѣжали двое его товарищей и начали его защищать, но и они стали жертвами разсвирѣпѣвшей толпы, и черезъ нѣсколько минутъ на землѣ лежало три изуродованныхъ трупъ осетинъ.

Замѣчательно, что, хотя у осетинъ были револьверы, никто изъ нихъ не пустилъ въ ходъ для самозащиты огнестрѣльнаго оружія: по всей вѣроятности, это объяснилось неожиданностью нападенія; осетины защищались только кинжалами и нанесли нѣсколько ранъ нападавшимъ, одинъ изъ которыхъ черезъ нѣсколько часовъ умеръ, вѣроятно, вслѣдствіе потери крови (всѣ раны были нанесены въ руку). При этомъ получилъ также неопасную рану кинжаломъ урядникъ, бросившійся защищать осетина, который въ пылу свалки, вѣроятно, не видѣлъ, кому онъ наносилъ ударъ. Среди крестьянъ никто не имѣлъ при себѣ оружія: всѣ наносили удары кулаками, колями, оглоблями, вообще, тѣмъ, что попадалось подъ руку.

Въ то время, какъ происходила эта кровавая драма, одна часть толпы бросилась въ контору, произвела внутри ея поломки и стала разыскивать остальныхъ осетинъ; двое изъ нихъ были отысканы и сейчасъ же убиты. Другая часть толпы, разыскивая остальныхъ трехъ осетинъ, разгромила гостин-

ницу, думая найти их тамъ, но тѣ успѣли скрыться. Одинъ изъ нихъ спря-тался въ лари съ хлѣбомъ, другой—на чердакѣ одной изъ дачъ, расположен-ныхъ въ Святыхъ Горахъ, третій—въ одномъ изъ дворовъ близъ лежащаго сельца Баннаго.

Между тѣмъ многіе изъ прѣхавшихъ на ярмарку, вѣроятно, испуганные кровавыми сценами, стали разбѣжаться, и къ вечеру ярмарочная площадь значительно опустѣла.

Въ настоящее время по этому дѣлу уже производится судебное слѣдствіе.

Переселенческіе поселки на Амурѣ. Въ изданномъ недавно, по порученію Министерства Финансовъ, «Описаніи Амурской области» (составленномъ г. Грумъ-Гржимайло подъ редакціей П. П. Семенова) есть интересныя свѣдѣнія о русскихъ переселенцахъ на Амурѣ. Заимствуемъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей» слѣдующіе факты, извлеченные ими изъ «Описанія». Амурская область занимаетъ 395 тыс. квадр. верстъ,—пространство, равное всей Швеціи. Если провести прямую линію между Черняевской станицей и Хабаровскомъ,—говоритъ авторъ рассматриваемаго труда,—то къ юго-западу отъ нея будетъ лежать мѣстность, ограниченная съ остальныхъ сторонъ между тѣми же пунктами Амуроми; она составляетъ около четверти всей Амурской области и обня-маетъ почти всю ту площадь, которая представляется въ этой странѣ удобной для земледѣльской колонизаціи. Здѣсь, именно и сосредоточены русскія по-селенія, крестьянскія и казацкія. Все нынѣшнее населеніе области не пре-вышаетъ 100 тыс. человекъ, причеиъ русскій элементъ составляетъ 80%, но собственно сельскаго населенія насчитывается съ небольшимъ 50 тысячъ. Въ пользованіи его состоитъ 980 тыс. дес. земли, т. е. около 36 дес. на душу мужского пола.

Первая попытка земледѣльской колонизаціи Амурскаго края была сдѣ-лана въ 1855 году. Первыми переселенцами были крестьяне Иркутской губ. и Забайкальской области, отправившіеся на Амуръ (собственно въ предѣлы ны-нѣшней Приморской области) добровольно. Имъ были дарованы большія льготы: земля поступила въ ихъ полное и вѣчное владѣніе, переселенцы были осво-бождены отъ рекрутской, земской и подушной повинностей и получили пособие отъ казны. Одновременно съ крестьянскими возникли на Амурѣ и казацкія поселенія. Непривычныя условія жизни, въ которыхъ очутились новыя посе-ленцы, неблагоприятно отразились на нихъ: первое время они не мало бѣдство-вали, тѣмъ болѣе, что не обошлось безъ ошибокъ и упущеній со стороны вла-стей, распорядившихся въ край. Но мало-по-малу послѣдствія неудачи были заглажены, и колонизація продолжалась съ серьезнымъ успѣхомъ. Въ 1857—1858 гг. въ нынѣшней Амурской области, вдоль р. Амура, возникло выше Бла-говѣщенска 14 селеній и столько же ниже этого города. Притокъ переселен-цевъ не прекратился и въ послѣдующіе годы; особенно же онъ усилился послѣ того, какъ крестьяне Европейской Россіи получили официальное приглашеніе переселиться на свободныя земли Амура. Съ 1857 по 1863 годъ преобладало обязательное по распоряженію правительства переселеніе казаковъ. Съ 1862 года, т. е. тотчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ, началось безостановочное до-бровольное переселеніе крестьянъ различныхъ губерній Европейской Россіи и Сибири. Переселенцы,—разсказываетъ авторъ,—шли въ Амурскую область на собственный счетъ, безъ правительственной помощи. О положеніи края, льго-тахъ, путяхъ и способахъ передвиженія они узнавали изъ писемъ своихъ земляковъ или родственниковъ. Средства для осуществленія своего предпрія-

тія крестьяне добывали путемъ ликвидациі хозяйства на родинѣ и продажей своего имущества. Отправившись изъ дому рано весной, переселенцы прибывали въ Благовѣщенскъ черезъ 4 — 5 мѣсяцевъ, причемъ дорожные расходы достигали, круглымъ числомъ, на душу 80-тъ рублей. Такія средства находились, конечно, не у всѣхъ; поэтому бѣднѣйшія семьи кредитовались у болѣе зажиточныхъ и выплачивали свой долгъ уже въ мѣстахъ новаго жительствова—денными или работой. Всѣ переселенцы двигались въ полномъ составѣ семей, съ малыми дѣтьми. У тѣхъ, кто совершалъ свой путь съ полной опредѣленностью его конечной пѣли, безъ остановокъ и колебаній, убыли въ семьѣ,— читаемъ мы въ «Описаніи»,—были ничтожны: семьи доходили до Благовѣщенска почти безъ потерь.

По прибытіи въ область переселенцевъ причисляли, если ихъ было мало, къ существующимъ обществамъ; многочисленныя же партіи образовывали новыя общества и поселки. Въ самой долині Амура возникло сравнительно не много крестьянскихъ поселковъ. Эта мѣстность раньше была занята казаками, Крестьяне размѣстались по обширной равнинѣ, орошаемой нижними течениями Буреи, Зеи и другими меньшими притоками Амура. Фактически амурскіе крестьяне заняли до 650 тыс. десятинъ и владѣютъ 125 дес. на дворъ, причемъ обширныя пространства земли остаются еще свободными для будущиxъ колонистовъ и новыхъ поселеній.

Крестьянскія общества пользовались предоставленной имъ землей въ теченіе всего тридцатилѣтняго періода, не платя поземельной и подушной подати, а до 1877 г. и земскихъ сборовъ, и къ выкупу своихъ надѣловъ не приступали, не смотря на возможность выкупа ихъ по льготной цѣнѣ 3 руб. за десятину.

Крестьяне, переселившіеся въ Амурскую область, живутъ, по словамъ «Описанія», въ довольствѣ. На вопросъ программы, по которой производилось изслѣдованіе, не встрѣчаетъ ли этотъ разрядъ переселенцевъ какихъ-либо неудобствъ на мѣстахъ своего водворенія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ послѣдовалъ отвѣтъ, показывающій, что въ естественныхъ условіяхъ страны неудобствъ для колонизациі нѣтъ.

Интеллигентные офени. Въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» въ отдѣлѣ «Хроники» напечатана любопытная статья г. Яковенки «Съ книгами по ярмаркамъ», въ которой онъ описываетъ попытку двухъ «интеллигентовъ» торговать народными книгами на ярмаркахъ въ Полтавской губ. Въ настоящее время издается довольно много хорошихъ и дешевыхъ книгъ для народа и съ каждымъ годомъ дѣло это все болѣе и болѣе развивается. Петербургскій и Московскій комитеты грамотности, провинціальныя Общества распространенія грамотности и различныя издательскія фирмы, какъ напр., фирма «Посредника», «Правды», г-жи Калмыковой и пр., дѣлаютъ доступными для народа произведенія нашихъ лучшихъ писателей, издавая ихъ небольшими книжечками по самой недорогой цѣнѣ (начиная съ 1½ к. за книжечку). Но, по справедливому замѣчанію г. Яковенки, мало издать хорошую книжку для народа; нужно еще устроить такъ, чтобы она дошла до своего читателя. «Положимъ, что хорошая книга написана и напечатана,—говорить онъ.—Ее легко можно достать въ Петербургѣ, въ Москвѣ, кое-гдѣ въ губернскихъ городахъ. Но, вѣдь, Москва, Петербургъ, губернскіе города—не «народъ», не для нихъ, по крайней мѣрѣ, была издана эта хорошая книга. Она предназначалась, главнымъ образомъ, для деревенскаго рыцка. Какія же

средства и пути для распространения своих книг выработалъ кругъ лицъ, взявшійся за составленіе и изданіе ихъ? Мы не ошибемся, сказавъ: *ми-халкиэ*. Если Сытинъ и К^о не сообразовалъ, хорошая книга останется въ петербургскихъ и московскихъ складахъ; до рабочаго, а въ особенности до крестьянина она не дойдетъ».

По мнѣнію автора, выходъ изъ этого ненормальнаго положенія заключается въ томъ, чтобы «организовать общество для торговли народными книгами съ цѣлой арміей своихъ офеней». Уже и теперь отдѣльные частныя лица берутся иногда торговать народными книгами и дѣятельность эта обыкновенно приноситъ самые лучшіе результаты. Одну изъ такихъ попытокъ описываетъ г. Яковенко въ вышеупомянутой статьѣ.

Инициаторомъ новаго дѣла въ Полтавской губерніи явился одинъ интеллигентный человекъ, нѣкогда работавшій у Энгельгардта въ Батгшевъ, и поселившійся въ деревнѣ, съ цѣлью пахать землю и «жить трудами рукъ своихъ». Вначалѣ онъ весь отдавался сельскому хозяйству и чуждался всякихъ занятій, вродѣ «составленія бумагъ», хожденій по дѣламъ, и пр. Но, замѣчаетъ г. Яковенко, «мало-по-малу жизнь сдѣлала свое дѣло. Въ настоящее время онъ защищаетъ крестьянъ, трудится въ пользу закрытія кабаковъ, устраиваетъ потребительскія товарищества, прискиваетъ земли для переселенія, и пр. Благодаря этому, онъ пользуется извѣстностью среди крестьянъ значительнаго округа». Прошлое лѣто онъ задумалъ заняться торговлей народными книжками и подыскалъ себѣ помощника — стараго капитана въ отставкѣ, живущаго въ деревнѣ на небольшую пенсію. Не смотря на преклонный возрастъ, капитанъ сохранилъ въ себѣ много энергіи и силы и съ радостью откликнулся на предложеніе своего знакомаго. Они достали разрѣшеніе отъ губернатора, внесли каждый по 100 р. въ общую кассу и съ капиталомъ въ 200 р. взялись за дѣло. «Городскому читателю эта сумма можетъ показаться очень ничтожной, — говоритъ г. Яковенко, — но для деревенской книжной торговли она представляла цѣлый капиталъ». Около 30 р. ушло на приобрѣтеніе повозки съ крытымъ верхомъ, парусинной палатки, прилавка и другихъ приспособленій для книжной торговли; 170 р. ушли на покупку книгъ. Торговля производилась въ теченіи 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, и за это время почти весь затраченный капиталъ успѣлъ обернуться, такъ что, съ матеріальной стороны предпріятіе увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Но гораздо важнѣе другая сторона его — а именно, что интеллигентнымъ офенямъ дѣйствительно удалось провести въ народъ хорошія книжки.

Райономъ своей дѣятельности они избрали центральные уѣзды Полтавской губерніи, мѣстность исключительно земледѣльческую, глухую, но густо населенную. Вначалѣ предполагалось искать покупателя «на дому», т. е. ѣздить по селамъ и городамъ во всякое время и предлагать свой товаръ всякому встрѣчному. «Но это сразу же оказалось непрактичнымъ. Книга въ деревнѣ, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ, такая еще рѣдкость, что покупателя пришлось бы искать, что называется, днемъ съ огнемъ; издержки по переѣздамъ и на прокормленіе не окупилась бы. Поэтому, торговцы рѣшились на первое время ограничиться ярмарками. Они побывали на 14 ярмаркахъ, каждая изъ нихъ продолжалась 2—3 дня; всего ярмарочныхъ дней имъ пришлось провести въ общей сложности 35».

Кочевая жизнь интеллигентныхъ офеней сопряжена была съ большими трудностями. Перекочевывая съ одной ярмарки на другую, приходилось значительную часть пути дѣлать пѣшкомъ, такъ какъ грузу, въ видѣ книгъ и

другого товара, всегда бывало достаточно для одной лошади. На бойкой ярмаркѣ торговля шла «безпрерывно, съ восхода солнца до заката, даже поѣсть бывало некогда, да и пойти отъ прилавка нельзя, такъ какъ народъ всегда толпится и глазѣть. Поидете ли вы пить чай въ балаганъ, или возьмете самоваръ къ себѣ въ палатку, вы нигдѣ не можете укрыться отъ пыли и навоза, который носится тучами, сыплется на хлѣбъ, лѣзетъ въ стаканъ съ чаемъ; приходится пить не чай, а чайную настойку съ навозомъ.» Бдите также, что придется; случилось, что на ярмаркѣ ничего нельзя было достать, кромѣ бубликовъ, и тарани... Спать приходилось на землѣ, не смотря на погоду, а то даже и подъ открытымъ небомъ, такъ какъ въ палаткѣ двумъ помѣститься было негдѣ. Въ дождь и невасть приходилось больше заботиться о книгахъ, чѣмъ о себѣ. Нерѣдко случалось промокать насквозь. Всѣ эти невзгоды раздражали капитана, страдавшаго застарѣлымъ ревматизмомъ, а компаньонъ его вообще не отличался здоровьемъ. Но прїѣдутъ домой, отдохнутъ, поправятся, и снова ихъ тянетъ на ярмарку. Первый же капитанъ начнетъ хлопотать и собираться».

Въ торговлѣ у капитана было до 450 изданій и изъ нихъ значительное большинство составляли книги по беллетристикѣ. Книгъ по общественнымъ и хозяйственнымъ вопросамъ было всего 31 названіе — о податяхъ, о дифтеритѣ о пчеловодствѣ, объ уходѣ за дѣтьми и т. д. Къ книгамъ по сельскому хозяйству крестьяне относились нѣсколько скептически. «Цаны потому и раззорились,—говорили они,—что все дѣлали по книжкамъ». Но, тѣмъ не менѣе, эти книги раскупались. Особенно хорошо шли книги по пчеловодству и садоводству. Въ Полтавской губ. земля хорошая и много родитъ, а лѣсовъ нѣтъ; поэтому, книги относительно хлѣбопашества не шли совсѣмъ, и крестьяне все требовали книгъ о разведеніи лѣсовъ.

На медицинскія книжки спросъ былъ не великъ. Семейные крестьяне охотно покупали «Совѣты матерямъ», но вообще эти книжки шли плохо. Еще менѣе раскупались историческія книжки. Изъ книгъ религіознаго содержанія много требовались житія святыхъ и молитвенники. Большой успѣхъ имѣли книги противъ пьянства.

Но главное вниманіе интеллигентныхъ офеней обращено было на подборъ беллетристическихъ книгъ. Въ ихъ палаткѣ совершенно отсутствовали обычныя изданія лубочниковъ, вродѣ «Страшнаго Мавра», «Гуака—Рыцаря», «Въ пасти крокодила» и пр., и взамѣвъ ихъ предлагались читателямъ общедоступныя изданія Толстого, Гоголя, Пушкина, Достоевскаго, Гаршина, Короленко, Станюковича, Жоржъ-Зандъ, Диккенса, Мильтона, и др. Изъ всѣхъ этихъ писателей крестьянамъ были извѣстны равнѣе и усиленно спрашивались ими только произведенія Толстого, Гоголя, Шевченко. Всѣ же остальные книжки, предлагаемыя имъ торговцами, были имъ совершенно невѣстны. «Нужно было предпринять какія-либо мѣры и такъ или иначе познакомить крестьянъ съ этимъ товаромъ,—говоритъ г. Яковенко.—Наиболѣе подходящимъ (а можетъ быть, и единственнымъ) средствомъ оказалось чтеніе вслухъ. Достаточно, бывало, только начать читать громко, чтобы передъ палаткою собралась цѣлая толпа. Если книга нравилась, если она прошибла до слезъ, вызвала неудержимый хохотъ, отвѣтила на какой-нибудь вопросъ несложной деревенской жизни, она непременно находила себѣ покупателей... Однажды въ самой толпѣ выискался какой-то оригиналъ, попросившій книжку и отправившійся читать ее «вслухъ на ярмарочную площадь».

Большой успѣхъ среди крестьянъ имѣли передѣлки съ иностраннаго, какъ «Мученики» Шатобріана, «Гуинденъ» Виктора Гюго, «Потерянный рай»,

«Робинзонъ». Особенно хорошо расходились два послѣднія книги. Изъ новѣйшихъ русскихъ писателей очень нравились рассказы Короленко. Замѣчательно, что Пушкинъ и Лермонтовъ шли совсѣмъ плохо. У капитана было около 200 различныхъ изданій произведеній Пушкина и $\frac{2}{3}$ ихъ остались непроданными. Даже «Полтавой» крестьяне Полтавской губ. не заинтересовались. Очень охотно раскупались малороссійскія книги, что вполне понятно въ малороссійскихъ деревняхъ. Вообще, опытъ капитана пвказалъ, что бороться съ лубочными изданіями вовсе не такъ трудно, разъ за дѣло берутся толковые и знающіе люди, и что народъ охотно покупаетъ и хорошія книги. Узнавъ, что нельзя получить «Англійскаго милорда» или «Португеза-юнкера», крестьяне брали Гоголя, Короленко или Виктора Гюго и оставались очень довольны. Такимъ образомъ, конкуренція лубочныхъ книгъ оказалась вовсе не такой страшной.

Въ виду необычайной дешевизны народныхъ изданій, торговля ими является дѣломъ, доступнымъ даже самымъ небогатымъ людямъ. Поэтому, по вѣрному замѣчанію г. Яковенко, «Интеллигенты, ищущіе себѣ работы въ деревнѣ, не обладающіе профессиональными занятіями, но зато располагающіе нѣсколькими сотнями рублей, хорошо бы сдѣлали, если бы обратили вниманіе на это въ высшей степени полезное и во многихъ отношеніяхъ интересное дѣло... Можетъ ли наша интеллигенція спокойно относиться къ тому умственному голоду, который испытываютъ сотни тысячъ людей, ея же обученные грамотѣ? Можетъ ли она спокойно относиться къ тому, какъ гложетъ и замираетъ мысль, не получающая надлежащаго питанія, какъ забывается даже грамотность? Интеллигенція сдѣлала уже первый шагъ къ удовлетворенію этого умственнаго голода: она создала кое-какіе запасы пицци. Но на этомъ нельзя остановиться. Необходимо доставить эти запасы на деревенскій рынокъ... Если находятся люди, дающіе средства на изданіе хорошихъ народныхъ книгъ, то найдутся и такіе, которые не пожалѣютъ дать денегъ на организацію распространенія этихъ книгъ».

Остается только пожелать, чтобы мысль, высказываемая г. Яковенко, поскорѣ нашла свое осуществленіе. Объ интеллигентныхъ офеняхъ уже раньше нѣсколько разъ говорилось въ литературѣ, но до сихъ поръ не сдѣлано еще ни одного шага къ правильной организаціи этого важнаго дѣла.

Изъ иностранной жизни.

Современныя женщины-писательницы въ Англіи. На всемірной выставкѣ въ Чикаго, въ прошломъ году, одинъ изъ ораторовъ на женскомъ конгрессѣ сказалъ: «Женское движеніе составляетъ самое важное событіе нашей эпохи, смущающее спокойствіе консерваторовъ. Безъ всякаго предувѣдомленія женщина появилась ввсвпнно на сценѣ мужской дѣятельности, какъ совершенно новое существо, и потребовала своей доли участія въ борьбѣ, пожелала нести такую же отвѣтственность, какъ и мужчины, и пользоваться такими же почестями въ томъ мірѣ, въ которомъ до сихъ поръ она была только нулемъ. И доказательствомъ того, что она вполнѣ заслуживаетъ такой же свободы, какъ и мужчина, служатъ тѣ многочисленныя препятствія, которыя ей удалось преодолѣть».

Взглядъ этотъ раздѣляется и профессоромъ Карломъ Пирсономъ, который, въ своей статьѣ, напечатанной въ «Fortnightly Review», говоритъ, что женскій вопросъ составляетъ одну изъ величайшихъ проблемъ современной жизни. Дѣйствительно, нельзя отрицать, что во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра положеніе женщины уже далеко не то, что было прежде; она болѣе свободна, болѣе независима и въ общественной жизни съ нею уже надо считаться. Эволюція эта совершилась передъ нашими глазами и идетъ далѣе. Повидимому, женщина не хочетъ останавливаться на половинѣ пути и намѣрена добиваться гораздо большаго. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ это стремленіе женщинъ къ расширенію своихъ правъ всего рѣзче и послѣдовательнѣе выражается въ Англіи. Англичанки твердымъ шагомъ идутъ къ своей цѣли; онѣ добились того, что англійскіе университеты открыли свои двери женщинамъ, и одинъ изъ главныхъ членовъ университетской коллегіи слѣдующимъ образомъ отозвался о женщинахъ на митингѣ, въ апрѣлѣ прошлаго года: «Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я имѣю дѣло въ коллегіи со студентами обоего пола, слушающими одинъ и тотъ же курсъ, и работы ихъ указали мнѣ на опытѣ, что нельзя раздѣлять человѣческой интеллектъ на мужской и женскій, и что умъ обонхъ созданъ одинаково: подобающая дисциплина ума можетъ сдѣлать женщину равной мужчинѣ во всѣхъ интеллектуальныхъ работахъ. Я убѣдился, что женщина можетъ блистать рядомъ съ мужчиной во всѣхъ отрасляхъ чловѣческаго знанія».

Въ 1867 году, въ первый разъ англійской палатѣ общинъ пришлось высказаться по вопросу объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Предложеніе сравнять эти права было отклонено большинствомъ 121 голоса. Однако, женщины не унывали и, когда въ 1892 году вопросъ этотъ снова былъ выдвинутъ на сцену въ палатѣ общинъ, то не хватило всего лишь 23 голосовъ для того, чтобы женщины на этотъ разъ одержали побѣду. Принимая во вниманіе извѣстную уже настойчивость, свойственную англійской націи вообще, можно почти съ увѣренностью сказать, что побѣда эта не за горами. Пропаганда ведется очень успѣшно въ обществахъ и въ печати. Въ Лондонѣ устраивается множество большихъ и маленькихъ митинговъ, на которыхъ женщины излагаютъ свои мысли тысячамъ слушателей и обнаруживаютъ зачастую незаурядный ораторскій талантъ. Въ одну недѣлю въ Лондонѣ бываетъ до шести

такихъ митинговъ, устраиваемыхъ центральнымъ обществомъ «Central National Society for Women's Suffrage». Это же самое общество издаетъ бюллетени и массу летучихъ листовъ и брошюръ въ защиту правъ женщины. Вообще можно навѣрное сказать, что ни въ одной странѣ (за исключеніемъ Америки) женскій вопросъ не подвигается такъ быстро къ своему окончательному разрѣшенію, какъ въ Англіи, и уже одно то, что вопросъ объ уравненіи политическихъ правъ женщинъ былъ отклоненъ въ палатѣ общинъ послѣ долгихъ и очень горячихъ преній указываетъ, что англичане признаютъ женщинъ такими серьезными противниками, къ требованіямъ которыхъ нельзя относиться съ снисходительнымъ презрѣніемъ, какъ къ пустой болтовнѣ. Выдающіеся ораторы выступали какъ въ защиту, такъ и противъ расширенія правъ женщины. Между прочимъ, указывалось на то, что въ основу нашего общества заложена идея превосходства мужчины надъ женщиною, какъ въ физическомъ, такъ и въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. До сихъ эта исходная точка признавалась правильной, если же теперь ее отвергнуть, то придется прибѣгнуть къ коренной реформѣ всѣхъ установившихся формъ нашей общественной жизни.

Изъ этого аргумента видно, что противники женскаго равноправія въ Англіи уже не считаютъ возможнымъ основывать свои доводы на томъ, что женщина—нижее существо, а лишь высказываютъ опасенія, что окончательное уравненіе правъ женщины можетъ потрепсти основы существующаго общественнаго строя. Одинъ изъ депутатовъ въ палатѣ общинъ выставилъ на видъ то, что, въ случаѣ уравненія политическихъ правъ женщинъ, управленіе страной окажется de facto въ рукахъ женщинъ, такъ какъ ихъ больше, нежели мужчинъ.

Какъ бы тамъ ни было, но англійскія женщины постепенно завоевываютъ себѣ все большія и большія права и свободу; онѣ отличаются такимъ же упорствомъ, какъ и мужчины, въ удержаніи того, что приобрѣтено ими, и въ защитѣ своихъ правъ. Англичане не относятся съ презрительною насмѣшкой, какъ французы, къ агитаціи женщинъ въ пользу своихъ правъ; они обсуждаютъ вопросъ не съ той точки зрѣнія, имѣеть ли право женщина, какъ нижее существо, претендовать на большую свободу, на равноправіе, а съ той—не нарушитъ ли введеніе новаго фактора, въ лицѣ женщины, въ строй общественной и политической жизни ея правильнаго теченія и не нанесетъ ли матеріальнаго ущерба. Если англичанинъ убѣдится, что съ этой стороны не грозитъ опасности, и что выведеніе женщины изъ ея подчиненнаго положенія можетъ даже принести нѣкоторыя выгоды, то дѣло женщины можно считать выиграннымъ. Число женщинъ, которымъ приходится зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, съ каждымъ годомъ все увеличивается. Мужчины находятъ исходъ въ эмиграціи, женщинамъ это труднѣе. А между тѣмъ, женщинъ въ Англіи почти на миллионъ больше, нежели мужчинъ, и огромное большинство этихъ женщинъ, лишенное личныхъ средствъ, не находятъ уже матеріальной поддержки со стороны своихъ родственниковъ мужчинъ,—поддержки, въ которой лѣтъ сто тому назадъ онѣ, конечно, не встрѣтили бы недостатка. Для того, чтобы обезпечить себѣ сколько-нибудь сносное существованіе, женщины зачастую приходится бороться съ огромными препятствіями, и многія погибаютъ въ этой непосильной борьбѣ. Необходимость открыть побольше

путей женщинамъ возникаетъ сама собою. Намъ уже случилось говорить на страницахъ нашего журнала, что именно эта жизненная необходимость, социальныя условія, вывели къ жизни женскій вопросъ въ Германіи, въ странѣ, гдѣ традиція по отношенію къ женщинамъ держится еще крѣпче, нежели въ Англии. Англичане, какъ практическій народъ по преимуществу, вѣроятно, первые подадутъ примѣръ благополучнаго разрѣшенія этого назрѣвающаго вопроса нашей современной жизни.

Женское движеніе въ Англии, какъ и слѣдовало ожидать, отразилось не только въ общественной жизни, но и въ литературѣ, и по преимуществу на произведеніяхъ женскихъ авторовъ. Въ статьѣ «Review of Reviews» объ англійской современной женской беллетристикѣ, говорится, что эволюція женщинъ выражается особенно ярко въ этой беллетристикѣ. Много женщинъ писало прежде повѣсти и рассказы, въ которыхъ главное мѣсто было отведено женщинамъ, но, тѣмъ не менѣе, сами авторы относились къ своимъ героинямъ или съ господствующей въ обществѣ точки зрѣнія, или же съ точки зрѣнія мужчины, что, впрочемъ, составляетъ почти одно и то же. Только въ послѣднее время въ произведеніяхъ женщинъ авторовъ, во взглядахъ на женщину стала обнаруживаться *женская* точка зрѣнія. Героини въ женскихъ повѣстяхъ, вплоть до послѣдняго времени, играли роль просто какихъ-то придатковъ къ герою, нужныхъ лишь для того, чтобы составить его счастье или же заставить его страдать. Сами же по себѣ онѣ не играли большой роли и занимали всегда второстепенное мѣсто въ романахъ и повѣстяхъ, написанныхъ женщинами, такъ какъ главный интересъ въ этихъ произведеніяхъ всегда сосредоточивался на личности героя мужчины. Въ настоящее время все это измѣнилось, и цѣлый сонмъ женщинъ-писательницъ въ Англии сталъ интересоваться женщиною, ея положеніемъ, анализировать ея характеръ, способности, условія ея жизни и обстановки и т. д. Авторъ упомянутой статьи англійскаго журнала говоритъ, что эта эволюція, замѣчаемая въ женскомъ литературномъ творествѣ, заслуживаетъ во всякомъ случаѣ specialнаго вниманія. Многихъ поражаетъ эта эволюція; однакъ она возмущаетъ, другихъ радуетъ и всѣхъ интересуетъ. Поэтому-то авторъ и считаетъ нужнымъ посвятить свою статью бѣглому обзору нѣкоторыхъ выдающихся произведеній женской беллетристики въ Англии, иллюстрируя, кромѣ того, эту статью портретами современныхъ женщинъ-писательницъ.

По словамъ автора, во главѣ этого литературнаго движенія слѣдуетъ поставить Оливу Шрайнеръ. Ея произведеніе «Story of an african Farm» (Исторія африканской фермы) явилось предвозвѣстникомъ новаго направленія. Кто бы могъ подумать, что новое слово въ этомъ отношеніи раздастся изъ глубины африканской степи? Воспитанная вдали отъ городской жизни и всѣхъ ея вредныхъ вліяній, Олива Шрайнеръ задумала и написала свою повѣсть въ уединеніи южно-африканской степи и вліяніе этой повѣсти замѣтно почти на всѣхъ современныхъ произведеніяхъ женской беллетристики. Олива Шрайнеръ проводитъ ту идею, что при существующемъ общественномъ строѣ худшія условія выпадаютъ на долю женщины. Героиня ея романа говоритъ: «Такая масса мыслей тѣснится въ моей головѣ, что иногда у меня голова кру-

жится отъ нихъ и я стараюсь отъ нихъ освободиться. Но одна мысль никогда не покидаетъ меня: зачѣмъ я не изъ тѣхъ, которыя должны родиться въ будущемъ? Тогда, быть можетъ, родиться женщиною не будетъ униженіемъ и не будетъ означать—родиться съ клеймомъ».

«Говорятъ, что мужчины оказываютъ намъ рыцарское вниманіе!—восклицаетъ героиня.—Когда мы просимъ, чтобы намъ разрѣшили быть докторами, адвокатами, депутатами, чѣмъ угодно, только не рабой, намъ отвѣчаютъ: Нѣтъ! вамъ оказывается мужчинами рыцарское вниманіе, довольствуйтесь этимъ. Что бы вы стали дѣлать безъ этого?.. Но, вѣдь я когда-нибудь сдѣлаюсь старой и некрасивой, и тогда, если я буду искать рыцарскаго вниманія, и... не найду его. Пчелы очень внимательны къ цвѣтамъ, когда собираютъ съ нихъ медъ, но ватѣмъ, собравъ медъ, онѣ улетаютъ. Я не знаю, чувствуютъ ли цвѣты благодарностькъ пчеламъ за это; но если чувствуютъ, то онѣ очень глупы!»

«Мужчины говорятъ, что женщинамъ предоставлено одно великое и благородное дѣло, и то онѣ плохо исполняютъ его. Это правда—онѣ исполняютъ его отвратительно. Но это дѣло требуетъ высокой культуры, а женщины лишены ея. Адвокатъ можетъ не знать ничего, кромѣ своихъ юридическихъ книгъ, а хамикъ—ничего, кромѣ своей лабораторіи, и дѣло ихъ не пострадаетъ отъ этого, но женщина, исполняющая женскую работу, должна обладать самой равносторонней и самой разнородной культурой. Ни одна изъ сторонъ человѣческой жизни не должна быть для нея сокрыта. Душа ребенка—изумительно нѣжная и впечатлительная, навсегда сохраняетъ тѣнь, павшую на нее впервые, и это тѣнь матери или же вообще женщины. Едва ли существовали великіе люди, не имѣвшіе великихъ матерей. Нашъ образовываютъ первыя шесть лѣтъ нашей жизни, остальное все составляетъ лишь наружный слой. И между тѣмъ, говорятъ, что если женщина умѣетъ сготовить обѣдъ, да хорошо одѣться, то она обладаетъ уже достаточною культурой».

Эти небольшія выдержки вполнѣ уясняютъ общую идею произведенія Оливы Шрайнеръ. И во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ женщины раздается такой же протестъ, такой же крикъ негодованія противъ той участи, которая предоставлена женщинамъ; всѣ находятъ, что далѣе такое положеніе вещей существовать не можетъ, что оно становится невыносимымъ для женщины. Женщина всегда приносила себя въ жертву, потому что ее увѣрили, что это нужно для блага общества, но теперь глаза у нея раскрылись.

Сара Грандъ, одна изъ писательницъ новой плеяды затрагиваетъ въ своемъ романѣ «Heavenly Twins» (Небесные близнецы) вопросъ о томъ, что женщина имѣетъ право предъявлять такія же требованія мужчинамъ въ отношеніи нравственности и чистоты, какія онъ предъявляетъ ей, когда собирается вести ее къ алтарю. До сихъ поръ этой стороны никто не касался, и ошеломленное англійское общество съ наумленіемъ прислушивалось въ своихъ гостиницахъ и курительныхъ комнатахъ къ обсужденію вопроса о правахъ женщины въ бракѣ. Сара Грандъ подняла знамя возстанія; дѣвушка имѣетъ право требовать, чтобы мужчина, съ которымъ она соединяется на всю жизнь въ брачномъ союзѣ, въ нравственномъ отношеніи былъ бы также чистъ,

Сара Грандъ.

какъ и она. Съ необыкновенною смѣлостью Сара Грандъ влеймятъ великосвѣтскіе браки, въ которыхъ любовь занимаетъ послѣднее мѣсто;

Мона Кордъ.

она говорить о томъ проклятіи, которое лежитъ на потомствѣ, происходящемъ отъ союза чистой, невинной дѣвушки съ испорченнымъ нравственно и физически мужчиной. Ту же идею Сара Грандъ проводитъ и въ своемъ другомъ романѣ «Superfluous woman» (Лишняя женщина), въ которомъ съ беспощадною рѣзкостью разоблачаетъ безнравственную сторону брака безъ любви.

Другая писательница, не менѣ Сары Грандъ, ошеломившая смѣлостью своихъ взглядовъ чопорное англійское общество, это — Мона Кэрдъ. Она болѣе извѣстна своими публицистическими статьями, нежели повѣстями, въ которыхъ также горячо возстаетъ противъ браковъ безъ любви. Мона Кэрдъ горячо возмущается противъ господствующаго взгляда, что жизнь женщины должна исчерпываться рожденіемъ дѣтей. «Если даже и признавать, что материнство — высшее призваніе и цѣль жизни женщины, — говоритъ Мона Кэрдъ, — то все же женщина должна быть матерью лишь тогда, когда она любитъ отца своихъ дѣтей». Мона Кэрдъ требуетъ реформы женска-

Миссъ Генуоръ Диксонъ.

го воспитанія. Пусть женщина сознательно относится и къ своимъ обязанностямъ и къ правамъ и отрѣшится отъ слѣпого, безмысленнаго и рабскаго подчиненія условнымъ правиламъ. Женщина должна стать равноправнымъ членомъ человѣческаго общества, должна научиться мыслить и разсуждать, а не только повиноваться спеціально для нея установленному кодексу, на томъ лишь основаніи, что такъ идетъ отъ

вѣка. Нельзя предрѣшать судьбу человѣческаго существа съ самаго его рожденія, восклицаетъ Мона Кэрдъ, а между тѣмъ мы именно такъ и поступаемъ. Къ дѣвочкѣ мы съ самаго начала примѣняемъ специальную систему воспитанія, мы ставимъ ее въ извѣстныя узкія рамки, изъ которыхъ она уже не можетъ выйти во всю свою жизнь, не взирая на то, какія у нея могутъ проявиться способности и стремленія».

Во всѣхъ пронаведеніяхъ современныхъ англійскихъ писательницъ проглядываетъ одинаковая точка зрѣнія на положеніе женщины въ обществѣ, въ бракѣ, въ семьѣ. Всѣ находятъ его невыносимымъ, всѣ говорятъ о необходимости реформы. Миссъ Генуорасъ Диксонъ въ

Авторъ «A Sunless Heart» (Безсолнечное сердце).

своемъ романѣ «The Story of a modern woman» (Исторія современной женщины) стремится доказать, какъ давятъ существующія соціальныя условія на женщину. «Мы всѣ, современныя женщины, должны сплотиться и помогать другъ другу,—говоритъ она.—Если бы мы соединились всѣ вмѣстѣ, то могли бы руководить міромъ!» Авторъ «A Sunless Heart» (Безсолнечное сердце), говоритъ, что въ своей повѣсти она желала указать на абсолютную негодность соціальныхъ различій, установившихся въ обществѣ. Всѣ англійскія писательницы встаютъ противъ условной нравственности, господствующей въ обществѣ, противъ отдѣльнаго кодекса нравственныхъ правилъ, специально выработанныхъ для женщинъ, противъ того, чтобы то, что признается безнравственнымъ въ поведеніи женщины, призывалось бы совершенно естествен-

нимъ въ поведеніи мужчины. Эта идея особенно рѣзко выступаетъ въ романѣ миссъ Анни Голдсуорасъ «Юанпа Траилл», героиня котораго становится жертвою такихъ условныхъ воззрѣній. Въ романѣ «Yellow Aster» (Желтая астра) мистриссъ Маннингтонъ Кэффинъ, пишущей подъ псевдонимомъ «Soma», рисуется нравственное состояніе женщины, готовящейся быть матерью, послѣ того, какъ она сознала, что между нею и ея мужемъ не существуетъ никакой духовной связи, что она его не любитъ. Докторъ миссъ Арабелла Кеннели, въ своемъ произведеніи «Dr. Sanet of Harley street», говоритъ о необходимости произвести радикальныя измѣненія въ воспитаніи женщины. Авторъ указываетъ на тотъ вредъ, который принесетъ женщинѣ и ея потомству суще-

Миссъ Маннингтонъ Кэффинъ.

ствующая система воспитанія, различная для мужчины и женщины, и условность господствующихъ воззрѣній. Въ своемъ протестѣ противъ существующаго кодекса условной нравственности нѣкоторыя изъ писательницъ хватаютъ черезъ край, какъ, напримѣръ, авторъ «Keypotes» (Гаммы) Джорджъ Эджертонъ (мистриссъ Клэрмонтъ), но такое увлеченіе объясняется страстностью борьбы. Англичане понимаютъ это и съ подобающею серьезностью относятся къ женскому движенію, несмотря на многія увлеченія и ошибки женщинъ, примкнувшихъ къ этому движенію. Они не высмѣиваютъ ихъ, какъ это дѣлаютъ французы, а серьезно относятся къ ихъ притязаніямъ, обсуждая ихъ преимущественно съ практической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія вопроса, какъ можетъ и должно отразиться на существующемъ строѣ уравненіе правъ жен-

Миссъ Анна Голдсуоръ.

Докторъ миссъ Арабелла Кеннеди.

щины. Если этотъ вопросъ удастся разрѣшить благопріятнымъ образомъ, то мы можемъ быть увѣрены, что въ Англии сойдетъ окончательно со сцены и женскій вопросъ. Англичане, сознавъ пользу и необходимость этой мѣры, развѣ навсегда покончатъ съ предрассудками, относящимися къ воспитанію и положенію женщины. Къ скорѣйшему разрѣшенію женскаго вопроса побуждаетъ также и социальный вопросъ. Огромное большинство женщинъ вынуждено зарабатывать себѣ средства къ жизни и даже зачастую содержать семью. Въ виду этого надо признать совершенно законнымъ требованіе женщинъ, чтобы ихъ воспитывали соответствующимъ образомъ, дабы онѣ могли жить своими средствами и чтобы имъ открыли все пути и давали возможность раз-

Джорджъ Эджертопъ (миссъ Клермонтъ).

вивать, какъ слѣдуетъ, свои способности. Англійскій журналъ «Daily Graphic» обратился къ своимъ читателямъ съ вопросомъ: «должны ли женщины работать?» Изъ массы полученныхъ редакціе писемъ видно, что главнымъ аргументомъ противъ женскаго труда является боязнь конкуренціи женщинъ и пониженіе заработной платы, производимое женщинами, довольствующимися меньшимъ заработкомъ. Но большинство все-таки высказалось въ пользу женскаго труда. Леди Дилъкъ, горячая защитница требованій, предъявляемыхъ женщинами, совершенно справедливо замѣчаетъ, что вопросъ о томъ: должны ли женщины работать? — совершенно праздный вопросъ, такъ какъ уже давно, хорошо или дурно, онъ перешелъ изъ области теорій въ практику. «Такъ какъ огромное большинство женщинъ, — говоритъ леди

Дилькъ, — вынуждено работать для того, чтобы жить, то весь вопрос сводится лишь къ тому, какъ устроить такъ, чтобы женщины извлекали наибольшія выгоды для себя и другихъ изъ своей работы и чтобы эта работа приносила какъ можно больше пользы государству». Леди Дилькъ не видятъ другого средства помочь горю, какъ путемъ правильной организаціи труда и воспитанія общественнаго мнѣнія.

Въ литературѣ отражается жизнь, и поэтому все это литературное движеніе, статьи о правахъ женщинъ, о женскомъ трудѣ и т. д. указываютъ, что въ Англіи приспѣло время рѣшенія женскаго вопроса. Всѣ социальные условія, религиозныя воззрѣнія, нравственныя понятія и т. п., должны быть вновь пересмотрѣны и преобразованы такъ, чтобы они соответствовали новымъ народившимся требованіямъ и давали мѣсто женщинѣ, какъ равноправному члену человѣческаго общества. Будемъ надѣяться, что англичане подадутъ намъ примѣръ практическаго разрѣшенія этого жгучаго вопроса.

Англійскій журналистъ — о женскомъ образованіи. Находимъ безъинтереснымъ послѣ предъидущей статьи познакомить читателей «Міра Божьего» съ мнѣніемъ одного англійскаго журналиста о женскомъ образованіи. Могучимъ толчкомъ въ дѣлѣ женскаго образованія послужило, по мнѣнію автора, учрежденіе въ 1874 году Общества «открытыхъ женскихъ школъ» (Girls Public Day School Comrau). Состоятельные родители, опасаясь за женственность и изящность своихъ дочерей, въ началѣ сторонились этихъ школъ, гдѣ учились дѣти всѣхъ состояній и сословій, но мало-по-малу такое отношеніе къ «открытымъ школамъ» исчезло. Дѣти—разночинцы—приучились къ уваженію другъ друга и къ взаимопомощи, воспитывались въ духѣ гражданскаго равенства, сдерживались общей дисциплиной, которая признавала неодинаковость только характеровъ, познаній и способностей. Указанное Общество имѣло въ виду низшее и среднее образованіе дѣвочекъ. Еще раньше, въ 1869 г., сдѣлана была первая попытка допустить дѣвушекъ и до высшаго образованія. Новые курсы сначала рассчитывали на пріемъ не болѣе шести студентокъ. Но въ 1873 г. близъ Кембриджа выстроили особое зданіе для «женскаго университета». И постепенно число слушательницъ превысило сотню. А затѣмъ, появилось подобное же учрежденіе и въ Ньюгемѣ. Однако, университетская администрація, обладающая въ Англіи столь большими правами и самостоятельностью, только въ 1881 г. официально признала существованіе высшихъ женскихъ курсовъ. Ученые мужчины видимо не собирались покровительствовать женскому умственному совершенствованію. Все въ этомъ направленіи сдѣлано частными лицами и кружками и на частныя средства. Вдобавокъ, и пріемъ въ «храмъ науки» обставленъ для студентокъ гораздо болѣе стѣснительными условіями и правилами, нежели для студентовъ. И тѣмъ не менѣе, число почетныхъ университетскихъ наградъ, получаемыхъ женщинами, все увеличивается и, въ 1890 г. статистика подобнаго рода обратила на себя особенное вниманіе, при сравненіи съ мужскими успѣхами. Женщины въ Англіи не пользуются рѣшительно никакими матеріальными пособиями отъ учебной администраціи. И такая политика, едва ли оправдываемая доводами разума и справедливости, настойчиво поддерживается многими вліятельными мужчинами, и до сихъ поръ слышатся возраженія противу доступа женщины къ наукѣ. Говорятъ, что усиленіе умственнаго труда женщинъ дастъ въ результатѣ только новую расу студентовъ-женщинъ слабыхъ,

неподвижныхъ, лишенныхъ женственности; исчезаетъ все, придающее прелесть и грацію общественной жизни; женщины уклоняются отъ прямого своего призванія—воспитывать грядущія поколѣнія и заботиться благоустроеннымъ, здоровымъ, счастливымъ домашнимъ очагомъ. Практика ни мало не оправдываетъ подобнаго пророчества. Главный врагъ здоровья женской молодежи—это праздная, безцѣльная, легкомысленная жизнь, въ которую втягиваются дѣвушки, за неимѣніемъ ничего лучшаго. Умственная работа, достаточно чередуемая съ другими формами дѣятельности, по свидѣтельству лучшихъ медицинскихъ авторитетовъ, весьма благоприятствуетъ здоровью. Въ сочиненіи «Sidgwick Health Statistics of Women Students of Cambridge and Oxford, and of their Sisters» (Статистика здоровья студентокъ Кембриджа и Оксфорда и другихъ слушательницъ), гдѣ собраны поучительныя данныя въ этомъ направленіи.

И во всякомъ случаѣ было бы преждевременно теперь подводить какіе-либо итоги, различающіе умственные занятія и дѣятельность мужчины и женщины. Педагогика, по существу, отрасль индуктивныхъ познаній, отрасль опыта и наблюденій. Весьма оригинальный нѣмецкій мыслитель, Дюрингъ, говоритъ даже, что съ отпаденіемъ всякихъ вѣнскихъ, искусственныхъ перегородокъ, ставящихъ женщину въ ложное и тяжелое положеніе, только еще сильнѣе должны сказаться естественныя различія, отдѣляющія мужчинъ отъ женщинъ: женщинѣ не суждено на вѣки оставаться, ради организма своего, въ гнетущемъ подчиненіи безсознательной природѣ. И она должна принять участіе въ постепенномъ усовершенствованіи и повышеніи духовной человѣческой жизни.

Англійскій публицистъ, старающійся, по обыкновенію своихъ соотечественниковъ, подходить къ выводамъ съ возможною объективностью и осторожностью, разсуждаетъ, съ своей стороны: «Было бы, конечно, опрометчиво утверждать, что нѣтъ различія между умственными и нравственными природными дарованіями мужчины и женщины, различія, которая должна вліять и на самые методы воспитанія. Въ будущемъ, быть можетъ, и вычергнутся все поле человѣческихъ познаній, и опредѣлится, что подлежитъ мужской обработкѣ, и что женской. Но въ настоящемъ не имѣется достаточныхъ матеріаловъ для заключеній, и всяческія предположенія, принимаемыя за окончательныя итоги—только помѣшали бы отыскать въ будущемъ наиболѣе разумный и удовлетворяющій способъ разрѣшенія вопроса». Женщина имѣла бы полное право обратиться къ мужчинамъ съ воззваніемъ: устанавливайте, какія угодно рамки и распредѣленія въ курсахъ обученія, но допустите и насъ испытать тутъ свои силы, разъ мы выполнимъ всё нужная предварительныя условія. Мужчина-юристъ, который вздумалъ бы выступить съ ботаническимъ или химическимъ изслѣдованіемъ, счелъ бы себя глубоко оскорбленнымъ въ своемъ законномъ желаніи, коль скоро общественныя власти запретили бы подобную работу, ссылаясь на профессиональное назначеніе юриста. Ясно, что благородство и мудрость мужчинъ обязываетъ ихъ поддерживать законныя требованія женщинъ.

Жизнь не заполняется исключительно у мужчины несеніемъ его профессиональнаго труда, а у женщины ея домашними занятіями. И помимо всего этого, существуетъ обширная область дѣятельности, вызывающей благородное соревнованіе, подстрекающее быть полезнымъ другимъ. И мужчина, и женщина должны быть одинаково подготовленными для производительнаго участія и въ этихъ проявленіяхъ жизни. Образование можетъ и не отразиться осяза-

тельно, непосредственно на опредѣленныхъ, житейскихъ дѣлахъ женщины; но оно вообще пополяетъ, разнообразитъ, повышаетъ самую жизнь. Сотни мужчинъ и тысячи женщинъ, по словамъ англійскаго автора, унесли съ собой въ могилу невоздѣланные таланты, не примѣненные возвышенные замыслы, полезные силы, о существованіи которыхъ и не подозрѣвало общество, и которыя едва только сознавали и сами ихъ обладатели. И все изъ за того лишь, что не принимались должныя мѣры для развитія и подбодренія способностей, не выпадало на долю ихъ подходящихъ житейскихъ случаевъ. Несомнѣнно, что въ умѣ иныхъ женщинъ, въ ихъ нравственныхъ качествахъ, благородныхъ побужденіяхъ, въ способностяхъ къ услугамъ на пользу окружающаго Таилось цѣлое богатство, которое никогда не было достаточно оцѣнено и цѣлеобразно направлено.

Едва ли кто станетъ отрицать, что въ извѣстныхъ отрасляхъ искусства, литературы, въ тѣхъ или другихъ областяхъ науки, въ филантропической работѣ женщина сослужитъ добрую службу человѣческому роду. Ну, пускай даже и окажется, что женской натурѣ непосилень такой или иной родъ умственной дѣятельности. Тѣмъ меньше основанийъ ставить искусственныя преграды. Природа вѣдь не требуетъ нашихъ попеченій и наставленій; она свои законы соблюдеть во всякомъ случаѣ неукоснительно. Но въ наши дни самый мудрѣйшій изъ мудрецовъ не предрѣшитъ точной программы женскаго труда. И вѣроятно, какъ скромно замѣчаетъ англійскій авторъ, рамки этого труда гораздо шире теперь предполагаемыхъ. Авторъ статьи, подобно многимъ другимъ своимъ соотечественникамъ, прибѣгаетъ главнѣйше къ наиболее трезвеннымъ, положительнымъ доводамъ. Такъ, и въ заключеніи, напр., своемъ, онъ взываетъ къ собратьямъ — дѣйствовать не только изъ одного «рыцарства», даже не по чувству справедливости, а ради хорошо, разумно, понятныхъ собственныхъ интересовъ, интересовъ мужчины, который самъ выиграетъ съ расширеніемъ умственной карьеры женщины.

Онъ—этотъ англичанинъ—уже свободенъ отъ національнаго и нѣсколько узкаго практицизма своей страны. Онъ ищетъ въ образованіи не исключительно помощи профессиональнымъ нуждамъ, а средство — повысить, усилить духовную человѣческую жизнь.

И такую точку зрѣнія, и по нашему мнѣнію, должны руководиться всѣ, желающіе блага своему ближнему и родинѣ.

А. Н.

Международный конгрессъ мира. Давно уже прошли тѣ времена, когда въ Европѣ признавалось только одно право — право сильнаго, когда человѣкъ могъ лишь при помощи оружія защитить свое священное достоинствѣ отъ захвата, когда не было никакихъ законовъ, регулирующихъ отношенія между отдѣльными группами человѣческаго общества. Какъ только завязались первыя торговныя сношенія, тотчасъ же явилась необходимость выработать такія правила и законы, которые помогали бы развитію этихъ сношеній и служили бы для огражденія чужой собственности. Мало-по-малу образовались международные интересы, требовавшіе гарантій гораздо болѣе возвышеннаго свойства, нежели какою могла служить грубая сила, олицетворявшаяся въ хорошо вооруженномъ войскѣ; эту гарантію и представляютъ въ настоящее время международные законы.

Идея международной солидарности положена въ основу всѣхъ конгрессовъ мира, устраиваемыхъ ежегодно въ разныхъ городахъ Европы

обществами мира, поставившими своею цѣлью замѣнить силу—закономъ, войну—третейскимъ судомъ и варварство—цивилизацией и нравственностью. Но въ виду Европы, которая, по одному мѣткому выраженію, «ощетинилась штыками», такіе конгрессы мира многимъ кажутся какимъ-то явнымъ противорѣчіемъ, правдымъ времяпрепровожденіемъ, разсужденіями, не ведущими ни къ какимъ практическимъ результатамъ и могущими удовлетворить развѣ только самыхъ не исправныхъ мечтателей. Идея мира—утопія, говорятъ противники конгрессовъ, забывая, что многое въ нашей современной жизни прежде было утопіей.

Какъ бы тамъ ни было, но несомнѣнно, что идея мира, не смотря на «ощетинившіяся» кругомъ штыки, медленно, но вѣрно проникаетъ въ сознание народовъ. Это особенно подтвердилось на шестомъ международномъ конгрессѣ мира, происходившемъ въ первыхъ числахъ сентября этого года. На этотъ конгрессъ собрались мужчины и женщины изъ разныхъ мѣстъ земного шара и въ первый еще разъ представители идеи мира были приняты официально самимъ государствомъ, королемъ бельгійскимъ, который объявилъ имъ, что онъ также сторонникъ этой идеи и въ качествѣ такового пріѣтствуетъ ихъ пріѣтію въ Антверпенъ. Членъ англійскаго парламента Вайльсъ заявилъ, что англійское правительство относится сочувственно къ парламентской партіи мира и дало понять, что оно не противится идеѣ конгресса въ пользу третейскаго суда и всеобщаго разоруженія. Другой англійскій делегатъ сообщилъ, что зять англійской королевы принялъ на себя званіе предсѣдателя шотландскаго общества мира. Кромѣ того, въ первый разъ на антверпенскомъ конгрессѣ заявило о своемъ существованіи германское общество мира. Бельгійскій министръ де-Брюннъ особенно подчеркнул то обстоятельство, что Германія и Австрія, «гдѣ до сихъ поръ идея мира не находила для себя никакой почвы», прижили къ общему движенію. Германское общество мира въ теченіе одного года настолько распространилось, что уже въ настоящее время насчитывается до 16 отдѣленій этого общества въ разныхъ частяхъ Германіи.

Въ послѣднее время въ обществахъ мира довольно рѣзко обнаруживаются два теченія. Къ первому, первоначальному, теченію примыкаетъ идейная группа, отвергающая совершенно войну, какъ безнравственное учрежденіе, и всѣ средства, направленные къ гуманизации войны, такъ какъ съ точки зрѣнія этой группы, гуманизованная война—еще худшее варварство, нежели простая война, служащая проявленіемъ грубой силы. Надо, говорятъ послѣдователи этой группы, замѣнить правильно организованную и установленную законами войну правильно организованнымъ миромъ. Однимъ словомъ, эта группа добивается полнаго и окончательнаго уничтоженія войны. Другое теченіе, болѣе матеріальное, не касается вопроса, нравственна или безнравственна война, и стремится лишь къ тому, чтобы постепенно, путемъ международныхъ соглашеній, идти на встрѣчу укрѣпленія мира. Къ этой послѣдней группѣ принадлежатъ всѣ нѣмецкія общества мира; американцы и австріяне примыкаютъ къ первой группѣ, а французы и англичане раздѣляются между обѣими. Но, во всякомъ случаѣ, оба направленія сознательно стремятся къ одной и той же цѣли—

упроченію мира, и, поэтому нѣкоторая принципиальная разница во взглядахъ представителей обоихъ направленій ничуть не вредитъ дѣлу. На конгрессахъ мира, эта разница направленій не выражается особенно рѣзко и лишь въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ можно бываетъ замѣтить тотъ или другой взглядъ. Известный экономистъ Пасси, — представитель перваго направленія. Пасси доказывалъ безнравственность войны и говорилъ, что единственнымъ средствомъ уничтожить ее окончательно можетъ служить лишь уничтоженіе тѣхъ учреждений, которыя создаютъ войну. Баронесса Зуттнеръ, председательница австрійской группы мира и редакторъ журнала «Waffen nieder» (Долой оружіе), сказала рѣчь, въ которой указывала на успѣхи, сдѣланные идеей мира за послѣднее время. Эта идея, по словамъ баронессы Зуттнеръ, достигла уже дверей политическаго мира и до такой степени вошла въ понятія всѣхъ образованныхъ людей, что на войну смотреть теперь почти уже какъ на анахронизмъ. «Конгрессы мира, — сказала, между прочимъ, баронесса, — должны исключить изъ своей программы всякіе политическіе споры. Общественное мнѣніе всѣхъ цивилизованныхъ государствъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы одно или нѣсколько правительствъ взяли на себя починъ въ дѣлѣ созванія конференціи мира. Конгрессы мира должны подготовить путь для такой конференціи. Мы идемъ впередъ побѣдоносно, и это доказывается постоянными стремленіями къ благогоживанію отношеній между народами, постояннымъ увеличеніемъ чувства состраданія и жалости къ страдальцамъ, популярностью ученій Толстого и усиленіемъ христіанской любви къ ближнему».

Въ числѣ вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, вопросъ о неприкосновенности человѣческой жизни былъ выдвинутъ на первый планъ. Конгрессъ постановилъ предложить всѣмъ народнымъ учителямъ и воспитателямъ употребить всѣ старанія для того, чтобы внушать своимъ ученикамъ идею неприкосновенности человѣческой жизни, такъ, чтобы эта идея вошла въ народное сознаніе. Ассоціаціи мира должны поставить этотъ принципъ въ основу своей пропаганды. Въ заключеніе конгрессъ выразилъ порицаніе дуэли, какъ варварскаго учрежденія, и постановилъ добиваться окончательной отмены смертной казни.

Въ общемъ собраніи конгресса была вотирована резолюція о необходимости основанія постоянного международнаго суда, подобнаго тому, который дѣйствуетъ въ настоящее время между Швейцаріей и Соединенными Штатами. Только учрежденіе такого суда дастъ возможность европейскимъ державамъ произвести необходимымъ сокращенія въ своихъ бюджетахъ для облегченія той тяжести, которая лежитъ на плечахъ народовъ и мѣшаетъ ихъ правильному развитію.

Бельгійское правительство отвеслось очень сочувственно къ антверпенскому конгрессу и всѣ расходы по его устройству приняло на себя.

Пріютъ для сиротъ во Франціи. Въ мѣстечкѣ Сампюи, въ департаментѣ Уазы, существуетъ чрезвычайно оригинальное благотворительное учрежденіе, известное подъ именемъ «Orphelinat Prevost» — пріютъ для сиротъ обою пола, основанный на капиталѣ, пожертвованный уроженцемъ Сампюи — Прево. Прево купилъ землю, вмѣстѣ съ лѣсомъ и лугами, построилъ на ней просторныя зданія, специально приспособленныя для школы и пріюта, и завѣщалъ все

это городу Парижу съ тѣмъ условіемъ, чтобы для сиротъ было устроено об-равцовое воспитательное учрежденіе. Родные Прево оспаривали завѣщаніе, и только въ 1883 году, когда процессъ кончился не въ ихъ пользу, въ Сампюи были открыты пріютъ, и завѣдываніе этимъ учрежденіемъ возложено было на извѣстнаго педагога Поля Робена.

Робенъ, какъ убѣжденный сторонникъ совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ, находилъ, что школа должна подготавливать къ жизни и не должна быть похожа ни на казармы, ни на монастырь: «школа—это большая семья», говорилъ онъ, и эту идею провелъ въ своемъ пріютѣ. Дѣвочки до шестнадцати-лѣтняго возраста въ этомъ пріютѣ воспитываются совмѣстно съ мальчи-ками и совершенно такъ же, какъ мальчики; вмѣстѣ учатся въ классахъ, вмѣ-стѣ работаютъ въ мастерскихъ, вмѣстѣ проводятъ время въ играхъ во время рекреаций и на гимнастикѣ, только живутъ они въ разныхъ зданіяхъ. Система воспитанія Робена имѣла чисто практической характеръ. Робенъ стремился къ тому, чтобы воспитанники пріюта дѣлали все рѣшительно сами, начиная отъ классныхъ скамеекъ, столовъ, кроватей, до велосипедовъ включительно, на которыхъ дѣти упражняются, ѣзда въ свободное время. При школѣ устроена небольшая типографія, въ которой дѣти учатся типографскому дѣлу и пе-чатать программы и т. п. для своей школы. Стремясь дать своимъ воспи-танникамъ самое разностороннее образованіе въ практическомъ отношеніи, Робенъ, въ то же время, остерегается загромождать ихъ умъ теоретическими познаніями; онъ желалъ, чтобы ребенокъ приобрѣталъ свои знанія, главнымъ образомъ, путемъ опыта и наблюденія. Вслѣдствіе этого, Робенъ старался вы-звать въ ребенкѣ вниманіе къ окружающимъ явленіямъ и, дѣлая эти явленія исходною точкою, стремился развить въ ребенкѣ мышленіе и наблюдательность, и только тогда уже вводитъ его въ область точнаго знанія. Эта область рас-ширялась по мѣрѣ того, какъ въ ребенкѣ пробуждалась любознательность. Та-кимъ же точно путемъ въ ребенкѣ развивались и нравственные чувства, со-званіе собственного достоинства, самостоятельность и альтруистическія чув-ства. Врагъ всякихъ предрасудковъ и предубѣжденій, отрицающій узкій хо-дочій патріотизмъ, Робенъ являлся проповѣдникомъ братства и солидарности народовъ и внушалъ это своимъ питомцамъ, стараясь пробудить въ ихъ душѣ высокія гуманныя чувства. Въ школьной пѣснѣ, которую распѣвали его пи-томцы, говорилось поэтому о «всеобщемъ отечествѣ», о томъ днѣ, когда всѣ народы протянуть другъ другу руки, когда не будутъ нужны войска, сол-даты, всѣ будутъ братья, всѣ будутъ объединены въ стремленія къ общему благу, и т. д.

До 13 лѣтъ дѣти обучаются въ пріютѣ понемногу всему, и только послѣ этого возраста имъ предоставлялось право выбрать самимъ какое-нибудь ма-стерство, профессию. И въ этомъ отношеніи Робенъ, также какъ и всѣ его помощники, учителя и учительницы, придерживались того взгляда, что личной инициативѣ воспитанниковъ долженъ быть предоставленъ какъ можно болѣе широкій просторъ. Изъ своей воспитательной системы Робенъ совершенно изгналъ наказанія, и къ лѣтямъ примѣнялъ лишь одно взысканіе — за-ставлялъ ихъ дѣлать неисполненную работу либо во время рекреаций, либо тогда, когда ихъ товарищи занимались болѣе легкимъ трудомъ или физиче-скими упражненіями. Робенъ старался возбудить въ ученикахъ сознаніе долга, интересъ къ работѣ и желаніе заслужить доброе мнѣніе учителя, но находить вреднымъ развивать въ нихъ честолюбіе и чувство превосходства одного надъ другимъ, поэтому въ классахъ у него не было ни первыхъ, ни послѣднихъ

учениковъ. Все дѣло было въ похвалѣ учителя, которую всѣ старались заслужить.

Въ продолженіи десяти лѣтъ Робенъ примѣнялъ на практикѣ свою воспитательную систему въ пріютѣ въ Самуи и достигъ настолькоъ значительныхъ результатовъ, что о его пріютѣ заговорили въ обществѣ и въ печати, къ нему стали съѣзжаться, чтобы посмотреть устройство пріюта, взглянуть на прекрасный музей, гдѣ хранятся образцы школьныхъ работъ, на свѣтлыя и просторныя мастерскія и т. п. Даже предубѣжденные люди должны были согласиться, что результаты воспитательной системы Робена, за десятилѣтній промежутокъ времени, вполнѣ оправдали его ожиданія. Дѣти поражали всѣхъ посѣтителей своимъ веселымъ, бодрымъ видомъ, своею непринужденностью, большимъ запасомъ самостоятельности и находчивости и довольно значительнымъ для своего возраста умственнымъ развитіемъ. Все это тѣмъ болѣе обращало на себя вниманіе, что питомцы пріюта набирались преимущественно изъ самыхъ подонковъ парижской нищеты, несчастные, безпріютные сироты, по большей части выросшіе въ средѣ страшной бѣдности и порока и испытавшіе многое до своего поступленія въ пріютъ; однако, до сихъ поръ, съ какими бы порочными наклонностями ни являлось дѣтя въ пріютъ, эти наклонности скоро у него исчезали, и Робену удавалось довольно быстро сгладить отпечатки, оставленныя средою въ душѣ ребенка. Всего этого онъ достигалъ лишь однимъ гуманнымъ обращеніемъ, стараясь пробудить въ душѣ забитаго и загнаннаго ребенка добрыя чувства и огню не прибѣгая при этомъ ни къ какимъ мѣрамъ строгости.

Несмотря, однако, на такіе благое результаты, противъ Робена и его воспитательной системы во Франціи ведется ожесточенная война. Клерикалы и консерваторы и вообще сторонники рутинной педагогики горячо нападаютъ на Робена и особенно на введенную имъ систему совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ. Эти нападки уже давали поводъ неоднократно къ назначенію слѣдствія о дѣятельности Робена, но всякій разъ всѣ возмутительные рассказы и доносы на Робена оказывались злостною клеветою и выдумкой. Тѣмъ не менѣе, противники Робена и его системы не унывали и продолжали свой походъ противъ пріюта въ обществѣ и печати. Къ сожалѣнію, походъ не остался безъ результатовъ, и Робенъ въ концѣ концовъ былъ отставленъ отъ должности директора пріюта. Сторонники рутинны одержали и на этотъ разъ побѣду.

Германскія народныя школы. Одною изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ германской народной школы слѣдуетъ, безспорно, признать ея объединяющее значеніе для народа. Для народныхъ школъ не существуетъ отдѣльныхъ классовъ общества, и дѣти всѣхъ сословій одинаково посѣщаютъ школу и получаютъ въ ней первоначальное образованіе. Это объединяющее вліяніе школы особенно рѣзко выступаетъ въ провинціи, въ маленькихъ городкахъ, гдѣ люди часто не такъ богаты, чтобы платить огромныя деньги за своихъ дѣтей въ какія-нибудь частныя школы.

Число народныхъ школъ въ Германіи, по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, достигаетъ 56.560, а число учащихся въ этихъ школахъ дѣтей равняется почти восьми милліонамъ. Согласно вычисленіямъ, ученики школъ составляютъ нѣсколько больше 16% всего населенія и одна школа приходится на 874 жителей. Многіе въ Германіи находятъ, что это мало и порицаютъ правительство за то, что оно слишкомъ равнодушно относится къ дѣлу народнаго образованія. Однако, въ Германіи на это дѣло затрачивается 245 мил-

люновъ марокъ въ годъ; во всякомъ случаѣ, это уже не такъ мало, если сравнить съ тѣмъ что тратится у насъ на народное образованіе. Но германская печать справедливо доказываетъ, что въ дѣлѣ народнаго образованія не должно быть экономіи, и находить, на примѣръ, важный пробѣлъ въ томъ, что не всѣ школы обладаютъ собственными зданіями и помѣщеніе нѣкоторыхъ школъ тѣсно и неудобно. Между тѣмъ, въ каждомъ глухомъ городишкѣ и даже деревнѣ, домъ, въ которомъ помѣщается школа, всегда отличается отъ прочихъ домишекъ своимъ внѣшнимъ видомъ—это всегда самое лучшее зданіе въ деревнѣ или городѣ.

Въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи германское общество и печать не забываютъ и другихъ существенныхъ вопросовъ, касающихся постановки этого дѣла. Въ Германіи и другихъ городахъ образовалось общество для задачи бѣднымъ дѣтямъ дешевыхъ и даровыхъ обѣдовъ въ школахъ, такъ какъ много дѣтей являются въ школу голодными. Въ 1892 г. такіе обѣды были разданы 12.830 ученикамъ и 19.000 пользовались молокомъ. Но, какъ справедливо замѣчаютъ люди, близко стоящіе къ этому дѣлу, раздача такого пособия—капля въ морѣ, и огромная масса дѣтей продолжаетъ голодать, въ особенности, въ деревняхъ. Въ этомъ отношеніи германская печать ставитъ Берлину въ примѣръ Парижъ, ассигнующій ежегодно 500.000 фр. на кормленіе школьничковъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, во многихъ уже мѣстахъ при деревенскихъ школахъ устрояются кухни, въ которыхъ приготавливается пища для дѣтей подъ наблюденіемъ мѣстныхъ властей и дамъ интеллигентнаго круга.

Нѣмецкіе народные учителя преимущественно получаютъ образованіе въ учительскихъ институтахъ или семинаріяхъ. Такихъ институтовъ въ одной только Пруссіи 111 и, кромѣ того, существуетъ еще 12 институтовъ для приготовленія народныхъ учительницъ. Большинство учительницъ, впрочемъ, готовятся къ своей дѣятельности въ педагогическихъ классахъ высшихъ женскихъ училищъ. Вообще, теперь среди народныхъ учителей и учительницъ почти уже не встрѣчается людей неподготовленныхъ или не соответствующихъ своимъ обязанностямъ, какъ это случалось прежде, когда въ народные учителя шли разные неудачники и даже отставные унтеръ-офицеры. Разумѣется, дѣло народнаго образованія могло только выиграть отъ того, что оно было передано въ руки людей, подготовленныхъ къ нему и сознательно избравшихъ этотъ родъ дѣятельности.

Многія богатые, интеллигентныя семьи специально посылаютъ своихъ дѣтей въ народную школу, именно, ради ея объединяющаго вліянія. Оттуда уже дѣти ихъ идутъ въ гимназіи и университеты, и многіе, сдѣлавшись уже студентами и вращаясь въ избранномъ кругу, не забываютъ, что ихъ первыми школьными товарищами были сыновья простыхъ рабочихъ.

Университетское движеніе въ Швеціи. Лѣтомъ 1892 года, докторъ Хверне, профессоръ исторіи въ университетѣ въ Упсалѣ, посѣтилъ Англію со спеціальною цѣлью изучить университетское движеніе. Результатомъ его наблюденій въ Лондонѣ, Оксфордѣ и Кембриджѣ было то, что въ Швеціи была организована совершенно такая же воспитательная система. Въ августѣ прошлаго года состоялся съѣздъ профессоровъ и учителей въ Упсалѣ для обсужденія вопроса объ организаціи университетскаго движенія. Множество учителей и профессоровъ предложили свои услуги, и самыя лучшія силы, которыми располагалъ древній сѣверный университетъ, пришли на помощь этому движенію.

Учреждены были 18 различныхъ курсовъ, по разнымъ предметамъ, исторіи Швеціи, филологіи, психологіи, геологіи, биологіи и др. Всѣхъ лекцій было прочтано сто три по всѣмъ тремъ предметамъ. На многихъ лекціяхъ раздавались бесплатно тщательно составленные конспекты и программы. Слушатели курсовъ—по преимуществу молодые люди, поселяне и обитатели маленькихъ провинціальныхъ городковъ. Въ числѣ этихъ слушателей было очень много народныхъ учителей и воспитанниковъ народныхъ школъ—«*folkhögskolorna*»—иначе называемыхъ народными академіями; это высшія элементарныя школы, приспособленныя къ потребностямъ молодыхъ крестьянъ обоюга пола, получившихъ образованіе лишь въ первоначальныхъ школахъ. Ремесленники мало посѣщали школы, но организаторы университетскаго движенія въ Швеціи не унываютъ и намѣрены войти въ сношенія съ «рабочими институтами», представляющими для рабочихъ то же, что «народныя академіи» дѣлаютъ для крестьянскаго населенія въ Швеціи. Система шведскаго университетскаго движенія нѣсколько отличается отъ той, которая принята въ Англіи, вслѣдствіе того, что Швеція населена далеко не такъ густо, какъ Англія, и потому организація отдѣльныхъ курсовъ и лекцій въ разныхъ мѣстахъ во всякое время года встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія. Въ будущемъ году въ августѣ состоится второй съѣздъ въ Упсалѣ, гдѣ будутъ изложены результаты принятой системы университетскаго движенія въ Швеціи и будетъ приступлено къ дальнѣйшей разработкѣ различныхъ вопросовъ, касающихся этого движенія.

Народныя бібліотеки въ Берлинѣ. Въ журналѣ «*Daheim*» сообщаются нѣкоторыя интересныя данныя о происхожденіи народныхъ бібліотекъ въ Берлинѣ. Идея устройства такихъ бібліотекъ возникла впервые у историка Фридриха фонъ-Раумера во время поѣздки въ Америку. Путешествуя по Соединеннымъ Штатамъ Америки, Фридрихъ фонъ-Раумеръ, вступая въ разговоры съ низшими классами населенія, пораженъ былъ ихъ знаніемъ классиковъ, и заключилъ изъ этого, что народныя бібліотеки и чтеніе научныхъ лекцій народу приносятъ ему большую пользу, такъ какъ способныютъ его развитію. Вернувшись въ Берлинъ, онъ сталъ проповѣдывать свою идею организаціи такихъ же народныхъ бібліотекъ для берлинскаго населенія, какія существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ общемъ къ его идеѣ отнеслись сочувственно, но знаменитый юристъ Савиньи горячо возсталъ противъ нее и доказывалъ, что все предпріятіе Раумера, и особенно привлеченіе женщинъ къ участію въ немъ, является униженіемъ науки. Раумеръ, однако, не отступилъ отъ своей идеи; онъ устроилъ «ученый союзъ» и организовалъ чтеніе лекцій въ академіи пѣвца. Результаты получились прекрасныя. Лучшіе представители германской науки стали читать лекціи и залы академіи были всегда переполнены слушателями. Скоро у Раумера явились послѣдователи въ другихъ городахъ Германіи; интересъ къ научнымъ вопросамъ былъ возбужденъ и много полезныхъ знаній распространялось въ публикѣ посредствомъ этихъ лекцій.

Затѣмъ Раумеръ приступилъ къ устройству бібліотекъ для народа, такъ какъ, по его убѣжденію, знаніе не должно быть только достояніемъ привилегированнаго университетскаго круга и не должно быть заключено только въ стѣнахъ школы. Въ 1850 году, по его ини-

цятивѣ, возникло четыре библиотеки и затѣмъ уже въ слѣдующемъ году къ нимъ присоединились еще двадцать три. Всѣ эти библиотеки находились въ тѣсной связи съ элементарными школами, но въ то же время поставлены были подъ контроль ученаго союза. Складъ книгъ устроенъ былъ въ школахъ и наблюдение и управление этими библиотеками поручено было школьнымъ учителямъ и представителямъ ученаго союза.

Въ настоящее время весьма естественно интересъ народныхъ библиотекъ требуетъ ихъ отдѣленія отъ школы. Дѣло разрослось и уже необходимо настоящіе библиотекари, которые располагали бы большимъ временемъ, нежели школьные учителя, а также болѣе просторное мѣсто для библиотекъ, нежели какое можетъ быть отведено въ помещеніи школъ. Кромѣ того, нужно, разумѣется, чтобы библиотеки были открыты во всѣ дни недѣли, а не три раза, какъ это практикуется до сихъ поръ. Нужны также читальни при библиотекахъ. Все это вопросы, разрѣшеніе которыхъ стоитъ на очереди въ Берлинѣ, гдѣ въ настоящее время существуютъ 27 такихъ библиотекъ, заключающихъ въ себѣ около ста тысячъ томовъ. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ этихъ библиотекахъ, всего болѣе требуютъ посѣтителями библиотекъ произведенія германскихъ классиковъ, затѣмъ сочиненія Ауэрбаха, Шпильгагена, Эберса, Гейзе, Шеффеля и др. Большой спросъ существуетъ также на произведенія литературы для юношества.

Австралія и Америка. Въ «Harper's Magazine» напечатана интересная статья австралійской писательницы, миссъ Спенсъ, недавно посѣтившей Соединенные Штаты и передающей впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ этого путешествія. Любопытны сравненія, приводимыя ею между Соединенными Штатами и Австраліей. Миссъ Спенсъ находитъ, что въ политическомъ отношеніи Австралія болѣе демократична, нежели Америка. Деньги гораздо болѣе могущественны въ Америкѣ, нежели въ Австраліи. Въ Америкѣ распространено мнѣніе, что какъ въ Англии, такъ и въ ея колоніяхъ, прочно установленъ монархическій и аристократическій образъ правленія. На самомъ же дѣлѣ въ Англии власть королевы и перовъ постепенно ослабляется, тогда какъ въ Америкѣ власть президента все возрастаетъ, и сенатъ подавляетъ палату депутатовъ. Америка переполнена юристами, которыхъ въ этой странѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было на свѣтѣ. Сорокъ восемь изъ 85 сенаторовъ—юристы и 229 изъ 356 членовъ палаты депутатовъ тоже принадлежатъ къ этой профессіи. По мнѣнію миссъ Спенсъ, это обстоятельство затрудняетъ всякія реформы въ Америкѣ, ибо юристы выказываютъ удивительную нетерпимость по отношенію ко всѣмъ новымъ идеямъ и всегда поднимаютъ крикъ, лишь только дѣло заходитъ о какихъ-нибудь радикальныхъ преобразованіяхъ, что эти преобразованія антиконституционны. И странно, прибавляетъ миссъ Спенсъ, что именно въ этой странѣ, гдѣ такое множество юристовъ, законы исполняются очень плохо. Въ отношеніи системы управленія миссъ Спенсъ находитъ, что Австраліи рѣшительно не въ чемъ завидовать Америкѣ.

Но если система управленія Соединенныхъ Штатовъ не внушаетъ австралійской писательницѣ никакого восхищенія, то взаимно этого другія условія американской жизни ее приводятъ въ восторгъ. Разу-

мѣется, ее особенно привлекаетъ положеніе женщинъ въ Америкѣ, и она находитъ, что американскія женщины болѣе образованы и обладаютъ болѣе тонкимъ умомъ и наблюдательностью, нежели англичанки. Въ общемъ женщины въ Америкѣ, по наблюденію миссъ Спенсъ, образованнѣе и развитѣе мужчинъ, ибо тѣ прибыльныя профессіи и занятія, которыя избираются мужчинами, не требуютъ отъ нихъ особенно высокой культуры. Мужчинамъ некогда читать книги, они читаютъ газеты, а чтеніе книгъ предоставляютъ женщинамъ. Женщины, даже тѣ, которыя пользуются правомъ голоса на выборахъ, рѣдко основательно знаютъ политику и этимъ отличаются отъ образованныхъ англичанокъ, интересующихся политическими вопросами. Гражданское управленіе и администрація въ Америкѣ оставляютъ желать многого, и миссъ Спенсъ полагаетъ, что именно вліяніе женщинъ, когда онѣ получаютъ политическія права, окажетъ въ данномъ случаѣ благотворное дѣйствіе и уничтожить взяточничество и подкупъ, столь распространенные въ Америкѣ въ настоящее время. «Пусть лучшіе помыслы и способности женщинъ придутъ на помощь лучшимъ помысламъ и стремленіямъ мужчинъ,—говоритъ миссъ Спенсъ,—и тогда дѣло народнаго прогресса будетъ обезпечено».

Между прочимъ, миссъ Спенсъ очень привлекательными красками описываетъ семейную жизнь въ Америкѣ и ту систему воспитанія, которая практикуется въ Америкѣ по отношенію къ мальчикамъ и дѣвочкамъ.

Оригинальная газета. Въ знаменитомъ пріютѣ для душевнобольныхъ въ Парижѣ, въ Бисетрѣ, издается оригинальная маленькая газета «Anti-aliéniste». Она выходитъ разъ въ недѣлю, въ количествѣ сорока номеровъ, такъ какъ большее количество номеровъ трудно отпечатать гектографомъ. Редакторъ газеты—одинъ изъ кліентовъ Бисетра, Шарль Этлинггеръ, отличающійся особеннымъ остроуміемъ, несмотря на свою болѣзнь. Политическіе и религіозные вопросы, конечно, исключены изъ содержанія газеты, которое исчерпывается главнымъ образомъ сатирою на врачей больницы. Сатира эта очень часто бываетъ чрезвычайно остроумна. Въ газетѣ допускаются также серьезные статьи и разсужденія по разнымъ научнымъ вопросамъ. Въ послѣднемъ номерѣ этого журнала была помѣщена любопытная статья самого редактора, направленная противъ смѣшенія больныхъ въ такихъ больницахъ, какъ Бисетръ, и той близости, въ которой эти больные размѣщаются другъ съ другомъ, не взирая на родъ болѣзни. Замѣчанія, высказанныя по этому поводу редакторомъ, тоже душевнобольнымъ, поражаютъ своею основательностью и обдуманностью.

Корейская война. Корея, до сихъ поръ очень мало извѣстна Европѣ. Послѣдняя только теперь заинтересовалась ею, послѣ того, какъ Корея сдѣлалась яблокомъ раздора между Китаемъ и Японіей. Но если европейцы мало интересовались Кореей, то японцы, ея ближайшіе сосѣди, давно уже точили на нее зубы и всячески старались укрѣпить въ ней свое вліяніе. Корея привлекала японцевъ своими природными богатствами, обиліемъ золота, и потому Японія, несмотря на то, что открыла у себя двери европейскому прогрессу, всѣми си-

лами старалась оградить Корею отъ европейскаго вліянія и вторженія европейцевъ, и стремилась захватить въ ней все, что только можно, въ свои руки. Дотопопные порядки, господствующіе въ Корей, были, разумѣется, на руку японцамъ, которые установили въ ней свою монополію. Корейскій народъ страдалъ отъ этого и бунтовался противъ своихъ притѣснителей, правительства и чиновниковъ, вытѣгивающихъ изъ него всѣ соки, и японцевъ, спекулировавшихъ на главный продуктъ питанія Кореи — рисъ, и поэтому вся исторія Кореи представляетъ непрерывный рядъ возстаній и внутреннихъ кровопролитій. До сихъ поръ, впрочемъ, дѣло улаживалось домашнимъ образомъ: бунтовщиковъ усмиряли и все въ Корей шло по прежнему до новаго возстанія. Но послѣднее возстаніе, вспыхнувшее на югѣ Кореи, приняло такіе размѣры, что уже домашнихъ мѣръ оказалось недостаточно. Къ общему недовольству, вызываемому голодомъ и притѣсненіями, присоединилась еще, кромѣ того, фанатическая ненависть противъ иностранцевъ, разбуженная 89-ти-лѣтнимъ популярнымъ главою бунтовщиковъ Сая-Джи-Кио. Мѣстный бунтъ грозилъ перейти въ общій, и пребываніе иностранцевъ на югѣ Кореи стало далеко небезопаснымъ. Китай отправилъ свои войска для усмиренія бунтовщиковъ, чѣмъ немедленно воспользовалась Японія, и также высадилъ свои войска въ Корею. Это и послужило началомъ войны, и давно тлѣвшая искра разгорѣлась въ цѣлый пожаръ.

Въ послѣднее время въ европейской печати появилась масса статей и книгъ, трактующихъ о Корей и знакомящихъ читателей съ этою страной, представляющей необыкновенно обширное и богатое поле для всякаго рода вслѣдованій,—географическихъ, этнографическихъ, филологическихъ и др. Многие европейскіе путешественники вспомнили о своихъ посѣщеніяхъ Кореи и стали наперерывъ передавать вынесенныя ими впечатлѣнія. О корейцахъ почти всѣ путешественники отзываются, какъ о способномъ, общительномъ и симпатичномъ народѣ, склонномъ къ мечтательности и поэзіи. Авторъ статьи о Корей въ «Fortnightly Review», Ландаръ, говоритъ, что корейцы удивительно понятливы и необыкновенно легко выучиваются языкамъ, причѣмъ произношеніе ихъ гораздо лучше, нежели у сосѣдей ихъ, китайцевъ и японцевъ. Столица Кореи—Сеулъ пріютилась у ската горы, защищающихъ ее съ сѣвера; городъ почти цѣликомъ состоитъ изъ мазанокъ безъ оконъ, и только въ европейскомъ кварталѣ можно встрѣтить европейскія постройки. Но зато дворецъ короля — прекрасное зданіе и въ то же время освѣщенъ электричествомъ, тогда какъ во всемъ остальномъ городѣ нѣтъ ни одного даже простаго фонаря. Ко дворцу ведетъ широчайшая улица, по срединѣ которой стоятъ дома и лавки, раздѣляющія эту улицу собственно на три части. Эти дома и лавки убираются раза два въ годъ, когда король выходитъ изъ своего дворца, либо для посѣщенія могилъ своихъ предковъ, либо для встрѣчи китайскаго посла. Корейскіе солдаты носятъ старинныя латы и вооружены старинными пиками. Особенно оригинальный видъ имѣетъ ихъ головной уборъ въ дождливую погоду, когда поверхъ ихъ широкополыхъ войлочныхъ шляпъ, украшенныхъ красною висточкой, укрѣпляется маленький зонтикъ. Кавалеристы одѣваются по старинному, но пѣхотинцы носятъ полуевропейскій костюмъ, что придаетъ имъ довольно-таки комическій видъ. Оружіе у нихъ самое

разнообразное, отъ самаго стариннаго кремневаго ружья вплоть до современныхъ скорострѣльныхъ.

Сеуль расположенъ въ 25 миляхъ отъ морскаго берега и портомъ ему служитъ Чемульно, который находится въ рукахъ китайцевъ и японцевъ. Американцы и нѣмцы устроили въ Чемульно торговые склады, но главная торговля находится все-таки въ рукахъ японцевъ. Въ Чемульно есть телеграфъ и почтовая станція.

Всѣ города Кореи, также какъ и ея столица, окружены стѣнами, въ которыхъ устроены ворота, закрывающіяся съ заходомъ и открывающіяся съ восходомъ солнца. Когда ворота закрываются, то наступаетъ время, назначенное для прогулокъ женщинъ и выходъ на улицу мужчинамъ строго воспрещенъ. Въ Корей преобладаютъ китайскіе обычаи, хотя многое заимствовано отъ Индіи и отъ татаръ. Во всякомъ случаѣ, въ Корей строй общественной жизни такъ же неподвиженъ, какъ и въ Китаѣ, и вызвать въ немъ измѣненія довольно трудно.

ИЗЪ МІРА НАУКЪ.

Возрожденіе памяти. Въ числу наиболѣе любопытныхъ явленій нашей духовной жизни, безъ сомнѣнія, принадлежитъ возобновеніе старыхъ воспоминаній, вызываемое какими-нибудь совершенно исключительными условіями: патологическимъ состояніемъ, спиртнымъ отравленіемъ или же какою-нибудь сильною эмоціей, приближеніемъ смерти и т. д. Альфредъ Бине въ своей статьѣ («Revue des Revues»), посвященной этимъ явленіямъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Каждому, вѣроятно, приходилось наблюдать, что состояніе опьяненія оставляетъ послѣ себя лишь одни смутныя воспоминанія. Это обстоятельство даетъ поводъ многимъ, въ такихъ случаяхъ, приводить въ извиненіе своихъ поступковъ именно то, что они ничего не помнятъ. И въ этомъ, безъ сомнѣнія, есть своя доля правды. Былъ сдѣланъ такой опытъ: человѣку, находящемуся въ состояніи слабого опьяненія, рассказывали какой-нибудь фактъ, называли имя, число, и предлагали ему непременно вспомнить объ этомъ на другой день. Но на другой день у этого человѣка исчезало всякое воспоминаніе объ этомъ рассказѣ. Во всѣхъ работахъ по психологіи цитируется, между прочимъ, случай съ однимъ комиссіонеромъ, который, будучи совершенно пьянъ, разнесъ пакеты по разнымъ мѣстамъ и на другой день, проспавшись, рѣшительно не могъ вспомнить, куда онъ дѣлалъ эти пакеты. Любопытно, что когда онъ снова напился, то припомнилъ рѣшительно все. Также не разъ приходилось наблюдать, что, подъ влияніемъ возбужденія, произведеннаго спиртомъ, восстанавливаются въ памяти давно забытые факты. То же самое бываетъ во время приступовъ лихорадки и особенно во время сомнамбулическаго состоянія. Такъ какъ это состояніе весьма легко вызвать у нѣкоторыхъ субъектовъ, то этимъ и стали пользоваться для методическихъ опытовъ, болѣе точныхъ и полныхъ, нежели случайныя наблюденія. У человѣка, находящагося въ состояніи сомнамбулизма, память обостряется. Въ состояніи же бодрствованія онъ не помнитъ ничего изъ того, что дѣлалъ и говорилъ въ состояніи сомнамбулизма, но въ новомъ сомнамбулическомъ состояніи все это прошлое тотчасъ же воскрешается въ его памяти. Знаменитая истеричная больная Фелида, которую наблюдалъ докторъ Азамъ изъ Бордо, представляла крайне интересный случай раздвоенія личности *), причемъ имѣла

*) Раздвоеніемъ личности или двойнымъ сознаніемъ называется особое ненормальное душевное состояніе, когда человѣкъ имѣетъ какъ бы двѣ личности, возникающія въ немъ попеременно и не только представляющія совершенно различныя душевныя свойства и живущія совершенно отдѣльною жизнью, но ничего не знающія и не помнящія другъ о другѣ.

также раздвоенную память. Въ одномъ состояніи она была весела, игрива, но какъ только, послѣ приступа истеріи, она впадала въ другое состояніе, въ которомъ характеръ ея представлялъ совершенно противоположныя свойства, то она уже не помнила ничего изъ того, что дѣлала или говорила въ своемъ первомъ состояніи. Она не узнавала ни своей собаки, ни своего доктора, ни друзей, и все это восстанавлилось въ ея памяти лишь тогда, когда къ ней возвращалось прежнее состояніе. Эти явленія называются переменяющеюся памятью.

Въ газетахъ иногда приходится читать разсказы о какомъ-нибудь субъектѣ, который, по неизвѣстной причинѣ, внезапно бросаетъ свои занятія и свое мѣстожителство и исчезаетъ, не оставляя послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Проходитъ нѣсколько дней и вдругъ онъ появляется снова, но ровно ничего не можетъ разсказать о своемъ путешествіи; онъ совсѣмъ не знаетъ, какъ онъ провелъ все это время, и похожъ на человѣка, только что проснушагося послѣ долгаго сна безъ сновидѣній. Онъ не помнитъ, куда дѣвались у него деньги и вещи, и не въ состояніи дать даже приблизительное показаніе о томъ, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ. Обыкновенно субъекты, подверженные такимъ приступамъ, представляютъ признаки глубокаго нервнаго расстройства, страдаютъ истеріей, эпилепсіей. Если они легко подвергаются гипнотизаціи, то непременно надо этимъ воспользоваться и привести ихъ въ сомнамбулическое состояніе, такъ какъ въ этомъ состояніи они немедленно все вспомнятъ и разскажутъ, гдѣ были и что дѣлали. Не такъ давно одинъ изъ такихъ субъектовъ затерялъ во время подобнаго состоянія крупную сумму денегъ. Когда его загипнотизировали, то онъ немедленно вспомнилъ, гдѣ онъ былъ, назвалъ городъ и гостиницу, гдѣ онъ оставилъ свое пальто и въ карманѣ бумажникъ. Хозяину гостиницы тотчасъ же написали и онъ успѣшилъ вернуть оставленные деньги и пальто.

Въ послѣднее время, въ Англіи, очень много занимались опытами съ такъ-называемымъ «магическимъ зеркаломъ». Эти опыты имѣютъ много общаго съ опытами гипнотизма и заключаются въ фиксированіи въ теченіи нѣсколькихъ минутъ какой-нибудь блестящей поверхности, зеркала, поверхности большого кристалла или просто дна тарелки, наполненной жидкимъ масломъ. Спустя нѣкоторое время, человѣкъ, смотрящій пристально на эту поверхность, начинаетъ замѣчать появленіе на ней какихъ-то образовъ, пейзажей, картинъ, изображающихъ сраженія, и т. д. Забытыя воспоминанія возникаютъ въ формѣ образовъ. Одна дама, совершенно забывшая одинъ очень важный для нея адресъ, вдругъ увидела на блестящей поверхности, которую фиксировала, конвертъ, съ написаннымъ на немъ адресомъ. Это былъ именно тотъ адресъ, который она такъ тщетно старалась припомнить. Другая особа отыскала этимъ путемъ вещь, которую считала потерянной. Вообще, если нельзя гарантировать достоверность каждаго изъ такихъ разсказовъ, то все же опыты, произведенные въ этомъ направленіи компетентными людьми, доказали возможность подобныхъ фактовъ.

Такое же возбужденіе памяти происходитъ и во время сна. Кто сколько-нибудь наблюдателенъ, тому, вѣроятно, не разъ приходилось замѣчать, что послѣ пробужденія отъ сна у него возникали мысли и заботы, о которыхъ онъ уже давно забылъ. Иногда воспоминанія дѣтства, почти совсѣмъ исчезнувшія изъ памяти, появлялись снова, и при-

томъ, съ удивительною ясностью и опредѣленностью. Даже больше: человѣкъ припоминалъ послѣ сна совершенно забытыя слова, нужныя ему свидѣніи, которыхъ онъ никакъ не могъ вспомнить въ бодрственомъ состояніи. Мори, написавшій прекрасное исследование о сновидѣніяхъ, рассказываетъ, что однажды онъ посѣтилъ городъ, въ которомъ провелъ свое дѣтство, и ночью, во снѣ, увидѣлъ человѣка, который пришелъ къ нему, назвалъ по имени и сказалъ Мори, что онъ его старый знакомый. Проснувшись, Мори отчетливо помнилъ имя и лицо человѣка, но воображалъ, что это сновидѣніе не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Между тѣмъ случилось какъ разъ обратное; въ своемъ родномъ городѣ Мори встрѣтилъ именно того самого человѣка, котораго видѣлъ во снѣ. Это былъ старый другъ, давно забытый. Спящій Мори обладалъ, очевидно, лучшею памятью, нежели Мори бодрствующій.

Мы не знаемъ въ точности, что заключается въ нашей памяти, такъ какъ не можемъ, по своему желанію, извлекать изъ нея то, что хотимъ, и заставить ее совершенно опорожнить своей запасъ. Очень часто мы ищемъ въ своей памяти имя, адресъ, какое-нибудь слово, съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что оно намъ должно быть извѣстно, но никакъ не можемъ его найти, когда нужно. Произвольное возбужденіе воспоминаній не даетъ еще понятія о размѣрахъ памяти. Путемъ самыхъ простыхъ опытовъ можно легко убѣдиться, что въ нашемъ мозгу существуетъ множество воспоминаній, совершенно неподдающихся нашей волѣ.

Въ психологической лабораторіи въ Парижѣ производились слѣдующіе опыты. Спискомъ 50 словъ былъ прочитанъ одному субъекту. Изъ этого списка онъ могъ произвольно повторить отъ 10 до 20 словъ, остальные 30 исчезали изъ его памяти. Между тѣмъ, онъ все-таки ихъ слышалъ и запомнилъ. Въ этомъ можно убѣдиться слѣдующимъ образомъ: если составить новый списокъ изъ 60 словъ и помѣстятъ въ немъ въ перемежку слова, уже находившіяся въ прежнемъ списокѣ, то большею частью субъектъ, слышавшій чтеніе прежняго списка, можетъ указать слова, которыя включены изъ него въ новый списокъ; значить, онъ ихъ запомнилъ, хотя и не могъ ихъ назвать.

Обобщая это наблюденіе, мы можемъ сказать, что около трети всѣхъ воспоминаній, накопленныхъ въ нашемъ мозгу, находятся въ нашемъ распоряженіи; остальные же двѣ трети, хотя и существуютъ въ этомъ складѣ, но не могутъ быть извлечены нами оттуда по произволу. Но подъ вліяніемъ какихъ-нибудь особыхъ условий воспоминанія эти вновь оживаютъ въ нашей памяти. Это внезапное и самопроизвольное оживленіе забытыхъ образовъ кажется намъ иногда какимъ-то таинственнымъ явленіемъ именно потому, что мы убѣждены, что забытыя воспоминанія давно уже исчезли изъ нашей памяти. Между тѣмъ, это не такъ: они хранятся въ нашемъ умственномъ архивѣ, но мы не можемъ взять ихъ оттуда, когда хотимъ. Все зависитъ отъ нашей способности вызывать ихъ и эта способность, какъ и наша нравственная энергія, способность разсужденія, видѣнія и, вообще, какъ все наше существо, подчиняется вліянію различныхъ вѣдшихъ условий, физическихъ и нравственныхъ, и измѣняется подъ дѣйствіемъ этихъ условий.

Исчезающіе виды животныхъ. Давно уже извѣстно, что многія породы животныхъ исчезаютъ подъ вліяніемъ измѣнившихся климатическихкихъ и иныхъ условій или же неравсчитливаго истребленія. Правительство Соединенныхъ Штатовъ обратило вниманіе на это послѣднее условіе и приняло мѣры къ предохраненію бизоновъ отъ безпощаднаго уничтоженія ихъ поселенцами. Но, разумѣется, трудно сказать даже приблизительно, сколько болѣе или менѣе крупныхъ представителей животнаго царства уже исчезли безвозвратно, или же близки къ полному исчезновенію, благодаря людямъ, вѣчно стремящимся къ наживѣ. Въ вашингтонскомъ національномъ музеѣ хранятся экземпляры многихъ животныхъ, теперь уже не существующихъ, и такихъ, которые близки къ исчезновенію; особенно быстро подвигается истребленіе ластоногихъ. Такъ, напримѣръ, тюлень, называемый отшельникомъ (*Monachus tropicalis*), водившійся четыреста лѣтъ тому назадъ въ безчисленномъ множествѣ на Вестъ-Индскихъ островахъ, только изрѣдка попадаетъ теперь на пустынныхъ островахъ къ югу отъ Ямайки. Этотъ тропическій тюлень давалъ превосходный жиръ, поэтому его истребляли въ такомъ большомъ количествѣ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ совершенно пересталъ водиться. Та же участь постигла и калифорнскаго морскаго слона (*Mastodonus angustirostris*)—большое животное тюленей породы, въ двадцать и болѣе футовъ длины. Еще въ началѣ пятидесятихъ годовъ онъ водился у калифорнскихъ береговъ, но его истребляли такъ усердно, что онъ почти совершенно исчезъ. Въ 1884 году было замѣчено только три такихъ звѣра по близости Калифорніи. То же слѣдуетъ сказать и о ластоногомъ млекопитающемъ «*Odoboenus obesus*», клыки котораго могутъ вполне замѣнить слоновою костью. Царству птицъ то же грозитъ такая же опасность. Птица «*Dregalis pacifica*», водившаяся преимущественно на Гавайскихъ или Сандвичевыхъ островахъ, совершенно истреблена туземцами, которые приготовляли изъ ея золотистыхъ перьевъ женскія украшенія и мужскіе плащи. Для приготовленія однѣхъ только царскихъ и придворныхъ мантий истреблялись сотни тысячъ этихъ птицъ, Калифорнскіе коршуны (*Pseudogyrhus Californianus*) то же окончательно перевелись; они гибли отъ отравы, примѣняемой переселенцами для истребленія волковъ, такъ какъ пытались трупамъ отравленныхъ волковъ. Лабрадорская утка (*Camptalaimus labradoricus*) уничтожена индѣйцами, которые пытались преимущественно ея яйцами. Исчезли также и многія породы птицъ изъ семейства пингвиновъ и, между прочимъ, славившаяся своимъ пухомъ птица «*Alca impennis*». Французскій мореплаватель Картье, въ XV вѣкѣ, насчиталъ на островѣ Функа и на исландскомъ берегу миллионы этихъ птицъ, до того ручныхъ и глухихъ, что навѣшавшіе туда матросы перебили всѣхъ ихъ палками. Однѣ кости отъ истлѣвшихъ труповъ этихъ птицъ образовали надъ гранитнымъ грунтомъ острова, во всю его площадь, сплошной пластъ толщиной въ нѣсколько вершковъ. Въ началѣ восьмидесятихъ годовъ, въ средней части Атлантическаго океана, по близости береговъ Америки, обнаружился моръ среди рыбъ. Въ 1882 году шедшіе въ Европу пароходы нагоняли въ нѣсколькихъ десяткахъ миль отъ Америки, въ открытомъ океанѣ, цѣлыя массы подошедшей крупной рыбы, извѣстной породы, трупы которой плыли по теченію сплошнымъ слоемъ на необъятномъ

пространствѣ. Это странное явленіе было приписано подводному землетрясенію съ выдѣленіемъ испареній, убивавшихъ рыбъ. Рыбъ этой породы теперь совсѣмъ уже не видно у береговъ южныхъ штатовъ, гдѣ они водились прежде въ изобиліи.

Германъ фонъ-Гельмгольцъ. Европейская наука понесла чувствительную потерю: одинъ изъ величайшихъ естествоиспытателей нашего столѣтія, Гельмгольцъ, умеръ 8-го сентября н. ст., на 73-мъ году своей жизни. Гельмгольцъ былъ сынъ учителя гимназіи въ Потсдамѣ и, еще гимназистомъ, почувствовалъ сильное влеченіе къ изученію физическихъ наукъ. Онъ самъ впоследствии рассказывалъ, что, во время латинскихъ уроковъ, зачастую онъ занимался вычисленіями какого-нибудь физическаго прибора тайкомъ отъ учителя. Но, несмотря на то, что юный Гельмгольцъ обнаруживалъ такіа выдающіяся способности и страстное стремленіе къ занятію физикой, ему нельзя было посвятить себя всецѣло любимой наукѣ. Недостатокъ средствъ заставилъ его избрать такую карьеру, которая обезпечивала бы ему существованіе лучше, чѣмъ однѣ только чисто научныя занятія, поэтому онъ и поступилъ на медицинскій факультетъ въ Берлинѣ. Тамъ онъ увлекся изученіемъ физиологіи и анатоміи, но все-таки ему не удалось избѣжать практической дѣятельности. По полученіи степени доктора медицины, онъ занялъ должность ассистента при берлинской больницѣ «Charité», а затѣмъ, перешелъ на должность военнаго врача въ Потсдамѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ издалъ свою знаменитую брошюру «Über die Erhaltung der Kraft» (о сохраненіи силы) и черезъ годъ по выходѣ въ свѣтъ этой брошюры, въ 1848 году, занялъ мѣсто ассистента при анатомическомъ музеѣ и приглашенъ былъ читать лекціи по анатоміи въ академіи художествъ. Вслѣдъ затѣмъ Гельмгольцъ занималъ кафедру анатоміи и физиологіи въ разныхъ университетахъ, въ Кенигсбергѣ, Боннѣ, Гейдельбергѣ, и только въ 1870 году получилъ, наконецъ, возможность исключительно посвятить себя той наукѣ, къ которой чувствовалъ влеченіе съ самаго дѣтства, т.-е. физикѣ. Его пригласили въ Берлинскій университетъ занять кафедру физики, и на этомъ посту Гельмгольцъ оставался до самой смерти. Въ 1891 году, когда Гельмгольцу исполнилось 70 лѣтъ, берлинскіе профессора организовали международный комитетъ для чествованія знаменитаго ученаго. Изготовленъ былъ мраморный бюстъ Гельмгольца и медали для награжденія заслугъ ученыхъ, ознаменовавшихъ себя трудами въ той же области знанія, въ которой работалъ Гельмгольцъ. Гельмгольцъ получилъ множество адресовъ и дипломовъ отъ разныхъ ученыхъ обществъ и факультетовъ, изъ разныхъ мѣстъ, — «отъ Томска до Мельбурна», какъ онъ самъ выразился. Русскіе ученые, конечно, не отстали въ данномъ случаѣ и также приняли участіе въ чествованіи Гельмгольца. Профессоръ Столѣтовъ назвалъ Гельмгольца «представителемъ дѣльности естествознанія». Его изслѣдованія о сохраненіи энергіи безсмертны. Въ офтальмологіи Гельмгольцъ произвелъ громадный переворотъ изобрѣтеніемъ глазного веркала. Въ этой области Гельмгольцъ произвелъ чрезвычайно важныя изслѣдованія; онъ разъяснилъ многое, что еще не было выяснено въ физиологіи зрѣнія. Точно также и въ области физиологіи слуха онъ сдѣлалъ множество важныхъ от-

крытій и положилъ основаніе фізіологической теоріи музыки. Последнія 25 лѣтъ своей жизни Гельмгольцъ посвятилъ исключительно физическимъ наукамъ, и дѣятельность его въ этомъ отношеніи была также въ высшей степени плодотворна. Тѣмъ не менѣе, первое мѣсто въ ряду гениальныхъ работъ Гельмгольца занимаетъ его исследование о сохраненіи силы, ученіе о вѣчности энергіи въ природѣ. Въ то время, когда появилась его знаменитая брошюра объ этомъ, то современники его не сѣмъбли оцѣнить ее по достоинству, и даже одинъ изъ тогдашнихъ научныхъ журналовъ отказался помѣстить его статью объ этомъ предметѣ, но мало-по-малу возрѣнія Гельмгольца получили право гражданства въ науки и даже заняли въ ней первенствующее мѣсто. Безсмертныя исследования Гельмгольца имѣютъ еще ту громадную заслугу, что они объединяютъ между собою всѣ отдѣлы естествознанія и дѣлаютъ изъ нихъ неразрывное цѣлое.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ III-й.

№ 11-й.

МІРЪ ВОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

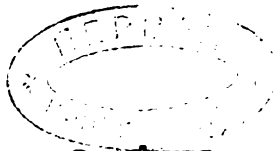
И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Н О Я Б Р Ъ

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

Доводено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го октября 1894 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
КОНЧИНА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.	V
ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.	VII
~~1.~~ ПРДАТЕЛЬ. (Изъ дѣтской жизни). Очеркъ Евгенія Чирикова	1
2. СБИТАЛЕЦЪ. (Стихотвореніе въ прозѣ). Евгенія Чирикова	11
3. «ХАРАКТЕРИСТИКИ» ТЕОФРАСТА И ЛА-БРЮЙЕРА. А Слѣпцова.	16
~~4.~~ ПѢСНЯ РАБОТНИКА. Томаса Гуда. Ивана Бунина	36
5. «LUX IN TENEBRIS LUCET». (Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ). (Разсказъ). Генриха Сенкевича. Пер. съ польскаго В. Ш—скаго.	38
6. ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА. Украинскій народный учитель и фи- лософъ. (1722—1794). С. Р.	48
7. РОДИНА. Романъ Герфельда. Переводъ съ финскаго проф. П. О. Моро- зова. (Продолженіе).	73
8. НЕРАЗУМНОЕ ЖЕЛАНІЕ. К. Мандесъ. Пер. С. Брагинской.	99
9. ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ КЪ ЗНАНІЮ ВООБЩЕ. Г. Гельмгольца. Пер. А. М.	103
10. НА БАБЪЕМЪ ХУТОРѢ. (Разсказъ изъ жизни сѣвернаго Кавказа). Сте- пана Бондарчука.	122
~~11.~~ ПОЛУВѢКОВАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА. Виктора Острогорскаго	145
12. НОВЫЯ КНИГИ: Э. Сувестръ. Философъ на чердакѣ. W.—Бесѣды врача Н. П. Черепнина о заразныхъ болѣзняхъ.—Сто великихъ людей. Книга II.	152
13. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	158
14. ИЗЪ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. — Вопросы русской общественной жизни.—Годовщина смерти П. И. Чайковскаго.—Лѣс- ныя женщины въ Самарской губ.—Интеллигентные пахари.—Переселенцы въ пути. — Изъ русскихъ журналовъ («Вѣстникъ Европы», «Русская Школа», «Этнографическое Обозрѣніе»). Пребываніе Гоголя заграницей.— Изъ дневника учительницы воскресной школы. Толки народа о скорой кончинѣ міра. — Изъ иностранной жизни. Лѣтнія занятія въ универ- ситетѣ въ Чикаго. — Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ въ Англии и Америкѣ. — Докторъ Бернардо и его филантропическая дѣятельность въ Англии.—Бельгійскій свободный университетъ.—Япон- скіе журналисты и печать.—Американскій способъ раздѣленія океан- скихъ судовъ на двѣ части для пропуска ихъ черезъ шлюзы. — Изъ иностранныхъ журналовъ. «Century Magazine».—«Revue de Paris».— «Review of Reviews». — «Revue des Revues».	164
15. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) РОМАНЪ М-РА ГИЛЬФИЛЯ. Повѣсть Джоржъ Эллиотъ. Переводъ съ англійскаго. С. Майковой	49
2) НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ. Съ нѣмецкаго по Бомелли, Ней- майру и друг. подъ редакц. В. Агафонова.	325
16. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

20-го октября вечеромъ весь Петербургъ былъ потрясенъ страшною вѣстью: „Государь Императоръ Александръ III — гласила телеграмма, полученная изъ Ливадіи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ отъ Министра Императорскаго Двора,—въ 2 ч. 15 мин. по полудни, сего 20 октября, тихо въ Бозѣ почилъ“.

„Конецина Государя Императора Александра Александровича—говорить другая телеграмма—была праведная, какъ праведна была жизнь Его, исполненная вѣры, любви и смиренія. Нѣсколько дней Онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти и готовился къ ней, какъ вѣрующій христіанинъ, не оставляя заботъ о дѣлахъ правленія. Два раза, 9-го и 17-го октября, Государь приобщался Св. Тайнъ. Не спавъ всю ночь, рано утромъ, 20-го числа, въ Бозѣ почившій Императоръ сказалъ уже Императрицѣ: „Чувствую конецъ, будь покойна, Я совершенно покоенъ“, и, собравъ всю Семью около Себя,

пригласилъ духовника и приобщился съ великимъ умилениемъ, произнеся въ слухъ яснымъ для всѣхъ голосомъ молитву предъ причащеніемъ, сидя въ креслахъ. Государь все время не терялъ ни на минуту сознанія. Послѣ обѣдни Онъ послалъ за о. Іоанномъ Сергіевымъ и вмѣстѣ съ нимъ молился; потомъ, чрезъ полчаса, призвалъ его снова, и о. Іоаннъ, вновь напутствовалъ Его молитвою и помазаніемъ св. елея, приобщилъ Св. Тайнъ и оставался при Немъ до самой кончины. Въ два часа пополудни усилился у Государя пульсъ, и взоръ Его какъ-бы оживился, но уже чрезъ четверть часа, закрывъ глаза и откинувъ голову, Онъ предалъ духъ Всевышнему Богу, завѣщавъ народу Своему благословеніе мира и завѣтъ доброй жизни“.

Тихо почилъ на рукахъ Августѣйшей Своей супруги и возлюбленнаго Сына Наслѣдника, окруженный всею Своею семьей, русскій Монархъ-Миролюбецъ, въ кратковременное царствованіе Свое свято охранявшій благодѣтельный миръ, при которомъ только и возможно спокойное развитіе внутренняго благосостоянія страны.

Почилъ Монархъ, любимый народомъ и самъ этотъ народъ сердечно любившій!

Тяжела потеря; велика скорбь и Его семьи, и всей громадной Россійской монархіи!

Вѣчная память Августѣйшему усопшему!

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Богу Всемогущему угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ прервать драгоцѣнную жизнь горячо любимаго Родителя Нашего Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болѣзнь не уступила ни лѣченію, ни благодатному климату Крыма, и 20-го октября Онъ скончался въ Ливадіи, окруженный Августѣйшей Семейю Своей, на рукахъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Нашихъ.

Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую Онъ любилъ всею силою Своей русской души и на благоденствіе которой Онъ полагалъ всѣ помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворившаго непоколеби-

мую правду и миръ, ни разу не нарушенный во все Его Царствованіе.

Но да будетъ святая воля Всевышняго и да укрѣпить Насъ незыблемая вѣра въ премудрость Небеснаго Промысла, да утѣшитъ Насъ сознаніе, что скорбь Наша — скорбь всего возлюбленнаго народа Нашего, и да не забудеть онъ, что сила и крѣпость святой Руси — въ ея единеніи съ Нами и въ безпредѣльной Намъ преданности. Мы же, въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на Прародителскій Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, вспоминаемъ завѣты усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, приедемъ священный обѣтъ передъ Лицомъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ.

Всемогущій Богъ, Ему же угодно было призвать Насъ къ сему великому служенію, да поможетъ Намъ. Вознося горячія молитвы къ Престолу Вседержителя объ упокоеніи чистой души незабвеннаго Родителя Нашего, повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Гворгію Александровичу, Которому быть и титуловаться Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, доколѣ Богу угодно будетъ благословить рожденіемъ Сына предстоящій бракъ Нашъ съ Принцессою Алисою Гессенъ-Дармштадтскою.

Данъ въ Ливадіи, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ девяносто четвертое, Царствованія же Нашего въ первое. Октября 20-го дня.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

ПРЕДАТЕЛЬ.

(Изъ дѣтской жизни).

О ЧЕРЬ.

I.

Задрезжалъ звонокъ, возвѣщавшій объ окончаніи уроковъ. Первоклассники получили нѣсколько единицъ за латинскіе „вокабулы“, помолились за „родителей и учителей, ведущихъ ихъ къ познанію блага“, и шумной толпою ринулись вонъ изъ класса.

Всѣмъ было весело, не исключая даже и тѣхъ, которые проштрафились по „вокабуламъ“: въ кругу друзей и товарищей легко переносились „латинскія напасти“,—отовсюду сочувствіе, полное единомысліе и солидарность!..

Всѣмъ весело. Грустно одному только Заплатину Ивану...

Заплатинъ Иванъ идетъ позади, отдѣлившись отъ своихъ одноклассниковъ, смотритъ въ паркетный полъ и шагаетъ очень медленно. Никто на него не обращаетъ вниманія, никто не предлагаетъ ему идти домой вмѣстѣ, никто не окрикаетъ по фамиліи.

Заплатинъ Иванъ совершенно забыть... Заплатинъ Иванъ не существуетъ для нихъ болѣе... Что диванъ, что Заплатинъ Иванъ,—имъ все равно... Во время перехода отъ класса до швейцарской Заплатинъ Иванъ услышалъ только одну фразу, да и то эта фраза не была обращена непосредственно къ нему, а была сказана резонерски-спокойнымъ тономъ въ пространство: когда Заплатинъ Иванъ спускался съ послѣдней ступени широкой лѣстницы съ перилами въ швейцарскую,—его торопливо обогналъ Сметанинъ Николай и довольно отчетливо произнесъ:

— Дуть слѣдуетъ предателей!..

Заплатинъ Иванъ притворился, что не слышитъ,—даже не обернулся, и ничего не отвѣтилъ. Но краска стыда, внезапно покрывшая его щеки, выдала притворство Заплатина Ивана...

Да, онъ слышалъ, отлично слышалъ... Но что же могъ онъ отвѣтить?.. Ничего, рѣшительно ничего... Это дѣйствительно правда,—онъ выдалъ...

Дѣло было такъ.

Вчера, во время „большой перемѣны“, въ первомъ основномъ классѣ поднялась страшная возня около классной доски. Петровъ и Григорьевъ стали бороться. Петровъ хватилъ „подъ ножку“, и повалилъ Григорьева. Кто-то закричалъ въ этотъ моментъ „вѣча мала!“ — и скоро оба борца исчезли подъ грудю павалившихся первоклассниковъ. Кто-то, воодушевившись, закричалъ во все горло „ура!“, другіе поддержали... А Соколовъ вошелъ въ такой экстазъ, что не вытерпѣлъ, и пустилъ въ окно мокрой тряпкой, которой стирается съ доски мѣлъ. Стекла со звономъ и дребезгомъ посыпались на подоконникъ и на полъ, а первоклассники разомъ отрезвѣли и въ одно мгновеніе рассыпались въ стороны, заняли свои мѣста на партахъ и уткнули носы въ раскрытые учебники...

Но было поздно!..

Торопливо вбѣжавшій въ классъ надзиратель, по прозванію класса—„козья борода“, успѣлъ уже замѣтить главныхъ „зачинщиковъ“...

Петровъ и Григорьевъ, какъ лежавшіе на самомъ низу „кучи“, не успѣли во время занять свои позиціи на заднихъ партахъ и не оправились еще отъ волненія... Они и попали, такъ сказать, въ первую голову. Попалъ еще Сметанинъ Николай и ни въ чемъ неповинный Заплатинъ Иванъ. Послѣдній былъ только зрителемъ происшедшей свалки, и даже потерпѣвшимъ, ибо мокрая тряпка, прежде чѣмъ разбить стекло, мазнула Заплатина Ивана по физиономіи. Непосредственного участія онъ не принималъ... Однако „козья борода“ записала и Заплатина, который, неожиданно увидавъ надзирателя, такъ и остался на мѣстѣ, съ испуганно-раскрытыми глазами и полуоткрытымъ ртомъ, пораженный какимъ-то столбнякомъ...

Пришелъ въ классъ инспекторъ. Онъ вызвалъ съ мѣстъ всѣхъ виновниковъ катастрофы и спокойно, но угрожающе, потребовалъ сознаться, кто разбилъ стекло. Всѣ стойчески

выдерживали пронизывающій взгляд инспектора, настаивая на своей полной невинности.

— Ей-Богу же, Александръ Андреичъ, не я!..

— Не ты?.. Я спрашиваю въ послѣдній разъ...

— Не я...

— И не знаешь, кто?

— Не знаю.

— А зачѣмъ смотришь вбокъ? Гляди прямо!

— Я прямо... Не знаю... Не видалъ. Я стоялъ задомъ.

— Гм... И ты, Петровъ, стоялъ задомъ?

— И я задомъ... Ей-Богу, задомъ...

Оказалось, что всѣ опрашиваемые были въ моментъ катастрофы „задомъ“ и потому не могла назвать сидѣвшаго теперь, какъ ни въ чемъ не бывало, на „камчаткѣ“, истиннаго преступника.

Только Заплатинъ Иванъ не выдержалъ и сталъ хныкать.

— И ты—задомъ?—сердито спросилъ его инспекторъ.

— Я не задомъ... нѣтъ—завикаясь пробормоталъ Заплатинъ Иванъ...

— Значить,—передомъ?..

— Нѣтъ... Я... я... стоялъ. Это—не я.

— Не задомъ, не передомъ... Вотъ что, братецъ: останься-ка нынче послѣ уроковъ до четырехъ часовъ...

— За что же?.. Это не я... — гнусаво затанулъ Заплатинъ Ивановъ.

Но инспекторъ „по внутреннему убѣжденію“ рѣшилъ, что никто иной, какъ Заплатинъ Иванъ, есть истинный виновникъ, а потому еще разъ безапелляціонно произнесъ:

— До четырехъ часовъ, голубчикъ!.. А вы—обратился инспекторъ къ остальнымъ—можете идти домой...

Однако, получившіе амнистію не пожелали ея воспользоваться:

— Отпускать—такъ всѣхъ, Александръ Андреевичъ! — робко произнесъ одинъ изъ борцовъ, а другой добавилъ:

— Или всѣхъ „безъ обѣда“, или всѣхъ простите!..

А Заплатинъ Иванъ окончательно „сдрефилъ“: онъ заплакалъ и затанулъ гнусаво:

— Это... не я.., а...а-а... меня... безъ... безъ обѣд...ааа...

Инспекторъ прибѣгнувъ къ послѣднему средству:—обратившись ко всему классу, онъ заявилъ, что, если не выдадутъ преступника, то всѣмъ будетъ убавлена отмиѣтка за поведеніе въ табеляхъ...

Заплатинъ Иванъ не понялъ этой угрозы: онъ принялъ ее исключительно на свой счетъ.

И тутъ онъ сознался и выдалъ товарища Соколова.

— Это... не я... Со...коловъ бросилъ, а...аа... ме...ня...

Преступникъ поступилъ съ достоинствомъ: какъ только онъ услышалъ свою фамилію, такъ сейчасъ же всталъ, и благородно и мужественно подтвердилъ:

— Я пустилъ „мазилку“, Александръ Андрейчъ!..

Инспекторъ оставилъ хабреца до пяти часовъ и велѣлъ ему принести завтра рубль за разбитое стекло.

А Заплата Ивана онъ погладилъ по головѣ и ушелъ вонъ изъ класса...

— Ябеда!..

— Фискаль!..

— Предатель!..

Вотъ какіе эпитеты посыпались на голову бѣднаго Заплата Ивана по уходѣ инспектора, — и классъ тутъ же постановилъ: 1) не связываться съ Заплатинымъ; 2) не давать ему „списывать“; 3) не подсказывать; 4) не говорить съ нимъ, а при случаѣ и 5) отлупить!..

II.

Заплатинъ Иванъ сидѣлъ въ будуарѣ у мамы и ковырялъ пальцемъ обивку турецкой софы...

Мама собиралась въ клубъ. Она стояла передъ большимъ трюмо и, поворачивая голову то направо, то влѣво, то откидывая ее назадъ, обозрѣвала себя съ различныхъ точекъ зрѣнія...

Около мамы стояла горничная Груша и обдергивала свою барыню...

Между дѣломъ мама разговаривала и съ Ваней.

-- Онъ вызвалъ и велѣлъ сознаться... А мнѣ чего сознаваться?.. Я не разбивалъ...—бормоталъ Ваня, старательно расковыривая маленькую дырочку въ софѣ.

— Такъ бы и сказалъ!.. Груша!.. вотъ тутъ!.. Ахъ, Боже мой! Да не тутъ, пониже!.. Ахъ, дура...—говорила мама съ Ваней и съ горничной одновременно.

— Я и сказалъ... Разбилъ Соколовъ, а я виноватъ...

— Ну, такъ бы и сказалъ!.. Груша! Сприсни меня сзади!.. Надо всегда говорить правду... Лгать не хорошо... Ну, куда же ты брызжешь?.. Ахъ, Господи, какое наказанье! Льетса за лифъ!..

— На декольте-съ не прикажете?..

— Ничего сдѣлать не умѣютъ!.. Это ужасно...

— Я сказала, а меня ругаютъ... дразнятъ предателемъ... ябедой...

— Ахъ, Ваня, будетъ!.. Ты ужасно надоѣдаешь... И всегда въ то время, когда мнѣ некогда... Ты видишь вѣдь, что я занята?.. Нельзя развѣ объ этомъ послѣ... Груша, вотъ здѣсь еще!..

Ваня замолчалъ. Онъ еще нѣкоторое время ковырялъ пальцемъ обивку софы, потомъ всталъ, и тихо, задумчиво побрелъ изъ будуара...

Ваня пошелъ посмотрѣть, что дѣлаетъ папа...

Онъ тихонько пріотворилъ дверь отцовскаго кабинета и заглянулъ туда.

Папа тоже „собирается“. Лицо у него— доброе и веселое. Папа былъ, видимо, доволенъ собою. Онъ стоялъ передъ зеркаломъ и закручивалъ „въ струнку“ свои усики...

Ваня вошелъ въ кабинетъ.

— Что, Иванъ Петровичъ, свазете хорошенькаго? — шуточно-добродушно спросилъ папа Ваню, отходя отъ зеркала, и любовно погладил Ваню по головѣ и потрепалъ по щечкѣ.

— Ты собрался?— печально спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Готовъ, готовъ, дружокъ мой...

— Мама тоже скоро готова будетъ... — тихо произнесъ Ваня...

Они помолчали...

Ваня сѣлъ въ большое кресло предъ письменнымъ столомъ, и изъ-за спинки кресла чуть-чуть выставилась его гладко остриженная, какъ точеная, голова...

— У насъ сегодня стекло разбили, — немного помолчавъ, вымолвилъ со вздохомъ Ваня.

— Уже не вы ли это, Иванъ Петровичъ, набѣдокурили?..

— Нѣтъ, папа... Это— Соколовъ разбилъ... А меня понапрасну инспекторъ хотѣлъ безъ обѣда оставить...

На глазахъ Ивана Петровича блеснули слезинки: такъ тяжело было воспоминаніе объ этой несправедливости...

— Эге-ге-ге, Иванъ Петровичъ!.. Чего же это вы ниунто распускаете? Вѣдь дѣло объяснилось?.. Ты свазалъ, что не ты?..

— Свазалъ, папа... А они меня дразнятъ, папа... ябедой... предателемъ...

— Кто же это они? а? Кто, милый мальчикъ?

— Ученики... Я сказалъ правду, а они... со мной... го... говорить не хот...я-я-ять...

— Ну, и ты не говори съ ними!.. Ну, о чемъ же, мальчикъ, плакать? Вѣдь ты сказалъ правду? Правда, другъ, прежде всего!.. Никогда не лги,—это первое... Ты вѣдь у меня—молодецъ... Ну, о чемъ же ты? Полно, полно!! перестань!..

И отецъ сталъ трепать правдиваго Ивана Петровича за подбородокъ...

А Иванъ Петровичъ окончательно расплакался...

Въ это время въ передней задребезжалъ звонокъ, и оборвалъ трогательную сцену. Отецъ точно испугался чего-то и бросилъ Ваню, Ваня торопливо утиралъ слезы рукавомъ блузы. Папа подбѣжалъ къ двери и громкимъ шепотомъ закричалъ:

— Груша! Груша!!

— Здѣсь, баринъ...—отвѣтила горничная.

— Дома нѣтъ!.. Мы уѣхали въ клубъ! Слышишь?

— Слушаюсь!—сказала Груша, и пошла въ переднюю.

Она быстро вернулась и принесла папѣ визитную карточку. Папа прочиталъ, что было на ней написано, и, разсердившись, бросилъ ее на столъ (папу просили „ради Бога пріѣхать къ больному сейчасъ-же“). Ванинъ папа былъ докторъ).

— Ни минуты покоя! Они не понимаютъ, что и я—человѣкъ, что и мнѣ нуженъ отдыхъ,—заворчалъ папа.

Ваня взялъ въ руки визитную карточку и сталъ читать ее...

— А если, папа, онъ умретъ?..

— Не суйся пожалуйста туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ,—съ сердцемъ оборвалъ Ваню папа, и прибавилъ:

— Ступай, скажи, что уѣхалъ въ клубъ, а если спросятъ, въ какой клубъ,—скажи,—не знаю... Ступай вмѣстѣ съ Грушей!..

Въ кабинетъ вошла мама, величественная, гордая, съ сіяющимъ лицомъ, плечами и руками, блиставшая дорогими камнями и золотомъ, распространявшая вокругъ тонкое, нѣжное благоуханіе ландыша,—и папа пересталъ сердиться.

Груша ушла, а Ваня остался... Ему вдругъ почему-то не захотѣлось идти въ переднюю, а захотѣлось побыть съ папой и мамой...

— Ты готовъ, Пьеръ?—спросила мама.

— Готовь!.. Отъ Ждановыхъ сейчасъ были... Утромъ былъ и опять извольте ѣхать... Кажется, сказалъ достаточно ясно, что нечего тутъ напрасно валандаться...

— Ну, сказалъ, что дома нѣтъ, вотъ и все!.. Есть изъ чего горичиться!..—весело замѣтила мама...

— Сказалъ, такъ не вѣрять: карточку суютъ еще!.. Они думаютъ, что за 25 рублей въ мѣсяцъ я буду два раза въ день путешествовать!..

— Ну, кажется, путь свободенъ... Ыдемъ!..

Папа поцѣловалъ маму, а Иванъ Петровичъ сталъ размышлять: „зачѣмъ папа сказалъ неправду, что его нѣтъ дома?—лгать скверно“.

Его размышления, впрочемъ, были прерваны мамой...

— Ну, Ванѣкъ, прощай!.. Веди себя безъ насъ лучше... Уроки-то всѣ выучилъ?..

— Осталось Ros'-у склонять... Первое склоненіе...

— Ну, вотъ *розу* выучи' свою и ложись спать...

Мама подробно рассказала Ванѣ, чтд и какъ онъ долженъ дѣлать въ ихъ отсутствіе, и чего не долженъ дѣлать...

Потомъ папа съ мамой поцѣловали Ваню и уѣхали...

III.

Въ столовой, за круглымъ, покрытымъ клеенкою, столомъ, сидѣли старая нянька съ чулкомъ и Ваня съ латинской грамматикой. Няня, согнувшись, проворно двигала костлявыми пальцами, нанизывая петельку за петелькой на чулочные иглы, Ваня училъ склонять свою Ros'-у...

Впрочемъ, ученіе шло туго, и Ваня машинально повторялъ „Rosa, Rosae, Rosae“, а въ сущности онъ не покидалъ проклятаго вопроса: скверно поступилъ онъ, выдавши Соколова, или хорошо—сказавъ правду?..

— Михѣевна, ты врешь?..

— Чего, батюшка, вру?..

— Нѣтъ, ты когда-нибудь врала?..

— Зачѣмъ, Ваничка, врать!..

— Никогда?.. Ни разу?..

— Не помню, чтобы врала...

— А папа врётъ?..

— Ай-ай!.. Рази про отца родного можно такъ говорить!..

— Ты скажешь,—никогда папа не вралъ?..

— Ахъ, Ваничка, что вы это говорите!... Рази хорошо?!..

— Я не виноватъ, что папа вретъ... А онъ вретъ... Давеча совралъ...

— Полноте, Ваничка!.. Учите-ка уроки лучше...

— Давеча его пригласили лѣчить, а онъ сказалъ, что дома нѣтъ... Что?

— Потому, что вашъ папа устамши, и ему надо отдохнуть...

— Мало ли что!.. Я не про то говорю... А все-таки, вѣдь, онъ былъ дома?..

— Ну, такъ что же... нельзя...

— Значить, онъ совралъ?..

— Зачѣмъ же, совралъ...

— А ну, тебя!.. Ничего не понимаешь... Съ тобой не согласишься...

Nominativus—Rosa

Genitivus—Rosae

Dativus—Rosae...

— Ты, Груша, зачѣмъ врешь?—прервалъ склоненіе Ваня, увидя подошедшую къ столу горничную!..

— Когда?..

— А давеча?.. Сказала, что папа уѣхалъ, а онъ былъ дома...

— Мнѣ-то что!.. Что мнѣ приказываютъ, то и скажу... Правдой не проживешь, баринъ...

— Какъ это не проживешь?.. А я вотъ проживу!.. — сказалъ Ваня.—По твоему какъ?—хорошо, что я выдалъ Соколова... Онъ стекло разбилъ, а я сказалъ про него?..

— Вотъ и нехорошо...

— Товарищей выдавать нехорошо — вставила доселѣ молчавшая нянька,—надо другъ за дружку стоять... Малѣ ли что промежду товарищами бываетъ... Надо ужъ другъ за дружку...

— Значить, я—предатель по твоему?

— Выходить, что такъ...

Ваня смолкъ. Онъ уставился въ грамматику и читалъ падежи склоненія. Но читалъ безъ всякаго вниманія, и потому память совершенно бездѣйствовала...

Послѣ грамматики Ваня схватилъ „Законъ“, и хотѣлъ повторить.

Папа говорить, что лгать скверно, а самъ вретъ... А нянька съ Грушей говорятъ, что онъ — предатель... И самому

ему теперь чувствуется, что онъ сдѣлалъ нехорошо, выдавши Соколова, хотя и сказалъ правду...

Эти мысли и чувства всецѣло овладѣли Иваномъ Петровичемъ, и „проклятый вопросъ“ о правдѣ всталъ передъ нимъ мучительной загадкой... Иванъ Петровичъ повернулся на спину и закрылъ глаза. Ему было такъ совѣстно, что лучше было лежать съ закрытыми глазами... И онъ лежалъ, долго-долго...

Съ вряхтѣньемъ и оханьемъ поднялась по лѣстницѣ въ дѣтскую няня...

— Ты что, Ваничка, дѣлаешь?..

Ваничка молчалъ...

— Экій грѣхъ, никакъ заснулъ... Иванъ Петровичъ!.. А, Иванъ Петровичъ!..

Нянька потрогала Ваню за руку.

— Надо раздѣтъ, а то барыня опять сердиться будутъ... — подумала вслухъ старуха.

Притворяться болѣе было нельзя, и нянька ужасно удивилась, когда Иванъ Петровичъ сердито огрызнулся:

— Самъ я раздѣнусь!.. Убирайся отъ меня!..

— Я думала,—вы уснули...

— Ничего не уснулъ...

Нянька ушла внизъ, а на смѣну ей скоро появилась въ дѣтской горничная Груша.

— Иванъ Петровичъ!.. А вы раздѣньтесь!..

— Убирайся ты отъ меня!..

— Нехорошо... Господа не спать въ брюкахъ... Барыня прїѣдутъ,—разсердятся...—убѣждала Ивана Петровича горничная.

— А я вотъ сплю въ брюкахъ...—упрямо отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Вы хоть сапоги-то сымите!..

— Не желаю...

Груша еще разъ попыталась нарисовать Ивану Петровичу весь ужасъ мамы, если она застанетъ его спящимъ нераздѣтаго, пыталась даже собственноручно снять съ „безстыдника-барина“ сапоги и брюки...

Но Иванъ Петровичъ упрямо лягался и кричалъ:

— Отвяжись же, Груша!.. Я тебя не трогаю, ну и ты не лѣзь ко мнѣ!..

— А вы не лягайтесь, баринъ... Безстыдникъ какой!..

— Я хочу махать ногами, а ты сама подставляешь лицо... Смотри, я буду не виноватъ, если...

— Безстыдникъ!..

Груша разсердилась и ушла.

Иванъ Петровичъ остался одинъ и снова углубился въ разрѣшеніе „проклятаго вопроса“... Долго онъ думаль, по временамъ вздыхаль и чесался... Наконецъ, въ ужасу няньки и горничной, уснулъ-таки въ сапогахъ и брюкахъ...

Евгеній Чириковъ.

АКВАРЕЛЬ.

(СТИХОТВОРЕНИЕ ВЪ ПРОЗѢ).

Сниталець.

Стояли мрачные, невыносимо скучные дни. Солнце давно уже не ласкало землю своими привѣтливыми лучами, а небеса давно уже не очищались отъ сѣрыхъ облаковъ... Изрѣдка, правда, когда вѣтеръ разрывалъ облачное покрывало, тамъ и сямъ проглядывали небольшие клочки небесной синевы, но едва только глазъ успѣвалъ поймать такой синій островокъ, какъ уже заволакивался и пропадалъ безслѣдно...

Моросилъ мелкій, какъ пыль, дождикъ, моросилъ безостановочно и днемъ, и ночью... Все смотрѣло угрюмо и вяло, все казалось грязнымъ, будничнымъ, апатичнымъ.

И широкое пустынное поле, и придорожныя покачивающіяся былинки, и печально-опустившія вѣтви березки, и хмурый лѣсъ, что чернѣлъ впереди и терялся, убѣгая далеко-далеко,—все смотрѣло вяло, апатично и, казалось, говорило: „пусть безконечно долго моросить надоѣдливый дождикъ, пусть небо навсегда останется такимъ грязнымъ, пусть даже солнце не показывается надъ землею,—намъ все равно!“

Давно уже окрестности не слышали соловья, что когда-то свободно и смѣло распѣвалъ дивныя пѣсни, въ которымъ, съ замираніемъ сердца, прислушивались и хмурый лѣсъ, и придорожныя кусточки, и каждая травка, и, заслыша которыя, даже глупый быкъ переставалъ пережевывать свою жвачку и тупо смотрѣлъ на мръ Божій...

Куда дѣвался чудный пѣвецъ?.. Покинулъ ли онъ навсегда свою любимую лощину, или только спрятался и пережидалъ, когда снова выглянетъ солнце, и все опять улыбнется и заживетъ прежнею полною жизнью?!

Замолкли и всѣ другія мелкія птички.

Одинъ вѣронъ надменно кружился надъ полями и, подлетая къ лѣсу, садился на высокій засохшій дубъ и зловѣще каркалъ и чистилъ свой острый клювъ.

По дорогѣ шель путникъ...

Изнемогая отъ усталости, онъ съ трудомъ передвигалъ ноги. Дождь промочилъ его до костей; вѣтеръ, хотя и не сильный, казался такимъ холоднымъ; руви повисли, какъ плети, и казались чужими и ненужными...

Давно уже шагаетъ онъ, усталый, по безконечной дорогѣ...

Онъ двинулся въ путь, когда были еще веселые солнечные дни, и когда вся природа ликовала и радовалась. У него были товарищи—спутники. Всѣ они шли къ одной общей цѣли—отыскать для братьевъ-людей счастье. Никто изъ нихъ не зналъ его мѣстопробыванія, но всѣ были твердо увѣрены, что знаютъ. Дорѣга казалась тогда совсѣмъ нетрудной, время шло незамѣтно, и всѣмъ было такъ хорошо, легко и весело... Долго они шли вмѣстѣ, рука объ руку, но потомъ разстались: одинъ изъ путниковъ усталъ, захотѣлъ отдохнуть и отпустилъ впередъ товарищю... А когда онъ очнулся отъ сладкаго забытъя и пошелъ, чтобы нагнать друзей,—было уже поздно... Друзья исчезли...

Гдѣ они, и что случилось съ ними? Нашли ли они то, что искали?—путникъ не знаетъ. А онъ, онъ исколесилъ не одну тысячу верстъ, но напрасно. И вотъ теперь онъ одинъ, усталый, продрогшій, измученный. Какъ дологъ и тяжелъ путь! Хотъ бы крупный, проливной дождь, хотъ бы страшная буря съ громовыми раскатами и огненными змїями молній!...

Но нѣтъ, не видно черныхъ тучъ, не слышно отдаленнаго громового раската; небосклонъ не вспыхиваетъ заревомъ грозоваго пожара...

Все вяло, монотонно, сѣро... Видно, что не скоро меленкїй дождикъ прекратитъ свое назойливое шурпаніе, не скоро небеса покажутъ свою синеву, и не скоро солнышко весело улыбнется землѣ и людямъ...

Дневной свѣтъ померкъ, и мгла упала на землю. Всѣ предметы стали терять свои контуры, расплываться и прятаться въ темнотѣ надвигавшихся сумерекъ. Обширная равнина полей превратилась въ безлюдную, безграничную пустыню, и только одинъ лѣсъ вставалъ впереди плотною черною стѣною. Кругомъ было мертво, безжизненно; ни одного живого звука не было теперь слышно, и лишь журчаніе дождевыхъ

капель да отдаленный глухой ропотъ хмураго лѣса нарушали этотъ страшный, мертвящій, покой...

Жутко становилось путнику, и сердце его то било тревогу, то вдругъ замирало, точно боялось, чтобы кто-нибудь не услышалъ его бѣнія...

Упала и ночь, темная-темная ночь.

Глухо шумящій лѣсъ закишѣлъ страшными призраками и безобразными чудовищамъ: они протягивали впередъ свои мохнатыя, карявыя лапы, то присѣдали, превращаясь въ карликовъ, то выпрямлялись во весь ростъ, дѣлаясь гигантами, то прятались, то внезапно выходили впередъ и заграждали дорогу. Дикія совы, ястреба и другіе хищники съ шумомъ и гиканьемъ шарахались въ стороны...

Гдѣ-то захохоталъ лѣшій, и хмурый лѣсъ привѣтствовалъ его цѣлымъ взрывомъ раскатистаго хохота... Гдѣ-то жалобно заплакало и заскрипѣло сломавшееся дерево... Чудища перешептывались между собою и, прыгая, обливали бѣднаго человѣка, цѣлымъ каскадомъ холодныхъ водяныхъ капель, а лапами царапали ему до крови и лицо, и шею, и руки... То и дѣло онъ наступалъ на ползающихъ подъ ногами гадовъ,—тѣ пищали, шипѣли и старались его язвить, кусать и жалить...

Лѣшій „обошелъ“ человѣка, и онъ потерялъ дорогу,—заблудился...

Густая чаща лѣсныхъ зарослей стояла непроходимыми дебрями всюду, куда онъ ни пытался направиться. Страшныя чудовища тянули его къ себѣ, разрывая въ клочки легкую ткань одежды... А кровожадный волеъ уже давно почувялъ присутствіе человѣка и давно уже шелъ по слѣдамъ его...

Скоро путникъ замѣтилъ опасность: онъ увидѣлъ, какъ въ темной чащѣ свергнули два волчьихъ глаза.. Вздвигнувъ всѣмъ тѣломъ, онъ собралъ послѣднія силы и стремительно кинулся впередъ. Раздвигая сплетшіяся вѣтви и ломая сухіе колючіе сучья, онъ не шелъ, а почти бѣжалъ... Ничто не могло остановить его энергіи, ничто не могло противостоятъ этому послѣднему приливу силъ... Трещалъ и ломался подъ ногами валежникъ, сторонились безобразныя чудовища... Подбирая лапы, онѣ прятались подъ покровомъ ночи и уступали дорогу страшному своимъ отчаяніемъ человѣку...

Вотъ порѣдѣла лѣсная чаща. На мгновеніе блеснулъ серебряный серпъ мѣсяца, освѣтилъ широкую поляну, и опять спрятался въ ползущихъ по небу тучахъ... Словно что-то

тяжелое, давившее со всѣхъ сторонъ выпустило вдругъ путника на волю,—грудь вздохнула свободнѣе, и сердце забилось ровнѣе... А впереди... О, какая радость!—впереди привѣтливо мигнулъ огонекъ...

— Тамъ мое спасеніе... Скорѣй къ нимъ къ братьямъ-людямъ!..

И въ головѣ измученнаго человѣка нарисовалась заманчивая картинка: теплая, уютная, хатка, чистенькія выбѣленные стѣны; въ печѣ весело потрескиваютъ горящія дрова; въ чугунномъ котелкѣ что-то бурлитъ и пѣнится...

Въ хаткѣ живутъ простые, добрые люди.. Они радостно встрѣчаютъ несчастнаго святальца, ободряютъ его словомъ привѣта и радушія... И такъ хорошо путнику съ этими простыми, безхитростными, добрыми людьми!..

— Остайся съ нами!—просятъ добрые люди,—будь нашимъ братомъ и другомъ, станемъ жить и трудиться вмѣстѣ!..

— А вы счастливы?—тихо спрашиваетъ путникъ.

— Да, живемъ слава Богу, всѣмъ довольны...

— А волки?..

— Насъ они не трогаютъ... Развѣ рѣдко когда овечку зарѣжутъ...

„Останусь, останусь!—шепчутъ губы изуставшаго путника,—вѣрно, здѣсь-то и живетъ то *счастіе*, котораго я ищу и не нахожу нигдѣ...“

И путникъ бѣжитъ на мигающей впереди огонекъ...

На пути попадается мелкій березнякъ и кочкарникъ. Подъ ногами вдругъ бульнула вода, запуршала осока... Болото, топкое болото...

Но ничто теперь не можетъ уже остановить человѣка: онъ смѣло идетъ по болоту, спотыкается о кочки, падаетъ, но опять вскакиваетъ на ноги, и опять стремится впередъ, жадно слѣдя за свѣтящимся впереди огонькомъ.

А огонекъ то ярко вспыхнетъ, то вдругъ мигнетъ и потухнетъ... Далеко этотъ огонекъ... Но человѣкъ не падаетъ духомъ и не останавливается...

Впереди опять черный лѣсъ...

Вѣрно, хатка спряталась въ кустяхъ и оттуда такъ привѣтливо выглядываетъ своимъ свѣтлымъ окошечкомъ... Впередъ же, впередъ!..

И путникъ напрягаетъ послѣднія силы.

Вотъ уже близко... всего въ нѣсколькихъ шагахъ... Но что это?!—огонекъ вдругъ пропалъ, и не появляется... Пут-

никъ широко раскрываетъ глаза, вперяя ихъ въ темноту ночи, но напрасно...

Гдѣ же ты, тихое пристанище, гдѣ желанное счастье?..

О, какая злая, безчеловѣчно-злая насмѣшка!—подъ ногами бѣднаго скитальца лежала гнилушка...

Человѣкъ наклонился, поднялъ гнилушку и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на нее неподвижно... Потомъ глубоко вздохнулъ и безжизненно опустилъ руки...

Пальцы руки разжались,—и гнилушка выпала...

Постоявъ еще нѣсколько минутъ въ тупомъ раздумьи, несчастный скиталець опустился на влажную, усыпанную гниющей листвою, почву...

— Усталъ я!—слабо прошептали его губы.

Голова откинулась назадъ, руки безпомощно упали на землю, усталыя вѣки, стряхнувши двѣ крупныя слезинки, смежились...

Надъ лѣсомъ взвился и закаркалъ воронъ... Его крикъ пробудилъ спавшій лѣсъ: гдѣ-то опять взвизгнула сова, и опять захохоталъ лѣшій... Змѣя, извиваясь стально-синимъ кольцомъ, подползла къ изголовью скитальца, а изъ-за ближайшаго куста жадно смотрѣли уже на свою жертву два волчьихъ глаза...

Погибъ человѣкъ въ поискахъ за другомъ людей—счастьемъ, и некому поставить крестъ надъ могилою павшаго страдальца...

Евгеній Чириковъ.

„ХАРАКТЕРИСТИКИ“ ТЕОФРАСТА И ЛА-БРЮЙЕРА.

Въ 1688 году въ лавку парижскаго книгопродавца Мишале́ (Michalet) чуть ли не ежедневно заходилъ посѣтитель—порыться въ книгахъ, просмотрѣть «новости» и поиграть съ милымъ ребенкомъ—дочерью хозяина, которая ему очень полюбилась. И вотъ однажды посѣтитель вынулъ изъ кармана рукопись и передалъ ее Мишале со словами: «Не хотите ли напечатать это? Быть можетъ, выгоды отъ изданія и не окажется; но, если выгода будетъ, дарю ее цѣликомъ моему маленькому другу». Мишале подумалъ, взялъ рукопись, и не успѣвъ напечатать ее, какъ все изданіе расхватали; вскорѣ пришлось печатать и второе, и третье... а когда дочка его стала невѣстой, отецъ далъ за нею болѣе двухсотъ тысячъ франковъ наличными деньгами.

Авторъ книги, заслужившей такой успѣхъ, былъ Ла-Брюйеръ; самая книга носила заглавіе: «Les caractères de Théophraste, traduits du grec, avec les caractères ou les mœurs de ce siècle» («Характеристики» Теофраста. Переводъ съ греческаго. Съ приложеніемъ очерковъ современныхъ характеровъ и нравовъ). Успѣхъ ея вызвалъ множество подражаній...

«Съ тѣхъ поръ, какъ вышли «Характеристики» Ла-Брюйера,—читаемъ мы въ одномъ журналѣ 1701 года,—онѣ не только переведены на нѣсколько языковъ, не только выдержали десять изданій въ двѣнадцать лѣтъ, но еще вызвали около тридцати подражаній подъ заглавіями: «Ouvrage dans le goût des Caractères»; «Théophraste moderne ou nouveaux Caractères des mœurs»; «Suite des Caractères de Théophraste & des mœurs de ce siècle»; «Les différents Caractères des femmes du siècle»; «Caractères tirés de l'écriture sainte & appliqués aus mœurs du siècle»; «Caractères naturels des hommes»; «Portraits sérieux & critiques»; «Caractères des vertus & des vices»... и т. д. Короче — характеристики наводнили рынокъ».

«По выходѣ книги Ла-Брюйера словомъ «caractère» до того прожужжали мнѣ уши,—разсказываетъ Палапра*),—что однажды, въ разговорѣ съ какимъ-то болтуномъ, повторившимъ его миллионъ разъ, я, наконецъ, позволилъ себѣ съ самымъ серьезнымъ видомъ замѣтить, что стоявшія на столѣ сосиски имѣють... несомнѣнно—транцедентный характеръ!»

*) *Palaprat* (Жанъ де-Вило-Палапра) р. 1650 г. ум. 1721 г. Авторъ нѣсколькихъ комедій, большинство которыхъ написано вмѣстѣ въ сообществѣ съ Брюэ (Brueys). Онъ отличался неистощимою веселостью. Изъ произведеній Брюэ и Палапра болѣе извѣстны: «L'Avocat patelin», «Le secret révélé», «Le Sot», «Le Grondeur», «Le Muet»...

Какъ видно изъ приведеннаго заглавія книги Ла-Брюйера, въ началѣ ея помѣщенъ былъ переводъ «Характеристикъ» Теофраста.

Теофрастъ — греческій философъ, сынъ ремесленника-сунновала, родившійся въ г. Эрессъ на островѣ Лесбосѣ (Митилена) около 370 г. до Р. Х. Получивъ хорошее по тому времени образованіе на родинѣ, онъ прибылъ въ Аѣны, гдѣ сначала слушалъ Платона, а затѣмъ, по смерти Платона, уже въ зрѣломъ возрастѣ, перешелъ (по однимъ показаніямъ въ 335 г., по другимъ—въ 345 г.) въ число учениковъ Аристотеля, которому, какъ рассказываютъ, обязанъ и своимъ именемъ. Его собственнo звали «Тиртамъ», Аристотель же, пѣвственный краснорѣчіемъ ученика, назвалъ его сначала «Евфрастомъ» (т. е. «благовѣщающимъ») а потомъ даже «Теофрастомъ» («божественно глаголющимъ»). Если въ правдивости этого разсказа можно усомниться, все-таки несомнѣнно, что Теофрастъ принадлежалъ къ любимымъ ученикамъ Аристотеля, раздѣлялъ его труды по изученію природы; что Теофрасту великій учитель завѣщалъ свою библіотеку, его назначилъ однимъ изъ опекуновъ своего воспитанника, сына, и дочери; ему же поручилъ и свою философскую школу, когда, обвиняемый въ неуваженіи къ богамъ, опасаясь «новаго преступленія противъ «философіи», т. е. участи Сократа, рѣшился покинуть Аѣны.

Ученики приступили къ Аристотелю съ просьбою указать—кого онъ считаетъ достойнымъ себя преемникомъ?—рассказываетъ Авлій Галлій *).

— Учитель долго колебался между Евдемомъ изъ Родоса и лесбійцемъ Теофрастомъ.

— Принесите мнѣ вина родосскаго и вина лесбійскаго,—сказалъ онъ, наконецъ:—Вино, которое я обыкновенно употребляю, стало оказывать на меня вредное дѣйствіе; хочу попробовать другого.

Отвѣдавъ принесенныя вина, Аристотель заявилъ, что и то, и другое прекрасно, каждое равно дѣлаетъ честь своей родинѣ, но первое елишкомъ крѣпко, второе же мягче, а потому и нравится ему болѣе.

Ученики поняли намекъ, и вокругъ Теофраста собралось до двухъ тысячъ слушателей.

Въ Теофрастѣ великій учитель всегда цѣнилъ не только умѣнье говорить, познанія и мудрость, но еще и чрезвычайно обходительный, пріятливый характеръ.

Не смотря на такой мягкій нравъ, и Теофрасту, однако, какъ большаинству передовыхъ мыслителей и великихъ искателей истины, пришлось выдержать не мало гоненій. Однажды враждебныя ему лица, достигнувъ власти, даже закрыли его школу. Признавъ многочисленныя сборища вокругъ частнаго человѣка нарушеніемъ общественнаго порядка; они вообще запретили было философамъ преподаваніе подъ угрозою смертной казни; но это чудовищное запрещеніе продолжалось не болѣе года; затѣмъ его отмѣнили. Позже, жрецъ Агнонидъ пытался преслѣдовать Теофраста, второя противъ него обвиненія, взведенныя когда-то на Сократа и Аристотеля, но чуть было самъ не подвергся наказанію за то, что осмѣлился

*) *Aulus Gallius*, латинскій грамматикъ II-го вѣка по Р. Х., оставившій 20 книгъ выписокъ изъ знаменитыхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, замѣтокъ о бесѣдахъ съ современниками и т. п., весьма цѣнныхъ, такъ какъ А. Геллій, повидимому, пользовался источниками честно и толково. Книги его озаглавлены «Аттическія ночи», потому что онъ началъ писать ихъ въ Атикѣ, и писалъ по ночамъ. Изъ двадцати книгъ одна (восьмая) утрачена.

усмотрѣть богохульство въ словахъ учителя, стяжавшаго общую любовь и уваженіе.

Уваженіе это заслужено было, повидимому, не только добросовѣстными, талантливыми занятіями въ школѣ и мягкостью въ сношеніяхъ съ людьми, готовностью помогать каждому по мѣрѣ силъ, но и рвеніемъ къ общественному благу. Когда въ Эресѣ нѣсколько тирановъ незаконно захватили было власть, изгнавъ лучшихъ гражданъ,—разсказываетъ Плутархъ *),—Теофрастъ на собственный счетъ, вмѣстѣ съ соотечественникомъ своимъ Фидіемъ, поддержалъ и вооружилъ изгнанниковъ для освобожденія родного города.

Диогенъ Лаерцій **) перечисляетъ болѣе двухсотъ сочиненій Теофраста по предметамъ самымъ разнообразнымъ, но до насъ дошли только очень немногія изъ нихъ, между прочимъ нѣсколько книгъ по ботаникѣ и извѣстныя «Характеристики».

Книги Теофраста о растительномъ мірѣ даютъ основаніе называть его «отцомъ ботаники» съ такимъ же правомъ, какъ Аристотеля называютъ «отцомъ зоологіи».

Во вступительныхъ строкахъ предисловія къ «Характеристикамъ» читаемъ: «Достигнувъ 99-ти лѣтъ, дорогой Полиметъ, могу сказать, что пожилъ достаточно, чтобы знать людей, тѣмъ болѣе, что видѣлъ личностей всякаго рода и всѣхъ темпераментовъ, и притомъ старался изучать какъ людей добродѣтельныхъ, такъ и тѣхъ, которые пріобрѣли извѣстность исключительно своими пороками»... Но подлинность самаго этого предисловія крайне сомнительна. Достоверно, однако, что «Характеристики» составлены едва за нѣсколько лѣтъ до смерти Теофраста, а также, что онъ дожилъ до глубокой старости. Диогенъ Лаерцій утверждаетъ, будто онъ умеръ 95-ти лѣтъ, а св. Иеронимъ ***) упоминаетъ даже, будто онъ достигъ 107-ми-лѣтняго возраста.

Не смотря на такія преклонныя лѣта, Теофрастъ находилъ въ жизни нескончаемую прелесть и отраду, такъ какъ познанія его не переставали расширяться, вопросы жизни становились ему все яснѣе и яснѣе, людей онъ познавалъ все ближе и ближе, радуясь ихъ добрымъ наклонностямъ, но, не теряя вѣры въ нихъ и при встрѣчѣ съ порокомъ, низостью или ничтожествомъ. Св. Иеронимъ (въ указанныхъ письмахъ къ Непотіану) упоминаетъ, будто, проживъ болѣе вѣка, Теофрастъ считалъ себя едва ступившимъ на порогъ мудрости, Цицеронъ же (въ третьей книгѣ «Тус-

*) *Плутархъ*—историкъ греческій, оставившій намъ знаменитыя «Жизнеописанія» великихъ мужей Греціи и Рима. Умеръ при императорѣ Адрианѣ (117—138 г. по Р. Х.).

**) *Диогенъ Лаерцій*—греческій писатель, умершій въ 222 г. до Р. Х., оставилъ намъ жизнеописанія древнихъ философовъ и краткое изложеніе ихъ системъ въ 10-ти книгахъ.

***) *Св. Иеронимъ*—одинъ изъ отцовъ церкви IV—V вѣка (умеръ около 420 г. по Р. Х.). Его главный трудъ—исправленіе лучшаго изъ старинныхъ переводовъ Библии на латинскій языкъ, при чемъ нѣкоторыя части (напр., почти весь Новый Заветъ) переведенъ былъ имъ заново. Переводъ этотъ, извѣстный подъ именемъ «вulgаты» (editio communis, vulgata), признанъ былъ Тридентскимъ соборомъ (1545—1563) достовернѣйшимъ. Хотя въ трудѣ св. Иеронима и встрѣчается много неточностей, тѣмъ не менѣе, для своего времени—трудъ въ высшей степени замѣчательный и почтенный. Показаніе о возрастѣ Теофраста находимъ въ письмахъ къ Непотіану (Epp. LII ad Nepotianum de vita clericarum & monachorum).

куланскихъ разсужденій» *) разсказываетъ, будто Теофрастъ, умирая, порицая природу—зачѣмъ, давъ оленямъ и воронамъ бесполезное для нихъ долгодѣіе, она осудила человѣка на столь краткую жизнь. Онъ полагалъ, что долгодѣіе дало бы людямъ возможность достигнуть въ знаніи и творествѣ такой высоты, при которой они бы сошлись на общепризнанныхъ основахъ жизни.

Обсуждая эти слова Теофраста, намъ не слѣдуетъ забывать, съ одной стороны, что, съ успѣхами знанія и общественнаго строя, долговѣчность все болѣе и болѣе становится въ зависимость отъ личной дисциплины каждаго отдѣльнаго человѣка; съ другой—что природа щедро вознаградила насъ за недолговѣчность, одаривъ насъ высшимъ даромъ, которымъ не обладаетъ ни одно изъ прочихъ земныхъ существъ, именно—способностью наслѣдственной передачи сокровищъ знанія, мысли, чувства—всѣхъ умственныхъ, всѣхъ духовныхъ богатствъ. Преемственность эта, благодаря которой мы разумомъ, сердцемъ, волею—всею духовной природой живемъ изъ рода въ родъ, умножается съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе успѣховъ знанія, успѣховъ общенія, и, приближая насъ къ безсмертію, какъ бы оправдываетъ прометеевское стремленіе наиболее бодрыхъ, лучшихъ душъ—вырвать человѣка изъ цѣпи земныхъ существъ, изъ числа звеньевъ ея, дабы поставить его внѣ этой цѣпи, побѣдителемъ природы, почти всемогущимъ владыкою земли и самостоятельнымъ вершителемъ собственныхъ судебъ.

Послѣднія слова, обращенныя Теофрастомъ къ ученикамъ, были, приблизительно, таковы:

«Жизнь соблазняетъ насъ, обѣщая чрезвычайное наслажденіе отъ славы между людьми, но, едва начавъ жить, приходится умирать, сознавая, что нѣтъ и не можетъ быть ничего болѣе бесплоднаго, какъ жажда славы. Пренебрегите заботою о людской молвѣ, и вы избавите себя отъ множества излишняго труда; затѣмъ же, если безвѣстный трудъ не убьетъ вашей бодрости, очень можетъ быть, что трудъ этотъ вознаградится славою. Вообще помните, что въ жизни много, много пустяковъ, и только очень немногое обѣщаетъ прочные плоды».

Онъ часто говаривалъ: «Наиболѣе расточителенъ расточающій время». Пустая забота о людской молвѣ, очевидно, представлялась ему однимъ изъ наиболѣе вредныхъ видовъ этой расточительности.

Теофрастъ умеръ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ; на похоронахъ его присутствовали весь городъ.

Дошедшія до насъ «Характеристики» его представляютъ собою тридцать очень небольшихъ, очень сжатыхъ очерковъ и вступленіе въ нѣсколько строкъ (или—вѣрнѣе—только 27 очерковъ, такъ какъ три изъ нихъ, также какъ и вступленіе признаются подложными **). (По гречески слово *χαρακτήρες* собственно и значить «Очерки» отъ *χαρασσω*—

*) *Tusculanae disputationes*.—пять книгъ разсужденій по отдѣльнымъ вопросамъ практической философіи, написанныхъ Цицерономъ на виллѣ его близъ городка *Tusculum* (нынѣ Фраскати), вблизи котораго многіе римляне имѣли великолѣпныя дачи.

**) Вотъ перечень ихъ: Двудлиный, Лестецъ, Волтунь, Деревенщина, Угодникъ, Срамникъ, Враль, Вѣстовщикъ, Нахаль, Скупой, Наглець, Безтактный, Навязчивый, Разсѣянный, Гордый, Недовольный, Недовѣрчивый, Неряха, Надобливый, Чванный, Человѣкъ, лишенный чувства порядочности, Хвастунъ, Надменный, Трусъ, Поздній ученикъ, Зловычникъ, Алчный.

черчу, царапаю. Въ нихъ рисуются проявленія болтливости, лести, корыстолюбія, грубости, нерящества, суевѣрія, гордости, злословія, двуличности, чванства и проч. въ чертахъ, обусловленныхъ временемъ и мѣстомъ, т.-е. жизнью Аѳинъ IV вѣка до Р. Х., Аѳинъ македонскаго періода греческой исторіи, а также средю, изъ которой Теофрастъ черпалъ свои данныя: онъ изображалъ исключительно военяныя зажиточныхъ и свободнорожденныхъ, и притомъ только мужскіе характеры.

Характеристики эти безцѣнны для насъ, какъ зеркало будничной жизни Аѳинъ того времени. «Онъ,—замѣчаетъ проф. Ордынскій въ статьѣ своей о Теофрастѣ («Совр.» 1850; сентябрь),—относительно Греціи почти то же, что Помпея и Геркуланумъ для древне-римской жизни». Въ этомъ-то *отраженіи историческаго момента* и заключается, полагаю, главный интересъ ихъ, сами же по себѣ онъ врядъ-ли покажутся современному читателю достойными своей славы.

Самый совершенный, по своему времени, анализъ души человѣческой, сдѣланный древнимъ грекомъ, врядъ-ли можетъ удовлетворить требованіямъ нашихъ дней.

Теофрастъ даетъ *исключительно внѣшніе и при томъ болѣе рѣзкіе признаки* той или другой наклонности, привычки, того или другого склада въ челонѣкѣ. Мы же такими грубыми красками довольствоваться не можемъ, даже когда онъ подобранъ съ величайшею наблюдательностью, какъ у Теофраста. Но нашимъ понатіямъ, такія изображенія врядъ-ли даже могутъ быть названы «характеристиками». Теофрастъ скорѣе даетъ описаніе людскихъ «породъ», чѣмъ людскихъ характеровъ, говоритъ Ордынскій: «Какъ если бы кто-нибудь въ наше время вздумалъ описывать породы собакъ: гончую, борзую, лягавую, такъ Теофрастъ описываетъ лстеца, угодника, вралю, и т. д.». Приглядываясь ежедневно—какое множество самыхъ разнородныхъ вліаній отражается на челонѣкѣ, изъ какихъ сложныхъ чертъ слагается характеръ отдѣльнаго лица, особенно при извѣстной степени умственного и нравственнаго развитія; какъ вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальныя черты легко скрываются подъ нивелирующимъ лоскомъ общепринятыхъ формъ жизни; какъ нерѣдко самыя разнородныя побужденія вызываютъ внѣшнія проявленія, почти тождественныя для плохого наблюдателя,—мы отъ характеристики требуемъ психологическаго анализа, проникновенія въ тайники души, въ причины принятаго ею склада, требуемъ разслѣдованія ея побужденій.

Въ сравнительно-удуиненной жизни древней Греціи, при сравнительно простотѣ ея жизни, челонѣкѣ не подвергался тому изобилію разнородныхъ вліаній, которому подвергаемся мы. И глубокому психологу не пришлось бы въ тѣ времена разгадывать и распутывать психологическія явленія столь сложныя, какъ нѣкоторыя явленія нашего времени.

Еще важнѣе то, что древній грекъ едва догадывался о значеніи для душевнаго склада челонѣка нѣкоторыхъ причинъ, важность которыхъ и намъ стала выясняться точнѣе только съ очень недавняго времени (насаждѣнность, климатъ, общественная, домашняя среда, встрѣча, внушенія и т. д.).

Характеристика людей внѣшними проявленіями, и притомъ проявленіями самыми грубыми, тѣмъ менѣе удовлетворяетъ насъ, что въ наше время рѣзкія проявленія индивидуальности встрѣчаются развѣ въ натурахъ первобытныхъ, не тронутыхъ господствующей цивилизаціей; въ

людяхъ же, принявшихъ ее, слѣды индивидуальности проявляются въ чертахъ едва замѣтныхъ; индивидуальныя особенности потерлись даже во внѣшности, люди стали всё *на первый взглядъ* болѣе или менѣе похожи другъ на друга...

Is ressemblent à mon avis
Aux écus frappés par nos pères,
Que l'usage a si fort polis,
Qu'on en cherche les caractères *).

Даже слабый умъ, слабая воля въ человѣкѣ, идущемъ торными путями, связываются не сразу. Недостатокъ ума, мышленія сърывается усвоеннымъ, и притомъ подчасъ довольно разностороннимъ, мировоззрѣниемъ большинства или кружка; недостатокъ воли—отсутствіемъ въ стадномъ обиходѣ современной обыденной жизни привычки проявлять собственные стремленія, а тѣмъ болѣе—отсутствіемъ необходимости подвергать волю испытаніямъ. Еще труднѣе опредѣляется индивидуальность человѣка умнаго и сильного волею...

Независимо отъ грубости красокъ, отъ очертаній, слишкомъ для насъ рѣзкихъ, *нѣкоторыя* «характеристики» Теофраста производятъ, кромѣ того, невыгодное впечатлѣніе изложенія, въ которой, вѣроятно, сказываются преклонные годы автора, а также однообразіе какъ внѣшняго построенія всѣхъ очерковъ, такъ и сферы, въ которой дѣйствующія лица себя проявляютъ: улица, рынокъ, жертвоприношенія...

Однообразіе приемовъ творчества можно, пожалуй, также въ значительной степени объяснить возрастомъ, въ которомъ Теофрастъ писалъ свою книгу; малому же разнообразію въ изображаемыхъ сценахъ найдется и другая причина: афинянинъ домашней жизни не зналъ, всю жизнь проводилъ внѣ дома. Было у него дѣло внѣ дома или нѣтъ, онъ все равно съ утра отправлялся бродить по городу. Въ древней Греціи на площадяхъ и рынкахъ строились крытые ходы, со столбами по обѣ стороны, такъ называемыя *стои*. Стои украшались статуями, картинами; въ нихъ всегда толпилось множество народа: одни приходили отдохнуть, другіе побесѣдовать, обдѣлать дѣльце... **). Изъ стои афинянинъ шелъ на гимнастическія арены (палестры), въ бани, въ цирюльню, въ какую-нибудь лавку. Входилъ онъ туда очень часто безъ всякой надобности, исключительно съ цѣлью поболтать—«на людей посмотреть, себя показать». И обычай этотъ былъ такъ общепринятъ, что на всякаго, кто ему не слѣдовалъ, смотрѣли неодобрительно. Демосѣенъ, упрекая одного гражданина въ необщительности, говорилъ: «Онъ *даже* ни въ одну цирюльню, ни въ одну лавку, ни въ одну мастерскую не ходитъ!» Одно время, чтобы оградить школы и палестры отъ непрощенныхъ посѣтителей, мѣшавшихъ обученію и упражненіямъ юношества, законъ угрожалъ имъ смертною казнью...

Какъ бы то ни было—чисто-внѣшнія, притомъ грубыя, рѣзкія черты, которыми Теофрастъ рисуетъ свои изображенія, однообразіе въ приемахъ его разсказа, однообразіе сцены, на которой выступаютъ, и притомъ подчасъ довольно вяло выступаютъ, его дѣйствующія лица—все вмѣстѣ мало

*) Непереводимая острота; «caractères» одинаково означаетъ и «характеръ», и «буквы».

**) Особенно знаменита была въ Афинахъ «Пестрая стоя», названная такъ по множеству картинъ, ее украшавшихъ. Въ ней философъ Зенонъ излагалъ свое ученіе, почему послѣдователи его и назывались «стоиками». Въ Италіи постройки, подобныя греческимъ стоямъ, назывались «портиками».

удовлетворяетъ требованіямъ, которыя мы въ настоящее время ставимъ изображенію нравовъ и характеровъ. Но не будемъ подходить къ произведенію другого времени съ требованіями нашихъ дней, а, главное, не забудемъ указаннаго историческаго значенія книги Теофраста.

Чтобы получить болѣе осязательное понятіе о ней, ознакомимся хотя бы съ одной изъ «характеристикъ», именно съ изображеніемъ «Вѣстовщика» или «Разносчика новостей», которое принадлежитъ, несомнѣнно, къ наиболѣе живымъ и удачнымъ:

«Вѣстовщикъ, разсказчикъ небыллицъ—человѣкъ, произвольно немышляющій рѣчи и факты, который, встрѣтивъ пріятеля, придаетъ лицу своему соответствующее выраженіе и съ улыбкою спрашиваетъ:

— Откуда?.. Что добраго?.. Какія новости?..

— Неужели такъ-таки и нечего разсказать?.. Значитъ, все идетъ хорошо?—пристаетъ онъ, не дожидаясь отвѣта. — Ничего не слыхалъ!.. Вижу, приходится мнѣ угостить тебя новостями...

«Добылъ онъ эти новости, изволите видѣть, отъ солдата, отъ сына флейтиста*), Астія, или отъ подрядчика Ликона, только что прибывшаго съ поля сраженія—отъ лицъ темныхъ, которыхъ нельзя разыскать, чтобы уличить его во лжи. Они-то и разсказали ему, какъ царь и Полисперхонтъ разбили и живымъ ввзяли въ плѣнъ Кассандра**).

— Возможно ли!—восклицаетъ слушатель.

— Да! Объ этомъ всё толкуютъ по городу; вѣсть разошлась повсюду, и всё передаютъ дѣло одинаково... Рѣзня была страшная!.. Да оно видно и по лицамъ правительственныхъ чиновниковъ!.. Вотъ уже пять дней, какъ у одного изъ нихъ тайно проживаетъ человѣкъ, пріѣхавшій изъ Македоніи, очевидецъ, все знающій; и разсказали ему, что повѣствованіе я и слышалъ!..

«И, разсказавъ обо всемъ этомъ, онъ—какъ бы вы думали!—принимается голосить, да такъ-то трогательно: «Бѣдный Кассандръ!.. Горемыка!.. Вотъ что значить—судьба!.. Выль могутъ, опарался на большія силы!..»

— Впрочемъ,—прибавляетъ вѣстовщикъ,—пусть это останется между нами! А самъ бѣгаетъ по городу и разсказываетъ то же всёму и каждому.

«Недоумѣваю, чего добиваются такіе люди? Они не только ничего не выгрываютъ своими вѣстями, но подчасъ еще платятся за ложь: у одного въ общественныхъ баняхъ украли платье, пока онъ собиралъ вокругъ себя толпу и увлекался собственнымъ разсказомъ; другой, одержавъ въ стоѣ побѣду на сушѣ и на морѣ, проигралъ въ судѣ дѣло, къ разбору котораго опоздалъ; третій, взявъ городъ на словахъ, пропустилъ обѣдъ...

«Не знаю болѣе жалкаго ремесла. Нѣтъ лавочки, нѣтъ стоя, нѣтъ угла на рынокѣ, гдѣ бы не торчали эти люди, до тошноты надоедая слушателямъ своимъ враньемъ!»

Въ этомъ очеркѣ передъ нами настоящій аэнианинъ, страстно жадный до новостей, которыя, конечно, любить не только разносить, но и слушать, хотя бы для того, чтобы, запасшись матеріаломъ для своихъ разсказней. Аэнианина прочіе греки часто изображали въ насмѣшку суетливо, озабоченно-спрашивающимъ: «Что новенькаго?» Это была общепризнанная слабость аэнианскихъ гражданъ, за которую не разъ укорялъ ихъ Демосеенъ. Однажды онъ, видя, что народъ шумить, кричить на площади, не слушая его толковъ о государственныхъ дѣлахъ, вдругъ прервалъ свою рѣчь и началъ слѣдующій разсказъ:

«— Шли два путника; у одного изъ нихъ былъ осель...»

Шумъ утихаетъ; толпа прислушивается...

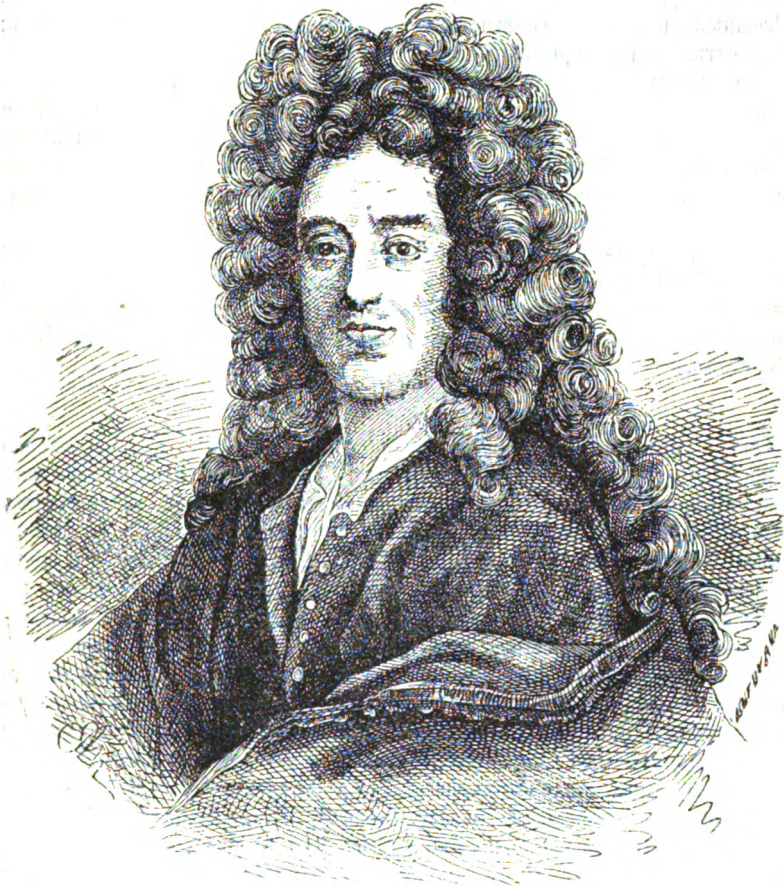
*) Флейтисты сопровождали греческихъ воиновъ въ походахъ, какъ духовые оркестры и пѣсенники сопровождаютъ наши полки.

**) Царь—*Аридей*, братъ Александра Великаго; *Полисперхонтъ*—одинъ изъ полководцевъ Александра В. *Кассандръ*, сынъ другого полководца Александра В., Антипатра, оспаривалъ власть у Аридея и Полисперхонта, и дѣйствовалъ успешно; слѣдовательно, извѣстіе, сообщенное вѣстовникомъ, ложно.

« — День былъ жаркій,—продолжаетъ ораторъ. — Захотѣлось путникамъ отдохнуть, но вокругъ не было тѣнистаго мѣста. Рѣшились они прилечь въ тѣни осла... Но кому же лечь первому? Для обоихъ тѣни одного осла недостаточно... »

Всѣ слушаютъ съ жадностью!.. Демосѣенъ остановился.

— Дальше, дальше!.. Продолжай! — кричатъ ему со всѣхъ сторонъ

Ла-Брюйеръ.

— Таковы вы, афиняне,—отвѣчаетъ Демосѣенъ на эти возгласы:— говорить о важныхъ дѣлахъ—вы не слушаете; пустяки же слушать готовы...

Разказа своего онъ, конечно, оканчивать не сталъ.

Прекрасно обрисовано возрастающее увлеченіе вѣстовщика собственнымъ враньемъ. Извѣстіе его ложно... Да онъ сначала и говорить довольно робко: я слышалъ отъ какого-то неизвѣстнаго солдата, но затѣмъ уже «всѣ толкуютъ»; далѣе— «видѣтъ» смущенныхъ правителей; затѣмъ— «под-

слушалъ разсказъ очевидца»... И, кажется, онъ уже вѣрить самъ себѣ... судьба Кассандра его трогаетъ!..

Это ли не аѳинскій Хлестаковъ, завирающійся до самозабвенія, до вѣры собственнымъ словамъ!

И обычное заключеніе розсказней подобныхъ людей:

«Однако, чуръ, секретъ!» («Горе отъ ума», д. III, явл. XVI).

Въ заключеніе своей статьи о Теофрастѣ, проф. Ордынскій довольно удачно подчеркиваетъ три основныя черты, присущія большинству аѳинянъ, отмѣченныя равно и Теофрастомъ, и другими греческими писателями: болтливость, лъсть, корыстолюбіе.

«Но прежде всего кидается въ глаза поразительная наклонность къ болтливости», — прибавляетъ онъ. — У Теофраста, «не говоря уже о болтуяѣ, вралѣ, вѣстовщикѣ, болтливѣ и льстецѣ, и сквернословѣ, и злоязычницѣ; еще болѣе болтаивъ хвастунъ; болтаивъ хлопотунъ, надобливый, мужиковатый, чванный, трусь... словомъ, всѣ теофрастовы личности болѣе или менѣе болтаивы».

Въ Россіи первый переводъ «Характеристикъ» вышелъ еще въ 1772 году (переводъ А. Посиѣлова). Воплиѣ доступно онѣ изданы въ послѣднее время на русскомъ языкѣ въ составѣ «Библіотеки греческихъ и римскихъ классиковъ» въ недурномъ переводѣ и съ предисловіемъ В. Алексѣева (Цѣна 30 копѣекъ).

Таково произведеніе, переведенное Ла-Брюйеромъ и обыкновенно предпосылаемое его собственнымъ очеркамъ *). Оно, сравнительно съ этими очерками, занимаетъ, впрочемъ, мѣсто самое незначительное (въ лежащемъ передо мной изданіи, напримѣръ, 33 страницы изъ 433-хъ) и не имѣетъ съ ними никакой—ни вѣшной, ни внутренней—связи. Даже образцомъ для Ла-Брюйера оно служило только отчасти, такъ какъ въ первомъ же изданіи своей книги Ла-Брюйеръ приложилъ къ переводу, кромѣ нѣсколькихъ собственныхъ характеристикъ, рисующихъ нравы, ему современныя, еще рядъ отрывочныхъ мыслей, замѣтокъ, афоризмовъ, въ которыхъ то остроумно, то задушевно, всегда изящно, высказываетъ свои взгляды по поводу самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Характеристики и замѣтки эти не образуютъ собою ни послѣдовательнаго разсказа, ни послѣдовательнаго ряда картинъ, ни систематическаго разсужденія — ничего цѣльнаго, сплоченнаго. Въ пятнадцати главахъ, вѣрнѣе, по пятнадцати рубрикамъ, совершенно независимымъ одна отъ другой («о произведеніяхъ ума», «о личномъ достоинствѣ», «о женщинахъ», «о сердцѣ», «объ обществѣ и собесѣдованіи», «о дарахъ фортуны», «о городѣ», «о дворѣ», «о знати», «о человѣкѣ», «о сужденіяхъ», «о модѣ», «о нѣкоторыхъ обычаяхъ», «о проповѣди», «о свободныхъ мыслителяхъ»), довольно произвольно, безъ опредѣленнаго порядка, разбѣяны и правоописательныя и этическія замѣтки, замѣтки и совсѣмъ коротенькія, и болѣе длинныя (нѣкоторыя — въ одну строку, другія — въ 10, 20 строкъ, третья — въ страницу, много въ 2, 3 страницы).

*) Переводъ Ла-Брюйера, впрочемъ, далеко не единственный переводъ «Характеристикъ» Теофраста на французскій языкъ. Ихъ еще есть два или три. Лучшимъ признается переводъ Stiévenart, наданный въ 1842 году.

Такая форма летучих замѣтокъ заимствована уже не у Теофраста *), а у такъ-называемыхъ французскихъ «моралистовъ» — Паскаля и Ла-Рошфуко, которыхъ, вмѣстѣ съ Монтанемъ, Ла-Брюйеромъ и Сентъ-Эвремонемъ, извѣстный критикъ-публицистъ Шерръ справедливо называетъ «проницательными наблюдателями жизни, положившими ближайшее основаніе свободному мышленію XVIII-го вѣка» **).

Вотъ какъ Ла-Брюйеръ самъ опредѣляетъ свое отношеніе къ писателямъ, послужившимъ ему образцами:

«На заблужденія ума, на изгибы сердца — на внутренняго человѣка обращено у меня болѣе вниманія, чѣмъ у *Теофраста*. Тысячи внѣшнихъ признаковъ, уловленныхъ имъ въ человѣкѣ, — въ его дѣйствіяхъ, рѣчи, приемахъ — заставляютъ искать источниковъ людской испорченности; новыя же характеристики, раскрывая прежде всего мысли, чувства, побужденія человѣка, прямо указываютъ на основныя его злобы, его слабости, даютъ возможность угадать — что онъ способенъ говорить и дѣлать; затѣмъ пошлости, порочности его поступковъ удивляться уже не приходится».

«*Паскаль* отдаетъ метафизику на служеніе религіи. Знакомляя насъ съ душою, — съ ея страстями, съ ея пороками, указывая на великія, сильныя побужденія къ добродѣтели, — онъ стремится обратить человѣка въ христианина. *Ла-Рошфуко* — умъ развитой привычкою общенія съ людьми, столько же проницательный, сколько и тонкій, замѣтивъ, что источникомъ всѣхъ слабостей человѣческихъ служитъ самолюбіе, неутомимо борется съ этимъ зломъ всюду, гдѣ бы ни повстрѣчался съ нимъ, и эта основная мысль его, принимая тысячи отѣнковъ, всегда имѣетъ предѣлъ новизны, благодаря удачному подбору словъ и разнообразію выраженій автора».

«Сочиненіе, приложенное къ «Характеристикамъ» Теофраста (т.-е. сочиненіе самого Ла-Брюйера), не слѣдуетъ ни тому, ни другому изъ означенныхъ путей: оно мѣтѣ возвышенно, чѣмъ сочиненіе Паскаля; мѣтѣ тонко, чѣмъ сочиненіе Ла-Рошфуко. Оно стремится только сдѣлать человѣка разумнымъ, и притомъ путемъ самымъ простымъ, обыкновеннымъ: авторъ спокойно приглядывается къ различнымъ возрастамъ, положеніямъ, къ мужчинамъ и женщинамъ, къ ихъ порокамъ, слабостямъ, къ ихъ смѣшнымъ сторонамъ, и записываетъ затѣмъ свои наблюденія и мысли безъ строгой послѣдовательности, безъ связанной системы, подчиняясь единственно задачамъ отдѣльныхъ главъ».

Различіе свое отъ Паскаля и Ла-Рошфуко Ла-Брюйеръ уловилъ довольно точно, но понятная скромность помѣшала ему указать на многія стороны собственнаго творчества, съ которыми мы ознакомимся ниже.

Въ первомъ изданіи (Michallet; in-12; 1688) къ переводу Теофраста Ла-Брюйеръ прибавилъ своихъ замѣтокъ и характеристикъ только 386; въ 4-мъ (1688 г.) ихъ уже было 726, въ 5-мъ — 867, въ 6-мъ — 970, въ 7-мъ — 1.080; въ 8-мъ — 1.120. Это было послѣднее изданіе, вышедшее при жизни автора. Каждое новое изданіе, впрочемъ, не только пополнялось, но еще подвергалось тщательному пересмотру и поправкамъ. Характеристиками собственно Ла-Брюйеръ пополнял преимущественно послѣднія изданія. Къ этому вынуждала его осторожность, — какъ увидимъ, далеко не безосновательная. Можетъ быть, и самый переводъ Теофраста предпосланъ былъ очеркамъ изъ быта, современнаго Людовику XIV, въ силу той же предусмотрительности.

Приглядимся же поближе какъ къ автору, такъ и къ его произведенію.

*) Теофрастъ, по словому Диогена Лаерція (ср. примѣч. 4-ое) тоже оставилъ такія «Исрѣченія», но они не дошли до насъ.

**) *Montaigne* (1532—1592): «Essais»; *Pascal* (1623—1662): «Lettres à un provincial», «Pensées sur la religion»; *La Rochefoucauld* (1613—1680): «Réflexions et maximes»; *St. Evremont* (1613—1703): «Réflexions sur l'usage de la vie», «Lettres».

Жизнь Ла-Брюйера протекла безъ большихъ переворотовъ и потрясеній. Родился онъ въ 1645 году, въ Парижѣ, въ семьѣ мѣстнаго обывателя, занимавшаго скромную должность контролера городскихъ доходовъ. Самая эта, впрочемъ, не лишена была историческихъ преданій: одинъ изъ предковъ Ла-Брюйера упоминается въ мемуарахъ временъ лиги, какъ дѣятельный членъ парижскаго анти-бурбонскаго муниципалитета.

Молодой Ла-Брюйеръ, окончивъ курсъ наукъ въ одной изъ монастырскихъ коллегій (*des Oratoriens*), до 1673 г. состоялъ адвокатомъ при парижскомъ парламентѣ, затѣмъ купилъ себѣ должность въ Нормандіи, по вѣдомству финансовъ, въ которой и числился до 1687 года, хотя (съ 1864 г., по крайней мѣрѣ) проживалъ въ Парижѣ. Должность эта позволила ему приписаться къ дворянству и присоединить къ своей фамилии частицу «de» *), что, какъ извѣстно, въ XVII-мъ вѣкѣ не составляло проясненія простого тщеславія, но имѣло большое значеніе и въ житейскомъ обиходѣ. Знаменитый Боскуэтъ **) въ 1684 г. рекомендовалъ его въ преподаватели исторіи сыну принца Бурбона-Конде, внуку «великаго Конде» ***). Эти педагогическія занятія закончились уже черезъ годъ (1685 г.), но Ла-Брюйеръ остался при домѣ принца съ пожизненной пенсіей по 1.000 экю въ годъ, и—не добываясь иного положенія—спокойно жилъ въ своей комнатѣ, «близкой къ небесамъ», въ тѣсномъ сообществѣ съ разумно-избранными друзьями и книгами, слѣдуя правилу поэта:

...Cache ta vie & répands ton esprit.

Первое изданіе его книги, какъ мы уже упоминали, вышло въ 1688 году, а въ 1693 онъ избранъ былъ въ члены французской академіи, не взирая на то, что избраніе это встрѣтило не мало противниковъ въ людяхъ, считавшихъ себя лично задѣтыми характеристиками.

7-го мая 1696 г., Ла-Брюйеръ, находясь въ Парижѣ, въ многочисленномъ обществѣ, пораженъ былъ внезапно глухотою. Его отвезли домой, въ Версаль, гдѣ онъ черезъ три дня 10 мая умеръ отъ апоплексическаго удара.

Герцогъ Сенъ-Симонъ, авторъ знаменитыхъ мемуаровъ ****), котораго въ снисходительности къ людямъ обвинять нельзя, говоритъ по случаю его смерти: «Общество утратило во немъ человѣка, замѣчательнаго по уму, по слогу его произведеній, по знанію людей. Онъ писалъ по образцамъ Теофраста, но превзошелъ его, неподражаемо очертивъ людей нашего времени въ своихъ характеристикахъ. Это былъ вполнѣ честный человѣкъ, прекрасно воспитанный, простой, чуждый всякаго педанства, и крайне

*) Оттого его и называютъ то «Jean La-Bruyère», то, «Jean de La-Bruyère».

**) *Bossuet* (1627—1704)—знаменитый проповѣдникъ двора Лудовика XIV, епископъ въ Мо (Meaux). Особенно извѣстны его проповѣди; надгробныя рѣчи; «Discours sur l'histoire universelle»; «Méditations sur l'Évangile».

***) Родъ Конде—младшая линія дома Бурбоновъ. Въ этомъ родѣ особенно прославился, какъ военачальникъ, принцъ Лудовикъ II, извѣстный подъ именемъ «великаго Конде» (р. 1621 г.; ум. 1687 г.).

****) Герцогъ *Saint-Simon* (р. 1675, ум. 1755) оставилъ послѣ себя въ высшей степени интересныя «Записки» (*mémoires*) о дворѣ Лудовика XIV, о регентствѣ и дворѣ Лудовика XV-го. Независимо отъ интереса передаваемыхъ въ нихъ фактовъ, мемуары эти замѣчательны еще и живостью, мастерствомъ изложенія.

безкорыстный. Я достаточно знал его, чтобы пожалѣть и о немъ, и о произведеніяхъ, которыхъ мы въ правѣ были еще ожидать отъ него ввиду его лѣтъ и его здоровья».

Жизнь въ домѣ Конде была не изъ легкихъ; сохранить въ немъ свое личное достоинство и заслужить уваженіе окружающихъ могъ только человекъ, не знавшій корысти, далекій отъ всякаго тщеславія, всякаго искательства. Вотъ что тотъ же Сень-Симонъ рассказываетъ о сынѣ принца, герцога Конде—ученикѣ Ла-Брюйера:

«Лицо его имѣло какой-то мертвенно-желтый оттѣнокъ; онъ почти всегда казался взбѣшеннымъ, грубымъ и наглымъ, такъ что къ нему трудно было привыкнуть. Онъ былъ не глухъ, начитанъ, въ немъ скрывались слѣды прекраснаго воспитанія—слѣды вѣжливости, даже любезности, когда онъ желалъ проявлять ихъ... но желалъ онъ этого очень рѣдко»... «Его жестокость была чрезвычайна и проявлялась во всемъ: это былъ какой-то вѣчно мелющій жерновъ, отъ котораго все бѣжало, подъ которымъ ежеминутно боялись попасть даже друзья его: имъ приходилось терпѣть то отъ чрезвычайныхъ ругательствъ, то отъ безжалостныхъ шутокъ прямо въ лицо»...

Въ 1679 году этотъ негодяй далъ достойный образчикъ дружескаго обращенія тогдашней знати и полезный урокъ ищущимъ подобной дружбы. Однажды вечеромъ, «накачавъ Сантейля *) шампанскимъ» (ауант роуссѣ Santeuil de vin de Champagne), онъ вздумалъ «позабавиться» по своему, и высыпалъ пьяному въ стаканъ полную табакерку нюхательнаго табаку. Несчастный вскорѣ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Такія милыя шуточки, были, впрочемъ, въ духѣ «великой эпохи» Лудовика XIV-го. Стихотворецъ Саразень умеръ подъ палкою герцога Конти, у котораго служилъ секретаремъ **).

Эти картинки нравовъ, на ряду съ легкостью, съ которою въ то время растаскивали аресты, ссылаки безъ всякаго суда и слѣдствія, достаточно поясняютъ осмотрительность Ла-Брюйера, очерки котораго, восхваляя «величайшаго изъ монарховъ», тѣмъ не менѣе рисовали его дворъ, его приближенныхъ—знать, чиновниковъ, финансистовъ—далеко въ не привлекательномъ видѣ, указывали ему на факты, за напоминаніе о которыхъ пострадали даже такіе люди, какъ Вобанъ, Буа-Гильберъ, Расинъ ***).

*) *Santeuil* или *Santeul* (р. 1630, ум. 1697) писалъ преимущественно по латыни, подписывая свои сочиненія «Santolius»; извѣстенъ былъ, однако, и въ свое время не столько своими сочиненіями, сколько веселымъ нравомъ и чудачествомъ. Остроты его были даже изданы въ отдѣльномъ сборникѣ, озаглавленномъ «Santoliana».

***) *Sarrasin* (Sagazin) род. 1604, ум. 1645, извѣстенъ былъ въ свое время преимущественно шутивными произведеніями («Dulot vaincu», «Pompe funèbre de Voiture» и проч.). Въ настоящее время совсѣмъ забытъ. Принцы *Конти* составляли младшую линію дома Бурбонъ-Конде.

***) *Vauban* (1633—1707) — знаменитый военный инженеръ, человекъ въ высшей степени честный, прямой, безкорыстный. Потрясенный положеніемъ французскаго народа въ послѣдніе годы правленія Лудовика XIV-го, издавъ въ 1707 году книгу «Dixme royale» въ которой предлагалъ замѣнить налоги, обременявшіе исключительно низшіе классы населенія, «королевскою десятиною», т. е. взиманіемъ определенной доли съ доходовъ, безъ различія сословій. Книга эта подверглась судебному преслѣдованію и осужденію, на автора же—не взирая на его великія военныя заслуги—навлекла гнѣвъ короля.

Положеніе Ла-Брюйера вблизи двора, знати, города и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сторонѣ и отъ двора, и отъ знати, и отъ городской жизни, при полномъ отсутствіи въ немъ корысти, тщеславія, при несомнѣнномъ умѣніи держаться осторожно, но достойно, было изъ самыхъ выгодныхъ для внимательнаго, мыслящаго зрителя. Онъ стоялъ внѣ суеты, интригъ вліятельныхъ сферъ своего времени, но онѣ, не таясь, раскрывали передъ нимъ всю призрачность своего величія, свою алчность, внутреннюю жестокость, пошлость и грязь; онъ имѣлъ полную возможность неподкупно наблюдать, какъ дворянство, оставивъ свои помѣстья, разболѣившись въ Версали, глупо разоряясь на показную роскошь и развратъ, какъ оно кичилось своимъ происхожденіемъ и вмѣстѣ замскивало передъ разбогачившимъ разнороднымъ; какъ всѣ вліятельные люди—знати и горожане—нагло требовали чрезвычайныхъ привилегій, должностей, содержанія изъ государственной казны, пополняемой исключительно средствами одичалаго отъ беспросвѣтныхъ заботъ и нуждъ, изможденнаго народа,—короче наблюдать всю траги-комедію современныхъ ему нравовъ, а рядомъ—и болѣе невинныя слабости человѣческія, чтобы затѣмъ задуматься, внутренне пережить видѣнное, подѣлиться съ читателемъ какъ своими наблюденіями, такъ и своими впечатлѣніями, думами, желаніями, мечтами...

Не смотря на осмотрительность, которой держался Ла-Брюйеръ, не смотря на то, что онъ сатирикъ не желчный, даже довольно мягкой, книга его вызвала въ свое время большое волненіе, причинила автору много непріятностей. Особенно задѣли людей за живое именно характеристики, хотя въ нихъ, какъ увидимъ, обличенія менѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ афоризмахъ, замѣткахъ нравоописательнаго характера. Объясняется это тѣмъ, что въ характеристикахъ—собственно люди видѣли безымянные портреты, при чемъ многіе не только старались про себя или въ кругу близкихъ разгадать—кто именно изображенъ авторомъ, но еще плоды своей неумѣстной догадливости пускали по рукамъ въ видѣ такъ-называемыхъ «ключей» къ смутившей ихъ книгѣ. Ла-Брюйеръ, упорно—и, между прочимъ, во вступительной рѣчи своей въ академію—отрицалъ всякое желаніе изображать опредѣленные лица, обращая вниманіе на то, что въ разныхъ «ключахъ»—«*ces insolentes clefs!*» какъ онъ выражался—тѣмъ же буквамъ, тѣмъ же именамъ, именамъ вымышленнымъ (Аристархъ, Клитонъ, Федонъ, Ирена, Берениса и т. п.) даются совершенно различныя толкованія... Какъ бы то ни было, въ вѣрномъ зеркалѣ своего времени и придворные, и горожане узнавали себя, и спѣшили своею обидчивостью подтвердить правду данныхъ изображеній.

По выходѣ 7-го изданія, въ 1693 году, одинъ изъ журналовъ того времени «*Mercurie galant*» выступилъ даже съ прямымъ доносомъ, и уял-

---

Bois-Guilbert (ум. 1724)—близкій родственникъ Вобана, написалъ также двѣ книги о тяжеломъ положеніи современнаго ему сельскаго населенія и о необходимости облегчить податную тяжесть, этого населенія: «*Le détail de la France sous Louis XIV.*» (вышло 1695 г.) и «*Le factum de la France*» (1707 г.). За сочиненія эти онъ подвергся ссылкѣ.

Racine (1639—1699)—знаменитый авторъ псевдо-классическихъ трагедій («*Phèdre*», «*Athalie*» и др.), всегда пользовался милостью короля, пока не написалъ «Записку» (*Mémoire*) о крайней нуждѣ народной (1697 г.). За эту «Записку» онъ подвергся опалѣ, которая, говорить, сильно подѣйствовала на него, усилила его хроническую болѣзнь, и тѣмъ ускорила его смерть.

зывают на готовность очень высоко поставленных лиц вступить за нимно-обиженных:

«Г. де-Ла-Брюйеръ, — писалъ «Mecurge», — перевелъ характеристики Теофраста, прибавивъ къ нимъ сборникъ сатирическихъ портретовъ собственного сочиненія, въ большинствѣ случаевъ не правдивыхъ или полныхъ преувеличенія... Лица, пишущія въ этомъ родѣ, должны бы сознавать, что сатира оскорбляетъ благочестіе короля, и вспомнить, что никто никогда не слыхалъ чего-либо недлюбезнаго отъ монарха. Сатира также не во вкусъ дофинны, и при жизни этой принцессы, я приступилъ было къ опроверженію характеристикъ, которое она очень одобряла, и общала взять подъ свое покровительство, такъ какъ злорѣчія не любила»...

Кто знаетъ, чѣмъ грозило это «покровительство»!

Таковы внѣшнія событія жизни Ла-Брюйера; внутренняя же жизнь его вся вылилась въ его книгѣ. Изучая произведеніе, изучаешь и автора.

Приведемъ хотя бы страничку — другую сначала изъ его нравоописательныхъ очерковъ (между прочимъ, и изъ характеристикъ-собственно), а затѣмъ, нѣсколько замѣтокъ Ла-Брюйера — мыслителя и моралиста:

Глава «о дворѣ» начинается слѣдующимъ положеніемъ:

«Сказавъ человѣку, что онъ не знаетъ двора, мы дѣлаемъ ему самый почетный упрекъ: этими словами приписываются ему всевозможныя добродѣтели».

У Ла-Брюйера есть нѣсколько строкъ, какъ бы выражающихъ сочувствіе стремленію короля обратить «еретиковъ» — протестантовъ въ католичество, а, слѣдовательно, какъ бы и Нантскому эдикту... Эти строки (которыя, конечно, желательно было бы не встрѣчать въ книгѣ писателя вообще симпатичнаго, даже если онѣ написаны были «страха ради іудейска») стоятъ въ странномъ противорѣчій съ его рѣзкими нападками на ханжество. Его ханжа — Онуфрій (Onuphre) стодитъ Тартюфа, хотя имя его и не обратилось въ нарицательное, какъ имя мольеровскаго героя*). Лудовику XIV-му, впавшему въ ханжество подъ гнетомъ неудачъ, лѣтъ, людей вроде Боскюта и г-жи Ментеновъ, Ла-Брюйеръ даетъ косвенный совѣтъ не увлекаться возможностью насадить благочестіе наградами и принудительными мѣрами; памятовать, что поощреніе и принужденіе способны насадить развѣ лицемѣріе:

«Не легко благочестивому монарху преобразовать дворъ и обратить его къ благочестію. Завѣсивъ, на сколько царедворцы угодливы и чѣмъ они только способны поступаться ради карьеры, ему приходится вести себя съ ними осмотрительно: выносить многое, скрывая свои чувства изъ опасенія вызвать лицемѣріе и святотатство. Приходится болѣе полагаться на Бога, да на время, чѣмъ на свое усердіе и свои мѣропріятія».

Ла-Брюйеръ ясно понимаетъ, что за люди представители благочестія, окружавшіе больного, дряхлѣющаго, павшаго духомъ короля.

«Ханжа — человѣкъ, который при королѣ-атеистѣ былъ бы атеистомъ», опредѣляетъ онъ, предрекая метаморфозу, наступившую въ Версалѣ немедленно по смерти Лудовика XIV-го при регентствѣ герцога Орлеанскаго.

Вотъ еще нѣсколько замѣтокъ изъ той же главы и изъ главы о знати:
 = «Дворъ подобенъ мраморному зданію. Хочу сказать, что онъ составленъ изъ людей очень жесткихъ, но гладко шлифованныхъ **).

*) Интересны поправки, которыя Ла-Брюйеръ въ этомъ очеркѣ вноситъ въ комедію Мольера.

***) Въ подлинникѣ непереводимая игра словъ: «fort durs, mais fort polis».

— N. вторгается въ прихожую съ шумомъ, заставляетъ всёхъ стороняться, стучится, почти ломится въ двери.. Онъ навываетъ свою фамилію... Всѣ вздохнули свободнѣе. Въ пріемную онъ входитъ только съ толпою.

— Видѣли ли вы при дворѣ людей, которые входятъ, едва кланяясь, ходятъ выдвигая плечи, подымая грудь, какъ женщины; они обращаются къ вамъ съ вопросомъ, не глядя на васъ; говорятъ, возвышая голосъ, показывая, что чувствуютъ себя выше присутствующихъ. Они останавливаются, ихъ окружаютъ; рѣчь принадлежитъ имъ, они первенствуютъ въ образованномъ ими кругѣ и остаются на этой смѣшной, неестественной высотѣ, пока не войдетъ человѣкъ знатный, чѣмъ сразу роняетъ ихъ и возвращаетъ къ нормальному состоянію, въ которомъ они менѣе гадки.

— Нѣтъ при дворѣ ничего болѣе презираемаго, менѣе достойнаго, чѣмъ люди, неспособные ничѣмъ содѣйствовать нашей карьерѣ. Удивляюсь, какъ они смѣютъ тамъ показываться!

— Вы много извлекли изъ дружбы человѣка, если, удостоившись великой милости, онъ еще остается съ вами знакомымъ.

— Придворные изощряютъ свой умъ, свою ловкость, хитрость не для того, чтобы найти средство какъ бы помочь друзьямъ, къ нимъ прибѣгающимъ, а единственно съ цѣлью изыскать годныя основанія, удобные предлоги «невозможности» оказать нужную помощь. Найдя то, что они называютъ «невозможностью», они признаютъ себя удовлетворившими долгу дружбы или благодарности.

— При дворѣ никто не беретъ сказать за васъ первое слово, но всё предлагаютъ поддержать его, разъ оно будетъ сказано другимъ. Дѣлается это потому, что, судя по себѣ, каждый надѣется, что на первое слово не рѣшатся никто, а слѣдовательно и поддерживать не придется. Это извѣстный—мягкій и вѣжливый—способъ отказать нуждающемуся въ своемъ вліяніи, содѣйствіи и посредничествѣ.

— Вы—по дѣлу правому и важному—находитесь въ зависимости отъ приглашенія двухъ лицъ. Первое изъ нихъ вполне готово помочь вамъ, лишь бы такой-то изъявилъ свое согласіе; «такой-то» согласіе изъявляетъ, и только желалъ бы удостовѣриться во взглядахъ перваго... Между тѣмъ проходятъ мѣсяцы, годы,—дѣло впередъ ни шагу!

— Ума не приложу!—восклицаете вы.—Вѣдь, кажется, имъ стоять только повиноваться и переговорить.

А мнѣ дѣло ясно; я понялъ все: они переговорили.

— Лицамъ высокопоставленнымъ такъ легко отдѣлываться словами; положение ихъ настолько освобождаетъ ихъ отъ вѣрности даннымъ обѣщаніямъ, что если они не расточаютъ своихъ обѣщаній съ еще болѣею щедростію, это представляется мнѣ скромностію съ ихъ стороны.

— Есть высокопоставленныя лица, которымъ совѣстно было бы оставаться начальствующими, позная они только своихъ подчиненныхъ и самихъ себя.

— Принять участіе въ подворительномъ дѣлѣ опасно, но опасность эта особенно велика при сообщеніи изъ знати: онъ увернется и предоставитъ вамъ расплачиваться вдвое—и за него, и за себя.

— О лицахъ высокопоставленныхъ слѣдуетъ молчать: хорошіе отзывы о нихъ рѣдко чужды лести; говорить о нихъ дурно, пока они живы—опасно, а по смерти ихъ—подло.

А вотъ и нѣсколько замѣтокъ «о городскихъ нравахъ»:

— «Парижане безъ предварительныхъ переговоровъ, какъ бы назначаютъ себѣ свиданіе на Соузъ или въ Tuilleries, и являются на него съ чрезвычайною точностію поглядѣть другъ на друга и дать одинъ о другомъ недобрительный отзывъ.

Безъ этого общества, котораго не любишь, надъ которымъ смѣешься, обойтись нельзя.

На гульбищѣ все подвергается осмотру: кареты, лошади, дивреи, гербы;—ничто не ускользаетъ отъ глазъ, во все вглядываются съ любопытствомъ, съ лукавствомъ, и вѣдѣмъ людей уважаютъ или презираютъ, смотря по большому или меньшему богатству экипажей.

— Въ городѣ есть крупныя и мелкія чиновники. Первые вымѣщаютъ на вторыхъ презрѣніе, которое сами испытываютъ при дворѣ, и униженія, котрымъ тамъ подвергаются. Опредѣлить—гдѣ раздѣляющая ихъ грань; гдѣ кон-

чаются крупные, гдѣ начинаются мелкіе—не легко. Есть даже значительный кругъ лицъ, не признающихъ себя принадлежащими ко второму разряду, но которыхъ въ первый не пускаютъ. Они, однако, не сдаются; напротивъ, стараются сравняться съ сановниками, напуская на себя важность, увеличивая свои расходы. Ихъ притязаніямъ уступаютъ не легко, какъ они ни доказываютъ, что благородство занятій, независимость положенія, личное достоинство ставятъ человѣка по крайней мѣрѣ наравнѣ съ сыномъ банкира, купившаго себя высшее положеніе.

— Есть не мало молодыхъ чиновниковъ, благодаря хорошему состоянію и общимъ удовольствіямъ связавшихся съ придворными щеголями (*petit-maitres*), и заимствующихъ у двора что только у него есть худшаго: тщеславіе, извѣженность, невожденіе, развратъ... И они становятся наконецъ, согласно собственному желанію, вѣрными копіями крайне-жалкихъ образцовъ.

— Если финансисту не везетъ, вѣтъ кричить о немъ: «разночинецъ, дрянъ, увалень!» Если дѣла его успѣшны—тѣ же представители знати сватаются къ его дочери.

— Городъ раздѣленъ на нѣсколько «обществъ», подобныхъ отдѣльнымъ республикамъ съ собственными законами, привычками, со своимъ языкомъ и своими остротами. Пока кружокъ существуетъ, по мнѣнію членовъ его только то и говорится, и творится ладно, что сказано и сдѣлано своими; все приходящее извнѣ кружку не по вкусу; дѣло доходить до преврѣнія къ людямъ, непосвященнымъ въ его тайны. Человѣкъ высшаго ума, случайно занесенный въ такой кружокъ, чуждъ ему на столько, что чувствуетъ себя будто на дальней сторонѣ, гдѣ ему незнакомы ни дороги, ни языкъ, ни нравы, ни обычаи. Передъ нимъ болтаютъ, жужжатъ, шепчутся, разражаются хохотомъ, и затѣмъ умоляютъ... Онъ терпится, не умѣетъ слова вымолвить, ему даже слушать нечего. Въ кружкѣ непременно преобладающее значеніе получаетъ, становится героемъ, плохой шутникъ, принявшій на себя роль общаго потѣшника, возбуждающій смѣхъ прежде чѣмъ откроетъ ротъ. Если въ кружокъ войдетъ женщина, не посвященная въ его удовольствія, веселой компаніи странно, почему она не смѣется остротамъ, ей непонятнымъ, нечувствительна къ вздору, который и членамъ кружка ясенъ только потому, что они сами его сочинили. За это непониманіе ей не прощаютъ ни ея голоса, ни ея молчанія, ни ея роста, ни ея лица, ни ея туалета, ни того, какъ она вошла или вышла... Впрочемъ, одинъ кружокъ рѣдко существуетъ два года сразу... и когда онъ расходуется, о падшей республикѣ говорятъ не болѣе, чѣмъ о прошлогоднихъ мухахъ.

Особенный интересъ представляютъ, достойныя Буа-Гильбера и Вобана, страницы, посвященныя въ разныхъ главахъ положенію *крестьянства* и отношенію къ сельскому населенію знати и горожанъ въ концѣ XVII, въ началѣ XVIII вѣка:

— Встрѣчаются по деревнямъ дикіе звѣри—самцы и самки—грязные, мертвенно блѣдные, загорѣлые, пригнутые къ землѣ, которую они роютъ и ворочатъ съ непреоборимой настойчивостью. У нихъ будто членораздѣльная рѣчь и, поднявъ голову отъ работы, они являютъ какъ бы образъ человѣческой... И это дѣйствительно люди! На ночь они уходятъ въ землянки, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водою, кореньями. Они избавляютъ другихъ людей отъ труда пахать, сѣять, жать для пропитанія, и заслуживали бы, конечно, не терпѣть недостатка въ хлѣбѣ, ими посвянномъ.

— Сравнивая два разряда людей, занимающихъ совершенно противоположныя положенія: знать и народъ, вижу, что послѣдній довольствуется необходимымъ, первые же недовольны и чувствуютъ себя бѣдными даже при избыткѣ. Человѣкъ изъ народа бессиленъ совершить зло; знатный не стремится къ добру, но способенъ причинить большія страданія. Одинъ развивается и работаетъ на полезномъ, другой на явленіяхъ вредоносныхъ; тамъ въ грубости и прямотъ сказывается здравый смыслъ, здѣсь, подъ личиною вѣжливости, кроется ядъ развѣдающаго разврата; у народа умъ не развитъ, у знати души нѣтъ; народъ по существу добръ, хотя вѣжностью и не ваяетъ, у знатнаго только и есть, что вѣжность безъ внутренняго содержанія. Если выбирать одно изъ этихъ положеній, — скажу безъ колебаній: хочу принадлежать къ народу!

— Горожане воспитываются въ грубомъ равнодушіи къ сельскому быту... они сыты, одѣты, и больше имъ ни до чего дѣла нѣтъ... Нѣтъ ничтожнаго подбачаго, который бы, сидя въ своей темной, закопѣтой конторѣ, погружаясь въ самую грязную кляузу, не считалъ себя выше пахара, наслаждающагося видомъ свода небеснаго, обрабатывающаго землю, сѣящаго и собирающаго богатія жатвы; и если какъ-либо услышитъ рассказы о первыхъ людяхъ, о патриархахъ, о земледѣльческомъ бытѣ, онъ удивляется, какъ возможно было жить въ такія времена, когда не существовало присутственныхъ мѣстъ, комиссій, президентовъ, прокуроровъ; не понимаетъ, какъ обходились безъ полиціи, безъ суда, безъ кабака...

Приведенныя выписки, надѣюсь, дадутъ читателю нѣкоторое понятіе о нравоописательныхъ замѣткахъ Ла-Брюйера. Привести образчики его характеристикъ въ собственномъ смыслѣ трудно, ввиду объема ихъ. Приходится ограничиться небольшими примѣрами, выбранными изъ характеристикъ болѣе краткихъ:

«Менитъ»—птица, убранныя чужими перьями. Онъ не говоритъ, не чувствуетъ, онъ только повторяетъ чужія рѣчи, выражаетъ чужія чувства, и такъ привыкъ обходиться чужимъ умомъ, что самъ первый поддается обману; что—передавая, какъ эхо, сказанное человѣкомъ, съ которымъ сейчасъ разстался—полагаетъ, будто заявляетъ о собственномъ вкусѣ, поясняетъ собственную мысль. Онъ свѣтитъ съ четверть часа, а затѣмъ тускнѣетъ, гаснетъ, теряетъ блескъ, приобрѣтенный скудною памятью, и обнаруживаетъ свою игру. Ему одному не ясно, на сколько онъ далекъ отъ всего вышеизложеннаго, долбестнаго. Лишенный способности знать, на сколько можетъ быть силенъ умъ человѣческій, онъ наивно полагаетъ, что доля ума, доставшаяся на его долю, есть высшая мѣра ума, доступная смертнымъ, а потому и держится какъ существо, которому въ этомъ отношеніи ничего желать не остается и никому завидовать не приходится. Онъ часто бесѣдуетъ самъ съ собою, и не скрываетъ этого. На виду у проходящихъ онъ всегда какъ бы принимаетъ какое-то рѣшеніе или признаетъ что-то не подлежащимъ возраженію; между тѣмъ, стоитъ только поклониться ему, чтобы поставить его въ затрудненіе: отвѣтитъ ли на вашъ поклонъ? Вы успеете уйти далеко, прежде чѣмъ онъ обсудитъ это дѣло. Страхъ передъ людскою молвою дѣлаетъ его честнымъ человѣкомъ, но имѣетъ ставить выше собственной особы, позволяеть ему видѣть въ себѣ что-то, чѣмъ онъ никогда не былъ. Глядя на него, соображаешь, что онъ занятъ исключительно собою и притомъ увѣренъ, что все идетъ къ нему, что нарядъ его ему къ лицу, что всѣ глядятъ на него и наглядѣться не могутъ».

Вотъ какъ очерченъ разжирѣвшій, обрюзглый, самодовольный богачъ-буржуа:

«У *Гитона* лицо полное, свѣжаго цвѣта, щеки отдулись, взглядъ прямой, увѣренный, плечи широкія, брюшко приподнято, походка твердая, рѣшительная. Онъ говоритъ съ самодовольствомъ, заставляетъ собесѣдника повторять сказанное, и слушаетъ его неохотно; развертываетъ огромный платокъ и сморкается во всеуслышаніе, плюетъ далеко и громко чихаетъ, спитъ днемъ, спитъ ночью, всегда крѣпко и храпитъ при людяхъ, не стѣняясь. За столомъ, на прогулкѣ онъ занимаетъ болѣе мѣста, чѣмъ другіе; гуляя съ равными себѣ, идетъ по серединѣ; останавливается, за нимъ останавливаются и другіе, онъ идетъ дальше, идутъ и другіе—всѣ приворапливаются къ нему; онъ пребываетъ говорящихъ, его же не прерываютъ, какъ бы онъ долго ни говорилъ, съ нимъ соглашаются, его розказнямъ вѣрятъ. Когда онъ садится, онъ тонетъ въ креслѣ, закидываетъ ногу на ногу, сдвигаетъ брови, спускаетъ шляпу на глаза, чтобы никого ни видать, а потомъ снова открываетъ лобъ, съ видомъ гордымъ и наглымъ. Онъ шутивъ, громко хохочетъ, нетерпѣливъ, заносчивъ, вспыльчивъ, неводержанъ, а къ вопросамъ дня относится политично и таинственно; считаетъ себя даровитымъ и умнымъ... Онъ—богатъ!»

Противуположными штрихами рядомъ очерченъ бѣднякъ *Федомъ*.

А вотъ, въ заключеніе, и нѣсколько замѣтокъ Ла-Брюйера по житейской мудрости и морали:

— Насъ обыкновенно живо интересуютъ явленія рѣдкія; отчего же мы такъ мало интересуемся добродѣтелью?

— Конфискація земель, наложеніе ареста на движимость, тюрьмы, казни— все это, быть можетъ, и нужно; но, оставляя въ сторонѣ юстицію, законы, необходимость—я не могу свыкнуться съ звѣрствомъ, которое люди проявляютъ въ обращеніи съ людьми!

— На площадяхъ и улицахъ большихъ городовъ только и слышишь слова вродѣ: «дѣло», «арестъ», «допросъ», «вексель», «процессъ»... Или въ мірѣ нѣтъ чувства справедливости? Или онъ полонъ людьми, хладнокровно требующими того, что имъ не принадлежитъ, да людьми, отказывающимися отъ своихъ долговъ?.. Для того, чтобы напомнить человѣку о данномъ словѣ, чтобы убѣдить его въ томъ, что оно было дано — нужны документы?.. Какъ это постыдно для человѣчества!

— Устраните страсти, корысть, неправду—и какое благополучіе водворится въ большихъ городахъ! Дѣйствительныя нужды жизни не требуютъ и трети расточаемыхъ нами заботъ.

— Въ виду нѣкоторыхъ бѣдствій человѣческихъ, становится почти стыдно пользоваться счастьемъ.

— Охота, легкость, съ которою мы осмѣиваемъ, осуждаемъ, презираемъ, а рядомъ гнѣвъ, овладѣвающій нами, когда смѣхъ, осужденіе, презрѣніе касаются насъ—прямо чудовищны.

— Здоровье, богатство, лишая человѣка опыта скорби, дѣлаютъ его жесткимъ по отношенію къ ближнему; наиболѣе сострадательны люди, уже отягченные собственнымъ страданіемъ.

— Для человѣка существуетъ только одно дѣйствительное несчастье—сознавать себя виновнымъ, быть недовольнымъ собою.

— Есть люди, которые проводятъ жизнь, защищаясь отъ однихъ, вредя другимъ, и умирающие въ старости, причинивъ людямъ столько же зла, сколько они натерпѣлись его сами.

— Опытъ подтверждаетъ, что слабость, снисхожденіе къ себѣ и жестокость по отношенію къ другимъ—проявленія того же порока.

— Страсти обманчивы и всячески скрываются передъ людьми, мы ихъ скрываемъ даже отъ самихъ себя. Нѣтъ порока, который бы не имѣлъ обманчиваго сходства съ какой-либо добродѣтелью и не пользовался этимъ сходствомъ.

— Насмѣшка нерѣдко есть только проявленіе умственной нищеты.

— Умѣніе вести бесѣду обнаруживается гораздо менѣе проявленіемъ собственного ума, чѣмъ успѣшнымъ стараніемъ вызвать сознаніе ума въ собеседникахъ: каждый, кто выходитъ отъ васъ довольный собою и своимъ умомъ, вполне доволенъ и вами.

— Жизнь коротка и скучна, вся проходитъ въ желаніяхъ, стремленіяхъ; покой и радости откладываются на будущее, до возраста, въ которомъ не остается лучшихъ благъ жизни — молодости и здоровья. Приходитъ и этотъ возрастъ, и застаетъ насъ все еще надѣющимися и алчущими; затѣмъ насъ одолеваетъ болѣзнь, а за нею смерть... А если бы, вмѣсто смерти, наступило выздоровленіе, мы бы опять принялись желать и надѣяться.

— Человѣкъ, полагающій, что онъ не рожденъ для счастья, могъ бы еще быть счастливъ счастьемъ родныхъ и ближнихъ, но зависть лишаетъ его и этого блага.

Приведенныя выписки, очевидно, далеко не исчерпываютъ содержанія книги Ла-Брюйера, но, полагаю достаточны, чтобы дать понятіе объ ея складѣ и характерѣ.

Значеніе Ла-Брюйера, какъ живописца *нравовъ данной эпохи*, ясно уже изъ тревоги, вызванной его книгою при самомъ ея появленіи. Благодаря ему, и дворъ, и городъ, и церковь, и сельская жизнь послѣднихъ лѣтъ правленія Людовика XIV оживаютъ передъ нами во всей своей то страшной, то забавной пестротѣ... «Будто стоишь въ большой версальской галлерей и видишь передъ собой движеніе толпы, озабоченной пустяками: всѣхъ этихъ герцоговъ, маркизовъ, финансистовъ, буржуа во дворянствѣ, педантовъ, придворныхъ прелатовъ»... А вотъ и городъ съ

его разжирѣвшей буржуазіей, бѣгающей за нехотя поддающейся силѣ ея денегъ, но презирающей ее знатю, съ его чиновничествомъ, съ его мелкими страстишками, низменными стремлениями... вотъ и подавленная деревня... Все живо, все во-очію копошится передъ нами.

Ла-Брюйера, *какъ изобразителя людскихъ слабостей*, не даромъ сопоставляютъ съ Мольеромъ... «Слогъ Ла-Брюйера не могъ бы пріобрѣсти отличающей его меткости, прямоты, смѣлости,—говоритъ одинъ изъ его критиковъ (Шальмель-Лакуръ),—если бы авторъ не писалъ съ натуры. Никто не обладаетъ перомъ болѣе живымъ; единственные же писатели, которые могутъ равняться съ нимъ по умѣнью облекать свои образы въ шлотъ и кровь, Сень-Симонъ и г-жа де-Севильтъ, также какъ и онъ—писали не по книжнымъ, не по усвоеннымъ образцамъ, а прямо съ живого человѣка».

Что же касается *воззрѣній, морали* Ла-Брюйера, онъ не реформаторъ, тѣмъ менѣе революціонеръ или утопистъ, но, пристально вглядываясь въ окружающія явленія, всегда умѣетъ отдѣлать плевелы отъ пшеницы, различить золото отъ мишуры, искренность отъ лицемерія, личное достоинство отъ положенія лица,—и умѣнне свое передаетъ читателю. Скромный въ жизни и потребностяхъ, обладая пзвѣстнымъ достоинствомъ, онъ заставляетъ самое «потомство боговъ» (*filis des dieux* *) относиться къ себѣ съ уваженіемъ, но тѣмъ не менѣе чувствуетъ себя неловко отъ господства, этого «потомства», въ глубинѣ души возмущается его заносчивой гордостью въ одну сторону и раболѣпиемъ въ другую, возмущается и вообще всѣмъ станомъ «праздно-ликующихъ». Въ немъ слышится тревога слѣдующаго, наступающаго вѣка, хотя, стараясь разъяснить себѣ всякое движеніе души человѣческой, онъ тѣмъ самымъ смягчаетъ свое настроеніе.

«Въ своихъ летучихъ замѣткахъ»—пишетъ Тэнъ—«Ла-Брюйеръ указываетъ на смѣшныя стороны моды, на низость порока, ошибочность того или другого воззрѣнія, на суету господствующихъ стремленій. Но эти разрозненные мысли не сведены къ объединяющей идеѣ. Ла-Брюйеръ прилагаетъ тысячи тропинокъ, не выходя на широкую дорогу. У него найдутся совѣты для каждаго возраста, для всякаго положенія, для всякой страсти, но не найдется руководящей нити для человѣчества... Его талантъ заключается преимущественно *въ умѣннн привлечь вниманіе*. Онъ не даетъ ничего новаго, но неизгладимо отмѣчаетъ все, до чего ни коснется. Истины, имъ высказываемыя, довольно обыденны, но сказаны такъ, что не забываются. Онъ какъ бы останавливаетъ прохожихъ на улицѣ, схватываетъ ихъ, и заставляетъ, прервавъ на время и дѣла, и развлеченія, взглянуть подъ ноги, присмотрѣться къ тому, чего они не видали или не хотѣли видѣть, и не пускаетъ, пока не запечатлѣетъ указанное въ ихъ памяти».

Соотвѣтствуетъ такой задачѣ и *манера письма*:

Чтобы достигнуть цѣли, Ла-Брюйеръ пользуется стилистическими приемами самыми разнообразными. Никто не даетъ своимъ замѣткамъ обработки такой умѣлой, настолько соотвѣтствующей цѣли: то вводятся воображаемые лица и бесѣдуютъ, превращая поученіе въ сцену; то за автора говоритъ древній мудрецъ—Гераклитъ, Демокритъ, поражая своеобразиемъ рѣчи; то авторъ обращается къ читателю, ведетъ съ нимъ какъ бы интимную бесѣду; то онъ возбуждаетъ любопытство загадкой; приковываетъ

*) Такъ Ла-Брюйеръ въ насмѣшку называетъ знать своего времени.

вниманіе умышленной наивностью; то говорить съ неподдѣльной ироніей; то подчеркиваетъ, сгущаетъ краски, «и изъ подъ пера его вырисовывается фигура, настолько выразительная, что отъ нея не оторвешься».

Сентъ-Бѣвъ отмѣчаетъ еще у Ла-Брюйера совсѣмъ незнакомое писателямъ XVII вѣка *сближеніе съ природой*, улавливаетъ у него мотивы, развитіе которыхъ составило позже одну изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ сочиненій Руссо и Бернардена де Сень-Пьера; напримѣръ:

— «Инымъ мѣстностямъ мы дивимся, другія насъ трогаютъ; и жить хотѣлось бы въ послѣднихъ.»

— Умъ, расположеніе духа, страсти, вкусы, чувства—все въ насъ, мнѣ кажется, подпадаетъ зависимости отъ окружающей природы.

Нельзя, наконецъ, не обратить вниманія на прелесть *языка, слога* Ла-Брюйера, которой единодушно отдавали справедливость критики какъ XVIII, такъ и XIX вѣка самыхъ разнообразныхъ школъ и оттѣнковъ (Вольтеръ, Шатобрианъ, Ла-Гарпъ, Сентъ-Бѣвъ, Тэнъ и проч.); но объ этой сторонѣ его книги, къ сожалѣнію, не можетъ составить себѣ и приближительнаго понятія читатель, незнакомый съ французскимъ языкомъ. Изданный журналомъ «Пантеонъ литературы» русскій переводъ ея не только неуклюжь до-пелъзя, но еще мѣстами совершенно искажаетъ смыслъ подлинника.

Скажемъ въ заключеніе: Если Ла-Брюйера и нельзя отнести къ великимъ писателямъ, книга его тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ числу тѣхъ, знакомство съ которыми приятно и полезно, какъ бесѣда съ человекомъ честнымъ, остроумнымъ, сердечнымъ. Она не потрясаетъ глубоко, тѣмъ не менѣе заставляетъ остановиться на правдивомъ образѣ, на явленіи, вопросѣ жизни, задуматься, улыбнуться, вздохнуть, восторгнуться, присмотрѣться къ людямъ, заглянуть въ себя... Читать ее сплошь нельзя, какъ нельзя сплошь читать объемистый сборникъ стихотвореній, принадлежащихъ хотя бы лучшимъ поэтамъ: она требуетъ бодрого вниманія, непритупленной впечатлительности, отзывчивости. Если намъ и легко умомъ слѣдить за цѣпью событій, за логическою послѣдовательностью мыслей въ разсужденіи, то слѣдить душою за капризно-смѣняющимися мотивами отдѣльныхъ пѣсней, думъ, впечатлѣній, желаній; мѣнять настроеніе за настроеніемъ—крайне утомительно. Умѣренное же, не подавляющее восприимчивости, чтеніе стихотвореній, блестящихъ образами, искренностью, отдалкой, или замѣтокъ, полныхъ жизни, наблюдательности, мысли, чуткаго сердца—доставляетъ минуты глубоко-содержательныя и отрадныя. Книги такого рода долго въ рукахъ не продержишь, зато къ бесѣдѣ съ нею, полной задушевности, охотно возвращаешься, и при второмъ, третьемъ чтеніи ее цѣнишь болѣе, чѣмъ при первомъ знакомствѣ; ее любишь, какъ испытаннаго друга.

А. Слѣпцовъ.

ПѢСНЯ РАБОТНИКА.

Томаса Гуда.

Давайте заступъ, грабли, ломъ,
Заставьте ниву жать серпомъ,
Вотъ руки вамъ: и въ садъ, и въ поле—
Я всюду съ радостью пойду,
Они приучены къ труду
Въ его суровой долгой школѣ.

Плетень заплестъ, канавы рыть,
Свалить въ стога сухое сѣно,
Принестъ тяжелое полѣно
И наколотъ и нарубить—
Я все готовъ, и на работѣ
Мой труть *) въ карманѣ не найдете:

Я не сожгу васъ; я не врагъ...
Я радъ бы только свой очагъ
Зажечь, чтобъ въ сумракъ дней холодныхъ
Согрѣть дѣтей своихъ голодныхъ,
Согрѣть ихъ, слабенькихъ и хилыхъ,
Чтобъ въ зимній вечеръ камелекъ
На блѣдныхъ щечкахъ, въ глазкахъ милыхъ
Разлилъ веселый огонекъ...

Не я, а Тотъ, Кто наши нивы
И иссушаетъ и живить,
Кто тиною въ вешніе разливы
Долины наши затопить,—
Пусть Онъ стрѣлу грозы направитъ
На кровлю скряги, въ барскій лѣсъ—
И въ красномъ заревѣ небесъ
Свой гнѣвъ карающей проявитъ!

Давайте заступъ, грабли, ломъ,
Заставьте ниву жать серпомъ,

---

*) Трутъ—зажигательная тряпочка къ огниву для высѣканія огня.

Не бойтесь тружениковъ бѣдныхъ:
 Давайте только намъ труда,—
 Я вашей дичи никогда
 Не трону въ рощахъ заповѣдныхъ;
 Я не вломлюсь, какъ воръ ночной,
 Къ его сіятельству въ покой
 Изъ-за корысти и изъ лѣни;
 Не буду вашихъ егерей
 Душить во рву изъ-за грошей,
 Не трону графскаго оленя...
 Я не хочу мірскаго хлѣба,
 Билета нищихъ и калѣкъ;
 Я сынъ земли, я человѣкъ,
 Рожденъ и я подъ этимъ небомъ!
 Я буду требовать вездѣ
 Себѣ дневнаго пропитанья,
 Труда, участія въ трудѣ,
 А не людскаго подаанья!..
 Мнѣ, люди, также какъ и вамъ,
 Былъ прародителемъ Адамъ,
 Хоть только случаемъ рожденья
 Я обреченъ на всѣ лишенья
 И радъ, когда въ семьѣ своей
 Могу немного посвободнѣй
 Вздохнуть по милости Господней,
 А не по милости людей.
 Давайте заступъ, грабли, ломъ,
 Заставьте ниву жать серпомъ,
 Давайте кирку и лопату—
 На все готовъ и силенъ я,
 И горе тѣмъ, кто у меня
 Отниметь трудовую плату,
 Кто бѣднякамъ даетъ расчетъ,
 За все штрафуя безсердечно,
 А послѣ въ кружку грошъ кладетъ,
 На тѣхъ, кого онъ грабитъ вѣчно...
 Вѣдь этотъ шиллингъ роковой
 Найдетъ меня же—у могилы,
 Когда не станетъ больше силы,—
 Или въ тюрьмѣ, или съ сумой!

Иванъ Бунинъ.

„LUX IN TENEBRIS LUCET“.

(СВѢТЪ ВО ТЬМѢ СВѢТИТЪ).

(РАЗСКАЗЪ).

Генриха Сенкевича.

Переводъ съ польскаго В. Ш—скаго.

Бываютъ иногда осенью, въ особенности въ ноябрѣ, такіе сырые, темные и хмурые дни, когда и здоровому человеку надоѣдаетъ жить.

Съ тѣхъ поръ, какъ Каміонку стало нездоровиться и онъ пересталъ работать надъ статуей „Милосердія“, эта погода удручала его сильнѣе самой болѣзни. По утрамъ онъ сползалъ съ кровати, протиралъ большое запотѣвшее окно мастерской и пытливо смотрѣлъ вверхъ, въ надеждѣ, не увидитъ ли хотя уголокъ голубого неба; но каждое утро его ожидало разочарованіе. Тяжелый свинцовый туманъ висѣлъ надъ землей; дождя не было, и все-таки даже камни на дворѣ казались губками, насыщенными водой; все было мокро, скользко, насквозь пропитано сыростью, которая стекала съ крыши капля за каплей, издавая унылый монотонный звукъ, словно отмѣривая лѣниво ползущее печальное время.

Окно мастерской глядѣло во дворъ, примыкавшій къ саду. Трава за палисадникомъ еще зеленѣла блѣдной, болѣзненной зеленью, въ которой чудились смерть и тлѣніе; но деревья, съ остатками желтыхъ листьевъ, съ вѣтвями, черными отъ сырости, стволы, окутанные мглой, — казались уже мертвыми. По вечерамъ раздавалось карканье воронъ, которыя уже собирались изъ лѣсовъ и полей на зимовку въ городъ и, шумно трепеща крыльями, располагались на ночлегъ.

Въ такіе дни мастерская была мрачна, какъ подземелье. Мраморъ и гипсъ требуютъ яснаго голубого неба, а при этомъ свинцовомъ освѣщеніи ихъ бѣлизна носила отпечатокъ траура; фигуры изъ темной терракоты, теряя отчетливость очертаній, превращались въ какія-то неопредѣленные, наводящія невольный страхъ, массы.

Грязь и беспорядокъ усиливали печальный видъ мастерской. Полъ покрывала толстымъ слоемъ пыль—остатокъ растоптанныхъ обломковъ терракоты и нанесенной съ улицы грязи. Голыя стѣны, мѣстами лишь украшенныя гипсовыми моделями рукъ и ногъ, смотрѣли угрюмо; недалеко отъ окна висѣло небольшое зеркало, надъ нимъ—лошадиный черепъ и букетъ макартовскихъ цвѣтовъ, почернѣвшій отъ пыли. Въ углу—кровать, покрытая худымъ измятымъ одѣяломъ; возлѣ нея—ночной столикъ съ желѣзнымъ подсвѣчникомъ.

Каміонка, изъ экономіи, не занимала для себя отдѣльнаго помѣщенія и жилъ въ мастерской. Обыкновенно кровать была закрыта ширмами, но теперь ихъ отодвинули, чтобы больному можно было смотрѣть въ окно, находившееся какъ разъ противъ его ногъ, и наблюдать, не проясняется ли хмурый день. Второе, еще большее, окно въ глубинѣ мастерской было такъ затуманено пылью, что и въ ясные дни свѣтъ проникалъ сквозъ него какой-то сѣрый и грустный.

Но небо не прояснялось. Послѣ нѣсколькихъ дней сплошного тумана, тучи спустились ниже, воздухъ совершенно пропитался сыростью, безпросвѣтной мглой, и стало еще темнѣе. Каміонка, лежавшій до сихъ поръ только время отъ времени на кровати, теперь почувствовалъ себя хуже, раздѣлся и слегъ окончательно.

Собственно говоря, онъ не чувствовалъ какой-либо опредѣленной болѣзни, но онъ былъ удрученъ, развинченъ, изнуренъ и безконечно грустенъ. Общее расслабленіе подкосило его ноги. Ему не хотѣлось умирать, но онъ уже не находилъ въ себѣ достаточно силъ къ жизни.

Долгіе часы мрачнаго дня казались ему еще длиннѣе, потому что онъ былъ совершенно одинокъ. Жена его умерла лѣтъ двадцать тому назадъ, родные жили въ другой части края, а съ товарищами онъ знакомства не водилъ. Въ послѣдніе годы знакомые отступились отъ него, вслѣдствіе воз-

раставшей въ немъ раздражительности. Вначалѣ это свойство его характера забавляло многихъ, но потомъ, когда онъ дѣлался все бдльшимъ и бдльшимъ чудакомъ и когда малѣйшая шутка возбуждала въ немъ продолжительную обиду, самые близкіе знакомые порвали съ нимъ всякія отношенія.

Упрекали его также въ томъ, что съ годами онъ становился преувеличенно набожнымъ, и многіе сомнѣвались въ искренности его религіозныхъ чувствъ. Злые языки говорили, что онъ просиживаетъ цѣлыя часы въ костелахъ для того только, чтобы, по знакомству со священниками, получать заказы для костеловъ. Но это предположеніе было ложно. Его набожность исходила, быть можетъ, изъ глубокой и спокойной вѣры и была вполне безкорыстна.

Что, однако, дѣйствительно дѣлало эти подозрѣнія правдоподобными—это все усиливавшаяся въ Каміонкѣ скупость. Нѣсколько лѣтъ уже онъ жилъ изъ экономіи въ мастерской, питался Богъ вѣсть чѣмъ и разстроилъ свое здоровье до того, что, въ концѣ концовъ, лицо его сдѣлалось прозрачнымъ и желтымъ, словно вылѣпленнымъ изъ воска. Людей онъ избѣгалъ и главнымъ образомъ потому, чтобы это-нибудь не потребовалъ отъ него одолженія.

Въ общемъ, это былъ человѣкъ съ надломленнымъ характеромъ, какой-то прогорѣлый и безмѣрно несчастный. А между тѣмъ это была далеко не заурядная натура, и даже его недостатки носили своеобразные артистическіе оттѣнки. Кто предполагалъ, что онъ, при своей скупости, долженъ былъ скопить значительное состояніе, — глубоко ошибался. Въ дѣйствительности Каміанка былъ человѣкъ бѣдный: все, что имѣлъ, онъ тратилъ на гравюры, которыхъ у него хранилась цѣлая пачка и которые по временамъ онъ просматривалъ и считалъ осторожно и жадно, какъ скупецъ, пересчитывающій свои капиталы. Эту слабость онъ тщательно скрывалъ и таилъ, быть можетъ, потому, что развилась она въ немъ на почвѣ большого горя и большого чувства.

Какъ-то, спустя почти годъ послѣ смерти жены, онъ увидѣлъ у антикварія старинную гравюру, изображавшую Армиду, и въ лицѣ Армиды нашелъ сходство со своей покойной женой. Онъ тотчасъ же приобрѣлъ эту гравюру и съ тѣхъ поръ сталъ разыскивать гравюры, сначала изображав-

шія только Армиды, а потомъ, по мѣрѣ возрастанія страсти, и всякія другія.

Люди, потерявшіе горячо и сильно любимыхъ лицъ, должны за что-нибудь ухватиться въ жизни, — иначе они не могли бы существовать. Что же касается Каміонка, никто не могъ бы даже подумать, что этотъ старый чудакъ и эгоистъ когда-то страстно любилъ свою жену. По всей вѣроятности, если бы она не умерла, его жизнь была бы болѣе свѣтлой, искренней и разумной. Однако, эта любовь пережила въ Каміонкѣ и его счастливые годы, и молодость, и даже его талантъ.

Его набожность, которая съ теченіемъ времени перешла въ обычай, заключавшійся въ соблюденіи внѣшнихъ формъ, исходила изъ того же источника. Каміонка не принадлежалъ къ числу людей глубоко вѣрующихъ, но послѣ смерти жены онъ сталъ усердно молиться за нее; ему казалось, это единственное, что можетъ онъ для нея сдѣлать, и считалъ молитву нитью, которая его связывала съ покойной.

Натуры, на видъ холодныя, умѣютъ часто любить горячо, глубоко и постоянно. Послѣ смерти жены, вся жизнь Каміонки и всѣ его мысли окутаны воспоминаніями о ней и черпали въ нихъ пищу, словно чужеродное растеніе, добывающее себѣ питаніе изъ пня, на которомъ оно растетъ. Но изъ этого рода воспоминаній человѣкъ можетъ извлекать только отравленные соки — сожалѣній и глубокаго горя, а потому Каміонка отравлялся, замѣтно опускался и таялъ. Не будь онъ художникомъ, вѣроятно, не пережить бы ему своей потери, но искусство спасло его, — послѣ смерти жены онъ началъ работать надъ ея памятникомъ. Напрасно увѣрятъ живущихъ, что мертвымъ все равно, каѣз и гдѣ имъ лежать. Каміонка хотѣлъ, чтобы у его Зоси на могилѣ было хорошо, красиво, и онъ работалъ надъ ея памятникомъ сердцемъ столько же, сколько и руками. И только благодаря этой работѣ, онъ въ теченіе перваго полугодія не сошелъ съ ума и сжилъ съ отчаяніемъ.

Человѣкъ остался надломленнымъ и несчастнымъ, а художникъ былъ спасенъ искусствомъ. Съ тѣхъ поръ Каміонка жилъ искусствомъ. Публика, любующаяся въ галереяхъ изваяніями и картинами, и не думаетъ, что художникъ можетъ служить искусству добросовѣстно или недобросовѣстно. Въ

этомъ отношеніи Каміонка былъ безупреченъ. Не было у него крыльевъ генія за спиной,—онъ обладалъ лишь талантомъ, нѣсколько бдльшимъ средняго, и потому искусство ни въ состояніи было ни наполнить его жизни, ни вознаградить его за всѣ утраты, но онъ глубоко уважалъ свое искусство и всегда относился къ нему искренно.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ труда онъ не измѣнилъ ему и не причинилъ ему ущерба никогда,—ни ради славы, ни ради денегъ, ни ради похвалъ, ни... осужденія. Въ счастливые годы, когда онъ жилъ, какъ всѣ люди, и умѣлъ высказывать объ искусствѣ взгляды, далеко не заурядные, да и потомъ, когда всѣ его покинули, о немъ размышлялъ онъ въ своей одинокой мастерской—всегда честно и возвышенно.

Онъ чувствовалъ себя жестоко и несправедливо покинутымъ, хотя въ этомъ не было ничего удивительнаго. Людскія отношенія должны подчиняются какъ бы роковымъ законамъ, въ силу которыхъ люди, исключительно несчастливые, выбрасываются за бортъ общественной жизни; и тогда они такъ же обростають чудачествами и пороками, какъ и камень, выкинутый изъ потока, обростаетъ мхомъ, когда перестаетъ тереться о другіе камни. Теперь, когда Каміонка заболѣлъ, ни одна душа не заглянула въ его мастерскую, кромѣ служанки, которая приходила два раза въ день—поставить самоваръ и подать ему чай. Она не разъ совѣтовала позвать доктора, но онъ, боясь издержекъ, не соглашался на это.

Наконецъ, Каміонка серьезно занемогъ и ослабѣлъ, быть можетъ, отъ того, что не бралъ въ ротъ ничего, кромѣ чая. Впрочемъ, ему теперь ничего не хотѣлось: ни ѣсть, ни работать, ни жить.

Мысли его были такія же увядшія, какъ тѣ листья, которые онъ видѣлъ сквозь окно и которые вполнѣ соответствовали этой осени, этому ненастью и этому свинцовому туману.

Нѣтъ хуже минутъ въ жизни человѣка, какъ тѣ, когда онъ почувствуетъ, что все, предназначенное ему въ жизни, онъ совершилъ, что долженъ былъ пережить — пережилъ, и нѣчего ему больше отъ жизни брать.

Почти пятнадцать лѣтъ Каміонка жилъ въ постоянной внутренней тревогѣ, что его талантъ изсякаетъ. Теперь онъ

былъ увѣренъ въ этомъ и съ горечью думалъ, что даже искусство его покидаетъ. Онъ чувствовалъ утомленіе, почти болѣзненное недомоганіе въ каждомъ суставѣ.

Онъ не рассчитывалъ на скорую смерть, но и не вѣрилъ въ возможность выздоровленія. Вообще, въ немъ не было ни искры надежды. Если онъ желалъ еще чего-нибудь, то развѣ, чтобы небо прояснилось и солнце заглянуло въ его мастерскую. Онъ думалъ даже, что это, быть можетъ, хотя немного ободрило бы его. Каміонка всегда былъ крайне чувствителенъ къ ненастью, мраку, всегда подобные дни усиливали его печаль и пришибленность, — что же онъ долженъ былъ ощущать теперь, когда, по его собственному выраженію, пришли эти безнадежные дни въ сообществѣ болѣзни!

Каждое утро, когда являлась служанка съ чаемъ, Каміонка спрашивалъ:

— Не проясняется ли гдѣ-нибудь по краямъ?

— Какое тамъ! — отвѣчала служанка: — туманъ такой, что человѣкъ человѣка ни видитъ.

Больной, услышавъ такой отвѣтъ, закрывалъ глаза и оставался долгіе часы безъ движенія.

На дворѣ было тихо, только дождевыя капли падали ровно и однообразно.

Въ три часа дня становилось уже такъ темно, что приходилось зажигать свѣчу. Упадокъ силъ значительно затруднялъ Каміонкѣ это несложное дѣло. Прежде чѣмъ взять спички, онъ долго раздумывалъ; лѣниво потягивался, причѣмъ худоба рукъ, проглядывавшая сквозь рукава рубашки, возбуждала въ скульпторѣ отвращеніе и жалость; затѣмъ онъ зажигалъ свѣчу и опять лежалъ неподвижно до самаго вечера, когда вторично приходила служанка, лежалъ, прислушиваясь съ закрытыми глазами къ монотонному паденію капель, стекающихъ съ крыши.

Странный видъ представляла тогда мастерская. Пламя свѣчи озаряло кровать и лежавшаго на ней Каміонку. Остальная часть комнаты утопала во мракѣ, сгущавшемся съ каждой минутой. По мѣрѣ того, какъ темнѣло на дворѣ, статуи розовѣли и оживали. Пламя свѣчи то опускалось, то поднималось, а въ этомъ мерцающемъ свѣтѣ и они, казалось, то опускались, то поднимались, какъ бы становились на носки,

чтобы лучше видѣть исхудавшее лицо скульптора и убѣдиться, живъ ли ихъ творецъ.

И дѣйствительно, въ этомъ лицѣ было уже безмолвіе смерти. Но минутами синеватыя губы больного чуть-чуть шевелились, какъ если бы онъ молился или проклиналъ свое одиночество, и эти несносныя капли дождя, которыя также ровно и монотонно отсчитывали ему часы болѣзни.

Однажды, вечеромъ, служанка явилась слегка навеселѣ, потому болѣе разговорчивой и сказала:

— На моихъ плечахъ столько дѣла, что я еле два раза въ день могу къ вамъ заглянуть. Взяли бы вы, сударь, сестру милосердія,—это ничего не будетъ стоить, и она больному лучше угодить.

Каміонку понравился совѣтъ, но, какъ всѣ сварливые люди, онъ противился всему, что ему совѣтовали; не послушался онъ служанки.

Однако, по уходѣ ея, онъ сталъ объ этомъ размышлять: „Сестра милосердія!.. правда! Ничего не стоить,—а какая помощь, какія удобства!..“

Каміонка, какъ всякій больной, предоставленный самому себѣ, испытывалъ массу неудобствъ боролся, съ тысячею нуждъ, которыя его мучили, раздражали. Часто онъ по цѣлымъ часамъ лежалъ, неудобно повернувъ голову,—раньше чѣмъ рѣшался поправить подушки; часто ночью ему становилось холодно, и Богъ знаетъ, что далъ бы онъ за стаканъ горячаго чаю; но, какъ могъ онъ подумать о такомъ сложномъ дѣлѣ — заварить себѣ чай, когда зажечь даже свѣчу стоило ему страшныхъ усилій? Сестра милосердія дѣлала бы все это съ обычной у этихъ женщинъ нѣжной заботливостью. Какъ легко болѣть при такомъ уходѣ!

Онъ дошелъ, наконецъ, до того, что о болѣзни при такихъ условіяхъ сталъ думать, какъ о чемъ-то желательномъ, благотворномъ, и удивлялся, что ему доступно это относительное счастье.

Ему казалось, если бы вошла сестра и внесла съ собой въ мастерскую каплю отрады и бодрости, быть можетъ, прояснилось бы на дворѣ и перестали бы его преслѣдовать монотонныя капли дождя.

Ему стало безконечно жаль, что онъ не послушался со-

вѣта служанки. Приближалась ночь длинная и мрачная, а служанка явится лишь на утро. Теперь онъ понялъ, что эта ночь будетъ для него тягостнѣе всѣхъ предшествовавшихъ.

Онъ задумался надъ тѣмъ, какой онъ злополучный Лазарь,—и, въ сравненіи съ теперешнимъ убожествомъ, давно минувшіе счастливые годы ярко всплыли передъ его духовными очами.

Какъ за минуту передъ тѣмъ мысль о сестрѣ милосердія, такъ и теперь воспоминанія о тѣхъ годахъ вновь слились въ его ослабленномъ мозгу съ представленіемъ о солнцѣ, свѣтѣ и теплѣ.

Онъ думалъ о своей покойницѣ и бесѣдовалъ съ нею, какъ это дѣлалъ всегда, когда ему бывало очень тяжело. Наконецъ, онъ усталъ, почувствовалъ, что ослабѣваетъ и заснулъ.

Свѣча на ночномъ столикѣ медленно догорала. Пламя, сначала розовое, стало голубымъ, вспыхнуло нѣсколько разъ и погасло. Безпросвѣтная тьма воцарилась въ мастерской.

На дворѣ капли дождя падали попрежнему ровно и такъ уныло, словно сквозь нихъ фильтровались мракъ и печаль всей природы.

Каміонка спалъ долго чуткимъ сномъ, но вдругъ проснулся съ какимъ-то страннымъ ощущеніемъ чего-то необычайнаго, что творится въ его мастерской...

Свѣтало. Мраморныя и гипсовыя изваянія начали бѣлѣть. Широкое венеціанское окно, противъ его кровати, все сильнѣе и сильнѣе насыщалось блѣднымъ свѣтомъ.

Каміонка увидѣлъ какую-то фигуру, сидѣвшую возлѣ его кровати.

Онъ широко раскрылъ глаза: это была сестра милосердія. Руки ея были скрещены на колѣняхъ,—казалось, она молилась.

Больной не могъ разглядѣть ея лица; онъ явственно видѣлъ только ея бѣлый чепецъ и темныя очертанія плечъ, нѣсколько худощавыхъ.

Сердце его тревожно забилося, въ головѣ промелькнулъ вопросъ:

— Когда успѣла служанка привести сестру, и какъ она сюда вошла?

Онъ подумаль, быть можетъ, все это отъ слабости ему чудится, и закрыль глаза.

Но, минуту спустя, онъ снова ихъ открыль.

Сестра сидѣла на томъ же мѣстѣ, неподвижная, какъ бы погруженная въ молитву.

Странное чувство не то страха, не то большой радости охватило больного такъ сильно, что волосы стали подниматься на его головѣ. Чтò-то притягивало его взоръ съ непонятной силой къ сидящей женщинѣ. Ему казалось, что когда-то онъ ее видѣль, но когда и гдѣ—не помнилъ. Въ немъ возгорѣлось непреодолимое желаніе увидѣть ея лицо, но бѣлый чепецъ закрываль его, а Каміонка, самъ не зная почему, не осмѣливался ни облить ея, ни шевельнуться, ни даже дышать. Онъ ощущаль лишь, что чувство страха и радости вмѣстѣ охватываетъ его все сильнѣе и сильнѣе, и, изумленный, онъ спрашиваль: „чтò это такое?..“

Между тѣмъ, разсвѣло окончателно. И какое чудное утро было, вѣроятно, тамъ, на дворѣ! Свѣтъ разомъ залиль всю мастерскую, такой сильный, лучезарный и радостный, словно была весна,—май на дворѣ. Волны этого золотистаго свѣта, вздымаясь, какъ въ наводненіе, наполняли комнату, заливали ее такъ властно, что изваянія утонули и растаяли въ этой ясности, стѣны слились съ ней, исчезли совершенно,—и Каміонка очутился въ какомъ-то свѣтовомъ просторѣ, безъ границъ.

Онъ замѣтилъ, что и чепецъ на головѣ сидѣвшей женщины начинаетъ терять свою мертвенную бѣлизну, колышется по краямъ, таетъ, расплывается, какъ ясная мгла, и тоже превращается въ свѣтъ.

Женщина медленно повернула свое лицо къ больному,—и вдругъ повинутый всѣми Каміонка увидѣль въ свѣтломъ ореолѣ знакома, дорогія черты покойной жены. Онъ вскочилъ съ постели, изъ груди его вырвался крикъ, въ которомъ слышались цѣлые года слезъ, сожалѣній, горя и отчаянія:

— Зося! Зося!

Онъ обнялъ ее, прижалъ къ груди,—она обвила его шею руками.

Свѣтъ вливался все сильнѣе и сильнѣе.

— Ты не забылъ меня,— сказала она,— и я пришла и вымолила тебѣ легкую смерть.

Каміонка держалъ ее въ объятіяхъ, словно боясь, что дорогое видѣніе исчезнетъ вмѣстѣ со свѣтомъ.

— Я готовъ умереть,— сказалъ онъ,— только ты осталась бы со мной.

Она улыбнулась ангельской улыбкой и, отнявъ одну руку отъ его шеи, протянула ее внизъ и сказала:

— Ты уже умеръ—смотри!

Каміонка взглянулъ по направленію ея руки и увидѣлъ внизу, сквозь окно, внутренность своей мастерской, мрачной, одинокой; тамъ, на кровати, лежало его тѣло, съ широко раскрытымъ ртомъ, который на пожелтѣвшемъ лицѣ казался черной ямой...

Онъ смотрѣлъ на исхудавшее тѣло, какъ на что-то ему чуждое. Вскорѣ все начало исчезать изъ его глазъ, окружавшій свѣтъ, словно гонимый надзвѣзднымъ теченіемъ, уносилъ ихъ куда-то въ безконечность...

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА,

УКРАИНСКІЙ НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ И ФИЛОСОФЪ.

(1722 — 1794).

Въ октябрѣ настоящаго года исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти Григорія Саввича Сковороды, учителя украинскаго народа и единственнаго нашего народнаго философа. При полномъ у насъ отсутствіи оригинальной философской мысли, этотъ, вышедшій изъ народной среды, чудакъ-философъ, странствующій всю жизнь по селамъ своей прекрасной родины, поучающій и на церковной паперти, и на поляхъ, «гдѣ въ бездождіе потъ поливаетъ землю», и около шинковъ, «гдѣ скачетъ пьяная воля», — представляетъ оригинальное и интересное явленіе. Его жизнь, его ученіе напоминаетъ другого народнаго философа, явившагося при болѣе благоприятной для его поученій обстановкѣ — Сократа. Окруженный греческой народной толпой, уже воспитанной цѣлымъ рядомъ учителей, Сократъ нашелъ въ средѣ своихъ слушателей вполне подготовленныхъ учениковъ, сохранившихъ въ цѣлости до нашихъ дней ученіе великаго мыслителя. Сковородѣ пришлось говорить гораздо болѣе невѣжественной толпѣ, непривыкшей воспринимать отвлеченныя истины, вотъ почему онъ не создалъ ни философской школы, ни выдающихся изъ общаго низкаго уровня учениковъ. Послѣ него остались только одинъ или два небольшихъ томика печатныхъ произведеній, да нѣсколько рукописныхъ тетрадей, сохраненныхъ его друзьями.

Вся жизнь и вся дѣятельность Сковороды (исключая короткій періодъ путешествій по чужимъ странамъ) прошли въ границахъ небольшой территоріи, охватывающей губернію Харьковскую, часть Курской и Воронежскую. Она извѣстна была раньше подъ названіемъ Слободской Украйны.

Г л а в а I.

Жизнь Григорія Саввича Сковороды.

Григорій Саввичъ родился въ 1722 году, въ Полтавской губерніи, въ живописномъ уголку теперешняго Лохвицкаго уѣзда, въ селѣ Хорсыки. Это село почти слилось теперь въ одно съ большимъ стариннымъ мѣстечкомъ Чернухи. Лежація рядомъ съ Чернухами села тянутся почти непрерывно по берегу р. Многи; весной эта ничтожная рѣченка раз-

ливається на широке пространство, образуя много живописных тихих заводей и лимановъ; тогда вся мѣстность съ цвѣтущими садами и кленовыми рощами полна своеобразной красоты. Здѣсь-то, въ селѣ Хорсикахъ и жили родители Сквороды, небогатые казаки. Чуткая душа будущаго народнаго философа съ самаго ранняго дѣтства горячо отзывалась на красоту природы. Съ дѣтскихъ лѣтъ Скворода полюбилъ игру на дудкѣ и, притаившись въ хатѣ, въ скромномъ уголку за печкой, любилъ наигрывать на ней всякую слышанную имъ пѣсню, и мелодіи, сочиненныя имъ самимъ. Какъ только начиналась весна, какъ только Многа, освободившись отъ ледяныхъ оковъ, разливалась могучимъ потокомъ по живописной долині, Григорій Саввичъ убѣгалъ со своею дудкою въ поля и рощи и пропадалъ въ нихъ по цѣлымъ днямъ; тамъ птицы, и журчащіе ручьи, и шепотъ листьевъ воспринималъ къ себѣ ему одному понятныя, чудныя мелодіи, — ребенокъ воспринималъ ихъ своею художественною душою и передавалъ ихъ на своемъ непосредственномъ инструментѣ съ неподражаемымъ искусствомъ. Велика была его радость, когда ему кто-то подарилъ настоящую флейту; съ нею онъ не разставался всю жизнь. Очень рано сталъ онъ пѣть на клиросѣ въ своей сельской церкви.

Родители его пользовались уваженіемъ въ селѣ за честность и гостеприимство. Они отдали своего сына сначала, по общему обыкновенію, въ науку къ дьячку, но, замѣтивъ его способности и страстную любознательность, рѣшили дать ему лучшее образование и послали его въ Киевскую академію. То было высшее образовательное заведеніе на всю Россію въ то время. Она воспитывала самыхъ образованныхъ людей и дѣятелей, ученыхъ и талантливыхъ проповѣдниковъ, которые въ XVI и XVII вѣкѣ защищали въ юго-западной Руси православіе отъ нападковъ на него со стороны католиковъ и униатовъ, а въ XVIII в. разносили просвѣщеніе и по Московской Руси, давали ей самыхъ ученыхъ и образованныхъ дѣятелей. Ломоносовъ нѣкоторое время учился въ Киевской академіи, Феофанъ Прокоповичъ, историкъ Конисскій и другіе извѣстные ученые и писатели вышли изъ нея. Въ 1742 году въ ней было 1.230 человѣкъ учащихся разныхъ сословій. Въ ней преподавались богословіе, философія, греческій, латинскій и еврейскій языки, пѣніе, риторика, синтаксисъ, грамматика и нѣмецкій языкъ.

Способности и ясный умъ Григорія Саввича обратили на него вниманіе всѣхъ преподавателей академіи. Но особенно выдавался онъ изъ среды учениковъ своею музыкальностью.

Около этого времени на престолъ вступила младшая дочь Петра Великаго, Елизавета, большая любительница музыки и хорошаго церковнаго пѣнія. Для ея придворной пѣвческой капеллы выбирали лучшіе голоса по всей Россіи; особенно много ихъ ежегодно увозили изъ Малороссіи, всегда отличавшейся музыкальностью своего населенія. Григорій Саввичъ былъ зачисленъ въ число этихъ избранныхъ пѣвчихъ и въ 1745 году былъ отвезенъ въ Петербургъ. Довелось молодому бурсаку увидѣть столицу, дворъ и все его широкое великолѣпіе, среди котораго наслаждалась и веселилась молодая императрица Елизавета. Но этотъ блескъ не ослѣпилъ и не увлекъ строгаго нравственнаго юношу: его любящее сердце, его пылливый умъ оставались въ этой обстановкѣ неудовлетворенными. Онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобъ

вернуться къ наукамъ, къ типичнѣй академической жизни. Черезъ 2 года ему пришлось сопровождать со всеѣ пѣвческой капеллой императрицу въ ея путешествіи по Россіи. Елизавета посѣтила Кіевъ, гдѣ ученики академіи и все начальство академическое устроили ей пышную встрѣчу. Поклонившись кіевскимъ святынямъ, императрица поѣхала дальше, а ея пѣвчій остался въ Кіевѣ; по его просьбѣ, ему дали отставку, наградивъ его чиномъ придворнаго уставщика. Сковорода снова былъ записанъ въ академическіе ученики и съ особеннымъ усердіемъ принялся за изученіе тѣхъ же наукъ, которыя раньше проходилъ поверхностно. Больше всего онъ изучалъ еврейскій и греческій языки, философію, піитику и математику. Онъ учился съ жадной, безкорыстной любознательностью, вовсе не намѣреваясь посвятить себя духовному званію, о чемъ мечталъ его отецъ. Кіевскій архіерей, замѣтивъ его способности, захотѣлъ посвятить его въ священники, указывая ему блестящую дѣятельность проповѣдника въ юго-западной Руси, борца за православную вѣру. Сковорода былъ чуждъ всякаго честолюбія, и чтобы лучше отвратить настоянія архіерея, онъ прибѣгнулъ къ хитрости—притворился занкой, придурковатымъ чудакомъ, и наконецъ вышелъ совсѣмъ изъ академіи, получивъ разрѣшеніе жить, гдѣ ему угодно.

Но схоластическія науки, преподаваемыя въ академіи, не удовлетворили широкихъ запросовъ дѣятельнаго ума Сковороды: ему хотѣлось знаній о томъ, какъ живутъ, какъ думаютъ другіе народы, другіе ученые. Этому желанію совершенно неожиданно удалось осуществиться. Генералъ Вишневскій отправлялся съ дипломатическимъ порученіемъ отъ императрицы въ Венгрію и Австрію. Онъ пожелалъ взять съ собою для устранившейся тамъ русской церкви уставщика, знающаго не только лѣтніе, но и иностранные языки. Сковорода былъ ему представленъ, какъ прекрасный пѣвецъ и вполне образованный человѣкъ. Онъ очень понравился Вишневскому и отправился съ нимъ за границу. Съ позволенія послѣдняго Сковорода свободно путешествовалъ по всей Германіи и Италіи, куда его особенно манилъ Римъ и музыкальность итальянцевъ. Во все онъ вглядывался съ любопытствомъ, во все серьезно вдумывался. Онъ побывалъ въ Офенѣ, Римѣ, Вѣнѣ; больше всего ему понравилась Германія, расположеніе къ ней у него сохранилось навсегда, и онъ часто говорилъ, что любить эту страну, почти какъ родную Малороссію.

Это путешествіе сильно повліяло на философское развитіе Сковороды *). Осматривая Римъ и замѣчательные памятники его древняго величія и сравнивая его съ современной будничной жизнью, суетившейся у самаго подножія древнихъ обелисковъ триумфальныхъ воротъ и дворцовъ, Сковорода глубоко задумывался надъ тщетою всего земнаго и въ то же время съ горечью убѣждался, что вездѣ, и въ прекрасной Италіи, какъ и въ родной Малороссіи, и въ ученой Германіи—вездѣ «богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ, глупость предпочитаютъ разуму, и шутовъ награждаютъ, что вездѣ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ». И сердце его затосковало по милой далекой родинѣ. Довольно шататься по чужимъ странамъ, да набираться чужой мудрости; ему хотѣлось подѣлиться ими съ сво-

*) Аскоченскій говоритъ, что и самъ Сковорода поражалъ своимъ умомъ западноевропейскихъ ученыхъ, и нѣсколько университетовъ предлагали ему мѣсто преподавателя.

ими темными земляками, и Скворода отправился, какъ всегда, пѣшкомъ въ Малороссію. Радостно и тревожно забилося его сердце, когда онъ послѣ долгаго путешествія завидѣлъ вѣтряки, издали махавшія ему своими крылами, и зеленыя вербы, по прежнему склонявшіяся надъ родной рѣчкой, показавшейся ему въ эту минуту мигѣ Тибра и Дуная; воспоминанія дѣтства обступили его, радостный восторгъ переполнилъ сердце, онъ готовъ былъ цѣловать родную землю. И въ то же время жуткое чувство закрадывалось понемногу въ душу: застанеть ли онъ въ живыхъ своихъ родныхъ, отца, мать... Шаги его невольно замедлялись, и онъ, прежде чѣмъ войти въ село, отправился на кладбище. Тамъ, на могильныхъ крестахъ нашель онъ имена самыхъ дорогихъ лицъ...

Но онъ не палъ духомъ. Передъ нимъ, бодрымъ и молодымъ ученымъ бѣднякомъ, раскрывался весь міръ, всѣ люди казались ему братьями; онъ былъ силенъ душой и тѣломъ, независимъ... И Григорій Саввичъ отдался своему любимому влеченію: онъ пошелъ странствовать изъ села въ село, изъ города въ городъ, вездѣ поучая, рассказывая и привлекая къ себѣ людей новизною мыслей и чистотою жизни.

Изъ родного села онъ направился въ Харьковъ, но прежде зашелъ въ Переяславль. По описаніямъ путешественниковъ того времени, это былъ «городъ изрядный и довольно многолюдный» *). Славился Переяславль своей семинаріей, одной изъ лучшихъ въ то время; въ ней было до 700 учащихся. Въ то время, когда въ этотъ городъ зашелъ нашъ странникъ, въ семинаріи было вакантное мѣсто учителя поэзи. Переяславскій епископъ Никодимъ Сребницкій предложилъ Сквородѣ занять это мѣсто.

Григорій Саввичъ радъ былъ примѣнить свои познанія на пользу другихъ, принялъ мѣсто и даже составилъ особое «Руководство къ поэзи». Но его новыя взгляды, почерпнутыя у западноевропейскихъ ученыхъ, не понравились епископу, и тотъ потребовалъ, чтобы Скворода измѣнилъ это руководство, согласно съ старыми авторитетами пѣттики. Скворода не согласился ни на какія измѣненія и старался разъяснить епископу при помощи латинской поговорки — «иное дѣло пастырскій жезлъ, иное пастушья свирѣль!» — всю неосновательность его вмѣшательства. Конечно, ихъ разногласіе не уладилось и Скворода опять беззаботно надѣлъ свою дорожную свиту съ видлогой (откидной мѣшокъ для головы, прикрѣпленный къ вороту свиты) и перекинулъ черезъ плечо свою завѣтную торбу, въ которой хранились его единственныя сокровища — флейта и 2—3 книжки. Веселый и бодрый продолжалъ онъ свое странствованіе изъ села въ село. Останавливался онъ у священниковъ, помѣщиковъ или у своего же брата казака-простолюдина; кому на флейтѣ поиграеть, кому расскажетъ о своихъ путешествіяхъ; подѣлится мыслями, разъяснить свои оригинальные и глубокіе взгляды на жизнь; а кому просто споетъ имъ самимъ сложенную пѣсню или духовный кантъ. Его пѣсни, хотя и написанныя не народнымъ языкомъ, были такъ близки къ народнымъ по духу, что немедленно заучивались пѣвцами — кобзарями — и поются до сихъ поръ во множествѣ вариантовъ. Нѣкоторыя пѣсни распѣвались дѣвцами въ дворянскихъ семьяхъ, какъ любимые романсы. Особенной популярностью пользовались его пѣсенка «Что ты птичка желтобока» и пѣсня «Всякому городу нравъ и права».

*) «Малороссія по рассказамъ путешественниковъ». «Кіев. Стар.», 1892 г., № 3.

Скоро послѣ неудачи въ переяславской семинаріи Григорій Саввичъ стараніями друзей получилъ мѣсто домашняго учителя у помѣщика Полтавской губерніи Тамары; это былъ просвѣщенный человѣкъ, довольно гуманно обходившійся съ своими крѣпостными, но гордый и тщеславный. Онъ велъ жизнь шумную и роскошную, дворъ его былъ переполненъ прислугой, а въ домѣ не переводились гости. Попавши въ такую обстановку, нашъ свободолюбивый философъ и тутъ, какъ и вездѣ, сохранилъ свою независимость и скромность потребностей. Онъ добросовѣстно принялся за обученіе сына Тамары, съ годъ все шло благополучно: помѣщикъ платилъ деньги, но не удостоивалъ вниманіемъ страннаго учителя въ камлотовомъ кафтанѣ, а учитель не унижалъ своего достоинства ни лестью, ни заискиваньемъ. Сплетни прислуги, донесшей барынь, что учитель слишкомъ вольно обращается съ барскимъ сыномъ и даже одинъ разъ обозвалъ его свиньей,—нарушили мирныя отношенія и Сквородѣ пришлось снова взяться за свой странническій посохъ и искать у друзей пріюта. Онъ отправился къ переяславскому сотнику. Здѣсь Сквородѣ представилась возможность поѣхать въ Москву, и онъ, конечно, съ радостью воспользовался ею; его по прежнему преслѣдовала жажда видѣть новыя мѣста, а Москва и тѣмъ болѣе Троицко-Сергіевская лавра въ то время представляла не мало поучительнаго. Тамъ Скворода тотчасъ же нашелъ для себя пріятную и полезную работу. Намѣстникъ лавры, очень образованный человѣкъ, предложилъ ему перевести Тита Ливія; онъ скоро оцѣнилъ умъ и познанія Григорія Саввича и предложилъ ему остаться преподавателемъ въ училищѣ при Троицко-Сергіевской лаврѣ. Но тоска по родицѣ погнала Сквороду вонъ изъ Москвы, назадъ въ родныя степи и дубравы, въ родныя села, гдѣ его уже любили, какъ истиннаго народнаго учителя, разъясняющаго именно тотъ вопросъ о смыслѣ жизни, разгадать который одинаково жаждетъ и ученый академикъ, и бѣдный невѣжественный пастухъ...

Какъ только Тамара узнала, что Скворода воротился изъ Москвы, онъ сталъ усиленно приглашать его снова учить его сына, но оскорбленный учитель упорно отказывался вернуться въ тотъ домъ, откуда его несправедливо выгнали; друзья хитростью привезли его соннаго въ имѣніе Тамары. Не долго пришлось ему этотъ разъ тамъ оставаться: передъ нимъ открывалась другая, болѣе широкая дѣятельность преподавателя въ Харьковскомъ коллегіумѣ, уже заслужившемъ къ этому времени всеобщую любовь и уваженіе. Въ 1759 году епископъ Юсафъ Миткевичъ пригласилъ Сквороду на мѣсто учителя поэзіи, и Гр. Сав. съ радостью согласился. Эти занятія съ юношами были ему очень по душѣ: близкіе ему люди говорятъ, что онъ въ это время былъ особенно «бодръ, веселъ, подвиженъ, воздерженъ, благодушествующъ, словоохотенъ, изъ всего выводящій нравоученіе и почитателенъ» *).

Одѣвался онъ просто, но пристойно; пищу имѣлъ только изъ плодовъ и молочную, не имѣя расположенія къ мясу **). Спалъ онъ очень мало, всего часа 4 въ сутки, любилъ вставать до зари и ходить пѣшкомъ за городъ. Въ его рукописи «Израильскій змій» есть цѣлый гимнъ солнца,

*) См. Коваленскій. «Описаніе жизни Г. С. Сквороды». «Кіев. Старина» 1891 г., № 9.

**) Скворода вообще не отрицалъ необходимости мясной пищи, по самъ мало ее употреблялъ. Нѣкоторые видѣли въ этомъ доказательство его принадлежности къ какой-то сектѣ. Скворода горячо это опровергалъ.

въ которомъ солнце воплощается въ Самсона и является жизнеподателемъ: «Преблаженное солнушко!—воспѣваетъ нашъ пантенстъ:—почиваетъ въ день седьмый, встаетъ въ третій, палитъ всю тлѣнь, раззоряетъ иноплеменничія стѣны, отверзаетъ гробы, открываетъ очи, ломлетъ хлѣбы, насыщаетъ свой весь почетный народъ вкусомъ вѣчности» и т. д.

*Ваша! о неспитанъ Агъ! всѣ тебѣ ягъ: встанъ тебѣ ягъ.
Старикъ, Грмт. Скоро-
рода*

Григорій Саввичъ часто и всегда охотно посѣщалъ больныхъ, ходилъ утѣшать печалующихся, съ немущими раздѣлялъ все свое убогое имущество и всѣмъ своимъ любящимъ сердцемъ былъ преданъ друзьямъ. Его строгое поведеніе, безо всякой тѣни лжи или фарисейства, привлекало къ нему симпатіи не только его учениковъ, но и всего харьковскаго общества. Сознвая всю пользу, приносимую Сквородой коллегіуму, и зная его странническія наклонности, игумень Гервасій сталъ его уговаривать принять монашество, обѣщая ему высокій санъ, славу, и почетъ. Но безкорыстный учитель остался выше всякихъ честолюбивыхъ искушеній. «Развѣ вы хотите,—рѣзко отвѣтилъ онъ на предложеніе игумена:—чтобы я умножилъ число фарисеевъ? Ышите жирно, пейте сладко, одѣвайтесь

мягко и монашествуйте! А Скворода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсть все нужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самага въ цѣломудріи, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнять заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не человѣческой».

Никакія убѣжденія не могли склонить суроваго учителя-аскета; онъ только расшевелили его подозрительное свободолюбіе и побудили его для охраненія своей независимости и вѣрности своему нравственному долгу отказаться отъ любимой преподавательской дѣятельности. Онъ поблагодарилъ отца Гervasія «за милость, за дружбу, за похвалу: я не заслуживаю ничего сего за непослушаніе мое къ вамъ при семъ случаѣ», и попросилъ «благословить его на путь».

И учитель поэзіи въ сѣрой свитѣ, съ чоботами (сапогами), болтавшими за плечами, съ неизмѣнной торбой на спяиѣ и палкой—журавлемъ въ рукахъ вышелъ изъ города, оглянулся на прекрасный Божій міръ и вздохнулъ свободно: еще разъ онъ одержалъ побѣду надъ искушеніями міра и ушелъ отъ нихъ бѣдный, ничего не имущій, но свободный. Онъ вынулъ изъ торбы свою дорогую подругу — флейту и, насвистывая любимую пѣсню: «Ходяй по землѣ, обращайся на небесахъ» — направился въ деревню Старицу, къ одному изъ своихъ пріятелей, отдохнуть въ излюбленномъ уединеніи, предаваясь размышленію и самоизученію, записывая свои мысли въ формѣ Сократовскихъ діалоговъ или разговоровъ, которые онъ затѣмъ разсылалъ своимъ друзьямъ.

Однако, голосъ дружбы скоро вырвалъ его изъ этого уединенія и снова призвалъ въ городъ, который Скворода всегда любилъ меньше села: «Городъ огорожденъ скукой,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ поученій:—ибо тотъ скаучаетъ, чей духъ прилагается съ кучей, ибо куча есть множество, а гдѣ много тамъ каждый докучаетъ. Прямое веселье только въ селеніи, ибо тутъ вселяется въ него весь міръ, елико есть какъ одинъ, а не какъ куча. Въ кучѣ разсѣяніе; скука и разсѣяніе тоже. Въ селеніи уединеніе: веселіе и уединеніе тоже» *). Одинъ изъ друзей Сквороды усиленно проеизъ его навѣстить учившагося въ Харьковѣ его племянника, молодого Коваленскаго, и руководить его своими поученіями. Скворода немедленно отправился въ Харьковъ, нашелъ юношу въ училищѣ, и, желая принести пользу племяннику своего друга, согласился принять снова въ училищѣ мѣсто преподавателя греческаго языка и синтаксиса. Рядомъ съ этимъ онъ съ любовью взялъ на себя и домашнія занятія съ юношей, занимая его чтеніемъ, музыкой, а главное своими глубокосодержательными бесѣдами; изъ нихъ его ученикъ, по собственному признанію Коваленскаго, почерпнулъ истинное понятіе объ обязанностяхъ человѣка къ самому себѣ и къ другимъ, объ истинѣ и о благѣ добродѣтельной жизни. Особенно любилъ Григорій Саввичъ уводить своего ученика по вечерамъ на кладбище. Тамъ, посреди безмолвныхъ могилъ онъ говорилъ ему о неразумности страха смерти, иногда пѣлъ и игралъ на флейтѣ. И эта нѣжная музыка въ тихій торжественный часъ ночи, звучащая надъ тихими могилами и крестами, невольно возносила духъ ученика его выше малодушныхъ опасеній и заботъ и укрѣпляла въ немъ мужество.

*) См. Жизнепис. Скв. Коваленскаго, К. Ст. 9, стр. 128.

Въ 1764 году ученикъ и учитель поѣхали въ Кіевъ. Тамъ, расхаживая по церквамъ и монастырямъ, разясняя юношѣ ихъ древности, ихъ святыни, Григорій Саввичъ встрѣчалъ много своихъ старыхъ знакомыхъ и товарищей по академіи. Они упрекали его за бродячую жизнь, казавшейся имъ праздною, бесполезною и беспорядочною. «Полно кругомъ бродить по свѣту,—говорили они ему:—пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, святая лавра приметъ тебя, аки чадо свое, ты будешь столбъ церкви и украшеніе обителя!»—«Ахъ преподобные!—отвѣчалъ имъ философъ:—я столботворенія умножать не хочу: довольно и вась, столбовъ неотесанныхъ во храмъ Божьемъ!» И со всегдашней своей искренностью онъ продолжалъ, глядя на стоявшихъ передъ нимъ откорьленныхъ монаховъ: «риза, риза! коль немногихъ ты опреподобила! коль многихъ окаянствовала! Миръ ловить людей разными сѣтями, накрывая оныя богатствами, честью, славой, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святыней: но всѣхъ несчастіе есть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т.-е. счастье свое не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господа» *).

Съ этими словами Скворода увелъ своего ученика на берегъ Днѣпра и тамъ погрузился въ созерцаніе. Передъ нимъ разстился величественный, чарующій видъ: внизу величаво катилъ свои волны еще неперетянутый ни однимъ мостомъ Днѣпръ, надъ нимъ высились на горахъ кіевскіе храмы, вознося подъ самое синее небо блестящія на солнцѣ золотые купола, колокольный звонъ громкимъ торжественнымъ благовѣстомъ доносился до нашихъ путниковъ, а прямо передъ ними разстился низкій лѣвый берегъ Днѣпра и далеко до самаго горизонта свиѣди темные Черниговскіе боры. Красота этой картины успокоительно подѣйствовала на Сквороду. Что значила передъ этой вѣчно прекрасной, величавой природой вся суета человѣческой жизни, борьба изъ-за мелкихъ выгодъ, личныхъ радостей: онъ пройдутъ, оставляя послѣ себя одну «тѣнь», а горы и рѣки и лѣса попрежнему будутъ ласкать сердце челоуѣка и свиѣдѣтельствовать о величій вѣчной истины, непознаваемой, недоступной и вѣчно прекрасной.

Вдругъ одинъ изъ монаховъ подошелъ сзади къ Сквородѣ и горячо обидѣлъ его: «о мудрый мужъ!—съ волнезіемъ воскликнулъ монахъ:—я и самъ такъ мыслю, какъ ты говорилъ передъ нашей брагіей, но не смѣлъ нибогда слѣдовать моимъ мыслямъ».

Такъ правдивое слово Сквороды во многихъ сердцахъ пробуждало жажду правды, заставляло критически оглядываться на окружающее и ненавидѣть всякую ложь.

Скворода недолго оставался въ Кіевѣ: его потянуло въ Харьковщину, въ Украину, онъ любилъ ее больше Малороссіи, въ которой родился. Малороссію онъ называлъ матерью, а Украину—теткой, по своей любви къ ней и постоянному въ ней жительству. Около этого времени назначенъ былъ въ Харьковъ первый губернаторъ, Щербининъ. Наслышавшись очень много объ умѣ и странностяхъ Сквороды, онъ пожелалъ его видѣть и остался въ восторгѣ отъ бесѣды съ нимъ. Но Григорій Саввичъ не любилъ обращать на себя вниманіе, избѣгалъ всякихъ выраженій удивленія къ нему, ненавидѣлъ лесть. Однажды, расположившись у одного изъ своихъ

*) Коваленск. К. Ст. 9, стр. 132.

пріятелей—Пискуновскаго—онъ приготовился за дружеской вечерней бесѣдой подѣлиться своимъ новымъ, не дошедшимъ до насъ сочиненіемъ «Лотова жева»; уже съ обычнымъ юморомъ очертилъ онъ главныя черты этого сочиненія, какъ вдругъ двери съ шумомъ растворились и въ комнату влетѣлъ недавно пріѣхавшій изъ столицы франтъ и громко воскликнулъ: «Итакъ, я, наконецъ, достигъ того счастья, котораго я столь долго и напрасно жаждалъ: я вижу, наконецъ, великаго моего соотечественника Григорія Саввича Сквороду. Позвольте...»

Но не успѣлъ онъ подойти къ бѣдному философу, какъ тотъ вскакиваетъ съ мѣста... сами собой складываются крестомъ на груди его костлявыя руки, горькая усмѣшка искривляетъ лицо его, черные впалые глаза скрываются за сѣдыми нависшими бровями, самъ онъ изгибается, какъ бы желая поклониться, и вдругъ прыжокъ и трепетный голось повторяетъ: «позвольте, тоже позвольте!» и Григорій Саввичъ исчезаетъ изъ комнаты. Напрасно прибѣгалъ за нимъ хозяинъ, уговаривалъ его вернуться въ ихъ общество, Скворода только говорилъ съ укоризной: «съ меня смѣяться!» и не вышелъ изъ своей комнаты.

Другой разъ другъ его собралъ много гостей; между ними были и знатные люди, желавшіе познакомиться съ оригиналомъ-философомъ. Но какъ только Скворода замѣтилъ, что вся эта толпа гостей собралась, чтобы на него смотрѣть, онъ ушелъ изъ дому, забрался въ сарай, въ крытую кибитку и пролежалъ тамъ, пока все въ домѣ не стихло и не уѣхалъ послѣдній гость.

Сквороду часто упрекали въ беспорядочной жизни, и трудно было нашему философу отстоять глубокой смыслъ, вкладываемый имъ въ свой взглядъ на жизнь. «Недавно,—пишетъ онъ въ одномъ своемъ письмѣ:—нѣкто о мнѣ спрашивалъ: скажите мнѣ, что онъ тамъ дѣлаетъ? Если бы я въ пустынь отъ тѣлесныхъ болѣзней лечился, или оберегалъ пчелъ, или портняжилъ, или ловилъ звѣрь; тогда бы Скворода казался имъ занять дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я празденъ; и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелае горь кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла человѣку: продавать, покушать, жениться, посягать, воевать, тягаться, портняжить, строитья, ловить звѣрей? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина, что мы погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себѣ: очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы себя за неключимымъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишеомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущесь» *).

Скворода—бѣдный простой сынъ казака—обладалъ таинмъ сокровищемъ: въ сердцѣ его горѣла вѣра въ истину, онъ жилъ, укрѣпляясь въ ней все сознательнѣе и распространяя ее между людьми. Когда его спрашивали, что онъ дѣлаетъ? Онъ чистосердечно отвѣчалъ: «я радуюсь, а радованіе есть дѣятъ человѣческой жизни».

Его спросили однажды: что есть философія? Главная цѣль жизни,—не колеблясь отвѣчалъ Скворода,—глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ человѣческій, его мысли, его сердце. Всякъ имѣетъ цѣль жизни, но не всякъ имѣетъ *главную цѣль*, не всякъ занимается главою жизни. Иной зани-

*) Данилевскій, стр. 48.

мается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла; иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ. Философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобы дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія!»

Въ 1766 году Скворода былъ снова призванъ къ общественной дѣятельности. Въ это время къ Харьковскому училищу присоединены были еще прибавочные классы, куда поступали преимущественно дѣти дворянъ. Сквородѣ предложили преподавать имъ «правила благоправія». Григорію Саввичу было уже 44 года, но онъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и, въ видѣ руководства для своихъ учениковъ, написалъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ сочиненій, въ которомъ высказалъ свои основные взгляды на вѣру и нравственность. Это сочиненіе носило заглавіе: «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи». Рукопись эта немедленно разошлась не только между учениками училища, но и среди всего харьковского общества. Ею буквально зачитывались, а въ авторѣ видѣли замѣчательнаго проповѣдника совершенно новаго ученія. Само духовенство сильно заинтересовалось этими правилами, но новизна взглядовъ и смѣлость высказываемыхъ въ ней мнѣній вызвали недовольство начальства; многія мѣста въ ней найдены сомнительными. Епархіальный епископъ взялъ эти правила на разсмотрѣніе и пришелъ отъ нихъ въ сильное негодованіе *). Онъ спросилъ Сквороду, почему онъ преподаетъ наставленіе въ христіанскомъ благоправіи столь различно отъ обыкновенно преподаваемого. Отвѣтъ Сквороды былъ какъ всегда оригиналенъ. «Дворянство различествуетъ знаніемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣтъ оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли государя почитаетъ и разумѣетъ пастухъ свиной и цаловальникъ, какъ министръ его, военачальникъ, градоначальникъ? Подобно дворянству и такія ли прилично имѣтъ мысли о Богѣ, какія въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ тиникахъ?»

Скворода былъ отрѣшенъ отъ должности преподавателя. Во второй разъ приходилось Сквородѣ уходить изъ Харькова, бросать любимое дѣло и искать утѣшенія въ уединеніи. Онъ отправился въ село Гурвинское. Тамъ, на пасѣкѣ помѣщиковъ Земборскихъ, въ уютномъ и пустынномъ уголкѣ, среди густого лѣса онъ нашелъ душевный покой и написалъ свое первое философское сочиненіе—«Наркизъ, или познай себя», а вслѣдъ за нимъ «Книгу Асхаль о познаніи себя». Ни та, ни другая не дошли до насъ, ибо не были никогда напечатаны, хотя Данилевскій предполагаетъ, что вторая книга была издана въ Петербургѣ въ 1798 году, но подъ другимъ заглавіемъ: «Библиотека духовная, дружеская бесѣда о познаніи себя» **).

Съ этого времени Скворода не беретя больше ни за какое общественное дѣло, рѣдко заглядываетъ въ Харьковъ и всецѣло отдается своей страсти странствовать, останавливаясь на долгое или короткое время у друзей и знакомыхъ, занимаясь сочинительствомъ и музыкой. Мы видимъ

*) См. Ковален. стр. 134.

**) См. Данилев. стр. 31.

его то въ Кіевѣ, то въ Воронежской губ. у Тевяшева, то въ Бабаляхъ, подъ Харьковымъ, то въ Гусинской пустоши. У помѣщиковъ онъ училъ дѣтей и поучалъ взрослыхъ. Ради того, чтобы наставлять не однихъ добрыхъ личностей, онъ часто останавливался и у людей, которыхъ «не любилъ за ихъ пороки, но для того, чтобы, какъ говорить Боваленскій, черезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, разсуждая, нечувствительно привлечь ихъ къ познанію себя, къ любви къ истинѣ, къ отвращенію отъ зла и примѣромъ доброй жизни заставить ихъ полюбить добродѣтель». Выраженіемъ его тогдашняго настроенія можетъ служить имъ же сочиненная пѣсня:

Не пойду въ городъ богатый,
Буду по полямъ я жати,
Буду вѣкъ мой коротати,
Гдѣ время тихо бѣжитъ.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой и тишина!

Города славни, высоки,
На море печалей пхнутъ,
Ворота красни, широки
Въ неволю горьку ведутъ.

О дубрава! о зелена! и т. д.

Не хочу ѣздить на море,
Не хочу красныхъ одеждъ;
Подъ ними кроется горе,
Печали, страхъ и митежъ!

О дубрава! о зелена! и т. д.

Не хочу за барабаномъ
Идти пѣнять городовъ,
Не хочу и штатскимъ саномъ
Пугать мелочныхъ чиновъ.

О дубрава! о зелена! и т. д.

Не хочу и наукъ новыхъ,
Кромѣ здраваго ума,
Кромѣ умностей Христовыхъ.
Въ коихъ сладостна душа.

О дубрава! о зелена! и т. д.

Ничего я не желатель,
Кромѣ хлѣба да воды,
Нищета мнѣ есть пріятель,
Давно съ нею мы оваты.
и т. д.

Поселяясь у кого-либо въ домъ, Скворода занималъ всегда самый скромный уголокъ, жилъ очень просто, никого не затрудняя, самъ во всемъ себѣ услуживая. Любимымъ мѣстопребываніемъ его была пасѣка

подъ селомъ Гурвинскимъ: «усталый приходилъ онъ къ пасѣчнику, иногда бралъ съ собой сотоварища, своего любимаго пса, и всѣ трое вмѣстѣ принимались за скромную трапезу». Григорій Саввичъ всегда довольствовался самой грубой пищей, запивая ее или водой, или наливкой, которую всегда употреблялъ умеренно. При дешевизнѣ, тогдашняго времени, въ Украйнѣ были въ изобиліи и водки, и наливки; тогда никакая дружеская бесѣда не обходилась безъ угощенія наливками и настойками, пили дома, понемногу и рѣдко напивались допьяна. Злые языки напрасно старались оклеветать Сковороду въ пьянствѣ; всѣ знавшіе его опровергаютъ эту клевету.

Останавливаясь у бѣдняковъ, Григорій Саввичъ всегда умѣлъ быть имъ такъ или иначе полезнымъ, то помогая имъ въ домашнемъ хозяйствѣ, то ухаживая за больными, обучая и малыхъ, и взрослыхъ членовъ семьи. Въ повѣсти Срезневскаго подъ заглавіемъ «Майоръ, Майоръ» Григорій Саввичъ представленъ именно въ такой убогой обстановкѣ бѣдняка хуторянина. Срезневскій пытался изобразить намъ романтическій эпизодъ изъ жизни одинокаго скитальца, когда онъ, зайдя на уединенный хуторъ одного бѣдняка майора, полюбилъ его дочь и убѣждаемый ея умирающимъ отцомъ чуть было не женился на ней, но почти уже при самомъ вѣнчанномъ обрядѣ Сковорода убѣждалъ отъ своей миловидной невѣсты, убѣждалъ навсегда отъ неожиданно представившагося искушенія любви. Неизвѣстно, сколько правды въ самомъ этомъ романическомъ эпизодѣ, но повѣсть Срезневскаго интересна тѣмъ, что рисуетъ намъ тѣ теплыя отношенія Сковороды къ людямъ, которыхъ обличали въ немъ любящее сердце.

Проживши нѣсколько времени въ одномъ мѣстѣ, Сковорода снова облачался въ свою дорожную свиту, пряталъ въ торбу свою любимую еврейскую Библию и флейту, бралъ въ руку палку—журавель и отправлялся дальше, пока не попадалъ снова къ новымъ или старымъ друзьямъ. Никогда никто не видѣлъ его путешествующимъ иначе, какъ пѣшкомъ; никогда никому не удавалось заставить его принять самый ничтожный подарокъ. «Дайте нищему», говорилъ онъ на всѣ такія предложенія и обходился самымъ небольшимъ количествомъ бѣлья и одежды. До глубокой старости онъ оставался безпечнымъ старымъ ребенкомъ, повторяющимъ свою любимую поговорку: «Благодареніе Богу, что онъ трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное сдѣлалъ нетруднымъ» *). Онъ пользовался всеобщей любовью, всѣ гордились его посѣщеніями, а изъ сохранившихся писемъ разныхъ людей къ Григорію Саввичу, видно, какимъ глубокимъ уваженіемъ онъ пользовался въ средѣ самого образованнаго мѣстнаго общества того времени. Въ этихъ письмахъ видно, какъ его друзья и знакомые заботились о немъ, наперерывъ приглашали его къ себѣ, интересовались его работами, его мыслями. Особенной нѣжностью дышатъ письма его ученика и друга Коваленскаго, проживавшаго долгое время заграничюй.

О послѣднихъ годахъ жизни Сковороды во всѣхъ біографіяхъ почти не имѣется свѣдѣній, и ихъ можно кое-какъ возстановить только по письмамъ Коваленскаго. Возвратившись изъ-за границы больной и разбитый жизнью, этотъ любимый ученикъ Григорія Саввича сталъ настойчиво просить навѣстить его въ помѣстьѣ въ Орловской губерніи. Сковорода, какъ всегда вѣрный и преданный другъ, не смотря на осень и

*) См. Сочиненія Сков. стр. 169.

и на дурную погоду, не смотря на свои 73 года, отправился въ далекій путь, чтобы обнять и ободрить своего ученика. И такова была ясность и жизнерадостность его духа, что не смотря на свой преклонный возрастъ, онъ дѣйствительно оживлялъ и болѣе молодыя души и придавалъ имъ мужество терпѣливо переносить невзгоды жизни. Однако, Сковорода не долго оставался у Коваленскаго, онъ никогда и нигдѣ не могъ долго оставаться вдали отъ своей любимой Украйны. Напрасно Коваленскій упрашивалъ его перезимовать у него, напрасно старался устроить его у себя какъ можно уютнѣе, Сковородой овладѣло тяжелое предчувствіе близкой смерти и ничто не могло задержать его теперь вдали отъ родины. Дорога была далекая и трудная для старика, наконецъ, онъ добрался до своей любимой Украйны, гдѣ ему оставалось уже не долго прожить.

Теперь мы подходимъ къ той величайшей минутѣ въ жизни каждаго человѣка, которая, завершая человѣческую жизнь, даетъ ей послѣднее характерное освѣщеніе. Имѣя подъ руками прекрасное описаніе смерти Сковороды, сдѣланное Срезневскимъ, мы приведемъ его здѣсь дословно.

Быль прекрасный теплый день, къ помѣщику *) собралось много гостей погулять и повеселиться, послушать Сковороду было также въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, рассказывалъ про свое бывшее, про свои странствованія, испытанія. Изъ за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчишкамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ его подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило, послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода съ заступомъ въ рукѣ рылъ яму—узкую, длинную могилу.—«Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?»—«Пора, другъ, кончить странствіе, отвѣчалъ Сковорода,—итакъ всѣ волоса слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній. Пора успокоиться!»—«И, братъ, пустое! Полно такъ шутить! Пойдемъ».—«Иду, но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя хранина...»—И пошли въ домъ, но Сковорода не долго въ немъ оставался. Онъ ушелъ въ свою «комнатку», переѣхнулъ бѣлье, умылся, помолился Богу и, подложивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую свиту, легъ, сложивши на крестъ руки! Долго его ждали къ ужину, Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобы разбудить его, но Сковорода лежалъ уже холодный, ожесточенный **).

Это смерть истиннаго философа, никогда не знавшаго страха смерти и достойнаго той эпитафій, какую онъ самъ себѣ придумалъ: «Миръ любилъ меня, но не изловилъ». Всю жизнь онъ уходилъ отъ искушеній самолюбиваго и суетнаго міра и находилъ душевное спокойствіе только въ природѣ и уединеніи, въ музыкѣ и бесѣдѣ съ простыми друзьями. Онъ любилъ независимость, любилъ родину: внѣ ея онъ не чувствовалъ себя нигдѣ хорошо. Данилевскій рассказываетъ слѣдующій характерный

*) Григ. Сав. умеръ въ слободѣ Кань-Ивановкѣ, Харьковской губ., у помѣщика Коваленскаго.

**) Срезневскій: Отрывки изъ записокъ о старцѣ Г. С. Сковородѣ. «Утренняя Звѣзда» кн. 1. 1833 г., стр. 90.

случай изъ его жизни: «Екатерина II знала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды черезъ Потемкина послала ему приглашеніе переселиться изъ Украйны въ столицу. Посланный съ юга Малороссіи отъ Потемкина гонецъ засталъ Сковороду съ флейтой на закраинѣ дороги, близъ которой ходила овца хозяина, пріютившаго на то время философа. Сковорода выслушалъ приглашеніе и отвѣтилъ: «Снадите матушкѣ царикѣ, что я не покину родину...

Мнѣ моя свирѣль и овца
Дороже царскаго вѣнца *).

Онъ всю свою жизнь старался выполнить свои заповѣди: «Бѣгай молвы, объеми уединеніе, любви нищету, цѣлуй цѣломудренность, дружись съ терпѣливостью, водворись со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вотъ тебѣ лучи божественнаго сердца! Сіе то вельми благо и легко есть!» Сковорода никогда не разставался съ библіей и изъ нея черпалъ безконечное число темъ для своихъ философскихъ разговоровъ. Одинъ изъ харьковскихъ губернаторовъ, зная его любовь къ этой книгѣ изъ книгъ, спросилъ его однажды, чему учить Библія?

— «О человѣческомъ сердцѣ, — отвѣчалъ Григорій Саввичъ, — поваренныя ваши книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя — какъ звѣрей ловить, модныя — какъ наряжаться. Библія же учитъ, какъ облагодѣйствовать сердце человѣческое».

Надъ этимъ облагораживаньемъ своего и чужого сердца путемъ самопознанія и познаванія истины не мало потрудился Сковорода въ теченіе всей своей долгой скитальческой жизни, а между тѣмъ, многіе упрекали его въ праздношатаіи и удивлялись его нежеланію занять какое-нибудь общественное положеніе. Харьковский губернаторъ дружески его разспрашивалъ: «Честный человѣкъ! Для чего не возьмешь ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?» — «Милостивый государь, — отвѣчалъ Сковорода, — свѣтъ подобенъ театру: чтобъ представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, то берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простаго, безпечнаго, удивленнаго, и сію роль выбралъ, взявъ и доволенъ!»

— Вотъ умный человѣкъ, — сказалъ губернаторъ, обращаясь къ окружающимъ: — онъ прямо счастливъ; было меньше бы дурачествъ и неудовольствій, ежели бы люди такъ мыслили!»

Г л а в а II.

Произведенія Сковороды.

Всѣ сочиненія Сковороды можно раздѣлить на три группы: художественныя — пѣсни, вирши и басни; нравственно-поучительныя — духовныя канты, богословскія правила, и, наконецъ, философскіе разговоры. Изъ всего этого немногое дошло до насъ и въ печатномъ, и въ рукописномъ видѣ. При жизни Сковороды, по словамъ его биографовъ, ничего не пе-

*) Данилевскій, Украин. Стар. стр. 39.

чатаць. Послѣ его смерти была издана маленькой книжечкой: «Бесѣда о познаніи себя», потомъ въ 1806 году въ «Сіонскожъ Вѣстникѣ» помѣщено нѣсколько страничекъ изъ его «Преддверія», да въ 1837 году издано нѣсколько его брошюръ Московскимъ Человѣколюбивымъ Обществомъ. У насъ въ рукахъ небольшой томикъ его сочиненій, напечатанныхъ въ 1861 году, въ Петербургѣ, да рукопись, хранящаяся въ одномъ экземплярѣ въ Харьковской университетской библиотекѣ, — «Израильскій Змій». По нимъ мы и постараемся познакомиться съ писательскимъ творчествомъ старца Варгавы, какъ любилъ называть себя иногда самъ Скворода.

Всѣ его произведенія написаны тяжелымъ, неудобопонятнымъ, полународнымъ, полушкольнымъ языкомъ, какой внесли въ образованное малорусское общество того времени странствующие ученики Кіевской академіи и Харьковскаго коллегіума. Только два лирическія произведенія написаны на чистомъ малорусскомъ языкѣ, которымъ онъ превосходно владѣлъ въ разговорѣ. Остальныя поэтическія произведенія народны болѣе по духу и содержанію, соответствующему настроенію тогдашняго общества. Дошедшія до насъ пѣсни собраны подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «*Садъ Божественныхъ Пѣсень, прозябшій изъ зерна священнаго писанія*». Многія изъ нихъ интересны для насъ, какъ выраженіе настроенія самаго Григорія Саввича, распѣвавшего ихъ въ одиночествѣ подъ аккомпаниментъ флейты; таковы пѣсня «о скупѣ», сложенная имъ во время своего учительства у Тамары, пѣсня «о счастѣ» и многіе вылившіяся прямо изъ сердца гимны природѣ. Наиболее удобочитаемы, по своему языку для современнаго читателя являются басни, изданныя въ Москвѣ въ 1837 году. Въ нихъ, также какъ и въ пѣсняхъ, высказываются въ образной формѣ тѣ же нравственныя взгляды, что въ философскихъ сочиненіяхъ. Каждая басня имѣетъ въ заключеніи, такъ-называемую, «силу», т. е. нравоученіе, наприм.: «Нѣтъ вѣрнѣе, свѣрѣчъ полезнѣе и величественнѣе, какъ узнать самого себя и слышать въ нашемъ пещѣ погребенную искру блаженства. Отсюда раждается благословенное оное царство владѣть собою мотги». Вотъ одна изъ его басенъ, наиболее простая по языку и содержанію: *Старуха и горшечникъ*. Старуха покупала горшки. А что за сей хорошенькій?—«За того возьму хоть три голушки»,—отвѣчалъ горшечникъ.—А за того гнусаго (вотъ онъ) конечно полушка?—«За того ниже двухъ копеекъ не возьму...»—Что за чудо?—«У насъ бабка,—сказалъ мастеръ,—не глазами выбираютъ, мы испитуемъ, чисто ли зронить?—Баба хотя была не подлаго вкуса, однако не могла больше говорить, а только сказала, что и сама давно сіе знала, да вздумать не могла» *).

Въ другой баснѣ «Кротъ, нетопырь и два горлицына» идетъ споръ крота съ голубями, о томъ, что солнца нѣтъ и нѣту свѣта, она оканчивается разсужденіемъ, что свѣтъ и тьма, тлѣніе и вѣчность, вѣра и нечестія міръ весь составляютъ и одно другому нужно.

Несмотря на устарѣлый языкъ, философскія и богословскія сочиненія Сквороды представляютъ гораздо большій интересъ, чѣмъ художественныя.

На міросозерцаніе Григорія Саввича несомнѣнно сильно повліяли хо-

*) См. у Данилевскаго, Украин. Стар.

рошо изученные имъ Сократъ и Платонъ. Сковорода больше всего говоритъ о познаніи себя, принимая у Сократа какъ основной тезисъ—познаніе себя есть главный источникъ благи чловѣка—такъ и форму своего изложенія въ видѣ разговоровъ. «Гдѣ есть древо жизни?—Посреди плоти нашей.—Что есть древо жизни?—Есть законъ ума.—Что есть законъ ума?—Свѣтъ тихій славы Везмертнаго Отца Небеснаго». Душа чловѣческая также, какъ и по ученію Сократа, есть частица божества. Отсюда обязательность для чловѣка самопознанія, т. е. познанія души. Тотъ, кто не задумывается надъ своимъ духовнымъ я, по мнѣнію Сковороды, такъ глушь, «что двоихъ насчитать не можетъ». «Недовольно принимаешь сосудъ глиняный,—говоритъ Сковорода,—если разумѣешь одну его фигуру изъ грязи изображенную, а не знаешь чистымъ или нечистымъ наполненъ онъ ликеромъ или пѣтємъ». А въ другомъ мѣстѣ: «Спортявъ мы отъ самаго начала око нашего ума, не можемъ никакъ проникнуть до того, что одно достойно есть нашего почтенія и любви во вѣки вѣковъ».

Какъ обязательно для чловѣка познать себя самого, чтобы сократить всѣ свои тѣлесныя нужды, потребности и интересы и подчинить ихъ духовному началу, такъ для него важно узнать невещественные предметы, которые, по выраженію Сковороды, совершенно ничтожны: «Вся тварь есть руклядь, смѣсь, сѣчь, ломъ, кружь, стѣнь и плоть», важно узнать всеодошеляющее ихъ начало—Божество. «Душа наша тѣлеснымъ не можетъ довольна быть»,—говоритъ Григорій Саввичъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ: «Она только горитъ небеснымъ скуку насытитъ».

Богъ же, по ученію Сковороды, есть Премудрость и Любовь: «Богъ Любы есть», говоритъ онъ часто. Самое обстоятельное разъясненіе понятія Бога находится въ первой главѣ его правилъ благоправія, составленныхъ имъ для учениковъ Харьковскаго училища. «Богъ,—сказано тамъ,—какъ Существо невидимое, всю тварь пронцаетъ и содержитъ; вездѣ всегда былъ, есть и будетъ. Напримѣръ, тѣло чловѣческое видно, но пронцающей и содержащей оное умъ не видѣнь. По сей причинѣ у древнихъ Богъ назывался умъ всемирный. Ему же у нихъ были различныя имена, напр.: бытіе вещей, вѣчность, судьба, необходимость и проч. А у христіанъ знатнѣйшія Ему имена суть слѣдующія: Духъ, Господь, Царь, Отець, Истина» **).

Такое широкое толкованіе идеи Бога въ учебникѣ для юношей, конечно, не могло въ то время понравиться начальству духовной семинаріи. Для Сковороды истина заключалась всегда въ ученіи Божіемъ. «Въ сравненіи сея премудрости всѣ свѣтвыя мудрости не иное что суть какъ рабскія ухищренія». Въ толкованіи своемъ первой заповѣди Моисея, онъ прямо говоритъ: «Богъ глава твоего благополучія и свѣтъ разума. Берегись, чтобы ты не основалъ житія твоего на иныхъ совѣтахъ, искусствахъ и вымыслахъ, хотя бы они изъ ангельскихъ умовъ родились. Положись на меня крѣпко: есть ли же меня минувъ, заложишь вѣкъ твой на иной премудрости, то она тебѣ будетъ и Богомъ, но не истиннымъ, а посему и счастье твое подобно будетъ воровской монетѣ». «Вся преходитъ—любы же нѣ» *).

Величайшее благо, какимъ надѣлилъ насъ Богъ—это премудрость, «которая природный есть его отблескъ, сіяніе, печать». Сковорода под-

*) См. сочиненія Г. С. Сковороды. 1861.

**) Ibid.

робно развиваетъ это въ тѣхъ же «Правилахъ» въ главѣ о промыслѣ Божіемъ. Разумъ въ глазахъ Сковороды есть главная прелесть человѣка: «Премудрость во всѣхъ нашихъ дѣлахъ и рѣчахъ—душа, польза и краса, а безъ нея все мертво и гнусно... Родимся мы безъ нея *), однако для нея. Кто къ ней охотѣе и природнѣе,—тотъ благороднѣе и острѣе, а чѣмъ больше кто съ ней имѣетъ участіе, тѣмъ дѣйствительнѣйшее, но непонятное внутри чувствуетъ блаженство или удовольствіе. Родимся мы всѣ безъ нея, но для нея. Она-то и есть прекраснѣйшій образъ Божій. Она дѣлаетъ насъ изъ дикихъ и безобразныхъ монстровъ или уродовъ—человѣками, т. е. не звѣрскими, а годными для общественнаго сожителства. Она отличаетъ насъ отъ звѣрей милосердіемъ и справедливостью, а отъ скотовъ воздержаніемъ и разумомъ. Это есть образъ Божій, тайно на сердцѣ написанный, сила и правило всѣхъ нашихъ движеній и дѣлъ. Разумъ, также какъ и Богъ носили разные названія въ разное время, правда, имя Божье, сила Божья, Слово, Воскрешеніе, Животъ, Христовъ».

Во всемъ этомъ рационализмъ видно вліяніе уже не одного Сократа и Платона, а болѣе современныхъ западно-европейскихъ философскихъ системъ. Особенно сильно отразилось на Сковородѣ ученіе великаго Спинозы съ его пантеизмомъ и нравственнымъ ученіемъ: познаніе добра даетъ человѣку силу побѣждать страсти, разумъ одинъ даетъ счастье, — заключающееся въ любви къ Богу и тихомъ довольствѣ, вытекающемъ изъ сознательнаго повиновенія не страстямъ, а разуму. Какъ Спиноза отождествлялъ доброе съ полезнымъ въ широкомъ смыслѣ слова, такъ и Сковорода называлъ доброе — нужнымъ. Но поддаваясь въ то же время германскимъ мистикамъ — Якову Беме и др. — Сковорода остался позади послѣдовательности своего любимаго учителя Сократа. Философія Сократа открывала своимъ ученикамъ двери широкому изученію природы; Сковорода же признавала единственнымъ источникомъ познанія священное писаніе — Библію, книгу изъ книгъ: «Богъ есть Библія». Глубоко уважая ее, Сковорода, впрочемъ, прямо говоритъ, что Библія навела сперва «на еврейскій, а потомъ и на христіанскій народъ безчисленныя и ужасныя суетвѣрій наводненія. Изъ суетвѣрій родились вздоры, слоры, сеты, вражды, междоусобія и странныя ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и проч.». Суетвѣріе, по словамъ Сковороды, предпочитаетъ «всякія враки» выше милости и любви, оно заставляетъ брата преслѣдовать брата и убійствами думаетъ сослужить службу Богу. «Говорятъ суетвѣру: слушай другъ! Нельзя сему стать... Противно натурѣ... Но ояъ во весь опоръ, со желчью вопіеть, что точно детали Ильины кони, плавало при Елисаѣ желѣзо, говорили при Авраамѣ змѣи» и т. д. «Суетвѣръ скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится, иной сердить, что погружаютъ, другой бѣсится, что обливаютъ крещаемого. Но кто сочтетъ всю суетвѣрныхъ головъ пучину. Будто Богъ—Варваръ, чтобы за мелочь враждовать». Такая терпимость къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ въ устахъ ученика Бѣвской академіи, занятой главнымъ образомъ борьбой съ уніей и католичествомъ, особенно цѣнна и показываетъ, что Сковородѣ, вѣроятно, не было чуждо лучшее художественное прозаическое

*) Здѣсь очевидно отразилось на Сковородѣ ученіе Локка: вѣтъ прирожденныхъ идей,—въ противность Декартовскимъ прирожденнымъ понятіямъ. Такъ перемѣшались въ Сковородѣ религіозный мистичизмъ и философскій рационализмъ.

деніе того времени: «Натакъ Мудрый», Лессинга, гдѣ мудрость и добро возвышаются надъ всеми разногласіями разныхъ религіозныхъ исповѣданій. «Развѣ кто угорѣлъ,—продолжаетъ Сковорода,—или въ горячкѣ, тотъ только снажетъ, желѣзо плаваетъ. И кой се есть родъ страшный Богословія, если въ немъ рѣчь о желѣзѣ, не о Богѣ!» Относительно чудесъ Сковорода прибѣгалъ къ довольно остроумному приему, освобождающему его отъ толкованія ихъ: «Каковымъ же способомъ Божія Премудрость,—говоритъ онъ,—родилась отъ Отца безъ матери и отъ Дѣвы безъ Отца, какъ Она воскресла и опять къ своему Отцу вознеслась и проч., пожалуй не любопытствуй. Поступай и здѣсь такъ, какъ бы на нѣкоторомъ зрѣлищѣ и довольствуйся тѣмъ, что глазамъ твоимъ представляется; а за ширмы, за хребетъ театра не заглядывай. Сдѣлана сія завѣса нарочно для худородныхъ и склонныхъ къ любопытству сердецъ; потому что худородность, чѣмъ въ ближайшее знакомство входитъ, тѣмъ пуще къ великимъ дѣламъ и персонажъ учтивость теряетъ! На что тебѣ спрашивать напр. о воскресеніи мертвыхъ, есть ли и самый даръ—воскрешать ничто не пользуетъ бездѣльной душѣ? Отъ таковыхъ то любопытниковъ породились расколы, суевѣрія и проч. язвы, которыми вся Европа безпокоится. Не тотъ вѣреть Государю, кто въ тайности его выкинуть старается, но тотъ, кто волю его усердно исполняетъ» *).

Толкуя въ своихъ правилахъ всѣ десять заповѣдей, онъ высказываетъ совершенно ясно свое отношеніе къ обрядамъ: «Вся Десятисловія сила,—говоритъ Сковорода,—вмѣщается въ одномъ словѣ—*любовь*. Она есть вѣчнымъ союзомъ между Богомъ и человѣкомъ—самъ Богъ именуется Любы. Сія божественная Любовь имѣетъ на себѣ вѣщныя виды или значки, они называются церемоніи или обрядъ благочестія. Итакъ, церемонія возлѣ благочестія, что на зернахъ скорлупа и шелуха. Есть ли жъ сія обрядность лишена своей силы, въ то время остается одна лицемѣрная обманчивость, а человѣкъ—гробомъ раскрашеннымъ».

Оставляя его богословскія разсужденія, остановимся еще на его ученіи о счастьѣ, вытекающемъ непосредственно изъ его презрѣнія ко всему вещественному, плотскому. Счастье, по понятіямъ Сковороды, есть внутреннее довольство, основанное на познаніи себя и истины, т. е. Бога, слѣдовательно, счастье не во вѣшнемъ мірѣ, оно въ насъ самихъ. «Нѣтъ слаще для человѣка,—говоритъ Сковорода,—и нѣтъ нужнѣе, какъ счастье, нѣтъ же ничего и легче сего. Царствіе Божіе внутри насъ. Счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ законѣ Вѣчнаго». А Спиноза говоритъ: «Наше величайшее счастье въ познаніи Бога, которое приводитъ насъ къ исполненію только такихъ поступковъ, какіе предписываютъ намъ любовь и вѣра. Обладать познаніемъ Бога значитъ ощущать къ нему безконечную интеллектуальную любовь;—наслаждаться этимъ познаніемъ и этой любовью значитъ достигнуть идеальнаго человѣческаго счастья» **). Сковорода, какъ народный философъ доказываетъ свою мысль популярными доказательствами. «Что было бы тогда,—спрашиваетъ онъ своихъ слушателей,—если бы счастье, пренужнѣйшее и прелюбезнѣйшее для всѣхъ, зависѣло отъ времени, отъ мѣста, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе, что было бы тогда, если бы счастье Богъ заключилъ въ Америку или въ Канар-

*) См. сочин. Г. С. Сковороды. Спб. 1861 г.

***) La Morale de Spinoza. R. Worms, P. 1892 г.

скихъ островахъ, или въ Азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣжѣ, или въ богатствахъ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи. Тогда бы и счастье наше и мы съ нимъ были бѣдны. Кто-бы могъ собраться къ тѣмъ мѣстамъ: Какъ можно вѣсѣмъ родиться въ одномъ коемъ то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и счастіѣ? Кое же то и счастье, утвержденное на пескѣ плоти, на ограниченномъ мѣстѣ и времени, на смертномъ человѣкѣ?*) На эти же вопросы Скворода складываетъ пѣсню:

Счастье гдѣ ты живешь?
Горлицы скажите,
Въ полѣ ли овцы пасешь
Голуби возвѣстите?
О счастье нашъ ясный свѣтъ!
О счастье нашъ красный цвѣтъ!
Ты мати намъ покажися!
Счастье, гдѣ ты живешь,
Мудрые скажите!
Въ небѣ ли ты пиво пьешь,
Книжники возвѣстите.
О счастье нашъ ясный свѣтъ и т. д.
Книжники вотъ всѣ молчатъ,
Птицы тоже всѣ нѣмы,
Не говорятъ, гдѣ есть маты,
Мы же сами не вѣмы
О счастье нашъ ясный свѣтъ и т. д.
Счастья нѣтъ на землѣ,
Не обращаешь мя явнѣ...

Вотъ и еще пѣсня на ту же тему:

Возлети на небеса,
Хоть въ версальскіе дѣса,
Воздѣнь одежду золотую
Воздѣнь и шапку парчевую,
Когда ты не весель,
То все ты нищъ и голъ!..

Въ этомъ-то требованіи отъ жизни внутренняго веселія, вмѣсто внѣшняго матеріальнаго довольства и заключалось воспитательное значеніе для народа Сквороды. Это былъ истинно убѣжденный народный учитель добра, вѣсѣмъ съ жизнерадостной улыбкой говорившій:

Претрудно быть злымъ,—
Легко быть благимъ.

Онъ будилъ въ каждомъ слушателѣ умственную работу, заставляя въдумываться въ свою жизнь, въ свои недостатки и жадно искать истины. Глубокая вѣра въ непогрѣшимость разума и остроумная критика людскихъ слабостей и заблужденій—вотъ что освѣщаетъ всѣ даже самыя неудобопонятныя сочиненія Сквороды, полныя часто туманныхъ символовъ и уподобленій.

Занимаясь главнымъ образомъ этикой и богословіемъ, Скворода не обращалъ почти никакого вниманія на политику, хотя въ Западной Европѣ не могъ не ознакомиться съ господствовавшими въ то время ученіями Вико, Пуффендорфа, Кондилляка, Дидро и Руссо. На общественныя условія жизни онъ не обращалъ вниманія и нигдѣ о нихъ не высказывается.

*) См. Рукопись Г. С. Сквороды: Зміи Израильскій.

Но въ своей «Симфоніи о народѣ» Скворода, широко толкуя свое главное ученіе о познаніи себя, старается ввести челоуѣка въ соотношеніе съ окружающими его людьми: у Сократа самопознаніе обращено главнымъ образомъ на три цѣли: 1) сдѣлать личность челоуѣка независимой, оградивъ ее отъ нуждъ и страстей; 2) облагородить общественную жизнь дружественными отношеніями его членовъ; 3) основать общее благо отдѣльнаго гражданина на благоустройствѣ цѣлаго государства *).

Скворода устанавливаетъ тройкое познаніе о себѣ: 1) какъ о бытіи самоличномъ, какъ о «челоуѣкѣ одинокомъ, отъ всѣхъ людей отличномъ, только на самого себя похожемъ»; 2) познаніе себя, какъ существа общезычительнаго, гражданина, какъ часть того или другого народа, какъ челоуѣка, соединеннаго съ другими общей вѣрой, общимъ языкомъ, обычаемъ, закономъ, живущихъ на одной землѣ имя которой родина, отчизна, рѣчь общая — *respublica*... Вспомни пѣсню: Ойтудися хилать лозы, куди имъ похило; туди очи выглядяють, куди сердцю мило? Всякъ долженъ узнать свой народъ и въ своемъ народѣ себя. Русь ли ты? — будь имъ: вѣрь православно, служи царицѣ правно, люби братію правно. Нѣмецъ ли ты — нѣмечествуй! и т. д.; 3) является познаніе себя, какъ существа, сотвореннаго по образу и подобию Божію, общаго со всѣми людьми. Это познаніе указываетъ нашу общность со всѣмъ челоуѣчествомъ и объясняетъ намъ, чѣмъ именно мы становимся челоуѣкомъ. Всѣ эти три познанія Скворода считалъ одинаково необходимыми и тѣмъ вмѣнялъ челоуѣку въ обязанность быть членомъ того или иного общества и въ то же время всего челоуѣчества. «Что есть челоуѣкъ одинокій, уединяющій себя отъ другихъ и погружающійся въ думы о себѣ одномъ? спрашиваетъ Скворода въ той же «Симфоніи о народѣ», и отвѣчаетъ: «круглый сирота, дитя безродное, родитель безчадный» **). Точно также и народъ, отдѣляющій свои интересы отъ остальныхъ народовъ, есть, по выраженію Сквороды: бытіе, не имѣющее будущаго, а раждающееся только на время, въ извѣстномъ пространствѣ, но не имѣющее въ себѣ ничего вѣчнаго. «Спаситель, — по словамъ Сквороды, — первый училъ такому полному тройкому познанію себя».

Такимъ образомъ, извлекая изъ темныхъ, схоластическимъ языкомъ написанныхъ, сочиненій Сквороды основныя его мысли, мы получаемъ стройное и законченное философское міросозерцаніе, сложившееся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Сократа и Спинозы. Мы видимъ, что Скворода былъ широко знакомъ съ современнымъ состояніемъ философіи въ Европѣ и основательно изучилъ Сократа и Платона. Изъ всего этого знанія онъ беретъ только то, что наиболѣе согласуется съ его собственнымъ міровоззрѣніемъ. Онъ остается совершенно чуждъ Лейбницу, имѣвшему наибольшее вліяніе въ Германіи въ половинѣ XVIII вѣка, но проникается широкимъ ученіемъ Спинозы, ловить мысли Локка и жадно вслушивается въ новыя ученія французскихъ энциклопедистовъ, въ ихъ ученіе о природѣ. Какъ разъ въ то время, когда Скворода путешествовалъ по Европѣ, Руссо (въ 1750 году) защищалъ свой знаменитый «*Discours sur les Arts et les sciences*», Дидро провозглашалъ, что божество познается въ законахъ природы, въ истинѣ, красотѣ, благѣ; Дюбо приглашалъ искусство возвы-

*) *Клевановъ*. Обзорніе философской дѣятельности Сократа и Платона, стр. 53.

**) См. *Хиждеу*. Истор.-крит. очеркъ о Сквородѣ. «Телескопъ» 1835.

ситься надъ пошlostью дѣйствительности подражаніемъ прекрасной природы. И вотъ въ ясной головѣ нашего народнаго философа, насколько можно судить по тѣмъ отрывкамъ его сочиненій, какія до насъ дошли, складывается свое рационально-деиственное ученіе, которое мы постараемся резюмировать въ слѣдующихъ сжатыхъ словахъ.

Богъ есть вселенскій разумъ. Онъ животворить весь міръ. Самъ по себѣ видимый міръ ничто — тлѣнь, песокъ — только духъ даетъ содержаніе матеріи. Но яснаго отношенія духа къ матеріи въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ Скворода не устанавливаетъ. Въ человѣкѣ дѣяна тоже только душа — частица божества, въ ней разумъ, красота и добро. Ее долженъ человѣкъ познать. Познавши Бога, онъ неизбежно полюбитъ его и, повинувся разуму, воспитаетъ въ себѣ душу; приобрѣтя такимъ образомъ познаніе добра, онъ будетъ счастливъ, будетъ всегда покорять всѣ свои страсти, и въ любви къ ближнимъ, въ сближеніи съ природой обрѣтетъ истинное счастье и то вѣчное спокойствіе, которое лишено всякаго страха матеріальныхъ лишеній, всякаго страха смерти. «Благодареніе Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ. Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе, какъ счастье; нѣтъ же ничего и легче сего. Счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ Законѣ Разума», вотъ главная суть жизнерадостнаго ученія, которое проповѣдывалъ нашъ народный философъ то въ формѣ философскаго сократовскаго разговора, то въ видѣ писемъ, какъ Спиноза, то въ общедоступной формѣ пѣсни или басни. Онъ первый обратился къ народу съ философскимъ ученіемъ, заговорилъ о разумѣ, нравственныхъ истинахъ; всѣмъ старался открыть истинный смыслъ жизни, дать ключъ ко всѣмъ доступному счастью нашъ скромный, странствующій философъ въ сѣрой свитѣ съ видлосю, именующій себя старцемъ Варсаввой.

Глава III.

Значеніе Сквороды.

Чтобы опредѣлить значеніе Григорія Саввича Сквороды лучше всего обратиться къ его же собственному, иногда проищескому, но всегда искреннему опредѣленію взятой имъ на себя миссіи.

Мы знаемъ уже, что онъ былъ совершенно чуждъ всякаго славолубія и самоиѣнія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ друзьямъ онъ говоритъ совершенно добродушно: «Я все пока ничто; какъ стану что, то съ меня ничто», т. е., другими словами, онъ предпочиталъ уклоняться отъ всякаго общественнаго положенія, видя въ сопряженныхъ съ нимъ обезпеченности и почестяхъ «мышеловку — для души», которая только отнимаетъ возможность быть «благимъ». Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что «добрый человекъ вездѣ найдетъ насыщенный хлѣбъ у людей и воду дастъ ему земля безъ платы, а лишнее не нужно». Любилъ онъ повторять имъ самимъ о себѣ составленную поговорку: «нѣсмь Богъ и согрѣшаю, нѣсмь паки бѣсъ и каюсь, человекъ есмь, ничтоже болѣе, ничтоже менѣе» *).

Но рядомъ съ такимъ смиреніемъ въ душѣ Григорія Саввича жила благородная мечта, высокое стремленіе стать учителемъ истины для своего народа. До насъ дошла одна его молитва, молитва пламенная и чисто-

*) См. Хиждеу «Телескопъ», стр. 15.

сердечная, обличающая его необыкновенную душу, способную всецѣло отдаться служенію Великому, — вотъ она: «Отче нашъ иже еси на небесахъ! скоро ли пошлешь къ намъ Сократа, который научилъ бы насъ напервыѣ познанію себя, а когда мы себя познаемъ, тогда сами изъ себя выведемъ науку, которая будетъ наша своя, природная. Да святится имя Твое въ мысли и помыслѣ раба Твоего, который замыслилъ умомъ и пожелалъ волею быть Сократомъ въ Руси, но земля русская обширнѣе греческой и не то то легко будетъ ему скоро обхватить проповѣдью своей. Да придетъ царствіе Твое, а тогда зерно по слову Твоему съемое взойдетъ яко кривъ и тогда я выпилъ бы стаканъ кокуты, какъ соты медовья» *).

Эта молитва рядомъ съ другимъ признаніемъ его, въ которомъ онъ говорилъ о своемъ увлеченіи собственными проповѣдями, ясно обнаруживаетъ передъ нами человѣка съ опредѣленнымъ призваніемъ, неудержимо влекущемъ его всю жизнь къ одному и тому же дѣлу — проповѣди; вотъ это признаніе: «согрѣлося сердце мое и въ поученіи моемъ разгорается огонь: ибо что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца и не для того только, чтобы говорить или чтобы не молчать. Я цѣлую жизнь промолчалъ бы, коль Минерва моя не велѣла бы мнѣ говорить и коль наболталъ много, то отъ избытка сердца» **). Иногда, когда ему попадалась вполнѣ понимающая его и отзывчивая аудиторія, онъ приходилъ въ совершенный энтузіазмъ: «О какъ мнѣ тогда легко и весело и любо и мило и вольно, — наивно восклицаетъ онъ. Мысль моя летаетъ безпредѣльно въ высоту, глубину, въ широту: не мѣшаютъ ей ни горы, ни моря, ни степи: она провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядываетъ въ прежде бывшее, объемлетъ сердце, проникаетъ въ будущее».

Отдаваясь этому искреннему влеченію къ поученію, Скворода ходилъ по торжищамъ, по базарамъ, по кладбищамъ и церквямъ, въ праздничные дни, когда, по его выраженію «скачетъ пьяная воля»; и въ будни на поляхъ, гдѣ «въ безодни ноть поливаетъ нивы», и нивто не препятствуетъ ему проповѣдывать свое своеобразное ученіе.

Иногда Скворода называлъ свое ученіе «простонародной плеткой или тканкой», т. е. тканью, сотканной изъ народныхъ знаній и часто юморизировалъ надъ нимъ, называя его «бѣлымъ блиномъ на черной сквородѣ». Этотъ бѣлый блинъ былъ хорошей здоровой пищей и предлагалъ его Григорій Саввичъ всего охотнѣе именно простолюдинамъ, народной массѣ, своимъ землякамъ: «Надо мной смѣются, — говорилъ онъ, — что слѣбнымъ показываю свѣтъ, что я звонарь для глухихъ; пускай острятъ: они знаютъ свое, а я знаю мое, и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя тяга мнѣ успокоеніе».

Скворода любилъ простой народъ и относился съ полнымъ довѣріемъ къ его уму: «Барская еунность (т. е. свѣсъ) — будто простой народъ есть черныи — видится мнѣ смѣшно, — говоритъ Скворода: — какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая, ибо какъ мертвой рожать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа вылезли бѣлые господа?.. Мудрствуютъ: большой народъ спитъ и сномъ крѣпкимъ богатырскимъ, что лишь въ сказкахъ, но всякъ сонъ есть пробудный, и

*) См. тамъ же, Хиждеу.

**) См. тамъ же.

кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспитесь, такъ проснется, когда намечтается, забожествуетъ и забудетъ» *).

Сковорода больше всего любилъ называть себя или старцемъ, или народоучителемъ и часто подписывался «Публикола». По мнѣнію Сковороды, чтобы быть понятымъ народомъ, учитель долженъ изучить природу народа, его волю, языкъ и обычаи: учитель долженъ быть слуга природы, т. е. извлекать изъ ученика тѣ склонности и способности, которыя въ немъ дремлютъ: «Сокола,—говорилъ Григорій Саввичъ,—вскорѣ научить летать, но не черепаху. Орла въ мгновеніе навичать взирать на солнце, но не сову... Всякое дѣло свѣтъ собой и наука свѣтъ собой. Клубокъ самъ собой покатится съ горы, отними только ему препятствующій камень. Не учи его катиться, а только пособляй». Онъ считалъ, что учитель долженъ быть изъ народа и долженъ примѣнять свое обученіе къ народному характеру, соединять сущность истины съ доступной народной формой изложенія ея: «какъ огонь и свѣтъ невидимо таятся въ кремнѣ и обнаруживаются ударомъ о кресало, такъ въ каждомъ народѣ таятся особая сущность народнаго характера и его воспитанія; раскрыть ее можно только понимая сущность души народной, вотъ почему нельзя воспитывать народъ чужими выписными мудрецами».

Какъ же относилась къ своему учителю вся масса его слушателей и учениковъ? Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ о томъ почти никакихъ свѣдѣній. Д. И. Богалей говоритъ, что «нравственное вліяніе Сковороды на простой народъ было очень благотѣльно», и приводитъ очень характерныя воспоминанія о Сковородѣ Лубяновскаго: «Старикъ выше средняго роста, въ сѣромъ байковомъ сюртукѣ, украинской овчинной шапкѣ, съ палкой въ рукѣ, по нарѣчію сущій малороссіянинъ. Страсть его была жить въ крестьянскомъ кругу, любилъ онъ переходить изъ села въ село, изъ слободы въ слободу, изъ хутора въ хуторъ, вездѣ и всѣми былъ встрѣчаемъ и провожаемъ съ любовью, у всѣхъ былъ онъ свой. Не стяжалъ онъ ни золота ни серебра, но народъ не затѣмъ принималъ его подъ свои кровли. Напротивъ того, хозяинъ дома, въ который онъ входилъ, прежде всего всматривался, не нужно ли было чего-нибудь поправить, почистить, переменить въ его одѣяніи, въ его обуви; все это и дѣлалось немедленно. Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще бывалъ и долѣе оставался, любили его, какъ родного. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недоброе совѣстьность; и онъ утѣшался, когда видѣлъ, что его трудъ странническій не совсѣмъ былъ безплоденъ» **).

Какъ прививались къ народной массѣ наставленія Сковороды мы можемъ видѣть изъ народной оперетты Котляревскаго—«Наталка-Полтавка». Мало того, что въ нее вставлены двѣ Сковородинскія пѣсни, ставшія уже достояніемъ народа, но и вся главная фигура оперетты—Возный—освѣщена отраженнымъ свѣтомъ этическаго міросозерцанія Сковороды.

Банты, духовныя вирши и пѣсни Сковороды распространились по всей Малороссіи. Изъ воспоминаній дѣтства Т. Г. Шевченко, мы видимъ, что

*) См. Соч. Г. С. Сковороды. 1861 г. [«Разговоръ о внутреннемъ чловѣкѣ».

**) См. Харьковскія Универ. Зап.

тетрадошки съ стихотвореніями Сквороды заходили и въ Кіевскую губернію, въ то глухое село, гдѣ провелъ свое дѣтство великій украинскій поэтъ.

Но всѣхъ отзывчивѣе къ ученію Сквороды относились сектанты, какъ наиболее развитая часть населенія. Около половины прошлаго столѣтія, въ селеніи Охочемъ, Харьковской губерніи одинъ прусскій унтеръ-офицеръ положилъ начало духоборческой секты. Новые сектанты жадно прислушивались къ Сквородѣ, ученіе котораго такъ совпадало съ ихъ главными положеніями; что душа есть внутренній храмъ Божества и что всѣ виѣшнія обрядности «шелуха на зернѣ благочестія». Сквородѣ даже приписываютъ составленіе «Исповѣданія ученія екатеринославскихъ духоборцовъ 1791 года». Молокане, появившіеся въ Слободской Украинѣ около этого же времени (въ 1788 году), тоже относились съ большимъ вниманіемъ къ народному философу и глубоко его уважали. Они съ любопытствомъ знакомились съ его сочиненіями и переписывали ихъ; особенно популярностью между ними пользовалась «Библиотека Духовная», «Начальная дверь къ христіанскому благогранію» и «Дружескій разговоръ о душевномъ мѣрѣ». Они до сихъ поръ распѣвають у себя въ домахъ его стихи и псалмы, придерживаясь имъ же сочиненныхъ напѣвовъ. Скворода извѣстенъ у молоканъ подъ именемъ *Апостола христіанства* *).

Память о Сквородѣ долго жила въ Слободской Украинѣ. У того же Дубяновскаго разсказывается, что въ 1831 году одинъ старикъ крестьянинъ говорилъ о Сквородѣ, что «это былъ человекъ разумный и добрый, училъ и наставлялъ добру, страху Божьему и упованію на милосердіе Распятаго за грѣхи наши Господа нашего Иисуса Христа. Когда начнеть намъ, бывало, разсказывать Страсти Господни или блуднаго сына, или добраго пастыря, сердце, бывало, до того размягчится, что заплачешь, вѣчная память Сквородѣ» **).

На мѣстѣ его родины о немъ мало помнятъ, одни говорятъ, что изъ него вышелъ знаменитый профессоръ, а другіе — что онъ былъ «ажъ митрополитомъ». Слободская Украина, которую онъ столько разъ исходилъ вдоль и поперекъ, сохранила о немъ болѣе живое воспоминаніе. Къ могилѣ его въ Панъ-Ивановѣ относились съ большимъ уваженіемъ, и когда имѣніе перешло въ другія руки, новому владѣльцу говорили крестьяне, что въ его саду заключенъ великій кладъ, подъ которымъ и подразумѣвалась могила дорогаго учителя.

Вотъ это-то значеніе и мы считаемъ самымъ главнымъ для Сквороды. Онъ поставилъ себѣ задачу жизни — поучать своихъ земляковъ, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Съ пылкой любознательностью изучивъ за короткое время своихъ странствій по Европѣ всѣ современные философскія ученія, онъ самостоятельно переработалъ ихъ въ своемъ ясномъ и проницательномъ умѣ и вернулся домой съ цѣльнымъ раціональнымъ ученіемъ. Онъ не пошелъ излагать его съ кафедры, а обратился съ нимъ къ народной массѣ, которую еще и до нашихъ дней считаютъ слишкомъ темной, неспособной къ постиженію философской истины. Скворода, въ противоположность другимъ появившимся въ Россіи

*) См. *Новицкій*, «Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученія».

***) Боголей, стр. 27.

философамъ, не впалъ въ мистицизмъ, не создалъ никакой односторонней сѣтны, а оставался чистымъ деистомъ и рационалистомъ, внося въ темную массу своихъ слушателей уваженіе къ разуму и вѣру въ просвѣщеніе.

Что касается до вліянія Сквороды на образованное общество того времени, то, по отзывамъ всѣхъ хроникеровъ и историковъ, оно было самое благотворное. Среди друзей и учениковъ Сквороды, мы видимъ лучшихъ представителей интеллигентнаго дворянства Слободской Украйны: Бвитуку, Розельонъ-Сошальскихъ, Донецъ-Захаржевскихъ, Ковалевскаго, Коваленскаго, губернатора харьковскаго Щербянина, харьковскаго же городского голову Урюпина. Всѣ единогласно признають, что его поученія подготовили харьковское общество къ открытію пераго университета на югѣ—въ Харьковѣ. Между помѣщиками, поддержавшими это открытіе университета собственными деньгами, мы видимъ все тѣхъ же хорошихъ знакомыхъ Григорія Саввича; изъ нихъ же вышли и первые слушатели Харьковскаго университета. Вотъ почему Данилевскій, его лучший біографъ, признаетъ его величайшее общественное значеніе главнымъ образомъ какъ бойца за просвѣщеніе своего народа; «своими бесѣдами и примѣромъ своей жизни,—говоритъ Данилевскій,—«горячю, почти суевѣрною любовью къ наукѣ и какимъ-то вдохновеннымъ отшельническимъ убійствомъ плоти своей во имя духа и мысли, убійствомъ «ветхихъ» стремленій человѣка во имя божественныхъ цѣлей высшей правды и разума, добра и свободы, онъ пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ, зажигалъ ихъ на добрыя дѣла, и чего ни касался, все просвѣтлялъ какимъ-то новымъ яснымъ свѣтомъ».

Эта оцѣнка Сквороды, всегда желавшаго именно быть учителемъ своего народа, намъ кажется гораздо правильнѣе тѣхъ стараній другихъ его критиковъ и біографовъ, которые стараются придать особое значеніе достоинствамъ философскаго ученія Сквороды, какъ это дѣлаетъ Хиждеу.

Отдавая должное оригинальности и глубинѣ философскаго ученія Сквороды, его широкой философской образованности, мы все же цѣнимъ прежде всего глубоко симпатичнаго старца Варсавву, съ жизнерадостнымъ тихимъ настроеніемъ, съ «совѣстью чистой какъ хрусталь», создавшаго свое глубоко религиозное и въ то же время рациональное нравственное ученіе и прямо обратившагося съ нимъ къ народной массѣ. Намъ дорогъ въ немъ безкорыстный народный учитель добра и истины, который не зналъ никакихъ оболоченій суетнаго свѣта и не вступалъ никогда въ сдѣлки съ своей совѣстью. Черезъ полвѣка послѣ него великій поэтъ, вышедшій изъ того же народа, повторилъ въ иной, болѣе художественной формѣ, тотъ же великій завѣтъ Сквороды:

Учитесь братья мои,
Думайте, читайте
И чужому научайтесь
И своего не чурайтесь!

С. Р.

РОДИНА

Романъ Герцфельда.

Переводъ съ финскаго проф. П. О. Морозова.

(Продолженіе *).

VI.

Пробывъ въ Гельсингфорсѣ нѣсколько дней, Хейкки началъ замѣчать что въ сравненіи съ прежнимъ все значительно измѣнилось. Въ руководящихъ кружкахъ финноманской партіи среди студенчества, на улицахъ и въ клубѣ жизнь шла гораздо тише прежняго; о сближеніи и сляніи съ народомъ какъ будто никогда не было и помину. На всѣхъ лицахъ замѣчалось озабоченное и дѣловитое выраженіе. Разговоры шли только о городскихъ и сеймовыхъ выборахъ и о ихъ результатахъ. Народнымъ вопросомъ перестали интересоваться даже тѣ студенческіе кружки, которые прежде афишировали свое народничество синими ковардами и восторженными рѣчами. Онъ уступилъ свое мѣсто вопросамъ общественнымъ и политическимъ. Но и въ этой области обнаружилось совершенно новое направленіе: борьба между финноманами и свекоманами велась исключительно на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Надъ восторженными идеями подсмѣивались, какъ надъ ребячествомъ: дѣло было вовсе не въ восторгѣ и не въ идеяхъ, а въ томъ, какъ бы получше подставить противнику ножку и самому занять его мѣсто.

Студенты, видимо, совсѣмъ охладѣли къ сходкамъ и патриотическимъ рѣчамъ. Взамѣнъ этого, они стали больше говорить о своихъ „обязанностяхъ“ и старались зарабатывать

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

себѣ, кто чѣмъ могъ. „Любовь къ народу—штука хорошая,—говорили они:—но ею сытъ не будешь“.

Кое-гдѣ, впрочемъ, еще попадались восторженные юноши, которые говорили зажигательныя рѣчи и пили „за родину“. Они вѣрили, что благородный патріотизмъ еще вспыхнетъ яркимъ пламенемъ, что еще не все погасло, и проводили цѣлыя ночи, слушая другъ друга и всякій разъ встрѣчая восходъ солнца такъ радостно, какъ будто бы оно впервые появилось на небѣ нарочно для того, чтобы ихъ привѣтствовать.

Затѣмъ были и такіе, которые на все смотрѣли съ совершенно новой точки зрѣнія. Это были уже не тѣ прежніе студенты, которые, захлебываясь отъ восторга, распѣвали патріотическіе гимны и почти не заботились о личной жизни, такъ какъ на первомъ планѣ всегда ставили общее дѣло. Они, напротивъ, самую важную задачу видѣли въ развитіи и совершенствованіи личности. Они не вѣрили ни въ какія идеи, пока эти идеи не представились имъ, такъ сказать, осязательно; внимательно присматриваясь къ окружающей ихъ жизни, они рѣдко находили въ чемъ-нибудь удовлетвореніе и потому большею частью были настроены пессимистически. Они говорили что все основывается только на эгоизмѣ, на личномъ интересѣ, искали такихъ людей, которые основывали бы свои дѣйствія на альтруизмѣ,—и не находили ихъ.

Объ „общемъ дѣлѣ“ они говорили мало; но самыя смѣлыя между ними открыто признавали себя космополитами. Патріотизму они не придавали большой цѣны, считая его тоже за одно изъ проявленій эгоизма; они указывали, въ видѣ примѣра, на тѣхъ или другихъ политическихъ или общественныхъ дѣятелей, для которыхъ слово „родина“ служило только красивымъ флагомъ, прикрывающимъ властолюбивыя стремленія, жажду извѣстности или богатства.

Къ числу людей этого образа мыслей принадлежалъ Олли, съ которымъ Хейкки поселился въ одной камнатѣ. Когда-то, на снелльмановскомъ праздникѣ, онъ, сидя въ углу съ Эмилемъ, подсмѣивался надъ восторгами своихъ товарищей. Но затѣмъ онъ не пошелъ по одной дорогѣ съ Эмилемъ. Никакого разговора объ „идеяхъ“ онъ не хотѣлъ и слушать: онъ уже не вѣрилъ ни въ идеи, ни въ кумировъ.

Олли былъ на медицинскомъ факультетѣ, и съ товарищами встрѣчался большею частью въ ресторанахъ. Иногда

онъ исчезалъ на нѣсколько дней въ какой-нибудь компаніи, такъ что Хейкки и не видалъ его; но это не помѣшало Хейкки чуть не съ первой же встрѣчи привязаться къ нему. Когда имъ случалось бесѣдовать между собою, сейчасъ же обнаруживалось, что нѣтъ такого вопроса, о которомъ они были бы одинаковаго мнѣнія,—и Хейкки никогда не удавалось въ чемъ-нибудь его убѣдить: Олли всегда повторялъ вполголоса: „ну, да; ну, да, понимаю“, но, видимо, не обращалъ на его слова никакого вниманія.

Когда Хейкки разговаривалъ съ Анти, они вполнѣ понимали другъ друга, и Анти сейчасъ же усваивалъ всѣ идеи своего собесѣдника. Но тѣ же самыя идеи, которыя такъ сильно дѣйствовали на Анти, Олли выслушивалъ съ самымъ спокойнымъ и разсѣяннымъ видомъ, даже ни разу не взглянувъ на Хейкки,—и послѣдній всегда чувствовалъ, какъ обрывается нить его мыслей и какъ изъ высшихъ идеальныхъ сферъ онъ падаетъ на землю, въ область чисто-практическаго дѣйствія, въ которой онъ всегда былъ какъ-то не на мѣстѣ. Въ практическихъ, житейскихъ дѣлахъ онъ ничего не зналъ и ничего не могъ сказать; здѣсь всякій мальчишка легко взялъ бы надъ нимъ верхъ. Онъ чувствовалъ, какъ безнадежно опускались его крылья,—и уже не въ силахъ былъ попрежнему подняться надъ мелочами жизни.

Когда Олли бывалъ дома, онъ обыкновенно читалъ, лежа на постели и положивъ ноги на спинку кровати. Иногда же онъ просто валялся безъ всякаго дѣла, не зная, чѣмъ прогнать убійственную скуку, которая, повидимому, всегда его мучила. Въ такія минуты онъ часто становился ядовитымъ. Онъ отлаживалъ книгу, снималъ очки, протиралъ себѣ глаза и, повернувшись въ сторону Хейкки, который, обыкновенно, читалъ, сидя за столомъ у окна, отпускалъ что-нибудь злое, язвительное, нарочно придуманное для того, чтобы взбѣсить товарища.

Гегеля онъ терпѣть не могъ, и вообще изъ философовъ признавалъ только Шопенгауэра, а изъ историковъ—только Бовля. Кромѣ нихъ, онъ могъ говорить только объ ученыхъ натуралистахъ и, какъ завзятый дарвинистъ, высоко ставилъ Геккеля и Бюхнера. Хейкки былъ увѣренъ, что Олли въ своихъ выводахъ шелъ дальше этихъ ученыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Олли, человѣкъ не только произошелъ отъ обезьяноподобнаго существа, но и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи совсѣмъ не далеко ушелъ отъ обезьяны; всѣ чело-

вѣческія чувства, самыя тонкія и благородныя, онъ объяснялъ матеріально, какъ происходяція изъ побужденій чисто фізіологическихъ.

Хейкки не разъ хотѣлъ ему замѣтить, что обезьяны не знаютъ патріотическаго чувства, но боялся, что Олли будетъ надъ нимъ смѣяться, такъ какъ онъ и прежде подшучивалъ надъ патріотическимъ восторгомъ и говорилъ, что люди всѣ одинаковы: за что же любить однихъ больше, а другихъ меньше? Это ведетъ только къ народному самообожанію и поселяетъ въ людяхъ противный бисмарковскій духъ, особенно противный въ такихъ маленькихъ людяхъ, каковы народные учителя. Ничто не было ему такъ ненавистно, какъ оффиціальныи патріотизмъ. Патріотическихъ пѣсень онъ просто не выносилъ, говоря, что въ нихъ всегда слышится какое-то пошлое хвастовство геройствомъ, свойственное величайшимъ трусамъ, которые всегда воображаютъ себя героями и отъ этого воображенія приходятъ въ восторгъ.

Однажды онъ даже и Анти представилъ большимъ трусомъ, говоря, что „трусость—главное свойство его натуры“. Хейкки былъ просто пораженъ этими словами. Анти—трусъ! Анти, который на всѣхъ смотритъ сверху внизъ, который всегда смѣлъ, какъ сама смѣлость!

Но Олли возразилъ, что эта воинственная вѣщность служить только прикрытіемъ внутренней трусости. Все это—напускное, придуманное только для того, чтобы пускать пыль въ глаза не особенно проницательнымъ людямъ.

Вліяніе Олли было просто удивительно. Въ его рѣчахъ была очевидная, вопіющая несправедливость по отношенію къ Анти,—и, не смотря на это, Хейкки чувствовалъ, что уже не можетъ смотрѣть на Анти, какъ прежде,—словно кто-то сбиль его съ пьедестала, на которомъ онъ до сихъ поръ стоялъ. Его мощная фигура какъ-то съежилась и принизилась,—и Хейкки уже не могъ не улыбнуться, слушая его высовопарныя рѣчи и видя, какъ онъ простираетъ руки впередъ и загадочно смотритъ вдаль, словно передъ нимъ раскрывается все великое будущее горячо-любимой родины.

И это—тотъ самый Анти, который имѣлъ такое рѣшительное вліяніе на всю жизнь Хейкки!.. О, какъ все это было со стороны Олли безжалостно и жестоко!..

— Ужъ если ты объ Анти такого мнѣнія, интересно было бы послушать, что ты скажешь обо мнѣ?

Олли удивился, за что Хейкки такъ разобидѣлся и, взглянувъ на него, сказалъ съ усмѣшкой:

— А тебѣ, милый другъ, слѣдовало бы родиться женщиною!

Всталъ, потянулся, посвисталъ и вышелъ вонъ.

* * *

Женщиной!.. Да, въ самомъ дѣлѣ,— женщиной!

Если бы Олли зналъ по какому мѣсту онъ ударилъ!

Хейкки не былъ мужчиною даже настолько, чтобы рѣшиться жить одному, отдѣльно отъ Олли. Когда Олли ушелъ, все въ комнатѣ показалось Хейкки чужимъ и непригляднымъ... Ахъ, если бы захворать, слечь въ постель! Тогда Олли, навѣрное, съѣхалъ бы отсюда: „Вотъ еще“, сказалъ бы онъ: „Кому же пріятно жить въ лазаретѣ?“ По его словамъ, „законъ природы“ требовалъ, чтобы всякій самъ о себѣ заботился и самъ за себя отвѣчалъ; онъ всегда жилъ только для себя и не зналъ никакой чувствительности; ко всему онъ относился холодно и безсердечно... Неужели же, думалъ Хейкки,— неужели же не найдется ни одного друга, отъ котораго можно было бы ждать участія? Какъ безотрадно это сознание отчужденности!.. Нѣтъ, друзья *должны* быть! Прочь, прочь изъ этого одиночества!

Хейкки вышелъ изъ дому и сталъ разсѣянно бродить по улицамъ. На Александровской улицѣ онъ встрѣтилъ много знакомыхъ студентовъ: они только что вышли изъ университета и, весело болтая между собою, расходились въ разные стороны. Съ Хейкки они здоровались, не останавливаясь: что имъ за дѣло было до него? У каждаго изъ нихъ были собственные думы и заботы...

Хоть бы Олли встрѣтить! Уходя, онъ такъ привѣтливо улыбнулся, и даже приостановился въ дверяхъ, какъ будто хотѣлъ сказать: пойдёмъ вмѣстѣ! Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ дружески расположенъ къ Хейкки, и можетъ быть, иногда вспоминаетъ о немъ, работая въ анатомической препаровочной или сидя съ товарищами въ пивной... Если онъ и не хотѣлъ взять Хейкки съ собою, то, по всей вѣроятности, только потому, что не хотѣлъ смущать его стыдливости: вѣдь онъ всегда подсмѣивался надъ Хейкки, какъ надъ ребенкомъ!

Въ этомъ-то и заключалось словно какое-то проклятіе, которое Хейкки чувствовалъ надъ собою. Эта застѣнчивость, эта женственность, отъ которой онъ совсѣмъ было отдѣлался у себя въ деревнѣ, теперь снова овладѣвали имъ и мучили его: вѣдь ни Снельманъ, ни другія великія истори-

ческія личности вовсе не знали этого чувства! Развѣ отъѣздъ изъ родного дома былъ для кого-нибудь изъ нихъ жизненнымъ вопросомъ? Развѣ кто-нибудь изъ нихъ дорожилъ въ такой степени своею ближайшею обстановкою и искалъ сочувствія друзей и товарищей? Для нихъ на первомъ планѣ всегда стояла великая идея; Хейкки же не могъ оставаться равнодушнымъ къ вопросамъ личной жизни, не могъ помириться съ своимъ одиночествомъ: ему было обидно, что Олли его не любитъ, что студенты, встрѣченные имъ на улицѣ, совершенно равнодушно прошли мимо него. Что ему за дѣло до великой идеи и до любви къ родинѣ, когда его самого никто не любитъ.

И Хейкки снова почувствовалъ, что ему остается только одна дорога: смириться, принизиться и усердно приняться за простое, маленькое дѣло, какъ это уже было въ деревнѣ. Это успокоило бы его совѣсть и облегчило бы ему жизнь.

Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было уѣзжать изъ родного угла?

Нѣтъ, вернуться туда онъ не можетъ. Онъ долженъ побѣдить свое малодушіе, долженъ приучить себя къ холодному одиночеству и оставить безцѣльное раздраженіе личнаго чувства!

* * *

Мимо него проѣхалъ открытый экипажъ, въ которомъ сидѣла Фанни съ Артуромъ. Они его не замѣтили.

Фанни была въ черномъ платьѣ и мало похожа на ту, которую онъ видѣлъ въ деревнѣ. Черный цвѣтъ особенно отбѣнялъ ея блѣдность, которая къ ней очень шла.

Нужно же было имъ встрѣтиться именно въ эту минуту! Эта встрѣча рѣшила многое, — и Хейкки тотчасъ же это почувствовалъ. Фанни была именно тѣмъ другомъ, о которомъ Хейкки мечталъ въ своемъ одиночествѣ. Онъ помнилъ ея дружеское рукопожатіе; онъ помнилъ, что она — одна изъ всѣхъ — попыталась заглянуть ему въ душу... Что-то она скажетъ, когда увидитъ его теперь?

Фанни хорошо его понимаетъ; она сказала, что вѣрить въ невидимое сродство душъ; навѣрно, теперь она скажетъ: ну, не права ли я была, когда говорила, что здѣсь вамъ будетъ лучше, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ васъ не понимаютъ?

А онъ, улыбаясь, отвѣтитъ ей: лучше мнѣ можетъ быть только въ одномъ мѣстѣ. — Въ какомъ? — Тамъ, гдѣ вы.

Или что-нибудь въ этомъ родѣ...

* * *

Нѣсколько дней спустя, Хейкки встрѣтилъ Фанни на студентскомъ балу.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ ее на улицѣ, онъ сталъ совсѣмъ другимъ человекомъ: въ немъ появилась небывалая до того времени самоувѣренность. Войдя въ знакомую, ярко освѣщенную залу, онъ вспомнилъ Снельмановскій праздникъ и восторженные рѣчи и задумался о себѣ и о товарищахъ. Чего ему нужно? Вѣдь вотъ, умѣютъ же другіе прекрасно устраивать свою жизнь: не печалатся они о томъ, что они—люди маленькіе и незамѣтные; они вѣрятъ въ будущее, и хотя кажутся ничтожными, но въ сердцѣ каждаго изъ нихъ живетъ зародышъ будущаго величія. Хейкки чувствовалъ, что шевелилось въ душѣ каждаго изъ этихъ людей, когда они поспѣшно натягивали перчатки на свои неуязвимыя руки и совѣтуясь другъ съ другомъ, поправляли воротнички и галстуки и обдергивали свои фраки. „Я неуклюжъ, не умѣю кланяться, непринужденно держать себя, ловко танцевать; но будущее принадлежитъ мнѣ: всему этому я научусь и буду свободно расхаживать по этой блестящей залѣ; я хочу быть извѣстнымъ въ кругу высшаго общества,—хочу и добыюсь этого!“

Вотъ что думали эти молодые люди. Хейкки пошелъ другимъ путемъ: онъ хотѣлъ завоевать себѣ вниманіе толпы, не унижаясь передъ нею, а наоборотъ,—возвышаясь надъ ней. Все дѣло было только въ томъ, чтобы побороть свою робость; это ему уже удалось на Снельмановскомъ праздникѣ, когда онъ впервые выступилъ ораторомъ. А теперь,—теперь какъ много могъ бы онъ сказать этой толпѣ! Онъ могъ бы привлечь ее къ себѣ,—и всѣ эти люди поняли бы и почувствовали бы его, потому что онъ раскрылъ бы передъ ними самыя завѣтные тайники своего сердца. Онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлался бы общимъ любимцемъ, и на него обратилась бы и любовь толпы, и ея надежды,—и тогда уже никакой подвигъ не былъ бы для него невозможнымъ и даже на смерть онъ пошелъ бы съ восторгомъ, зная, что всѣ будутъ его славить и оплакивать...

„Стремись къ высшей цѣли!“ прозвучалъ въ душѣ его голосъ Снельмана.

Да,—настоящею жизнью живетъ только тотъ, кто живетъ для будущаго! А Фанни и любовь къ ней—все это совсѣмъ иное дѣло.

И всѣ эти люди, которые толпятся теперь въ залѣ; не

обращая на Хейкки никакого вниманія, — всѣ они скоро будутъ жадно слѣдить за каждымъ его движеніемъ, ловить каждое его слово, съ восторгомъ его привѣтствовать.

Концертъ уже начался, но въ залу все еще входили новые гости. Наконецъ, явилась и Фанни вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Всѣ сразу ее замѣтили. Она была, повидимому, въ нѣсколько нервномъ настроеніи и съ недовольнымъ видомъ пробиралась сквозь стоявшую у дверей толпу. Хейкки пошелъ слѣдомъ за нею и снова почувствовалъ приливъ прежней робости и растерянности, отъ которой напрасно старался избавиться себя, рисуя, за минуту передъ тѣмъ, блестящую картину своихъ успѣховъ...

Послѣ концерта начались танцы. Хейкки, поборовъ свое смущеніе, рѣшился подойти къ Фанни. Она сидѣла недалеко отъ эстрады, разговаривая съ какимъ-то высокимъ, черно-усымъ господиномъ. Тотъ повлонился и хотѣлъ отойти отъ нея, но она удержала его за руку и о чемъ-то еще спросила. Выждавъ, когда кончится этотъ разговоръ, Хейкки подошелъ ближе и повлонился. Фанни какъ-то странно и серьезно взглянула на него: видимо, она его не узнала. Онъ долженъ былъ напомнить ей свое имя.

— Ахъ, да, — сказала она, словно припоминая что-то изъ очень далекаго прошлаго: — это было во время нашей лѣтней поѣздки!

Она встала и положила руку ему на плечо: его поклонъ она приняла за приглашеніе къ вальсу!

Хейкки и вообще танцевалъ плохо, а на этотъ разъ до того растерялся, что едва могъ сдѣлать одинъ туръ. Фанни это замѣтила, поторопилась поблагодарить его и сейчасъ же подала руку подошедшему къ ней офицеру.

Офицеръ отнял ее у Хейкки, точно у гимназиста, слишкомъ рано попавшаго въ общество взрослыхъ людей! И Фанни, покидая Хейкки, даже и не взглянула на него, она только нервно передернула плечами и ласково улыбнулась своему новому кавалеру...

Хейкки былъ совсѣмъ уничтоженъ. Густая краска стыда залила ему все лицо.

И что онъ, въ самомъ дѣлѣ, вообразилъ? Что Фанни все еще помнить его и помнить разговоръ, происходившій между ними тамъ, на скамейкѣ, на Сосновой горѣ?

Очевидно, теперь настала рѣшительная минута: или бѣжать отъ этого стыда, вырваться изъ этой залы на улицу и

пить,—пить до тѣхъ поръ, пока не замолвнеть голосъ совѣсти и не заглохнетъ сознание,—или подавить въ себѣ стыдъ, отложить свою гордость и попытаться еще разъ. Необходимо овладѣть собою: вѣдь отъ этого зависитъ все будущее! Если Фанни теперь не обратитъ на него вниманія, то имъ уже никогда не сблизиться.

А между тѣмъ, Хейки никогда и ни въ чемъ не былъ такъ твердо увѣренъ, какъ въ томъ, что Фанни должна его полюбить. Эта мысль до такой степени овладѣла имъ, что онъ совсѣмъ позабылъ и о родинѣ, и обо всѣхъ великихъ идеяхъ, какъ будто бы ихъ вовсе и не существовало. Внѣ любви къ Фанни для него не было жизни!

Стало быть, объ униженіи, о стыдѣ нечего было и говорить. Онъ долженъ, во что бы то ни стало, встрѣтить Фанни еще разъ, и сегодня же вечеромъ! И она должна вспомнить обо всемъ и снова пережить тѣ минуты, которыя она провела на Сосновой горѣ, внимательно прислушиваясь къ его рѣчамъ.

Теперь или никогда!

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, ему удалось въ тотъ же вечеръ еще разъ увидѣть Фанни. Она была въ передней.

— Ахъ, г. Нагорный,—сказала она, увидавъ его,—скажите, пожалуйста, брату, что мы уѣзжаемъ.

Хейки бросился исполнять порученіе. Артуръ сидѣлъ въ кругу товарищей и, въ свою очередь, попросилъ его передать сестрѣ, что онъ еще не думаетъ уѣзжать.

Фанни поморщилась, но сейчасъ же съ улыбкой поблагодарила Хейки.

— Такъ вы бросили свою деревню?—спросила она, объявляя себѣ голову платкомъ.

— Да, бросилъ,—сказалъ Хейки, и не могъ уже ничего прибавить, потому что она, привѣтливо кивнувъ ему головой, скрылась въ дверяхъ вмѣстѣ съ своей подругой.

Такъ, значить, она вспомнила лѣтній разговоръ. Можетъ быть, она только не хотѣла говорить объ этомъ въ танцевальной залѣ?

Боже, какъ она хороша! въ ея лицѣ видно что-то нервное,—какое-то страданіе свѣтится во взглядѣ ея большихъ глазъ, безпокойно озирающихся вокругъ. Они вспыхиваютъ тѣмъ привѣтливымъ огонькомъ, который доказываетъ, что она способна быстро понять самыя задушевные мысли своего со-

бесѣдника... О, если бы она знала всѣ душевныя тревоги Хейкки, всю его внутреннюю борьбу, она навѣрное полюбила бы его,—полюбила бы то, что составляет самую суть его сердца. Вѣдь не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что они созданы другъ для друга...

Да, нѣтъ сомнѣнія,—когда она его узнаетъ, она его полюбитъ.

Передъ нимъ отерлся новый, словно очарованный міръ, съ яркими картинами будущаго счастья, съ чудными звуками любви и радости...

* * *

Когда Хейкки вернулся домой, Олли еще не было дома. Между тѣмъ и на балу его тоже не было; куда же онъ могъ запропасться?

Было уже два часа ночи. Сколько разъ уже Хейкки приходилось дожидаться поздняго возвращенія Олли, съ досадою смотря на его пустую постель и сердясь на него за то, что онъ предпочелъ компанію товарищей бесѣдѣ съ нимъ. Но теперь Хейкки только посмѣивался: теперь это не имѣло для него рѣшительно никакого значенія. Да и въ самомъ дѣлѣ, почему онъ долженъ серьезно смотрѣть на свои отношенія къ товарищу?

Хейкки заснулъ, мечтая о Фанни.

Олли явился только на разсвѣтѣ—и совсѣмъ пьяный. Проснувшись, Хейкки съ досадою отвернулся лицомъ къ стѣнѣ и притворился спящимъ; но Олли это замѣтилъ.

— Да, да, милый другъ,—заговорилъ онъ, не снимая пальто и держа руки въ карманахъ,—да, голубчикъ,—помѣняемся, давай мѣняться: возьми себѣ мою жизнь, а мнѣ отдай свою! У меня нѣтъ дома,—дай мнѣ домъ, а отъ меня возьми все, что хочешь! Я бездомный бродяга! Помѣняемся! *In vino veritas!*

И, сбросивъ съ себя верхнее платье, онъ грохнулся на кровать и разразился рыданіями.

Такой случай былъ съ нимъ прежде только одинъ разъ. Тогда Хейкки отнесся къ нему очень серьезно и принялся утѣшать его; они всю ночь просидѣли, обнявшись; Олли разливался ручьемъ и проклиналъ свою горькую долю, а Хейкки все придумывалъ чѣмъ бы его успокоить. На другой день Олли стало до нельзя стыдно своей пьяной чувствительности; онъ избѣгалъ разговора съ Хейкки и даже не рѣшался взглянуть ему въ глаза.

Теперь Хейкки почти-что разсердился на изліянія своего пріятеля. Притомъ же, его появленіе именно теперь было такъ неумѣстно, такъ рѣзко нарушало новое настроеніе нашего героя. Хейкки не отозвался ни однимъ словомъ, и Олли, поговоривъ еще нѣсколько времени, скоро затихъ и заснулъ.

* * *

Этотъ вечеръ и слѣдовавшая за нимъ ночь имѣли въ жизни Хейкки рѣшительное значеніе. Сознаніе своего безсилія и недостижимости своихъ идеаловъ по прежнему продолжало мучить его,—но теперь оно обуславливалось уже другими причинами. Фанни вовсе не казалась расположенною сблизиться съ нимъ и не выказала никакого желанія узнать его завѣтныя мысли; но это только еще больше его разжигало. Онъ сдѣлался рабомъ своей страсти; у него появились такія качества, которыя его раздражали и были просто несогласимы съ его натурой.

Чтобы добиться сближенія съ Фанни, онъ постарался сблизиться съ Артуромъ,—и это ему удалось, какъ и все, къ чему онъ стремился всѣми силами. Артуръ очень полюбилъ его и ввелъ въ свою семью, словно какую-то новую находку. Въ ихъ домѣ обыкновенно собиралось избранное общество,—постоянные посѣтители разныхъ клубовъ и аристократическихъ салоновъ. Отецъ Артура былъ важный чиновникъ, стариннаго дворянскаго рода, и принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые, несмотря на свое общественное положеніе, были ревностными финноманами и называли себя „демократами“. Въ теоріи онъ былъ очень либераленъ, но на практикѣ вовсе не былъ расположенъ сливаться съ „плебеями“ и терпѣть не могъ, что всякій мастеровой или унтеръ-офицеръ лѣзетъ въ финскій клубъ. Отъ подобной публики, по его мнѣнію, всегда слѣдовало держаться на извѣстномъ разстояніи, такъ какъ она всегда стремится къ фамиллярности. И потомъ, что можетъ быть непріятнѣе напомаженнаго писаря или вырядившагося во фракъ мастерового?

Собиравшаяся у Артура молодежь толковала объ умственной аристократіи, къ которой должны принадлежать всѣ умственно развитые люди, безъ различія сословій. Крестьянинъ, такъ же какъ и другіе, можетъ быть интеллигентнымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что между крестьянами очень много умныхъ людей; но всѣ тѣ, кто только „примазывается“ къ просвѣщенію, желая только разыгрывать изъ себя образованнаго человѣка,— всѣ такіе люди составляютъ настоящую „чернь“.

Во время этихъ разговоровъ о томъ, что интеллигентные крестьяне должны пользоваться въ обществѣ полною равноправностью съ представителями всѣхъ другихъ сословій, Хейкки чувствовалъ, что говорящіе хотѣли указать на него, какъ на „умственного аристократа“. Онъ вполне присоединялся къ ихъ мнѣнію и начиналъ перебирать цѣлую массу людей, указывая на однихъ, какъ на „аристократовъ“, а на другихъ— какъ на „чернь“, а слушатели удивлялись и говорили, что онъ выбираетъ очень удачные примѣры. Ясно было, что они думаютъ о самомъ Хейкки.

Это новое и непривычное общество было для Хейкки совершенно новымъ міромъ. Здѣсь всѣ были проникнуты сознаниемъ того, что они представляютъ собою передовую общественную группу, въ которой всѣ остальные только стремятся, и что одна уже принадлежность къ этой группѣ составляетъ благородную цѣль жизни. Понятно, что всѣ эти люди смотрѣли на „чужихъ“ не иначе, какъ сверху внизъ.

Но, несмотря на то, что они очень радушно приняли Хейкки въ свой кругъ, онъ, все-таки, чувствовалъ въ этомъ обществѣ неловкость и всегда боялся, какъ бы о немъ не подумали, что онъ „примазывается“ или позволяетъ себѣ неумѣстную фамильярность. Въ концѣ-концовъ, весь его умственный аристократизмъ сводился къ умѣнью быть сдержаннымъ и скромнымъ. Онъ вслушивался въ ихъ разговоры, наблюдалъ за ходомъ ихъ мыслей и всегда былъ готовъ сдѣлать какое-нибудь легкое замѣчаніе; но если бы онъ сказалъ хоть одно слово отъ души, если бы онъ безъ разбора сталъ говорить о своихъ внутреннихъ тревогахъ или рассказывать что-нибудь о своей жизни, то, конечно, онъ поступилъ бы неосторожно, потому что въ его словахъ увидѣли бы желаніе стать въ болѣе близкія отношенія съ чуждымъ ему кругомъ.

Однажды Фанни при всѣхъ сказала ему:

— Хейкки, научите меня любить народъ. Признаюсь, я даже не понимаю, какъ можно этого достигнуть... Если нужно любить крестьянъ,—такъ я не знаю, какъ это сдѣлать, потому что между ними у меня нѣтъ ни одного знакомаго, и всѣ они вообще представляются мнѣ какими-то особенными существами!..

Хейкки съ первыхъ же ея словъ вспыхнулъ, какъ огонь: такъ неожиданно напомнила она ему о его крестьянствѣ. Онъ не сказалъ ни слова, и потомъ искусно перевелъ разговоръ на другую тему.

Другой разъ Фанни начала тотъ же разговоръ съ нимъ наединѣ. Она и не догадывалась о томъ, какой глубокой ироніей звучали ея вопросы и какъ тяжело ему было ихъ выслушивать. Она сама не знала, о чемъ спрашиваетъ, она не знала о существованіи совсѣмъ иной жизни, которой она еще не могла понять, — не знала, кого она спрашиваетъ, — не знала, что Хейкки бросилъ эту жизнь именно для того, чтобы стать ближе къ любимой дѣвушкѣ...

Но Хейкки воздерживался отъ всякаго намека на свои чувства, — и о нихъ никто не догадывался. Только сама Фанни, повидимому, понимала все, но, какъ будто жалѣя Хейкки, не давала ему этого замѣтить. Наединѣ съ нимъ она была холодна, какъ ледъ, а при другихъ относилась къ нему любезно и внимательно. Онъ не могъ понять, отчего это происходитъ, и невозможность болѣе близкихъ отношеній раздражала его.

На лѣто Хейкки былъ приглашенъ семьей Артура въ деревню, въ качествѣ учителя младшихъ братьевъ. Тамъ, въ деревнѣ, Фанни оказалась очень расположенною къ дружескому еближенію съ нимъ: она сдѣлалась такой откровенной и разговорчивой, какою никогда еще не была. Но когда лѣто прошло и всѣ опять переѣхали въ городъ, — все снова измѣнилось. Фанни сдѣлалась прежней холодной недотрогой. Общество Хейкки даже какъ будто раздражало ее; ей было непріятно, что его чувства видимо переходили границу простой дружбы, и она начала сторониться отъ него и въ особенности избѣгать разговоровъ наединѣ.

Въ тѣ времена, когда Хейкки еще всецѣло жилъ мечтами о будущемъ, онъ всегда рѣзко смѣялся надъ тѣми взрослыми людьми, которые, влюбившись, бросали всѣ свои дѣла, словно продавали все свое прошлое за улыбку хорошенькой дѣвушки. Теперь онъ самъ сдѣлался во всѣхъ отношеніяхъ такимъ же безразсуднымъ. Всѣ его мечты о великомъ подвигѣ, за который наградою была бы любовь всего народа, разлетѣлись, какъ дымъ; онъ стремился только къ тому, чтобы заслужить любовь Фанни. Народъ, родина, — все обратилось для него въ пустые звуки. У него не осталось никакихъ завѣтныхъ мыслей, кромѣ мысли о Фанни: или ея любовь, или — смерть!

Но для того, чтобы заслужить эту любовь, необходимо было сдѣлаться полноправнымъ членомъ того общества, въ которому принадлежала Фанни, — необходимо занять въ этомъ обществѣ выдающееся положеніе, чтобы имѣть право смотрѣть на другихъ сверху внизъ. И вотъ, Хейкки рѣшилъ во что бы то ни стало этого добиться.

Въ этихъ попыткахъ прошелъ цѣлый годъ. Цѣлый годъ Хейкки жилъ не настоящимъ, а только будущимъ: это были, во-первыхъ, тѣ мечты о будущемъ, которыя давали тонъ и смыслъ всей работѣ, затѣмъ—сомнѣнія, нападавшія на него въ свободное отъ работы время и наводившія на него уныніе и, наконецъ, ближайшее будущее, мысль о которомъ не давала ему покоя,—ожиданіе лѣта.

Лѣто, наконецъ, пришло; но Фанни, въ несчастіи, провела почти всю вакацію за границей, и Хейкки оставался въ деревнѣ одинъ.

Затѣмъ, послѣ долгой и тягостной зимы, настало третье лѣто. И оно подходило уже къ концу.

Въ это третье лѣто отношенія между Фанни и Хейкки стали лучше прежняго. Они мало говорили между собой и меньше всего говорили о чувствахъ; но все-таки между ними установилась прежняя дружба и взаимное пониманіе. Хейкки зналъ, что эта нравственная связь легко можетъ разорваться отъ какой-нибудь неосторожности, и потому былъ очень сдержанъ. Если бы можно было навсегда остаться въ деревнѣ и никогда не возвращаться въ безпокойный городъ, онъ считалъ бы себя вполне счастливымъ... Но лѣто уже кончалось, день отъѣзда неумолимо близился. Опять осенніе туалеты, шляпы, перчатки, бульваръ съ музыкой, электрической свѣтъ... Опять эта томительная зима, опять эта надобившая и забытая роль, выжиданіе случая поговорить съ Фанни, поймать ея взглядъ или мимолетное слово, — и горькое чувство своей отчужденности...

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда въ городъ, они сидѣли всѣ вмѣстѣ на большой верандѣ, съ которой была видна спокойная поверхность озера и отражавшіяся въ ней красноватая облака. Легкій вѣтерокъ доносилъ изъ сада аромат отцвѣтавшихъ розъ. Солнце уже зашло; рабочіе разошлись по домамъ; скромныя ночныя бабочки время отъ времени залетали на балконъ.

Изъ комнаты слышались звуки фортепьяно. Всѣ сидѣли тихо, не говоря между собою ни слова, въ разныхъ углахъ балкона. У каждаго были свои думы. Фанни сидѣла вдали отъ всѣхъ, опершись локтями на столъ и положивъ голову на руки.

На фортепьяно играла тетка Фанни, длиннолицая старая дѣва. У нея была привычка играть по вечерамъ, и она могла просиживать за музыкой цѣлыя часы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающихъ. Она перебирала клавиши

своими длинными, сухими пальцами, безъ нотъ и безъ свѣта, закрывши глаза и покачиваясь въ тактъ музыкѣ. Въ общемъ она была похожа на Фанни, только гораздо старше ея; ея волосы уже начинали сѣдѣть. Играла она очень хорошо, и, можно сказать, только въ это время и жила настоящею жизнью.

Она любила въ особенности старинную музыку, — боготворила Бетховена и съ благоговѣніемъ играла Шопена и Шумана. Новой музыки — особенно Вагнера — она не одобряла, говоря, что новые композиторы вводятъ въ музыку *слова*, т. е. элементъ, ей совсѣмъ чуждый, такъ какъ настоящая музыка — искусство бесловесное. Слова въ музыкѣ производятъ такое же впечатлѣніе, какъ нагота — на картинѣ: пробуждая посторонніе инстинкты, то и другое нарушаетъ художественную чистоту. Новѣйшая музыка унизилась до матеріализма; она можетъ выражать только такіа чувства, которыя возбуждаются словами; она служитъ чужимъ богамъ...

Младшіе члены семьи не спорили съ нею, хотя иногда и позволяли себѣ немножко ее подразнить, потому что въ такихъ случаяхъ она, желая доказать справедливость своего мнѣнія, обыкновенно играла самыя лучшія, любимыя свои пьесы. И по окончаніи музыки общая бесѣда оживлялась и затягивалась до поздней ночи.

Благодаря этому, Хейкки познакомился понемногу чуть не со всѣми замѣчательнѣйшими музыкальными произведеніями. Музыка производила на него очень сильное впечатлѣніе; нерѣдко, слушая эти звуки, онъ чувствовалъ, что передъ нимъ открывается новый, невѣдомый міръ, — и его сердце начинало биться сильнѣе, и на глазахъ невольно выступали слезы... Во время музыки онъ не могъ разговаривать; онъ даже не всегда понималъ то, что говорили другіе, и не могъ слѣдить за ихъ мыслями и намеками. Да и они, съ своей стороны, въ это время какъ-будто совсѣмъ забывали о его существованіи.

Такъ было и теперь, въ этотъ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ.

Хейкки сидѣлъ въ сторонѣ отъ другихъ, въ углу веранды, гдѣ музыка была хорошо слышна. У него было какое-то смутное предчувствіе, что въ этотъ вечеръ должно что-то случиться.

Артуръ взялъ скрипку и началъ играть, съ аккомпаниментомъ фортепьяно, „Сны“ Вагнера. Онъ игралъ прекрасно. Пѣвучіе звуки скрипки разносились въ тихомъ вечернемъ воздухѣ и терались въ таинственной темнотѣ сада.

Что-то неприятное певельнулось въ сердцѣ Хейкки. Ему показалось, что онъ наслаждается чѣмъ-то запрещеннымъ, чѣмъ-то такимъ, на что ему не дано права, въ этотъ аристократическій вечерній часъ, когда всѣ бѣдные дѣти земли, — пахари, босари, землекопы и пастухи, — всѣ эти „существа иного міра“ — давно уже спать, утомленные тяжелой дневной работой, въ своихъ низенькихъ, душныхъ хижинахъ...

И ему почудилось, будто за нимъ стоитъ цѣлая толпа этихъ незваныхъ слушателей, которые, еще не понимая музыки, жадно ловятъ ея звуки, настороживъ уши и отерывъ рты. Глаза у нихъ какъ-то особенно блестятъ, и на лицахъ выражается полное удовольствіе вмѣстѣ съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ. Лица — все знакомыя: все свои, земляки; Лиза и старикъ-отецъ тоже пришли. Нѣкоторые явились, словно въ церковь, съ молитвенниками въ рукахъ, — и всѣ стоятъ неподвижно, въ глубокомъ молчаніи... Бѣдные деревенскіе люди!...

Но вотъ на верандѣ кто-то заговорилъ, — и Хейкки вздрогнулъ и постарался скорѣе, скорѣе избавиться отъ этихъ призраковъ, чтобы никто не увидалъ ихъ здѣсь... Но страхъ его былъ напрасенъ, потому что и о немъ самомъ всѣ окружающіе позабыли, словно его никогда и на свѣтѣ не было. Онъ боялся пошевельнуться въ своемъ углу, чтобы не обратить на себя вниманія этихъ людей, среди которыхъ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ, совсѣмъ одинокимъ. Эти люди составляли совсѣмъ особую группу, члены которой могли понимать только другъ друга, да только другъ друга могли, кажется, и любить: они были „существами міра“, а мѣсто Хейкки было не здѣсь, не на этой верандѣ, а тамъ, въ темной глубинѣ сада, среди тѣхъ людей, которые пришли сюда съ молитвенниками...

Да, здѣсь, въ этой семьѣ онъ не только былъ чужимъ, — здѣсь съ пренебреженіемъ и злобой относились къ тому народу, изъ среды котораго онъ выпелъ, и готовы были держать этотъ народъ какъ можно дальше отъ просвѣщенія...

Впрочемъ, отчего бы и не простить этимъ людямъ? Вѣдь ихъ злоба — непрочное чувство! они не вѣдаютъ, что творятъ, и не виноваты, что выросли въ такихъ условіяхъ. Ихъ убѣжденія могутъ перемѣниться, лишь бы только представился случай горячимъ словомъ подѣйствовать на ихъ сердце и пробудить въ немъ добрыя чувства... Сама же Фанни просила научить ее любить народъ. Она говорила это не ради шутки;

нѣтъ сомнѣнiя, что она чувствуетъ смутное, неопредѣленное влеченiе къ народу,—потребность избавиться отъ этой праздной жизни и быть полезной родиной...

Да, конечно, онъ ей поможетъ, отъ всей души, отъ всего сердца! Но не теперь,—а потомъ, когда Фанни будетъ принадлежать ему.

И вдругъ онъ почувствовалъ въ себѣ небывалую смѣлость и увѣренность и, воспользовавшись первой удобной минутой, подошелъ къ Фанни и сказалъ ей:

— Фанни, мнѣ нужно съ вами переговорить. Не пройдемся ли мы по саду?

Она съ удивленiемъ взглянула на него, но потомъ улыбнулась!

— Ого, какой торжественный тонъ!

Набросивъ на плечи платокъ и подавая ему руку, она сказала: „Пойдемте!“

Спускаясь съ лѣстницы, она еще напѣвала мелодiю только что слышанной пьесы. Но въ саду, когда Хейкки остановился и попросилъ ее сѣсть на скамью, она вдругъ замолчала, и Хейкки, не смотря на вечернiй сумракъ, замѣтилъ, что она поблѣднѣла.

— Я знаю,—сказалъ онъ,—что мои слова для васъ будутъ неожиданностью. До сихъ поръ я не рѣшался говорить съ вами объ этомъ,—для меня это было слишкомъ трудно; но теперь я уже не могу откладывать; я прошу самага короткаго отвѣта на мой вопросъ, такъ что отъ васъ самихъ зависитъ сократить этотъ разговоръ...

Фанни молчала.

— Болѣе чѣмъ кто-нибудь другой,—продолжалъ онъ,—я хотѣлъ бы избавить васъ отъ этой, можетъ быть, непрiятной для васъ, минуты. Для меня самого она мучительна. Такъ помогите же мнѣ пережить ее,—скажите прямо и просто: да или нѣтъ.

— Я васъ не понимаю, Хейкки,—сказала она наконецъ, и въ ея голосѣ зазвучала какая-то досада.—Я не знаю, что вамъ нужно отъ меня...

Она отвернулась..

Хейкки вздрогнулъ, выпрямился, провелъ рукою по лбу и сказалъ, медленно выговаривая каждое слово:

— Что мнѣ нужно,—это сказать легко. Я хочу спросить у васъ, любите ли вы...

Фанни испугалась: она еще никогда не видала его такимъ, и впервые почувствовала на себѣ его вліаніе... Она отвѣчала, словно прося прощенія:

— Вы ошибаетесь, Хейкки, если думаете, что я васъ не уважаю... Я никого такъ не цѣню, какъ васъ... Я часто думаю, что я ни съ кѣмъ не могла бы такъ подружиться, какъ съ вами; никто не въ состояніи такъ понять меня, какъ вы, никто не былъ ко мнѣ такъ добръ... Но...

— Но вы все-таки не можете меня любить?

— Любить я еще не могу. Да, Хейкки,—даже и васъ любить я не могу.

— И вы думаете, что никогда не могли бы меня полюбить?

— Да... я... я уже знаю... Можетъ быть, оттого, что мы выросли въ неодинаковыхъ условіяхъ... Но въ васъ есть что-то такое... что-то такое, что дѣлаетъ для меня любовь къ вамъ—невозможною. Ахъ, Хейкки! не сердитесь на меня, вѣдь вы же сами требовали прямого отвѣта,—я не могу, не могу!

* * *

Такъ они и разстались.

Итакъ, Фанни его не любила!

Онъ не сказалъ ей только объ одномъ, что теперь тяжелымъ гнетомъ лежало у него на сердцѣ. Но есть вещи, которыя не выражаются словами. Тутъ дѣло было въ поступкѣ, въ такомъ поступкѣ, который самъ будетъ говорить за себя и откроетъ передъ Фанни его сердце. Да, Фанни всегда будетъ помнить его и эту краткую, но страшную минуту!...

Все это—только вопросъ времени. Не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ послѣзавтра.

Другой вопросъ: какъ это сдѣлать? Но на него отвѣтъ уже ясенъ: конечно—застрѣлиться.

VII.

По возвращеніи въ Гельсингфорсъ, позднею осенью, первымъ дѣломъ Хейкки было розыскать Олли, съ которымъ, какъ и съ другими своими товарищами, онъ въ послѣдніе два года встрѣчался очень рѣдко.

Никто хорошенько не зналъ, гдѣ Олли живетъ. Говорили, что онъ это держитъ въ секретѣ, что онъ рѣшилъ, наконецъ, серьезно заняться наукой и потому, когда бываетъ дома,

предпочитаетъ сидѣть одинъ; но что, впрочемъ, онъ попрежнему часто бываетъ и въ *кабанахъ*. Однако, тамъ Хейкки его не удалось встрѣтить.

Наконецъ, ему посчастливилось достать вѣрный адресъ. Въ холодный и дождливый вечеръ онъ постучался у двери товарища, въ четвертомъ этажѣ большого каменнаго дома. Олли, повидимому, собиравшійся уходить, отворилъ дверь въ ту же минуту.

— Да это Хейкки!—вскричалъ онъ, отступивъ назадъ съ удивленнымъ видомъ.

— Какъ видишь. Ты живешь одинъ?

— Входи же, входи! Ну, здравствуй, пріятель! Да откуда ты, съ чемоданомъ?

— Изъ деревни, съ уроковъ. Пустишь меня переночевать?

— Вотъ тебѣ диванъ, а вотъ—кровать; выбирай любое.

Онъ сбросилъ съ себя пальто и сталъ помогать Хейкки, выбирая вещи изъ его чемодана. Нѣкоторое время прошло въ молчаніи; но потомъ Олли, внимательно наблюдавшій за товарищемъ, спросилъ его:

— Послушай-ка, Хейкки, да ты здоровъ ли?—и взялъ его за пульсъ.

— Я здоровъ, у меня ничего не болитъ.

И опять оба замолчали.

Никогда еще Олли не относился къ Хейкки съ такой внимательностью. Подозрѣвая, что у него какое-то тяжкое горе, онъ ходилъ около него чуть не на ципочкахъ.

Когда они опорожнили чемоданъ, Хейкки сказалъ:

— Ты, кажется, собирався уходить? Такъ не стѣсняйся, пожалуйста. Ты, вѣдь, видишь, въ какомъ я состояніи,—я теперь говорить не могу...

Олли совсѣмъ не зналъ, что ему дѣлать.

— Ты, можетъ быть, усталъ, Хейкки?—спросилъ онъ.— Такъ я пришлю дѣвушку постлатъ тебѣ постель,—лягъ, усни.

— Ахъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Хейкки,— я и самъ постелю. Лучше сважи дѣвушкѣ, чтобы она не входила сюда весь вечеръ. Я хотѣлъ бы остаться одинъ,—понимаешь, Олли?

Олли, собиравшійся уходить, остановился, съ безпокойствомъ осмотрѣлся вокругъ, снова внимательно поглядѣлъ на чемоданъ Хейкки и потомъ нѣсколько разъ тихо прошелся взадъ и впередъ.

Хейкки стоялъ у окна, смотря на темную улицу и какъ будто ожидая, скоро ли Олли уйдетъ.

Олли подошелъ къ нему, взялъ его за руку и хотѣлъ что-то сказать, но, видимо, былъ такъ смущенъ этимъ своимъ порывомъ участія къ товарищу, что не могъ сказать ни слова. Хейкки замѣтилъ, что его поблѣднѣвшія губы дрожали и что вообще онъ находился въ сильномъ волненіи. Навѣрное, это случилось съ нимъ въ первый разъ въ жизни. Наконецъ, онъ сказалъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Хейкки, по крайней мѣрѣ, не дѣлай этого теперь!

Хейкки, въ отвѣтъ, только пожалъ ему руку. Олли выбѣжалъ изъ комнаты, словно чего-то стыдась...

Хейкки глубоко вздохнулъ. Его лицо прояснилось, и на губахъ появилась даже какъ будто улыбка.

Да въ самомъ ли дѣлѣ это былъ Олли? Олли разчувствовался,—онъ, который всегда былъ готовъ издѣваться надъ „сентиментами“ и никогда не терялъ хладнокровія! И вдругъ...

Участіе со стороны Олли! Да что же могло быть утѣшительнѣе для Хейкки? А что, если Хейкки расскажетъ ему все, выложить передъ нимъ всю свою душу, все свое горе? можетъ быть, тогда Олли даже заплачетъ!

Правда, Хейкки однажды уже видѣлъ его плачущимъ; но то было совсѣмъ другое: Олли въ то время былъ просто пьянъ, и для слезъ едва ли даже и была другая причина.

Но если онъ не почувствуетъ всей силы скорби Хейкки? Ну, что жъ? послѣ смерти товарища онъ яснѣе пойметъ все дѣло—и эта смерть, навѣрное, заставитъ его погрустить и смягчить его сердце...

* * *

Когда Олли вернулся домой, онъ нашель Хейкки лежащимъ въ постели. На стулѣ стояла зажженная лампа и ярко освѣщала его. Въ первую минуту Олли сильно испугался. Онъ поспѣшно подошелъ къ кровати и прислушался. Хейкки дышалъ глубоко и ровно: онъ спалъ.

Лицо Олли просвѣтлѣло. Онъ тихо сѣлъ въ кресло, вытянулся и долго сидѣлъ, не двигаясь.

Вотъ уже скоро три года, какъ они разстались. Олли зналъ только, что Хейкки всегда очень прилежно занимался наукой; но какой именно,—это въ точности ему не было извѣстно. По всей вѣроятности,—философіей. Потомъ Олли сталъ догадываться, что Хейкки влюбленъ.

По внѣшности онъ нисколько не измѣнился,—остался совершенно такимъ же, какъ прежде. Такъ же, какъ прежде,

спалъ онъ теперь и такъ же, какъ прежде, Олли сидѣлъ передъ нимъ въ креслѣ, вернувшись ночью домой. Лампа была поставлена на стулѣ, — тоже по давнишней привычкѣ Хейкки, никогда не оставлявшаго ее на ночь на столѣ.

Въ лицѣ Хейкки была, впрочемъ, замѣтна нѣкоторая переѣна: его черты стали какъ будто тоньше, носъ заострился и виски обозначались рѣзче. На этомъ лицѣ были какъ будто замѣтны слѣды продолжительныхъ страданій... Впрочемъ, общій складъ лица остался тотъ же, что и прежде. Олли обратилъ вниманіе на его прическу: та же небрежность, тѣ же длинные пряди волосъ. Въ особенности забавна, была одна изъ нихъ: она спускалась ниже другихъ, свернувшись кольцомъ, на шею, и обыкновенно закрывала низенькій отложной воротничекъ рубашки. Эти пряди волосъ придавали лицу Хейкки какой-то своеобразный видъ, и въ то же время выдавали его крестьянское происхожденіе.

Олли впервые замѣтилъ эту оригинальную особенность прически своего товарища. Сидя въ креслѣ, онъ долго и чрезвычайно внимательно смотрѣлъ на Хейкки.

На спинку стула былъ брошенъ сѣрый пиджакъ, — „вѣчный“ пиджакъ, который Олли видѣлъ на Хейкки уже три года. Когда-то онъ назывался праздничнымъ и надѣвался только въ „торжественныхъ“ случаяхъ; но это время, видимо, уже давно миновало: локти поистерлись и складки, сдѣланные временемъ, обозначились рѣзко; очевидно, въ послѣдніе мѣсяцы этотъ праздничный костюмъ обратился уже въ ежедневный.

Олли улыбнулся, взявъ пиджакъ и началъ внимательно его разсматривать. Въ его воротникѣ былъ маленькій изъянъ, придававшій ему какой-то странный видъ: именно, воротникъ сзади былъ вырѣзанъ слишкомъ низко, такъ что изъ-подъ него былъ видѣнъ почти весь воротничекъ рубашки, а спереди поднимался слишкомъ высоко. Съ тѣхъ поръ, какъ Олли зналъ Хейкки, на послѣднемъ всегда были такіе пиджаки, — вѣроятно, потому, что онъ заказывалъ ихъ у дешеваго портного, и всегда у одного и того же.

Олли подошелъ къ платяному шкапу, отворилъ его и вынулъ оттуда старательно обернутую простынею новенькую черную визитку. Взглянувъ на нее съ видомъ знатока, онъ сталъ мѣрять ее вмѣстѣ съ пиджакомъ Хейкки: и ширина плечъ, и длина талии оказались совершенно одинаковыми; можно было держать пари, что визитка придется на Хейкки какъ разъ впору, точно на него считая.

Олли снова завернулъ ее въ простыню, но уже не повѣсилъ въ шкафъ, а положилъ на столъ. Потомъ раздѣлся, легъ въ постель и потушилъ лампу.

* * *

Утромъ, когда Хейкки проснулся, погода перемѣнилась и солнце весело свѣтило въ окна. Олли, полуодѣтый, стоялъ возлѣ кровати и смотрѣлъ на него.

Все время, пока Хейкки одѣвался, они не сказали другъ другу ни слова. Хейкки совсѣмъ не могъ начать разговора, зная, что ему будетъ и тяжело, и стыдно пускаться въ сердечныя изліянія. Онъ чувствовалъ, что Олли уже догадался обо всемъ, до мельчайшихъ подробностей, и готовъ дать случившемуся безжалостное названіе: для Хейкки этотъ случай имѣлъ громадное, глубокое значеніе, котораго онъ не могъ разъяснить сразу, въ одинъ присѣсть; а Олли, навѣрное, устранилъ бы всѣ пространныя объясненія и сказалъ бы просто: „словомъ, голубчикъ, тебѣ подали салазки!..“

Наконецъ, Олли прервалъ молчаніе:

— Эге, братецъ, да твоя костюмчикъ порядочно-таки поистерся. Я его помню давнымъ-давно.

Не получивъ отвѣта, онъ продолжалъ:

— Ты могъ бы мнѣ сдѣлать большое одолженіе. Купи у меня вотъ эту визитку, — она ко мнѣ вовсе не идетъ...

И показавъ ему визитку, очевидно, заботясь о томъ, чтобы какъ можно болѣе отдалить разговоръ о сердечныхъ дѣлахъ.

— Если это будетъ одолженіемъ, — такъ изволь; но у меня сейчасъ нѣтъ денегъ, — сказала Хейкки.

— Объ этомъ и не заботься: мнѣ теперь не нужно. Ну-ка, примѣрь.

Визитка оказалась впору какъ нельзя лучше: ни одной складочки! Но Хейкки въ этихъ вещахъ ничего не смыслилъ. Взглянувъ въ зеркало, онъ даже испугался.

— Нѣтъ, голубчикъ, это ко мнѣ совсѣмъ нейдетъ, какъ къ коровѣ сѣдло!

Но Олли ничего и слушать не хотѣлъ. Онъ только поворачивалъ товарища то направо, то налѣво, и затѣмъ, отойдя на нѣсколько шаговъ, вскричалъ: „Великолѣпно! превосходно! я такъ и думалъ! Да изъ тебя выйдетъ совсѣмъ другой человекъ! Подними-ка голову немножеко выше, — взгляни черезъ плечо, — вотъ такъ! Восхитительно!“

— Да ты съ ума сходишь, Олли!

— А надѣнь-ка вотъ этотъ воротничекъ!

Хейкки пристегнулъ поданный ему стоячій воротничекъ.

— Посмотри-ка въ зеркало. Вотъ, я такъ и зналъ, что тебѣ некуда дѣвать свои кудри!

Хейкки началъ было снимать воротничекъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не снимай, — лучшеними свою шевелюру: надо, братецъ, разстаться съ этими священными прядями волосъ!

Хейкки, точно дитя, поддавался всѣмъ прихотямъ товарища, который, съ своей стороны, старался быть какъ можно веселѣе, чтобы разогнать его горе. И горе, въ самомъ дѣлѣ, затихло...

Они пообѣдали въ отдѣльномъ кабинетѣ большого ресторана. Послѣ обѣда, когда подали кофе и ликеры, у Хейкки явилось желаніе поговорить по душѣ. Олли охотно и съ участіемъ выслушалъ его и затѣмъ съ обычною откровенностью высказалъ свое мнѣніе: во всемъ виноватъ только самъ же Хейкки, — виноватъ тѣмъ, что смотритъ на жизнь слишкомъ по-дѣтски, слишкомъ сентиментально. Онъ никогда не былъ настоящимъ мужчиной, — всегда жилъ какъ-то ни съ чѣмъ несообразно. А между тѣмъ, мужество именно и заключается въ томъ, чтобы быть мужчиной и перестать ребячиться. „Послушайся меня“, сказалъ онъ: „я буду твоимъ руководителемъ, и вѣрь, что все пойдетъ хорошо“.

Хейкки молчалъ, но въ глубинѣ души чувствовалъ справедливость этого пріятельскаго выговора.

— Ну, теперь пойдѣмъ къ парикмахеру, — сказалъ Олли.

— Куда хочешь, — отвѣчалъ Хейкки, и въ ту же минуту почувствовалъ, что Олли принялъ его слово, какъ отвѣтъ на всякіе другіе вопросы.

Они отправились прямо къ парикмахеру, который, по распоряженію Олли, сръзалъ машинкою всѣ кудри Хейкки и остригъ его какъ нельзя короче. Теперь эти кудри валялись на полу, и мальчикъ смелъ ихъ въ одну кучу съ другими, чужими волосами, темными и свѣтлыми...

Внѣшній видъ Хейкки до такой степени измѣнился, что онъ, взглянувши на себя въ зеркало, даже испугался. Форма черепа рѣзко обозначилась, носъ, ротъ, глаза получили какое-то особенное выраженіе; уши словно сдѣлались больше и торчали по обѣ стороны головы, подпертой высокимъ стоячимъ воротничкомъ. Хейкки не рѣшался въ такомъ видѣ выйти на улицу; онъ скорѣе готовъ былъ спрятать голову въ мѣшокъ и

провалиться сквозь землю. Но, къ великому для него утѣшенію, въ парикмахерскую вошли два господина, остриженные совершенно такъ же, какъ и онъ, съ такими же ушами и воротничками. Это были гельсингфорскіе „львы“, представители самой послѣдней моды и законодатели вкуса. Одинъ изъ нихъ нечаянно задѣлъ стоявшаго передъ зеркаломъ Хейкки, но сейчасъ же извинился съ такою любезностью, что Хейкки повраснѣлъ отъ смущенія.

Уходя, Олли надѣлъ войлочную шляпу Хейкки, а ему оставилъ свой цилиндръ, не слушая никакихъ возраженій. Хейкки, волей-неволей, повиновался.

Когда они вышли на улицу, проходившая мимо красивая дѣвушка пристально посмотрѣла на Хейкки. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся; въ то же время и она оглянулась на него и улыбнулась.

Прежде всѣ встрѣчные обыкновенно смотрѣли на Олли; теперь же предметомъ общаго вниманія сдѣлался Хейкки.

Наступилъ темный осенній вечеръ. На улицахъ загорѣлся газъ, на бульварѣ ярко вспыхнули электрическіе фонари. Толпа гуляющихъ тихо двигалась по длинной аллеѣ и главнымъ улицамъ, надъ которыми стоялъ веселый, оживленный гулъ. Товарищи пошли къ капеллѣ. Тамъ играла музыка и всѣ мѣста были заняты публикой; отовсюду слышался беззаботный говоръ и смѣхъ. Они поднялись наверхъ и повернули направо. Хейкки поборолъ свою обычную застѣнчивость и чувствовалъ себя гораздо лучше прежняго, не смотря на то, что высокій воротничекъ стягивалъ ему шею и подпиралъ голову. Многіе изъ встрѣчавшихся мужчинъ съ любопытствомъ смотрѣли на него: видимо, онъ производилъ впечатлѣніе своимъ блестящимъ цилиндромъ и щегольской визиткой, виднѣвшейся изъ-подъ разстегнутаго пальто.

Среди слушавшихъ концертъ была и Фанни съ семействомъ. Но Хейкки не сдѣлалъ движенія, чтобы подойти къ нимъ, а только приподнял шляпу.

Въ верхней залѣ оказалась цѣлая толпа пріятелей Олли, съ которыми Хейкки до сихъ поръ вель только шапочное знакомство. Они заняли почти всѣ столики и шумно болтали между собою. Всѣ они были въ цилиндрахъ; только на одномъ была обыкновенная шляпа. Этого Хейкки зналъ ближе, чѣмъ другихъ: это былъ Эмиль.

Увидавъ Хейкки, онъ вскочилъ съ мѣста.

— Ба! Хейкки! Добро пожаловать! Да какимъ ты сталъ франтомъ, я едва тебя узналъ!

Эмиль привѣтствовалъ его такъ шумно, что Хейкки стало неловко среди мало знакомыхъ ему людей. Эмиль говорилъ всегда такъ громко и безцеремонно, словно всѣ окружающіе его были членами одной и той же семьи. Сдержаннаго и холоднаго отношенія къ людямъ онъ вовсе не признавалъ и чувствовалъ себя совершенно одинаково какъ среди своихъ, такъ и среди чужихъ, называя всѣ вещи по именамъ и съ первой же встрѣчи предлагая выпить „на ты“.

Къ счастью, Эмиль оставался около Хейкки недолго. Онъ отыскалъ въ жилетномъ карманѣ какую-то бумажку, взглянулъ на нее, кивнулъ товарищамъ головою и исчезъ въ толпѣ.

Остальные приняли Хейкки совсѣмъ иначе: они по очереди привставали съ мѣста, здороваясь съ нимъ, и внимательно слушали, что онъ говорилъ, словомъ, относились къ нему очень вѣжливо и любезно; при этомъ они, видимо, были имъ очень заинтересованы, точно въ первый разъ его видѣли. Хейкки ясно видѣлъ, что они составили себѣ о немъ совершенно ложное понятіе, какъ о человѣкѣ свѣтскомъ, который всякую свою фразу произнесетъ не иначе, какъ съ оттѣнкомъ легкой проиіи надъ свѣтомъ и людьми; потому-то они и прислушивались къ нему такъ внимательно. Хейкки это видѣлъ, но не хотѣлъ выводить ихъ изъ заблужденія: зачѣмъ? ну, и пусть составляютъ себѣ ложное понятіе, соотвѣтственно его измѣнившейся внѣшности.

Когда онъ замѣтилъ, что они къ нему присматриваются, ему стало ясно, чѣмъ именно онъ обращаетъ на себя ихъ вниманіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ пришла охота еще болѣе усилить это впечатлѣніе,—явиться инымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ,—совсѣмъ другимъ человѣкомъ, начиная съ мелочей и кончая самымъ важнымъ, начиная съ манеры брать стаканъ, или поворачивать голову или улыбаться, и кончая мнѣніями объ общественныхъ вопросахъ и о дорогихъ для него идеяхъ. Образцомъ для этой новой картины долженъ былъ послужить идеалъ окружающихъ его людей, въ которому всѣ они всѣми силами стремились.

Хейкки взялъ предложенную ему сигару, закурилъ ее такъ, какъ это дѣлали „идеальные“ люди, и во время разговора старался иногда удерживать ее въ зубахъ. Что касается до идей, то онъ прежде всего постарался произвести впечат-

лѣніе человѣка съ солидными убѣжденіями. Съ этою цѣлью надо было говорить сдержанно и ни въ какомъ случаѣ не воодушевляться предметомъ разговора. Въ особенности же слѣдовало избѣгать „мальчишества“ и не позволять себѣ вмѣшиваться въ чужой разговоръ и перебивать его. О собственныхъ стремленіяхъ также не слѣдовало ничего говорить; но выражаться такъ, чтобы слушателямъ было видно, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, серьезно заинтересованнымъ общественными дѣлами. Никто не долженъ былъ знать, какова именно та цѣль, въ которой этотъ человѣкъ стремится, но всѣ должны были видѣть, что онъ къ чему-то стремится. Горячія рѣчи о „народной идеѣ“ и о „родинѣ“ могли бы только совсѣмъ скомпрометтировать его; напротивъ, слѣдовало поставить на видъ, что подобные возгласы умѣстны только на сходкахъ какихъ-нибудь гимназистовъ и улыбаться, пожимая плечами, когда рѣчь заходила о людяхъ, еще позволяющихъ себѣ такое ребячество.

Хейки самому стало нравиться такое „идеальное“ поведеніе, въ особенности, когда онъ убѣдился, что возбуждаетъ общее любопытство. Ему стало какъ-то особенно легко на сердцѣ. Передъ нимъ развернулась новая, еще небывалая до сихъ поръ, картина будущаго, гораздо болѣе близкаго и легче достижимаго, чѣмъ всѣ прежнія мечты. Привѣтливо улыбаясь, онъ чокался черезъ столъ съ своими собесѣдниками и гналъ прочь эти прежнія, ребяческія фантазіи... Олли былъ правъ!

Мимо стола прошла Фанни съ своими спутниками. Хейки всталъ и приподнялъ шляпу. Фанни нерѣшительно приостановилась, словно ожидая, что онъ протянетъ ей руку, — и вспыхнула, какъ огонь, когда онъ этого не сдѣлалъ.

* * *

Возвращаясь домой вмѣстѣ съ Олли, Хейки замѣтилъ, что товарищъ говоритъ съ нимъ совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде: теперь они стали другъ другу гораздо ближе. Они весело шли, взявшись подъ руку. О сердечныхъ мученіяхъ не было и помину.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕРАЗУМНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

К. Мандесъ.

I.

Босивомъ, съ растрепанными волосами, проходилъ мимо королевскаго дворца бродяга. Это былъ златоудрый юноша чудной красоты: огромные черные глаза блестѣли, какъ звѣзды, а губы были свѣжи, какъ лепестки розы послѣ дождя. Солнце точно любовалось имъ и ярче обливало своимъ горячимъ свѣтомъ его жалкія лохмотья, чѣмъ атласъ, бархатъ и парчу рыцарей и дамъ, собравшихся у главнаго входа дворца.

— О, какъ она прекрасна!—воскликнулъ вдругъ бродяга, остановившись.

Онъ увидѣлъ у окна принцессу Розалинду. И дѣйствительно, трудно было встрѣтить на землѣ что-нибудь прекраснѣе ея. Безмолвно, съ поднятыми какъ бы къ небу руками, онъ остался бы такъ стоять до вечера, если бы часовой не прогналъ его съ бранью.

Онъ ушелъ, опустивъ голову. Ему казалось, что все померкло вокругъ: потемнѣла дорога, поблѣвли цвѣты, и само солнце будто умерло. Онъ присѣлъ подъ дубомъ у опушки лѣса и заплакалъ.

— О чемъ ты, дитя мое?—спросила его какая-то старуха, согнувшаяся подъ связкою сухихъ сучьевъ.

— Какая мнѣ польза въ томъ, что я расскажу тебѣ о своемъ горѣ. Ты ничѣмъ не можешь мнѣ помочь, добрая женщина.

— Ошибаешься,—отвѣчала старуха.

И съ этими словами она выпрямилась во весь ростъ, и передъ юношей предстала прекрасная молодая женщина, одѣтая въ серебряное платье, съ головой, украшенной цвѣтами и драгоценными камнями.

*

— О прекрасная волшебница!—воскликнулъ нищій, бросившись на колѣни, — сжался надъ моимъ несчастіемъ. Я увидѣлъ въ окнѣ дворца дочь короля и съ тѣхъ поръ мое сердце не принадлежитъ мнѣ болѣе. Я чувствую, что никогда не полюблю другой женщины, кромѣ нея.

— Хорошо, — отвѣчала волшебница, — это еще не большое горе.

— Какое же можетъ быть для меня большее? Я умру, если не женюсь на ней.

— Кто жъ тебѣ мѣшаетъ? Розалинда еще не невѣста.

— Но взгляни на мои лохмотья и босыя ноги, я вѣдь нищій.

— Ну, такъ что же? Это не мѣшаетъ быть любимымъ тому, кто самъ искренно любить. Это вѣчная и чудная истина. Король и королева съ презрѣніемъ оттолкнуть тебя, придворные будутъ насмѣхаться надъ тобой, но если твое чувство глубоко, то Розалинда будетъ имъ тронута, и когда ты, гонимый слугами, затравленный собаками, убѣжишь въ слезахъ и въ отчаяніи, она придетъ къ тебѣ и счастливая, вся зардѣвшись, будетъ просить тебя принять ее.

Юноша покачалъ головой, не вѣря, что такое чудо можетъ случиться.

— Берегись, — сказала волшебница, — любовь не любитъ сомнѣнія въ своемъ могуществѣ и можетъ случиться, что ты жестоко заплатишься за свое невѣріе. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ ты страдаешь, я хочу помочь тебѣ. Пожелай чего-нибудь, я исполню.

— Я желалъ бы быть самымъ могущественнымъ въ мірѣ принцемъ, чтобы жениться на принцессѣ, которую я обожаю.

— Ахъ, отчего ты лучше не идешь прямо къ ея окнамъ и не споешь ей пѣсню любви? Но, дѣлать нечего, я обѣщала исполнить твое желаніе. Только я должна предупредить тебя объ одномъ: когда ты перестанешь быть тѣмъ, что ты есть, никакой волшебникъ, никакая фея, даже я сама, не въ состояніи будутъ вернуть тебѣ твой прежній видъ. Разъ ты сдѣлаешься принцемъ, ты останешься имъ навсегда.

— Неужели жъ ты думаешь, что супругу принцессы Розалинды придетъ когда-нибудь охота снова просить милостыню?

— Желаю тебѣ счастья, — сказала волшебница, вздохнувъ.

И она коснулась своимъ жезломъ плеча бродяги. Мигомъ превратился онъ въ блестящаго принца. Верхомъ, въ блестящемъ вооруженіи, онъ ѣхалъ во главѣ отряда воиновъ, которые трубили въ трубы.

II.

Такой могущественный принцъ не могъ встрѣтить дурного приѣма при дворѣ. Его приняли съ величайшей предупредительностью и пышностью. Въ честь его цѣлую недѣлю давались балы, и празднества смѣняли другъ друга. Но принцъ совсѣмъ не думалъ о нихъ: всѣ мысли его день и ночь поглощены были Розалиндой. Когда онъ видѣлъ ее, сердце его таяло отъ умиленія; ея голосъ звучалъ для него небесной музыкой, и онъ замиралъ отъ восторга, когда въ танцахъ касался ея руки. Одно его огорчало: та, которую онъ обожалъ, казалось, не обращала на него вниманія. Чаще всего она была печально задумчива. Принцъ попрежнему твердо держался своего намѣренія жениться на ней, и, конечно, родители Розалинды не подумали даже отказаться отъ такой выгодной партіи для нея. Итакъ, недавній бродяга сдѣлается мужемъ прекраснѣйшей въ мірѣ принцессы! Такое счастье чуть не свело его съ ума. На привѣтствіе короля онъ отвѣчалъ какими-то ужимками и гримасами, совсѣмъ не подходившими къ его высокому положенію, и еще немного, онъ пустился бы въ плясъ отъ радости на глазахъ у всѣхъ придворныхъ. Увы! такая радость продолжалась недолго. Едва Розалинда услышала о согласіи родителей, какъ въ обморокъ упала на руки своихъ фрейлинъ. И когда она пришла въ себя, то, ломая руки и задыхаясь отъ рыданій, объявила, что не хочетъ выходить замужъ, и скорѣе убьетъ себя, чѣмъ сдѣлается женою принца.

III.

Въ отчаяніи, несчастный женихъ, вопреки этикету, вошелъ въ комнату, куда унесли принцессу, и, упавъ на колѣни передъ ней, воскликнулъ:

— О, жестокая! возьмите назадъ слова, которыя приводятъ меня въ отчаяніе!

Она медленно открыла глаза и тѣхо, но твердо отвѣчала:

— Принцъ, ничто не измѣнитъ моего рѣшенія. Я никогда не буду вашей женой.

— Какъ! вы безжалостно разбиваете преданное вамъ сердце! Какое же преступленіе совершилъ я, чтобъ заслужить такую казнь? Вы сомнѣваетесь въ моей любви? Вы боитесь, что я когда-нибудь разлюблю васъ? Ахъ, если бы вы могли читать въ моемъ сердцѣ, у васъ исчезли бы всякіе страхи и

сомнѣнія. Моя любовь такъ сильна, что достойна даже вашей несравненной красоты. И если васъ не тронуть мои мольбы, одна только смерть залечитъ мои раны. Верните мнѣ надежду, принцесса, или я умру у вашихъ ногъ.

Слова потокомъ лились изъ его устъ. Въ нихъ было все, что можетъ самое сильное горе внушить любящему сердцу. Розалинду тронули его слова.

— Несчастный принцъ, — сказала она, — если мое сочувствіе можетъ служить вамъ утѣшеніемъ, я охотно выскажу его вамъ, тѣмъ болѣе, что я сама страдаю не менѣе васъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, принцесса?

— Увы! если я отказалась отъ вашей руки, то это только потому, что я сама безнадежно люблю молодого бродягу, который проходилъ однажды босой, съ всклооченными волосами, мимо моего дворца, взглянулъ на меня разъ и не возвращался болѣе!

Пер. С. Брагинская.

Объ отношеніи естественныхъ наукъ къ знанію вообще *).

(Ueber das Verhältniss der Naturwissenschaften zur Gesamtheit der Wissenschaft).

Г. Гельмгольца.

Въ настоящее время могло бы казаться, что взаимныя отношенія всѣхъ наукъ между собою, въ силу которыхъ мы соединяемъ эти послѣднія подъ общимъ названіемъ *Universitas litterarum*, слабѣе, чѣмъ когда-либо. Мы видимъ, что современные ученые погружены въ изученіе деталей, занимающихъ такія обширныя области, что величайшій энциклопедистъ не въ состояніи удерживать въ своей памяти больше ограниченного участка современной науки. Лингвистъ послѣднихъ трехъ столѣтій совершенно удовлетворялся изученіемъ латинскаго и греческаго языковъ и развѣ только для непосредственно практическихъ цѣлей онъ изучалъ нѣсколько европейскихъ языковъ. Въ настоящее время сравнительное языковѣдѣніе ставитъ себѣ задачей ознакомленіе со *всѣми* языками *всѣхъ* человѣческихъ племенъ, для того, чтобы вывести отсюда законы образованія языка. Даже въ предѣлахъ *классической* филологіи теперь болѣе не ограничиваются изученіемъ только тѣхъ сочиненій, которыя, благодаря своей художественности, яркости мысли, или глубинѣ содержанія сдѣлались образцами поэзіи и прозы во всѣ вѣка. Теперь знаютъ, что каждый потерянный отрывокъ древняго писателя, каждая замѣтка педантичнаго грамматика-или византійскаго придворнаго поэта, каждый слованный надгробный памятникъ римскаго чиновника, найденный въ какомъ-нибудь глу-

---

*) Рѣчь эта произнесена въ Гейдельбергскомъ университетѣ 22 ноября 1862 года, слѣдовательно 32 года тому назадъ, но все же и до сихъ поръ не утратила своего глубокаго значенія. Краткія біографическія свѣдѣнія о Гельмгольцѣ были помѣщены въ октябрьской книжкѣ нашего журнала; подробную характеристику и оцѣнку значенія въ исторіи науки этого выдающагося ученаго нашего вѣка мы дадимъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ.

хомъ углу Венгріи, Испаніи или Африки, можетъ быть, содержать въ себѣ какія-нибудь важныя указанія. И вотъ другой рядъ ученыхъ занимается собираніемъ и приведеніемъ въ систему всѣхъ остатковъ классической древности. Прибавимъ сюда изученіе историческихъ источниковъ, пересмотръ бумагъ, хранящихся въ архивахъ, собираніе замѣтокъ, разсѣянныхъ въ мемуарахъ, собраніяхъ писемъ и біографіяхъ, разборъ іероглифовъ и клиновидныхъ надписей, постоянно возрастающіе по своему объему систематическіе перечни минераловъ, растеній и животныхъ, какъ нынѣ живущихъ, такъ и доисторическихъ—и передъ нами развернется перспектива знаній, отъ которой можетъ закружиться голова. Во всѣхъ этихъ наукахъ область изслѣдованія продолжаетъ расширяться въ той же степени, въ какой совершенствуются способы наблюденія, и не видать конца этому. Зоологъ прошлыхъ столѣтій большей частью вполнѣ удовлетворялся, описавши зубы, наружные покровы, строеніе конечностей и прочіе внѣшніе признаки какого-нибудь животнаго. *Анатомъ* ограничивался анатоміей человѣка, насколько она была ему доступна при помощи ножа, пилы, долота или, наконецъ, посредствомъ инъекціи сосудовъ. Изученіе человѣческой анатоміи считалось чрезвычайно обширнымъ и труднымъ предметомъ. Теперь не ограничиваются болѣе грубой анатоміей человѣка, область которой совершенно справедливо считается уже исчерпанной, а присоединяютъ сюда *сравнительную анатомію*, т. е. анатомію всѣхъ животныхъ и *микроскопическую анатомію*, однимъ словомъ, науки съ несравненно болѣе широкимъ содержаніемъ.

Четыре элемента древности и средневѣковой алхіміи разрослись въ современной химіи до 64 основныхъ тѣлъ. Но не только увеличилось число простыхъ тѣлъ, а и методы полученія изъ нихъ сложныхъ соединеній сдѣлали такіе успѣхи, что выдѣлилась отдѣльная наука—*органическая химія*, занимающаяся исключительно соединеніями углерода съ водородомъ, кислородомъ, азотомъ и нѣкоторыми другими простыми тѣлами.

Выраженіе: «сколько звѣздъ на небѣ» употреблялось въ прежнія времена, когда рѣчь шла о цифрѣ, превосходящей всѣ наши представленія. Плиній былъ того мнѣнія, что намѣреніе Гиппарха (*gen etiam Deo improbam*) сосчитать звѣзды и опредѣлить ихъ мѣста, граничитъ съ дерзостью. И не смотря на это, въ указателяхъ звѣздъ, изготовленныхъ до XVII столѣтія безъ помощи телескоповъ, находимъ отъ 1.000 до 1.500 звѣздъ отъ первой до пятой величины. Въ настоящее время астрономы заняты расширеніемъ этихъ каталоговъ и внесеніемъ въ нихъ звѣздъ до 10-й величины, что дастъ въ общей сложности около 200.000 непо-

движныхъ звѣздъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этихъ изслѣдованій оказалось открытіе большого числа новыхъ планетъ. Въ 1781 году ихъ было извѣстно только 6, а въ настоящее время—75.

Обозрѣвая эту гигантскую дѣятельность во всѣхъ областяхъ знанія, мы невольно изумляемся и готовы воскликнуть вмѣстѣ съ хоромъ въ Антигонѣ:

«Многое удивительно, но нѣтъ ничего удивительнѣе челоука».

Кто можетъ при такихъ условіяхъ охватить всю совокупность знанія, удержать въ своихъ рукахъ всѣ отдѣльныя нити и ориентироваться въ нихъ? Естественно вытекающее отсюда слѣдствіе состоитъ прежде всего въ томъ, что каждый изслѣдователь въ отдѣльности вынужденъ избрать для себя все болѣе суживающуюся область изслѣдованій и можетъ имѣть лишь неполныя свѣдѣнія о сосѣднихъ областяхъ. Намъ теперь смѣшно слышать, что въ XVII столѣтіи Кеплеръ былъ приглашенъ въ Грецъ профессоромъ математики и морали, или что въ началѣ XVIII столѣтія Бергафъ въ Лейденѣ занималъ одновременно кафедры ботаники, химіи и клинической медицины, куда входила въ то время, конечно, и фармація. Теперь для этихъ предметовъ намъ нужно, по меньшей мѣрѣ, четыре, а въ хорошо обставленныхъ университетахъ, даже восемь, лекторовъ.

Я тѣмъ болѣе считаю возможнымъ обсудить здѣсь вопросъ о взаимной связи между различными науками, что самъ принадлежитъ къ изслѣдователямъ естественныхъ наукъ, противъ которыхъ въ послѣднее время раздавалось особенно много обвиненій въ изолированности и отчужденности отъ прочихъ наукъ, соединенныхъ между собою общими историческими и филологическими изслѣдованіями. Подобное отчужденіе дѣйствительно обнаруживалось въ теченіе извѣстнаго времени и мнѣ кажется, что оно развилось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Гегелевской философіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ ученія Канта, еще не существовало подобнаго раздѣленія; наоборотъ, эта философія стояла на одной почвѣ съ естественными науками, что лучше всего доказывается собственными работами Канта въ области естественныхъ наукъ, въ особенности же его космогонической теоріей, опирающейся на законъ притяженія Ньютона и получившей впоследствии всеобщее признаніе подъ именемъ теоріи Лапласа. Критическая философія Канта имѣла своей цѣлью только провѣрку источниковъ и основаній нашего знанія и установленіе масштаба умственной работы по отношенію къ отдѣльнымъ наукамъ. Положеніе, выведенное а priori, какъ результатъ чистаго мышленія, могло служить, по его ученію, лишь правиломъ для метода мышле-

нія, но не могло имѣть никакого положительнаго и реальнаго содержанія. Гегелевская философія тождества была смѣлѣе. Она исходила изъ той гипотезы, что дѣйствительный міръ, природа и человѣческая жизнь являются результатомъ мышленія творческаго духа, сущность котораго тождественна съ человѣческимъ. Поэтому, человѣческой разумъ могъ, повидимому, и безъ руководства внѣшняго опыта, только путемъ собственной внутренней дѣятельности, прослѣдить мысли творческаго духа. Въ этомъ смыслѣ философія тождества поставила себѣ цѣлью а priori построить главнѣйшіе результаты всѣхъ наукъ. Это могло оказаться болѣе или менѣе удачнымъ по отношенію къ религіи, праву, государству, языку, искусству, исторіи, однимъ словомъ, ко всѣмъ тѣмъ наукамъ, сущность которыхъ развивается, главнымъ образомъ, изъ психологической основы, и которыя извѣстны подъ общимъ названіемъ умозрительныхъ.

Гегель въ своихъ попыткахъ разрѣшить эту задачу нашелъ себѣ существенную поддержку въ глубокомъ философскомъ пониманіи исторіи и науки со стороны философовъ и поэтовъ непосредственно предшествовавшей ему эпохи. Ему оставалось только привести въ порядокъ и соединить между собою эти данныя для того, чтобы получить систему, весьма интересную во многихъ отношеніяхъ. Она вызвала энтузіазмъ среди большинства образованныхъ современниковъ, питавшихъ преувеличенныя надежды на разрѣшеніе глубочайшихъ загадокъ человѣческой жизни, тѣмъ болѣе, что смыслъ системы затемнялся своеобразнымъ абстрактнымъ языкомъ и, вѣроятно, былъ понятъ лишь немногими изъ его читателей.

То обстоятельство, что построеніе главнѣйшихъ результатовъ умозрительныхъ наукъ оказалось болѣе или менѣе удачнымъ, отнюдь не служило доказательствомъ вѣрности гипотезы идентичности, изъ которой исходила философія Гегеля. Рѣшительнымъ пробнымъ камнемъ для нея могли быть только факты природы. Само собою понятно, что въ умозрительныхъ наукахъ должны были обнаруживаться слѣды дѣятельности человѣческаго духа и хода его развитія. Но если природа дѣйствительно отражаетъ въ себѣ результаты мышленія творческаго духа, подобнаго человѣческому, то относительно простѣйшія формы и явленія природы должны были тѣмъ легче подойти подъ эту систему. Но здѣсь именно стремленія философіи тождества потерпѣли полное пораженіе. Натуръ-философія Гегеля казалась, по крайней мѣрѣ, естествоиспытателямъ совершенно бессмысленной. Изъ многихъ выдающихся естествоиспытателей того времени не нашлось ни одного, который принялъ

бы идеи Гегеля. Но такъ, какъ съ другой стороны, для Гегеля было чрезвычайно важно встрѣтить признаніе именно въ этой области, то съ его стороны послѣдовала необыкновенно страстная и ожесточенная полемика, направленная, главнымъ образомъ, противъ Ньютона, перваго и величайшаго представителя научнаго изслѣдованія природы. Философы обвиняли естествоиспытателей въ ограниченности, а послѣдніе, въ свою очередь, обвиняли ихъ въ безтолковости. Тогда естествоиспытатели начали придавать особенное значеніе тому, чтобы ихъ работы были свободны отъ всякаго философскаго вліянія и скоро дѣло дошло до того, что многіе изъ нихъ—даже выдающіеся люди—начали отвергать философію, признавая ее не только бесполезной, но даже прямо вредной.

Почти такіе же результаты, хотя и совершенно инымъ путемъ, получились въ концѣ концовъ и въ умозрительныхъ наукахъ. Во всѣхъ отрасляхъ науки—въ религіи, государствѣ, правѣ, искусствѣ, языкѣ появились горячіе поборники гегелевской философіи и каждый изъ нихъ стремился преобразовать свою область въ смыслѣ этого ученія и поскорѣе собрать на пути отвлеченнаго мышленія плоды, составлявшіе до сихъ поръ лишь результатъ продолжительной и кропотливой работы. Такимъ образомъ, въ теченіе извѣстнаго времени поддерживалась рѣзкая рознь между естественными науками съ одной стороны и умозрительными—съ другой, причемъ первыя нерѣдко даже не признавались науками.

Правда, эта рознь скоро утратила свой первоначальный острый характеръ. Цѣлый рядъ быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ блестящихъ открытій и техническихъ примѣненій въ области естественныхъ наукъ показали всѣмъ ихъ необыкновенную плодотворность и заставили внушить къ себѣ уваженіе. Скоро и въ остальныхъ областяхъ знанія добросовѣстные изслѣдователи фактовъ тоже выступили противъ слишкомъ смѣлаго полета спекулятивнаго мышленія. Выѣсть съ тѣмъ, нельзя, однако, отрицать и благотворнаго вліянія этихъ философскихъ системъ; мы не можемъ не признать, что со времени Гегеля и Шеллинга вниманіе изслѣдователей въ различнѣйшихъ областяхъ умозрительныхъ наукъ начало усиленнѣе направляться на ихъ духовное содержаніе и цѣль, чѣмъ это, можетъ быть, имѣло мѣсто въ предыдущія столѣтія; великая работа этой философіи была, слѣдовательно, не совсѣмъ напрасна.

По мѣрѣ того, какъ эмпирическое изслѣдованіе фактовъ начало снова выступать на первый планъ и въ остальныхъ наукахъ, стала ослабѣвать также рознь между ними и естественными науками. Однако, хотя эта рознь и проявилась съ преувеличенной силой вслѣдствіе вліянія названныхъ философскихъ системъ, нельзя все-

таки не признать, что такое различіе существуетъ и что оно вытекаетъ изъ самой сущности вещей. Оно обуславливается отчасти различіемъ въ самомъ родѣ умственной дѣятельности, отчасти же въ содержаніи естественныхъ и умозрительныхъ наукъ. Физику будетъ нѣсколько затруднительно разъяснить филологу или юристу запутанный естественный процессъ, потому что у нихъ нѣтъ необходимаго для этого навыка въ пользованіи геометрическими и механическими представленіями. Съ другой стороны, эстетикъ и теологъ найдутъ, что естествоиспытатель обнаруживаетъ слишкомъ большую склонность къ механическимъ и матеріалистическимъ объясненіямъ, которыя покажутся имъ тривиальными и расхолодятъ ихъ чувство. Филологъ и историкъ, тѣсно связанные съ юристомъ и теологомъ общимъ изученіемъ филологическихъ и историческихъ наукъ, будутъ удивлены равнодушіемъ естествоиспытателя къ литературнымъ сокровищамъ, простирающимся въ болѣе чѣмъ должной степени даже на исторію его собственной науки. Наконецъ, нельзя отрицать, что умозрительныя науки имѣютъ прямое отношеніе къ драгоцѣннѣйшимъ интересамъ человѣческаго духа, между тѣмъ какъ предметомъ естественныхъ наукъ служить выѣшній, безразличный матеріалъ, котораго мы, повидимому, не можемъ обойти только вслѣдствіе его практической пользы, и который, можетъ быть, и не представляетъ непосредственнаго значенія для образованія ума.

При такомъ положеніи вещей, когда наука раздѣлилась на безконечное число вѣтвей и развѣтвленій, когда между ними проявляется рѣзко выраженная рознь, когда ни одинъ умъ не въ силахъ обхватить знаніе въ цѣломъ или даже значительной его части, возникаетъ вопросъ: благоразумно ли соединять ихъ всѣ въ одномъ и томъ же учрежденіи? Не является ли соединеніе четырехъ факультетовъ въ одинъ общій университетъ лишь остаткомъ среднихъ вѣковъ? Нижеслѣдующее краткое разсмотрѣніе покажетъ намъ, насколько необходима подобная связь не только въ формальномъ отношеніи для сохраненія научной рабочей силы, но и въ матеріальномъ отношеніи--для споспѣшествованія результатамъ этой работы.

Прежде всего два слова о формальномъ отношеніи. Я сказалъ бы, что соединеніе различныхъ наукъ необходимо для сохраненія здороваго равновѣсія умственныхъ силъ. Каждая отдѣльная наука требуетъ, преимущественно, дѣятельности извѣстныхъ умственныхъ способностей и соотвѣтственно этому развиваетъ ихъ путемъ упражненія. Но всякое одностороннее развитіе влечетъ за собою извѣстныя опасности; оно дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ тѣмъ

родамъ дѣятельности, въ которыхъ онъ менѣе упражнялся, ограничиваетъ передъ его умственнымъ взоромъ пониманіе общей связи, въ особенности же легко можетъ вызвать самомиѣніе. Когда человекъ замѣчаетъ, что онъ лучше выполняетъ извѣстный родъ умственной работы, чѣмъ другіе люди, то легко забываетъ, что онъ не въ состоявіи зато выполнить многое изъ того, что другіе умѣютъ дѣлать лучше его—а преувеличенное миѣніе о себѣ есть величайшій и опаснѣйшій врагъ всякой научной дѣятельности. Какъ много талантливыхъ людей лишены, всего болѣе необходимой для ученаго, способности критически относиться къ самому себѣ, или же совершенно опустили руки, потому что считаютъ сухую, кропотливую работу ниже своего достоинства и стремились только создать гениальныя комбинаціи идей или сдѣлать такія открытія, которыя произвели бы переворотъ въ мірѣ! Сколькіе изъ нихъ кончили свою жизнь озлобленными мизантропами, потому что не добились признанія со стороны людей, которое приобретается дѣльной работой и успѣховъ, а не расточается передъ влюбленнымъ только въ себя гениемъ. И чѣмъ изолированнѣе отдѣльная личность, тѣмъ легче ей угрожаетъ подобная опасность, между тѣмъ какъ, наоборотъ, ничто не дѣйствуетъ такимъ оживляющимъ образомъ, какъ необходимость съ напряженіемъ всѣхъ силъ добиваться признанія со стороны такихъ людей, которые сами заслуживаютъ полнаго признанія.

Если мы произведемъ сравненіе между родами умственной дѣятельности по различнымъ отраслямъ знанія, то соотвѣтственно каждой изъ нихъ получатся извѣстныя различія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что каждому выдающемуся таланту присуще особое индивидуальное направленіе ума, дѣлающее его преимущественно способнымъ именно къ его дѣятельности. Стоитъ только сравнить работы двухъ изслѣдователей, занимающихся одновременно въ тѣсно соприкасающихся одна съ другой областяхъ для того, чтобы убѣдиться, что чѣмъ это болѣе выдающиеся люди, тѣмъ рѣзче выражена ихъ умственная индивидуальность и тѣмъ менѣе каждый изъ нихъ былъ бы способенъ произвести работу другого.

Я упомянулъ уже объ огромной массѣ матеріала, представляемаго нашими науками. Прежде всего ясно, что чѣмъ больше объемъ этого матеріала, тѣмъ болѣе точная и совершенная организація и распредѣленіе требуется для того, чтобы не затеряться въ лабиринтѣ учености. Чѣмъ совершеннѣе систематизація, тѣмъ большее можетъ произойти накопленіе частностей безъ ущерба для общей связи. Мы теперь только потому можемъ совершить такъ

многое въ области частныхъ, что наши предшественники научили насъ организаціи знанія.

Эта организація состоитъ прежде всего въ томъ внѣшнемъ механическомъ порядкѣ, который мы находимъ въ нашихъ каталогахъ, лексиконахъ, справочныхъ указателяхъ, литературныхъ обзорѣхъ, годовыхъ отчетахъ, собраніяхъ законовъ, естественноисторическихъ системахъ и т. д. При помощи этихъ пособій достигается прежде всего лишь то, что тѣ знанія, которыя не хранятся непосредственно въ памяти, могутъ быть разысканы немедленно, какъ только въ нихъ представится надобность. При помощи хорошаго лексикона гимназистъ можетъ теперь достигнуть въ пониманіи классиковъ многого такого, что представляло трудности для Эразма, несмотря на всю его начитанность. Сочиненія подобнаго рода образуютъ какъ бы основной фондъ научнаго имущества человѣчества, процентами съ котораго оно пользуется; его можно сравнить съ капиталомъ, обращеннымъ въ земельную собственность. Подобно землѣ, изъ которой состоитъ почва, и знаніе, заключенное въ каталоги, лексиконы и указатели, имѣетъ мало привлекательный видъ; непосвященный не знаетъ и не цѣнитъ труда и затратъ, вложенныхъ въ эту ниву; работа пахаря безконечно кропотлива, медленна и тяжела. Но если работа лексикографа и систематика и требуетъ такого же неутомимаго и упорнаго труда, какъ работа пахаря, то отнюдь не слѣдуетъ все-таки думать, что это работа низшаго достоинства, такая же сухая и механическая, какой она выгладитъ въ готовомъ, отпечатанномъ видѣ. Каждый отдѣльный фактъ долженъ быть найденъ путемъ внимательнаго наблюденія, подвергнутъ провѣркѣ и сравненію, существенное должно быть отдѣлено отъ второстепеннаго—все это, очевидно, можетъ выполнить только тотъ, кто вполне освоился съ цѣлью, во имя которой собираются всѣ эти данныя, съ внутреннимъ содержаніемъ соответствующей науки и съ ея методами, и для такого человѣка каждый отдѣльный фактъ предстанетъ въ его связи съ цѣлымъ и получить свой особый интересъ. Поступательный ходъ науки оказываетъ свое вліяніе и на подобныя сочиненія, что лучше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что безпрестанно приходится составлять новые лексиконы, новыя естественноисторическія системы, новыя собранія законовъ, новыя звѣздные каталоги. Въ этомъ выражается прогрессирующее развитіе искусства метода и организація знанія.

Но наше знаніе не должно оставаться только въ формѣ каталоговъ; уже одно то обстоятельство, что мы должны хранить его въ этой формѣ, показываетъ, что мы умственно не одолѣли его. Недостаточно знать факты; наука возникаетъ лишь тогда, когда

открываются ея законы и причины. Логическая переработка даннаго матеріала состоитъ прежде всего въ томъ, что мы соединяемъ все сходное и подводимъ его подъ одно общее понятіе. Подобное понятіе включаетъ въ себѣ множество частныхъ и заступаетъ ихъ мѣсто въ нашемъ сознаніи. Мы называемъ его родовымъ понятіемъ, когда оно вмѣщаетъ въ себѣ множество существующихъ предметовъ, и закономъ, когда оно обнимаетъ собою множество явленій. Если я нашелъ, что всѣ млекопитающія, т. е. всѣ теплокровныя животныя, производящія на свѣтъ живыхъ дѣтенышей, вмѣстѣ съ тѣмъ дышатъ легкими, имѣютъ двѣ сердечныя полости и, по меньшей мѣрѣ, три слуховыя косточки, то мнѣ нѣтъ надобности запомнить существованіе этихъ анатомическихъ особенностей отдѣльно для обезьяны, лошади, собаки и кита. Общее правило вмѣщаетъ въ себѣ массу отдѣльныхъ случаевъ и заступаетъ ихъ мѣсто въ сознаніи. Когда я высказываю законъ преломленія свѣтовыхъ лучей, то этотъ законъ заключаетъ въ себѣ не только случаи, гдѣ лучи падаютъ подъ различнѣйшими углами на плоскую водную поверхность, но включаетъ вообще всѣ случаи, гдѣ свѣтовые лучи какого бы то ни было цвѣта падаютъ на поверхность любой формы, ограничивающую любую прозрачную среду. Слѣдовательно, этотъ законъ включаетъ въ себѣ дѣйствительно безконечную массу случаевъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности невозможно было бы удержать въ памяти. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что этотъ законъ примѣнимъ не только къ тѣмъ случаямъ, которые наблюдали мы сами или кто-нибудь другой, но что его можно примѣнить и къ новымъ, еще не подвергнувшимся наблюденію случаямъ и предсказать эффектъ преломленія лучей—и что мы не ошибемся въ нашихъ ожиданіяхъ. Точно также, если мы найдемъ неизвѣстное, еще неизслѣдованное въ анатомическомъ отношеніи млекопитающее, то мы можемъ предположить со степенью вѣроятности, граничащей съ увѣренностью, что у этого животнаго есть легкія, двѣ сердечныя полости и три или болѣе слуховыхъ косточекъ.

Итакъ, соединяя данныя опыта и образуя понятія, будутъ ли это родовыя понятія или законы, мы не только придаемъ нашему знанію форму, благодаря которой имъ легко можно пользоваться и сохранять его, но мы также расширяемъ его, имѣя возможность примѣнять найденныя правила и законы ко всѣмъ сходнымъ, еще не найденнымъ случаямъ.

Всѣ названныя случаи такого рода, что соединеніе отдѣльныхъ случаевъ въ понятія не представляется никакихъ трудностей и сущность всего процесса совершенно ясна. Но въ сложныхъ случаяхъ не такъ-то легко отдѣлать сходное отъ несходнаго и соеди-

нить его въ рѣзко обособленномъ понятіи. Предположимъ, что мы знаемъ извѣстнаго человѣка за честолюбиваго; мы можемъ предсказать съ большимъ вѣроятіемъ, что этотъ человѣкъ, поставленный въ необходимость дѣйствовать при извѣстныхъ условіяхъ, послѣдуетъ своему честолюбію и изберетъ извѣстный способъ дѣйствій. Но мы не можемъ ни опредѣлить съ полной достовѣрностью, почему можно узнать честолюбиваго человѣка, ни сказать—какимъ мѣриломъ можно измѣрять его честолюбіе, ни сказать съ опредѣленностью, какая степень честолюбія требуется для того, чтобы при соотвѣтствующихъ условіяхъ придать дѣствіямъ человѣка соотвѣтствующее направленіе. Мы, слѣдовательно, производимъ сравненіе между поступками человѣка, которые мы имѣли случай наблюдать и между поступками другихъ людей, дѣйствовавшихъ подобнымъ образомъ при подобныхъ условіяхъ, и выводимъ отсюда наше заключеніе о результатахъ будущихъ поступковъ, можетъ быть, даже сами того не сознавая, что наше предсказаніе основывается на описанномъ сравненіи. Въ этомъ случаѣ наше сужденіе вытекаетъ изъ извѣстнаго психологическаго чутья, а не изъ сознательныхъ умозаключеній, хотя въ существенныхъ чертахъ умственный процессъ здѣсь тотъ же самый, какъ и въ томъ случаѣ, когда мы приписываемъ неизслѣдованному млекопитающему существованіе легкихъ.

Этотъ послѣдній видъ индукціи, которая не можетъ быть доведена до законченной формы логическаго умозаключенія, до построенія законовъ, играетъ въ человѣческой жизни чрезвычайно обширную роль. На немъ покоится все развитіе воспріятій нашихъ органовъ чувствъ, что особенно ярко доказывается изслѣдованіемъ такъ называемыхъ обмановъ чувствъ. Когда, напр., въ нашемъ глазу нервныя окончанія раздражаются толчкомъ, то у насъ создается представленіе о появленіи свѣта въ полѣ зрѣнія, потому что мы въ теченіи всей жизни всегда чувствовали раздраженіе въ волокнахъ нашего зрительнаго нерва только въ томъ случаѣ, когда въ полѣ зрѣнія появлялся свѣтъ, и привыкли отождествлять ощущеніе волоконъ зрительнаго нерва съ появленіемъ свѣта въ полѣ зрѣнія. Тотъ же видъ индукціи играетъ существенную роль во всѣхъ психологическихъ процессахъ, благодаря необычайной запутанности вліяній, обуславливающихъ образованіе характера и возникновеніе минутнаго душевнаго настроенія человѣка. А такъ какъ мы приписываемъ себѣ свободную волю, т. е. способность дѣйствовать по собственному побужденію, не будучи вынуждены къ тому строгимъ и неотвратимымъ закономъ причинности, то мы тѣмъ самымъ вообще совершенно отвергаемъ возможность выводиться по

крайней мѣрѣ, часть проявленій нашей душевной дѣятельности изъ безусловно дѣйствующаго закона.

Этотъ видъ индукціи, въ противоположность *логической*, вырабатывающей рѣзко опредѣленные общія положенія, можно было бы назвать *художественной* индукціей, потому что она проявляется всего ярче въ выдающихся художественныхъ произведеніяхъ. Существенная доля художественнаго таланта состоитъ въ умѣннн передать внѣшніе признаки характера или настроенія словами, образами, красками или звуками и угадывать чутьемъ, безъ руководства какими-либо опредѣленными правилами, каково должно быть дальнѣйшее развитіе душевныхъ состояній. Наоборотъ, тамъ гдѣ мы замѣчаемъ, что работа художника совершалась сознательно, по общимъ правиламъ и отвлеченнымъ понятіямъ, его твореніе производитъ на насъ впечатлѣніе бѣдности и тривиальности и не вызываетъ нашего восторга. Творенія же великихъ художниковъ воспроизводятъ передъ ними картины характеровъ и настроеній съ яркостью, богатствомъ индивидуальными чертами и жизненностью, почти превосходящими дѣйствительность, такъ какъ здѣсь отсутствуютъ моменты, могущіе нарушить впечатлѣніе.

Если мы станемъ разсматривать рядъ наукъ по отношенію къ способамъ, которыми онѣ пользуются для полученія своихъ результатовъ, то сейчасъ же обнаружится различіе между естественными и умозрительными науками. Естественныя науки по большей части въ состояніи довести свои индукціи до рѣзко выраженныхъ общихъ правилъ и законовъ, умозрительныя же науки преимущественно имѣютъ дѣло съ сужденіями на основаніи психологическаго чутья. Такъ, напр., историческія науки прежде всего должны удостоверить въ томъ, насколько заслуживаютъ довѣрія источники, изъ которыхъ передаются факты; послѣ того, какъ установлены факты, начинается слѣдующая, болѣе трудная и важная задача—разобраться въ часто весьма запутанныхъ и сложныхъ мотивахъ дѣйствій народовъ и индивидуумовъ; то и другое рѣшается главнымъ образомъ психологическимъ чутьемъ. Филологическія науки, поскольку онѣ занимаются разъясненіемъ и исправленіемъ дошедшихъ до насъ текстовъ, исторіей литературъ и искусствъ, должны уловить смыслъ, который хотѣлъ придать писатель своимъ словамъ, они должны исходить изъ правильнаго взгляда какъ на индивидуальность автора, такъ и на духъ языка, на которомъ онъ писалъ. Все это случаи художественной, а не собственно логической индукціи. Здѣсь сужденіе можетъ быть сдѣлано только тогда, когда въ памяти имѣется наготовѣ большое количество отдѣльныхъ, сходныхъ между собою фактовъ, которые можно привести немед-

ленно въ соотношеніе съ возникающимъ въ данную минуту вопросомъ. Поэтому, однимъ изъ первыхъ требованій для этого рода наукъ является хорошая память. Дѣйствительно, многіе изъ знаменитыхъ историковъ и филологовъ возбуждали удивленіе своихъ современниковъ силой своей памяти. Конечно, для изученія этихъ наукъ недостаточно одной только памяти—нужна еще способность быстро схватывать и выдѣлять сходныя черты, тонко развитое пониманіе душевныхъ движеній человѣка, пониманіе, котораго трудно было бы достигнуть безъ извѣстной теплоты чувства и интереса къ наблюденію душевныхъ состояній. Въ то время, какъ повседневныя сношенія съ людьми даютъ намъ основу для этого психологическаго пониманія, изученіе исторіи и искусства обогащаютъ и дополняютъ его, потому что оба они показываютъ намъ дѣйствія людей при болѣе необыкновенныхъ условіяхъ и даютъ возможность судить обо всемъ объемомъ силъ, скрытыхъ въ нашей душѣ.

Названные отдѣлы знанія, за исключеніемъ грамматики, не доходятъ до формулировки общихъ, безусловныхъ законовъ. Законы грамматики установлены человѣческой волей, хотя и не были выработаны по заранѣе обдуманному плану, а развились постепенно, по мѣрѣ надобности. Поэтому, для того, кто изучаетъ языкъ, они являются законами, постановленіями, установленными чужимъ авторитетомъ.

Къ историческимъ и филологическимъ наукамъ примыкають *теологія* и *юриспруденція*, предварительныя и вспомогательныя знанія которыхъ относятся преимущественно къ области первыхъ двухъ. Общія законы, съ которыми мы встрѣчаемся въ богословскихъ и юридическихъ наукахъ, суть тоже *постановленія*, законы, установленные чужимъ авторитетомъ для поступковъ въ нравственномъ и юридическомъ отношеніи, а не такіе законы, которые, подобно естественнымъ, заключали бы въ себѣ обобщеніе множества фактовъ.

Изученіе грамматики и права представляетъ извѣстныя преимущества для образованія ума въ томъ отношеніи, что довольно равномерно упражняются различныя стороны умственной дѣятельности. Поэтому-то въ школьномъ образованіи европейскихъ народовъ занимаетъ такое большое мѣсто изученіе чужихъ языковъ и грамматикъ. Родной языкъ и тѣ изъ иностранныхъ языковъ, которые изучаешь на практикѣ, не требуютъ сознательнаго логическаго мышленія; зато они могутъ развивать чувство художественной красоты. Оба классическіе языка, греческій и латинскій, подобно большинству древнихъ языковъ, имѣють то преимущество,

что, благодаря полнымъ и яснымъ флексіямъ, весьма точно обозначаютъ грамматическія отношенія между собою словъ и фразъ. При долгомъ употребленіи языка шлифуются, грамматическія опредѣленія для быстроты и краткости сокращаются и теряютъ вслѣдствіе этого свою опредѣленность. Это ясно обнаруживается при сравненіи современныхъ европейскихъ языковъ съ латинскимъ; всего больше такой шлифовкѣ подвергся англійскій языкъ.

Полную противоположность филолого-историческимъ наукамъ по отношенію къ роду умственной дѣятельности представляютъ естественныя науки. Правда, и здѣсь есть нѣкоторыя области, гдѣ инстинктивное чувство аналогій—извѣстное художественное чутье играютъ нѣкоторую роль. Характерно и то, что художникъ, а именно Гёте, далъ толчокъ къ сравнительно анатомическимъ изслѣдованіямъ соотвѣтственныхъ органовъ у различныхъ животныхъ и къ ученію о метаморфозѣ листьевъ въ царствѣ растений и что онъ указалъ направленіе, которое приняла съ тѣхъ поръ сравнительная анатомія. Но даже и въ тѣхъ областяхъ естественныхъ наукъ, которыя имѣютъ дѣло съ непонятными еще дѣйствіями жизненныхъ процессовъ, въ общемъ гораздо легче найти общія положенія и понятія. чѣмъ въ тѣхъ наукахъ, гдѣ мы должны основывать наше сужденіе на анализѣ душевной дѣятельности. Всего рѣзче, однако, обнаруживается особый характеръ естественныхъ наукъ въ тѣхъ отдѣлахъ ихъ, гдѣ разработана экспериментальная и математическая сторона, главнымъ образомъ въ области чистой математики.

Существенное отличіе этихъ наукъ состоитъ, мнѣ кажется, въ томъ, что здѣсь сравнительно легче соединить отдѣльные случаи, подвергнутые наблюденію и опыту въ общіе, безусловно дѣйствующіе и чрезвычайно обширные, законы, между тѣмъ какъ именно въ умозрительныхъ наукахъ этотъ процессъ представляетъ непреодолимыя препятствія. Въ математикѣ общія положенія, выставляемая ею какъ аксіомы, такъ немногочисленны, такъ безконечно обширны и такъ непосредственно очевидны, что вовсе не нуждаются въ доказательствахъ. Вспомнимъ только, что вся чистая математика (арифметика) развивается изъ трехъ аксіомъ:

«Двѣ величины порознь равныя третьей равны между собою».

«Если къ двумъ равнымъ величинамъ прибавить одну и ту же величину, онѣ будутъ равны между собою».

«Если къ двумъ равнымъ величинамъ прибавить неравныя величины, онѣ будутъ неравны между собою».

Такъ же немногочисленны аксіомы геометріи и теоретической механики. Названныя науки развиваются изъ этихъ немногихъ

*

положеній такимъ образомъ, что заключенія изъ нихъ примѣняются къ постепенно усложняющимся случаямъ. Арифметика не ограничивается сложениемъ разнообразнѣйшихъ агрегатовъ конечнаго числа величинъ, въ высшемъ анализѣ она показываетъ, какъ складывать даже безконечный рядъ слагаемыхъ, величина которыхъ возрастаетъ или убываетъ по различнѣйшимъ законамъ, т. е. какъ рѣшать задачи, которыя никогда не могли бы быть рѣшены прямымъ путемъ. Здѣсь мы видимъ сознательную логическую дѣятельность нашего ума въ ея наиболѣе чистой и совершенной формѣ и научаемся цѣнить всю вѣрность и плодотворность этой умственной работы.

Послѣднее еще рѣзче выступаетъ въ прикладныхъ математическихъ наукахъ, къ которымъ относится и физическая астрономія. Съ тѣхъ поръ, какъ Ньютонъ вывелъ изъ механическаго анализа движенія планетъ, что вся вѣсомая матерія обладаетъ силой притяженія обратно пропорціональной квадрату разстоянія, этого простаго закона достаточно для того, чтобы вполне и съ величайшей точностью вычислить движеніе планетъ какъ въ будущемъ, такъ и въ отдаленномъ прошедшемъ, если только даны мѣсто, скорость и масса отдѣльныхъ тѣлъ нашей системы для любого момента. Болѣе того, мы опредѣляемъ, что вліянію той же силы подвержены и движенія двойныхъ звѣздъ, разстояніе которыхъ такъ велико, что нужны годы для того, чтобы свѣтъ ихъ могъ достигнуть до насъ.

Открытіе закона притяженія представляетъ самый поразительный результатъ, на который когда-либо была способна логическая сила человѣческаго ума. Я не хочу этимъ сказать, что никогда не было людей съ такой же или даже съ большей силой отвлеченнаго мышленія, чѣмъ у Ньютона или прочихъ астрономовъ, частью подготовившихъ, частью воспользовавшихся его открытіемъ. Но никогда еще не представлялся такой подходящій матеріалъ, какъ запутанныя и сложныя движенія планетъ, вызывавшія въ прежнія времена у необразованныхъ зрителей лишь астрологическія суевѣрія, а теперь подведенныя подъ законъ, который оказался въ состояніи выяснить точнѣйшимъ образомъ мельчайшія частности ихъ движеній.

По этому величайшему образцу развился цѣлый рядъ другихъ отраслей физики, изъ которыхъ слѣдуетъ назвать въ особенности оптику и ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ. При отыскиваніи общихъ законовъ природы опытная наука имѣютъ то несравненное преимущество передъ науками, ограничивающимися простымъ наблюденіемъ, что онѣ произвольно могутъ измѣнять

условія, при которыхъ получается извѣстное явленіе и, слѣдовательно могутъ ограничиться лишь не большимъ числомъ характерныхъ случаевъ для того, чтобы найти законъ. Вѣрность закона, конечно, должна быть проверена и въ болѣе сложныхъ случаяхъ. Послѣ того какъ были найдены вѣрные методы, физическія науки стали дѣлать сравнительно быстрые успѣхи. Онѣ не только дали намъ возможность заглянуть въ первобытныя эпохи, когда міровая туманность начинала сгущаться въ звѣздныя тѣла, онѣ не только дозволили намъ опредѣлить химическія составныя части солнечной атмосферы, онѣ научили насъ пользоваться силами окружающей природы и подчинить ихъ себѣ.

Изъ сказаннаго ясно, на сколько умственная дѣятельность въ этихъ областяхъ знанія отличается отъ рассмотрѣнной уже нами.

Въ математикѣ вовсе не требуется удерживать въ памяти отдѣльные факты, въ физикѣ — лишь весьма немногіе. Предположенія, основанныя на воспоминаніи сходныхъ случаевъ, конечно, могутъ оказаться полезными для того, чтобы навести на вѣрный путь, но приобрѣтаютъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если привели къ строго формулированному и точному закону. По отношенію къ природѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ строгой причинностью, не допускающей никакихъ исключеній. Поэтому мы и обязаны искать до тѣхъ поръ, пока мы не найдемъ законовъ, дѣйствующихъ безусловно, безъ какихъ-либо исключеній; только въ этой формѣ наши знанія приобрѣтаютъ побѣдоносную силу надъ временемъ, пространствомъ и силами природы.

Подобнаго рода трудъ требуетъ большого упорства и осторожности; онъ совершается обыкновенно лишь крайне медленно. Существенное условіе для методическаго успѣха мышленія состоитъ въ томъ, чтобы мысль сосредоточивалась на одномъ пунктѣ, не отвлекаемая никакими второстепенными соображеніями. Знаменитый логикъ, Стюартъ Милль, говоритъ, что, по его убѣжденію, индуктивныя науки сдѣлали въ новѣйшее время больше для успѣха логическихъ методовъ, чѣмъ философія. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что ни въ какой другой области знаній ошибка въ ходѣ мыслей не обнаруживается такъ легко невѣрными результатами, какъ въ этихъ наукахъ, гдѣ результаты умственной работы по большей части могутъ быть подвергнуты прямому сравненію съ дѣйствительностью.

Высказывая мнѣніе, что въ разработанныхъ математически отдѣлахъ естественныхъ наукъ разрѣшеніе научныхъ задачъ подошло ближе къ цѣли, чѣмъ въ прочихъ наукахъ, я отнюдь не хочу тѣмъ самымъ умалить значеніе послѣднихъ. Если естествен-

ныя науки и обладаютъ бoльшимъ совершенствомъ научной формы, то зато умозрительныя науки имѣють то преимущество, что предметомъ ихъ является болѣе богатый матеріалъ, ближе стоящій къ интересамъ людей и ихъ чувствамъ, а именно человѣческій духъ въ его различныхъ стремленіяхъ и многообразной дѣятельности. На этихъ наукахъ лежитъ болѣе высокая и болѣе трудная задача, но ясно, что для нихъ не долженъ пройти незамѣченнымъ примѣръ тѣхъ отдѣловъ знанія, которые дальше ушли впередъ въ формальномъ отношеніи, благодаря тому, что матеріалъ ихъ представляетъ меньше трудностей для разработки. Онѣ могутъ учиться у этихъ послѣднихъ методу и черпать ободреніе въ богатствѣ ихъ результатовъ. Мнѣ кажется, что наше время дѣйствительно заимствовало кое-что у естественныхъ наукъ. Безусловное уваженіе къ фактамъ и добросовѣстность въ ихъ собираніи, извѣстное недоувѣріе ко всему кажущемуся, стремленіе повсюду найти причинность и предполагать ее—всѣ эти черты, отличающія нашу эпоху отъ предыдущихъ, говорятъ въ пользу подобнаго вліянія.

Вотъ и все, что касается различныхъ, взаимно дополняющихъ другъ друга сторонъ умственной дѣятельности въ различныхъ отрасляхъ знанія.

Знаніе само по себѣ не составляетъ цѣли человѣка на землѣ. Хотя науки и вызываютъ къ дѣятельности лучшія силы человѣческаго духа, но тотъ, кто занимается наукой только ради пріобрѣтенія знаній, едва ли выполняетъ свое назначеніе на землѣ. Только дѣятельность даетъ человѣку достойное существованіе; поэтому цѣлью его должно быть или практическое примѣненіе знанія, или же обогащеніе науки, которое имѣетъ своимъ результатомъ прогрессъ человѣчества.

Знаніе—сила. Это положеніе ни въ одну эпоху не проявилась съ большей наглядностью, чѣмъ въ нашу. Мы заставили неорганическія силы природы подчиниться потребностямъ человѣческой жизни и цѣлямъ человѣческаго духа. Примѣненіе пара увеличило силу человѣка въ тысячи и милліоны разъ; ткацкія и прядильныя машины взяли на себя работу, единственнымъ достоинствомъ которыхъ было—притупляющее мозгъ однообразіе. Сообщенія между людьми и вытекающіе изъ нихъ матеріальные и духовные результаты возрасли въ такой степени, которой даже нельзя было себѣ представить. Но не только машины, умножившія силы человѣка, не только пушки и броненосцы, не только запасы жизненныхъ средствъ и денегъ составляютъ основу, на которой покоится могущество націи,—политическая и юридическая организація государства, моральная дисциплина единичныхъ лицъ—вотъ что даетъ

перевѣсь образованнымъ націямъ надъ необразованными, заставляя послѣднія или принять культуру, или подвергнуться неизбѣжному уничтоженію.

Поэтому каждая нація, руководствуясь даже только выѣшними цѣлями самосохраненія, не говоря уже о высшихъ идеальныхъ требованіяхъ, заинтересована не только въ развитіи естественныхъ наукъ и ихъ технического примѣненія, но также и въ разработкѣ политическихъ, юридическихъ и этическихъ наукъ и всѣхъ историческихъ и филологическихъ знаній, являющихся вспомогательными пособіями для нихъ. Выше уже было упомянуто о все возрастающемъ раздѣленіи и организаціи научнаго труда. Дѣйствительно, люди науки образуютъ въ вѣкоторомъ родѣ организованную армію, дѣйствующую на пользу всей націи и большей частью по ея полномочію и на ея средства, старающуюся умножить знанія, служація для поднятія промышленности, увеличенія богатства, улучшенія жизни, политической организаціи и нравственнаго развитія индивидуумовъ. Правда, здѣсь не можетъ быть рѣчи о непосредственной пользѣ. Все, что разъясняетъ намъ сущность силъ природы или человѣческаго духа имѣетъ свою цѣнность и въ свое время можетъ принести пользу—по большей части тамъ, гдѣ этого всего менѣе ожидаешь. Кому могло придти въ голову, когда Гальвани приводилъ въ соприкосновеніе ноги лягушки съ разнородными металлами и получалъ при этомъ сотрясеніе, что черезъ 30 лѣтъ Европа будетъ покрыта сѣтью проволокъ, по которымъ съ быстротой молніи будутъ передаваться извѣстія изъ Мадрида зъ Петербургъ въ силу того же процесса, первыя проявленія котораго наблюдалъ названный анатомъ! Въ его рукахъ, а впоследствии также и въ рукахъ Вольты, электрическіе токи давали лишь крайне незначительную силу, для проявленія которой нужны были самыя тонкіе способы наблюденія. Если бы эти опыты были оставлены на томъ основаніи, что они не обѣщали никакой пользы, то въ физикѣ недоставало бы важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ связующихъ звеньевъ между разнородными силами природы. Когда молодой Галилей, будучи студентомъ въ Пизѣ, наблюдалъ во время богослуженія качающуюся лампаду и убѣдился сравненіемъ съ ударами своего пульса, что продолжительность колебаній не находится въ зависимости отъ величины размаховъ, то кто могъ тогда предвидѣть, что это открытіе сдѣлаетъ возможнымъ измѣреніе времени помощью часовъ съ маятниками съ такой точностью, которая казалась невысिमой въ то время, и что она дастъ возможность моряку, забюшенному бурей въ отдаленнѣйшія воды земли, опредѣлить, подъ какимъ градусомъ долготы онъ находится!

. Кто при изученіи науки преслѣдуетъ лишь непосредственно практическую пользу, тотъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ никогда не достигнетъ своей цѣли. Совершенное знаніе и пониманіе силъ природы и духа—вотъ все, чего можетъ достигнуть наука. Единичный изслѣдователь находитъ свою награду въ новыхъ открытіяхъ, въ новыхъ побѣдахъ мысли надъ враждебной матеріей, въ красотѣ систематизированной области знаній, въ которой видна духовная связь между отдѣльными частями, гдѣ одно вытекаетъ изъ другого и все вмѣстѣ носитъ на себѣ слѣды господства духа. Онъ находитъ себѣ награду въ сознаніи, что и онъ внесъ свою лепту въ нарастающій капиталъ знанія, на которомъ основывается господство человечества надъ силами, враждебными духу.

Въ этомъ отношеніи всѣ науки имѣютъ одну общую цѣль—доставить духу господство надъ міромъ. Въ то время, какъ умозрительныя науки непосредственно стремятся къ тому, чтобы сдѣлать богаче и интереснѣе содержаніе умственной жизни, естественныя науки косвенно имѣютъ въ виду ту же цѣль, стремясь все болѣе и болѣе освободить человѣка отъ той зависимости, въ которой онъ находится по отношенію къ внѣшнему міру. Каждый единичный изслѣдователь работаетъ въ своей области, избирая себѣ тѣ задачи, къ разрѣшенію которыхъ онъ чувствуетъ себя наиболѣе способнымъ въ силу своей умственной организаціи и своего образованія. Каждый единичный работникъ долженъ помнить, что только совокупныя усилія всѣхъ могутъ подвинуть впередъ великое дѣло, и поэтому долженъ излагать результаты своихъ работъ въ доступной, по возможности, формѣ. Лѣтописи науки долны фактами, доказывающими взаимодѣйствіе между самыми отдаленными, повидимому, областями. Историческая хронологія зачастую опирается на астрономическихъ вычисленіяхъ солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, указанія на которыя содержатся въ древнихъ историческихъ сочиненіяхъ. И обратно, многія важныя астрономическія данныя, напримѣръ, время обращенія нѣкоторыхъ кометъ, основаны на свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до насъ въ древнихъ историческихъ сочиненіяхъ. Общее языковѣдѣніе даетъ указанія о древнихъ родственныхъ отношеніяхъ, раздѣленіяхъ и переселеніяхъ племенъ въ доисторическія времена и о степени культуры, на которой они находились въ моментъ раздѣленія, потому что въ позднѣйшихъ языкахъ находятя общія названія тѣхъ предметовъ, которые эти племена уже умѣли называть въ то время. Такимъ образомъ, изученіе языковъ являетя для насъ источникомъ историческихъ свѣдѣній о такихъ эпохахъ, отъ которыхъ не со-

хранилось викакихъ другихъ историческихъ документовъ. Укажемъ еще на помощь, которую оказываетъ анатомія искусству ваянія, или археологіи, изслѣдующей древнія скульптурныя произведенія. Если въ заключеніе мнѣ дозволено будетъ упомянуть о своихъ собственныхъ работахъ, то я укажу на то, что физика звука и фізіологія звуковыхъ ощущеній дадутъ возможность построить основы нашей музыкальной системы, каковая задача преимущественно относится къ области эстетики.

Я коснулся здѣсь лишь въ немногихъ словахъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ взаимодѣйствія между самыми отдаленными областями знанія. Что касается родственныхъ отдѣловъ науки, то взаимная связь между ними такъ очевидна, что я считаю лишнимъ останавливаться на ней.

Итакъ, слѣдовательно, каждый долженъ смотрѣть на себя, какъ на работника, участвующаго въ общемъ великомъ дѣлѣ, которое затрагиваетъ благороднѣйшіе интересы всего человѣчества, а не стремиться только къ тому, чтобы удовлетворять свою любознательность, преслѣдовать собственныя выгоды или блистать своими способностями. Великая задача университетовъ и состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать живую связь между всѣми изслѣдователями и всѣми отраслями знанія, какъ между собою, такъ и по отношенію къ ихъ общей цѣли.

Пер. А. М.

НА БАБЬЕМЪ ХУТОРѢ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КАВКАЗА).

I.

Въ степи надвигалась гроза. Огромная, темная туча, медленно ползла по небу, заволакивая его отъ края и до края. Низко спустилась она, окутала землю мракомъ, — степь потемнѣла. Съ крикомъ пронеслась стая испуганныхъ галокъ и пропала гдѣ-то въ безконечной дали. Заяць, закинувъ уши на спину, перебѣжалъ дорогу. Налетѣлъ вихорь, завертѣлъ, закрутилъ, поднялъ вверхъ сухіе стебли и листья травъ и, свирѣпо играя ими, гналъ ихъ далеко, далеко... Зашумѣла высокая трава и припала къ землѣ, какъ дитя къ груди родной матери. Молнія разсѣкла небо, грянулъ громъ, полилъ косой, проливной дождь. Широкіе раскаты грома отдавались по степи съ такою силой и мощью, съ какою не могли бы соперничать всѣ пушки, мортиры и митральезы всѣхъ странъ и народовъ со всѣми своими новѣйшими усовершенствованіями, грянувшія разомъ.

Между тѣмъ вихорь понесся дальше. На мгновеніе онъ остановился передъ маленькимъ домикомъ съ соломенной крышей и со всего размаха ворвался въ открытое окно. Въ домикѣ всѣ переполошились. Маленькая старушка въ бѣломъ чепцѣ и темной шали, крестясь и нашептывая „да воскреснетъ Богъ“, поспѣшно закрывала окна. Старыя руки ея тряслись отъ волненія и страха, и никакъ не могли справиться съ повосившейся рамой, не прилегавшей вплотную къ своему мѣсту.

— Горпина! Дарья! Омелянъ!..—звала она встревоженнымъ голосомъ, — ой! сбѣгайте кто-нибудь, закройте окна, не случилось бы бѣды!..

Едва успѣли закрыть окна, какъ крупныя капли дождя съ гуломъ и свистомъ забарабанили по стекламъ и зашелестили по крышѣ.

— Ой, Господи! Ой, царица небесная!—и старушка заметалась по комнатѣ,—спаси, помилуй, сохрани и странника въ пути, и рыбака въ морѣ!.. Ну и громъ!.. А вѣтеръ-то, вѣтеръ такъ и свиститъ, такъ и воетъ...

— Счастье твое, Катруся, что на „хвиліночку“ раньше пріѣхала, перепугалась бы въ степи съ дѣтворой одна-однешенька!..—обратилась она вдругъ къ молодой женщинѣ, сидѣвшей въ этой же комнатѣ на старомъ потертомъ диванѣ. Она сидѣла неподвижно, уставившись, задумчивымъ, безстрастнымъ взглядомъ въ противоположный уголъ. Ясно было, что хотя она и глядитъ, но ровно ничего не видитъ и не замѣчаетъ; повидимому, она даже не слышала ударовъ грома, а если и слышала, то они казались ей ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило въ ея душѣ.

А дождь, съ шумомъ разсѣвая воздухъ, хлесталъ что было мочи; завывалъ вѣтеръ, гремѣлъ громъ; казалось, будто тысячеголовый сказочный змѣй летитъ съ гиваньемъ и свистомъ, стенаньемъ и воемъ, отъ котораго „темные лѣса колеблются, листья съ деревъ осыпаются, рѣки изъ береговъ выливаются“. И маленькій, безпомощный домикъ, затерянный въ необозримой степи, трепеталъ и содрогался всѣмъ своимъ дряхлымъ тѣломъ...

— Катруся, а Катруся! Что съ тобою? Отчего будто „хмара“ черная на тебя набѣжала?! — спросила старушка. Она сѣла рядомъ съ нею и взяла ее за руку. Молодая женщина вздрогнула.

— Маменька, голубочка,—внезапно заговорила она нервнымъ, взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ;—маменька, родная моя, не прогоняйте меня, пожалѣйте, куда я съ дѣтьми пойду одна-однешенька?..

Она закрыла лицо руками и заплакала.

— Господь съ тобою, Каруся, чего ты?! Я тебѣ мать родная, а развѣ мать прогонитъ свое дитя. Живи у насъ на хуторѣ, Богъ дастъ, хлѣба на всѣхъ хватить.

Сильный ударъ грома не далъ ей докончить, она остановилась на полусловѣ и набожно перекрестилась.

За перегородкой заплакалъ ребенокъ. Каруся встала и пошла его успокоивать. Старушка, глядя ей вслѣдъ, тихо качала головою. Хорошая это была старушка. Ея большіе,

ясные, голубые глаза смотрѣли печально, но ласково; душевная чистота, наивность, дѣтская вѣра, свѣтились въ нихъ; блѣдныя, съезжившіяся и немного запавшія губы что-то шептали; бѣлые, какъ снѣгъ, волосы, выглядывали изъ-за оборокъ чепца. Она сидѣла на диванѣ все въ томъ же положеніи, обернувшись темною шалью, и теперь также растерянно смотрѣла передъ собою, какъ незадолго передъ тѣмъ ее дочь. Это были тѣже глаза, тоже выраженіе.

Напротивъ, у стѣны, стояла кровать съ высокимъ пуховикомъ и съ грудой пуховыхъ подушекъ; у окна столъ, покрытый цвѣтною скатертью; въ правомъ углу образъ Скорбящей Божьей Матери, передъ которымъ, по обѣщанію, всегда горѣла неугасимая лампада. На дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Раскаты грома становились все глуше и глуше; дождь уже съ меньшею силою барабанилъ въ окна и крышу.

— Та-а-къ! — послышался за перегородкой чей-то грубый голосъ, — хватило совѣсти! Отъ живого мужа притащиться къ матери, шутка? четверо дѣтей, сама пятая!! Да тутъ и мѣста нѣту! Сами кой-какъ перебиваемся!

— Перестань, Дарья! — противъ обыкновенія громко сказала старушка, стараясь придать своему голосу строгій отъѣнокъ.

— Не твое дѣло, а мое! Не твой хуторъ, а мой! Я тутъ хозяйка!

— Хозяйка?! Много въ васъ толку! Когда-бъ не я да не Дарья, такъ и куры васъ загребли бы!.. — возразилъ чей-то другой менѣе грубый голосъ.

— Ужъ и правда, хватило совѣсти!..

Черезъ нѣсколько времени вошла Катруся.

— Расскажи мнѣ, дочка, про Василья, бросила ты его, что ли? Или промежъ васъ кошка черная пробѣжала?

— Эхъ, маменька, не я его бросила, а онъ меня!

Она сѣла рядомъ со старушкой.

— Первые три года мы жили хорошо, а тамъ что было, что только было, родная моя! Сталъ водку пить, драться да хорошенькихъ любить... Только стали надо мной люди смѣяться. Дьячиха и говоритъ: „дура, дура, чего ты только смотришь, Василій-то твой что дѣлаетъ, а ты молчишь, вся станица надъ тобой смѣется“. Какъ сказала она мнѣ это, такъ сердце у меня захолонуло... Стала выговаривать ему, — прибилъ, пьянствовалъ цѣлую недѣлю, съ станичнымъ атаманомъ подрался, въ писаряхъ онъ въ ту пору служилъ, такъ его съ писарей

и прогнали. Переѣхали мы въ городъ, еще хуже того пошло... Денегъ нѣту, мѣста нѣту, а ему и горя мало,—напьется, какъ стелька, ругается да дерется... Господи, сколько муви перенесла!

Бабушка слушала, качала головой и при каждомъ сильномъ порывѣ вѣтра крестилась и шептала: „Господи, помилуй, Господи, помилуй!“

— Только приходитъ онъ разъ въ обѣдъ домой тверезый. Ну, думаю, опаматовался! Сѣлъ, молчить и на меня изподлобья смотреть. Я къ нему, какъ къ доброму: Васенька, не хочешь ли кушать? Щи со свининкой у меня сегодня! Подала я ему все, какъ слѣдуетъ, сама присѣла къ столу. Гляжу, ѣсть хорошо... Отлегло у меня отъ сердца. Глянула я ему прямо въ глаза, да и говорю: Васенька, какъ-никакъ, а подумать пора и о мѣстѣ,—дѣти, вѣдь, у насъ!.. Какъ хватить онъ кулакомъ объ столъ, миски забѣгали, да какъ гаркнетъ: „Пошла ты къ чорту, вѣдьма! Чтобъ и духу твоего здѣсь не было! Ъзжай къ матери!..“ Не стерпѣла и я, гдѣ и голосъ взялся: „Къ матери?! Ея, что ли, дѣло твоихъ дѣтей кормить!“ А онъ схватилъ ножъ да ко мнѣ: „Зарѣжу-у!“ Прибѣжали сосѣди, розняли насъ. Съ переполоху, видно, въ ту же ночь я захворала. Голова огнемъ горить... Сердце колотится, ровно на части разрывается; ни рукой, ни ногой двинуть силы нѣту... Не далъ онъ мнѣ и въ память придти. На другой день, утромъ, ходитъ по хатѣ, молчить. Я лежу, тяжело мнѣ, а и стонать боюсь. Только подходитъ онъ къ полкѣ, взялъ ножикъ и говорить: „Долго ли ты валяться будешь?! Ъзжай къ матери! Ты, говорить, жизнь мою заѣла, безъ тебя меня давно въ архіерейскіе пѣвчіе взяли бы... Всѣ говорятъ, что голосъ у меня хорошей. А не пойдешь, зарѣжу, вотъ этимъ самымъ ножомъ зарѣжу!“ И ко мнѣ съ ножомъ подступаетъ... Ничего я ему не сказала, собралась и поѣхала, не сердитесь, родная вы моя, ужъ я все для васъ, все для васъ...

Спазма сдавила ей горло, и она не договорила.

Слезы катились по впалымъ щекамъ старушки, губы съежились еще больше. Она подложила свою руку на плечо дочери и сказала:

— Эхъ, Катря! Катря! Говорила тебѣ, не иди за него,—не послушалась! Полюбились тебѣ черные очи да черный усъ. Говорила, иди за дьячка Потапа, какой смиренный, почти-тельный былъ дьячокъ, и въ церкви „апостола“ хорошо читалъ... Не то, что твой извергъ...

— Нѣтъ, не говорите такъ, маменька, не говорите!! Люблю я его, больше себя, больше дѣтей люблю,—со страстью въ голосѣ сказала Катруся и порывисто поднялась съ мѣста.

— Какъ повернется, какъ взглянетъ, какъ поведетъ бровью, глянешь,—лучше его и нѣтъ человѣка!!.. А какъ затынетъ пѣсню!..

Она прислонилась къ стѣнѣ, сложила на груди руки и влажнымъ, блестящимъ взглядомъ смотрѣла передъ собою, будто припоминая что-то, будто къ чему-то прислушиваясь...

— Будетъ, Катруся, полно! Думками горю не поможешь... Никто, какъ Богъ, Его святая воля!..

Старушка стала на колѣни передъ образомъ. Она молилась всегда очень долго. Кромѣ установленныхъ молитвъ, она обыкновенно еще и сама импровизировала свои молитвы, подходящія къ ея нуждамъ и настроенію. Въ этотъ вечеръ она три раза повторяла: „утихомирь, Господи, душу раба твоего Василя, прости ему всѣ его согрѣшенія... направь его...“

Послѣ молитвы Катруся поцѣловала руку матери и тихонько вышла, осторожно прикрывъ за собой дверь. Старушка легла въ постель, но долго еще вздыхала, переворачиваясь съ боку на бокъ.

А вѣтеръ бушевалъ цѣлую ночь, звонилъ въ ставни убогаго домика, трепалъ соломенную крышу, завывалъ и злился, когда встрѣчалъ на пути какое-нибудь препятствіе; когда же ничто не мѣшало ему, онъ летѣлъ свободно, точно надъ всѣмъ смѣясь. Смѣялся надъ горемъ и радостью, слезами и первымъ поцѣлуемъ...

II.

Среди ровной, гладкой степи, въ полосѣ сѣвернаго Кавказа, стоялъ „Бабій хуторъ“. Такъ прозвали его окрестные казаки и арендаторы за исключительное преобладаніе въ немъ женскаго элемента. Онъ принадлежалъ Маріи Потаповнѣ Горобчѣхѣ, той самой старушкѣ, съ которой мы уже немного знакомы. Покойный мужъ Маріи Потаповны, природный кубанскій казакъ, былъ убитъ горцами при покореніи Кавказа въ чинѣ хорунжаго. Вдова и дѣти были надѣлены за его заслуги участкомъ земли десятинъ въ двѣсти *). Выдавъ за-

*) Подобными надѣлами, а зачастую и гораздо большими, въ двѣ и даже три тысячи десятинъ, было надѣлено значительное число должностныхъ лицъ. Это обстоятельство повлекло за собою крупныя недоразумѣнія. Еще со вре-

мужъ своихъ трехъ дочерей, Марія Потаповна, по ея выраженію, „умыла руки“; построила себѣ на своемъ участкѣ домикъ и навсегда поселилась въ немъ, рассчитывая прожить въ тишинѣ и покоѣ тѣ немногіе годы, какіе остались на ея долю. Она страстно привязалась къ своей землѣ и втайнѣ такъ гордилась ею, какъ не гордится, я думаю, милліонеръ своими милліонами, или какой-нибудь владѣтельный князь своими безконечными владѣніями. Очень часто въ хорошую погоду она уходила въ поле; сначала ея походка бывала медленной и неровной, но вскорѣ она становилась твердой и увѣренной, глаза разгорались огнемъ довольства и счастья, а въ головѣ мелькала неотвязная мысль, такъ льстившая ея самолюбію: „это вѣдь я по своей землѣ иду, по своей, по своей!“ И съ гордостью глядѣла она на степь, покрытую высокой, пахучей травой, до того высокой, что лошадей, когда ихъ выгоняли на пастбу, почти не видно было въ травѣ, на золотыхъ поляхъ колосистой ржи, на распаханнхъ нивахъ... Въ эти минуты, по своей осанкѣ и выраженію, Марія Потаповна живо напоминала бабушку-королеву тѣхъ отдаленныхъ пастушескихъ временъ, когда короли сами обрабатывали землю, а королевы сами ходили на рѣку за водой. Почти всю землю Марія Потаповна по мелочамъ отдавала въ аренду большею частью переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній, которые, спасаясь отъ малоземелья, ищутъ счастья на окраинахъ Россіи. Цѣлыми массами толкуются они въ новомъ для нихъ краю, нѣкоторые, при благоприятныхъ условіяхъ, находятъ здѣсь осѣдлость въ качествѣ арендаторовъ, а то и простыхъ работниковъ; другіе же, какъ „вѣчный жидъ“, идутъ дальше, а куда—и сами не знаютъ. Хворають, мрутъ, уцѣлѣвшіе Христовымъ именемъ возвращаются на родину. Все это очень грустная и очень извѣстная исторія! Плату за пользованіе землей Марія Потаповна получала натурой: сѣномъ, овсомъ, пшеницей, просомъ—въ заранѣе условленномъ количествѣ. Съ небольшой семьей жить еще было можно. Но, какъ на бѣду, семья все росла да росла. Сначала переселилась къ ней овдовѣвшая

мень Екатерины II-й кубанскіе казаки привыкли смотрѣть на свою землю, какъ на неотъемлемую собственность. Земля считалась «войсковою», т. е. принадлежностью казачьяго войска, но никакъ не отдѣльныхъ лицъ. Каждый казакъ имѣлъ право косить и пахать, гдѣ онъ хотѣлъ и сколько хотѣлъ; земли было много и съ избыткомъ на всѣхъ хватало. Новые порядки ограничили первоначальное казачье право. Казаки были недовольны, но современемъ должны были покориться, лишь изрѣдка проявляя теперь свое недовольство въ видѣ потравъ, захватовъ помѣщичьяго сѣнокоса, запашекъ помѣщичьей земли и т. п. мелкихъ земельныхъ неурядицъ.

старшая дочь Дарья; черезъ годъ вторая дочь Гарпина, и не одна, а съ мужемъ и тремя дѣтьми: мужу не повезло въ торговлѣ, онъ и задумалъ поправить свои дѣла на землѣ тещи. Все хозяйство старшая дочь забрала въ свои руки; вторая же дочь, тихая и недалекая, служила только отголоскомъ Дарьи во всѣхъ спорахъ и столкновеніяхъ, какіе приходилось всѣмъ имъ вести съ арендаторами и сосѣдними казаками. Зять, Иванъ Андреевичъ, былъ человѣкъ богобоязненный, любившій пересыпать свою рѣчь текстами изъ священнаго писанія. На первыхъ порахъ онъ съ жаромъ принялся было за хозяйство, но послѣ первой же перепалки съ Дарьей, плюнулъ и ушелъ въ сосѣдній уѣздный городъ, гдѣ нанялся церковнымъ сторожемъ, оставивъ жену съ дѣтьми на хуторѣ.

Въ семьѣ не было ровно никакого единства, никакого согласія; каждый, какъ говорится, „тащилъ“ въ свою сторону, вовсе не заботясь объ общихъ нуждахъ. Не было и рѣчи о томъ, чтобы починить домикъ или службы. По этому поводу Дарья про себя разсуждала такъ: какъ маменька умереть, то землю дѣлится придется, хату продавать да поровну дѣлится, зачѣмъ же ее чинить, лучше я тѣ деньги себѣ „сховаю“. И она „ховала“; подъ половицей у печки у нея былъ свой тайничокъ, куда она припрятывала рублики и трехрублевки, такъ какъ отчета у нея никто не спрашивалъ. Домикъ между тѣмъ давно уже покосился, крыша обветшала, но, несмотря на то, что и всѣ другія постройки стояли не особенно бодро, и что во всемъ этомъ крохотномъ хозяйствѣ не замѣтно было сильной мужской руки, хуторъ, при бѣгломъ взглядѣ на него, не производилъ удручающаго впечатлѣнія и не наводилъ на невеселыя мысли о несовершенствахъ и неурядицахъ нашей жизни. Домикъ, казалось, говорилъ самымъ добродушнымъ образомъ: „ну, что жъ, я покосился, но нисколько не сътую на это, и этапъ-то еще долго простою, войдите, пожалуйте!“

И вамъ невольно хотѣлось войти въ него.

Около дома было воткнуто въ землю нѣсколько жердинъ, по которымъ легко и красиво вился зеленый хмель; съ жердинъ онъ перевѣшивался на крышу, отъ времени поросшую темно-зеленымъ бархатнымъ мохомъ, и ползъ по ней, образуя затѣйливыя гирлянды. Нѣсколько яблонь и вишенъ росли подлѣ дома, нѣсколько грядъ съ неизмѣнными подсолнечниками, тыквами и огурцами, раскинулись въ полномъ безпорядкѣ, вскопанныя кое-какъ на скорую руку. За дворомъ

высился большой стогъ сѣна съ шестомъ на верхушкѣ. Еще дальше блестяла на солнцѣ поверхность небольшого „ставка“ (пруда); черезъ ставокъ протекала рѣчонка Яга, терявшаяся затѣмъ гдѣ-то въ степи. Подъ стогомъ обыкновенно почивалъ заслуженный пестъ Рябко, съ сбившимся, какъ войлокъ, хвостомъ и болтающимися ушами. Единственная корова чувствовала себя въ своемъ хлѣвѣ недурно, а толстобочая кобыла, прозванная „Куцой“ за свой короткій хвостъ, который почему-то никогда не отросталъ, не имѣла понураго вида, и тоже ничѣмъ не выражала своего неудовольствія. За лошадыю присматривалъ дѣдусъ Емельянъ, старый служивый изъ севастопольскихъ героевъ, потерявшій одинъ глазъ при оборонѣ этого города. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ случайно забрелъ на „Бабій хуторъ“, прося милостыни. Марья Потаповна, увидѣвъ на его груди много медалей и орденовъ, такъ странно выдѣлявшихся на нищенскихъ лохмотьяхъ, заинтересовалась имъ, напоила его, накормила; старикъ разговорился, рассказывалъ про „страженіе“, про „хранцуза“ и „англичана“. Марья Потаповна растрогалась, вспомнила и о своемъ покойномъ воинѣ, вздохнула и даже всплакнула немного.

— Оставайся-ка, дѣдусъ, у меня на хуторѣ, — сказала она, — ну, хоть за Куцымъ приглянешь, конь у меня куцый, а кучеръ будетъ кривой, одно къ одному, чтобъ коню не въ обиду!

И дѣдусъ остался, представляя въ лицѣ своемъ единственнаго мужчину на „Бавьемъ хуторѣ“. Благодарность Емельяна не имѣла границъ и, желая еще болѣе отгнѣнить свое уваженіе и преданность, онъ называлъ Марью Потаповну не иначе, какъ „ваше благородіе“.

Такъ и жили они изо дня въ день, довольствуясь тѣмъ, что давала имъ жизнь, безъ особыхъ запросовъ и требованій. Одно только обстоятельство нарушало спокойствіе хутора — это мысль о разбойникахъ. Еще со временъ покоренія Кавказа сохранилось много легендъ о набѣгахъ горцевъ, о томъ, какъ они разоряли казачьи станицы, людей уводили въ плѣнъ, угоняли скотъ.

И хотя многое съ тѣхъ поръ перемѣнилось, горцы уже потеряли свой первобытный хищный характеръ, но Марья Потаповна все еще жила по старинѣ подъ страхомъ нападенія мнѳическихъ разбойниковъ и взбунтовавшихся черкесовъ.

Какъ бы для разнообразія, между сестрами иногда вспыхивали ссоры изъ-за тысячи разныхъ мелочей.

— А-а-а!.. себѣ купила козловые полусапожки, а мнѣ юфтовыя!— протестовала Горпина. Дарья въ такихъ случаяхъ или высомѣрно молчала, или же, если бывала не въ духѣ, принималась такъ вричать и браниться, призывая всѣхъ злыхъ духовъ на голову сестры, что послѣдняя сама бывала не рада, что „зацѣпила“ ее. Горпина съ ожесточеніемъ уходила изъ комнаты, не позабывъ сказать на прощанье:

— У! зелье! Не даромъ тебя арендатели „бѣсовой бабой“ окрестили!..

— Ха-ха-ха!— злобнымъ хохотомъ разражалась Дарья, и долго еще продолжала отчитывать и кричать, хотя бы въ комнатахъ уже никого больше не было.

— Уже завелись!— восклицала Марья Потаповна. Лѣтомъ она сейчасъ же уходила въ поле, а зимою набирала въ ротъ святой воды и прыскала въ Дарью, стараясь такимъ образомъ остановить потокъ ея краснорѣчія. Удивительнѣе всего, что такое средство всегда оказывалось дѣйствительнымъ. Дарья растирала мелкія брызги по своему раскраснѣвшемуся лицу и постепенно успокаивалась. Но подобныя сцены бывали не часто, и Горпина, и Марья Потаповна старались не раздражать Дарью и во всемъ ей уступали. Вдругъ неожиданный пріѣздъ Катруси всколыхнулъ тину ихъ всеневной жизни, поставилъ рядъ неприятныхъ вопросовъ передъ мысленными очами Дарьи, и даже Горпины... Затосковала Марья Потаповна, печалась о судьбѣ своей любимой Катри... И старый дѣдусь Емельянь вздыхалъ, покачивая лысой головой и мигая подслѣповатымъ глазомъ.

— Ну, а куда теперь похоть, ваше благородіе, хлѣбушка-то теперь на всѣхъ не хватить! Куда моя сума дѣвалась, лѣшій ее возьми!..

И онъ копошился въ своей коморѣ, отыскивая пропавшую суму.

III.

На другой день раньше всѣхъ поднялась Дарья.

— Вставайте, вставайте! Громадыть (сѣно грабить) трѣба!— говорила она, расталкивая Горпину и Катрю.

— Швыдче! Швыдче! И ты, соломенна писарыша, не выспаться къ намъ пріѣхала, и тебѣ дѣло найдется!

Марья Потаповна попробовала было вступиться за Катрю, говоря, что ей слѣдовало бы еще отдохнуть съ дороги.

— Отдохнуть съ дороги?! Подывитесь люди добры!—съ негодованіемъ вскричала Дарья и подняла руки кверху, будто и въ самомъ дѣлѣ призывая въ свидѣтели людей добрыхъ...

— Или она другого роду! Или у нея руки медовы! Или у нея грошей куры не клюютъ! Она будетъ сидѣть, а мы на нее работать! Четверо дѣтей рты пораскрывали, сама пята... Такъ мы жъ не „кріпачки“!..

— Не кріпачки, не кріпачки!—вторила Горпина, повязываясь платкомъ, уже готовая идти на работу.

Встрѣтивъ такой дружный отпоръ, старушва сразу отступилась.

Закинувъ грабли на плечи, сестры отправились. До сѣновоса нужно было пройти версты съ двѣ. Яркое, горячее солнце взошло надъ степью. Оно выплыло какъ-то вдругъ, внезапно, и степь сразу измѣнилась. Кто могъ бы повѣрить теперь, глядя на нее, что въ ней когда-либо проносятся грозы, вихри, ураганы. Вокругъ было тихо—ни вѣтерка, ни звука. Въ высокой травѣ сверкали брилліантовыя росинки, играя на солнцѣ тысячами огней и переливовъ. Небо чистое, безоблачное, синее, какъ море, только еще болѣе глубокое и недосыгаемое, оно высилось надъ степью съ тѣмъ величественнымъ покоемъ, для котораго не найдется сравненій на человѣческомъ языкѣ... Не прошли они и половины дороги, какъ Дарья остановилась, заслонила глаза рукою отъ солнца и подозрительно стала вглядываться въ степную даль, откуда доносилось лязганье косъ и гулъ множества голосовъ. Дарья ничего не сказала, но глаза ея блеснули недобримъ огонькомъ. Она сдвинула брови и прибавила шагъ. На широкомъ дугу выстроились въ рядъ человѣкъ двадцать косцовъ. Они косили дружно, молодцовато гикая и выкрикивая за каждымъ взмахомъ косы; трава ложилась правильными рядами, косцы подвигались впередъ, ни на іоту не отставая и не опережая другъ друга, такъ что въ общемъ получался только одинъ размѣренный взмахъ двадцати могучихъ рукъ.

— Казаки! Казаки! Наша трава! Наша!—не своимъ голосомъ вскричала Дарья,—разбойники!!

Но никто изъ казаковъ не обратилъ ровно никакого вниманія на ея крикъ. Нѣкоторые лишь усмѣхнулись въ бороду и продолжали свое дѣло съ прежнимъ рвеніемъ и порядкомъ.

— На нашей землѣ косите!—кричала Дарья,—наша межа по рѣку Ягу! Пошли къ чорту съ нашей земли!

— А де вінъ живе?—хладнокровно спросилъ одинъ изъ

*

казаковъ, выступая изъ перваго ряда и подходя къ Дарьѣ. Онъ заломилъ на бекрень свою бараашковую шапку, подбоченился и вызывающе глядѣлъ на свою противницу. Та, недолго думая, вцѣпилась обѣими руками въ бороду казака...

— Ой, караулъ!! Ратуйте добры люди, баба навязалась!— съ отгѣнкомъ комическаго страха въ голосѣ вскричалъ молодой казакъ и отпихнулъ Дарью отъ себя съ такою силою, что та отлетѣла отъ него на довольно значительное разстояніе, сжимая въ рукѣ клокъ темныхъ волосъ. Гомерическій хохотъ разнесся по степи. Казаки побросали косы и столпились въ одну кучу. Остроты, одна другой язвительнѣе, посыпались со всѣхъ сторонъ.

— Хоть ты и „бісова“, а все-таки баба,— сказалъ одинъ казакъ съ открытой высокой, волосатой грудью,— и не тоби спориться съ нами! Земля наша, Катерина намъ подарувала!

— А покажите бумагу!— выкрикнула Дарья, вся краснѣя отъ волненія.

— Ось тобі бумага!— сказалъ, подбѣгая, другой казакъ, и подставилъ ей кулакъ подъ самый носъ.

— Въ Сибирь васъ, на каторгу! Буду жаловаться, не оставлю,— вопила Дарья,— разбойники! Изверги! Чтобъ вамъ ни дна, ни покрывки! Чтобъ и кони ваши подошли отъ сиротской травы!.. Чтобъ и вы сами поухли! Чтобъ и дѣтямъ вашимъ и внукамъ добра не было! Буду жаловаться! Въ городѣ разберуть,— въ острогъ посадятъ! У-у-у, каторжные...

Казаки смѣялись, чѣмъ еще болѣе раздражали взбѣшенную Дарью. Она продолжала выкрикивать, все болѣе и болѣе ускоряя темпъ, бормоча какія-то безсвязныя слова, сильно жестикулируя и подступая все ближе и ближе къ казакамъ. Платокъ у нея съѣхалъ съ головы, волосы растрепались, лицо горѣло.

— А, ну-ка, Андрій, попугай бабу... А де у насъ ружье?! Андрій взялъ ружье и выпалилъ холостымъ зарядомъ. Перепуганная Дарья при дружномъ всеобщемъ хохотѣ, напутствуемая выстрѣлами, бросилась бѣжать домой что было духу. Горпина и Катря послѣдовали ея примѣру. Прибѣжавъ домой, Дарья сейчасъ же велѣла Омельяну запрягать Куцаго въ легкій возокъ, служившій, главнымъ образомъ, для поѣздокъ въ городъ, а сама, не теряя ни минуты, достала изъ сундука свое самое парадное платье изъ зеленого люстрина съ двумя оборками, старинную, черную бархатную кофту съ длинной бахромой и синій шелковый платокъ съ желтыми разводами,

и стала одѣваться. Лицо ея при этомъ приняло строгое, недоступное и въ то же время торжественное и дѣловое выраженіе. Она одѣвалась молча, молча нѣсколько разъ принималась натирать мыломъ свое красное лицо, молча приглаживала волосы, и лишь одно тяжелое, прерывистое дыханіе выдавало ея внутреннее состояніе. Всѣ домашніе съ изумленіемъ и любопытствомъ смотрѣли на всѣ эти приготовленія; но никто не рѣшался спросить, что все это значить. Наконецъ, Горпина не выдержала.

— Ты въ городъ, чі куды? — спросила она несмѣлымъ заискивающимъ голосомъ.

— Уже „закудывала“! *) Сказано дурна! Добра не будетъ! — огрызнулась Дарья, твердой и рѣшительной походкой направляясь къ возку. Въ этотъ день досталось Куцому, какъ никогда: онъ на своей спинѣ извѣдалъ дурное настроеніе своей хозяйки и даже прибавилъ шагу, что съ нимъ рѣдко случалось.

Ужь не въ первый разъ происходили подобныя происшествія на „Бавьемъ хуторѣ“, но никогда еще не совершались они съ такой безперемонностью. Дарья рѣшила жаловаться. Марія Потаповна возложила на нее большія надежды, предполагая, что „Дарья, хотя и въ городѣ, а никому спуску не дастъ, всѣмъ тамъ отъ нея на орѣхи достанется“.

Прошло нѣсколько дней, а главная управительница и гроза „Бабьяго хутора“ не возвращалась. Наконецъ, какъ-то вечеромъ Куцый притащилъ возокъ съ Дарьей въ дому и остановился, вполне увѣренный на этотъ разъ въ томъ, что дальше его не погонять.

— Мое вамъ почтеніе!! Чі живы, чі здоровы?! — весело говорила она, входя въ хату и влянаясь въ поясъ. Глаза ея блестѣли, на щекахъ игралъ густой румянецъ, станъ держался прямо, голова игриво склонялась на бокъ. Это было то легкое и пріятное опьяненіе, когда человѣкъ не прочь и поплясать, и пѣсню спѣть и, кажется, если бы въ это время раздалась гдѣ-нибудь по близости звуки какого-либо плясываго мотива, то Дарья не выдержала бы и, подбоченясь, пошла бы притоптывать каблуками и тонкимъ голосомъ выводить дразнящіе переливы плясовой пѣсни.

*) У малороссовъ существуетъ примѣта: если кто-нибудь собирается по дѣлу, то никогда не слѣдуетъ спрашивать: куда? Не то можно «закудыкать», послѣдствіемъ чего будетъ неудача.

— Чи живеньки—здоровеньки?!—повторила она, обводя присутствующихъ веселымъ, жизнерадостнымъ взглядомъ.

— Чего ты?!—сказала Марья Потаповна, удивленно косясь въ сторону Дарьи.

— А то, что въ воскресеніе гости къ намъ пожалуютъ. Сватовъ дожидайте!..

Всѣ остолбенѣли...

— Кого жъ ты просватала?!...

— Кого?! вже не васъ! Сама замужь пойду!

Лица всѣхъ вытянулись. Но въ эту рѣшительную минуту Марья Потаповна, несмотря на свою вротость и подчиненное положеніе, почувствовала, что она все-таки мать и глава семьи, что она должна же сказать что-нибудь; что она не должна допустить такого легкомысленнаго шага.

— Побойся Бога,—сказала она, беспомощно разводя руками,—тебѣ на пятый десятокъ повернуло!.. Сдурѣла ты, что ли, на старости лѣтъ?..

— Можеть, и сдурѣлъ кто, да не я! Что жъ, я не за молоденькаго! Человѣкъ „поштенный“, достаточный, на шестомъ десятѣ! Вдовецъ, а дѣтей нѣту!..

— Эхъ, дочка, дочка! Правду старые люди кажутъ: „у вдовы два норовы, а у вдовца нема-й кіньца“ *). Я думала, ты за діломъ въ городъ поѣхала!..

— За діломъ!? Мало я по вашимъ дѣламъ по городу бѣгала! Топала, топала по городу! У самого старшаго начальства была. Что съ ними дѣлать!? Одного дома нѣту, другою на крестинахъ, третій смѣется, четвертый говоритъ: дожидайтесь генеральной межи. А когда она будетъ, и самъ не знаетъ. Зло меня взяло! А теперъ хозяинъ на хуторѣ будетъ, мужчина! Казакамъ на остратку!

Такъ въ этотъ вечеръ отъ нея больше ничего и не добились.

IV.

Въ воскресенъе, въ обѣденную пору, къ „Бабьему хутору“ подѣхала таратайка. Вся она была окована желѣзомъ и окрашена синей масляной краской. Лошадь сытая, въ прочной, хозяйственной, упряжи. При первомъ взглядѣ на лошадь, и на таратайку, сейчасъ же приходило въ голову, что, какъ то, такъ и другое, непременно должно принадле-

*) У вдовы два норова, а у вдовца нѣтъ и конца.

жать человѣку домовитому, почтенному и серьезному. Ничего не было лишняго, — все было основательно, практично и прочно. Изъ таратайки медленно вылѣзъ высокій, худощавый человѣкъ въ сѣромъ, грубаго сукна, пиджакѣ и черномъ картузѣ. Его темные, съ сильной просѣдью, волосы были острижены въ скобку; борода напоминала козлиную; носъ, довольно длинный, слегка пригнулся къ верхней губѣ, отчего во всей физиономіи было что-то птичье, глаза глядѣли пронизательно и увѣренно. Онъ привязалъ лошадь къ тыну, затѣмъ опять подошелъ къ таратайкѣ, досталъ какой-то свертокъ и направился къ дому. Принарядившаяся Дарья суетилась около самовара, Марья Потаповна сидѣла за столомъ.

— Будьте здоровы, Дарья Ивановна, мое вамъ „поштеніе“, Марья Потаповна! — сказалъ пріѣзжій, снимая картузъ и низко кланаясь.

— И мое вамъ почтеніе! — весело затараторила Дарья, — а я васъ уже давно дожидаясь, самоварчикъ поставила... Садитесь, садитесь! Чайку съ дороги выпейте!..

— Нѣтъ, Дарья Ивановна, вы моего „карактера“ еще не знаете; у меня такое заведеніе: кончу дѣло, тогда ѣмъ и пью, а не кончу — въ ротъ ничего не возьму...

Онъ сѣлъ на стулъ и вопросительно взглянулъ на Марью Потаповну. Старушка молчала и какъ-то растерянно кивала головою, а Дарья легонько толкала ее локтемъ въ бокъ, будто приглашая обратить вниманіе: „каковъ, моль, каковъ!“

— Почтеннѣйшая Марья Потаповна, — продолжалъ между тѣмъ гость, — мы съ Дарьей Ивановной уже столбовались, онѣ вѣдь не маленькія, не дѣвица, могутъ дѣла и безъ мамашеньки кончать... Есть у меня тутъ одна зацѣпочка! Сказать вамъ по правдѣ, купилъ я недавно участочекъ земли рядомъ съ вашей, бокъ-о-бокъ, что у „Кривой балки“... Благословите насъ, маменька, отрѣжьте намъ десятину такъ съ пятьдесятъ рядомъ съ моимъ участкомъ, оно мнѣ сподручно будетъ!..

Марья Потаповна взволновалась. Отдать землю, землю, это дѣтище и утѣшеніе, кормилицу... Нѣтъ, этого она не могла сдѣлать.

— Не буду дѣлить, не буду... Послѣ моей смерти какъ знаютъ...

— Маменька, — врадчивымъ голосомъ продолжалъ гость, — а я вамъ уже и подарочекъ привезъ, чернаго люстрину на платье, — вотъ извольте получить!..

И онъ подалъ ей свертокъ.

— Такъ ударимъ по рукамъ, что ли?!

— Нѣтъ! Не буду дѣлать, не буду!—сказала Марья Потаповна, и потупилась.

— Да вѣдь онъ у васъ въ совершенныхъ лѣтахъ,—возвышая голосъ и подымая указательный палецъ въ сторону Дарьи, говорилъ онъ,—имъ и по закону полагается получить малую толику изъ наслѣдія ихъ покойнаго родителя!..

Марья Потаповна угнетенно молчала.

— А противъ закона нельзя идтить-сь!..

— Ахъ, какой вы, Федоръ Игнатьевичъ, — вмѣшалась Дарья,—а еще умнымъ человѣкомъ считаетесь; чего беспокоитесь, изъ-за чего горячку порете?! Долго ли маменькѣ на семь свѣтѣ жить осталось! Годикъ, другой протянетъ, а тамъ наша воля будетъ! Чего вы?!..

Федоръ Игнатьевичъ на минуту задумался.

— Такъ-то оно, такъ,—сказалъ онъ наконецъ.—По рукамъ, что ли?..

— По рукамъ, Федоръ Игнатьевичъ, по рукамъ, не беспокойтесь, я свое всегда требую!..

Черезъ недѣлю сыграли свадьбу. Вѣнчались въ городѣ. Свадьбу сыграли непышную: и женихъ, и невѣста были люди немолодые, и, какъ люди расчетливые, ограничились тѣмъ, что послѣ вѣнца устроили на хуторѣ самый скромный ужинъ и уѣхали въ городъ. Поселиться съ тещей новый зять отказался на-отрѣзь...

Наступила тишь да гладь, да Божья благодать. Радовалась и Марья Потаповна, и Катря, и Горпина, однимъ словомъ, всѣ, начиная съ хозяйки и кончая Емельяномъ и Куцымъ. Марья Потаповна даже удивлялась, какъ это она сначала отговаривала Дарью отъ этого брака! А теперь и Дарья нѣтъ, и земля осталась... Чего же еще надо?! Съ арендаторами начались самыя благодущныя отношенія; они платили, сколько хотѣли и когда хотѣли. Но что до этого? Зато все было тихо, согласно и спокойно!.. Одна лишь Катря часто втихомолку плакала, худѣла, блѣднѣла и съ каждымъ днемъ становилась все задумчивѣе и задумчивѣе.

— И чего это ты по немъ сохнешь?—часто говорила ей мать.—Плюнь ты на него!..

— Улюбилась у своего прудыуса*), якъ чортъ у суху вербу!..—неизмѣнно замѣчала Горпина.

*) Франта.

— Оставьте, маменька, не говорите такъ! Отъ вашихъ словъ мнѣ еще тяжелѣе на сердцѣ,—говорила Катря и уходила изъ комнаты.

Она ему давно уже „все“ простила. Ни днемъ, ни ночью не находила покоя, думала, предполагала: гдѣ-то онъ теперь? Поступилъ ли въ архіерейскіе пѣвчіе? Хорошо ли ему безъ нея? Вспоминаетъ ли о ней? А что, если вспоминаетъ?! А можетъ быть, есть другая? Но развѣ кто-нибудь на свѣтѣ можетъ любить его больше, нежели любить она?! Богъ дастъ, придетъ время, вспомнить онъ о ней, вспомнить и прилетитъ за нею, и заживутъ они такъ дружно и согласно, какъ не жили и въ первые дни послѣ свадьбы... А то забыть?!.. И горько ей становилось, и она готова была наложить на себя руки отъ одной этой мысли... А можетъ быть, онъ тамъ теперь одинъ-одинешенекъ, безъ мѣста, безъ денегъ, голодный, холодный... И ей хотѣлось бѣжать отсюда къ нему, утѣшить его, приголубить... Разъ она полоскала бѣлье въ рѣкѣ. Колотила валькомъ, что было силы; брызги летѣли во всѣ стороны, пузыри по водѣ вздувались и лопались. Рѣчка катила свои маленькія волны все дальше и дальше, туда „къ нему“, какъ казалось Катрѣ; солнце заходило тоже въ ту сторону. Степной, вечерній вѣтеръ навѣвалъ многое, отчего усиленно начинало биться сердце. И она работала валькомъ еще сильнѣе и напряженнѣе, чтобы заглушить въ себѣ все то, что наболѣло и что душило ее, какъ тяжелый камень.

Вдругъ кто-то тихонько окликнулъ ее по имени:

— Катря!..

Но она не оглянулась. Она привыкла уже къ тому, что въ послѣднее время ей все чудилось, будто ее кто-то кличетъ. Она заставила себя не оглянуться и продолжала свое дѣло еще съ большимъ рвеніемъ.

— Катря!!—послышалось опять, нѣсколько громче.

Катря не вытерпѣла, оглянулась,—и валекъ выпалъ у нея изъ рукъ, и въ глазахъ потемнѣло. Не сошла ли она съ ума?! Не во снѣ ли она видитъ?! Передъ нею стоитъ „онъ“, онъ самый и говорить:

— Здравствуй же, Катря, здравствуй!..

Когда у Катри улеглось немного первое волненіе отъ этой неожиданной встрѣчи, она сѣла на берегу, и онъ повелъ длинную рѣчку. Онъ былъ и въ самомъ дѣлѣ очень красивый мужчина. Черные, блестящіе глаза, черные усы и брови, темные, волнистые волосы, они такъ и заколыхались мягкими прядями по вѣтру,

когда онъ снялъ свою барашковую шапку и сталъ разглаживать рукою свой высокій, бѣлый лобъ. Катря заглядѣлась на мужа.

— Я вѣдь и самъ не радъ, что я такой „скаженный“ *)! Что жь? Ничего съ собой сдѣлать не могу... А безъ тебя, все-таки, скучно. Никто не умѣетъ мнѣ угодить такъ, какъ ты. Никто. Какъ ты уѣхала, я сейчасъ такого трезвону задалъ, всѣмъ чертямъ тошно стало... Гдѣ только меня не было? Черезъ недѣлю этакъ, я опохмѣлился, приодѣлся получше и пошелъ къ регенту—въ пѣвчіе проситься... А онъ, каналья этакій, голосъ испробовать—испробовалъ, а принять не принялъ! Ясное дѣло! Изъ зависти, подлая его душа, побоялся, что я его на высокихъ мѣстахъ перетяну...

Катря слушала, боясь проронить хоть одно слово, а слезы, помимо ея воли, катились по ея щекамъ. И знаетъ вѣдь она, что онъ не любитъ, когда она плачетъ! А вотъ не удержать ихъ, постылыхъ, такъ и текутъ, и текутъ.

— Да и то надо сказать,—продолжалъ Василій,—и голосу у меня въ ту пору настоящаго не было, какой ужъ голосъ послѣ гульбы да пьянства... Только знаешь что, Катря, задумалъ я это дѣло бросить. Дѣти вѣдь у насъ. И мнѣ уже четвертый десятокъ пошелъ. Пора намъ „хозяйновать“... Скажи напередъ, ты должно уже все матери про меня рассказала?..

Онъ испытующе взглянулъ на Катрю. Она виновато опустила глаза.

— Ну, такъ и есть, все „разлибызовала“... Сякой, такой, моль, у меня мужъ. А развѣ хорошая жена такъ когда скажетъ?! Эхъ, ты!—съ искренней горечью въ голосѣ сказалъ онъ и махнулъ рукою.

— Видить Богъ, Васенька, я тогда сама не своя была; какъ прогналъ ты меня съ дѣтьми—все у меня въ головѣ помѣшалось... Прости ты меня!..

Она схватила его руку и поцѣловала.

— Ну, тогда не знаю, какъ и быть?!—сказалъ онъ, видимо тронутый.—А я, видишь ли, что надумалъ, хотѣлъ у маменьки просить, пусть она отрѣжетъ намъ участочекъ земли, только какъ слѣдуетъ, по закону, „въ пріймы“ я не пойду... И стали бы мы съ тобой „хозяйновать“! Никуды я больше не пошелъ бы, построили бы себѣ хуторъ и жили бы, какъ и люди...

— Катря! Вечерять!..—послышался голосъ Марьи Потаповны. Василій быстро скоронился за вербы.

*) Сумасшедшій.

— Ступай! Скажи, что я тутъ, а потомъ меня кликнешь!..

Стемнѣло, звѣзды зажглись на небѣ; крупныя и блестящія, онѣ какъ-то особенно выдѣлялись на темносинемъ фонѣ южной ночи, и мигали, и вспыхивали, и переливались разными огнями. По вѣтру откуда-то изъ глубины степи донеслось ржанье и храпъ коней, выгнанныхъ на ночь въ поле. Старый Рябко, для острастки, на всякій случай, залаялъ хриплымъ, дребезжащимъ лаемъ, и смолкъ...

Василій лежалъ на спинѣ и думалъ, какъ-то онъ поведетъ свое хозяйство, какія будутъ у него поля, огороды; какъ онъ устроитъ здѣсь настоящей рай, лишь бы согласилась теща.

— Скорѣй, скорѣй!—говорила на ходу Катря, радостная и сіяющая. Марья Потаповна радовалась не меньше дочери тому, что Богъ, наконецъ, услышалъ ея молитвы и „воротилъ Василю на путь истины“. Василій подошелъ къ ней и поцѣловалъ у нея руку.

— Ну, садись, садись! Ахъ, ты „дзыга, дзыга“ *)! Хорошо еще, что съ повинною пришелъ! А Катря по тебѣ сохла, какъ былинка въ полѣ! Эхъ! Василій, Василій, въ кого ты такой уродился, нехорошо ты живешь, жизнь твоя за грѣхъ тебѣ на томъ свѣтѣ зачтется.

— Будетъ! Не отчитывайте! Самъ хорошо знаю.

— А знаешь и все, какъ слѣдуетъ, чувствуешь, такъ брось худыя дѣла, брось пьянство, возмись за умъ, не мучь ни жены, ни дѣтей! Ищи мѣста... А можетъ, ты уже и напелъ, а теперь надумался и за женой пріѣхалъ?!

Василю слегка покорило. Въ глазахъ забѣгали огоньки.

— Надуматься-то я надумался, да только по другому. Хочу васъ, маменька, просить: отдѣлите намъ участочекъ земли, какъ слѣдуетъ, по закону... И будемъ съ Катрею хозяйновать... Брошу я тогда худыя дѣла! Вотъ хоть передъ образомъ побожиться.

Онъ всталъ передъ образомъ и три раза перекрестился широкимъ крестомъ, опять сѣлъ и внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица старушки.

Нѣсколько времени оба молчали.

— Нѣтъ, Василій, нечего по пустому „балакать“! Гдѣ тебѣ хозяиномъ быть,—сказала наконецъ Марья Потаповна, качая головою;—зачѣмъ божиться?! Только понапрасну Бога гнѣвить. Не будетъ добра! О-охъ, не будетъ!

*) Волчокъ.

Василій вспыхнулъ.

— Такъ вы и кресту моему не вѣрите?! Что я, жидъ по вашему, что ли?

— Нѣтъ, не будетъ добра, чуетъ мое сердце, что не будетъ...

— Нечего въ ступѣ воду толочь, говорите толкомъ, дадите земли или нѣтъ?—сказалъ онъ и приподнялся.

— Ты, Василій, не сердись, а дать тебѣ земли не могу, нѣту моей вѣры, нѣту...

— А почему такъ?—вызывающе вскричалъ Василій.

— А потому,—сказала Марья Потаповна съ внезапно охватившею ее смѣлостью и рѣшимостью;—потому, что ты того и не стоишь... Ты Катрю чуть на тотъ свѣтъ не загналъ, черезъ тебя она и день и ночь слезами умывается, черезъ тебя въ щепу высохла...

— А!.. Такъ вы попрекать, попрекать меня, Василя Голушку!.. У-у!.. Бабье поганое!..—закричалъ Василій, сдвигая свои черныя брови...

— А то развѣ тебѣ медомъ языкъ намазать, да въ ноги поклониться за всѣ твои дѣла поганья, безпутныя...

— Замолчи, старая вѣдьма!.. — еще громче вскричалъ Василій.

— Много я тебѣ молчала, теперь не замолчу, а за то, что ты стараго человѣка ругаешь, пусть тебѣ на томъ свѣтѣ сгадается...

Василій выпрямился во весь свой могучій ростъ.

— Такъ не дашь?!

— Не дамъ.

— Такъ вотъ же тебѣ! Вотъ тебѣ! Чтобъ помнила Голушку... Вотъ тебѣ!!..

И, потерявъ всякое самообладаніе, онъ рванулся въ Марьѣ Потаповнѣ и своими мощными кулаками сталъ наносить ей удары, куда попало.

— Вотъ тебѣ, старая вѣдьма, за твои злыдни! Что?! Не дашь земли? Не дашь? Не дашь?..

Марья Потаповна безпомощно упала на лавку и почти лишилась чувствъ. Въ эту минуту вбѣжала Катря, смертельно блѣдная и растерянная. Она—какъ держала въ рукахъ только-что слѣпленный вареникъ, такъ съ нимъ и вбѣжала.

— Вася, Васенька! Брось! Оставь! На, бей меня, меня бей! Не тронь маменьку!..—говорила она задыхаясь, хватая Василя за плечо. Онъ ограничился лишь тѣмъ, что на ходу

далъ ей здороваго тумака и стремительно вышелъ изъ комнаты, пробурчавъ хриплымъ голосомъ:

— У-у!.. Тихоня! Язва!..

V.

Марья Потаповна захворала. Прошло нѣсколько дней, она все еще не могла оправиться. Она лежала на кровати, отвернувшись къ стѣнѣ, не хотѣла никого видѣть и почти не принимала пищи. Особенно она не выносила присутствія Катри и ея дѣтей. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, такимъ образомъ, сдѣлалась Горпина. Долго ломала она голову, какъ бы вылѣчить старушку, и наконецъ придумала. Съ видомъ, полнымъ достоинства отъ взятой на себя обязанности, она опустилась на колѣни передъ образомъ Скорбящей Божьей Матери. Долго молилась, потомъ встала на стулъ, сняла негасимую лампаду и, со всѣми предосторожностями, чтобы она не погасла, подошла къ кровати.

— Во имя отца и сына и св. духа!.. — сказала она. — Маменька, а, маменька! Послушайте меня, выпейте изъ лампадки!..

Марья Потаповна съ трудомъ приподнялась, перекрестилась и медленно, медленно и осторожно стала пить деревянное масло, съ вѣрою глотая его, какъ самое дѣйствительное цѣлебное средство.

Но, не смотря и на многіе другіе домашніе способы лѣченія, ей становилось все хуже и хуже. Временами она впадала въ какое-то забытье съ открытыми глазами, что-то говорила, отъ кого-то отбивалась. Дали знать Дарьѣ. Та съ мужемъ не заставила себя долго ждать. На парѣ добрыхъ лошадей въ той же самой таратайкѣ подкатили они къ хутору.

Дарья внимательно всмотрѣлась въ осунувшееся и помертвѣвшее лицо больной и сказала, обращаясь къ мужу:

— Кончается! — и сказала такимъ тономъ, будто хотѣла выразить: „ну, что? Не на мое ли вышло?!

— Кто кончается? — полуоткрывая глаза, спросила больная. — Онъ кончается?! Кара Божья на него пришла?!

— Слушайте, маменька! — строго сказала Дарья и взяла ее за руку, — вамъ уже не жить! Вамъ исповѣдаться да причаститься надо!..

Больная ничего не сказала, только безпомощно шевельнула рукой, и опять закрыла глаза. Послали за священникомъ.

— Мамашенька!—вкрадчивымъ голосомъ сказалъ Федоръ Игнатьевичъ,—вамъ уже того люстрину не носить, отдайте его намъ!..

— Та-й-возьми!.. — протянула старушка, и опять впала въ забытѣе.

— Ключи отъ сундука! Ключи отъ сундука!..—засуетилась Дарья. Отыскали матерію.

— А эта икона моя!..

И Дарья полѣзла было на стулъ, чтобы снять свою икону. Катря рѣзко остановила ее:

— И не стыдно тебѣ! Умреть и возьмешь! Какъ-таки чelовѣкъ безъ образа умирать будетъ!..

— Маменька, а маменька! А корову мині?—нагнувшись надъ матерію говорила Горпина.

— Та-й, тобі!..—слабо отвѣтила Марья Потаповна.

— Маменька, а маменька! А самоваръ?!

— А шубу новую?

— А Куцаго?..

— А подушки?..

— А постель?..

И незамѣтно въ домикѣ поднялась большая суета. Дарья и Горпина бѣгали по комнатамъ, шарили по всѣмъ угламъ; что можно было спрятать, прятали въ карманы, а надъ каждой большой вещью поднимали споръ, припоминая ее самую подробную генеалогію, и такимъ путемъ доказывая, кому она по настоящему должна принадлежать.

Священникъ засталъ въ домѣ полнѣйшій разгромъ. Большая то закрывала, то отерывала глаза, но не говорила ни слова.

Когда окончился обрядъ, ей сразу стало лучше, глаза прояснились и по лицу разлилось какое-то блаженное спокойствіе.

— Дайте чаю!— сказала она.

Ея не сразу разслышали.

— Чаю!..

И вдругъ она быстро, порывисто соскочила съ постели, и какъ была въ одной рубахѣ, подбѣжала къ столу, сама налила себѣ стаканъ чаю и выпила задромъ. Но тутъ она запаталась, ее подхватили и уложили въ постель. Силы ея начали быстро падать. Всѣ собрались въ комнатѣ. Было тихо. Никто не поднималъ уже больше никакихъ споровъ; шептались лишь о томъ, что слѣдовало бы теперь подходить подъ благословеніе; но ни-

кто не рѣшался подойти первымъ. Батюшка съ причетникомъ сидѣли у стола и пили чай. Наконецъ, батюшка отставилъ отъ себя пустой стаканъ, цвѣтнымъ платкомъ вытеръ потъ, катившійся крупными каплями съ морщинистаго лба, и подошелъ къ кровати.

— Не соблаговолите ли учинить приличное пожертвованіе на храмъ Божій,—началь онъ кроткимъ, умильнымъ голосомъ;—не позабудьте и священнослужителей въ щедротахъ вашихъ, дабы мы не позабыли васъ въ молитвахъ своихъ. Мы будемъ совершать погребеніе ваше, служить по васъ панихиды и вѣчное поминовеніе... Ужели даромъ?!. Мы отъ души желаемъ слышать ваше назначеніе отъ васъ самихъ, изъ устъ вашихъ...

Окончивъ свою рѣчь, священникъ опять вытеръ потъ съ лица и, склонивъ голову на бокъ, терпѣливо ждалъ какихъ-либо послѣдствій своей рѣчи. Марья Потаповна съ большимъ усиленіемъ открыла глаза и тихо, тихо сказала:

— Похороните меня на моей землѣ!..

Она собиралась еще что-то сказать, но въ эту минуту распахнулась дверь, и на порогѣ показался Василій. Большую подбросило на постели, будто отъ электрическаго удара. Колѣни поднялись кверху, руви сдѣлали полукругъ въ воздухѣ и упали, голова запрокинулась назадъ, глаза широко раскрылись, грудь высоко вздымалась, и воздухъ вылеталъ изъ полуоткрытаго рта съ хрипѣньемъ и шумомъ. Началась агонія. Умиращую накрыли темной кисеей, и больше никто уже не обращалъ на нее вниманія. Дарья прежде всего сняла со стѣны свою икону, схватила самоваръ и шубу, и поспѣшила съ мужемъ уѣхать. Горпина бранилась ей вслѣдъ, кричала, бѣгала, суетилась, шарилъ по уздамъ и сундукамъ, и долго не могла успокоиться.

На третій день старушку похоронили недалеко отъ хутора, какъ она того и хотѣла. На похоронный обѣдъ собралось много родныхъ и знакомыхъ, и много нищей братіи. Для послѣднихъ, подъ открытымъ небомъ, на землѣ, разостлали рядна, усадили всѣхъ и угощали, чѣмъ Богъ послалъ. Для первыхъ былъ устроенъ настоящій обѣдъ изъ нѣсколькихъ перемѣнъ и съ выпивкой. Въ началѣ обѣда всѣ чувствовали себя немного натянуто, но къ концу у всѣхъ развязались языки, и пошли шутки, прибаутки и споры.

— А я ту дорогу запашу!—кричалъ арендаторъ Павло, чистокровный полтавецъ.

— А намъ изъ-за тебя „на воздушяхъ“ летать что ли?!—кричалъ ему въ отвѣтъ другой, великороссъ по происхожденію.

— Я тобі зроблю, шо въ носу закола!..

— Выпейте еще, выпейте!—выкрикнула раскраснѣвшаяся Дарья;—надо чисто около посуды ходить, маменька покойница—чистеха была!

— А правда, что твой мужъ изъ хлыстовщины?—спросилъ Дарью одинъ, совсѣмъ уже захмѣлѣвшій, арендаторъ.

— Изъ такихъ же, какъ и ты, изъ тѣхъ, что „горилку“ хлыщутъ!..

— А когда землю дѣлать?—спросилъ Василій.

— Вамъ арендатель требуется?—спросилъ юркій мужичонка, подсаживаясь къ Василю.

— Земля! Что такое земля?!—внезапно заговорилъ Иванъ Андреевичъ, благочестивый мужъ Горпины; языкъ его уже плохо дѣйствовалъ, но онъ этимъ нисколько не смущался, и продолжалъ:

— И на стѣнахъ земля и подъ ногами земля, кругомъ земля! А все мало!.. Арендатель! Что такое арендатель?!

— А вонъ тамъ,—и онъ торжественно поднялъ руку къ потолку,—есть одинъ настоящій арендатель, арендатель всему міру!..

— Теперь зятя должны купить своимъ женамъ по шелковому платью! Теперь у нихъ жены съ приданымъ!—игриво щебетала Дарья.

— И куплю, и куплю!—сказалъ Василій, дергая за рукавъ Катрю.

А тутъ же, недалеко отъ хутора, у края дороги, возвышалась свѣжая могила. У могилки стоялъ дѣдусъ Емельянъ съ сумой за плечами и растерянно вертѣлъ въ рукахъ свою шапку...

Степанъ Бондарчукъ.

Полувѣковая годовщина смерти Ивана Андреевича Крылова.

(9 ноября 1844 года — 9 ноября 1894 года).

Девятого ноября текущаго, 1894, года исполняется полвѣка со смерти писателя-баснописца, своеобразнаго и единственнаго, котораго знаетъ вся грамотная Россія, и котораго басни извѣстны наизусть и ребенку, и старцу. Кто онъ былъ, что за оригинальный человѣкъ, прожившій сорокъ лѣтъ холостякомъ, на своей казенной квартирѣ въ Публичной библиотекѣ, знаютъ изъ его многочисленныхъ біографій, полныхъ анекдотовъ, изъ народныхъ чтеній, и недавно изданной г. Павленковымъ его біографіи, составленной Г. Бриллиантомъ, хотя никто еще до сихъ поръ не написалъ его обстоятельной біографіи. Все забыто изъ его сочиненій, писанныхъ за полвѣка его литературной дѣятельности; однѣ 202 его басни, написанныя за 40 лѣтъ (въ среднемъ по пяти басенъ въ годъ), остались наслѣдіемъ потомства, и взываютъ къ посильному чествованію его памяти *).

Родившись за четыре года до его смерти, «дѣдушку Крылова» узналъ я еще ребенкомъ, и да позволятъ мнѣ читатели нашего журнала, въ поминальный день 9 ноября, припомнить кое-что о моемъ отношеніи къ писателю.

1846 г.—Я, болѣзненный ребенокъ, еще не умѣющій читать, сижу на колѣняхъ отца. Онъ читаетъ мнѣ наизусть басенку, и я заучиваю ее съ его словъ, повторяя за нимъ, стараясь уловить его голосъ и тонъ, а на завтра самъ говорю ему басню. Онъ выслушиваетъ меня, повторяетъ передо мной басню, и я усваиваю произношеніе, а онъ, лично знавшій «дѣдушку», мнѣ, ребенку, рассказываетъ о немъ; и какъ я люблю «дѣдушку», какъ жалѣю о его смерти,

---

*) Желающихъ ознакомиться съ ихъ историческимъ и біографическимъ значеніемъ отсылаемъ къ интересной книгѣ покойнаго В. Ѡ. Кекевича— «Біографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова».

даже плачу у его могилы, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, куда везутъ меня поклониться «дѣдушкѣ»...

1847 г. — Я уже бойко читаю, и мнѣ купили книжку басенъ «дѣдушки». Я зачитываюсь ими, и самъ заучиваю ихъ наизусть, а отецъ учить читать ихъ... Читаемъ и вмѣстѣ: онъ—одно лицо, я—другое.

1851 г. — Я поступилъ въ 1-ю Петербургскую гимназію въ 1 классъ. Подготовленъ я плохо, но бойко читаю и знаю множество басенъ. Намъ часто диктуютъ ихъ, заставляютъ рассказывать своими словами, учить наизусть. Знаніе ихъ наизусть и умѣнье читать обращаютъ на меня вниманіе учителя и товарищей. Меня заставляютъ говорить ихъ.

1860 г. — Я уже студентъ Петербургскаго университета. Кружкомъ товарищей основали мы ежедневную бесплатную Василеостровскую школу для бѣдныхъ дѣтей. Я въ ней—учитель объяснительнаго чтенія. И вотъ опять тотъ же «дѣдушка». Я читаю и объясняю дѣтямъ басни: они заинтересованы, просятъ меня читать еще и еще, сами учатъ ихъ охотно наизусть, и на нихъ учатся языку. Басни ихъ занимаютъ: они и смѣются, и разсуждаютъ надъ ними...

1863 г. — Я уже кандидатъ Петербургскаго университета, но еще не официальный учитель, и живу почти исключительно литературой. Покойный педагогъ Ѳ. Ѳ. Резенеръ, завѣдывавшій тогда журналомъ «Учитель», помня мои уроки въ школѣ на басняхъ, совѣтуетъ мнѣ написать статью о нихъ, освѣтивъ ихъ значеніе въ извѣстной группѣ. Я пишу статью для «Учителя»—*Воспитательное значеніе басенъ Крылова*, и выбираю циклъ басенъ о трудѣ.

1864—1867 г. — Я уже официальный учитель въ только что преобразованной изъ корпуса 1-й Военной гимназіи, гдѣ встрѣчаюсь, какъ съ сослуживцемъ, съ первымъ и единственнымъ у насъ знатокомъ Крылова, преподавателемъ русскаго языка и словесности, Владиславомъ Теофиловичемъ Кеневичемъ, моимъ руководителемъ при первыхъ шагахъ учительской дѣятельности, впоследствии другомъ. Уже нѣсколько лѣтъ специально занимался онъ біографическимъ и историческимъ объясненіемъ басенъ, и у него, Кеневича, научился я, какъ пользоваться языкомъ Крылова на урокахъ грамматики, какъ развивать на тѣхъ же басняхъ вкусъ и выразительное чтеніе, какъ работать надъ всестороннимъ изученіемъ писателя.

1868 г. 2 февраля день знаменательный въ исторіи образованія русскаго юношества. Въ этотъ день торжественно празд-

новалось во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи столѣтіе рожденія Крылова литературными вечерами. Это былъ второй такой юбилейный вечеръ, послѣ перваго въ 1866 г., въ честь столѣтія Карамзина, — вечера, затѣяннаго 1-й Военной гимназіей и положившаго начало образовательнымъ литературнымъ вечерамъ для юношества. Съ какой радостью привѣтствовала хоромъ и аплодисментами молодежь увѣнчаніе бюста; какъ славно читали передъ многочисленной публикой ученики басни, какъ старались мы, преподаватели, возможно интереснѣе и задушевнѣе объяснить въ своихъ рѣчахъ передъ нашими юношами значеніе писателя. Чудный это былъ вечеръ!

Неоднократно потомъ, вотъ уже впродолженіи болѣе двадцати шести лѣтъ съ того времени, много разъ читалъ я, разбиралъ и обучалъ грамматикѣ нѣсколько поколѣній ученицъ и учениковъ именно на басняхъ Крылова; сколько разъ приходилось мнѣ за это время читать эти басни и солдатамъ, и народу, на такъ-называемыхъ народныхъ чтеніяхъ съ волшебнымъ фонаремъ, и всюду онѣ возбуждали интересъ и имѣли успѣхъ и у малыхъ, и у большихъ, которые, какъ и дѣти, просили почитать домой «дѣдушкину книжку». Это ли не успѣхъ писателя, не его величайшая гордость? Это ли не доказательство его народности и живучести въ потомствѣ? Лѣтъ пять назадъ, въ одной изъ городскихъ думскихъ школъ Петербурга, по окончаніи чтенія, подошелъ ко мнѣ сѣдой, какъ лунь, старикъ, и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ: — «Спасибо! все тутъ написано, какъ надо, на пользу, Ивановъ Андреевичемъ; я и его самого видывалъ!» — эти слова для меня живой примѣръ, какъ чтитъ баснописца народъ.

Такъ сопровождалъ Крыловъ меня, какъ учителя, всю мою жизнь; популяренъ и плодотворенъ по своему доброму вліянію кажется онъ мнѣ и въ школахъ, и среди народа вообще.

Писано о немъ было много, и о жизни, и о басняхъ; біографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова — В. Ө. Кеневича — матеріалъ неоцѣненный. Академія наукъ добросовѣстно издала въ особомъ обширномъ сборникѣ матеріалы для Крыловской біографіи и критики. Но, не смотря на все это, личность оригинальнѣйшаго старца, можно сказать, совѣзмъ не ясна. Самъ онъ былъ человѣкъ лѣнивый, очень самолюбивый и щекотливый относительно своей личности, но крайне не любившій говорить что-либо о себѣ и о своемъ прошломъ, и иронически относившійся къ просмотру его біографій, составляемыхъ при жизни его почитателями. Онъ не только что не велъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ, но, при безпечности, по смерти не оставилъ

ни своихъ, ни чужихъ писемъ, между тѣмъ какъ находится онъ въ близкихъ связяхъ чуть не со всѣми литературными и государственными людьми своей долговременной жизни. Умираетъ онъ почти семидесяти-семи-лѣтнимъ старцемъ; жизнь его рѣзко дѣлится на два періода: первый до 1812 г., когда онъ видѣлъ очень много горя, писалъ для театра, содержалъ типографію, издавалъ журналъ, «Почта Духовъ», несомнѣнно богатый сатирическимъ смысломъ, даже, какъ говорятъ, въ своей типографіи напечаталъ извѣстное Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, Радицева; былъ страстнымъ игрокомъ въ карты, жилъ учителемъ въ домѣ опальнаго магната, князя Голицына. Второй періодъ съ 1812 г., когда Крыловъ, устроившись библіотекаремъ въ Императорской Публичной библіотекѣ, прожилъ на одной и той же квартирѣ болѣе 30 лѣтъ, почти до самой смерти, вращаясь въ литературныхъ и административныхъ кружкахъ и окруженный всеобщимъ вниманіемъ и почетомъ, когда онъ стоялъ очень близко не только къ представителямъ литературы и высокопоставленнымъ лицамъ, но даже и къ самому Двору. О первомъ періодѣ, о которомъ и самъ Крыловъ не любилъ вспоминать, не осталось почти ровно ничего, и, вѣроятно, весь онъ для біографіи его невозвратно потерянъ; отъ второго—его, можетъ быть, осторожные, а то и лѣнливые и мало-любопытные, современники почти ничего не сохранили; въ двухъ подробныхъ біографіяхъ академиковъ Лобанова и П. А. Плетнева въ сущности нѣтъ ничего, кромѣ анекдотовъ о томъ, какъ Крыловъ любилъ поѣсть, вышить, какъ остроумничалъ, какъ хитро выходилъ изъ затруднительныхъ положеній, всегда помня свой покой, какъ умѣлъ понравиться сильнымъ міра, какъ былъ популяренъ на улицѣ, засыпалъ послѣ обѣда въ англійскомъ клубѣ и т. под. В. Ѳ. Кеневичъ розыскалъ единственный только эпизодъ о рѣдкой привязанности Крылова къ бѣдному офицеру брату, единственному его родственнику, а больше о Крыловѣ мы не знаемъ рѣшительно ничего. Ни разговоровъ его, ни литературныхъ мнѣній, ни того, что думалъ онъ о тѣхъ или другихъ событіяхъ и людяхъ—не сохранилось почти ничего.

Однако, нельзя ли хоть по догадкамъ воскресить до нѣкоторой степени его личность? Какъ намъ кажется, это былъ отмѣченный печатью генія русской плебей, явившійся на свѣтъ и воспитавшійся въ полудикой странѣ. Злая судьба, преслѣдующая русскіе таланты, поставила его съ дѣтства въ невозможныя условія крайней бѣдности и необходимости пробивать себѣ дорогу самому, безъ всякой посторонней помощи. Долго и безуспѣшно бродилъ онъ по

свѣту, безъ образованія и нравственной поддержки, терпя безпре-
 ставно крушенія въ своихъ начинаніяхъ въ жестокое время конца
 прошедшаго столѣтія. Что онъ испыталъ—мы не знаемъ, но съ нѣ-
 которою достовѣрностью можно предположить, что къ 1812 г.,
 когда онъ нашелъ свое призваніе и прежде всего скромный теп-
 лый уголокъ, гдѣ могъ успокоиться уже 44 лѣтъ отъ роду отъ
 всего пережитаго, это уже былъ скептикъ философъ, иронически,
 недоувѣрчиво и очень осторожно смотрящій на жизнь, дорожащій
 теплымъ угломъ и личною безопасностью. Непосредственный фи-
 лософъ, мало знакомый съ общественными и политическими гори-
 зонтами европеизма, онъ, одиноко старѣющій холостякъ, про себя
 понималъ смыслъ русской жизни, и, какъ Кавтемиръ, на-строга
 наказывалъ своему уму хранить про себя истину, которую только
 иногда, безъ ущерба себѣ, въ формѣ наивной басенки, вы-
 сказывалъ современникамъ. Тѣ читали и между строкъ, прослав-
 ляди Крылова, не мѣшая его благосостоянію, а онъ, замкнувшійся
 въ себѣ, спокойно, но не безъ хитрой ироніи, наблюдалъ теченіе
 временъ. Крыловъ и по жизни, и по своимъ сочиненіямъ,—един-
 ственный, совсѣмъ своеобразный, русскій философъ, русскій Го-
 рацій золотой середины, но, какъ и Горацій, бессмертный по чуд-
 ной литературной формѣ, языку и житейской мудрости, которая,
 въ нѣкоторыхъ его басняхъ, какъ и въ сочиненіяхъ Горація, не
 всегда оказывается состоятельной передъ лицомъ нелицепріятной
 исторіи и строгой науки.

Крыловъ, Аксаковъ, Гоголь, Кольцовъ—это, въ сущности
 одна фракція русскихъ талантовъ; Пушкинъ, Лермонтовъ, Гри-
 боѣдовъ—представители интеллигентнаго движенія, европеизма
 по отношенію его къ русской, не культивированной жизни; Крыловъ
 и другіе—это непосредственные люди, говорившіе дивныя истины,
 но часто не ясно сознававшіе, что они говорятъ. Не будучи
 вождями умственнаго движенія, передоваго и общечеловѣческаго,
 они суть хранители непосредственнаго здраваго смысла и безъ-
 идейнаго отношенія къ современности. Это простые русскіе люди,
 съ недоувѣріемъ ко всему новому, созданному систематически
 критическимъ умомъ, даже къ самой наукѣ и ея дѣятелямъ.
 Отсюда эти страшныя для насъ басни, какъ—Водолазы, Огород-
 никъ и философъ, Червонецъ, Сочинитель и разбойникъ, Ларчикъ
 и др., появленіе которыхъ было всего неумѣстнѣе въ то время,
 когда и безъ того-то бѣдная русская наука, дѣлавшая только
 первые робкіе шаги въ невѣжественной странѣ, не находилась
 въ авантажѣ въ правящихъ сферахъ, и, какъ ни старались объ-
 лить эти наивныя басни покойные Кеневичъ и академикъ Гротъ,

все же нельзя не пожалѣть, что, среди чудеснѣйшихъ басенъ, которыхъ безспорно громадное большинство, есть и эти, гдѣ, за обычными красотами народнаго языка, милымъ юморомъ, отдѣльными сценами и типами, скрываются такія наивно-дѣтскія и неумѣстныя въ данное время мысли.

Заслуга Крылова не въ нихъ; немногіе художественныя грѣхи предковъ прощаетъ благодарное потомство, исторически изучившее условія ихъ жизни и характеры. Облѣненные исторической критикой, переходятъ они въ потомство, и оно все-таки не мало пользуется и черезъ много лѣтъ ихъ лучшими образами, мыслями и чувствами. Таковъ и Крыловъ въ настоящее время, такимъ и цѣлыя вѣка будетъ жить онъ въ народѣ, въ школѣ и въ обществѣ. Оно будетъ пользоваться его баснями и отдѣльными выраженіями, какъ пословицами, аргументами простой житейской мудрости и человѣчности. Никто теперь не читаетъ его плохихъ пьесъ, даже и лучшихъ съ нападками на французоманію, рѣдкій раскроетъ его журналъ—«Почта духовъ» гдѣ, однако, не мало свѣтлыхъ мыслей и здороваго сатирическаго яда. Съ неудовольствіемъ встрѣчаемся во многихъ чудесныхъ басняхъ—напр. Оселъ и соловей, Парнасъ, Вельможа и др.—съ отжившими классическими «музами, аврорами, зевесами, зефирами, адскими богами—заками» и т. п. побрякушками отшедшаго въ вѣчность ложнаго классицизма. Но за всѣмъ этимъ, чего условность легко объясняется краткими примѣчаніями, передъ нами своеобразный русскій животный эпосъ, съ баснями, рисующими русскую жизнь или прямо, или ввидѣ граціозной прозрачной аллегоріи. Не говоримъ уже о громадномъ моральномъ значеніи длиннаго ряда басенъ о честномъ производителемъ трудѣ не изъ-за одного хлѣба, но для своей родины, человѣчества, потомства. И почти нигдѣ педантической морали; всюду шутка, добродушный юморъ, подчасъ грустная дума... Всюду сочувствіе къ слабому, несчастному, бѣдняку, простаку, попавшему въ бѣду; вездѣ Крыловъ на сторонѣ ума, здраваго смысла, правды жизни частной и общественной, нигдѣ пощадъ ни эгоисту, ни ловкачу, вродѣ лисы, ни безсердечному богачу, ни сухому скрягѣ, ни лицепріятному судѣ, ни глупому или надменному вельможѣ, ни самодовольному глушцу, ниже самому царю, дурно правящему народомъ. Всѣмъ воздано по заслугамъ, и всякій порокъ и глупость бичуется смѣхомъ въ простотѣ сердечнаго юмора непосредственнаго старца-мудреца. Говорить ли о дивномъ языкѣ, составляющемъ цѣлый лексиконъ и грамматику, остающемся вѣрнымъ народности, на что всегда и указывается въ Крыловѣ, какъ на величайшее, вѣчное и національное достоин-

ство его поэзии? Всѣ эти указанныя достоинства, при немногихъ недостаткахъ Крылова, источникъ которыхъ надо искать въ условіяхъ времени и личности писателя, недостаточно серьезно образованнаго и наивнаго врага всего иностраннаго, наноснаго, и заставляютъ радоваться тому, что исполненіе пятидесятилѣтія со дня его смерти дастъ возможность по всей Руси свободно и дешево печатать его басни, и такимъ образомъ дать ихъ всѣмъ русскимъ дѣтямъ и народу. Пожелаемъ же, чтобы каждый изъ нашихъ читателей, по мѣрѣ силъ и возможности, поспособствовалъ съ своей стороны возможно болѣе широкому распространенію и въ городахъ, и въ деревняхъ, собраній басенъ этого популярнѣйшаго русскаго писателя самородка, широкое знакомство съ которымъ будетъ способствовать повсюду какъ усвоенію чистаго русскаго языка, такъ и прекраснѣйшихъ образовъ животныхъ и людей, не говоря уже о разнообразіи добрыхъ мыслей и чувствъ

Викторъ Острогорскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Э. Сувестрь. *Философъ на чердакѣ*. Пер. О. Н. Жмѣловой. Спб. 1894. Изд. М. М. Ледерле и К°. (Библиотека нашего юношества).

Среди обширной литературы «для юношества» известная книга философствующаго бретонца Эмиля Сувестра, «Философъ на чердакѣ», занимаетъ почетное мѣсто. Она страдаетъ, конечно, общимъ недостаткомъ назидательныхъ книгъ, стремленіемъ вывести изъ каждаго явленія жизни соответствующую мораль и преподать ее читателю; но за этимъ вѣшнимъ дидактизмомъ чувствуется искреннее отношеніе къ страдающему человѣчеству и умѣніе уловить мимолетныя проблески лучшихъ чувствъ человѣка. Сувестрь не писалъ своей книги съ педагогическими цѣлями, а давалъ лишь результаты своихъ размышленій и наблюденій; его безхитростная философія и умиленные картины добродѣтели оказались сами собой подходящимъ чтеніемъ для юношества, нуждающагося въ поддержкѣ въ періодѣ развитія нравственныхъ и духовныхъ идеаловъ. Это самая лучшая рекомендація для книги подобнаго рода, и остается только желать, чтобы вообще выборъ чтенія для юношества дѣлался не изъ книгъ, написанныхъ педагогами съ спеціально воспитательной цѣлью, а изъ непосредственныхъ художественныхъ и иныхъ литературныхъ произведеній, доступныхъ пониманію юношескаго возраста.

Эмиль Сувестрь—писатель эпохи романтизма. Родившись въ Бретани въ 1806 г., онъ началъ свое литературное поприще съ драмы «Le Siège de Missolonghi», написанной подъ впечатлѣніемъ возстанія Греціи; съ тѣхъ поръ онъ раздѣлялъ свое время между учительской дѣятельностью въ разныхъ провинціальныхъ и парижскихъ гимназіяхъ и постояннымъ сотрудничествомъ во множествѣ газетъ и журналовъ, гдѣ печаталъ свои романы, описанія бретонской жизни, историческіе рассказы и т. д. Множество написанныхъ имъ комедій и водевилей имѣли очень мало успѣха на сценѣ,

за исключеніемъ «Mousse», бывшей въ свое время очень популярной пьесой. Неудачи на драматическомъ поприщѣ побуждали Сувестра сосредоточиться на писаніи романовъ, болѣе соответствующихъ его склонности къ дидактизму. Романы его («Riche et pauvre», «L'Echelle des femmes», «Les Reprouvés et les Elus» и мн. др.) имѣли большой успѣхъ, благодаря своей гуманитарной подкладкѣ, а картины нравовъ и жизни Бретани въ «Le toyer Breton», «Le Finistère» и т. д. сдѣлали автора популярнымъ писателемъ идиллическаго жанра. Дидактическая жилка сказывается сильнѣе всего у Сувестра въ его «Un Philosophe sous les toits», премированномъ академіей въ 1851 г., за три года до смерти автора.

Въ своихъ романахъ и полудидактическихъ, полуописательныхъ, книгахъ Э. Сувестръ примкнулъ къ группѣ романистовъ, создавшихъ политическій и социологическій романъ во Франціи. Во главѣ этихъ романистовъ, описывающихъ жизнь и страданія «униженныхъ и оскорбленныхъ», стоялъ Викторъ Гюго съ «Misérables», «L'homme qui rit», «Quatre-vingt treize» и другими романами, изобилующими мрачными картинами народныхъ бѣдствій и страстными діатрибами противъ равнодушія и жестокосердія высшихъ классовъ. Къ В. Гюго примыкаетъ Эжень Сю, знаменитый авторъ «Les Mystères de Paris», «Le Juif Errant» и т. д., пламенный защитникъ народныхъ правъ, обличитель католическаго духовенства, интригъ іезуитовъ и пороковъ аристократіи. Среди другихъ авторовъ обличительныхъ и бытописательныхъ романовъ того времени Эмиль Сувестръ занимаетъ видное мѣсто на ряду съ Эркманомъ и Шатрианомъ, съ Леонемъ Кладелемъ, Луи Рейбо и др.

Принадлежность къ литературной группѣ, отличавшейся прежде всего своей рѣзкостью, доходящей до парадоксальности, и своей крайней партійностью, объясняетъ проповѣдническій характеръ книгъ Сувестра и въ особенности его «Философа на чердакѣ». Онъ всегда задается цѣлью обличенія пороковъ, противопоставленія наивной добродѣтели простолюдина высокоумію и безсердечію богатыхъ и т. д. Какъ у многихъ изъ современныхъ ему романистовъ «à thèse», философская подкладка его рѣзкихъ раздѣленій людей на добродѣтельныхъ и порочныхъ очень элементарна. Его интересуютъ только непосредственныя задачи окружающей жизни, и «философъ на чердакѣ» не старается проникнуть въ сложную тайну человеческой души съ ея безконечно запутанными мотивами дѣйствій и чувствъ. Обсервационнымъ пунктомъ, съ высоты котораго онъ разсматриваетъ человечество и судить его, служитъ Сувестру крыша его мансарды; тамъ весело и беззаботно живетъ семья

воробьевъ, питаюсь крошками отъ обѣда «философа», и эта простая растительная жизнь кажется Сувестру идеаломъ благополучія на землѣ. Постоянно сравнивая жизнь «на Альпахъ цивилизаціи», какъ онъ называетъ крыши столичныхъ мансардъ, съ безнадежными и жестокими контрастами жизни на землѣ, онъ отдаетъ преимущество первой—полнота ощущеній, которая для большинства людей составляетъ смыслъ жизни, не примиряетъ философа съ страданіями и борьбой, наполняющими жизнь большинства людей. Ему хотѣлось бы свести жизнь людей къ самымъ примитивнымъ формамъ, чтобы тѣмъ самымъ удалить изъ нея все дурныя страсти, отравляющія существованіе; съ этимъ упрощеніемъ задачи цивилизаціи, конечно, нельзя согласиться, тѣмъ болѣе, что намѣченный имъ идеалъ добродѣтельной и счастливой жизни слишкомъ далекъ отъ болѣе сложной и разносторонней психологіи современнаго человѣка; онъ въ общемъ сводится къ нѣсколькимъ сентиментальнымъ мечтамъ о долѣ птичекъ небесныхъ, которымъ не приходится заботиться о хлѣбѣ насущномъ; онъ подмѣчаетъ у нихъ трогательныя черты альтруизма и мечтаетъ о томъ, чтобы и люди перестали враждовать и соперничать другъ съ другомъ въ борьбѣ за существованіе, а прониклись бы болѣе естественными чувствами любви и взаимопомощи. Но, обличая несправедливость общественнаго строя, создающаго вопіющіе контрасты въ судьбѣ людей, Сувестръ не является проповѣдникомъ разрушенія его и созданія новаго—онъ превозноситъ лишь пассивныя добродѣтели, временно облегчающія страданія обездоленныхъ, но не рѣшающія ни философскихъ, ни практическихъ вопросовъ. Милосердіе богатыхъ, смиреніе бѣдныхъ, довольство скромной долей, воздержаніе отъ погони за богатствомъ и положеніемъ въ обществѣ — таковы съ точки зрѣнія «философа на чердакѣ» средства прожить свой вѣкъ счастливо и безмятежно. Онъ самъ примѣняетъ свою теорію на дѣлѣ и рисуетъ въ своемъ дневникѣ годъ своей жизни со всеми переживаемыми имъ впечатлѣніями, волненіями и радостями. Жизнь эта чисто интеллектуальная, и какъ ни высоки его наслажденія при видѣ чьего-нибудь прекраснаго поступка или при созерцаніи красоты солнечнаго заката съ высоты чердака — это жизнь зрителя, испытывающаго лишь отраженныя чувства; если бы все человѣчество вело эту спокойную философскую жизнь, моралистъ не имѣлъ бы матеріала для своихъ сѣтованій и умиленій, возбуждаемыхъ самой сущностью человѣческой жизни, т. е. вѣчными и непримиримыми контрастами идеаловъ и дѣйствительности.

Книга Сувестра, отмѣчающая день за днемъ впечатлѣнія и мысли автора, читается съ интересомъ вопреки своей философской

наивности и склонности къ дешевой морали. Она содержитъ въ себѣ художественныя по своей правдивости и простотѣ картины жизни и рядъ мастерски обрисованныхъ типовъ изъ разныхъ классовъ общества. Такова, напр., фигура сосѣда «философа» по чердаку; это старый чудакъ, объѣдающій черствой коркой хлѣба, размоченнаго въ водѣ, и хладнокровно посылающій отказъ на умоляющее о небольшой помощи письмо вдовы-невѣстки. Зайдя къ нему въ комнату, «философъ» застаётъ его въ восторженномъ настроеніи духа и выслушиваетъ цѣлый диэирамбъ искусству и высотѣ эстетическихъ наслажденій—старикъ только-что купилъ несомнѣнный оригиналъ стариннаго мастера; заплативъ за него пустяшную сумму — нѣсколько десятковъ лудировъ, и теперь погрузился въ эстетическое созерпаніе, не думая ни о горѣ своей невѣстки, ни о своей собственной нищенской жизни. Въ другихъ мѣстахъ картина незатѣйливаго счастья рабочей семьи, на долю которой случайно выпалъ скромный ужинъ въ рождественскій вечеръ, прямо взята изъ жизни и естественно приводитъ автора къ разсужденію объ относительности понятія о радости и счастья. Онъ убѣждается, что привыкшіе къ тяжелымъ лишеніямъ люди умѣютъ болѣе полно наслаждаться минутнымъ отдыхомъ и не думаютъ о завтрашней нуждѣ при видѣ сегодняшней случайной трапезы; это приводитъ его къ заключенію, что все дѣло въ элементарности требованій отъ жизни. Съ этимъ выводомъ трудно согласиться, но картина счастливой рабочей семьи не лишается отъ этого своей привлекательности. Отмѣтимъ также нѣсколько чисто описательныхъ картинъ, дышащихъ особой поэзіей, какъ, наприм., описаніе ранняго утра, пробужденія природы и постепеннаго оживленія домовъ, начинающаго отъ верхнихъ этажей къ нижнимъ.

W.

Бесѣды врача Н. П. Черепнина о заразныхъ болѣзняхъ, законоположеніе о нихъ, мѣры къ ограниченію, леченіе и прописи лекарствъ. С.-Петербургъ, 1894 г.

Въ борьбѣ съ заразными болѣзнями, особенно когда онѣ принимаютъ форму эпидемій, конечно, не послѣднюю роль играетъ распространеніе въ народѣ свѣдѣній изъ области медицины и гигиены. Расширеніе народныхъ познаній въ этой области должно, конечно, способствовать разсѣянію массы предрассудковъ и предубѣжденій, господствующихъ въ народѣ, и сдѣлать болѣе дѣйствительною борьбу со всякаго рода заболѣваніями, часто принимающими, благодаря народному невѣжеству, повальный характеръ. На послѣднемъ съѣздѣ врачей въ память Н. И. Пирогова былъ

поднять вопросъ о возможно большей популяризаціи медицинскихъ познаній въ народѣ, путемъ бесѣдъ и брошюръ, доступныхъ народному пониманію. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и выше-названная книга доктора Черешнина, посвященная заразнымъ болѣзнямъ, ихъ предупрежденію и борьбѣ съ ними. Уже одно то, что книжка доктора Черешнина выходитъ четвертымъ изданіемъ (первое вышло въ 1891 г.) доказываетъ, что она удовлетворяетъ своей цѣли. Г. Черешнинъ причисляетъ свои «бесѣды» къ простымъ рассказамъ по врачебному дѣлу; и дѣйствительно, это «простые» рассказы, и въ томъ-то и заключается ихъ главное достоинство. Авторъ прежде всего имѣетъ въ виду научить уходу за больнымъ въ отсутствіе врача; онъ учитъ, какъ распознать заразительную болѣзнь, какъ подать первую помощь и какія принять мѣры для ограниченія заразы. Кромѣ того, авторъ знакомитъ также и съ законоположеніями относительно заразныхъ болѣзней, что весьма полезно знать каждому обывателю. Описаніе болѣзней и способы ихъ распознаванія рассказаны простымъ и понятнымъ языкомъ и потому доступны пониманію каждого, не обладающаго даже элементарными свѣдѣніями въ области медицинскихъ наукъ. Авторъ описываетъ не только часто встрѣчающіяся заразныя болѣзни, но даже такія, появленіе которыхъ составляетъ въ настоящее время уже рѣдкое явленіе; на примѣръ: чума. Въ предпоследней главѣ авторъ знакомитъ читателей съ сущностью заразы, съ тѣми микроорганизмами, въ которыхъ видятъ въ настоящее время главные источники заразы. Указавъ на то, какъ вездѣсущи и опасны для жизни и здоровья человѣка эти невидимые враги, именуемые микробами, авторъ говоритъ, что единственною защитой противъ нихъ можетъ служить только знаніе и чистота въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова.

Въ заключеніе авторъ прилагаетъ прописи лекарствъ, но эти лекарства, какъ онъ самъ заявляетъ, предлагаются имъ отнюдь не для леченія, въ смыслѣ такъ-называемыхъ лечебниковъ, а для облегченія больного. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ главное дѣло не въ лекарствахъ, а въ уходѣ за больнымъ, въ устраненіи вредныхъ причинъ и въ предохраненіи отъ зараженія. Въ своихъ «бесѣдахъ» авторъ именно и стремится къ тому, чтобы убѣдить своихъ читателей въ необходимости беречься заразы и научить ихъ, какъ избѣгать ея и бороться съ ней и какъ вообще оберегать свое здоровье—драгоценное благо, о сохраненіи котораго обыкновенно такъ мало думаютъ и такъ рѣдко заботятся своевременно.

Сто великихъ людей: Книга II, Солонъ, Периклъ, Александръ Великій; книга III: Аннибалъ, Юлій Цезарь, Маркъ-Аврелій; книга IV: Карлъ Великій, Людовикъ IX святой, Вильгельмъ Орагскій; книга V: Ришелье, Фридрихъ Великій, Вашингтонъ. Спб. 1894 г.

Мы уже имѣли случай говорить на страницахъ этого журнала объ изданіи дешевой библіотеки «Сто великихъ людей», которое выходитъ маленькими отдѣльными выпусками, заключающими въ себѣ жизнеописанія разныхъ великихъ людей. Такихъ выпусковъ вышло пять въ настоящее время и относительно четырехъ послѣднихъ мы можемъ только повторить все то, что нами было сказано относительно перваго выпуска. Не смотря на весьма узкія рамки, поставленныя ему, авторъ вышеназванныхъ жизнеописаній сумѣлъ все-таки представить читателямъ болѣе или менѣе живой образъ героя, и не ограничился однимъ только сухимъ и сжатымъ пересказомъ книги, по которой онъ составилъ свой біографическій очеркъ, эти очерки читаются легко и все-таки оставляютъ довольно цѣльное представленіе, несмотря на свою чрезвычайную сжатость. Біографіи Солона и Александра Македонскаго составлены по Дююи («Histoire de la Grèce ancienne»), біографія же Перикла по Джорджу Гроту («History of Greece»). Для прочихъ біографій авторъ также пользовался такими авторитетными источниками, какъ Моммзенъ, Гизо, Фулеръ, Ренанъ («Marc Aurele et la fin du monde enrique») и т. д. Имена этихъ писателей, конечно, говорятъ сами за себя, но въ данномъ случаѣ трудность именно и заключается въ томъ, чтобы умѣть вкратцѣ передать ихъ взглядъ на того или на другого героя и дать опредѣленное понятіе объ этомъ героѣ въ краткомъ изложеніи его жизни. Авторъ вышеназванныхъ біографій, повидимому, обладаетъ этимъ умѣньемъ, и намъ остается только пожалѣть, что ему приходится строго придерживаться слишкомъ узкихъ и рѣзко опредѣленныхъ границъ при составленіи своихъ біографическихъ очерковъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Этнологія и социологія.

«Ideale Welten in Wort und Bild». A. Bastian. Emil Felber. Berlin. (Идеальные миры в описаниях и картинах). Авторъ этой книги—директоръ этнографическаго музея въ Берлинѣ, не только извѣстенъ какъ замѣчательный изслѣдователь и превосходный коллекторъ, но и какъ хорошій писатель. Онъ издалъ свою книгу «Ideale Welten» послѣ своего путешествія въ Индію. Свой трудъ онъ посвятилъ этнодогическому бюро въ Вашингтонѣ и всѣмъ дѣятелямъ въ этой области науки. Книга состоитъ изъ трехъ частей: въ первой заключается описаніе путешествія, во второй—этнологія и исторія, въ третьей—космогонія и теогонія. Для всѣхъ, желающихъ путешествовать съ пользою для науки, такая книга чрезвычайно полезна, такъ какъ авторъ указываетъ, какъ слѣдуетъ доходить до самаго корня вещей. Авторъ чрезвычайно интересуется философіей и религіей восточныхъ народовъ и его изслѣдованія въ этой области составляютъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу знанія. Двадцать два рисунка, по большей части копіи съ оригинальных рисунковъ и живописи азіатскихъ народовъ, приложены къ книгѣ и даютъ представленіе о понятіяхъ браминновъ, буддистовъ и джайновъ (особенной секты, возникшей въ Индіи одновременно съ буддизмомъ) объ адѣ, землѣ и небесахъ. (Popular Science Monthly).

«The See of human Habitations». By Bay S. Sincham. London. Chapman and Hall. (Улица человѣческихъ жилищъ). Маленькій томикъ, въ которомъ, въ очень занимательной, повѣствовательной формѣ, описывается жизнь нашихъ доисторическихъ предковъ въ пещерахъ и въ свайныхъ жилищахъ; затѣмъ разсказывается, какъ постепенно палеолитическій человѣкъ уступилъ мѣсто неолитическо-

му, какъ желѣзный вѣкъ занялъ мѣсто каменнаго. Авторъ посвящаетъ намъ во всѣ тайны палеолитическаго образа жизни, оперативнаго и даже кулинарнаго искусства нашихъ доисторическихъ предковъ. Авторъ набрасываетъ передъ нами картину эволюціи архитектуры, отъ самыхъ грубыхъ первобытныхъ построекъ до колоссальныхъ пирамидъ и указываетъ, какъ возникло искусство писать въ письменныхъ рисунковъ Аккада. Цѣль книга—заинтересовать читателей вопросами, касающимися эволюціи цивилизаціи. Книга снабжена большимъ количествомъ прекрасныхъ и вполне умѣстныхъ иллюстрацій.

(Westminster Review).

«La poste et les moyens de communication des peuples à travers les siècles». Messageries, chemins de fer, télégraphes, téléphones, par Eugène Gallos. Paris. J. B. Baillière. 1894. (Почта и способы сообщенія народовъ въ теченіе вѣковъ). Авторъ сумѣлъ представить въ сжатой формѣ, иллюстрируя массою анекдотовъ и характеристикъ, исторію развитія способовъ сообщенія въ человѣческомъ обществѣ. Авторъ говоритъ сначала о письменномъ способѣ, затѣмъ о печатномъ, о возникновеніи почты, дилижансовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ. Въ заключеніе авторъ высказываетъ нѣсколько пессимистическихъ замѣчаній по поводу того, что ожидаетъ наше бѣдное человечество, осужденное думать и работать все съ большею и большею поспѣшностью, вслѣдствіе ускоренія сообщеній на разстояніи, такъ какъ вопросы слѣдуютъ за отвѣтами настолько быстро, вслѣдствіе, напримѣръ, введенія телефонной системы, что уже совершенно не оставляютъ времени на размышленіе. Въ какой адѣ долженъ будетъ превратиться нашъ зем-

ной шарь, когда на всей его поверхности нельзя будет найти ни одного уголка, свободного от почты, телеграфа или телефона! Авторъ говоритъ, что первый телефонъ былъ показанъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ въ засѣданіи британской ассоціаціи въ Глазгоу, и теперь уже число телефоновъ въ цивилизованныхъ странахъ достигаетъ *девятъ миллионовъ*. Въ виду такого быстрого роста дѣйствительно могутъ возникнуть опасенія, чтобы цивилизація не потеряла ущерба отъ этого избытка прогресса. Велосипедъ и телефонъ представляютъ два опасныхъ элемента разложія: велосипедъ заставляетъ человѣка двигаться, не размышляя, телефонъ—говорить, не размышляя. Въ новыхъ условіяхъ жизни современнаго цивилизованнаго человѣка, мало-по-малу исчезаетъ время, посвящаемое на обдумываніе и размышленіе; ему надо двигаться какъ можно скорѣе, говорить и писать—также. Весь вопросъ теперь заключается въ томъ, какъ далеко зайдетъ человѣкъ въ этомъ своемъ стремленіи къ ускоренію всѣхъ своихъ дѣйствій. На такого рода размышленія наводитъ автора весь ходъ современнаго прогресса.

(Revue Scientifique).

«*Problems of Poverty*». By J. A. Hobson, M. A. *University Extension Series* (Methuen and Co.). (Проблемы бѣдности). Авторъ воспользовался огромнымъ статистическимъ матеріаломъ—представляемымъ парламентскими отчетами, а также данными, которые разсыяны повсюду въ статьяхъ и книгахъ, трактующихъ о положеніи рабочихъ классовъ населенія, и составилъ изъ этого чрезвычайно интересную, полезную и, главное, вполне безпристрастную книгу, касающуюся жгучихъ сторонъ нашей соціальной жизни. Въ первой главѣ о размѣрахъ бѣдности авторъ сообщаетъ массу свѣдѣній о положеніи бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Инте-

ресна глава о цѣнахъ для бѣдныхъ, въ которыхъ указывается разница между цѣнами, уплачиваемыми бѣдными за предметы необходимости и богатыми за свои удобства. Замѣчаніе, что въ Англіи «число случаевъ смерти отъ голода больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ», производитъ нѣсколько ошеломляющее впечатлѣніе. Въ главахъ о вліяніи машинъ и наплывѣ населенія заключается много интереснаго свѣдѣній. Длинная и очень интересная глава посвящена авторомъ положенію женщинъ-работницъ. Въ остальныхъ главахъ авторъ касается уже нравственной стороны бѣдности и горячо востаетъ противъ убѣжденія, составленнаго многими извѣженными филантропами, что причину бѣдности и нищеты всегда слѣдуетъ искать въ пороки и т. д. Авторъ говоритъ, что матеріальныя реформы должны прѣдшествовать нравственнымъ реформамъ, и распространяется о томъ благотвительномъ вліяніи, которое можетъ оказать на рабочаго техническое воспитаніе, увеличеніе заработка и т. п. Цѣлая глава посвящена авторомъ соціалистскому законодательству и вообще законодательству и законамъ, касающимся труда.

(University Extension Journal).

«*The State and its Children*». By Gertrude Tuckwell. (Государство и его дѣти). Авторъ находитъ, что вопросъ о дѣтяхъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ вопросовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло соціальнымъ реформаторамъ, и потому посвящаетъ ему свой трудъ, представляющій обзоръ всѣхъ учрежденій, устроенныхъ государствомъ для призрѣнія, обученія и леченія дѣтей и разныхъ обществъ воровства дѣтей и т. п. Люди, интересующіеся соціальными вопросами и занимающіеся ихъ изученіемъ, найдутъ въ книгѣ очень много полезныхъ для себя свѣдѣній.

(Bookseller).

Естественныя науки, словесность и проч.

«*The Study of animal life*». By J. Arthur Thomson. M. A. *Lectures on Zoology, School of Medicine, Edinburgh* (John Murray — University Extension Manuals). (Изученіе жизни животныхъ). Интересъ къ естественнымъ наукамъ настолько увеличился въ обществѣ, что книги, касающіяся области биологіи, всегда находятъ большой кругъ читателей, особенно, если онѣ написаны такъ просто и доставляютъ такъ много научнаго матеріала, какъ вышеназванное

сочиненіе Томсона. Въ первыхъ четырехъ частяхъ книги описывается ежедневная жизнь животныхъ. Описанія автора въ высшей степени художественны и обнаруживаютъ въ немъ не только свѣдущаго зоолога, но и артиста. Мы не знаемъ книги, которая могла бы удовлетворить въ такой степени желаніе всѣхъ тѣхъ, кто стремится включить биологію въ число наукъ, необходимыхъ для каждаго образованнаго человѣка. Авторъ этой книги обнаруживаетъ чрез-

вычайно основательное знакомство съ литературою своего предмета и является противникомъ исключительно только механическаго объясненія жизни и жизненныхъ процессовъ. Книга прекрасно иллюстрирована и снабжена полезнымъ приложениемъ.

(University Extension Journal).

«*The Dawn of Astronomy. A study of the Temple-worship and Mythology of the ancient Egyptians*». By J. Norman Lockyer. London, Paris and Melbourne. 1894. (Заря астрономіи). Авторъ этой интересной книги дѣлаетъ попытку вывести заключение о равнѣхъ астрономическихъ взглядахъ египтянъ изъ изученія ихъ храмовъ и мифологіи. Хотя всѣ свои заключенія авторъ высказываетъ лишь въ формѣ предположеній, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что во всѣхъ этихъ предположеніяхъ заключается доля истины. Еще раньше германскимъ профессоромъ Ниссеномъ высказано было предположеніе, что при постройкѣ египетскихъ храмовъ принималось во вниманіе положеніе небесныхъ свѣтилъ, къ которымъ обращены были главные оси храма. На основаніи изслѣдованія древнѣйшихъ храмовъ, восточныхъ въ честь солнца, въ Египтѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что египтяне много тысячъ лѣтъ тому назадъ имѣли уже понятіе о солнцестояніяхъ и храмы свои строили такъ, чтобы имѣть возможность точно наблюдать время солнцестоянія. Авторъ полагаетъ, что въ этихъ храмахъ впервые египтяне положили начало нашему годовому счисленію. Положеніе храма Аменъ-Ра было таково, напримѣръ, что при восходѣ солнца, во время лѣтняго солнцестоянія, на алтарь долженъ былъ падать великолѣпный и ослѣпительный свопъ солнечныхъ лучей, изъ чего жрецы могли заключить о началѣ истиннаго солнечнаго года. Притомъ лѣтнее солнцестояніе совпадало съ разлитіемъ Нила, что давало возможность египетскимъ жрецамъ не только точно опредѣлить длину года, но и время его начала. Изъ того, что нѣкоторые древніе храмы въ Египтѣ были построены такъ, что прямой солнечный лучъ не проникалъ въ нихъ ни при какомъ стояніи солнца, авторъ выводитъ заключеніе, что они посвящены были другимъ небеснымъ свѣтиламъ—звѣздамъ. Такъ какъ положеніе звѣздъ измѣнилось сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было тысячи лѣтъ назадъ, то автору приходится довольствоваться лишь одними гипотезами. Во всякомъ случаѣ методъ изслѣдованія автора даетъ возможность въ значительной степени обогатить на-

ши свѣдѣнія о древнемъ Египтѣ. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что мифологія была астрономическаго происхожденія и очень рано способствовала зарожденію идей, вызванныхъ наблюденіями надъ небесными свѣтилами. (Westminster Review).

«*Aspects of Modern Study: University Extension Addresses* (Macmillan and Co)». (Положеніе современнаго ученія)

Въ книгѣ собраны девять публичныхъ лекцій, прочитанныхъ на ежегодныхъ миттингахъ членовъ университетскаго движенія. Миттинги эти существуютъ съ 1886 года и устраиваются съ цѣлью развитія корпоративнаго духа между дѣятелями различныхъ центровъ университетскаго движенія. Самыя замѣчательныя изъ публичныхъ лекцій, собранныхъ въ упомянутой книгѣ, были прочитаны хоромъ Плейфейромъ, Гошенъ и Джономъ Морлемъ. Лордъ Плейфейръ говорилъ объ эволюціи университетскаго движенія, какъ части народнаго воспитанія, и о томъ, что великіе изобрѣтатели и ученые, открытія которыхъ извѣстны всему міру, вышли изъ народа. Румфордъ, напримѣръ, былъ школьнымъ учителемъ, Гемфри Дэви былъ сыномъ рѣзчика по дереву, Фарадэй былъ разносчикомъ новостей, Тиндаль—сыномъ ирландскаго крестьянина и т. д. Пора перестать смотрѣть на университетское образованіе, какъ на привилегію того класса людей, которые имѣютъ монополию называться джентльменами, сказалъ лордъ Плейфейръ въ заключеніе. Гошенъ въ своей лекціи говорилъ объ искусствѣ слушать, читать и думать. Онъ указывалъ на то, что мы имѣемъ склонность читать слишкомъ много и думать слишкомъ мало. Гошенъ находитъ, что величайшій недостатокъ нашего времени заключается именно въ чрезмѣрной быстротѣ чтенія—мы торопимся прочитать какъ можно больше и не даемъ себѣ времени останавливаться надъ прочитаннымъ и обдумать его. Джонъ Морлей избралъ темою своей лекціи изученіе литературы. Изъ другихъ лекцій заслуживаетъ вниманія лекція профессора Макса Мюллера, прославляющаго изученіе древности, древняго языка, литературы, философіи и т. п. Дѣргамскій епископъ распространяется въ своей лекціи о значеніи возвышенныхъ идеаловъ, а сэръ Джемсъ Пажетъ говоритъ о пользѣ и значеніи научныхъ занятій. Вообще, каждая изъ девяти лекцій, собранныхъ въ книгѣ, касается какогонибудь важнаго вопроса въ области знанія, и потому сборникъ этихъ лекцій

представлять в высшей степени полезное издание.

(Westminster Review).
 «*Studies in Mediaeval Life and Literature*». By Edward Tompkins, late Professor of Belles Lettres in Yale University. New-York. Patnam. (Очерки средневековой жизни и литературы). Молодой американский профессор, блестящая карьера которого была слишком рано подкошена смертью, выказал в этих очерках не только выдающийся талант и основательное знание предмета, но также и умъе интересно и просто излагать его, без всякаго лишняго педанства. Особенно интересны главы: «Ульрих фонъ-Лейхтенштейнъ» и «Средневековая женщина». Достоин-

ство книги именно заключается в томъ, что она можетъ быть интересна для самаго обыкновеннаго читателя, несмотря на свой серьезный научный характеръ. (Westminster Review).

«*From Earth's Center; A Polar Gateway Message*. (Изъ центра земли). Маленькая книжка, заключающая в себѣ фантастическій рассказъ о странѣ, существующей в центрѣ земли, куда можно попасть посредствомъ полярнаго течения. В этой странѣ осуществлены социальныя идеалы школы Беллами, и поэтому весь рассказъ представляетъ ничто иное, какъ замаскированную проповѣдь доктрина этой школы.

(Popular Science Monthly).

Философія, физиологія, психологія.

«*A Review of the systems of ethics founded on the Theory of Evolution*». By C. M. Williams. New-York and London: Macmillan and Co. (Обзоръ различныхъ системъ этики, основанной на теоріи эволюціи). Книга состоитъ изъ двухъ частей: в первой части изложены отдѣльныя взгляды основателей главныхъ системъ эволюціонной этики; во второй же заключается общій обзоръ всей этой области. Авторъ выдвигаетъ на первый планъ взгляды Дарвина, Уоллеса, Геккеля, Спенсера, Фиске, Ральфа, Баррета, Стефена, Карнера, Геффдингга, Гизикга, Александра и Ри. Чарльзъ Дарвинъ ставится авторомъ во главѣ этого списка ученыхъ, какъ первый, положившій начало теоріи эволюціи; поэтому авторъ цитируетъ цѣлыя страницы изъ его трудовъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о другихъ «великихъ авторитетахъ» в этой области и, наконецъ, переходитъ къ такимъ писателямъ, которые, по его словамъ, «работали и развили теоріи вышеупомянутыхъ великихъ мыслителей». Во главѣ этого втораго списка авторъ ставитъ Герберта Спенсера и его социальную статистику, въ которой изложены главныя основы его теоріи этики. Во второй части книги собрана масса очень поучительныхъ данныхъ и сдѣланы весьма основательныя выводы. Авторъ рассматриваетъ наследственность, различныя ея видоизмѣненія и эволюцію, взаимныя отношенія мысли и чувства, эволюцію воли, этнозма, альтруизма и сознанія. Очень интересна глава о прогрессѣ нравственности в исторіи челоувѣчества. Между прочимъ, авторъ указываетъ, что уровень нравственности

древнихъ грековъ и римлянъ и средневековой Англии былъ далеко ниже современнаго уровня. В заключительной главѣ авторъ говоритъ о стремленіи къ идеалу и о разнообразіи понятій объ идеалѣ. Книга очень интересна и заслуживаетъ полнаго вниманія.

(Popular Science Monthly).

«*A Theory of development and Heredity*». By Henri Orr, Professor of the university of Louisiana, New-York and London. (Теорія развитія и наследственности). В предисловіи къ этой книгѣ авторъ говоритъ, что путемъ критическаго обзора биологическихъ фактовъ, въ основу котораго должны быть положены результаты физическихъ и психологическихъ изслѣдованій, можно достигнуть правильнаго взгляда на великія явленія жизни и выяснитъ такія взаимныя отношенія явленій, которыя до сихъ поръ казались трудно объяснимыми. Исходя изъ этого взгляда, авторъ рисуетъ схему развитія первичной протоплазмы ея ростъ и образование все новыхъ и новыхъ комбинацій, причѣмъ говоритъ, что, такъ какъ однѣ и тѣ же силы дѣйствуютъ в каждомъ поколѣніи и образуютъ серію стимуловъ, одинаковыхъ для каждаго поколѣнія, то каждое поколѣніе слѣдуетъ въ своей жизни по тому же самому пути развитія, по которому слѣдовали его предки. Различныя фазы одного и того же процесса заключаютъ в себѣ объясненіе роста, развитія и наследственности, и въ своемъ собственномъ развитіи мы должны, по мнѣнію автора, видѣть проявленія известной опредѣленной дѣятельности созидательной силы. Книга профессора Орра интересна какъ по-

пытка объясненія эволюціонной теоріи развитія и наслѣдственности.

(Popular Science Monthly).

«*Man's Place in Nature*» and other anthropological Essays. By Thomas Huxley Collected Essays; London, Macmillan and Co. 1894. (Мѣсто челоѣка въ природѣ).

Новое изданіе замѣчательнаго труда профессора Гексли, помимо своего историческаго значенія, представляетъ огромный интересъ для всѣхъ, кто стремится познакомиться съ тѣмъ, что говоритъ наука о челоѣкѣ. Краткое предисловіе къ этому новому изданію, вѣроятно, особенно обратитъ на себя вниманіе, такъ какъ Гексли сообщаетъ въ немъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ вначалѣ была написана его книга, встрѣтившая при своемъ появленіи такой непріязненный приѣмъ. Времена измѣнились, и теперь его книга, какъ онъ самъ выражается, можетъ быть прочтена въ любой воскресной школѣ, не возбуждивъ ни малѣйшаго изумленія ни въ комъ. Гексли полагаетъ, что его собственныи опытъ долженъ поощрить молодыхъ авторовъ быть смѣлыми и не бояться говорить прямо то, что они хотятъ сказать и считаютъ истиной, хотя бы это и могло оскорбить застарѣлые предрассудки. Конечно, они не могутъ думать, что имъ удастся побѣдить съ одного удара. «Истина велика,—говоритъ Гексли,—но именно, принимая во вниманіе это величіе истины, любопытно видѣть, какъ много надо времени для того, чтобы она восторжествовала».

(Westminster Review).

«*Status on the Mind Problems*». By Lester F. Ward. Washington. 1894. (О проблѣ ума). Авторъ дѣлаетъ смѣлую и въ то же время чрезвычайно логическую попытку доказать, что протоплазма, которую профессоръ Гексли называетъ «физическою основою жизни», является въ то же время и главною основою дѣятельности ума. Свой разсужденія и заключенія авторъ основываетъ на химическихъ и психологическихъ данныхъ и вообще въ основу своихъ взглядовъ кладетъ химическіе законы. Онъ говоритъ, что проявленія ума находятся въ такомъ же отношеніи къ мозгу и нервной системѣ, въ какомъ стоятъ всѣ другія явленія къ тѣмъ субстанціямъ, которыя ихъ производятъ; однимъ словомъ, умъ составляетъ неотъемлемую принадлежность организованнаго тѣла. Хотя, быть можетъ, многое можно возразить противъ аргументовъ американскаго писателя, но, тѣмъ не менѣе, попытка его разрѣшить логическимъ и

добросовѣстнымъ образомъ проблему ума заслуживаетъ полнаго сочувствія.

(Westminster Review).

«*Essays by Thomas H. Huxley*». Vol. I. Method and results; Vol. II. Darwiniana; Vol. III. Science and education. New-York. 1894. D. Appleton and Co (Опыты). Первый томъ серіи, которая будетъ заключать въ себя собраніе «статей» Гексли, изданныхъ имъ подъ общимъ заглавіемъ «Опытовъ», начинается весьма характеристичной автобіографіей и заключаетъ въ себя девять статей, написанныхъ Гексли между 1866 и 1890 г. Авторъ говоритъ, что хотя, быть можетъ, эти статьи не свободны отъ повтореній и недостатковъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ не находитъ нужнымъ измѣнить въ нихъ что-нибудь, что касается сущности статей. Въ первомъ томѣ слѣдующія статьи: о полезности усовершенствованія природныхъ знаній; о прогрессѣ науки; о Декартовскомъ «Discours de la méthode»; объ административномъ нигилизмѣ; о природномъ неравенствѣ людей; о естественныхъ и политическихъ правахъ и о правительствѣ. Во второмъ томѣ помѣщены статьи, касающіяся древняго ученія объ эволюціи, возобновленнаго на прочномъ научномъ основаніи со времени изданія знаменитаго труда о происхожденіи видовъ. Всѣхъ этихъ статей три: о Чарльзѣ Дарвинѣ, о его знаменитомъ трудѣ и его некрологъ въ связи съ воспоминаніями самого автора о своемъ другѣ, знаменитомъ ученомъ. Третій томъ заключаетъ семнадцать статей, написанныхъ между 1854 и 1887 годами.

(Popular Science Monthly).

«*The Child Physically and Mentally*» by Bertha Meyer. (Дѣтя въ физическомъ и умственномъ отношеніи). Маленькая брошюрка, переведенная съ нѣмецкаго, служить какъ бы дополненіемъ къ первому труду автора, изданному тринадцать лѣтъ назадъ. Въ брошюрѣ собраны новѣйшія данныя гигиенической науки, съ которыми авторъ находитъ полезнымъ познакомиться современныхъ матерей, желающихъ сохранить здоровую душу и здоровое тѣло у своего ребенка. (Bookseller).

«*History of the Philosophy of Pedagogics*, by Charles W. Bennett. (Исторія философіи педагогики). Авторъ дѣлаетъ историческій обзоръ попытокъ за послѣднія четыре-пять столѣтій, построить воспитательную систему на какомъ-нибудь принципѣ и подробно разсматриваетъ воспитательную дѣятельность различныхъ религіозныхъ реформаторовъ;

абстрактныя теологическія воспитательныя системы, влияние иезуитизма, яansenизма, pietизма, реализма и гуманизма на дѣло воспитанія и рисуеъ ходъ развитія педагогики и различныхъ педагогическихъ теорій. Къ книгѣ приложены портреты главныхъ основателей педагогическихъ системъ и людей, высказывавшихъ важныя мысли о воспитаніи, съ Эразма до Фребеля.

(Popular Science Monthly).

«Des peurs maladises ou phobies» par E. Gélinau. Paris. 1894. Société d'édicions scientifiques. (О болѣзненныхъ страхахъ или «фобіяхъ»). Дѣтъ двадцать пять назадъ впервые была описана докторомъ Бенедиктомъ, изъ Вѣны, особенная форма нервнаго страха — боязнь пространства. Бенедиктъ, однако, этому явленію не придалъ особеннаго значенія, и только спустя два года оно было опять описано, и уже болѣе подробно докторомъ Вестфалемъ, который называлъ его «агорафобіей» — боязнью площадей. Такая боязнь, при болѣе подробномъ изслѣдованіи, оказалась настоящимъ болѣзненнымъ явленіемъ, причеиъ замѣчено было большое разнообразіе формъ этого явленія. Патологическій страхъ выражался очень различно: одни боялись открытыхъ пространствъ, другіе — закрытыхъ мѣстъ (claustrophobia); затѣиъ эту рубрику пришлось еще увеличить по послѣднимъ наблюденіямъ, и авторъ упомянутой книги цитируетъ уже около тридцати видовъ патологическаго страха, куда включаетъ, между прочимъ, и «бадиллофобію». Конечно, эти виды патологическаго страха можно разнообразить до безконечности, но суть не въ томъ, какъ проявляется патологическій страхъ, а въ томъ, что онъ существуетъ въ той или другой формѣ, такъ какъ присутствіе его указываетъ на нарушеніе дѣлости психической системы. Чаще всего явленіе патологическаго страха приходится на-

блюдать у истеричныхъ субъектовъ неврастениковъ и вообще у такихъ, у которыхъ можно замѣтить явные признаки вырожденія. Книга г. Желино представляетъ интересъ уже потому, что она касается области мало извѣданныхъ психическихъ явленій и указываетъ, что между состояніемъ полнаго здоровья и воплію опредѣленноюболѣзною заключается еще дѣлая область такихъ явленій, которыя служатъ выраженіемъ самыхъ разнообразныхъ психическихъ уклоненій, но не могутъ быть прямо причислены ни къ которой изъ рубрикъ психическихъ болѣзней опредѣленнаго типа. (Revue Scientifique).

«Short studies in Character». By Sophie Bryant. London Sonnenschein et Co. 1894. (Краткіе очерки характеровъ). Въ книгѣ затронутъ вопросъ чрезвычайной важности о дѣйстви различныхъ влияній на нравственную природу человѣка. Авторъ выдвигаетъ на первый планъ влияние интеллекта и влиянію эмоцій придаетъ гораздо меньшее значеніе. Масса зла въ нравственномъ отношеніи происходитъ изъ глупости, невѣжества и отсутствія систематическаго воспитанія, и авторъ указываетъ на способы борьбы съ этимъ зломъ. Въ книгѣ двѣ части: этическая и педагогическая, которыя, впрочемъ, въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Въ этической части книги, между прочимъ, слѣдующія главы: кардинальныя добродѣтели: справедливость; мои обязанности къ моему сосѣду; дружба; влияние идеаловъ; типы нравственнаго развитія и т. п. Въ книгѣ г-жи Бриантъ такъ много тонкаго пониманія природы дѣтей и юношей, что ее можно смѣло рекомендовать, какъ руководство для всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ близко къ сердцу правильное нравственное развитіе молодого поколѣнія.

(Westminster Review).

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Вопросы русской общественной жизни. Въ нашей печати часто раздаются голоса, доказывающіе, что народъ не чувствуетъ никакой потребности въ образованіи, и что всякія читальни, бібліотеки, воскресныя школы и пр. чуть ли не насильно навязываются ему интеллигенціей. Опроверженію подобнаго взгляда посвящается, помѣщенная въ № 39 «Недѣли», статья Пругавина «Крестьянскія бібліотеки», въ которой Пругавинъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что въ народѣ уже пробудилась жажда знанія, и что онъ сознательно стремится къ расширенію и пополненію своего элементарнаго образованія посредствомъ чтенія. Въ настоящее время во многихъ уголкахъ Россіи, по почину самихъ крестьянъ, устраиваются бібліотеки и читальни. Еще года три назадъ «Сельскій Вѣстникъ» передавалъ, что въ земскія собранія все чаще и чаще поступаютъ просьбы крестьянъ объ устройствѣ бібліотекъ при школахъ. Движеніе это развивается очень быстро.

Пругавинъ приводитъ слѣдующіе примѣры открытія народныхъ бібліотекъ, по ходатайству самихъ крестьянъ:

«Когда при школѣ въ селѣ Динцахъ, Харьковскаго уѣзда, сгорѣла бібліотека, то крестьяне упросили одного

изъ гласныхъ-крестьянъ ходатайствовать передъ земствомъ о пособіи на возобновленіе бібліотеки. При этомъ одинъ крестьянинъ пожертвовалъ на нее 80 рублей. Крестьяне трехъ волостей Лужскаго уѣзда составили въ 1884 году особые приговоры, которыми установленъ трехкопѣечный сборъ съ души на устройство школьныхъ бібліотекъ и бібліотекъ для чтенія. Въ одной волости собрано было съ этой цѣлью 15 р., въ другой—25 р. и въ третьей—50 р. На петербургскихъ фабрикахъ, за Невскою заставой, рабочіе содержатъ фабричныя читальни, изъ которыхъ они пользуются избранными сочиненіями русскихъ писателей, разными популярными изданіями, а также журналами и газетами. Въ селѣ Истобенскомъ, Орловскаго уѣзда, два зажиточныхъ крестьянина, Нелюбинъ и Ожигановъ, пожертвовали 300 руб. на устройство народной бібліотеки при Истобенскомъ двухклассномъ училищѣ. Бібліотека въ этомъ селѣ особенно нужна, такъ какъ число грамотныхъ и учащихся составляетъ въ немъ половину всего населенія. Крестьянское общество села Стряпунино, Оханскаго уѣзда, въ 1888 г. добровольно собрало и пожертвовало 150 руб. на устройство бібліотеки при земскомъ училищѣ въ ихъ селѣ, и теперь эта бібліотека уже открыта.

Крестьяне Турниговской волости, Тверского уезда, на волостномъ сходѣ учредили при волостномъ правленіи, въ память 17 октября, народную библиотеку, на что предполагаютъ собрать до 500 рублей, изъ которыхъ 75 уже собраны.

«Часто сельскія библиотеки открываются по почину образованныхъ лицъ, живущихъ въ деревнѣ: учителей, священниковъ, помѣщиковъ и т. д. Крестьяне весьма охотно отзываются на такую починъ и даютъ посильныя средства на устройство читальни, очень скоро привязываются къ библиотекѣ, и уже самостоятельно заботятся объ ея развитіи».

Далѣе Пругавинъ рассказываетъ еще слѣдующіе случаи:

Въ Пружанскомъ уездѣ, Гродненской губерніи, въ 1892 году, согласно приговорамъ волостныхъ сходовъ, открыты библиотеки при 27 народныхъ училищахъ. На устройство этихъ библиотекъ сходами ассигновано 555 р.

На Лоховскомъ волостномъ сходѣ, Саратовскаго уезда, разсматривался вопросъ объ устройствѣ библиотеки при волостномъ правленіи. Сходъ нашель, однако, что библиотекой при волостномъ правленіи затруднительно будетъ пользоваться жителямъ другихъ селъ и деревень, кромѣ с. Лоха, и потому призналъ за лучшее устроить библиотеку въ каждомъ обществѣ отдѣльно.

Недавно общественная библиотека открылась въ с. Кривинѣ, Новгородскаго уезда, по почину самихъ крестьянъ. На помощь крестьянамъ пришелъ ихъ однообщественникъ Я. Е. Егоровъ, который, происходя изъ крестьянъ с. Кривина, уже много лѣтъ состоитъ учителемъ въ селѣ Рыбацкомъ, близъ Петербурга. Егоровъ обратился однажды на сходѣ къ кривинскому сельскому обществу съ предложеніемъ устроить бесплатную библиотеку, взявъ на себя трудъ хлопотать передъ начальствомъ, собирать, покупать и хранить книги, вести

отчетность и каталоги и проч. Помѣщеніе для библиотеки Егоровъ отвелъ въ собственной избѣ. Мѣстный священникъ, о. Судяковъ, изъявилъ согласіе взять бесплатно на свое попеченіе наблюденіе за чтеніемъ и выдачу книгъ изъ библиотеки во все то время, пока Егорову приходится жить въ Петербургѣ. Подъ приговоромъ подписались 31 домохозяинъ. За устройство библиотеки подавали свой голосъ не только грамотные, но и неграмотные, которые, хотя и не умѣютъ читать, но жадно стремятся слушать чтеніе. Дѣло пошло въ ходъ, и ходатайство объ открытіи библиотеки было уважено губернаторомъ.

«Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, продолжаетъ Пругавинъ, сообщаетъ мнѣ о движеніи, возникшемъ прошлою осенью среди крестьянъ нѣкоторыхъ волостей Лебедянскаго уезда, Тамбовской губерніи, съ цѣлью открытія сельскихъ общественныхъ библиотекъ. Состоялось нѣсколько приговоровъ какъ сельскихъ, такъ и волостныхъ сходовъ. Такъ, крестьяне села Порожъ, Куйманской волости, единогласно постановили: просить приходскаго священника сходить и женской церковно-приходской школѣ библиотеки, съ тѣмъ, чтобы самое зданіе школы въ праздничное время служило и читальней. Ассигновавъ на первый разъ двадцать пять рублей, крестьяне попечителемъ библиотеки выбрали мѣстнаго помѣщика, врача К. И. Аменицаго».

Но не вездѣ ходатайства объ открытіи читальней и библиотекъ увѣнчиваются такимъ успѣхомъ, какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ сообщаетъ Пругавинъ. Вотъ напр., что пишетъ корреспондентъ «Саратовскаго Дневника» изъ слободы Орловъ-Гай, Новоузенскаго уезда.

Недавно у насъ собирался сельскій сходъ. На немъ было, между прочимъ, предложено возбудить ходатайство

объ открытіи въ слободѣ народной читальни; при этомъ было поставлено непремѣннымъ условіемъ, чтобы общество, возбуждая ходатайство, обязалось отдавать на содержаніе читальни *ежегодный налогъ шмба въ тридцать десятинъ*. Если въ средѣ крестьянъ, къ сожалѣнію, и существуетъ еще сомнѣніе въ пользѣ грамоты, то у самаго незначительнаго меньшинства; многіе же хорошо понимаютъ, что она не только не бесполезна, но и необходима. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о читальнѣ прошелъ въ отрицательномъ смыслѣ. Причиною этому, какъ и слѣдовало ожидать, послужили 30 десятинъ. Если принять во вниманіе, что производство этого посѣва будетъ стоить, по меньшей мѣрѣ, 1.000 руб., то станетъ ясно, что при настоящемъ экономическомъ состояніи общества, много рѣшенія и не могло быть. Выполненіе обязательства о производствѣ посѣва было бы трудно для общества уже по одному тому, что оно, при 2.131 ревиз. душахъ, имѣетъ за собой до 200.000 р. разныхъ недоимокъ и долговъ, а затѣмъ и потому еще, что и безъ того засѣвается ежегодно десятинъ по 600 на уплату долговъ. Возникаетъ вопросъ, затѣмъ же обставлять это доброе дѣло такими условіями, какъ посѣвъ 30 десятинъ! Обществу несравненно легче удѣлить часть мірскаго дохода (хотя бы, на примѣръ, изъ дохода отъ ярмарки), чѣмъ дѣлать посѣвъ».

Нечего и говорить о томъ, какое огромное значеніе имѣютъ въ деревнѣ бібліотеки и читальни, которыя, наряду со школами, являются единственными проводниками свѣта въ темной деревенской массѣ, до сихъ поръ еще находящейся во власти всевозможныхъ предрасудковъ и суевѣрій. До какихъ предѣловъ доходить въ нынѣшнихъ мѣстахъ невѣжество народа, можно судить, между прочимъ, и по слѣдующему факту: въ одномъ изъ уѣздовъ

Виленской губерніи крестьяне приняли профессора, явившагося къ нимъ дѣлать этнографическія измѣренія, ни болѣе, ни менѣе, какъ за антихриста. Вотъ что разсказывается объ этомъ удивительномъ фактѣ въ мѣстныхъ газетѣхъ. «Одинъ алополучный уѣздъ, — разсказываетъ «Вил. Вѣстн.», — былъ до основанія потрясенъ довольно страннымъ событіемъ: — въ уѣздѣ появился антихристъ и привелъ бѣлоруссовъ въ неописанный ужасъ. Дѣло въ томъ, что, имѣя постоянныя сношенія съ евреями, бѣлоруссы знаютъ отъ нихъ, что каждый еврей съ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего «мессіаши». По представленію крестьянъ, «мессіаши» — антихристъ и будетъ обращать народъ въ еврейство, сдирая съ упрямыхъ кожу и забивая имъ подъ ногти щепки. И достаточно бываетъ малѣйшаго повода, чтобы горячее воображеніе суевѣрнаго бѣлорусса на этой почвѣ создало самую чудотворную и нелѣпую исторію. Въ уѣздѣ пріѣхалъ профессоръ В. для этнографическаго измѣренія черешовъ мѣстныхъ бѣлоруссовъ. Мудрейшіе изъ крестьянъ поняли это по своему и признали почтеннаго этнографа самымъ подлиннымъ антихристомъ, или «мессіашемъ», который раздѣжзаетъ по уѣзду и налагаетъ на христіанъ свою нечестивую печать, «записываясь паповъ, выбираецъ мальцевъ, не гребуецъ и дзвичатами». Страшная вѣсть съ быстротою молніи облетѣла уѣздъ и повергла въ неописанный ужасъ и уныніе суевѣрныхъ крестьянъ. Особенно же они смутились тогда, когда узнали, что многія интеллигентныя лица, въ томъ числѣ и священники, приняли безбожную печать, позволивъ измѣрить свои головы. Старикъ ходили, опутивъ головы, и тяжело выдыхали, бабы рыдали, заломивъ руки, и только молодые вольнодумцы не отчаявались при этомъ и пропивали излишнее добро, въ виду скорой кончины міра. И когда г. В. приближалъ

ся къ городу, то наиболѣе храбрые подгородные крестьяне собрались толпой и порѣшили или принять мученической вѣнецъ отъ антихриста, или же убить его, поднявъ, по древнему обычаю, на колья. Ученому мужу угрожала безславная смерть отъ кольевъ суетвѣрныхъ бѣлоруссовъ, но исправникъ предупредилъ несчастье, посовѣтовавъ профессору повернуться обратно, не смущая крестьянъ вѣреннаго ему уѣзда.

«Такимъ образомъ, г. В. избѣжалъ мученичества за науку, но за то не избѣрилъ Н-скихъ череповъ, — вѣроятно, къ великой потерѣ для отечественной этнографіи. Но слухи объ антихристѣ и его безбожныхъ похожденияхъ еще долго волновали умы. Говорили, что одинъ храбрый парень выстрѣлилъ въ антихриста изъ ружья, причѣмъ послѣдній покивалъ на храбрца пальцемъ, пригрозилъ напомнить ему о себѣ черезъ три года и разлился водой. Потомъ утверждали, что антихристъ пойманъ однимъ урядникомъ и содержится въ сараѣ подъ замкомъ. Народная фантазія представляетъ противника Христа въ видѣ какого-то чудовищнаго звѣря.

«Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, наконецъ явился ловкій проходимецъ и началъ, подѣ именемъ антихриста, эксплуатировать запуганныхъ суетвѣрныхъ крестьянъ. Но преступная дѣятельность его была своевременно прекращена, и пойманный шантажистъ былъ представленъ въ полицію, гдѣ съ нимъ и поступили по закону».

Можно представить себѣ уровень культурнаго развитія людей, принимающихъ мирнаго профессора этнографіи за антихриста. Но, оказывается, въ нашемъ отечествѣ есть и такіе уголки, которые, по своей дикости и варварству, далеко оставляютъ за собою вышеупомянутый уѣздъ Виленской губ. По словамъ «Волжскаго Вѣстника», «въ городѣ

Малмыжѣ, Вятской губ., въ предстоящую сессию будетъ разбираться сарапульскимъ окружнымъ судомъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, очень интересное дѣло крестьянъ села Старого-Мутана, Старотрыксской волости, обвиняемыхъ въ лишеніи жизни крестьянина, Конона Дмитріева Матюшина, *для принесенія человѣческой кровной жертвы* вятскимъ языческимъ богамъ. Для принесенія человѣческой жертвы крестьянину Матюшину была отрѣзана голова и выпоротъ животъ, откуда и были извлечены внутренности, а затѣмъ, послѣ жертвоприношенія, обезглавленный трупъ Матюшина былъ выброшенъ на пѣшеходную — не проѣзжую въ лѣтнее время дорогу, въ лѣсу, между деревней Чулга и селомъ Аныка. Трупъ Матюшина былъ усмотрѣнъ крестьянскою дѣвочкою Марею Головизиной, которая, вернувшись домой, рассказала своимъ одножителямъ о страшной находкѣ».

Разумѣется, подобные факты — случаи исключительные и нельзя по нимъ составлять сужденія объ умственномъ и нравственномъ развитіи русскаго крестьянства вообще. «Земля наша велика и обильна» и на ряду съ такими остатками варварства, какъ человѣскія жертвоприношенія, мы видимъ въ народѣ все усиливающееся стремленіе къ знанію и свѣту, выражающееся, между прочимъ, и въ приводимыхъ Пругавинымъ ходатайствахъ крестьянъ объ устройствѣ сельскихъ бібліотекъ. Но самая возможность возникновенія такихъ единичныхъ случаевъ доказываетъ, какъ много еще предстоитъ работы въ области народнаго образованія.

Годовщина смерти П. И. Чайковскаго. Въ ночь съ 24 на 25 октября 1893 г. въ Петербургѣ скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ композиторовъ XIX-го столѣтія, вообще,

богатаго крупными музыкальными дарованиями, — Петръ Ильичъ Чайковскій. Смерть его, поразившая всѣхъ своей неожиданностью и вызвавшая искреннее сожалѣніе во всѣхъ странахъ, была особенно чувствительнымъ ударомъ для молодого русскаго музыкальнаго искусства. Послѣ Глинки, который, силою своего генія, создалъ правильные пути для развитія русскаго музыкальнаго творчества и завоевалъ для русскихъ музыкантовъ почетное мѣсто во всемирной художественной семьѣ, Чайковскій занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, если не первое. Онъ въ значительной степени способствовалъ ознакомленію Западной Европы и Америки съ русскою музыкою и доставилъ ей громкую извѣстность. Въ послѣдніе годы съ программъ лучшихъ концертныхъ учрежденій всего міра не сходитъ имя Чайковскаго, нѣкоторыя оперы его мало-по-малу приобрѣли повсюду право гражданства, а Кембриджскій университетъ и Парижскій Institut de France почтили въ лицѣ его русскую музыку высокими отличіями (званіями доктора музыки и члена академіи изящныхъ искусствъ). Нечего и говорить, что въ Россіи Чайковскій пользовался огромной популярностью.

Чайковскій достигъ славы сравнительно скоро. Этими онъ обязанъ двумъ качествамъ своего таланта, дѣйствующимъ неотразимо всегда и на всѣхъ: яркому мелодическому дару и искреннему увлеченію, сказывающемуся во всѣхъ его сочиненіяхъ. Какъ немисливо истинно великое литературное произведеніе безъ ясно опредѣленныхъ и положенныхъ въ его основу глубокихъ идей, какъ безцѣльны живопись и скульптура, если онѣ не являются воплощеніемъ жизненныхъ идей, прошедшихъ сквозь призму міросозерцанія художника и отмѣченныхъ индивидуальными особенностями его мышленія, такъ не можетъ быть настоящаго музыкальнаго

творчества безъ мелодій—свѣжихъ, оригинальныхъ, выпуклыхъ. Музыкальное мышленіе и заключается въ созданіи мелодій, говорящихъ сердцу чловѣка не языкомъ отвлеченныхъ понятій, а непосредственно, необъяснимо-сильно, и, тѣмъ не менѣе, понятно. «Фаустъ» Гете, Сикстинская мадонна Рафаэля и симфонія Бетховена—проявленія одной и той же великой духовной силы, выразившейся при помощи различныхъ средствъ. Чайковскій обладалъ мощнымъ даромъ создавать мелодіи, трогаящія и увлекающія чловѣческое сердце, и люди не могли не подпасть подъ обаяніе звуковъ его музыки. Съ другой стороны, Чайковскій, какъ истинный художникъ, всецѣло проникался содержаніемъ своихъ произведеній, онъ жилъ ими, горячо и любовно относился къ нимъ, и искренность его настроенія и вдохновенія передавалась его сочиненіямъ. Даже въ менѣе удачныхъ вещахъ его всегда чувствуется сильный порывъ, художественный, искренній темпераментъ, отношеніе чловѣка, для котораго его искусство не забава, а глубоко серьезное дѣло. Чловѣчество же всегда вѣритъ охотнѣе искреннимъ, согрѣтымъ теплымъ чувствомъ рѣчамъ,—быть можетъ, и не вполне достаточно обоснованнымъ,—чѣмъ холоднымъ, хоть и строго-логически и правильно построеннымъ, разсужденіямъ, не проникнутымъ духомъ живою, всеобъемлющей любви. Чайковскій былъ всегда искрененъ въ музыкѣ, и на людей эта искренность не могла не дѣйствовать сильно, не могла не производить глубокаго впечатлѣнія.

Какъ у всѣхъ великихъ мастеровъ, у Чайковскаго выработался свой особенный стиль, сразу отличающій его отъ другихъ авторовъ. Стиль появляется у композитора тогда, когда, облекая въ звуки овладѣвшую имъ и ясно сознаванную музыкальную идею, онъ послѣдовательно развиваетъ ее, отбрасываетъ въ сторону все посторон-

нее, непущное, и сохранять художественное единство цѣлаго даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. Умѣние отличать главное отъ второстепеннаго, важное отъ безразличнаго, способствующее уясненію идеи отъ уклоняющаго въ сторону, хотя, быть можетъ, по существу и прекраснаго, — вотъ что образуетъ музыкальный стиль, вотъ чѣмъ обладалъ, вмѣстѣ съ немногими гениальными композиторами, Чайковскій. Сообразно съ личными особенностями каждаго человека, съ его общимъ развитіемъ, взглядами и вкусомъ, при разработкѣ сочиненій въ такомъ выдержанномъ, цѣлостномъ направленіи могутъ быть, конечно, самые разнообразныя; такимъ образомъ, стиль композитора будетъ всегда носить отпечатокъ его индивидуальности. По способу письма узнаются картины великихъ художниковъ; такіе же своеобразныя слѣды духовной работы выдающихся композиторовъ несутъ и ихъ сочиненія. Чайковскаго легко можетъ узнать всякое лицо, мало-мальски свѣдущее въ музыкѣ: его произведенія имѣютъ свою, оригинальную физиономію. Но какъ бы велико ни было дарованіе художника, оно скажется въ полномъ блескѣ только тогда, когда художникъ въ совершенствѣ владѣетъ матеріаломъ, изъ котораго создаетъ свои творенія. Это — техническая сторона искусства, весьма трудная и требующая громаднаго, усиленнаго труда. Чайковскій владѣлъ ею вполнѣ: матеріалъ принималъ въ его рукахъ тѣ формы, которыя были наиболѣе пригодны для его художественной цѣли. Разные эффекты, сочетанія, гармоническіе приемы, контрапунктические тонкости, инструментальное остроуміе, являющіяся для многихъ цѣлью, служили для него средствомъ къ достиженію главнаго — яснаго, художественнаго развитія прекрасной музыкальной идеи.

Этими свойствами дарованія Чайковскаго объясняется всемірный успѣхъ

его сочиненій. Какъ русскій композиторъ, онъ иногда пользовался богатствами русской народной пѣсни, что придавало его произведеніямъ національный характеръ. Но, при этомъ, музыка его всегда говорила языкомъ понятнымъ и близкимъ всему человечеству. Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ мнѣ ни войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе композиторской дѣятельности Чайковскаго, ни коснуться его личности, какъ человека, вообще, и русскаго музыкальнаго дѣятеля, въ частности. Последнее удобнѣе всего будетъ сдѣлать, когда появится въ печати его подробная біографія, въ которую, по плану издателей (гг. М. И. Чайковскаго и Г. А. Лароша), войдетъ его обширная частная переписка. Достаточно, однако, сказать, что и въ частной жизни Чайковскій снискалъ себѣ массу горячихъ друзей и поклонниковъ, благодаря своей безграничной добротѣ, благожелательности и деликатности. Онъ умеръ въ цвѣтѣ силъ и таланта, вызвавъ во всѣхъ глубокую, неподдѣльную скорбь.

Лѣсныя женщины въ Самарской губ. Корреспондентъ «Самарской Газеты» изъ села Ширяевки, Сызранскаго уѣзда, рассказываетъ слѣдующій случай религіознаго самоистязанія. Полѣсовщикъ, обходя дачи своего владѣльца, зашелъ въ лѣсную дачу, принадлежащую Самарскому мужскому монастырю. Здѣсь онъ обратилъ вниманіе на какой-то шалашъ. Изъ шалаша раздавались человѣческіе стоны. Войдя въ шалашъ, онъ увидѣлъ тамъ трехъ почти совершенно нагихъ женщинъ. Женщины эти были ваты, послѣ заявленія полѣсовщика, въ село Ширяевку. Всѣ онѣ страшно исхудали отъ долгаго голоданія, а въ ушахъ, подъ глазами и въ другихъ мѣстахъ у одной изъ нихъ оказались раны, въ которыхъ завелись уже черви. Женщина эта черезъ три

часа послѣ доставленія въ Ширяевку умерла. Передъ смертью она не приняла къ себѣ православнаго священника и не захотѣла даже надѣть на себя крестъ, который ей предлагали. Вскорѣ полицейскій урядникъ сдѣлалъ по всему лѣсу облаву и напольшъ еще трехъ женщинъ. Всѣ онѣ довольно пожилыхъ лѣтъ. Послѣ долгихъ увѣщаній одна изъ нихъ объяснила, что всѣ онѣ изъ Вятской губерніи, Великоурѣцкой волости, разныхъ сель и деревень. Пришли онѣ въ Жигулевскія горы молиться Богу, пострадать за Христа и умереть голодною смертью и ничего, кромѣ травы и ягодъ, не ѣли. Пришли же онѣ сюда потому, что слышали, будто въ Жигулевскихъ горахъ есть затворники. Къ какой сектѣ онѣ принадлежатъ, онѣ не объясняютъ. Богу онѣ молятся, но иконамъ не поклоняются, креста не носятъ и священства не признаютъ. Всѣхъ ихъ, по рассказамъ этой женщины, вышло съ родины до 30 человекъ—все женщины. Немного спустя около села Шелехметъ, Рождественской волости, найдена еще одна женщина, и многихъ, похожихъ по описаніямъ, видѣли ходящими по окрестнымъ селамъ и собирающими милостыню.

Интеллигентные пахары. Киевская газета «Жизнь и Искусство» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ «интеллигентныхъ пахаряхъ» на Кавказѣ: Въ печати до послѣдняго времени встречались извѣстія только о неудачахъ и о полномъ фіаско интеллигентныхъ земледѣльческихъ поселеній. Бываютъ, однако, исключенія, и однимъ изъ такихъ исключеній является хозяйство, заведенное цѣлой группой интеллигентныхъ людей близъ Налчика, въ Терской области. Въ началѣ интеллигентные пахары не умѣли ни пахать, ни косить, ни жать! Казалось бы, при этихъ условіяхъ, хозяйство едва ли могло пойти на ладъ, и,

однако, черезъ три-четыре года усиленнаго труда оно не только налажилось, но и стало уже приносить изрядный чистый доходъ. Только въ первый годъ своего хозяйничанья компанія, для уборки травъ и хлѣба, нанимала рабочихъ, а затѣмъ уже обходилась и обходится безъ нихъ. Участокъ, на которомъ «сѣла на землю» интеллигентная братія, прежде считался бесплоднымъ, а теперь на немъ прекрасно родится пшеница, рожь, картофель, огородныя овощи, дыни, арбузы, да, кромѣ того, разведенъ прекрасный молодой садъ.

Переселенцы въ пути. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» печатались интересные письма одной фельдшерицы, г-жи Л. Кр., приглашенной сопровождать партію переселенцевъ, ѣдущихъ на Амуръ, и оказывать имъ медицинскую помощь во время пути. Фельдшерица описываетъ, какъ трудно было отдѣлять больныхъ отъ здоровыхъ на баржѣ и предохранять послѣднихъ отъ зараженія: «На палубѣ для отдѣленія заразныхъ больныхъ была устроена больничка въ три койки; во второй рейсъ ихъ было у меня двѣ. Кромѣ того, внутри баржи отгорожено было изъ досокъ помѣщеніе въ одну койку для родильницъ. Такъ какъ родовъ у меня не случилось ни въ первый, ни во второй рейсъ, то я приспособила родильню для больнички. На самомъ дѣлѣ больнички вовсе не достигали своихъ цѣлей, потому что отдѣлять всѣхъ заразныхъ больныхъ не было никакой возможности: больныхъ было слишкомъ много, и инфекция была самая разнообразная. Во второй рейсъ у меня были всѣ заразные болѣзни, исключая холеры и сыпного тифа: оспа (1), дифтеритъ (10), корь (50), скарлатина (6); брюшной тифъ (8) и дизентерія (почти всѣ). Волей-неволей приходилось оставлять больныхъ вмѣстѣ съ здоровыми, отчего 0/о за-

болѣваемости и смертности все возрастало. Кромѣ того больницы были устроены крайне небрежно: между поломъ и стѣнами, а также въ самыхъ стѣнахъ были большія щели, изъ которыхъ страшно дуло, печей не было, такъ что въ холодные дни, а ихъ было не мало, больные просто кочевали отъ стужи. Благодаря этому обстоятельству, постоянно приходилось вести войну съ родными больного, котораго нужно было туда помѣстить. Война эта или оканчивалась полнымъ моимъ поражениемъ, или, если я и достигала своего, случалось, что на другой же день больной исчезалъ изъ больницы и приходилось снова водворять его туда. Правда, у насъ былъ другой исходъ, при помощи котораго можно было отдѣлять больныхъ: это — посадка ихъ на пунктахъ, гдѣ были студенты-медики и имѣлись барави. Но средство это носило довольно ободострый характеръ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда партія шла далеко, напр. на Амуръ, какъ это было у меня. Ссадивъ при такихъ условіяхъ больного съ его семьей, я могла быть вполне увѣрена, что они уже навсегда отрѣзаны отъ своей партіи, со многими членами которой они шли отъ самаго дома, и только чистая случайность могла какъ-нибудь впоследствии свести ихъ вмѣстѣ. Никто изъ моей партіи, иля на Амуръ, не имѣлъ въ виду какова-нибудь опредѣленнаго мѣста — деревни, волости. Съ другой стороны высаженные несчастливцы, сидя здѣсь, должны будутъ прохарчить свои послѣднія денежки, потому что суммъ для продовольствія родственниковъ больныхъ у медиковъ не имѣлось, не имѣлось также отдѣльнаго помѣщенія для здоровыхъ. Изъ всего этого видно, что прежде, чѣмъ рѣшиться на высадку больного, слѣдовало очень и очень подумать.

Помню, какую ужасную нравственную пытку пришлось мнѣ испытать,

когда я хотѣла высадить въ Демьянскѣ одного дифтеритнаго. Родные больного плавали и валялись у меня въ ногахъ, а всѣ остальные прямо-таки ополчились на меня. Даже староста, съ которымъ мы вообще были друзьями, воспротивился и категорически заявилъ, что не позволитъ разъединять партію. Когда я чуть не со слезами стала имъ доказывать, что если не посадить этого больного, то дифтеритъ распространится и пойдетъ косить дѣтей, а можетъ быть, и взрослыхъ, всѣ хоромъ заговорили: «Хай собі такъ, чй мало вже въ насъ і безъ тѣго вмѣрло. Хотъ би тымъ, хто живимъ останеса, до Амуру разомъ доїхати, а не заставатися подорозі». Дѣло кончилось тѣмъ, что, измучившись и не находя ни въ комъ поддержки, я оставила больного, помѣстивъ его въ больницу».

Работы на баржѣ было очень много. «Заболѣваемость въ послѣдній рейсъ была такъ велика и больныхъ, рассказываетъ г-жа Л. Кр., обращавшихся ко мнѣ за помощью, такъ много, что о болѣе или менѣе тщательномъ осмотрѣ каждаго больного не могло быть и рѣчи. Ежедневное количество амбулаторныхъ больныхъ у меня было такое, какое въ средней земской лечебницѣ бываетъ развѣ по праздничнымъ днямъ, — человекъ 60, а то и больше. Кромѣ этихъ больныхъ, были и такіе, которые не могли сами придти ко мнѣ, но тоже нуждались въ моей помощи. Записывать всѣхъ, за недостаткомъ времени, я, конечно, не могла, поэтому не могу представить болѣе точной цифры. Прибавьте къ этому, что мнѣ приходилось заниматься торговлей, выдавать провизію, дѣлать хоть разъ въ день обходъ баржи, закупать на пристаняхъ все необходимое, сдавать покойниковъ, входить во всѣ мелочи, съ которыми переселенцы обыкновенно шли ко мнѣ, и въ довершеніе всего заниматься канцелярской работой, т. е. вести 4 от-

четныя книги, и вы увидите, къ чему въ концѣ-концовъ могла свестись моя медицинская дѣятельность на ряду со всѣми антисанитарными условіями, сопровождающими путешествіе переселенцевъ на баржѣ, о которыхъ я упоминала выше. Чувство постоянной неудовлетворенности угнетало меня.

На каждой пристани, начиная отъ Тобольска, я сдавала не меньше трехъ, а какъ-то разъ даже 6 гробовъ. Мертвецкой у меня не было и гробы стояли прямо на палубѣ, между двумя больничками, на виду у всѣхъ. За погребеніе переселенцы обыкновенно должны были платить по 1 р. 1 р. 50 к. и въ Томской губ. даже по 2 р. съ гроба. Сюда входила плата священнику и за вѣнчики. Только въ Демьянскомъ, Сургутѣ и Самаровѣ, гдѣ были медицинскіе пункты, плата была отъ 35 к. до 60.

О времяпрепровожденіи переселенцевъ на баржѣ г-жа Л. Кр. сообщаетъ слѣдующее: «Вставали они обыкновенно очень рано, хотя многіе ложились довольно поздно, особенно молодежь. Бабы сейчасъ же принимались за какую-нибудь работу, — праздно сидящими я ихъ мало видала; кто стирала бѣлье, большею частью безъ мыла, прямо на полу палубы (у борта) холодной водой, кто мыла посуду; кое-какія бабы шили, очень многія вышивали сорочки и очинки, причѣмъ работа отягчалась чистотой отдѣлки и быстротой, узоръ же заимствовался изъ собственной фантазіи. Кромѣ этихъ занятій на рукахъ женщинъ всецѣло лежала забота и уходъ за дѣтми, между которыми были почти всѣ больны; здоровыя дѣти составляли исключеніе. Мужья рѣдко помогали въ этомъ своимъ женамъ, не смотря на то, что бѣдныя бабы изъ силъ выбивались, проводя иногда цѣ-

лыя ночи безъ сна. Мужики большею частью бездѣльничали, если не считать того, что нѣкоторые изъ нихъ занимались на кухнѣ стряпней, да изрѣдка кто-нибудь читалъ книжку (грамотныхъ между малороссами гораздо меньше, чѣмъ между великороссами). Здѣсь, глубокомысленно посасывая свои люльки, сидитъ кучка хохловъ и лѣниво ведетъ бесѣду о неурожаяхъ и недоимкахъ (разговоровъ о планахъ на будущее я почти не слыхала). Тамъ собралась небольшая группа и играетъ въ карты, немилосердно колотя другъ друга по носамъ; слышится смѣхъ и остроты, а рядомъ съ ними скрипитъ пила и стучитъ молотокъ, сколачивающій гробикъ для только-что умершаго ребенка. Надъ нимъ не слышится завыванія родныхъ, — причитаютъ только надъ взрослыми; а гдѣ-то снизу раздается монотонное чтеніе псалтыря, да черезъ люкъ виднѣется горящая звѣздочкой свѣчка у изголовья покойника. Нѣсколько человекъ спятъ внутри баржи, а кто просто сползается по палубѣ безъ всякаго дѣла. Изъ кухни раздается брань и усовѣщиваніе старости. Въ теплые дни наверху обыкновенно устраивается охота на насѣкомыхъ. Тутъ ужъ нѣтъ раздѣленія труда по поламъ; занимаются ею всѣ — мужики, бабы и даже ребятишки, съ ожесточеніемъ возставъ на общаго врага, отъ котораго просто житься нѣтъ, потому что негдѣ ни помыться, ни бѣлья какъ слѣдуетъ вымыть.

По вечерамъ на палубѣ чувствуется нѣкоторое оживленіе; оно сосредоточивается главнымъ образомъ на носу, гдѣ собирается молодежь. Оттуда слышатся звуки пѣсенъ и гармошки, визгъ, хохотъ, — это гуляютъ хлопцы съ дивчатами».

Изъ русскихъ журналовъ.

«Вѣстникъ Европы», «Русская Школа», «Этнографическое Обзорѣніе».

Пребываніе Гоголя за границей. Въ № 10 «Вѣстника Европы» напечатана интересная статья В. Шенрока подъ заглавіемъ «Н. В. Гоголь. Пять лѣтъ жизни за границей». Въ этой статьѣ сообщаются любопытныя подробности о пребываніи Гоголя въ Швейцаріи и Италіи, гдѣ онъ работалъ надъ первою частью «Мертвыхъ душъ». Извѣстно, что сюжетъ «Мертвыхъ душъ» былъ переданъ Гоголю Пушкинымъ. Рассказывая объ этомъ въ своей «Авторской Исповѣди», Гоголь говоритъ: «Пушкинъ первый заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакоже, поразило его больше всего, прежде мною читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «Какъ, съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого,—съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ».

Вскорѣ послѣ этого разговора были начаты «Мертвыя души», и Гоголь читалъ Пушкину нѣкоторые отрывки изъ нихъ. Отрывки эти дошли до публики уже въ переработанномъ и значительно смягченномъ видѣ. Гоголь боялся произвести на читателей слишкомъ удручающее впечатлѣніе и поэтому старался придать своимъ изображеніямъ болѣе примирающій характеръ. Онъ самъ говорилъ про свои сочиненія: «Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ подъ пера моего въ началѣ для меня самого—онъ бы точно содрогнулся».

Уѣзжая за границу, Гоголь увозилъ съ собою отдѣльныя отрывки изъ своей поэмы, но у него не только не

было еще выработаннаго плана работы, но даже самая фигура героя была для него еще не ясна. Типъ Чичикова сложился позднѣе. Заграницей онъ воскрешалъ въ памяти знакомые образы. Изъ Швейцаріи онъ пишетъ: «передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словомъ, вся православная Русь». Любовь къ Россіи съ особенной силой охватила его вдали отъ нея. «Теперь передо мною чужбина, вокругъ меня чужбина,—писалъ онъ Погодину,—но въ сердцѣ моемъ Русь, одна только Русь». Даже въ Италіи, при всемъ своемъ обожаніи этой страны, Гоголь не могъ освободиться отъ тоски по родинѣ и старая воспоминанія преслѣдовали его всюду. Такъ, онъ съ радостью подмѣчалъ сходство между Италіей, этой страной искусства и высшей культуры, и родной захолустной Малороссіей. «Что сказать тебѣ вообще объ Италіи?»—пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей. — «Мнѣ кажется, какъ будто я заѣхалъ къ стариннымъ малороссійскимъ помѣщикамъ. Такія дряхлыя двери у домовъ, со множествомъ бесполезныхъ дыръ, марающія платья мѣломъ; старинныя подсвѣчники и лампы въ родѣ церковныхъ, все на старинный манеръ». Со страстной тоской вспоминалъ Гоголь на чужбинѣ и о лихой русской ѣздѣ на тройкахъ, и о любимомъ имъ хорѣ малороссійскихъ пѣсень.

Но, несмотря на овладѣвшую имъ по временамъ тоску по родинѣ, Гоголь живо чувствовалъ и наслаждался красотой окружающей его природы и искусства. Особенно любилъ онъ Римъ и вообще Италію. Онъ говорилъ даже, что нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ, и что въ этомъ городѣ «человѣкъ цѣлой верстой бли-

же къ Богу». Анненковъ разсказы-
ваетъ слѣдующее о «длинныхъ ча-
сахъ нѣмого созерцанія, которому пре-
довался Гоголь въ Римѣ».

«На дачѣ княгини З. Волконской,
управившей въ старый римскій водо-
проводъ, который служилъ ей тер-
расой, онъ ложился спиной на ар-
каду... и по полусуткамъ смотрѣлъ
въ голубое небо, на мертвую и вели-
кодѣльную римскую Кампанью. Такъ
точно было и въ Тиволи, въ густой
растительности, окружавшей его ка-
скателли: онъ садился гдѣ нибудь въ
чащѣ, уширалъ зоркіе, неподвижные
глаза въ темную зелень, кунами сбѣ-
гавшую по скаламъ, и оставался не-
движимъ цѣлые часы, съ воспалиен-
ными щеками». Онъ востоянно ходилъ
въ картинныя галлерей и звалъ
пріятелей пріѣхать къ нему въ Римъ,
чтобы вмѣстѣ наслаждаться Рафаэ-
лемъ и слушать пѣніе итальянскихъ
артистовъ. Онъ жилъ въ мірѣ поэзіи
и красоты, окруженный чарующей
природой Италіи, ея классическими
картинами и музыкой, и въ то же
время создавалъ бозсмертныя, но уже
вовсе не поэтичныя фигуры Мани-
лова, Ноздрева, Коробочки, Петра Пе-
тровича Пѣтуха и др.

Многіе изъ этихъ типовъ, по соб-
ственному признанію автора, были
навѣяны на него различными знако-
мыми. Но, кромѣ того, Гоголь утверж-
далъ, что нѣкоторыя мелкія черты
его героевъ были списаны съ него
самого. И дѣйствительно, подобно Пѣ-
туху, Гоголь любилъ по цѣлымъ ча-
самъ толковать съ поваромъ о куле-
бѣжкѣ; подобно Чичикову, онъ имѣлъ
страстишку къ приобрѣтенію черниль-
ницъ, вазочекъ, прессъ-папье, любилъ
разговаривать съ половыми. Описан-
ныя имъ въ «Шинели» страданія отъ
холода были извѣданы на опытѣ, и
изображены по воспоминаніямъ того
времени, когда онъ «цѣлую зиму от-
хваталъ въ лѣтней шинели». Л. И.
Арнольди замѣчаетъ, что въ лицѣ

пріѣхавшаго изъ Рязани поручика,
большого охотника до сапогъ, Гоголь
смѣется надъ собственною слабостью.
«Бто говорить—говорить Арнольди,—
«что этотъ страстный охотникъ до
сапогъ—никто иное, какъ самъ Го-
голь?» Оказывается, что у Гоголя
было какое-то неестественное при-
страстіе къ хорошимъ сапогамъ, отъ
котораго онъ не могъ отдѣлаться даже
въ то время, когда, сбѣлвшись аске-
томъ, онъ отказался отъ всего, кромѣ
безусловно необходимаго. Наконецъ,
Гоголь самъ признавалъ, что въ его
характерѣ было «нѣчто хлестаков-
ское».

Изъ дневника учительницы вос-
кресной школы. Въ № 8 «Русской
Школы», въ статьѣ съ вышеприве-
деннымъ заголовкомъ разсказывается
много интересныхъ фактовъ о чтеніи
учениковъ. Большинство учениковъ
воскресной школы, о которой идетъ
рѣчь, были дѣти школьнаго возраста
и подростки, но попадались и совер-
шенно-взрослые, и даже престарѣлые
ученики. Дѣтямъ и подросткамъ школь-
ная бібліотека, состоящая, главнымъ
образомъ, изъ небольшихъ брошюръ и
спеціальныхъ изданій для народа, да-
вала обильный матеріалъ для чтенія.
Но взрослые и болѣе развитые уче-
ники уже не довольствовались этимъ
чтеніемъ. Прочитавъ маленькіе сбор-
ники стиховъ Пушкина и Лермонтова
или отдѣльно изданные разсказы Тур-
генева и Гоголя, они просили пол-
наго собранія ихъ сочиненій, и очень
жалѣли, что ихъ нельзя было достать
въ бібліотекѣ. «Лучше бы ужъ ма-
ленькихъ книгъ поменьше», говорили
нѣкоторые. Когда кому-нибудь изъ уче-
никовъ удавалось цѣлкомъ прочесть
сочиненіе, вродѣ «Хижины дяди Тома»
или «Оливера Твиста», то они чрез-
вычайно неодобрительно относились
къ передѣлкамъ этихъ сочиненій.
«Чтожъ это такое? — съ негодова-
ніемъ говорилъ одинъ 14-лѣтній маль-

чикъ, возвращая передѣлку «Хижинны дядя Тома». — Все пропущено. Чуть дойдешь до нѣжнаго мѣста — ровно ножомъ отрѣзано».

Ученики-подростки очень увлекались Майнъ-Ридомъ и Жюль Верномъ. Авторъ статьи совершенно основательно указываетъ на занимательность и воспитательное значеніе этихъ книгъ для дѣтей. «Я не могу забыть, — говоритъ онъ, — какъ оживленно блестя глаза учениковъ-подростковъ, когда къ нимъ въ руки попадали «Дѣти капитана Гранта», «Докторъ Оксъ», «Путешествіе къ полярному полюсу» и др.; какъ умоляли они учительницу достать имъ еще «такую книжку». — «Ужъ разстарайтесь пожалуйста, достать къ воскресенію» — много разъ повторяли они, боясь, что учительница забудетъ обѣщаніе. Не могу забыть и того, что инья изъ этихъ книгъ (напр., «Путешествіе къ центру земли», «Докторъ Оксъ») пробуждали въ ученикахъ интересъ къ научнымъ свѣдѣніямъ, вызывали вопросы, и иногда такіе вопросы становились темой для бесѣды научнаго характера. Точно также и при чтеніи Майнъ-Рида картины американской природы, жизнь индѣйцевъ могутъ послужить темой живой исторической бесѣды.

Болѣе всего интересовали учениковъ книги беллетристическаго содержанія; затѣмъ, шли книги духовно-нравственныя, а на научныя книги спросъ былъ очень невеликъ. Чтобы заставить учениковъ читать такія книги, учительницы прибѣгали даже къ хитрости: онѣ переплетали эти книги вмѣстѣ съ какими-нибудь интересными рассказами, надѣясь, что, заинтересовавшись рассказомъ, ученикъ прочтетъ и то, что за нимъ слѣдуетъ. Но эти надежды не сбывались. Конечно, бывали случаи, когда ученики сами спрашивали книжекъ по тому или другому вопросу, но такіе случаи оставались исключительными. Ав-

торъ статьи объясняетъ это явленіе непривычкой къ серьезной умственной работѣ, неумѣніемъ сосредоточиться надъ матеріаломъ. Къ тому же и научныя книги для народа составляются по большей части такъ сухо и безжизненно, что не могутъ внушить особеннаго интереса къ себѣ.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ у учениковъ были свои излюбленныя книги: «Дѣтство и юность Пушкина» Авенаріуса, «Жизнь Джемса Гарфильда» и «Актеа» Сысоевой, «Катакомбы» Евг. Туръ, «Рыжій графъ» Засодинскаго, и затѣмъ, конечно, «Робинзонъ» и «Хижина дядя Тома». Взрослые ученики охотно читали стихотворенія, и, прочтя ихъ, спрашивали и біографіи авторовъ. Біографіи эти, въ большинствѣ случаевъ, не удовлетворяли читателей, которые наивно удивлялись, что въ жизни этихъ писателей нѣтъ ничего необыкновеннаго. Очень нравился «Князь Серебряный» и еще одна книжка, тягеловѣсная и неталантливая по формѣ, но интересная по содержанію — «Дѣлатели золота» Пшоче. Личность героя производила сильное впечатлѣніе на учениковъ и они даже выражали желаніе походить на него.

Давая ученикамъ изъ частныхъ бібліотекъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго и другихъ классиковъ, учительницы предлагали имъ затѣмъ письменю изложить прочитанное. Авторъ разсматриваемой статьи приводитъ нѣсколько такихъ ученическихъ работъ (между прочимъ, о Лизѣ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», о Раскольниковѣ, объ Обломовѣ), которыя показываютъ, что ученики вполне усвоили прочитанное и относятся къ нему сознательно. Вотъ, напр., какъ вѣрно охарактеризовалъ одинъ изъ учениковъ отношеніе Лизы къ Паншину (въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»): «...Лизѣ маншинъ нравился, какъ умный и недурной собой мужчина, любить же его она не могла, потому что онъ къ рели-

гін былъ почти не склоненъ, а вторыхъ, она искала жизнь тихую, скромную и безкорыстную, а не ту, какую ей сулилъ Паншинъ... Да и во всѣхъ поступкахъ онъ не нравился Лизѣ, но она этого не высказывала, потому что не хотѣла огорчать и разстраивать матери. Лиза боролась съ тѣми чувствами, которыя бывають иногда невыносимы. Лиза была не такого рода дѣвушка: она все это выносила съ терпѣніемъ и покорностью и, какъ религіозная, всегда находила утѣшеніе въ молитвѣ. А Паншинъ, конечно, этого не замѣчалъ. И какъ онъ могъ подумать, чтобы такой человекъ, какъ онъ, Лизѣ могъ бы не понравиться! Онъ былъ увѣренъ въ себя, что если ему захочется, то она его обязательно полюбитъ. Но Лиза его не любила и была съ нимъ всегда одинакова, безъ всякаго кокетства».

Въ отзывахъ ученикавъ о книгахъ часто сказывался ихъ характеръ и міросозерпаніе. Такъ, авторъ статьи разсказываетъ объ одномъ ученикѣ 21 г., который выучился грамотѣ самоучкой и до поступленія въ школу читалъ много, но исключительно духовно-нравственныя книги. Среди товарищей по мастерской онъ пользовался славой начетчика и поэта, потому что писалъ стихи на религіозныя темы. Но несмотря на занятія поэзіей, въ немъ было мало поэтической чуткости, художественная сторона произведеній мало вліяла на него, и онъ строго критиковалъ ихъ содержаніе. Напр., прочтя «Дѣтство и Отрочество» Толстого онъ заявилъ категорически; «Совсѣмъ не понравились. И не стоило такую пустую жизнь описывать». Пушкина онъ очень порицалъ за его любовныя стихотворенія и серьезно говорилъ: «я бы такіе стихи запретилъ печатать». Прочтя первый томъ Обломова, онъ остался очень доволенъ, что герой «полюбилъ одну дѣвушку, и она его исправила». Но второй томъ совсѣмъ

разочаровалъ его; возвращая книгу, онъ сказалъ учительницѣ: «досадно было читать; совсѣмъ я другого ждалъ». Относительно Штольца онъ заявилъ, что онъ ему очень нравится и что это настоящій человекъ. Когда же учительница спросила его, отчего Ольга, хоть и любила Штольца, а все-таки не была съ нимъ вполне счастлива, онъ отвѣтилъ такъ: «она была счастлива, да не совсѣмъ; она видѣла, что они хорошо живутъ, да только для себя, а ей хотѣлось поскорѣе начать жить для другихъ». «А Штолецъ хочетъ того же, что и она?» спросила учительница. «Да—отвѣчалъ онъ увѣренно.—Штолецъ такъ и будетъ жить. Вѣдь Гончаровъ про его жизнь еще не кончилъ описывать, а кабы кончилъ—вы бы увидѣли».

Приведемъ еще интересный отзывъ одной ученицы женской воскресной школы о Демонѣ, который ей очень понравился: «Мнѣ вотъ какъ это представляется, — говорила она — «Демонъ—это злой духъ; Тамара—это весь міръ. Злой духъ старается соблазнить людей на дурное. Каждому человѣку встрѣчается на свѣтѣ много искушеній. Мнѣ кажется, подъ ангеломъ здѣсь подразумѣвается самъ Христосъ. Какъ Христосъ спасъ все человѣчество и побѣдилъ зло, такъ и здѣсь: ангелъ побѣдилъ демона и спасъ душу Тамары».

Иные отзывы о книгахъ, по словамъ учительницы, были интересны въ смыслѣ выраженія тѣхъ или другихъ теоретическихъ взглядовъ учениковъ. Взгляды эти поражали своимъ единодушіемъ. Для примѣра она приводитъ отзывы учениковъ о народной книгкѣ Орлова «Власъ Паскаль», написанной въ узко-тепенціозномъ духѣ, и доказывающей, что «наука есть похоть ума и занятіе ею несомнѣнно съ служеніемъ Богу». Замѣчательно, что всѣ ученики были согласны съ авторомъ и сочувствовали

Паскалю, бросившему науку ради религии; всё повторяла слова о наукѣ, какъ о похоти ума. Убѣжденіе это вкоренилось въ нихъ, благодаря всему, что они слышатъ въ своей средѣ о томъ, что наука и знаніе ведутъ къ невѣрію.

Такъ, одинъ изъ учениковъ просилъ учительницу достать ему Дарвина и мотивировалъ свое желаніе тѣмъ, что онъ слышалъ, будто Дарвинъ отрицаетъ Бога, и ему любопытно прочесть это. Учительница объяснила ему, что такой книги, отрицающей Бога, нѣтъ, но онъ ей не повѣрилъ и сказалъ уклончиво: «не знаю, мнѣ такъ сказали». Потомъ онъ прибавилъ: «можетъ быть, вы не хотите связать, или боитесь, что я въ вѣрѣ пошатнусь? Я вѣдь только изъ любопытства». На предлагаемые вопросы о пользѣ науки ученики съ убѣжденіемъ отвѣчали, что «отъ книгъ грѣхъ въ міръ пошелъ.» И что «всѣ ученые—безбожники. Инные вспоминали какихъ-то своихъ знакомыхъ, зачитавшихся книгъ и отрицающихъ Бога, другіе находили, что «святыя спасались же, а грамотѣ не знали». Но рядомъ съ этимъ, замѣчаетъ авторъ статьи «шла энергичная работа въ школахъ надъ тѣми же отвергаемыми свѣтскими книгами, рядомъ съ этимъ мы видѣли и чтеніе этихъ книгъ запоемъ, и интересъ къ знанію, къ тѣмъ уголкамъ науки, которые могла открыть воскресная школа».

Толки народа о скорой кончинѣ міра. Въ № 2 «Этнографическаго Обзорнія» за текущій годъ помѣщена любопытная замѣтка М. Дикарева, озаглавленная «Толки народа о скорой кончинѣ міра». Г. Дикаревъ рассказываетъ, какіе странные толки вызвалъ въ народѣ неурожайный 1892 г. съ его страшными послѣдствіями, въ видѣ голода и всевозможныхъ эпидемій. Между

прочимъ, авторъ приводитъ слѣдующій разговоръ между крестьянами-малороссами, записанный тоже однимъ изъ крестьянъ, который самъ вполне вѣрить этимъ толкамъ *).

«Собрались на той недѣлѣ нѣсколко человекъ и стали говорить про голодный годъ. Вотъ одинъ и спрашиваетъ: «Отчего это у насъ теперь хлѣба не стало родиться? Вотъ ужъ годовъ десять подрядъ все нѣтъ и нѣтъ хорошаго урожая. Можеть, въ тѣ годы люди лучше были и не такъ гнѣвили Бога, какъ теперь?»

А другой ему отвѣчаетъ:

«Нѣтъ, кумъ, не въ томъ дѣло. Тогда, люди сказывають, еще хуже было, чѣмъ теперь; люди умнѣе стали, а тогда, сказывають, много было еретиковъ и разныхъ колдуній—и то Богъ хлѣбъ родилъ».

Тогда третій, сосѣдъ перваго, и говорить: «Вотъ что, люди добрые, послушайте, что я скажу вамъ: Люди, я думаю, одинаковы были, что тогда, тои теперь, а только я слышалъ вотъ что. Теперь годъ Басына, такъ вотъ онъ и голодный годъ; потому что этотъ годъ вредный для всего... На высокосный годъ, говорятъ, ничего благополучно не обходится; если люди не мрутъ, то скотина, или птица, или бываетъ страшный голодъ».

«А то еще вотъ что: можетъ быть, справедливо въ Евангеліи сказано, что передъ страшнымъ судомъ будутъ часто голодные года, и люди будутъ умирать, и цари часто будутъ воевать. Вотъ, можеть, это оно и есть. Посмотрите, добрые люди: уже въ мірѣ все дѣлается такъ, какъ сказано въ Евангеліи, что будетъ передъ свѣтопредставленіемъ».

— Другой отвѣчалъ:

«Нѣтъ, добрые люди, нечего намъ разсуждать, что скоро будетъ конецъ свѣта; про то никто не можеть сва-

*) Г. Дикаревъ передаетъ эти разговоры по малороссійски.

зать, кромѣ Бога. А теперь надо полагать, что Богъ насъ наказуетъ, что мы его чѣмъ-нибудь прогнѣвали. Теперь намъ больше ничего не остается, какъ просить Бога, чтобы Онъ насъ помиловалъ и уродилъ намъ хлѣба. А то, я думаю, все враки, что на высокосный годъ ничего не обходится благополучно, а всегда оно такъ бываетъ...»

Г. Дикаревъ замѣчаетъ, что въ этихъ толкахъ ясно обнаруживается исходный пунктъ, откуда отправляется народная мысль: «они представляютъ собою правильные выводы изъ евангельскихъ посылокъ».

Подобные же толки происходили и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ Екатеринодарѣ, напр., назначался день и часъ, въ который должно было начаться землетрясеніе—первый предвѣстникъ кончины міра. Въ Полтавской губ. свѣтопреставленіе связывали съ появленіемъ любимаго народнаго героя—царя Китою. «Какъ пройдетъ Китою черезъ весь свѣтъ, такъ и будетъ конецъ свѣту», говорятъ малороссы.

Великороссы Нижнедѣвницкаго уѣзда, Воронежской губ., рассказываютъ, что передъ страшнымъ судомъ Китою (онъ же Бѣлая Арапія) поворитъ весь свѣтъ, въ томъ числѣ и Бѣлаго царя, котораго будетъ держать въ плѣну три года. Какъ только Бѣлая Арапія выпуститъ изъ плѣна Бѣлаго царя,—немедленно же наступитъ конецъ свѣта.

О концѣ міра въ Воронежской губ. циркулируетъ въ народѣ еще слѣдующій рассказъ:

«Передъ концомъ свѣта по землѣ будутъ бѣгать огневныя колесницы, земля будетъ обвита проволокой: отъ пановъ будетъ отнята земля и отдается мужикамъ. И вотъ оно уже сбывается», сообщаетъ рассказчикъ.

— Какъ такъ сбывается?—спрашиваетъ слушатель.

— А такъ сбывается. Чугунка бѣгаетъ—вотъ вамъ огненныя колесницы, телеграммы пускаютъ по проволокамъ—вотъ вамъ и опоясана проволокой земля.

Изъ иностранной жизни.

Лѣтнія занятія въ университетѣ въ Чикаго. Лѣтніе курсы и все увеличивающееся число лѣтнихъ школъ въ Соединенныхъ Штатахъ уже успѣли освоить американскую публику съ мыслью, что лѣтнія вакаціи должны быть посвящены просмотру и подготовкѣ къ дальнѣйшимъ работамъ, но тѣмъ не менѣе, когда Чикагскій университетъ составилъ схему своихъ занятій, основываясь на непрерывности университетскаго учебнаго года, то это явилось настоящимъ нововведеніемъ въ системѣ университетскаго образованія. Эта новая система, т.-е. непрерывность университетскихъ за-

нятий была впервые примѣнена въ истекающемъ 1894 году. Университетъ разослалъ извѣщеніе о первомъ лѣтнемъ семестрѣ и составилъ схему лѣтнихъ занятій такъ, что она должна была привлечь вниманіе студентовъ. Устроено было 150 курсовъ, которыми должны были руководить лучшие профессора университета и расчетъ оказался вѣрнымъ, такъ какъ къ открытію курсовъ собралась масса слушателей. Въ числѣ записавшихся на лѣтніе курсы было особенно много учителей; изъ общаго числа 540 слушателей—340 были новичками въ университетѣ, остальные же были

прежніе студенты, пожелавшіе продолжать свои занятія и во время лѣтнихъ ваканцій.

Лѣтнія занятія въ университетѣ открылись въ началѣ іюля. Перваго іюля, вечеромъ, всѣ слушатели и профессора собрались въ амфитеатръ лабораторіи для совершения торжественнаго вечерняго богослуженія передъ началомъ занятій. Были исполнены лучшіе номера классической священной музыки и затѣмъ президентъ университета обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой указалъ на интеллектуальныя затрудненія, возникающія для каждаго мыслящаго человека, когда онъ приступаетъ къ изученію христіанской религіи. Побѣдить эти затрудненія и поборотъ сомнѣнія, возникающія въ душѣ, человекъ можетъ лишь тогда, когда проникнется духомъ ученія Христа и слѣдуетъ это ученіе руководящимъ началомъ всей своей жизни.

На другой день послѣдовало торжественное собраніе—митингъ, на открытомъ воздухѣ. Дворъ университета, представляющій огромную четырехъ-угольную площадъ, окруженную университетскими зданіями, у стѣнъ которыхъ были выстроены платформы для приглашенныхъ гостей, служилъ мѣстомъ для этого митинга, который прошелъ чрезвычайно оживленно, вслѣдствіе массы интересныхъ рѣчей и докладовъ, слѣданныхъ на этомъ митингѣ, и воодушевленнаго настроенія слушателей. Въ числѣ гостей было много профессоровъ изъ разныхъ американскихъ коллегій. Собраніе было открыто рѣчью профессора физики Чикагскаго университета А. Михельсона, о методѣ физическихъ наукъ. Затѣмъ президентъ университета приступилъ къ раздачѣ ученыхъ степеней кончившимъ курсъ въ университетѣ—нѣсколькимъ лицамъ были вручены дипломы на степень доктора философіи—и прочелъ отчетъ о дѣятельности университета, въ которомъ

заключалось много интересныхъ свѣдѣній о новыхъ пожертвованіяхъ въ пользу университета. Между прочимъ, мистрисъ Гаскелль пожертвовала университету 120.000 долларовъ на устройство въ немъ кафедры сравнительныхъ религій и восточнаго музея, приспособленнаго, главнымъ образомъ, къ изученію древнихъ восточныхъ языковъ.

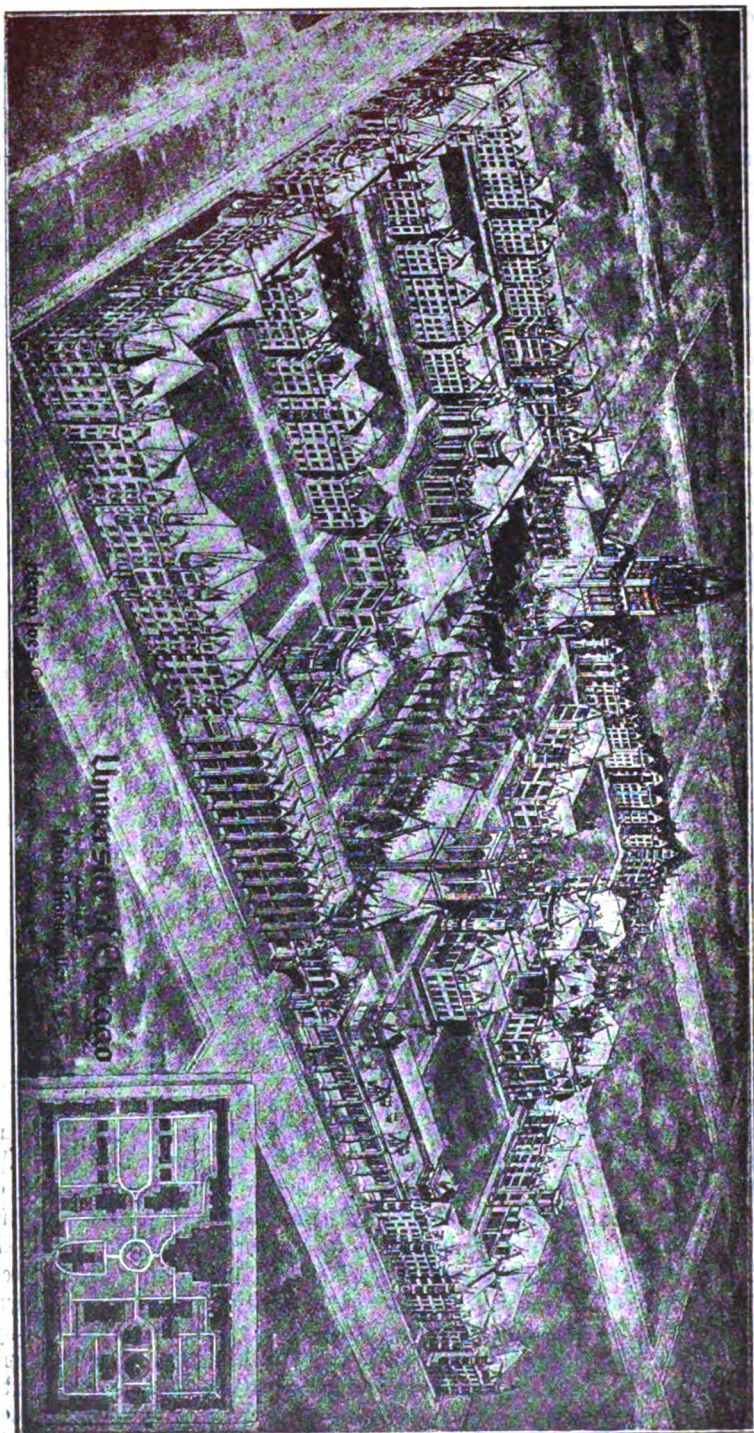
Вслѣдъ за прочтеніемъ доклада президента, послѣдовала церемонія открытія портрета, въ натуральную величину, основателя Чикагскаго университета, Джона Рокфеллера. Портретъ этотъ, произведеніе одного изъ лучшихъ американскихъ художниковъ, былъ поднесенъ университету нѣсколькими жителями Чикаго, собравшими между собою необходимую для этого сумму. Замѣчательно, что великій филантропъ, которому Чикагскій университетъ обязанъ своимъ существованіемъ, никогда самъ не видалъ учрежденія, основаннаго благодаря его щедрости. Это обстоятельство объясняется необыкновенною скромностью жертвователя.

Слѣдующимъ торжествомъ было открытіе новой физической лабораторіи, для которой выстроено новое большое и очень красивое зданіе въ архитектурномъ отношеніи. Эта лабораторія, также какъ и химическая лабораторія университета, снабжена рѣшительно всѣмъ, что только можетъ содѣйствовать занятіямъ физическими науками и, по своему устройству и массѣ всевозможныхъ приборовъ, принадлежитъ къ богатѣйшимъ лабораторіямъ въ свѣтѣ.

Всѣ эти торжества нѣсколько отдалили начало лѣтнихъ занятій въ университетѣ, и только пятаго іюля открылось правильное чтеніе лекцій на всѣхъ курсахъ. Лекціи происходили по утрамъ, остальное же время уходило на занятія въ лабораторіяхъ и кабинетахъ и рекреационныя развлеченія, къ числу которыхъ разумѣется,

*

ЧИКАГСЬКІЙ УНІВЕРСИТЕТІ.

принадлежали: игра въ мячъ, крокетъ, лаунъ-теннисъ и самый разнообразный спортъ, которому предавались слушатели университета въ свободное время.

Главную особенность лѣтнаго семестра, организованнаго Чикагскимъ университетомъ, составляло то, что на этотъ семестръ записалось множество преподавателей изъ различныхъ коллегій и университетовъ и учителей высшихъ школъ. Большинство этихъ лицъ обладаетъ уже достаточнымъ опытомъ въ дѣлѣ преподаванія и основательными знаніями и, записавшись на лѣтніе университетскіе курсы, они, конечно, руководствовались желаніемъ не только пополнить свои знанія, но и познакомиться съ новыми методами преподаванія для дальнѣйшаго преуспѣванія своей собственной дѣятельности.

Много способствовали успѣху лѣтнихъ занятій различныя экскурсіи съ научною цѣлью, геологическія и др., возможныя только лѣтомъ. По окончаніи лѣтнаго семестра, который былъ признанъ всѣми чрезвычайно удачнымъ, случайные студенты, преподаватели, учителя и др. выразили свою признательность университетскому начальству по поводу того, что имъ была доставлена возможность пополнить лѣтомъ свои знанія и посвятить свое время исключительно занятію тою или другою отраслью науки, такъ какъ зимою они бывають слишкомъ заняты преподаваніемъ и не имѣють времени учиться для себя. Общее мнѣніе таково, что успѣхъ лѣтнаго университетскаго семестра вполне обезпеченъ въ настоящее время.

Въ прощальной рѣчи, сказанной президентомъ университета при закрытіи лѣтнаго семестра, онъ, между прочимъ, представилъ очеркъ финансовой исторіи Чикагскаго университета. Она любопытна въ томъ отношеніи, что указываетъ, какъ щедры

американцы, когда дѣло идетъ объ учрежденіяхъ, въ которыхъ они видятъ пользу и славу своего отечества. Въ 1889 году Джонъ Рокфеллеръ пожертвовалъ 600.000 долларовъ для основанія университетскаго фонда. Вслѣдъ затѣмъ Маршалъ Филдъ подарилъ землю для постройки университета и Джонъ Рокфеллеръ тотчасъ же далъ еще миллионъ для организціи университетскихъ курсовъ. Въ іюль 1891 года Огденъ подаетъ въ даръ новому университету три четверти милліона. Въ октябрѣ того же года университетъ получилъ изъ Берлинской бібліотеки 40.000 долларовъ, а въ февралѣ 1892 года Джонъ Рокфеллеръ пожертвовалъ университету еще миллионъ. Въ маѣ произошло присоединеніе къ университету геологической семинаріи со всѣмъ ея имуществомъ и фондомъ, а въ іюль подписка на постройку зданій и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ дала также миллионъ. Въ октябрѣ 1892 года, передъ самымъ открытіемъ университета, полученъ былъ еще даръ отъ мистера Лоркса — четверть милліона на устройство лабораторій, а въ декабрѣ университетъ получилъ въ видѣ рождественскаго подарка еще два милліона долларовъ отъ Джона Рокфеллера. Обладая такимъ богатствомъ Чикагскій университетъ дѣйствительно могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ современной науки и теперь, по своему устройству, занимаетъ первое мѣсто въ свѣтѣ.

Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ въ Англіи и Америкѣ. Не только въ Америкѣ, но и въ нѣкоторыхъ странахъ Европы и особенно въ Англіи выдвигается на сцену вопросъ объ участіи женщинъ въ голосованіи и вызываетъ подчасъ оживленные дебаты въ обществѣ и печати. Въ Америкѣ женщины, достигшія полнаго уравниенія своихъ правъ, только еще на этой почвѣ

не могутъ добиться удовлетворенія. Во Франціи также интересуются этимъ вопросомъ, хотя далеко не такъ страстно, какъ въ Америкѣ или Англій, но все же настолькоъ, что вопросъ этотъ послужилъ предметомъ публичной лекціи, читанной Муаро въ историческомъ обществѣ въ Парижѣ, по случаю его шестидесятилѣтняго юбилея. Лекція эта обрисовываетъ положеніе вопроса объ избирательныхъ правахъ женщинъ въ разныхъ странахъ и сообщаетъ по этому поводу много любопытныхъ свѣдѣній.

По словамъ Муаро, въ Англій женщины съ самыхъ древнихъ временъ уже пользовались правомъ принимать участіе въ муниципальных выборахъ, но право это они потеряли въ 1835 году. Правительство Гладстона вернуло въ 1869 году эти права женщинамъ и съ тѣхъ поръ уже въ принципѣ эти права никогда не оспаривались. Такимъ образомъ уже болѣе четверти столѣтія женщины въ Англій, оставшіяся главами семьи и платящія налоги, не только имѣютъ право голоса на выборахъ, но сами, кромѣ того, могутъ быть избираемы на муниципальные должности. По послѣдней переписи, сдѣланной по избирательнымъ спискамъ въ одной только Англій и княжествѣ Уэльскомъ, 685.000 женщинъ оказались въ положеніи главы дома. Надо прибавить, что это званіе примѣняется лишь къ женщинамъ одинокимъ или вдовамъ; замужнія же женщины исключаются, ибо онѣ уже не признаются самостоятельными, а считаются подчиненными мужу, и это подчиненіе лишаетъ ихъ политическихъ правъ, предоставляемыхъ, какъ будто бы, въ видѣ утѣшенія женщинамъ, не вышедшимъ замужъ или же овдовѣвшимъ.

Женщины въ Англій могутъ быть избранными въ приходскіе и школьные совѣты. Въ 1889 году имъ даже дано было право вотивовать на выборахъ въ совѣтъ графствъ,

однако, онѣ сами не могутъ быть выбраны въ такой совѣтъ.

Таково было положеніе вещей къ концу прошлаго года, когда, наконецъ, палата общинъ приняла новый законъ, присуждающій замужнимъ женщинамъ всѣ тѣ же права, какія имѣютъ незамужнія женщины. Законъ этотъ прошелъ и въ палатѣ лордовъ и вступилъ въ силу въ мартѣ этого года. Но, разумѣется, нельзя ожидать, что женщины удовлетворятся этою побѣдою и не станутъ добиваться дальнѣйшихъ правъ. Цѣль ихъ все-таки остается: полное уравненіе правъ мужчинъ и женщинъ на выборахъ и право женщинъ быть избранными. Первая попытка пріобрѣтенія новыхъ правъ была сдѣлана въ 1892 году. Надо прибавить, что вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ въ Англій не составляетъ вопроса партій. Ревностные сторонники этого вопроса находятяся одинаково какъ въ либеральномъ, такъ и въ консервативномъ лагерѣ. Среди либераловъ, пожалуй, даже скорѣе можно встрѣтить не совѣмъ дружелюбное отношеніе къ этому вопросу; консерваторы же поддерживаютъ притязанія женщинъ на право голосованія, такъ какъ рассчитываютъ найти въ нихъ своихъ сторонницъ. Женщины скорѣе готовы поддерживать консервативный строй общества и не обнаруживаютъ особенной склонности къ радикализму. Торійскіе политики давно уже пользуются женщинами для ованія давленія на избирателей. Они основали знаменитую «Primrose League», которая ежегодно чувствуетъ память великаго Дизраэли и расплодила по всей Англій массу женскихъ ассоціацій. Замѣчательно, что Вальфуръ, преемникъ лорда Салисбери, является въ парламентѣ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ защитниковъ правъ женщинъ. Однимъ только Гладстонъ, изъ числа выдающихся государственныхъ людей Англій, не сдается и по през-

нему остается противникомъ женщинъ въ этомъ вопросѣ. Когда одинъ изъ членовъ палаты общинъ представилъ, года два тому назадъ, очень скромный билль о расширеніи избирательныхъ правъ женщинъ, то Гладстонъ написалъ по этому поводу знаменитое письмо. Въ этомъ письмѣ онъ приводитъ аргументы противъ расширенія этихъ правъ и доказываетъ, что сама природа поставила непреодолимые препятствія политическому уравненію половъ. «Дать женщинамъ право участвовать въ выборахъ въ парламентъ, — говоритъ Гладстонъ, — это значить идти наперекоръ всѣмъ законамъ природы».

Разумѣется, Гладстонъ навлекъ на себя яростный гнѣвъ всѣхъ сторонниковъ уравненія политическихъ правъ женщинъ. На митингахъ, произносились противъ Гладстона очень сердитыя рѣчи, и его называли не иначе, какъ «врагомъ женщинъ». Что же касается самого билля, то онъ вызвалъ горячія пренія въ парламентѣ и хотя былъ отвергнутъ, но весьма слабымъ большинствомъ. Не хватало лишь какихъ-нибудь 25 голосовъ для того, чтобы въ принципѣ были признаны англійскимъ парламентомъ политическія права женщинъ.

Во всякомъ случаѣ, женское движеніе дѣлаетъ успѣхи въ Англій, особенно замѣтные въ другихъ областяхъ общественной жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ Лондонскому университету дано право присуждать ученые степени и награды какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, болѣе 4.000 студентовъ записались въ этомъ университетѣ и изъ этого числа 550 достигли различныхъ университетскихъ степеней. Конечно, это можетъ служить доказательствомъ, что женщины умѣютъ достигать своихъ цѣлей.

Страннымъ образомъ Америка, такъ ушедшая впередъ во всемъ, что касается уравненія правъ женщины, какъ-то застряла на этомъ пунктѣ.

Женщины допускаются къ участию въ политическихъ выборахъ только лишь въ двухъ или трехъ штатахъ изъ 44, входящихъ въ составъ Американскаго Союза.

Первымъ, открывшимъ доступъ женщинамъ къ политическимъ выборамъ былъ штатъ Юмингъ, затерянный въ Скалистыхъ горахъ. Женщины уже болѣе 25 лѣтъ пользуются тамъ всѣми политическими правами и не только участвуютъ въ голосованіи, но и сами могутъ выступать кандидатками на всѣхъ выборахъ. Въ другихъ штатахъ, какъ, напримѣръ, въ Канзасѣ, онѣ пользуются этими правами лишь въ области муниципальных школьныхъ совѣтовъ. Въ своихъ общинахъ онѣ могутъ занимать мѣста мэровъ. Одинъ изъ такихъ мэровъ въ женскомъ платьѣ сказалъ одному журналисту: «Въ нашемъ городѣ мужа никогда не знаютъ, за кого подаютъ голоса ихъ жены на муниципальных выборахъ, и это только служить на пользу нашей администраціи. Мой мужъ совершенно расходуется со мною въ политическихъ взглядахъ и даже вотировалъ противъ меня, но это не мѣшаетъ намъ жить очень мирно; мы никогда не вмѣшиваемъ политическихъ вопросовъ въ наши домашнія дѣла».

Впрочемъ, женщины въ Соединенныхъ Штатахъ не особенно энергично добиваются расширенія своихъ политическихъ правъ и только на Западѣ онѣ особенно настойчиво добиваются этого. Въ другихъ мѣстахъ онѣ довольствуются участіемъ въ муниципальных совѣтахъ и ведутъ ожесточенную борьбу съ пьянствомъ, игорными притонами и табачными фабрикантами.

Разумѣется, въ Америкѣ существуетъ въ настоящее время дѣлая партія въ пользу дарованія политическихъ правъ женщинамъ. На предпоследнихъ президентскихъ выборахъ даже была выставлена кандидаткой

на президентское кресло женщина. Но; конечно, это было преждевременно, и въ пользу этой кандидатуры высказалось не болѣе нѣсколькихъ тысячъ голосовъ.

Такимъ образомъ до прошлаго года одинъ только штатъ Юинія держалъ знамя политическихъ правъ женщинъ. И вотъ примѣру его послѣдовалъ Колорадо и теперь въ этомъ штатѣ, населенномъ золотопромышленниками и рудовопами, женщины пользуются правами на выборахъ и сами могутъ быть избираемы на всѣ должности.

Рядомъ съ этими двумя американскими штатами слѣдуетъ поставить англійскую колонію, Новую Зеландію, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ полное политическое равенство мужчинъ и женщинъ стало свершившимся фактомъ. Въ этихъ британскихъ владѣніяхъ, насчитывающихъ около милліона жителей, нѣсколько разъ вносился въ парламентъ законопроектъ объ уравненіи политическихъ правъ женщины, но этотъ законопроектъ неизмѣнно отклонялся всякій разъ. Но въ декабрѣ 1893 года онъ, наконецъ, прошелъ большинствомъ двухъ голосовъ! Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ состоялись выборы въ парламентъ, состоящій изъ 74 членовъ. Надо было возобновить его составъ, и женщины принимали участіе въ выборахъ совершенно такъ же, какъ мужчины. Выборы прошли совершенно такъ же, какъ и прежде, никакихъ инцидентовъ не произошло и ожиданія многихъ въ этомъ отношеніи были обмануты.

Этотъ опытъ, произведенный у нашихъ антиподовъ, привелъ въ восторгъ англичанъ, сторонниковъ политическихъ правъ женщинъ. Надо замѣтить, что вообще австралійскія владѣнія англичанъ служатъ для нихъ мѣстомъ производства различныхъ политическихъ экспериментовъ. Испробовавъ тамъ какое-нибудь политическое нововведеніе и убѣдившись въ

его пригодности, англичане уже съ чистою совѣстью будутъ пропагандировать его у себя дома. Такъ и относительно правъ женщинъ. Намъ остается только подождать результатовъ этого опыта, и если онъ оправдаетъ ожиданія, то мы можемъ быть увѣрены, что дѣло англійскихъ женщинъ будетъ выиграно.

Докторъ Бернардо и его филантропическая дѣятельность въ Англии. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ одному лондонскому доктору, по имени Бернардо, практиковавшему въ бѣднѣйшихъ кварталахъ города, пришла благая мысль употребить маленький капиталъ, имѣвшійся у него въ распоряженіи, на устройство убѣжища для безпріютныхъ дѣтей. Доброму доктору приходилось ежедневно видѣть самыя ужасныя картины лондонской нищеты, наблюдать, какъ гибнутъ дѣти въ пучинѣ человѣческихъ бѣдствій, и у него сердце сжималось при видѣ несчастныхъ созданій, какъ бы съ самаго рожденія обреченныхъ на гибель. Онъ рѣшилъ по мѣрѣ своихъ силъ придти на помощь безпріютнымъ дѣтямъ и прежде всего дать имъ убѣжище. Съ этою цѣлью онъ арендовалъ въ самомъ бѣднѣйшемъ кварталѣ Восточнаго Лондона маленький домикъ и ежедневно, днемъ и ночью, разыскивалъ по улицамъ Лондона безпріютныхъ ребятешекъ и уводилъ ихъ къ себѣ. Онъ находилъ ихъ ночью подъ лѣстницами, подъ мостами и подъ воротами большихъ домовъ, дрежащихъ отъ холода и голода, и отводилъ ихъ въ свой пріютъ. Но этимъ докторъ Бернардо не ограничивался, онъ посѣщалъ и ночлежные пріюты и оттуда уводилъ дѣтей, спасая ихъ, такимъ образомъ, отъ вреднаго для нихъ вліянія того общества, какое они могли встрѣтить въ этихъ пріютахъ, гдѣ зачастую бывають въ ковецъ испорченные негодяи и пропойцы. Начавъ съ маленькаго дѣла, докторъ

Бернардо постепенно расширилъ его и въ настоящее время на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ одинъ убогій домикъ, служащій пріютомъ для дѣтей, разросся цѣлый городокъ, состоящій изъ хорошихъ домиковъ, окруженныхъ цалисадниками, которые могутъ уже пріютить до 4.000 дѣтей. Безпріютные мальчики и дѣвочки, которые на лондонскомъ уличномъ жаргонѣ называются «арабами», получаютъ здѣсь не только кровъ, пищу и одежду, но, кромѣ того, обучаются еще разнымъ ремесламъ и грамотѣ, что даетъ имъ возможность впоследствии зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ.

Примѣръ доктора Бернардо въ Лондонѣ нашелъ скорѣе подражателей и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ графствѣ Суссексъ основано очень хорошее, цѣлесообразное заведеніе для безпріютныхъ дѣтей. Заведеніе это состоитъ изъ тридцати маленькихъ домиковъ; каждый изъ этихъ домиковъ имѣетъ свой отдѣльный дворъ и садъ, гдѣ дѣти пріучаются къ садовымъ работамъ и могутъ играть и бѣгать вволю. Въ каждомъ домикѣ помѣщается до двѣнадцати дѣтей, мальчиковъ или дѣвочекъ, и хозяйка-мать, которая смотритъ за ними и руководитъ ихъ занятіями и играми и завѣдуетъ хозяйствомъ. Посреди небольшой площади, которую окружаютъ эти тридцать домиковъ, возвышается зданіе школы, гдѣ помѣщается также церковь и квартира директора учрежденія. Такое же точно заведеніе для мальчиковъ открыто въ настоящее время на островѣ Джерсей и въ графствѣ Кентъ, для совсемъ маленькихъ дѣтей, которыхъ не принимаютъ въ другіе пріюты по малолѣтству.

Филантропическая дѣятельность доктора Бернардо не ограничилась только устройствомъ убѣжища для безпріютныхъ дѣтей въ Лондонѣ; онъ еще устроилъ специальную больницу для

бѣдныхъ дѣтей, постоянный дворъ для рабочихъ, рабочій домъ для юношей, возрастъ которыхъ уже не позволяетъ принимать ихъ въ пріюты, и, наконецъ, пріютъ для служанокъ. Всѣ эти заведенія, устроенныя докторомъ Бернардо, поддерживаются добротными приношеніями, идущими чуть ли не изъ волею странъ свѣта. Никакого фонда и капиталовъ у этихъ заведеній не имѣется. Около 18.000 мальчиковъ и дѣвочекъ уже своевременно спасены этими учрежденіями отъ угрожавшей имъ нравственной и физической гибели. Многимъ изъ нихъ дана полная возможность зарабатывать себѣ средства къ жизни честнымъ трудомъ. Въ Шотландіи, Америкѣ и Австраліи можно уже встрѣтить не мало бывшихъ воспитанниковъ этихъ заведеній, добившихся даже извѣстнаго матеріальнаго благосостоянія. Кромѣ того докторъ Бернардо устроилъ съ помощью своихъ друзей и единомышленниковъ эмиграціонный комитетъ, цѣль котораго—помочь молодежи, эмигрирующей изъ Англіи въ другія части свѣта. Комитетъ беретъ на себя заботу объ устройствѣ молодыхъ эмигрантовъ и о нахожденіи имъ занятій. Такимъ образомъ, филантропическая дѣятельность доктора Бернардо разрослась очень широко, хотя и началъ онъ дѣло съ очень маленькаго учрежденія, основаннаго на очень скромныхъ средствахъ.

Бельгійскій свободный университетъ. Въ Брюсселѣ въ этомъ году открывается новый университетъ или высшая образовательная школа—«Institut des hautes études», основанная съ цѣлью дать возможность молодежи обою пола получить самое широкое и наиболѣе удовлетворяющее потребностямъ современной жизни, образованіе. Идея основанія этой школы возникла вслѣдствіе недовольства брюссельскимъ университетомъ и существующими въ немъ порядками. Ста-

рый университет высказал слишком большую косность и партийность. В последнее время и вообще предрасудки в нем утвердились так сильно, что у людей, признающих необходимость широкого образования, свободного от всякого сектантского, партийного духа, непременно должна была родиться мысль о необходимости такого учреждения, которое создавало бы свободную, здоровую и укрепляющую атмосферу для молодежи и подготавлило бы ее к выполнению предстоящих ей социальных обязанностей. Мысль эта приведена в исполнение. Комитет, в состав которого вошли: Эдмонд Пикарь, Поль Жаксон и др., уже в марте месяца этого года опубликовал воззвание к обществу, в котором излагал свои взгляды на старый университет, представляющийся отжившим учреждением, и знакомил общество с теми воспитательными целями, которые преследуются основателями нового университета.

Являясь вполне свободным от всяких предрасудков и предубеждений учреждением, новый университет широко открывает свои двери женщинам. Один из основателей этого университета, Эдмонд Пикарь, говорит по этому поводу: «Если даже допустить, что женская половина рода человеческого отличается от мужской способом мышления, иначе мыслить, верить и действовать, то все же нельзя отнимать у нея право на образование, на то, чтобы и для нея была открыта сокровищница знаний, без всяких ограничений». Эдмонд Пикарь обещает братское гостеприимство женщинам в новом храме науки, где в лиц женщины будут видеть не одних только хозяек и т. д., а настоящих сотрудников мужчины во всех делах, волнующих современное общество».

Все, желающие учиться, могут по-

лучить доступ в университет; путем же частных лекций университет стремится сделать науку доступной и для рабочих масс Бельгии. Программа преподавания в новом университете значительно шире программы старого университета. В октябре должны открыться только два факультета, юридический и литературно-философский. Нововведением на юридическом факультете является преподавание психиатрии, анатомии и физиологии, а на литературно-философском — истории, энциклопедии и философии искусства. Любопытно всего, что основатели этого университета замышляют устроить некоторые факультеты университета не в Брюсселе, а в других городах. Между прочим, технический факультет предполагается основать в Шарлеруа, главным промышленным центром Бельгии, а медицинский и естественный — в Антверпене. Университет будет состоять из двух отделов: первый — свободная школа высшего образования, второй — институт высших наук. Второй отдел и устроен именно с целью дополнения к официальным программам и предметы лекций в этом отделе будут распадаться на три разряда: науки описательные, науки отвлеченные и изящные, свободные и технические искусства. Вообще инициаторы этого дела стремятся к тому, чтобы образование, получаемое в этом университете, носило самый энциклопедический, философский характер, причем дается возможность получать также и специальное образование.

Бельгийское общество сочувственно относится к идеям этого университета, так что основатели его смело могут рассчитывать на поддержку общества. Жажда знания растет все сильнее и проникает во все общество, и призывает великодушных деятелей народного образования, ко-

нечно, не останется въ Бельгiи «глазомъ вопiющаго въ пустыню».

Японскiе журналисты и печать. Со времени корейской войны общественное мнѣнiе Европы, заинтересованное событiями на дальнемъ востокѣ, обнаружило также живой интересъ и къ людямъ и учрежденiямъ этихъ далекихъ окраинъ. Японiя привлекаетъ къ себѣ особенное вниманiе европейцевъ, что вполне естественно, такъ какъ эта страна въ теченiе послѣднихъ двадцати лѣтъ сдѣлала большiе успѣхи въ дѣлѣ усвоенiя европейской цивилизацiи и прогресса. Японiя ввела у себя европейскiй образъ правленiя, европейскую административную и судебную систему и т. п. Къ числу нововведенiй въ Японiю принадлежатъ также и печать, представляющая совершенно молодое учрежденiе. Надо, впрочемъ, сознаться, что въ этомъ отношенiи Японiя не достигла такихъ огромныхъ успѣховъ, какихъ она достигла въ другихъ отрасляхъ, и это понятно—нельзя вѣдъ создать внезапно по желанiю журналистовъ и общественное мнѣнiе въ странѣ, въ которой не было на того, ни другого въ теченiе столь долгаго времени. Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, выводить заключенiе, что газетъ мало въ Японiи. Напротивъ, онѣ тамъ изобилуютъ. Недостатокъ, пожалуй, ощущается только въ читателяхъ. Въ 1891 году число политическихъ газетъ, ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и т. п., достигало 180, но включая сюда 167 газетъ, специально трактующихъ о коммерческихъ и сельскохозяйственныхъ вопросахъ, 172 литературныхъ органовъ, 68—религиозныхъ (преимущественно буддистскихъ), 45—гигиеническихъ и медицинскихъ, 13—юридическихъ, 79—педагогическихъ, 11—политико-экономическихъ и одинъ военный журналъ. Съ каждымъ годомъ число этихъ газетъ, журналовъ

и т. п. возрастало и въ настоящее время достигаетъ уже 900.

Въ противоположность Китаю, гдѣ, кромѣ пекинской газеты и нѣкоторыхъ другихъ такихъ же официальныхъ газетъ, почти всѣ органы печати основаны иностранцами и даже по сейчасъ редактируются и издаются ими, въ Японiи всѣ газеты и журналы находятся въ рукахъ японцевъ, конечно, исключая четырехъ или пяти англiйскихъ газетъ, издающихся въ резиденцiяхъ англiчанъ.

Недостатокъ въ читателяхъ, однако, дѣлаетъ существованiе японской печати крайне непрочнымъ, поэтому-то и профессiя журналиста въ Японiи плохо оплачивается. Рѣдко, когда редакторъ какого-нибудь органа получаетъ около ста иенъ въ мѣсяцъ (около двухсотъ рублей); это самый высшiй заработокъ, котораго можетъ достигнуть журналистъ въ Японiи, и то лишь въ такомъ случаѣ если органъ, въ которомъ онъ работаетъ, очень распространѣнъ. Въ большинствѣ случаевъ заработокъ японскаго журналиста колеблется между 30—60 иенъ въ мѣсяцъ, многiе же журналисты работаютъ даромъ, только изъ любви къ искусству. Почти всѣ журналы въ Японiи составляютъ собственность типографчиковъ. Редакторы пяти главныхъ газетъ въ Токио получаютъ, одинъ—шестьдесятъ иенъ въ мѣсяцъ, два другихъ по тридцати, а двое работаютъ даромъ. Главою всѣхъ японскихъ журналистовъ съ точки зрѣнiя заработка слѣдуетъ считать нѣкоего Такагаша Кеицэ, редактора «Osaka Asahi»—«Восходящее солнце Асахи», получающаго до двухсотъ иенъ въ мѣсяцъ.

Въ Японiи рѣдко журналисты достигаютъ какого-нибудь высокаго общественного положенiя и могутъ путемъ журналистики устроить себѣ карьеру. Впрочемъ, четверо бывшихъ журналистовъ занимаютъ въ настоящее время важныя должности—одинъ изъ нихъ ди-

ректоръ банка «Minegi», главнѣйшаго финансоваго учрежденія страны—но достигли они этого положенія, конечно, не вслѣдствіе своего занятія журналистикою.

Изъ числа всѣхъ газетъ и журналовъ не болѣе двѣнадцати, выходящихъ въ Токио, имѣютъ вліяніе на общественное мнѣніе. Названная газета «Осака Асахи» выходитъ въ количествѣ 30.000 экземпляровъ—это самое большое число, въ среднемъ же японскія газеты выходятъ не больше, какъ въ количествѣ 3.000 экземпляровъ.

Официознымъ органомъ японскаго правительства считается «Niti-Niti», другія же газеты въ большинствѣ случаевъ, служатъ выразительницами не общественнаго мнѣнія, а лишь мнѣнія какой-нибудь отдѣльной группы депутатовъ, а иногда просто какого-нибудь одного депутата, на средства котораго издается газета. Вслѣдствіе такого положенія вещей вліяніе журналистики на общественное мнѣніе весьма ограничено. Но, какъ мы уже сказали раньше, сразу не создаются журналисты и общественное мнѣніе, быстрый же ходъ японскаго прогресса позволяетъ надѣяться, что въ скоромъ времени журналистика займетъ подобающее ей положеніе въ странѣ и явится дѣйствительно выразительницею и руководительницею общественнаго мнѣнія.

Американскій способъ раздѣленія океанскихъ судовъ на двѣ части для пропуска ихъ черезъ шлюзы. Судоходство по внутреннимъ водамъ Сѣверной Америки достигло такого развитія въ послѣднее время, что явилась потребность въ постройкѣ цѣлой сѣти соединительныхъ кана-

ловъ, по которымъ суда могли бы попадать внутрь страны. Несмотря, однако, на глубину каналовъ и величину шлюзовъ, по нимъ все-таки могли проходить лишь легко нагруженные и притомъ небольшія суда. Вслѣдствіе этого строительныя верфи на большихъ озерахъ не могли строить большихъ океанскихъ судовъ, такъ какъ доставка ихъ къ морю была невозможна. Но кораблестроительные инженеры въ Мичиганѣ придумали какъ обойти это препятствіе; они изобрѣли способъ раздѣленія большихъ судовъ. У входа въ каналъ Юлондъ, соединяющій озера Эри и Онтарио большіе суда раздѣляются на двѣ части и затѣмъ снова соединяются въ одно цѣлое при выходѣ въ море, въ докахъ Монреаля. Первое построенное и доставленное этимъ способомъ въ Монреаль судно, вѣсомъ въ 200.000 пудовъ, длиною въ 43 сажени и шириною въ восемь сажень было опущено въ озеро Мичиганъ въ 1890 году. Выйдя изъ строительной верфи, пароходъ шелъ со скоростью 12 узловъ въ часъ и прибылъ въ Буффало. Здѣсь онъ былъ разъединенъ на двѣ части, для чего его вытащили на берегъ на наклонной плоскости. И затѣмъ раздѣлили, причемъ въ каждой изъ частей устроили въ плоскости раздѣла непроницаемыя переборки. Листы боковой обшивки защищены были толстыми досками, и затѣмъ обѣ части судна спущены въ воду. Задняя часть судна шла самостоятельно, при помощи собственныхъ машинъ, передняя же двигалась на буксирѣ особаго парохода. Пройдя черезъ 43 шлюза, обѣ части судна прибыли на одиннадцатый день плаванія въ Монреаль.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(«Century Magazine», «Revue de Paris», «Review of Reviews», «Revue des Revues»).

«Century Magazine» — «Revue de Paris». Искусство разговаривать всегда считалось неотъемлемою принадлежностью французовъ и только въ послѣднее время возникло предположеніе, что это искусство стало падать и что въ Парижѣ уже не существуетъ болѣе такихъ салоновъ, гдѣ бы процвѣталъ настоящій французскій разговоръ, блестящій, остроумный, касающійся всего, но ни на чемъ не останавливающійся долго. Нѣкогда такіе салоны царили въ Парижѣ и не смотря на то, что разговоръ въ этихъ салонахъ всегда только скользилъ, не проникая въ сущность предмета, многіе серьезные перевороты, какъ въ общественной жизни, такъ и въ области литературы и искусства подготовлены были въ такихъ салонахъ. Въ модахъ законодательницами также являлись изящныя посѣтительницы салоновъ. Г-жа Бентсонъ, авторъ статьи, посвященной этому предмету въ «Century Magazine», находитъ несправедливымъ обвиненіе современныхъ французовъ въ томъ, что они разучились разговаривать. Она говоритъ, что «разговорные» салоны существуютъ еще и теперь въ Парижѣ, только, быть можетъ, вліяніе ихъ уже не такъ сильно отражается на общественной жизни Франціи и ея литературѣ, какъ прежде. Г-жа Бентсонъ описываетъ нѣсколько такихъ современныхъ французскихъ салоновъ, напримѣръ, салонъ принцессы Матильды. Во времена второй имперіи этотъ салонъ пользовался самою блестящею репутаціею. Доступъ въ него всегда былъ труденъ, такъ какъ принцесса очень ограничиваетъ кругъ своихъ приглашенныхъ, но тѣмъ не менѣе, салонъ ея открытъ для всѣхъ истинныхъ любителей и представителей искусства и литературы. Принцесса сама художница и поэтому выказываетъ

особенное расположеніе къ поэтамъ и художникамъ и многимъ изъ вышнѣшнихъ знаменитостей она облегчила первые шаги на избранномъ ими пути и помогла скорѣе достигнуть славы. Хотя блестящее время ея салона миновало вмѣстѣ съ имперіей, тѣмъ не менѣе и теперь вокругъ нея собираются люди, оставшіеся ей вѣрными, несмотря на политическіе перевороты, послѣдніе сторонники павшей имперіи или же знаменитости дня, поэты — какъ Жозе-Марія Гередія, романисты — какъ Поль Бурже, артисты — какъ Дусе и Бенаръ, критики и писатели разныхъ отбѣнокъ. Хозяйка, одинаково любезна со всѣми и, не смотря на свои годы, сохранила еще ту обворожительную грацію, которая такъ привлекала къ ней сердца посѣтителей ея салона въ былыя времена. Разговоръ ведется непринужденно, но, тѣмъ не менѣе, гости все-таки помнятъ, что они въ гостяхъ у принцессы императорской фамиліи, да и сама принцесса при случаѣ не прочь объ этомъ напомнить. Когда Тэнъ напечаталъ извѣстную характеристику личности Наполеона I, дяди принцессы, то принцесса немедленно отказала ему отъ дома, пославъ ему свою визитную карточку съ тремя многозначительными буквами: Р. р. С. (roug prendre songé). Тэнъ, который былъ завсегдаемъ салона принцессы, долго не могъ утѣшиться послѣ этого. — «Ну что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?» спрашивалъ онъ Ренана, который также былъ своимъ человѣкомъ у принцессы Матильды. — «Мой милый Тэнъ, — отвѣчалъ ему Ренанъ, — изъ любви къ тому, что я считаю истиной, я поссорился съ дамой, которая знатнѣе всѣхъ принцессъ на свѣтѣ — съ церковью!»

Другой салонъ, описываемый г-жею Бентсонъ, это салонъ г-жи Обернонъ-

де-Нервилль, въ которомъ сохранились лучшія традиціи XVIII вѣка. Г-жу Обернонь и ея матъ въ парижскомъ обществѣ называютъ «*Résineuses gâdicales*», такъ какъ онѣ обѣ убѣжденныя республиканки. Г-жа Обернонь даетъ обѣдъ каждую субботу въ своемъ прекрасномъ отелѣ въ улицѣ Асторжъ, но на этомъ обѣдѣ никогда не присутствуетъ болѣе десяти чело-вѣкъ. Выборъ приглашенныхъ на обѣдъ всегда очень обдуманнѣй; хозяйка имѣетъ въ виду, чтобы на ея обѣдѣ присутствовало всегда только одно лицо, умѣющее вести разговоръ—«*grand sauteur*»: ему-то и предназначается первая роль за обѣдомъ. Двое такихъ лицъ, одинаковой силы въ искусствѣ вести разговоръ, по мнѣнію хозяйки, только будутъ мѣшать другъ другу. Но, разумѣется, нуженъ еще и такой собесѣдникъ, который бы съумѣлъ поддержать разговоръ, подхватить брошенную ему на лету остроуту, отвѣтить тѣмъ же, однимъ словомъ, который «не полѣзъ бы за словомъ въ карманъ». Для этой второстепенной роли предназначается какой-нибудь молодой поэтъ или романистъ, не слишкомъ влюбленный въ себя. Остальные гости—свѣтскіе люди, умѣющие слушать и во время вмѣшиваться въ разговоръ и двѣ-три дамы, не болѣе, которыя должны оживить своимъ присутствіемъ общество, но отнюдь не должны монополизировать вниманіе гостей. При такомъ искусствѣ подборъ гостей въ салонѣ г-жи Обернонь, дѣйствительно, можно услышать настоящій парижскій разговоръ, остроумный, блестящій, бѣгло скользящій даже по серьезнымъ вопросамъ, но все-таки затрогивающій всѣ тѣмы, сколько-нибудь интересующія парижское общество. Звѣздой первой величины въ этомъ салонѣ былъ нѣкогда Ренанъ, который всегда отличался особеннымъ искусствомъ вести разговоръ. Дюма-сынъ, разговоръ, котораго представляетъ настоящій фейерверкъ

остроумія, драматическій писатель Анри Беккъ, Жюль Симонъ, Брюнетьеръ, Шербюлье—все это всегда-таи салона г-жи Обернонь. Эмиль Дешанель характеризовалъ слѣдующимъ образомъ парижскій разговоръ: «Въ десятиминутномъ парижскомъ разговорѣ, — сказалъ онъ — заключается болѣе идей, образовъ и чувствъ всякаго рода, нежели въ трехдневномъ разговорѣ провинціальномъ».

Салонъ г-жи Обернонь не служитъ преддверіемъ академіи, но тѣмъ не менѣе многіе избранные уже академики и лица, пользующіяся ихъ расположеніемъ, встрѣчаются въ этомъ салонѣ и обсуждаютъ между собою предстоящіе выборы и кандидатуры на вакантное кресло. Когда Пальеронъ написалъ свою извѣстную комедію «*Le monde ou l'on s'enpique*», то злые языки стали утверждать, что онъ изобразилъ салонъ г-жи Обернонь въ этой пьесѣ, но г-жа Обернонь, до которой дошли эти слухи, увидавъ пьесу на сценѣ, сказала автору: «Говорятъ, что вы хотѣли насъ изобразить въ своей пьесѣ. Но это вздоръ; вы вѣдь сами знаете, что мы представляемъ не «міръ скуки» а «міръ веселья», не правда ли?»

Молодежь имѣетъ доступъ въ салонъ, но многимъ изъ нихъ г-жа Обернонь не можетъ простить безцеремоннаго обращенія съ французскимъ языкомъ; она не любитъ декадентства и осуждаетъ мистицизмъ и метафизическую темноту. «Я люблю имѣть твердую почву подъ ногами», говоритъ она.

Г-жа Бентсонъ описываетъ еще нѣсколько парижскихъ салоновъ, столь же посѣщаемыхъ, какъ и салонъ г-жи Обернонь. Между прочимъ, у Альфонса Доде существуетъ нѣчто вроде такового же собранія по четвергамъ, но салонъ замѣняется бібліотеккой, куда собираются литераторы и художники. Между литераторами встрѣчаются и

представители декадентской *) школы, например, Маларме.

Любопытно, что женщины, которым удавалось создать салонъ, пользовавшийся болѣе или менѣе репутаціею «bureau d'esprit» (бюро ума), были большею частью одинокія женщины, вдовы, незамужнія. Всѣ блестящіе салоны XVII и XVIII вѣка, безъ исключенія, были устроены именно такими женщинами. Впрочемъ, у г-жи Жоффренъ былъ мужъ, но онъ былъ настолько незамѣтенъ, что никто изъ философовъ, посѣщавшихъ ея салонъ, почти не зналъ его въ лицо и не замѣтилъ его отсутствія, когда онъ умеръ.

Въ заключеніе своей интересной статьи г-жа Бентсонъ говоритъ, что совершенно напрасно предполагаютъ, что демократическое теченіе жизни дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на искусство разговаривать и мѣшаетъ существованію салоновъ. Въ республиканской Франціи, какъ и въ монархической, продолжаетъ процѣтать разговорный талантъ; кромѣ того, по словамъ г-жи Бентсонъ, нигдѣ не умѣютъ такъ хорошо разговаривать, какъ въ республиканской Америкѣ. Но въ Америкѣ разговорный талантъ представляетъ, главнымъ образомъ, достояніе женщинъ—мужчины тамъ не отличаются этимъ искусствомъ, за небольшими лишь исключеніями. Быть можетъ, это объясняется исключительно дѣловой жизнью, поглощаю-

щею все ихъ вниманіе; американки же изощряются въ искусствѣ говорить въ своихъ клубахъ и на митингахъ, гдѣ рѣчь заходитъ о всевозможныхъ предметахъ, литературныхъ, социальныхъ и т. п. Женщины пріучаются на этихъ митингахъ говорить въ публикѣ, выражаться ясно и просто и оспаривать возраженія логично и безъ лишняго жара.

Къ числу людей, обладающихъ въ высокой степени разговорнымъ талантомъ, принадлежалъ Викторъ Гюго. Въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, напечатанныхъ въ «Revue de Paris», Жюль Клареси говоритъ, что Викторъ Гюго очаровывалъ своимъ разговоромъ всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Онъ владѣлъ въ совершенствѣ этимъ, чисто-французскимъ даромъ и каждый, кому приходилось слушать его, уходилъ отъ него восхищенный. «Это были чудныя бесѣды», говоритъ Клареси. Викторъ Гюго съ легкостью переходилъ отъ одной тѣмы къ другой, отъ Шарля Нодье къ Данте, отъ воспоминаній объ Испаніи или Вандей къ мечтамъ о будущемъ, и въ каждомъ его словѣ просвѣчивалъ гений и громадный, изумительно острый умъ. У него былъ очень оригинальный способъ выраженія. «Перелистывайте меня!» (feuilletez moi)—говорилъ онъ Клареси.—Когда меня не будетъ, вы расскажете, что говорилъ вамъ старикъ «послѣ выпивки» (après boire). Это слово «après boire» онъ всегда произносилъ нѣсколько насмѣшливымъ тономъ, ибо всегда хвастался тѣмъ, что во всю свою жизнь не выпилъ даже одного литра какого-нибудь спиртнаго напитка.

Извѣстно, что Викторъ Гюго отказался вернуться во Францію, пока тамъ существовала имперія. Но Седанская катастрофа, несчастія, обрушившіяся на страну, вернули его на родину. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ какъ разъ наканунѣ осады. Увидѣвъ въ первый разъ послѣ двѣнадцати-

*) «Декадентской» называется новая литературная школа во Франціи, работавшая совершенно особые приемы литературнаго творчества и заимствовавшая свое названіе отъ слова «décadence»—упадокъ. Представители этой школы пишутъ необыкновенно вычурнымъ языкомъ, возводятъ символъ на первое мѣсто и въ стихахъ ищутъ не мысли, а такой комбинаціи гласныхъ и согласныхъ буквъ, которая производила бы извѣстное впечатлѣніе на слуховые органы. Въ рецензіи о книгѣ Винъ «Цвѣтной слухъ» мы уже имѣли случай говорить о декадентахъ.

лѣтнаго изгнанія французскихъ солдатъ, поэтъ не могъ сдержать слезъ. «Увидѣть снова Францію,—воскликнулъ онъ,—но увидѣть ее въ рукахъ непріятеля!.. Увидѣть ее низведенной, быть можетъ, на степень, на которой она находилась во времена Людовика XIII!»

Громадная толпа народа дождала поэта у вокзала желѣзной дороги, но, какъ только раздались привѣтствія, онъ крикнулъ: «Тихе!» и указалъ на вагоны, въ которыхъ везли раненыхъ и изъ которыхъ сочились на дорогу кровь! «Поклонитесь раненымъ!» сказалъ онъ, обращаясь къ толпѣ и быстро вышелъ изъ вокзала.

Поселившись въ Парижѣ, въ маленькомъ отелѣ, Викторъ Гюго бодро пережилъ тяжелыя времена осады и коммуны. Ничто, повидимому, не могло повліять на его склонность къ оптимизму и хорошее настроеніе. Его друзья часто посѣщали его, наслаждаясь его удивительно остроумной и занимательной бесѣдой. Въ искусствѣ вести бесѣду Викторъ Гюго рѣшительно не имѣлъ себѣ равнаго, и даже такіе увлекательные собесѣдники какъ Сентъ-Бѣвъ и Ренанъ, должны были уступить ему пальму первенства. Все обращеніе Виктора Гюго и его разговоръ дышали глубокою доброю; форма рѣчи всегда была безукоризненна и изысканно вѣжлива, но временами въ его словахъ сквозила какая-то чисто патріархальная иронія. Онъ очень любилъ огоршить своего собесѣдника какимъ-нибудь неожиданнымъ замѣчаніемъ. Такъ, однажды, онъ сказалъ Виктору Шельхеру: «Знаете ли, Шельхеръ, никакой политической вражды, въ сущности, не бываетъ, бываетъ только литературная вражда!» Ренанъ вернувшійся съ острова Капри, посѣтилъ Виктора Гюго и тотъ его встрѣтилъ слѣдующими словами: «Вы, вотъ, Ренанъ, слѣдали какія-то необыкновенныя открытія въ богословіи, а между тѣмъ, вамъ на-

вѣрное неизвѣстно, что Дюфоръ уже болѣе не первый министр. Не правда ли, вы этого не знали?» Ренанъ, дѣйствительно, ничего объ этомъ не зналъ.

Викторъ Гюго пользовался желѣзнымъ здоровьемъ, хотя ростъ очень хилымъ и слабымъ ребенкомъ. Онъ самъ описалъ это въ своихъ стихотвореніяхъ «Feuilles d'Automne». Но въ семьдесятъ лѣтъ онъ очень любилъ говорить слѣдующее: «Въ естественной исторіи извѣстны только три замѣчательныхъ желудка: желудокъ акулы, желудокъ утки и желудокъ Виктора Гюго!» Ему было 76 лѣтъ, когда его подробно осмотрѣлъ знаменитый врачъ Жерменъ Сес, сказавшій послѣ этого:

— Еслибъ я не зналъ, кто мой пациентъ и мнѣ предложили бы его изслѣдовать въ темной комнатѣ, то я непрежѣнно вывелъ бы заключеніе, что имѣю дѣло съ человѣкомъ, которому не болѣе сорока лѣтъ.

Любовь Виктора Гюго къ дѣтямъ хорошо извѣстна. Сколько разъ его видали въ скверѣ, окруженнымъ дѣтьми, которымъ онъ рассказывалъ сказки. Маленькія дѣти знали его и всегда ожидали его появленія съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Тогда шли нескончаемые рассказы и Виктору Гюго зачастую приходилось просить пощады у своихъ слушателей, которые требовали отъ него все новыхъ и новыхъ сказокъ.

Со времени своего изгнанія Викторъ Гюго ни разу не являлся въ академію и однажды, когда онъ захотѣлъ отправиться туда для участія въ выборахъ въ пользу Дюма-сына, то привратникъ у входа въ залу засѣданія остановилъ его:

— Куда вы идете?—спросилъ привратникъ Виктора Гюго.

— Въ залу засѣданій,—отвѣчалъ тотъ.

— Но, милостивый государь, сюда впускаютъ только членовъ академіи.

— Я знаю.

— Но, такъ какъ вы не академикъ...

— Прощу прощенія, почтеннѣйшій, но я академикъ...

Привратникъ пожалъ плечами и съ ироническою улыбкою замѣтилъ:

— Милостивый государь, я уже двадцать лѣтъ служу здѣсь привратникомъ и всѣхъ членовъ академіи знаю въ лицо. Безполезно...

— Прощу прощенія, — возразилъ поэтъ, но я 24 года не ступалъ сюда ногой. Меня зовутъ Викторъ Гюго.

— Викторъ Гюго? Позвольте! Да, да, кажется, у насъ есть такой... Превосходно!.. Проходите, милостивый государь.

Изъ цѣлаго ряда всевозможныхъ воспоминаній и разсказовъ о Викторѣ Гюго, которые появились во французской литературѣ послѣ смерти поэта, упомянутыя воспоминанія Жюля Клареси выдаются именно потому, что авторъ рисуетъ намъ интимную жизнь человѣка, котораго онъ хорошо зналъ и котораго очень любилъ.

«Review of Reviews». Въ Антверпенѣ существуетъ очень интересный музей, устроенный въ честь Плантена, знаменитаго типографщика XVI вѣка. «Review of Reviews» заимствуетъ описаніе этого музея изъ голландскаго журнала «Veelhaagen» и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о жизни и дѣятельности учредителя перваго и самаго обширнаго типографскаго заведенія въ Антверпенѣ. Христофоръ Плантенъ родился близъ Тура въ 1514 году и только въ 1549 году переселился въ Антверпенъ, гдѣ сперва занимался переплетнымъ мастерствомъ. Въ этомъ мастерствѣ онъ достигъ большого совершенства и его кожаные переплеты славились во всей странѣ. Но однажды поздно вечеромъ, когда онъ возвращался домой, на него напали какіе-то люди, которые, очевидно, приняли его за кого-то другого, и тяжело его ранили въ руку.

«миръ воиѣ», № 11, ноябрь.

Результатомъ этой раны явилась такая слабость руки, что онъ уже не могъ болѣе работать такъ, какъ прежде, и рѣшилъ открыть типографское заведеніе, которое очень быстро разрослось и въ 1562 году уже приобрѣлъ громкую извѣстность. Но тутъ опять Плантена постигла неудача; его обвинила инквизиція въ печатаніи еретическихъ книгъ. Въ домѣ его произведенъ былъ обыскъ, конфискованы книги, но ему самому удалось бѣжать въ Парижъ, гдѣ, на деньги, вырученныя его друзьями отъ продажи его имущества въ Антверпенѣ, онъ открылъ книжную лавку. Когда опасность миновала, онъ снова вернулся въ Антверпенъ. У Плантена было пять дочерей, но ни одного сына, и поэтому, помощниками его въ типографскомъ дѣлѣ сдѣлались мужья его дочерей. Одинъ изъ нихъ, Жанъ Моретусъ, былъ представителемъ антверпенской типографской фирмы Плантена за границей. Величайшимъ дѣломъ Плантена, стяжавшимъ ему громкую извѣстность, было напечатаніе и изданіе Библии на нѣсколькихъ языкахъ—«Biblia Polyglotta». Мысль издать такую библію явилась у Плантена въ 1566 году и время благопріятствовало этому предпріятію, ибо реформація возбудила интересъ къ священному писанію. Испанскій король Филиппъ, по совѣту кардинала Гранвеллы, рѣшилъ оказать поддержку антверпенскому типографщику и послалъ ему крупную сумму денегъ вмѣстѣ со своимъ придворнымъ капелланомъ, которому поручено было руководить этимъ предпріятіемъ. Восемь томовъ библии, превосходно изданныхъ, вышли въ свѣтъ между 1569—1573 гг. Довольный этимъ, король далъ Плантену монополію на печатаніе священныхъ книгъ во всѣхъ земляхъ испанской короны.

Однако, такой успѣхъ все-таки не далъ возможности Плантену составить себѣ состояніе и въ 1573 г. онъ обанкротился и уѣхалъ изъ Антверпена

въ Лейденъ, гдѣ снова попробовалъ основать типографію. Поручивъ эту типографію своему зятю, Плавтенъ опять вернулся въ Антверпенъ, гдѣ и умеръ въ 1589 году.

Въ 1876 году Антверпенъ приобрѣлъ домъ, гдѣ было вѣогда типографское заведеніе Плавтена, и устроилъ въ немъ музей. Въ этомъ музеѣ все такъ устроено, какъ было во времена Плавтена, и сохранена прежняя обстановка типографіи въ полной неприкосновенности. Посѣтители музея, конечно, съ интересомъ осматриваютъ эту обстановку, прежніе типографскіе станки, шрифтъ и т. д. Въ комнатахъ для чтенія корректуръ и въ лавочкѣ при типографіи собраны, по возможности, всѣ предметы, составлявшіе принадлежность прежней обстановки этихъ комнатъ. Между прочимъ, тамъ можно найти старинные портреты, рисованные Рубенсомъ. Слѣдующій фактъ указываетъ, какъ быстро разрослось типографское дѣло въ Антверпенѣ: когда Плавтенъ открылъ свое заведеніе, то у него было всего лишь семь станковъ, но черезъ десять лѣтъ въ его типографіи уже дѣйствовало 15 станковъ, а въ 1572 году—22. Плавтенъ отличался безкорыстною преданностью своему дѣлу, любилъ его и вслѣдствіе заботился о его усовершенствованіи. Онъ предсказывалъ великую будущность печатному дѣлу. Авторъ замѣтки о Плавтенѣ въ голландской газетѣ говоритъ, что ко всей его жизни можно смѣло примѣнить слѣдующій девизъ: «*Labore et constantia*».

«*Review of Reviews*» помѣщаетъ извлеченіе изъ статьи г-жи Франсисъ Лоу, напечатанной въ журналѣ «*Strand*», гдѣ затрагивается крайне интересный вопросъ о разницѣ литературныхъ вкусовъ прошлаго и нынѣшняго молодого поколѣнія Англіи. Г-жа Франсисъ Лоу сообщаетъ свѣдѣнія, полученные ею отъ 300 маль-

чиковъ и 150 дѣвочекъ, посѣщающихъ школы и принадлежащихъ въ среднему и высшему классу населенія. Свѣдѣнія эти получены черезъ учителей и учительницъ, которые раздавали своимъ воспитанникамъ листки и просили ихъ отмѣтить на этихъ листкахъ своихъ любимыхъ авторовъ. Сравнивая полученные данныя съ тѣми, которыя извѣстны относительно любимого чтенія прошлаго поколѣнія, г-жа Франсисъ Лоу приходитъ къ заключенію, что вкусы сильно измѣнились. «*Робинзонъ Крузо*», «*Арабскія сказки*» далеко уже не занимаютъ прежняго мѣста, а между тѣмъ, именно эти книги были любимымъ чтеніемъ въ дѣтствѣ Джона Бернса, Габриеля Россетти, профессора Гексли, путешественника Стэнли и многихъ другихъ лицъ, ставшихъ теперь знаменитыми. Гладстонъ въ дѣтствѣ также любилъ арабскія сказки «*Тысяча и одна ночь*», но рассказы Вальтеръ-Скотта онъ отдавалъ предпочтеніе передъ «*Робинзономъ Крузо*». Измѣненіе литературныхъ вкусовъ молодого поколѣнія совершилось далеко не къ лучшему, по мнѣнію г-жи Франсисъ Лоу, и она сожалѣетъ о томъ, что литературный вкусъ молодого поколѣнія Англіи воспитывается теперь на такихъ произведеніяхъ, которыя отличаются вульгарностью стилиа и полнымъ отсутствіемъ героическаго и возвышеннаго элемента. Популярность такихъ произведеній указываетъ на деморализацію литературнаго чувства въ англійскомъ обществѣ. Вѣрны ли выводы г-жи Франсисъ Лоу, можетъ рѣшить только всестороннее изслѣдованіе этого вопроса, такъ какъ показаній 450 учениковъ, конечно, недостаточно для того, чтобы произнести приговоръ всему молодому поколѣнію, но во всякомъ случаѣ попытка прослѣдить эволюцію литературныхъ вкусовъ въ современномъ поколѣніи заслуживаетъ вниманія, и было бы интересно, если бы она была

произведена въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ.

«Revue des Revues». Молодой итальянскій ученый Сцимю Сигеле, авторъ известнаго сочиненія «Преступная толпа», напечаталъ небольшую, но интересную статью въ «Revue des Revues» о физиологическомъ успѣхѣ. Авторъ не считаетъ искреннимъ презрѣнiе, высказываемое многими къ суду публики, за исключенiемъ развѣ только патологическихъ случаевъ мизантропiи. Человѣкъ всего болѣе добивается успѣха и доставить успѣхъ ему можетъ только собранiе людей. Заставить говорить о себѣ составляетъ идеалъ не только мелкихъ натуръ, тщеславныхъ посредственностей, но это великiй и законный идеалъ самыхъ скромныхъ и сильныхъ мыслителей. Разница заключается лишь въ средствахъ къ достиженiю этого идеала. Каждый авторъ хочетъ, чтобы читали его статью, чтобы аплодировали его пьесѣ, художникъ мечтаетъ о томъ, чтобы восхищались его картиной, статуей. И это вполне естественно! Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, подъ влиянiемъ всепоглощающей страсти, человѣкъ можетъ помышлять, какъ герой одного произведенiя итальянскаго писателя Аннунцио, о томъ, чтобы навпечатать книгу въ «единственномъ экземплярѣ» и посвятить ее «единственной женщинѣ», такъ чтобы никто болѣе въ мiрѣ не зналъ и не видѣлъ его произведенiя. Сигеле считаетъ такой фактъ если и возможнымъ, то, во всякомъ случаѣ, патологическимъ явленiемъ.

Какъ бы то ни было, но ни одно произведенiе человѣка не можетъ избѣжать суда публики. Сигеле говоритъ, что способъ сужденiя бываетъ различнымъ, а вслѣдствiе этого и приговоръ можетъ быть вѣрнымъ или невѣрнымъ, смотря по тому, произносится ли онъ коллективно и одно-

временно, или же изолированно и въ теченiе большаго промежутка времени. Публика, которой приходится высказать свое мнѣнiе о какомъ-нибудь гениальномъ произведенiи, представляется или компактнымъ организмъ, то, что называется «толпой» или же, составляемый отдѣльными единицами и именуемый «общественнымъ мнѣнiемъ». О книгѣ, напримѣръ, судятъ совершенно иначе, нежели объ ораторѣ или какомъ-нибудь драматическомъ произведенiи. Книга прочитывается въ тиши уединенiя и читатели могутъ составить себѣ о ней искреннее сужденiе, свободное отъ всякихъ постороннихъ влиянiй. Между тѣмъ зрители, слушающiе какую-нибудь пьесу, бессознательно дѣйствуютъ другъ на друга и представляютъ вмѣстѣ то тысячеголовое чудовище, которое, какъ будто, говоритъ автору: «Ты долженъ мнѣ понравиться или ты погибнешь». Условiя сужденiя, слѣдовательно, совершенно различны въ томъ и другомъ случаѣ и должны отражаться на правильности самого приговора. Вопросъ заключается въ томъ, которыя изъ этихъ условiй болѣе благоприятствуютъ вѣрности сужденiя. Всякому извѣстенъ физиологическiй законъ, по которому интенсивность эмоциональнаго ощущенiя находится въ прямомъ отношенiи къ числу лицъ, испытывающихъ это же самое ощущенiе въ одноиъ и томъ же мѣстѣ и въ одно и то же время. Чѣмъ число лицъ, слѣдовательно, является главнымъ и важнѣйшимъ факторомъ «успѣха», и хотя успѣхъ создается не этимъ числомъ, но онъ достигается, благодаря этому числу, часто такихъ размѣровъ, которые заходятъ за предѣлы вѣроятнаго. Итакъ, сужденiе толпы всегда страдаетъ преувеличенiемъ, исключительно подъ влиянiемъ численности, повышающей фатальнымъ образомъ диапазонъ индивидуальныхъ мнѣнiй, взятыхъ въ отдѣльности. Поэтому сужденiе толпы

часто бываетъ ошибочнымъ, такъ какъ коллективная психологія весьма рѣдко руководствуется логикою и здравымъ смысломъ. Проявленія ея зачастую вызываются какими-нибудь случайностями, бессознательными влияніями. Крикъ, жестъ, сдѣланный однимъ, повторяется невольно всѣми остальными. Заразительность аплодисментовъ или выражений неодобренія поразительна; энтузіазмъ одного передается немедленно другимъ и возрастаетъ въ соответствующей пропорціи. Итакъ, слѣдовательно, сужденіе толпы, въ сущности, является лишь сужденіемъ одного изъ ея членовъ, который случайно и внезапно овладѣлъ толпой, дѣйствуя на нее бессознательно, силою внушенія.

«Я боюсь толпы,—писалъ Мопассанъ,—я не могу войти ни въ театръ, ни присутствовать на какомъ-нибудь публичномъ праздникѣ. Я испытываю всегда странное, невыносимое чувство неловкости, когда нахожусь въ толпѣ, раздраженіе нервовъ и такое ощущеніе, какъ будто я всѣми силами стараюсь протпвиться какому-то таинственному и непреодолимому влиянію. И я дѣйствительно веду борьбу съ душою толпы, которая стремится въ меня проникнуть».

Самое замѣчательное явленіе, которое приходится наблюдать въ толпѣ, именно и заключается въ исчезаніи отдѣльныхъ личностей и превращеніи ихъ въ одну неизмѣримую личность, именуемую толпой. Каждый отдѣльный индивидуумъ въ толпѣ какъ будто теряетъ способность чувствовать и мыслить самостоятельно и становится слѣпымъ орудіемъ какой-то неизвѣстной силы. Въ толпѣ человѣкъ аплодируетъ, шикаетъ, кричитъ: «ура» или «на смерть!» часто совершенно не сознавая этого. Удалите человѣка изъ толпы, изъ этого пучка, въ составъ котораго

онъ входитъ, и онъ первый будетъ удивляться тому, что онъ дѣлалъ. Психологія толпы вся создана изъ жестокости и противорѣчій и склонна къ необыкновеннымъ скачкамъ отъ одного чувства къ совершенно противоположному. Довольно иногда одного возгласа, жеста, слова, чтобы сразу измѣнить настроеніе толпы.

Въ сужденіи о книгѣ влияніе толпы исчезаетъ, коллективный приговоръ составляется постепенно путемъ общія мнѣній и впечатлѣній между отдѣльными читателями. Въ такихъ случаяхъ личныя мнѣнія сливаются вмѣстѣ въ одинъ общій аккордъ, но этотъ аккордъ образуется не сразу и уже поэтому онъ складывается преимущественно изъ такихъ отдѣльныхъ мнѣній, которыя болѣе обдуманы, взвѣшены, и на этомъ основаніи мѣнѣ подвержены измѣненіемъ, чѣмъ мнѣніе толпы, являющееся продуктомъ бессознательной, коллективной психологіи. Во всякомъ собраніи людей, въ театрѣ и т. п. сужденіе возникаетъ внезапно и одновременно. Въ толпѣ невозможны свободныя движенія мускуловъ и также невозможно свободное движеніе и проявленія мысли. Толпа не судитъ, а подчиняется извѣстному внушенію. Въ другомъ же случаѣ, когда сужденія составляются отдѣльно, то хотя они и претерпѣваютъ нѣкоторыя измѣненія, входя въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, но тѣмъ не менѣе составляютъ продуктъ самостоятельнаго мышленія и поэтому болѣе цѣнны и болѣе правильны. Вотъ отчетъ сужденіе «людей», т.-е. приговоръ, составленный путемъ соединенія отдѣльныхъ мнѣній въ одно цѣлое, всегда слѣдуетъ предпочитать суду толпы, хотя бы въ ея восторженныхъ крикахъ и заключалось много привлекательности.

Годъ III-й.

№ 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

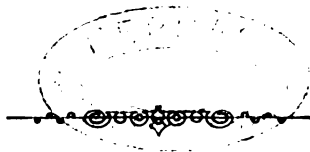
И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Д Е К А Б Р Ъ

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го ноября 1894 года

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ИСПОВѢДЬ. Разсказъ. Д. Мамина-Сибиряна	1
2. ГОДОВЩИНА ВЕЛИКАГО АВТОРА И ВЕЛИКАГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Ив. Иванова	11
3. РОДИНА. Романъ Гернфельда. Переводъ съ финскаго проф. П. О. Морозова. (Окончаніе)	47
4. ИЗЪ ЯПОНСКОЙ ЖИЗНИ. Э. Пименовой	74
5. ВЪ ГЛУШИ БАШКИРИИ. Инный. Разсказъ. Петра Добротворскаго	87
6. «КРАСАВИЦА». (Исторія одной старой лодки и ея экипажа). Разсказъ. Альфонса Додэ	98
7. ВОЗНИКНОВЕНІЕ ДЕНЕЖНЫХЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ЗНАКОВЪ И МЪРИЛА ИХЪ ВЪСА. Проф. И. Лучицкаго	142
8. IN MEMORIAM (ВЪ ПАМЯТЬ). (Элегія). С. Даца	170
9. СТОЛѢТІЕ «ТАЙНЫ ПРИРОДЫ». Проф. И. П. Бородинна	172
10. НОВЫЯ КНИГИ: Ивановъ. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философій XVIII вѣка. Проф. А. Трачевскаго. — Краткое изложеніе политической экономіи А. А. Карелина. Т. М. Б. — А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ. — Дѣловъ. «Переселенцы и новыя мѣста». (Путевыя замѣтки). — Басни И. А. Брылова. Полное собраніе въ 4-хъ частяхъ. Изд. Комитета Грамотности. W.	193
11. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	204
12. НЕКРОЛОГЪ РУБИНШТЕЙНА.	208
13. ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. — Вопросы русской общественной жизни. — Въ подвижной школѣ. — Сельскія общества трезвости. — Борьба съ пожарами. — Крестьяне-выборщики. Изъ русскихъ изданій. «Сѣверный Вѣстникъ», «Русская Мысль», «Артистъ». — Бнязь Вяземскій. — Земледѣльческія артели. — Отголоски деревенской сцены. — Изъ иностранной жизни и литературы. Деревенскій банъ въ Итали. — Старая и новая Сорбонна. — Женщины-астрономы и математики. — Жизнь въ колахъ въ Сициліи. — Африканская археологія. — Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue des Deux Mondes», «Forum», «Century», «Young Woman», «Daheim», «Revue des Revues»	210
14. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) РОМАНЪ М-РА ГИЛЬФИЛЯ. Повѣсть Джоржъ Эллиотъ. Переводъ съ англійскаго. (Окончаніе). С. Майковой	81
2) НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ. Съ нѣмецкаго по Бомелли, Неймайру и друг. подъ редакц. В. Агафонова.	357
15. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ИСПОВѢДЬ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Погода стояла самая хорошая, всего десять градусовъ холода. Чуть-чуть падалъ мягкій снѣжокъ. Въ декабрѣ такая погода устанавливается надолго. У присковой конторы стоялъ дорожный возокъ, заложенный парой.

— Ну, Иванъ Дуракъ, садись, — говорилъ золотопромышленникъ Голохватовъ, выходя въ дорожной дохѣ на врыльцо.

Иванъ Дуракъ, худенькій старичокъ въ худенькой шубейкѣ, какъ-то смѣшно заморгалъ глазами и несъ съежился. Ему нужно было ѣхать, только въ противоположную сторону.

— Семень Авдѣичъ, я того... — виновато забормоталъ онъ. — Мнѣ совершенно наоборотъ...

— И очень даже глупо. А впрочемъ, какъ знаешь... Домой вернемся близко полночи, а тамъ я тебя отправилъ бы на своихъ лошадахъ. Понимаешь? А какими пельменями насъ накормить Марѳа Андреевна... Пальчики оближешь. Мнѣ-то одному скучненько будетъ ѣхать...

— Шуба-то у меня, Семень Авдѣичъ...

— Э, пустяки! Ты посмотри, какой возокъ-то: только архирею ѣздить.

Иванъ Дуракъ задумался. Съ одной стороны ему хотѣлось ѣхать домой — всего-то пять верстъ до станицы, а съ другой — какъ обидѣтъ Семена Авдѣича, отъ котораго зависѣло все. Да... Вдругъ, Семень Авдѣичъ обидится и не дастъ обѣщанныхъ денегъ. Вспомнился Ивану Дураку собственный домишко въ станицѣ Разстанной, семья, ожидавшая его съ нетерпѣніемъ — нечего дѣлать, приходится ѣхать.

— Поѣду, Семень Авдѣичъ...—согласился наконецъ старикъ.—Не по пути, а дѣлать нечего. Хочу вамъ удовольствіе сдѣлать...

— Давно бы такъ-то,—ворчалъ Голохватовъ, хозяйскимъ глазомъ оглядывая пару лошадей, экипажъ и сидѣвшаго на облучкѣ вучера-виргиза.—А то какъ козыи рога: ни изъ кузова, ни въ кузовъ. Что касается тепла, такъ не безпокойся...

Когда они усѣлись въ возокъ, Иванъ Дуракъ оказался притиснутымъ въ уголь,—толстъ былъ Семень Авдѣичъ и занялъ полвозка.

— Тѣсновато...—бормоталъ Иванъ Дуракъ.

— Теплѣе будетъ, глухой человѣкъ...

На крыльцо вышли провожать уѣзжавшихъ жена Голохватова, еще совсѣмъ молодая женщина, старичекъ, главный прикащикъ по промысламъ, а въ окошкахъ мелькали дѣтскія личики.

— Трогай, Абдулка...

Киргизъ взмахнулъ обѣими руками, дернулъ возжи, и возокъ полетѣлъ.

Степныя пространства Оренбургской губерніи, гдѣ раскиданы золотыя промысла, зимой представляютъ унылую картину. Насколько хватаетъ глазъ—все мертво. Бѣлая равнина нагоняетъ тоску. Рѣдкія селенія совсѣмъ занесены снѣгомъ, а проселочныя дороги постоянно портятся вьюгами и буранами. Впрочемъ, привычные люди находятъ красоту даже въ этомъ безнадежномъ и мертвомъ просторѣ, что и наши путешественники.

— Эхъ, лучше бы кашевую было заложить,—нѣсколько разъ повторялъ Голохватовъ, чувствуя,¹ что начинаетъ задыхаться въ возкѣ.

— Потерпите, Семень Авдѣичъ...—робко уговаривалъ Иванъ Дуракъ.—Всего-то часика три. И при этомъ пельмени у Марѣи Андреевны... водочка, закусочка разная... да-съ.

Иванъ Дуракъ на промыслахъ игралъ роль благороднаго нищаго. Какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ назадъ онъ былъ очень богатъ и пользовался общимъ почетомъ. Но судьба перемѣнчива: въ золотомъ дѣлѣ быстро богатѣютъ, а еще быстрѣе разоряются. Такъ было и съ нимъ. Вѣдность обступала все сильнѣе, пока дѣло не кончилось уже формальной нищетой, и бывшій

богачъ Иванъ Никитичъ Легашовъ превратился въ жалваго приживальца, существовавшаго подачками богатыхъ золотопромышленниковъ. Горько доставались эти подачки, и Иванъ Дуракъ служилъ чѣмъ-то въ родѣ присковаго шута. А тутъ еще установилась обидная кличка: Иванъ Дуракъ. Впрочемъ, старикъ привыкъ къ издѣвательствамъ и собственному шутовству, какъ мирятся съ своимъ положеніемъ всѣ потерянные люди. Вотъ и сейчасъ, онъ сидитъ въ возкѣ и думаетъ, какой негодяй вотъ этотъ Голохватовъ и съ какимъ удовольствіемъ срамитъ его не только въ своей компаніи, а даже при прикащикахъ и прислугѣ.

Возокъ катится какъ по маслу, Абдулка покрикиваетъ на лошадей, Голохватовъ похрапываетъ, а Иванъ Дуракъ прижался въ уголокъ и съ закрытыми глазами повторяетъ свое прошлое. Да, какъ жизнь сложилась... Думалъ ли онъ когда-нибудь, что доживетъ до теперешняго позора? А вотъ привелъ Господь... Конечно, самъ виноватъ, да помогли добрые люди. Мысленно старикъ проходилъ весь свой жизненный путь, дѣлая остановки на тѣхъ мѣстахъ, которыя его погубили. Эхъ, вотъ тутъ-то нужно было такъ сдѣлать, а тутъ совсѣмъ иначе... Все было бы по другому.

Сколько времени они проѣхали — Иванъ Дуракъ не могъ сообразить, потому что задремалъ. Его разбудила остановка.

— Что, Абдулка, случилось?..

Абдулка подошелъ къ дверцѣ возка и равнодушно проговорилъ:

— А шайтанъ играетъ...

— Что-о?.. Буранъ?

И Голохватовъ и Иванъ Дуракъ сразу почувствовали. Степь уже имѣла совсѣмъ другой видъ. Чувствовался рѣзкій холодъ. Снѣгъ пересталъ идти. Но вся равнина точно вздрагивала, когда налетали порывы вѣтра. По бѣлой полянѣ струйками пробѣгалъ сухой снѣгъ.

— Ты что-нибудь врешь! — разсердился Голохватовъ, выглядывая изъ возка на мутное небо.

— Шайтанъ... — спокойно увѣраетъ киргизъ. — Большой шайтанъ...

Для большей убѣдительности Абдулка припалъ ухомъ къ землѣ и еще разъ сказалъ:

*

— У-у! большой шайтанъ...

Точно въ подтвержденіе этихъ словъ рвануль сильный порывъ вѣтра, и вся степь точно застонала. Что-то грозное и зловѣщее висѣло въ самомъ воздухѣ. Темнота сгущалась. Откуда-то сыпался мелкій сухой снѣгъ, рѣзавшій лицо, какъ толченое стекло.

— Да, исторія...—проговорилъ Иванъ Дуракъ, напрасно вутаясь въ свою худенькую шубенку.—Этакъ и замерзнуть можно...

— Тьфу, ты...—обругался Голохватовъ.—Абдулка, разбойникъ, да, вѣдь, мы съ дороги сбились!..

— Какой дорога... Дорога давно кунчалъ...

Это открытіе окончательно убило путниковъ. Безъ дороги въ буранъ совсѣмъ пропасть... Голохватовъ обошелъ кругомъ возокъ, глубоко засѣвшій въ снѣгу, посмотрѣлъ на лошадей, выбившихся изъ силъ и даже не могъ ругаться. Куда ѣхать? гдѣ дорога?.. А тутъ еще сгущается ночь, и ни одной звѣзды не видно.

— Что-то мы будемъ дѣлать?—повторилъ Голохватовъ, не обращаясь въ частности ни къ кому.

— Надо ѣхать...—робко отвѣтилъ Иванъ Дуракъ.

Глупѣе этого ничего нельзя было придумать, и Голохватовъ какъ-то зарычалъ отъ ярости.

— Ты—дуракъ?!.. ѣхать? Къ чорту ѣхать... Абдулка, я тебя убью, какъ собаку, и отвѣчать не буду. Я... я...

Это неистовство было прервано жалобнымъ воемъ маленькой собачонки, которую раньше никто не замѣчалъ. Она все время бѣжала за возкомъ, а теперь присѣла въ сторонку, подняла голову и жалобно вытягивала одну ногу.

— Ахъ, чтобъ тебя!..—накинулся Голохватовъ на нее.

— Не троньте песика, Семень Авдѣичъ... — вступился Иванъ Дуракъ.—Можетъ, вмѣстѣ придется всѣмъ замерзать...

Голохватовъ вдругъ присмирѣлъ. Онъ по колѣна въ снѣгу подошелъ къ лошадямъ, потрепалъ ихъ по шеямъ и еще разъ убѣдился, что онѣ выбились изъ силъ. Вѣдь единственное спасеніе было только въ нихъ... И лошади были хорошія, а тутъ ни взадъ, ни впередъ.

Все-таки, нужно было что-нибудь дѣлать. Это была отчаянная попытка и всѣ молча принялись за дѣло. Прежде

всего нужно было отоптать около возка сгрудившіяся снѣгъ, чтобы лошади могли его сдвинуть съ мѣста. Нечего было и думать о томъ, чтобы ѣхать въ возкѣ. Выбравъ направленіе, Голохватовъ пустилъ киргиза впередъ, а самъ повелъ лошадей подъ узцы. Это печальное шествіе замыкалъ Иванъ Дуракъ, съ трудомъ шагавшій по колѣна въ снѣгу. Вѣтеръ таеъ и рвалъ. Трудно было дышать. Слѣпило глаза. Страшный холодъ точно сковывалъ каждое движеніе. Иванъ Дуракъ скоро выбился изъ силъ, сѣлъ въ отчаяніи на снѣгъ и врынулся:

— Семень Авдѣичъ, я больше не могу... Силушки моей нѣтъ.

Къ старику подошла собаченка и тоже сѣла рядомъ съ нимъ.

II.

Вѣтеръ унесъ слова Ивана Дурака. Возокъ пропалъ въ кружившейся мглѣ. Старикъ сидѣлъ на снѣгу и чувствовалъ, какъ нѣмѣетъ его старческое слабое тѣло.

— Господи, помилуй!...—молился онъ вслухъ.

Но Голохватовъ во время вспомнилъ про него и вернулся.

— Иванъ Никитичъ, голубчикъ, что ты дѣлаешь?..

— Умираю, Семень Авдѣичъ,—покорно отвѣтилъ Иванъ Дуракъ.—Ты—молодой, тебѣ жить еще нужно, а меня оставь здѣсь... Не хочу я васъ связывать.

Голохватовъ сильной рукой поднялъ его и потащилъ къ возку.

— Умирать такъ вмѣстѣ!...—шепталъ онъ, задыхаясь отъ волненія.

Возокъ стоялъ неподвижно... Абдулка сидѣлъ въ снѣгу на корточкахъ. Голохватовъ толкнулъ Ивана Дурака въ возокъ, по пути далъ затрещину фаталисту-степняку и пошелъ къ лошадямъ. Окончательно выбившійся изъ силъ коренникъ лежалъ въ снѣгу—снѣгъ былъ настолько глубокъ, что лошадь не доставала ногами твердой земли и тонула въ этомъ снѣгу, какъ тонуть въ водѣ. Голохватовъ присѣлъ къ лошадиной головѣ, распахнулъ шубу и чиркнулъ спичку. При слабомъ, колеблющемся свѣтѣ на него посмотрѣли нѣмые лошадиные глаза и

онъ понялъ, что все кончено. Да, все... Они были похоронены въ снѣгу.

— Абдулка, дьяволь, распрягай лошадей!

Киргизъ повиновался по привычкѣ и окоченѣвшими руками отстегнулъ пристяжку, развязалъ супонь у хомута, снялъ дугу, отвозжалъ.

— Кунчалъ апата... *)— апатично проговорилъ онъ.

— А можетъ быть, лошади какъ-нибудь добредутъ домой?

— Кунчалъ...

Распряженные лошади поднялись на ноги и Голохватовъ хотѣлъ отогнать ихъ отъ возка, чтобы онѣ по инстинкту шли домой и принесли печальную вѣсть. Но умныя животныя вернулись къ возку и встали съ подвѣтренной стороны. Голохватова охватила кабая-то смертная жалость. Да, онѣ желали замерзать вмѣстѣ... Киргизъ по прежнему сидѣлъ на корточкахъ и ничего не предпринималъ. На время онъ совсѣмъ исчезалъ въ снѣжномъ вихрѣ. Въ двухъ шагахъ ничего нельзя было разсмотрѣть. Голохватовъ вдругъ почувствовалъ смертельную усталость. Вольно было сдѣлать малѣйшее движеніе. Ноги начинали нѣмѣть.

Онъ пошелъ въ возокъ, гдѣ сидѣлъ Иванъ Дуракъ и молился вслухъ. Въ какихъ-нибудь четверть часа возокъ на половину замело снѣгомъ.

— Иванъ Никитичъ...

— Я...

— Что мы будемъ дѣлать съ Абдулкой? Вѣдь онъ заоченѣеть въ снѣгу... Шубенка у него плохая, а вѣтеръ такъ и рѣжетъ. Эй, Абдулка, иди къ намъ... Троицъ будетъ теплѣе.

Иванъ Дуракъ молчалъ. Возокъ былъ тѣсенъ для троихъ. Абдулка не хотѣлъ было садиться въ возокъ, но Голохватовъ затащилъ его силой.

— Иди, каналья... Вѣдь околѣешь въ снѣгу.

— У-у! большой шайтанъ гуляетъ...— съ прежнимъ равнодушіемъ отвѣчалъ киргизъ воснѣвшимся отъ холода языкомъ.

Это переселеніе вызвало протестъ оставшейся „на улицѣ“ собаченки, — она жалобно завизжала, точно жаловалась на людскую несправедливость. Въ возкѣ было совершенно темно.

*) Апата — лошадь.

Когда вѣтеръ на мгновеніе стихъ, слышно было, какъ топтались лошади у самага возка и терлись головами о его стѣнку, напрасно ища защиты. Голохватову особенно было жаль собаки. А что, если ее пустить въ возокъ? Отъ собаки теплѣе будетъ.

— Нѣтъ, ужъ это невозможно...—заспорилъ Иванъ Дуракъ.—И то проклятый киргизъ мнѣ всѣ ноги отдалъ. Отъ пса духъ пойдетъ...

Они сидѣли долго молча. Время отъ времени Голохватовъ чиркалъ спичку и выглядывалъ въ маленькое окошечко, сдѣланное въ дверяхъ возка. Снѣгъ уже былъ вровень съ этимъ окошечкомъ. На этотъ колеблющійся свѣтъ каждый разъ подбѣгала собачонка, тыкалась носомъ въ стекло и жалобно взвизгивала.

— Мнѣ душно, Семень Авдѣичъ...—заявлялъ Иванъ Дуракъ, когда они просидѣли въ возкѣ часъ.—Голову обносить...

— Послушай, Иванъ Никитичъ, не гнать же намъ Абдулку на вѣрную смерть... Въ немъ, вѣдь, тоже душа.

— Ну, тогда я выйду... Лучше замерзнуть, чѣмъ задохнуться.

Вопросъ объ Абдулкѣ обострился. Дѣйствительно, въ возкѣ нечѣмъ было дышать. Снѣгъ законопатилъ всѣ отверстія. Въ критическій моментъ, когда Иванъ Дуракъ хотѣлъ уже выходить изъ возка, киргизъ заявилъ, что онъ самъ выйдетъ.

— Кунчалъ башка въ снѣгу...—заявилъ онъ.—Ты оставай, Абдуль лѣзай...

Это былъ ужасный моментъ. Кому-нибудь изъ троихъ приходилось замерзать первому. Дверку возка едва отодвинули, и Абдулка долженъ былъ лѣзть вверх, точно въ трубу. Его встрѣтила радостнымъ визгомъ собаченка, не хотѣвшая замерзать одна.

Темно въ возкѣ, какъ въ могилѣ. Слышно только, какъ воетъ бурань: точно по небу неслась стая громадныхъ птицъ. И небо, и земля слились въ вихрѣ, который поднимался отъ движенія ихъ могучихъ крыльевъ.

Голохватовъ сидѣлъ молча и все думалъ о несчастномъ киргизѣ, который замерзалъ вотъ тутъ, около стѣнки возка. Господи, что же это такое?

Иванъ Дуракъ уже примирился съ мыслью о смерти и

тихо молился про себя. Потомъ онъ весь вздрогнулъ: слышались какія-то дѣтскія всхлипыванія.

— Семень Авдѣичъ, голубчикъ, не нужно малодушествовать...

Всхлипыванія перешли въ рыданія.

— Семень Авдѣичъ, отчаяніе—грѣхъ...

— Да я... я не смерти боюсь... Ахъ, тяжело... съ грѣхами тяжело помирать... Иванъ Никитичъ, голубчикъ... я тебя обижалъ... да, обижалъ... прости...

— Богъ тебя проститъ, Семень Авдѣичъ... И ты меня прости.

— Богъ проститъ...

Темно. Тихо въ возкѣ, а тамъ наверху со свистомъ гуляетъ страшный буранъ. Иногда кажется, что въ воздухѣ шелкаютъ зубами тысячи голодныхъ пастей.

Рыданія прекратились. Голохватовъ пришелъ въ себя и заговорилъ уже спокойно:

— Иванъ Никитичъ, ты—старикъ... Исповѣдай меня...

— Какъ же я тебя буду исповѣдывать, Семень Авдѣичъ? Вѣдь я не попъ...

— По нуждѣ все можно, а ты знаешь церковный чинъ... Не хочу помирать съ грѣхами... Молодъ я, много грѣховъ...

Иванъ Дуракъ откашлялся и торжественно началъ чинъ исповѣданія: „Боже, очисти мя, грѣшнаго и помилуй мя... Создавый мя, Господи, помилуй мя... Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя!“ Потомъ онъ проговорилъ:

— Сними шапку, рабъ божій Семень...

Голохватовъ повиновался. На его молодую голову легла старческая холодѣвшая рука, а старческой голосъ читалъ молитву:

— Господи, Боже спасенія нашего, помиловавый насъ щедротами твоими многомилостиве, преклонивый небеса, спедь ко спасенію рода человѣческаго, не хотяй смерти грѣшникамъ, но обращенія въ животь и ко спасенію... Ты, Владыко Господи, молящемуся рабу твоему Семену подаждь ему совершенное покаянiе... Единъ свѣдый тайная и прощаяй грѣхи, и очищаяй беззаконнія, отпусти ему вся прегрѣшенія, вольныя и невольныя, и сотвори его общника ко спасенію и сочетай его къ святѣй твоей церкви. Яко Твоя есть держава

и Твое есть царство, и сила, и слава, со Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Аминь...

Голохватовъ тихо плавалъ.

— Господи Боже нашъ, иже пророкомъ твоимъ Наеаномъ покаившуся Давиду прощеніе даровавъ... и Манассиино покаянiе, и молитву приимъ... Ты нынѣ раба Твоего Семена, кающагося во грѣсѣхъ своихъ, прими обычнымъ Ти челоувѣколюбіемъ... Ты бо еси, Господи, иже седмьдесятъ седмерицею отпущати повелѣвъ впадающимъ въ грѣхъ, понеже тако Твое величество, тако и милость Твоя... Ты-бо еси Богъ кающихся, каяся о злобахъ и неправдахъ на нихъ... Теперь читай, рабъ Божій Семень, „Вѣрую“.

Когда Голохватовъ прочиталъ, началась настоящая исповѣдь.

— Рабъ божій Семень, не мнѣ говоришь, а самому Богу...

Почти на каждый вопросъ каившійся отвѣчалъ:

— Грѣшень...

— Не припомнишь ли, рабъ божій Семень, какихъ-нибудь особенныхъ грѣховъ?

— Весь грѣшень, Иванъ Нивитичъ... Мѣста живого нѣтъ. Завидовалъ, кто сильнѣе былъ меня, обижалъ, кто слабѣе... и все мнѣ было мало... Все хотѣлъ нахватать больше, а подъ старость покаяться... А вотъ Богъ и не допустилъ... Какъ-то теперь останется моя тетушка Катерина Степановна съ малыыми дѣтушками... И ее обманывалъ, а дѣтокъ не соблюдалъ, потому что и своей души не соблюдалъ... Жадность была ко всякому грѣху...

— Богъ тебя проститъ, рабъ божій Семень...

— Сиротъ не жалѣлъ... отнялъ наслѣдство у двухъ племянницъ и ихъ же тѣснилъ за свою неправду... Обманывалъ въ степи малоумныхъ киргизишекъ, а они мерли отъ голоду и холоду по моему звѣрству... Еще хотѣлъ обмануть одну отцевою дочь и питалъ это намѣреніе не одинъ годъ...

— Богъ тебя проститъ, рабъ божій Семень...

Исповѣдь кончилась. Голохватовъ чувствовалъ, какъ его долить смертный сонъ... А наверху по прежнему бушевала снѣжная буря. Но Голохватову казалось, что это была не буря, а поднялись всѣ его грѣхи, все его звѣрство, вся его

неправда... Земля стонала, а сквозь эти стоны доносились точно изъ подъ земли невинные дѣтскіе голоса.

Богъ тебя проститъ, грѣшный рабъ божій Семень...

Буря продолжался три дня, а потомъ возокъ нашли въ снѣжномъ сугробѣ. Замерзли всѣ вмѣстѣ—и люди, и животныя, какъ жили вмѣстѣ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Годовщина великаго автора и великаго произведенія.

Четвертаго января будущаго года исполнится сто лѣтъ со дня рожденія Грибоѣдова, и двадцать шестого—шестидесять четыре года со дня перваго представленія *Горе отъ ума* на сценѣ.

Оба періода весьма значительны и особенно въ нашей молодой литературѣ, среди общества, искони извѣстнаго своей короткой памятью о дѣятеляхъ мысли и слова. Но Грибоѣдовъ во всѣхъ отношеніяхъ оказался рѣдкимъ исключеніемъ. Именно общество, публика въ самомъ широкомъ смыслѣ, признала и оцѣнила его талантъ—независимо отъ критики, отъ журнальной и газетной славы. Мало того—публика съ самаго начала шла впереди призванныхъ судей литературы,—и безпримѣрный интересъ обыкновенныхъ читателей къ гениальному произведенію одолѣлъ всѣ препятствія, какія оно встрѣтило въ печати и на сценѣ.

Въ сущности общество даже и не нуждалось въ услугѣ печати и театра. Когда комедія въ первый разъ появилась на сценѣ, одинъ изъ зрителей писалъ:

«Каждый, кто только читаетъ у насъ, кто только заглядывалъ въ книгу, знаетъ *Горе отъ ума*, и нѣтъ русскаго грамотнаго дома, отъ дворянина до посадскаго, гдѣ бы не было списка сей комедіи».

Обратите вниманіе—*списка*, а не печатнаго экземпляра. Такихъ списковъ ходило, говорятъ, по Россіи до сорока тысячъ. Даже послѣ появленія пьесы на сценѣ должно было пройти не менѣе двухъ лѣтъ, раньше чѣмъ она была напечатана вся цѣликомъ. Въ XIX вѣкѣ, въ странѣ менѣе всего просвѣщенной и отзывчивой на явленія литературы и искусства, отсутствіе книги оказалось восполненнымъ рукописью!.. Даже на Западѣ этотъ фактъ казался бы изумительнымъ,—у насъ онъ представляетъ единственную въ своемъ родѣ страницу въ исторіи общественнаго развитія.

Въ чемъ же тайна такого небывалаго успѣха? Чѣмъ вызвана слава, мгновенно вспыхнувшая ослѣпительнымъ блескомъ и не растерявшая своихъ лучей на пространствѣ цѣлаго вѣка?

Сколько бы разъ ни разрѣшались эти вопросы, они нисколько не утрачиваютъ жгучаго интереса и неотразимой привлекательности. Ничто такъ не льститъ нашему человѣческому достоинству, какъ рассказъ о торжествѣ идей и таланта надъ толпой. А для насъ, русскихъ, кромѣ того, каждое такое воспоминаніе—неоцѣненный источникъ вѣры въ наши духовныя силы и въ наши культурныя успѣхи.

И мы пользуемся случаемъ заглянуть вновь въ далекое прошлое, завѣщавшее намъ столь славное наслѣдіе, вызвать еще разъ изъ этого прошлаго и личность автора и безсмертный путь его творческой работы. И то и другое связано неразрывными нравственными узами, образующими совершеннѣйшее созданіе нашего міра—писателя-гражданина и человѣка.

I.

Много лѣтъ тому назадъ въ грязномъ варварскомъ Тавризѣ печально влачили юные дни русскій поэтъ. Лѣто стояло въ полномъ разгарѣ, восточное солнце жгло и томило нестерпимо. Поэтъ не находилъ мѣста отъ духоты и зноя и еще болѣе отъ тоски.

Ему только что минуло двадцать шесть лѣтъ. Безжалостная судьба забросила его въ дикій край, далеко отъ родныхъ, отъ друзей, отъ блестящей свѣтской жизни, переполненной удовольствіями и интересными исторіями.

Молодой человѣкъкъ припоминаетъ, какъ тяжело ему было разставаться съ культурнымъ обществомъ. Многое здѣсь заслуживало насмѣшки, даже презрѣнія, но здѣсь также можно было подѣлиться кое съ кѣмъ новой мыслью, задушевымъ чувствомъ. можно было рассчитывать на литературныя успѣхи, а пока—между прочимъ—увлекаться безъ конца «пріятными женщинами», говорить имъ милый вздоръ, плѣнять ихъ музыкой... Сколько жизни и радостей, столь цѣнныхъ въ извѣстномъ возрастѣ!..

Но судьба и люди остались неумолимы.

Поэта увѣряли:

— Въ уединеніи вы усовершенствуете ваши дарованія.

И напрасно поэтъ возражалъ, «жестоко было бы мнѣ цвѣтуція лѣта свои провести между дикообразными азіатцами»,—онъ долженъ былъ «разстаться съ домашними пенатами»...

Прошло уже не мало времени послѣ этой разлуки, но тоска не унимается. Поэтъ усиливается разогнать ее всякими средствами, бросается во всевозможныя школьническія шалости, поетъ въ горахъ французскіе куплеты, забавляется игрою эхо. Но все

напрасно: «веселость утрачена», ему остается замереть въ неподвижной апатіи, въ полуснѣ.

Тогда онъ невольно съ величайшими подробностями начинаетъ воскрешать въ памяти покинутыхъ имъ людей. Ихъ жизнь и характеры изъ безграничной дали вырисовываются предъ нимъ съ поразительной яркостью и полнотой. Частности и мелочи, легко ускользавшія отъ вниманія вблизи, теперь постепенно складываются въ гармоническія и цѣльныя картины.

Поэту слишкомъ достаточно времени для самой тщательной вдумчивости. Многія лица полузабытыя, затерянные въ вихрь нескончаемой свѣтской суеты, внезапно воскресаютъ и занимаютъ свои мѣста на обширной сценѣ.

Въ одинъ изъ такихъ безконечно-тоскливыхъ знойныхъ дней поэтъ дремалъ въ кіоскѣ своего сада. Предъ нимъ уже не въ первый разъ проходили «знакомыя все лица», мелькали обрывки недавняго прошлаго. Его мысль естественно прежде всего направляется на тѣхъ людей и на тѣ обстоятельства, которыя заставили его изнывать въ одиночествѣ, томиться отъ солнечаго зноя, жить съ ненавистными варварами.

Кто забросилъ его умирать въ этомъ адѣ?

И въ отвѣтъ въ воображеніи изгнанника поднимается безконечный рядъ образовъ,—и во главѣ ихъ его мать.

Это типичная старомодная москвичка, хозяйка коренного барскаго дома, всѣми силами души преданная свычаямъ и обычаямъ первопрестольной столицы. Она искренно любитъ своего сына, но для него эта любовь оказывается невыносимымъ бременемъ. Онъ готовъ завидовать пріятелю въ томъ что у него нѣтъ матери, которой онъ во что бы то ни стало долженъ казаться основательнымъ и солиднымъ молодымъ человѣкомъ.

Настасья Федоровна Грибоѣдова всю жизнь поглощена двумя идеалами — по возможности поставить свой домъ и семью на настоящую аристократическую ногу, какъ это понимаютъ въ Москвѣ, и потомъ устроить сыну карьеру, заставить его «служить и награжденія брать». У нея есть вдохновитель и непогрѣшимый mentor—дядя поэта.

Это уже цѣлый общественный герой, съ необыкновенно яркими родовыми признаками, воплощающій въ своей особѣ цѣлое поколѣніе.

«Онъ какъ левъ дрался съ турками при Суворовѣ», — упоминаетъ племянникъ,—«потомъ пресмыкался въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоченій: «я—братъ»...

Племянникъ—злосчастнѣйшая жертва этого авторитета. Дядя начинаетъ таскать его чуть не ребенкомъ на поклонъ къ тѣмъ же случайнымъ людямъ «для замысловъ какихъ-то непонятныхъ». Будущему обладателю блестящей карьеры приходится притворяться больнымъ, лишь бы отвязаться отъ этихъ визитовъ, но что же дѣлать! Таковъ строй всей московской жизни...

И здѣсь же поэту представляется нескончаемая галерея родственниковъ, знакомыхъ, страдающихъ той же смѣсью рабской угодливости и барской заносчивости.

Сколько комическихъ, часто каррикатурныхъ лицъ! Но какъ бы пестра и разнорѣчива ни была эта компанія, ее одушевляють въ сущности весьма несложныя и у всѣхъ одинаковыя вождедѣнія.

Вотъ, напримѣръ, важный чиновникъ О., величественной наружности, необычайно солидный съ виду. Поэту припоминается необыкновенно забавный эпизодъ съ этимъ «государственнымъ мужемъ». Нѣсколько времени тому назадъ, онъ при одномъ слухѣ о пожалованіи ему лишняго «крестишки», немедленно нацѣпилъ его и не свималъ два мѣсяца, пока слухи не оказались ложными. Въ Москвѣ много смѣялись этому случаю, но отнюдь не надъ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ смѣшно.

А вотъ князь Ю., еще болѣе курьезное дѣтище московскихъ салоновъ и канцелярій. Онъ недавно заподозрилъ въ политической неблагонадежности *надворнаго судью* только потому, что тотъ осмѣлился танцевать съ *дочерью генераль-губернатора*. Это оказалось неслыханной дерзостью! И все оттого, что бѣдный надворный судья не носилъ военного мундира, оставилъ военную службу и предпочелъ гражданскую должность. Такой поступокъ московскіе тузы прямо клеймили «бунтомъ». «Мундиръ—одинъ мундиръ»—единственный предметъ ихъ гражданского культа и ради того же мундира мать поэта становилась предъ нимъ на колѣни и умоляла его—пойти «послужить», а при случаѣ и «прислужиться»...

Да, не имѣть мундира, значить быть своего рода лишеннымъ правъ. Развѣ только еще одно несчастье можетъ сравниться съ этимъ позоромъ: жить въ провинціи. Весь русскій міръ, лежащій за предѣлами Москвы и «подмосковныхъ», кажется столичнымъ барамъ ссылкой, дикимъ, едва извѣстнымъ краемъ. Барышни приходятъ въ ужасъ при одной мысли—провести зиму безъ Тверской и Кузнецкаго моста. На ихъ языкѣ самое слово *провинціалъ*—бранное, и поэтъ помнить, какія горячія сожалѣнія вызвалъ у всѣхъ этихъ людей бракъ московской барышни съ *провинціаломъ*—только потому, что женихъ проживалъ въ *Саратовѣ*...

«Москва—это лучшій уголокъ земного шара»,—наперерывъ ле-

печуть тѣни, проходящія въ воображеніи поэта. Только въ Москвѣ пребываетъ счастье, просвѣщеніе, хорошій тонъ. Съ этимъ согласна вся Россія. Она и знать не хочетъ о Петербургѣ. Для нея это—чужеземная столица. Даже иностранцы отличаютъ Москву.

Она—единственный городъ во всемъ государствѣ, исполненный патріотическихъ чувствъ, преданный «общему благу». Московскія дамы, напимѣръ, при вѣсти о нашествіи Наполеона, начали усердно посѣщать церкви, а петербургскія продолжали ѣздить по театрамъ. А когда окончилась война и древняя столица переполнилась военными, московскія дамы и барышни танцовали до изнеможенія, нерѣдко смертельно заболѣвали, изобрѣли даже особую кадрили, гдѣ каждая дама могла танцовать съ двумя кавалерами—все ради того, чтобы военные не остались безъ развлеченій.

Правда, эти господа военные далеко не всѣ могли бы удовлетворить разборчивому вкусу. Поэтъ знаетъ это по собственному опыту. Онъ самъ служилъ въ гусарахъ, близко былъ знакомъ съ ёрами и забіяками—исключительными типами мундирныхъ героевъ, всю жизнь свою полагававшихъ на кутежи и головоломныя похождения. «Я въ этой дружинѣ», признавался онъ потомъ, «всего пообылъ чстыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ не могу попасть на путь истинный».

И нелегко было попасть!

Поэта окружало пѣлое сонмище «казарменныхъ готтентотовъ». Теперь на свободѣ онъ подробно припоминаетъ особенности и странности этихъ лицъ. Кого только здѣсь нѣтъ! Дивизионный генералъ такъ и просится въ карикатуру: это готовый Скалозубъ: кулътъ выпушекъ, петличекъ и фельдфебельской муштры, необычайное счастье въ товарищахъ по службѣ, весьма кстати такъ или иначе выходящихъ изъ строя и въ заключеніе полное отсутствіе умственныхъ интересовъ...

Впрочемъ, это и лучше. Бѣда, если «казарменный готтентотъ» вообразить себя ученымъ и умницей или даже либераломъ. Поэтъ припоминаетъ, сколько забавныхъ минутъ доставилъ ему одинъ сослуживецъ, помѣшанный на каламбурахъ и анекдотахъ. Поэтъ ради него купилъ даже сборникъ всевозможныхъ остротъ и разсказовъ и при каждомъ каламбурѣ армейскаго остролова спрашивалъ, на какой страницѣ искать его *mot*? Тотъ клятвенно принимался завѣрять, что острота его собственная, отиудъ не заимствованная.

Еще комичнѣе происходили сцены съ казарменными политиками. Эти, наслушавшись страшныхъ словъ, вѣрнѣе, подслушавши

ихъ кое-гдѣ и какъ попало, воображали себя опаснѣйшими членами секретнѣйшихъ «союзовъ», и ничего не было смѣшнѣе для поэта, какъ видѣть этихъ, въ сущности добрѣйшихъ и невиннѣйшихъ малыхъ въ роли государственныхъ заговорщиковъ. Это все будущіе—«Левонъ и Боринька—чудесные ребята»!..

И все это питомцы единственной въ мірѣ столицы! Въ Петербургѣ, правда, знаютъ нѣкоторыя странности старушки и посмѣиваются надъ ея тономъ и патріотизмомъ. Въ петербургскихъ гостиныхъ даже говорятъ нерѣдко: «смѣшна какъ *москвичка*». Но это на самомъ дѣлѣ зависть, досада Петербурга на свое безсиліе стать въ уровень съ Москвой во всѣхъ ея благородныхъ чувствахъ...

«Благородныхъ»—повторяетъ поэтъ... Но какъ же вели себя герои и героини этихъ чувствъ на развалинахъ той же «милой Москвы», едва только изъ нея удалился врагъ? Они сейчасъ же бросились разыскивать свои милые уголки «на Никитской», чаще всего «въ Подновинскомъ» или «противъ *Страшнаго монастыря*». Отыскали, наскоро исправили и—заплясали, да такъ, что можно было подумать, будто Москва празднуетъ завоеваніе всего земного шара. А между тѣмъ, «чудовище—Наполеонъ» не успѣлъ оставить еще и предѣловъ Россіи.

«Мы прыгаемъ ежедневно. Повѣришь ли, силъ не достаетъ»,—жалуется московская барышня въ письмѣ къ петербургской. «Всѣ вечера необычайно оживлены, вертимся до изнеможенія».

Барышнямъ надоѣдаетъ вертѣться: онѣ устраиваютъ поѣздки на саняхъ *по обгорѣлымъ улицамъ*. Это одна изъ любимыхъ *parties de plaisir*. Всѣ другія исчерпываются балами и обжорствомъ, страшнымъ, едва вѣроятнымъ. Изящныя барышни и ихъ кавалеры начинаютъ болѣть отъ безпрестанныхъ взаимныхъ угощеній. Повальная болѣзнь грозитъ опустошить «милые уголки»...

Не правда ли, какая изумительная смѣсь всевозможныхъ добродѣтелей! Патріотическіе вздохи, катанье по обгорѣлымъ улицамъ, барская *pruderie* и смерть отъ обжорства?.. *).

«Да»,—замѣчаетъ поэтъ,—«едва другая сыщется столица, какъ Москва».

А если отдѣльно припомнить каждаго туза, жившаго и умершаго въ Москвѣ,—выйдетъ совершенно безпримѣрная галерея.

Вотъ, напримѣръ, по Никитской, на углу Леонтьевскаго переулка, находится барскій домъ съ театромъ и зимнимъ садомъ. Лучшіе дни этого «уголка» приходятся какъ разъ на эпоху

*) Всѣ эти данныя взяты изъ сообщеній самого Грибоѣдова и изъ переписки Волковой и Ланской. «Грибоѣдовская Москва». «Вѣстникъ Европы». 1874 и 1875 г.

отечественной войны. Въ театрѣ играетъ хозяйская группа актеровъ, даются преимущественно оперы. Жизнь течетъ весело и ровно, не смотря ни на какія событія въ мірѣ. Хозяевамъ и гостямъ становится по временамъ скучно развѣ только отъ излишняго изобилія однихъ и тѣхъ же удовольствій. Но судьба, очевидно, особенно благосклонна къ этому уголку.

Хозяинъ случайно узнаетъ, что за Москвой рѣкой въ гостиницѣ появился кучеръ, который съ помощью свистка производитъ соловьиныя трели. Немедленно посылаютъ за дивнымъ свистуномъ, приказываютъ достать его за какія бы то ни было деньги. Свистуна достаютъ, сажаютъ въ садъ, «и пѣвецъ зимой погоды глѣтней» улаживаетъ всю Москву.

Поэту припоминается и другой, не менѣ оригинальный, любитель искусства, на этотъ разъ случайный обыватель Москвы, — рязанскій помѣщикъ. Онъ, достигши уже преклонной старости, вздумалъ научиться танцевать «по правиламъ», отправился въ Парижъ, бралъ тамъ уроки у лучшихъ балетмейстеровъ и по возвращеніи началъ обучать танцамъ своихъ дворовыхъ дѣвицъ, устроилъ даже спеціальную школу.

Но искусство процвѣтало не долго. Помѣщикъ слишкомъ ужъ увлекся хореографіей, быстро разорился и—«амуры и зефиры всѣ распроданы по одиночкѣ»... Нѣкоторыя изъ танцовщицъ были приняты на сцену Большого театра.

Это—все тузы. Но, въ Москвѣ, какъ истинно-русской столицѣ, «дверь отперта для званныхъ и незванныхъ». Сюда являются всѣ, кому нѣтъ мѣста въ европейскихъ гостиницахъ Петербурга. И чѣмъ страннѣе фигура, чѣмъ неопредѣленнѣе ея біографія—тѣмъ она желаннѣе въ этой средѣ, погрязшей въ пустякахъ и сплетняхъ.

Поэтъ припоминаетъ обычнаго посѣтителя московскихъ кружковъ съ весьма темнымъ прошлымъ, несомнѣннаго шулера и нахала. Дико-бронзовое лицо, съ большими выразительными глазами, волосы, какъ смоль черные, съ просѣдью. О немъ ходили самыя невѣроятныя слухи. Говорили, будто во время путешествія онъ поссорился съ капитаномъ корабля и былъ высаженъ на какомъ-то дикомъ островѣ. Какъ долго онъ прожилъ тамъ,—никто не зналъ, но знали навѣрное, что онъ возвратился татуированнымъ и прозванъ былъ за это американцемъ. Было всѣмъ извѣстно и другое его качество, уже совершенно неожиданное: о добродѣтели и «честности высокой» этотъ проходимецъ говорилъ, «какимъ-то демономъ внушаемъ», со слезами на глазахъ и съ жаромъ въ лицѣ.

Среди военныхъ поэтъ помнитъ особенно одного героя московскихъ салоновъ. Откуда-то онъ пріѣхалъ въ столицу послѣ войны,

состоялъ въ чинѣ полковника, но велъ себя необычайно надменно, жужжалъ всѣмъ въ уши о своихъ подвигахъ, басомъ разсказывалъ всевозможныя небылицы и всѣхъ приводилъ въ изумленіе, особенно маменокъ. Полковникъ мѣтилъ въ генералы, лихо танцевалъ мазурку, молодецки носилъ мундиръ и слыгъ весьма завидной партіей.

Поэтъ прекрасно помнитъ самую несчастную изъ московскихъ маменокъ. Она живетъ чуть ли не въ самомъ длинномъ изъ московскихъ домовъ, у нея шесть дочекъ и у каждой дочки свое окошко, отъ котораго она не отходитъ. «Что окошко, то лепешка», смѣются менѣе обремененныя и болѣе счастливыя маменьки... Чѣмъ не семья Тугоуховскихъ! — думаетъ поэтъ.

Московскія маменьки и ихъ дочки вообще богатѣйшія темы для комедіи. Маменьки поглощены страстью «пристраивать» своихъ дочекъ. Ихъ беретъ какая-то оторопь, когда онѣ видятъ «большую семью, гдѣ много дочерей, и ни одна изъ нихъ не замужемъ». Кромѣ свадебъ, сплетни — насущнѣйшая потребность московскихъ матронъ — и даже ихъ мужей. Всѣ они совершенно откровенно сознаются, что «съ каждой осенью москвичи устраиваются по прежнему и начинаются старыя сплетни»...

Посмотрите, какъ граціозны и милы впечатлѣнія московской барышни въ началѣ сезона, — такими они останутся и до конца.

«М-ше А. прелестна, Аннета тоже очень красива. Молодая нашла способъ избавиться отъ чернаго пятнышка около носа, что ей очень къ лицу. Мужъ ея красивый малый, ему идутъ маленькіе усики и военный мундиръ. Словомъ, я вчера очень весело провела время: кромѣ самого бала, мнѣ нравилось общество, среди котораго я находилась, и, наконецъ, усердный мой поклонникъ А. П., съ которымъ я постоянно кокетничаю, ни на шагъ не отходилъ отъ меня во весь вечеръ и отчаянно любезничалъ».

Богтовня, какъ видите, не особенно связаная и богатая содержаниемъ, но зато самъ авторъ рисуется въ видѣ лепечущаго ангела. Притомъ этотъ ангель необыкновенно свѣдущъ, и въ своей сферѣ изумительно наблюдателенъ. Мы аккуратно узнаемъ о каждой свадьбѣ и о каждой интригѣ. Очевидно, нашъ корреспондентъ прошелъ серьезную, истинно-московскую школу, злоязычія и сплетничества.

Но зато каковъ тонъ! Тончайшій букетъ аристократизма... Московскія барышни, вообще неравнодушныя къ военнымъ и ко всему французскому, наполеоновскихъ офицеровъ и генераловъ находятъ отвратительными, потому что они изъ сословія буржуа, а не изъ «школы Людовика XIV». Такъ именно и выражается московская

красавица. Она приходитъ въ неистовую радость, когда ей удастся открыть какого-то графа или барона, побывавшаго въ высшей школѣ свѣтской дрессировки... Москва ископи жила на нѣсколько столѣтій позже Европы, и на этотъ разъ она обсчитывается ровно на сто лѣтъ и гордится тѣмъ, «что только она еще и дорожить дворянствомъ».

Да, дѣйствительно, «отъ головы до пятокъ на всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ».

Поэтъ можетъ припомнить, какъ этотъ отпечатокъ, замѣтный не въ одной Москвѣ, бросился съ перваго взгляда въ глаза умной иностранкѣ, посѣтившей наше отечество въ эпоху отечественной войны. М-ше Сталь изумлялась пустотѣ и низкому умственному уровню высшаго русскаго общества. Въ этой атмосферѣ «нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей, и люди здѣсь не приобретаютъ никакой охоты ни къ умственному труду, ни къ практической дѣятельности»... «Увеселенія являются единственнымъ средствомъ предупредить скуку».

Все это подтверждается несомнѣнными отечественными свидѣтельствами.

Перечитайте переписку двухъ модныхъ барышень, пристально слѣдящихъ за фактами и событіями своей сферы, — вы будете поражены невѣжествомъ высшей русской интеллигенціи по вопросамъ, которые, казалось бы, съ особенной силой должны были захватывать московскихъ патріотовъ. Знанія здѣсь самыя смутныя и первобытныя.

Одинъ изъ знатнѣйшихъ московскихъ князей, въ видѣ горячей новости, сообщаетъ, что Наполеонъ отступилъ къ *Майнцу-на-Одерѣ*. Одна изъ умныхъ барышень доказываетъ, что незаконнаго сына нельзя называть «Эммануиломъ», такъ какъ съ греческаго—это значитъ «*Богомъ данный*»...

На невѣжествѣ еще не кончается варварство москвичей. Они не только ничего не знаютъ, но прямо преслѣдуютъ даже чужія попытки что-либо узнать. Поэту припоминается, какъ въ его родномъ домѣ изгонялась страсть «къ наукѣ, къ искусствамъ творческимъ», какъ его любовь къ литературѣ, къ чтенію оскорбляла его мать и всѣхъ родныхъ, какъ его стихи подвергались жестокому презрѣнію со стороны авторитетнѣйшихъ членовъ семьи.

Въ эпоху отечественной войны умственная растерянность въ высшемъ обществѣ ярче обозначалась. Наполеоновское нашествіе въ конецъ перепугало патріотовъ «московскаго отечества». Корсиканскаго варвара быстро отождествили вообще съ иноземнымъ просвѣщеніемъ и особенно съ «идеями». Въ 1813 году Уваровъ

*

въ такихъ словахъ характеризовалъ Штейну столичныхъ аристократовъ:

«Смѣшеніе понятій достигло послѣдней степени. Одни заняты просвѣщеніемъ безъ опасностей, т.-е. огня, который не жжетъ. Другіе—и это большая часть—сваливаетъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескьё, французскія арміи и французскія книги... У всѣхъ на языкѣ слова: «религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженныхъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе. Рискуетъ каждую минуту компрометировать себя»... Эта рѣчь—готовая характеристика для гостей сценъ фамусовскаго вечера...

Такова старая, патриархальная Москва. Ее ясно видитъ поэтъ изъ своего далѣка. И развѣ онъ, съ дѣтства лелѣявшій творческіе образы и мечту о литературной славѣ, можетъ пропустить безъ вниманія такой благодарный матеріалъ! Само настроеніе подсказываетъ ему, какъ воспользоваться своими воспоминаніями: это будетъ сатира, безпощадный смѣхъ надъ допотопными уродами, исполненными «непримиримой вражды къ свободной жизни». И не одно только личное настроеніе толкаетъ его на сатиру.

Поэтъ, покидая Россію, оставляя за собой много дорогихъ единомышленныхъ друзей, видѣлъ развалины многихъ благородныхъ стремленій и надеждъ. Незадолго до отъѣзда онъ вступилъ въ одно изъ «тайныхъ обществъ».

Это было новостью на русской почвѣ,—новостью недавней, считающей свои дни съ той же эпохи отечественной войны.

Не всѣ русскіе люди наши въ этой войнѣ только пищу для своего наивнаго патриотизма, не идущаго дальше ненависти къ чужеземцу.. Нѣкоторые многому научились въ это бурное время, многое запомнили и иначе стали смотрѣть на свое родное. Множество русскихъ офицеровъ побывало за границей, присмотрѣлось къ чужимъ порядкамъ, понаслушалось совершенно другихъ рѣчей, чѣмъ разсужденія московскихъ тузовъ, и вернулось на родину съ твердымъ намѣреніемъ внести новыя идеи въ дѣйствительную жизнь.

Какія же это были идеи?

Прежде всего—страстная возвышенная любовь къ родинѣ,—любовь, какой и не снилось ораторамъ московскихъ гостиныхъ. Патриотизмъ москвичей—патриотизмъ дикарей. Они вичего не признаютъ на свѣтѣ, кромѣ своихъ милыхъ уголковъ на Никитской и въ Подновинскомъ. Это—патриотизмъ стариковъ, «впавшихъ въ дѣтство». Ихъ восхищаютъ и «очаковскія времена», и «дворъ

матушки Екатерины» и въ то же время отечественныя *précieuses ridicules*, потому что «словечка въ простотѣ не скажутъ—все съ ужимкой, поють французскіе романсы, выводятъ верхнія нотки, а главное—льнуть къ военнымъ».

Патріотизмъ новой молодежи совершенно другой. Эта молодежь съ жгучей болью въ сердцѣ помнить, какъ иностранцы, во главѣ съ знаменитымъ прусскимъ министромъ, барономъ Штейномъ, были поражены полнымъ отсутствіемъ у русскихъ истинно-національнаго чувства. Плѣнные французы открыто смѣялись надъ русскими, не умѣвшими говорить и писать на родномъ языкѣ.

Штейнъ, съ авторитетомъ истиннаго государственнаго мужа, указывалъ на вредъ, причиняемый Россіи подражательностью иностранцамъ. Подражательность эта на первый взглядъ не шла очень далеко, ограничивалась книжками и модами, но на самомъ дѣлѣ окончательно отрывала высшій классъ отъ народной почвы, воспитывала въ немъ самыя смутныя представленія о національныхъ вуждахъ Россіи и глубокое презрѣніе къ основѣ ея благоденствія—къ народу.

Все это видѣли даже иностранцы; новая молодежь должна была чувствовать себя глубоко оскорбленной, слыша, какъ иностранцы—даже враги—поучаютъ русскихъ истинному патріотизму.

Молодые люди во-очію убѣдились, какихъ блестящихъ результатовъ достигли европейскіе народы, развиваясь на *національныхъ* основахъ, какой непреодолимой силой оказался патріотизмъ, одинаково доступный и простому мужику, и просвѣщенному горожанину,—и русская *народность* стала знаменемъ новыхъ людей. Иностранцы, въ родѣ барона Штейна и г-жи Сталь, много говорили въ защиту закрѣпощенныхъ милліоновъ, настаивали даже на отмѣнѣ крѣпостнаго права. И эти милліоны сами доказали свои права на человѣческое достоинство, вынеся жестокою борьбу чуть не съ цѣлой Европой. Послѣ такой борьбы нельзя было не уважать народа, который въ годину бѣдствій отозвался на призывъ своего царя, изъ конца въ конецъ необъятной страны,—могучимъ чувствомъ любви къ родинѣ и инстинктивнымъ сознаніемъ своего историческаго и національнаго единства.

Съ такимъ именно сознаніемъ вернулись на родину освободители Европы. Чувство личнаго достоинства упрочивалось въ нихъ съ каждымъ новымъ событіемъ, вѣнчавшимъ славою русское имя. Они возвращались къ своимъ очагамъ совершенно другими людьми, чѣмъ уходили. Даже на простыхъ солдатъ и ополченцевъ не могло не произвести впечатлѣнія пребываніе въ чужихъ краяхъ, и они принесли теперь новыя впечатлѣнія въ родныя семьи. Оча-

ковскія времена и сужденія изъ газетъ того времени должны были казаться дикими всякому, кто только могъ видѣть и понимать. А у людей болѣе развитыхъ быстро сложилось новое міросозерпаніе, новые общественные идеалы.

«Умный, добрый нашъ народъ»,—эти слова безпрестанно стали раздаваться въ гостиныхъ,—и не остались только словами. Молодые идеалисты слишкомъ смѣло и громко высказывали свои надежды, чтобы можно было ограничиться красивыми рѣчами. Современникъ рассказываетъ *):

«Я видѣлъ лицъ, возвращавшихся въ Петербургъ послѣ отсутствія въ теченіи нѣскольکو лѣтъ и выразившихъ величайшее изумленіе при видѣ перемѣны, происшедшей въ разговорѣ и дѣйствіяхъ столичной молодежи. Казалось, она пробудилась для новой жизни и вдохновлялась всѣмъ, что было благороднаго, чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. Гвардейскіе офицеры въ особенности привлекали вниманіе свободой и смѣлостью, съ которой они выражали свои мнѣнія, весьма мало заботясь,—говорили они въ общественномъ мѣстѣ или въ салонѣ, были слушатели сторонниками или противниками ихъ ученій».

Легко представить,—молодые мечтатели вели часто крайне запальчивые разговоры, повергали въ ужасъ правовѣрныхъ хранителей старины и подчасъ должны были производить комическое впечатлѣніе... Всегда, вѣдь, извѣстнаго сорта наблюдателямъ кажется смѣшнымъ благородное, слишкомъ прямолинейное увлеченіе несбыточными, по ихъ мнѣнію, мечтами. А если вспомнить, въ какомъ обществѣ приходилось защищать «либеральныя идеи» новымъ патриотамъ,—предъ нами невольно предстанетъ вальсирующая толпа барышенъ, перепуганные тузы, ехидно улыбающіеся архивные юноши—все, что проносилось предъ глазами поэта, только что лично прошедшаго тернистый путь увлекающагося мечтателя...

Не все, конечно, рѣшались высказывать публично даже и самыя смѣлыя реформаторы родной старины. Мы видѣли, *бунтовщикомъ* прослылъ молодой человекъ только за то, что рѣшился сбросить съ себя мундиръ артиллерійскаго офицера и занять скромное мѣсто въ Московскомъ надворномъ судѣ. Стоило сдѣлать одинъ шагъ дальше, т. е. совсѣмъ отказаться отъ всякой служебной карьеры, отдаться наукамъ, уйти отъ пустого праздно-болтающаго общества,—и «карбонарій», «якобинецъ» былъ готовъ.

А такихъ героевъ оказалось не мало. Служить народу не значило «служить» и «прислуживаться» въ общепринятомъ смыслѣ

*) *La Russie et les Russes*, par N. Tourgueneff. Bruxelles 1847. Т. 66.

слова, «вѣчно пѣть пѣснь одну и ту же»... Возникають «тайныя общества», совершенно чужды какихъ бы то ни было революціонныхъ, или якобинскихъ теорій. Это—кружки друзей просвѣщенія, «умовъ алчущихъ позваній», возлагающихъ самыя пламенныя надежды на грамотность, на развитіе у русскихъ людей чувства личнаго человѣческаго достоинства, короче—борцовъ противъ невѣжества и «рабскаго духа».

Поэтъ близко былъ знакомъ съ членами этихъ кружковъ, неоднократно слышалъ ихъ горячія рѣчи, читалъ тѣ же идеи въ контрабандныхъ книжкахъ, ежедневно возникавшихъ во множествѣ. Онъ зналъ и практическіе планы друзей просвѣщенія, ихъ любимую мечту—распространить, скоро и легко, образованіе среди русскаго народа путемъ «ланкастерскихъ взаимныхъ обученій». Само правительство одно время увлекалось этими «обученіями» и посылало за границу свѣдущихъ людей знакомиться съ устройствомъ ихъ. Чаще всего съ этою цѣлью посылались студенты Педагогическаго института. Въ Россіи возникли ланкастерскія школы для мужчинъ и для женщинъ, даже въ арміяхъ школы быстро стали процвѣтать, увлекли офицеровъ, повліяли на смягченіе военной дисциплины...

Но «прекрасные дни Аранжуэца» скоро минули...

Да и странно было бы ожидать рѣшительной побѣды для подобныхъ идей въ обществѣ, не ужѣвшемъ даже какъ слѣдуетъ произносить словъ—ланкастерскій и педагогическій и смѣшивавшемъ врага отечества съ другомъ просвѣщенія и здраваго смысла. И именно на сторонѣ этого общества была сила...

Поэтъ припоминаетъ, какъ новыя идеи постепенно вытѣсняли у него самого наклонности «ёры и забіяки», превращали легкомысленнаго корнета въ гражданина. Поэтъ дорожитъ этимъ перерожденіемъ и теперь съ болью въ сердцѣ слѣдитъ за судьбою увлекшихъ его идей,—видитъ, какъ онѣ утратили свой кредитъ у людей вліянія и власти, какъ эти люди постепенно дошли до убѣжденія, что можно съ ума сойти отъ «ланкарточныхъ взаимныхъ обученій», и что «въ педагогическомъ институтѣ профессора упражняются въ расколахъ и безвѣрьи». Теперь ужъ не до развитія народа и усвоенія результатовъ европейскаго просвѣщенія. Авторитеты, въ родѣ Магницкаго, объявляютъ «слово человѣческое проводникомъ адской силы», приговариваютъ цѣлыя университеты, напр., Казанскій, къ «публичному разрушенію», профессоровъ объявляютъ преступниками, «изступленными безумцами»... До науки ли здѣсь! При такихъ условіяхъ всякій—«историкъ и географъ», кого прикажутъ таковымъ считать. Особенно ненавистными науками слывуть химія и фи-

зика. Имъ приписываются опасныя и «надменные умствованія». Очевидно, молодой человекъ, занимающійся химіей, или сумасшедшій, или якобинець...

Да, можетъ сказать поэтъ, «велики бываютъ на землѣ превращенія правленій, нравовъ и умовъ»...

II.

Невеселы становятся думы одинокаго поэта. Но онъ молодъ, имъ не овладѣетъ грусть, онъ злостью и желчью отвѣтитъ тѣмъ, кто губитъ его идеалы, кто врагъ «свободной жизни», кто гонитъ стремленія къ знанію и искусствамъ творческимъ...

У поэта давно накапливаетъ гнѣвъ. Онъ еще на родинѣ пытался воплотить его въ художественномъ произведеніи, но только теперь, въ минуты гнетущей тоски, въ порывахъ невольнаго раздраженія на виновниковъ своего одиночества и душевнаго томленія, когда передъ нимъ неотвязной вереницей проходятъ лица и факты, — окончательно рѣшается вопросъ о мести и ея орудіи. Это будетъ *сатира*, — пылкая, стремительная, клеймящая опредѣленныхъ личностей, переполненная эпиграммами на всѣмъ извѣстныхъ мовстровъ и ихъ подвиги, — сатира, брызжущая искрами лирическаго негодованія и убійственнаго презрѣнія.

Поэтъ много разъ представлялъ все это въ воображеніи, передумывалъ каждую черту, укрываясь отъ зноя въ своемъ саду. Полный воспоминаній о Петербургѣ и Москвѣ, онъ однажды заснулъ и увидѣлъ во снѣ все, что пережилъ раньше. Ему снилось также, будто онъ рассказываетъ своимъ друзьямъ о новой своей комедіи, читаетъ нѣкоторыя мѣста...

Сонъ былъ поразительно реаленъ. Пробудившись, поэтъ беретъ карандашъ и въ садовой бесѣдкѣ, въ теченіи ночи, сочиняетъ планъ *Горя отъ ума* и пишетъ нѣсколько сценъ перваго акта *)...

За героями и героинями автору не приходилось пускаться въ далекіе поиски. У него былъ ихъ цѣлый запасъ въ памяти. Онъ и потомъ не скрывалъ, что лица его комедіи — портреты. Въ этомъ и заключалась сила ея поразительнаго реализма, ея истинно-русскій смыслъ. Но авторъ, помимо наблюдательности, обладалъ великимъ творческимъ талантомъ, и портреты у него превратились въ общественные типы, личныя эпиграммы — въ поговорки, случайные эпизоды — въ комическія и драматическія положенія. Въ этомъ превращеніи — тайна безсмертія геніальной комедіи, насколько

*) Таково извѣстное сообщеніе Булгарина.

она сатира на извѣстное общество. Но этого мало. Пьеса не производила бы и малой доли того захватывающаго впечатлѣнія, какое она не перестаетъ производить до сихъ поръ, если бы въ ней видѣли только смѣхъ и презрѣніе. Эти обѣ силы, какъ бы благородны и справедливы онѣ ни были, не подчиняютъ своей власти особый сортъ натуръ, отзывчивыхъ и искреннихъ,—натуръ, одаренныхъ лиризмомъ, склонностью къ поэтическимъ восторгамъ и идеальнымъ сочувствіямъ. Эти натуры понималъ величайшій изъ сатириковъ — Гоголь, и прекрасно изобразилъ ихъ, когда сѣтовалъ на равнодушіе семнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ къ великому, но неблагодарному труду сатирика, поэта — живописца житейскихъ, прозаическихъ низменныхъ мелочей... Такихъ «семнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ» много и среди юношей, и даже среди зрѣлыхъ мужей. Имъ отъ природы гораздо ближе, родственнѣе драматизмъ страдающаго, чѣмъ жало насмѣшки. Ихъ сердце всѣмъ пыломъ увлеченія отзвучиваетъ на чужую тоску одиночества, обманутыхъ надеждъ, неосуществленныхъ идеаловъ,—и болѣзненно сожмется предъ самымъ праведнымъ гнѣвомъ и возвышенно-благороднымъ смѣхомъ.

Этимъ зрителямъ нуженъ герой-идеалистъ, герой-изгнанникъ, герой-страдалецъ. Если онъ покажется смѣшнымъ при извѣстныхъ условіяхъ, — это значитъ онъ непризнакъ, и тѣмъ глубже и живѣе ему сочувствіе и искреннѣе удивленіе предъ его мужествомъ.

Авторъ «Горя отъ ума» создалъ именно такого героя и далъ ему даже центральное мѣсто, заставилъ его играть роль свѣтила, окруженнаго странными, часто до фантастичности уродливыми, образами.

Что такое Чацкій и въ чемъ состоитъ его комедія и драма?

Отвѣты на первый вопросъ давались самые разнообразныя, и совершенно противоположныя даны талантливѣйшими судьями. Бѣлинскій видѣлъ въ Чацкомъ отраженіе самого автора, Пушкинъ считалъ героя комедіи личностью, посторонней для автора. По его мнѣнію, Чацкій — пылкій, благородный, добрый малый, но не особенно умный. Онъ только провелъ нѣсколько времени съ умнымъ человѣкомъ — Грибоѣдовымъ, понабрался у него разныхъ мыслей, остротъ и сатирическихъ замѣчаній. И только. Это, конечно, не значитъ, что Чацкій сталъ умнѣе и сколько-нибудь нравственно приблизился къ автору.

Почему же Чацкій кажется неумнымъ и столь далекимъ отъ личности своего творца?

Отвѣтъ: потому что онъ говоритъ умныя вещи людямъ или

глупымъ, или неспособнымъ понять и оцѣнить эти разговоры—Фамусову, Скалозубу, Молчалину, московскимъ бабушкамъ, вообще, мечеть бисеръ и проповѣдуетъ въ пустынѣ.

Но можетъ ли удовлетворить насъ этотъ отвѣтъ?

Неужели умный человѣкъ обязательно всегда, въ какомъ угодно настроеніи, говоритъ умныя вещи только людямъ одинаковаго съ нимъ умственнаго развитія? И неужели мы непремѣнно должны признать глупостью всякую проповѣдь предъ публикой, настроенной враждебно къ проповѣднику?

Если мы помиримся съ утвердительными отвѣтами на эти вопросы, — мы немедленно очутимся въ самомъ затруднительномъ положеніи.

Прежде всего,—когда вообще приходится человѣку, одушевленному новыми лучшими стремленіями, сообщать ихъ только единомышленникамъ и людямъ, способнымъ съ перваго слова оцѣнить весь смыслъ его слова? И если бы постоянно оказывалось такимъ положеніе проповѣдниковъ и реформаторовъ, велика ли была бы *нравственная* заслуга ихъ проповѣди? Бываютъ, конечно, умники кстати, умѣющіе приспособлять свои чувства и мысли къ господствующей въ данную минуту погодѣ; но вѣдь такого сорта умъ осмѣявъ самимъ же Пушкинымъ. Его Евгений Овѣгинъ, большой искусникъ вести тонкій разговоръ и, гдѣ слѣдуетъ, промолчать съ видомъ знатока, лицо далеко не идеальное и, по всей видимости, во мнѣніи самого автора—отнюдь не положительное.

Совершенно другое, глубокое впечатлѣніе производятъ на насъ не эти умники, кстати, ни разу въ жизни не попадающіе въ смѣшное положеніе изъ-за своихъ идей и взглядовъ, а слишкомъ неосторожные, пылкіе идеалисты, не умѣющіе во время сдержаться и спрятаться въ уголокъ, въ жару битвы не задающіе себѣ вопроса, какое положеніе будетъ наиболее выгоднымъ и солиднымъ съ точки зрѣнія публики, и смѣло идущіе впередъ, не ради своего личнаго успѣха, а ради дорогихъ, до жгучаго страданія почувствованныхъ убѣжденій.

Картина такого сраженія можетъ показаться весьма забавной. Въ перлѣ созданія она возведена Сервантесомъ: его Донъ-Кихоть—идеальный представитель такого рода вонтелей. Сраженіе ламанчскаго рыцаря съ вѣтряными мельницами—карикатура, но, по существу, совершенно правдивое изображеніе вѣчной борьбы идеалистовъ съ косными общественными силами. Донъ-Кихоть, сражаясь съ мельницами, обнаруживаетъ свое безуміе. Чацкій, говоря намъ, — проповѣдуя Фамусову и Скалозубу недоступныя имъ идеи, — доказываетъ свою ограниченность. Но возможно ли дѣйствія

обоихъ героевъ судить съ одной и той же, и притомъ исключительно-практической, точки зрѣнія? Сраженіе Донъ-Кихота не болѣе, какъ аллегорія, но сущность ея никому еще не казалась ни смѣшной, ни безумной. Напротивъ, ламанчскій рыцарь стоитъ въ ряду трогательнѣйшихъ образовъ міровой драмы.

Поведеніе Чацкаго не аллегорія, а совершенно реальный фактъ, повторяющійся ежедневно и свидѣтельствующій о живомъ идейномъ процессѣ въ обществѣ, о неумирании общихъ интересовъ, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ его членовъ, и—что еще важнѣе—доказывающій гражданское мужество и энергію идеалистовъ.

Фамусовъ и его гости считаютъ Чацкаго сумасшедшимъ именно за то, что онъ вноситъ въ ихъ среду совершенно несообразныя на ихъ взглядъ понятія о личномъ достоинствѣ, о службѣ, о народности. Не значить ли поддаваться тому же впечатлѣнію, обзывая Чацкаго—если не сумасшедшимъ, во всякомъ случаѣ, неумнымъ, добрымъ малымъ, т.-е. симпатичной посредственностью? Неужели искренно и глубоко убѣжденный юноша тѣмъ только и можетъ доказать свой умъ, что будетъ говорить о своихъ убѣжденіяхъ сообразно съ обстоятельствами? Намъ кажется—напротивъ, несомнѣнный признакъ истинно-принципіальныхъ взглядовъ заключается въ ихъ безразсчетной энергіи. Недаромъ поэтъ нарисовалъ пророка среди смѣющейся и негодующей толпы. Таково вѣчно высоко-драматическое положеніе всѣхъ, кто рѣшается выдѣлиться изъ толпы затѣмъ, чтобы напасть на ея лицемѣріе и раскрыть ея замаскированныя язвы. Съ этими людьми неизмѣнно повторяется сцена, описываемая лермонтовскимъ пророкомъ:

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ превираютъ всѣ его!»

Вы видите, слово *глупецъ* и здѣсь на первомъ планѣ. Да, пророкъ въ глазахъ толпы *глупъ*, совершенно какъ Чацкій—сумасшедшій, или тоже глупый. Положенія тождественныя, и опѣнка со стороны старцевъ и дѣтей въ обоихъ случаяхъ одинаковая.

Въ результатѣ, характеристика, данная Чацкому Пушкинымъ, не свидѣлствуетъ объ обычной провинительности вели-

каго поэта. Эта характеристика невѣрна и въ томъ отношеніи, что безусловно отдѣляетъ личность героя отъ личности автора, признаетъ только нѣкоторыя частности, вышнія и случайныя черты—общими у Чацкаго и Грибоѣдова.

На самомъ дѣлѣ, совершенно достовѣрныя извѣстія убѣждаютъ насъ въ изумительно-близкомъ нравственномъ сродствѣ поэта и его созданія.

Свойство Чацкаго, столь смутивше Пушкина, — его слишкомъ неосмотрительное проповѣдничество, — мы видѣли, характеризовало вообще молодежь Грибоѣдовской эпохи. Современникъ прямо указалъ намъ на запальчивость и страстность юныхъ идеалистовъ, вступавшихъ въ борьбу съ патриархальными преданіями свѣтскаго общества: они ни на минуту не задумывались, гдѣ и съ кѣмъ имъ приходилось защищать свои мнѣнія. Несомнѣнно, многіе изъ нихъ поражали и Фамусовыхъ, и Скалозубовъ—отнюдь не съ большимъ тактомъ и «умомъ», чѣмъ это дѣлаетъ Чацкій.

Слѣдовательно, «глупость» Грибоѣдовскаго героя — отличительная черта цѣлаго поколѣнія, къ которому принадлежалъ и самъ авторъ комедіи. Но этого мало. Таже «глупость» цѣликомъ входила въ личный характеръ самого автора, толкала его на поступки, еще болѣе предосудительныя съ точки зрѣнія свѣтскаго приличія и практическаго благоразумія, чѣмъ «либеральныя» рѣчи Чацкаго въ присутствіи московскихъ тузовъ.

Грибоѣдовъ отличался крайней вспыльчивостью и чисто юношеской нетерпимостью. «Кровь сердца всегда говорила у него въ лицѣ», говоритъ о немъ современникъ, и эта «кровь» ставила часто знаменитаго поэта въ крайне затруднительныя и, если угодно, смѣшныя положенія. Очевидцы единогласно говорятъ о «Катовской» суровости Грибоѣдова въ обличеніи сильныхъ лицъ. Это, очевидно, посильнѣе, чѣмъ тирады Чацкаго. Наконецъ, у насъ есть подлинныя документы, принадлежащіе самому Грибоѣдову: они обличаютъ такое бурное и «неблагоразумное» волненіе крови, что гнѣвъ и страсть Чацкаго въ сравненіи съ нимъ кажутся скромной элегіей.

Вы помните рѣзкій отвѣтъ Чацкаго на сожалѣніе и похвалы Фамусова?

Московскій тузъ снисходительно замѣчаетъ Скалозубу по адресу легкомысленнаго юноши, избѣгающаго службы:

Нельзя не пожалѣть, что съ такимъ умомъ...

Чацкій не даетъ кончить:

Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ?

И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ,

Эта сцена живо напоминаетъ одинъ изъ эпизодовъ біографіи Грибоѣдова.

Дѣло произошло по поводу статьи Булгарина. Въ статьѣ Грибоѣдову воздавались величайшія похвалы, онъ даже именовался особымъ псевдонимомъ—*Таллтинъ*. Трудно представить, какое жестокое впечатлѣніе произвели похвалы и псевдонимъ—на поэта. Впечатлѣніе казалось бы прямо невѣроятнымъ, если бы оно не было засвидѣтельствовано письмомъ самого Грибоѣдова къ автору хвалебной статьи.

Грибоѣдовъ не можетъ скрыть, что его письмо должно показаться «страннымъ», но онъ все-таки посылаетъ его, твердо рѣшившись «объявить истину». Онъ вѣритъ въ искренность похвалъ Булгарина, «но мои правила,—продолжаетъ онъ,—правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предускоренной. Вы меня хвалили какъ автора, а я именно, какъ авторъ, ничего еще не произвелъ истинно-изящнаго».

Грибоѣдовъ видитъ единственный исходъ — прервать знакомство съ Булгаринымъ, и мотивы этого рѣшенія необыкновенно краснорѣчивы и въ высшей степени оригинальны. Въ каждомъ словѣ слышится творецъ Чацкаго.

«Не думайте, чтобы какая-нибудь внѣшность, мнѣнія другихъ людей меня побудили къ прерванію съ вами знакомства. Вѣрьте, что для меня моя совѣсть важнѣе чужихъ пересудовъ; и смѣшно бы было мнѣ дорожить мнѣніемъ людей, когда всемѣрно отъ нихъ удаляюсь. Я просто въ несогласіи самъ съ собою: сближаясь съ вами болѣе и болѣе, трудно самому увѣриться, что ваши похвалы были мнѣ не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не заплакиваю-ли я еще горсточку ладана!»...

И такія соображенія оказались для Грибоѣдова вполне убѣдительными, чтобы сказать человѣку: «мы другъ друга болѣе не знаемъ», оставаясь о немъ «хорошихъ мыслей» и даже считая долгомъ отзываться о немъ «съ благодарностью». Вся тайна страннаго поступка заключается въ словахъ: «я просто въ несогласіи самъ съ собою». Но вѣдь это то же самое, что Чацкій говоритъ Софьѣ:

Умъ съ сердцемъ не въ ладу!..

И этого достаточно, чтобы чувство любви въ груди этого человѣка переходило въ пламенные лирическіе порывы, не смотря ни на какія очевидныя разочарованія, а чувство гнѣва граничило съ самозабвеніемъ,—все равно, въ какія бы минуты оно ни явля-

лось. И Чацкій совершенно вѣреалъ себѣ, когда одновременно осыпаетъ Софью упреками въ равнодушіи, въ лицемеріи, въ измѣнѣ и кончаетъ восклицаніемъ:

И все-таки я васъ безъ памяти люблю!

Онъ также остается тѣмъ же мученикомъ внутренняго разлада, когда по поводу «незначущей встрѣчи» съ французикомъ изъ Бордо начинаетъ громить все русское общество, чуть не всю русскую исторію, и договаривается до «величавой одежды» и китайщины.

Это совершенно Грибоѣдовское теченіе мыслей. Драгоцѣнный образчикъ въ томъ же письмѣ къ Булгарину. Взгляните на поступокъ журналиста трезвымъ, умиротвореннымъ взглядомъ, вы не найдете здѣсь ничего преступнаго, еще менѣе — оскорбительнаго для личнаго достоинства нашего поэта. А между тѣмъ, Грибоѣдову вообразилось, что похвала Булгарина обязательно должна превратить его въ льстеца, связать его по рукамъ и по ногамъ, лишить его необходимой свободы въ обращеніи съ своимъ критикомъ. До такой степени щекотливо чувство личной независимости и самоуваженія у этого человѣка! Очевидно, ему ничего не стоитъ по самому пустому, на чужой взглядъ, поводу — привести въ дѣйствіе всю силу своего пламеннаго краснорѣчія и злобнаго сарказма.

Это и происходитъ при первомъ же случаѣ. Булгаринъ пересолилъ въ похвалахъ, другой журналистъ — Загоскинъ вывелъ Грибоѣдова изъ себя незаслуженными укоризнами. И на этотъ разъ впечатлѣніе оказалось едва ли не болѣзненнымъ. Грибоѣдовъ писалъ, что у него голова «не на мѣстѣ» и здѣсь же, какъ и въ первомъ случаѣ, самъ первый смѣялся надъ причиной.

«И смѣшно сказать отъ чего? — признавался онъ пріятелю. — Дуракъ Загоскинъ въ журналѣ своемъ намаралъ на меня ахинею. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этимъ оскорбляться, и я сперва, какъ прочелъ, разсмѣялся, но послѣ, чѣмъ больше объ этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ, не вытерпѣлъ, написалъ самъ фасесію и пустилъ по рукамъ; вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана, а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые очень усердно разносятъ и развозятъ копи этой шалости...»

Это опять месть въ духѣ Чацкого. Разница только въ одномъ: Чацкій не писатель, но зато онъ неистощимъ на импровизаціи сатирическаго характера, его отзывы о Молчалинѣ — настоящая «фасесія» и создаются они при томъ же настроеніи, какое сопровождаетъ и сочинительство самого Грибоѣдова. Чацкій отлично пони-

маеть все ничтожество Молчалина, не можетъ, конечно, считать его своимъ достойнымъ врагомъ, но это все—доводы разсудка: сердце дѣйствуетъ совершенно иначе, и въ результатъ сарказмы Чацкаго вызываютъ даже у Софьи раздраженный шепотъ:

Не человекъ,—змѣя!..

Нѣтъ, эти два человекъ тождественной натуры, Чацкій и Грибоѣдовъ—родные братья по духу, не даромъ поэтъ снабдилъ своего героя многими подробностями своей собственной біографіи, вложилъ въ его уста эпиграммы на людей, отравлявшихъ его собственную жизнь, и въ результатъ воплотилъ въ немъ свой страстный, неукротимый нравъ, всю энергію своего негодованія на ненавистныя явленія русской дѣйствительности, всю муку разлада между холоднымъ умомъ и мятежнымъ чувствомъ.

Но такое точное и въ то же время художественно-типичное воспроизведеніе собственной личности возможно для автора только въ томъ случаѣ, если онъ успѣлъ возвыситься до спокойнаго, безпристрастнаго самопобѣжденія,—другими словами, успѣлъ, если не пережить окончательно, то передумать, уяснить себѣ до мельчайшихъ подробностей свое я, свое прошлое, и очами неподкупнаго судьи оцѣнить сокровеннѣйшія пружины своего нравственнаго міра. Въ эпоху, когда постепенно возникала комедія, Грибоѣдовъ, несомнѣнно, утратилъ не мало благо юношескаго пыла, можетъ быть, уже не съ прежней запальчивостью «обличалъ» непріятныхъ ему людей, но извѣстное намъ письмо къ Булгарину возникло уже послѣ окончанія комедіи, слѣдовательно, авторъ далеко еще не усвоилъ того «ума», который исключаетъ «странные» и «смѣшные» поступки. Кромѣ того, у насъ есть извѣстія, относящіяся къ этому періоду и указывающія, безъ всякой преднамѣренности, на внутреннее и отчасти даже внѣшнее родство между Грибоѣдовымъ и его героемъ. Это—впечатлѣнія Бестужева.

При первой же встрѣчѣ съ Грибоѣдовымъ Бестужеву бросились въ глаза его «странныя и отрывистыя» движенія, манера говорить и держать себя, свойственная только ему. При второмъ свиданіи Грибоѣдовъ объяснилъ Бестужеву, почему они не сошлись съ первой же встрѣчи. Объясненіе весьма характерное.

«Холодность ваша при первой встрѣчѣ, — говорилъ Грибоѣдовъ, —какая-то осторожность въ рѣчахъ отбили у меня охоту быть съ вами покороче».

Дальше Бестужевъ уже послѣ того, какъ ему удалось познакомиться со всей комедіей Грибоѣдова, писалъ объ авторѣ:

«Обладая всѣми свѣтскими выгодами, Грибоѣдовъ не любилъ свѣта, не любилъ пустыхъ визитовъ или чинныхъ обѣдовъ, ни

блестящихъ праздниковъ такъ называемаго лучшаго общества. Узы ничтожныхъ приличій были ему несносны потому даже, что онѣ узы. Онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать насмѣшки надъ позлащенною и самодовольною глупостью, ни презрѣнія къ низкой искательности, ни негодованія при видѣ счастливаго порока. Кровь сердца всегда играла у него въ лицѣ. Никто не похвалится его лестью; никто не дерзнетъ сказать, будто слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать—никогда. Твердость, съ которою онъ обличалъ порочныя привычки, несмотря на знатность особы, показала бы инымъ катоновскою суровостью, даже дерзостью; но, такъ какъ видно при этомъ, что онъ хотѣлъ только извинить, а не уколоть, то нравоученіе его, если не производило исправленія, по крайней мѣрѣ, не возбуждало и гнѣва».

Вся эта характеристика цѣликомъ можетъ быть отнесена къ Чацкому, за исключеніемъ послѣднихъ словъ, относительно цѣли обличеній. Бестужевъ свидѣтельствуетъ о неизмѣнно-гуманномъ настроеніи Грибоѣдова; этого нельзя сказать о Чацкомъ. Онъ слишкомъ часто стремится скорѣе «уколоть», чѣмъ «извинить». Но это различіе объясняется совершенно нагляднымъ обстоятельствомъ.

Бестужевъ, продолжая свой рассказъ, говоритъ: «онъ не любилъ женщивъ». Правда, авторъ воспоминаній здѣсь же и оговаривается: Грибоѣдовъ не былъ безусловно равнодушенъ къ женской красотѣ. Но, во всякомъ случаѣ, лично онъ врядъ ли могъ попасть въ положеніе Чацкаго относительно Софьи.

Единственная черта, созданная авторомъ специально для своего героя и чуждая ему самому, заключается въ слѣдующей пламенной рѣчи Чацкаго, обращенной къ Софьѣ—защитницѣ Молчалина:

Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый,
 Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
     Чтобъ, кромѣ васъ, ему міръ цѣлый
     Казался прахъ и суета?
     Чтобъ сердца каждое бѣнье
     Любовью ускорялось къ вамъ?
 Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
     Душою—вы, вамъ угожденье?
 Самъ это чувствую, сказать лишь не могу;
 Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуется, бѣситъ,
 Не пожелалъ бы я и личному врагу...

Чацкій—несчастливо влюбленный, и притомъ влюбленный со всѣмъ пыломъ молодости, со всѣмъ отчаяньемъ одиночества, со всей рѣшительностью человѣка, чувствующаго себя выше всѣхъ и, прежде всего, выше предполагаемаго соперника. Это не измѣняетъ сущности характера героя, но налагаетъ на его *настроенія* и *рѣчи* необыкновенно яркую окраску.

Чацкій не только неудовлетворенный идеалистъ—онъ отвергнутый любовникъ. Въ результатъ—его идеи, даже если онѣ касаются общихъ вопросовъ, неминуемо достигаютъ высшей степени энергіи, раздраженія, нетерпимости. Вѣдь Софья—плоть отъ плоти пустого и коснаго общества, это оно воспитало въ ней натуру и взгляды, на столько низменные, что даже Молчалинъ могъ увлечь ее. Очевидно, негодованіе на общественныя уродства при такихъ условіяхъ становятся *личнымъ* чувствомъ, не отвлеченной идеей моралиста и обличителя, а жгучимъ, болѣзненнымъ трепетомъ обездоленнаго сердца.

По существу, возрѣнія и характеръ Чацкаго принадлежатъ самому автору, но подъ вліяніемъ привходящихъ обстоятельствъ, они получаютъ могучій толчокъ по направленію «суровости» и «дерзости». И Чацкій съ каждымъ актомъ дѣлаетъ все новые шаги по этому пути, каждую идею усиленно подчеркиваетъ, выбираетъ для нея самую рѣзкую форму, свои взгляды иллюстрируетъ карриатурами, нерѣдко доказательства подмѣняетъ нестерпимо-оскорбительными эпиграммами и колкостями. Къ концу третьяго акта этотъ процессъ достигаетъ кульминаціонной точки, и мы слышимъ настоящій гимнъ въ честь «старины святой», жгучую сатиру на европейское платье, тоску по китайскимъ нравамъ, и въ заключеніе, совершенно уже, по свѣтскимъ понятіямъ, неприличное, прямо безумное изображеніе благородныхъ гостей Фамусова въ лицахъ...

Этотъ монологъ, глубоко-вѣрный въ психологическомъ отношеніи, ввелъ въ заблужденіе Бѣлинскаго. Критикъ былъ совершенно правъ, видя въ Чацкомъ самого автора, но совершенно несправедливо понимаетъ въ буквальномъ смыслѣ проповѣдь Чацкаго о китайщинѣ и даже обвиняетъ самого автора въ мелочномъ негодованіи на бритые подбородки и фраки... Авторъ, во-первыхъ, нисколько неповиненъ въ *формѣ рѣчи* Чацкаго,—формѣ, вызванной, какъ мы видѣли, особымъ личнымъ чувствомъ героя, а потомъ и самъ Чацкій отнюдь не отвѣтственъ за каждое слово, которое у него срывается въ минуты жесточайшей обиды и невыносимой душевной боли.

Смыслъ монолога Чацкаго,—защита русской народности и гоненіе на безтолковую подражательность иностранцамъ—дорогъ одинаково и ему, и Грибоѣдову, и ихъ современникамъ, новой молодежи. Но восторгъ предъ величавой одеждой долгополой старины не болѣе, какъ накипь взволнованной крови, чисто-виѣшнее крайнее средство борца, чувствующаго себя затравленнымъ волкомъ въ извѣстной средѣ.

Предъ нами не вина Чацкаго въ эти минуты, а самый захватывающій моментъ его драмы. Именно теперь онъ особенно смѣшонъ окружающимъ, страненъ до того, что они, не говоря ни слова, отходятъ отъ него или съ злораднымъ смѣхомъ, или съ еще болѣе обидной улыбкой пренебреженія. За комической внѣшностью сцены чувствуется глубочайшая трагедія, какая только доступна человѣку: трагедія полного одиночества и въ общихъ идеяхъ и личныхъ чувствахъ. Предъ нами осмѣянный мыслитель и униженный юноша. И чье сердце не отзовется на то или другое страданіе! Пусть идеалы Чацкаго несбыточны, при извѣстныхъ условіяхъ совершенно непрактичны и неразумны, пусть среди холодныхъ скептическихъ поколѣній не найдется для него, какъ идеалиста, искры уваженія и сочувствія, но самый сѣрый, заурядный рабъ будничной дѣйствительности не можетъ остаться равнодушнымъ, когда у него на глазахъ благороднѣйшее чувство глубокой мужественной любви подвергается осмѣянію ради ловкаго пошляка и проходимца, когда беззавѣтно любимая дѣвушка клеймитъ страшной клеветой влюбленнаго въ нее юношу за то только, что онъ невольно поддается ревности и безпощадно выставляетъ на свѣтъ Божій всю низость ея избранника...

Но пусть для иныхъ любовныя страданія Чацкаго слишкомъ ничтожны и неинтересны, пусть онъ на самомъ дѣлѣ смѣшонъ въ своемъ увлеченіи московской барышней, способной находить удовольствіе въ обществѣ смиренномудраго лакея — Молчалива и считающей умъ и геній чумой, — но тогда искренняя, истинно-рыцарская убѣжденность Чацкаго должна явиться во всемъ блескѣ. Сколько вреда наноситъ онъ себѣ слишкомъ откровенными нападками на все, что кажется ему подлымъ и пошлымъ! Его прямымъ интересомъ было бы шадить Фамусова и его общество: вѣдь онъ явился сюда, чтобы устроить свое счастье съ любимой дѣвушкой, и вопросъ этотъ, конечно, находится въ прямой зависимости отъ Фамусова и его родни. Но Чапкій, и безъ того совершенно неудовлетворительный съ точки зрѣнія этихъ господъ, начинаетъ въ глаза преслѣдовать ихъ жесточайшими насмѣлками и укоризнами. Пылкій идеалистъ одной рукой разрушаетъ то самое зданіе, какое онъ пытается воздвигнуть другой. Такъ онъ поступаетъ, еще даже не подозрѣвая интриги Софьи съ Молчаливымъ.

Развѣ это не краснорѣчивѣйшій образъ рыцаря идеи, жертвы своихъ убѣжденій? Вы чувствуете, — что даже глубочайшая личная страсть не заставитъ этого человѣка отступить отъ своихъ общихъ идеаловъ, онъ скорѣе откажется отъ счастья, дѣвушку, не съумѣвшую оцѣнить его, предоставитъ ея естественной карьерѣ въ рабской лицемѣрной средѣ, чѣмъ пойдетъ на сдѣлки и уступки.

Чацкій оставляетъ сцену въ ту минуту, когда Софья, подавленная стыдомъ, видитъ себя окончательно обезоруженной и безпомощной. Обыкновенный романическій любовникъ поступилъ бы иначе. У него личное чувство взяло бы верхъ надъ всеми другими соображеніями, и онъ поспѣшилъ бы занять мѣсто, столь выгодно для него освободившееся. Но Чацкій видитъ прежде всего не торжество своей проницательности на счетъ Молчалина, и не болѣе доступный путь къ сердцу Софьи, а всю бездну нравственнаго паденія ея, какъ *человѣка* и какъ выученицы извѣстнаго общества. Въ послѣднемъ монологѣ онъ снова дѣлаетъ быстрый смотръ уродамъ и пошлякамъ, заполонившимъ Москву, предупреждаетъ Софью, что онъ отнюдь не навязывался бы ей, если бы зналъ о полномъ ея равнодушіи къ нему. Чацкому нужна была не красивая салонная игрушка, а умная, единомышленная подруга, жена-товарищъ, на которую можно было бы опереться въ дикомъ варварскомъ лагерѣ тузовъ и очаковскихъ философовъ. Онъ ни на минуту не спускалъ глазъ съ этихъ своихъ *общественныхъ* враговъ, питая нѣжнѣйшее чувство къ Софьѣ, и его послѣдній гнѣвъ направленъ не на личнаго обидчика:

Безумнымъ вы меня прославили всеѣмъ хоромъ—
 Вы правы, изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
 Кто съ вами день пробить успѣетъ,
 Подышетъ воздухомъ однимъ,
 И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ.

Въ этихъ словахъ звучитъ голосъ не оскорбленнаго любовника, а общественнаго сатирика; только сатира проникнута могучимъ личнымъ чувствомъ, идея одушевлена всей силой и энергіей молодости и страсти.

Такъ разнообразны мотивы гениальной комедіи, и такъ разносторонняя личность и роль ея героя. Въ разнообразіи и разносторонности заключается тайна неограниченнаго вліянія пьесы и всеобщаго интереса къ ея главному лицу...

Мы не можемъ закончить своей рѣчи о Чацкомъ, не упомянувъ объ одномъ весьма распространенномъ навѣтѣ: ни автора и его героя. Говорятъ, будто и сама комедія, и въ особенности характеръ Чацкаго — заимствованы, отраженія чужого вдохновенія, именно мольеровскаго, будто Чацкій копія съ Альцеста.

При извѣстной страсти — всюду отыскивать вліянія и заимствованія — можно, конечно, открыть ихъ и въ нашей пьесѣ. Но стоить внимательнѣе всмотрѣться въ сущность грибоѣдовской сатиры и мольеровскаго «Мизантропа», чтобы всякое представленіе о прямомъ заимствованіи исчезло окончательно.

Это представленіе могло возникнуть только при бѣгомъ и поверхностномъ сравненіи обѣихъ пьесъ. Съ перваго взгляда дѣйствительно бросается внѣшнее сходство и внутреннее родство мотивовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ герои протестуютъ противъ общественныхъ золъ и въ то же время влюблены, попадаютъ въ смѣшное положеніе, благодаря своей запальчивости и своему увлеченію, и въ концѣ концовъ отступаютъ побѣжденными. Но этими общими чертами и ограничиваются сходство и родство. И такихъ чертъ можно найти немало не въ одномъ мольеровскомъ «Мизантропѣ». Напримѣръ, шекспировскій Гамлетъ тотъ же Альцестъ и Чацкій, только съ спеціальной практической задачей. Удалите эту задачу, месть за убійство отца и позоръ матери, и интрига съ Офеліей немедленно выступитъ на первый планъ, и получится основа «Мизантропа» и «Горе отъ ума». Вы увидите идеалиста, заброшеннаго въ совершенно неподходящую для него среду и на горшее несчастье полюбившаго одно изъ ничтожнѣйшихъ дѣтищъ этой среды. Частности будутъ различны: Офелія не то же, что Софья, все равно какъ и Селимена не похожа на московскую барышню, но *сущность романтической интриги* не измѣнится. Въ общихъ чертахъ не измѣнится и *сущность идеальной драмы*: датскій дворъ не во всемъ похожъ на дворъ Людовика XIV, и еще менѣе на салонъ Фамусова, но всѣ три среды одинаково ненавистны для идеалиста и *принципы* его борьбы всюду тождественны.

Гамлетъ возстаеъ противъ рабскаго духа, пошлости, лицемерія Полонія и его соратниковъ, Алцестъ — противъ тѣхъ же свойствъ Филэнта и «смѣшныхъ маркизовъ», Чацкій всѣ эти пороки называетъ прямо по именамъ, а Молчалинъ имѣетъ несравненно больше сходства съ Розенкранцемъ Гильденштерномъ, чѣмъ съ Филэнтомъ. Параллель можно распространить даже на главныхъ героевъ: Чацкій въ нѣкоторыя минуты совершенно теряетъ самообладаніе и въ концѣ пьесы утверждаетъ, что въ обществѣ москвичей всякій свѣжій человѣкъ рискуетъ потерять рассудокъ. Припомните бесѣду Гамлета съ Полоніемъ, страхъ датскаго принца, какъ бы ему на самомъ дѣлѣ не сойти съ ума съ такого рода друзьями и, наконецъ, цѣлый рядъ сценъ, гдѣ Гамлетъ дѣйствительно приходитъ почти въ изступленіе, впадаетъ въ жестокое нервное разстройство.

Снова повторяемъ — «Гамлетъ» то, что называется *высокая трагедія*, и ея сюжетъ несравненно болѣе мрачнаго характера, чѣмъ сюжеты нашихъ комедій. Но мы говоримъ объ основныхъ чертахъ характера главной личности и ея принципиальныхъ отно-

шеніяхъ къ окружающимъ. Во всѣхъ трехъ пьесахъ эти черты и отношенія паразитально сходны.

Почему бы, послѣ этого, не доказывать связь «Горе отъ ума» съ «Гамлетомъ»?

Дѣло въ томъ, что сущность грибоѣдовской комедіи, какъ и всякаго вообще геніальнаго художественнаго произведенія, настолько же общечеловѣческая, насколько и національная. Эта сущность заключается въ свободномъ убѣжденномъ протестѣ личности противъ общественной косности, въ протестѣ новыхъ прогрессивныхъ идей противъ преданій и предрасудковъ.

Всякая европейская литература обладаетъ, по крайней мѣрѣ, однимъ подобнымъ созданіемъ, потому что всякому обществу не одинъ разъ приходится переживать эпохи переломовъ, рѣзкихъ столкновеній отживающаго міросозерцанія съ идеалами грядущаго нравственнаго и общественнаго порядка. И герои этихъ произведеній неизмѣнно являются любимыми дѣтищами творческихъ вдохновеній авторовъ, создаются въ теченіи многихъ лѣтъ, отражая въ себѣ и многолѣтній житейскій опытъ своихъ создателей, и многообразные оттѣнки ихъ идеальныхъ стремленій.

Таковы герои Гамлетъ, Альцестъ, Донъ-Карлосъ, съ теченіемъ времени уступившіе свое мѣсто въ сердцѣ поэта маркизу Позѣ. Таковъ и Чапкій.

Всѣ они—идеалисты и протестанты: въ этомъ ихъ взаимное родство, но разнообразны сферы ихъ дѣйствій, и различны поводы и цѣли ихъ протеста.

Протестъ Гамлета стоитъ на самой общей почвѣ. Принцъ очутился на границѣ двухъ противоположныхъ и непримиримыхъ нравственныхъ міросозерцаній. Съ одной стороны, отношеніе чловѣка къ средѣ самое простое, инстинктивно-непосредственное: кровь за кровь и жизнь за жизнь. Такъ смотрять на нравственный долгъ въ первобытномъ обществѣ, когда практическая дѣятельность не осложняется ни гуманнымъ чувствомъ, ни отвлеченной мыслью. Но здѣсь, въ этой же средѣ, у людей съ наиболѣе чуткой совѣстью и тонкой духовной организаціей можетъ возникнуть сомнѣніе: *справедливо* ли и *разумно* ли всегда и вездѣ дѣйствовать по закону возмездія? Нѣтъ ли другого исхода, помимо матеріальной кары? И дѣйствительно ли путемъ мести осуществляется идея высшей правды?

Стоитъ отдѣльной личности искренно и смѣло поставить себѣ рядъ такихъ вопросовъ, и разладъ между нею и обществомъ неминуемо приведетъ къ трагическимъ столкновеніямъ и величайшимъ страданіямъ, одинокимъ и непризнаннымъ, возникнетъ

драма—драма мысли, какъ уже давно назвали исторію датскаго принца.

Подобную же борьбу ведетъ и Альцестъ, только его сомнѣнія болѣе частнаго характера, вытекають непосредственно изъ историческихъ условій XVII-го вѣка. Мизантропъ преслѣдуетъ всякую ложь, извращеніе природы и естественности, тоскуетъ о глубокомъ искреннемъ чувствѣ, защищаетъ права личности и личныхъ взглядовъ предъ лицомъ общественныхъ приличій и предразсудковъ. Вообще, это протестантъ, созданный жеманнымъ и лицемѣрнымъ обществомъ французской монархіи.

Иной протестъ Чацкаго.

Московское общество начала нынѣшняго вѣка далеко не то, что салонъ Селимены. Прежде всего, предметъ жесточайшихъ нападковъ Чацкаго, страсть родового русскаго туза къ личнымъ униженіямъ и даже шутовству, стремленіе подслужиться и выслужиться,—невѣдомы Альцесту. Даже молюеровскіе маркизы не могли унижаться до поступковъ знаменитаго Максима Петровича, потому что Людовикъ XIV, при всемъ своемъ властолюбіи, не допускалъ шутовскаго раболѣпія и лично отличался изумительнымъ тактомъ въ обращеніи даже съ простыми слугами. Извѣстно, на примѣръ, его отвращеніе къ маркизу Лафельяду, образцовому льстецу и угоднику, и его искренняя радость, когда этотъ маркизъ, наконецъ умеръ и не могъ болѣе надоедать королю своимъ обожаніемъ.

Дальше, Альцестъ возмущается Филэнтомъ, потому что тотъ считаетъ нужнымъ скрывать свои мнѣнія. Чацкій презираетъ Молчалина за то, что фамусовскій секретарь вообще не считаетъ себя вправѣ имѣть какіе-либо собственные взгляды, потому что они «въ чинахъ небольшихъ». Подобное міросозерцаніе совершенно недоступно французу даже классической эпохи, и является исключительнымъ достояніемъ русскаго общества.

Въ результатѣ, мотивы протеста молюеровскаго героя можно признать скорѣе общечеловѣческими, а Чацкій негодуетъ противъ самой наглядной и реальной русской дѣйствительности. Всѣ персонажи во французской комедіи не носятъ безусловно-національной окраски, это, вообще, свѣтскіе франты и кокетки XVII-го вѣка, возможные въ какой угодно европейской столицѣ. Совершенно другое общество у Грибоѣдова. На всѣхъ его герояхъ дѣйствительно лежитъ «особый отпечатокъ». Ни Фамусова, ни его дочь, ни Молчалина, ни Репетилова нельзя и вообразить въ другой средѣ, чѣмъ Москва, и при другихъ условіяхъ, чѣмъ складъ московскаго общества въ первой четверти XIX вѣка. Мало этого.

Мы видѣли, что для каждаго лица и почти для каждаго эпизода упоминаемаго въ комедіи, существуютъ прототипы и прецеденты въ самой дѣйствительности.

Все это устраняетъ всякое сомнѣніе на счетъ оригинальности и полной независимости русской пьесы отъ какого бы то ни было иностраннаго образца *). Но едва ли не самое краснорѣчивое доказательство этой истинны заключается въ судьбѣ грибоѣдовской комедіи—въ публикѣ, въ критикѣ и на сценѣ.

Въ публикѣ, мы знаемъ, она имѣла безпримѣрно быстрый и прочный успѣхъ. Этого не бываетъ съ подражательными или заимствованными произведеніями. Они могутъ вызвать развѣ только временное увлеченіе, но сосредоточивать сильнѣйшій интересъ цѣлаго ряда столѣтій могутъ только созданія, выросшія изъ самыхъ иѣдръ національнаго духа.

Въ критикѣ и на сценѣ судьба комедіи иная, но и здѣсь она подтверждаетъ тотъ же выводъ. Непопулярность пьесы у журналистовъ всецѣло объясняется ея новизной, отсутствіемъ иноземныхъ прикрасъ, обычныхъ въ старой русской драматической литературѣ, ея безпощаднымъ жизненнымъ реализмомъ. Настоящіе русскіе люди и неподдѣльная русская жизнь въ литературѣ являлась совершенно неожиданнымъ фактомъ въ эпоху классическихъ, романтическихъ, байроническихъ вожделѣній нашихъ литературныхъ судей. Даже ближайшіе друзья поэта не поняли сразу всей силы его правдиваго національнаго творчества. Катенинъ писалъ

---

*) Любопытно, что для нашихъ усердныхъ открывателей всякаго рода подражаній и заимствованій въ русской литературѣ осталось, очевидно, совсѣмъ невѣдомой одна любопытнѣйшая сцена въ комедіи весьма извѣстнаго въ свое время писателя—Дакнура—*Chevalier à la mode*. Герой этой комедіи въ общемъ, конечно, не похожъ на Молчалина, уже потому, что шевалье-аристократъ, его карьера и особенно частные эпизоды его дѣятельности живо напоминаютъ русскую пьесу. Шевалье безпрестанно ухаживаетъ за свѣтскими дамами—съ самыми реальными цѣлями: одна заботится объ его экономіи, другая оплачиваетъ его игру, третья платитъ по счетамъ его портного, четвертая покупаетъ мебель для его квартиры. Всѣ эти подружки для него своего рода фермы съ прекраснымъ доходомъ». Но собственно *сердце* шевалье влечетъ его къ горничной одной изъ его благодѣтельницамъ. Горничную завутъ Лизеттой, и между ней и шевалье происходитъ сцена (актъ I, сд. 6), почти тождественная по мотивамъ и содержанію со сценой между Молчалинымъ и Лизой (д. II, сд. 12). Даже отдѣльныя фразы дѣйствующихъ лицъ въ обоихъ случаяхъ совпадаютъ. Послѣ этого,—отчего Грибоѣдова не признать ученикомъ Дакнура? Вообще, при извѣстной стремительности едва ли не всякое произведеніе можно разложить на составныя части и отыскать имъ параллели въ какой угодно литературѣ. Но убѣдительными такого рода результаты могутъ быть только для самихъ ретивыхъ «исслѣдователей».

Грибоѣдову, что въ его пьесѣ «дарованія болѣе, нежели искусства», и разумѣлъ подъ искусствомъ общепринятыя шаблоны для комедіи и трагедіи. Поэтъ отвѣчалъ замѣчательными словами, точно и кратко выражающими цѣлую теорію творчества, — истиннаго, вдохновеннаго творчества.

«Дарованія болѣе, нежели искусства». Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю, стою ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытверженнаго, приобрѣтеннаго потомъ и мученьемъ искусства угождать теоретикамъ, т. е. дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? *nugae difficiles*. Я какъ живу, такъ и пишу: свободно и свободно».

Таковъ отвѣтъ былъ друзьямъ. Критикамъ отвѣтили читатели, актеровъ заставила понять и оцѣнить комедію публика.

III.

Черезъ годъ послѣ появленія *Горя отъ ума* въ рукописи часть ея была напечатана въ альманахѣ Булгарина на 1825 годъ. Альманахъ назывался «Русская Талія». Въ немъ появились 7, 8, 9 и 10-е явленія перваго дѣйствія и весь третій актъ. Цензура, очевидно, съ великимъ трудомъ пропустила и эти отрывки. О постановкѣ комедіи на сценѣ не могло быть и рѣчи. Но комедіи предстояло встрѣтить другаго врага, несравненно болѣе ожесточеннаго и упорнаго, въ лицѣ журнальной критики.

Русская литература до грибоѣдовской комедіи питалась преимущественно французскимъ творчествомъ и французскимъ законодательствомъ по части искусства. «На все были свои законы», строго была опредѣлена форма драмы, ея содержаніе, даже характеры дѣйствующихъ лицъ.

Грибоѣдовъ нарушилъ всѣ «правила»: вмѣсто шестистопнаго ямба, заговорилъ свободнымъ стихомъ басенъ, интригой пренебрегъ, всѣ усилія направилъ на изображеніе нравовъ, характеры взялъ не изъ ложно-классическаго репертуара, а изъ русской жизни, сознавался, что списалъ *портреты* съ знакомыхъ ему личностей.

Всѣ эти «вольности» были подмѣчены современными аристархами. Давнишняя взаимная вражда двухъ главныхъ журналовъ

«Московского Телеграфа» и «Вѣстника Европы» до крайности разгорячили полемику. Одну сторону *Горе отъ ума* удовлетворяло, другой казалось позоромъ русской литературы.

Послѣднее положеніе доказывалось при помощи Буало. Статьи снабжались эпиграфами изъ его эстетическихъ разсужденій. Выставлялись также обвиненія независимо отъ правилъ салоннаго французскаго критика. Въ Чацкомъ критики открывали *лезгинскія* качества за его фразу, обращенную къ Софьѣ: «вы ужъ *на ногахъ*». Софья оказывалась невѣждой въ свѣтскихъ приличіяхъ, такъ какъ называется Чацкаго *по фамилии*...

Критика, очевидно, была достойна эпиграфовъ и не могла выбиться изъ чужеземныхъ помочей.

Журнальныя препирательства, обыкновенно презираемыя высшимъ обществомъ, на этотъ разъ встрѣтили сильнѣйшій отголосокъ и въ этой средѣ. Москвичи и петербуржцы привялись уважать въ герояхъ Грибоѣдова своихъ знакомыхъ, доходили до обвиненія, будто онъ нанесъ жестокое оскорбленіе всему руссiйскому дворянству. Приемъ, и позже неоднократно повторявшійся по поводу литературной дѣятельности Гоголя, Лермонтова. Исконная пикировка между двумя столицами еще больше разожгла азартъ партій. Въ Москвѣ имя автора произносилось съ проклятіями. Въ Петербургѣ пользовались случаемъ лишній разъ посмѣяться надъ «азиатской столицей». Любопытно, что даже въ провинціи появленіе комедіи сопровождалось разными происшествіями.

Въ пермской межевой канцеляріи возникло дѣло о *вольномудрствѣ* одного изъ чиновниковъ канцеляріи, землемѣра Кудрявцева. На его столѣ начальство нашло рукопись съ одной сценой изъ грибоѣдовской комедіи, и вознегодовало на неблагопріятный отзывъ Фамусова о книгахъ и ученѣѣ, на отзывъ Хлестовой о пансіонахъ, лицехъ и *ланкарточныхъ* обученіяхъ. Начальство межевой канцеляріи не поняло оговорки Хлестовой и полагало, что «*ланкарточное* обученіе—благодѣтельное занятіе упражняющихся въ географіи и прочихъ теоретическихъ наукахъ, служащихъ къ счастью благоучрежденнаго государства»... Но еще больше начальство обидѣлось критикой на педагогическій институтъ, потому что въ этомъ заведеніи воспитывались нѣкоторые начальники Кудрявцева.

Они приписали стихи самому Кудрявцеву и допрашивали: «съ какимъ намѣреніемъ онъ (т.-е. Кудрявцевъ) вложилъ въ уста нареченнаго имъ *Загортыкаго*, что еслибъ «былъ цензоромъ назначенъ онъ, на басни бы налегъ», будто бы «басни смерть его», ибо якобы «насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами, они хоть и

животныя, а все-таки цари», и прочее, изображаемое чрезъ посредницію его, именуемую имъ Хлестову?»

Дѣло дошло до прокурора, но, вѣроятно, не повлекло къ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Кудрявцеву нетрудно было доказать, что стихи принадлежатъ не ему.

Поэта страшно раздражали дразги, возникшія по поводу его любимаго творенія. Онъ не переносилъ небрежныхъ замѣчаній на его комедію отъ людей, которыхъ онъ считалъ мало компетентными. Его выводили изъ себя суціе пустяки, если только въ нихъ видѣлось ему покушеніе на достоинство его труда. Извѣстна, напримѣръ, сцена, происшедшая у Хмельницкаго съ Федоровымъ, авторомъ плохой драмы.—«Лиза или слѣдствіе гордости и обольщенія». Стоило Федорову намекнуть Грибоѣдову на сотрудничество въ его комедіи А. Шаховскаго и сравнить ее, даже не по существу, а только ея объемъ, съ своей *Лизой*, и Грибоѣдовъ наотрѣзъ отказался въ его присутствіи читать пьесу, обозвавъ предварительно драму Федорова—«пошлостью». Такъ горячо принималъ поэтъ къ сердцу репутацію своего дѣтища, и столько, очевидно, было вложено въ это дѣтище личныхъ чувствъ и дорогихъ думъ!..

Но больнѣе всего было для поэта не видѣть своей комедіи на сценѣ. Онъ съ восторгомъ принялъ даже намѣреніе учениковъ театральной школы разыграть «Горе отъ ума» на ученической сценѣ, заботливо слѣдилъ за репетиціями... Но въ послѣднюю минуту спектакль былъ запрещенъ администраціей. Комедія начинается появляться на публичной сценѣ съ 1830 года и сначала частями,—въ бенефисы артистовъ. Въ Петербургѣ въ бенефисъ Сосницкой идетъ первый актъ, третій въ бенефисъ Каратыгиной, третій и четвертый въ бенефисы Каратыгина и Григорьева. Послѣдній спектакль происходилъ въ іюлѣ и, не смотря на страшную жару, театръ былъ полонъ.

Въ Москвѣ въ томъ же году, въ бенефисъ Рѣпиной, появился на сценѣ одинъ третій актъ, подъ названіемъ «Московскій балъ». Афиша, по обычаю того времени, была переведена на французскій языкъ и гласила: «Le Bal de Moscou», а пьеса называлась «Malheur à force d'Esprit». Исполненіе соотвѣтствовало безграмотности французскаго переводчика.

«Московскій Телеграфъ», повторивъ свои обычные восторги предъ комедіей, по поводу ея исполненія на сценѣ воскликнулъ: «Горе! горе! только не отъ ума, а отъ дурной обстановки пьесы»... Критикъ отказывается даже исчислить всѣ «прегрѣшенія труппы, искажавшія представленіе», и находитъ, что «только одно изъ

дѣйствующихъ лицъ удовлетворило ожиданіямъ публики,—это князь Тугоуховскій, который не говоритъ ни одного слова». Молодой артистъ, Г. П. Степановъ, по отзыву критика, замѣчательно искусно «поддѣлалъ походку и фізіономію» дряхлаго московскаго барина. Остальные актеры только *прочитали* комедію...

И это вполнѣ естественно. Съ русскими актерами, изучавшими грибоѣдовскія роли, должно было произойти то же самое недоразумѣніе, какое вызвало классическую критику «Вѣстника Европы». Русское сценическое искусство также изнемогало подъ гнетомъ французскихъ книгъ и модъ, какъ и сама драма. Русскіе артисты воспитывались на французскомъ репертуарѣ или его передѣлкахъ и учились у французскихъ исполнителей. Каратыгины, Семеновы, Вальберховы видѣли своихъ наставниковъ и руководителей въ лицѣ Лароша, Дюкруази, лучшихъ представителей французской сцены въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Въ Петербургѣ затрудненія актеровъ были еще больше, чѣмъ въ Москвѣ. Въ «европейской» столицѣ трудно было отыскать прототиповъ Фамусова и его друзей. Вся комедія была написана авторомъ подъ непосредственными впечатлѣніями московскихъ нравовъ и обывателей. Но и въ Москвѣ знаменитѣйшіе ея артисты оказались не лучше подготовленными.

Въ первый разъ пьеса вся цѣликомъ была представлена на сценѣ петербургскаго Большаго театра 26-го января 1831 года въ бенефисъ актера Брянскаго. На этотъ разъ—отчетъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и такой же неблагоприятный, какъ и московскій. Главныя роли оказались совершенно непонятными. Всѣ актеры играли ихъ на манеръ французскихъ. Рязанцевъ—весьма талантливый актеръ, его и самъ критикъ называетъ «отличнѣйшимъ»,—игравшій Фамусова, изображалъ одну изъ мольеровскихъ ролей—«мѣщанина въ дворянствѣ» или Богатенова, перенесеннаго на русскую почву съ французской.

Взглядъ критика на самый характеръ Фамусова не лишень интереса и при всей своей справедливости до сихъ поръ не находитъ полнаго оправданія на сценѣ. «Фамусовъ, — говоритъ критикъ, — смѣшонъ своими предразсудками, своими понятіями о людяхъ, о дѣлахъ, а не суетливостью, не простотою. Это—московскій баринъ, *фигура важная*, который, хотя и забывается на время съ прекрасною горничною, но все-таки онъ—человѣкъ хорошаго тона, старшій дворянинъ, въ родствѣ съ князьями и графами, притомъ даетъ балы!».

Въ игрѣ Рязанцева критикъ и не нашелъ именно этой барственности, *applotb'a*, которымъ отличаются люди, живущіе въ

высшемъ кругу. Фамусовъ на сценѣ выпелъ простодушнымъ старикомъ.

Роль Чацкаго исполнялъ Каратыгинъ, еще болѣе прославленный артистъ, чѣмъ Рязанцевъ. Критику даже досадно высказывать свое недовольство игрою такого артиста. Каратыгинъ стремился въ лицѣ Чацкаго изобразить героя трагедіи, являлся «какимъ-то Агамемнономъ, смотрѣлъ на всѣхъ съ высоты Олимпа, грозно и величаво и читая тирады (сатирическія выходки на наши нравы), какъ приговоры судьбы». Вообще, Каратыгинъ взялъ образцовъ мольтеровскаго «Мизантропа».

Изъ мужскихъ ролей удовлетворительной оказалась только одна,—изъ самыхъ незначительныхъ по величинѣ,—роль Платона Михайловича. Ее игралъ бенефициантъ.

Семенова, въ роли Софьи, оставалась обыкновенной *jeune comique* французскихъ пьесъ. Вообще, дамы, по словамъ критика, «не поняли стиховъ Грибоѣдова, читали, только что не по складамъ, безъ интонацій, т.-е. безъ измѣненія голоса сообразно предмету, и притомъ такъ тихо и невнятно, что все это потеряно было для публики».

Черезъ мѣсяцъ послѣ петербургскаго спектакля, 25 февраля, комедія была представлена на сценѣ Московскаго театра.

Предъ нами отзывы двухъ органовъ—«Московскаго Телеграфа» и «Сѣверной Пчелы»—и оба отзыва одинаково переполнены сѣтованіями. Въ Москвѣ ложно-классическій ядъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ, отравилъ оригинальное произведеніе русскаго автора. Оба журнала единодушно указываютъ причину неудачи. Имъ обоемъ ясно, что русская труппа «офранцузилась» до крайней степени, и ни одинъ актеръ даже понять не можетъ истинно-русскаго характера. Въ результатѣ полное пораженіе труппы.

Роль Фамусова исполнялъ Щепкинъ и провелъ ее «à la Транжирина». Это одинъ изъ русско-французскихъ персонажей шаблоннаго характера. Исполнитель даже одѣлся, какъ вообще одѣвался въ роли Транжирина: «въ исподнемъ платьѣ, вѣроятно, доставшемся ему отъ Юрика, въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, и этотъ костюмъ онъ сохранилъ до произнесенія послѣднихъ стиховъ комедіи и затѣмъ чинно раскланивался публикѣ, въ ожиданіи опущенія занавѣса».

Роль Чацкаго игралъ гениальный Мочаловъ, и, по отзыву обоихъ противниковъ, «очень неудовлетворительно»: «представлялъ не современнаго человѣка, отличнаго отъ другихъ только своимъ взглядомъ на предметъ, а чудака, мизантропа, который даже говоритъ

иначе, нежели другіе, и прямо идетъ на ссору съ первымъ встрѣчнымъ».

Впослѣдствіи артисты постарались исправить недостатки своихъ ролей. Труднѣе всего это далось Мочалову,—артисту, игравшему исключительно въ порывѣ вдохновенія, а не съ помощью выучки, подробнаго и безстрастнаго анализа роли и характера.

Долго спустя послѣ перваго представленія кн. Шаховской, отличный знатокъ драматическаго искусства, много поучалъ Мочалова предъ каждымъ новымъ спектаклемъ. Изъ этихъ поученій ясно видны основные недостатки Мочалова-Чапкаго.

«Дусенька, Павелъ Степановичъ,—говорилъ князь,—позалоставола просто, безъ афетказіи, не возвысай голоса; помни, сто ты не тлагедью иглаесь; ляди Бога не пелехитли, какъ можно будь простѣе, безъ клика,—помни, сто всѣ люди смилнѣе, съ котолыми ты говолись».

Щепкинъ изучилъ свою роль по оригиналу, съ котораго списанъ Фамусовъ. Артистъ превосходно освоился съ этимъ оригиналомъ и все-таки въ глубинѣ души былъ недоволенъ своимъ исполненіемъ.

Щепкинъ основной чертой своего героя считалъ барственность и признавалъ себя совершенно неспособнымъ воспроизвести эту черту. «Во мнѣ ничего нѣтъ барскаго», говорилъ всегда искренній и строгій къ себѣ артистъ-художникъ, «у меня нѣтъ манеръ барскихъ, я—человѣкъ толпы, и это ставитъ меня въ совершенный разладъ съ Фамусовымъ, какъ съ живымъ лицомъ».

Первое изданіе комедіи вышло въ 1833 году, въ Москвѣ. По этому поводу «Московскій Телеграфъ» вспомнилъ о печальной участи пьесы на сценѣ и снова указалъ на главную причину—неспособность русскихъ актеровъ воплощать *самобытные*, оригинальные характеры.

Комедія явилась первой школой этой оригинальности на сценѣ. Она первая указала артистическимъ силамъ другой путь, чѣмъ покорное подражаніе французскимъ образцамъ, и заставила ихъ выполнять свои задачи *свободно*, какъ было создано и само произведеніе.

Для критики комедія была также откровеніемъ. Ложно-классическія красоты держали въ плѣну ея художественный вкусъ и здравый смыслъ, и прошло много времени, пока публика прочла, наконецъ, безпристрастный разборъ пьесы. Онъ принадлежитъ Бѣлинскому. Разборъ, можетъ быть, не всѣми идеями удовлетворяетъ современный взглядъ, гениальный критикъ въ эту эпоху испытывалъ сильнѣйшія внѣшнія вліянія—гегельянскихъ теорій.

Но, во всякомъ случаѣ, художественныя достоинства и общественное значеніе комедіи не могли укрыться отъ пронизательнаго взора великаго судья-художника. Его статья должна считаться однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ нашей литературѣ и въ нашемъ общественномъ самосознаніи.

Слѣдовательно, во всѣхъ направленіяхъ русскаго искусства и мысли *Горе отъ ума* явилось источникомъ и двигателемъ новыхъ идей. Въ самомъ обществѣ оно, независимо отъ какихъ бы то ни было толкованій и воздѣйствій печати, пробудило національное сознание въ такой мѣрѣ и съ такой энергіей, какъ это не удавалось до сихъ поръ ни одному явленію литературной и общественной жизни нашего отечества.

Мы судимъ о гениальномъ созданіи на пространствѣ многихъ десятковъ лѣтъ, но и теперь трудно пересчитать всѣ вопросы, затронутые комедіей, и еще труднѣе отвѣтить, какіе изъ этихъ вопросовъ вполне разрѣшены въ періодъ ея многолѣтней безграничной, неувядающей славы.

Ив. Ивановъ.

РОДИНА

Романъ Гернфельда.

Переводъ съ финскаго проф. П. О. Морозова.

(Окончаніе *).

VIII.

Прошло два года. Хейкки уже сдалъ всѣ свои экзамены и готовилъ диссертацию.

Работа давалась ему легко. Тѣхъ трудностей, которыхъ онъ пугался въ началѣ, теперь какъ не бывало: онъ уже убѣдился, что въ философіи всѣ затрудненія происходятъ только отъ неясности въ мысляхъ самого ученаго. Съ философіей, говорилъ онъ, надо обращаться, какъ съ ребенкомъ: смѣяться надъ нею, когда она, напрягая всѣ силы, старается выпутаться изъ умственныхъ сѣтей, въ которыхъ сама же запуталась, иной разъ дать ей нагоняй, иногда же ласково погладить по головкѣ, если она добралась до яснаго вывода.

Но подобнаго рода трудности встрѣчаются, вѣдь, не въ одной только философіи, а и въ другихъ сферахъ жизни. Совсѣмъ такъ же, какъ философъ пытается скрыть за трудными учеными терминами неясность и запутанность собственной мысли, и такимъ образомъ производитъ устрашающее впечатлѣніе на новичковъ,—также точно и жизнь пугала Хейкки своими общественными вопросами и официальными отношеніями. Люди властные и чиновные представлялись ему существами какого-то иного, высшаго, міра, котораго онъ не понималъ, но къ которому относился съ боязливымъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

уваженіємъ. Самъ онъ всегда причислялъ себя только къ „стаду управляемыхъ“.

Теперь онъ совсѣмъ перемѣнился. Это пришло какъ-то само собой, въ то время, когда онъ сидѣлъ за работой, обложивъ себя книгами. Онъ вдругъ началъ понимать, что все его философское спокойствіе—не болѣе, какъ одинъ обманъ, миражъ, что официальность—только отвлеченное понятіе, и что въ официальномъ мундирѣ обрѣтается самый обыкновенный человѣкъ, только привыкшій болѣе или менѣе ловко скрывать свои слабости, развившій въ себѣ самоувѣренность и научившійся отдавать приказанія. А если это такъ, то отчего же и Хейкки не могъ бы тоже попытаться стать въ ряды „управляющихъ“?

Онъ однажды близко видѣлъ Анти и пришелъ въ восторгъ отъ той энергіи, которая, безъ сомнѣнія, была характернымъ качествомъ этого человѣка, и безъ которой немислимо создать себѣ видное положеніе въ обществѣ. Теперь такую же энергію онъ чувствовалъ въ себѣ самомъ.

Многіе изъ товарищей уже успѣли опередить его,—а онъ остался назади изъ за своихъ ребяческихъ идей, которыя удерживали его въ деревнѣ. Но это не бѣда: теперь онъ сталъ старше и опытнѣе, а стало быть, и скорѣе можетъ достигнуть намѣченной цѣли. Все зависитъ только отъ времени; какимъ путемъ идти,—не все ли равно? это дѣло второстепенное. Кажется, прежде всего слѣдовало бы стремиться къ матеріальному благосостоянію; но передъ нимъ открытъ и другой путь, болѣе короткій, по которому онъ уже успѣлъ значительно подвинуться впередъ: это—стремленіе къ славѣ. Идя этимъ путемъ, онъ, безъ сомнѣнія, достигнетъ цѣли гораздо скорѣе и съ такимъ блескомъ, что навѣрное возбудитъ общее вниманіе и удивленіе...

Это стремленіе къ славѣ, къ извѣстности и сдѣлалось теперь, можно сказать, злѣйшимъ его врагомъ. Мысль о славѣ мѣшала его научнымъ занятіямъ: она проглядывала между строкъ книги, она напоминала о себѣ среди размышленій о философскихъ истинахъ, мѣшала правильному ходу мыслей и останавливала перо; она росла, и зажигала умъ, и заставляла сердце биться сильнѣе...

* * *

Однажды вечеромъ онъ сидѣлъ за своимъ рабочимъ столомъ, окруженный густымъ облакомъ табачнаго дыма и погруженный то въ чтеніе, то въ мечты. Вдругъ на улицѣ

послышался какой-то стукъ. Онъ вскочилъ со стула, подбѣжалъ къ окну, прислонился къ стеклу и, закрывши виски руками, сталъ смотрѣть на улицу. Ему показалось, что за окномъ стоитъ женщина, закутанная въ шубу.

Хейкки тотчасъ же накинулъ на себя шубу, потушилъ лампу и выбѣжалъ на улицу.

Онъ очень удивился, и даже испугался, увидѣвъ, кого онъ встрѣтилъ, и хотѣлъ было пройти мимо, только приподнявъ шапку: *той* встрѣчи онъ вовсе не ждалъ. Но его остановилъ знакомый голосъ Фанни.

— Ахъ, г. Нагорный! Я очень рада, что встрѣтила васъ. Я ужъ давно ищу случая съ вами поговорить.

Ея голосъ замѣтно дрожалъ, хотя она и старалась говорить спокойно и вазаться беззаботною.

— Да, — отвѣчалъ Хейкки, — мы уже давно не встрѣчались; года два, кажется?

И оба молча пошли по улицѣ.

— Ну, какъ поживаютъ ваши домашніе? — нерѣшительно спросила Фанни, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Я не ѣздилъ домой съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ Гельсингфорсъ, и не имѣю никакихъ извѣстій. А вы еще помните Нагорное?

— Да, помню очень хорошо.

И они снова довольно долго шли молча. Хейкки ждалъ, что будетъ; Фанни, въ видимомъ безпокойствѣ, ускоряла шагъ. Наконецъ, дойдя до угла, она остановилась и сказала:

— Здѣсь мы разстанемся. Да, я хотѣла вамъ сказать, что я часто думала... мнѣ часто вспоминался тотъ случай въ нашемъ саду.

— Ну, что объ этомъ вспоминать, — холодно прервалъ ее Хейкки: — это ужъ давно было и прошло.

Фанни простояла съ минуту молча, потомъ протянула ему свою маленькую, теплую ручку безъ перчатки.

— Ну, такъ прощайте, Хейкки!

— Прощайте!

И она торопливо пошла своей дорогой.

Хейкки очень хорошо понялъ ее: теперь настала ея очередь!

Онъ самъ удивился своей холодности. Разсудокъ говорилъ ему, что въ подобномъ случаѣ слѣдовало бы выказать участіе; но въ душѣ его не пробудилось ни малѣйшаго признака участія или сочувствія; онъ почувствовалъ только

мимолетное сожалѣніе, когда онъ посмотрѣлъ вслѣдъ Фанни, и увидѣлъ, какъ при каждомъ шагѣ вздрагивала шуба на ея плечахъ.

Домой ему уже не хотѣлось идти.

Куда же дѣваться? Идти въ ресторанъ, и тамъ снова слушать уже тысячу разъ сказанныя слова, тысячу разъ передуманныя мысли, и самому говорить, и казаться увлеченнымъ, а въ душѣ смѣяться надъ этой пустотой?..

Хейкеи пошелъ въ концертъ. Въ этотъ вечеръ ему не хотѣлось быть въ обществѣ; онъ хотѣлъ послушать музыку и отрѣшиться, хоть на минуту, отъ своихъ обычныхъ мыслей и заботъ.

Въ концертѣ онъ не встрѣтилъ никого изъ знакомыхъ, хотя зала была полна: здѣсь была совсѣмъ не та публика, среди которой Хейкеи пользовался извѣстностью. Когда онъ проходилъ черезъ залу, на него никто даже и не взглянулъ.

На эстрадѣ появился молодой скрипачъ, — почти мальчикъ. Его внѣшность была такъ изящна, онъ поклонился такъ граціозно и съ такимъ достоинствомъ, что по залѣ сейчасъ же пробѣжалъ одобрителный шепотъ.

Онъ игралъ все грустныя, трогательныя, мелодіи, одну за другою, почти не обращая вниманія на шумныя одобренія. Самодовольная улыбка, появлявшаяся на его лицѣ во время рукоплесканій, исчезала тотчасъ же, какъ только онъ начиналъ играть.

Въ послѣдней пьесѣ его скрипка звучала особенно грустно: это была горькая жалоба, мучительный стонъ отвергнутой души, напрасно жаждущей любви...

Откуда ему знакомо это чувство? Невозможно допустить, чтобы этотъ мальчикъ могъ самъ испытать такую глубокую печаль! А между тѣмъ, его скрипка говорила о чемъ-то пережитомъ, — словно въ ея звукахъ вылились всѣ давно минувшія, напрасно погибшія, стремленія, заглохшія надежды, похороненное горе и никѣмъ не услышанныя мольбы давно-давно погибшихъ людей...

Эти звуки шли прямо въ сердце и пробуждали въ немъ глубокую, могучую скорбь, — скорбь, еще неизвѣданную и безмѣрную.

Какъ давно уже не испытывалъ Хейкеи ничего подобнаго! Онъ не находилъ ничего, что могло бы облегчить эту скорбь. Онъ не хотѣлъ вызвать въ своемъ воображеніи образъ Фанни, которому было бы не мѣсто среди этихъ воспоминаній; ему

хотѣлось бы вызвать видѣніе давно минувшей поры, — тѣхъ своихъ земляковъ — крестьянъ, съ лицами, полными напряженнаго вниманія и съ молитвенниками въ рукахъ, которыхъ онъ видѣлъ когда-то въ темномъ саду, при звукахъ фортепiano. Если бы передъ нимъ явилась теперь эта картина, въ немъ проснулись бы забытыя чувства... Но его память была нѣма, и воображеніе отказывалось служить ему...

Скрипачъ умолялъ. Раздались бурныя рукоплесканія; публика не находила достаточно громкаго выраженія для своихъ восторговъ: всѣ кричали, топали ногами, чуть не ломали стулья...

Неужели же всѣ эти люди чувствовали тоже самое, что и Хейкки? Неужели молодой скрипачъ сумѣлъ найти такую же прямую дорогу къ сердцу этихъ сотенъ людей, вакую онъ нашелъ къ сердцу Хейкки? Онъ, этотъ мальчишъ, который теперь не могъ даже разстаться съ своей шаблонной самодовольной улыбкой, который навѣрное ни о чемъ такомъ не думалъ, ничего не пережилъ, ничего не выстрадалъ! А они всѣ полюбили его, всѣ готовы были измучить его своими ласками, особенно — женщины, съ раскраснѣвшимися лицами... Его полюбили — а въ душѣ Хейкки проснулась зависть: о, какъ полюбили бы его самого въ томъ кругу, гдѣ онъ былъ своимъ человѣкомъ!

Но ему уже было поздно мѣнять свою публику...

* * *

Весною Хейкки окончилъ всѣ свои дѣла въ университетѣ. Его диссертация имѣла блестящій успѣхъ. Въ кругу товарищей онъ сталъ являться гораздо чаще и веселѣе прежняго; всюду только и рѣчи было, что о немъ; всѣ говорили, что онъ „далеко пойдетъ“.

Тѣ, кто знали его ближе, хвалили его за другое: они удивлялись его „натурѣ“, его мужеству и твердости. Гдѣ бы онъ ни появлялся, онъ тотчасъ же овладѣвалъ общимъ вниманіемъ, — и всѣ не только его слушали, но и слушались. О своей личной жизни онъ никогда не говорилъ ни слова, и самымъ любезнымъ, но настойчивымъ, образомъ отклонялъ всѣ попытки даже близкихъ къ нему людей проникнуть въ эту невѣдомую имъ область. У него не было ни одного такого друга, которому онъ довѣрился бы всецѣло, несмотря на то, что многіе старались заслужить имя близкаго друга Хейкки. Правда, говорили, будто Олли знаетъ его лучше другихъ; но отъ Олли ничего толкомъ нельзя было добиться: онъ совсѣмъ

*

опустился, началъ запивать, часто давалъ объѣты трезвости, и еще чаще нарушалъ ихъ...

Весна была ранняя. Черный, рыхлый ледъ еще стоялъ въ гельсингфорской гавани, гдѣ чинились и готовились къ открытію навигаціи зимовавшія суда; работа на нихъ шла живо и весело.

Синія волны дальняго моря уже катились къ берегу, и скоро на горизонтѣ показалась поднимающаяся къ небу струйка дыма. Большой заграничный пароходъ пробилъ себѣ дорогу черезъ льдину и вошелъ въ гавань. Его рѣзкій свистокъ привелъ въ движеніе весь городъ, и толпа, любуясь моремъ, долго не расходилась съ набережной и съ бульвара. Солнце медленно опускалось въ море, еще играя своими красноватыми лучами въ верхнихъ окнахъ домовъ; легкое дыханіе весны вѣяло свѣжимъ вѣтеркомъ, а въ городѣ раздавался стукъ колесъ по мостовой, напоминая лѣто.

Особенно оживилась и обрадовалась веснѣ молодежь. Цѣлыми толпами высыпала она на улицу со смѣхомъ и шутками; весельемъ дышало каждое слово, радость блестѣла въ глазахъ, и нигдѣ не видно было ни малѣйшаго слѣда горя или заботы.

Одиново бродилъ Хейкки посреди этой толпы. Вокругъ него слышались радостныя восклицанія, веселыя шутки, каламбуры, намеки,—говоръ, похожій скорѣе на птичье щебетанье, чѣмъ на человѣческую рѣчь... Во всемъ сказывалась молодость и свѣжесть,—и все это проходило мимо него, все это было ему уже чужимъ...

Какое горькое разочарованіе! какое безотрадное чувство! Ему казалось, что эти люди словно что-то у него украли. Никто изъ нихъ не хотѣлъ его знать, на него не обращали вниманія: онъ былъ для нихъ уже старикомъ, человѣкомъ иного, отживающаго поколѣнія. Имъ не нужна была его извѣстность,—имъ нужна была только юность!

На бульварѣ показалась кучка людей, знакомыхъ Хейкки. И они тоже были въ веселомъ, весеннемъ, настроеніи. На минуту избавившись отъ своего бумажнаго дѣлопроизводства, они беззаботно прыгнули съ официального педестала, на которомъ имъ такъ долго приходилось стоять въ неестественномъ и утомительномъ положеніи. Впрочемъ, они съ этимъ положеніемъ такъ уже свыклись, что считали его цѣлью жизни. Когда имъ случалось на минуту выйти изъ него, (эти короткіе эпизоды бывали только вводными и точно ставились

въ сѣобки), они, всеже, имѣли такой видъ, какъ будто хотѣли сказать прохожимъ: понимаете, вѣдь это—только случайность!

Когда Хейкки поровнялся съ ними, никто изъ нихъ не остановился поговорить съ нимъ. „Здравствуйте!“ — „Здравствуйте!“ — и мимо. Съ Хейкки надо было бы разговаривать „о матеріяхъ важныхъ“, а на это ни у кого изъ нихъ не было охоты. Хейкки былъ для нихъ только „извѣстною личностью“, съ которою они охотно знакомились; но среди веселья и развлеченій они о немъ даже и не вспоминали. Онъ всегда стоялъ внѣ сферы ихъ жизни. Никто и не подозрѣвалъ, что на днѣ его души жило женственно-нѣжное чувство, жажда любви, ласки, участія, скрытая подъ серьезною внѣшностью. И не только въ его душѣ жило это дѣтское чувство, но и въ душѣ всѣхъ тѣхъ, которые такъ усиленно старались казаться серьезными, учеными, общественными дѣятелями. Оно только не показывалось наружу...

Извѣстный своимъ богатствомъ старый коммерсантъ проѣхалъ по бульвару въ открытой коляскѣ, на парѣ красивыхъ лошадей, поминутно здороваясь съ знакомыми. Всѣ засматривались на его лошадей и экипажъ, всѣ повторяли его фамилію.

Вотъ жизненный путь, вступивъ на который, человѣкъ уже никогда не захочетъ сойти съ него. Сдѣлаться богатымъ — легче всего для человѣка, который отважится поставить эту задачу единственною цѣлью своей жизни. Отчего же Хейкки не выбралъ этой дороги?

Какъ бы то ни было, и теперь было еще не поздно. Кто хочетъ, тотъ и можетъ!

Хейкки прекрасно понималъ натуру этого богача, каждое его движеніе, каждую улыбку, каждый поклонъ. Онъ улыбается и кланяется вамъ, пѣшеходамъ, точно изъ милости; но на самомъ дѣлѣ онъ—вашъ рабъ. Онъ созываетъ васъ въ свои роскошныя палаты, сыплетъ передъ вами цвѣты и золото и милостиво унижается до вашего общества, желая позабавить себя вашими шутками. А вы улыбаетесь, и въ тоже время чувствуете смущеніе въ присутствіи такой особы. Вы и не подозрѣваете, что его старое сердце на самомъ дѣлѣ льститъ вамъ, что онъ готовъ упасть къ вашимъ ногамъ, что онъ поить и кормить васъ въ надеждѣ, что вы, повинувъ его домъ, хоть на минутку о немъ вспомните... Всѣ богачи, всѣ сильные міра желаютъ только того, чтобы вы, незначительные люди, какъ можно чаще о нихъ думали и говорили. Собирая вокругъ

себя все новыя и новыя толпы людей, они не имѣютъ никакой надежды на пріобрѣтеніе вашей любви: они довольствуются только выраженіемъ почтенія. Да,—даже и тиранъ, сверкающій передъ глазами толпы окровавленнымъ мечомъ,—даже и онъ ищетъ того же самаго. Онъ, бѣдняга, не можетъ надѣяться даже на уваженіе—и ограждаетъ себя ужасомъ; но и у него на днѣ души, навѣрное, кроется таже женственная жажда участія, то же неугасимое стремленіе въ любви... О, какъ хорошо понималъ Хейкки его дивую угрозу: „если не можете меня любить, такъ бойтесь!..“

* * *

На встрѣчу попался старый университетскій товарищъ, Пекка,—одинъ изъ прежнихъ „восторженныхъ“, которыхъ и теперь еще можно встрѣтить кое-гдѣ, словно остатки давно минувшаго.

Хейкки обрадовался этой встрѣчѣ, но ему стало и неловко за потертое пальто и грязные воротнички своего товарища.

— А мы собираемся нынче вечеромъ въ тебѣ, поиграть въ карты,—сказалъ Пекка.

— Кто же съ тобой?

— Балле и Юсси-Миекко; Ласси тоже хотѣлъ зайти.

„Хорошій подборъ нравственныхъ уродовъ!“—подумалъ про себя Хейкки.

— Странно,—сказалъ онъ вслухъ:—я только что думалъ, что хорошо было бы теперь встрѣтить кого-нибудь изъ добрыхъ старыхъ собутыльниковъ!

Пекка засмѣялся и такъ благодарно-довѣрчиво взглянулъ на товарища, что Хейкки стало его жаль. Онъ взялъ Пекку подъ руку.

— Только надо разыскать Олли,—сказалъ онъ.

— А если Олли теперь не пьетъ?

— Ну, при такой торжественной оказіи не удержится!

Пекка расхохотался. Рѣшили, что онъ разыщетъ и „притащить“ не только Олли, но и всѣхъ „стариковъ“, чтобы вспомнить, какъ слѣдуетъ, доброе старое время.

Оставшись одинъ, Хейкки долго ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ. Только поздно вечеромъ онъ вспомнилъ о своихъ гостяхъ и поспѣшилъ домой.

Они были уже всѣ въ сборѣ, когда онъ вошелъ. Весело со всѣми поздоровавшись, напѣвая и посвистывая, онъ началъ зажигать лампы и откупоривать бутылки.

— Я не пью!—рѣшительно заявилъ Олли.

— Да здравствуетъ свобода! Ну, а вы, господа, навѣрное, не откажетесь отъ сихъ благородныхъ напитковъ?

Никто не возражалъ.

Когда стали садиться за карты, Хейкки увидалъ на столѣ письмо. Онъ взялъ его, прочелъ, сложилъ по прежнему, спрятавъ въ боковой карманъ и спокойно началъ игру.

Справа отъ него сидѣлъ Калле, до сихъ поръ не сказавшій еще ни одного слова. Это былъ alter ego Пекки. Въ прежнія времена онъ былъ однимъ изъ самыхъ „восторженныхъ“, участвовалъ во всевозможныхъ кружкахъ и торжествахъ, говорилъ рѣчи, призывалъ товарищей къ идеальнымъ цѣлямъ, къ самопожертвованію во имя родины... Но все это въ немъ уже давно заглохло. Мало-по-малу онъ жестоко задолжалъ; пришлось все время бѣгать за заработками. Пекка помогъ ему; потомъ онъ помогъ Пеккѣ, и наконецъ, оба они, съ величайшими усиліями, дѣла время между ученьемъ и заработками, сдали кандидатскій экзаменъ, и были очень довольны тѣмъ, что получили право выдавать самостоятельные векселя. Этимъ правомъ они и стали пользоваться, покуда не запутались, какъ мухи въ паутинѣ. Другъ другу помочь они уже не могли, а потому и отдѣлились другъ отъ друга. Юсси-Мекко еще раньше отдѣлился отъ нихъ. У него тоже не было, къ кому обратиться за помощью, но онъ еще не потерялъ надежды. Онъ бѣжалъ отъ долговъ въ деревню и предоставилъ товарищамъ за него расплачиваться; но они вернули его назадъ, и теперь онъ сдавалъ лекарскій экзаменъ. Хуже всего шли дѣла у Ласси. Онъ уже разъ отсидѣлъ въ долговомъ,—но это нисколько не поколебало его надеждъ на лучшее будущее. Кредиторы, словно коршунъ, кружились надъ нимъ,—и ему волей-неволей приходилось рѣдко встрѣчаться съ прежними пріятелями.

Но во всѣхъ этихъ людяхъ жила какая-то внутренняя потребность сойтись вмѣстѣ хоть на короткое время. О денежныхъ дѣлахъ между ними не было и рѣчи. Вся ихъ теперешняя жизнь представлялась имъ не имѣющею никакого значенія, чѣмъ-то жалкимъ, ничтожнымъ, не настоящимъ; настоящая жизнь проявлялась лишь изрѣдка, на пріятельскихъ пирушкахъ, гдѣ они могли отдохнуть душой и поговорить по душѣ, какъ прежде, позабывая всѣ эти глупые и досадные денежные счета. Карты были, конечно, только предлогомъ.

Калле всегда первый начиналъ разговоръ, и всегда рѣз-

кими нападками на нынѣшнее студенчество. Да, теперь не то, что было прежде! Нынѣшніе студенты еще не успѣютъ поступить въ университетъ, какъ уже разсуждаютъ о томъ, какую выгоду они отъ этого получаютъ; они и учатся-то только ради экзамена!

— А слышали вы о послѣднемъ скандалѣ?—спросилъ Пекка:—среди этихъ господъ явилось предположеніе, что студентамъ слѣдовало бы ограничить свою свободу, что профессора должны были бы наблюдать за ихъ занятіями и слѣдить за правильнымъ просвѣщеніемъ лекцій,—ни дать, ни взять, благонравныя дѣти, которыя прыгаютъ отъ восторга, если учитель поставитъ четверку!

— Ну, такое предположеніе не осуществится, пока хоть на одной финской головѣ останется студенческая фуражка!

— Однако, оно нашло сильную поддержку. Чего добраго, а это они сдѣлаютъ: таковъ теперь духъ времени; теперь общій идеаль—вицмундиръ и свѣтлыя пуговицы.

— *Qualis ex, talis grex*,—сказалъ Калле.—Теперь всѣ наши руководители стремятся къ власти. Они внушили себѣ, что человѣкъ, не имѣющій общественнаго положенія, не имѣетъ никакой цѣны. Примѣръ заразителенъ. Наглядные идеалы всегда привлекаютъ людей.

— Но для чего, спрашивается, для чего они стремятся къ власти, наши руководители?—сказалъ Ласси.

Юсси-Мивко, сидѣвшій молча, при этомъ вопросѣ разсмѣялся: какъ, для чего? да, разумеется, для того, чтобы получать больше денегъ.

— Ты къ нимъ несправедливъ,—сказалъ Пекка.—Припомни, какіе это были люди!

Калле сдѣлалъ большой глотокъ изъ стакана съ пуншемъ. Онъ начиналъ уже хмелѣть. Всѣ замолчали, чтобы послушать его, потому что знали, что въ это время онъ можетъ хорошо говорить о чемъ угодно.

— Послушайте,—сказалъ онъ,—я это знаю. Я тоже прежде обвинялъ ихъ, но теперь я ихъ понимаю. Все это я пережилъ собственнымъ сердцемъ. Я знаю, какъ и отчего все это происходитъ, знаю, почему человѣкъ мало-по-малу соблазняется стремленіемъ къ власти. Величайшее проклятіе судьбы лежитъ на томъ человѣкѣ, которому въ чемъ-нибудь посчастливится! Да, да; но это дѣло—въ сторону: я теперь хочу говорить не о себѣ, а о нихъ.

Онъ еще разъ глотнулъ изъ своего стакана.

— Когда они впервые начинали свое дѣло,—въ ту пору они вовсе и не думали о стремленіи къ власти. Вовсе нѣтъ! эти мысли приходятъ позже всего. Они только любили народъ, свой бѣдный, униженный финскій народъ, и старались сдѣлать что-нибудь ему на пользу. Для народа они готовы были жертвовать и своимъ трудомъ, и своимъ достояніемъ, и всей жизнью. Примѣръ заразителенъ,—какъ уже было сказано. Все хорошее началось именно въ ту пору! тогда создалась вся идеальная Финляндія, тогда въ нашей исторіи воочию стали совершаться чудеса, словно сами боги сошли съ неба для того, чтобы принять участіе въ добромъ трудѣ людей. Но вотъ, смотрите,—вотъ тутъ-то и случилось то, о чемъ я сказалъ, что я пережилъ собственнымъ сердцемъ. Я все это пережилъ, все знаю по опыту. „Если нашъ непринужденный трудъ“, думали они, „вызвалъ такія важныя послѣдствія, то чего же не достигнетъ сплоченный строй бойцовъ подъ нашимъ предводительствомъ,—чего не достигнетъ наша политическая предусмотрительность, если мы примемъ непосредственное участіе въ управленіи народомъ?“ Ветхій Адамъ шепталъ имъ: „все, что теперь сдѣлано, сдѣлано вами!“—и они забыли, что все было сдѣлано только ихъ любовью. Я все это самъ пережилъ и испыталъ. Пекка знаетъ меня. Въ этой политической борьбѣ они научились только злобствовать; они только и дѣлали, что злились на своихъ противниковъ, да выискивали способъ, какъ имъ навредить: ни на что другое имъ уже не хватало времени. И вотъ, вся прежняя любовь обратилась въ старья, изношенныя тряпки, прикрывающія только снаружи, и перестала быть внутреннею, душевною силою. Нынѣшнее поколѣніе ея даже и не понимаетъ. У него еще и усы не выросли, а онъ уже мечтаетъ о будущей пенсіи. Любовь къ родинѣ, любовь къ народу—вотъ еще! Все это, можетъ быть, и очень хорошо; что же? ну, и пусть себѣ любятъ народъ и сливаются съ нимъ тѣ, у кого есть на это досугъ; намъ некогда! Молодые люди приучились мало-по-малу подсмѣиваться надъ „идеями“ и „восторгамъ“. Холодная уравновѣшенность гораздо лучше идей, а политика гораздо полезнѣе восторговъ. Ну, подумалъ Богъ, коли вы недовольны моимъ правленіемъ, такъ управляйтесь сами!—и отвратилъ лицо свое отъ нихъ: я испыталъ это на собственной моей душѣ! И вотъ, съ тѣхъ поръ все остановилось и умерло. И напрасно старіеи стремятся къ власти, а молодежь—къ вліятельному положенію въ обществѣ!

— А въ этомъ Калле все еще сидитъ ораторъ!—засмѣялся Ласси, стараясь страхнуть съ себя и другихъ тяжелое настроеніе.

— Ахъ молчи, пожалуйста! что это за рѣчь? Я вѣдь сказалъ, что я самъ все это пережилъ!

Ласси боялся, какъ бы Калле не сталъ продолжать.

— А кто сочинилъ эту пѣсню,—сказалъ онъ,—будто

Такъ внятно и сильно въ душѣ отдается
Голосъ природы, шумъ сосенъ родныхъ,—
И весело, радостно сердце забьется,
И громкая пѣсня свободно польется
Изъ устъ молодыхъ!

И у всѣхъ тоже радостно забилося сердце, и всѣ въ одинъ голосъ подхватили припѣвъ:

Ой, лари-лари-ля, ой, лари-лари-ля,
Откликнется милая наша земля!

— Вотъ это хорошо!—сказалъ Калле.—А случилось ли вамъ внимательно прислушиваться къ шуму сосноваго лѣса? Какъ онъ шумитъ? Вѣдь это—чистѣйшая финская рѣчь, это—нашъ родной языкъ во всей его прелести! чистый, коренной финскій языкъ!

— Да вѣдь и кукушка на соснѣ кукуетъ по фински!—сказалъ Пекка.

— Вешняя кукушка!

Ласси припомнилъ стихи изъ Калевалы:

Ахъ ты, матушка-горюша,
Не заслушайся кукушки:
Какъ кукушка закукуетъ,—
Въ тебѣ сердце затоскуетъ,
Изъ очей польются слезы,
Потекутъ онѣ по щечкамъ,
Руки силу потеряютъ
И все тѣло ослабѣетъ,
Какъ заслышишь въ темной рощѣ
Вешней пташки кукованье!

— Ахъ, какъ это хорошо! Какъ хорошо!—повторялъ Калле, хлопая въ ладоши.

Они уже не сидѣли на мѣстѣ, а ходили взадъ и впередъ по комнатѣ, говорили между собою намеками и понимали другъ друга съ двухъ словъ: въ нихъ проснулось веселое настроеніе давно минувшихъ студенческихъ пирушекъ. Мало-по-малу они переносились изъ настоящаго въ будущее; всѣ они еще не утратили надежды, всѣ стремились къ чему-то

сильному, великому, — лишь бы только скорѣе проходило это смутное настоящее время!

Пекка сталъ говорить, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ жениться непременно на дѣвушкѣ изъ народа, и что онъ въ свое время такъ и сдѣлаетъ. Онъ высказывалъ эту идею всякій разъ, когда его глаза разгорались отъ пунша.

— Пей, Олли! — вскричалъ онъ. — Чтò ты тамъ притаился въ углу? Весь вечеръ ни слова не скажешь!

— Я не пью, — сказалъ Олли.

Когда онъ былъ трезвъ, онъ ни о чемъ не рѣшался говорить. Оттого-то онъ и прижался въ уголь, стараясь быть незамѣтнымъ.

— Да выпей же, — сказалъ Хейкки. — Ну, чтò тебѣ отъ этого сдѣлается?

— Ну, ладно! Вѣдь вы знаете, что когда Хейкки велитъ выпить, я ослушаться не могу. За ваше здоровье!

И, улыбаясь товарищамъ, при общемъ смѣхѣ, онъ залпомъ выпилъ полставана чистаго коньяку. Скоро онъ былъ уже совсѣмъ готовъ.

— Когда Хейкки велитъ, — бормоталъ онъ, — то-есть, когда Хейкки говоритъ: пей! — Олли пьетъ. Много ли человѣку надо? Я люблю этого Хейкки, — вотъ этого самаго Хейкки, — люблю его, какъ собака, — вотъ, такъ и знайте! Люблю — и все тутъ!

Онъ не то захохоталъ, не то зарыдалъ.

— А ты, Пекка, ты давеча чтò говорилъ? — продолжалъ онъ. — Ты говорилъ, что женишься на крестьянской дѣвушкѣ? Да на что же будетъ нужна тебѣ крестьянка, когда ты пропьешь и свои деньги, и добрую славу? Да вѣдь ни одна, какъ есть ни одна, крестьянка и не пойдетъ за тебя, Пекка — бѣдняжка! И ни за кого изъ насъ не пойдетъ: мы — плѣвые люди, мы — послѣдніе! А пойдутъ за насъ — знаешь, какія? знаешь?..

Олли сталъ совсѣмъ невозможенъ. Впрочемъ, онъ говорилъ недолго, и скоро свалился на постель. Однако, общее настроеніе уже успѣло испортиться; прежняго оживленія уже не было, и товарищи уже не въ состояніи были переноситься въ будущее. Ими овладѣло уныніе; они продолжали пить, но изъ этого не вышло ничего, кромѣ шума. То тотъ, то другой начали заводить рѣчь о своей неприглядной жизни, поддускать другъ другу шпильки. Хейкки, до сихъ поръ ничего не пившій, оставался спокойнымъ; но зато онъ мало-по-малу сдѣлался предметомъ нападокъ со стороны товари-

щей. Они припомнили, что онъ удалялся отъ ихъ компаніи, и стали упрекать его за то, что онъ ихъ чуждается, что онъ стремится уйти отъ нихъ прочь, въ „официальныя сферы“, и т. п.

Эти рѣчи были для Хейкки всего неприятнѣе, — тѣмъ болѣе, что товарищи были правы. Онъ не смѣлъ взглянуть имъ въ глаза. Всѣ его знанія, всѣ стремленія, — вся его жизнь вдругъ показалась ему преступленіемъ противъ нихъ. Онъ сидѣлъ передъ ними, точно влятвопреступникъ...

Но на этотъ разъ въ рукахъ Хейкки была такая власть, которой они и не подозрѣвали.

Онъ попросилъ ихъ наполнить стаканы, налилъ свой и всталъ.

— Дорогіе товарищи! Я долженъ еще выпить за одного покойника. Я не хотѣлъ сдѣлать этого раньше, потому что не хотѣлъ смущать вашего веселаго настроенія, — потому что я цѣню товарищество выше всего на свѣтѣ. Теперь ужъ поздно, и мы скоро разойдемся, а потому я не могу дольше скрывать отъ васъ извѣстія, полученнаго мною, когда мы сидѣли за картами, — извѣстія о смерти моего отца. Дорогіе товарищи, вѣчная ему память!

Слова Хейкки поразили и сразу протрезвили ихъ. Они стояли вокругъ него, словно окаменѣлые. Наконецъ, Калле поднялъ свой стаканъ и сказалъ:

— Живъ еще прежній Хейкки! Прости, если я скажу тебѣ пару словъ прежде, чѣмъ мы уйдемъ. Товарищи! Онъ игралъ съ нами въ карты, шутилъ и смѣялся съ нами, — а въ карманѣ у него лежало роковое письмо! Хейкки, ты — герой! ты герой!

Онъ хотѣлъ еще продолжать.

— Молчи, Калле, — остановилъ его Пекка, — не продолжай! Лучше ты ничего не можешь сказать! Да, Хейкки, ты — герой! Тише, тише! молчите всѣ! пойдѣмъ! тише, тише.

Они допили свои стаканы, молча, поочереды, пожали руки Хейкки, осторожно подняли Олли съ постели и тихонько вышли вмѣстѣ съ нимъ...

Хейкки печально посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и сталъ приводить свою комнату въ порядокъ. Онъ смелъ въ одну кучу разбросанные сигарные окурки и обломки стакановъ, поставилъ на мѣсто стулья и прибралъ со стола бутылки. Все это онъ дѣлалъ, стараясь какъ можно дольше не думать о томъ, о чемъ теперь нужно было подумать.

Наконецъ, онъ кончилъ—и мысль, отъ которой онъ такъ пугливо сторонился, захватила его цѣликомъ. Ему вдругъ захотѣлось броситься на полъ и рыдать, рыдать безъ конца...

Но слезы не шли,—онъ не могъ плакать.

Онъ взялъ письмо и сталъ его перечитывать. Въ немъ было не одно только извѣстiе о смерти и похоронахъ старика Нагорнаго. Авторомъ письма оказался Юхо, сынъ Густава, называвшій себя новымъ хозяиномъ хутора. Неловкимъ и очень неразборчивымъ почеркомъ,—совсѣмъ мужицкимъ, онъ пытался объяснить сущность условiя, которое заключилъ съ нимъ покойный хозяинъ по отъѣздѣ Хейкки: старикъ предоставилъ ему хуторъ въ пожизненное владѣнiе, съ тѣмъ, чтобы ежегодно выплачивать Хейкки извѣстную сумму.

И такъ, вотъ отъ кого получались эти безыменные денежные письма, въ которыхъ не было ни одного слова привѣта! А Хейкки думалъ, что это безмолвiе было молчаливымъ проклятиемъ отца!

Затѣмъ, въ письмѣ заключался длинный счетъ выплаченныхъ денегъ, съ указанiемъ на сумму, которую Хейкки еще долженъ былъ получить въ будущемъ. Но теперь, послѣ смерти старика, оказалось много хлопотъ и расчетовъ, которые трудно было привести въ ясность, и которые требовали личного присутствiя Хейкки.

Все это было для Хейкки болѣе или менѣе безразлично. Но въ концѣ письма была одна строчка, на которую онъ сначала не обратилъ вниманiя, и которая теперь его въ особенности поразила: тѣмъ же неуклюжимъ почеркомъ было приписано, что Лиза ему кланяется.

Что же такое Лиза для Юхо? встрепенулся Хейкки.

Отвѣтъ былъ ясенъ: жена. Иначе не могло и быть. Могъ ли отецъ инымъ способомъ обезпечить ея будущность, и могъ ли онъ лучше распорядиться своимъ старымъ хуторомъ? Все это было придумано и сдѣлано очень благоразумно...

Но Хейкки былъ этимъ совсѣлъ убитъ. И Лиза могла...

Ему такъ ясно припоминались всѣ черты Лизы—и въ особенности тотъ день, когда онъ сидѣлъ съ нею на скамейкѣ на Сосновой горѣ. Какое изящество, какая скромность! Тогда Хейкки не сумѣлъ ее одвѣнить, не умѣлъ боготворить ее,—и какъ глубоко понялъ онъ это теперь! На какую недосыгаемую высоту поднялся теперь въ его глазахъ образъ этой дѣвушки съ гладко причесанными волосами и

варими глазами, вѣчно занятой домашнимъ хозяйствомъ, не знающей отдыха и все озаряющей своею свѣтлою улыбкою... Да, Хейкки только теперь понялъ, что онъ дѣйствительно ее любилъ, и не разлюбилъ бы во всю свою жизнь. Неужели же она не знала объ этомъ, когда, не извѣстивъ его, не написавъ ему ни слова, вышла за этого Юхо? Конечно, не знала. Она была увѣрена, что Хейкки, послѣ извѣстнаго разговора на Сосновой горѣ, отвернулся отъ нея. Деревенскіе люди не вѣрятъ ни словамъ, ни чувствамъ; они вѣрятъ только дѣламъ.

Но, можетъ быть, отецъ насильно выдалъ ее за Юхо? Такъ очень часто поступаютъ крестьяне, когда у нихъ нѣтъ наслѣдника: зятя въ домъ, а самъ—въ сторону. А Лиза не могла противиться его волѣ...

Можетъ быть, у нея сердце кровью обливалось?..

И такъ, тамъ, дома, все разрушилось, все перемѣнилось. Отецъ—въ могилѣ. Старый хуторъ съ его обѣдненнымъ колоколомъ и высокимъ „журавлемъ“ колодца, съ одинокой березой на краю канавы—уже не домъ для Хейкки. Тамъ хлопочетъ и суетится молодая хозяйка, подруга дѣтства Хейкки, но между ними только и осталось общаго, что воспоминанія объ этомъ дѣтствѣ, больше—ничего!

Да и у кого же осталось что-нибудь общее съ Хейкки?

Ему теперь стало ясно, что онъ не достигъ въ своей жизни ничего,—ни одной изъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился. Извѣстность онъ приобрѣлъ, но не имѣлъ того, ради чего онъ стремился къ извѣстности: ни одинъ изъ толпы людей, интересовавшихся его учеными работами и лекціями и такъ часто поминавшихъ его имя,—ни одинъ изъ нихъ его не любилъ, ни одинъ его даже и не зналъ! Напротивъ, онъ еще больше удалился отъ людей...

Но въ чемъ же, стало быть, была цѣль его жизни? Ради чего онъ такъ неустанно старался приобретать любовь окружающихъ? Почему онъ всегда былъ готовъ, не разсуждая, бросить то, что считалъ уже достигнутымъ? почему у него зарождались въ такихъ случаяхъ новыя, еще болѣе сильныя, желанія, заставлявшія его стремиться все къ новымъ и новымъ цѣлямъ? Или, можетъ быть, Богъ зажегъ въ груди человѣка этотъ неугасимый огонь для того, чтобы человѣкъ никогда не успокаивался въ своихъ стремленіяхъ? И, наконецъ, почему жизнь Хейкки сложилась такимъ образомъ? Зачѣмъ Анти сказалъ на студенческомъ праздникѣ рѣчь, ко-

торая ободрила Хейкки въ дѣятельности въ деревнѣ и возбудила въ немъ неосуществимыя надежды? Зачѣмъ товарищи пріѣхали къ нему въ деревню, гдѣ онъ считалъ себя уже навѣки погребеннымъ,—зачѣмъ они явились туда и снова вызвали его на свѣтъ! Или онъ былъ только игрушкой слѣпого случая?

И отчего именно теперь, когда Хейкки, можетъ быть, готовъ былъ бы бросить всѣ свои стремленія къ общественной дѣятельности, всѣ свои тщетныя надежды и напрасную борьбу, когда онъ былъ бы готовъ снова удовлетвориться прежнею любовью ко всему мелкому, незначительному, ничтожному въ глазахъ другихъ людей и скромною заботой о своемъ никому невѣдомомъ домашнемъ очагѣ,—отчего именно теперь этотъ путь овазывается для него закрытымъ? Зачѣмъ у него теперь въ рукахъ это письмо, изъ котораго онъ узналъ, что у него нѣтъ отца, и что Лиза уже никогда не можетъ ему принадлежать? Зачѣмъ именно теперь съ такою силою пробудилось въ немъ горькое сознаніе, что во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы понять его и захотѣлъ бы назвать его своимъ другомъ,—сознаніе своего полнаго, безысходнаго, одиночества?..

Нѣтъ, нѣтъ,—онъ не можетъ оставаться одинокимъ! Это одиночество, эта пустота такъ ужасны!

Онъ долженъ еще разъ увидѣться съ Лизой. Лиза—единственная въ мірѣ человѣческая душа, которая можетъ ему сочувствовать; вблизи ея для него не будетъ одиночества... Но вѣдь Лиза—замужемъ! Впрочемъ, какое же это можетъ имѣть значеніе для душевной жизни?..

Когда Хейкки пришелъ въ себя, слезы ручьями текли по его щекамъ,—текли свободно, какъ прежде, въ минуты дѣтскаго горя, облегчая и утѣшая его...

IX.

Снѣгъ стоялъ, и лѣто было уже въ полной силѣ, когда Хейкки ѣхалъ на свое родное пепелище.

Онъ проѣхалъ почти уже всю большую дорогу; оставалась только одна станція, потомъ—Подгорное, и оттуда—хорошо знакомая дорога домой.

Войдя на станцію, онъ встрѣтилъ Подгорнаго съ вѣмъ-то незнакомымъ. Сначала его не узнали; оба долго и съ любопытствомъ всматривались въ него.

— Я здѣшній,—сказалъ Хейкки:—я—сынъ покойнаго Нагорнаго.

Подгорный даже ротъ разинулъ отъ удивленія.

— Такъ это вы, г. магистръ Нагорный! Я, признаться, догадывался... Что же, пріѣхали посмотрѣть на старый хуторъ? Да, да, вотъ какъ время-то мѣняется! Давно ли, кажется, вы уѣхали отсюда? Да, похоронили старика на Святой,—вѣдь на Святой, г. учитель, не правда ли?—спросилъ онъ у незнакомаго господина. Ахъ, да, извините, я васъ не познакомилъ: г. магистръ Нагорный, г. Кійски, нашъ новый школьный учитель.

— Г. магистръ пріѣхалъ по дѣламъ?—спросилъ учитель.

— Да, есть кое-какія дѣла,—отвѣчалъ Хейкки, и самъ удивился непріятному звуку своего голоса.—А вы недавно въ этихъ мѣстахъ?

— Совсѣмъ недавно, съ нынѣшняго учебнаго года. Но, насколько я могъ судить по первому впечатлѣнію, здѣшній народъ мнѣ очень понравился. Всѣ они упорно держатся старины, но время и терпѣніе побѣждаютъ самое стойкое упорство. Однимъ словомъ, я думаю, что здѣсь мое дѣло пойдетъ на ладъ. Нашъ злѣйшій врагъ теперь—вовсе не привязанность къ старинѣ; нѣтъ: нашъ злѣйшій врагъ—Америка.

— Какъ? развѣ уже и отсюда началась эмиграція въ Америку?

— И въ очень крупныхъ размѣрахъ. Кто чуть-только, немножко выучился читать и писать, уже недоволенъ своимъ домомъ и хозяйствомъ, и если не эмигрируетъ, такъ, все равно, выселяется отсюда въ другое мѣсто,—въ городъ, идетъ на фабрику или на другіе заработки. Не даромъ старики такъ возстаютъ противъ народной школы!.. А что хуже всего,—такъ это то, что на ихъ сторону начинаетъ склоняться духовенство. Я имѣлъ честь бесѣдовать съ нашимъ достопочтеннымъ пасторомъ о школьныхъ дѣлахъ; онъ открыто заявилъ, что онъ вовсе не другъ народной школы: „оттуда,—говоритъ,—выходятъ полу-господа“. Ну, при такой поддержкѣ со стороны духовенства, конечно, трудно ждать хорошихъ результатовъ. Я ужъ говорилъ, что здѣшній народъ упрямъ и не любитъ просвѣщенія; такого упрямства я еще нигдѣ не видалъ!

Вообще, учитель довольно строго отзывался о своемъ сельскомъ обществѣ. Онъ говорилъ, что здѣсь люди очень суетливы, и притомъ, всегда готовы дѣйствовать на авось; насколько не заботятся объ общественномъ здравіи и на замѣ-

чанія объ этомъ отвѣчаютъ, что это—только лишніе расходы. Они ни за что не соглашались завести у себя врача, хотя всѣ хорошо знали, что заразительныя болѣзни дошли до непомѣрнаго развитія...

— Впрочемъ, все это они теперь уже поняли. Врачъ здѣсь будетъ, откроются и новыя народныя школы, и даже народный университет!—сказалъ учитель, сверкнувъ своими сѣрыми глазами и внезапно ударивъ себя по лысинѣ. Въ эту минуту онъ казался маленькимъ Бисмаркомъ, твердо увѣреннымъ, что въ его округѣ скоро все пойдетъ, какъ по командѣ, и весь народъ построится въ ряды подъ знаменемъ народного оздоровленія и цивилизаціи.

Старикъ Подгорный подсмѣивался надъ его самоувѣренностью и въ то же время словно извинялся за него, давая понять, что онъ, какъ человѣкъ новый, еще не знакомъ со всѣми условіями жизни въ этомъ краю и не знаетъ, на кого больше всего направлены его порицанія.

Подгорному пора было ѣхать. Онъ усѣлся въ одноколеу вмѣстѣ съ учителемъ; хозяинъ станціи застегнулъ большой кожаный фартукъ. Хейкки спросилъ, хорошо ли Юхо ведетъ хозяйство на хуторѣ.

— Да, хорошо,—усмѣхнулся Подгорный.—Вашъ покойный батюшка былъ, съ позволенія сказать, очень упрямый человѣкъ. Онъ могъ найти на свой хуторъ хорошаго покупателя, который выложилъ бы ему всѣ денежки чистоганомъ; но ему этого не хотѣлось, и онъ взялъ въ хозяева бѣднаго дальняго родственника. Онъ все говорилъ: „пустъ домъ кормить теленка“, то-есть, съ позволенія сказать,—вась, ха, ха, ха! Ну, нельзя сказать, чтобы Юхо сидѣлъ, сложа руки: ему приходится много работать; зато, я думаю, земля дастъ хорошій доходъ,—впослѣдствіи, когда Юхо избавится отъ долговъ. Я слышалъ, что онъ, послѣ смерти старика, искалъ денегъ займа.

Подгорный и учитель попрощались и уѣхали.

— А знаете, г. магистръ, старикъ будетъ нашимъ депутатомъ на сеймѣ; онъ сумѣетъ этого добиться!—шепнулъ хозяинъ станціи, проводивъ гостей.

Но Хейкки не слышалъ его словъ. Отчего онъ не рѣшился ничего спросить о Лизѣ? Спросить, развѣ, у хозяина? Но языкъ какъ-то не слушался его. Онъ не могъ придумать формы вопроса...

Оставалось сдѣлать послѣдній перегонъ. Кучеръ не зналъ Хейкки; но и его спрашивать было невозможно.

Они проѣхали мимо Подгорнаго, гдѣ ихъ никто не замѣтилъ. Дальше дорога сворачивала въ лѣсъ, и при выѣздѣ изъ него открывалась—вдали, но совершенно ясно—Сосновая гора, на вершинѣ которой стоялъ хуторъ.

Вотъ она, Сосновая гора!

На этомъ мѣстѣ когда-то Хейкки взялъ у отца изъ рукъ возжи и погналъ лошадь домой. На отцѣ былъ тогда черный кафтанъ и войлочная шляпа. Былъ такой же лѣтній вечеръ, какъ и теперь. Когда они въѣхали въ ворота, Лиза торопливо шла черезъ дворъ, а овцы тянулись къ ней изъ-за плетня, прося корма.

Хейкки взялъ возжи у кучера и погналъ лошадь въ гору.

— А какъ зовутъ хозяйку Нагорнаго?—небрежно спросилъ онъ.

— Какъ зовутъ, не знаю, но Юхо женился на приемной дочери покойнаго хозяина.

Они поднялись на гору. Вотъ родной домъ, вотъ его колоколь и колодезь!

Хейкки отдалъ кучеру возжи.

Это былъ не его домъ. Что ему здѣсь дѣлать? Этотъ родной домъ казался еще болѣе чужимъ, чѣмъ тѣ тысячи чужихъ домовъ, мимо которыхъ проѣхалъ Хейкки на пути сюда. Внѣшній видъ его остался тотъ же, что прежде; но внутри все было чужое, все смотрѣло на пришельца какъ будто даже враждебно.

Тѣ же были и поля вокругъ Нагорнаго, и прилегавшій къ хутору лугъ. Но отчего этотъ лугъ казался такимъ жалкимъ и истощеннымъ? Отчего окружающія его канавы почти засыпались, а изгородь обвалилась?

Для Хейкки стало ясно, что новый хозяинъ вовсе не заботился объ улучшеніи хозяйства: онъ старался только взять съ этой земли все, что она можетъ дать, истощая ее до послѣдней возможности, чтобы выплатить Хейкки условленную покупную сумму; а затѣмъ, когда эта сумма будетъ выплачена, Хейкки будетъ навѣки вычеркнутъ отсюда, какъ будто бы его здѣсь никогда и не было.

Такъ, и эта земля—ему чужая! и она словно хочетъ сѣздать ему: скоро я отъ тебя навсегда избавлюсь!

Ворота были совсѣмъ новыя. Но и старыя, красныя ворота были тутъ же прислонены къ плетню.

Вѣтеръ сломилъ верхушку стоявшаго на дворѣ влена, которая когда-то красовалась высоко надъ изгородью.

Большая дверь сарая была затворена. И здѣсь все было чуждо!..

Хейкки спрыгнулъ съ телѣжки и расплатился съ кучеромъ.

На дворѣ не было никого, кромѣ маленькаго мальчижа, который не рѣшился заговорить, а только удивленно смотрѣлъ на Хейкки своими большими синими глазами.

Хейкки взялся за знакомую ручку двери. И дверь была все та же, и такъ же скрипѣла, отворяясь. И домъ былъ все такой же, какъ прежде.

Какая-то женщина вынимала изъ печи хлѣбы.

— Господи! Да неужто это Хейкки?

Это была Лиза. Съ тѣхъ поръ, какъ Хейкки видѣлъ ее въ послѣдній разъ, она какъ будто выросла и пополнила. Ея лицо раскраснѣлось отъ печки. Она торопливо вытерла руки, покрытыя мукой, поправила платокъ на головѣ и съ искреннею радостью протянула руку Хейкки.

При ея сильномъ рукопожатіи Хейкки почувствовалъ себя словно ребенкомъ. Онъ ожидалъ увидѣть прежнюю, застѣнчивую Лизу, краснѣвшую отъ всякой мелочи и, вдобавокъ, еще измученную сердечной тоской, а увидалъ сильную, рослую, энергичную крестьянку, смотрѣвшую ему прямо въ глаза, съ руками, загрубѣвшими отъ тяжелой работы, и съ крѣпкими мускулами и нервами,—женщину, видимо, не знающую никакого горя.

Какъ она непохожа на прежнюю Лизу! И она,—она ему совсѣмъ чужая!

Хейкки не могъ придумать, о чемъ бы завести разговоръ.

— И, какъ нарочно, Юхо нѣтъ дома!—сказала Лиза.—Сейчасъ былъ тутъ. Пойти, посмотрѣть на скотномъ дворѣ.—И выбѣжала вонъ. Какъ будто и она не знала, о чемъ говорить наединѣ съ Хейкки.

Черезъ минуту оба вернулись въ домъ. Юхо былъ немного смущенъ и держался неловко. Это былъ крупный, рослый парень; входя, онъ долженъ былъ нагнуться, чтобы не стукнуться головой о притолоку двери.

— Вотъ каковъ мой Юхо,—сказала Лиза, смѣясь и подталкивая его впередъ, отчего онъ еще больше сконфузился.

Но затѣмъ, когда Хейкки удалось, наконецъ, завязать разговоръ, застѣнчивость Юхо мало-по-малу стала проходить, и онъ началъ смѣяться и говорить свободно.

Хейкки сталъ всматриваться въ его широкое лицо. Въ глубинѣ его синихъ глазъ свѣтилось необыкновенное добродушіе, и вся фигура выражала мягкость и сердечность, внушавшія полное довѣріе къ этому человѣку.

Вмѣстѣ съ Хейкки они пошли осматривать поля и по дорогѣ завели разговоръ о хозяйствѣ. Юхо нашель очень выгодными для себя предложенныя Хейкки условія погашенія долга за хуторъ; онъ, видимо, почувствовалъ въ себѣ свѣжую силу и увѣренность и сказалъ, что навѣрное будетъ въ состояніи исполнить всѣ свои обязательства. Онъ жаловался только на рабочихъ: со времени отъѣзда Хейкки многое измѣнилось къ худшему; пока на хуторѣ оставались еще рабочіе, бывшіе при Хейкки, до тѣхъ поръ жаловаться было не на что; но потомъ Ману умеръ, Исаакъ женился и завелъ собственное хозяйство, а другіе разбрелись, кто куда. Новые рабочіе совсѣмъ нигуда не годятся; если и достанешь чело-вѣка получше—откуда-нибудь изъ дальнихъ мѣстъ,—то и онъ скоро портится. Фабрика перепортила весь народъ. А фабрика все расширяется, и число рабочихъ на ней все увеличивается. Теперь строятъ еще бумажную фабрику, которая скоро будетъ пущена въ ходъ.

— А гдѣ Ренни и Калле?—спросилъ Хейкки.

Оба ушли на фабрику. Сначала сходили туда на пробу, а потомъ стали скучать и ушли совсѣмъ: тамъ, говорятъ, веселѣе...

— А Яшка?—нерѣшительно спросилъ Хейкки. Яшка былъ самымъ близкимъ его пріятелемъ.

Юхо отвѣтилъ не сразу. Яшка захворалъ и не могъ уже работать. Съ прошлаго года онъ кормится на общественный счетъ.

Когда они вернулись домой, Лиза уже вымела избу и усыпала полъ вѣтками можжевельника. Она все еще возилась съ своими хлѣбами.

Маленькій синеглазый мальчикъ, котораго Хейкки встрѣтилъ на дворѣ, былъ теперь въ избѣ. Это былъ сынъ Лизы. У него было такое же кроткое, доброе лицо, какъ и у Юхо.

— Ну, какъ же тебя зовутъ?—спросилъ Хейкки, посадивъ мальчика къ себѣ на колѣни и разглаживая его бѣленькіе волосенки.

— Ну, скажи же, скажи свое имя!—повторяли Юхо и Лиза.

— Хей-ти,—пролепетало дитя.

— Скажи: Хейкки, Хейкки Нагорный,—скажи же!

— Хей-ти Нагольный.

Хейкки покраснѣлъ и напрасно старался это скрыть. Онъ взглянулъ на Лизу,—ихъ глаза встрѣтились...

— Ну, этого мальчика вы ужъ не пошлете въ школу?—сказалъ онъ.

Лиза разсмѣялась.

— Отчего же? Разумѣется, пошлемъ.

Она взяла мальчика на колѣни и, глядя его по головкѣ, стала приговаривать:

— Дитя пойдетъ въ школу, потомъ въ гимназію, потомъ — въ университетъ, — вѣдь пойдетъ, не правда ли? Ахъ, ты, Хейкки мой, мальчикъ мой, сыночекъ мой, цыпленочекъ...

Поиграла, пошутила съ нимъ и пустила бѣгать по двору. Хейкки подумалъ, что она все это говорила шутя; но потомъ и Юхо сталъ говорить тоже самое и прибавилъ, что таково было желаніе старика Нагорнаго.

— Да и Ману, покойникъ, передъ смертію тоже совѣтовалъ непремѣнно послать мальчика въ Гельсингфорсъ, — сказала Лиза.

Хейкки не могъ надивиться. Но, когда онъ остался одинъ, онъ понемногу уяснилъ себѣ, въ чемъ дѣло.

На ночь его помѣстили въ его прежней комнатѣ, наверху. Когда онъ вечеромъ вошелъ туда, полъ былъ чисто выметенъ и посыпанъ можжевельникомъ. Его старый столъ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, и книжная полка, и шкафъ для платья были все тѣ же. Но ни въ шкафу, ни на полкѣ, ни на столѣ не было ничего. Въ ящикѣ стола нашлось нѣсколько исписанныхъ листовъ бумаги; всѣ они были сложены въ порядкѣ, вмѣстѣ съ испачканными листами пропускной бумаги. Очевидно, Лиза и Юхо сочли эти бумаги нужными и рѣшили ихъ сохранить, между тѣмъ какъ Хейкки, уѣзжая, просто ихъ выбросилъ.

На одномъ изъ этихъ листовъ было написано изреченіе, исторію котораго Хейкки теперь ясно припомнилъ. Онъ написалъ это изреченіе въ видѣ важнаго жизненнаго правила, какъ выводъ изъ собственнаго опыта; онъ долго не могъ найти для него подходящей формы и, наконецъ, съ большими усиліями составилъ слѣдующій неуклюжій, почти дѣтскій афоризмъ:

„Жизнь заключается въ томъ, что должно сдѣлать себя полезнымъ, а счастье есть сознаніе того, что ты полезенъ“.

Таковъ былъ сдѣланный имъ тогда выводъ изъ своего житейскаго опыта, — выводъ, не зависѣвшій ни отъ какихъ виѣшнихъ вліяній, подсказанный ему сердцемъ въ невозмутимой деревенской тиши.

Онъ самъ написалъ этотъ афоризмъ; теперь же ему казалось, что эти слова напечатываетъ ему кто-то совсѣмъ другой, какое-то наивное существо, которое, однако, ближе его стоитъ къ истинѣ.

Какое глубокое значеніе имѣлъ этотъ афоризмъ въ его жизни!

Былъ ли онъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь счастливъ, кромѣ этого деревенскаго захолустья?

„Сдѣлать себя полезнымъ!“ Съ такою цѣлью онъ не работалъ нигдѣ, кромѣ этой деревни. Въ большомъ свѣтѣ не было настоящей минуты: тамъ всѣ труды и заботы руководились только призравомъ будущаго.

Но былъ ли онъ здѣсь, въ деревнѣ, полезенъ?

Отчего же здѣсь всѣ еще и до сихъ поръ помнятъ „времена Хейкки“, словно какую-то священную эпоху мира и благоволенія? И отчего они хотятъ послать другого Хейкки въ ту же самую школу въ Гельсингфорсъ? Очевидно, эти добрые люди надѣются, что другой Хейкки вернется къ нимъ,—и живутъ надеждой на это синеглазое дитя съ бѣлыми волосенками.

Въ этомъ ребенкѣ Хейкки словно узналъ самого себя,—совсѣмъ маленькимъ, босоногимъ мальчиномъ, играющимъ возлѣ широкой скамейки на дворѣ, или бѣгающимъ по тропинкамъ въ полѣ.

Потомъ онъ увидѣлъ себя уже взрослымъ—или на работѣ въ полѣ, или у себя въ комнатѣ подъ крышей, напрягающимъ свою мысль, чтобы составить неуклюжій афоризмъ о жизни и счастіи.

Потомъ онъ опять обратился въ Хейкки, въ прежняго робкаго ребенка, маленькаго и незамѣтнаго...

О, если бы онъ могъ теперь заснуть въ этой комнатѣ, какъ будто бы никогда и не разставался съ нею,—заснуть спокойно, зная, что тамъ, за окномъ, есть дворъ, и конюшня, и обѣденный колоколь, что они сейчасъ тутъ, за стѣной, что они—не чужіе и не удивятся, когда онъ утромъ выйдетъ на крыльцо!..

Но все это уже прошло. Все это—ему чужое, и его не знаетъ.

Онъ долженъ уѣхать отсюда, и скоро снова останется въ сухомъ и холодномъ мірѣ—одинъ, совсѣмъ одинъ!..

* * *

Утромъ, когда Хейкки проснулся, солнечный лучъ весело игралъ на стѣнѣ его комнаты,—совсѣмъ какъ прежде, въ давно минувшее и невозвратимое время.

Онъ сейчасъ же всталъ и одѣлся, потому что рѣшилъ уѣхать какъ можно скорѣе. Онъ открылъ окно,—и въ ком-

нату пахнуло свѣжимъ, пріятнымъ вѣтеркомъ, который тоже напоминалъ ему прошлое. И оконныя задвижки были тѣ же самыя, и также нужно было прикрѣпить раму крючками къ нагрѣтымъ солнцемъ косякамъ... Все это какъ будто насильно хотѣло пробудить въ немъ любовь къ родному гнѣзду, и противъ всего этого нужно было сильно бороться. Овладевъ собою, онъ почувствовалъ невыносимую скорбь: все, что окружало его, уже перестало быть роднымъ!

А солнце свѣтило такъ весело, словно хотѣло дать ему новую силу и надежду... И, хотя онъ уже сознавалъ, что не имѣетъ права любить этотъ домъ, онъ въ тоже время чувствовалъ, что передъ нимъ мелькаетъ какая-то другая дорога. Что же? долженъ ли онъ полюбить кого-нибудь другого? Но кого же и что? Можетъ быть, своихъ гельсингфорскихъ товарищей, на которыхъ онъ имѣлъ такое вліяніе,—Пекку съ его довѣрчивыми глазами, и Калле съ его идеалами, и бѣднягу Олли съ его зароками трезвости? Или, можетъ быть, Фанни, которую онъ такъ сурово оттолкнулъ отъ себя?

Полюбить Фанни? Это былъ какъ будто совсѣмъ новый вопросъ, который раньше никогда не приходилъ ему въ голову. И съ этой новой точки зрѣнія Фанни представлялась совсѣмъ другимъ человекомъ. Хейкки всю жизнь добивался ея любви, но самъ не любилъ ея. Онъ едва зналъ ее, эту добрую, открытую душу!

Да и любилъ ли онъ вообще кого-нибудь на свѣтѣ? Сдѣлалъ ли онъ когда-нибудь хоть одно доброе дѣло ради любви къ ближнему? Не дѣлалъ ли онъ, наоборотъ, все только для того, чтобы другіе его любили? Любилъ ли онъ даже это свое родное гнѣздо, истощавшее послѣднія свои силы для того, чтобы поддержать его на чужой сторонѣ?..

* * *

Прежде, чѣмъ уѣхать, Хейкки досталъ чернильницу и перо и вынулъ документы на владѣніе хуторомъ, переданныя ему Юхо. Онъ расписался въ полученіи той незначительной доли покупной суммы, которая уже была ему уплачена, и затѣмъ прибавилъ:

„Въ пользу Юхо и его жены Лизы самъ отказываюсь отъ полученія остальной, слѣдующей мнѣ по этой купчей, суммы, а равно и отъ всѣхъ другихъ правъ на владѣніе хуторомъ Нагорнымъ“. Число и подпись.

Теперь у него уже не было своего дома.

Онъ аккуратно свернулъ бумаги и перевязалъ ихъ шнуркомъ, въ томъ видѣ, какъ получилъ ихъ отъ Юхо. Ни ему, ни Лизѣ онъ не хотѣлъ говорить о своемъ подаркѣ. Они развернутъ эти бумаги, можетъ быть, долгое время спустя послѣ его отъѣзда, и очень обрадуются, когда увидятъ, что своей неутомимой работой они приобрѣли достатокъ и возможность послать своего Хейкки учиться.

Но откуда же эта невыразимая радость, которою теперь вдругъ наполнилось его сердце? Опять ему слышится какая-то чудная музыка... Онъ снова чувствуетъ себя прежнимъ Хейкки, такимъ, какимъ его создалъ Богъ,—давняя, ничѣмъ неудаимая скорбь мало-по-малу таетъ, какъ вѣшній ледъ, и передъ глазами отрывается новая, свѣтлая, кипучая жизнь.

Все прояснилось, все просвѣтлѣло,—и этотъ полъ съ давно знакомыми щелями, и разбросанный Лизою можжевельникъ, и вся комната, и все вокругъ: все это снова, какъ прежде, стало ему роднымъ, все это снова узнало въ немъ прежняго Хейкки, какъ будто онъ никогда и не уходилъ. Его долгое отсутствіе прощено и забыто,—и все радо его возвращенію!

Когда онъ, прощаясь съ Лизой, пожалъ ея руку и отдалъ Юхо свернутую и перевязанную шнуркомъ пачку бумагъ и, скрывая слезы, наклонился, чтобы поцѣловать маленькаго Хейкки,—тогда онъ почувствовалъ, какъ будто исполнилъ какой-то давнишній и священный обѣтъ.

На пригорѣхъ, съ котораго въ послѣдній разъ можно было взглянуть на родной домъ, онъ остановилъ лошадь, оглянулся—и снова вспомнилъ маленькаго синеглазаго мальчика.

О, если бы можно было обратиться въ невидимаго духа и всегда зорко слѣдить за этой милой, маленькой головкой, наблюдать за развитіемъ мальчика и ни на шагъ не отходить отъ него, когда онъ вылетитъ изъ родного гнѣзда! О, если бы этотъ мальчикъ сумѣлъ взять отъ міра все то хорошее и доброе, что міръ можетъ ему дать, и принесть бы все это тѣмъ, кто послалъ его въ міръ, и научился бы понимать, какъ глубоко они въ немъ нуждаются, какъ онъ можетъ быть имъ полезенъ, какъ твердо они вѣрятъ въ науку и просвѣщеніе, которыхъ ждуть отъ него! И въ особенности если бы онъ полюбилъ ихъ всѣмъ сердцемъ,—полюбилъ такъ, какъ теперь любить ихъ Хейкки!

Родной домъ скрылся изъ глазъ—и все окружающее опять показалось чужимъ.

Осталась ли любовь къ родному дому однимъ только воспоминаніемъ?

Нѣтъ. Она указала новую дорогу впередъ и ярко освѣтила ее. Память о родномъ домѣ ясно говоритъ сердцу: въ этомъ домѣ ты сдѣлалъ первое доброе дѣло во имя любви, и здѣсь впервые почувствовалъ истинную радость. Осмотрись вокругъ. Пойми и полюби все то, что кажется тебѣ чужимъ, какъ ты понялъ и полюбилъ свой родной домъ. Вонъ мелькаетъ какая-то изба съ красными стѣнами, вонъ другая, третья, четвертая... а вонъ совсѣмъ такая же, какъ твоя, съ такимъ же колоколомъ и колодцемъ, и съ такимъ же лугомъ, и такой же точно жаворонокъ съ звонкой пѣсней поднимается въ вышину... Сдѣлай же снова то, что ты уже сдѣлалъ: пожертвуй все, что у тебя еще осталось! А у тебя осталось еще много; пожертвуй свою молодость, свой трудъ, свою силу, — всю свою жизнь!

И вотъ, это чувство любви къ своему родному все сильнѣе и сильнѣе разрастается въ сердцѣ. Дома, прежде казавшіеся чужими, теперь становятся близкими; незнакомые люди, работающіе въ полѣ, кажутся родными. Вонъ какъ будто старикъ-отецъ роетъ прямую канаву, закусивъ трубку въ зубахъ; упорно работая и не слушая никакихъ возраженій, онъ готовъ ждать хоть тысячу лѣтъ, увѣренный, что его любимый Хейвкки вернется къ нему.

Да, Хейвкки вернется! Онъ снова готовъ трудиться, — трудиться для тѣхъ, кто въ немъ нуждается, готовъ отдать все, что у него есть самаго лучшаго, самаго дорогого, самаго за вѣтнаго, этому бѣдному родному народу, этой горячо любимой своей родиной!

И радость наполняетъ его сердце. Мысль его, словно жаворонокъ, летитъ къ небу и поетъ хвалу Богу за то, что на свѣтѣ есть такъ много достойнаго любви, и за то, что Онъ, Творецъ небесный, видя, что наши ограниченныя души не въ состояніи возвыситься до пониманія всего созданнаго имъ чуднаго міра, выдѣлилъ изъ него нашу родную землю, далъ намъ родной языкъ, и, вдохнувъ въ насъ частичку своей божественной любви, повелѣлъ намъ любить эту дорогую и ничѣмъ незамѣнимую родину.

К о н е ц ъ.

ИЗЪ ЯПОНСКОЙ ЖИЗНИ.

Изъ всѣхъ странъ далекаго востока Японія оказалась наиболѣе способной къ европейской культурѣ. Какъ только двери Японіи открылись настежь для европейцевъ, тотчасъ же въ ней обнаружилось сильное движеніе впередъ, стремленіе усвоить себѣ многія стороны европейской цивилизаціи, европейскія формы государственнаго управленія и т. п. Быстрыми шагами пошла Японія по пути прогресса и это отразилось не только на ея государственномъ устройствѣ и выразилось введеніемъ реформъ, но обнаружилось и въ области науки. Японскіе ученые, особенно врачи, уже прославили себя своими научными изслѣдованіями даже въ Европѣ; въ области искусства и литературы замѣчается также, хотя и въ гораздо меньшей степени, вліяніе европейской цивилизаціи. Переворотъ, который совершался вѣками во многихъ европейскихъ націяхъ, и притомъ не безъ трудной и часто даже кровавой борьбы, произошелъ въ Японіи въ какія-нибудь 30—40 лѣтъ. До 1868 года Японія сгибалась подъ деспотическою властью древнихъ законовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Тайкунъ, олицетворявшій въ себѣ свѣтскую власть и ревниво оберегавшій свои владѣнія отъ вторженія европейцевъ. Реакція, наступившая послѣ изгнанія португальцевъ, обратившихъ въ XVI столѣтіи въ христіанство массу японцевъ, преимущественно изъ высшихъ аристократическихъ классовъ общества, продолжалась долго и выразилась очень рѣзко. Много тысячъ японскихъ христіанъ погибло во время этой реакціи, и доступъ въ Японію былъ строго воспрещенъ европейцамъ. Ненависть къ европейцамъ была настолько сильна, что малѣйшее сношеніе съ ними наказывалось смертью. Даже, спасенные европейцами во время кораблекрушенія, японцы подлежали смертной казни по своему возвращеніи на родину, за то, что находились въ сношеніяхъ съ европейцами. Это было время безусловной реакціи, безусловнаго господства драконовскихъ законовъ, наказывающихъ смертью самый незначительный проступокъ, и европейцамъ стоило огромнаго труда побѣдить упорство японцевъ и занязать съ ними

торговья сношенія во второй половинѣ этого столѣтія. Соединенные Штаты, Англія и Россія, мало-по-малу получили доступъ въ нѣкоторыя японскія гавани и въ неприступной стѣнѣ, которою Японія, казалось, оградила себя навсегда отъ Европы, наконецъ, была пробита брешь.

Но въ 1868 году совершился переворотъ, сразу измѣнившій положеніе дѣлъ въ Японіи. Тайкунъ былъ свергнутъ съ престола. По странному противорѣчію изложеніе его совершилось именно вслѣдствіе того, что его обвинили въ желаніи завязать сношенія съ европейцами, что признавалось тогда измѣною государству. вмѣсто Тайкуна, свѣтская неограниченная власть была передана въ руки духовнаго главы, никогда раньше не вмѣшивавшагося въ дѣла государства. Но юный Микадо, до этой минуты жившій затворникомъ въ своемъ огромномъ дворцѣ въ Хіото и не имѣвшій никакого понятія о странѣ и народѣ, во главѣ котораго онъ находился, оказался гораздо болѣе податливымъ европейскому вліянію, нежели сверженный Тайкунъ, который лишь съ большимъ трудомъ, и почти противъ воли, согласился открыть для европейцевъ нѣкоторыя японскія гавани. Микадо же, наоборотъ, широко открылъ двери европейцамъ и вступилъ смѣлыми шагами на путь реформъ, которыя поставили теперь Японію во главѣ азіатскихъ государствъ и сдѣлали ее носительницею культуры въ Азіи. И то, что вмѣнилось въ преступленіе Тайкуну, прошло безнаказанно для Микадо, безстрашно приступившаго къ реформамъ и нашедшаго разумныхъ и проницательныхъ помощниковъ и совѣтниковъ въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ министровъ и полководцевъ.

Черезъ 22 года послѣ совершившагося переворота, въ 1890 году, въ Японіи происходило торжество открытія парламента, издана была конституція по образцу европейскихъ государствъ, и совершилось окончательное раздѣленіе законодательной и исполнительной власти. Микадо уничтожилъ касту воиновъ (самураи) и, вмѣсто нея, организовалъ народное войско, объявилъ религіозную свободу, уничтожилъ притѣсненія, которымъ раньше подвергались христіане въ Японіи, и заключилъ торговые договоры съ европейскими державами. Европейцы массами нахлынули въ Японію, европейскіе профессора и учителя были приглашены въ японскія школы, университетъ и академію. Подъ руководствомъ европейцевъ выработалась программа систематическаго образованія, проводились телеграфы, строились желѣзныя дороги и т. д. и т. д.

Несмотря, однако, на быстрые успѣхи европейской цивилизаціи въ Японіи, многіе обычаи страны и характерныя особенности національной жизни японцевъ сохранились до сихъ поръ въ неприкос-

новенности. Докторъ Клейстъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Японіи, въ своихъ очеркахъ (*Bilder aus Japan*), указываетъ именно на тѣ черты японской жизни, которыя не подпали вліянію европейской цивилизаціи, и въ которыхъ ярче всего выражается національный характеръ японцевъ. Это народъ, образовавшийся путемъ скрещиванія монгольской и малайской расы, съ айносами, первоначальными обитателями японскаго архипелага, отличается многими прекрасными качествами, говоритъ докторъ Клейстъ. Японцы въ высшей степени прилежный народъ, они мужественны, горды и горячо любятъ свое отечество. Наибогѣ выдающіяся черты ихъ характера: необыкновенная сдержанность, вѣжливость и спокойствіе. Спокойствіе ихъ поразительно и, по словамъ Клейста, оказываетъ благодѣтельное вліяніе даже на европейцевъ, прожившихъ болѣе или менѣе долгое время въ Японіи; тѣ также приучаются къ сдержанности и научаются владѣть собою. Европейецъ не долженъ никогда давать воли своей вспыльчивости, говоритъ Клейстъ, если не желаетъ потерять окончательно свой престижъ въ глазахъ японской прислуги. Если онъ забудетъ это правило и слишкомъ ясно выразитъ свой гнѣвъ и досаду, то можетъ быть увѣренъ, что ничего не добьется. Японцы отнесутся къ нему, какъ къ челоуѣку необразованному, не знающему приличій, и не подумаютъ поторопиться исполненіемъ его приказаній, если только приказанія эти сдѣланы въ гнѣвной, невѣжливой, формѣ. Наоборотъ, всякое замѣчаніе, высказанное спокойнымъ, сдержаннымъ тономъ, немедленно производитъ свое дѣйствіе».

Вѣжливость у японцевъ доведена до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Японецъ никогда не скажетъ правды, которая можетъ быть нецпріятна, и придумаетъ самую сложную ложь, чтобы объяснить свой отказъ въ чемъ-нибудь. Онъ всегда опасается обидѣть, и если слуга, напримѣръ, по какой-нибудь причинѣ недоволенъ своимъ господиномъ, или хочетъ оставить его, то онъ ни за что не скажетъ этого прямо изъ боязни оскорбить, а непремѣнно придумаетъ какое-нибудь сложное объясненіе своего ухода, болѣзнь или смерть отца и т. п. причину. Клейстъ рассказываетъ, что однажды онъ подавалъ о чемъ-то прошеніе японскому правительству и, долго не получая никакого отвѣта, узнавъ, наконецъ, сторонно, что просьба его давно была отклонена, но ни одинъ изъ японскихъ чиновниковъ, изъ опасенія обидѣть его, не рѣшался сообщить ему объ отказѣ правительства, и потому онъ и не получилъ никакого прямого отвѣта на свое прошеніе.

«Уморительно смотрѣть, — говоритъ Клейстъ, — на встрѣчу двухъ знакомыхъ японцевъ или японокъ на улицѣ. Какъ мужчины, такъ

и женщины низко кланяются другъ другу, произнося всевозможные комплименты и любезности. Спины ихъ остаются въ согнутомъ положеніи въ теченіи нѣсколькихъ секундъ, причежь оба кланяющіеся строго наблюдаютъ о томъ, чтобы головы ихъ были наклонены въ одинаковой степени. Ни одинъ не рѣшается первый прекратить поклонъ и поднять голову, и оба стараются сдѣлать это одновременно, чтобы не нанести обиды другъ другу, поэтому они осторожно приподымають чуть-чуть голову по временамъ и прекомично заглядываютъ, дабы не пропустить момента и не прекратить поклона раньше своего визави. Такой обычай поклона распространень одинаково какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ общества. Въ закрытомъ помѣщеніи поклоны бывають еще ниже; японецъ, занимающій болѣе низкое специальное положеніе, иногда прямо становится на колѣни передъ высшимъ лицомъ и лбомъ касается земли. Слегка склоненное положеніе, принимаемое японцами во время ходьбы по улицамъ, является именно результатомъ ихъ вѣжливости и выраженій почтенія къ встрѣчнымъ лицамъ».

Клейсть рассказываетъ, что одинъ его пріятель, японецъ, занимавшій довольно высокій постъ, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не рѣшался пожать ему руки по европейскому обычаю и только нѣжно пожималъ ему большой палець. Но, однажды, на какомъ-то парадномъ обѣдѣ, онъ такъ расчувствовался, что внезапно обнялъ его, хотя сдѣлалъ это все же не такъ, какъ европейцы, а наскочилъ на него сзади, и съ тѣхъ поръ сталъ уже вообще гораздо рѣшительнѣе пожимать ему руку при встрѣчѣ.

Чувство долга развито очень сильно у японцевъ, и ни одинъ служащій, какъ бы ни было ничтожно его вознагражденіе, не станетъ манкировать своими обязанностями. Правда, что вслѣдствіе ничтожности жалованья, которое получаютъ большинство мелкихъ чиновниковъ и разныхъ служащихъ, и крайней необеспеченности ихъ положенія въ случаѣ отставки, такъ какъ пенсій въ Японіи не существуетъ, взяточничество и обкрадываніе казны въ высшей степени процвѣтають въ Японіи. Но японскій служащій, стараясь, гдѣ только можно, нагрѣть себѣ руки, въ то-же время исполняетъ возложенныя на него обязанности очень добросовѣстно. Эта добросовѣстность распространена особенно среди мелкихъ служащихъ. Клейсть приводитъ для иллюстраціи слѣдующій случай. Одинъ швейцарець, послѣ обильныхъ возліяній на какомъ-то дружескомъ обѣдѣ, дошелъ до такого состоянія, что не могъ собственными силами добраться домой, друзья его взвалили его на «гинрикичу»—маленькую, легкую повозку, которую везеть

одинъ человѣкъ—экипажъ, служащій для передвиженія по улицамъ японскихъ городовъ, и поручили возницѣ доставить домой подкутившаго пріятеля. Возница дорогой забылъ номеръ дома, куда онъ долженъ былъ доставить своего кліента, и такъ какъ тотъ заснулъ, а возницѣ никакъ не удавалось разбудить его, то онъ обратился за помощью къ полиціи. Къ счастью, дозорный узналъ швейцарца и тотчасъ-же отрядилъ одного изъ полицейскихъ проводить возницу съ его кліентомъ до дому этого послѣдняго. Полицейскій вмѣстѣ съ возницей самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнили свою обязанность и сдали спящаго швейцарца на руки его повара, причѣмъ потребовали отъ повара выдачи по формѣ росписки въ полученіи своего хозяина.

Клейстъ отзывается очень хорошо о японской семьѣ. Между матерью и дѣтьми существуютъ самыя теплыя отношенія; особенно трогательна заботливость сына о своей матери. Каждая японка обязательно сама кормитъ своего ребенка. Кормилицы въ Японіи встрѣчаются только въ европейскихъ семьяхъ. Точно также японцы избѣгаютъ искусственнаго вскармливанія дѣтей коровинымъ молокомъ, къ которому они вообще питаютъ отвращеніе. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Японіи ребенокъ въ день своего появленія на свѣтъ считается уже годовалымъ и съ началомъ ближайшаго новаго года по японскому календарю, этому ребенку считается уже два года, такъ что, напримѣръ, маленький японецъ, родившійся наканунѣ новаго года, на другой день своего существованія считается уже двухлѣтнимъ. Клейстъ говоритъ, что почти не встрѣчается примѣровъ, чтобы взрослый сынъ бросилъ свою мать на произволъ судьбы; даже если эту послѣднюю мужъ выгонитъ изъ дому, то она все же всегда найдетъ поддержку въ своемъ сынѣ. Вообще, японцы обладаютъ очень чувствительнымъ, любящимъ сердцемъ, но между тѣмъ никакого не имѣютъ понятія о поцѣлуѣ и на ихъ языкѣ даже нѣтъ слова, которое бы означало поцѣлуй. Японскія матери обыкновенно гордятся своими дѣтьми, любятъ украшать ихъ самымъ фантастическимъ образомъ и прогуливаться съ ними по городу.

Любовь къ чистотѣ очень развита у взрослыхъ японцевъ, и потому они очень любятъ купаться. Японецъ совершенно не постигаетъ, какъ это человѣкъ, который не беретъ ежедневно ванны, можетъ жить и быть здоровъ. Японецъ всегда купается въ горячей водѣ 38—45 градусовъ по Цельсію, какъ зимою, такъ и въ лѣтнія жары. Только по назначенію врача, или во исполненіе какого-нибудь обѣта, онъ рѣшается брать холодную ванну. Въ Японіи такъ проникнуты идеей о необходимости и цѣлесообразности ку-

панія, что ванны являются государственнымъ учрежденіемъ. На улицахъ, у стѣнъ нѣкоторыхъ домовъ, стоятъ чаны и ванны, наполняемыя горячею водою, въ которыхъ японцы и японки немущихъ классовъ, нисколько не стѣсняясь прохожихъ, совершаютъ свое ежедневное омовеніе. Умирающему больному, отъ котораго уже отказались врачи, японецъ непременно устроить горячую ванну, въ которой онъ всегда видитъ послѣднее средство къ спасенію больного. Чрезвычайно распространено также въ Японіи леченіе массажемъ, причѣмъ должностъ массажиста обыкновенно исполняется слѣпымъ японцемъ, называемымъ «аммозанъ». Этотъ слѣпой массажистъ необыкновенно искусенъ, и къ нему часто прибѣгаютъ какъ японцы, такъ и японки, страдающіе ревматизмомъ,—болѣзнь, очень часто встрѣчающаяся въ Японіи. Массажъ составляетъ специальность слѣпыхъ въ Японіи, ибо тонкость осязанія у этихъ послѣднихъ бываетъ развита очень сильно. Вообще, леченіе массажемъ, столь распространенное въ Европѣ въ настоящее время, извѣстно на востокѣ съ незапамятныхъ временъ и практикуется, какъ въ Китаѣ и Японіи, такъ и на берегахъ Ганга, гдѣ имъ занимаются нѣкоторые ордена браминскихъ монаховъ.

Японскія дѣти съ трехъ до шести лѣтъ цѣлые дни проводятъ на улицахъ. Въ бѣднѣйшихъ классахъ дѣти предоставлены самимъ себѣ и почти безъ всякаго надзора играютъ на улицахъ. Но зато у каждаго ребенка къ пояску прикрѣплена досчечка, на которой написано его имя и адресъ его родителей, для того, чтобы, въ случаѣ, если такой ребенокъ заблудится, или съ нимъ случится что-нибудь, можно было бы легко найти его родителей и доставить имъ ребенка.

Съ шести лѣтъ маленькій японецъ уже начинаетъ посѣщать школу, гдѣ обучается японскому письму, для чего, по словамъ Клейста, нужно, по крайней мѣрѣ, восемь лѣтъ, такъ какъ надо изучить отъ двухъ до трехъ тысячъ письменныхъ знаковъ, для того, чтобы получить хотя бы только поверхностныя знанія; ученый долженъ знать, по крайней мѣрѣ, вдвое больше знаковъ, но, пожалуй, даже и наичуждѣйшій изъ японцевъ не знаетъ всѣхъ письменныхъ знаковъ своего языка, число которыхъ доходитъ до полутора ста тысячъ. Клейстъ говоритъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Японіи образовалось нѣмецко-японское общество, которое поставило себѣ цѣлю, ради облегченія изученія японскихъ письменныхъ знаковъ, замѣнить всѣ китайскіе знаки, введенные въ Японію, латинскими буквами. Общество это имѣетъ успѣхъ, и уже насчитывается до пяти тысячъ членовъ, и самъ Микадо выдаетъ ему ежегодную денежную субсидію. Весьма вѣроятно, что стремленія

этого общества нѣсколько упростить японскій письменный языкъ останутся не безъ результата и принесутъ большое облегченіе учащимся. Вообще, изученіе японскаго языка, по словамъ Клейста, представляетъ огромныя трудности для европейца. Можно выучиться читать по японски, изучить языкъ ученыхъ, вообще литературный языкъ, но народный языкъ останется все же неизвѣстнымъ, и пи одинъ необразованный японецъ не пойметъ европейца, который станетъ разговаривать съ нимъ японскимъ книжнымъ языкомъ. Клейстъ говоритъ, однако, что европейскія хозяйки весьма скоро научаются объясняться съ японскою прислугой, причемъ дѣлаютъ это довольно оригинально: къ японскимъ названіямъ той или другой хозяйственной вещи, онѣ прибавляютъ англійское и нѣмецкое окончаніе, что не мѣшаетъ, впрочемъ, японской прислугѣ понять тотчасъ же, чего отъ нея хочетъ ея хозяйка.

Семейныя связи имѣютъ въ Японіи огромное значеніе. Власть родителей надъ дѣтьми никогда не прекращается, и безъ согласія отца даже взрослый сынъ не имѣетъ права предпринять что бы то ни было; онъ не смѣетъ ни жениться, ни вступить на службу безъ согласія отца. Дочери обязаны еще большимъ послушаніемъ, и родители выдаютъ ихъ замужъ, не спрашивая на то ихъ согласія. Дѣвочки также обязаны посѣщать школу съ шестилѣтняго возраста, и женскихъ школъ въ Японіи насчитывается въ настоящее время около 28,000; въ нихъ дѣвочки обучаются, кромѣ чтенія, письма и ариѳметики, еще танцамъ и музыкѣ.

Отецъ семьи въ Японіи пользуется неограниченною властью надъ своими дѣтьми, и если онъ недоволенъ почему-либо своимъ сыномъ, то имѣетъ полное право изгнать его и, вмѣсто него, усыновить кого-нибудь другого, и усыновленный пользуется тогда всѣми правами сына. Но сынъ также можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отказаться отъ своего настоящаго отца и объявить своимъ отцомъ другого, даже совершенно чужого ему человѣка, конечно, если этотъ человѣкъ согласится стать его приемнымъ отцомъ. Въ случаѣ смерти настоящаго отца, юный сынъ очень часто выбираетъ себѣ приемнаго отца, который и помогаетъ ему въ дальнѣйшей его карьерѣ. Этими семейными отношеніями объясняется огромное значеніе церемоніи выбора наследника престола. Церемонія эта заключается въ томъ, что Микадо объявляетъ въ официальной газетѣ своего старшаго сына наследникомъ престола; это заявленіе означаетъ, что онъ, Микадо, вполне доволенъ какъ нравственнымъ и умственнымъ, такъ и физическимъ развитіемъ своего сына, поэтому назначаетъ его своимъ наследникомъ.

Въ день появленія этого заявленія въ официальной газетѣ и организируются торжественныя празднества во всей Японіи

Японскія женщины хотя и не такъ унижены въ Японіи, какъ у другихъ восточныхъ народовъ, но все же занимаютъ очень подчиненное положеніе; дѣвушкамъ постоянно проповѣдуется, что главная ихъ добродѣтель—послушаніе. До своего замужества молодая японка находится въ строгомъ подчиненіи у родителей; выйдя замужъ, она подчиняется мужу, а по смерти послѣдняго—взрослому сыну. Японецъ заключаетъ бракъ или на всю жизнь, или же только на извѣстный опредѣленный срокъ. Въ первомъ случаѣ японки, придерживающіяся еще старыхъ обычаевъ, чернятъ себѣ зубы какъ бы въ доказательство того, что онѣ уже болѣе никому не желаютъ нравиться.

Доступъ въ семью высшихъ классовъ японскаго общества, болѣею частью, для иностранцевъ закрытъ. Исключеніе дѣлается только для врача, который приглашается на консультацію въ случаѣ серьезнаго заболѣванія кого-нибудь изъ членовъ семьи. Клейстъ описываетъ слѣдующимъ образомъ визитъ одного европейскаго доктора къ одной знатной японской семьѣ. Докторъ былъ приглашенъ на консультацію домашнимъ врачомъ семьи, японцемъ; это была семья «доимію», владѣтельнаго князя, а заболѣвшій юноша—старшій сынъ и наслѣдникъ. Европейскій докторъ явился, конечно, въ сопровожденіи переводчика. Его провели въ отдѣльную комнату, гдѣ дожидался его японскій собратъ. Тотчасъ же явились двѣ японки и съ колѣнопреклоненіями предложили новоприбывшему чаю и табаку, и въ то время, когда онъ пилъ чай и курилъ, японскій врачъ читалъ ему исторію болѣзни и сообщалъ результаты своихъ наблюденій надъ больнымъ, ассистенты же японскаго врача расположились вокругъ, держа въ рукахъ таблицы температуры и разныя другія замѣтки относительно нѣкоторыхъ симптомовъ болѣзни, которые могутъ служить подтвержденіемъ діагноза, поставленнаго японскимъ врачомъ. Когда эта церемонія окончилась, то европейскаго доктора привели, наконецъ, къ больному, лежащему въ богато убранной комнатѣ, на обыкновенной циновкѣ, но подъ богатымъ покрываломъ. Въ той же комнатѣ, гдѣ лежалъ больной, находилась и вся его мужская и женская родня, стоящая, однако, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ больного. Эти люди съ необычайнымъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ движеніемъ врача и бессознательно повторяли его. Больной съ необыкновеннымъ терпѣніемъ вынесъ всю процедуру врачебнаго изслѣдованія и только окружающіе слегка вскрикивали при каждомъ постукиваніи докторскаго молоточка. По окончаніи изслѣдо-

ванія доктору предложили вымыть руки, послѣ чего онъ улазилъ въ консультаціонную комнату вмѣстѣ съ японскимъ врачомъ и его ассистентами, который изложилъ свой діагнозъ болѣзни и продиктовалъ одному изъ ассистентовъ рецептъ, записанный тушью на узкомъ и длинномъ сверткѣ бумаги. Плату за свой визитъ докторъ обыкновенно получаетъ на другой день въ особомъ пакетѣ, который приносится ему слугою его паціента, или же самъ паціентъ завозитъ ему по выздоровленіи слѣдующія ему деньги за визитъ. Семья же больного обыкновенно выказываетъ свое вниманіе доктору тѣмъ, что въ его повозку—«гинрикичу» кладетъ пакетъ съ особаго рода пирожнымъ, изготовляемымъ спеціально въ Японіи для докторовъ высшаго ранга.

Новый годъ японцы справляютъ очень торжественнымъ образомъ. Дома свои они украшаютъ зеленью, такъ какъ это дѣлается у насъ на Троицынъ день, но при этомъ входятъ въ каждый японскій домъ обязательно обвѣшиваются колосьями риса, и затѣмъ на бичевкахъ, сплетенныхъ изъ рисовой же соломы, развѣшиваются разные продукты земли, всевозможные плоды и овощи. Въ этотъ день въ каждой японской семьѣ готовится пирогъ изъ риса, который украшается разнаго рода фруктами. На верху пирога обыкновенно красуется огромный морской ракъ, являющійся въ данномъ случаѣ символомъ долголѣтія, приносящимъ счастье и ограждающимъ отъ всякаго рода невзгодъ и, главнымъ образомъ, болѣзней. Такой разукрашенный символическій пирогъ ставится въ каждой японской семьѣ на почетное мѣсто.

Каждый взрослый японецъ обязательно дѣлаетъ визиты въ первые три-четыре дня новаго года. Обычай этотъ такъ распространенъ, что никто не считаетъ себя виравѣ отъ него уклониться. Но зато ни въ одномъ японскомъ домѣ въ этотъ день никого не принимаютъ; у дверей на столѣ поставлена ваза для визитныхъ карточекъ, куда каждый посѣтитель опускаетъ свою карточку и удаляется, считая долгъ вѣжливости поконченнымъ. Въ этотъ день обыкновенно всѣ японскіе чиновники, расхаживающіе цѣлый годъ въ своихъ широкихъ и удобныхъ халатахъ, облачаются въ мундиры, расшитые золотомъ, напоминающіе европейскую парадную форму гражданского вѣдомства. Въ этомъ одѣяніи, по словамъ Клейста, большинство низкорослыхъ японцевъ, съ ихъ длинными волосами, выглядятъ очень комично. Въ обыкновенное же время на улицахъ японскаго города не видно никакихъ другихъ мундировъ, кромѣ военныхъ.

Клейстъ очень симпатично отзывался о японскомъ молодомъ поколѣніи. Японскія дѣти поразили его своею понятливостью и со-

образительностью. Въ домахъ состоятельныхъ японцевъ комнаты, предназначенныя дѣтямъ, всегда переполнены игрушками всякаго рода, среди которыхъ куклы играютъ не послѣднюю роль; куклы встрѣчаются всѣхъ величинъ, и японское молодое поколѣнiе занимается съ ними всего охотнѣе. По словамъ Клейста, даже взрослые молодые японцы, сдѣлавшіеся студентами университета, даже и тѣ, которые отсылаются въ Европу для обученiя, долго хранятъ куклу, съ которою играли въ дѣтствѣ, и часто тайкомъ вынимаютъ ее и играютъ съ нею. Вѣроятно, они дѣлаютъ это потому, что кукла напоминаетъ имъ ихъ далекую родину и золотое дѣтство.

Согласно старинному японскому обычаю каждый молодой японецъ выбираетъ себѣ подругу, съ которою постоянно играетъ вмѣстѣ, переписывается и дѣлится всѣми своими дѣтскими радостями и горестями. Въ случаѣ нужды, онъ выступаетъ ея защитникомъ, рыцаремъ. Эти отношенiя друзей дѣтства продолжаютъ обыкновенно до вступленiя въ бракъ той или другой стороны.

О загробной жизни японецъ имѣетъ самыя свѣтлыя представленiя, и потому нисколько не боится смерти, и смертная казнь не заключаетъ въ себѣ для него никакихъ ужасовъ; при прежнемъ законодательствѣ по самому малѣйшему поводу назначалась смертная казнь, но теперь, благодаря реформамъ Микадо, это измѣнилось, и смертная казнь назначается только за важныя проступки. Однако, обычай «гаракири» или «сеппуку» до сихъ поръ еще не исчезъ совершенно. Согласно этому обычаю, японецъ, принадлежащій къ высшему классу общества, имѣетъ право, въ случаѣ приговора его къ смертной казни, самъ лишить себя жизни, вскрывъ себѣ животъ ножомъ и выпустивъ внутренности. Эта смерть считается японцами почетной и очищающей память умершаго отъ всякихъ нареканiй. Въ прежнiя времена по самому ничтожному поводу благородный японецъ подвергалъ себя этой операціи, по приговору начальства, или же по собственной волѣ, для того, чтобы смыть пятно, лежащее на его имени. Недавно только упраздненъ былъ особый родъ дуэли, на которой оба, какъ сдѣлавшій вызовъ, такъ и тотъ, котораго вызвали, подвергали себя «сеппуку», такъ какъ, по понятiю японцевъ, другого способа удовлетворенiя чести быть не могло. Теперь «сеппуку» составляетъ крайне рѣдкое явленiе, однако все же, когда въ японскiй парламентъ въ 1889 году было внесено предложенiе отмѣнить и запретить обычай «сеппуку» законодательнымъ порядкомъ, то противъ этого предложенiя высказалось огромное большинство (двѣсти голосовъ противъ трехъ). Любопытны доводы, которые представила оппозиція противъ отмѣны «сеппуку» въ пользу своихъ взглядовъ. По

ея миѣнію, обычай этотъ служить выраженіемъ высокоразвитого чувства долга, побуждаетъ къ добродѣтели и указываетъ на различіе между низшимъ и высшимъ классами японскаго общества, которое, благодаря именно этому обычаю, отличалось всегда мужествомъ и сильно развитымъ чувствомъ стыда и до сихъ поръ не усвоило себѣ «многихъ низменныхъ привычекъ западныхъ націй».

Жизнь въ Японіи для европейца довольно дорога. Всегда спокойный, хитрый японецъ умѣетъ ловко эксплуатировать европейца и заставляетъ его платить въ три-дорога. Если же какая-нибудь хозяйка сдѣлаетъ замѣчаніе своему повару за то, что онъ подаетъ ей слишкомъ большіе счета, то она можетъ быть увѣрена, что на другой же день послѣ этого ея поварь объявитъ самымъ вѣжливымъ образомъ, что онъ вынужденъ, вслѣдствіе болѣзни своего отца, смерти матери или вообще кого-нибудь изъ своей родни, отказаться отъ мѣста; конечно, онъ не преминетъ выразить при этомъ свое глубокое сожалѣніе. Такова обычная формула, которая, разумѣется, никого не вводитъ въ заблужденіе, но, тѣмъ не менѣе, ни одинъ слуга въ Японіи не откажется отъ мѣста, не представивъ массу благовидныхъ предлоговъ. Самимъ японцамъ изъ народа содержаніе обходится очень дешево, особенно если принять во вниманіе ихъ большую умѣренность въ пищѣ. Они питаются большею частью рисомъ и овощами, затѣмъ всякаго рода улитками, устрицами и рыбой. Мяса японецъ не любитъ и употребляетъ очень рѣдко, къ молоку же, сыру и маслу онъ питаетъ отвращеніе. Въ образованныхъ и высшихъ классахъ японскаго общества столъ уже мало отличается отъ европейскаго стола, преимущественно господствуетъ французская кухня и мясныя кушанья составляютъ обычное явленіе. Въ Японіи нѣтъ ни каменной соли, ни соляныхъ озеръ, и поэтому соль прямо добывается изъ морской воды. Большія пространства земли затопляются морской водой, и затѣмъ, когда вода испарится, собирается соль, смѣшанная съ землей, и подвергается тщательному промыванію и выпариванію, послѣ чего она уже становится годною къ употребленію.

Въ Японіи крайне рѣдки случаи отравленія рыбой въ свѣжемъ видѣ, причемъ случаи эти обыкновенно происходятъ въ апрѣлѣ и маѣ. Новѣйшія изслѣдованія японскаго ученаго профессора Такухаши въ фармакологическомъ институтѣ университета въ Токио указали, что отравленіе производитъ всегда одинъ видъ рыбы, называемой японцами «фугу». Японцы очень охотно ѣдятъ эту рыбу, притомъ совершенно безнаказанно во всѣ остальные мѣсяцы года; но въ маѣ и апрѣлѣ во внутренностяхъ этой рыбы развивается особое ядовитое вещество, и тогда употребленіе ея становится

смертельнымъ. Даже если эту рыбу сварить, то все же это не лишаетъ ее ядовитыхъ свойствъ. Смерть наступаетъ при явленіяхъ паралича сердца.

Описывая свои экскурсіи въ окрестности Токио, Клейстъ особенно останавливается на поѣздкѣ въ Эношиму, островъ, отстоящій отъ Токио на восемь миль. По дорогѣ туда Клейстъ посѣтилъ маленькій городокъ Каназава, въ окрестностяхъ котораго находится одна изъ величайшихъ статуй Будды. Это бронзовое изображение Будды относится къ XIII вѣку и представляетъ колоссальной величины фигуру, сидящую на корточкахъ на каменномъ пьедесталѣ. По ступенямъ пьедестала, порядочно истертымъ отъ древности, можно взобраться къ самой статуѣ. Буддійскіе священники, стоящіе у статуи, кажутся совершенными пигмеями по сравненію со статуей. Одинъ изъ этихъ священниковъ, рассказываетъ Клейстъ, взобрался на статую и сталъ во весь ростъ на большомъ пальцѣ руки статуи; каждый палецъ руки статуи равняется росту человека. По словамъ Клейста, лицо статуи, несмотря на громадную величину, сдѣлано очень художественно, имѣетъ благородное выраженіе, и вообще вся фигура исполнена достоинства. Статуя возвышается на пятнадцать метровъ надъ пьедесталомъ и разстояніе отъ одного колѣна до другого равняется почти одиннадцати метрамъ. Голова статуи имѣетъ въ длину два съ половиною метра и украшена жемчугомъ; выраженіе лица серьезное и задумчивое. Какой-то японскій математикъ вычислилъ вѣсъ этой статуи и получилъ огромную цифру: 8.166.739.930 фунтовъ!

Это изображеніе Будды называется «Далбутсъ» и сдѣлано въ 1252 году, что, несомнѣнно, указываетъ, что уже въ XIII вѣкѣ искусства стояли на довольно высокой степени развитія въ Японіи.

Заканчивая свои очерки, Клейстъ говоритъ, что будущее Японіи, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ, находится въ рукахъ японскихъ женщинъ и зависитъ отъ ихъ дальнѣйшаго развитія. Японки очень способны и воспріимчивы и легко усваиваютъ себѣ европейскую культуру. Уже теперь встрѣчаются японскія женщины, стремящіяся къ знанію и самостоятельности. Супруга Микадо сама заинтересована успѣхами женскаго движенія и покровительствуетъ устройству по европейскимъ образцамъ женскихъ школъ, учительскихъ семинарій и дѣтскихъ садовъ. Многія знатныя японскія семьи уже теперь посылаютъ своихъ дочерей заканчивать образованіе въ Европу; европейскій костюмъ постепенно замѣняетъ «кимоно» (родъ халата, который носятъ японцы) и, пожалуй, недалеко уже то время, когда японки будутъ отличаться отъ европейнокъ только одними расовыми признаками, во

всемъ же остальномъ будутъ походить на нихъ. Клейстъ ожидаетъ отъ такой метаморфозы японокъ огромныхъ благъ для ихъ родины, конечно, въ такомъ только случаѣ, если ими будутъ усвоены не однѣ только внѣшнія формы европейской цивилизаціи, и японки въ самомъ дѣлѣ сдѣлаются носительницами культуры въ японской семьѣ. Только тогда, говоритъ Клейстъ, умный, способный и работающій народъ—японцы, образуютъ дѣйствительно культурное, цивилизованное государство въ Азіи. Во главѣ же азіатскихъ народовъ Японія стоитъ даже теперь.

ВЪ ГЛУШИ БАШКИРИИ.

Июня.

Р а з с к а з ъ.

Быль чудный, легкій лѣтній день—такіе дни, кажется, только и бываютъ въ глуши Башкириі, въ ея степяхъ, съ ихъ ширью и съ ихъ привольемъ. Несмотря на страшную, чуть не тропическую, жару, нѣтъ здѣсь той истомы, ослабляющей организмъ; напротивъ, человѣкъ чувствуетъ себя какъ-то особенно бодро, и дышется ему легко. Воздухъ живительный вылѣчиваетъ въ Башкириі слабогрудаго человѣка, а не кумысъ—безъ этого же воздуха, повѣрьте, никакой бы кумысъ больному не помогъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней, бывши еще мировымъ посредникомъ, я объѣзжалъ волости моего участка. Ямщикъ, кровный башкуртъ, везъ меня лихо. „Своя бульшой начальникъ веземъ—нельзя!“—думалъ онъ, вѣроятно, про себя, то и дѣло подбадривая лошадей, которыя и безъ того бѣжали прекрасно. Ну, да и дорога была хороша: ровная, что твоя сватерть—тарантасъ мой катился точно по разостланному мягкому, бархатному, коври. Впрочемъ, на коверъ и походило кругомъ, потому что и справа, и слѣва по дорогѣ у меня тянулось безконечное пространство, чуть не сплошь усыянное цвѣтами. А впереди виднѣлась большая башкирская деревня, раскинувшаяся широко въ пологой долинѣ, гдѣ въ самомъ логу текла весело степная рѣчущка, которая то выбѣгала на открытое мѣсто и блестяла подъ яркими лучами солнца, то скрывалась въ густыхъ камышахъ, чтобы затѣмъ опять выбѣжать на степной родимый просторъ. Здѣсь было видно по всему, и по этимъ огромнымъ выгонамъ, напоминавшимъ нетронутые, не вытоптанные еще скотомъ, луга, и по этой деревнѣ, съ ея убогими постройками, которая захватила

однакожь подь нихъ пространство чуть ли не въ нѣсколько квадратныхъ верстѣ, что тутъ приволье, въ землѣ людямъ: скота заводи, сколько хочешь, сѣй и паши, сколько твоей душеенькѣ угодно.

Къ деревнѣ мы приближались быстро—я рѣшилъ въ ней переѣхать лошадей, о чемъ и сообщилъ моему возницѣ, который, въѣхавъ въ улицу, загикалъ неистовымъ голосомъ, пронзительно засвисталъ и еще сильнѣе погналъ лошадей. Проскакавъ такимъ образомъ съ полдеревни, башкуртъ взялъ немного всторону и молодецкато сдержалъ рассказавшихся коней.

— Т-пррру!—крикнулъ онъ, бросая возжи и соскакивалъ съ козелъ, когда тарантасъ не успѣлъ еще остановиться, и гулъ отъ звенѣвшаго колокольчика не замеръ совсѣмъ.

Лошади стали, нѣсколько человекъ башкирь, узнавшихъ мой экипажъ, бѣжали во мнѣ—лица у всѣхъ добродушные, но озабоченные, такъ вотъ и читаешь на каждомъ лицѣ вопросъ: „какъ, что, зачѣмъ онъ приѣхалъ?“

— Живо—лошадей! Старосту зовите сюда!—крикнулъ я.

Башкиры заталалакали что-то на своемъ языкѣ и разбѣжались, а около моего тарантаса стали понемногу собираться другіе, которые, подойдя, тотчасъ же принялись помогать привезшему меня ямщику отпрягать лошадей. Спусти какую-нибудь минуту, начало подходить и деревенское начальство. Первымъ прибѣжалъ запыхавшійся десятскій, съ своимъ неизмѣннымъ значкомъ „линеечкой“—это былъ маленькій тщедушный человекъ, одѣтый въ разную рвань, на которой значекъ блестѣлъ точно хорошо вычищенный самоваръ. Нужно замѣтить, что башкиры, какъ и французы, чувствуютъ положительную слабость во всякаго рода знакамъ отличія, въ значкамъ и всякимъ медалямъ, такъ что мнѣ не разъ казалось, что нѣкоторые изъ башкирь только ради значка шли, напримеръ, охотно даже на такую должность, какъ должность десятскаго—чисто каторжную должность, которая, къ тому же, не представляла никакихъ выгодъ, развѣ лишь то, что его вездѣ навормятъ. Слѣдомъ за прибѣжавшимъ десятскимъ подошелъ степенно, размѣреннымъ шагомъ, полицейскій сотскій, напоминавшій по своей выправкѣ переодѣтаго жандарма. Наконецъ явился и староста, который еще издали, снявши съ своей головы шляпу, влянялся мнѣ, улыбаясь при этомъ всѣмъ своимъ широкимъ скуластымъ лицомъ, отчего лицо его приняло привѣтливый, добродушный, видъ, но тоже съ покорно выжидательнымъ выраженіемъ: „скажи, приказывай—исполнимъ!“ какъ бы наглядно говорило лицо старосты.

— Лошадей,—сказалъ я, отвѣчая поклономъ на низкіе поклоны всѣхъ этихъ людей, собравшихся встрѣтить и проводить меня.

— Сейчасъ, сейчасъ, хазретъ (господинъ)!—послышались въ отвѣтъ голоса, сопровождавшіеся опять низкими поклонами.

Снова пошло талалаканье, такая быстрая болтовня въ нѣсколько голосовъ, которую понять было мудрено, а перевести положительно невозможно. Староста и сотскій, каждый изъ нихъ дѣлалъ свои распоряженія, имъ вторили чуть ни всѣ, послѣ чего опять отдѣлилось нѣсколько человѣкъ, бросившихся въ разные стороны.

Спустя не болѣе получаса, въ концѣ улицы показалось густое облако пыли, послышался топотъ чуть ли не цѣлаго табуна лошадей. Два башкирца, сидя на невзвезданныхъ лошадяхъ, мчались прямо по направленію къ моему тарантасу, гнавши передъ собой еще нѣсколько головъ. Подскакавши къ мѣсту и быстро на скоку соскочивъ на землю, башкиры эти и еще нѣсколько человѣкъ изъ собравшейся толпы принялись закладывать лошадей. Работа кипѣла: одни—ловили лошадей, другіе—захомутывали ихъ, третьи—прилаживали къ хомуту постромки, четвертый, наконецъ, взвѣшивалъ лошадь, не заложивши ее—все это дѣлалось живо, ловко, а главное—видимо охотно, такъ что чувствовалось, что эти люди не вклянуть тебя, не вклянуть за то, что ты нарушилъ и потревожилъ ихъ покой, а какъ знать, быть можетъ; и оторвалъ ихъ отъ дѣла. Я сидѣлъ въ тарантасѣ и любовался, глядя на всю эту сутолоку, сопровождавшуюся шумомъ и говоромъ.

Коренникъ введенъ въ оглобли, пристяжныя поставлены по своимъ мѣстамъ къ валькамъ, вотъ навинута и дуга, стегивалась уже супонь—еще минута, и коренникъ былъ бы заложенъ совсѣмъ, но тутъ вдругъ изъ толпы выдвинулась женщина-башкирка, которая, крича и размахивая руками, бросилась къ стоявшей ближе къ ней пристяжной, быстро отдернула ее, оттолкнула плечомъ закладывавшаго коренника башкирца, распустила супонь и просто вырвала изъ оглобелъ лошадь, такъ что дуга, звеня колокольчикомъ, отлетѣла далеко въ сторону, затѣмъ, схвативъ за поводъ лошадь, она бѣгомъ увела ее.

Толпа стояла какъ бы въ оцѣпененіи. Скандаль! У мирового, у ихъ „самаго большого“, ближайшаго ихъ начальника, какая-то баба вдругъ осмѣлилась выпречь лошадь!

„Бѣ-ѣда!“ Но что они могли сдѣлать, если ни одинъ правый мусульманинъ не можетъ притронуться къ посторонней женщинѣ? Больше всѣхъ былъ сконфуженъ староста; онъ стоялъ, снявши шапку и смотря недоумѣвающе, со страхомъ, на меня, ожидая, конечно, начальническаго „разноса“ за такой необычный пассажъ—фигура его была и жалка, и комична.

— Что это значитъ?—спрашиваю я, желая прервать молчаніе.

Староста или не понялъ меня, или такъ былъ ошеломленъ случившимся, что не успѣлъ еще придти въ себя—онъ продолжалъ по прежнему стоять молча.

— Что это такое?—повторяю я, переиначивая вопросъ.

— Ничего, хазретъ, ничего,—отвѣчалъ онъ, наконецъ приходя въ себя и стараясь меня успокоить, тогда какъ другіе башкиры, бывшіе также свидѣтелями всей этой сцены, спѣшили поскорѣе ввести въ оглобли моего тарантаса другую лошадь.

— Что такое—зачѣмъ, отчего эта баба увела лошадь?—продолжаю я допрашивать старосту, потому что нахальство башкирки, такъ необычайно и рѣзко выразившееся, было для меня положительно необъяснимо—я хоть и слышалъ ея крики, но ничего, положительно ничего понять не могъ.

— Ничего, хазретъ... Пожалуйста, ничего, прости наша—онъ дуракъ-баба!

Эпитетъ „дуракъ-баба“ повторился за старостой въ нѣсколько голосовъ и въ толпѣ, но, такъ какъ это былъ опять-таки не отвѣтъ и не разъясняло мнѣ ничего, а только еще сильнѣе задѣло мое любопытство, то я вопросъ мой повторилъ и еще разъ, переиначивъ его опять на новый ладъ. Иначе говорить съ башкирами, плохо понимающими русскую рѣчь, невозможно, а перевернешь вопросъ или какую-нибудь фразу, перевернешь и такъ, и этакъ, ну, глядишь, башкирецъ тебя и понялъ, а безъ этого бейся съ нимъ хоть цѣлый часъ, твердить одно: „Бельмей (не понимаю), бельмей, хазретъ!“

— Своя лошадка онъ...—началъ, наконецъ, староста.

Это тоже особенность оригинальнаго русско-башкирскаго языка: говоря, на примѣръ, о бабѣ, употреблять мужескій родъ, говоря же о мужикѣ сказать—она.

— Своя лошадка онъ,—началъ староста, началъ и замаялся, подыскивая, вѣроятно, болѣе мягкое выраженіе,—ло-

шадка своя онъ не даетъ, хазретъ, — добавиль онъ наконецъ скороговоркой.

— Вижу, что не даетъ, но почему?

Опять заминка — староста стоять, опустивши голову, и вертеть въ рукахъ шляпу.

— Почему же? — спрашиваю я.

— Пускай, — говорить онъ (это башкирка), — мой два лошади берутъ и мой малайка съ нимъ — это съ тобой-то, хазретъ — пускай, — говорить, — она ѣдетъ.

Теперь для меня все стало яснымъ. Башкирка не хотѣла давать свою лошадь съ чужимъ проводникомъ, зная, что тотъ, заложивши еще двухъ своихъ, будетъ, конечно, беречь ихъ. Такъ бывало всегда, когда везли на сборныхъ лошадяхъ, а возили на сборныхъ лошадяхъ чуть ли не каждый разъ, потому что развѣ нынче много найдешь хозяевъ, у которыхъ было бы свободныхъ, да при томъ еще „справныхъ“, три лошади; выморенныхъ же клячъ запрягать въ разгонъ, везти къ тому же своего „бульшого начальника“, невозможно. Проводникомъ же или ямщикомъ ѣдетъ обыкновенно хозяинъ коренника, потому что работа коренной лошади гораздо труднѣе, а слѣдовательно, и испортить ее легче, или же ѣдетъ хозяинъ двухъ лошадей. Все это я зналъ, а потому и свазалъ старостѣ:

— Ну, что жъ, пускай ея малайка со мною и ѣдетъ...

Староста мнѣ не даль даже договорить.

— Что ты, хазретъ, развѣ можно, — проговориль онъ, замахавши руками.

Изъ толпы опять поддержали его.

— Развѣ можно? — слышались голоса.

— Почему же нельзя? — допытываюсь я.

— Нельзя, хазретъ — онъ белекей (маленькій) — совсѣмъ маленький.

— Давай мнѣ его сюда, — говорю я, думая про себя, что если бы малайка дѣйствительно былъ уже такъ малъ, какъ говорить староста, то развѣ мать настаивала бы на томъ, чтобы онъ везъ меня.

— Давай, я посмотрю, какой онъ.

Услыхавши это, нѣсколько человѣкъ башкиръ бросилось за мальчишкой, а спустя нѣсколько минутъ, гляжу ужъ его и ведутъ ко мнѣ. Башкиреновъ видимо трусить, упирается, сзади его подталкиваютъ, торопятъ; слѣдомъ за нимъ шла и мать его, та самая башкирка, которая за минуту такъ энер-

гично распорядилась съ лошадыю, совсѣмъ было уже заложеной въ мой тарантасъ. Казалось, она была въ сильно возбужденномъ состояніи, и, въ случаѣ чего, была готова, какъ тигрица, до послѣдней капли крови защищать своего дѣтеныша. Лицо ея имѣло звѣрски злобное выраженіе—смотрѣла она на всѣхъ насъ изъ подъ сдвинутыхъ, густыхъ черныхъ бровей, горѣвшими, чуть не искрившимися, глазами.

— Посмотри, хазретъ — развѣ можно тебя съ такимъ пускать? Говоря это, говоря съ азартомъ, староста взялъ было мальчика за плечи, желая, вѣроятно, выдвинуть его впередъ, но мать вырвала сына изъ подъ его рукъ, поставила передо мной и сама стала за нимъ, стала и начала. Богъ мой! Слова сыпались у ней градомъ, сыпались точно орѣхи на полъ изъ разорвавшася вдругъ мѣшка. По временамъ она какъ бы захлебывалась своими словами, затѣмъ какъ-то взвизгивала, причеиъ все время жестикулировала руками, поднося ихъ чуть не къ самому носу старосты.

Признаюсь, глядя на эту сцену и слушая рѣчь башкирки, выходящей изъ себя, я каждую секунду опасался, чтобы она какъ-нибудь въ азартѣ не зарвалась и не ударила старосту, но тотъ продолжалъ стоять совершенно спокойно; видимо было, что онъ вполне увѣренъ, что „дуракъ-баба“ только кричить, но чтобы отъ словъ перейти къ дѣлу, чтобы дать волю рукамъ—никогда эта женщина себя до этого не допустить. И онъ былъ правъ—башкирка, высказавшись, навричавшись до сыта, отвелъ, такъ сказать, душу, разомъ замолела. Суть же всей ея горячей рѣчи заключалась въ увѣреніяхъ, что ея Хисметьулла—такъ звали ея сына—можетъ меня везти, что онъ у нея все дѣлаетъ, и пашеть, и молотить, всѣ работы по домашности исправляетъ. Послѣднія свои заключительныя слова она произнесла совершенно уже сповоино, съ отѣнкомъ материнской гордости, причеиъ она взглянула на меня и любовно потрепала своего сынишку по плечу. Взглядъ, брошенный ею на меня, безъ всякихъ словъ ясно выражалъ въ эту минуту затаенную мысль матери: „О, хазретъ, ты не знаешь, какой онъ хорошій у меня!“

Хисметьулла стоялъ нередо мной—на немъ была простая бѣлая холщевая рубаха, на ногахъ лапти, но все это было чисто и надѣто аккуратно; на головѣ была тибетейка. Лицо маленькое съ кулакъ, но милое, симпатичное, съ бойкими черными глазами, бѣгавшими, какъ у испуганнаго звѣрка.

— Сколько ему лѣтъ?—спросилъ я, зная, что нельзя до-

вѣряться наружности молодыхъ башкиръ, которые растутъ туго и развиваются очень медленно.

Вопросъ мой возбудилъ споръ—опять заблестѣли глаза башкирки-матери.

— Какъ ее зовутъ?—задаю я вопросъ, прекращая этимъ пререканія.

— Фатима,—отвѣтили мнѣ.

— Спросите Фатиму, сколько ему лѣтъ?

— Она говоритъ, хазретъ, что семнадцать—да развѣ это можно, хазретъ?

Явилось и у меня сомнѣнiе, но башкирка меня уже подкупила—очень ужъ она смѣло отстаивала свои интересы, очень ужъ смѣло и открыто стояла она за своего маленькаго на видъ сынишку. „Это хоть и не магометанѣ бы“,—думалъ я, глядя на Фатиму и желая сдѣлать ей прiятное. „Ничего, добѣду и съ нимъ—если что, самъ наконецъ возьму возжи“—рѣшилъ я.

— Можетъ ли онъ только везти-то меня?—спросилъ я, обращаясь уже прямо къ матери.

Спросили башкирку—слова ея перевели мнѣ.

— Онъ говоритъ, можетъ.

— Ну, такъ онъ меня повезетъ. Нѣтъ ли у нихъ еще лошади?..

— Тройка есть, хазретъ,—отвѣчалъ староста.

— Много лошадей,—слышатся еще чей-то толось.

— Ну, такъ она пускай всю тройку своихъ лошадей и заложитъ мнѣ,—сказалъ я въ удивленiю, да пожалуй, и въ огорченiю всей собравшейся публики, которая ожидала конца, но, вѣроятно, ожидала конца совершенно другого.

Фатима же была на седьмомъ небѣ отъ восторга, что такъ повернулось ея дѣло.

— Рахметъ (благодарю), рахметъ (спасибо),—повторила она нѣсколько разъ, быстро повернувшись, на ходу кивнула мнѣ головой, выразивъ этимъ кивкомъ еще разъ мнѣ свою благодарность, затѣмъ бросилась черезъ толпу глазѣвшихъ башкиръ; слѣдомъ за ней ударился бѣжать и сынишка.

Ждать мнѣ пришлось недолго. Спустя нѣсколько минутъ Фатима съ сыномъ, опять оба бѣгомъ, вели уже захомутаныхъ лошадей. Теперь вся фигура башкирки, всѣ ея движенiя, выраженiе лица, да все, рѣшительно все выражало торжество этой женщины. Приведя лошадей, она ловко, не хуже всякаго ямщика, принялась сама закладывать коренника, по-

томъ заложенныхъ пристяжныхъ другими она осмотрѣла, кое что поправила у нихъ: одна, напримѣръ, оказалась взвозжена не по ея, она ее переввозжала по своему, другая была, по ея мнѣнію, заложена коротко, она прибавила ей постромки. Покончивши, наконецъ, съ лошадьми, Фатима заботливо осмотрѣла сидѣнье на козлахъ, на которое положила принесенную съ собой въ нѣсколько разъ сложенную кошму, а на нее, чтобы поднять еще для своего мальчугана сидѣнье, положила подушку.

— Готово? Скорѣе! — торопилъ староста, который все время былъ въ ажитациі. Онъ былъ видимо недоволенъ и своимъ рѣшеніемъ взять лошадей у этой бабы, и тѣмъ, что эта баба во все путалась, и сама закладывала ихъ.

Наконецъ лошади были готовы, но башкирка молчала, спокойно обходя тройку и какъ бы любуясь ею—это было, впрочемъ, только отводъ, она ждала сынишку, который за тѣмъ-то убѣжалъ домой.

— Идетъ!—крикнули въ толпѣ.

Вдали показался Хисметьюлла. Теперь онъ былъ одѣтъ въ кафтанишко, а на головѣ у него была надѣта теплая, мѣховая шапка, но такая большая, что она чуть-чуть ни прикрывала собою всю его маленькую головенку.

— Уторъ (садись)!—скомандовала мать.

Малайка взмогился на козлы, поправилъ едва ли не въ десятый разъ лѣзшую ему на глаза шапку и взялъ въ свои ручки возжи. Со всѣхъ сторонъ посыпались наказы и наставленія. Фатима, ставши на переднее колесо, поднялась и тоже стали учить сынишку, какъ лучше держать возжи. Въ продолженіи всего этого времени лошадей держали подъ уздцы башкиры.

Посадивши на козлы одного изъ башкиръ, чтобы онъ проводилъ насъ до деревенской околицы, я приказалъ наконецъ трогать.

— Пускай!—скомандовалъ староста.

Народъ разступился, лошади рванули, но все обошлось благополучно, потому что провожатый сдержалъ ихъ—тарантасъ повалился плавно по улицѣ. Староста бѣжить съ одной стороны, придерживая рукою знакъ на груди и низво мнѣ елается, съ другой бѣжить Фатима.

— Бѣлаго-то смотри поддерживай! Бѣлый былъ заложень въ корень.—Гнѣдого чаще погоняй! Это была правая пристяжная, лошадь, тяжелая, повидимому, лѣнивая.—Саврасву

не трогай! Савраска шель и горячился съ мѣста, какъ и слѣдовало молодяку—чуть не жеребенку.—На мосту акрымъ (тише)!.. Кувала (погоняй, скорѣй)!..—слышится еще долго намъ въ слѣдъ рѣзкій голосъ Фатимы, слышится до тѣхъ поръ, пока тарантась, уходя понемногу, отъ нея, наконецъ не скрылся, совсѣмъ.

Лошади шли смирно. Подѣхавши къ околицѣ, я отпустилъ, проводника и мы съ малайкой поѣхали одни.

Начались поля, разбитыя на длинныя узкія полоски, засѣяныя въ перемежку то рожью, то яровыми; мѣстами попадаются и узкія полоски залежей, а то и просто бурлаковъ; послѣдніе принадлежатъ обыкновенно голытьбѣ, безлошаднымъ башкирамъ, которые не въ силахъ ихъ обработать, да и нѣтъ возможности ихъ сбыть, потому что лежатъ онѣ въ череполосицѣ съ засѣянными хлѣбами. Кончились поля, и опять потянулась безконечная красавица степь.

Хисметулла довелъ меня отлично—всю дорогу онъ старался изобразить изъ себя настоящаго ямщика. Вѣхавъ въ первую деревню, онъ попробовалъ даже гикнуть, но голосъ измѣнилъ, оборвался—малайка сконфузился и, чтобы скрыть свой конфузъ, принялся правую пристяжную хлестать внутомъ такъ, какъ будто бы онъ былъ и „всамомдѣлешный ямщикъ“.

„Дуракъ-баба“ заинтересовала меня, такъ что, приѣхавъ въ волость и покончивъ дѣло съ ревизіей волостного правленія, моимъ первымъ вопросомъ, обращеннымъ къ старшинѣ, былъ вопросъ о ней.

— Знаю, ваше высокородіе—это Каримскій Фатима...

Старшина былъ изъ цивилизовавшихся башкиръ: умѣлъ подписать свое имя и фамилію и говорилъ хорошо по русски, хотя, конечно, скоро сбивался на татарско-русскій діалектъ, а вѣжливое *вы* замѣнялъ обычнымъ ты. Такъ онъ говорилъ и съ губернаторомъ, когда тотъ разъ ревизовалъ его волостное правленіе.

— Бульно хорошо знаемъ Фатима,—отвѣчалъ старшина, поднимъ при этомъ свою бархатную, разшитую золотомъ, тибетейку и почесавъ свой затылокъ, какъ бы выражая этимъ: вотъ дескать гдѣ сидитъ у меня эта Фатима!

— А что?—спросилъ я, замѣтивши это.

— И-и-и, хазреть!—Старшина при этомъ глубоко вздохнулъ.—Умъ мой, голова свой я съ этой бабой въ прошедшемъ году кончалъ.

— Что такъ?—спрашиваю я.

— Убивать хотѣла меня...

— За что?—перебиваю я старшину. Отвѣтъ этотъ меня не мало удивилъ, потому что старшина ни о чемъ подобномъ мнѣ не доносилъ.

— Мужъ ея умиралъ. Старики опекунъ назначили... Приговоръ составили, ваше высокородіе,—составили приговоръ и пошли къ Фатима, чтобы имѣнье малолѣтній взять и опекунъ передать. Закономъ пошли, хазретъ! Куд-ды! Фатима рычагъ взялъ, старика гонялъ и ворота запиралъ. Ушелъ старикъ. Староста донесенье мнѣ присылалъ, поѣхалъ я самъ Каримкинъ. Приѣзжаю, взялъ стариковъ, взялъ старосту, идемъ Фатима, глядимъ его ворота заперта — отперли. Десятсвій заплотомъ гулялъ, онъ ворота отпиралъ. Вошли во дворъ, хазретъ—Фатима опять рычагомъ (съ рычагомъ) стоитъ. Я началъ говорить ей—закономъ, говорю, пришелъ. „Такой говорить законъ нѣтъ—нѣтъ, нѣтъ!“ Говоритъ и ругается, хазретъ. „Моя дѣти —моя и имѣнье!“ —Бросай рычагъ,—говорю я.—Куд-ды! „Не брошу я,—говоритъ,—а идешь, топоръ возьму. Когда умираю, тогда и имѣнье возьмешь, тогда возьмешь и моя баранчукъ (моихъ дѣтей)“...

— И-и-и, хазретъ! Мы тебѣ мало еще говоримъ, а онъ говорилъ и дѣлалъ бульно много,—добавилъ старшина, закончивъ свой разсказъ.

— Чѣмъ же кончилось-то?—спрашиваю я.

— Ушли мы, хазретъ. Старикъ совѣтомъ давалъ:—пойдемъ, говоритъ, старшина.—Онъ—такой,—пожалуй убійство дѣлаетъ. И сдѣлалъ-бы, хазретъ!

— Значить, дрянной, вздорный баба ваша Фатима,—замѣтилъ я, приказывая подать мнѣ дѣла объ опекахъ.

— Нѣтъ, что ты, хазретъ! Смирный, хороший, хозяйственный баба—эго-то и скотина много, она и хлѣба много сыцить, и недоимка своя платить... Нѣтъ, просто, хазретъ—инный!—мать, хазретъ! —перевелъ старшина слово „инный“ по-русски.—Бойся, какъ бы кто баранчукъ у ней не обижалъ,—добавилъ башкуртъ тихо, чуть не шепотомъ.

Прошло много лѣтъ—нѣсколько десятковъ лѣтъ. Я жилъ уже въ городѣ. Какъ-то разъ утромъ, когда я сидѣлъ и просматривалъ газеты, входятъ ко мнѣ и докладываютъ, что меня спрашиваетъ какой-то башкирецъ. Меня это не удивило, потому что и сейчасъ навѣщаютъ меня иногда мои старые знакомцы изъ башкиръ,—одни, чтобы получить совѣтъ, другіе заходятъ просто покалякать, посмотрѣть своего прежняго мирового.

— Зови его сюда,—сказаль я.

Вошелъ плотный, здоровый башкирецъ, одѣтый не богато, но хорошо, видно—башкирецъ изъ достаточныхъ.

— Здравствуй, здравствуй, хазреть,—говорить онъ, входя, ухмыляясь, показывая рядъ своихъ чудныхъ бѣлыхъ зубовъ.

— Откуда?—спрашиваю я, пожимая поданную руку.

— Какъ, не узнаешь, хазреть!

— Право, не помню,—говорю. — Да и гдѣ мнѣ было помнить ихъ всѣхъ, когда ихъ перебивало у меня тысячи.

— Хисметулла-то не помнишь, хазреть!—сказаль башкирецъ удивленно.

— Право, не помню.

— Каримкинской-то Хисметулла? Я еще былъ белекей, совсѣмъ белекей былъ—много разъ тебя возилъ, хазреть.

Тутъ я вспомнилъ прежняго тщедушнаго малайку Хисметулла, котораго, конечно, теперь признать въ этомъ ростомъ, здоровомъ башкирцѣ, который стоялъ передо мной, было положительно невозможно.

Сѣли. Пошелъ разговоръ. Узнавши, зачѣмъ онъ попалъ въ городъ, я сталъ спрашивать объ его домашнихъ.

— Ну что Айша?—Айша была сестра Хисметуллы, которую я какъ-то разъ видѣлъ, заѣхавши прямо къ Фатимѣ. Тогда Айша была небольшой, но очень хорошенькой, дѣвочкой.

— Ничего! славъ Богъ, славъ Богъ!—хороша живетъ: скотина ихъ есть, хлѣбъ сыпуть. Дѣти его большой сталъ—два мальчишка его, два дѣвка есть...

— Ну, а мать какъ? что Фатима?

— Инная?—ульганъ (умерла), хазреть!—На глазахъ говорившаго показались слезы.

— Когда?

— Годъ будетъ, хазреть,—отвѣчалъ онъ, отвернувшись отъ меня. Башкуртъ плакалъ.

— Жаль, видно, тебѣ ея,—замѣтилъ я.

— Жаль!..—Проговоривши это, онъ, точно ужаленный, вскочилъ съ своего мѣста.—Жаль, жаль,—повторилъ онъ много разъ.—Мнѣ-то его жаль, хазреть—дѣтямъ-то моимъ жаль, да и дѣти моихъ дѣтей о ней жалѣть будутъ,—сказаль Хисметулла съ чувствомъ, ударяя себя кулакомъ по груди.

Петръ Добротворскій.

„КРАСАВИЦА“.

(Исторія одной старой лодки и ея экипажа).

РАЗСКАЗЪ

Альфонса Додэ.

I.

Необдуманный поступокъ.

Улица Анфанъ-Ружъ въ Тампльскомъ кварталѣ. Улица эта узкая, какъ проточная труба, по бокамъ ручьи застоившейся воды, посрединѣ лужи черной грязи, изъ отворенныхъ дверей несетъ запахомъ плѣсени и помоевъ.

По обѣимъ сторонамъ очень высокіе дома съ казарменными окнами, съ тусклыми стеклами безъ занавѣсей—это дома поденщиковъ, рабочихъ, постоянные двory для каменщиковъ и ночлежныя квартиры.

Внизу много лавокъ—колбасныя, виноторговли, булочныя съ простымъ хлѣбомъ и одна мясная съ синимъ и желтымъ мясомъ.

На улицѣ не видно экипажей, на тротуарахъ ни гуляющихъ, ни нарядовъ; одни продавцы зелени громко выкрикиваютъ рыночные отбросы, да толпы рабочихъ выходятъ изъ фабрикъ съ блузами подъ мышкой.

Сегодня восьмое число—день квартирной платы для бѣдняковъ,—день, въ который утомленные ожиданіемъ домохозяева гоняютъ нищету на улицу.

Въ этотъ день на улицѣ множество телѣжекъ, нагруженныхъ желѣзными кроватями, хромыми столами, опрокинутыми вверхъ ногами, вмѣстѣ съ продранными тюфяками и убогой кухонной посудой. Нѣтъ ни клочка соломы въ упаковкѣ этой жал-

кой, искалѣченной, мебели, измученной путешествіями по грязнымъ лѣстницамъ и перетаскиваньемъ изъ чердаковъ въ подвалы.

Надвигаются сумерки.

Газовые фонари зажигаются одинъ за другимъ и отражаются въ канавкахъ и окнахъ лавокъ.

На улицѣ густой туманъ. Прохожіе ускоряютъ шаги. Дядя Луво стоитъ у прилавка виноторговца, въ натопленной комнатѣ, и чокается съ Вилетскимъ столяромъ.

Большое рябое и загорѣлое лицо лодочника расплывается отъ веселаго смѣха, потрясая въ ухахъ серьги.

— Дѣло рѣшенное, дядя Дюбакъ, вы берете мой лѣсъ по назначенной мною цѣнѣ?

— По рукамъ!

— Ваше здоровье!

— И ваше!

Стаканы стучать, и Луво пьетъ, закинувъ голову назадъ, прищуривъ глаза, прищельивая языкомъ — смакуя свое бѣлое вино.

Что же дѣлать! на свѣтѣ нѣтъ совершенства, а бѣлое вино — слабость Луво. Не то, чтобы онъ былъ пьяница. Нѣтъ! избави Богъ, — Хозяйка его — женщина дѣльная — не допустила бы никогда пьянства; но кто живетъ жизнью лодочника, тому не грѣхъ пропустить иногда лишній стаканчикъ.

Постепенно развеселившись, Луво улыбается даже прилавку, который видитъ какъ бы сквозь туманъ, улыбается при мысли о деньгахъ, которыя онъ положить себѣ въ карманъ завтра, сдавъ свой товаръ.

Пожавъ еще разъ другъ другу руки и выпивъ по послѣднему стаканчику, торговцы, наконецъ, разстались.

— Такъ навѣрно до завтра?

— Положитесь на меня.

Конечно, дядя Луво не прозѣваетъ завтрашняго дня — продажа слишкомъ выгодна, и дѣло такое подходящее, что не зачѣмъ медлить.

Довольный лодочникъ направляется къ Сенѣ, сквозь толпу проталкиваясь съ радостью школьника, возвращающагося домой съ хорошими баллами.

Что-то скажетъ старуха Луво — женщина дѣльная — когда узнаетъ, что мужъ продалъ лѣсъ въ первый же день, и за таѣю хорошую цѣну?

Еще одно-два такіхъ дѣльца, и можно будетъ купить

новую барку на смѣну „Красошцы“, которая начинаетъ слишкомъ сильно течь.

Это говорится не въ упрекъ ей, потому что въ молодости это была важная лодка, но дѣло въ томъ, что все на свѣтѣ старѣется, гніеть, и самъ дядя Луво чувствуетъ, что уже далеко не такъ ловокъ и расторопнень, какъ въ то время, когда былъ подручнымъ на Марнскихъ судахъ.

Но что это тамъ случилось?

Передъ дверью одного дома собралась толпа кумушекъ; прохожіе останавливаются, а полицейскій сержантъ, стоя посреди толпы, записываетъ что-то въ книжку. Лодочникъ слѣдуетъ общему примѣру и переходитъ изъ любопытства на другую сторону улицы.

— Что тутъ за происшествіе?

Вѣрно, раздавили собаку, опрокинулась телѣжка, а то, можетъ, пьяный упалъ въ канавку—словомъ, ничего особенно интереснаго...

Нѣтъ! на деревянномъ стулѣ сидитъ маленькій ребенокъ съ растрепанными волосами, съ лицомъ, запачканнымъ вареньемъ; онъ горько плачетъ и третъ глаза кулачками.

Струившіяся по лицу слезы разрисовали причудливыми узорами бѣдное, грязное, личико.

Непоколебимый полицейскій спрашиваетъ ребенка, точно какого-нибудь преступника, и съ чувствомъ собственного достоинства заноситъ отвѣты въ записную книжку.

— Какъ тебя зовутъ?

— Таторъ.

— То-есть Викторъ?

Отвѣта не послѣдовало. Ребенокъ заплакалъ еще сильнѣе, продолжая кричать:

— Мама! мама!

Проходившая мимо простая женщина, очень грязная, некрасивая и тащившая за собой двоихъ ребятъ, выступила изъ толпы.

— Погодите, я спрошу его,—сказала она сержанту.

Вставъ на колѣни передъ ребенкомъ, она высморкала ему носъ, утерла глаза и поцѣловала его грязныя щеки.

— Какъ зовутъ твою маму, голубчикъ?

Мальчишъ не зналъ.

Полицейскій обратился къ сосѣдямъ:

— Послушайте, дворникъ, вы-то ужъ должны знать этихъ людей.

Дворникъ никогда и не слышалъ ихъ имени. Въ домѣ перобывало такое множество жильцовъ!

Все, что можно сказать,—это, что они прожили здѣсь около мѣсяца, не заплатили за все время ни копѣйки, и теперь хозяинъ выгналъ ихъ—и очень хорошо сдѣлалъ.

— Чѣмъ же они занимались?

— Да ничѣмъ. Днемъ отецъ съ матерью пили, а вечеромъ дрались. Ладили они между собой только тогда, когда принимались бить дѣтей, которыя ходили просить милостыню и воровали въ лавкахъ, на выставкахъ. Какъ видите, славная семейка.

— Какъ вы думаете, вернутся они за ребенкомъ?

— Конечно, нѣтъ. Они воспользовались переѣздомъ, чтобы отдѣлаться отъ него. Такія вещи случаются не въ первый разъ при переѣздѣ съ квартиры.

— И такъ, никто не видѣлъ, какъ ушли родители?—спросилъ полицейскій.

Они ушли рано утромъ; мужъ везъ телѣжку, жена несла узель въ передникѣ, а сыновья шли, заложивъ руки въ карманы. А теперь, ищи ихъ!

Прохожіе приходили въ негодованіе, осуждали родителей и шли своей дорогой!

А несчастный малютка сидѣлъ тутъ съ двѣнадцати часовъ. Мать, усадивъ его на стулъ, наказала ему:

— Будь умницей!

И съ тѣхъ поръ онъ все ждалъ. Проголодавшись, ребенокъ сталъ кричать, тогда хозяйка мелочной лавочки сжалилась и дала ему ломоть хлѣба съ вареньемъ.

Но тартинка была уже давно съѣдена, и ребенокъ принялся снова плавать.

Бѣдный малютка умиралъ отъ страха! Онъ боялся собакъ, бродившихъ около него, боялся наступавшей темноты, незнакомыхъ людей, заговаривавшихъ съ нимъ, и бѣдное маленькое сердечко билось у него въ груди такъ же сильно, какъ у умирающей птички.

Толпа, окружавшая его, все увеличивалась, и утомленный этой сценой полицейскій взялъ малютку за руку, чтобы отвести въ участокъ.

— Ну, что же, никто не желаетъ взять ребенка?

— Подождите минутку!

Толпа обернулась, и передъ ней предстало доброе, загорѣ-

лое лицо, глупо улыбавшееся и раскрывавшее ротъ до ушей, украшенныхъ большими мѣдными кольцами.

— Подождите минутку! Я возьму ребенка, если никто другой не желаетъ.

Изъ толпы послышались восклицанія:

— Доброе дѣло!

— Вотъ и отлично!

— Какой вы славный малый!

Дядя Луво, сильно охмелѣвшій отъ бѣлаго вина, удачной продажи и всеобщаго одобренія, всталъ посреди толпы, скрестивъ руки.

— Чтожъ тутъ удивительнаго? Самое обыкновенное дѣло!

Любопытная толпа проводила Луво до полицейскаго комиссара, не давая охладѣть его энтузіазму.

Тамъ, по принятому обычаю, съ него сняли допросъ.

— Какъ ваше имя?

— Франсуа Луво, господинъ комиссаръ, женатый, и даже могу сказать, женатый, въ счастью, на женщинѣ съ мозгами. Для меня это большое счастье, господинъ комиссаръ, потому что самъ-то я, видите ли—не далекъ, совсѣмъ не далекъ, ха, ха, ха! Я, какъ говорится, не орель. И жена говорить всегда: „мой Франсуа не орель!“

Никогда еще онъ не бывалъ такъ краснорѣчивъ.

Языкъ его развязался, явилась самоувѣренность человѣка, заключившаго выгодную сдѣлку и выпившаго притомъ бутылку бѣлаго вина.

— Какимъ ремесломъ занимаетесь?

— Лодочникъ, господинъ комиссаръ, хозяинъ „*Красавицы*“, знатной лодки, снабженной недурной командой. Посмотрѣли бы вы, какой знатный у меня экипажъ!.. Спросите всѣхъ шлюзныхъ приставовъ отъ Маріинскаго моста до самаго Кламеси... Вы знаете Кламеси, господинъ комиссаръ?

Присутствующіе улыбались, но Луво не умолкалъ, пугаясь въ словахъ и глотая слоги.

— Славное, я вамъ скажу, мѣстечко, это Кламеси! Сверху до низа покрытое лѣсомъ, и лѣсомъ отборнымъ, это знаютъ всѣ столары... Тамъ и я покупаю свой лѣсъ. О! я извѣстенъ всѣмъ своимъ товаромъ. Нужно вамъ сказать, что у меня очень вѣрный глазъ! Хотя я и не далекъ, не орель, какъ говорить жена, но глазомѣръ у меня очень вѣрный... Я беру, наримѣръ, дерево, толщиной съ васъ — не въ обиду вамъ будь сказано, господинъ комиссаръ—и обматываю его веревкой вотъ такимъ образомъ...

И, схвативъ полицейскаго сержанта, онъ сталъ его обматывать бичевкой, вытащенной изъ кармана.

Сержантъ не давался.

— Оставьте меня въ покоѣ!

— Стойте... Стойте... Мнѣ хочется только показать господину комиссару... Обмотавъ его такимъ образомъ и снявъ мѣрку, я начинаю умножать, умножать... не могу вамъ навѣрно сказать, что и на что нужно умножить. У меня жена очень сильна въ ариѳметикѣ. Умная и толковая баба, моя жена.

Публика громко хохотала, и даже самъ господинъ комиссаръ удостоилъ улыбнуться.

Когда смѣхъ нѣсколько утихъ, онъ спросилъ Луво:

— Что же вы сдѣлаете изъ этого ребенка?

— Ужъ, конечно, не рентьера. Ихъ никогда не бывало въ моей семьѣ. Онъ будетъ лодочникомъ, и, какъ и всѣ, лодочники—честнымъ малымъ.

— У васъ нѣтъ своихъ дѣтей?

— Какъ не быть! Одна уже ходитъ, другой у груди и ждемъ третьяго. Кажется, недурно для человѣка, котораго нельзя назвать орломъ? А этотъ будетъ у насъ четвертымъ, ну! да гдѣ есть на троихъ—хватить и на четверыхъ. Потѣсимся немножко. Будемъ стягивать потуже поясъ, да стараться продавать лѣсъ подороже!

Серьги его такъ и прыгали отъ громкаго смѣха въ то время, какъ онъ окидывалъ самодовольнымъ взглядомъ публику. Передъ нимъ положили какую-то толстую книгу.

Не умѣя писать, онъ поставилъ въ концѣ страницы врестъ.

Наконецъ, комиссаръ передалъ ему ребенка.

— Возьмите мальчугана, Франсуа Луво, и воспитайте его, какъ слѣдуетъ. Если узнаю что-нибудь о немъ—дамъ вамъ знать. Но не думаю, чтобы родители потребовали его когда-нибудь обратно. Вы, кажется, честный и добрый человѣкъ; и я довѣряю вамъ. Слушайтесь всегда вашей жены. А теперь до свиданья, да пейте поменьше бѣлаго вина.

Ничто не отрезвляетъ такъ быстро человѣка, какъ темная ночь, холодный туманъ и равнодушная суета людей, возвращающихся по своимъ домамъ.

Очутившись на улицѣ съ ребенкомъ и съ гербовой бумагой въ карманѣ, Луво мигомъ отрезвился. Весь энтузіазмъ его исчезъ, и передъ нимъ встала вся несообразность его поступка.

Неужели онъ останется навсегда такимъ безумцемъ и гордецомъ?

Неужели онъ не можетъ пройти по улицѣ, какъ другіе -- не вмѣшиваясь не въ свои дѣла?

Ему теперь уже представлялось негодование жены! Ужъ и приметъ же она его, добрые люди!

Бѣда для мягкосердаго человѣка жена — баба съ мозгами.

Какъ теперь идти домой?! Вернуться къ комиссару онъ также не смѣлъ! Что же дѣлать? Что же дѣлать? Оба плелись въ густомъ туманѣ. Луво жестикулировалъ, разговаривалъ одинъ, готовилъ рѣчь; Викторъ едва волочилъ по грязи ножонки; мальчикъ выбился изъ силъ, его приходилось тащить.

Луво остановился, взялъ его на руки и завернулъ въ свою куртку. Объятія маленькихъ ручекъ неможко ободрили его, и лодочникъ продолжалъ свой путь.

Будь, что будетъ! а вернуться домой всетаки надо.

Если жена выгонитъ ихъ, онъ успѣетъ еще отнести ребенка къ комиссару; а можетъ быть, она позволитъ ему переночевать эту ночь, и мальчуганъ хоть пообѣдаетъ до сыта.

Они подошли уже къ Аустерлицкому мосту, около котораго была причалена „Красавица“.

Въ воздухѣ стоялъ нѣжный и приторный запахъ сырого дерева. Темная рѣка была загромождена цѣлой флотиліей судовъ. Фонари мелькали, перепутанныя цѣпи скрипѣли отъ равномернаго движенія воды.

Чтобы попасть на свою барку, Луво приходилось переправляться черезъ два плота, соединенные между собою мостиками.

Онъ пробирался боязливо, ноги его дрожали, уцѣпившійся за шею ребенокъ стѣснялъ его движенія.

Какая темная ночь!

Только маленькая лампочка, сверкающая, какъ звѣздочка въ оконцѣ каюты, да свѣтлая полоска, пробивающаяся надъ дверью, оживляютъ немного сонную барку.

Слышенъ уже голосъ хозяйки, которая бранила дѣтей, занимаясь стряпней ужина.

— Перестанешь ли ты наконецъ, Клара?

Отступать было уже слишкомъ поздно, и лодочникъ толкнулъ дверь.

Жена стояла спиной къ нему, нагнувшись къ сковородѣ, но она, узнавъ его походку, промолвила, не оборачиваясь:

— Это ты, Франсуа? Что ты такъ запоздалъ?

Картофель жарился въ кипящемъ салѣ, и паръ отъ котелка, устремляясь къ двери, затуманилъ оконныя стекла каюты. Франсуа спустилъ ребенка на полъ, и бѣдный малютка, охваченный тепломъ, чувствовалъ, какъ у него отогрѣвались покраснѣвшія ручки.

— Тепленько тутъ...— проговорилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, весело улыбнувшись.

Тетка Луво обернулась.

— Это еще что такое?— вскричала она, сердито указывая мужу на оборваннаго малютку, стоявшаго посреди каюты.

Нѣтъ! Вѣдь бываютъ же иногда такія минуты, и между счастливыми супругами!

Сконфуженный лодочникъ хохоталъ, раскрывъ ротъ до ушей, не находя отвѣта, но въ душѣ искренно желалъ быть въ эту минуту на улицѣ.

Но, такъ какъ жена не спускала съ него негодующаго взгляда, ожидая объясненія, онъ разсказалъ, заплетаясь и перепутывая всю исторію, съ умоляющимъ взглядомъ собаки, чувствующей надъ собой поднятый кнутъ.

Ребенокъ былъ брошенъ родителями, и онъ нашелъ мальчугана въ слезахъ, на тротуарѣ.

Тутъ спрашиваютъ:

— Кто хочетъ взять ребенка?

— Я,— отвѣчаетъ онъ.

— Берите же,— говоритъ полицейскій комиссаръ.

— Такъ вѣдь, мальчуганъ?

Тутъ тетка Луво разразилась гнѣвомъ:

— Да что ты съ ума сошелъ, или выпилъ не въ мѣру! Слыхана ли на свѣтѣ такая нелѣпость! Или тебѣ хочется уморить всѣхъ насъ съ голоду! Ты находишь, что мы слишкомъ богаты? Что намъ не переѣсть всего хлѣба, и что у насъ много лишняго мѣста?

Франсуа молчалъ, разсматривая свои башмаки.

— Несчастный! взгляни же ты на себя, взгляни на всѣхъ насъ! Твоя барка течетъ, какъ рѣшето! А ты еще подбираешь чужихъ дѣтей по тротуарамъ!

Все это бѣднякъ уже говорилъ себѣ. Онъ и не думалъ оправдываться и стоялъ, понутивъ голову, какъ преступникъ, слушающій свой обвинительный приговоръ.

— Изволь отнести сейчасъ же ребенка въ полицейскому

коммиссару! Если онъ заартачится и не захочетъ его взять, скажи, что жена несогласна навязать его себѣ на шею. По-нялъ ты меня?

Она наступала на него со сковородой въ рукѣ и съ угрожающимъ жестомъ.

Лодочникъ соглашался на всѣ ея требованія.

— Ну, полно, не сердись. Я хотѣлъ сдѣлать доброе дѣло, и попалъ въ просакъ. Самъ вижу. Хочешь, чтобы я отвезъ его сейчасъ же?

Но покорность бѣдняка смягчила сердце тетки Луво. А можетъ быть, передъ глазами ея мелькнулъ образъ одного изъ ея дѣтей, брошеннаго на темной улицѣ и протягивающаго руку прохожимъ!

Она отвернулась и, ставя на огонь сковороду, проворчала угрюмо:

— Сегодня уже нельзя, теперь и участокъ, пожалуй, запертъ. Взявъ его на свою шею, ты не можешь вытолкать его на улицу. Пусть сегодня переночуетъ; но завтра утромъ...

Разсерженная хозяйка раздувала изо всѣхъ силъ огонь.

— Но клянусь тебѣ, что завтра утромъ ты избавишь меня отъ него!

Въ каютѣ наступило молчаніе.

Хозяйка накрывала порывисто на столъ, звенѣла стаканами, бросала сердито вилками.

Испуганная Клара сидѣла, не шевелясь, въ уголкѣ.

Грудной ребенокъ пицалъ и возился на кровати, а маленький приемышь смотрѣлъ съ восторгомъ на раскаленные уголья. Ему, можетъ быть, съ рожденья не удавалось видѣть огня!

Но представьте себѣ его радость, когда онъ очутился за столомъ, съ салфеткой на шеѣ, передъ полной тарелкой картофеля! Онъ глоталъ, какъ птичка, подбирающая крошки на снѣгу. Тетка Луво сердито наполняла его тарелку, чуть-чуть тронутая въ глубинѣ души аппетитомъ замореннаго ребенка. Обрадованная Клара гладила его своей ложкой, а смущенный Луво не смѣлъ поднять глазъ отъ стола.

Убравъ со стола и уложивъ дѣтей, тетка Луво сѣла передъ печкой и поставила между колѣнъ ребенка, чтобы пообчистить его.

— Нельзя его укладывать спать въ такой грязи! Держу пари, что онъ никогда не видѣлъ даже ни губки, ни гребня!

Ребенокъ вертѣлся у нея въ рукахъ, какъ волчонокъ.

Умытый и расчесанный, бѣдный мальчуганъ былъ хотъ

куда, съ своимъ розовымъ носикомъ и твердыми, круглыми, какъ яблочко, щечками.

Тетка Луво смотрѣла на свое произведеніе съ отгѣнкомъ удовольствія.

— А сколько ему можетъ быть лѣтъ?

Франсуа положилъ трубку, обрадовавшись случаю вступить въ разговоръ. Съ нимъ заговорили еще въ первый разъ, а вопросъ былъ почти равносильнъ возвращенію милости. Онъ всталъ и вытащилъ изъ кармана бичеву.

— Сколько лѣтъ? Гм! Сейчасъ мы это тебѣ скажемъ.

Онъ схватилъ мальчугана въ охапку и обмоталъ его бичевкой, какъ это дѣлалъ съ деревьями въ Кламси.

Жена смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Что ты это дѣлаешь?

— Видишь—измѣряю.

Она вырвала у него изъ рукъ веревку и бросила ее въ уголь.

— Ты совсѣмъ рехнулся съ своими причудами, бѣдный мой Франсуа. Ребенокъ вѣдь не пень!

Не везетъ въ этотъ вечеръ несчастному Франсуа!

Онъ отступаетъ сконфуженный, въ то время какъ жена укладываетъ мальчугана въ кровать Клары. Та спитъ крѣпкимъ сномъ, разметавшись по всей постельѣ. Она чувствуетъ смутно, сквозь сонъ, что рядомъ съ ней кладутъ что-то, протягиваетъ руку, отталкиваетъ сосѣда въ уголь, тычетъ ему локтями въ глаза, переворачивается,—и снова засыпаетъ.

Въ каютѣ гасятъ лампу.

Бурливая Сена покачиваетъ на своихъ волнахъ деревянный домикъ, а бѣдный маленькій найденышъ чувствуетъ теплоту, разливающуюся по его тѣлу, и засыпаетъ съ ощущеніемъ незнакомой ласки; въ то время, какъ глаза его смыкаются, чья-то рука нѣжно гладитъ его по головкѣ.

II.

«Красавица».

Мадемуазель Клара имѣла обыкновеніе просыпаться очень рано.

Въ это утро она была чрезвычайно изумлена, замѣтивъ, что матери нѣтъ въ каютѣ, а на подушкѣ, рядомъ съ ней, лежитъ чья-то чужая голова.

Она протерла глаза кулачками, схватила сосѣда за волосы и приподняла его съ подушки.

Бѣдный Тотарь проснулся; чьи-то ловкіе пальчики щекотали ему шею и таскали его за носъ.

Онъ осмотрѣлся кругомъ изумленными глазами, и удивлялся, что сновидѣніе не исчезаетъ.

Надъ головами у нихъ слышны были шаги, на набережную перетаскивали съ глухимъ шумомъ доски.

Любопытство мадемуазель Клары было сильно возбуждено.

Поднявъ кверху пальчикъ, она указывала пріятелю на потолокъ, какъ бы спрашивая жестомъ:

— Это что такое?

А это началась сдача лѣса. Виллетскій столяръ Дюбакъ явился съ телѣжкой и лошадыю ровно въ шесть часовъ, и Луво принялся за работу съ никогда небывалымъ усердіемъ.

Мысль, что завтра придется отнести къ комиссару этого несчастнаго холоднаго и голоднаго ребенка, не дала бѣдняку сомкнуть глазъ во всю ночь. Онъ готовился къ новой сценѣ утромъ, но у жены было другое въ головѣ, потому что она даже и не заикнулась о мальчуганѣ.

Франсуа надѣялся много выгодать, откладывая часть расплаты за свое легкомысліе. Ему хотѣлось, главнымъ образомъ, заставить жену забыть о своемъ существованіи, и онъ работалъ, не жалѣя силъ, изъ страха, что, увидѣвъ его празднымъ, она закричитъ пожалуй:

— Отведи-ка ребенка туда, откуда ты его взялъ, пока ты безъ дѣла.

И онъ работалъ неутомимо. Куча досокъ быстро уменьшалась. Дюбакъ съѣздилъ уже три раза домой, а жена Луво, стоя съ ребенкомъ на мосткахъ, едва успѣвала записывать счетъ отпускаемаго товара.

Въ припадѣхъ усердія, Франсуа выбиралъ бревна длиной съ мачту, а толщиной въ стѣну. Если ноша оказывалась не подъ силу, онъ звалъ на помощь Экипажъ—и они поднимали бревно вдвоемъ.

Экипажемъ назывался матросъ на деревянной ногѣ, составлявшій всю команду „Красавицы“. Онъ былъ принятъ на службу изъ жалости, и держали его по привычкѣ. Инвалидъ налегалъ изъ всей силы на костыль, бревно съ усиліемъ приподнималось, и Луво, согнувшись вдвое съ натянутымъ поясомъ, медленно спускался по доскамъ перебинутаго мостика.

Есть ли кавал-нибудь возможность отрывать отъ дѣла такого занятаго человѣка?

Жена его и не думала объ этомъ. Она ходила взадъ и впередъ по мосткамъ, занятая малюткой Мимилемъ, которому давала грудь.

Вѣчная жажда у этого Мимиля! Весь въ отца!

Но у Луво, должно быть, не было никакой жажды въ этотъ день. Принявшись съ утра за работу, онъ ни разу не заикнулся о бѣломъ винѣ. Онъ не давалъ себѣ времени ни вздохнуть, ни обтереть потный лобъ, ни чокнуться съ покупателемъ у прилавка. Сейчасъ еще, на предложеніе Дюбака зайти выпить по стаканчику, у Франсуа достало мужества отвѣтить:

— Потомъ, успѣется еще.

Подумайте, отказаться отъ стакана вина!

Хозяйка была совсѣмъ сбита съ толку: ей подмѣнили ея Луво. Да и Клару также подмѣнили: дѣвочка не любитъ оставаться долго въ постели, а теперь одиннадцать часовъ, а ея еще не слышно.

Жена Луво спускается поспѣшно въ каюту, взглянуть, что тамъ дѣлается. Франсуа остался на палубѣ; у него руки опустились, и дыханіе замерло въ груди, точно отъ удара бревномъ по желудку.

Теперь кончено дѣло!

Жена навѣрно вспомнила про Виктора; сейчасъ она приведетъ его сюда,—и придется отпрапляться въ полицію.

Однако, нѣтъ; она вернулась одна, смѣется чему-то и подзываетъ знаками мужа.

— Иди скорѣе, посмотри—вотъ смѣхъ-то!

Добрякъ не можетъ ничѣмъ объяснить ея неожиданное веселье и идетъ вслѣдъ за ней, какъ автоматъ, съ дрожащими отъ волненія ногами.

Двое малютокъ сидѣли на кровати въ однѣхъ рубашенкахъ, съ босыми ногами. Они завладѣли чашкой супа, который мать, уходя, оставила для нихъ, и такъ какъ на два рта была только одна ложка, то дѣти ѣли по очереди, какъ птенчики въ гнѣздѣ, и Клара, имѣвшая обыкновеніе отказываться всегда отъ супа, теперь весело протягивала свой ротикъ въ ложкѣ.

Правда, что и тотъ, и другой замазали себѣ и глаза, и уши, но ничего не разбили, не опрокинули и сидѣли такъ умно, и такъ мило, что на нихъ никакъ нельзя было сердиться.

Жена Луво все еще смѣялась, глядя на нихъ.

— Если они ладятъ такъ хорошо между собой, то намъ съ ними и возни нѣтъ никакой, — проговорила она.

Франсуа вернулся поспѣшно къ своей работѣ, очень довольный тѣмъ, что дѣло приняло такой хорошей оборотъ.

При сдачѣ товара онъ имѣлъ обыкновеніе отдыхать днемъ, то-есть, шляться по всѣмъ прибрежнымъ, кабакамъ начиная съ Берсійской набережной вплоть до Пуанъ-дю-Журъ. Сдача затягивалась такимъ образомъ на цѣлую недѣлю, а жена все это время выходила изъ себя. Но на этотъ разъ ни слова о бѣломъ винѣ, ни тѣни лѣни, ничего, кромѣ упорнаго труда и лихорадочной и непрерывной работы.

И ребенокъ, съ своей стороны, словно понимая, что нужно войти въ милость, дѣлалъ все, что могъ, забавляя Клару.

Первый разъ въ жизни дѣвочка провела весь день безъ слезъ, ни разу не ушиблась и не продрала чулокъ. Мальчуганъ игралъ съ ней, сморьзалъ ей носъ, и охотно жертвовалъ своими волосами для того, чтобы остановить слезинки Клары на рѣсницахъ.

И она таскала и дергала изъ всѣхъ силъ его спутанную гриву, и дразнила своего пріятеля, какъ маленькая дворняжка, задирающая пуделя.

Мать видѣла всѣ это издали и думала про себя, что, какъ ни говори, а мальчуганъ очень хорошая нянька. Его можно продержатъ до окончательной сдачи товара, а отвести къ комиссару успѣютъ и передъ отъѣздомъ.

Поэтому, вечеромъ, она не сдѣлала ни малѣйшаго намека на счетъ отправки ребенка, накормила его до сыта картофелемъ и уложила по вчерашнему спать.

Пріемыша Франсуа можно было счесть за члена семьи, а видя, какъ Клара крѣпко обнимала его за шею, засыпая, легко было догадаться, что дѣвочка приняла его подъ свое покровительство.

Разгрузка барки тянулась три дня.

Три дня тяжелаго труда, безъ малѣйшаго отдыха и развлечения! Въ полдень нагрузили послѣднюю телѣжку, и барка опустѣла. Буксирный пароходъ отправлялся только завтра, и Франсуа прятался всю остальную часть дня въ трюмъ, занявшись починками, слыша постоянно одну и ту же фразу, звенѣвшую уже три дня у него въ ухахъ:

— Отнеси его къ комиссару.

Охъ! ужъ этотъ комиссаръ! Имя его наводило точно такой же страхъ въ каютѣ „Красавицы“, какъ и въ букольномъ

театрѣ. Онъ сдѣлался настоящимъ пугаломъ, которымъ обыкновенно злоупотребляла мать, унимая Клару. Стоило только ей произнести это страшное имя, и безпокойные глазенки много вытерпѣвшаго ребенка, такъ и впивались въ нее. Онъ смутно понималъ, кажда масса будущаго горя заключалась въ этомъ словѣ.

Коммиссаръ! Это значить: не видать ни Клары, ни ласкъ, ни топившейся печки, ни картофелю, а возвратиться къ мрачной жизни, къ голоднымъ днямъ, къ сну безъ постели и къ пробужденію безъ поцѣлуевъ.

Зато, какъ онъ уцѣпился за юбку тетки Луво наванунѣ отъѣзда, когда Франсуа спросилъ ее дрожащимъ голосомъ:

— Ну, что же, отведемъ мы его, или оставимъ?

Жена не отвѣтила ни слова. Она точно искала предлога, чтобы оставить при себѣ ребенка.

Что касается Клары, то она каталась по полу, задыхаясь отъ слезъ, и твердо рѣшилась дойти до конвульсій, если отъ нея вздумаютъ отнять ея друга.

— Ты сдѣлалъ, по обыкновенію, большую глупость, Франсуа, — проговорила серьезно дѣльная женщина. — Теперь нужно за нее платить. Ребенокъ привязался къ намъ, Клара души въ немъ не слышитъ, и теперь всѣмъ уже было бы грустно отпустить его. Попробую оставить его у себя, но пусть мнѣ помогутъ и остальные. Первый разъ, что Клара начнетъ нервничать, или ты напьешься—я сама отведу его къ коммиссару.

Луво такъ и сиялъ. Рѣшено—онъ не станетъ больше пить. Добракъ смѣялся, раскрывъ ротъ до ушей и наматывая канатъ, въ то время, какъ буксирный пароходъ увлекалъ за собой „Красавицу“ и цѣлую длинную понораму картинъ.

III.

Въ путь-дорогу.

Викторъ ѣдетъ въ путь-дорогу по подгороднымъ селеніямъ, отражающимъ въ водѣ свои домики и огороды.

Прислонившись къ борту и закаявшись пить, Франсуа точно не слышитъ всѣхъ приглашеній шлюзниковъ и кабатчиковъ, которые только дивятся, видя, что онъ плыветъ мимо, не останавливаясь.

Впрочемъ, чтобы помѣшать баркѣ приставать къ кабаткамъ, приходилось прибѣгать каждый разъ къ помощи руля.

Плаваѣ столько лѣтъ по одному и тому же пути, она знала всѣ станціи, и останавливалась сама, какъ лошадь, привыкшая ходить въ омнибусѣ.

Прыгая на носу на своей единственной ногѣ, Экипажъ работалъ меланхолически громаднымъ багромъ, отталкивая водоросли, округляя повороты и цѣпляясь за плотины. Хотя и не велика была его работа, но его деревянная нога постукивала день и ночь по палубѣ. Покорный и безмолвный, онъ принадлежалъ къ разряду людей, называемыхъ неудачниками.

Въ школѣ товарищъ вышибъ ему глазъ, на пильномъ заводѣ его изувѣчилъ топоръ, а на сахароварнѣ обварилъ котель. Ему оставалось только сдѣлаться нищимъ и умереть съ голода гдѣ-нибудь въ канавѣ, если бы Луво—отличавшійся своимъ мѣткимъ глазомъ—не взялъ его себѣ въ помощники, когда онъ вышелъ изъ больницы.

Это было тоже когда-то причиной горячей ссоры—совершенно такъ же, какъ и за Виктора. Жена разсердилась; Луво потупилъ голову. И въ концѣ концовъ, Экипажъ остался у нихъ! Теперь онъ, вмѣстѣ съ кошкой и ворономъ, давно уже вошелъ въ составъ звѣринца „Красавицы“.

Дядя Луво правилъ рулемъ такъ искусно, а Экипажъ дѣйствовалъ багромъ такъ ловко, что, спустя двѣнадцать дней послѣ отъѣзда изъ Парижа, „Красавица“, поднявшись вверхъ по рѣкѣ и каналамъ, причалила на зимовку у моста Корбиньи. Лодчички не плаваютъ съ декабря до февраля. Они чинятъ въ это время свои лодки, осматриваютъ лѣса и покупаютъ къ веснѣ участки.

Такъ какъ лѣсъ не дорогъ, то въ печкахъ ваютъ горить жаркій огонь, и если осенній сбытъ былъ выгоденъ, то это время безработицы считается минутой счастливаго отдыха.

„Красавицу“, приготовили къ зимовкѣ, то-есть, отцѣпили руль и убрали его въ трюмъ вмѣстѣ съ временной мачтой,—такъ что вся палуба была свободна для игръ и бѣготни.

Какая рѣзкая перемѣна для бѣднаго найденыша!

Всю дорогу онъ казался ошеломленнымъ и испуганнымъ, точно птичка, выросшая въ влѣткѣ и удивленная свободой забывала свои и пѣсни, и крылья.

Онъ былъ еще слишкомъ малъ, чтобы восторгаться прелестями пейзажа, разстилавшагося передъ его глазами, но, тѣмъ не менѣе, величественный видъ рѣки, поднимавшейся

между двумя убѣгающими вдаль горизонтами, произвелъ на него нѣкоторое впечатлѣніе.

— Да онъ точно глухонѣмой! — повторяла съ утра до вечера жена Луво, видя его такимъ молчаливымъ и задумчивымъ.

Нѣтъ! Маленькій парижанинъ Тампльскаго квартала былъ совсѣмъ не нѣмой!

Когда онъ понялъ, что все это не сонъ, что онъ уже не вернется больше на чердакъ, и что, не смотря на угрозы тетки Луво, комиссара бояться нечего, языкъ его развязался очень скоро.

Это былъ точно разцвѣтъ подвального цвѣтка, выставленнаго на окно. Онъ пересталъ прятаться по угламъ, какъ дикій звѣрокъ, котораго преслѣдуютъ собаки. Впалые глаза подъ выпуклымъ лбомъ потеряли прежнюю тревожную подвижность, и, не смотря на оставшуюся блѣдность и серьезный видъ, онъ выучился смѣяться съ Кларой.

Дѣвочка страстно любила товарища, какъ любятъ въ эти годы — просто ради удовольствія ссориться и мириться. Не смотря на упрямство осленка, сердце у нея было очень доброе, и для того, чтобы добиться отъ нея послушанія — стоило только вспомнить о комиссарѣ.

Вскорѣ послѣ приѣзда въ Корбиньи на свѣтъ явилась новая сестрица. Мимиль только-что минуло полтора года; въ каютѣ оказалась еще кроватка, да и дѣла прибавилось, потому что, при всѣхъ расходахъ, нечего было и думать о наймѣ служанки.

Хозяйка ворчала такъ, что у Экипажа дрожала даже деревянная нога.

Но въ мѣстечкѣ никто ихъ не жалѣлъ. Крестьяне не стѣснялись даже высказывать господину кюре своего мнѣнія, когда тотъ ставилъ имъ Луво въ примѣръ.

— Говорите, что хотите, господинъ кюре, но развѣ не безуміе, имѣя троихъ дѣтей, набирать еще чужихъ. Но Луво вѣчно были такими. Это все ихъ тщеславіе, и никакіе совѣты не измѣняютъ ихъ.

Зла имъ никто не желалъ, но всѣ были бы рады, если бы они получили хорошій урожай.

Г. кюре былъ человѣкъ добрый, но простоватый, и легко соглашался съ другими, послѣ чего старался подыскать текстъ Священнаго Писанія, или какое-нибудь изреченіе св. отцовъ, которое оправдало бы измѣнчивость его мнѣній.

— Мои прихожане правы,—говорилъ онъ про себя, проводя рукой по плохо выбритому подбородку.— Не слѣдуетъ искушать персть Провидѣнія.

Но, такъ какъ, въ сущности, Луво были славные люди, то онъ не лишилъ ихъ своего пастьерскаго посѣщенія.

Онъ засталъ мать въ то время, какъ она выгадывала, какъ бы скронтъ Виктору панталоны изъ старой мужниной куртки, такъ какъ ребенокъ явился къ ней безъ всякаго багажа, а хозяйка не терпѣла видѣть около себя лохмотьевъ. Она подала г-ну кюре скамейку, и, когда тотъ, заговоривъ про Виктора, намекнулъ, что его можно было бы при протекціи архіепископа помѣстить въ Отенскій дѣтскій пріютъ, г-жа Луво, не имѣя обыкновенія стѣсняться съ кѣмъ бы то ни было, отвѣтила рѣзко:

— Ребенокъ, конечно, тяжелая обуза для насъ, господинъ кюре, и я думаю, что, принеся его ко мнѣ, Франсуа доказалъ еще разъ, что онъ не орелъ. Сердце у меня такое же мягкое, какъ и у отца; но если бы Викторъ встрѣтился мнѣ, я, конечно, пожалѣла бы его, но оставила бы тамъ, гдѣ онъ былъ. Теперь же, разъ мы пріютили ребенка, то, конечно, не за тѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ него, и если когда-нибудь мы очутимся изъ-за него въ затруднительномъ положеніи, то не обратимся никогда ни къ кому за милостыней.

Въ эту минуту Викторъ вошелъ въ каюту, таща на рукахъ Мимиля. Ребенокъ сердился за то, что его отняли отъ груди, и мстилъ за это, отказываясь ходить. Теперь у него рѣзались зубы, и онъ кусалъ, кого попало.

Растроганный этимъ зрѣлищемъ, священникъ протянулъ руку надъ головой пріемыша, проговоривъ торжественно:

— Самъ Господь благословляетъ многочисленную семью.

Онъ ушелъ, очень довольный, что въ памяти его нашлось такъ хорошо подходящее къ случаю правоученье.

Хозяйка не солгала, говоря, что Викторъ былъ у нихъ членомъ семьи. Не переставая ворчать и угрожать ежеминутно комиссаромъ, женщина съ мозгами привязалась не на шутку къ блѣдному ребенку, не отходившему отъ ея юбки. Иногда Луво упрекали ее за баловство, но она неизмѣнно отвѣчала одно и то же:

— Не слѣдовало его брать.

Мальчику минуло семь лѣтъ, и они съ Кларой стали ходить въ школу. Книжки и корзинку несъ всегда Викторъ и мужественно сражался, отстаивая ихъ завтракъ отъ слишкомъ безцеремонныхъ апшетитовъ маленькихъ сорванцовъ. Съ тѣмъ

же мужествомъ онъ принялся и за ученье, и, не смотря на то, что посѣщалъ школу только зимой, когда нельзя было плавать на лодкѣ, по окончаніи занятій, онъ зналъ больше всѣхъ крестьянскихъ ребятишекъ, неповоротливыхъ и такихъ же шумныхъ, какъ ихъ деревянные башмаки, не смотря на то, что они зѣвали круглый годъ надъ азбукой.

Викторъ съ Кларой возвращались домой изъ школы лѣсомъ. Дѣти любили смотрѣть на дровосѣковъ, когда они рубили деревья. Виктора, какъ мальчика проворнаго и ловкаго, заставляли иногда влѣзать на верхушку сосны, чтобы привязать веревку, съ помощью которой сваливали дерево. Поднимаясь на сосну, онъ казался все меньше и меньше, и Клара всегда ужасно боялась, когда онъ достигалъ верхушки. Онъ же смѣло качался тамъ, чтобы подразнить дѣвочку.

Иногда они заходили навѣстить дровника Можандра.

Дровяникъ былъ человѣкъ худощавый и сухой, какъ палка. Жилъ онъ одинъ въ лѣсу, за деревней, безъ друзей, безъ знакомыхъ. Деревенское любопытство было долго возбуждено уединеніемъ и нелюдимостью незнакомаго человѣка, который явился изъ Ньевра и завелъ лѣсной дворъ въ сторонѣ отъ другихъ.

Шесть лѣтъ уже онъ работалъ неутомимо, какъ поденщикъ, во всѣ времена года, не давая себѣ никогда ни одного дня отдыха, хотя люди и говорили, что онъ человѣкъ денежный; и дѣйствительно, старикъ дѣлалъ крупныя покупки и часто навѣщалъ нотаріуса въ Корбиньи, чтобы посоветоваться съ нимъ на счетъ помѣщенія своихъ сбереженій. Разъ какъ-то онъ сказавъ г. вюре, что онъ вдовецъ. Больше никто ничего не зналъ о немъ.

Завидѣвъ идущихъ дѣтей, Можандръ откладывалъ въ сторону свою пилу и оставлялъ работу, чтобы поговорить съ ними. Викторъ пользовался его особеннымъ расположеніемъ, и старикъ училъ его вырѣзывать челноки изъ обрубокъ дерева.

— Ты напоминаешь мнѣ потеряннаго мною ребенка, — сказалъ онъ разъ мальчику и, словно испугавшись своей откровенности, поспѣшилъ прибавить:

— О! это было давно, очень давно!

— Когда не захочешь держать больше Виктора, отдай его мнѣ, — предложилъ онъ въ другой разъ Луво. — Наслѣдниковъ у меня нѣтъ, я не остановлюсь ни передъ какими жертвами, пошлю его въ городъ, отдамъ въ школу, тамъ онъ сдастъ экзамены и поступитъ въ лѣсное училище.

Но Франсуа былъ еще въ пылу своего добраго дѣла. Онъ отвѣчалъ отказомъ, и Можандръ ждалъ терпѣливо, пока постепенное увеличеніе семьи Луво, или какое-нибудь денежное затрудненіе, отвратятъ лодочника отъ усыновленія мальчика. Случай, казалось, покровительствовалъ его желаніямъ.

Дѣйствительно, можно было подумать, что, вмѣстѣ съ Викторомъ, на „Красавицу“ вступила неудача.

Съ этихъ поръ все пошло кривь и вкось. Лѣсъ продавался плохо. Экипажъ вѣчно ломалъ себѣ руку или ногу накануне сдачи товара, и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день, передъ самымъ отъѣздомъ въ Парижъ, захворала и слегла хозяйка. Посреди воя ребятъ, Франсуа потерялъ совѣтъ голору, смѣшивалъ супъ съ лекарствами, и такъ сильно раздражалъ больную своей неловкостью, что отказался ходить за ней, приставивъ на свое мѣсто Виктора.

Первый разъ въ жизни лодочнику пришлось покупать лѣсъ самому. Сколько онъ ни обматывалъ деревья веревками, сколько ни измѣрялъ ихъ по тридцати шести разъ, въ счетѣ постоянно оказывалась ошибка—помните его знаменитый счетъ:

— Я умножаю, умножаю... впрочемъ, это лучше знаетъ жена.

Исполнивъ кое-какъ завазъ, онъ пустился въ Парижъ съ сильной тревогой, и попалъ на недобросовѣстнаго покупателя, который воспользовался случаемъ, чтобы надуть его.

Луво вернулся на барку разстроенный и сѣлъ въ ногахъ у постели жены.

— Постарайся поскорѣ поправиться, жена, иначе мы всѣ погибнемъ,—проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Хозяйка поправлялась очень медленно. Бѣдная женщина мужественно боролась съ неудачей, дѣлая невозможное, чтобы свести концы съ концами.

Будь какая-нибудь возможность купить новую лодку, они могли бы еще поднять торговлю, но то, что было отложено, ушло на болѣзнь, а барышей едва доставало, чтобы заткнуть дыры выбившейся изъ силъ „Красавицы“.

Викторъ сдѣлался для нихъ тяжелой обузой. Это былъ уже не четырехлѣтній ребенокъ, одежда которому выходила изъ старой куртки, а содержаніе почти ничего не стоило въ семьѣ. Теперь ему было уже двѣнадцать лѣтъ, ѣлъ онъ за большого, не смотря на то, что оставался худенькимъ, нервнымъ мальчикомъ, которому нельзя было и думать поручить работать багромъ, когда Экипажъ ломалъ себѣ что-нибудь.

Все шло чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Послѣдній разъ добрались съ большимъ трудомъ до Кламесси. „Красавица“ текла со всѣхъ сторонъ, починки были уже недостаточны, нужно было обновить всю подводную часть, или, вѣрнѣе сказать, дать ей отставку и замѣнить ее новой лодкой.

Разъ, въ мартовскій вечеръ, передъ самымъ отъѣздомъ въ Парижъ, озабоченный Луво, рассчитавшись съ Можандромъ, собрался идти домой, когда дровяникъ пригласилъ его зайти къ себѣ въ домъ распить бутылку вина.

— Мнѣ нужно переговорить съ тобой, Франсуа.

Они вошли въ избушку.

Можандръ налилъ два стакана вина, и пріятели усѣлись за столомъ, другъ противъ друга.

— Нужно тебѣ сказать, Луво, что я не всегда былъ такимъ одинокимъ, какъ ты меня видишь. Помню время, когда у меня было все, что нужно для счастья, — и имущество, и жена, которая меня вѣрно любила. Я потерялъ все разомъ — и по своей винѣ!

Плотникъ смолкъ; признаніе, которое онъ намѣревался сдѣлать, застряло у него въ горлѣ.

— Я не былъ никогда злымъ человѣкомъ, Франсуа, но у меня былъ порокъ...

— У тебя?

— Онъ остался и до сихъ поръ. Я люблю больше всего деньги. Это-то и было причиной всѣхъ моихъ несчастій.

— Какимъ же это образомъ, бѣдный мой Можандръ?

— Слушай, что я тебѣ расскажу. Послѣ женитьбы, когда у насъ родился ребенокъ, мнѣ пришлось въ голову послать жену въ Парижъ, въ кормилицы. Это очень выгодное дѣло, если мужъ человѣкъ солидный и можетъ управлять домомъ одинъ. Жена ни за что не хотѣла разставаться съ ребенкомъ.

— Послушай, — говорила она, — мы и безъ того зарабатываемъ достаточно! Это будутъ проклятыя деньги! Онѣ не пойдутъ намъ впрокъ. Оставь этотъ заработокъ людямъ бѣднымъ, обремененнымъ семьей, и избавь меня отъ горя разлуки съ вами.

— Я ничего не хотѣлъ слушать, Луво, и принудилъ ее ѣхать.

— Ну, и что же?

— А то, что жена моя, найдя мѣсто, отдала ребенка одной старухѣ, чтобы отвезти его домой. Проводила ихъ сама на желѣзную дорогу, и съ тѣхъ поръ о нихъ ни слуху, ни духу.

— А что же твоя жена-то, бѣдный мой Можандръ?

— Когда ей сообщили это извѣстіе, у нея бросилось молоко въ голову... и она умерла.

Оба умолили, Луво — тронутый тѣмъ, что слышалъ, Можандръ — подавленный своими воспоминаньями.

— Въ наказаніе себѣ, — заговорилъ опять плотникъ, — я обрекъ себя на жизнь, которую веду. Я прожилъ двѣнадцать лѣтъ вдаль отъ людей и выбился изъ силъ. Я боюсь умереть одиновимъ. Сжался надо мной, Франсуа, отдай мнѣ Виктора, — пусть онъ замѣнитъ мнѣ потеряннаго ребенка!

Луво былъ сильно смущенъ. Викторъ, правда, стоилъ имъ очень дорого. Но, если они разстанутся съ нимъ теперь, когда онъ уже будетъ скоро полезенъ, всѣ жертвы, принесенныя для того, чтобы его вырастить, пропадутъ безслѣдно.

Можандръ угадалъ его мысли.

— Само собой разумѣется Франсуа, что я вознагражу тебя за всѣ потери, если ты отдашь мнѣ Виктора. Да и для него это было бы недурное дѣло. Видя въ лѣсу учениковъ Лѣснаго училища, я каждый разъ думаю: и мой сынъ могъ бы быть такимъ же бариномъ, какъ эти господа. Викторъ трудолюбивъ, нравится мнѣ, и ты знаешь, что я буду обращаться съ нимъ, какъ съ сыномъ. Ну! рѣшай же, согласенъ ли?

Вечеромъ, уложивъ дѣтей, вопросъ этотъ обсуждали въ каютѣ „*Красавицы*“.

— Видишь ли, Франсуа, мы сдѣлали для этого ребенка все, что могли, — разсуждала умная женщина. — Богу извѣстно наше желаніе оставить его при себѣ; но если представляется случай разстаться безъ вреда для него, то нужно только собраться съ силами, дѣлать нечего!..

Глаза ихъ невольно обратились къ кроваткѣ, на которой Викторъ и Мимиль спали дѣтскимъ спокойнымъ и безмятежнымъ сномъ.

— Бѣдный ребенокъ! — прошепталъ нѣжно Франсуа.

Въ каютѣ слышны только мѣрные удары волнъ объ лодку, да по временамъ доносятся звуки желѣзнодорожнаго свиста, разсѣвающего темноту.

— Да поможетъ намъ Господь, а я не отдамъ его, Франсуа! — зарыдала вдругъ тетка Луво.

IV.

Тяжелыя времена.

Виктору шель уже пятнадцатый годъ.

Блѣдный ребенокъ выросъ какъ-то вдругъ, преобразившись незамѣтно въ дюжого широкоплечаго молодца, съ спокойными движеніями. Плавая съ малыхъ лѣтъ на „Красавицѣ“, онъ уже зналъ дорогу не хуже любого стараго лодочника, помнилъ всѣ отмели, угадывалъ высоту воды и работалъ то багромъ, то на рулѣ. Красный поясъ придерживалъ его широкую куртку, раздувавшуюся на спинѣ.

Какъ только Луво оставлялъ его у руля, Клара, превратившаяся почти уже въ взрослую дѣвушку, усаживалась рядомъ съ нимъ, любуясь его спокойнымъ лицомъ и сильными движеніями.

Путь изъ Корбиньи въ Парижъ былъ особенно труденъ въ этотъ разъ. Сена, поднявшись отъ сильныхъ осеннихъ дождей, разрушила почти всѣ запруды и неслась къ морю, какъ бѣшеное животное.

Встревоженные лодочники спѣшили сдавать товаръ, такъ какъ рѣка текла уже въ уровень съ набережными, а депеши, посылаемые ежечасно со всѣхъ шлюзныхъ постовъ, предсказывали новое повышеніе воды.

Прошелъ слухъ, что притоки размыли всѣ плотины, залили поля, и вода все идетъ на прибыль и на прибыль. Набережная наполнилась озабоченной толпой, множествомъ телѣжекъ и лошадей, надъ которыми махали своими гигантскими руками паровые журавли. Винный рынокъ былъ уже пустъ. Ломовые увозили послѣдніе ящики съ сахаромъ. Машинисты покидали свои буксирные пароходы, набережныя пустѣли, длинныя вереницы возовъ бѣжали отъ наводненія, какъ отступающая армія.

Замѣшкавшись въ дорогѣ отъ бурной погоды и оставовъ въ темныя безлунныя ночи, Луво отчаявались сдать свой товаръ во время.

Всѣ горячо принялись за дѣло и работали усердно до поздней ночи, при свѣтѣ фонарей и газовыхъ рожковъ. Къ одиннадцати часамъ весь грузъ былъ сложенъ на берегу, около самыхъ перилъ набережной.

Видя, что Дюбакъ не возвращается съ своей телѣжкой, семья улеглась спать.

И ужасная же была эта ночь! Цѣпи, не переставая, громко

звенѣли, барочная обшивка немилосердно трещала, лодки стучали одна о другую.

Распатанная непрерывными толчками, „Красавица“ стояла, точно мученикъ на пыткѣ. Не было никакой возможности заснуть.

Луво, жена его, Викторъ и Экипажъ поднялись на разсвѣтъ, оставивъ дѣтей спать.

За ночь вода въ Сенѣ поднялась еще выше. Бурная и волнующаяся, какъ море, зеленая рѣка бѣсновалась подъ низко нависшимъ небомъ.

На набережныхъ не было ни малѣйшаго движенія. На рѣкѣ не видѣлось ни одной лодки; только обломки кровель да заборовъ быстро неслись по теченію.

Позади мостовъ рисовался въ туманѣ силуэтъ собора Парижской Богоматери.

Нельзя было терять ни минуты—вода залила уже нижнюю часть берега, и волны, лизавшія края досокъ, успѣли уже разрушить нѣсколько ярусовъ бревенъ.

Франсуа, тетка Луво и Дюбагъ, поспѣшно нагружали тележку, стоя по колѣни въ водѣ.

Вдругъ рядомъ раздался сильный трескъ, напугавшій ихъ всѣхъ. Огромный плотъ, нагруженный жерновымъ камнемъ, разорвавъ цѣпь, раскололся на двое и скрылся подъ водой около самой набережной, взволновавъ воду.

Въ то время, какъ они стояли неподвижно, ошеломленные этимъ неожиданнымъ крушеніемъ, сзади нихъ послышался новый шумъ.

Отъ сильнаго сотрясенія „Красавица“ сорвалась съ цѣпи и отдѣлилась отъ берега.

— Дѣти! мои дѣти!—вскрикнула тетка Луво, обезумѣвъ отъ ужаса.

Викторъ уже бросился въ каюту и вернулся на палубу, держа на рукахъ меньшаго ребенка.

Клара и Мимиль выбѣжали за нимъ, протягивая руки къ набережной.

— Берите ихъ скорѣе!

— Скорѣе лодку!

— Бросьте веревку!

Что тутъ дѣлать! Нечего было и думать переправить всѣхъ вплавь.

Безполезный калѣка Экипажъ бѣгалъ, растерявшись, взадъ и впередъ по палубѣ.

Взглянувъ на этого обезумѣвшаго человѣка и на рыдающихъ дѣтей, у Виктора, оставшагося капитаномъ судна, явилась энергія, необходимая для того, чтобы спасти ихъ всѣхъ.

— Бросай веревку!—командовалъ онъ.—Да живѣе, не зѣвай!

— Лови!

Они тщетно возобновляли три раза попытку. „Красавица“ отплыла слишкомъ далеко отъ берега, и канатъ падалъ каждый разъ въ воду.

Увидѣвъ это, Викторъ бросился къ рулю и слышно было, какъ онъ крикнулъ:

— Не бойтесь ничего! Я справлюсь!

И дѣйствительно, сильнымъ поворотомъ руля, онъ повернулъ и поставилъ прямо барку, которая неслась по теченію бокомъ.

Луво, стоя на набережной, совсѣмъ потерялъ голову. Онъ хотѣлъ броситься въ воду, чтобы соединиться съ дѣтьми, но Дюбакъ обхватилъ его обѣими руками и держалъ, не выпуская, въ то время какъ тетка Луво закрыла лицо руками, чтобы не видѣть, что будетъ.

„Красавица“ шла теперь прямо по теченію и неслась съ быстрой парохода подъ Аустерлицкій мостъ.

Викторъ правилъ рулемъ, навалившись на него изъ всѣхъ силъ спиной, ободрялъ дѣтей и отдавалъ приказаніе Экипажу. Онъ былъ теперь вполне увѣренъ, что летитъ настоящимъ путемъ, потому что направилъ лодку прямо на красный флагъ, повѣшенный посрединѣ главнаго пролета и указывавшій путь дочницамъ.

Только, Боже мой, достаточно ли высоко отверстіе между водой и мостовымъ сводомъ для того, чтобы они могли пройти!

Онъ видѣлъ, что мостъ быстро приближается.

— За багоръ, Экипажъ! А ты, Клара, держи хорошенько малышей.

Самъ онъ уцѣпился всѣми силами за руль. Онъ уже чувствовалъ въ волосахъ вѣтеръ, свистѣвшій подъ сводомъ.

Они были уже подъ мостомъ.

Увлеченная теченіемъ, „Красавица“ скрылась съ страшнымъ шумомъ подъ сводомъ, но толпа, собравшаяся на Аустерлицкомъ мосту, успѣла замѣтить, какъ матросъ на деревянной ногѣ, промахнувшись зацѣпиться багромъ, упалъ съ размаха внизъ лицомъ на палубу и слышала, какъ ребенокъ, стоявшій у руля, кричалъ изъ всѣхъ силъ:

— Крюкъ! Бросьте крюкъ!

Лодка была подъ мостомъ.

Въ темнотѣ свода Викторъ ясно различалъ огромныя желѣзныя кольца, вдѣланныя въ основаніе столбовъ, чувствовалъ надъ самой головой камни арки, а впереди видѣлъ длинную анфиладу другихъ мостовъ, рисовавшихся на мрачномъ небѣ.

Вслѣдъ затѣмъ горизонтъ расширился, показался свѣтъ, и свѣжій воздухъ пахнулъ ему въ лицо, словно онъ вышелъ изъ темнаго подвала; надъ головой раздались одобрительныя крики толпы, а передъ глазами возвышался окруженный рѣчкой соборъ, точно остановившійся на яворѣ фрегатъ.

Лодка мгновенно остановилась.

Мостовымъ сторожамъ удалось зацѣпить ее крюкомъ за одинъ изъ бортовъ барки.

Викторъ бросился къ крюку и крѣпко приврутилъ канатъ веревкой.

„Красавица“ поплыла медленно къ берегу, слѣдуя по тянувшему ее направленію, и остановилась у Турнельской набережной съ своими пассажирами дѣтьми и пятнадцатилѣтнимъ капитаномъ.

Какая радость, когда всѣ собрались вечеромъ, передъ дымящимся ужиномъ, въ каютѣ барки, благополучно причаленной къ берегу.

Маленькій герой сидѣлъ на почетномъ, на капитанскомъ, мѣстѣ.

Послѣ утренней тревоги, ѣда плохо шла въ горло, но у всѣхъ полегчало на сердцѣ послѣ пережитаго ужаснаго страха, и всѣмъ легко дышалось.

Сидя около стола, хозяева перемигивались между собой, какъ бы говоря:

— А что бы это было, если бы мы отнесли его къ комиссару?

Дядя Луво хохоталъ, раскрывъ ротъ до ушей, и оглядывалъ всю свою семью влажными глазами.

Глядя со стороны, можно было подумать, что на ихъ долю выпало какое-нибудь необыкновенное счастье, что на „Красавицѣ“ исчезли вдругъ всѣ щели или что они выиграли главный выигрышъ въ лотерею.

Лодочникъ только и дѣлалъ, что хлопалъ Виктора кулакомъ по плечу, выражая такимъ образомъ свою обычную ласку.

— Экій молодчина, этотъ Викторъ! Какой поворотъ руля!

Ты вѣдь видѣлъ, Экипажъ? Лучше не могъ бы сдѣлать и я, самъ хозяинъ!

Вѣднѣякъ провелъ цѣлыя двѣ недѣли въ восторженномъ состояніи и бѣгалъ по набережной, рассказывая встрѣчному и поперечному про знаменитый поворотъ руля.

— Понимаете: лодку несетъ... Тутъ онъ, баць!

И Луво дѣлалъ жестъ, обозначавшій маневръ мальчика. Между тѣмъ, вода въ Сенѣ стала убывать, и приближалось время отъѣзда.

Разъ утромъ, въ то время, какъ Викторъ съ Луво выкачивали воду, почтальонъ подалъ лодочнику письмо.

Бюро полицейскаго комиссара XII округа.

Господину Луво (Франсуа),
владѣльцу лодки
на Аустерлицкой набережной.

Парижъ.

На оборотѣ была синяя печать.

Лодочникъ распечаталъ письмо дрожащей рукой и, будучи въ грамотѣ такъ же слабъ, какъ и въ ариметикѣ, передалъ его Виктору.

— Прочитай-ка, что это?

„Бюро полицейскаго комиссара XII округа, — началъ Викторъ, — господина Луво (Франсуа), владѣльца лодки, покорнѣйше просить прибыть немедленно въ канцелярію вышеозначеннаго полицейскаго комиссара“.

— И только?

— Больше ничего.

Луво ушелъ и пропадалъ цѣлый день.

Когда онъ вернулся вечеромъ, въ немъ не было и слѣда прежняго веселаго настроенія. Онъ былъ мраченъ, угрюмъ и придиричивъ.

Тетка Луво не понимала, что съ нимъ сдѣлалось, и, когда дѣти ушли играть на палубу, спросила:

— Что случилось?

— Такъ, вышли непріятности.

— На счетъ товара?

— Нѣтъ, на счетъ Виктора.

И онъ рассказалъ ей, что получилъ приглашеніе явиться къ комиссару.

— Знаешь, женщина, которая бросила ребенка, была ему не мать.

— Неужели?

— Она украдала его.

— Какъ же это узналось?

— Она сама призналась передъ смертью комиссару.

— Значить, тебѣ сказали имя его родителей?

Луво вздрогнулъ.

— Зачѣмъ же имъ было говорить?

— Я думала, что тебя за этимъ и вызвали.

Франсуа разсердился.

— Если бы я зналъ что-нибудь, то, вѣроятно, сказалъ бы тебѣ,— и весь раскраснѣвшись съ досады, онъ вышелъ, громко хлопнувъ дверью.

Тетка Луво была очень озадачена.

— Что это съ нимъ сдѣлалось?

И въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлалось вдругъ съ Франсуа? Съ этого дня его манеры, слова, характеръ—все вдругъ измѣнилось. Онъ лишился аппетита, плохо спалъ и часто говорилъ по ночамъ. Началъ спорить съ женой, бранилъ безпрестанно Экипажъ, и придирался ко всѣмъ, а больше всѣхъ къ Виктору.

Когда удивленная жена спрашивала, что съ нимъ, онъ грубо отвѣчалъ ей:

— Ровно ничего. И откуда ты выдумала, что со мной что-то сдѣлалось. Просто вы всѣ нападаете на меня.

Бѣдная тетка Луво такъ и не могла ничего добиться.

— Право, онъ сходитъ съ ума!—рѣшила она наконецъ. И она сочла его дѣйствительно совсѣмъ помѣшаннымъ въ тотъ вечеръ, когда онъ сдѣлалъ имъ ужасную сцену изъ-за Можандра.

Путешествіе подходило къ концу, и они были уже близко къ Кламессо.

Викторъ и Клара бесѣдовали про школу, и когда мальчикъ сказалъ, что будетъ радъ видѣть Можандра, Луво вышелъ изъ себя.

— Оставь насъ въ покоѣ съ твоимъ Можандромъ, я не желаю имѣть съ нимъ больше дѣла.

— Что же онъ тебѣ сдѣлалъ?—вмѣшалась мать.

— Что сдѣлалъ... что сдѣлалъ... это до тебя не касается. Я, надѣюсь, хозяинъ въ семьѣ.

Увы! теперь онъ былъ такимъ полновластнымъ хозяиномъ, что, вмѣсто того, чтобы остановиться, по обыменовенію, въ Корбиньи, поплылъ дальше, поднялся еще два лье къ самому лѣсу.

Онъ объявилъ, что Можандръ только о томъ и думаетъ,

какъ бы надуть его при каждой продажѣ, и что онъ будетъ теперь вести дѣла съ другимъ продавцомъ.

Они стояли слишкомъ далеко отъ деревни, для того, чтобы ходить въ школу, поэтому Викторъ и Клара проводили цѣлые дни въ лѣсу, собирая хворостъ. Утомившись тащить свою тяжелую ношу, они опускали ее на краю канавы и садились на землю посреди цвѣтовъ. Викторъ вытаскивалъ изъ кармана книгу и заставлялъ Клару читать. Они любили смотрѣть на солнце, пробивавшееся сквозь вѣтви деревьевъ и бросавшее свои дрожащія золотые лучи на ихъ волосы и книгу. Около нихъ жужжали тысячи насекомыхъ, вдали стояла лѣсная тишина. Засидѣвшись въ лѣсу, нужно было сѣсть домой, по прекрасной широкой аллеѣ, прорѣзанной густой тѣнью стволовъ. Въ концѣ аллеи виднѣлась высокая мачта „Красавицы“, а вдали, въ легкомъ туманѣ, поднимавшемся отъ рѣки, мелькалъ огонекъ.

Это тетка Луво стряпаетъ ужинъ на берегу, на открытомъ воздухѣ.

Маленькая сестренка валяется по землѣ! Экипажъ и Луво курятъ молча трубки.

Разъ, передъ ужиномъ, они увидѣли, что кто-то вышелъ изъ лѣса и направляется къ нимъ.

— Нивакъ это Можандръ!

Это былъ дѣйствительно дровосѣкъ, но посѣдѣвшій и состарѣвшійся. Онъ шелъ, опираясь на палку, и, казалось, задыхался отъ усталости.

Подойди къ Луво, онъ протянулъ ему руку.

— Ну, что! ты измѣнилъ мнѣ, Франсуа.

Лодочникъ пробормоталъ какой-то невнятный отвѣтъ.

— О! я нисколько не сержусь на тебя, — продолжалъ старикъ.

Видъ у него былъ такой усталый, что теткѣ Луво сдѣлалось жаль его, и, не обращая вниманія на неудовольствіе мужа, она предложила ему присѣсть на скамейку.

— Надѣюсь, вы не больны, господинъ Можандръ?

— Я немножко простудился.

Говорилъ онъ медленно и очень тихо.

Горе смягчило его. Онъ рассказалъ, что уѣзжаетъ изъ этой мѣстности и намѣренъ переселиться на житье въ Ньеврскомъ департаментѣ.

— Все кончено, я бросаю торговлю. Я богатъ, денегъ у меня много, очень много, но куда онъ мнѣ? Я не могу купить на нихъ потеряннаго счастья.

Франсуа слушалъ его, нахмуривъ брови.

— Чѣмъ больше старѣюсь, тѣмъ мнѣ тяжелѣе одиночество,—продолжалъ Можандръ.—Бывало, развлекался работой, но теперь у меня душа не лѣжится и къ работѣ,— не тянетъ ни къ чему. Поэтому я намѣренъ переселиться:— можетъ быть, хоть это развлечетъ меня.

И глаза его, какъ бы невольно, устремились на дѣтей. Въ эту минуту Викторъ и Клара показались изъ лѣса съ вѣнками хвороста.

Увидѣвъ Можандра, они бросили хворостъ и подбѣжали къ старику.

Тотъ поздоровался съ ними, по обыкновенію, дружески и, обращаясь къ угрюмому Луво, проговорилъ:

— Счастливый ты человѣкъ, у тебя четверо дѣтей, а у меня не осталось никого.

И старикъ тяжело вздохнулъ.

— Я не имѣю права жаловаться, самъ всему виноватъ.

Онъ поднялся съ мѣста, и всѣ послѣдовали его примѣру.

— Прощай, Викторъ. Работай и люби своихъ родителей, помни, что это твой долгъ.

И, положивъ руку на плечо мальчика, онъ долго смотрѣлъ на него.

— Если бы у меня былъ живъ ребенокъ, онъ былъ бы теперь такой же большой.

Луво, сжавъ сердито губы, только что не выговорилъ:

Да убирайся же ты вонъ!

Однако, когда Можандръ пошелъ, Франсуа вдругъ почувствовалъ къ старику жалость и позвалъ его.

— Не хочешь ли попробовать нашего супу, Можандръ?

Это вырвалось у него невольно и рѣзкимъ тономъ, отнимавшимъ всякую охоту согласиться.

Старикъ покачалъ головой.

— Спасибо, я не голоденъ. Человѣку, у котораго есть горе, тяжело видѣть чужое счастье.

И онъ ушелъ, согнувшись и опираясь на палку.

Луво не проронилъ во весь вечеръ ни слова. Всю ночь онъ проходилъ по палубѣ, а утромъ ушелъ куда-то, не сказавъ никому ни слова.

Онъ отправился прямо къ священническому дому, около самой церкви.

Это было небольшое четырехугольное зданіе, впереди котораго зеленѣлъ небольшой лужокъ, а сзади шелъ огородъ.

Передъ крыльцомъ еудахтали куры, на лужкѣ мычала привязанная корова.

Рѣшеніе Луво облегчило его сердце. Отворяя колитку, онъ глубоко вдохнулъ, подумавъ, что, выходя отсюда, сбросить съ себя тяготившую его заботу.

Кюрэ сидѣлъ на холодѣ, въ столовой. Онъ только что пообѣдалъ и теперь сладко дремалъ, склонивъ голову надъ молитвенникомъ.

Проснувшись при входѣ Луво, онъ замѣтилъ страницу и, закрывъ книгу, усадилъ лодочника, не перестававшаго вертѣть въ рукахъ фуражку.

— Что скажете, Франсуа, чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ?

Луво нуженъ былъ совѣтъ, и онъ попросилъ позволенія рассказать подробно всю исторію.

— Потому что, какъ вамъ извѣстно, г. кюрэ, я не особенно далекъ. Не орелъ!—говорить жена.

И, развеселившись этимъ вступленіемъ, онъ рассказалъ все дѣло, запыхавшись, весь красный, не отрывая глазъ отъ козырька своей фуражки.

— Помните, г. кюрэ, Можандръ сказалъ вамъ разъ, что онъ вдовецъ? А овдовѣлъ онъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ; жена его пріѣхала въ Парижъ, въ кормилицы. Показавъ, по обыкновенію, ребенка доктору, она покормила его въ послѣдній разъ грудью и отдала дитя разносчицѣ.

— Что это значитъ разносчица, Франсуа?

— Это женщина, которая доставляетъ по домамъ дѣтей кормилицъ, г. кюрэ. Она улаживаетъ ихъ, какъ котятъ, въ корзинку.

— Странное ремесло!

— А имъ занимаются честные люди, г. кюрэ. Но жена Можандра попала на женщину незнакомую, на кабуюто колдунью, которая воровала дѣтей и отдавала ихъ за плату другимъ лѣнницамъ, а тѣ таскали ихъ по улицамъ, чтобы разжалобить народъ.

— Что это вы рассказываете, Франсуа?

— Истинную правду, г. кюрэ. Эта скверная женщина наврала множество дѣтей, и въ числѣ ихъ и малютку Можандра. Она продержала его у себя четыре года, стараясь выучить его просить милостыню, но ребенокъ былъ сыномъ честнаго отца и никогда не соглашался протягивать руку. Тогда она бросила его на улицѣ, на Божью волю. Только

шесть мѣсяцевъ назадъ, въ больницѣ, передъ смертью, у ней проснулась совѣсть.— А я знаю по опыту, какъ тяжелы упреки совѣсти, господинъ кюрэ.

И бѣднякъ поднялъ глаза кверху, какъ бы давая блятву, что не лжетъ.

— Тогда она попросила позвать полицейскаго комиссара и назвала ему имя ребенка, а тотъ повторилъ его мнѣ. Это мой Викторъ.

— Викторъ—сынъ Можандра!—вскричалъ г. кюрэ, вырвавъ изъ рукъ молитвенникъ.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Священникъ не могъ придти въ себя отъ изумленія и бормоталъ несвязныя фразы, въ которыхъ слышалось: „бѣдное дитя... перстъ Божій...“

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, подошелъ къ окну, налилъ себѣ стаканъ воды и, наконецъ, остановился передъ Франсуа, засунувъ руки за поясъ.

Онъ придумывалъ какое-нибудь нравоученіе, приличное случаю, и, не придумавъ ничего, проговорилъ:

— Ну, что же! нужно возвратить его отцу.

Луво вздрогнулъ.

— Это-то меня и смущаетъ, г. кюрэ. Вотъ уже полгода, какъ я знаю эту исторію, и у меня не достало до сихъ поръ мужества рассказать это не только кому-нибудь, но даже и женѣ. Мы приняли столько горя, чтобы вырастить ребенка, перенесли вмѣстѣ такъ много нуждъ, что теперь и не знаю, какъ у меня достанетъ силъ разстаться съ нимъ.

Все это было совершенно вѣрно, и, жалѣя Можандра, нельзя было не чувствовать жалости и къ бѣдному Франсуа.

Жалѣя ихъ обоихъ, г. кюрэ не зналъ, что дѣлать, и призывалъ мысленно внушеніе свыше. На лбу его показались крупныя капли пота, и, забывая, что Франсуа пришелъ самъ къ нему за совѣтомъ, онъ проговорилъ задыхающимся голосомъ:

— Послушайте, Франсуа, поставьте себя на мое мѣсто и скажите, что бы вы посоветовали?

Лодочникъ опустилъ голову.

— Я вижу, что нужно отдать Виктора, и почувствовалъ это особенно въ тотъ день, когда Можандръ зашелъ къ намъ. У меня сердце надрывалось, видя его такимъ старымъ, грустнымъ, больнымъ. Мнѣ было передъ нимъ такъ стыдно, какъ если бы у меня въ карманѣ лежали украденныя у него деньги.

Я не могъ больше таять въ себѣ секрета и пришелъ разсказать все вамъ.

— И хорошо сдѣлали, Луво, — отвѣчалъ г. вюрэ, очень довольный тѣмъ, что лодочникъ, такъ сказать, самъ подсказалъ ему приличное нравоученіе. Никогда не поздно исправить ошибку. Я самъ пойду съ вами къ Можандру, и вы сознаетесь ему во всемъ.

— Завтра, г. вюрэ!

— Нѣтъ, Франсуа, сегодня, и сейчасъ же!

И, видя огорченіе бѣдняка и судорожныя движенія, которыми онъ мялъ свою шапку, священникъ проговорилъ слабымъ, умоляющимъ голосомъ:

— Прошу васъ, Луво, пойдите, пока у насъ обоихъ не ослабѣла рѣшимость!

V.

Честолюбивые замыслы Можандра.

Сынъ!

У Можандра сынъ! Онъ не спускаетъ съ него глазъ, сидя противъ Виктора на скамейкѣ вагона, уносящаго ихъ съ грохотомъ въ Ньевръ.

Это было настоящее похищеніе.

Старикъ увелъ сына, почти не сказавъ спасибо, какъ какой-нибудь скряга, который, выигравъ главный выигрышъ въ лотерею, спѣшитъ унести свое сокровище.

Онъ не хотѣлъ видѣть своего ребенка окруженнымъ прежними привязанностями. Онъ жаждетъ самъ его любви, съ такой же жадностью, которую чувствовалъ прежде къ золоту, и не допускаетъ ни займа, ни раздѣла!

Сокровище должно принадлежать безраздѣльно одному ему, и кругомъ не нужно завистливыхъ и заискивающихъ глазъ.

Въ ушахъ Можандра шумитъ сильнѣе поѣзда. Голова его горитъ, какъ локомотивъ.

Но мечта его летитъ быстрѣ всякихъ локомотивовъ и экстренныхъ поѣздовъ, перескакивая дни, мѣсяцы и годы. Онъ видитъ мысленно передъ собой двадцатилѣтняго Виктора, затянутого въ темно-зеленый мундиръ съ серебрянымъ шитьемъ.

Онъ уже воспитанникъ лѣснаго училища. Кажется даже, что на боку воспитанника Можандра болтается шпага, а на головѣ надѣта на бекрень треуголка, какъ у политехника,

потому что всѣ школы и мундиры нѣсколько перепутались въ головѣ Можандра. Но что за бѣда! Дровяникъ не постоитъ ни за галунами, ни за позолотой! Онъ въ состояніи заплакать за все... и Викторъ „баринъ“, передъ которымъ мужчины будутъ снимать шляпы, и который будетъ сводить съ ума барынь!

А въ уголкѣ гдѣ-нибудь старикъ съ мозолистыми руками скажетъ съ гордостью:

— Это мой сынъ! Ну, пойдемъ, сынокъ!

И „сынокъ“ думаетъ также въ это время, надвинувъ на глаза, въ ожиданіи треуголки, свой маленькій беретъ. Ему хочется скрыть свои слезы отъ отца.

Но разлука была такъ неожиданна!

Поцѣлуй Клары и теперь еще горитъ у него на щекѣ. Дядя Луво отвернулся.

Тетка Луво поблѣднѣла, какъ полотно.

А Мимиль, чтобы утѣшить его, притащилъ ему свою чашку супу.

Всѣ! всѣ! даже Мимиль!

О! Какъ-то они будутъ теперь жить безъ него!

Какъ онъ самъ будетъ жить безъ нихъ!

И будущій ученикъ лѣснаго училища такъ смущенъ, что, когда отецъ заговариваетъ съ нимъ, онъ постоянно отвѣчаетъ ему: „Да, господинъ Можандръ“.

Не конецъ еще мытарствамъ маленькаго лодочника „Красавицы“.

Чтобы сдѣлаться бариномъ, недостаточно однѣхъ денегъ, придется еще перенести много горя и труда.

Викторъ чувствуетъ это въ то время, какъ поѣздъ мчится со свистомъ по мостамъ надъ Неверскимъ предмѣстьемъ. Ему кажется, что онъ уже видѣлъ когда-то, въ далекомъ и грустномъ прошломъ, эти узкія улицы, узкія, какъ тюремныя окна, на которыхъ висятъ обтрепанныя лохмотья.

Но вотъ уже подъ ногами у нихъ мостовая. Кругомъ шумитъ и суетится любопытная толпа и люди, нагруженные чемоданами, гремятъ извозничьи кареты и тяжелые желѣзнодорожные omnibusы, которые берутъ съ боя и спѣшатъ занять путешественники съ стянутыми ремнями пледями.

Викторъ съ отцомъ выѣхали въ извозничьей каретѣ за рѣшетки вокзала.

Дровяникъ не разстается съ своей идеей. Онъ жаждетъ немедленнаго превращенія и везетъ „сынка“ прямо къ портному, работающему на школу.

Лавка новенькая, прилавки блестятъ, какъ зеркало, хорошо одѣтые молодые люди отворяютъ покупателямъ двери съ тонкой, снисходительной улыбкой.

Они показываютъ Можандру премію „Иллюстрированной Моды“, на которой швольникъ курить папирску въ обществѣ амазонки, какого-то господина въ охотничьемъ костюмѣ и невѣсты въ бѣломъ атласномъ платьѣ.

У портного есть какъ разъ готовый форменный сюртукъ съ прямыми полами и золотыми пуговицами. Онъ раскидываетъ его передъ глазами дровяника.

— Ты будешь въ немъ точно военный! — восклицаетъ сіяющей гордостью Можандръ.

Одинъ господинъ, безъ сюртука, въ жилетѣ съ клеенчатымъ сантиметромъ на шеѣ, подходитъ къ воспитаннику Можандру и снимаетъ съ него мѣрку.

Эта операція вызываетъ у маленькаго лодочника воспоминанія, отъ которыхъ глаза его наполняются слезами! Причуды Луво, негодованіе женщины съ мозгами и все, что онъ оставилъ позади. Теперь всему конецъ.

Между молодымъ человѣкомъ, котораго Викторъ видитъ въ зеркалѣ въ форменныхъ панталонахъ, и маленькимъ подручнымъ на „Красавицѣ“ не осталось ничего общаго.

Портной толкнулъ презрительно ногой подъ прилавокъ, какъ вучу лохмотьевъ, его униженную куртку. Викторъ чувствуетъ, какъ съ него снимаютъ все его прошлое.

— И какъ снимаютъ? Его заставляютъ отказаться даже отъ воспоминаній!

— Нужно порвать со всѣми недостатками вашего прежняго воспитанія, — говоритъ строго директоръ, не скрывая своего недовѣрія.

И, чтобы облегчить перерожденіе мальчика, рѣшено, что онъ будетъ ходить въ отпускъ въ первое воскресенье каждаго мѣсяца.

О! какъ горько плакалъ бѣдный ребенокъ въ первый вечеръ, проведенный имъ въ холодномъ и грустномъ дортуарѣ, въ то время, какъ другіе воспитанники громко храпѣли на своихъ желѣзныхъ кроватяхъ, а воспитатель увлекался романомъ, который читалъ украдкой, при свѣтѣ ночника.

Что онъ вытерпѣлъ во время провѣлятыхъ рекреационныхъ часовъ, когда товарищи задирали и тормозили его!

Какъ онъ грустилъ во время ученія уроковъ, уткнувшись носомъ въ свой пюпитръ и вздрагивая отъ крика вос-

*

питателя, который колотилъ по ваедрѣ, повторяя постоянно одну и ту же фразу:

— Тихе, господа, тихе!

Этотъ крикливый голосъ будить въ немъ всѣ тяжелыя воспоминанія и отравляетъ ему жизнь.

Онъ напоминаетъ ему мрачныя дни далекаго дѣтства, логовище Тампльскаго квартала, колотушки, ссоры, все то, что онъ началъ забывать.

И онъ цѣпляется съ отчаяніемъ за свѣтлыя образы Клары и „Красавицы“, освѣщающихъ солнечнымъ лучомъ мракъ его жизни.

Вѣроятно, поэтому-то воспитатель и видитъ съ изумленіемъ изображеніе лодки на поляхъ всѣхъ книгъ ученика Можандра.

Вѣчно одна и та же лодка воспроизводится съ удивительнымъ упорствомъ на каждомъ листѣ книги. То она плыветъ медленно, точно сжатая каналомъ, по узенькой лѣстницѣ полей книги. То выплываетъ цѣликомъ на теоремы, забрызгавъ фигуры и мелкій текстъ задачъ и объясненій. То плыветъ на всѣхъ парусахъ по океану созвѣздій. Тутъ-то она располагается со всѣми удобствами, распускаетъ паруса, и флагъ ея свободно развѣвается. Директору надобли постоянныя жалобы, съ которыми къ нему безпрестанно обращаются, и онъ рѣшается, наконецъ, поговорить объ этомъ съ старикомъ Можандромъ.

Дровяникъ не можетъ придти въ себя отъ изумленія.

— Такой кроткій мальчикъ!

— Онъ упрямъ, какъ осель.

— Такой умненькій!

— Ему ничего не вбить въ голову.

Никто не хочетъ понять, что воспитанникъ Можандръ выучился читать въ лѣсу, черезъ плечо Клары, и что это совсѣмъ не то, что учиться геометріи подъ колотушки сержанта воспитателя.

Вотъ почему воспитанникъ Можандръ переводится изъ средняго класса въ младшій.

Дѣло въ томъ, что между учителемъ въ Корбиньи и профессорами Неверской школы оказывается удивительная разница. Между ними лежитъ все огромное разстояніе, отдѣляющее преподаваніе въ кроличьей шапкѣ, отъ преподаванія въ горностаевой тогѣ.

Старикъ Можандръ въ отчаяніи.

Ему вается, что лѣсничій въ треуголкѣ удалется быстрыми шагами. Онъ сердится, просить, умоляетъ.

— Хочешь брать частныя уроки? Хочешь имѣть учителей?.. Я возьму тебѣ самыхъ лучшихъ и самыхъ дорогихъ.

А пока, воспитанникъ Можандръ попадаетъ въ разрядъ „лѣвѣевъ“, и его трехмѣсячныя отмѣтки служатъ неопровержимымъ доказательствомъ его сквернаго поведенія. У него у самого является сознаніе своей глупости, и онъ съ каждымъ днемъ погружается все глубже и глубже въ область мрака и глубокой грусти.

Если бы Клара и остальные видѣли, что сдѣлали изъ ихъ Виктора!

Какъ они поспѣшили бы отворить настежь двери его темницы!

Съ какой радостью предложили бы они раздѣлить съ нимъ послѣдній кусокъ хлѣба и удѣлили бы ему мѣстечко на своей голой доскѣ!

Вѣдь и они также несчастливы! Дѣла идутъ все хуже и хуже. Лодка дѣлается все старше и старше.

Викторъ знаетъ все это изъ писемъ Клары, которыя онъ получаетъ иногда съ помѣткой „прочитано“, сдѣланной краснымъ карандашомъ взбѣшеннымъ директоромъ, который невидѣлъ „эту контрабандную переписку“.

— О! если бы ты былъ съ нами!—говорятъ эти нѣжныя, но все болѣе и болѣе грустныя, посланія.—Ахъ! если бы ты былъ съ нами!“

Можно было подумать, что въ то время все шло какъ нельзя лучше, и что Викторъ спасъ бы все своимъ присутствіемъ.

Хорошо же! Викторъ спасетъ все. Купить новую лодку, утѣшить Клару, подниметъ упавшую торговлю и докажетъ, что они любили не неблагодарнаго и пріютили не куда негоднаго.

Но для этого нужно сдѣлаться человѣкомъ, умѣть зарабатывать деньги, нужно быть ученымъ.

И Викторъ раскрываетъ книги съ небывалымъ рвеніемъ. Теперь стрѣлки могутъ летать сколько хотать, воспитатель можетъ стучать по каедрѣ, повторяя, какъ попугай:

— Потихе, господа, потихе!

Викторъ не поднимаетъ головы.

Онъ теперь уже не рисуетъ картинъ и презираетъ шаржи, попадающіе ему въ фізіономію.

И онъ только работаетъ... и работаетъ...

— Письмо воспитаннику Можандру.

Чистая благодать эти воспоминанія о Кларѣ; когда онѣ являются во время занятій, придаютъ онѣ ему бодрости, приносятъ аромат свободы и привязанности.

Викторъ прячетъ голову за доску пюпитра и цѣдуетъ криво нацарапанный дрожащей рукой адресъ; видно непрерывное движеніе лодки качало столъ, на которомъ писала Клара.

Но, увы! рука Клары дрожала отъ волненія, а не отъ качки.

„Все кончено, милый Викторъ! Наша „Красавица“ не будетъ больше плавать.

Она умерла и своей смертью razорила насъ.

На кормѣ повѣшена доска съ надписью:

Продажа стараго лѣса
на сломъ.

Пришли какіе-то люди и все оцѣнили и описали, начиная съ багра Экипажа и кончая кроваткой, на которой спала сестренка. Кажется, все будетъ продано, и у насъ ничего не останется. Что съ нами будетъ? Мама умереть отъ горя, а отецъ такъ сильно измѣнился...”

Викторъ не дочиталъ письма.

Слова прыгали у него въ глазахъ; лицо пылало, какъ въ огнѣ, въ ухахъ шумѣло.

О! теперъ ему было совсѣмъ не до ученья.

Истощенный работой, грустью и лихорадкой, онъ сталъ бредить.

Ему казалось, что его быстро несетъ по теченію свѣжая и прекрасная Сена. Онъ хотѣлъ освѣжить въ рѣѣ свой пылающій лобъ. Онъ слышалъ смутно звонъ колокольчика.

Вѣрно, въ туманѣ шелъ буксирный пароходъ, потомъ поднялся сильный шумъ волнъ.

— Вода прибываетъ! вода прибываетъ!

Онъ весь задрожалъ при мысли о темнотѣ, царствующей подъ аркой моста, и вдругъ посреди всѣхъ этихъ видѣній около него показалось испуганное и волосатое лицо воспитателя:

— Вы нездоровы, Можандръ?

Дѣйствительно, воспитанникъ Можандръ сильно боленъ.

Докторъ только качаетъ головой, когда бѣдный отецъ, провозжая его до дверей, спрашиваетъ испуганнымъ, сдавленнымъ голосомъ:

— Скажите, докторъ, онъ не умретъ?

Видно, что докторъ самъ не увѣренъ.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ онъ, — но такъ вяло и нерѣшительно, точно боятся скомпрометироваться.

О зеленомъ мундирѣ и о треуголѣ нѣтъ уже и рѣчи. Все дѣло въ томъ, чтобы не дать умереть воспитаннику Можандру.

Докторъ сказалъ прямо, что его слѣдовало бы оставить на свободѣ, если онъ поправится...

Если поправится!

Мысль потерять найденнаго ребенка заглушаетъ у разбогатѣвшаго отца всѣ прежніе, честолюбивые, замыслы.

Все кончено, онъ отказывается отъ своей мечты.

Онъ готовъ похоронить своими руками воспитанника лѣснаго училища. Онъ, пожалуй, заколотитъ самъ гробъ. И даже не надѣнетъ по немъ траура.

Только бы тотъ другой остался живъ.

Только бы онъ всталъ, обнялъ его за шею и сказалъ:

— Не горюй, папа, я выздоровѣлъ.

И дровяникъ склоняется надъ кроватью Виктора.

Старое дерево расщепилось до основанія. Сердце Можандра смягчилось.

— Я отпущу тебя, мой мальчикъ. Ты вернешься къ нимъ и будешь опять плавать на лодкѣ.

А мнѣ, старику, довольно будетъ только посмотрѣть на тебя изрѣдка.

Теперь колокольчикъ уже не звонитъ къ рекреациі, къ обѣду и къ классамъ. Начались ваникулы, и школа опустѣла.

Не слышно ничего, кромѣ шепота фонтана во дворѣ, да чириванья воробьевъ на лугу.

Стукъ колесъ слышенъ точно издали, и значительно смягченный, такъ какъ улица устлана соломой.

Въ этой-то тишинѣ и уединеніи пришелъ въ себя воспитанникъ Можандръ.

Онъ удивляется, видя себя на чистой, бѣлой постелѣ, съ широкими бѣлыми занавѣсами, поддерживающими около него полусвѣтъ, тишину и уединеніе.

Ему хочется приподняться съ подушки, отдернуть занавѣсы и посмотрѣть, гдѣ онъ; но, хотя онъ и чувствуетъ себя свѣжимъ, нѣтъ силъ этого сдѣлать, и онъ лежитъ и ждетъ. Кругомъ слышенъ шепотъ голосовъ.

Слышно, какъ будто по полу ходятъ на цыпочкахъ, слышенъ даже привычный звукъ, какъ будто по доскамъ прогулывается палка отъ метлы.

Викторъ уже слышалъ когда-то этотъ звукъ. Только гдѣ?

— Да на палубѣ „*Красавицы*“. Такъ! такъ!

И, собравшись съ силами, больной шепчетъ слабымъ голосомъ, который кажется ему очень громкимъ!

— Ей! это ты, Экипажъ?

Занавѣси отдергиваются, и Викторъ видитъ въ ослѣпительномъ дневномъ свѣтѣ всѣхъ тѣхъ, кого онъ такъ часто звалъ въ бреду.

Всѣхъ! Да, рѣшительно всѣхъ!

Тутъ и Клара, и Можандръ, дядя и тетка Луво, Мимиль, маленькая сестренка и старая, худая, какъ его багоръ, ошпаренная цапля, которая широко улыбается и весело смѣется своимъ беззвучнымъ смѣхомъ.

Всѣ руки тянутся къ нему, всѣ головы склоняются; для всѣхъ готовы рукопожатія, улыбки, поцѣлуи и цѣлая куча вопросовъ.

— Гдѣ я? И какъ вы очутились здѣсь?

Но докторскія приказанія очень строги. Его сѣдые волосы не шутили, дѣлая это распоряженіе. Нужно спрятать руки подъ одѣяло, молчать и не волноваться.

Чтобы не дать ребенку разговаривать, Можандръ говоритъ самъ, не умолкая ни на минуту.

— Представь себѣ, что десять дней тому назадъ, въ тотъ самый день, какъ ты захворалъ, я пришелъ поговорить съ директоромъ. Отъ него я узналъ, что ты работаешь, какъ поденщикъ, и дѣлаешь большіе успѣхи.— Можешь себѣ представить мою радость. Я прошу разрѣшенія видѣть тебя, и только-что за тобой пошли, какъ вдругъ въ кабинетъ вбѣгаетъ твой испуганный воспитатель. Съ тобой только-что сдѣлался припадокъ горячки. Я бѣгу въ лазаретъ,—ты меня не узнаешь. Глаза горятъ, какъ свѣчи, и такой сильный бредъ!—О! мой бѣдный мальчикъ, ты былъ сильно боленъ! я не отходилъ отъ тебя ни на минуту. Ты былъ постоянно въ бреду. Говорилъ про „*Красавицу*“, про Клару, про новую лодку и мало ли про что. Тогда я вспомнилъ про письмо Клары; его нашли у тебя въ рукѣ и отдали мнѣ. А я, понимаешь, совсѣмъ забылъ о немъ. Тутъ я вынулъ его изъ кармана и ударилъ себя по лбу.

— Можандръ, — сказалъ я себѣ, — не годится изъ-за своего горя забывать друзей, и я пишу, чтобы всѣ они ѣхали сюда. Никакого отвѣта.

Тогда, воспользовавшись тѣмъ днемъ, когда тебѣ было лучше, я ѣду самъ за ними и привезъ ихъ всѣхъ къ себѣ, гдѣ они живутъ теперь и будутъ жить до тѣхъ поръ, пока мы придумаемъ, какъ устроить дѣло.

— Такъ вѣдь, Луво?

У всѣхъ слезы на глазахъ, а руки Виктора высовываются изъ подъ одѣяла и ищутъ Можандра.

Такъ какъ Виктора нельзя увести домой, то придумываютъ, какъ устроить образъ жизни.

Клара останется у больного и будетъ его развлекать и готовить ему питье.

Тетка Луво будетъ хозяйничать дома. Франсуа будетъ присматривать за постройкой, начатой дровяникомъ на Большой улицѣ.

Можандръ же отправится въ Кламеси. Ему нужно поглядѣться съ знакомыми, которые затѣяли большое лѣсное дѣло. Они будутъ, вѣроятно, очень рады взять такого опытнаго лодочника, какъ Луво.

— Нѣтъ! нѣтъ! Пожалуйста, безъ спора и сопротивленія.

Спорить, конечно, не Викторъ.

Его уже поднимаютъ и подкатываютъ въ большомъ креслѣ къ окну.

Они одни съ Кларой въ тихомъ и безмолвномъ лазаретѣ. Викторъ въ восторгѣ.

Онъ благословляетъ свою болѣзнь. Благословляетъ продажу „Красавицы“ и благословляетъ вообще всѣ болѣзни и всѣ продажи на свѣтѣ.

— Помнишь, Клара, какъ я, бывало, правилъ рулемъ, а ты садилась подлѣ меня съ вязаньемъ.

Клара помнитъ такъ хорошо, что опускаетъ глаза, краснѣетъ, и оба смущаются.

Вѣдь ужъ теперь Викторъ не маленькій мальчикъ въ красномъ беретѣ, ноги котораго не доставали до палубы, когда онъ влѣзалъ верхомъ на руль.

Да и она, придя утромъ и снимая платокъ, чтобы бросить его на кровать, кажется совсѣмъ взрослой дѣвушкой, съ круглыми руками въ обтянутыхъ рукавахъ и съ стройной таліей.

— Приходи пораньше, Клара, и оставайся какъ можно дольше.

Имъ такъ весело завтракать и обѣдать вдвоемъ, около самаго окна, задернутаго бѣлой занавѣской.

Молодые люди перебирають свои дѣтскія воспоминанія, супъ, который они ѣли, бывало, съ одной ложки, сидя на краю кровати.

Охъ! эти дѣтскія воспоминанія!

Они летаютъ по школьному лазарету, какъ птички въ садкѣ. Вѣроятно, они выютъ себѣ гнѣздышки во всѣхъ складкахъ занавѣсей, потому что каждое утро являются и начинаютъ порхать новыя воспоминанія.

Слушая эти разговоры, дѣтей можно было бы принять за восьмидесяти-лѣтнюю чету, которая смотритъ и видитъ только далекое прошлое.

Развѣ у нихъ нѣтъ будущаго, которое, можетъ быть, также не лишено нѣкотораго интереса?

Да, конечно, есть и будущее, и о немъ думаютъ очень часто, но только про него не упоминають въ разговорахъ.

Впрочемъ, иногда слова совсѣмъ не нужны для разговора.

Нѣжное рукопожатіе и вспыхнувшее лицо говорятъ часто больше всякихъ словъ.

Викторъ и Клара говорятъ цѣлый день на этомъ языкѣ.

Вѣрно, поэтому-то они такъ часто и молчатъ. Поэтому-то и дни летятъ такъ быстро, что цѣлый мѣсяць промелькнулъ незамѣтнымъ образомъ.

Поэтому же и докторъ, взерошивъ свои сѣдые волосы, долженъ былъ изгнать своего больного изъ лазарета.

Въ это самое время вернулся Можандръ изъ путешествія. Онъ засталъ всю семью дома. И когда встревоженный Луво спросилъ:—Ну что же! согласны тамъ взять меня?—старикъ Можандръ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Согласны ли взять тебя, старина? Имъ нуженъ былъ хозяинъ на новую лодку и они благодарили меня за сдѣланный подарокъ.

— Кто это „они“?

Дядя Луво въ такомъ восторгѣ, что не спрашиваетъ о подробностяхъ.

Всѣ отправляются въ Кламеси, не зная хорошенько, въ чемъ дѣло.

Какая радость ждать ихъ на каналѣ.

У набережной, расцвѣченная флагами, великолѣпная новая барка гордо поднимаетъ посреди зелени свою лакированную мачту. На ней кончаютъ отдѣлку, а то мѣсто, гдѣ написано названіе барки, закрыто сѣрой парусиной.

У всѣхъ вырывается радостный крикъ:

— Какая чудная лодка!

Луво не вѣрить своимъ глазамъ. Страшное волненіе видно въ его глазахъ, онъ раскрываетъ ротъ до ушей, а серьги его трясутся, какъ корзинки съ салатомъ.

— Она слишкомъ великолѣпна! Я никогда не рѣшусь плавать на ней. Ее только поставить подъ стекло.

Можандръ насильно втащилъ его на палубу, съ которой Экипажъ зоветъ ихъ знаками.

Какъ! даже Экипажъ подновленъ?

Да, и Экипажъ вычищенъ, вылощенъ и отдѣланъ заново.

У него новенькій багоръ и новая деревянная нога.

Это любезность со стороны подрядчика, человѣка опытнаго и исполнившаго свое дѣло безукоризненно. Взгляните сами. Полъ на палубѣ вымощенъ натертыми воскомъ досками, вокругъ рѣшетка. Тутъ же скамейка и навѣсъ отъ солнца и дождя.

Въ трюмѣ можно помѣстить двойное количество товара. А каюты-то! о! какія каюты! Три комнаты, кухня! вездѣ зеркала!

Луво тащить Можандра на палубу. Онъ очень взволнованъ и дрожить не хуже своихъ серегъ.

— Слушай, Можандръ... — лепечетъ онъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Ты забылъ только одну вещь...

— Что именно?

— Ты не сказалъ, за чей счетъ я буду работать.

— А тебѣ хочется знать?

— Конечно!

— Да за свой собственный!

— Какъ!.. значить... лодка...

— Твоя собственность!

Какой ударъ, дѣти мои! какою ударъ прямо въ грудь!

Къ счастью, подрядчикъ, строившій лодку, — человѣкъ предусмотрительный, догадался поставить на палубѣ скамейку.

Луво упалъ на нее, какъ раненый.

— Это невозможно... я не могу принять...

Но у Можандра готовъ отвѣтъ на все.

— Что за вздоръ! Ты забылъ нашъ старый счетъ, всѣ расходы, сдѣланные для Виктора. Будь покоенъ, Франсуа, я еще остаюсь у тебя въ долгу.

И товарищи обнимаются, какъ родные братья.

Но Можандръ приготовилъ полный сюрпризъ, потому что въ то время, какъ старики обнимаются на палубѣ, изъ лѣса показывается г. кюрэ съ развѣвающимися хоругвами, впереди которыхъ идутъ музыканты.

Это еще что такое?

А крестины-то лодки!

Все населеніе Кламеси собралось на праздникъ.

Хоругви развѣваются по вѣтру.

Музыка играетъ, дзинь-бумъ-бумъ!

Всѣ лица сіяютъ.

Все освѣщено яркими лучами солнца, зажигающими серебряный крестъ и мѣдные инструменты музыкантовъ. Чудный праздникъ!

Сняли съ борта сѣрую парусину, и на голубомъ фонѣ выдѣлилось написанное золотыми буквами имя лодки „Новая Красавица“.

Ура „*Новой Красавицы*“! Таковую же долголѣтнюю жизнь ей, какъ прежней и болѣе счастливую старость!

Г. кюрэ подошелъ къ лодкѣ.

Позади него выстроились въ рядъ пѣвчіе и музыканты.

Хоругви спускаются.

— *Benedicat Deus...*

Викторъ нареченъ крестнымъ отцомъ лодки, а Клара — крестной матерью.

Г. кюрэ подозвалъ ихъ къ себѣ, къ самому краю набережной. Молодые люди держатся за руки, оба сконфужены и дрожатъ.

Они лепечутъ едва слышно слова, подсказанныя имъ дьячкомъ, а г. кюрэ кропитъ ихъ святой водой.

— *Benedicat Deus...*

Точно молодая чета передъ алтаремъ.

Эта мысль пришла всѣмъ въ голову.

Возможно, что она пришла въ голову и имъ, потому что они не смѣютъ взглянуть другъ на друга и смущаются все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ церемонія подходитъ къ концу,

По окончаніи ея толпа расходится — „Новая Красавица“ получила благословеніе.

Но музыкантовъ нельзя отпустить безъ угощенія.

Въ то время, какъ Луво наливаетъ имъ вина, Можандръ подмигиваетъ теткѣ Луво и, взявъ за руки крестнаго и крестную, подводитъ ихъ къ священнику.

— Вотъ крестины и кончены, г. кюрэ, а когда же теперь свадьба?

Викторъ и Клара вспыхнули, какъ маковъ цвѣтъ.

Мимиль и сестренка хлопаютъ въ ладоши.

Посреди общаго восторга, сильно возбужденный дядя Луво наклоняется къ плечу дочери.

Добрый лодочникъ смѣется, раскрывъ ротъ до ушей, радуясь заранѣе придуманной шуткѣ, и говоритъ насмѣшливо:

— Слушай-ка, Клара, теперь самое время... не отнести ли намъ Виктора-то къ комиссару?

Возникновеніе денежныхъ металлическихъ знаковъ и мѣрилы ихъ вѣса.

Когда произносится слово «нумизматика», — рѣдко у кого не является мысль о чемъ-то въ высокой степени сухомъ и скучномъ, — о чемъ-то такомъ, что можетъ интересовать и увлекать немногія «избранныя» натуры. И это было бы вполне понятно, если бы монета, играющая такую крупную роль у нумизматовъ, была только монетой, если бы она представляла собою только предметъ древности. Но она прежде всего орудіе обмѣна, мѣрило цѣны; она играла и играетъ крупную роль въ жизни и отдѣльныхъ индивидуумовъ, и цѣлыхъ народовъ, являлась и является кумиромъ цѣлыхъ поколѣній, одно время, — далеко еще не превратившееся въ археологическое прошлое, — считалась сущностью богатства, т. е. силы. Какъ же возникла она? Какъ и какимъ образомъ произошло то, что вѣсу данной золотой или серебряной монеты стало соответствовать понятіе о цѣнѣ вещи? Какъ и какимъ образомъ случилось то, что она слѣдилась мѣриломъ цѣны всѣхъ остальныхъ предметовъ? Была ли эта монета, какъ такое мѣрило, всегда и во всѣ времена, именно золотой и серебряной? За мѣнила она, или нѣтъ какое-нибудь другое мѣрило цѣны, какое-либо другое орудіе обмѣна? И если да, то какъ и въ силу чего развилась она и превратилась въ современную намъ монету? Какъ и какимъ образомъ человѣчество пришло къ понятію о вѣсѣ и соответствіи даннаго количества золота по вѣсу съ цѣной тѣхъ или иныхъ предметовъ?

А эти и подобные имъ вопросы, — вопросы не одного только археологическаго или чисто нумизматическаго интереса и значенія. Ихъ рѣшеніе затрогиваетъ цѣлый рядъ сторонъ народной или, точнѣе, общечеловѣческой, психологіи; оно тѣсно связано съ ней и можетъ пролить свѣтъ на способы и приемы мышленія первобытнаго человѣка, на процессъ развитія этихъ приемовъ. Известно, какое значеніе имѣло болѣе тщательное изслѣдованіе вопроса, напр., о процессѣ возникновенія и выработки понятія о

времени въ этомъ смыслѣ. Извѣстно, какъ гипотеза, что это понятіе есть результатъ опыта и эмпирическаго развитія мысли, подорвала старую гипотезу о врожденности этого понятія. Нѣчто подобное даетъ въ результатѣ и изслѣдованіе о происхожденіи металлическихъ денежныхъ знаковъ.

Ихъ возникновеніе и, главное, опредѣленіе ихъ вѣса, въ соотвѣтствіи съ цѣной различныхъ предметовъ считались результатомъ чисто искусственнаго процесса мысли, слѣдствіемъ научныхъ открытій, пригнанныхъ къ золотой и серебряной монетѣ. Утверждали и утверждаютъ, что въ моментъ изобрѣтенія монетныхъ знаковъ человѣчество дѣйствовало на основаніи совершенно такихъ же соображеній и основаній, которыя руководили французами время революціи, когда они ввели новую, напр., научную метрическую систему. Открытіе въ развалинахъ Ниневіи и Вавилона мѣръ вѣсовъ, подобныя же находки въ Египтѣ повели къ заключенію, что всѣ эти знаки вѣса, вся система вѣсовыхъ мѣръ и монеты были результатомъ искусственныхъ соображеній, что въ основѣ вѣса вообще, и въ частности опредѣленнаго вѣса въ данномъ количествѣ золота лежало чисто научное исчисленіе, основанное на математическихъ и астрологическихъ выкладкахъ. Только въ одномъ случаѣ, по утвержденію ассиріологовъ, такое исчисленіе вѣса было слѣдствіемъ измѣренія видимаго діаметра солнца и научнаго построенія на немъ куба, какъ единицы вѣса, а въ другомъ,—по словамъ египтологовъ,—измѣренія большой пирамиды и затѣмъ вѣса даннаго количества воды Нила. Отсюда и предположеніе, что либо Ассирія и Халдея, либо Египетъ и были родиной мѣръ вѣса и исчисленія вѣса данной монеты. Все дѣло изобрѣтенія представлено было не какъ результатъ эмпирическихъ блужданій и постепенныхъ поправокъ эмпириі, а какъ вѣчто, едва ли не сразу сложившееся въ головѣ ученыхъ, которые и примѣнили изобрѣтенную систему на дѣлѣ и приучили къ ней человѣчество.

Но вопросъ въ томъ, какъ и какимъ образомъ люди взвѣшивали и измѣряли до этого открытія, если оно только существовало, какъ и какимъ образомъ оцѣнивали и взвѣшивали предметы народы первобытнаго времени? Ученые, ассиріологи, какъ и египтологи, не давали никакого отвѣта на эти вопросы. А между тѣмъ только отвѣтъ на нихъ и даетъ возможность правильно и по достоинству оцѣнить степень прочности представленныхъ ими положеній.

Очевидно, что изученіе системъ обмѣна, его орудій, системъ опредѣленія вѣса золота, и другихъ предметовъ, способвъ опредѣленія цѣны золота соотвѣтственно съ цѣнами на другіе пред-

меты и т. д., выясненіе того, какъ все это практиковалось у самыхъ разнородныхъ народовъ, у дикарей, какъ у болѣе развитыхъ народовъ, сличеніе и сравненіе системъ денежныхъ знаковъ, существовавшихъ и существующихъ у нихъ, иными словами:—примѣненіе сравнительнаго метода къ изученію исторіи денежныхъ знаковъ, могло и должно было выяснить процессъ развитія и возникновенія и этихъ знаковъ, и системы вѣса, тѣсно связанной съ денежными знаками. Тѣ, весьма важныя, выводы, къ какимъ привело примѣненіе сравнительнаго метода къ исторіи вѣрованій, обрядовъ, учреждений и т. п., то совершенно новое и часто неожиданнымъ освѣщеніе, какое, благодаря ему, получили многія явленія и умственной, и общественной жизни, какъ бы служило ручательствомъ, что примѣненіе его и въ разсматриваемой области окажется не менѣе плодотворнымъ.

Весьма интересная и блестящая попытка въ такомъ родѣ сдѣлана была недавно Риджуземъ *), профессоромъ греческаго языка, и съ выводами кнѣги, написанной имъ, я и позволю себѣ познакомить читателей. Сдѣланный Риджуземъ сводъ фактовъ, также какъ и сдѣланныя имъ заключенія, проливаютъ новый свѣтъ на привычки и процессы мышленія первобытнаго человѣка. Въ своемъ изложеніи я позволилъ себѣ сдѣлать лишь нѣкоторыя дополненія, необходимыя для выясненія гипотезы Риджуэя.

I.

Первобытныя системы денежныхъ знаковъ и ихъ развитіе.

Достаточно бросить самый бѣглый взглядъ на всѣ, какъ существующія, такъ и существовавшія нѣкогда, системы денежныхъ знаковъ у различныхъ народовъ земнаго шара, чтобы убѣдиться въ фактъ не только крайняго, повидимому, ихъ разнообразія, но и тѣсной связи ихъ съ различными моментами въ развитіи культуры и, главнымъ образомъ, обмѣна, этой почвы, на которой только и могли возникнуть денежные знаки. Длинный періодъ пришлось пережить человѣчеству равнѣе, чѣмъ возникла самая мысль объ обмѣнѣ продуктовъ. У нѣкоторыхъ народовъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, какъ, напр., у многихъ австраійскихъ племенъ, еще и теперь не существуетъ акта, называемаго обмѣномъ. А у весьма многихъ изъ тѣхъ племенъ, съ которыми приходилось сталкиваться европейцамъ, идея обмѣна

*) Ridgeway, the origin of metallic currency and weight standards. Cambridge. 1892.

была такъ мало развита, что требовалось особое умѣнье и особая предосторожности, чтобы добиться мѣны продуктовъ. Лаба *), описывавшій въ XVIII в. нравы американскихъ дикарей, говорить, что главное «условіе торговли съ караибами заключается въ томъ, чтобы убирать съ ихъ глазъ обмѣненную у нихъ вещь», такъ какъ «иваче они возьмутъ ее обратно». Куку, какъ извѣстно, лишь съ большимъ трудомъ удавалось добиться мѣны у жителей острововъ Тихаго океана, и по той же причинѣ. О жителяхъ побережій Берингова пролива Бячи **) рассказываетъ, какъ и съ какимъ проворствомъ дикари забирали оба предмета мѣны, и принесенный ими, и данный имъ европейцами, и какъ безуспѣшны были усилія заставить ихъ вернуть обратно принесенныя ими вещи. Только мало-по-малу проникаетъ въ сознаніе первобытныхъ народовъ понятіе объ обмѣнѣ, являющееся, повидимому, слѣдствіемъ войнъ и грабежей, совершаемыхъ однимъ племенемъ насчетъ другого. Фактъ *нѣмой* торговли, т.-е. складыванія каждой изъ договаривающихся сторонъ отдѣльно товаровъ на *нейтральной* полосѣ, а затѣмъ забирая ихъ тайкомъ и отдѣльно каждой изъ сторонъ, фактъ, о которомъ рассказываютъ намъ и древніе писатели, описывая возникновеніе торговыхъ сношеній грековъ съ племенами адриатическаго побережья, и наши лѣтописи при описаніи торговли съ племенами сѣвера и Приуралья, и, наконецъ, безконечный рядъ путешественниковъ, описывающихъ жизнь и обычаи дикарей въ разныхъ частяхъ свѣта, указываетъ совершенно ясно на тѣ способы, съ помощью которыхъ постепенно зарождались обмѣнъ и торговля, какъ указываютъ на нихъ и обычаи складывать и снимать оружіе предъ началомъ торговыхъ сдѣлокъ или мѣны, господствующіе у весьма многихъ дикихъ племенъ Стараго и Новаго свѣта. Здѣсь, на этой стадіи развитія обмѣна, рѣзко бросаются въ глаза двѣ черты, характеризующія тогдашнюю мѣну: отсутствіе яснаго представленія о дѣйствительной мѣновой стоимости вещи и самый первобытный способъ обмѣна однихъ продуктовъ на другіе. Караибы готовы для пріобрѣтенія ножика, или иного предмета пуститься съ опасностью жизни въ путь въ сильную даже бурю, готовы отдать за нихъ все, что угодно, лишь бы имѣть ихъ въ рукахъ. Въ то же время они ни за что не согласятся взять другой какой-либо товаръ, какъ бы дешево ни отдавали его имъ. Купить, напр., у нихъ гамакъ вечеромъ—дѣло немислимое, а утромъ они отдадутъ его за ничтожную плату***).

*) Nouveau voyage aux isles de l'Amérique (Labat), La Haye, 1724. II, 54.

**) Beechey, Voyage to the pacific and Beering's Strait (L., 1832), 263.

***) Labat, II, 50 и друг.

Жители Маркизскихъ о-въ пришли въ восторгъ при видѣ гвоздей, которымъ они придали самую высокую цѣну, и это не вслѣдствіе ихъ пользы, — употребленіе гвоздей имъ не было извѣстно, а исключительно потому, что усмотрѣли въ нихъ орудіе украшенія для ушей, поясовъ, ожерелій и т. п. *). Гренландцы, по словамъ Кранца **), мѣняются между собою всѣмъ, въ чемъ нуждаются, но способны отдать самую полезную вещь за пришедшуюся имъ по вкусу дрянную, и если имъ предложить, вмѣсто нравящейся имъ дрянной, самую хорошую, они не возьмутъ ея, ибо желаютъ имѣть то, что имъ понравилось». Повятно, что, при такомъ характерѣ обмѣна продуктовъ на любые другіе, не можетъ быть и рѣчи о мѣрилѣ, сколько-нибудь опредѣленномъ, мѣновой стоимости, какъ не можетъ быть и рѣчи о роли металла, какъ такого мѣрила. И металлы, какъ и всякіе другіе продукты, играютъ роль только продуктовъ, не болѣе. И эта черта удерживается иногда долгое время, даже на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія, какъ, напр., въ Китаѣ, гдѣ и до нашихъ дней золото и серебро — простые товары, такіе же, какъ хлѣбъ и др., и вовсе не служатъ избраннымъ орудіемъ обмѣна ***).

Лишь съ теченіемъ времени, съ развитіемъ обмѣна вырабатывается мало-по-малу, въ полномъ соотвѣтствіи съ условіями жизни, занятіями и обстановкой тѣхъ или иныхъ народовъ, представленіе о какой-либо опредѣленной вещи или вещахъ, превращающихся постепенно въ мѣрило мѣновой стоимости всѣхъ остальныхъ, въ излюбленное орудіе мѣны. Достигалось это труднымъ и медленнымъ путемъ. О жителяхъ побережья Торресова пролива Гэддонъ ****) рассказываетъ слѣдующее: «если кто-либо изъ Муралуговъ нуждается въ лодкѣ (каное), онъ сносится на этотъ счетъ съ своимъ другомъ въ Моа, который, въ свою очередь, заводитъ бесѣду съ своимъ же другомъ въ Баду... Этотъ послѣдній отправляется въ Мабуяягъ, чтобы устроить дѣло покупки лодки, а житель Мабуяягъ поѣдетъ для этого въ Сайбей. Если и здѣсь не окажется лодки, спросъ посылается по всему берегу, пока ея не найдутъ или не закажутъ. Лодка, наконецъ, пересылается къ Муралугамъ, и покупатель обязывается въ теченіе года заплатить три *dibi-dibi*, т. е. извѣстные продукты, въ три срока. Но монеты никакой здѣсь нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя вещи уже приобрѣли

*) Marchand. V. autour du monde, 420.

**) Crantz, Historie V. Grönland (1770), II, 226.

***) Rochechouart, въ J. des Economistes, XV, 103.

****) Haddon, the western Tribes of Torres straits, въ Journal of anthropol. Institut, XIX, 347.

среди племенъ общую мѣновую стоимость, общепризнанную всѣми, но не въ силу ихъ внутренней цѣнности, т. е. безъ отношенія къ рѣдкости вещи или къ труду, потраченному на ея производство или приобрѣтеніе. Это — запястья изъ бусъ или раковинъ и др.». Это — первые зародыши денежной системы, денежных знаковъ. У большинства народовъ сѣверныхъ, живущихъ въ холодномъ и въ умѣренно-холодномъ поясахъ и занимающихся охотой, орудіемъ мѣны, мѣриломъ мѣновой стоимости сдѣлались кожи убитыхъ ими животныхъ, и изъ нихъ-то и выработалась постепенно цѣлая денежная система. На Гудсонъ-Бей установилась, напр., такая система: ружье равно здѣсь 20 шкуркамъ; пикурка бобра—высшая единица, равная 2 шиллингамъ или 2 шкуркамъ куницы *). У остяковъ — за единицу мѣновой стоимости принята шкурка бѣлки, и т. д. На Юго-вѣ Исландіи еще и въ XV в. (по договорамъ съ Англіей 1413 и 1426) денежнымъ знакомъ служила вяленая треска, и за 48 локтей сукна платили 120 штукъ трески, за желѣзную подкову—20, за пару женскихъ башмаковъ—3, за 3 мѣры пшеницы—120 и т. д. **). Но на громадномъ пространствѣ земного шара, главнымъ образомъ, у народовъ теплыхъ и тропическихъ странъ, гдѣ потребность въ одеждѣ и пищѣ не играла такой роли, какъ на сѣверѣ, выработались нѣсколько иныхъ системы денежных знаковъ, или, точнѣе, мѣрила мѣновой стоимости. Здѣсь на первомъ планѣ стояли и стоятъ украшенія, удовлетворявшія той страсти къ разукрашенію тѣла, которая составляетъ преобладающую черту первобытнаго человѣка. Мы видѣли, съ какимъ азартомъ хватаются дикари за гвозди, какъ предметъ украшенія, и такой же азартъ къ украшеніямъ царить и повсюду ***). Но далеко не все и не всякая вещь отвѣчаетъ вкусамъ дикаря, а только извѣстная, либо понравившаяся сразу, либо усвоенная уже по традиціи всѣми, всей группой или племенемъ. Такъ, еще и теперь, въ центральной Африкѣ, напр., фарфоровыя и стеклянныя бусы—единственное орудіе обмена и излюбленный предметъ украшенія. Но когда Бергонъ привезъ съ собою бусы новаго, болѣе изящнаго, образца, выдѣланныя специально для него въ Бирмингемѣ, никто изъ туземцевъ не захотѣлъ и смотрѣть на нихъ, — такъ мало соответствовали они выработавшемуся эстетическому вкусу племенъ, считавшихъ, что старыя и неуклюжія бусы—верхъ изящества и совершенства.

*) Whympcr, Alaska, 225.

***) Magnusson, nordeske Tidskrift for Oldkyndighed, II, 112.

****) Подробности см. у Лэббока: Начало цивилизаціи, гл. 2-ю—объ украшеніяхъ.

Въ ряду предметовъ, удовлетворявшихъ страсти къ украшеніямъ, наиболѣе видное мѣсто у всѣхъ почти первобытныхъ народовъ, какъ и у многихъ современныхъ дикарей, занимали и занимаютъ такъ назыв. каури, или раковины и бусы, эти *supra moneta*, какъ ихъ называютъ. Ожерелья и запястья изъ каури, воротники изъ нихъ и т. п. были всегда высоко цѣнны. Раскопки Ниневіи и др. мѣстъ обнаруживаютъ вездѣ ихъ присутствіе у различныхъ народовъ; эти же раковины и бусы являются излюбленнымъ предметомъ украшенія у дикарей. Но и теперь, какъ и прежде, всѣ эти каури и бусы, витка изъ нихъ (подъ разными названіями *changos, zimbis, wamrum, al-li-ko-chik* и т. д.) мало-по-малу употребляются не только какъ украшеніе, но и какъ орудіе обмѣна, какъ мѣрило мѣнновой стоимости предметовъ. Такое значеніе имѣютъ они въ Остѣ-Индіи, въ Сіамѣ, на з. и в. берегахъ Африки, на о-вахъ Тихаго океана и т. д. Марко-Поло засталъ въ области Юннамъ въ полномъ ходу бусы, какъ денежный знакъ. А въ Китаѣ, какъ видно изъ древнѣйшей книги, *Ja-king*, раковины, каури, лежали въ основаніи всей денежной системы. Обладать 100.000 раковинъ значило быть очень богатымъ человѣкомъ. Ходили въ качествѣ монеты и простыя раковины, и пурпуровыя бусы, и черепахи, и т. п., представлявшія собою градаціи денежной китайской системы. И китайцы до того сжились съ этой системой, что когда она была замѣнена другой— Вангвангъ, захватившій китайскій престолъ, счелъ наилучшимъ средствомъ для обезпеченія своего трона возстановить старую денежную систему изъ пяти сортовъ каури, самую высшею изъ которыхъ считалась черепаха *).

Отличительную черту этихъ денежныхъ или мѣнновыхъ знаковъ составляетъ то, что ихъ мѣнновая стоимость опредѣляется не вѣсомъ, а объемомъ и, главнымъ образомъ, длиной. У многихъ сѣверо-американскихъ племенъ мѣсто монеты заступаетъ такъ назыв. *Wamrum*. Это нѣчто въ родѣ пояса, состоящаго изъ нанизанныхъ на веревочку зеленыхъ и бѣлыхъ раковинъ, отполированныхъ и превращенныхъ въ длинные цилиндрическіе шарики. *Wamrum* изъ зеленыхъ раковинъ цѣнится вдвое дороже, чѣмъ изъ бѣлыхъ, а каждый *wamrum* является большей или меньшей мѣнновой стоимостью, смотря по длинѣ его. У калифорнійскаго племени Кароковъ, по словамъ Поуэра **), вмѣсто монеты, употребляются головки красныхъ дятловъ, нанизанныя на вере-

*) Perrieu de la Couperie, Monnaies et Medailles, 193.

**) Powers, Tribes of California, 21, 335.

вочки, а также и нитки изъ раковинъ. Цѣна нитокъ возрастаетъ съ длиной ихъ. Въ большей части случаевъ нитки дѣлаются длинной въ человѣческую руку (взростаго человѣка), и имъ даютъ названіе *al-li-ko-shik*, т.-е. буквально—индѣйской монеты. Монета эта распространена была среди массы племенъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ, признавалась мѣриломъ мѣновой, стоимости всѣми, и фабрикація ея производилась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Почти каждый продавецъ владѣлъ количествомъ этихъ денежныхъ знаковъ равнымъ по стоимости ста долларамъ, что давало ему возможность приобрести за эту сумму либо двухъ женщинъ, либо 2 шкуры сѣраго медвѣдя, или 25 скусовыхъ шкурокъ. Въ то же время эти монеты служили и украшеніемъ, и ихъ же опускали въ могилы вмѣстѣ съ покойниками. На о-вахъ Новой Бразиліи и герцога Йоркскаго, какъ сообщаетъ Поуэль *), вмѣсто монеты, употребляется *Dewagga*, т.-е. нитки мелкихъ раковинъ, каури. Цѣнность ихъ измѣняется ихъ длиной: наибольшая—отъ конца одной руки до конца другой, когда человѣкъ держитъ ихъ распростертыми горизонтально; затѣмъ слѣдуютъ: длина отъ половины груди до конца пальцевъ, отъ плеча до конца руки, отъ кисти до конца пальцевъ, наконецъ, длина пальца. При покушкахъ, напр., рыбы, цѣна ея опредѣляется такъ: она стоитъ столько-то (30, 40) пальцевъ. Такія *dewagga* обыкновенно связываютъ въ одно цѣлое, длиною до 100 с. и нерѣдко по 600 тонны такихъ связокъ укладываются въ корзины. Тоже и на другихъ о-вахъ **). Цвѣтъ раковины или, какъ на Фиджи, зубовъ, ванизываемыхъ на нитку, играетъ важную роль при установленіи мѣновой стоимости той или иной нитки или отдѣльной каури или бусы. На Фиджи, какъ и у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и у туземцевъ о-ва королевы Шарлотты, красный цвѣтъ во много разъ цѣннѣе бѣлаго, и отношеніе между краснымъ китовымъ зубомъ и бѣлымъ то же, какъ между фунтомъ стерлинговъ и однимъ шиллингомъ ***).

Повидимому, система каури, какъ денежнаго знака—одна изъ самыхъ раннихъ и первобытныхъ, кое-гдѣ удержавшихся даже и тамъ, гдѣ она была вытѣснена, болѣе развитыми, какъ напри- мѣръ, у многихъ народовъ Азіи. Рядомъ съ нею идетъ другая система денежныхъ знаковъ, представляющая уже новый шагъ

*) Powell, *Wandering in a Wild Country or 3 Years among the cannibals of New-Britain*, 55.

**) K. Semper, *die Pelau Inseln*, 60; Kubary, *Ethnogr. Beiträge z. Kenntnis des Karalonen Archipels*, и др.

***) Jevons, *Money*, 25.

впередъ въ смыслѣ большой сложности и детальности этой системы. Орудія разнаго рода, матери и т. п. являются на сѣбѣ каури, по мѣрѣ развитія обмѣна и увеличенія сношеній. Во многихъ мѣстностяхъ западной Африки орудіемъ обмѣна и мѣриломъ мѣновой стоимости былъ топоръ, совершенно такъ же, какъ мотыга и казаны въ Китаѣ, Аннамѣ и др. мѣстахъ, или рыболовные крючки у племенъ побережья Индѣйскаго океана, начиная отъ Персидскаго залива, на о-вахъ Цейлонѣ и Малдивскихъ. Въ другихъ мѣстахъ Африки, какъ, напр., Дарфурѣ, для цѣлей обмѣна служили оловянные кольца. То были мелкія монеты, входившія въ составъ довольно сложной денежной системы. Роль слѣдующей высшей денежной единицы здѣсь игралъ *toukkieh*, т.-е. штука бумажной матеріи, длиною въ 30 локтей, и притомъ, двухъ сортовъ, находившихся въ отношеніи 4:4¹/₂. Наконецъ, наивысшею считался рабъ, приравненный къ 30 *toukkieh* *). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дарфура рядомъ удержалась и старая денежная система: нитки бусъ (*harich*), зеленыхъ и голубыхъ, нитки изъ ста штукъ бусъ въ каждой, соотвѣтствовавшихъ оловяннымъ кольцамъ остального Дарфура. Въ Герли и окрестностяхъ бусы исчезли, и мѣсто ихъ заняли *falgo*, палочки соли, длиною въ одинъ палецъ, служившія какъ бы размѣнной монетой. Въ Конка въ основу денежной системы былъ положенъ табакъ; въ Нумлехѣ — лукъ, какъ размѣнная монета, мотокъ нитокъ, какъ высшій денежный знакъ, и, наконецъ, *toukkieh*, какъ и въ остальномъ Дарфурѣ. Въ XVII в. на западномъ берегу Африки низшей монетной единицей служили куски той или иной длины, до 1 фута, краснаго дерева **). Нѣчто подобное мы замѣчаемъ и въ С. Америкѣ, гдѣ, какъ у гайдасовъ и др., вмѣсто исчезнувшей монеты изъ нитокъ, раковинъ и шкуръ, появилась новая монета, въ видѣ одѣялъ (*blankets*), стоимость которыхъ, какъ мѣрила и орудія мѣны, опредѣлялось по каемѣ и количеству нитокъ въ пряжѣ. Одѣяло въ 2¹/₂ нитки было единицею денежныхъ знаковъ, къ которой приравнены были всѣ остальные. Одѣяло въ 5, напр., нитокъ оцѣнивалась, какъ стоющее столько-то *blankets*, а рабъ — въ 40 до 80 одѣялъ. Еще болѣе яркій образчикъ этой новой стадіи развитія денежныхъ знаковъ представляетъ племя Багнаровъ въ Аннамѣ, на берегахъ Лаона ***). Здѣсь, говоритъ Аймонье, производится и теперь мѣва продуктовъ на продукты, и всѣ предметы, находящіеся въ общемъ

*) Voyage au Darfour, переводъ Perron'a (1845), 218, 315, 316 и др.

**) Dapper, description de l'Afrique (1686), 367.

***) Aumonier, Cochinchine. Excursions et Reconnaissances, XIII (1877), 296 и сл.

употребленіи, стоятъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ другъ къ другу; достаточно знать единицу мѣновой стоимости, чтобы выяснитъ всю систему денежныхъ знаковъ, существующую здѣсь. Рабъ мужескаго пола приравнивается, по стоимости, къ 6 котламъ, совершенно такъ же, какъ это было въ Греціи временъ Гомера *). Каждый котель распадается, такъ сказать, на 7 глиняныхъ горшковъ, вмѣстимостью въ 15 литровъ каждый. Въ свою очередь, горшокъ состоитъ изъ 4 шук (неизвѣстно, что означалъ прежде), а каждый шукъ равенъ 10 mats, т.-е. тѣхъ мотыкъ, которыми и здѣсь, какъ и въ Сіамѣ, Китаѣ и др. мѣстахъ, обрабатывали землю. Эти мотыки были низшею единицею, размѣнной монетой, и багнаръ, приобретаемая, напр., 30 стрѣлъ, отдавалъ за нихъ одну мотыку, тогда какъ за шить платилъ 1 горшокъ, 1 шукъ и 3 мотыки, а за слона уже 10—15 рабовъ, за лошадь — 3 или 4 котла.

Но уже и здѣсь, какъ это было и въ Греціи и въ др. мѣстахъ замѣтны слѣды новаго наслоенія, новыхъ элементовъ, входящихъ въ составъ денежной системы. Котель нерѣдко или замѣняется, или вытѣсняется, какъ денежная единица, новымъ денежнымъ знакомъ, новымъ мѣриломъ мѣновой стоимости, именно: буйволомъ. У багнарговъ котель и буйволъ сосуществуютъ, у моисовъ и тжамовъ котель исчезаетъ, и остается только буйволъ. Буйволъ здѣсь — главная единица системы, къ которой приравниваются всѣ остальные. И этотъ переходъ къ новой единицѣ — одна изъ выдающихся чертъ въ развитіи денежныхъ знаковъ. На громадномъ пространствѣ Стараго свѣта, начиная отъ береговъ Тихаго океана и вплоть до Атлантическаго океана, по всей Азіи, Европѣ и Африкѣ, система денежныхъ знаковъ, въ основу которой положенъ быкъ, корова или буйволъ, получила постепенно полное преобладаніе. Въ Африкѣ эта система знаковъ получаетъ все большее и большее распространеніе. У готтентотовъ скотъ — главная единица и мѣрило мѣновой стоимости, какъ у зулусовъ — корова; десять коровъ здѣсь — обыкновенная плата за женщину, и только за очень красивую и привлекательную, какъ и во времена Гомера въ Греціи, цѣна возвышалась до крайнихъ предѣловъ **). Тоже и у мадисовъ центральной Африки, гдѣ богатство опредѣляется количествомъ головъ скота, и гдѣ цѣна предметовъ сообразуется съ единицею или мѣриломъ мѣновой стоимости, т. е. быкомъ, тогда какъ топоры и проч. играютъ роль какъ бы размѣнной монеты. Въ Удаѣ, также какъ отчасти и въ Дарфурѣ, основнымъ мѣриломъ стоимости является опять корова; 20

*) Илиада XXXIII, ст. 835.

***) Kolben, present state of the cape of Good Hope, 262.

коровъ и 2 раба, мужчина и женщина, составляютъ цѣну за жену, почему дарфурцы и предпочитаютъ дочерей сыновьямъ, какъ «корово-приобрѣтательнымъ дѣвамъ», о которыхъ говоритъ и Гомеръ *). Исторія народовъ Азіи и Европы, исторія господствовавшей нѣкогда у нихъ денежной системы указываетъ совершенно ясно на тотъ же фактъ, на привягіе основнымъ мѣриломъ мѣновой стоимости быка или коровы. Мы видѣли уже, что въ ю.-в. углу Азіи, у багваровъ и др. племенъ Аннама, какъ и въ Сіамѣ, система денежныхъ знаковъ, основанная на буйволѣ, какъ единицѣ, вытѣснила существовавшія прежде. И теперь, напр., у осетинъ единицею цѣнности считается корова, и всѣ предметы оцѣниваются, какъ стоющіе одну, двѣ или болѣе коровъ, или $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{100}$ коровы. Волъ приравненъ къ двумъ коровамъ, а корова къ 10 овцамъ. Самыя пени за раны уплачивались коровами: рана измѣрялась въ длину зерномъ ячменя, и каждое зерно приравнивалось къ коровѣ **). Та же система существовала и у древнихъ персовъ: въ росписаніи платы медикамъ за леченіе волъ, какъ мѣрило цѣнности, фигурируетъ на первомъ планѣ, а за нимъ идутъ уже, какъ низшія единицы, корова, овца и т. д. Книга контрактовъ говоритъ тоже и ставитъ градацію въ такомъ видѣ: овца, быкъ и человѣкъ ***). При этомъ у персовъ установлены были и различія въ стоимости различныхъ видовъ скота и быковъ: быкъ высшей цѣны и быкъ низшей, корова—трехъ лѣтъ и бычокъ, и т. д.— и всѣ они стояли въ постоянныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Если мы, оставя въ сторонѣ древнихъ индусовъ, гдѣ слѣды той же системы ясно проглядываютъ въ Ризь-Ведѣ, обратимся къ Греціи временъ Гомера, то встрѣтимся и здѣсь съ ясными слѣдами той же системы, вполне напоминающей собою извѣстныя уже намъ системы племенъ Аннама и Африки. Во времена Гомера здѣсь не существовало чего-либо въ родѣ чеканенной монеты. Всѣ цѣнности измѣрялись то быкомъ, то коровой, то молодымъ скотомъ, то посудой—котлами, горшками (триподами), то топорами или полутопорами, наконецъ, работою или рабыней. Доспѣхъ золотой или мѣдный оплачивался, напр., у Гомера, тѣмъ или инымъ количествомъ тельцовъ (Ил., VI, 236 и др.). Упоминается, правда, и талантъ (исключительно золотой), но о немъ говорится лишь, когда рѣчь идетъ о золотѣ, и онъ не служитъ мѣриломъ цѣнностей. Хотя опредѣленное отношеніе его къ установившимся мѣриламъ мѣновой стоимости было хорошо извѣстно грекамъ: когда, въ видѣ приза, одному даютъ

*) Voyage au Darfour, пер. Perrouá.

**) Naxthausen, Transcaucasia, II. 30.

***) Vendidad, въ Sacred Books of the East, VII, 41; IV, 2.

телипу, а другому—полъ-таланта золотомъ, ясно, что въ умѣ существуетъ понятіе о взаимной ихъ цѣнности, совершенно такъ же, какъ оно существуетъ у самоѣдовъ, гдѣ единица цѣнности, олень, приравнена къ 5 р., или у осетинъ, гдѣ стоимость мѣнового мѣрила, быка, выражается тоже 5 р. А когда мы узнаемъ, что рабыня, напр., у Гомера, исчислялась въ 4 вола, то для насъ становится яснымъ, что и въ Греціи, какъ у выше разсмотрѣнныхъ народовъ, между быкомъ, какъ единицей цѣнности, и другими предметами, тельцами, триподами и т. п., существовало такое же отношеніе, какъ и у персовъ, и у туземцевъ Аннама. Но мы можемъ сказать и больше того. Свидѣтельства позднѣйшихъ писателей (Поллукса и др.) указываютъ на то, что золотой талантъ равнялся 2 золотымъ драхмамъ, а 2 золотыхъ драхмы и были цѣною быка, т.-е., другими словами, талантъ золота замѣнилъ собою прежнее мѣновое мѣрило, быка *). Въ Италіи, какъ и въ Сициліи, до V в. пени уплачивались быками и овцами, и, когда они замѣнены были мѣдной монетой—ассаами, быкъ приравненъ былъ къ 100 ассамъ, а овца—къ 10, т. е. взаимное отношеніе между цѣнностью быка и овцы было совершенно такое же, какъ и у осетинъ, и у персовъ (т. е. 10 : 1). Въ Сициліи до IV ст. единицей обложенія была корова, совершенно также и на такихъ основаніяхъ, какъ, напр., у пивовъ изъ Харанга (В. Азія **). Законы Уэльса и Ирландіи вскрываютъ подобный же порядокъ вещей, какой существовалъ нѣкогда у кельтовъ. Легенда о взысканіи *Bogointhe* (буквально—коровья такса) въ видѣ 150 коровъ, 150 свиней, 150 рабовъ, 150 козловъ определенной величины и т. д., указываетъ на систему денежныхъ, мѣновыхъ знаковъ, существовавшихъ у нихъ нѣкогда. И что это такъ, доказывается тѣмъ, что, когда введена была римская монетная система, ее приняли тотчасъ же по старой системѣ. Раба, бывшая высшая единица, приравнена была къ 3 унцамъ (*unga*); взрослая, развитая корова—къ 1 или 24 скрупуламъ, трехлѣтняя телица къ $\frac{1}{2}$ унца (12 скруп.), овца—къ 3 и т. д., т. е. отношеніе такое же, какъ и въ настоящее время***), но съ совершенно такимъ же приспособленіемъ старой системы къ новой римской встрѣчаемся мы и въ Англіи. Законы англо-саксовъ****) приравняли 1 ф. (*libre*) серебра къ рабу, а одинъ серебряный *mancus*—къ быку. Также и

*) По преданію, древнюю дидрахму называли быкомъ, который былъ отпущенъ на этой монетѣ (зретрейская монета).

**) *Aymonnier*, X, 24, 317.

***) *Senchus Mor*, I, 287. *Cp. ancient Laws of Wales*, 795.

****) *Thorpe, laws of Anglo-Saxons*, I, 357.

въ Норвегіи, гдѣ законъ Гакона Добраго, устанавливая пени, опредѣляетъ ихъ такъ: корова столькохъ-то лѣтъ, рабъ или рабыня не ниже 15 лѣтъ, оружіе такое-то и т. д.

Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою три послѣдовательныя напластованія денежныхъ системъ: систему, наиболѣе раннюю, каури и ожередій или нитокъ изъ каури и бусъ, систему орулій всякаго рода, наконецъ, систему, въ основу которой положенъ былъ уже скотъ: быкъ, или корова, или буйволъ. Эта послѣдняя система, вызванная, несомнѣнно, къ жизни въ періодъ пастушескаго быта, не только получила широкое и преобладающее распространеніе во всей почти Азіи и Европѣ, отчасти въ Африкѣ, но постепенно включила въ себя всѣ почти предшествующія ей системы, превратила ихъ въ подраздѣленія основной новой единицы цѣнности, какъ бы въ разнѣнную монету. Она-то, главнымъ образомъ, и легла въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ измѣненій въ системѣ денежныхъ знаковъ.

Съ быкомъ, буйволемъ или коровой опредѣленнаго возраста, какъ съ основнымъ мѣриломъ мѣновой стоимости, всѣ указанные народы Стараго свѣта соразмѣрили цѣны всѣхъ остальныхъ предметовъ, и, хотя цѣна этихъ послѣднихъ, напримѣръ, овецъ, по сравненію съ основной единицей, колебалась въ зависимости отъ большаго или меньшаго изобилія ихъ, но даже и здѣсь колебанія были ничтожны, и данныя относительно давно прошедшихъ временъ Египта, Италіи и др. странъ, какъ и современныхъ намъ, показываютъ, что отношеніе къ овцамъ основной единицы было болѣе или менѣе постояннымъ, выражаясь въ формулѣ 1:10, какъ въ Италіи, у осетинъ, персовъ и т. д., или 1:8, какъ въ Египтѣ. Тоже можно сказать и относительно козъ, лошадей, верблюдовъ и т. п., представлявшихъ болѣе цѣнные предметы сравнительно съ основной единицей стоимости. Отношеніе стоимости рабовъ къ основной единицѣ еще болѣе любопытно. Рабъ у весьма многихъ народовъ и Азіи, и Европы, и Африки является высшимъ мѣриломъ сравнительно съ единицей стоимости, т.-е. быкомъ, и, какъ показываютъ данныя объ отношеніи въ среднемъ цѣны раба къ цѣнѣ вола, цѣна его не подвергалась измѣненіямъ и колебаніямъ, являлась прочной величиной. Если существовали колебанія, то они касались главнымъ образомъ рабовъ-женщинъ, но не мужчинъ. У всѣхъ пастушескихъ народовъ Стараго свѣта рабы составляли необходимую принадлежность хозяйства, а такъ какъ отъ береговъ Тихаго океана до Атлантическаго, почти безъ перерыва, разсѣяны были нѣкогда пастушескія племена, главное богатство которыхъ составлялъ скотъ, то

естественно должно было установиться определенное отношеніе между количествомъ рабовъ и количествомъ скота въ каждой данной мѣстности. Существовало стремленіе регулировать количество рабовъ въ соотвѣтствіи съ количествомъ скота, съ размѣрами необходимаго труда для охраны и пастьбы скота. Но скоть ограничивался главнымъ образомъ волами, овцами, свиньями и козами, и занятіе пастьбою каждаго изъ этихъ видовъ скота исчерпывало и всю роль рабовъ. Большого количества ихъ не требовалось. Домъ Улисса, его хозяйство, напр., состояло изъ трехъ пастуховъ съ нѣсколькими помощниками. (Одиссея, XXIII, 198). Съ другой стороны, перепродажа рабовъ изъ одного мѣста въ другое была въ древнія времена у разсматриваемыхъ народовъ дѣломъ обычнымъ. Все лишнее сбывалось, и оттого нерѣдко рабы въ данномъ какомъ-либо мѣстѣ представляли смѣсь языковъ и типовъ. Греки время Гомера то продавали, какъ то дѣлалъ Ахиллесъ, своихъ рабовъ, въ чужія страны, за море, то покупали ихъ либо на материкѣ, либо у финикянъ и т. д. (Ил., XXI, 41; Одиссея, XV, 460). А все это неизбѣжно приводило къ уравненію цѣнъ на рабовъ, т.-е. къ установленію постояннаго отношенія между рабомъ, какъ вышею, и быкомъ, какъ низшею единицей стоимости.

А между тѣмъ, какъ мы отчасти видѣли уже, и стоимость быка, какъ единицы цѣнности, была повсюду, на всемъ протяженіи стараго свѣта, совершенно одинаковой. Передвиженія народовъ были въ разсматриваемый періодъ времени постоянными, серьезныхъ и непреодолимыхъ препятствій для передвиженія на всемъ этомъ пространствѣ не существовало. Индусы, персы, жители Месопотаміи, армяне, племена юга теперешней Россіи соприкасались и другъ съ другомъ, и съ племенами, передвинувшимися далѣе на западъ и югъ,—и естественно, что стоимость скота при этихъ условіяхъ повсюду необходимо уравнивалась. Только тамъ, гдѣ, какъ по отношенію къ Англій, существовали естественныя препятствія въ видѣ пролива, стоимость и скота, и рабовъ не могла быть такой же, какъ и на всемъ остальномъ континентѣ, и вотъ почему въ тѣ времена рабъ привозный сталъ въ Англій выше по стоимости, чѣмъ мѣстный *). Мы увидимъ ниже, какое вліяніе имѣла эта равномѣрность стоимости денежной единицы пастушескихъ народовъ на выработку и установленіе золотой валюты.

Вернемся теперь къ другому явленію, сопутствующему установленію системы денежныхъ знаковъ, основанныхъ на быкѣ, какъ мѣрилѣ стоимости, т.-е. къ тѣмъ превращеніямъ, которымъ под-

*) Cunningham, history of the english Commerce and industry, I, 167.

вергались различные знаки прежнихъ денежныхъ системъ. Я разумѣю тѣ, весьма оригинальныя и любопытныя, превращенія, въ силу которыхъ предметы мѣновой стоимости мало-по-малу обращались въ ихъ символы, сохраняя въ тоже время и свою стоимость, и свое отношеніе къ главному мѣрилу, т. е. быку. Тамъ, гдѣ царила система каури, и гдѣ, вытѣсненная новыми системами, она сохранилась въ видѣ переживанія, мы находимъ ее, какъ, напр., въ Бирмѣ *), въ видѣ уже не простой раковины, а серебряной или бронзовой монеты, имѣющей форму раковины. Первоначально она была почти однихъ размѣровъ съ ходившими раковинами, представляя высшую единицу сравнительно съ обыкновенными раковинами, являвшимися размѣнною для нея монетой; но, съ теченіемъ времени, объемъ ея уменьшился до небольшой серебряной монетки, сохранившей форму раковины. Тоже имѣло мѣсто и у народовъ, у которыхъ, какъ мы видѣли, роль денежнаго знака играли рыболовные снаряды. Здѣсь, такъ же какъ и въ Бирмѣ, они превратились въ двѣ полоски серебра, или бронзы, связанныя вмѣстѣ на подобіе настоящаго рыболовнаго крючка. На Малайскихъ островахъ такая монета изъ серебра, превратившаяся въ сравнительно малую монету въ формѣ крючка, была приравнена по стоимости къ 12 тыс. раковинъ. Еще любопытнѣе процессъ превращеній, происшедшихъ съ ножомъ и мотыкой Китая, которые оба играли роль денежныхъ знаковъ. Ножъ съ круглой рукояткой, съ отверстіемъ по срединѣ, еще въ V и VI вв. по Р. Х. былъ настоящимъ ножомъ въ 7¹/₂ д. длины. Съ теченіемъ времени длина лезвія стала уменьшаться, дѣлаться короче, суживаться; наоборотъ, рукоятка увеличивалась насчетъ лезвія, пока, наконецъ, лезвіе совершенно не отпало, и не остался круглякъ съ отверстіемъ для напизыванія нитку, т. е. пока прежній ножъ не обратился въ условную размѣнную монету, *supes*, отношеніе которой къ единицѣ или мѣрилу стоимости сохранилось у аннамитовъ, напр., такое же, какъ и мотыгъ, т. е. 280 за одного буйвола. Въ Африкѣ подобныя же превращенія имѣли мѣсто по отношенію къ топору: въ Сиерра Леоне дѣйствительный топоръ опредѣленной величины смѣнился символомъ его, въ видѣ мелкой монеты въ формѣ топора.

Еще болѣе разительные примѣры представляетъ Греція, гдѣ ясно можно прослѣдить и дальнѣйшій переходъ этихъ, превращенныхъ въ символы, предметовъ въ изображенія уже ихъ однихъ только, выбитыхъ на чеканенной монетѣ. Изъ критскихъ надписей

*) Davids, numismata Orientalia, I. 69—73.

извѣстно, что, какъ и во времена Гомера, во всей Греціи, однимъ изъ денежныхъ знаковъ былъ триподъ и лебеть (горшокъ, котелъ). Серебряная монета равной цѣнности, замѣнившая ихъ, носила тѣ же названія, и на ней выбито было изображеніе тѣхъ же предметовъ.

Еще болѣе яркій случай представляетъ исторія монетъ городовъ Черноморья и Пропонтиды. Здѣсь главнымъ предметомъ богатства была рыба, въ частности скумврія, фюнность, и она, естественно, какъ то было и въ Исландіи, играла крупную роль въ качествѣ орудія мѣны. На монетахъ Цизика и др. отбито изображеніе этой рыбы, совершенно такъ же, какъ изображеніе козла на критскихъ монетахъ, имѣвшихъ, какъ и цизикскія, широкое пространство. И что, несомнѣнно, эта монета замѣстила собою самый предметъ мѣны, являясь ея символомъ, доказательствомъ служить находка особой монеты въ Ольвіи. Это—бронзовая фигура (въ уменьшенномъ видѣ) скумврии съ надписью *φю* (греч. литер.) или фюнность, напоминающая собою то же, что мы видѣли въ Бирмѣ, Китаѣ, Африкѣ, т.-е. замѣну настоящей скумврии—ея изображеніемъ, съ теченіемъ времени перешедшимъ на чеканную монету. Если мы припомнимъ слова Аристотеля, что «изображеніе отбивали на монетѣ, какъ средство указать на ея стоимость»; что на греческихъ монетахъ не отбивались цифры стоимости, то для насъ станетъ яснымъ, что въ этихъ изображеніяхъ мы имѣемъ дѣло съ переживаніемъ прежней, болѣе ранней, эпохи, когда самые изображенные на монетахъ предметы были орудіями мѣны, денежными знаками. То, что составляло предметъ наибольшей цѣнности сообразно съ условіями жизни данной мѣстности, обыкновенно ставилось и однимъ изъ орудій обмѣна или денежнымъ знакомъ,—все равно, была ли это рыба, топоръ, горшки, хлѣбъ, вино, щиты и т. д. И дѣйствительно, на монетахъ Греціи вездѣ мы видимъ одно изъ слѣдующихъ изображеній: двуструю сѣкиру на монетахъ Тенедоса, сѣкиру, о которой, какъ о мѣновомъ мѣрилѣ стоимости, говорится у Гомера (Ил., XXIII, 850—1 и 882—3), пшеничный колосъ на монетахъ Метапонта, славившагося торговлей хлѣбомъ, черепаху—на эгинскихъ, каракатицу—на кротонскихъ и эретрейскихъ, шить—на хиванскихъ и т. д. То были мѣстные монеты, но онѣ имѣли общее распространеніе, совершенно такъ же, какъ въ Дарфурѣ, гдѣ каждое племя имѣло свои знаки, какъ мы видѣли, но гдѣ всѣ они стояли въ общемъ и опредѣленномъ отношеніи къ главной единицѣ стоимости, т.-е. къ рабу или быку, и т. д., а слѣдовательно, могли быть взаимно уравниваемы. На монетахъ Лемноса и Фазоса, славившихся своими винами, изображается винная чаша, очевидно,

представлявшая опредѣленную нѣкогда цѣнность по вмѣстимости, совершенно такъ же, какъ, напр., въ Сѣверной Америкѣ галлонъ водки оцѣнивается дикарями въ одну шкуру бобра.

II.

Золото, его распространеніе и взвѣшиваніе.

Мы видѣли, что каждый изъ вновь возникающихъ знаковъ, уже металлическихъ, является замѣной предшествующаго ему предмета, равноцѣннаго съ нимъ и превращающагося какъ бы въ символъ старой вещи, прежняго мѣнового мѣрила. Видѣли и то, что на громадномъ пространствѣ Стараго свѣта, у всѣхъ народовъ, населявшихъ его, господствующей системой денежныхъ знаковъ сдѣлалась система, основанная на быкѣ, какъ на мѣрилѣ мѣновой стоимости, на единицѣ ея. Какъ же и чѣмъ замѣнена была эта единица, когда металлическая система денежныхъ знаковъ стала смѣнять систему чисто пастушескаго быта?

Въ процессѣ смѣны украшеній однихъ другими легко подмѣтить то же самое явленіе, съ какимъ мы встрѣтились и въ отношеніи денежныхъ знаковъ, а именно: замѣну первобытныхъ украшеній изъ каури, бусъ и т. п. украшениями изъ металловъ, въ видѣ золотыхъ и серебряныхъ колецъ, бусъ, ожерелій изъ монетъ и т. п., сначала въ болѣе грубой, затѣмъ и болѣе изящной, формѣ. Такъ же, какъ и каури, и эти украшения мало-по-малу получили значеніе не только какъ украшения, но и какъ мѣновое средство, въ видѣ, напр., таланта у Гомера, серебряныхъ полосъ у жителей Аннама, колецъ, браслетовъ и т. д., у грековъ, кельтовъ, египтянъ и др. народовъ. Вначалѣ эти украшения не были мѣриломъ цѣнности, и только съ теченіемъ времени стали замѣнять прежнее мѣрило, обратились сами въ мѣрило стоимости, въ качествѣ статера у грековъ, упса у ирландцевъ, какъ равноцѣнныхъ быку, или libra у узльсцевъ и англо-саксовъ, какъ равноцѣнныхъ рабу.

Разумѣется, длинный періодъ времени протекъ, пока браслеты и ожерелья изъ каури и бусъ смѣнились золотыми и серебряными украшениями. Но, когда и гдѣ произошло это,—мы не знаемъ. Не знаемъ, гдѣ и когда открыто было впервые золото, и когда имъ стали пользоваться. Есть основанія предполагать, что оно играло видную роль уже въ древнѣйшія времена въ Египтѣ, а затѣмъ и въ другихъ странахъ. Но, несомнѣнно, имъ стали пользоваться раньше, чѣмъ другими металлами, и можно, болѣе или менѣе, приблизительно опредѣлить порядокъ появленія металловъ, т.-е. зо-

лота, серебра, мѣди и желѣза, въ рукахъ человѣка. Что желѣзо позже всѣхъ другихъ металловъ сдѣлалось достояніемъ человѣка, фактъ, не подлежащій сомнѣнію; это и вполнѣ естественно, такъ какъ желѣзо не находится въ чистомъ видѣ и требуетъ для своего добыванія ряда искусственныхъ процессовъ. Но, равнымъ образомъ, и серебро лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть добыто въ чистомъ видѣ, и для полученія его требуется значительная доля искусства. Естественно, поэтому, что оно могло сдѣлаться предметомъ украшеній и орудіемъ мѣны лишь сравнительно позднѣе. Напротивъ, мѣдь и золото чаще всего встрѣчаются въ чистомъ видѣ, особенно же золото, легче, чѣмъ мѣдь, поддающееся обработкѣ. Поэтому оба эти металла, преимущественно золото, привлекли къ себѣ вниманіе и сдѣлались извѣстными гораздо раньше всѣхъ другихъ металловъ. И дѣйствительно, за исключеніемъ Ю. Италіи, гдѣ извѣстна была мѣдь, и гдѣ нѣтъ золота, почти повсюду золото упоминается раньше всѣхъ другихъ металловъ. Въ Африкѣ, гдѣ нѣтъ мѣди, оно было извѣстно задолго до введенія желѣза и желѣзныхъ орудіи. Въ Ригъ-Ведѣ говорится лишь о золотѣ и мѣди, а серебро совершенно неизвѣстно. Тоже сообщаетъ о массагетахъ и Геродотъ, что у нихъ было много золота, но серебра и желѣза они почти не знали. Въ Греціи разработка знаменитыхъ серебряныхъ рудъ въ Атикѣ относится къ позднему періоду, тогда какъ золото было въ употребленіи съ отдаленныхъ временъ. А у адтековъ, жившихъ въ странѣ, изобилующей серебромъ, послѣднее было въ употребленіи лишь въ незначительной степени, тогда какъ издѣлія изъ золота были многочисленны и издавна въ общемъ употребленіи.

Но мало того, что золото было однимъ изъ самыхъ раннихъ металловъ, съ которыми познакомилось человѣчество, оно,—и это наиболѣе важная сторона дѣла,—попадалось на всемъ почти протяженіи Старого свѣта, отъ Тихаго до Атлантическаго океана, разрабатывалось съ самыхъ древнѣйшихъ временъ въ Азіи, какъ и въ Европѣ и въ Африкѣ. Мы не будемъ приводить здѣсь всѣхъ тѣхъ доказательствъ, которыя съ особеннымъ искусствомъ и тщательностью собралъ Риджуэй, для доказательства всеобщаго почти распространенія золота и разработки его въ самыя раннія уже времена. Замѣтимъ только, что его находили въ Индіи и Тибетѣ и, вообще, въ центральной Азіи за много тысячелѣтій до Р. Х., въ Алтаѣ, во Фракіи, на Фазисѣ, въ Реціи и Швейцаріи, гдѣ золотыя вещи были найдены въ свайныхъ постройкахъ неолитическаго періода, въ Испаніи, въ южной Галліи, въ С. Африкѣ, Египтѣ, Аравіи, Малой Азіи и т. д. Вездѣ почти въ этихъ мѣстностяхъ существовала разработка его, слѣды которой сохранились или извѣстны намъ на основаніи

свидѣтельство Діодора и др. писателей. Племена, занимавшіяся разработкою и добываніемъ золота, находились въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, и снабженіе золотомъ, естественно, могло уже съ давнихъ поръ имѣть мѣсто даже среди народовъ, въ странѣ которыхъ нѣтъ золота. Если, съ другой стороны, мы вспомнимъ, что въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи находимы были топоры изъ нефрита, камня, который нигдѣ не былъ найденъ въ Европѣ, и привезенъ, вѣроятно, изъ Азіи, то для насъ станетъ яснымъ, что между Азіей и Европой существовали сношенія, на которыя указываютъ и пути, по которымъ совершались передвиженія, и могли происходить торговья сношенія. Пути эти не только шли изъ Азіи въ Европу, но и по самой Европѣ, и перевозка, напр., янтаря съ береговъ Балтійскаго моря, производилась на югъ съ древнѣйшихъ временъ чрезъ нынѣшній Пресбургъ по Дунаю и чрезъ Альпы. Дунай служилъ также путемъ, по которому происходили сношенія между мѣстностями на Черномъ морѣ и мѣстностями подлѣ Адріатики.

Такимъ образомъ оказывается, что область распространенія золота почти совершенно совпадаетъ съ областью, гдѣ установилась, какъ мы знаемъ, система мѣны, мѣриломъ и орудіемъ которой былъ быкъ. Очевидно отсюда, что если быкъ, какъ единица мѣны, имѣлъ повсюду одну и ту же стоимость, то, естественно, такую же стоимость должно было имѣть и золото,—разъ оно замѣнило собою или стало замѣнять прежнюю единицу стоимости, т.-е. быка, и что, слѣдовательно, одно и тоже количество золота должно было заключаться въ золотомъ знакѣ, или предметѣ вездѣ и у всѣхъ народовъ, гдѣ золото замѣнило собою быка, какъ мѣрило мѣновой стоимости. Но вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли на всемъ томъ пространствѣ, о которомъ идетъ рѣчь, повсюду существовали и установилась одна и та же золотая единица? Дѣйствительно ли она вполнѣ соответствовала прежней единицѣ, т.-е. волю? И если это такъ, то какъ и какимъ способомъ человѣчество приняло именно такое, а не иное количество золота за единицу? Посмотримъ прежде всего, какъ опредѣлялось количество золота, которое соответствовало стоимости быка. Что этого достигали съ помощью взвѣшиванія,—очевидно. И дѣйствительно, всѣ существующія данныя указываютъ намъ на то, что золото было однимъ изъ первыхъ и, весьма немногихъ, предметовъ, къ которымъ примѣнено было взвѣшиваніе, всѣ остальные предметы измѣрялись по объему, длинѣ и т. п. Исторія человѣчества показываетъ намъ съ полною очевидностью, что взвѣшиваніе было явленіемъ весьма позднимъ и съ трудомъ проникавшимъ въ практику жизни. Еще и въ наше

время только болѣе цѣнныя вещи, и сравнительно небольшія по объему, взвѣшиваются, напр., и теперь въ деревняхъ у насъ хлѣбъ и зерно продается не на вѣсъ, а на мѣшки и т. п., а взвѣшивание скота стало входить въ употребленіе лишь недавно. Чѣмъ болѣе отодвигаемся мы назадъ, во времени, тѣмъ все яснѣе и яснѣе рисуются передъ нами тѣ первобытныя привычки мышленія, которыми руководился человѣкъ при оцѣнкѣ вещей. Глазомѣръ и нѣкоторые, чисто внѣшніе, приемы измѣренія съ помощью ближайшихъ и естественныхъ средствъ, какъ-то: рукъ, ногъ, спины, и т. п.,—вотъ то, на чемъ основывались при опредѣленіи данной вещи. Еще и въ средніе вѣка, напр.—какъ то показываютъ намъ сборники обычнаго права,—измѣреніе величины, объема и тяжести даннаго предмета производились почти тѣмъ же способомъ, какъ и у дикарей. Для опредѣленія объема хлѣба средневѣковой чело-вѣкъ прибѣгалъ, напр., къ рукѣ, и, ставя большой палецъ на средину хлѣба, пробовалъ, насколько его рука очертитъ кругъ около хлѣба. Для того, чтобы узнать размѣръ копны сѣна, онъ бралъ 2 мальчиковъ, не старше 7 лѣтъ, и заставлялъ ихъ двигать копну. Для опредѣленія тяжести и размѣра возка дровъ, который онъ обязанъ былъ, напр., поставить владѣльцу, онъ говорилъ, что возокъ долженъ быть такой, что, разъ спадетъ съ него колесо,—поднять его и надѣть колесо могъ бы юноша не старѣе и не моложе 18 лѣтъ, а относительно вязки дровъ—что она должна быть такой величины, чтобы взрослый человѣкъ могъ пронести ее 9 разъ отъ Кенена до Трира, и, буде упадетъ, могъ бы подняться самъ безъ чужой помощи *). Такими же примѣрами изъ быта другихъ народовъ можно было бы наполнить рядъ страницъ, и мы уже отчасти приводили ихъ выше, говоря о системахъ первобытныхъ денежныхъ знаковъ.

Естественно, поэтому, ожидать, что на раннихъ ступеняхъ развитія понятіе о вѣсѣ и самое взвѣшивание было почти совершенно чуждо человѣчеству. Лишь мало-по-малу возникала мысль о взвѣшиваніи, и мы встрѣчаемъ, въ видѣ какъ бы исключенія, примѣненіе взвѣшиванія къ двумъ вещамъ, хотя далеко не повсемѣстно, и не у всѣхъ народовъ. То были, во-первыхъ, волосы, во-вторыхъ, шерсть. У африканскихъ племенъ взвѣшивание волосъ не рѣдкая вещь. Племя Гарари, въ Восточной Африкѣ, обрѣзываетъ волосы у ребенка нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду и взвѣшиваетъ ихъ посредствомъ золота, которое распределяется между родствен-

*) Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. (1885), II, 3—15.

никами матери *). Тоже и въ Аравіи **) , равно какъ среди магометанъ Пэнджаба ***) и т. д. На Суматрѣ, гдѣ производится та же операція, золото отдають жрецу ****). Тоже и относительно шерсти, которую взвѣшивали и отдавали въ работу народы, жившіе на побережьяхъ Средиземнаго моря (Ил., XII, 433—7). Извѣстно, что взвѣшиваніе ея производилось въ средніе вѣка и въ Англіи, и на континентѣ.

Взвѣшиваніе золота возникло, повидимому, одновременно съ взвѣшиваніемъ шерсти, и, во всякомъ случаѣ, раньше, чѣмъ вѣсъ былъ примѣненъ къ какому-либо иному металлу. Изъ четырехъ металловъ, о которыхъ говоритъ Гомеръ, о взвѣшиваніи идетъ рѣчь лишь тогда, когда дѣло касается золота: ни серебро, ни желѣзо, ни мѣдь не взвѣшиваются, а опредѣляются первобытнымъ способомъ, по объему, глазомѣру. (Ил., XXIII, 741 и сл., 826 и сл.). У египтянъ вѣсы исключительно употреблялись только для золота и металловъ: всѣ остальные предметы, даже медикаменты, отпускались по измѣренію, а не по вѣсу, какъ то видно изъ папируса Эбера. А въ Ригъ-Ведѣ одно слово золото сопровождается выраженіемъ тапа, что означаетъ собою одну изъ мѣръ вѣса.

Золото не только взвѣшивалось раньше, чѣмъ какой-либо другой предметъ, но и вѣсъ даннаго количества его, принимаемаго у разныхъ народовъ за единицу стоимости, былъ повсюду почти совершенно одинаковъ. Цѣлый рядъ нумизматическихъ изслѣдованій показываетъ это съ неопровержимою ясностью. Рассматривая золотыя монеты древняго міра, мы вездѣ находимъ, что каждая такая монета, являющаяся единицей цѣнности, почти вездѣ имѣетъ одинъ и тотъ же вѣсъ, колебанія котораго сравнительно незначительны. Такъ, на основаніи произведенныхъ взвѣшиваній получается слѣдующая таблица:

Египетское золотое кольцо	127	зеренъ.
Микенское	130—5	„
Талантъ Гомера	130—5	„
Аттичскій золотой статеръ	135	„
Фазосскій	135	„
Родосскій	135	„

*) Paulitschke, Beiträge zu Ethnographie der Somäl, Galla u. Harari (1886), 70.

**) Smith, marriage in early Arabia, 153.

***) Pundjab notes and queries, I, 66.

****) Pistorius, Studien, 56. Ср. огнос. Египта Herodotus, II, 65, Diodorus, I, 8. См. Библию (ветхій завѣтъ), 2 кн. Самуила, XIV, 26.

Цизикская золотая монета	130	зерень.
Еврейское мѣрило для золота	130	»
Персидскій дарикъ	130	»
Македонскій статеръ	135	»
Статеръ Вактрїи	130—2	»
Индусское мѣрило (7 ст. до Р. Х.)	140	»
Финикійская двойная золотая единица	260	»
Сицилійская	130—5	»
Этруская	130—5	»
Галльская	120	»
Германская	120	»

Другими словами, мы имѣемъ предъ собою рядъ почти одинаковыхъ цифръ, относящихся къ разнообразнымъ народамъ Старога свѣта, которыя показываютъ, какъ мало было колебаній въ опредѣленіи вѣса золотой единицы въ теченіе длиннаго промежутка времени.

Если теперь мы спросимъ, почему и какъ могло установиться такое однообразіе въ вѣсѣ единицы золота, то отвѣтъ найдемъ въ указанномъ уже однообразіи стоимости прежней единицы цѣнности, т.-е. быка, на всемъ томъ же пространствѣ, на какомъ принята была золотая единица. Доказать фактически замѣну быка золотомъ, какъ единицею, не всегда и не во всѣхъ случаяхъ возможно, за отсутствіемъ и прямыхъ, и косвенныхъ данныхъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это оказалось удобнымъ, именно для римлянъ, грековъ, финикянъ, египтянъ, персовъ, евреевъ и многихъ другихъ, даже средневѣковыхъ варваровъ. Мы знаемъ, что и въ настоящее время у багнарровъ Аннама буйволъ оцѣнивается въ 280 мотыкъ, т.-е. въ 28 франковъ, или 1 ф. стерл. 2 шилл. и 4 д. золотомъ. Принимая зерно равнымъ 2 пенсамъ, мы получаемъ цѣну въ 134 зерна золота за быка. Но именно такую, или приблизительно такую же цѣну быка въ золотѣ даютъ намъ и указанные народы. Мы знаемъ, что у римлянъ пени сначала уплачивались скотомъ, и только впослѣдствіи замѣнены были деньгами, причемъ корова была прировнена 100 ассами. Принимая отношеніе золота къ серебру въ то время равнымъ $12\frac{1}{2}:1$ и зная, что малый сицилійскій талантъ (въ 135×3 зер. золота) равенъ 1 фунту римскаго серебра, мы получаемъ около 5.040—62 зер. серебра въ 1 ф. Затѣмъ до III в. одинъ скрупулъ серебра былъ равенъ по вѣсу одному ассу (as libralis), т.-е. на 1 ф. серебра приходилось 288 асовъ мѣдныхъ, также какъ и на сицилійскій талантъ. Но послѣдній равенъ тремъ аттическимъ статерамъ (единицѣ быка), слѣдовательно, одинъ аттический статеръ заключалъ въ себѣ 96 асовъ, т.-е. величину, близкую къ 100 ассамъ, цѣнѣ римскаго быка.

*

Мы не должны при этомъ забывать, что цѣна мѣди относилась къ цѣнѣ серебра, какъ 1 : 288, и что поправка, сдѣланная съ помощью этого отношенія, даетъ почти тѣ же 100 ассовъ или 135 зер. золота, т.-е. именно стоимость единицы быка, которую и замѣнила новая система денежныхъ знаковъ. Къ тому же заключенію приводятъ и данныя относительно Норвегіи. Изъ одного стариннаго документа видно, что цѣна быка была опредѣлена въ $2\frac{1}{2}$ оры (унца) серебра, или въ 1.078 зеренъ. Но изъ него же явствуетъ, что отношеніе золота къ серебру равнялось 8 : 1, т.-е. цѣнность быка составляла 134 зерна золота, или была равна цѣнѣ аннамскаго буйвола.

Вездѣ почти цѣнность прежней единицы—быка и новой—золота, равны, являются, слѣдовательно, замѣной однимъ другого. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и самые вѣсовые знаки у многихъ народовъ были первоначально выдѣлываемы въ формѣ быка или бычачьей головы, какъ это ясно видно, напр., на стѣнной египетской живописи, приведенной у Лепсіуса.

III.

Процессъ установленія первобытнаго мѣрила вѣса.

Мы видѣли, что на всемъ томъ пространствѣ, на которомъ возникли мѣрила вѣса золота, быкъ былъ не только распространеннымъ животнымъ, но и мѣриломъ мѣновой стоимости; что, затѣмъ, золото вездѣ на томъ же пространствѣ было, болѣе или менѣе, изобильно распределено; что, далѣе, металлическая единица вездѣ и у всѣхъ народовъ была приспособлена къ уже установившейся единицѣ мѣны, все равно, былъ ли то быкъ, олень, кожи и т. п.; что, наконецъ, вездѣ, на указанномъ пространствѣ, цѣнность быка колебалась отъ 120 до 140 зеренъ золота. Если мы вспомнимъ, что золотая единица, употреблявшаяся начиная съ Галліи и кончая центральной Азіей, равнымъ образомъ колебалась между 120—140 зернами, и что въ древней Греціи (у Гомера) единица называлась не талантомъ, а быкомъ, то единственно возможное заключеніе, къ какому можно придти, это то, что, какъ въ Греціи, такъ и во всѣхъ остальныхъ странахъ, золотая единица представляла первоначально не болѣе, какъ условную цѣну вола, этого стариннаго мѣрила мѣновой стоимости. Посмотримъ теперь, какъ и какимъ способомъ установлено и опредѣлено было первобытное мѣрило вѣса, какъ человечество пришло къ заключенію, что вѣсъ золота въ 130—135 зеренъ совершенно соотвѣтствуетъ стоимости быка, какъ единицѣ мѣны.

Для рѣшенія вопроса объ этомъ имѣются данныя двухъ мѣстностей, одной — съ безконечно уходящей въ глубь времени культурой, совершенно независимой отъ культуры и западно-азиатской, и европейской, и другой, гдѣ население все еще не подвинулось особенно далеко на пути развитія. Это—Китай и племена Аннама. Не касаясь здѣсь въ подробностяхъ Китая, система вѣсовъ котораго представляется крайне сложною, ограничусь указаніемъ на то, что въ основѣ китайскаго вѣса, какъ и метрической системы, положены зерна растений. 10 зеренъ, поставленныхъ подъ рядъ, образуютъ одинъ дюймъ (tsün). Въ свою очередь и вся монетная система опирается на томъ же зернѣ. 10 li (бронзовой монеты, *šap*) равняется 1 зерну серебра (*fên*—растение); 10 зеренъ серебра = 1 *chi'ep* (мускатному орѣху); 10 *chi'ep* = 1 *liung* (кит. унцъ), высшая мѣра вѣса для металла. Монеты золотой или серебряной не существуетъ: и золото, и серебро здѣсь употребляется въ слиткахъ болѣе или менѣе правильной формы, четверугольныхъ и опредѣленныхъ размѣровъ, которые носятъ названіе въ Камбоджѣ и Кохинчинѣ—*pen* или полоса (но различнаго вѣса, смотря по величинѣ). А дикія племена Аннама *) вполне выясняютъ, какъ могла выработаться монетная система именно съ помощью зерна. Многія изъ нихъ занимаются промывкою и добываніемъ золота и затѣмъ продажою его. Ведутъ они первобытный образъ жизни. Ихъ денежная система чисто мѣновая, первобытная. Буйволь—единица мѣны, затѣмъ, какъ и у Гомера, илутъ или эквиваленты, или подраздѣленія единицы въ видѣ—котловъ, топоровъ, двуострыхъ топоровъ, треножниковъ, наконецъ, мотыкъ. Вѣсовъ нѣтъ, предметы опредѣляются первобытнымъ способомъ. Не примѣнялось нѣкоторое время взвѣшиваніе даже и къ золоту. Племя тапакъ продавало золото по измѣренію. Золото, длиною въ 9 мускатныхъ орѣховъ, приравнивалось къ одному *pen*, т.-е. половѣ серебра (100 *chi*). Относительная цѣна золота и серебра здѣсь выражалась въ такомъ видѣ: 1 *tical* (мѣстная мѣра) золота за 12 *tical* серебра. А быкъ обмѣнивается на полоску золота въ дюймъ шириною, пядь—длинною. Но такой способъ продажи путемъ *измѣренія* существовалъ, пока было много золота. Съ уменьшеніемъ его количества начало устанавливаться взвѣшиваніе его и продажа по вѣсу, и это въ то время, когда никакой другой предметъ не подвергался этому. Единицею вѣса было *зерно мауса*, и такое количество его приравнивалось стоимости одной мотыки. Разъ извѣстно было багнару, что 280 мотыкъ составляютъ цѣну основной единицы мѣны—

*) Aymonnier, notes sur Laos, 33, 35 и др.

буйвола, ему не трудно было исчислить и то количество золота по вѣсу, которое соотвѣтствовало бы стоимости быка.

Мы имѣемъ передъ собою въ сжатой, но ясной формѣ картину того послѣдовательнаго процесса, съ помощью котораго постепенно возникало понятіе о вѣсѣ и примѣненіе его къ золоту.

Но фактъ, найденный у однихъ племенъ, не даетъ еще права дѣлать общій выводъ относительно хода всего развитія вѣса и монетной системы. Мы должны посмотрѣть, какъ возникало понятіе о вѣсѣ у другихъ народовъ. Обращаясь прежде всего къ сосѣднимъ племенамъ, населяющимъ близлежащіе острова, Суматру и др., мы находимъ слѣдующее. «Вопросъ о взвѣшиваніи золота,—пишетъ Крофордъ,—золота, представляющаго собою единственный предметъ, который затруднительно измѣрить и оцѣнить по объему, привелъ къ созданію вѣсовъ. Зерна риса употребляются для взвѣшиванія золота на золотыхъ розсыпяхъ Суматры». Но еще за 9 лѣтъ до Крофорда, Марсденъ, въ своей Исторіи Суматры *) добавляетъ, что продажа золота совершается въ малыхъ порціяхъ по вѣсу, равному одному или двумъ зернамъ растенія *radi*. Сѣмена различныхъ растений употребляются для взвѣшиванія или зерно *Glucine* (красный горошекъ съ черными пятнами), 24 зерна, составляютъ одинъ мускатный орѣшекъ и т. д. (какъ и у китайцевъ), или зерно *Apen anthera Ravonia* (фасоль коралловая безъ пятенъ) и т. д. Если данный случай можно было бы считать результатомъ заимствованія, то рядъ другихъ устраняетъ всякія сомнѣнія. Босманъ, описывавшій почти два столѣтія тому назадъ бытъ племенъ Золотого Берега въ Африкѣ, замѣчаетъ: «скажу нѣсколько словъ о вѣсахъ для золота, которыя здѣсь не имѣютъ ничего общаго съ фунтами и т. д. Мы употребляемъ здѣсь много рода вѣсы, именно зерна чего-то въ родѣ бобовъ краснаго цвѣта съ черными пятнышками, называемыхъ *Dambas*; каждое зерно равно 2 стиверамъ (датской мелкой монетѣ), а 24 ихъ идетъ на одинъ *angel* (зол. монета)» **). Но еще и теперь для золота употребляютъ тамъ зерна *casu*. Тоже и на Мадагаскарѣ, гдѣ нѣтъ золота и серебра, но ходятъ доллары. Ихъ разрубаютъ на части и опредѣляютъ цѣнность самыхъ мелкихъ изъ нихъ взвѣшиваніемъ при посредствѣ зеренъ риса (0,036 гр.) (1 зерно = $\frac{1}{170}$ доллара) ***).

Но совершенно тоже, что мы встрѣчаемъ на берегахъ Атлантическаго океана въ Африкѣ, имѣло мѣсто и у многихъ народовъ

*) Стр. 171.

**) Bosman, письмо VI.

***) Ellis, h. of Madagascar, I, 335.

Азіи и Европы. Въ Индіи, какъ и на Суматрѣ и на Золотомъ берегу, основною единицею вѣса было зерно *ratti*, которое есть не что иное, какъ *Abrius psecatorius*, т.-е. красное зерно съ черными точками *). Но въ законахъ Ману, Яджнавалкья и Нарада, установлено еще болѣе тщательное дѣленіе. *Trasagenu* есть основа; это—мельчайшая песчинка пыли; 8 такихъ пылинкокъ=1 маковому зерну, 3 маковыя=1 черному горчичному, 3 горчичн.=1 бѣлому горчичн., 6 бѣл. горчичн.=1 ячменному зерну, 2 ячмен.=1 *ratti*. Высшей мѣрой для золота является суварна или 80 *ratti*. Одно зерно *ratti*=по вѣсу 1,75 зерну перца, а суварна, основная единица цѣнности=140 зернамъ.

Очевидно, въ Сѣверной Индіи стали употреблять зерно ячменя, какъ единицу вѣса. И это была та единица, которая легла въ основаніе вѣса золота и у персовъ. Современная система вѣса для золота и медикаментовъ выражается у нихъ слѣдующимъ образомъ: 3 ячменныхъ зерна=1 зерну лупина (*nashod*), 4 лупина=1 *dung*, 6 *dung*=1 *miscal*. Послѣднія названія арабскія или арабизованныя, но что система есть исконная персидская, совершенно сходная съ системой индусовъ, видно изъ того, что въ основѣ сохранено ячменное зерно. У арабовъ каратъ (зерно сладкаго рожка), соотвѣтствующій персидскому *nashod*'у, дѣлится не на 3, а на 4 *habba*. Такъ какъ вѣсъ карата неизмѣнная величина и равная вѣсу *nashod*'а, то 3 зерна ячменя равны 4 *habba* или 4 пшеничнымъ зернамъ **).

Если мы перенесемся на крайній западъ, къ кельтамъ, то и здѣсь встрѣтимся съ буквально такимъ же явленіемъ, съ системой вѣса, всецѣло основанной на *зерно*. Извѣстно, что Цезарь нашелъ у бриттовъ монеты золотыя и бронзовыя и полосы желѣза. Въ основѣ монетъ уже положенъ былъ у нихъ вѣсъ, представлявшій цѣлую систему. Высшей единицей вѣса былъ *ingra* (фунтъ, унцъ), раздѣлявшійся на 24 скрипаля; каждый скрипаль раздѣлялся на 3 пингюна, а пингюнъ состоялъ изъ 8 *зеренъ пшеницы* ***). Тоже и въ Англіи, гдѣ въ древнія времена, какъ и въ Китаѣ, зерна, поставленные въ длину, служили для опредѣленія мѣры длины, а равнымъ образомъ ихъ же употребляли и для взвѣшивания золота и серебра. Въ настоящее время подъ словомъ зерно, употребляемомъ для обозначенія вѣса монеты, разумѣютъ *зерно Труа* ****). Но это только, сравнительно, съ недавняго времени. По

*) По сообщеніямъ Кольбрука (въ его собр. сочиненій, I, 528 и сл.).

***) Вѣсъ зерна ячменя=0,64, а пшеницы=0,48. $0,64 \times 3 = 0,48 \times 4$.

****) Book of Aicill (Ancient law of Ireland, IV, 335).

*****) Раджуэй показвалъ, что этотъ неясный терминъ былъ не инымъ чѣмъ, какъ зерномъ ячменя.

одному изъ законовъ, изданныхъ Генрихомъ VII, было установлено, что бушель долженъ содержать въ себѣ 8 галлоновъ, 1 галлонъ—8 фунтовъ, 1 фунтъ—12 унцій, 1 унць—20 стерлинговъ, а одинъ стерлингъ—32 зерна пшеницы, «растущей на срединѣ поля, согласно съ древними законами страны». Если мы пойдемъ дальше въ глубь исторіи, то увидимъ, что въ XIII в. (1280 г.?) Эдуардъ I опредѣлилъ вѣсъ пенни въ 24 зерна, вмѣсто прежнихъ 32 зеренъ пшеницы, и это въ отгѣну раньше, въ 1265 г., изданнаго постановленія, въ силу котораго опредѣлялся вѣсъ пенни въ 32 зерна сухой, взятой съ средины поля, пшеницы. Такое основаніе вѣса, исчисляемаго на *зерно*, было исконнымъ въ Англии. Законы Этельреда опредѣляютъ вѣсъ пенни въ 32 зерна, тогда какъ законы Альфреда—въ 24 зерна. Но такъ какъ $32 : 24$, какъ $4 : 3$, то ясно, что исходнымъ пунктомъ вѣса въ Англии было то зерно пшеницы, то зерно ячменя, т.-е. буквально то же, что и у персовъ, арабовъ, индусовъ и т. д.

Тоже всецѣло относится и ко всей средневѣковой системѣ монетъ. Извѣстно, что Solidus Карла Великаго оказалъ рѣшающее вліяніе на всю послѣдующую европейскую денежную систему, легъ въ основаніе ея. Солидусъ этотъ равенъ былъ по вѣсу $\frac{1}{72}$ римскаго фунта и дѣлился на 24 siliquae. Что же такое была эта siliqua? Греки называли ее *кератионъ* (отсюда слово карать), и изъ одного греческаго отрывка *) видно, что то было *зерно* растенія Ceratonia siliqua, или зерно сладкаго рожка. *Зерно* лежало, слѣдовательно, въ основѣ вѣса у римлянъ, но тоже и у грековъ. Ихъ драхма содержала въ себѣ 18 кератовъ, а по другимъ три грамма; грамма состояла изъ 2 оболъ; оболъ изъ 3 кератовъ, а керать—изъ 4 зеренъ пшеницы. По другимъ исчисленіямъ древнихъ, siliqua приравнена была *тремъ зернамъ ячменя* (siliqua grana ordei III).

Такимъ образомъ, во всѣхъ странахъ, какъ на крайнемъ востокѣ, такъ и на западѣ, какъ въ Африкѣ, такъ и въ Азіи и Европѣ, исходнымъ пунктомъ при опредѣленіи вѣса было орудіе, находившееся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ человѣкомъ,—простое зерно. Оно-то повело къ послѣдовательной выработкѣ системы вѣса въ примѣненіи къ монетѣ на всемъ пространствѣ земного шара, и, слѣдовательно, вѣсъ, какъ и самая монетная система, не были слѣдствіемъ какихъ-либо научныхъ открытій и изслѣдованій, а простымъ актомъ опыта, эмпирическихъ исканій и блужданій, повсюду приводившихъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. И любо-

*) Hultsch, fragm. въ Metrologia Scrips., I, 248.

пытно то обстоятельство, что, даже по отношенію къ странѣ, которую считали родиной научной метеорологіи, по отношенію къ Ассиріи, новыя данныя приводятъ къ заключенію, что и въ ней зерно и вѣсъ его играли такую же роль, какъ и у багваровъ Аяннама или негровъ Золотого берега. Въ Луврскомъ музеѣ находится небольшой разновѣсъ въ формѣ утки съ надписью $22\frac{1}{2}$ зерна. Вѣсъ этого разновѣса — 0,95 гр. ($14\frac{6}{7}$ зерна Труа) или $\frac{3}{4}$ оболы. Ясно, что оболъ=30 зернамъ; 6 оболы=1 драхмѣ; 2 драхмы=шеклы; 60 драхмъ=1 мишѣ. Опредѣленіе вѣса каждаго изъ $22\frac{1}{2}$ зеренъ ассирійскаго разновѣса даетъ цифру 0,42, т. е. цифру, близкую къ вѣсу зерна пшеницы (0,47); и это тѣмъ болѣе, что необходимо принять во вниманіе потерю въ вѣсѣ, которую неизбѣжно долженъ былъ испытать найденный предметъ, лежавшій въ землѣ цѣлыя столѣтія, и даже тысячелѣтія. Но зерно пшеницы лежало и въ основѣ семитической системы у арабовъ и евреевъ. Ассирійскій оболъ былъ тяжелый оболъ—двойной, еврейскій *gêrah* былъ оболы, но легкимъ, слѣдовательно, заключалъ въ себѣ 15 зеренъ. Отсюда, тяжелый ассирійскій шекель долженъ былъ состоять изъ 360 зеренъ, а легкій—изъ 180. Далѣе, извѣстно, что легкій ассирійскій шекель равнялся по вѣсу 8,4 грамма или 131 зерну Труа. Такъ какъ зерно Труа есть не что иное, какъ зерно ячменя, и три зерна его равны 4 зернамъ пшеницы, то ясно, что шекель легкій равенъ 175 зернамъ пшеницы, или почти 180 ассирійскимъ зернамъ. Наконецъ, если 180 ассирійскихъ зеренъ вѣсятъ 8,4 грамма, то 1 зерно будетъ равно 0,46 грамма, или почти зерну пшеницы (0,47). Другими словами, и Ассирія даетъ намъ новое подтвержденіе того, что возникновеніе вѣса всецѣло связано не съ научными изслѣдованіями, а съ простымъ эмпирическимъ приѣмомъ, къ которому уже первобытный человѣкъ прибѣгалъ для опредѣленія вѣса золота или серебра.

Проф. И. Лучицкій.

IN MEMORIAM (ВЪ ПАМЯТЬ).

(ЭЛЕГИЯ).

Е. О. Е — КОВОЙ.

Рядомъ съ Киевомъ древнимъ—внизу, на Байковой горѣ,
Въ декабрѣ,

Я склоняюсь надъ свѣжей могилой:
Вьюга стонетъ и плачетъ кругомъ,—
Возстаётъ въ бѣдномъ сердцѣ моёмъ
Чистый образъ повоинницы милой!
Для меня ты и нынѣ живёшь:—

Это—ложь,

Будто служатъ лишь мёртвые тѣнью;—
Нѣтъ, могу я, глубоко любя,
Видѣть вѣчно тебя
Обаятельно-чудною тѣнью!
Всё же, дума грустна:

Какъ одна

Ты лежишь на угрюмомъ владбйщѣ,—
Безпросвѣтно и холодно тамъ
Спящимъ близкимъ—роднымъ и друзьямъ,
Въ ихъ послѣднемъ жилищѣ...
Отъ гнетущаго зла

Ты ушла

Навсегда отдохнуть, дорогая—
Прочь отъ жизни, изъ мрачной тюрьмы,
Гдѣ отчаянно мучимся мы,
Слишкомъ мало отрады встрѣчая!..

На Байковой горѣ, сверху-внизъ, разстилаетъ мятель
Снѣговую постель,
Дико, жалобно воя,

И ликуеть свирѣпый морозъ,
 Не жалѣя напрасныхъ угрозъ
 Надъ усопшими, въ царствѣ покоя...
 Въ эту страшную стужу, изъ прежнихъ завѣтныхъ картинъ
 Миѣ припомнился вечеръ сентябрскій волшебный одинъ:
 При лунѣ, у окошка, сидѣла задумчивой, кроткой,
 И, въ лучахъ неземной красоты,
 Безъ конца, какъ на смерть обречённая, кашляла ты,
 Съ нѣжно-алымъ румянцемъ, зажжённымъ проклятой чахоткой!
 Тщетно скрыть я хотѣлъ,
 Какъ душою болѣлъ,
 Въ ожиданьи грядущей утраты,
 Не умѣя, мой ангелъ, въ наставшую тихую ночь,
 Горькихъ слёзъ превозмочь,
 Нестерпимой печалью объятый!
 Пусть на свѣтѣ ужё тебя нѣтъ,—
 Твой поэтъ

Побѣдилъ роковыя сомнѣнья:
 Послѣ этой тягчайшей изъ всѣхъ, самыхъ тяжкихъ, потерь,
 Страстно вѣрю теперь
 Тайнѣ дивной, святой возрожденья!
 Только тѣло твоё—подъ землёй,
 Духъ—со мной,
 Каждый мигъ, неразлучно, повсюду,
 И, пока—сиротою злосчастливымъ—ещё я живу,
 Ночью-ль въ горестномъ снѣ, иль томительнымъ днёмъ на-яву—
 Я тебя ни за что не забуду!

С. Даць.

Декабрь 1893 г.

СТОЛѢТІЕ „ТАЙНЫ ПРИРОДЫ“.

И. П. Бородина.

(Публичная лекція, читанная 27 марта 1894 г. въ пользу Общества вспомо- ществованія бывшимъ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ).

Мм. гг.

Не даромъ существуетъ поговорка: «русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ». Какъ нельзя болѣе примѣнима она къ данному случаю. Тому столѣтію, о которомъ будетъ идти рѣчь, въ сущности, 101 годъ,—столѣтіе это минуло еще въ 1893 г. Нѣмцы отпраздновали его своевременно, мы же, русскіе, позволимъ себѣ вспомнить о немъ хотя теперь. Лучше поздно, чѣмъ никогда!

Это оригинальное столѣтіе—книги, книги, несомнѣнно, гениальной, однако совершенно неопѣвленной, можно сказать, даже незамѣченной современниками, вѣроятно, потому что авторъ на цѣлыя десятилѣтія опередилъ наиболѣе выдающіеся умы своего времени. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это—столѣтіе цѣлой отрасли знанія, отрасли, установленіемъ и развитіемъ которой справедливо гордится современное естествовѣдѣніе, столѣтіе *биологии* растений. Гениальный творецъ ея, съ которымъ мы сегодня познакомимся ближе, вѣроятно, не колеблясь, назвалъ бы эту отрасль ученіемъ о *цѣлесообразности* въ живыхъ тѣлахъ, тогда какъ большинство современныхъ представителей естествознанія, въ которыхъ самое слово «цѣлесообразность» вызываетъ ужасъ, или даже бурю негодованія, предпочитаетъ называть биологію ученіемъ о приспособленіи, или, вѣрнѣе, приспособленности организмовъ къ окружающимъ ихъ внѣшнимъ условіямъ.

Въ 1793 г. появилась въ Берлинѣ книга подъ слѣдующимъ оригинальнымъ и, въ то же время, дышащимъ извѣстною гордостью заглавіемъ *): «Открытая тайна природы въ строеніи и оплодо-

*) Das entdeckte Geheimniss der Natur im Bau und in der Befruchtung der Blumen. Von Christian Conrad Sprengel. Mit 25 Tafeln. Berlin. 1793.

твореніи цвѣтовъ». Авторомъ ея былъ Конрадъ Шпренгель. Передаваемый здѣсь экземпляръ, напечатанный лишь въ прошломъ году, представляетъ, однако, точный, чрезвычайно удачный снимокъ, какъ съ рисунковъ, такъ и съ текста замѣчательнаго произведенія, о которомъ идетъ рѣчь.

Остановимся прежде всего на своеобразной личности автора. Къ сожалѣнію, о біографіи его мы имѣемъ лишь довольно скудныя свѣдѣнія. Они принадлежатъ, съ одной стороны, отъявленному врагу Шпренгеля, непосредственному его начальнику, нѣкоему Шульце, съ которымъ онъ много лѣтъ, не безъ успѣха, воевалъ, испортивъ себѣ, вѣроятно, не мало крови; съ другой стороны—мы имѣемъ симпатичный очеркъ одного изъ не особенно, повидимому, многочисленныхъ учениковъ Шпренгеля, сохранившихъ теплоу привязанность къ старому учителю и навѣщавшихъ его въ то время, когда онъ былъ уже не у дѣлъ и почти всѣми забытъ. На основаніи этихъ данныхъ можно установить слѣдующее:

Родился Христіанъ Конрадъ Шпренгель въ 1750 году въ прусскомъ городѣ Бранденбургѣ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ. Дѣтство и юность его протекали въ родительскомъ домѣ, но объ этой эпохѣ его жизни мы не знаемъ почти ничего. Повидимому, лишь скрѣпя сердце, по необходимости, занимался онъ богословіемъ и филологіею. Какъ бы то ни было, въ возрастѣ 24 лѣтъ мы встрѣчаемъ его учителемъ въ Берлинѣ, въ школѣ, при госпиталѣ Фридриха Великаго. Эту должность занималъ онъ въ теченіи шести лѣтъ, преподавая вмѣстѣ съ тѣмъ и въ королевской военной школѣ. Въ апрѣлѣ 1780 года онъ, по рекомендаціи нѣкоего профессора Цирлейна, попадаетъ, въ качествѣ опытнаго педагога, въ Шпандау ректоромъ тамошней высшей школы (нынѣ гимназіи) и дебютируетъ вступительною рѣчью о пользѣ изученія латинскаго и греческаго языковъ, рѣчью основательною и вызвавшею одобреніе, по свидѣтельству будущаго врага его. Въ Шпандау Шпренгель проводитъ цѣлыхъ 14 лѣтъ, вплоть до отставки своей въ 1794 году, преподавая самые разнообразныя предметы: латинскій, нѣмецкій и французскій языки, Законъ Божій, ариметику и (одинъ часъ въ недѣлю) естествовѣдѣніе. Здѣсь вскорѣ начинаются непрерывныя раздоры его съ инспекторомъ (вѣрнѣе—попечителемъ) школы, упомянутымъ выше Шульце, подробно описавшимъ эти пререканія въ оставленной имъ церковной хроникѣ *).

*) См. брошюру *Кирхнера и Потоніа* «Die Geheimnisse der Blumen» (Berlin, 1893), изданную къ юбилею Шпренгеля, откуда заимствованы приведенныя въ текстѣ біографическія данныя. Въ концѣ брошюры приложено извлеченіе изъ объемистой хроники Шульце, въ которомъ собрано все касающееся въ ней Шпренгеля.

Неоднократно жалуется они другъ на друга высшему начальству въ Берлинѣ, которое относится довольно благосклонно къ Шпренгелю и выставляетъ постоянно на видъ его педагогическую опытность, къ великому негодованію Шульце. Выводившіяся на Шпренгеля обвиненія касались, главнымъ образомъ, двухъ пунктовъ: его жестокаго, будто бы, обращенія съ учениками и его упорнаго нежеланія давать сверхъ официальныхъ уроковъ еще частные (въ-роятно, нѣчто вродѣ репетицій), какъ то дѣлали его предшественники. Жестокость—черта, конечно, непривлекательная, хотя нѣкоторымъ извиненіемъ Шпренгелю можетъ служить эпоха, въ которой онъ жилъ, и суровая дисциплина, вообще, царившая въ родной его странѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ позволялъ себѣ не только крѣпко, очень крѣпко браниться, но и наказывать нерѣдко гнѣтаетъ палкою. Однако, хуже всего въ практическомъ смыслѣ, повидимому, было то, что онъ при этомъ не обращалъ никакого вниманія на общественное положеніе родителей и не давалъ ни малѣйшей погачки дѣтямъ вліятельныхъ въ городѣ лицъ. Что касается лишнихъ уроковъ, то Шпренгель, дорожа каждымъ свободнымъ часомъ для наблюденія природы, упорно отъ нихъ отказывался, считая ихъ для себя необязательными, такъ какъ въ подписанномъ имъ при поступленіи регламентѣ этихъ частныхъ уроковъ обозначено не было. Только за годъ до отставки высшее начальство обязало—таки его посвящать преподаванію, сверхъ прежнихъ 13 недѣльныхъ часовъ, еще шесть. Большаго рвенія на своемъ педагогическомъ и служебномъ поприщѣ Шпренгель, такимъ образомъ, не выказывалъ,—изъ душевныхъ стѣнъ школы его тянуло въ поле, къ совершенно иной сферѣ дѣятельности, ибо «съ природою одною онъ жизнью дышалъ». Тѣмъ не менѣе, совершенно несправедливо долгое время пользовалось кредитомъ мнѣніе, будто онъ даже былъ отрѣшенъ отъ должности за небрежное отношеніе къ непосредственнымъ своимъ обязанностямъ. Въ дѣйствительности оказывается, что онъ, по выслугѣ двенадцатилѣтняго срока, былъ уволенъ на покой съ пенсією, правда, весьма скромною, всего полтора ста талеровъ въ годъ; принимая, однако, во вниманіе дешевизну тогдашней жизни и бездѣтность Шпренгеля (повидимому, онъ даже никогда не былъ женатъ), эта сумма все же нѣсколько обезпечивала дальнѣйшее его существованіе.

Насколько тяготился Шпренгель безпрерывными пререканіями своими съ начальствомъ и вообще своею официальною службою, видно изъ того, что онъ впоследствии даже избѣгалъ говорить о времени своего пребыванія въ Шпандау, не смотря на то, что это была наиболѣе блестящая эпоха его дѣятельности на научномъ

поприщѣ,—всѣ его открытія были сдѣланы именно въ это время. Если любовь къ природѣ вообще онъ, быть можетъ, почерпнулъ еще въ родительскомъ домѣ, то ботаникою собственно онъ сталъ заниматься, насколько извѣстно, лишь вскорѣ по переселеніи въ Шпандау. Этимъ онъ обязанъ, главнымъ образомъ, знакомству съ замѣчательнымъ мѣстнымъ натуралистомъ—докторомъ Геймомъ, проживавшимъ въ Шпандау съ 1775 по 1783 г.; нѣкоторую помощь должно было оказать ему и родство съ довольно извѣстнымъ въ свое время ботаникомъ Куртомъ Шпренгелемъ, которому онъ приходился дядею; не осталась безъ вліянія, вѣроятно, и близость такого научнаго цетра, какъ Берлинъ. Съ какимъ необычайнымъ рвеніемъ предался Шпренгель новымъ для него занятіямъ растительнымъ міромъ, видно изъ того, что уже въ 1787 году, слѣдовательно, всего семь лѣтъ послѣ его переселенія въ Шпандау, знаменитый систематикъ Вильденоу, въ предисловіи къ своей берлинской флорѣ, указываетъ на него, какъ на выдающагося знатока мѣстной растительности. Только въ злакахъ, группѣ и до настоящаго времени представляющей большія трудности для начинающаго, онъ не былъ твердъ, а въ темную, особенно въ то время, область низшихъ, такъ-называемыхъ, споровыхъ растений, онъ и совсѣмъ вступать не дерзалъ.

Получивъ отставку, Шпренгель переселяется въ Берлинъ, гдѣ, утомленный пережитыми въ Шпандау передрыгами и огорченный ледянымъ равнодушіемъ, съ которымъ встрѣчена была его книга, онъ замыкается самъ въ себѣ и живетъ совершеннымъ отшельникомъ. Время свое онъ посвящаетъ филологическимъ розысканіямъ, не покидая, однако, и ботаническихъ изслѣдованій. Доказательствомъ послѣдняго служитъ появившаяся въ 1811 году небольшая статья его «о пользѣ пчелъ и необходимости пчеловодства», составляющая нынѣ библиографическую рѣдкость; въ ней Шпренгель, излагая вкратцѣ содержаніе капитальной книги своей, приводитъ цѣлый рядъ новыхъ данныхъ, основанныхъ, на, очевидно, позднѣйшихъ наблюденіяхъ надъ растеніями, не упомянутыми въ основномъ его трудѣ. Для пополненія скромнаго своего бюджета Шпренгель даетъ въ Берлинѣ уроки языковъ, а по воскресеньямъ предпринимаетъ публичныя ботаническія экскурсіи, въ которыхъ каждый желающій могъ участвовать съ платою 2—3 грошей (около 10 копѣекъ) за часъ.

Къ этой-то позднѣйшей эпохѣ жизни Шпренгеля относится симпатичная характеристика его личности, сдѣланная однимъ изъ наѣщавшихъ его въ уединеніи бывшихъ учениковъ. Позволю себѣ привести ее дословно.

«Я заставлялъ его каждый разъ въ старомъ халатѣ и ночномъ колпакѣ, вооруженнаго длинною трубкою, въ комнатѣ, переполненной густыми клубами табачнаго дыма. Онъ сидѣлъ обыкновенно у окна за книгою или за разложеннымъ передъ нимъ гербаріемъ. Книгохранилище, коллекція сушеныхъ растений да кое-какая старая домашняя утварь,—вотъ все, что заключалось въ комнатѣ, и, въ сущности, эта обстановка хорошо гармонировала съ внѣшностью обитателя комнаты. Шпренгель былъ хорошо сложенъ, скорѣе высокаго, чѣмъ низкаго роста, худощавъ и крѣпокъ въ костяхъ. Лицо его было выразительно, цвѣтъ лица свѣжій, взглядъ оживленный. Сѣдѣющихъ отъ старости волосъ своихъ онъ не стригъ, и они свободно падали ему на плеча. Обладая твердою и прямою поступью, онъ свободно могъ проводить въ ходьбѣ хоть полдня безъ роздыха, несмотря на возрастъ, а ходилъ довольно быстро. Онъ былъ умѣренъ и простъ въ ѣдѣ, скорѣе изъ заботливости о своемъ здоровьѣ, чѣмъ по дѣйствительному недостатку средствъ, тяготившему его, какъ оказалось послѣ его смерти, не столько въ настоящемъ, сколько по отношенію къ будущему. Пилъ онъ въ то время одну только воду. Насколько простъ былъ его образъ жизни, настолько же простъ былъ онъ и самъ въ обращеніи. Лѣстивость была ему совершенно неизвѣстна, и даже къ общепринятымъ выраженіямъ вѣжливости онъ почти никогда не прибѣгалъ. Быстро и откровенно высказывалъ онъ то, что думалъ, и, такъ какъ духъ его легко проникалъ въ каждое существо, а правда была ему дороже всего, то рѣчь его должна была часто производить отталкивающее впечатлѣніе на избалованный обманомъ міръ. Авторитетъ для него не существовалъ, и онъ ничего не принималъ просто, на вѣру; собственному сужденію онъ довѣрялъ болѣе, чѣмъ чужому, отъ кого бы оно ни исходило, а то, что представлялось ему истиннымъ, онъ высказывалъ съ упорствомъ, и даже страстностью. Неудивительно, если онъ стяжалъ себѣ упрекъ въ чрезмѣрномъ упрямствѣ, вслѣдствіе котораго мало-по-малу его покинули всѣ его ученые друзья. Раздраженный безконечными пререканіями, быть можетъ и подъ влияніемъ затаенной гордости, онъ и самъ сталъ тогда избѣгать всякаго общенія съ ученымъ міромъ, и въ своей темной конурѣ предался покою философа. Съ этихъ поръ онъ жилъ незамѣчаемымъ, неупоминаемымъ и навѣщаемымъ лишь немногими учениками. Но эти немногіе вспоминаютъ о немъ съ любовью, такъ какъ обязаны ему многимъ. Разностороннія его познанія составляли для нихъ богатый источникъ, а оригинальный характеръ служилъ имъ во многихъ отношеніяхъ образцомъ и нерѣдко вызывалъ въ нихъ чувство затаенной радости и высокаго

нравственнаго удовлетворенія. Словно чужеземецъ стоялъ онъ между своими современниками, шокируя собою свѣтъ, возбуждая нетерпимость ученыхъ, не ища связей и презирая такъ называемыя житейскія блага. Онъ жилъ въ рѣдкой сердечной невинности; нравы его отзывались далекимъ прошлымъ, а мощный духъ, казалось, принадлежалъ грядущему столѣтію».

Послѣднія слова оказались по истинѣ пророческими. Выѣстъ съ тѣмъ приведенная характеристика даетъ намъ ключъ къ разъясненію той враждебности, которую возбуждалъ Шпренгель въ официальной своей дѣятельности. Чудаки, говорящіе правду въ глаза, естественно не могутъ разсчитывать на вѣшній успѣхъ въ жизни. Но Шпренгель за нимъ и не гонялся. Тѣсное общеніе съ природою и горделивое сознаніе своего превосходства служили ему источниками внутренняго его счастья. А что онъ ясно чувствовалъ необычайную важность своихъ открытій, не подлежитъ сомнѣнію; это видно какъ изъ заглавія, даннаго имъ основному своему труду, такъ и изъ стиха Овидія, выбраннаго имъ въ качествѣ эпиграфа къ статьѣ о пользѣ пчелъ: «много такого таю я въ себѣ, что осталось сокрытымъ для прочихъ умовъ».

Умеръ Шпренгель въ 1816 году въ полномъ забвеніи; даже могилы его не удалось разыскать впоследствии. Но въ своей «Открытой тайнѣ природы» онъ на вѣчныя времена воздвигъ себѣ «памятникъ нерукотворный».

Оригинальна была судьба этой книги, содержавшей въ себѣ сводъ многолѣтнихъ, замѣчательно точныхъ, какъ оказалось впоследствии, наблюденій автора въ живой природѣ, освѣщенныхъ необыкновенно остроумными соображеніями. Какъ уже сказано, она была встрѣчена ледянымъ равнодушіемъ и не произвела на современниковъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Въ виду полнѣйшаго ея неуспѣха, издатель не только не далъ Шпренгелю ни одного дароваго экземпляра, но и наотрѣзъ отказался печатать имѣвшійся было въ виду второй томъ того же сочиненія. Всѣ послѣдующія, повидимому, весьма обширныя наблюденія Шпренгеля дошли до насъ лишь въ очень отрывочной формѣ, только благодаря упомянутой выше статьѣ «о пользѣ пчелъ». Неуспѣхъ между современниками могъ отчасти зависѣть отъ суроваго, необщительнаго характера Шпренгеля, а еще болѣе отъ того, что авторъ не былъ присяжнымъ ученымъ, не занималъ кафедръ и даже не получилъ правильнаго естественно-историческаго образованія; пеховые ученые относились къ нему нѣсколько свысока, какъ къ простому любителю природы. А между тѣмъ весьма вѣроятно, что именно это обстоятельство, въ сущности, какъ нельзя болѣе благо-

пріятствовало оригинальному направленію, которому слѣдоваль Шпренгель въ своихъ изысканіяхъ, спасая его отъ ученой рутины. Но не современниками только онъ не былъ оцѣненъ по достоинству. Въ теченіи всей первой половины нашего столѣтія продолжается пренебрежительное отношеніе къ Шпренгелю. Это именно пренебреженіе, полнѣйшее равнодушіе, а не простое незнаніе. Знаменитый Декандоль, напримѣръ, упоминаетъ о теоріи цвѣтка, данной Шпренгелемъ, по относитъ ее въ область метафизики. Очевидно, слѣдовательно, что причина неуспѣха гениальнаго творенія лежала глубже, но объ этомъ удобнѣе будетъ поговорить далѣе, познакомившись съ самою теоріею. Какъ бы то ни было, «Открытая тайна природы» десятки лѣтъ влчила едва замѣтное существованіе на полкахъ антикварскихъ магазиновъ, за безцѣнокъ предлагаясь въ ихъ каталогахъ. Будучи студентомъ, я приобрѣлъ ее такимъ путемъ за полтора или два рубля. Только съ появленіемъ безсмертнаго творенія Дарвина совершенно измѣняется отношеніе къ полузабытому Шпренгелю, слава его быстро растетъ и возбуждаетъ всеобщій интересъ къ его оригинальному произведенію. Къ 1892 году антикварская цѣна «Открытой тайны природы» доходитъ до 60 и даже 80 марокъ, а въ слѣдующемъ году появляется новое изданіе, о которомъ уже была рѣчь.

Что же это за книга съ такимъ страннымъ заглавіемъ и такою оригинальною судьбою? Что собственно сдѣлалъ Шпренгель? Какую тайну природы онъ открылъ, и дѣйствительно ли онъ ее открылъ, или это ему только казалось?

Книга Шпренгеля даже въ настоящее время читается съ величайшимъ удовольствіемъ и необыкновенною легкостью. Написана она превосходнымъ языкомъ, что особенно бросается въ глаза при сопоставленіи ея съ церковною хроникою современника и врага Шпренгеля—Шульце. «Открытая тайна природы» казалась бы написанною вчера, еслибъ не нѣкоторые странные обороты рѣчи, странные отнюдь не въ грамматическомъ смыслѣ, но совершенно непривычные для уха современнаго естествоиспытателя. Дѣло въ томъ, что Шпренгель, нисколько не стѣсняясь, говоритъ о великомъ Творцѣ природы, ищетъ и на каждомъ шагѣ находитъ проявленіе мудрости этого Творца и именно съ этой, столь несвойственной современному естествознанію телеологической точки зрѣнія изучаетъ онъ природу. Въ самомъ же началѣ своей книги, во введеніи, авторъ рассказываетъ, какое ничтожное на первый взглядъ наблюденіе послужило ему исходнымъ пунктомъ и какъ оно, шагъ за шагомъ, привело его къ построенію законченной «теоріи цвѣтка».

«Лѣтомъ 1787 года,—пишетъ Шпренгель,—внимательно разсматривая цвѣтокъ лѣсной герани (*Geranium sylvaticum*), я замѣтилъ, что самая нижняя часть его лепестковъ *) на внутренней сторонѣ и по обоимъ краямъ снабжена тонкими и мягкими волосками. Будучи убѣжденъ, что мудрый Творецъ природы ни единого волоска не произвелъ безъ опредѣленной цѣли, я сталъ размышлять о томъ, для чего бы эти волоски могли служить. Вскорѣ мнѣ пришло въ голову слѣдующее: если допустить, что тѣ пять капелекъ сока, которыя выдѣляются столькими же железками, предназначены служить пищею извѣстнымъ насѣкомымъ, то не покажется невѣроятнымъ существованіе мѣръ къ предохраненію этого сока отъ порчи его дождемъ, и что для достиженія этой именно цѣли и расположены здѣсь эти волоски... Каждая капля сока сидитъ на своей железкѣ непосредственно подъ волосками, находящимися на краяхъ двухъ ближайшихъ лепестковъ. Такъ какъ цвѣтокъ расположенъ вертикально и довольно великъ, то при дождѣ въ него должны попадать водяныя капли. Но ни одна изъ упавшихъ дождевыхъ капель не можетъ проникнуть къ каплѣ сока и смѣшаться съ нею, ибо она задерживается находящимися надъ сочною каплею волосками, подобно тому, какъ капля пота, скатившаяся со лба человѣка, задерживается бровями и рѣсницами и не можетъ попасть въ глазъ. Насѣкомому, напротивъ, эти волоски отнюдь не преграждаютъ доступа къ капелькамъ сока. Я изслѣдовалъ затѣмъ другіе цвѣты и нашелъ, что многіе изъ нихъ имѣютъ въ своемъ строеніи нѣчто, служащее, повидимому, для той же конечной цѣли. Чѣмъ дольше я продолжалъ это изслѣдованіе, тѣмъ яснѣе становилось мнѣ, что цвѣты, содержащіе сокъ, устроены такимъ образомъ, что насѣкомыя имѣютъ къ нему свободный доступъ, но дождь не можетъ его испортить. Изъ этого я заключилъ, что сокъ этихъ цвѣтовъ, по крайней мѣрѣ преимущественно, выдѣляется ради насѣкомыхъ и, чтобы они могли поглощать его чистымъ и неиспорченнымъ, защищены отъ дождя».

Я позволилъ себѣ привести цѣликомъ эту тираду Шпренгеля, чтобы дать хоть нѣкоторое понятіе о его стилѣ, ясности и картинности его изложенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, осторожности его умозаключеній. Прежде чѣмъ идти съ нимъ далѣе по этому пути, не бесполезно будетъ сдѣлать небольшое отступленіе съ цѣлью выяснитъ, въ какомъ положеніи находился вопросъ о роли цвѣтка въ то время, когда появилась «Открытая тайна природы».

*) Едва ли нужно пояснять, что лепестки — окрашенные листочки, отъ которыхъ больше всего зависитъ красота цвѣтка.

Ученіе о существованіи въ растительномъ царствѣ органовъ, при посредствѣ которыхъ совершается процессъ оплодотворенія, было развито гораздо раньше Шпренгеля. Въ настоящемъ году можно было бы праздновать двухсотлѣтіе этого ученія, такъ какъ основа ему положена была въ 1694 г. сочиненіемъ Камераріуса, озаглавленнымъ «De sexu plantarum epistola» (Письмо о полахъ растений). Цѣлое столѣтіе отдѣляло такимъ образомъ Шпренгеля отъ возникновенія половой теоріи въ примѣненіи къ растительнымъ организмамъ. Сто лѣтъ—громадный промежутокъ при современномъ ходѣ естествознанія, но эта мѣрка непримѣнима къ предъидущимъ вѣкамъ. Десятилѣтіе проходило въ то время за десятилѣтіемъ, не принося ничего существенно новаго по отношенію къ занимающему насъ вопросу. Теперь, изучая литературные документы, мы выносимъ полное убѣжденіе въ томъ, что Камераріусъ былъ истиннымъ творцомъ половой теоріи, но насколько слабо обоснованною казалась она въ прошломъ столѣтіи, видно уже изъ того, что еще въ тридцатыхъ годахъ XIX-го вѣка раздавались голоса, ее оспаривавшіе.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы находимъ въ одномъ и томъ же цвѣткѣ одновременно оба сорта половыхъ органовъ. Въ крупномъ цвѣткѣ лиліи, напримѣръ, тотчасъ бросаются въ глаза шесть нитей, заканчивающихся пылящими въ зрѣлости головками; это такъ называемыя тычинки или «мужскіе» органы цвѣтка. Въ центрѣ же цвѣтка помѣщается органъ инаго устройства, получающій названіе пестика; онъ слагается изъ нижней утолщенной части, уже во время цвѣтенія содержащей внутри зачатки будущихъ сѣмянъ и называемой завязью, и сидящаго на завязи нитевиднаго столбика, заканчивающагося утолщеннымъ рыльцемъ. Этотъ пестикъ есть «женскій» органъ цвѣтка. Для того, чтобы завязь его превратилась въ плодъ, а содержащіяся въ ней зачатки (яички)—въ настоящія сѣмена, необходимо, чтобы на рыльце попала пыль, развившаяся въ головкахъ (пыльничкахъ) тычинокъ. Такое значеніе тычинокъ въ качествѣ оплодотворяющихъ, а пестика какъ оплодотворяемаго органа, повторяю, было установлено еще задолго до Шпренгеля. Никому, однако, до него не приходило въ голову прослѣдить, какимъ путемъ совершается въ живой природѣ то, что мы называемъ теперь опыленіемъ, т. е. перенесеніе плодотворной пыли изъ мужскихъ органовъ цвѣтка на рыльце. Въ виду непосредственнаго сосѣдства тѣхъ и другихъ органовъ въ большинствѣ цвѣтовъ самый вопросъ казался празднымъ,—стоитъ лишь лопнуть пыльникамъ и пыль изъ нихъ сама собою, позидимому, посыплется на рыльце. Никто вмѣстѣ съ тѣмъ

не спрашивалъ себя, какое значеніе могутъ имѣть для процесса оплодотворенія тѣ часто ярко окрашенные лепестки цвѣтка, совокупность которыхъ составляетъ такъ называемый вѣнчикъ. А между тѣмъ уже до Шпренгеля было замѣчено, что въ цвѣткахъ сплошь и рядомъ совершается отдѣленіе сладкаго сока, иначе нектара, и что такіе цвѣты охотно посѣщаются насѣкомыми. Этотъ-то нектаръ и послужилъ Шпренгелю исходною точкою для его наблюдений и связанныхъ съ нимъ умозаключеній, съ обращеніемъ которыхъ мы уже познакомились выше. Наблюденія свои онъ распространилъ постепенно на 461 различныхъ растений, большею частью дикихъ, рѣже садовыхъ.

Лѣтомъ слѣдующаго 1788 года, при наблюденіи цвѣтка незабудки, вниманіе Шпренгеля приковываетъ желтое колечко, опоясывающее входъ въ цвѣтокъ (зѣвъ цвѣтка, какъ выражаются ботаники) и такъ рѣзко выдѣляющееся на общемъ лазуревомъ фонѣ вѣнчика. Не имѣетъ ли и оно, подобно волоскамъ въ цвѣткѣ герани, извѣстнаго отношенія къ насѣкомымъ, не указываетъ ли оно имъ путь къ тому мѣсту, гдѣ находится въ цвѣткѣ излюбленный ими сладкій сокъ, спрашиваетъ себя Шпренгель. Начинаетъ онъ присматриваться съ этой точки зрѣнія къ цвѣткамъ другихъ растений и въ большинствѣ случаевъ находитъ подтвержденіе сдѣланнаго имъ предположенія. Какъ скоро на лепесткахъ встрѣчаются мѣста, отличающіяся по окраскѣ отъ общаго цвѣта вѣнчика, эти крапинки, черточки и тому подобныя узоры оказываются расположенными надъ входомъ къ нектару. Тогда Шпренгель дѣлаетъ заключеніе отъ части къ цѣлому. Если извѣстное мѣсто въ вѣнчикѣ окрашено особымъ образомъ ради насѣкомыхъ, то можно допустить, что и вся яркая окраска вѣнчика вообще также рассчитана на насѣкомыхъ и что вѣнчикъ имѣетъ значеніе замѣтной издали вывѣски, указывающей этимъ животнымъ, гдѣ скрывается для нихъ пожива.

Эти первоначальныя изслѣдованія Шпренгеля, объясняя значеніе нектара и вѣнчика для насѣкомыхъ, оставляли, однако, совершенно несвѣдѣннымъ, какую же пользу извлекаетъ растеніе изъ ихъ посѣщенія, для чего оно выдѣляетъ столь цѣнное вещество, какъ сахаръ, на потребу совершенно чуждыхъ существъ, стараясь этимъ какъ бы приманить ихъ къ себѣ. Но вотъ, на третій годъ своихъ наблюдений, Шпренгель сталкивается съ такимъ цвѣткомъ (косатикъ—*Iris*), который построенъ по особому плану: несмотря на то, что и онъ заключаетъ въ себѣ одновременно какъ тычинки, такъ и пестикъ, органы эти расположены такимъ образомъ, что сама собою пыль на рыльце попасть не мо-

жеть,—опыленіе возможно не иначе, какъ при содѣйствіи насѣкомыхъ, посѣщающихъ цвѣтокъ. Это наблюденіе наводитъ Шпренгеля на мысль, что тутъ-то и кроется ключъ къ разъясненію столь распространеннаго въ цвѣтахъ выдѣленія сладкаго сока. Безъ сомнѣнія, насѣкомое посѣщаетъ цвѣтокъ ради своихъ собственныхъ цѣлей, чтобы поживиться его нектаромъ, но растеніе, выдѣляя нектаръ, также преслѣдуетъ извѣстную цѣль—достигнуть при помощи насѣкомаго опыленія своего рыльца. Ставъ на эту новую точку зрѣнія, Шпренгель дѣлаетъ новыя открытія. Важнѣйшее изъ нихъ, безъ сомнѣнія, открытіе такъ называемой *дихогамии*. У цѣлаго ряда разнообразнѣйшихъ растеній, несмотря на одновременное присутствіе въ цвѣткѣ тычинокъ и пестика, взаимодѣйствіе этихъ органовъ въ одномъ и томъ же цвѣткѣ невозможно, вслѣдствіе неодновременнаго ихъ созрѣванія: либо тычинки созрѣваютъ и высыпаютъ свою пыль въ то время, когда рыльце пестика еще не сформировано, не обладаетъ достаточною липкостью, чтобы удержать на себѣ эту плодотворную пыль, либо, наоборотъ, рыльце опережаетъ въ своемъ развитіи мужскіе органы, выставляясь изъ цвѣтка въ то время, когда тычинки его еще не готовы. Само собою понятно, что въ этихъ случаяхъ процессъ оплодотворенія долженъ происходить между двумя различными цвѣтками того же или даже разныхъ недѣлимыхъ. Если тычинки созрѣваютъ раньше рыльца, что встрѣчается особенно часто, то каждый цвѣтокъ оплодотворяется пылью другого, болѣе молодого, т. е. позже распустившагося цвѣтка; въ противномъ (гораздо болѣе рѣдкомъ) случаѣ пыль доставляется съ цвѣтка болѣе стараго, раскрывшагося раньше. Перенесеніе пыли съ одного цвѣтка на другой производится безсознательно насѣкомыми, посѣщающими цвѣты ради ихъ сладкаго сока. При этомъ насѣкомое въ одномъ цвѣткѣ невольно задѣваетъ пылинки зрѣлыхъ тычинокъ, пыль которыхъ механически задерживается въ волоскахъ, покрывающихъ тѣло насѣкомаго; перелетая на другой цвѣтокъ, оно касается липкаго рыльца и пылинки пристають къ нему. Принимая во вниманіе большое распространеніе въ природѣ описаннаго явленія дихогамии, а также нерѣдкіе случаи однополости цвѣтотъ *), Шпренгель приходитъ къ заключенію, что «природа, по-

*) Однополыми называются цвѣты, содержащіе только тычинки или, наоборотъ, только пестикъ. Въ такомъ случаѣ растеніе производитъ или на одномъ и томъ же (однодомныя растенія) или на двухъ равныхъ экземплярахъ (двудомныя растенія) два сорта цвѣтотъ — мужскіе съ тычинками и женскіе съ пестикомъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь перенесеніе пыли съ цвѣтка на цвѣтокъ, разумѣется, необходимо.

видимому, не желаетъ, чтобы какой-либо цвѣтокъ оплодотворялся своею собственною пылью». Въ подтвержденіе этого чрезвычайно важнаго, какъ мы увидимъ, положенія, Шпренгель приводитъ даже произведенный имъ опытъ (правда, всего одинъ): онъ пробовалъ опылять нѣсколько цвѣтовъ огненной лиліи (*Нemegocallis*) искусственно собственною ихъ пылью, но безъ всякаго успѣха, — ни одинъ цвѣтокъ не завязалъ плода при самоопыленіи.

Построенная Шпренгелемъ на основаніи всѣхъ этихъ разнообразныхъ данныхъ «теорія цвѣтка» разсматриваетъ эту часть растенія, какъ снарядъ, предназначенный для оплодотворенія при посредствѣ насѣкомыхъ. Съ этой точки зрѣнія получаютъ неожиданное освѣщеніе и становятся понятными, со стороны ихъ цѣлесообразности, не только выдѣленіе сладкаго сока, защита его отъ дождя, окраска вѣнчика, но и самая форма цвѣтка, взаимное расположеніе и относительное развитіе его частей. Въ двугубыхъ, напр., цвѣтахъ шалфея, глухой крапивы и т. п., верхняя губа вѣнчика въ видѣ шлема покрываетъ тычинки, служа имъ прекрасною защитою отъ дождя, нижняя же губа играетъ роль площадки, на которой съ удобствомъ помѣщается насѣкомое, запускающее вслѣдъ затѣмъ свой хоботокъ во внутренность цвѣтка, чтобы добыть заключенный обыкновенно на самомъ днѣ его сладкій сокъ. Длина нижней сростной части вѣнчика, называемой его трубкою, поразительно гармонируетъ съ размѣрами хоботка посѣщающихъ его насѣкомыхъ, такъ что длинная трубка вѣнчика указываетъ на опыленіе бабочками, снабженными особенно длиннымъ хоботкомъ, а слабо развитая трубка вѣнчика или полное отсутствіе таковой служитъ указаніемъ на посѣщеніе такого растенія насѣкомыми съ короткимъ хоботкомъ. Словомъ, цѣлый рядъ особенностей въ устройствѣ цвѣтка получаетъ сразу опредѣленный смыслъ, если мы знаемъ, какими насѣкомыми производится въ немъ перенесеніе плодотворной пыли на рыльце.

Современныя наши воззрѣнія на цвѣтокъ, въ сущности, почти не отличаются отъ «теоріи цвѣтка», столь блестяще и вмѣстѣ съ тѣмъ столь безуспѣшно въ свое время развитой Шпренгелемъ. Нѣкоторые ограниченія ея общности, отчасти указанные самимъ творцомъ этой теоріи, нисколько не подрываютъ ея значенія, скорѣе даже служатъ подтвержденіемъ справедливости основной ея идеи. Такъ, уже Шпренгель, и въ основномъ своемъ сочиненіи, а еще болѣе въ статьѣ «о пользѣ пчелъ», указывалъ на цѣлый рядъ растений, цвѣты которыхъ опыляются не насѣкомыми, а просто вѣтромъ; но въ такомъ случаѣ обыкновенно нѣтъ и выдѣленія нектара, нѣтъ и ярко окрашеннаго вѣнчика, цвѣты малоза-

мѣтныя, невзрачныя—обстоятельства, очевидно, подтверждающія общее заключеніе о значеніи сладкаго сока и окрашеннаго вѣчика, какъ частей, рассчитанныхъ на привлеченіе насѣкомыхъ. Другое ограниченіе, установленное лишь впоследствии, заключается въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ опыленіе рыльца производится не насѣкомыми, а мелкими птичками (колибри и т. п. въ жаркихъ странахъ) или улитками, но существеннаго значенія для самой теоріи эти факты, очевидно, не имѣютъ.

Въ одномъ только отношеніи воззрѣнія современныхъ біологовъ на цвѣтокъ замѣтно разнятся отъ ученія Шпренгеля. Въ настоящее время считается обязательнымъ выдвигать на первый планъ, рѣзко подчеркивать то, что Шпренгель хотя и замѣтилъ, но высказалъ какъ бы мимоходомъ, а именно необыкновенную важность перекрестнаго опыленія, перенесенія пыли съ одного цвѣтка на другой или даже съ одного экземпляра на другой экземпляръ того же вида. Цвѣтокъ не есть снарядъ, приспособленный просто къ опыленію насѣкомыми, какъ училъ Шпренгель, а снарядъ, рассчитанный на *перекрестное* опыленіе насѣкомыми, утверждаетъ современная біологія. Высказано даже было мнѣніе, что именно этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему Шпренгель не имѣлъ никакого успѣха въ свое время: самую-то суть онъ, будто бы, проглядѣлъ. Едва ли нужно доказывать всю наивность и близорукость такого объясненія. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, напечатая Шпренгель приведенную выше фразу («природа, повидимому, не желаетъ, чтобы какой-либо цвѣтокъ оплодотворялся своею собственною пылью») не обыкновеннымъ, а крупнымъ шрифтомъ и повтори онъ ее хоть десять разъ въ теченіи своего изложенія, книга его имѣла бы не болѣе успѣха. Доказательствомъ служить уже то, что еще въ началѣ нашего столѣтія извѣстный англійскій фізіологъ Найтъ, на основаніи своихъ опытовъ, гораздо рѣзче и опредѣленнѣе Шпренгеля выставилъ на видъ важность перекрестнаго опыленія: экспериментируя надъ горохомъ, онъ постоянно замѣчалъ, что при самоопыленіи получается гораздо меньше сѣмянъ, чѣмъ при опыленіи перекрестномъ. Этотъ результатъ, однако, ни мало не повліялъ на отношеніе ученыхъ къ Шпренгелю: относясь свысока къ его теоріи, они даже категорически отрицали вѣрность сообщенныхъ имъ фактовъ, считая ихъ просто фантастическими.

Я рѣшаюсь, однако, идти далѣе и утверждать, что осторожность, съ которою выразился Шпренгель по отношенію къ перекрестному опыленію, не только не можетъ быть поставлена ему въ укоръ, но, напротивъ, заслуживаетъ величайшей похвалы и...

подражанія. Если уже у Шпренгеля чувствуются нѣкоторыя натяжки, и одностороннія увлеченія, то еще въ гораздо большей степени это справедливо по отношенію къ біологамъ нашего столѣтія. Послѣ того, какъ Дарвинъ воскресилъ изъ незаслуженнаго забвенія оригинальныя наблюденія Шпренгеля и выставилъ на видъ огромное значеніе перекрестнаго опыленія, почти всѣ изслѣдованія были направлены къ подтвержденію этой основной мысли и почти всѣ наблюдатели приступали къ дѣлу съ предвзятою идеею. А между тѣмъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, слѣдовательно вскорѣ послѣ появленія первыхъ наблюденій Дарвина, извѣстный нѣмецкій ботаникъ Мольтъ горячо предостерегалъ отъ односторонняго увлеченія перекрестнымъ опыленіемъ. Мольтъ открылъ у цѣлаго ряда самыхъ обыкновенныхъ растений, кромѣ давно извѣстныхъ, доступныхъ насѣкомымъ цвѣтовъ, еще другіе, мелкіе, невзрачныя, ускользнувшіе отъ вниманія всѣхъ прежнихъ наблюдателей цвѣтки. Эти послѣдніе, производящіе впечатлѣніе скорѣе бутоновъ, оказываются какъ бы рассчитанными на самоопыленіе: насѣкомыя не имѣютъ доступа внутрь такихъ цвѣтовъ, потому что вѣнчикъ ихъ никогда не раскрывается, а такъ какъ тычинки и пестикъ въ нихъ вполне развиты, то въ тѣсномъ замкнутомъ пространствѣ подобныхъ цвѣтковъ (называемыхъ клейстогамными) неизбѣжно совершается самоопыленіе и не смотря на это они завязываютъ плоды и даютъ сѣмена нисколько не хуже, а иногда даже лучше обыкновенныхъ открытыхъ (хазмогамныхъ) цвѣтовъ того же растенія. И такъ, на ряду съ явленіями, вродѣ описанной выше дихогаміи, какъ бы направленными къ устраненію возможности самоопыленія или по крайней мѣрѣ благопріятствующими опыленію перекрестному, мы видимъ въ природѣ случай не менѣе рѣзко выраженнаго стремленія обезпечить, наоборотъ, именно самоопыленіе, устранивъ возможность перенесенія на рыльце всякой посторонней пыли. Это серьезное предостереженіе Моля противъ слишкомъ послѣднихъ обобщеній въ столь важномъ вопросѣ, въ свое время не произвело надлежащаго дѣйствія. Рьяные послѣдователи Дарвина, если и не игнорировали открытую Мольтемъ клейстогамію, то мало обращали на нее вниманія и постоянно напирала на то обстоятельство, что у растеній, снабженныхъ замкнутыми цвѣтами, всегда существуютъ, сверхъ таковыхъ, еще обыкновенные открытые цвѣты, доступные насѣкомымъ, а потому и эти растенія могутъ пользоваться выгодами, сопряженными съ перекрестнымъ опыленіемъ.

Только въ самое послѣднее время начинаютъ обнаруживаться признаки здороваго скептицизма по отношенію къ скороспѣлой, быть

можетъ, теоріи и возвращенія къ осторожности, обнаруженной нѣкогда Шпренгелемъ. Мало-по-малу накаплиются въ наукѣ факты, заставляющіе ученыхъ невольно относиться къ самоопыленію съ большимъ чѣмъ прежде уваженіемъ.

Весьма любопытныя явленія обнаружены, напр., недавно для цѣлага ряда тропическихъ растений Буркомъ на островѣ Явѣ. Оказывается, что цвѣты ихъ, не смотря на крупный, красивый, часто душистый вѣнчикъ, совершенно недоступны для насѣкомыхъ; это цвѣты замкнутые, клейстогамные, въ которыхъ неизбежно совершается самоопыленіе, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ вѣнчикомъ сбрасываются и тычинки, вслѣдствіе чего на обнажающіяся тогда, но уже опыленные рыльца пыль съ другаго цвѣтка попасть не въ состояніи. А между тѣмъ, кромѣ такихъ самоопыляемыхъ цвѣтовъ, дающихъ, впрочемъ, обильные плоды у растений, о которыхъ идетъ рѣчь, въ противность до сихъ поръ извѣстнымъ случаямъ клейстогаміи, никакихъ другихъ, доступныхъ насѣкомымъ или вѣтру цвѣтовъ не оказывается.

Не менѣе любопытенъ другой фактъ, наглядно иллюстрирующій значеніе предвзятой мысли при наблюденіи природы. Въ числѣ оригинальнѣйшихъ приспособленій къ опыленію насѣкомыми, открытыхъ Шпренгелемъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ цвѣты такъ называемыхъ кирказоновъ (*Aristolochia*), представляющіе настоящія ловушки для привлекаемыхъ ими насѣкомыхъ. Въ трубкѣ вѣнчика здѣсь находятся волоски, расположенные такимъ образомъ, что насѣкомое можетъ свободно влѣзть на дно цвѣтка, выйти же изъ просторной, но почти замкнутой, котловидной полости, въ которой находятся тычинки и рыльце пестика, оно не въ состояніи. Съ необыкновенною любовью описываетъ Шпренгель на нѣсколькихъ страницахъ въ концѣ своей книги свои многолѣтнія наблюденія надъ этими цвѣтами, въ устройствѣ которыхъ онъ видитъ чудо изъ чудесъ. Расположеніе тычинокъ и пестика таково, что иначе, какъ при участіи насѣкомыхъ пыль на рыльце попасть не можетъ. И вотъ, мелкая мушка, привлекаемая неизвѣстно чѣмъ (сладкаго сока въ этихъ цвѣтахъ нѣтъ), изъ любопытства ли или по глупости, лѣзетъ въ трубку, образуемую вѣнчикомъ. «Вначалѣ,—пишетъ Шпренгель,—она (т.-е. трубка) широкая и голая, но мало-по-малу она суживается и покрыта волосками, первое, вѣроятно, для того чтобы мушкѣ удобно было ползти и чтобы она не теряла сразу мужества, послѣдніе же, вѣроятно, для того, чтобы въ нижнюю расширенную часть трубки вѣнчика не могли попадать дождевыя капли. Пробившись чрезъ узкую часть трубки вѣнчика, мушка попадаетъ

въ его расширенное основаніе, представляющее для нея какъ бы обширную комнату. И такимъ путемъ набираются туда все новыя и новыя мушки, ибо эта часть, безъ сомнѣнія, такъ широка лишь для того, чтобы въ ней могло помѣститься много этихъ насѣкомыхъ. Вотъ это-то маленькое общество и должно произвести оплодотвореніе цвѣтка, т.-е. перенести пыль изъ тычинокъ на рыльце. Осуществиться это можетъ не иначе какъ случайно: ползая туда и сюда, мушки сначала попадаютъ на пыльники и стираютъ своимъ тѣломъ съ нихъ пыль, а потомъ попадаютъ на рыльце и тамъ оставляютъ пыль, приставшую къ ихъ тѣлу. Невѣрность, связанная съ такою случайностью, должна покрываться продолжительностью времени. Поэтому, цѣлесообразно, чтобы мушки оставались здѣсь возможно дольше. А это достигается наивѣрнѣйшимъ образомъ, если онѣ отсюда совсѣмъ не въ состояніи выбраться. Что онѣ дѣйствительно здѣсь замкнуты, это я заключаю отчасти изъ значительнаго числа, въ которомъ я находилъ ихъ въ различныхъ цвѣтахъ, отчасти изъ нетерпѣнія, которое онѣ обнаруживали, вылетая изъ вскрытаго разрѣзомъ цвѣтка... Однако,—продолжаетъ далѣе нашъ авторъ,—чтобы намѣреніе природы могло быть достигнуто, мушки должны оставаться въ заключеніи лишь до тѣхъ поръ, пока онѣ дѣйствительно не перенесутъ пыль изъ тычинокъ на рыльце, если же онѣ оставались бы замкнутыми и послѣ этого и должны были, наконецъ, погибнуть голодною смертью, то невольно пришлось бы признать такую судьбу ихъ черезчуръ жестокою и упрекнуть природу въ нѣкоторомъ немилосердіи. Противъ такого заключенія природа оправдывается, заставляя цвѣты, державшіеся прямо, пока это было необходимо для ихъ оплодотворенія, склониться внизъ къ землѣ. Мушки, не имѣвшія возможности при первомъ положеніи цвѣтка добраться до внутренняго отверстія въ узкой части трубки вѣнчика, при новомъ положеніи цвѣтка падаютъ на это отверстие, выползаютъ въ узкую часть трубки и чрезъ вѣншнее отверстие ея выбираютъ изъ цвѣтка на свободу. Навѣрное имъ не придется въ голову забираться въ другой цвѣтокъ послѣ того, какъ такъ дорого обошлась имъ первая попытка».

Вышеприведенное было написано Шпренгелемъ зимою 1790 г. лишь въ видѣ догадки, основанной на изученіи строенія и положенія цвѣтка въ связи съ фактомъ находженія насѣкомыхъ, замкнутыхъ въ его котловидной полости. Послѣдуютъ теперь за нашимъ авторомъ далѣе. «Послѣ того, какъ я это написалъ, я съ томленіемъ сталъ ожидать времени новаго цвѣтенія моихъ растений. Въ маѣ слѣдующаго года, найдя ихъ опять цвѣтущими, я съ жаромъ накинулся на эти цвѣты и, изслѣдовавъ ихъ, пришелъ въ

радостное удивленіе, такъ какъ убѣдился во очію, что, согласно моимъ представленіямъ, великій Создатель природы сначала замыкаетъ мелкихъ мушекъ въ этотъ цвѣтокъ, чтобы онѣ его оплодотворили, но потомъ, когда эта конечная цѣль достигнута, снова выпускаетъ ихъ изъ темницы, а слѣдовательно, въ удивительномъ устройствѣ этого цвѣтка вмѣстѣ съ мудростью обнаруживаетъ и свое милосердіе. Я вскрылъ сначала котловидное расширеніе нѣсколькихъ прямо стоящихъ цвѣтковъ и почти въ каждомъ изъ нихъ встрѣтилъ извѣстное число мелкихъ мушекъ, которыя, казалось, необычайно обрадовались освобожденію своему изъ тюрьмы и весело улетѣли. Затѣмъ я вскрылъ котелъ нѣсколькихъ поникшихъ цвѣтовъ и не нашелъ въ нихъ ни единой мушки». Желая ознакомиться со способомъ освобожденія пойманныхъ въ ловушкѣ насѣкомыхъ, Шпренгель пытается нагнуть вертикальный цвѣтокъ, ожидая, что изъ него посыплются мушки; къ удивленію, однако, при этомъ выпадаетъ всего одинъ жучекъ, очевидно, застрявшій въ трубкѣ и не успѣвшій еще забраться въ «котелъ». Тогда нашъ авторъ тщательно сравниваетъ разрѣзы вертикальныхъ и естественно склонившихся цвѣтовъ, причемъ дѣлаетъ открытіе, которое, по его собственнымъ словамъ, приводитъ его въ совершенное восхищеніе. Препятствіемъ къ выходу мушекъ изъ «котла» служитъ не гладкость его внутреннихъ стѣнокъ, какъ онъ вначалѣ было предположилъ, а тѣ направленные во внутрь цвѣтка волоски, которыми усажена большая часть трубки вѣнчика; когда цвѣтокъ самъ собою наклоняется къ землѣ, эти волоски оказываются засохшими, препятствіе, слѣдовательно, устранено, двери тюрьмы раскрыты, чѣмъ и спѣшатъ воспользоваться попавшія въ ловушку насѣкомыя.

Если переданное здѣсь обстоятельное описаніе Шпренгеля вѣрно, то мы, очевидно, имѣемъ въ цвѣтахъ кирказоновъ рѣзко выраженный примѣръ самоопыленія. Именно такъ и смотрѣлъ на дѣло самъ Шпренгель и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти наблюденія надъ кирказонами были одною изъ причинъ, заставившихъ его такъ осторожно выразиться, какъ мы видѣли это выше, относительно значенія перекрестнаго опыленія. Когда, подъ вліяніемъ трудовъ Дарвина, пробудился интересъ къ созданной Шпренгелемъ области изслѣдованія и въ то же время стало выдвигаться на первый планъ необычайно важное значеніе скрещиванія, то цвѣты кирказоновъ, такъ тонко рассчитанные на производство самоопыленія, должны были казаться какимъ-то бѣломъ на глазу для приверженцевъ новаго ученія. И вотъ, въ 1866 г. одинъ изъ таковыхъ, Гильдебрандъ, берется за проверку

старинныхъ наблюденій Шпренгеля и, на основаніи своихъ изслѣдованій надъ кирказонами, утверждаетъ, что Шпренгель ошибся въ одномъ чрезвычайно важномъ пунктѣ: онъ, открывшій явленіе диогогаміи, т. е. одновременнаго созрѣванія мужскихъ и женскихъ органовъ во многихъ обоеполыхъ цвѣтахъ, не замѣтилъ, будто бы, что то же явленіе имѣетъ мѣсто и въ кирказонахъ, такъ какъ рыльце готово у нихъ къ воспріятію пыли въ то время, когда пыльники въ томъ же цвѣткѣ еще далеко не созрѣли; когда же они, наконецъ, лопаются, то уже поздно, — рыльце негодно для оплодотворенія. Такимъ образомъ, по мнѣнію Гильдебранда, самоопыленіе внутри «котла», хотя бы и при помощи забравшихся туда насѣкомыхъ, совершенно немыслимо. Въ такомъ случаѣ приходится допустить, что неосновательно и предположеніе Шпренгеля, будто однажды попавшія въ ловушку насѣкомыя, получивъ свободу и наученныя горькимъ опытомъ, ни за что не погѣзутъ въ другой подобный же цвѣтокъ: мушки глупѣе, чѣмъ думалъ Шпренгель; благополучно выбравшись изъ тюрьмы, онѣ летятъ, нагруженные неволью тамъ захваченною пылью, въ другой цвѣтокъ кирказона, только что распутившійся, и оставляютъ на его липкомъ рыльцѣ принесенную съ собою пыль. И такъ, происходитъ не самоопыленіе, какъ утверждалъ Шпренгель, а перенесеніе пыли съ цвѣтка на цвѣтокъ, и вмѣсто важнаго аргумента противъ общности новаго ученія цвѣты кирказоновъ доставляютъ, напротивъ, новое доказательство его справедливости. Къ объясненія Гильдебранда успѣшили примкнуть и другіе корифеи новорожденной біологіи, какъ Германъ Мюллеръ и Дельпино. Такъ и порѣшили, что Шпренгель хоть и очень точный наблюдатель, но въ кирказонахъ ошибся, — не доглядѣлъ.

И вдругъ, почти наканунѣ своего столѣтняго юбилея, Шпренгель получаетъ самое блестящее нравственное удовлетвореніе. Тотъ же Буркъ, о которомъ уже была рѣчь выше, еще разъ изслѣдовалъ опыленіе кирказоновъ, пользуясь различными формами ихъ, обитающими на островѣ Явѣ. Эти наблюденія показали съ полнѣйшею очевидностью, что ошибся не Шпренгель, а, напротивъ, ошиблись новѣйшіе біологи, вздумавшіе исправлять мнимые его недосмотры. Строеніе цвѣтка кирказоновъ дѣйствительно таково, что перекрестное опыленіе здѣсь или совершенно невозможно, или чрезвычайно затруднено, тѣмъ болѣе, что показаніе Гильдебранда о одновременномъ, будто бы, развитіи тычинокъ и рыльца оказывается фактически невѣрнымъ: то, что онъ считалъ за рыльце, на самомъ дѣлѣ такой роли не играетъ. Желая провѣрить показаніе (вѣрнѣе, предположеніе) Гильдебранда, будто насѣкомыя забираются въ «котелъ» цвѣтка, будучи уже покрытыи пылью,

принесенною изъ другого такого же цвѣтка, Буркъ хлорофирмовалъ свѣжіе цвѣты кирказоновъ подъ-вечеръ того дня, когда они распустились; къ этому времени они успѣвали уже наловить значительное число мушекъ, пылинки же этихъ цвѣтовъ оставались еще замкнутыми, такъ какъ предварительное изслѣдованіе показало, что они раскрываются только на второй день цвѣтенія. Тщательный осмотръ насѣкомыхъ, извлеченныхъ изъ хлорофирмованныхъ цвѣтовъ, а равно и самыхъ цвѣтовъ (анализу подвергалось каждый разъ большое число таковыхъ) у одного вида не открылъ буквально ни единой пылинки, у другого же онѣ оказались въ совершенно ничтожномъ числѣ и далеко не во всѣхъ цвѣткахъ. Наконецъ, третій видъ кирказона обнаружилъ какъ разъ ту «жестокость», въ которую не хотѣлъ вѣрить Шпренгель: однажды, залучивъ въ свой «котелъ» насѣкомыхъ, онъ ихъ оттуда не выпускаетъ вплоть до самой смерти и даже, повидимому, нарочно умерщвляетъ несчастныхъ мушекъ своимъ ядовитымъ нектаромъ. Какъ бы то ни было, о перекрестномъ опыленіи здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, изложенныя вкратцѣ наблюденія Бурка ясно показываютъ, что Шпренгель совершенно вѣрно истолковалъ строеніе цвѣтка кирказона съ точки зрѣнія происходящаго въ немъ самоопыленія и только предвзятая мысль и стремленіе, во что бы то ни стало, всюду искать приспособленій, направленныхъ къ взаимному скрещиванію цвѣтовъ, могло вызвать оригинальное толкованіе Гильдебранда и почетъ, которыми оно пользовалось.

Рядомъ съ этими новыми фактическими данными явились весьма важныя теоретическія соображенія, также заставляющія насъ гораздо осторожнѣе прежняго относиться къ выводамъ изъ фактовъ, хотя бы и давно установленныхъ. Наиболѣе распространеннымъ въ природѣ приспособленіемъ, устраняющимъ самоопыленіе, по общему мнѣнію, является открытая, какъ мы видѣли, Шпренгелемъ диогогамія. Однако, неоднократное развитіе мужскихъ и женскихъ органовъ въ обоеполомъ цвѣткѣ, въ сущности, гарантируетъ только перенесеніе пыли съ одного цвѣтка на другой вообще, отнюдь не обезпечивая настоящаго скрещиванія разныхъ экземпляровъ между собою. Сплошь и рядомъ, какъ, напр., въ огромныхъ семействахъ зонтичныхъ или сложноцвѣтныхъ, цвѣты расположены въ большомъ числѣ и очень тѣсно въ такъ называемыхъ соцвѣтіяхъ, причемъ распускаются не всѣ сразу, а постепенно, другъ за другомъ. Въ этихъ случаяхъ насѣкомое, прилетѣвъ на такое соцвѣтіе и перебираясь въ немъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, хотя и будетъ производить безсознательно перекрестное опыленіе, но почти исключительно въ предѣлахъ одного и того же соцвѣтія или раз-

ныхъ соцвѣтій того же экземпляра. А между тѣмъ всѣ наши теоретическія разсужденія о пользѣ скрещиванія, всѣ опыты Дарвина и его послѣдователей, на которые мы постоянно ссылаемся въ подтвержденіе справедливости этихъ разсужденій, имѣютъ въ виду исключительно скрещиваніе разныхъ экземпляровъ, противопологаемое настоящему самоопыленію. Что же касается перенесенія пыли съ одного цвѣтка на другой цвѣтокъ того же экземпляра, то мы рѣшительно не знаемъ, представляетъ ли оно какія-либо выгоды сравнительно съ самоопыленіемъ, не знаемъ, потому что до сихъ поръ никто серьезно этимъ предметомъ и не задавался. На этотъ счетъ можно только гадать. Съ точки зрѣнія существующихъ теоретическихъ представленій слѣдовало бы ожидать скорѣе отрицательнаго отвѣта, то-есть, признать скрещеніе разныхъ цвѣтовъ одного экземпляра равносильнымъ самоопыленію, такъ какъ во всѣхъ нашихъ попыткахъ объясненія мы постоянно имѣемъ въ виду предполагаемую выгоду соединенія такихъ двухъ зачатковъ, которые подвергались неодинаковымъ жизненнымъ условіямъ. На этихъ теоріяхъ Спенсера, Нэгели, Вейсманна я здѣсь останавливаться не стану. Мнѣ сдается, что чрезъ сто лѣтъ, а можетъ быть, и гораздо раньше, всѣ онѣ будутъ вызывать при чтеніи совершенно такую же невольную снисходительную улыбку, съ какою большинство современныхъ біологовъ читаетъ въ настоящее время наивныя, по ихъ мнѣнію, разсужденія Шпренгеля о благодати и мудрости Творца.

Во всякомъ случаѣ, изъ всего сказаннаго съ достаточною ясностью вытекаетъ, что мы отнюдь не можемъ ставить Шпренгелю въ упрекъ ту осторожность, съ которою онъ выразился относительно значенія перекрестнаго опыленія. А если такъ, то и ходячее объясненіе неуспѣха Шпренгеля тѣмъ, что онъ не замѣтилъ, будто бы, самой сути дѣла, должно быть признано несостоятельнымъ. Эта суть и въ настоящее время не можетъ еще считаться достаточно прочно установленною.

Но гдѣ-же кроется въ такомъ случаѣ истинная причина столь продолжительнаго пренебреженія къ капитальнымъ изслѣдованіямъ Шпренгеля и вмѣстѣ съ тѣмъ причина внезапнаго быстро расцвѣта созданнаго имъ направленія въ цѣлую отрасль естествознанія—біологію? Я не могу не сопоставить этихъ двухъ фактовъ и, мнѣ кажется, въ этомъ сопоставленіи и лежитъ ключъ къ искомому объясненію. Не простою случайностью представляется мнѣ, что память Шпренгеля воскресилъ изъ забвенія именно Дарвинъ. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ Дарвиномъ выступилъ на сцену «дарвинизмъ», гениальнѣйшая изъ попытокъ механическаго объясненія такъ называемой «цѣлесообразности» въ природѣ. Главную

виновницею незаслуженнаго презрѣнія, съ какимъ относились къ Шпренгелю и современники, и потомки, была, на мой взглядъ, та точка зрѣнія, съ которой онъ разсматривалъ столь изумительно точно изслѣдованныя имъ явленія, та яркая телеологическая и даже теологическая окраска, которая такъ рѣзко выступаетъ во всемъ его трудѣ, и которая, безъ сомнѣнія, служила для него источникомъ высшаго личнаго счастья, доставивъ ему минуты глубочайшаго наслажденія и полнаго нравственнаго удовлетворенія. Эта точка зрѣнія, свойственная богословамъ и нерѣдко философамъ, вообще говоря, несимпатична естествоиспытателямъ. А между тѣмъ область, въ которой вращались изслѣдованія Шпренгеля, одна изъ тѣхъ, гдѣ «цѣлесообразность» и «разумность» выступаютъ съ особенною рельефностью. Бессильные подыскать какое бы то ни было иное объясненіе этимъ поразительнымъ фактамъ, ученые предпочитали просто игнорировать ихъ, закрывать на нихъ глаза, даже прямо оспаривать реальное ихъ существованіе. Только съ появленіемъ «дарвинизма» отношеніе къ этимъ фактамъ совершенно измѣняется. Въ дарвинизмѣ данъ былъ призракъ (да простятъ мнѣ это выраженіе) механическаго объясненія кажущейся «цѣлесообразности» въ природѣ, и этого призрака было достаточно, чтобы плотину прорвало: ученые съ жаромъ накинулись на область, представлявшуюся имъ такъ долго запретною; теперь всѣ эти удивительныя явленія можно было изслѣдовать съ спокойнымъ сердцемъ, не возбуждая никакихъ подозрѣвій; вѣдь ничего сознательнаго, разумнаго тутъ нѣтъ, все это только очень хитрая «механика». И ужъ какъ досталось при этомъ бѣдной «цѣлесообразности»! Сорвется невольно съ языка біолога это слово и онъ спѣшитъ извиниться, считая долгомъ напомнить о непоколебимой твердости механическихъ своихъ убѣжденій.

Почтимъ же память великаго изслѣдователя, который, стоя на столь строго осуждаемой нами точкѣ зрѣнія, страстно ища въ природѣ проявленій высшаго «разума», тѣмъ не менѣе чуть не на цѣлое столѣтіе опередилъ современныхъ ему ученыхъ. Открытые имъ факты сохранять свое значеніе на вѣчныя времена, а что останется отъ нашихъ, приуроченныхъ къ этимъ фактамъ теорій, покажетъ... будущее *).

---

*) Считаемо нужнымъ замѣтить, что большинство современныхъ ученыхъ считаетъ «дарвинизмъ» и «эволюціонизмъ» единственными теоріями, объясняющими все наиболѣе существенное въ вопросѣ происхожденія и связи организмовъ, почему редація въ будущемъ году посвятитъ одну или нѣсколько статей изложенію этихъ теорій — самыхъ блестящихъ и плодотворныхъ въ области біологіи.

Редація.

НОВЫЯ КНИГИ.

Ивановъ. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философiей XVIII вѣка. Москва. 1895, стр. XXII и 740.

Въ ученой литературѣ попадаются сочиненiя, которыми суждено имѣть не одно научное значенiе, удовлетворять потребностямъ не одного тѣснаго круга специалистовъ, но воздѣйствовать на широкую публику, имѣть воспитательное значенiе. Такiя явленiя рѣдки: для нихъ требуется совпаденiе нѣсколькихъ счастливыхъ условiй. Важнѣе всего, конечно, выборъ предмета: нужно, чтобъ вопросъ, которому посвящается ученый трудъ, имѣлъ общечеловѣческое значенiе и совпадалъ съ умственнымъ настроенiемъ современнаго общества. Но столь же необходимы значительное развитiе и талантъ со стороны автора: безъ перваго немислима правильная постановка обширнаго вопроса, безъ втораго невозможна—прямая и тѣсная связь между книгой и читателемъ.

Встрѣча съ подобнымъ сочиненiемъ, особенно въ нашей, все еще скудной, ученой литературѣ, истинный праздникъ. Намъ прiятно заявить, что мы испытали подобное чувство, познакомившись съ трудомъ, названiе котораго стоитъ въ заголовкѣ настоящаго отзыва.

Это обстоятельство заинтересовываетъ тѣмъ болѣе, что авторъ, насколько намъ извѣстно, впервые выступаетъ съ серьезною работою. Въ ней обнаруживается такая основательная школа, такое трудолюбiе, такая добросовѣстная разработка источниковъ, по мѣстнымъ библиотекамъ и архивамъ, что мы вправѣ предполагать въ авторѣ хорошiй запасъ научныхъ свѣдѣнiй. Для насъ еще дороже другая сторона разсматриваемаго сочиненiя. Въ немъ столько энергiи, истекающей изъ любви къ дѣлу и изъ горячаго убѣжденiя, что отъ автора должно ожидать вскорѣ новыхъ, столь же свѣжихъ книгъ. Недостатки книги г. Иванова болѣе внѣшняго характера; въ сочиненiи другого свойства можно бы даже пройти ихъ молчанiемъ, но въ данномъ случаѣ къ нимъ нужно относиться строже. Они даже связаны, отчасти, съ самымъ симпатичнымъ качествомъ

автора — съ его горячностью и искренностью: Г. Ивановъ, конечно, долженъ усиленно выдвигать новую сторону дѣла, добытую имъ съ такимъ трудомъ: иначе не проведешь въ жизнь никакой новой мысли. Но лучше, если увлеченіе дѣломъ не выражается въ явной односторонности. Большая заслуга выставить забытую роль театра въ исторіи просвѣщенія; но иное дѣло—видѣть театръ всюду, забывая иногда, въ свою очередь, или умаляя роль другихъ культурныхъ и общественныхъ силъ. Хорошая вещь историческія параллели, и мы ничего не имѣемъ, по существу, противъ неноваго сравненія энциклопедистовъ съ стоиками; но такія слишкомъ смѣлыя сопоставленія, какъ на стр. 53, между Руссо и Сенекой, не лишены опасности.

Выборъ автора весьма счастливъ. Такой предметъ, какъ эпоха просвѣщенія, съ какой бы стороны ни взять его, всегда будетъ имѣть общеобразовательное значеніе.

Г. Ивановъ задается научною цѣлью, идетъ къ ней обычнымъ научнымъ путемъ, изучаетъ явленіе со всѣхъ сторонъ, пользуясь массой матеріала изъ всѣхъ партій, и приходитъ къ выводу, что просвѣщеніе было дѣломъ «мыслящей знати» (*noblesse pensante*). Оно стало истиннымъ воздухомъ Франціи, несмотря на тысячи препятствій. Нужно поставить въ заслугу нашему автору, что онъ съ очевидностью доказалъ, какъ просвѣщеніе постепенно стало достояніемъ и всѣхъ провинцій, и всѣхъ классовъ общества, до «хижинъ» сельскихъ захолустьевъ: особенно важны страницы (178—183), посвященныя провинціи.

Роль театра—спеціальная задача автора. Онъ сначала ясно и генетически опредѣляетъ новый родъ литературы — мѣщанскую, чувствительную *драму*, прямо связанную съ философійю. При этомъ указано общественное вліяніе театра въ ту пору, а также обрисована публика, господство знаменитаго «партера». Здѣсь много новаго и любопытнаго относительно борьбы на сценѣ между новымъ міровоззрѣніемъ и пережитками классицизма и феодализма (см. отдѣлы книги: театръ, драма, публика, театральная цензура, актеры, сатира). Прекрасно также отгѣнена косность, рутинность высшихъ сферъ, при всемъ ихъ вліяніи увлеченіи философійю.

Вторая, меньшая, половина книги г. Иванова посвящена философскому содержанію драматической литературы временъ просвѣщенія. Оно тщательно распланировано по основнымъ вопросамъ. Сначала указывается, какъ здѣсь отражалась реформа *семьи*, основанная на главной силѣ драмы—на чувствѣ, значеніе котораго, какъ общественной и преобразовательной силы, оценено раньше (235—243). Реформа *общества* также исходила изъ чувства. Тутъ

дѣло началось съ увлеченія «добродѣтелью» (vertu). Г. Ивановъ высоко ставитъ эту сторону театра времянь просвѣщенія. Онъ говоритъ: «Все, что было (потомъ) у романтиковъ гуманнаго и прогрессивнаго, мы находимъ въ нашей драмѣ. Чистыхъ художниковъ и досужихъ краснобаевъ здѣсь нѣтъ: они отживаютъ свой вѣкъ вмѣстѣ съ античными героями сцены и тунеядными комедіянтами салона». Этотъ отдѣлъ книги кончается вѣрною оцѣнкой Бомарше, въ трудахъ котораго «драма, по собственной инициативѣ, подвела итоги своей просвѣтительной дѣятельности».

Сущность книги г. Иванова видна въ заключительныхъ одушевленныхъ словахъ, которыя даютъ понятіе и о слогѣ автора. Вотъ они: «Въ эпоху привилегій и предрасудковъ, узаконеннаго безправія личности, господства моды и лицемѣрнаго формализма у лучшихъ людей родилась страстная жажда обновленія, — драма явилась любимымъ, общепризнаннымъ дѣтищемъ этой страсти. Раньше, чѣмъ философская мысль двинулась на просвѣтительную борьбу во всеоружіи разума и логики, драма уже воплощала новаго человѣка въ художественныхъ образахъ. Онъ — одновременно проповѣдникъ и герой — вносилъ въ старое общество представленія о свободномъ чувствѣ, о человѣческомъ достоинствѣ, о личной независимости... Съ теченіемъ времени драматическій герой сталъ философомъ, и чувствительный пафосъ слился съ критическимъ анализомъ. Драма достигла высшаго литературнаго и идейнаго развитія. Она упразднила искусственное и экзотическое — все, чѣмъ жило старое искусство. Она стала во главѣ всѣхъ новыхъ жизненныхъ направленій въ творчествѣ. Ея преклоненіе предъ естественностью и будничной дѣйствительностью открыло путь реалистамъ, ея культъ идеи предвосхитилъ благородные принципы романтиковъ, ея мужественныя гражданскія стремленія стали источникомъ демократической струи въ искусствѣ... Писатели XVIII-го вѣка провозгласили величайшій принципъ новой литературы: поэтъ долженъ быть *учителемъ* и *трибуномъ*, и всѣ таланты писателя ничто, если они бесполезны для общественнаго прогресса. Просвѣтителю умѣли найти и *общественную школу*, и *народную площадь*...»

Проф. А. Трачевскій.

Краткое изложеніе политической экономіи А. А. Карелина. С.-Петербургъ. 1894.

Книга г. Карелина имѣетъ крупныя достоинства: она содержитъ въ себѣ яркую и вѣрную характеристику многихъ сторонъ нашего хозяйственнаго быта съ точки зрѣнія волюнѣ определен-

*

наго экономическаго ученія, признающаго трудъ и интересы труда важнѣйшимъ факторомъ общественной жизни. Теоретическія положенія иллюстрируются г. Карелинымъ фактами русской дѣятельности, благодаря чему читатель не только знакомится съ теоріей экономической науки, но въ то же время получаетъ возможность оцѣнить ея практическое значеніе, провѣрить эту теорію на фактахъ, наиболѣе ему знакомыхъ и затрогивающихъ самые близкіе ему интересы.

Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи 2-й отдѣлъ книги, посвященный распредѣленію. Здѣсь авторъ описываетъ положеніе рабочаго класса въ Россіи, существующія формы заработной платы, ея высоту, гигиеническія условія работы на фабрикахъ и въ ремесленныхъ заведеніяхъ, крестьянское землевладѣніе и пр. Говоря о мѣрахъ къ улучшенію заработной платы, г. Карелинъ сообщаетъ и о тѣхъ, до сихъ поръ весьма немногочисленныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ въ виду самопомощь фабричныхъ рабочихъ, которыя возникли и у насъ за послѣднее время.

Говоря о борьбѣ крупнаго и мелкаго производства, авторъ констатируетъ успѣхи крупной промышленности въ Россіи; за 13 лѣтъ, съ 1866 по 1879 г., число ситцепечатныхъ и бумаготкацкихъ фабрикъ въ Россіи уменьшилось, а бумагопрядильныхъ фабрикъ увеличилось только на 8%, между тѣмъ какъ число рабочихъ, занятыхъ на всѣхъ этихъ фабрикахъ за то же время увеличилось на 72%, производство тканей возрасло на 273%, а пряжи—на 126% (стр. 94). До какой степени въ настоящее время въ нашей торговлѣ и промышленности преобладаетъ крупный капиталъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ (стр. 95—96): Число торговопромышленныхъ предпріятій весьма крупныхъ (съ годовымъ оборотомъ выше 500.000 руб.) составляетъ у насъ 1,1% всего числа предпріятій, число предпріятій крупныхъ (съ оборотомъ отъ 250.000—500.000 р.)—1%; среднихъ (съ оборотомъ отъ 50.000 до 250.000 руб.)—8,8%; мелкихъ (съ оборотомъ менѣе 50.000 р.)—89,1%. Между тѣмъ обороты мелкихъ предпріятій, не смотря на то, что численность послѣднихъ равняется почти 9/10 всѣхъ предпріятій, по своей цѣнности не достигаютъ и 1/10 всѣхъ оборотовъ; а обороты весьма крупныхъ предпріятій, составляющихъ ничтожный процентъ всего числа предпріятій, превышаютъ по своей цѣнности половину всѣхъ торговопромышленныхъ оборотовъ страны.

Говоря объ артеляхъ, авторъ признаетъ, что «предпринимательскія артели встрѣчаются въ Россіи очень рѣдко и только въ тѣхъ производствахъ, гдѣ требуются очень маленькія средства»

(стр. 100). Что же касается до кустарей, то, по словамъ автора, «большинство кустарей работаетъ на скупщиковъ, которые являются посредниками между производителями и потребителями, а зачастую и между владѣльцами матеріаловъ и производителями.. Бѣдность заставляетъ кустаря кредитоваться, а скупщикъ беретъ громадные проценты, давая въ кредитъ матеріалъ или деньги» (стр. 110). И такъ, кустарь только номинально является независимымъ производителемъ, въ большинствѣ случаевъ кустарное производство есть не что иное, какъ самая худшая форма капиталистической эксплуатаціи, такъ называемая домашняя форма капиталистической промышленности. Слѣдовательно, Россію нельзя назвать страной мелкаго самостоятельнаго производства въ области обрабатывающей промышленности.

Но, можетъ быть, въ области земледѣлія народное производство торжествуетъ? На этотъ вопросъ нашъ авторъ даетъ категорическій отвѣтъ: «едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что крестьянское мелкое землевладѣніе переживаетъ теперь начало кризиса, который можетъ кончиться обезземеленіемъ крестьянъ и созданіемъ крупнаго и мелкаго землевладѣнія... При условіи современныхъ формъ экономической жизни мелкое хозяйство рано или поздно исчезнетъ съ экономической арены. Даже мелкое надѣльное землевладѣніе концентрируется въ немногихъ рукахъ путемъ выкупа, продажъ, арендъ» (стр. 191—192). Такимъ образомъ, и крестьянское хозяйство, по мнѣнію автора, подпадаетъ тому же процессу экономической эволюціи, выражающагося въ побѣдѣ крупнаго капитала надъ мелкимъ и крупнаго предпринимателя надъ самостоятельнымъ рабочимъ.

Слабой стороной книги г. Карелина является ея теоретическая часть. Желая избѣгнуть абстрактныхъ разсужденій, такъ часто дѣлающихъ курсы политической экономіи мало доступными для публики, авторъ, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ обходитъ трудные вопросы экономической теоріи или рѣшаетъ ихъ въ слишкомъ общей формѣ. Въ то время, какъ тѣ отдѣлы книги г. Карелина, гдѣ говорится объ экономическомъ положеніи Россіи, развиты довольно подробно, теоретическимъ разсужденіямъ авторъ отводитъ весьма мало мѣста. Поэтому, многіе основные вопросы экономической науки почти совсѣмъ не разобраны г. Карелинымъ, такъ напр., законамъ бумажноденежнаго обращенія, которое для русскаго читателя имѣетъ, къ сожалѣнію, очень важное значеніе, посвящается около полуторы страницы. Торговлѣ, кредиту, экономическимъ кризисамъ также отводится немного страницъ, въ которыхъ сжатость изложенія отнюдь не выкупается богатствомъ содер-

жанія или отчетливостью мысли. Потребленію, куда включается и страхование, играющее такую большую роль въ современномъ хозяйствѣ и представляющее особенную важность именно для рабочаго класса, посвящается буквально полстраницы. Всѣ эти отдѣлы, можно сказать, совсѣмъ отсутствуютъ въ книгѣ г. Карелина.

Но и въ тѣхъ отдѣлахъ разбираемой работы, которые болѣе развиты—о производствѣ и распредѣленіи, теоретическія построения г. Карелина мало отчетливы и нерѣдко даже противорѣчивы. Такъ, на стр. 58—64 авторъ совершенно справедливо указываетъ на несостоятельность теоріи Мальтуса и приходитъ къ слѣдующему заключенію: «нѣтъ сомнѣнія, что всѣ ученики Мальтуса поверхностно знакомы съ экономическими законами, почему и видятъ корень бѣдствій не въ принципахъ распредѣленія національнаго потребленія, а въ излишнемъ дѣторожденіи» (стр. 64). И дѣйствительно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. А на стр. 66-й той же книги мы читаемъ, что всѣ учрежденія, вродѣ ссудосберегательныхъ кассъ, потребительныхъ товариществъ, страхованія рабочихъ и пр., бесполезныя по той причинѣ, что «учрежденія эти, поднимая заработную плату, уменьшаютъ смертность дѣтей и увеличиваютъ въ конечномъ результатѣ число наемныхъ рабочихъ»... «Рабочіе качественнаго труда, улучшивъ самопомощью свое положеніе, дадутъ лишнихъ дѣтей, слѣдствіемъ чего будетъ паденіе ихъ заработной платы». Развѣ это не чисто мальтузіанскій аргументъ?

Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти недостатки, мы считаемъ книгу г. Карелина выдающимся явленіемъ въ нашей популярно-экономической литературѣ, до сихъ поръ довольно бѣдной, и можемъ пожелать ей возможно большаго распространенія, въ особенности среди тѣхъ читателей, которые интересуются русскими экономическими вопросами и не обладаютъ общимъ знакомствомъ съ экономической наукой.

М. Т. Б.

А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ. Историко-біографическія справки. Гр. Джаншіевъ. Москва 1894 г. Ц. 1 р. Съ благотворительной цѣлью.

Новая работа автора «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ» раскрываетъ предъ нами одну изъ наиболѣе яркихъ страницъ исторіи той борьбы, какую приходилось вести защитникамъ интересовъ народа за его освобожденіе съ землею. Въ сжатомъ и содержательномъ, горячо и живо написанномъ очеркѣ личность Унковскаго, принадлежавшаго къ числу самыхъ энергичныхъ дѣятелей «перваго призыва», выступаетъ рельефно на

фонъ событій, завершившихся манифестомъ 19 февраля 1861 г. Унковскій явился тогда однимъ изъ первыхъ борцовъ за свободу и возрожденіе народа, не отступавшій ни предъ какими препятствіями,—ни клевета, ни доносы, сыпавшіеся на него въ изобилии, не могли сломить его энергіи и не заставили отказаться ни отъ одного изъ своихъ положеній, признанныхъ впоследствии самимъ правительствомъ. Въ лицѣ его общество увидѣло впервые идеалъ настоящаго гражданина, для котораго добродѣтель заключается въ дѣятельности и жертвѣ, сила—въ единеніи съ народомъ, успѣхъ—въ вѣрѣ въ правоту отстаиваемыхъ принциповъ. Отмѣчая его отличительную черту, г. Джаншиевъ говоритъ въ предисловіи: «Твердая вѣра въ идеалы, несокрушимая вѣра въ животворящую силу свободы и просвѣщенія, беззавѣтная вѣра въ воспитательное дѣйствіе свободныхъ учреждений и въ нравственныя силы и культурныя способности русскаго народа—струилась до конца дней ея отъ этой чистой, свѣтлой благородной личности—неизсякаемо и обильно, подобно широкой, прозрачной, многоводной рѣкѣ». Эту преданность высшимъ идеаламъ правды и справедливости Унковскій сохранялъ во всю послѣдующую дѣятельность, никогда не жертвуя принципами ради минутныхъ интересовъ дня. Знамя, съ которымъ онъ выступилъ въ молодости, онъ не склонялъ ни предъ чѣмъ, держа его «честно и грозно по старинѣ» до послѣдней минуты, и съ полнымъ правомъ могъ бы примѣнить къ себѣ слова пророка Аввакума: «Сице азъ вѣрую, сице исповѣдую, въ силѣ живу и умираю...»

Унковскій умеръ 20 декабря 1893 г. Съ каждымъ годомъ кругъ ветерановъ той славной эпохи все суживается. Но умираютъ люди, а не дѣло, ими начатое. Оно живетъ и будетъ жить, потому что нѣтъ болѣе живого и великаго дѣла, какъ возрожденіе народа.

Дѣдловъ. «Переселенцы и новыя мѣста». (Путевыя замѣтки). С.-Петербургъ. Изданіе М. М. Ледерле и К°. 1894.

Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ принадлежитъ къ ряду жгучихъ вопросовъ нашей общественной жизни и не разъ служилъ предметомъ довольно горячей полемики. Поэтому, все, что можетъ набросить свѣтъ на исторію переселенческаго движенія, все что можетъ способствовать ознакомленію нашей читающей публики съ тѣми мѣстами, куда направляются переселенцы, съ типами самихъ, переселенцевъ, ихъ нуждами, стремленіями и надеждами, конечно принесетъ только пользу и поможетъ скорѣйшему разрѣшенію переселенческаго вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ.

Съ этой точки зрѣнія вышеназванная книжка г. Дѣдлова, въ которой собраны его статьи, напечатанныя въ журналѣ «Недѣля» за 1891—1892 годъ, представляетъ полезный вкладъ въ литературу этого вопроса. Въ первой части своей книги г. Дѣдловъ описываетъ «Новыя мѣста», знакомитъ читателей съ нѣкоторыми мѣстами той обѣтованной земли, куда стремятся переселенцы. Для большинства русскихъ читателей многія мѣста, описываемыя авторомъ, представляютъ столь же малоизвѣстную страну, какъ и «Дебри Африки», описанныя Стэнли. Но наши родныя дебри рѣдко привлекаютъ добровольныхъ путешественниковъ и рѣдко служатъ предметомъ описаній. Да и неудивительно, если принять во вниманіе огромныя разстоянія и первобытный способъ путешествія въ тарантасѣ или телѣгѣ, такъ какъ о желѣзныхъ дорогахъ еще нѣтъ и помину. Благодаря такому мужеству г. Дѣдлова, который не убоился путешествія въ «карандасъ» *), читатель имѣетъ возможность узнать о существованіи, напр., Кустоная. Что такое Кустоная? (Онъ же и Ново-Николаевъ). Это «Новый городъ», «Вольный городъ» — мужицкій рай. Но какъ ужасенъ этотъ рай. Вотъ какъ описываетъ его г. Дѣдловъ: «И страшный же этотъ городъ Кустоная! Цѣлыя недѣли по степи носятся бураны и затемняютъ солнце пылью. Выдуваемый вѣтромъ изъ чернозема песокъ наноситъ сугробами... рѣшительно некуда дѣться отъ пыли, безлюдья и дичи этого города. Выйдешь къ Тоболу — онъ еще безобразнѣй города. Выйдешь за городъ — тамъ голая степь, безчисленныя, конусообразныя черныя кучи кизяка и несмѣтное полчище вѣтряныхъ мельницъ, которыя машутъ на васъ своими крыльями, точно не пускаютъ въ степь и гонятъ назадъ въ городъ. Вернешься — опять безобразныя мазанки и домишки, опять народъ, который перенялъ арестантскія манеры наглыхъ и пьяныхъ казаковъ «старой линіи». Ни садика, ни газеты, ни телеграфа, ни хорошей церкви...

А между тѣмъ Кустоная имѣетъ двадцать тысячъ населенія и близъ него, ниже по Тоболу, расположены еще одиннадцать селеній съ семью тысячами душъ. Что же загнало туда поселенцевъ? То же, что говоритъ ихъ и въ другія мѣста, въ Туркестанъ, Мервъ, къ «Семи-полатамъ», на «Семь рѣкъ», въ «Китайскій клинъ», въ «Индійскую землю»: зачѣмъ они идутъ? За счастьемъ! За послѣднія десять лѣтъ многія тысячи мужицкихъ головъ бредили Кустонаемъ. Тамъ земли вдоволь, травы на Тоболѣ — три дня покосилъ, на всю зиму хватитъ. Строиться надо — въ двадцати вер-

*) Исковерканное — тарантасъ.

стахъ лѣсъ Ары; хочешь покупай, а то и такъ бери. Скотину гдѣ угодно паси даромъ! И закружились мужицкія головы и потянулись переселенческія кибитки...

Во второй части своей книги г. Дѣдловъ рисуетъ типы переселенцевъ. Передъ читателемъ послѣдовательно проходятъ малороссы, рязанцы, орловцы, туляки и т. д. Каждый изъ нихъ представляетъ какія-нибудь характерныя особенности; любопытныя типы нѣмцевъ-переселенцевъ. Сцены, разыгрывающіяся въ переселенческой конторѣ, не лишены подчасъ юмористическаго характера, но чаще преисполнены драматизма, особенно во время голода или эпидеміи или тогда, когда въ переселенческую контору являются «обратные»—переселенцы, возвращающіеся на «старину» послѣ своихъ поисковъ за счастьемъ. Сжмается сердце, читая описаніе этихъ сценъ и все назойливѣе и назойливѣе начинаетъ мучить вопросъ: гдѣ же конецъ этому тяжелому и печальному недоразумѣнію?

Басни И. А. Крылова. Полное собраніе въ 4-хъ частяхъ. Изданіе Комитета грамотности. С.-Петербургъ, 1894. Цѣна 34 к.

Въ числѣ изданій басенъ Крылова, вышедшихъ по случаю пятидесятилѣтія со дня смерти баснописца, изданіе Комитета грамотности заслуживаетъ особаго вниманія. Оно предназначено для народа и одна изъ цѣлей издателей была общедоступность книги, достигнутая ея необычайно низкой цѣной. Но въ то время, какъ въ большинствѣ случаевъ общедоступность идетъ въ ущербъ художественности изданія, новое изданіе поражаетъ именно рѣдкой артистической законченностью. Среди общей массы дешевыхъ изданій на плохой бумагѣ, съ иллюстраціями, смахивающими на карикатуры, новое изданіе Крылова представляетъ отрадное явленіе. Каждая изъ четырехъ частей представляетъ изящную тетрадку напечатанную крупнымъ шрифтомъ на прекрасной глазированной бумагѣ, очевидно, издатели озабочены привитіемъ народу не только доступныхъ ему литературныхъ свѣдѣній, но и развитіемъ эстетическихъ требованій. Только посредствомъ распространенія художественно напечатанныхъ и иллюстрированныхъ книгъ можно успѣшно бороться съ лубочными изданіями; въ деревнѣ, такая книга, какъ новое изданіе Крылова, несомнѣнно должно возбудить въ крестьянахъ критическое отношеніе къ уродливымъ книжкамъ московскихъ и иныхъ поставщиковъ народныхъ книгъ.

Изаніе Комитета грамотности прекрасно иллюстрировано: каждая басня снабжена рисункомъ большаго или меньшаго размѣра,

что составляетъ 200 рисунковъ на все изданіе. Въ числѣ иллюстраторовъ мы встрѣчаемъ имена Е. Я. Бемъ, М. Е. Малышева, Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго, М. П. Клодта и др. Задача иллюстратора вообще не легкая,—ему нужно вполне проникнуться настроеніемъ иллюстрируемой имъ вещи, чтобы воспроизвести въ рисунокѣ самый характерный ея моментъ. Въ басняхъ же Крылова задача эта осложняется еще особыми условіями животнаго эпоса, присвоеніемъ человѣческихъ чертъ звѣрямъ и особый, связанный съ этимъ, юморъ. Существуетъ, какъ извѣстно, пѣлая область искусства, посвященная подобному сатирическому изображенію людей въ видѣ близкихъ имъ по типу звѣрей; знаменитый французскій карикатуристъ Гравиль создалъ въ своихъ «Метаморфозахъ» цѣлую эпопею звѣринаго царства, олицетворяющаго всѣ мелчныя стороны и разные пороки и недостатки людей. Крыловъ въ своихъ басняхъ болѣе глубоко задѣлъ тѣму объ общности натуръ человѣка и низшихъ животныхъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Иллюстраторъ его басенъ долженъ примыкать къ его пониманію, и часто переходитъ отъ юмора къ искреннему паѳосу.

Изъ рисунковъ, отражающихъ юмористическій элементъ басенъ Крылова, отмѣтимъ очень удачныя иллюстраціи Дмитріева-Оренбургскаго къ баснѣ «Обѣдъ у медвѣдя», его же маленькую виньетку «Слонъ на воеводствѣ» и характерную фигуру медвѣдя въ «Медвѣдь въ сѣтяхъ», «Котъ и поваръ» Соломко, затѣмъ «Мартышка и очки», Малышева, «Скупой и курица» Клодта и многіе другіе рисунки прекраснаго изданія.

W.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Философія, исторія и проч.

«*La logique sociale*». Par G. Tarde. 1895 (Felix Alcan) (Соціалная логика). Въ этой книгѣ авторъ даетъ логическое развитіе своихъ идей общей социологіи, изложенныхъ имъ въ его «Законахъ подражанія». Извѣстно, что «подражаніе» онъ считаетъ преобладающимъ факторомъ всей социальной жизни. Въ каждомъ своемъ дѣйствіи человекъ подражаетъ древнимъ образцамъ. Когда онъ говоритъ, молится, сражается, работаетъ, рисуетъ, пишетъ и т. д., онъ непременно подражаетъ какому-нибудь образцу. Но, разумѣется, все-таки существуетъ цѣлая область инстинктивныхъ дѣйствій, которыя человекъ совершаетъ, не думая о своихъ предшественникахъ; это область жизненныхъ отправленияхъ. Въ своемъ новомъ трудѣ авторъ высказываетъ однако мысль, за которую могутъ ухватиться всѣ тѣ, кому надобно выраженіе «соціальный организмъ», повторяемое на всѣ лады. Тардъ приравниваетъ общество не къ цѣлому организму а къ одному только привилегированному органу—мозгу и социальная жизнь является лишь отраженіемъ мозговой жизни. Примѣняя къ социальному міру правила индивидуальной логики знаменитый социологъ приходитъ къ цѣлому ряду весьма интересныхъ заключеній насчетъ дѣйствія религіи, языковъ, искусства, социальныхъ и коллективныхъ чувствъ, какъ, напримѣръ, національная ненависть, народная гордость и т. д. Можно разумѣется, не соглашаться со многими выводами автора, но нельзя не признать оригинальности его ума и поразительной, блестящей аргументаціи, составляющей особенность всѣхъ его произведеній.

(Revue des Revues).

«*L'Évolution littéraire dans les diverses races humaines*» par Ch. Letourneau.

Paris. Bibliothèque anthropologique. (Эволюціи литературы у различныхъ человеческихъ расъ). Представивъ намъ въ предыдущихъ своихъ трудахъ эволюцію нравственности, брака, семьи, собственности, политическихъ и юридическихъ учреждений и религіи у различныхъ человеческихъ расъ, Летурно теперь занялся изслѣдованіемъ эволюціи литературы, рассматривая литературу какъ одно изъ многочисленныхъ выраженій народной жизни въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова. На литературѣ, слѣдовательно, должны неизбѣжнымъ образомъ отражаться всѣ прогрессивныя или регрессивныя метаморфозы социальнаго состоянія. Разумѣется, подъ словомъ литература не слѣдуетъ понимать одавъ только такія произведенія, которыя составляютъ продуктъ уже болѣе высокой цивилизаціи. Гораздо болѣе народная жизнь отражается въ той литературѣ, истинно народной, наивной и непосредственной, которая всюду предшествовала ученой литературѣ, существовала десятки тысячъ лѣтъ и послужила почвою для всей остальной искусственной литературы, являющейся продуктомъ позднѣйшей цивилизаціи. Авторъ приходитъ къ заключенію, что потребность выраженія эстетическаго чувства присуща человеческой природѣ и что эта потребность послужила начальнымъ факторомъ литературы. При самомъ своемъ возникновеніи литература выражалась въ пѣвнѣ. Пѣніе является древнѣйшимъ выраженіемъ человеческихъ чувствъ и даже въ современную эпоху у самаго цивилизованнаго человека нѣкоторые звуки, извѣстныя модуляціи голоса пробуждаютъ такія чувства и вызываютъ эмоціи, которыя захватываютъ его душу. Человекъ наслаждается отъ своихъ отдаленныхъ пред-

ковъ пристрастіе къ музыкѣ и этимъ врожденнымъ чувствомъ объясняется сильное дѣйствіе музыки. Даже у самыхъ примитивныхъ народовъ можно встрѣтить слѣды поэзіи въ пѣсняхъ безъ словъ, въ восклицаніяхъ, которыя предшествовали появленію разговорной поэзіи и служатъ указаніемъ, что въ теченіе долгаго времени слова понимались съ трудомъ и не могли служить выраженіемъ чувствъ, такъ что пѣніе должно было безъ нихъ обходиться. Эволюція литературы шла на ряду съ прогрессомъ соціальной эволюціи. Первобытные способы выраженія эстетическихъ чувствъ должны были видоизмѣниться, такъ какъ самыя эти чувства стали сложнѣе и разнообразнѣе. Новое положеніе вещей, появленіе соціального неравенства не замедлило отразиться на литературѣ. По мѣрѣ своего усовершенствованія литературныя искусства, пѣніе, поэзія, музыка, становились труднѣе и стали уже требовать спеціального обученія. Исследуя шагъ за шагомъ постепенное развитіе литературы, Летуруно вездѣ старается показать, въ какой тѣсной зависимости находится литература отъ соціального и политическаго положенія даннаго народа. Признавая, что въ современной литературѣ обнаруживаются и нѣкоторые признаки вырожденія, Летуруно всетаки не теряетъ надежды въ будущее и вѣритъ, что можетъ наступить эпоха возрожденія. Обновленному обществу понадобится новая эстетика. Великія литературныя произведенія не будутъ уже вдохновляться самымъ крайнимъ индивидуализмомъ, а лишь одними горячими соціальными симпатіями и гуманитарнымъ чувствомъ и только великія научныя идеи станутъ предметомъ поэтическихъ произведеній.

(Revue Scientifique).

«*L'Origine des Aryens et l'homme pré-historique*», par H. Taylor. (Происхожденіе арийцевъ и доисторическій человекъ). Англійскій ученый, трудъ котораго переведенъ на французскій языкъ и входитъ въ составъ «Bibliothèque évolutionniste» касается мало извѣстнаго, но весьма интереснаго вопроса. Сравнительная филологія, вмѣстѣ съ сравнительной мнѳологіей, давно установила тезисъ, по которому всѣ индогерманскіе языки происходятъ изъ одного общаго источника — санскритскаго и что это тожество происхожденія языковъ указываетъ также и на одинаковое этническое происхожденіе. По этой теоріи различныя расы и націи, говорящія на нарѣчійяхъ, происходящихъ изъ одного общаго источника, сами происходятъ изъ

одного и того же племени — арійскаго, древняя колыбель котораго находится на плоскогорьяхъ Гималая. Этотъ тезисъ оспаривалъ Брокъ и, кромѣ того, многія данныя сравнительной антропологии и краниологіи говорятъ противъ него. Тейлоръ очень подробно разбираетъ этотъ вопросъ въ своей книгѣ и рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ параллелизмъ расъ и языковъ и выводитъ многіхъ филологовъ. Не вдаваясь въ подробности анализа этого вопроса, требующаго спеціальной и сложной эрудиціи, мы считаемъ себя вправѣ все-таки рекомендовать эту книгу всѣмъ интересующимся исторіей происхожденія человѣческихъ расъ.

(Journal des Débats).

«*Essais et études*» Emile de Laveleye. 1-ère série 1861—1875. Paris. Alcan. 1894. (Очерки). Эмиль де-Лавеле, безспорно, принадлежитъ къ числу самыхъ плодovitыхъ, талантливыхъ и остроумныхъ писателей Бельгіи. Онъ умеръ въ 1892 году, 70-ти лѣтъ отъ роду, сохранивъ до послѣдней минуты всѣ свои умственные способности. Онъ бросилъ писать только незадолго до своей смерти. Съ 1857 года имъ написана масса статей, трактующихъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, политикѣ, социологіи, политической экономіи, религіи, литературѣ и т. д. Часть этихъ статей, разбросанныхъ по разнымъ журналамъ, онъ издалъ въ видѣ сборника. Первый такой сборникъ вышелъ въ 1863 году подъ общимъ названіемъ «*Questions contemporaines*», второй вышелъ въ 1869 году и назывался «*Essais et études*». Теперь одинъ изъ друзей покойнаго писателя рѣшилъ издать всѣ его статьи, написанныя послѣ 1861 года. Первый томъ уже вышелъ; за нимъ послѣдуютъ еще одинъ или два тома. Многія изъ статей вышеупомянутаго сборника касаются вопросовъ, которые въ то время составляли злобу дня и хотя онѣ уже не имѣютъ современнаго интереса, но все же сохранили интересъ общественно-историческій. Впрочемъ, статьи, написанныя Лавеле въ послѣдній годъ его жизни, не потеряли характера современности и въ настоящее время и, поэтому, прочтутся съ интересомъ.

(Litterarischer Centralblatt).

«*L'éducation des classes moyennes et dirigeantes en Angleterre*» par Max Leclerc. (Paris Colin et Co). (Воспитаніе среднихъ и руководящихъ классовъ въ Англійи). Изложивъ краткую исторію англійскихъ школъ, авторъ приступаетъ къ обзору современнаго положенія вос-

питательной системы въ Англии. Онъ дѣлитъ свой обзоръ на три части. Первая часть «методы воспитанія» начинается интереснымъ сравненіемъ между домашнею жизнью во Франціи и въ Англии. По Леккерку, во Франціи за каждымъ шагомъ ребенка слѣдятъ со страстною привязанностью и трогательною предусмотрительностью; все, также какъ и его собственная свобода, приносится въ жертву его благосостоянію въ данный моментъ. Англійское дѣтя, наоборотъ, рано представляется собственнымъ силамъ. За нимъ далеко не слѣдятъ такъ зорко, чтобы онъ какъ-нибудь не упалъ и не старается поймать его на какомъ-нибудь проступкѣ. Принципъ англійскаго воспитанія: будь самостоятеленъ! и маленький англичанинъ рано приучается къ дѣятельности. Леккеркъ болѣе симпатизируетъ англійской системѣ воспитанія, нежели французской. Во второй части, озаглавленной «Les écoles et les Régions», разсматриваются всѣ англійскія школы, отъ самыхъ высшихъ до низшихъ. Эта часть представляетъ огромный педагогическій интересъ. Третья часть озаглавлена «Les actions extérieures à l'école» и носитъ болѣе смѣшанный характеръ. Въ ней говорится о дѣятельности государства и разныхъ учрежденій на поприщѣ педагогики, а также объ универсальскомъ движеніи. Очень интересны главы, въ которыхъ Леккеркъ описываетъ Оксфордъ и Кембриджъ. Вообще онъ восхваляется англійскими университетами, и хотя книга его представляетъ очень основательное изслѣдованіе, но тѣмъ не менѣе она можетъ внушить французскому читателю, пожалуй, чрезчуръ уже благоприятное мнѣніе о системѣ англійскаго воспитанія. (Athenaeum).

«*A Japanese interior*» By. *Alice M. Bacon*. (Японская домашняя жизнь). Въ своей книгѣ «Японскія дѣвушки и женщины» (*Japanese Girls and Women*), миссъ Бэконъ показала умѣнье владѣть перомъ и матеріаломъ. Новый ея трудъ, касающійся японской жизни, обладаетъ всеми достоинствами перваго ея труда и написанъ такъ же живо и увлекательно. Миссъ Бэконъ мастерской рукой рисуетъ течение національной жизни въ Японіи, но справедливо называетъ свою книгу не столько описаніемъ японской жизни, сколько описаніемъ жизни иностранца среди японцевъ. Японецъ, по словамъ миссъ Бэконъ, замѣнивъ свою прежнюю національную одежду некрасивыми европейскими мундирами, остался все-таки прежнимъ японцемъ, но только лишеннымъ своей живопианности

и самобытности. Нѣкоторые эпизоды японской жизни, разсказанные миссъ Бэконъ, напримѣръ, убійство виконта Мори, и описаніе впечатлѣнія, произведеннаго этимъ трагическимъ событіемъ въ Токио, имѣютъ несомнѣнный историческій интересъ. (Athenaeum).

«*A Desert Bride; a story of adventure in India and Persia*». *Mr Hume Nisbet* (*White et Co*). (Покинутая невеста). Авторъ рисуетъ своего героя, афганскаго принца, чѣмъ-то въ родѣ короля Артура, преисполненнаго самыхъ рыцарскихъ чувствъ. Быть можетъ, люди, хорошо знакомые съ характеромъ афганскаго народа, найдутъ, что возражать противъ такой идеализаціи афганца, но это не мѣшаетъ книгѣ принадлежать къ разряду такихъ, которыя читаются съ захватывающимъ интересомъ. (Bookseller).

«*A Fair Colonist*». By *Ernest Glanville* (*Chatto of Windus*). (Прекрасный колонистъ). Южная Африка представляетъ въ настоящее время страну, которой предсказывается блестящая будущность въ колониальномъ отношеніи, поэтому всякая книга, доставляющая свѣдѣнія объ условіяхъ жизни въ этой странѣ, непременно должна привлечь вниманіе читателей, особенно если она написана такъ увлекательно, какъ вышеупомянутый разсказъ изъ жизни Капской колоніи въ Африкѣ, знакомящій со всѣми ея особенностями въ полный драматическаго интереса. (Bookseller).

«*A Naturalist on the Prowl; or In the Jungle*». By *Eha*, With *Eighly illustrations* by *B. A. Sterndale, F. Z. S.* (*W. Thacker and Co*). (Естествоиспытатель въ поискахъ за добычей). Появленіе этой книги можно смѣло привѣтствовать, такъ какъ она обладаетъ всеми достоинствами, которыя дѣлаютъ книгу интересной и полезной для чтенія. Авторъ очень живо описываетъ англо-индійскую жизнь и знакомитъ читателей съ природою Индіи, съ ея флорой и фауной. Авторъ сообщаетъ много очень интересныхъ свѣдѣній о насѣкомыхъ и птицахъ, которыя водятся въ Индіи; очень занимательны также его разсказы объ обезьянахъ. Прекрасная иллюстрація и фотографическіе снимки прибавляютъ не мало интереса книгѣ, которую смѣло можно рекомендовать какъ полезное и занимательное чтеніе. (Bookseller).

«*Kalender oefver Kvinnorbetet i Finland*». (Календарь работы женщинъ въ Финляндіи). Этотъ календарь изданъ на шведскомъ языкѣ финляндской ассоціаціи въ пользу женскаго движенія и слу-

жить весьма полезнымъ добавленіемъ къ исторіи этого движенія въ Финляндіи, такъ какъ доставляетъ много интересныхъ свѣдѣній о положеніи женскаго вопроса въ этой странѣ.

(Indépendance Belge).

«*Handbook of education*». By Mabel Hawtreay and I. S. Wood. (Руководство къ воспитанію). Очень полезная книга для родителей и воспитателей, заключающая въ себѣ много важныхъ практическихъ и техническихъ свѣдѣній.

(Daily News).

«*Our secret Friends and Foes*». By P. F. Frankland. Ph. D. (Наши тайные друзья и враги). Маленькій томикъ, входящій въ составъ серіи «Romance of Science», заключаетъ въ себѣ крайне

интересную главу о дѣйствіи свѣта на микроорганизмы. Читатели, навѣрное, найдутъ въ этой книгѣ много для себя новаго и поучительнаго.

(Review of Reviews).

«*Domestic Economy*». By I. H. Meyer. M. D. Lancaster. Published by the author. (Домашнее хозяйство). Книга представляетъ очень хорошее и полезное руководство къ веденію домашняго хозяйства. Слѣдующія названія главъ даютъ понятіе о ихъ содержаніи: домоводство; устройство помѣщенія въ санитарномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Пища, питье, одежда, отопленіе; домашніе любимцы и домашніе враги, мать и дѣтя; физическія упражненія, случайности и т. д. (Popular Science Monthly).

Путешествія и біографіи.

«*En Amérique*» par Henry de Varigny. (Въ Америкѣ). Авторъ посѣтилъ Соединенные Штаты съ официальнымъ порученіемъ, которое доставило ему случай близко познакомиться съ американскою жизнью и со всѣми американскими учрежденіями. Результатомъ этой поездки явилась вышеназванная книга, въ которой авторъ описываетъ вынесенныя имъ впечатлѣнія изъ своего пребыванія въ Америкѣ. Въ своей книгѣ авторъ сообщаетъ много любопытныхъ и самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Онъ описываетъ университетскую жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ, способы передвиженія, культуру растений, различныя учрежденія, напримѣръ: психологическія лабораторіи, метеорологическое бюро и т. д. Не лишены интереса его наблюденія надъ негрятянскою расой и замѣчанія о будущности этой расы. Авторъ, конечно, не забываетъ описать читателямъ грядущую чикагскую выставку со всѣми ея достопримѣчательностями. Живость изложенія, отсутствіе растянутости и разнообразіе вполнѣ обеспечиваютъ успѣхъ книги среди читающей публики. (Revue Scientifique).

«*Among the Tibetans*». By Isabella L. Bishop. With illustrations. (Среди тибетцевъ). Авторъ описываетъ свою поездку въ Тибетъ, изъ Сринагара въ Ле. Какъ и слѣдуетъ предполагать, поездка эта была сопряжена со многими опасностями. Мистриссъ Бишопъ совершила ее верхомъ на лошади, въ сопровожденіи одного англійскаго спутника и четырехъ туземцевъ. Описывая свои приключенія, она знакомитъ въ то же время читателей съ Тибетомъ и тибетцами. Многія черты тибетской жизни производятъ отгаликивающее впечатлѣ-

ніе, но въ общемъ народъ обладаетъ симпатичными сторонами характера и привлекаетъ своимъ дружелюбіемъ. Мѣстность очень красива. Миссъ Бишопъ посѣтила нѣкоторые изъ буддистскихъ монастырей и осталась въ восторгѣ отъ ихъ живописнаго мѣстоположенія. По ея словамъ, христіанство распространяется въ Тибетѣ крайне туго. (Bookseller).

«*From Darkness to light in Polynesia with Illustrative Clansongs*. By the Rev. William Gill. (Отъ мрака къ свѣту). Авторъ прибылъ на островахъ Тихаго океана ни болѣе, ни менѣе, какъ тридцать три года. Онъ описываетъ свою миссіонерскую дѣятельность и жизнь среди полудикихъ племенъ, населявшихъ эти острова. По его словамъ, христіанская пропаганда идетъ тамъ очень успѣшно и въ будущемъ дастъ прекрасные результаты. Кроме того, въ своей книгѣ онъ сообщаетъ много данныхъ, имѣющихъ, несомнѣнно, большой этнологическій интересъ. Авторъ собралъ много легендъ и пѣсенъ и, между прочимъ, рассказываетъ, что у туземцевъ сохранились еще пѣсни, въ которыхъ описывается посѣщеніе капитаномъ Кукомъ острова Мангая въ 1777 году. Содержаніе трехъ такихъ туземныхъ одъ авторъ передаетъ въ своей книгѣ, помѣщая рядомъ текстъ пѣсни на туземномъ нарѣчій и переводъ. (Bookseller).

«*Heroes of North African Discovery*». By Nancy Bell. (Герои открытія Сѣверной Африки). Книга выходитъ четвертымъ изданіемъ, что достаточно указываетъ ея успѣхъ. Это хорошо написанный живой рассказъ о путешествіяхъ и открытіяхъ въ сѣверной Африкѣ, ва-

чиная отъ времянь глубокой древности до настоящаго времени. Въ книгѣ сообщаются подробныя свѣдѣнія о дѣятельности и роли Эмина-паша въ Африкѣ и о цѣляхъ миссиі сэра Джеральда Портала въ Угандѣ. (Bookseller).

«*Livingstone and Stanley*». *M-s W. and B. Chambers*. (Ливингстонъ и Стэнли). Маленькая книжечка, въ которой, въ формѣ біографіи двухъ знаменитыхъ путешественниковъ, разсказана очень живо и интересно исторія африканскихъ путешествій и раннихъ попытокъ проникнуть въ таинственныя дебри «Чернаго континента». Главныя событія въ этомъ разсказѣ подчеркнуты и освѣщены надлежащимъ образомъ, дающимъ ясное понятіе о самоотверженіи и мужествѣ изслѣдователей этого континента. Разсказъ не лишень драматическаго интереса и поэтому многими прочтеться съ увлеченіемъ. (Bookseller).

«*Great Commanders. General Washington*». *By General Bradley T. Johnson. New-York. Appleton et Co.* (Великіе полководцы. Генералъ Вашингтонъ). Въ числѣ множества біографій Вашингтона эта книга занимаетъ особое мѣсто, такъ какъ авторъ ея взглянулъ на Вашингтона съ военной точки зрѣнія и разсматриваетъ его не только какъ великаго государственнаго дѣятеля, но и какъ солдата. «Отецъ своей страны» (Father of hiscountry), какъ называютъ въ Америкѣ Вашингтона, обладалъ всѣми качествами и талантами великаго полководца; авторъ вышеупомянутой біографіи старается выдѣлить именно эти качества и указать на важное значеніе

Вашингтона не только въ государственной, но и военной исторіи.

(Popular Science Monthly).
«*Life of Frances Power Cobbe*». *By Herself (Bentley et Co)*. (Жизнь Франсисъ Пауэръ Коббе). Авторъ этой книги, миссъ Коббе, несмотря на свои очень почтенные годы, занимаетъ первое мѣсто въ ряду современныхъ женщинъ Англіи, такъ энергично требующихъ уравненія своихъ правъ и добивающихся независимости и самостоятельности. Миссъ Коббе была одною изъ первыхъ женщинъ, поднявшихъ знамя возстанія противъ устарѣлыхъ традицій, не дававшихъ женщинѣ выйти изъ ея подчиненнаго положенія. Получивъ поверхностное образованіе, которое обыкновенно дается женщинамъ, миссъ Коббе личными усиліями дополнила его. Ей пришлось заниматься тайкомъ, потому что, по понятіямъ ея родителей, такія занятія были не къ лицу молодой дѣвушкѣ. Когда отецъ ея узналъ объ ея занятіяхъ, то страшно разсердился и отправилъ ее на годъ въ ссылку, къ брату. Затѣмъ она опять вернулась домой, но прежнія ея отношенія съ семьей не могли восстановиться и она до самой смерти своего отца была подвергнута «нравственному остракизму». Миссъ Коббе написала много статей болѣе или менѣе научнаго характера и занимаетъ выдающееся мѣсто въ англійской журналистикѣ. Ея автобіографія въ высшей степени интересна и поучительна, такъ какъ отъ нея вѣетъ свѣжестью и вѣрою въ лучшее будущее женщины.

(Athenaeum).

НЕКРОЛОГЪ.

† А. Г. Рубинштейнъ. Въ ночь на 8-е ноября въ Старомъ Петергофѣ скончался отъ удушья, вызваннаго жировымъ перерожденіемъ сердца, Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, одинъ изъ гениальнѣйшихъ піанистовъ и музыкантовъ XIX-го столѣтія. Со смертью его и Чайковскаго, русское музыкальное искусство понесло утраты, которыя едва ли могутъ быть оцѣнены современниками надлежащимъ образомъ. Выдающимся дѣятелямъ на всякомъ поприщѣ приходится имѣть дѣло не только съ восторженными поклонниками, безусловно восхищающимися своими кумирами, но и съ ожесточенными противниками, нападающими на нихъ безкорыстно или по разнымъ личнымъ соображеніямъ. И на долю Рубинштейна выпало не мало огорченій и оскорбленій; время покажетъ, насколько справедливы были нареканія на его музыкальную дѣятельность. Но, на ряду съ этимъ, Рубинштейнъ достигъ такой славы, такихъ почестей и отличій, былъ окруженъ такимъ поклоненіемъ, какихъ не часто удостоиваются самые великіе люди при жизни.

Рубинштейнъ родился 16-го ноября 1829 года въ мѣстечкѣ Вехотинцы, Бессарабской губерніи. Въ началѣ 30-хъ годовъ, отецъ его, бывшій купцомъ, переселился въ Москву, гдѣ Антонъ Григорьевичъ, скоро обнаружившій недюжинныя музыкальныя способности, сталъ брать уроки игры на фортепіано сначала у своей матери, а затѣмъ у извѣстнаго педагога Виллуана. 11-ти лѣтъ отъ роду А. Г. уже концертировалъ за границей и обратилъ на себя общее вниманіе. Съ 1844 г. по 1848 г. А. Г. занимался въ Берлинѣ изученіемъ теоріи композиціи подъ руководствомъ знаменитаго теоретика Дена. Возвратившись въ Россію, онъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ пользовался покровительствомъ Великой Княгини Елены Павловны, впоследствии предсѣдательницы Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества. Въ 1862 г. А. Г. основалъ при этомъ обществѣ петербургскую консерваторію, директоромъ которой былъ дважды: съ 1862 до 1867 г. и съ 1887 до 1890 г. Онъ многократно совершалъ концертныя путешествія по Европѣ, въ 1872—1873 гг. посѣтилъ Сѣверо-Американскіе Штаты и утвердилъ за собою славу величайшаго піаниста, не уступавшую славу Листа. Онъ часто выступалъ въ качествѣ дирижера какъ своими, такъ и чужими произведеніями. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ почти исключительно занимался композиціей и игралъ публично только съ цѣлями педагогическими или благотворительными.

Музыкальная дѣятельность Рубинштейна была всесторонняя, но при упоминаніи его имени у всякаго, прежде всего, возникало пред-

ставленіе о чемъ-то феноменальномъ въ области игры на фортепіано. Дѣйствительно, тому, кто никогда не слышалъ игры А. Г., нельзя даже приблизительно разъяснить, чѣмъ она отличалась и какое потрясающее, глубоко-художественное впечатлѣніе производила. Сухой, деревянный звукъ фортепіано превращался въ пѣніе, полное жизни, красоты, страсти, изящества. Глубочайшее пониманіе каждаго исполнявшагося автора сказывалось въ геніальной передачѣ А. Г. Наряду съ титаническими проявленіями бурнаго, неукротимаго темперамента—женственная мягкость, послѣ задорной, изящной бойкости—величественная простота, за соблазнительно-чувственными, страстными вспышками—неземные, мистическіе увлеченія,—вотъ какова была игра Рубинштейна, неудержимо увлекавшая и очаровывавшая весь миръ. Техническихъ трудностей для А. Г. не существовало; но механизмъ былъ для него лишь средствомъ въ совершенствѣ передавать геніально постигнутыя идеи авторовъ. Поразительно владѣлъ онъ искусствомъ педализаціи, благодаря чему достигалъ эффектовъ, казалось бы, даже несвойственныхъ характеру фортепіано. Программы его концертовъ вмѣщали рѣшительно все лучшее, что когда-либо было написано для фортепіано. Своимъ исполненіемъ Рубинштейнъ популяризировалъ такихъ композиторовъ, какъ Бетховенъ, Шуманъ, Шопенъ, и сдѣлалъ ихъ понятными и дорогими массѣ. Въ этой характеристикѣ А. Г., какъ піаниста, мы отнюдь не претендуемъ на полноту, которая была бы возможной лишь въ весьма обширномъ и основательно разработанномъ трудѣ.

Рубинштейнъ былъ также очень плодовитымъ композиторомъ. Онъ писалъ для всѣхъ родовъ музыки, и многія сочиненія его пользуются большимъ успѣхомъ. Онъ обладалъ даромъ мелодіи, шириную мысли, и если не всѣ его произведенія, то большая часть ихъ надолго займетъ почетное мѣсто въ сокровищницѣ европейской музыки. Какъ дирижеръ, А. Г. выдѣлялся умѣньемъ схватить и точно передать основную мысль и настроеніе каждаго произведенія; детали отходили на второй планъ, и слушатель выносилъ цѣльное и ясное представленіе о томъ, чего хотѣлъ авторъ. Рубинштейнъ по временамъ обращался и къ печатному слову для поддержанія и пропаганды своихъ идей. Его книга «Музыка и ея представители», содержитъ въ сжатой формѣ какъ бы символъ музыкальной вѣры Рубинштейна.

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Вопросы русской общественной жизни. Въ газетахъ появилось недавно очень интересное свѣдѣніе о томъ, что Петербургская дума собирается ознаменовать бракосочетаніе Государя Императора введеніемъ въ столицѣ обязательнаго обученія. «Новое Время» излагаетъ въ краткихъ чертахъ заявленіе, внесенное по этому поводу въ Петербургскую думу гласнымъ Е. Н. Кедринимъ:

«Несомнѣнно, что въ ряду задачъ городского самоуправленія, — говоритъ Кедринъ, — забота объ образованіи населенія должна занимать первенствующее мѣсто. Въ дѣлѣ образованія столичнаго населенія предстоить еще много сдѣлать. По переписи 1890 года въ нашей столицѣ оказалось 15.540 неграмотныхъ и неучащихся дѣтей школьнаго возраста. Количество отказовъ ежегодно растетъ. Въ 1892 г. было 2.496 отказовъ, а въ 1893 г. уже 3.396. Это безспорно доказываетъ ежегодно возрастающую потребность въ начальномъ образованіи. Удовлетворяя эту настоятельную потребность, дума исполнила бы завѣтъ Великаго Основателя Петербурга. Въ именномъ своемъ указѣ Сенату отъ 28-го февраля 1714 г. Петръ I установилъ обязательность и бесплатность обученія. Это было задолго до того, какъ этотъ принципъ былъ проведенъ законодательствами государствъ западной Европы.

Вопросъ о введеніи обязательнаго обученія несомнѣнно является теперь

вопросомъ назрѣвшимъ, что видно хотя бы изъ того, что за послѣднее время онъ поднимается и обсуждается на многочисленныхъ земскихъ собраніяхъ. Такъ, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», въ ярославскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи «19 октября, по предложенію гласнаго кн. Д. И. Шаховскаго, представившаго подробный докладъ о положеніи дѣла народнаго образованія въ уѣздѣ и планъ нормальной сѣти училищъ, единогласно признана *безотлагательность* поднятія въ уѣздѣ вопроса *о всеобщемъ обученіи*, рѣшено открыть цѣлый рядъ школъ, бібліотеку для учащихъ при уѣздной управѣ и лѣтомъ 1895 года курсы для нихъ, сдѣлать опыты введенія чтеній и проч. Въ настоящее время наличными школами (38 земскихъ, 57 церковно-приходскихъ и нѣсколько частныхъ) изъ 127 тыс. жителей могли пользоваться только 110 тыс., больше 200 селеній были внѣ школьныхъ районовъ.

Къ подобнымъ же выводамъ пришла и спеціальная коммиссія, назначенная для разработки этого вопроса Саратовскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ.

«Исходя изъ того положенія, что земство обязано равномѣрно и для всего населенія уѣзда дать средства къ первоначальному обученію, слѣдуетъ признать, что теперь народныя школы по уѣзду распределены несправедливо: слѣдовало бы теперь же открыть еще

36 земскихъ школъ; это и возможно сдѣлать на совмѣстныхъ средствахъ сельскихъ обществъ и земства, если бы для сельскихъ обществъ было установлено обязательное отчисленіе въ школьный фондъ извѣстнаго процента съ доходовъ отъ сдачи правъ на питьевую торговлю. Комиссія рекомендуетъ ходатайствовать черезъ губернское земское собраніе о томъ, чтобы въ законодательномъ порядкѣ признано было для сельскихъ обществъ обязательнымъ отчисленіе 25 проц. съ доходовъ отъ сдачи правъ на питьевую торговлю въ специальный школьный фондъ; по Саратовскому уѣзду это давало бы до 17.000 р. въ годъ, кромѣ того, поручить школьной комиссіи къ будущему земскому собранію выработать подробный планъ введенія въ уѣздѣ обязательнаго первоначальнаго обученія.

На ряду съ заботой о народномъ образованіи, одной изъ главныхъ отраслей дѣятельности земства является забота о поднятіи экономическаго благосостоянія крестьянъ и его болѣе успѣшномъ развитіи крестьянскаго хозяйства. Многія земства устраиваютъ у себя опытные поля и образцовыя фермы, знакомятъ крестьянъ съ улучшенными способами обработки земли, даютъ имъ въ ссуду сѣмена, продаютъ со скидкой земледѣльческія орудія, устраиваютъ сельскохозяйственныя выставки и пр. Такъ, напр., по сообщенію корреспондента «Р. Ж.», Слободское уѣздное земство (Вятской губ.) съ весны 1893 г. устроило у себя складъ сельскохозяйственныхъ орудій и сѣмянъ, изъ котораго бесплатно роздало крестьянамъ «на 13 десятинъ 1.285 кв. саж. 16 пудовъ разныхъ травяныхъ сѣмянъ и, кромѣ того, отпущено, также бесплатно, на 40 доказательныхъ полей 196 пуд. 30 ф. фосфоритной муки. Въ нынѣшнемъ 1894 году операціи склада значительно расширились.

Охотно и быстро раскупались кре-

стьянами косули, ручныя молотилки, которыя управа продаетъ съ разсрочкою платежа отъ года до двухъ лѣтъ; вѣялки-сортировки, стоящія по каталогу въ столичныхъ сельскохозяйственныхъ складахъ 35 р., у насъ же изготовленныя кустарнымъ способомъ, продаются по 16 руб. и т. д. Особенно много явилось въ нынѣшнемъ году желающихъ посѣять траву; такъ, напримѣръ, въ концѣ мая всѣхъ заявленій на посѣвъ травъ было 268 на 185 десятинъ 604 кв. саж.; въ числѣ этихъ заявленій находилось много отъ цѣлыхъ обществъ. Фосфоритной муки было продано около 800 пудовъ.

Нынѣшнее уѣздное земское собраніе, по выслушаніи доклада о сельскохозяйственныхъ мѣропріятіяхъ, ассигновало на улучшенія хлѣбныя и травяныя сѣмена 2.700 руб., на улучшение кустарныхъ промысловъ 500 р. и на бесплатную раздачу крестьянамъ брошюръ сельскохозяйственнаго содержанія 100 руб., притомъ уполномочило управу ходатайствовать передъ губернскимъ собраніемъ объ увеличеніи оборотнаго капитала на покупку и продажу сельскохозяйственныхъ орудій до 5.000 р. и о признаніи, временно отпущенныхъ губернскимъ собраніемъ, 1.300 руб. постояннымъ оборотнымъ капиталомъ для выдачи беззашаднымъ домохозяевамъ на покупку лошадей безпроцентныхъ ссудъ на 2 года.

Кромѣ того, собраніе признало нужнымъ пригласить на уѣздъ еще другаго агронома, ассигновавъ для этого 600 р. До сихъ поръ ни въ одномъ уѣздѣ какой бы то ни было губерніи еще не было двухъ земскихъ агрономовъ; это первый случай, которому, надо надѣяться, послѣдуютъ и другія земства».

Тверское земство устроило въ губерніи три хлѣбныхъ склада на средства, ассигнованныя для этой цѣли губернскимъ земскимъ собраніемъ.

Земскіе хлѣбные склады будутъ принимать въ залогъ хлѣбъ и выдавать ссуду всѣмъ землевладѣльцамъ, безъ различія сословій, на сумму не свыше ста рублей на каждого домохозяина и на срокъ не свыше 9 мѣсяцевъ. Принимаемый въ залогъ хлѣбъ, по желанію владѣльца, или оставляется въ складѣ въ хозяйскихъ мѣшкахъ, за печатами, или же обезличивается, т.-е. очищается на сортировкѣ и всыпается въ общій закромъ. Подъ залогъ необезличеннаго хлѣба ссуда выдается въ раздѣлѣ 60% его стоимости изъ 9 годовыхъ, или $\frac{3}{4}\%$ въ мѣсяцъ; подъ залогъ же обезличеннаго хлѣба въ ссуду выдается 80% его стоимости и взимается 8 годовыхъ, или $\frac{2}{3}\%$ въ мѣсяцъ. Хлѣбныя цѣны, по которымъ склады будутъ принимать хлѣбъ въ залогъ, предполагается устанавливать самую губернскую управку на основаніи рыночныхъ цѣнъ».

Подобныя же мѣропріятія предпринимаются и многими другими земствами и несомнѣнно, что они отзовутся весьма благотворно на крестьянскомъ населеніи, хотя, конечно, одними сельскохозяйственными улучшениями трудно остановить все усиливающея крестьянское обѣднѣніе.

Въ подвижной школѣ. Въ «Саратовскомъ дневникѣ» печатались интересные записки одного сельскаго учителя, озаглавленные «Въ подвижной школѣ»; въ этихъ запискахъ сообщается много любопытныхъ подробностей объ устройствѣ этого, еще очень мало распространеннаго у насъ типа школы, и объ условіяхъ жизни учителя въ такой школѣ. Авторъ рассказываетъ, что, года четыре тому назадъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ земскихъ собраній Саратовской губ. было постановлено учредить въ уѣздѣ для пробы одну подвижную школу; его назначили учителемъ въ эту школу. «Получилъ я,—рассказываетъ онъ,—отъ инспектора народныхъ училищъ

бумагу, въ которой мнѣ предлагалось приступить къ занятіямъ въ Копыльской волости. Иду въ земскую управу за учебными принадлежностями; председатель объявляетъ: «я общалъ васъ Копыльскому старшинѣ въ его деревнѣ; побѣжайте къ нему, онъ вамъ доставитъ все, что нужно». Ёду въ Копыльское волостное правленіе. Старшины нѣтъ—уѣхалъ въ Саратовъ, оттуда проѣдетъ на земское собраніе и вернется только черезъ двѣ недѣли. Дѣлать нечего, ёду съ пустыми руками въ деревню Смуровку, гдѣ старшиной нанята квартира подъ школу. Деревеньку насилу отыскалъ въ глубокомъ оврагѣ за лѣсомъ. Въѣзжая въ нее, я былъ пораженъ ея мизерностью: въ ней было всего два десятка дворовъ. Рядомъ были громадныя деревни, совсѣмъ лишенныя грамоты. Всего удобнѣе было бы помѣстить школу въ одной изъ этихъ большихъ деревень; тамъ, во-первыхъ, услугами школы могло воспользоваться большее количество населенія, во-вторыхъ, тамъ подвижная школа могла сыграть роль рекламы и на мѣстѣ ея могла возникнуть постоянная школа. А меня—загнали на какой-то хуторъ. Скрѣпя сердце, я подумалъ: «Придется, видно, учить сына старшины съ прибавкою двухъ-трехъ нальчишекъ». При въѣздѣ въ деревню—меня взяло такое уныніе, — вприору хотъ вернуться назадъ...

На вопросъ мой, гдѣ снято училище, мнѣ указали за селомъ противъ кладбища одинокую избу. Вокругъ—ни кола, ни двора.

— Заѣзжай вонъ въ ту избу, къ Ефиму Максимычу, ключъ отъ избы у него!—крикнулъ мнѣ вслѣдъ спрощенный сельчанинъ».

Подѣхавъ къ указанной избѣ, учитель спросилъ у старика-хозяина ея ключъ отъ школы. Ключъ оказался у паслуха, который ушелъ въ поле и унесъ его съ собой. Пришлось остановиться у старика. Между тѣмъ,

вѣсть о пробитіи учителя быстро разнеслась по деревнѣ. Онъ рассказываетъ, что вскорѣ «въ избу собрались мужики и бабы чуть-ли не со всей деревни. Дѣтвора также столпилась въ кучу у избы. Начались вопросы, какъ и чему буду учить; затѣмъ разговоръ перешелъ на хозяйство. Я зналъ кое-что по этой части и, благодаря этому, кажется, много выигралъ въ глазахъ крестьянъ. Видимо, мнѣ были искренно рады, почти все предлагали различные услуги, и никто не хотѣлъ брать денегъ. У меня немного отлегло отъ сердца».

Наконецъ, вернулся внукъ старика, посланный къ пастуху за ключемъ, и все гурьбой отправились осматривать помѣщеніе школы. По словамъ учителя, глазамъ ихъ представилась не особенно живописная картина.

Будущій «храмъ грамоты» походилъ на рѣшето: съ дырявой крышей, съ битыми стеклами, съ щелями въ стѣнахъ, безъ завалины, изба стояла одиноко противъ кладбища, и вокругъ не видно было ни кола, ни двора. Внутри изба выглядѣла еще болѣе уныло: передѣланная изъ раскольничьей молельни, она при сравнительно высокихъ стѣнахъ была окрашена черною краскою, четыре маленькихъ оконца давали ничтожное количество свѣта, и даже при солнцѣ въ избѣ держался постоянный полумракъ. Въ ней раньше никто не жилъ, кромѣ пастуха. Предстояло и учить, и жить въ этой избѣ, такъ какъ другою квартирою въ деревнѣ не оказывалось. Меня снова охватило такое уныніе, что я хотѣлъ было тутъ же уѣхать въ городъ и просить немедленнаго перевода въ постоянную школу; но первое тяжелое впечатлѣніе быстро изгладилось: изба все болѣе и болѣе веселѣла, наполняясь ребятишками.

Прежде чѣмъ приняться за обученіе ребятъ, учитель долженъ былъ заняться ремонтомъ школьнаго зда-

нія. Онъ рассказываетъ объ этомъ слѣдующее:

«На другой день, собравъ по деревнѣ необходимые инструменты и пригласивъ на помощь троихъ парней, я принялся за починку избы: завалили завалину, заткнули коноплями стѣнные щели, дыры на крышѣ закрыли свѣжею соломою, въ трубахъ разорили жилище галокъ; вообще избу привели въ жилой видъ; только съ оконными рамами ничего не могли подѣлать: не было въ деревнѣ ни стекла, ни алмаза; пришлось недостающія звенья заклеить бумагой. Къ вечеру я перебрался въ новое жилище, и вмѣстѣ съ вернувшимся съ поля пастухомъ мы сварили себѣ какое-то необыкновенное кушанье, состоявшее изъ муки, пшена и картофеля; оно показалось намъ чрезвычайно вкуснымъ. Уставъ отъ непривычной возни, я уснулъ какъ убитый. На слѣдующій день были собраны по деревнѣ нѣсколько досокъ, различные столярные инструменты, и я принялся за устройство классной мебели. Мой случайный сожитель оказался драгоценнымъ для меня человекомъ. Уроженецъ Пензенской губерніи, гдѣ значительно развиты кустарные промыслы, онъ зналъ нѣсколько ремеселъ, былъ столяромъ, колесникомъ, портнымъ, сапожникомъ и кузнецомъ, оказывалъ деревнѣ различныя услуги по всемъ этимъ специальностямъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ, но имѣлъ одинъ крупный недостатокъ, заставившій насъ вскорѣ разстаться. Получивъ осенью деньги за пастьбу, онъ пропивалъ ихъ въ теченіе недѣли и затѣмъ поступалъ на зиму къ кому-нибудь изъ зажиточныхъ крестьянъ убирать скоть «изъ хлѣба», вплоть до слѣдующей весны и пастьбы. Отрядивъ къ стаду двоихъ подростковъ, мы въ два дня устроили всю школьную обстановку. Классную доску замѣнилъ вдланный въ раму желѣзный листъ. Вмѣстѣ съ вускомъ

мѣла, это былъ единственный предметъ въ моихъ рукахъ, съ которымъ я долженъ былъ приступить къ обученію».

Съ дѣтми у новаго учителя сразу установились самыя хорошія отношенія: «Они какъ-то сразу перестали меня дичиться,—разсказываетъ онъ,— не смотря на то, что глумливыя рекомендаціи мужиковъ: «вотъ онъ васъ проберетъ, онъ вамъ покажетъ Кузькину мать!»—не обещали ничего хорошаго; только одинъ шестилѣтній мальчуганъ спросилъ меня дорогою: «Дяденька, чѣмъ ты насъ будешь бить—хворостиной или за волосы?» Страхъ сразу пропалъ, когда я сказалъ ребятамъ, что драться не стану, наоборотъ, буду съ ними играть, пѣть пѣсни, и ученье пойдетъ незамѣтно.— «Только, ребята, уговоръ: я пробуду у васъ недолго, надо скорѣе научиться читать и писать; кто опоздаетъ, останется такъ». Ребята наперерывъ выражали готовность заняться наукой, забывъ все остальное на свѣтѣ.

Но, къ сожалѣнію, дѣтей въ деревнѣ было очень мало: дѣтей школьнаго возраста было всего 13 человѣкъ. Пришлось собрать и дѣтей дошкольнаго возраста, и всѣхъ неженатыхъ парней, и то набралось всего только 35 человѣкъ. Досадно было тратить время и трудъ и получать земское жалованье за такое маленькое дѣло, какъ обученіе грамотѣ 35 ребятиншекъ, когда рядомъ были громаднаго села, лишеныя всякой возможности учиться. Желая все-таки воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Смуровкѣ, учитель придумалъ слѣдующее: «Въ первое же воскресенье я отправился на деревенскій сходъ и предложилъ устроить вечерніе классы для взрослоаго населенія деревни. Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія: все взрослое населеніе мужскаго пола выразило согласіе научиться грамотѣ. Правда, старики сначала было отпѣивались, ссылаясь на недосугъ, но

когда я ихъ увѣрилъ, что если они втеченіе 30 дней стануть удѣлять на науку по одному часу вечеромъ, то всѣ будутъ читать и писать,—тогда согласіе было получено полное. Идя со схода, а, что называется, не чуялъ подъ собою ногъ отъ радости. Имѣть большую аудиторію изъ взрослыхъ,—это было ново, интересно и сулило громадный успѣхъ. «Если ужъ пробивать стѣну невѣжества,—думалъ я,—такъ надо начинать съ самаго основанія, съ отцовъ и сѣдобородыхъ патріарховъ; можно ручаться, что у грамотныхъ отцовъ дѣти не останутся круглыми невѣждами»...

Дома меня ожидала непріятная исторія. Въ этотъ день выпалъ свѣгъ, мой сожитель получилъ расчетъ за пастбу и въ компаніи съ лѣсникомъ изъ сосѣдней экономіи и двумя заѣзжими цыганами праздновалъ заключеніе пагубной миссіи. Когда я пришелъ, они уже допивали вторую четверть. Компанія неистово шумѣла и грозила увеличиться новыми членами, за которыми сожитель посылалъ лѣсника. Мои протесты привели моего сожителя въ ярость и онъ обнаружилъ явное намѣреніе сокрушить сдѣланные при его помощи классныя парты, на что онъ, по его мнѣнію, имѣлъ полнѣйшее нравственное право, какъ на труды рукъ своихъ. Увѣщанія мои не повели ни къ чему,—и дѣло кончилось безобразною сценою: у сожителя моего пострадала физиономія, мой культурный костюмъ также получилъ большія измяны...

Приведенная сцена въ достаточной степени характеризуетъ обстановку жизни этого скромнаго «святителя знанія на ниву народную». Самъ онъ описываетъ свое положеніе слѣдующимъ образомъ:

«Было отчего придти въ уныніе! Приходилось жить совершенно одному въ той же грязной, холодной и мрачной избѣ, въ которой производилось обученіе. Изба была худая, имѣла

одну только русскую печь съ прямой трубой; согрѣтъ избу не было никакой возможности; днемъ еще было терпимо, — ученики нагрѣвали избу своимъ дыханіемъ; но ночью температура падала ниже нуля, и у меня въ самоварѣ замерзала вода, во время сильныхъ мятелей черезъ щели проникалъ въ избу снѣгъ. Вечеромъ въ морозное время приходилось сидѣть въ полусубукѣ. Спалъ я около печки, накрывшись теплымъ тулупомъ. Сторожа у меня не было. Послѣ неудачнаго сожительства съ пастухомъ, я не хотѣлъ заставлять маленькое сельское общество расходиться на наемъ сторожа, да притомъ же хотѣлось, чтобы содержаніе школы обошлось какъ можно дешевле. Мели избу и топили печь дежурившіе по очереди ученики. Когда дежурный былъ слишкомъ малъ, его обязанности приходилось исполнять самому. Рубкой дровъ мы занимались всѣмъ классомъ, и въ какой-нибудь часъ нѣсколько возовъ хвороста превращались въ мелкія палки. Мойку половъ по субботамъ производили по очереди деревенскія бабы. Обѣда я себѣ никогда не варилъ и жилъ на сухояденіи — ѣлъ яйца, сливочное масло и деревенскій ржаной хлѣбъ, запивая чаемъ. У меня прекрасный желудокъ и вообще очень крѣпкое здоровье, благодаря чему я отъ такой діеты несколько не пострадалъ, даже, кажется, погодѣлъ. не смотря на усиленный трудъ. Чрезвычайно тяжело сказывалось отсутствіе литературной пищи. Ближайшая почтовая станція находилась отъ деревни въ 15 верстахъ и обмѣнить книги въ городской библіотекѣ можно было только при случаѣ».

А между тѣмъ, учитель все-таки не унывалъ: дѣло у него шло хорошо, ребята учились охотно и дѣлали успѣхи. Съ крестьянами у него вскорѣ тоже установились близкія отношенія. Но вечерамъ въ школѣ устранивался па-

стоящій клубъ: къ учителю собиравась деревенская публика, обсуждались новости, трактовались деревенскіе вопросы, писались письма родственникамъ. Словомъ, несмотря на удручающія матеріальныя условія, учитель былъ вполне доволенъ своей участью, но... независающія отъ него и отъ его учениковъ обстоятельства заставили его вскорѣ покинуть деревню.

Сельскія общества трезвости.

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» напечатана корреспонденція изъ села Елани, въ которой описывается дѣятельность Еланскаго общества трезвости и борьба, которую оно ведетъ съ кабацкими. Общество возникло въ мартѣ текущаго года, по инициативѣ мѣстнаго священника, и въ настоящее время насчитываетъ уже около 40 членовъ, среди которыхъ есть нѣсколько представителей интеллигенціи. Свою непосредственную задачу — борьбу съ пьянствомъ, общество приводитъ въ связь съ другой, болѣе широкой, задачей. Члены его сознаютъ, что недостаточно проповѣдывать крестьянамъ о губительномъ дѣйствіи спиртныхъ напитковъ, надо дать имъ что-нибудь взаимно развлеченій, получаемыхъ въ кабакахъ. Въ виду этого еланское общество трезвости заботится о поднятіи образованія въ своемъ селѣ. Корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника» сообщаетъ, что «между другими недостатками мѣстной земской школы замѣчался недостатокъ классной мебели, и прежде всего ученическихъ партъ, такъ что пришлось бы отказывать желающимъ поступить въ школу дѣтямъ, хотя помѣщеніе школы и довольно обширное. Въ виду этого общество построило на свои средства нѣсколько новыхъ партъ и ремонтировало старыя. Въ недалекомъ будущемъ, благодаря содѣйствію этого же общества трезвости, будетъ выстроено особое зданіе для школы въ

одной изъ приходскихъ деревень—Новеселкахъ. Съ своей стороны о. Ивановскій пожертвовалъ для этой школы нѣсколько кубическихъ сажень камня. Все это, правда, дѣла маленькія, но вѣдь «и Москва не вдругъ строилась», говоритъ пословица. Современемъ и эти маленькія дѣла дадутъ крупныя результаты, памятуя, что «добраго дѣла и слова не пропадутъ сѣмена». Но главная забота общества заключается въ борьбѣ съ кабакомъ. Эта борьба здѣсь, въ Елани, тѣмъ труднѣе, что население въ большинствѣ давно отбилось отъ своей земли—кормилицы и, утративъ типъ русскаго крестьянина-пахаря, который былъ ему издревле присущъ, занялось, благодаря близости Казани, особымъ видомъ отхожаго промысла—ассенизаціей. Ремесло, правда, дорого оплачиваемое, но прибыльное не для рабочихъ, а для содержателей различныхъ трактировъ въ Казанской «моярой улицѣ» и т. п. увеселительныхъ заведеній, потому что весь заработокъ ими пропивается въ этихъ «злчныхъ» мѣстахъ. И, поэтому, неудивительно, что экономическое благосостояніе еланцевъ подорвано въ самомъ основаніи, задолженность населенія просто невѣроятная: и по выкупнымъ платежамъ, и земству, и продовольственному капиталу. Словомъ, всюду долги, долги и долги. Еланское общество, состоя изъ 189 душъ, задолжало болѣе чѣмъ на 12 тысячъ рублей. Это болѣе 64 рублей на каждую душу. О нравственной подготовкѣ этихъ «золотопромышленниковъ» и говорить нечего: она ниже всякой критики, да и откула имъ было набраться нравственности, когда они невольно усвоивали только отрицательную сторону жизни большого города, съ которой ихъ знакомыя разныя харчевни, трактиры, постоянныя двory и пр. заведенія. И вотъ въ средѣ этихъ-то людей и приходится проповѣдывать о необходи-

мости трезвой жизни. А «темныя силы» не дремлютъ. Недавно, напр., только случай спасъ Елань отъ одного изъ представителей этой «силы» г. А—гина, который стремился облагодѣтельствовать это село открытіемъ кабака.

Въ селѣ Можга, Елабужскаго уѣзда, въ прошломъ году была открыта народная чайная, преслѣдующая тѣ же цѣли, какъ и Еланское общество трезвости. Цѣль открытія чайной, по словамъ «Волж. Вѣст.», заключается въ томъ, чтобы, по возможности, отвлечь мужика отъ кабака и доставить ему случай за три копейки позабавиться чайкомъ и тутъ же закупить. Три копейки стоитъ порція чаю, при этомъ полагается: $\frac{1}{2}$ зол. чаю и два куска сахару.

Чайная открыта на средства, собранныя по подпискѣ среди сельчанъ.

Многіе думали, это это просто-напросто пустая затѣя и не больше. Крестьяне довольны чайной: «за три коп. и чайку попьешь, а если захватишь хлѣбца, то закусишь и обогрѣешься...

Чайная просуществовала цѣлымъ годемъ и сейчасъ имѣетъ довольно приличный инвентарь: кубъ, самовары, чайную посуду; нанимаетъ помѣщеніе, которое стоитъ не менѣе 6 рублей въ мѣсяцъ съ прислугой, и, кромя того, цѣлы почти всѣ собранныя по подпискѣ деньги 30—40 рублей.

Завѣдуетъ чайной безвозмездно ветеринарный фельдшеръ Бабинцевъ, человекъ интеллигентный.

Не нужно забывать того обстоятельства, что чайную крестьяне любили. Браснорѣчивѣе всего говорить въ пользу чайной то, что трехкопѣчная выручка въ базарныя дни достигала 7 рублей, иными словами, значить въ чайной бывало до 200—250 человекъ ежедневно.

Можгинскіе крестьяне, вслѣдъ за чайной рѣшили также открыть въ селѣ бібліотеку и *отпустили на*

нее 200 рублей. Въ настоящее время для библиотек-читальни уже утверждены правила и теперь остается только подождать, когда получатся книжки. Дѣло это во всякомъ случаѣ не будетъ отложено въ долгій ящикъ, такъ какъ иниціаторъ этого дѣла, какъ мы слышали, составилъ каталогъ для выписки книжекъ и затѣмъ обратился съ просьбой о высылкѣ книгъ къ Комитету грамотности и къ Вятской губернской управѣ.

Можгинская библиотека, по счету, будетъ второй въ уѣздѣ.

Борьба съ пожарами. На всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ предполагается, между прочимъ, устроить отдѣлъ дешевыхъ сельскихъ огнестойкихъ и негоряемыхъ построекъ. Нечего и говорить, какое огромное значеніе имѣетъ вопросъ о такихъ постройкахъ для всего нашего крестьянства. Въ «Сибирскомъ Листкѣ» была недавно помѣщена статья подъ заглавіемъ «Деревянно-соломенная Русь», въ которой сообщаются слѣдующія любопытныя данныя по этому вопросу.

«Размѣръ ежегодныхъ убытковъ, причиняемыхъ пожарами собственно сельскому населенію, крестьянству, громаденъ: профессоръ Каблуковъ вычисляетъ его въ 70—100 милліоновъ рублей для Европейской Россіи, причемъ въ эту сумму не входятъ косвенныя потери—отъ временной приостановки производительной силы погорѣльцевъ, отъ постоянно увеличивающагося истребленія лѣсовъ, истребленія, вызываемаго необходимостью возобновленія жилищъ и т. п. Деревни и села Сибири горятъ не менѣе, чѣмъ Европейской Россіи. Самой радикальной мѣрой была бы, конечно, замѣна деревянныхъ построекъ огнеупорными, но, къ сожалѣнію, эти постройки лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ вошли въ употребленіе. Для выясненія того обстоятель-

ства, почему огнеупорныя постройки, не смотря на ихъ очевидную полезность, совсѣмъ почти не прививаются, въ 1888 году, при Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства была образована особая коммиссія, которая пришла къ заключенію, что главными причинами малаго распространенія огнеупорныхъ сельскихъ построекъ и безуспѣшности многихъ принимавшихся къ тому мѣръ слѣдуетъ признать: 1) отсутствіе знанія и опытности у мѣстнаго населенія относительно способовъ возведенія такихъ зданій; 2) недостатокъ средствъ у населенія для найма специальныхъ рабочихъ; 3) отсутствіе мастеровъ; 4) продолжительность самой выстройки и, наконецъ, 5) невозможность скорого перехода въ готовыя уже постройки въ виду ихъ просушки.

Можетъ явиться вопросъ, нельзя ли уже существующимъ постройкамъ придать свойства огнестойчивости? Попытки въ этомъ направленіи дѣлались, дѣлаются и теперь, но благоприятныхъ результатовъ не дали. Въ послѣднее время были изобрѣтены разныя составы, яко бы предохраняющіе строенія отъ легкой воспламеняемости, посредствомъ окраски крыши и стѣнъ и ихъ оштукатурки. Но всѣ эти составы, при малой ихъ распространенности и отчасти вслѣдствіе дороговизны, едва ли могутъ быть признаны пригодными для простаго крестьянскаго хозяйства, тѣмъ болѣе, что сравнительно недавнее ихъ появленіе не дало еще возможности точно опредѣлить ихъ свойства. Что же касается матеріаловъ для возведенія огнеупорныхъ зданій, то они довольно разнообразны и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ примѣняются съ успѣхомъ. Такъ, стѣны можно дѣлать изъ обожженнаго кирпича, изъ дикаго камня, изъ воздушнаго кирпича, изъ кирпича саманнаго, кромѣ того, землебитныя и глинобитныя; крыши—черепичныя, глиносоломенные изъ мятой соломой, гли-

носоломенныя изъ пучковъ, по красноуфимскому способу, земляныя, глиняныя по плетню. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ матеріаловъ съ успѣхомъ примѣняются при постройкахъ болѣе зажиточными крестьянами разныхъ губерній. Такъ, въ губерніяхъ Воронежской, Екатеринославской, Казанской, Новгородской и др. въ селахъ попадаются крестьянскіе дома изъ обожженного обыкновеннаго кирпича. Стоимость такой постройки размѣра простой избы въ Казанской и Рязанской губерніяхъ простирается отъ 300 до 500 руб. Постройки изъ дикаго камня имѣются въ Волынской, Курляндской, Самарской и Тамбовской губерніяхъ. Но онѣ удобны только для холодныхъ помѣщеній. Постройки изъ саманнаго кирпича очень распространены на югѣ и востокѣ Россіи, на Кавказѣ и въ Центральной Азіи и, по свидѣтельству наблюдателей, если только онѣ во время и хорошо сложены, вполне сухи, теплы и прочны».

На Нижегородской выставкѣ будутъ демонстрированы различныя огнеупорныя постройки по послѣднимъ образцамъ, принятымъ въ Германіи и Швейцаріи. Для выполненія этихъ работъ комитетъ группы разсчитываетъ преимущественно на помощь земствъ и городовъ, они должны будутъ на свой счетъ прислать и содержать рабочихъ, которые по окончаніи работъ вернутся въ свои губерніи и города мастерами, опытными въ построеніи огнеупорныхъ зданій и въ приготовленіи для нихъ матеріала. По сдѣланному комитетомъ группы расчету полное содержаніе рабочаго, т. е. помѣщеніе, харчи, включая ежедневную винную порцію и чай, медицинскую помощь, обойдется въ 10 руб. въ мѣсяць, а въ 6 мѣсяцевъ (отъ 15 апрѣля по 15 октября) этотъ расходъ составитъ 60 руб.; къ этому итогу надлежитъ прибавить лутевые расходы отъ мѣста отправления до Нижняго-Новгорода и обратно, и то вознагражденіе за 6

мѣсяцевъ, о размѣрѣ котораго отпривитель договорится съ избраннымъ имъ рабочимъ. Теоретическое и практическое обученіе рабочаго закончится публичнымъ экзаменомъ, послѣ котораго рабочій получаетъ свидѣтельство съ обозначеніемъ степени его познаній по каждому пройденному имъ отдѣлу и званіе мастера-десятника или просто мастера.

Несомнѣнно, что въ Европейской Россіи многія земства и города откликнутся на этотъ призывъ.

Крестьяне - выборщики. У насъ очень распространено мнѣніе, что крестьяне еще слишкомъ неразвиты для самоуправленія и что они вполне равнодушно относятся ко всякимъ выборамъ въ земскія собранія, въ приходскія попечительства и пр. Между тѣмъ, факты изъ жизни свидѣлствуютъ, что мнѣніе это очень голословно и преувеличено. Такъ, напр., корреспондентъ «Кіевскаго Слова» изъ села Слободки сообщаетъ, что смолинскіе прихожане - крестьяне вполне сознательно относятся къ дѣламъ попечительства, чему прекраснымъ доказательствомъ могутъ служить недавно происходившіе въ селѣ выборы преемственнаго попечительства.

На этихъ выборахъ крестьяне обнаружили не только знаніе дѣла, но и извѣстную настойчивость въ рѣшеніи поднятаго вопроса въ благопріятномъ для крестьянъ смыслѣ.

Первымъ кандидатомъ на выборахъ выступилъ мѣстный крупный землевладелецъ В. Н. Ка — скій, потерпѣвшій, однако, полное фіаско: за исключеніемъ нѣсколькихъ одинокихъ голосовъ, поддерживавшихъ кандидатуру Ка — скаго, громадное большинство крестьянъ высказалось въ самой категорической формѣ нежеланія имѣть попечителемъ прихода баллотировавшаго кандидата.

— Намъ нужны люди вполне надежные, — слышались голоса.

Послѣ водворенія порядка, нарушеннаго неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ шумомъ, нѣкоторые изъ избирателей вновь предложили все того же Ка — скаго, но и на этотъ разъ исполнѣ безуспѣшно.

Собраніе прихожанъ такъ и не изявило согласія на избраніе Ка — скаго предсѣдателемъ попечительства. Избрано было другое лицо, также одинъ

изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, М. П. Д—ъ.

Такое же единодушіе обнаружили крестьяне и на вторичномъ собраніи, созванномъ благочиннымъ для новыхъ выборовъ все того же предсѣдателя.

Кандидатура Ка — скаго вновь была рѣшительно крестьянами отвергнута:.. Пришлось признать совершившійся фактъ!

Изъ русскихъ изданій.

«Сѣверный Вѣстникъ», «Русская Мысль», «Артистъ».

Князь Вяземскій. Въ № 11 «Сѣвернаго Вѣстника» помѣщенъ интересный біографическій очеркъ о князѣ В. В. Вяземскомъ. Эта почти неизвѣстная въ большой публикѣ личность представляетъ собой одну изъ тѣхъ оригинальныхъ и характерныхъ фигуръ, какихъ такъ много въ Россіи. Представитель одной изъ самыхъ древнихъ аристократическихъ фамилій, человекъ чрезвычайно образованный, любящій и понимающій искусство, онъ отказывается отъ своего огромнаго богатства, удаляется отъ культурнаго общества, идетъ «въ народъ» и втеченіи многихъ лѣтъ живетъ отшельникомъ въ маленькой избушкѣ. Приведемъ въ краткихъ чертахъ біографію этого удивительнаго человека.

Князь Василій Васильевичъ Вяземскій родился въ Москвѣ, въ 1811 г. Отецъ его былъ убитъ при переправѣ французовъ черезъ Березину и ребенокъ остался на рукахъ матери, которая всецѣло отдалась его воспитанію. Шестнадцати лѣтъ Вяземскій поступилъ вольно-слушателемъ въ университетъ, гдѣ пробылъ 4 года, а затѣмъ отправился юнкеромъ на Кавказъ. Тамъ онъ втеченіи многихъ лѣтъ принималъ участіе въ войнахъ съ горцами. Несмотря на свою выдающуюся храбрость, онъ не сдѣлалъ особенной карьеры и въ 15 лѣтъ дослужился

только до чина подпоручика. Военная служба скоро начала тяготить его. «Онъ воюетъ и въ то же время ненавидитъ войну»,—говоритъ г. Корсаковъ. «Война съ ея злодѣйствами и ужасами поражаетъ безсмыслиемъ его душу. Его пылкую молодую голову осаждаютъ, какъ кошмаръ, цѣлый рой вопросовъ. Онъ силится разобраться въ нихъ, силится уяснить себѣ цѣль и задачи жизни, но новый призывъ къ человѣческой рѣзнѣ прерываетъ работу его мысли. И такъ тянется годъ за годомъ...»

Въ 1846 г. князь выходитъ, наконецъ, въ отставку, женится и поселяется въ Москвѣ въ собственномъ домѣ. Послѣ женитьбы князь начинаетъ усиленно работать надъ своимъ самообразованиемъ. Онъ всю жизнь былъ «безпокойной, душевною жаждой томимъ» и мучился надъ «вѣчными вопросами». Теперь же, освободившись отъ службы, онъ задумалъ, прежде чѣмъ подойти къ рѣшенію вопроса, какъ надо жить и въ чемъ смыслъ жизни, вооружиться всестороннимъ знаніемъ. И вотъ 35-лѣтній человекъ, какъ школьникъ, принимается за изученіе науки, и 6 лѣтъ проводитъ въ упорныхъ, неустанныхъ занятіяхъ. Между прочимъ, онъ изучаетъ механику, математику, химію, основательно знакомится съ замѣчательнѣй-

шими философскими системами. Въ то же время, сознавая необходимость физическаго труда для здоровья, князь занимался и различными ремеслами. Онъ правильно распредѣлялъ свое время и отъ изученія Канта и Лейбница или занятій дифференціальными исчислениями переходилъ къ верстаку и съ большимъ мастерствомъ дѣлалъ швафы и табуреты. Жена его совершенно не раздѣляла взглядовъ своего мужа и на ея половинѣ шла обычная, пустая свѣтская жизнь, какая ведется обыкновенно людьми высшаго круга. «Въ ея салонахъ», говоритъ г. Корсаковъ, «изрѣдка появлялся князь въ своемъ рабочемъ костюмѣ, съ ремешкомъ на головѣ, и обходилъ освѣщенные залы».

Эта картина невольно наводитъ на сравненіе съ другимъ «искателемъ правды» — великимъ писателемъ земли русской, Львомъ Толстымъ... Можно сказать, что князь Вяземскій былъ «толстовцемъ» еще задолго до того, какъ самому Толстому пришли въ голову его нравственныя ученія. Но надо отдать справедливость Вяземскому: онъ былъ гораздо поспѣдовательнѣе своего гениальнаго единомышленника, и у него, дѣйствительно, слово не расходилось съ дѣломъ. Тотчасъ же по выходѣ изъ военной службы, онъ отпустилъ на волю своихъ многочисленныхъ вѣрноподанныхъ, надѣлилъ всѣхъ землею, не исключая и дворовыхъ, и назначилъ за землю ничтожный выкупъ, который тутъ же роздалъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ.

Занятія наукой и искусствомъ не удовлетворяли князя, и онъ постоянно мучился внутреннимъ разладомъ.

«Въ силахъ ли эта наука, даже самыя сокровенныя ея глубины, повліять на нравственность человѣчества? Этотъ, мыслящій на всѣхъ парахъ прогрессъ, прогрессъ чисто-матеріальный, не вызываетъ ли онъ безконечную конкуренцію между людьми, не разъединяетъ ли онъ ихъ и не

поселяетъ ли между ними вражду?.. И наконецъ, что общаго между основами, такъ называемой, цивилизаціи и вѣчными, святыми, истинами евангелія? Вотъ вопросы, томившіе душу князя. Наконецъ, онъ не выдержалъ этого разлада и рѣшилъ «жить за свой собственный страхъ, не сидя ни у кого на плечахъ... смѣшаться съ толпой въ качествѣ простаго рабочаго и попытаться нравственно и умственно воздѣйствовать хотя бы на единицы изъ этой толпы». Онъ расходится съ женой, оставляетъ ей все свое состояніе, и поступаетъ рабочимъ въ перелетную мастерскую Кузнецова.

У Кузнецова была многочисленная семья и нѣсколько мастерскихъ. «Вся эта колонія толпилась цѣлые дни въ двухъ небольшихъ комнатахъ и крохотной кухнѣ, наполненныхъ сыростью, вонью и грязью. Однообразная работа, вѣчная суетня, бѣготня, плачь дѣтей, переругиваніе рабочихъ, зычное покрякиваніе хозяина — все это превращало квартиру Кузнецовыхъ въ настоящій адъ... Князь очутился въ небольшомъ міркѣ, гдѣ традиція кулака и озвѣрѣлаго самовольства свалила себя прочное гнѣздо». Воздѣйствовать нравственно на такую среду было не легко, но князь все-таки взялся за это дѣло. Мало-по-малу онъ приобрѣлъ себѣ любовь и довѣріе всѣхъ членовъ мастерской, и подъ его вліяніемъ хозяинъ нѣсколько смягчился по отношенію къ домашнимъ и рабочимъ. Но особенно подружился князь съ дѣтьми.

У Кузнецова князь проработалъ годъ и затѣмъ уѣхалъ въ деревню Кудаво, въ Серпуховскомъ уѣздѣ. Чтобы отрѣзать себѣ путь къ обезпеченной жизни, онъ безвозмездно роздалъ всю свою землю крестьянамъ и оставилъ себѣ только небольшой боръ за рѣвкой Нарой. Тамъ онъ собственноручно построилъ себѣ небольшой домикъ, въ которомъ прожилъ безвыѣздно 30 лѣтъ. Здѣсь онъ, наконецъ, осуществилъ свой идеалъ простой, тру-

довой, ни отъ кого независимой жизни среди природы. Время его распредѣлялось между чтеніемъ, работой и помощью людямъ. Онъ находилъ большое удовольствіе «въ ежесекундномъ, прямомъ общеніи съ безпомощнымъ крестьянствомъ окрестныхъ деревень».

Потребности свои довелъ онъ до послѣдняго минимума и вообще велъ жизнь въ полномъ смыслѣ слова аскетическую. Вотъ какъ описываетъ г. Корсаковъ внутреннюю обстановку въ домикѣ князя: «Въ немъ стояли простые, самодѣльные столы и скамьи, книги на полкахъ, протянувшихся во всю стѣну, модели различныхъ машинъ, реторты съ какими-то смрадными веществами, прекрасные образцы самодѣльной гальваномастики, электрическая машина, токарный и переплетный станки, столярный верстакъ, микроскопъ и гальваническіе элементы, кузнечная наковальня, горшки съ растеніями подъ цвѣтными колпаками. Тутъ же было и множество звѣрей, свободно расхаживающихъ по княжескимъ апартаментамъ: и волчонокъ, и лиса, и заяцъ, и ящерица, змѣя, летучія мыши, лягушки, крысы». Эти «жилицы» нисколько ни стѣсняютъ князя: кончается день, и онъ тутъ же, среди нихъ, ложится на голыя доски и засыпаетъ, накрывшись полушубкомъ.

Земледѣльческія артели. Въ октябрьской книжкѣ «Русской Мысли», въ «Очеркахъ провинціальной жизни» пр. Иванюковъ сообщаетъ очень интересныя данныя о земледѣльческихъ артеляхъ въ Пермской губ., почерпнутыя имъ изъ брошюры И. И. Ефимова, посвященной этому вопросу. Возникновеніе земледѣльческихъ артелей относится ко времени голоднаго 1891 г. Пермская губернія, и въ особенности Шадринскій уѣздъ, принадлежали къ числу мѣстностей, наиболѣе пострадавшихъ отъ голода. По

свѣдѣніямъ, собраннымъ Шадринскою уѣздною земскою управою, число безлошадныхъ дворовъ достигло въ то время 38%. Нужно было придумать какое-нибудь средство, чтобы поддержать этихъ крестьянъ, и вотъ, по инициативѣ секретаря Шадринской земской управы, были устроены земледѣльческія артели. Средства, собранныя г. Федоровымъ, не позволили ему снабдить лошадей каждый безлошадный дворъ. Поэтому онъ организовалъ цѣлую сеть маленькихъ артелей, по 6 человекъ, снабдивъ каждую артель двумя лошадьми (впослѣдствіи число лошадей было увеличено въ 3-хъ) и кое-какимъ инвентаремъ, и такимъ образомъ, далъ возможность безлошадному хозяину произвести посѣвъ на своей землѣ, не прибѣгая къ разорительной помощи разныхъ деревенскихъ кулаковъ». Первое время г. Федоровъ велъ дѣла на частныя средства организовалъ втеченіи 1893 г. 54 артели, въ составъ которыхъ входили 324 семьи: Въ 1894 г. онъ сдѣлалъ объ этихъ артеляхъ докладъ Пермской губернской управѣ, и докладъ этотъ произвелъ на земство такое благоприятное впечатлѣніе, что бывшее вскорѣ затѣмъ очередное земское собраніе рѣшило ассигновать 20 тысячъ на расширеніе дѣла.

Въ настоящее время земледѣльческія артели имѣются уже въ 4-хъ уѣздахъ Пермской губ., и число ихъ превышаетъ 100. Съ теченіемъ времени, конечно, дѣло это приметъ болѣе широкіе размѣры.

«Организація артелей, въ общихъ чертахъ, слѣдующая: Артель составляется изъ 6 домохозяевъ, которые избираютъ изъ своей среды старосту. Каждая артель должна засѣвать не менѣе 7 десятинъ; полученный съ посѣва хлѣбъ составляетъ собственность всей артели, и распределяется слѣдующимъ образомъ: часть идетъ на обѣднѣніе полей, а весь остатокъ дѣлится на 3 части: одна часть идетъ

на погашеніе ссуды, другая—на уплату казенныхъ взыскацій за всѣхъ членовъ артели равноѣрно, а третья—отчисляется въ запасы на случай неурожаа. Остатокъ овса служить для корма артельныхъ лошадей. Артельное хозяйство идетъ очень хорошо, и артели уже успѣли оказать несомнѣнную услугу населенію: они дали возможность обнищавшимъ во время голоднаго года крестьянамъ продолжать хозяйство на своей землѣ и помѣшали перейти въ разрядъ безземельныхъ пролетаріевъ, что неминуемо случилось бы безъ ихъ помощи, такъ какъ обрабатывать землю безъ лошади и безъ сѣмянъ—нельзя.

Пр. Иванюковъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу:

«Если устройство земледѣльческихъ артелей не представило большихъ трудностей, то произошло это, благодаря вѣковой привычкѣ русскаго народа къ общинному пользованію землею. Великое бы было дѣло воспользоваться общинными навыками народа и содѣйствовать съ энергіей развитію земледѣльческихъ артелей, соединяющихъ всѣ выгоды мелкаго и крупнаго хозяйства, и устранивающихъ, въ то же время, ихъ недостатки. Это такая задача, ради которой можно работать съ полнымъ воодушевленіемъ, ибо немного социальныхъ проблемъ могутъ, по своему значенію, быть поставлены рядомъ съ нею. Между тѣмъ, у насъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться благами свойствами общиннаго землевладѣнія... отъ времени до времени возникаютъ проекты о насильственномъ уничтоженіи ея.

Отголоски деревенской сцены. Въ октябрьскомъ номерѣ «Артиста», въ статьѣ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, г. Арбенинъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на крестьянъ домашними спектаклями, которые устраивались для народа въ одномъ большомъ торговомъ селѣ мѣст-

ными помѣщиками. Помѣщичья семья, которую описываетъ г. Арбенинъ, совершенно не походитъ на тѣ дворянскія семьи, какія обыкновенно изображаются нашей литературой. Центръ ея—80-ти-лѣтній старикъ, идеалистъ 40-хъ годовъ, посвятившій половину своей жизни земской службѣ и до сихъ поръ сохранившій юношескую отзывчивость и интересъ ко всему. Дѣти его вполне раздѣляютъ его взгляды, и семья эта служитъ центромъ, куда стекается вся деревенская интеллигенція, и гдѣ крестьяне всегда находятъ помощь и совѣтъ.

Въ этой-то семьѣ и затѣяли лѣтомъ устроить спектакль для крестьянъ. Выбрали пьесу Островскаго и Соловьева—«На порогѣ къ дѣлу».

Уже за нѣсколько дней до спектакля сцена была устроена. Театръ помѣщался въ овинѣ, раздѣленномъ на двѣ части: одну треть занимала сцена, а остальное—были приготовлены мѣста для зрителей. Но въ день представленія народу набралось такъ много, что «стулья и скамейки тотчасъ же были сдвинуты» и образовалась одна сплошная масса головъ. Сидѣли по сѣнамъ, на перекладинахъ овина, на крышѣ—и все же не хватало мѣстъ. Тогда хозяева рѣшили открыть широкій входъ въ овинъ и не получившіе мѣстъ смотрѣли представление подъ открытымъ небомъ.

Пьеса слушалась съ большимъ интересомъ, но болѣе всего понравились крестьянамъ комическія сцены; героиня говорила слишкомъ непонятнымъ для нихъ языкомъ, и потому не вызвала особеннаго сочувствія. Вообще, по мнѣнію г. Арбенина, языкъ пьесъ одно изъ главныхъ условій ихъ успѣха въ народѣ. Когда на сценѣ появлялись лица ихъ среды, то интересъ зрителей сразу возрасталъ. Но, въ общемъ, спектакль этотъ произвелъ самое лучшее впечатлѣніе. «Вернувшись въ Москву,—говоритъ

г. Арбенинъ, — я узналъ о цѣломъ рядѣ деревенскихъ спектаклей, устроенныхъ минувшимъ лѣтомъ. По вѣшной постановкѣ и составу исполнителей они почти не разнятся отъ только что описаннаго спектакля. Большинство изъ нихъ состоялось,

благодаря инициативѣ нѣкоторыхъ изъ слушателей драматическихъ курсовъ. Въ разныхъ концахъ Россіи они впервые знакомили деревенскую публику съ невѣдомымъ ей искусствомъ. Надо ли говорить, что попытки ихъ векудо увѣнчались блестящимъ успѣхомъ.

Изъ иностранной жизни и литературы.

Деревенскій банкъ въ Италіи. Лѣтъ десять тому назадъ, въ маленькой деревушкѣ Лореджіа, въ Романьи, былъ основанъ первый деревенскій банкъ нѣкимъ синьоромъ Воллемборгомъ, который слышалъ объ успѣхахъ деревенскихъ банковъ въ Германіи и пожелалъ помочь своимъ сосѣдямъ, обитателямъ Лореджіи, доведеннымъ до крайней бѣдности разнаго рода поборами и притѣсненіями ростовщиковъ. Лореджіа имѣетъ не болѣе 3.000 жителей, занимающихся земледѣіемъ и мелкой торговлей. Благодаря разнаго рода неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, вышеупомянутымъ поборамъ и экономическому кризису, тяготящему надъ всею Италіей, жители Лореджіа очутились въ совершенно безвыходномъ положеніи, не имѣя никакой надежды когда-либо поправиться. Они были разорены въ конецъ. Когда на помощь къ нимъ явился Воллемборгъ съ предложеніемъ устроить банкъ, который выдавалъ бы ссуды за весьма малые проценты, взимаемые изъ доходовъ фермы или торговли и т. п., то ему стоило не много труда расстолковать свой планъ обитателямъ деревни и убѣдить ихъ въ той пользѣ, которую можетъ принести имъ такой банкъ. Наконецъ, Воллемборгу удалось навербовать тридцать членовъ для своего банка, но это были все бѣдняки, кромѣ доктора, викарія и его самого; поэтому банкъ былъ открытъ безъ всякаго основнаго капитала, и Воллемборгъ

изъ своего кармана выдалъ первыя деньги, 80 лиръ, которыя пошли на выдачу ссуды крестьянамъ. Позднѣе ссудно-сберегательной банкъ въ Падуѣ согласился выдать деревенскому банку въ Лореджіи ссуду въ 160 лиръ. Но скоро маленький банкъ сталъ на ноги; какъ ни ничтожны его средства, но еще не было случая, чтобы онъ отпустилъ какого-нибудь просителя съ пустыми руками. Въ настоящее время банкъ насчитываетъ уже 130 членовъ и имѣетъ маленький резервный капиталъ въ полторы тысячи лиръ. Сами крестьяне теперь, берущіе ссуду въ банкъ, вызвались платить болѣе высокой процентъ, для того, чтобы не трогать резервнаго капитала. Капиталъ, находящійся въ ссудахъ, не превышаетъ 800 лиръ, ибо крестьяне часто нуждаются лишь въ очень небольшой суммѣ для того, чтобы выпутаться изъ бѣды и поставить на ноги свое скромное хозяйство.

Нѣкто Вольфъ, посѣтившій Лореджію и изучившій дѣятельность деревенскаго банка въ Италіи, говоритъ по этому поводу въ «Westminster Review», что устройство этого банка имѣло огромное культурное значеніе: земледѣіе и сельское хозяйство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостояніе крестьянъ замѣтно лучше въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ есть банки, нежели въ тѣхъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Одинъ изъ старѣйшихъ крестьянъ въ Лореджіи, Бернардо Піетрони, пользующійся особеннымъ уваженіемъ въ своей дерев-

нѣ, съ большою похвалою отозвался о банкѣ. Онъ выучился подписывать свое имя, будучи уже дѣдушкой, для того только, чтобы сдѣлаться членомъ банка, такъ какъ отъ каждаго члена требуется непременно, чтобы онъ самъ могъ подписать свое имя. «Вы видите,—сказалъ онъ Вольфу,—мое хозяйство—это банкъ помогъ мнѣ завести его и научилъ меня бережливости. Снабдивъ меня небольшою суммою денегъ, нужною мнѣ для моихъ фермерскихъ операций, онъ заставилъ меня поразмыслить о томъ, какъ бы съ большею пользою употребить эти деньги. Я бы никогда не могъ довести ферму свою до такого цвѣтущаго состоянія безъ помощи банка. Дѣйствительно, ферма Піетрони можетъ считаться образцовой. Его домъ, большой и помѣстительный, очень прочной, хотя и примитивной постройки. Согласно обычаю, онъ живетъ въ немъ вмѣстѣ со всѣми членами своей многочисленной семьи, дѣтьми, внуками и правнуками. Вся семья Піетрони состоитъ изъ 28 человекъ, которые группируются вокругъ него, какъ вокругъ патріарха. И всѣ они работаютъ въ пользу общаго благосостоянія; слово Піетрони считается закономъ. Такихъ крестьянскихъ семействъ, пользующихся извѣстнымъ благосостояніемъ, въ настоящее время насчитывается не мало въ Лореджии, а прежде, по словамъ Піетрони, ни у кого ни было ни гроша, все уходило въ руки ростовщика, который снабжалъ сѣменами крестьянина за баснословную цѣну и обчищалъ его какъ липку, когда тому удавалось собрать порядочную жатву. Банкъ при подобныхъ условіяхъ явился настоящимъ спасителемъ. Одинъ фермеръ, доведенный до послѣдней степени нищеты, взявъ ничтожную сумму въ банкѣ и, благодаря этой ссудѣ, поправилъ свои дѣла настолько, что теперь уже ни ему, ни его семьѣ не грозитъ голодная смерть. Онъ вер-

нулъ долгъ банку, затѣмъ опять взялъ для оборота и т. д., это позволяетъ ему изворачиваться изъ бѣды и поддерживать свое хозяйство. Въ настоящее время банкъ не выдаетъ болѣе тридцати ливровъ сразу одному человѣку, но по уплатѣ этой маленькой суммы, она можетъ быть снова взята, и такимъ образомъ бѣднякъ имѣетъ постоянный оборотный капиталъ въ 30 ливровъ. Характерно въ данномъ случаѣ слѣдующее разсужденіе Піетрони: одинъ изъ фермеровъ, бывший накануне разоренія и спасенный отъ этого банкомъ, теперь уже достигъ сравнительнаго благосостоянія и хотя уже отложилъ въ ссудосберегательномъ банкѣ 60 ливровъ, тѣмъ не менѣе все же продолжаетъ брать ссуду въ банкѣ на хозяйственные нужды. «Онъ прекрасно дѣлаетъ,—сказалъ по этому поводу Піетрони.—Вѣдь взявъ въ банкѣ деньги, онъ знаетъ, что долженъ будетъ ихъ отдать, а если тронетъ свои сбереженія, то, пожалуй, не возвратитъ ихъ. Мы выучились разсчитывать!»

Вольфъ видѣлъ въ Лореджии другого человѣка, который находился прежде въ страшной нищетѣ, когда банкъ ссудилъ ему, десять лѣтъ тому назадъ, восемь ливровъ на покупку двухъ телокъ. Въ настоящее время у него уже пять коровъ и его долгъ банку не превышаетъ 100 лиръ. И такихъ примѣровъ множество. Крестьяне любятъ банкъ и называютъ его «своимъ» и во главѣ его стоятъ люди, которымъ они довѣряютъ и которыхъ они сами выбрали. «По крайней мѣрѣ мы знаемъ, гдѣ находятся наши деньги,—говорятъ крестьяне.—Если же мы отправили бы ихъ въ государственннй банкъ, то онѣ затерялись бы, какъ капля въ морѣ, въ той массѣ денегъ, которая хранится въ кладовыхъ банка. Въ нашемъ банкѣ—все наше, и его процвѣтаніе тѣсно связано съ процвѣтаніемъ нашей деревни».

Въ члены банка выбираетъ комитетъ, который собирается разъ въ недѣлю; выборы эти—не шутка. Общество несетъ на себѣ ответственность за всѣхъ представляемыхъ кандидатовъ, а поэтому только люди хорошей репутаціи допускаются въ члены. Пьяницы, лодырей и людей съ сомнительною репутаціей устраняютъ безъ всякихъ разговоровъ. Бывали случаи, что люди исправлялись для того только, чтобы имѣть право участвовать въ выборахъ въ члены банка. Эти выборы являются такимъ образомъ какъ бы преміей за честность и сдѣлали больше для улучшения нравственности населенія деревни, нежели всѣ проповѣди. Въ настоящее время подобныя банки основаны и во многихъ другихъ деревушкахъ Италіи, и вслѣдъ результаты оказались одинаково хороши.

При этихъ банкахъ устроены сберегательныя кассы, и туда несутъ свои сантимы не только взрослые, но и дѣти. Не рѣдкость видѣть маленькаго мальчика или дѣвочку, заработавшихъ нѣсколько сантимовъ во время сбора винограда и несущихъ эти сантимы въ сберегательную кассу. Такова дѣятельность мѣстнаго деревенскаго банка, который, хотя и не способствовалъ обогащенію деревенскихъ жителей, но, тѣмъ не менѣе, поднялъ въ значительной мѣрѣ ихъ благосостояніе и приучилъ ихъ къ порядку и расчетливости, главное же — изгналъ ростовщиковъ, помѣшавъ имъ высасывать сокъ изъ народа.

Старая и новая Сорбонна. Постепенно, подъ ударами топора рушилось старинное заслуженное зданіе въ Парижѣ, названное по имени своего основателя Роберта Сорбонна и бывшее въ теченіи долгаго времени центромъ всего культурнаго движенія во Франціи. На мѣстѣ невзрачнаго зданія, въ стѣнахъ котораго происходили

не разъ жаркія состязанія въ области мысли, не разъ возвѣщались міру новыя истины, гордо возвышается теперь новое зданіе Сорбонны, снабженное всѣми возможными усовершенствованіями и приспособленіями для научныхъ занятій. Но старое зданіе Сорбонны, лишенное всѣхъ этихъ приспособленій, тѣмъ не менѣе играло такую важную роль въ культурной жизни Франціи, что память о немъ слѣдовало увѣковѣчить, и это сдѣлалъ академикъ Октавъ Греаръ въ своей книгѣ «Nos adieux à la vieille Sorbonne», въ которой разсказалъ исторію этого почтеннаго учрежденія.

Основателемъ Сорбонны былъ нѣкто Робертъ Сорбоннъ, сынъ бѣднаго крестьянина изъ Шампани, родившійся въ 1201 году. Первоначально «Maison de Sorbonne» представлялъ нѣчто вродѣ пансіона, гдѣ учителя и ученики богословія и искусства жили вмѣстѣ и работали вмѣстѣ. Мало-помалу, въ половинѣ XIII вѣка, домъ Сорбонна уже началъ играть выдающуюся роль, частью благодаря своимъ духовнымъ руководителямъ, частью же благодаря своей прекрасной библиотекѣ. Рипшель обратилъ вниманіе на этотъ умственный центръ, преобразовалъ его, приказавъ, вмѣсто деревяннаго барака, служившаго жилищемъ теологамъ, выстроить довольно внушительное для того времени зданіе, которому и было присвоено названіе Сорбонны. Буря революціи, конечно, не пощадила Сорбонны, которая принимала слишкомъ дѣятельное участіе въ XVII и XVIII вѣкахъ въ разныхъ теологическихъ спорахъ и широко пользовалась своимъ правомъ цензуры относительно нѣкоторыхъ философскихъ произведеній. Въ 1791 году Сорбонна была закрыта, ея профессоры и ученики, ради безопасности, отправились въ изгнаніе. Теологическій факультетъ былъ закрытъ и, вмѣсто него, устроенъ музей изящныхъ искусствъ, давшій приютъ мно-

жеству художниковъ въ періодъ отъ 1801 и 1821 годъ. Только съ 1821 года Сорбонна приняла, наконецъ, тотъ видъ, который сохранила и до послѣд-наго времени. Мало-по-малу богословскій факультетъ былъ окончательно упраздненъ въ Сорбоннѣ, но зато она широко раскрыла свои двери философіи, литературѣ и наукѣ. Въ XIV вѣкѣ слава парижской Сорбонны далеко уже перешла за предѣлы Франціи. Много громкихъ и славныхъ именъ связано съ Сорбонной! Много знаменитыхъ ученыхъ съ кафедры Сорбонны возвѣстили міру о своихъ открытіяхъ, составившихъ эпоху въ наукѣ. Достаточно упомянуть о Гейлюсакѣ, Мильнѣ-Эдвардѣ, математикѣ Лавррьере и др. Огромное значеніе въ умственной жизни Франціи имѣли такъ называемые «Cours libres», которые привлекли массу слушателей и дали возможность талантливымъ людямъ, не принадлежащимъ къ профессорскому сословію, дѣлиться своими взглядами и открытіями съ публикой. Новое великолѣпное зданіе Сорбонны, возникшее изъ развалинъ прежняго скромнаго зданія, является какъ бы прообразомъ Франціи, воспрянувшей на развалинахъ второй имперіи.

Женщины-астрономы и математики. Въ Парижской академіи недавно было прочтано сообщеніе о женщинахъ-астрономахъ и математикахъ. Первая женщина математикъ, Гипатія, жила въ четвертомъ вѣкѣ, въ Александріи и читала лекціи математики и философіи; она писала также математическіе трактаты. Затѣмъ вплоть до XVII не встрѣчается уже болѣе ни одной женщины, которая стяжала бы себѣ репутацію математика. Только въ XVIII вѣкѣ въ этой области науки пріобрѣтаетъ извѣстность г-жа дю-Шателе, представившая во Французскую академію наукъ прекрасную работу объ огнѣ, въ которой доказывала, что теплота

и свѣтъ имѣють одинаковое происхожденія. Изъ другихъ женщинъ - математиковъ, о которыхъ упоминается въ сообщеніи, стяжала извѣстность Марія Анъези, родившаяся въ Миланѣ въ 1718 году, Софія Жерменъ. Мэри Сомервилль — другъ Лапласа. Софія Ковалевская, работу которой о кольцахъ Сатурна закончила г-жа Клумпке, занимающаяся въ парижской обсерваторіи. Кромѣ этихъ извѣстныхъ въ наукѣ женщинъ-математиковъ, журналъ «la Nature» приводитъ еще нѣсколько именъ; многія женщины занимались математическими науками, не будучи профессиональными математиками. Такъ, аббатисса Геррадіу въ XII вѣкѣ написала космологію. Въ томъ же самомъ вѣкѣ святая Гильдегарда составила сборникъ «de Physica», въ которомъ изложила состояніе математическихъ наукъ въ ея время. Въ XIV вѣкѣ нѣкая Тіофанія Рагенель изучала астрономію, а жена Реджіомана помогала мужу производить астрономическія вычисления. Затѣмъ идутъ: Крофисъ, занимавшаяся изслѣдованіемъ десятичной системы; Дюмэ — защищавшая теорію Коперника; Куницъ, составившая астрономическія таблицы, извѣстная подъ названіемъ «Urania propitia»; Ардингелли, опубликовавшая весьма основательныя работы по математикѣ и естественнымъ наукамъ; Басси, преподававшая физику въ Болонскомъ университетѣ; Лемеръ, изслѣдовавшая квадратуру круга и др. Марія Митчелль и Ивонна Виллярео были весьма извѣстными астрономами.

Жизнь въ копияхъ въ Сициліи. Въ нынѣшнемъ году въ Сициліи происходило большіе безпорядки, вызвавшіе отправку туда войскъ, объявленіе осаднаго положенія и т. п. мѣры. Множество людей было арестовано и посажено въ тюрьму на разные сроки. Теперь возмущеніе считается подавленнымъ, и безпорядки

прекратились, но тѣмъ не менѣе положеніе не стало лучше, населеніе продолжаетъ глухо волноваться, разбойничество процвѣтаетъ, а крестьяне страшно бѣдствуютъ, несмотря на чудный климатъ и плодородную почву. Причины такого печальнаго экономическаго положенія острова, который на каждого путешественника, незнакомаго съ его бытомъ, производить впечатлѣніе земнаго рая, гнѣздятся очень глубоко, и для улучшенія этого положенія, конечно, недостаточно палліативныхъ мѣропріятій. Стоитъ, напримѣръ, бросить взглядъ на положеніе рабочихъ въ сѣрныхъ копяхъ, составляющихъ одно изъ главныхъ богатствъ острова, для того, чтобы понять, въ чемъ заключается ядро сицилійскаго вопроса. Жизнь сицилійскаго крестьянина полна всевозможныхъ лишеній, и онъ не имѣетъ никакой возможности измѣнить свое положеніе, такъ какъ, также какъ и въ Ирландіи, земля, которую онъ обрѣтываетъ, не принадлежитъ ему и, кромѣ того, на немъ тяготеетъ масса всевозможныхъ повинностей, налоговъ, истощающихъ его и безъ того тощій кошелекъ. Но жизнь крестьянина все-таки представляется раемъ въ сравненіи съ жизнью рабочаго въ копяхъ. Эти копи находятся внутри острова, въ горной мѣстности; въ нихъ работаетъ, приблизительно, около 30.000 человѣкъ, и, хотя работа въ этихъ копяхъ не сопряжена съ такими опасностями, какъ въ угольныхъ шахтахъ, но зато болѣе разрушительна для здоровья. Условія работы въ этихъ копяхъ въ высшей степени тягостны. Сѣрные копи составляютъ собственность помѣщика—«ландлорда», на землѣ котораго найдены залежи сѣры, но ландлордъ самъ не занимается ихъ эксплуатаціей—онъ отдаетъ ихъ въ аренду подрядчику, который выплачиваетъ ему 50 процентовъ съ чистой прибыли. И вотъ, чтобы увеличить эту прибыль, подрядчикъ понижаетъ

заработную плату до послѣдней степени. Рабочіе въ копяхъ раздѣляются на два разряда: «*risconiege*», или настоящіе рудокопы, которые добываютъ своими кирками и заступами минераль, и «*saigiso*», или носильщики, которые доставляютъ минераль на поверхность земли, въ мѣшкахъ или корзинахъ, прикрѣпленныхъ къ спинѣ. Но что ужаснѣе всего, эту должность носильщиковъ, настоящихъ бѣлыхъ рабовъ, выполняютъ чаще всего маленькія дѣти, мальчики лѣтъ восьми-десяти; между ними встрѣчаются и дѣвочки, но рѣже. Обыкновенно отецъ или старшій братъ—рудокопъ, беретъ себѣ на помощь своего маленькаго сына или брата, который и служитъ ему въ качествѣ носильщика. Но бываетъ, что нуждающаяся семья продаетъ своего ребенка чужому рудокопу, и бѣдный мальчикъ осуждается на рабство въ теченіе долгихъ лѣтъ. Ему надо заплатить за себя выкупъ для того, чтобы избавиться отъ этого рабства, и иногда это удается ему сдѣлать не раньше, какъ черезъ 15—20 лѣтъ. Одна изъ посѣтительницъ этихъ копей слѣдующимъ образомъ описываетъ этихъ несчастныхъ маленькихъ рабовъ. «Мы остановились у входа въ копи привлеченныя группою дѣтей, идущихъ къ намъ на встрѣчу. Бѣдняжки низко сгибались подъ тяжестью нагруженныхъ мѣшковъ, которые они несли на спинѣ. Къ головамъ ихъ были прикрѣплены маленькіе фонарики, и руки копвульсивно обхватывали тяжелую ношу. Мы посмотрѣли внизъ, въ отверстіе копей, на идущихъ дѣтей, изъ которыхъ многіе издавали отъ усталости какой-то хриплый звукъ, напоминающей хрипѣніе умирающаго. Всѣ они были наполовину нагіе, грязные и покрытые потомъ. Съ трудомъ переводя духъ, они тащили свои мѣшки. Я хорошо разсмотрѣла ихъ. У всѣхъ были красные, опухшіе глаза. Чѣмъ старше

они были, тѣмъ рѣзче выражалось разрушительное дѣйствіе этой непосильной работы. Руки ихъ и ноги были удивительно тонки, — точно палки: обтянуты кожей. У многихъ спина была искривлена, плечо одно выше другого. У нѣкоторыхъ плечо было перевязано. Однако, жалобъ не было слышно, и, несмотря на страшное изнуреніе, дѣти были веселы... смѣялись! Но тѣмъ не менѣе видъ ихъ былъ такъ ужасенъ, что у меня сердце сжалось отъ глубокой жалости къ этимъ несчастнымъ созданіямъ и отъ негодованія на такія условія социальной жизни, которыя допускаютъ подобныя явленія...»

Ноша такого ребенка - работника обыкновенно не превышаетъ еорока кило, но иногда доходить до 80; работа же ихъ продолжается отъ 8 до 10 часовъ въ день. Нечего и говорить, что никто изъ этихъ дѣтей не умѣетъ ни читать, ни писать.

Эта картинка, конечно, можетъ служить иллюстраціей того, до какого ужаснаго положенія доведено населеніе Сициліи. Въ горныхъ округахъ, населенныхъ рабочими въ южныхъ копахъ, явственны признаки вырожденія нѣкогда сильной расы—вырожденія, явившагося результатомъ ужасныхъ условій труда. Въ провинціи Катанізетта, напримѣръ, изъ 3.672 рудокоповъ, призванныхъ по жребію въ воинской повинности, всего лишь 253 человѣка оказались годными въ военной службѣ.

Африканская археологія. Раскопки, предпринятыя англичанами въ африканской области, названной ими «Машоноландъ», съ цѣлью открыть гдѣ-нибудь золотоносныя залежи, хотя и не повели къ открытію золота, но внесли богатый и очень интересный вкладъ въ археологію. Въ глубокихъ слояхъ подпочвы и частью на поверхности земли были найдены остатки чрезвычайно древнихъ памят-

никовъ, которые позволяютъ предположить, что люди, когда-то населявшіе эту мѣстность, принадлежали не къ негритянскому, а къ семитическому племени. Африканскій путешественникъ Бентъ, исходившій Машоноландъ по всѣмъ направленіямъ, сообщилъ лондонскому географическому обществу, что имъ произведены раскопки, въ чертѣ такъ называемыхъ «Зимбабвейскихъ развалинъ» разсѣянныхъ по плоскогорью Зимбабвей, окаймляющему долину рѣки Мајохъ. Развалины занимаютъ довольно большую площадь и состоятъ изъ остатковъ нѣкогда жилыхъ домовъ, скученныхъ рядами и окруженныхъ оградой, но теперь уже совершенно разрушеннымъ временемъ. Посрединѣ этихъ развалинъ человѣческихъ жилищъ, виднѣются остатки крѣпости, вокругъ которой вырытъ глубокой ровъ. На стѣнахъ еще замѣтны слѣды отверстій, черезъ которыя пускались стрѣлы. Присутствіе этой крѣпости и ограды служить, конечно, указаніемъ, что обитатели этой мѣстности не довольялись миролюбиво окружававшихъ племенъ. Подъ горами вывѣтрившагося камня найдены инструменты, очевидно служившіе для добыванія золота и его плавки; подъ самою крѣпостью найдены остатки кузницы, въ горнахъ которой выплавлялась руда. Тутъ же валялись тиглы, осколки минераловъ и два золотые слитка. Особенный интересъ представляли находки, сдѣланныя въ храмѣ, находившемся въ западной части каменной ограды. Вдоль всей наружной стѣны этого храма, выстроенной изъ тальковаго гранита, сдѣланы изваянія птицъ, выступающія плотными рядами. Въ самомъ храмѣ найдены груды тальковыхъ сосудовъ и тазовъ, а мѣстами изъ земли выступали верхушки грубыхъ изваяній человѣческихъ фигуръ. Всѣ эти находки указываютъ, что въ глубокой древности въ этомъ мѣстѣ находилось становище предприимчи-

выхъ иноземцевъ, провѣдавшихъ о богатствахъ этого края и явившихся сюда изъ дальнихъ мѣстъ, быть можетъ, даже изъ Малой Азіи съ цѣлью обогащенія. Кто были эти пионеры семитической цивилизаціи, находились ли они въ сношеніяхъ со своими единоплеменниками или жили тутъ

отрѣзанными отъ всего остального міра—неизвѣстно. Между прочимъ, между развалинами найдены масса кафрскихъ стрѣлъ и дротиковъ, изъ чего можно заключить, что кафры нѣкогда завладѣли этимъ городомъ и перебили всѣхъ его обитателей.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Deux Mondes», «Forum», «Century», «Young Woman», «Daheim», «Revue des Revues».

Американская жизнь для насъ, европейцевъ, до сихъ поръ представляетъ громадный матеріалъ для наблюденій и выводовъ, такъ какъ въ ней мы можемъ наблюдать осуществленіе на практикѣ многихъ теорій, которыя мы привыкли считать рискованными. Такъ, напримѣръ, въ Европѣ до сихъ поръ не можетъ исчезнуть предубѣжденіе противъ совмѣстнаго воспитанія, тогда какъ въ Америкѣ многолѣтняя практика доказала, что такая система воспитанія не только не приноситъ вреда, но даже, наоборотъ, полезна, устанавливая нормальныя и здоровыя товарищескія отношенія между молодежью обоего пола. Что же касается женскаго вопроса, то въ Америкѣ онъ давно уже перешелъ изъ области теоріи въ область практики. Женщина стремится овладѣть всѣми профессіями, которыя нѣкогда составляли исключительное достояніе мужчины, и успѣхи, достигнутые американскою женщиной во всѣхъ направленіяхъ, въ достаточной степени указываютъ, какъ неосновательны доводы, приводимые противниками уравнинія женскаго образованія и правъ женщины. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны и поучительны данныя, сообщаемыя г-же Бентсонъ, напечатанной рядъ статей въ «Revue des Deux Mondes» объ американской жизни, американскомъ обществѣ и американскихъ женщинахъ, о кото-

рыхъ г-жа Бентсонъ отзывается съ большою похвалою. Америка, по словамъ г-жи Бентсонъ, буквально кишитъ бакалаврами, лицинціатами и докторами женскаго пола, но всѣ эти ученые степени нисколько не мѣшаютъ американкамъ быть веселыми и очаровательными въ обществѣ. Наука только обогатила ихъ умъ новыми познаніями, но не сдѣлала его неподвижнымъ. Пресловутое кокетство—flirt—которое такъ часто ставится въ упрекъ американкамъ, встрѣчается все рѣже и рѣже между женщинами, достигшими высшей культуры.

Женскія коллегіи обыкновенно помѣщаются въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ главными университетами. Гарвардская женская коллегія, напримѣръ, составляетъ лишь отдѣленіе Ново-Кэмбриджскаго университета (названнаго такъ въ отличіе отъ англійскаго Кэмбриджскаго университета). Основанный Гарвардомъ въ 1634 году, этотъ университетъ воспиталъ много поколѣній американцевъ. Женская коллегія въ Кэмбриджѣ находится подъ управленіемъ вдовы знаменитаго натуралиста Агассица. Въ коллегіи 263 ученицы, проживающія въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ и его окрестностяхъ. Разъ въ недѣлю онѣ собираются вечеромъ у директриссы на чашку чая. Туда же являются и профессора университета, читающіе лекціи и въ женской коллегіи, и за-

вязывается обыкновенно очень оживленная беседа.

В окрестностях Филадельфии находится другая женская коллегія, Бранъ-Моуръ, основанная въ 1889 году. Положеніе этой коллегіи, по словамъ г-жи Бентсонъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Она окружена лѣсами, полянами и садами и доставляетъ своимъ обитательницамъ всѣ выгоды деревенской жизни, тишины и уединенія для работы, но близость города, въ тоже время, даетъ имъ возможность пользоваться также и развлечениями городской жизни. Въ коллегіи помѣщается не болѣе 150 студентокъ. Приемный залъ убранъ съ большимъ вкусомъ. Въ этомъ залѣ устраиваются часто вечеринки, танцуютъ, бесѣдуютъ. Въ коллегіи посѣщенія допускаются только до 10 часовъ вечера, но посѣтителю обоюго пола имѣютъ совершенно свободный входъ. Вообще, въ коллегіи существуетъ очень мало формальныхъ правилъ, и хотя студентки, отправляясь въ городъ, обязаны увѣдомить объ этомъ директрису, но увѣдомленіе имѣетъ характеръ простой любезности съ ихъ стороны. Свою свободу онѣ не злоупотребляютъ, и, такъ какъ онѣ поступили въ коллегію для того, чтобы работать, то никогда не пропускаютъ уроковъ и не манкируютъ своими обязанностями.

Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ 179 женскихъ коллегій, гдѣ женщины могутъ получать университетскія степени. Число студентокъ въ этихъ коллегіяхъ—24.851 и профессоровъ—2.299; изъ нихъ 577 мужчинъ и 1.648 женщинъ. Нѣкоторыя изъ коллегій, напримѣръ коллегія Уэлльслей, очень обширны. Въ Уэлльслей проживаетъ 700 студентокъ. Коллегія помѣщается на берегу озера, въ огромномъ паркѣ. За 1.700 франковъ въ годъ студентки пользуются въ этой коллегіи не только всѣми средствами

для расширенія своихъ познаній и достиженія ученыхъ степеней, но также и всѣми удобствами и развлечениями. Библіотека коллегіи заключаетъ въ себѣ 40.000 томовъ. Студентки, кромѣ того, состоятъ членами различныхъ клубовъ. Въ коллегіи устраиваются вечера, концерты, конференции, разнаго рода состязанія и прогулки по озеру, и даже театральныя представленія. Въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ въ этой коллегіи получили образованіе до семи тысячъ дѣвушекъ. Изъ нихъ болѣе 500 уже сами сдѣлались профессорами и наставницами. Между прочимъ, изъ этой коллегіи вышло также много женщинъ журналистовъ.

Но самыми любопытными и поучительными для европейца являются, конечно, тѣ американскія коллегіи, въ которыхъ господствуетъ система совмѣстнаго воспитанія. Эта система принята, главнымъ образомъ, въ западныхъ штатахъ, тогда какъ въ большихъ городахъ восточныхъ штатовъ, повидимому, раздѣляютъ еще до нѣкоторой степени европейскія предубѣжденія противъ этой системы. Однако, согласно официальному донесенію Гарриса—«Comissioner of education»—въ Вашингтонѣ, эта система вездѣ дала превосходные результаты и въ смѣшанныхъ школахъ ни разу не пришлось констатировать вредныхъ послѣдствій совмѣстнаго воспитанія. Г-жа Бентсонъ подробно описываетъ посѣщеніе одной изъ такихъ смѣшанныхъ коллегій—коллегіи Галесбургъ, находящейся въ пятичасовомъ разстояніи отъ Чикаго и основанной христіанскими пионерами, имѣвшими цѣлью подготовить евангелическихъ проповѣдниковъ и воспитателей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Это происходило въ 1837 году; въ настоящее же время въ коллегіи насчитывается 600 учениковъ обоюго пола. Коллегія представляетъ цѣлый городокъ, со множествомъ садовъ, бульва-

ровъ и хорошенькихъ зданій. Утро начинается общею молитвою, на которую собираются всѣ ученики и ученицы коллегіи. Въ классахъ молодые люди и молодые дѣвушки обучаются вмѣстѣ, но сидятъ на разныхъ скамьяхъ, хотя никакихъ правилъ на этотъ счетъ не существуетъ. Г-жа Бентсонъ посѣтила классъ латинскаго языка. Преподавательница— молодая дѣвушка, повидямому, пользовалась большимъ вліяніемъ на своихъ учениковъ и ученицъ. Эти послѣднія показались г-жѣ Бентсонъ болѣе развитыми, нежели ихъ товарищи. Между учениками и ученицами и существовали, повидямому, вполне нормальныя товарищескія отношенія, и никакого кокетства и заигрыванія не было замѣтно ни съ той, ни съ другой стороны. Нѣкоторые изъ студентовъ коллегіи обратили на себя вниманіе г-жи Бентсонъ своими мужественными, загорѣлыми лицами. Оказалось, что они явились изъ отдаленныхъ мѣстностей запада, и раньше, чѣмъ поступить въ коллегію заработали себѣ нужныя деньги поденнымъ трудомъ. Г-жа Бентсонъ познакомилась съ редакторомъ одного изъ распространенныхъ еженедѣльныхъ журналовъ, который разсказывалъ ей, что въ вакаціонное время онъ былъ разносчикомъ товаровъ и этимъ способомъ лѣтомъ зарабатывалъ нужную для уплаты въ коллегію сумму. И такъ нѣсколько лѣтъ къ ряду. «Меня называли: честный маленькій разносчикъ», прибавилъ онъ, очевидно, болѣе гордясь этимъ названіемъ, чѣмъ всѣми своими остальными почетными титулами. Во время выставки въ Чикаго многіе изъ такихъ учениковъ коллегіи, пользуясь свободнымъ временемъ, заработали себѣ деньги, служа носильщиками или прислуживая въ ресторанахъ выставки; это не помѣшало имъ потомъ достигнуть ученыхъ степеней. На этихъ деревенскихъ жителей совмѣстное воспитаніе оказы-

ваетъ несомнѣнно благотѣльное вліяніе, такъ какъ постоянное общеніе со студентками дѣйствуетъ на нихъ, незамѣтно для нихъ самихъ, цивилизующимъ образомъ и сглаживаетъ нѣкоторые грубыя черты ихъ характера и обращенія.

Вечеромъ, студенты и студентки, вмѣстѣ со своими профессорами, мужчинами и женщинами, собираются за трапезой. Ужинъ подается на маленькихъ столикахъ, за которые садятся не болѣе семи, восьми человѣкъ, и проходитъ очень весело. Всюду слышится оживленная бесѣда, виднѣются оживленные лица... Несмотря на тщательные разпросы, г-жѣ Бентсонъ не удалось констатировать ни одной тѣневой стороны совмѣстнаго воспитанія въ коллегіяхъ. Всюду царитъ здоровая атмосфера, и каждый, уважая свое собственное достоинство, уважаетъ достоинство другого, помимо всякихъ строгихъ правилъ. Вновь поступающіе въ коллегію очень быстро приспособляются къ общему духу, и никто изъ живущихъ въ коллегіи никогда не позволитъ себѣ совершить ничего такого, что бы могло набросить тѣнь на учрежденіе. Браки между бывшими товарищами по коллегіи, студентами и студентками, не составляютъ рѣдкаго явленія, но обыкновенно заключаются лишь тогда, когда обѣ стороны кончили курсъ и достигли извѣстнаго соціального положенія.

Г-жа Бентсонъ въ своихъ интересныхъ очеркахъ американской жизни рисуетъ намъ нѣсколько портретовъ выдающихся американскихъ женщинъ, съ которыми ей пришлось лично встрѣчаться. Вотъ, наоримъ, мистриссъ Джулія Царль Гове, въ теченіе сорока лѣтъ принимавшая самое дѣятельное участіе въ женскомъ движеніи въ Америкѣ и написавшая нѣсколько замѣчательныхъ работъ по соціальнымъ вопросамъ. Ни въ наружности, ни въ обращеніи мистриссъ Гове не замѣчается и признаковъ экс-

противности. Она производитъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе своими мягкими манерами и звучнымъ нѣжнымъ тембромъ голоса. Она состоитъ президентомъ клуба женщинъ Новой Англіи и пользуется огромнымъ вліяніемъ, которое особенно увеличилось со смертью Люси Стоунъ, президента ассоціаціи американскихъ женщинъ въ пользу уравнинія политическихъ правъ. Исторія мистрисъ Гове очень любопытна. Еще совѣмъ дѣвочкой, она рѣшила отправиться въ университетъ и изучить древнегреческій и древнееврейскій языкъ, для того чтобы имѣть возможность прочесть Библію въ подлинникѣ и убѣдиться самой, дѣйствительно ли священное писаніе предписываетъ полное подчиненіе женщины мужчинамъ. Въ теченіе всего времени своего ученія она сама содержала себя ручнымъ трудомъ и вела жизнь, полную лишений. Кончивъ университетъ, она сначала посвятила себя обученію негровъ-рабовъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ, а затѣмъ въ 1847 году начала свои знаменитыя конференціи о правахъ женщины. Никакія насмѣшки, никакія преслѣдованія ея не останавливали; она сама расклеивала афишы, объявляющія о ея конференціяхъ, и, презирая всѣ опасности, краснорѣчіемъ увлекала толпу своихъ слушателей. Ея счастью, ея мужъ, Генри Блекуэлль, былъ такимъ же сторонникомъ правъ женщины, какъ и она сама. Выйдя за него замужъ, она, однако, не стала носить его имя, и онъ вполне одобрилъ это рѣшеніе, и самъ присоединился къ ея протесту противъ несправедливости закона, по которому мужу предоставляется полная власть надъ личностью, имуществомъ и дѣтьми своей жены. Слѣдуетъ прибавить, что семейная жизнь Генри Блекуэлла и его жены была очень счастлива и въ теченіе сорока лѣтъ своей совмѣстной жизни они считались всегда образцовыми супругами.

Другая, очень интересная, дѣятельница, съ которою насъ знакомить г-жа Бентсонъ въ своихъ очеркахъ, это—миссъ Тикноръ, стоящая во главѣ очень оригинальнаго дѣла. Она основала общество поощренія домашнихъ занятій, въ основу котораго заложена идея необходимости умственной жизни для счастья человѣка. Сначала она просто затѣяла вступить въ корреспонденцію съ молодыми дѣвушками, кончившими ученіе, но желающими далѣе развивать свой умъ чтеніемъ. Миссъ Тикноръ предлагала руководить выборамъ книгъ, и между ея корреспондентками и ею происходилъ весьма оживленный обменъ мыслей по поводу прочитаннаго, и мало-по-малу у нея возникла идея расширить это дѣло и, путемъ такой корреспонденціи, дать возможность женщинамъ, удаленнымъ отъ умственныхъ центровъ и осужденнымъ вращаться въ кругу узкихъ домашнихъ интересовъ, принимать участіе въ умственной жизни. Въ 1873 году записалось уже 45 женщинъ, желавшихъ вступить въ такую корреспонденцію, и шесть женщинъ-профессоровъ взяли на себя трудъ руководить ихъ занятіями. Въ настоящее же время уже 190 женщинъ-профессоровъ ведутъ переписку съ 423 женщинами, проживающими въ разныхъ мѣстахъ. Общество учредило 46 клубовъ, гдѣ идетъ совмѣстная работа. Корреспондентка уплачиваетъ очень небольшое годовое вознагражденіе, которое покрываетъ почтовые расходы по разсылкѣ брошюръ и книгъ. Занятія распадаются на шесть отдѣловъ: исторія, куда входитъ также изученіе классической литературы и политической экономіи; естественныя науки, изящныя искусства, затѣмъ идутъ новѣйшіе языки и литература. Въ жизни многихъ женщинъ эта возможность умственнаго общенія служитъ большимъ утѣшеніемъ; она поддерживаетъ ихъ связь съ остальнымъ міромъ, куда бы ни забросила

ихъ судьба, и помогаетъ имъ удовлетворить свою умственную жажду. Между корреспондентками можно встрѣтить женщинъ самаго разнообразнаго соціального положенія. Одна изъ нихъ, на примѣръ, написала слѣдующія трогательныя строки: «Переписавъ вечеромъ свой урокъ и пришила къ его къ стѣнкѣ моей кухни, я уже не скучаю, когда мнѣ приходится перемывать кухонную посуду...»

Случается, что такая переписка продолжается десять-двѣнадцать лѣтъ; между переписывающимися возникаетъ прочная дружба и онѣ оказываютъ другъ другу всевозможныя взаимныя услуги. Но, самое главное, эта переписка даетъ возможность заброшеннымъ судьбою въ отдаленныя уголки страны, лишеннымъ всякой умственной пищи, не прерывать духовной связи съ центрами умственного движенія и не допускаетъ ихъ погрязнуть окончательно въ омутѣ мелкихъ домашнихъ заботъ и непріятностей обыденной жизни.

Въ сентябрьской книжкѣ журнала «Forum» помѣщена статья д-ра Гайса о школьныхъ экскурсіяхъ, устроенныхъ въ этомъ году въ южныхъ штатахъ Америки. Статья эта тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что въ ней указывается на то, какимъ важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ воспитанія могутъ служить экскурсіи учениковъ подъ руководствомъ опытныхъ учителей. Въ Германіи школьныя экскурсіи давно уже пріобрѣли большую популярность и составляютъ во многихъ школахъ постоянную принадлежность программы воспитанія. Докторъ Гайсъ, будучи въ Іенскомъ университетѣ, участвовалъ однажды въ такой экскурсіи, устроенной школами, стоящими въ связи съ университетомъ. Экскурсія продолжалась цѣлую недѣлю и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Вернувшись въ Америку, докторъ Гайсъ разсказалъ объ этой

экскурсіи начальнику школъ въ штатѣ Индіана, и тому чрезвычайно понравилась идея устройства школьныхъ путешествій и онъ рѣшилъ организовать такую же экскурсію черезъ штатъ Индіану въ Виргинію. Родители учениковъ не только отнеслись въ высшей степени сочувственно къ этой идее, но даже многіе изъ нихъ предложили доставить всѣ нужныя средства для устройства этой экскурсіи. Организовалась партія въ 78 членовъ, въ составъ которой вошли ученики и ученицы какъ высшихъ, такъ и низшихъ школъ, а также учителя, доктора и стенографъ. Многіе изъ этихъ учениковъ и ученицъ, и даже нѣкоторые изъ учителей никогда не выѣзжали за предѣлы своего родного города; были и такіе, которымъ ни разу еще въ жизни не приходилось ѣздить на пароходѣ или же по желѣзной дорогѣ. Экскурсія продолжалась семь дней. Въ главныхъ центрахъ путешественники останавливались на болѣе или менѣе долгое время для осмотра. Въ Ричмондѣ устроены были публичныя чтенія по географіи и исторіи, но и во время самаго путешествія учителя старались знакомить своихъ учениковъ съ географіей и исторіей тѣхъ мѣстностей, по которымъ пролегалъ ихъ путь. Успѣхъ этой экскурсіи былъ такъ великъ, что тотчасъ же вызвалъ подражаніе, и въ настоящее время такія экскурсіи вошли уже въ обычай во многихъ штатахъ. Единственная слабая сторона этихъ экскурсій, по мнѣнію доктора Гайса, заключается въ неподготовленности къ нимъ какъ учениковъ, такъ и учителей. Докторъ Гайсъ говоритъ, что въ Германіи, задолго до такой экскурсіи, начинается подготовка къ ней учениковъ путемъ специальныхъ бесѣдъ съ ними, во время которыхъ обсуждается планъ путешествія по картѣ и намѣчаются главные пункты для осмотра. Любознательность учениковъ пробуждается во время этихъ бесѣдъ и умъ

ихъ дѣлается особенно воспримчивымъ къ новымъ впечатлѣніямъ.

Подготовка учителей заключается въ томъ, что всѣ они вмѣстѣ составляютъ планъ путешествія, знакомятся съ путеводителями и описаніями тѣхъ мѣстностей, по которымъ пролегалъ ихъ путь, и затѣмъ распредѣляютъ между собою дни и предметы занятій во время экскурсіи. Каждый учитель выбираетъ съ общаго согласія день своихъ занятій съ учениками и устанавливаетъ программу, отъ которой уже не отступаетъ ни на шагъ; затѣмъ онъ тщательно готовится къ этой программѣ и подробно изучаетъ во всѣхъ отношеніяхъ ту мѣстность, относительно которой ему придется бесѣдовать со своими учениками. Учитель обязанъ сообщить своимъ ученикамъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся этой мѣстности, историческія, географическія, геологическія, ботаническія и т. д., и такія наглядныя, практическія лекціи имѣютъ всегда особенный интересъ для учениковъ и въ значительной степени способствуютъ расширенію ихъ кругозора.

Школьные поѣздки пріобрѣли въ настоящее время право гражданства не въ одной только Германіи; въ Англіи, Франціи, Швейцаріи они устраиваются съ такимъ же успѣхомъ, и намъ остается только пожелать, чтобы и у насъ въ Россіи онѣ также слѣлались составною частью воспитательной программы нашихъ учебныхъ заведеній.

Въ настоящее время, когда интересъ къ двумъ державамъ крайняго востока сильно возросъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, въ періодической печати обѣихъ частей свѣта возникъ большой спросъ на всякаго рода статьи, касающіяся Китая и Японіи. Въ американскихъ и европейскихъ журналахъ появилась масса описаній, этнографическихъ и историческихъ статей, путешествій, знако-

мящихъ читающую публику съ двумя соперницами востока. Въ «Century», напримѣръ: появилось небезынтересное описаніе поѣздки по Китаю двухъ американскихъ велосипедистовъ, которые, между прочимъ, имѣли возможность бесѣдовать съ вице-королемъ Ли-Хунгъ-Чангомъ. Ли-Хунгъ-Чангъ, какъ извѣстно, считается представителемъ партіи прогресса въ Китаѣ. Его власть и вліяніе въ Китаѣ были настолько велики до наступленія китайско-японской войны, что въ европейской печати его называли «китайскимъ Бисмаркомъ», такъ какъ онъ считался очень искуснымъ дипломатомъ. Однако, послѣ цѣлаго ряда неудачъ и пораженій китайскаго войска, вліяніе Ли-Хунгъ-Чанга сильно пошатнулось въ Китаѣ, онъ впалъ въ немилость при дворѣ, и престижъ его сильно поколебался. Вышеупомянутые два американца посѣтили его незадолго до начала войны и, слѣдовательно, тогда, когда звѣзда его стояла еще очень высоко.

Ли-Хунгъ-Чангъ принялъ американцевъ очень любезно и произвелъ на нихъ очень благопріятное впечатлѣніе. Между прочимъ онъ спросилъ, какую изъ странъ, которыя имъ пришлось проѣзжать, они находятъ самой лучшей? Американцы отвѣчали, что они считаютъ Америку во многихъ отношеніяхъ самою лучшею и величайшею страной въ свѣтѣ. «Но если такъ. — воскликнулъ Ли-Хунгъ-Чангъ, — если ваша страна лучше всѣхъ, то зачѣмъ же вы отправились осматривать другія страны?» — «Но если бы мы не видѣли другихъ странъ, то мы бы никогда не узнали, что Америка лучше всѣхъ. Теперь мы въ этомъ убѣдились», отвѣчали ему путешественники. Ли-Хунгъ-Чангу отвѣтъ этотъ очень понравился. Затѣмъ онъ сталъ спрашивать о Персіи, которую тѣ недавно посѣтили, и особенно интересовался ихъ мнѣніемъ о шахѣ персидскомъ. Онъ спросилъ путешественни-

ковъ, какъ они думаютъ, намѣрена ли Россія завладѣть Персией и Китайской провинціей Или, но на это путешественники не могли дать ему положительнаго отвѣта, такъ какъ намѣренія Россіи имъ были неизвѣстны. Ли-Хунгъ-Чангъ очень заинтересовался велосипедами, на которыхъ американцы совершили свою поѣздку. Онъ подробно разспрашивалъ ихъ объ этой поѣздкѣ и очень удивился, что ихъ ни разу не ограбили, хотя они проѣхали черезъ всю Китайскую имперію. Американцы отвѣчали ему, что населеніе во многихъ мѣстахъ смотрѣло на нихъ враждебно, но такъ какъ они имѣли видъ странствующихъ нищихъ, то ни разу не было сдѣлано попытки ихъ ограбить и даже, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ подавали милостыню. Въ концѣ бесѣды Ли-Хунгъ-Чангъ спросилъ ихъ, что они думаютъ дѣлать, когда вернутся въ Америку, и существуетъ ли у нихъ въ Америкѣ обычай покупать должности. Американцы должны были сознаться, что иногда это бываетъ. «О, какъ это нехорошо для американской политики!» воскликнулъ Ли-Хунгъ-Чангъ и прибавилъ: «Но, я думаю, что вы сдѣлаетесь настолько знаменитыми, благодаря своему путешествію, что вамъ не надо будетъ покупать себѣ должность—вы и такъ получите ее. Вы оба молоды и потому для васъ еще все впереди».

Ли-Хунгъ-Чангъ показалъ американцамъ большіе портреты извѣстнаго пушечнаго фабриканта Круппа, Армстронга и генерала Гордона, которыми была украшена его приемная зала. Почему именно эти три лица удостоились такого особеннаго отличія съ его стороны, онъ не объяснилъ, но, во всякомъ случаѣ, американцы видѣли, что онъ особенно интересуется военнымъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи, однако, они не могли доставить ему никакихъ интересныхъ свѣдѣній и поэтому раскланялись съ нимъ, поблагодаривъ его

за любезный приемъ. Изъ своей бесѣды съ нимъ оба иностранца вынесли впечатлѣніе, что Ли-Хунгъ-Чангъ играетъ роль посредника между европейскимъ прогрессомъ и консерватизмомъ страны.

Германія всегда считалась страной, въ которой культъ семейныхъ добродѣтелей находится на особенной высотѣ и отчасти, благодаря этому специальному культу, нѣмцы такъ противятся тому, чтобы женщины переступали за предѣлы семейныхъ обязанностей и искали другого поприща и другой дѣятельности, кромѣ той, которая отводится имъ въ семьѣ. Такое направленіе особенно рѣзко выражается въ Пруссіи, гдѣ женщинамъ крайне трудно добиться расширенія своихъ правъ. Прусскіе университеты упорно не желаютъ открывать свои двери женщинамъ и каждой нѣмкѣ съ малыхъ лѣтъ внушается, что она должна стремиться не къ приобретенію научныхъ свѣдѣній, а только свѣдѣній по хозяйству и домоводству. Хорошая хозяйка—«Hausfrau», какъ говорятъ нѣмцы—это идеалъ всякаго благонамѣреннаго нѣмца и такъ какъ таковъ же идеалъ и самого главы прусскаго государства, императора Вильгельма II, то естественно нѣмки имѣютъ весьма мало шансовъ выбиться изъ того подчиненнаго положенія, въ которое они поставлены условіями современной жизни Германіи. Любопытныя свѣдѣнія о взглядахъ императора Вильгельма на женскій вопросъ и о молодой германской императрицѣ сообщаются въ очеркѣ придворной жизни въ Германіи, помѣщенномъ въ журналѣ «Young Woman». Императоръ Вильгельмъ, по словамъ автора этого очерка, посвященнаго очевидно въ интимную жизнь двора, открыто высказываетъ свое несочувствіе стремленіямъ женщинъ къ эмансипаціи. Ученая женщина возбуждаетъ его отвращеніе. Онъ часто говоритъ, что женщина должна умѣть хорошо готовить супъ, варить варенье,

штопать носки и шить платье дѣтямъ; все же, что выходитъ за предѣлы домашней дѣятельности, ея не касается. Молодая императрица вполне удовлетворяетъ въ этомъ отношеніи идеалу своего супруга и онъ недавно выразился, что для блага германской націи онъ желалъ бы, чтобъ каждая нѣмка елѣдоаала примѣру императрицы Августы Викторіи и культивировала бы семейныя добродѣтели, т. е. чтобы весь районъ ея дѣятельности ограничивался областью трехъ «К» — «dreі К», какъ онъ выразился, «Kirche, Kinder, Kūche» (церковь, дѣти и кухня). Императрица Августа-Викторія дѣйствительно всецѣло посвящаетъ себя культу трехъ «К». Она встаетъ всегда въ 6 часовъ утра и первымъ дѣломъ сама варитъ своему супругу кофе и сама подаетъ ему. Конечно, ей не приходится хозяйничать въ ея положеніи и ходить на кухню, но тѣмъ не менѣе она все же заботится о томъ, чтобы къ обѣду или ужину были приготовлены любимыя блюда ея супруга. Обученіе домашнему хозяйству, штопаніе и шитье входили въ программу ея воспитанія, какъ и всякой другой германской дѣвушки, и хотя ей не приходится въ настоящее время утилизировать свои хозяйственныя познанія, но тѣмъ не менѣе она сама смотритъ за бѣльемъ своего супруга, пришиваетъ оторванныя пуговицы, чинитъ бѣлье и даже, какъ увѣряютъ при дворѣ, штопаетъ носки. Императрица — прекрасная мать и никогда не оставляетъ своихъ дѣтей, ни во время ихъ занятій, ни во время игры. Дѣти ее обожаютъ и ихъ отношеніе къ ней очень трогательно выразилось въ слѣдующемъ отвѣтѣ ея старшаго сына пастору, который во время урока закона Божія старался ему внушить, что всѣ люди грѣшны. — «пожалуй, я готовъ допустить, что папа грѣшникъ, сказалъ маленький принцъ, но ужъ вы меня никогда не увѣрите, что мама моя грѣшница».

Разъ въ недѣлю, вечеромъ, импе-

ратрица собираетъ у себя молодыхъ придворныхъ дамъ и дѣвушекъ; всѣ приходятъ съ работой, шьютъ или вяжутъ для бѣдныхъ. Иногда кто-нибудь читаетъ вслухъ, но большею частью время проводятъ въ интимной бесѣдѣ о разныхъ домашнихъ дѣлахъ. Императрица любитъ дѣлиться своими хозяйственными познаніями съ молодыми дамами и всегда готова дать имъ дружескій совѣтъ. Въ началѣ десятиаго часа всѣ расходятся, такъ какъ императрица никогда не ложится позже половины одиннадцатаго, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она бываетъ въ театрѣ или же присутствуетъ на придворномъ балу.

Передъ сномъ императрица раскрываетъ свой дневникъ и вписываетъ въ него все, что произошло въ этотъ день, а также, вѣроятно, повѣряетъ ему свои сокровенныя мысли. Въ этотъ дневникъ никто не заглядываетъ, кромѣ императора, который имѣетъ право читать его во всякое время. Такъ мирно и незамѣтно протекаетъ жизнь молодой императрицы, желающей своимъ примѣромъ показать своимъ поданнымъ женскаго пола, къ какому... легко достижимому идеалу онѣ должны стремиться.

Шиллеръ всегда считался лучшимъ изъ братьевъ и лучшимъ изъ сыновей; его привязанность къ семьѣ была въ высшей степени трогательной. Всего дружѣе онъ былъ со своей сестрой Христофиной, которая была на два года старше его. Объ этой любимой сестрѣ Шиллера въ журналѣ «Dahem» сообщаются не лишены интереса біографическія свѣдѣнія. Христофина была другомъ и повѣреннымъ своего брата и имѣла на него большое вліяніе. Она чрезвычайно гордилась его успѣхами и была единственнымъ членомъ семьи, которому онъ повѣрялъ всѣ свои планы, надежды, разочарованія. Она убѣдила его оставить герцога, и когда Шиллеръ уѣхалъ, то письма ея служили ему большою под-

держкою и утѣшеніемъ. Эта переписка случайнымъ образомъ имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу Христофины. Когда Шиллеръ находился въ Бауэрбахѣ, гдѣ его пріютила г-жа фонъ-Фольцгенъ, то онъ познакомился съ секретаремъ Мейнингенской библиотеки Рейнвальдомъ и однажды зашелъ къ нему посидѣть, но не засталъ его и остался его подождать. Чтобы не соскучиться ожиданіемъ, Шиллеръ сталъ перечитывать письма, полученные имъ изъ дому, но, такъ какъ Рейнвальдъ все не возвращался, то Шиллеръ, наконецъ, ушелъ, но по разсѣянности оставилъ одно изъ писемъ своей сестры Христофины на столѣ Рейнвальда. Рейнвальдъ, вернувшись, нашелъ это письмо и прочелъ его; оно ему до такой степени понравилось, что онъ обратился черезъ посредство Шиллера, съ просьбою къ его сестрѣ позволить ему вступить съ нею въ переписку. Та разрѣшила и между ними завязалась переписка, которая кончилась тѣмъ, что Рейнвальдъ появился въ домъ отца Шиллера и въ концѣ концовъ сталъ просить руки его дочери Христофины. Рейнвальдъ не принадлежалъ къ числу баловней судьбы; ему пришлось много вытерпѣть въ жизни и тяжелый трудъ отразился самымъ вреднымъ образомъ на его здоровьи, зрѣніе его ослабѣло, и характеръ его испортился. Христофина знала все это, но тѣмъ не менѣе согласилась выйти за него замужъ и внести солнечный лучъ въ его печальное существованіе. Трудно было разсчитывать на особенное счастье съ человѣкомъ большимъ и раздражительнымъ; кромѣ того, Рейнвальдъ былъ старше Христофины на двадцать лѣтъ. Но Христофина принадлежала къ числу такихъ женскихъ натуръ, которыя чувствуютъ потребность самоотверженія, и вся ея супружеская жизнь была именно такимъ подвигомъ самоотверженія. Христофина сама въ себѣ носила источникъ счастья и умѣла дѣлать счастливыми другихъ. Она была

очень даровитой отъ природы, и братья ея очень цѣнили ея сужденія и ясный взглядъ на вещи. Онъ часто обращался къ ней за совѣтомъ. Самымъ любимымъ ея развлеченіемъ было рисованіе; она очень недурно владѣла кистью и карандашомъ и между прочимъ набросала рисунки къ знаменитой «Lied von der Glocke». Она умерла въ глубокой старости, 90 лѣтъ, окруженная любовью и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ ее. Большую часть своей жизни она провела въ Мейнингенѣ. Герцогъ Мейнингенскій назначилъ ей пенсію послѣ смерти ея мужа. Въ ея скромномъ жилищѣ, украшенномъ ея рисунками и семейными портретами, а также массою растений и цвѣтовъ, не переводились посѣтители. Всѣ считали за честь бывать у сестры Шиллера и всѣмъ хотѣлось услышать отъ нея рассказы о знаменитомъ братѣ, который всегда оставался для нея лучшимъ и величайшимъ изъ людей.

Современная литература изобилуетъ разнаго рода произведеніями, рисующими отдаленное будущее человѣчества, и въ этихъ произведеніяхъ всегда отражается тенденція самаго автора. Одни рисуютъ это будущее довольно таки мрачными красками, другіе, наоборотъ, ожидаютъ осуществленія въ будущемъ всѣхъ своихъ социальныхъ идеаловъ. Ученые предвидятъ, конечно, окончательное, полное, торжество науки, представителемъ которой служить. Такъ, напримѣръ, знаменитый химикъ, профессоръ Бертелло, статью котораго цитируетъ «Revue des Revues» предсказываетъ полнѣйшую метаморфозу животной, социальной и интеллектуальной жизни человѣчества въ 2000 году. Человѣкъ будущаго будетъ питаться только веществами, приготовляемыми искусственно, химическимъ путемъ. Онъ будетъ ѣсть искусственное мясо, искусственную муку, искусственные овощи. Вина и ликеры, которые онъ будетъ пить, будутъ приготовляться химическимъ

путемъ, даже табакъ онъ будетъ курить искусственный, а не тотъ, который доставляется природой. Последствія такого порядка вещей ясны сами по себѣ: исчезнуть съ лица земли поля, стада домашнихъ и животныхъ, огородничество и садоводство перейдутъ также въ область воспоминаній. Къ чему воздѣлывать землю, когда элементы, входящіе въ составъ всѣхъ питательныхъ веществъ, находятся всюду. Это: углеродъ, водородъ, кислородъ и азотъ, различныя комбинаціи которыхъ образуютъ все то, чѣмъ мы питаемся въ настоящее время. Благодаря быстрымъ успѣхамъ синтетической химіи, мы скоро будемъ въ состояніи воспроизводить, по желанію, всѣ питательныя вещества. «Я не только увѣренъ въ этомъ, — говоритъ профессоръ Бертело, — но ни на минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что наступитъ такое время, когда молоко, мясо, яйца, мука и т. д. будутъ приготовляться на фабрикахъ. Вся наша наука неуклонно стремится къ этой цѣли. Да и почему же не дѣлать этого, если будетъ доказано, что эти продукты, изготовленные искусственнымъ путемъ, обойдутся дешевле и доставятъ меньше хлопотъ, нежели получаемые путемъ естественной культуры. Первый шагъ уже сдѣланъ, а вѣдь только первый шагъ труденъ. Я не общаю вамъ теперь же приготовить искусственный бифштексъ и не общаю вамъ, что этотъ бифштексъ будетъ походить на тотъ, который продаетъ намъ мясникъ и приготовляетъ наша кухарка. Но, съ химической точки зрѣнія, также какъ и съ точки зрѣнія питанія и пищеваренія, вы получите то же самое вещество. Форма, вѣроятно, будетъ другая, такъ какъ искусственный бифштексъ будетъ имѣть форму пластинки, но пластинка эта будетъ имѣть желаемый видъ и цвѣтъ, и будетъ удо-

влетворять самому прихотливому вкусу. Кромѣ того «бифштексъ будущаго» будетъ имѣть то преимущество, что онъ никогда не будетъ твердъ...».

Профессоръ Бертело очень подробно разбираетъ выдающуюся роль, которую играетъ химія въ питаніи человѣка. Первобытный человѣкъ ѣлъ сырое мясо и овощи; но какъ только онъ научился добывать огонь и сталъ поджаривать и варить свои овощи и мясо, то онъ уже этимъ самымъ ввелъ химію въ систему своего питанія, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше расширялась область примѣненія химіи. Въ настоящее время многіе изъ ингредиентовъ, входящихъ въ составъ нашей пищи, суть химическіе продукты. Теперь химіи остается сдѣлать еще одинъ шагъ и изготовлять уже не однѣ только нѣкоторыя составныя части пищи человѣка, а цѣликомъ всѣ питательныя вещества. Профессоръ Бертело предсказываетъ, какъ въ будущемъ превращеніе нашего земного шара въ громадную фабрику, гдѣ будутъ искусственнымъ образомъ изготовляться всѣ продукты нашего питанія. Что же касается угля, запасы котораго въ нѣдрахъ земли, повидному, начинаютъ истощаться, то въ немъ также не будетъ существовать потребности. Нужное количество тепла будетъ доставляться изъ центра земли остальное же все сдѣлаетъ электричество!

Профессоръ Бертело уже добылъ синтетическимъ путемъ нѣкоторые жиры и масла; теперь онъ работаетъ надъ синтезомъ сахаристыхъ веществъ, углеводовъ и скоро намѣренъ перейти къ азотистымъ соединеніямъ. Углеродъ, добытый изъ углекислоты, кислородъ и водородъ, добытые изъ воды, азотъ, добытый изъ воздуха — вотъ главные и единственные элементы, изъ которыхъ будутъ фабриковаться всѣ нужные для питанія будущаго человѣчества продукты.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

